Русский Революционный Архив

Из архива группы «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Выпуск 1

Переписка

1883–1897 гг.

Слева-направо: Розалия Марковна Плеханова, Лидия Георгиевна Плеханова (по мужу - Savoureux), Георгий Валентинович Плеханов, Евгения Георгиевна Плеханова (по мужу - Batault).

Министерство культуры
Российской Федерации

Федеральное архивное агентство

Российский государственный архив
социально-политической истории

Отдел научно-информационной работы
и научно-справочного аппарата
Кабинет Бориса Николаевского

Российская национальная библиотека
Дом Плеханова

International Institute of Social History

Институт общественной мысли

Русский Революционный Архив

Из архива группы «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча

Выпуск 1

1883–1897 гг.

Ответственный редактор
П.Ю. Савельев

МОСКВА
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
2009

ББК 63.3(2)51
И32

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проекты № 04–01–00226а и № 08-01-16129д*

Серия:
Русский революционный архив

И32 **Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883–1897 гг.** / Отв. ред. П.Ю. Савельев; рабочая группа Э. Вагенаар (Els Wagenaar) (Голландия), Н.В. Макаров, А.П. Ненароков, М.В. Пронина, И.В. Смирнова, С.В. Тютюкин, Т.И. Филимонова. М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 549 с. [Русский революционный архив].

ISBN 978-5-88451-249-8

Книга включает в себя переписку Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Эти материалы рассказывают о деятельности группы «Освобождение труда».

Основу сборника составляют ранее не публиковавшиеся документы из отечественных и зарубежных архивов, связанные с основными, уже известными документальными комплексами.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-88451-249-8

СОДЕРЖАНИЕ

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

ПРИЛОЖЕНИЕ
Переписка членов группы «Освобождение труда» с Грозовским (Лео Иогихесом). 1891–1892 гг.

Предисловие составителей

Эта книга продолжает публикацию серии «Русский революционный архив» (РРА), начатую в 2006 г. сборником «Из архива П.Б. Аксельрода» и продолженную в 2007 г. двумя выпусками сборника «Из архива А.Н. Потресова»[1].

Напомним, что идея документальных выпусков такого рода родилась весной 1923 г. в среде меньшевиков-эмигрантов, проживавших в Берлине. Душой этого проекта стал Б.И. Николаевский. Идею поддержали созданные в большевистской России Институты Маркса и Энгельса (ИМЭ), Ленина и Истпарт, занятые в начале 20-х гг. прошлого столетия выявлением и публикацией материалов по истории революционного и социал-демократического движения в России и Европе, документов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. В течение некоторого времени представители Институтов вели переговоры с авторами проекта, и 8 октября 1923 г. был подписан соответствующий договор между редакцией «Русского революционного архива» и Госиздатом РСФСР, по условиям которого практически весь тираж (5000 из 5325 экземпляров) приобретался последним для последующего распространения в Советской России[2].

В день подписания договора Б.И. Николаевский поделился новостью с Р.М. Плехановой, вдовой выдающегося русского философа и революционера, одного из основателей первой российской марксистской организации – группы «Освобождение труда» и РСДРП Г.В. Плеханова, и кратко охарактеризовал в письме состав будущих сборников. Так, в первый том предполагалось включить письма Ю.О. Мартова и П.Б. Аксельрода за 1901–1916 гг.[3]. Вторая книга, охватывающая период 80–90-х гг. XIX в., должна была содержать корреспонденцию и документы, относящиеся к деятельности русской социал-демократии в России и эмиграции[4]. В декабре того же года, отвечая на вопрос Р.М. Плехановой о возможной структуре томов, предназначенных для публикации переписки, Николаевский предлагал следующую схему: 1) ранний период – до 1885 г., когда укреплялись связи группы «Освобождение труда» с Россией, издание «Работника» и создание «Союза русских социал-демократов»; 2) период «Работника» и «Союза» до раскола в 1900 г.; 3) «Искровский» период до II съезда РСДРП; 4) период после II съезда до Лондонского (1907); 5) период издания журнала «Голос социал-демократа»[5]. Представленный в таком виде план издания имманентно содержал в себе идею включения в него документов из архива Плеханова. Поэтому вопросы, связанные с подготовкой материалов для изданий «Русского революционного архива», неслучайно являлись предметом самого пристального внимания и детального обсуждения в ходе длившейся с 1923 по 1934 г. переписки Николаевского и Плехановой.

Собирание же литературного и документального наследия Плеханова началось задолго до описываемых событий. Спустя полгода после смерти Плеханова его супруга из-за болезни дочери вынужденно покидает Россию, и тогда же семья Плехановых начинает поистине титаническую работу по восстановлению целостности архива Георгия Валентиновича и сбору материалов, связанных с его творчеством и революционной деятельностью. В соответствии с завещанием Георгия Валентиновича все имущественные права, включавшие права на будущие издания его трудов, личные архив и библиотеку переходили по наследству его вдове Р.М. Плехановой и дочерям Л.Г. Плехановой и Е.Г. Бато-Плехановой. Еще в августе 1918 г., спустя три месяца после смерти Георгия Валентиновича, от имени В.И. Ленина советское правительство обратилось к его наследникам с предложением начать издание трудов Плеханова и просьбой о передаче архива и библиотеки Плеханова Советской России. Предложение об издании трудов Плеханова было принято, соответствующий договор Розалия Марковна подписала с заведующим научным отделом Наркомпроса Д.Б. Рязановым[6], и первый том его сочинений появился уже в 1919 г. (это было переиздание сборника, впервые увидевшего свет в Женеве в 1905 г.). Однако предложение Рязанова обсудить вопрос об архиве и библиотеке не просто осталось без ответа: на него был получен категорический отказ. Причиной были воспоминания о событиях 1917 г.[7], в которых, как считала Розалия Марковна, виновны большевики.

За рубежом в издании литературного наследства Плеханова также не наблюдалось заметного прорыва по причинам материального свойства. Друзья и единомышленники Плехановых обращались к русским политэмигрантам за финансовой поддержкой. Но на собранные деньги удалось издать лишь сборник статей Плеханова 1917–1918 гг.[8] и перевезти в Париж хранившиеся в Женеве и Сан-Ремо архив и библиотеку Георгия Валентиновича. Ряд европейских исследовательских и научных центров и учреждений обращались с просьбой продать или временно разместить у них архив и библиотеку Плеханова. В их числе неизменно был и московский Институт Маркса и Энгельса. Вопросы об издании произведений Г.В. Плеханова, установке на его могиле бюста и об оказании материальной помощи его семье с июля 1921 по апрель 1922 г. неоднократно обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК РКП (б)[9]. Тогда же был решен вопрос о командировании за партийный счет в Париж одного из основателей группы «Освобождение труда» Л.Г. Дейча. Официальной целью поездки было оказание помощи в разборе архива Плеханова, уже перевезенного из Женевы и Сан-Ремо, однако миссия Дейча на этом не заканчивалась: ему предстояло еще раз повторить просьбу и попытаться убедить наследников Георгия Валентиновича передать плехановские документы Советскому государству. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, поездка оказалась весьма нелегкой и удалась не полностью: участие в разборе архива заняло почти год (1922–1923 гг.), а роль посредника была выполнена лишь частично. Получить согласие Р.М. Плехановой на передачу архива и библиотеки Советскому Союзу Лев Григорьевич так и не смог. Благодаря усилиям Дейча удалось решить вопрос о публикации Государственным издательством (ГИЗ) материалов из архива Плеханова в сборниках «Группа "Освобождение труда"» (сб. 1–6. М.; Л., 1923–1928). Они должны были выходить под независимой редакцией Дейча и при участии Плехановой. С 1923 г. – параллельно, тремя тиражами, – ГИЗ начал печатать «Сочинения» Плеханова в 27 томах под редакцией Д.Б. Рязанова, а отдельные его работы пу-

бликовались в периодических изданиях и тематических сборниках[10]. Что касается эпистолярного наследия членов группы «Освобождение труда», оно стало издаваться в упомянутых выше сборниках Дейчем, хотя не все сохранившиеся документы оказались в распоряжении редакции. Уже в первом сборнике (1923) были опубликованы письма Дейча к Аксельроду; во втором (1924) начата публикация его писем к членам группы из тюрем и ссылки (продолжена в пятом); в третьем (1925) – письма Плеханова к Засулич; в четвертом (1926) – Засулич к Плеханову (продолжена в пятом и шестом); в пятом (1926) – Аксельрода к Дейчу и Засулич. Не умаляя заслуг Дейча в поиске, систематизации и датировке этих писем, приходится отметить некоторую поспешность и даже небрежность публикатора, весьма вольное отношение к документам (некоторые из них печатались со значительными купюрами) и явно недостаточный комментарий, как правило, опиравшийся на его собственные воспоминания.

Среди тех, кто помогал Плехановым в розыске документов, был и Николаевский[11]. В архивах Германской социал-демократической партии и редакциях газет, с которыми когда-то сотрудничал Георгий Валентинович, ему удалось найти целый ряд материалов, включая письма Плеханова к Ф. Энгельсу и Р. Фишеру. Были сняты копии с писем, оставшихся в архиве Аксельрода после обмена документами, осуществленного Плехановой и Аксельродом. Тогда-то и родилась идея издания переписки Плеханова и Аксельрода в «Русском революционном архиве»[12]. Возможность совместной публикации материалов, предназначенных для «Русского революционного архива» в московских сборниках «Группа «Освобождение труда»» одинаково отвергалась как членами редакции, так и Аксельродом[13]. В апреле 1924 г. Николаевский уведомлял Розалию Марковну «о неиздании по ее просьбе» писем Плеханова в готовящихся в Москве сборниках[14]. К этому времени под грифом «РРА» в Берлине уже вышли в свет книги «Письма Ю.О. Мартова и П.Б. Аксельрода» и «Из архива П.Б. Аксельрода», и в связи с этим выявились весьма существенные разногласия между большевистскими и меньшевистскими участниками этой работы. Речь шла об оценках принципиальных моментов истории российской социал-демократии, характеристиках ее деятелей, общем отношении к документальному эпистолярному наследию[15]. Поэтому, когда Николаевский в начале июня 1924 г. предложил Н.С. Ангарскому издать переписку Плеханова и Аксельрода, у Ангарского возникли большие сомнения. В ряде писем А.Я. Аросеву и Л.Б. Каменеву он сформулировал следующие предложения: книга должна быть издана в Москве (издательство «Книга» или «Новая Москва») при предварительной цензуре рукописи, на титуле не должно быть грифа «РРА», составителям выплачивается обычный гонорар. «*Я против издательства «Рев[олюционного] архива», против предоставления меньшевикам самим издавать книгу и за обязательное предоставление корректур,* – писал он Аросеву. – *Николаевский высказал свое принципиальное согласие и ждет лишь ответа от Плехановой, которая претендует на то, чтобы на книге стояла ее фамилия*»[16].

Розалия Марковна согласилась на предложения Ангарского, еще раз поставив условием, чтобы на книге стояло: «издание Плехановой». Но дальше возникли затруднения. Она категорически отказалась отправить для разбора в Москву сам архив Плеханова, предложила разбирать его в Париже П.А. Берлину (Николаевский, с ее точки зрения, был человеком слишком «партийным», членом Заграничной делегации меньшевиков, а Берлин лишь сочувствовал меньшевикам, но ни в какие организации не входил), а печатать в Москве под ре-

дакцией Дейча[17]. В противовес идее Ангарского о создании второй, московской редакционной коллегии сборника (по сути – цензуры) Плеханова настаивала на редактировании Дейча и жаловалась Берлину на непочтительное отношение Ангарского к «старику» (Дейчу). Объясняя свою позицию, Ангарский писал Аросеву: «*Я сомневался в его компетентности и убоялся обращения архива в автобиографию Дейча: будет примечать, где он, Дейч, был тогда, когда Плеханов писал статью о Белинском, и что в это время делал Дейч и о чем он думал; что же касается программных статей, то Дейч в них вряд ли разбирается*»[18]. Он предложил такой выход: составить редакцию из Дейча, Ангарского и Л.И. Аксельрод.

Проблема успешно разрешилась благодаря позиции П.Б. Аксельрода, который категорически отказался предоставлять свои письма, если издание будет редактировать Дейч. В январе 1925 г. Николаевский, объясняя его позицию, писал в ИМЭ: «*П.Б. Аксельрод просит меня сообщить Д.Б. Рязанову, что его старое письмо в сборнике Дейча напечатано не только без его, А[ксельрода], согласия, но и без его ведома. Сам П[авел] Б[орисович], считая себя связанным договором, согласия не дал бы*»[19]. А в мае он же писал: «*П.Б. Аксельроду сообщили, что Д.Б. Рязанов недоволен тем, что неизданные вещи из наследства П[авла] Б[орисовича] появляются в др. изданиях. В связи с этим я считаю нужным указать, что вины П.Б. Аксельрода в этом нет никакой. Чем, в самом деле, может быть недоволен Д.Б. Рязанов? Об отдельном издании переписки Плеханова и Аксельрода я лично говорил Д.Б. Рязанову в дни пребывания последнего в Берлине... Т.о. недовольство Д.Б. Рязанова не может относиться к этому изданию, а оно является единственным изданием рукописей П.Б. Аксельрода, сделанным с согласия последнего. Все остальные публикации статей и писем Аксельрода (сборники Дейча, Ленинские сборники) сделаны не только без согласия, но и без ведома Аксельрода*»[20].

Как бы там ни было, в июле 1924 г. был заключен договор между Р.М. Плехановой и ГИЗом об издании переписки Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода, причем к этому времени на $^{2}/_{3}$ работа над книгой была уже завершена[21]. Основным комментатором документов сборника выступил Николаевский. Он же пересылал в Москву Ангарскому готовый к печати материал[22]. Плеханова с Берлиным разбирали сам архив. Представителем архива Аксельрода выступал В.С. Войтинский.

В итоге в 1925 г. «Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода» была издана в Москве в 2 томах, но без грифа «РРА» (1-й том – в марте; 2-й – в сентябре). Редакторами и авторами примечаний были указаны Берлин, Войтинский и Николаевский, а Плеханова – издателем. Первый том открывался двумя предисловиями – «От издательницы» и «От редакции». В сравнении с публикациями Дейча комментарий писем отличался основательностью и привлечением массы дополнительных источников, ныне трудно доступных. При его составлении редакторы обращались за разъяснениями к Аксельроду и Плехановой. Их мемуарные эссе были включены в комментарий. Все это обеспечило двухтомнику долголетнюю востребованность в среде исследователей.

Спустя два года, в июне 1927 г., Розалия Марковна принимает решение о возвращении на родину и обращается к правлению Государственной публичной библиотеки в Ленинграде с предложением принять в дар архив и личную библиотеку Плеханова. Уже весной 1928 г. в СССР были доставлены архив, библиотека, художественные коллекции и обстановка рабочего кабинета Георгия Вален-

тиновича в Женеве. 11 июня 1929 г. состоялось торжественное открытие Дома Плеханова в Ленинграде. В приветственной телеграмме президент АН СССР академик А.П. Карпинский отмечал, что «организация Дома является лучшей данью светлой памяти Георгия Валентиновича – тонкого мыслителя и замечательного теоретика-исследователя, чьи труды являются таким заметным этапом в истории развития социалистической мысли. Академия наук, всегда с особым вниманием относящаяся к каждому начинанию, приближающему науку к массам, горячо приветствует создание Дома Плеханова и надеется, что в его стенах, полных воспоминаниями о славном деятеле и ученом, закипит новая работа в тесном единении с рабочими массами и рабочей молодежью»[23].

Вскоре после открытия Дома его сотрудники приступают к работе над сборниками «Литературное наследство Г. В. Плеханова» (Сб. I–VIII. М.; Л., 1934–1940), публикация которых была прервана Великой Отечественной войной на VIII томе. Издание намеревались, как следует из послевоенной переписки Р.М. Плехановой с сотрудниками Дома Плеханова, продолжить публикацией IX тома, корректура которого была подготовлена до начала войны и сохранилась в архиве Г.В. Плеханова.

В редакционную коллегию сборников входили А.В. Луначарский, Ф.Д. Кретов, П.Ф. Юдин, М.Т. Иовчук, Р.М.Плеханова. Наряду с другими материалами в этих сборниках публиковалась и переписка. Были переизданы некоторые из писем, первоначально опубликованных в «Переписке Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода»; в научный оборот введен ряд ранее не известных материалов, среди которых следует отметить письма С.М. Ингермана к Аксельроду, обнаруженные в архиве Плеханова; опубликован значительный пласт переписки членов группы с лицами, в нее не входившими. Вместе с тем изданию оказались присущи недостатки сборников «Группа "Освобождение труда"»: публикации были в значительной мере бессистемными, тексты документов подвергались купированию, научно-справочный аппарат не всегда отвечал заявленному характеру издания[24]. Параллельно с этой работой велась подготовка к печати «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова»; шли переговоры и подписывались соглашения с Соцэкгизом и Госполитиздатом (1937–1939 гг.) о выпуске «Избранных философских сочинений» в восьми томах[25]. Однако реализовать эти планы тогда не удалось. В 1939 г. вдова Плеханова выехала к дочерям в Париж, где ее застала Вторая мировая война. В Советский Союз Розалия Марковна вернуться по состоянию здоровья уже не смогла.

Лишь через 25 лет после войны на взлете творческого подъема советских историков, связанного с «оттепелью», эта работа возобновилась. Эпистолярий Плеханова и его товарищей по группе «Освобождение труда» продолжал издаваться усилиями И.Н. Курбатовой. Трехтомник «Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова»[26] вводил в научный оборот ряд новых документов и писем, содержал строго выверенный научный комментарий и различные указатели. Однако переписка членов группы «Освобождение труда» не была выделена в особый блок, поскольку перед публикаторами стояли иные задачи. Тем не менее она заняла в нем значительное место. Особым разделом в 1 томе была представлена переписка Плеханова с русскими и зарубежными деятелями революционного движения, в частности отдельным блоком – с В.И. Лениным.

В связи со столетним юбилеем группы «Освобождение труда» увидел свет сборник «Первая марксистская организация России – группа "Осво-

бождение труда"»[27]. Но и в данном случае переписка членов группы между собой не была представлена в качестве самостоятельного комплекса документов.

За истекшие с момента выхода в свет вышеуказанных публикаций десятилетия отечественные и зарубежные обществоведы достигли качественно нового уровня знаний о законах и процессах социальной эволюции, истории развития общественной мысли и общественного движения, российском революционном и социал-демократическом движении в частности. Тем не менее до сих пор остаются не введенными в научный оборот значительные пласты документальных источников, необходимых для объективного познания прошлого, хотя события конца XIX–XX вв. оказали решающее влияние на ход мировой истории и во многом определили главные тенденции современного развития человечества.

Предлагаемый сборник документов состоит из двух томов и включает материалы, относящиеся к деятельности группы «Освобождение труда» с 1883 г. – года ее создания до лета 1903 г., когда на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии группа, основатели и деятели которой стали членами РСДРП, объявила о самороспуске. При отборе документов составители руководствовались принципом единства документального комплекса, включающего переписку Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич, Л.Г. Дейча и С.М. Ингермана (принят членом группы в 1888 г. – единственный случай в ее практике[28]) между собой. В связи с вынужденными переездами членов группы и теми бурными политическими событиями, участниками которых они были, корреспонденция отложилась в Архиве Дома Плеханова, работающего на правах отдела Российской национальной библиотеки в Петербурге (РНБ АДП), Российском государственном архиве социально-политической истории в Москве (РГАСПИ), а также Архива Международного института социальной истории в Амстердаме (IISH). Для их выявления потребовались усилия международной группы исследователей.

Ранее издававшиеся документы сверены с оригиналами, в них восстановлены купюры. Тексты приведены в соответствие с современной орфографией. В прямых скобках восстановлены сокращения и явные пропуски букв и слов, сделанные авторами. Значительная работа проведена по уточнению датировок. Все документы снабжены архивными легендами. Те из них, что публикуются впервые, отмечены особо, остальные имеют указания на первую и последующие публикации. Комментарий создавался составителями заново, с учетом современных достижений историографии. Вместе с тем сохранены в качестве комментария (в тексте выделены курсивом и особо оговорены) уникальные исследовательские эссе Б.И. Николаевского и примечания, содержащие мемуарные зарисовки Р.М. Плехановой, П.Б. Аксельрода и Л.Г. Дейча. Именной и библиографический указатели, а также указатель не разысканных писем, упоминаемых в публикации, помещены во 2-м томе настоящего издания.

Составители сборника выражают глубокую признательность М.Д. Дворкиной (Государственная общественно-политическая библиотека) за помощь в составлении библиографии, Ю.В. Романову за компьютерные работы (Московский педагогический государственный университет).

Весомый вклад в работу над книгой внесли занимавшиеся сканированием текстов сотрудники IISH (Голландия) Ханс Люрс (Hans Luhrs) и Гербен ван дер Мю-

лен (Gerben van der Meulen) и студенты исторического факультета МПГУ Т.А. Воронина и К.А. Плеханов.

П.Ю. Савельев, Т.И. Филимонова

Примечания

[1] Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892–1905 гг. М., 2007; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 2: Письма А.М. Калмыковой. 1894–1905 гг. М., 2007.

[2] РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 9.

[3] Была опубликована: Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901–1916. Берлин, 1924.

[4] В несколько суженом по сравнению с изначальной идеей виде опубликована: Из архива П.Б. Аксельрода. 1881–1896 гг. Берлин, 1924.

[5] РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 10.

[6] РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 – 1 об.

[7] См. подробнее: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 353–355.

[8] Двухтомник «Год на родине», в состав которого вошли статьи и выступления Георгия Валентиновича за 1917–1918 гг., в 1921 г. вышел в издательстве Я.Е. Поволоцкого в Париже.

[9] См.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919–1952 гг. Каталог. Т. 1: 1919–1929 гг. М., 2000. С. 111, 122–123, 130, 132, 173.

[10] Эти сведения, ставшие известными не только от Л.Г. Дейча, но и Д.Б. Рязанова, Б.И. Николаевский просил Р.М.Плеханову подтвердить лично (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 5). О работе Л.Г. Дейча с Парижским архивом см.: *Дейч Л.Г.* О литературном наследстве Г.В. Плеханова и В.И. Засулич // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 382–384. См. также: РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед хр. 227. Л. 5; Ед хр. 430–431, 1087.

[11] См.: о нем подробнее: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 9–10.

[12] РНБ АДП. Ф.1094. Оп.1. Ед. хр. 277. Л. 9, 12.

[13] РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед хр. 277. Л. 11 об.

[14] Там же. Л. 15.

[15] Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1. С. 12–14.

[16] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 19. Л. 74.

[17] Там же. Л. 75 – 75 об.

[18] Там же. Л. 76.

[19] Там же. Ф. 71. Оп. 50. Д. 103. Л. 48 об.

[20] Там же. Л. 158.

[21] Там же.

[22] Там же. Ф. 347. Оп. 1. Д. 19. Л. 79.

[23] Исторический архив. 1998. № 2. С. 8.

[24] Издательская деятельность Дома Плеханова протекала сложно: по завершении работы над очередным томом требовалось согласование всех поправок, внесенных Р.М. Плехановой и московской частью редакции. Окончательно принять можно было только те формулировки и положения, которые устраивали обе стороны. Принимавшая участие в подготовке материалов к публикации Е.С. Коц вспоминала, что в тех случаях, когда Розалия Марковна находила, что высказанные редакцией оценки задевали революционную честь Плеханова или его авторитет теоретика марксизма, проявлявшаяся ею непреклонность требовала немало усилий для выработки общих подходов. Ситуация была настолько напряженной, что некоторое время она размышляла над тем, чтобы осуществить свой замысел во Франции, и в этом направлении ею были предприняты некоторые шаги (Р.М. Плеханова подала в соответствующие инстанции заявление о разрешении на вывоз во Францию некоторых материалов, необходимых для работы над литературным наследством Г.В. Плеханова). Подробнее см.: Георгий Валентинович Плеханов. К 150-летию философа, мыслителя и общественного деятеля. Липецк, 2006. С. 41–42.

[25] РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 800, 808.

[26] Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1–3. М., 1973.

[27] Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». 1883–1903 гг. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984.

[28] Хотя в мемуарах Е.Д.Кусковой можно найти указания на то, что «по его [Плеханова. – *Сост.*] инициативе мы сделались членами «Группы Освобождение труда» // *Кускова Е.Д.* Давно минувшее (Новый журнал. 1958. Кн. 54. Нью-Йорк. С. 143).

1883

1
Л.Г. Дейч – Товарищам[1]

1883, конец
Женева

Товарищи-социалисты!

Вы знаете уже, что мы, бывш[ие] «чернопередельцы»[2], составляем теперь новую группу «Освобожден[ие] труда»[3]. Из брошюры Плеханова – «Социализм и полит[ическая] борьба»[4], из объявления об издании «Библиот[еки] соврем[енного] социал[изма]»[5] и из прилагаемой нашей программы[6]. Вы можете узнать, какие изменения произошли в наших воззрениях, какими целями задается теперь наша группа, а также в чем заключаются наши разногласия с груп пой «Народ[ная] воля»[7]. Хотя все это в указанных произведениях изложено довольно обстоятельно, но я (как и другие мои товарищи) допускаю, что наше выступление [теперь], в качестве новой группы, все же может быть неверно истолковано и вызвать некоторые недоразумения среди лиц, близко к нам стоящих по своим воззрениям и стремлениям*. Поэтому, быть может, небесполезно будет изложить, насколько это возможно сделать письменно, обстоятельства и мотивы, побудившие нас выступить самостоятельной группой.

* * *

Когда осенью 1879 г. произошло распадение общества «Земля и воля»[8] на группы «Нар[одная] в[оля]» и «Черн[ый] пер[едел]», мы, приставшие к последней, верили в возможность[9] сосредоточения всех революционных сил на деятельности преимущественно среди крестьянства и лишь, между прочим, среди городских рабочих, причем вполне игнорировали вопрос о политической свободе. Народовольцы, [как] Вам известно, задавались обратной целью. Мы тогда думали, что существующая у большинства русского крестьянства общинная форма землевладения, его воззрения на предметы, не составляющие продуктов труда, как на объекты, не могущие составлять ничьей частной собственности (земля, леса, реки и пр.), его привычка к совместному труду (артели, помочи), – все это, думали мы, при благоприятных условиях, может служить социалисту-народнику исходным пунктом для его практической деятельности в народе, – базисом, на котором он может создавать в крестьянстве такие организации, которые, пользуясь существующими в народе требованиями и желаниями, стремились бы сплотить если не весь народ, то значительную часть его. Такие орга-

* Этого легко было бы избегнуть, если бы раньше нашего выступления сюда приехал кто-ниб[удь] от сочувствующих нам лиц и кружков, чтобы принять участие в наших обсуждениях дальнейших действий, как мы о том просили в письме, посланном нами еще летом. Это лицо, возвратившись в Россию, могло бы изложить мотивы, по которым мы сообща с ним нашли нужным выступить так, а не иначе, он разъяснил бы все то, чего нельзя печатно изложить. Но, к сожалению, на наше письмо не последовало не только приезда уполномоченного из России, но даже коллективного ответа, которого мы тщетно дожидались многие месяцы. Может быть, причиной тому была простая случайность или неудачный момент получения нашего письма; как бы то ни было, не видя никакого отклика с родины, мы принуждены были начать так, как нам самим казалось наилучшим и как требовали обстоятельства.

низации, если бы даже не привели к скорой революции, то все же они развивали бы протестующий дух народа, приучали бы его к совместному отстаиванию общих интересов и пр. Но многие, признаться, верили, что, при благоприятных условиях, созданная социалистами-народниками широкая крестьянская организация может, в конце концов, привести к крестьянской революции, более даже успешной, чем были движения Стеньки Разина и Пугачева. Многие допускали, что наш крестьянский мир, освобожденный от внешних стеснений, мог бы, после успешной революции, развиться в наиболее совершенный социалистический строй под влиянием пропаганды интеллигенции, образцовых примеров и пр. Но вследствие неспособности народа [к] насильственному достижению своих стремлений, при отсутствии в нем всякой способности активного протеста, крестьянские движения, думали мы, мыслимы в том лишь случае, когда революционная интеллигенция возьмет на себя инициативу в их подготовке, когда она, живя в народ[е] и, пользуясь всякими поводами повседневной жизни, создаст там организации, внесет в них революционный дух и сплотит их в одну «сильную армию». Естественно поэтому, что предварительной целью группы «Чер[ный] перед[ел]» должны были стать – агитация среди молодежи и вербовка элементов для этого рода деятельности и затем расселение возможно большого числа людей в деревнях и выработка общего плана действий, необходимого для сплочения разрозненных крестьянских организаций. Надо откровенно признаться, что ко второй части этих задач «Черн[ый] пер[едел]» почти не приступил. Немногие народники, пребывавшие тогда в деревнях, приходили к заключению, что, вследствие всевозможных стеснений, немыслимо не только создание там [какой бы то ни было] организации, но даже какая бы то ни было деятельность в народе сводится лишь к прозябанию[10].

К такому выводу начали приходить все сколько-нибудь дельные народники в конце 70-х годов. Вот почему, отчасти по этой причине[11], отчасти – вследствие внешних препятствий (розысков правительства), в 80-м году, насколько мне известно, осталось всего каких-нибудь 3–4 человека из так называемых «стариков». С другой стороны, террористическая борьба, начавшая тогда же заявлять о себе блестящими, громкими фактами, привлекала к себе все больше и больше революционных сил и средств, угрожая поглотить все лучшие[12] элементы передовой интеллигенции. Видя это, не трудно было понять, что будь программа народничества даже верна в основании, то сложившиеся в то время обстоятельства являлись вполне неблагоприятными для народничества, что и в этом случае нужно было бы выждать, пока сколько-нибудь улягутся напряженные преследования и ослабеет террористическая горячка революционной молодежи. Но при более серьезном ознакомлении с социалистическим учением, само народничество, с его надеждами на крестьянскую революцию, с его отрицательным отношением к политической[13] свободе и [при] полном почти игнорировании городского населения, – предстало пред нами – в чем Вы могли убедиться из брошюры «Соц[иализм] и пол[итическая] борьба»[14] – как направление, задающееся, с одной стороны, несбыточными планами, с другой – не соответствующее современным русским условиям. Что крестьянская революция – в наши времена явление[15] немыслимое – в этом, надеюсь, никто более не сомневается. А раз эта цель утопична, то какой смысл в крестьянских организациях и что может дать социалист-революционер в деревне, если допустить, [что] самое пребывание его там мыслимо и если такое стремление существует еще у рус-

ской революционной молодежи? При самых благоприятных условиях наш «народник» должен был бы ограничиваться микроскопической культурной деятельностью, он должен был бы радоваться крохотным паллиативным мерам. Но вся суть в том, что серьезного стремления идти в деревню – надо сознаться – давно уже не существует у русских революционеров. Уже с 75–76 гг. они сперва инстинктивно, потом – сознательно находили невозможным «народничество» как практическое направление, и вся их защита и дебаты о нем объясняются, с одной стороны, неясностью для них современного социалистического учения, с другой – платонической лишь любовью, которую они питали к деревне. «Крестьян в России так много, положение их так плачевно», – рассуждали народники – и теперь, вероятно, еще продолжают – и, в ожидании того счастливого дня, когда им удастся, наконец, отправиться «в народ», сидели, конечно, в городах, где попадали в тюрьмы, ссылку и на каторгу, не успевши окончить своих сборов.

А между тем тут же, под рукой у народника, было чуждое многих предрассудков крестьянина рабочее население, умственный уровень которого настолько высок, что социалисту незачем ни переряжаться, ни прикидываться верующим в бога, почитающим царя и пр., почему деятельность в этой среде не может влиять тяжелым отупляющим образом на интеллигентного человека и не мешает ему продолжать заниматься своим собственным дальнейшим развитием. Но, несмотря на более легкий доступ в рабочую среду и на отзывчивость ее к социалистической пропаганде, эта среда почти совсем игнорировалась нашими народниками ввиду преобладающего [у нас] контингента крестьян и сборов в деревню. Они упускали из виду, что, если бы даже все народники, разбросанные в разных концах России, собрались в одном-двух крупных промышленных центрах, то всех их едва ли оказалось бы достаточным для серьезной деятельности среди уже существующего контингента городских рабочих, число которых изо дня в день увеличивается вследствие увеличивающейся промышленности и всеми признаваемого уже разложения крестьянской общины.

Если бы все эти годы велась сколько-нибудь серьезная пропаганда среди рабочих, если бы создавались там организации, – деятельность революционеров была бы несравненно плодотворнее, чем теперь, результатом ее была бы не одна сотня сознательных социалистов-рабочих.

Насколько ошибочны были наше отрицательное отношение к политической борьбе и наша уверенность в несовместимости ее с социалистическим учением, – в этом Вы также, надеюсь, уже убедились. В брошюре «Социализм и политическая борьба» подробно объяснено происхождение этого ошибочного взгляда и доказано, что современный научный социализм (школа Маркса и Энгельса) не только не исключает политической борьбы, но, наоборот, он прямо ее предполагает. Поэтому скажу только, что под политич[еской] борьбой мы вовсе не понимаем одно совершение террористических актов, которые могут занимать некоторое место в практической деятельности русских революционеров, что зависит от данных современных условий, но в программу партии как неизменный прием борьбы не должны быть внесены, так как с получением какой бы то ни было политической свободы эти акты не могут и не должны уже совершаться, хотя политическая борьба может и должна впредь вестись, как это [происходит] в Германии, Франции и др. Политическая борьба нам представляется более широкой задачей. Она должна состоять в развитии политического сознания в рабочей среде, в соединении всех оппозиционных элементов страны на ближайших минимальных требованиях и в всесторонней агитации, начиная

от адресов и петиций и кончая демонстрациями и прямым выступлением с оружием в руках на улице. При этом не надо лишь упускать из виду, что такой союз всех недовольных будет временный и что на обязанности социалистов разъяснять рабочему населению, какие действительные улучшения может принести политическая свобода, нисколько не стараясь идеализировать ее.

Почему же, в таком случае[16], не могло состояться наше соединение с «Нар[одной] в[олей]»[17]? Чтобы вполне ответить на этот вопрос, я попробую насколько возможно подробнее рассказать Вам о наших переговорах с ними по этому поводу. Еще в [18]81 году, когда[18] уже[19] ясно сложились у нас вышеизложенные марксистские наши взгляды и когда, судя по некоторым данным, казалось, что и у народовольцев произошла перемена во взглядах в смысле большего, чем прежде, напирания на рабочую среду (издание «Рабочей газеты», заведение там организаций и пр.), у нас завязались с ними переговоры о соединении. Как и теперь, мы и тогда находили крайне вредным для общереволюционного дела дробление сил и средств, а потому готовы были мириться с некоторыми разногласиями. Мы соглашались, как группа, примкнуть к организации «Народной воли», признавая в то же время выгодным удержать ее название, приобретшее большую известность. Подробнее ознакомившись, при переговорах с народовольцами, с их практическими задачами – совершением политического переворота с целью захвата власти, для чего было им необходимо, как они выражались, «собирание сил, где только они представляются» (их слова), – мы указывали им как на утопичность этой цели, так и на могущий произойти от нее сильнейший вред для социалистического дела. Тогда, в начале наших с ними переговоров, т.е. весной прошлого года, они находили наши разногласия несущественными и не могущими препятствовать нашему к ним присоединению. Затем, весною и летом прошлого года произошли обширные аресты в Москве, Питере и в др[угих] гор[одах]. Почти все старики были арестованы, и вопрос о нашем соединении как нами, так и немногими уцелевшими из них был как-то забыт. Но мы, конечно, продолжали помогать «Нар[одной] воле» во всем, в чем только они нуждались и чем мы могли [им] помочь. Наконец, летом настоящего года, ввиду предпринятого ими издания здесь «В[естника] Н[ародной] в[оли]» раньше, чем принять в нем то или другое участие, мы сочли нужным определить наши отношения к организации «Н[ародной] в[оли]» и тем покончить с вопросом о [нашем] присоединении. Но на наше об этом заявление народовольцы ответили, что присоединение целой группой к организации «Н[ародной] в[оли]» не может состояться, так как этого не допускает их устав, – мы можем присоединиться к партии «Нар[одной] воли» только каждый в отдельности[20]. К тому же, говорили они, ввиду имеющихся у нас с ними разногласий, мы, присоединившись к организации, своим большинством гнули бы в нашу сторону. Для нас, конечно, важно было бы участие в «Нар[одной] воле» в том случае, когда мы так или иначе могли бы влиять на внесение тех или других поправок, изменений как в их теоретической программе, так и в практических их задачах. Но, раз это оказывалось невозможным, для нас пропадал всякий смысл присоединяться к ним в одиночку: считаться в партии «Н[ародной] в[оли]», брать на себя, хотя бы косвенно, ответственность за совершаемые ею промахи и ошибки, не будучи в состоянии влиять на дела организации, конечно, не имеет никакого смысла.

Как видите, нам нельзя было присоединиться к «Н[ародной] в[оле]». С другой стороны, и народовольцы правы, со своей точки зрения, не желая присоединения к их организации людей, во-первых, не разделяющих целиком их воз-

зрений, а, во-вторых, не имеющих за собою ни сил, ни средств, ради которых им стоило бы делать уступки и отступления от пунктов их устава. Если бы народнические кружки чем-либо заявляли о своем существовании[21], если бы у нас имелись серьезные связи с Россией, я думаю, могло бы состояться соединение на разумных и необидных для обеих сторон основаниях. Но теперь это соединение невозможно; из этого, конечно, не следует, чтобы между нами и ими существовали враждебные отношения: наоборот, мы, по крайней мере, будем употреблять все усилия, чтобы не допустить до каких-нибудь неприятных столкновений, как бы нам ни были несимпатичны те или другие поступки народовольцев. Вражда революционных кружков, ослабляя их собственные силы, может принести пользу лишь нашим врагам.

Товарищи! Вы знаете теперь наши взгляды и стремления, вы знаете, что побудило нас выступить в качестве новой группы. От вас теперь зависит наш успех или поражение. Мы, что можем, то готовы и будем делать. Если вы не окажете поддержки нашим литературн[ым] предприятиям, в необходимости которых мне незачем вас убеждать, – нам придется прекратить свое существование как группы. Поэтому, если вы разделяете наши воззрения и стремления, то постарайтесь войти в более тесные сношения с нами, организуйте правильные сборы на литературные наши издания, присылайте всякого рода материалы и пр. Обо всем этом, конечно, лучше всего было бы условиться и сговориться с уполномоченным от вас, которому вы могли бы дать указания, какие поправки и изменения вы находите нужным сделать в нашей программе; какие произведения вы считаете более необходимыми и пр. Мы, конечно, охотно согласились бы со всеми вашими указаниями; раз бы только они клонились к успеху общего дела. Шлем товарищам привет и всевозм[ожные] пожелания.

Евг[ений][22]

РГАСПИ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–16. Черновой автограф и машинописная копия с правкой Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М., 1925. С. 154–156 (частично); Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 225–231; Сб. 8. М., 1940. С. 219–226. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *В вышедшем в 1925 г. № 3 сборника «Группа "Освобождение труда"» был мною помешен только конец этого моего давнего письма, отправленного из Женевы в Россию без малого полстолетия тому назад (в 1883 г.). Мне уже не раз приходилось упоминать о том, что при возникновении группы «Освобождение труда» Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод и я обращались «к товарищам в России» с письмами, в которых, сообщая о причинах, побудивших нас выступить в качестве новой группы, мы просили о поддержке. Черновик части такого письма, сохранившийся в архиве Г.В. Плеханова, я и воспроизвел там. Теперь, восемь лет спустя, благодаря произведенному детальному разбору в возникшем недавно в Ленинграде Доме Плеханова всех привезенных туда из Цюриха рукописей, документов и пр., нашлась, наконец, и первая, ровно вдвое большая часть этого давнего моего письма. Не имея под рукой начала этого письма, я раньше предположил, что оно было написано летом, еще до возникновения группы «Освобождение труда», между тем из первой его половины ясно, что оно было написано уже после появления брошюры «Социализм и политическая борьба», а также проекта нашей программы, следовательно, зимой. Повезла это письмо в Россию, вместе с первыми нашими произведениями, Вера Григорьевна Личкус – вдова землевольца Александра Хотинского.* – Прим. Л.Г. Дейча к тексту, опубликованному в «Литературном наследстве Г.В. Плеханова».

[2] «*Чернопередельцы*» – члены общества «Черный передел (партия социалистов-федералистов)». Возникло в августе–сентябре 1879 г. после раскола общества «Земля и воля». В отличие

от народовольцев, делали акцент на пропаганде, а не на терроре. Центральный кружок состоял из Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, О.В. Аптекмана, В.И. Засулич, Л.Г. Дейча и М.Р. Попова. Общество издавало подпольный журнал «Черный передел» и газету для рабочих «Зерно». Периферийные кружки общества действовали в Москве, Харькове, Казани, Перми, Саратове, Самаре и других городах. В начале 1880 г. руководители общества вынуждены были эмигрировать. Организацию возглавили А.П. Буланов, М.К. Решко, К.Я Загорский, М.И. Шефтель и др. Была организована новая типография в Минске. Центр общества находился в Москве. Е.Н. Ковальская и Н.П. Щедрин организовали в Киеве «Южнорусский рабочий союз». Аресты 1880–1881 гг. ослабили организацию. Часть оставшихся на свободе чернопередельцев перешли в ряды народовольцев. К концу 1881 г. «Черный передел» как организация перестал существовать. Отдельные чернопередельческие кружки продолжали действовать до конца 1880-х гг.

[3] 13 (25) сентября 1883 г. в Женеве на совещании, в котором участвовали Г.В. и Р.М. Плехановы, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч, В.Н. и И.Н. Игнатовы, было принято решение об образовании социал-демократической группы «Освобождение труда». Как ее первый программный документ было принято Объявление «Об издании Библиотеки современного социализма», написанное Г.В. Плехановым.

[4] *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба. Женева, 1883. См.: *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 51–114.

[5] *«Библиотека современного социализма»* – серия брошюр, издаваемых группой «Освобождение труда» с 1883 г. В этой серии вышли: «Социализм и политическая борьба» Г.В. Плеханова (1883), «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса (1884), «Наши разногласия» Г.В. Плеханова (1885), «Речь о свободе торговли» К. Маркса (1885), «Нищета философии» К. Маркса (1886), «Фердинанд Лассаль» Г.В. Плеханова (1887), «Чего хотят социал-демократы» Ж. Геда и П. Лафарга (1888 г.), «Очерк истории Международного общества рабочих» В.И. Засулич (1889), «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова» Г.В. Плеханова (1889), «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» Г.В. Плеханова (1892), «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса (1892) и «Фр. Энгельс о России» (1894). Полный текст «Объявления "Об издании Библиотеки современного социализма"» см.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 31–33.

[6] Данный вариант программы группы «Освобождение труда» не сохранился. Известен проект программы 1884 г. См.: *Плеханов Г.В.* Избран. филос. произв. Т. I. М., 1956. С. 371–376.

[7] *Партия «Народная воля»* – централизованная, хорошо законспирированная революционная народническая организация. Руководящим органом ее являлся Исполнительный комитет, в который входили А.Д. Михайлов, А.А. Квятковский, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, Л.А. Тихомиров, А.И. Баранников, М.Н. Ошанина, А.В. Якимова и др. ИК подчинялась сеть местных и специальных групп. Издавала в России газету «Народная воля», а за границей журнал «Вестник "Народной воли"». Организация объединяла приверженцев политической борьбы с самодержавием, главным средством которой был террор. Народовольцами было подготовлено 7 покушений на царя. После свершившегося акта цареубийства 1 марта 1881 г. переживала идейный и организационный кризис. Как организованное целое прекратила существование в 1883 г. Неоднократные попытки возродить организацию в 1883–1889 гг. не увенчались успехом.

[8] *Общество «Земля и воля»* – революционная народническая организация, действовавшая в России в 1876–1879 гг. В августе 1879 г. раскололась на «Народную волю» и «Черный передел».

[9] Вариант текста: «стояли за необходимость».

[10] Вариант текста: «кое-какому ознакомлению с крестьянской средой, но что, при этом, среда эта с ее воззрениями и интересами крайне тягостна интеллигентному человеку, короче, что жизнь в народе, раз невозможны революционные организации, это не деятельность, а прозябание».

[11] Вариант текста: «под влиянием неудовлетворенности простым сидением в деревне».

[12] Вариант текста: «сколько-нибудь деятельные».

[13] Первоначально в тексте было слово «борьбе», вычеркнутое автором.

[14] Выше упоминавшаяся брошюра «Социализм и политическая борьба».

[15] Первоначально в тексте было слово «борьбе», вычеркнутое автором.

[16] Автором вычеркнуты слова: «быть может, спросят некоторые».

[17] Репрессии, обрушившиеся на революционеров после 1 марта 1881 г., обескровили обе фракции – «Народную волю» и «Черный передел». В этих условиях П.Л. Лавров выступил с инициативой создать единую социалистическую «партию» в России. Осенью 1881 г. объединительный процесс начался на практике. Отдельные шаги навстречу друг другу сменялись отступлениями на-

зад, вызванными как принципиальными разногласиями, так и чисто субъективными факторами. На рубеже 1882–1883 гг. дело дошло лишь до совместной работы над изданием журнала «Вестник "Народной воли"» за рубежом. Однако и этот проект в полной мере осуществлен не был.

[18] Отсюда начинается текст, опубликованный Л.Г. Дейчем в 1925 г. в 3-м сборнике «Группа "Освобождение труда"».

[19] Автором вычеркнуто слово: «окончательно».

[20] В августе 1883 г. Л.А. Тихомиров и М.Н. Ошанина, ведшие за рубежом от имени «Народной воли» переговоры с группой Г.В. Плеханова о соединении, заявили, в противоречие со своими прежними обещаниями, что вопрос о вступлении в «Народную волю» может рассматриваться только индивидуально для каждого, но ни в коем случае – о вступлении «плехановцев» группой. Тогда же Тихомиров выступил решительно против включения Плеханова в редакцию «Вестника "Народной воли"».

[21] *Из этого явствует, что даже после возникновения группы «Освобождение труда» мы все еще признавали наиболее близкими нам народнические кружки.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[22] Конспиративное имя Л.Г. Дейча.

2

П.Б. Аксельрод – Товарищам в Россию («О задачах научно-социалистической литературы»)[1]

1883, конец
Цюрих

Товарищи!

Желая содействовать группе «Освобождение труда» в осуществлении предпринятого ею издания «Библиотеки современного социализма»[2], вы находите полезным иметь в своем распоряжении более или менее подробные разъяснения, хотя бы только письменные, относительно цели и значения подобного предприятия в настоящий момент. В пользу своего предложения вы ссылаетесь на равнодушие одних к такого рода предприятиям, на сомнения и расспросы других относительно их практического смысла. Признаюсь, с тяжелым чувством принимаюсь я за исполнение вашего желания. В самом деле, не заключается ли печальное предзнаменование для ближайшей судьбы нашего социалистического движения в самом факте необходимости разъяснить нашим так называемым «социалистам» подобные вещи? В результате стольких жертв и геройских усилий революционной партии в ее рядах оказывается такой идейный упадок, что не только понимание социализма (никогда, впрочем, не стоявшее у нас высоко), но даже сознание важности такого понимания, самая потребность в нем все более и более исчезают у нашей так называемой «социалистической интеллигенции». То, что составляет насущную потребность для всякого европейского рабочего-социалиста, то, что кажется ему само собой подразумевающимся, требует долгих предварительных разъяснений для нашей интеллигенции!

Немецкие социалисты имеют внутри страны газеты и даже месячные, весьма дельные, обозрения. И все-таки они еще издают за границей специальный орган партии – несмотря на всевозможные бесчисленные провалы на границе при распространении «S[ocial]-D[emokrat]»[3] внутри Германии. Что же побуждает их бедняков-рабочих тратить свои гроши и рисковать положением своим и своих семей для такой роскоши? Глубокое сознание важности для социально-политического развития выражать свои идеи и стремления в возможно более

резкой принципиальной и систематической форме. Но и такой орган им кажется недостаточным для вполне последовательной разработки и пропаганды социально-политических тенденций и идей социализма. Поэтому они за границей издают постоянно брошюрки и книги, которые, опять-таки, приходится перевозить тайно и распространять тайно. Наша же «социалистическая» *интеллигенция*, которая, кажется, особенно должна бы дорожить своим идейным развитием, с некоторым недоумением почесывает затылок, когда заходит речь о пересмотре и пополнении умственного багажа, составляющего необходимое орудие борьбы для всякой прогрессивной партии, а тем более социалистической.

В этой разнице между отношением западноевропейской *рабочей* интеллигенции и русской социалистической интеллигенции к разработке и пропаганде социализма отражается, по-моему, и разница их культурного уровня и разница классовых инстинктов одной и другой. Культурный человек отличается от дикаря, между прочим, тем, что первый, обыкновенно, из-за интересов минуты не упускает из виду интересы будущего. Чем человек развитее, тем он более способен переноситься в положение других и возвышаться не только над своими узкоэгоистическими интересами, но и над интересами минуты окружающей среды. Вот почему благороднейшие представители высших сословий успели во все времена отказываться от узких, грубо-материалистических тенденций и предрассудков своей среды и становились борцами за угнетенные классы. Поэтому же, с другой стороны, и угнетенные классы, по мере своего культурного социально-политического развития, руководствуются в своей борьбе не только своими узкоклассовыми интересами, но и общечеловеческими, не только узкими соображениями об облегчении своей участи на сегодня, но прежде всего соображениями о проложении путей к всестороннему развитию условий интеллектуального, экономического и политического прогресса. Возвращаясь к рабочей интеллигенции Западной Европы, мы видим, что, агитируя во главе рабочих масс во имя частных улучшений и повседневных вопросов, они ни на минуту, даже при самых трудных обстоятельствах, не теряют из виду основные интересы социализма и условия существования его, хотя бы и не в близком будущем.

Как раз обратное мы видим в нашей интеллигенции: она вечно переходит от одного приема борьбы к другому, из-за вопросов минуты готова забыть окончательно цель движения. Ради *одного* какого-нибудь приема, особенно благоприятствуемого данным моментом, она забывает все те пути, вне которых – не говорю: торжество социализма, хотя бы в далеком будущем, но и обеспечение истинно демократической конституции не мыслимо. Начав с «хождения в народ» без особенного почти плана (что вполне простительно на таком новом пути), она мало-помалу почти совершенно оставила его или, по крайней мере, сильно охладела к этому делу. Провозгласив себя поборниками интернационального социализма, наши революционеры постепенно дошли до славянофильского народничества, развившегося, с одной стороны, в форме «чернопередельчества» и – с другой – «народовольчества». И, в довершение всего, потеряли всякое сознание важности серьезного ознакомления с научными основаниями и развитием социалистического миросозерцания и хотя бы только *теоретической* пропаганды его принципов и вытекающих из него практических путей. Это очень характерно для нашей интеллигенции. Этот процесс ее превращения показывает, что такие вещи, как выработка хотя бы передовых групп среди городских рабочих, с ясным социально-политическим миросозерцанием, в глубине души

ее очень мало интересует. Вполне естественно поэтому ее равнодушие к литературной разработке и пропаганде того учения (социализма), которое представляет собой научное выражение интересов и инстинктивных стремлений рабочих масс. И замечательно, что в то время, как революционные представители интеллигенции некоторых городов доказывали в 1879 г.[4], что время пропаганды социализма среди рабочих прошло, что, ввиду преследований, книжек читать они не будут, в это самое время остатки разгромленных рабочих кружков жаловались на индифферентизм интеллигенции к их интересам и их умственному развитию, на отсутствие брошюр и книжек для рабочих и т.д. И через несколько дней после повешения матроса Логовенко, рабочие в Одессе, как пряники, расхватывали привезенные из-за границы книжки, а за недостатком последних наша народившаяся рабочая интеллигенция вынуждена была удовлетворяться гектографированными записками, программами и т.д., в которых рабочим разъяснялись идеи социализма и связь его с политической свободой.

Как только у нас народился интеллигентный элемент среди рабочих, так он тотчас же начал проявлять свой интерес к саморазвитию, умственному и политическому. Наша же революционная интеллигенция, имеющая в своем распоряжении хоть легальную, но все-таки обширную литературу, находила, что для рабочих такие вещи только излишняя роскошь. Индифферентная к делу социалистического воспитания передовых элементов рабочего класса, она, естественно, индифферентна и к своей собственной социалистической выработке, так как последняя может иметь для нас значение постольку, поскольку мы заинтересованы в подготовлении рабочего класса к сознательной социально-политической деятельности.

Невольно припоминается отношение революционной интеллигенции Германии к этому же делу в 40-х гг. Марксу приходилось обращаться к русским за денежной поддержкой для напечатания своей знаменитой «Misere de la philosophie»[5], и ему приходилось воевать с грубым эмпиризмом большинства тогдашних революционеров, из которых некоторые находили, что он чуть ли не развращает рабочих. Но он отличался от них только тем, что, прекрасно сознавая необходимость борьбы с абсолютизмом, он в то же время считал обязанностью своих революционных собратий не терять из виду «интересов будущего», т.е. подготовку *демократической* интеллигенции и лучших рабочих к сознательному участию в предстоящем политическом движении. Будущее показало, насколько плодотворны были работы Маркса, Энгельса, Фил[иппа] Беккера, Морица Гесса, – германская социальная демократия есть их умственное детище. Масса же тогдашней демократической интеллигенции Германии, как и следовало ожидать, оказалась впоследствии, в своем громадном большинстве, в ряду их либеральных и даже национал-либеральных противников социализма и пролетариата.

Вы, конечно, удивитесь тому, что я так далеко уклонился от настоящего предмета письма. Но это случилось частью невольно, под влиянием моего пессимистического настроения по отношению к нашей так называемой «социалистической» молодежи, частью, чтобы показать вам, насколько для меня трудно выполнить ваше желание. Заметьте, вам приходится выслушивать сомнения и вопросы не только относительно успеха издания и т.д., но и относительно его raison d'etre[6] в самом принципе. Но есть ли вероятность, чтобы элементы, которые в 1883 г. ставят вопросительный знак перед делом организации – рядом с борьбой против абсолютизма, путем систематической пропаганды современ-

ного социализма, есть ли, говорю я, вероятность, чтобы подобные элементы изменили свое мнение под влиянием нескольких письменных разъяснений? Признаюсь, моя энергия пасует перед такой едва ли не сизифовой работой. Впрочем, все вышесказанное мной, хотя и косвенно, относится к сущности вопроса. Попытаюсь, однако, еще специально в немногих пунктах резюмировать наиболее существенные соображения в пользу настоятельности такого литературного предприятия, как «Библиотека современного социализма»*.

I. Мы живем накануне серьезного политического переворота в России. Социалистической интеллигенции придется выступить открыто в прессе, на собраниях, быть может, в парламенте. С чем она выступит? У нее нет никаких твердых точек опоры в ее социально-политических мировоззрениях, нет строго продуманного критерия для оценки окружающих явлений, для понимания реальных требований данной минуты и связи их с условиями дальнейшего развития России вообще и народной партии – в частности. Для того, чтобы сколько-нибудь подготовиться к этому моменту, социалистическим элементам крайне необходимо теперь же серьезно приняться за систематическое выяснение основных понятий современного социализма об общих законах исторического развития, об условиях экономического, социально-политического и умственного прогресса. И в то же время необходимо, руководясь этими же понятиями, подвергнуть беспощадному и всестороннему пересмотру все прошлое и настоящее русских революционеров – их отношение к партиям и элементам русской жизни и особенности самих этих элементов.

II. Прогрессивная роль революционных элементов тем значительнее, чем яснее они умеют отличить ***возможное*** для осуществления в данную минуту от их окончательной цели, время осуществления которой зависит не столько от доброй воли нескольких самоотверженных друзей народа, сколько от объективных условий развития человечества. Но это уменье соразмерять свои ***практические*** [приемы] с условиями органического развития и с собственными наличными силами русские революционеры могут приобрести, прежде всего, путем ясного сознания ими общих ***законов*** исторического развития, насколько они выяснены современной социалистической наукой, свободной от всяких иллюзий и утопий. Интенсивность и форма борьбы революционных партий обусловливаются, конечно, в значительной мере характером угнетающей силы и способами ее противодействия революционным стремлениям. Но несомненно также и то, что общий характер освободительного движения и его исторического значения в смысле прогресса находятся в прямой зависимости от степени социально-политического развития угнетенной массы и передовых застрельщиков на поле борьбы за ее интересы.

Я не стану пускаться здесь в дальнейшее развитие этой мысли. Достаточно сравнить средневековые народные движения, современное ирландское движение[7], отличающееся таким грубо-националистическим характером, и такого рода проявления народного недовольства, как антиеврейские беспорядки в России[8] и Венгрии; достаточно сравнить все эти движения с новейшими революци-

* О воззрениях ее издателей я здесь касаться не буду, так как обстоятельное изложение их не мыслимо в одном письме, да это и излишне было бы, ввиду появления брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», [где] воззрения группы «Освобожд[ение] труда» изложены с чрезвычайной ясностью. Кроме того, в предисловиях к брошюрам «Манифест коммунистич[еской] партии» и «Наемный труд и капитал» основная точка зрения также намечена в общих чертах.

онными движениями Франции и социально-демократическими Германии, чтобы заметить громадную разницу между освободительными усилиями масс, направляемых социалистически развитым меньшинством, и такими же усилиями угнетенных слоев без широкой принципиальной подкладки.

Некоторые объясняют все ужасы первой французской революции захватом диктатуры представителями якобинского централизма[9]. Объяснение это, по-нашему, довольно поверхностно. Помимо обстоятельств борьбы революционной Франции против общеевропейской коалиции реакционеров[10], главной причиной, породившей как якобинскую диктатуру, так и тогдашнюю систему террора, послужило страшное противоречие, существовавшее в эпоху первой революции, между *стремлениями* лучших демократов того времени, с одной стороны, и экономическим развитием Франции с соответствовавшими ему социалистическими тенденциями низших классов, с другой стороны. Наиболее искренние демократы смутно чувствовали, что революция идет не к установлению братства и равенства, о которых они мечтали; им казалось, что своей личной энергией и чрезвычайными средствами им удастся доставить немедленное торжество своим идеалам. А между тем, в сущности, в их собственных идеалах заключались начала, в корне противоположные тому царству всеобщего братства, к которому они стремились. И наперекор всей чрезвычайности их средств или, вернее, благодаря им, крайние демократы 1793–1794 гг. работали бессознательно прежде всего на пользу буржуазии и императорства[11]. Тогдашний уровень социологических знаний и, в частности, развития истинно демократического миросозерцания (что зависело от чисто объективных условий) препятствовали крайним демократам видеть громадное противоречие между их радикальными тенденциями и господствовавшими в их собственной среде социально-экономическими воззрениями. Они не видели, что их социально-политическая программа внутренне противоречива, они не сознавали, что время господства крайней демократии тогда еще не настало, что она еще не достигла той ступени развития, на которой какая-нибудь социальная группа может по праву и с некоторым успехом овладеть монополией управления всеми делами страны. Всякая крайняя партия, очутившаяся, благодаря каким-нибудь временным обстоятельствам, в подобном положении, неизбежно должна прибегнуть к чрезвычайным средствам, вроде личной диктатуры своих вождей, чтобы как-нибудь удержаться на вершине власти. А раз вопрос об устроении человеческого блага перешел в исключительное ведение малочисленной группы идеологов-властителей, попытки решения его должны неизбежно сопровождаться такими ошибками, которые необходимо влекут за собой не только поражение этого идеологического меньшинства, но и компрометацию всей их партии и самого знамени его. Возвращаюсь, однако, к нашему вопросу.

Если судить по антиеврейским беспорядкам, с одной стороны, и по различным проявлениям воззрений на нашу деятельность нашей революционной интеллигенции, между прочим, и по отношению к еврейским беспорядкам, с другой стороны, едва ли можно возлагать особенно розовые надежды на социально-политическую роль наших демократических слоев в ближайший к нам момент широкого политического движения. Возможно разграничить minimum или, если угодно, maximum осуществимых теперь практических требований от основных стремлений революционной демократий, – концентрация ее сил на борьбе за эти требования и на заложение прочной основы истинно народной партии, – таков, как мне кажется, предел того, что могут социалистиче-

ские элементы взять на свои плечи при настоящем состоянии своей силы. Но где искать высший критерий для более или менее точного определения наших принципиальных или практических задач? Критерий этот может заключаться, прежде всего, в учениях современного социализма. Я не хочу этим сказать, что он безусловно гарантирует нас от всяких бесплодных попыток, от грубых ошибок и промахов. При настоящем состоянии социалистических знаний никакая доктрина не может во всех частностях предохранять нас от ложных шагов. Но современный социализм, как совокупность понятий и воззрений, основанных на тщательном анализе исторического процесса развития человечества, заключает в себе указания и на современную русскую жизнь, и на преобладающую тенденцию ее социально-экономических сил; так как наша современность представляет собой уже пройденную передовыми народами фазу развития, то не от всевозможных ошибок и крайностей могут предохранить нас учения научного социализма, но они предохранят от очень многих и очень важных. Только партия, вполне усвоившая точку зрения современного социализма, сумеет возвыситься до такого ясного сознания своих основных тенденций и условий их осуществления, что не станет преждевременно брать на свои плечи задачу, далеко превышающую его силы и, ради немедленного достижения ее, пускаться на непозволительные компромиссы не только с враждебными народу элементами, но и с самой народной массой, когда она выступает как реакционная сила.

Только революционная партия, с ясным пониманием сущности научно-социалистического миросозерцания и его отношения к русской общественности, сумеет выбрать путь наиболее целесообразный для параллельного преследования maximum'а осуществимых при теперешнем положении вещей требований и подготовки сознательных элементов для осуществления основных задач социализма.

III. С этой точки зрения дело организации систематической пропаганды научного социализма, в связи с задачами и стремлениями русских революционеров, является теперь крайне насущным как необходимое средство для подготовления такого социально-революционного элемента, который своевременно мог бы выступить с определенной, строго последовательной программой как принципиальной, так и практической. Вооруженный определенной системой идей и ясным пониманием положения вещей, такой элемент оказался бы чрезвычайно полезным социальным фактором, если не как руководитель большинства крестьянских масс, то, по крайней мере, демократической интеллигенции и городских рабочих. Трудно рассчитывать на то, чтобы в ближайшем к нам общественном движении такая социалистическая партия могла приобрести влияние среди народных масс. Но уже чрезвычайно важно было бы приобретение такого влияния хотя бы только среди демократической интеллигенции и низших классов в городах. Из этих центров влияние ее хоть косвенным путем распространилось бы до некоторой степени и на крестьянскую среду, направляя ее на более или менее целесообразные пути при отстаивании своих интересов.

IV. Допустим, что и эти сравнительно умеренные надежды окажутся неосуществимыми в ближайшие годы. И это весьма вероятно ввиду все большего и большего выступления буржуазных инстинктов и стремлений нашей интеллигенции, для которой социально-политическое развитие рабочих и собственная социалистическая выработка все более и более отходят на задний план. Признавая крайне вероятным, что нам теперь уже не удастся подготовить к предстоя-

щему моменту падения абсолютизма очень влиятельную социалистическую партию[12], я все же нахожу настолько плодотворным дело, затеянное группой «Освобождение труда», что считаю прямой обязанностью искренних и сознательных социалистов всеми силами поддерживать ее. Прежде всего, очевидно, что для достижения когда-нибудь высших или даже средних ступеней влияния в обществе необходимо же когда-нибудь взобраться на первую ступень, преодолеть первые шаги на пути к приобретению значения руководящего фактора страны. Первым же условием для приобретения русскими революционерами когда-нибудь серьезного влияния на народные массы является, очевидно, помимо энергии и героического самопожертвования, ясное понимание ими самими теоретических основ современного социализма и своих практических задач в России как элементов, стремящихся к достижению идеалов социализма. Поднятие социально-политического сознания собственных передовых рядов до возможно высокой ступени развития – таков первый необходимый шаг, который должны преодолеть социалистически настроенные элементы наших революционеров, чтобы проложить себе дорогу к выдающейся роли в нашей общественной жизни.

С этой точки зрения едва ли возможно сомневаться в настоятельной необходимости организации литературной пропаганды социалистических идей по плану «Библиотеки современного социализма», если бы даже непосредственным результатом этой пропаганды в течение 3–4 лет было только образование контингента в 300–400 человек, более или менее серьезных, усвоивших социалистическое миросозерцание в его современной научной форме. Где же это видано, чтобы искренние и сознательные представители какой-нибудь общественной идеи складывали хоть на время руки в деле ее развития и пропаганды, раз у них нет осязательных шансов на завоевание ей к желательному ими моменту выдающейся роли в социально-политической жизни?

А раз мы признаем важность выработки последовательного социалистического миросозерцания, хотя бы только в меньшинстве наиболее демократической интеллигенции и передовых единицах рабочего класса, для образования у нас истинно народно-революционной партии в будущем, мы необходимо должны признать и своевременность такого предприятия, как «Библиотека современного социализма».

При некоторых, не очень больших, усилиях в Россию возможно будет доставлять разными способами если не тысячами, то по нескольку сот экземпляров каждой брошюры или сборника. Таким образом, как развитые рабочие, так и социалистическая часть нашей привилегированной молодежи нашли бы в своем распоряжении материал для собственной теоретической выработки в духе современного социализма и в некотором смысле руководства в своей пропагандистской деятельности. Кроме того, не мешало бы иметь в виду и заграничную русскую публику, – студенчество и эмиграцию, – возрастающую чуть не и изо дня в день[13]. Хотя молодежь, пребывающая за границей, и не отделена китайской стеной, как на родине, от социалистического движения и литературы Запада, но она, однако, фактически, благодаря своим специальным занятиям, не имеет возможности по первоисточникам знакомиться с сущностью и ходом этого движения и его теоретической подкладкой. И для нее свод идей, понятий и фактов, составляющих основу и содержание социально-революционного движения Запада, в более или менее обработанном виде, в форме брошюр и статей, очень необходим как наиболее доступное средство для пополнения ее теорети-

ческого развития по вопросам социализма. Нужно ли еще доказывать, что и заграничный русский элемент, состоящий из многих сотен лиц, следует принять в расчет при обсуждении вопроса об организации систематической пропаганды, путем литературы, социализма? Такой вопрос казался бы просто странным для большинства французских или германских социалистов-революционеров. У нас же придется еще, вероятно, доказывать, что ведь масса наших добровольных и недобровольных изгнанников только временные гости за границей и что, при некоторой внутренней поддержке извне, многие из них вернутся на родину весьма ценными силами для нашего революционного движения.

Пора, однако, закончить свое уж чересчур растянувшееся послание. Прибавлю только ко всему вышесказанному еще одно, вероятно, очень странное для русского человека соображение в пользу «Библиотеки современного социализма». Она могла бы послужить почвою для выработки более или менее численно значительной литературной группы из сотрудников в России и за границей, группы, вполне слившейся по всем вопросам теории и практики социализма. А такая литературная группа, с несколькими сотнями солидарных с ней по направлению лиц, оказалась бы, в предстоящий момент широкого общественного движения у нас, ценной силой как умственный центр социалистически подготовленного ядра демократических элементов.

Таков minimum ожидаемых мною результатов от осуществления, при серьезной поддержке из России, предприятия группы «Освобождение труда». Откровенно сознаюсь, однако, что внутренне я ожидаю более значительных результатов. Кто знаком с историей образования политических партий, тот знает, какую силу может представить из себя в момент свободного общественного брожения группа в три – четыре сотни социально-политически развитых лиц, связанных между собой единством воззрений и солидарным с ним литературным персоналом. Непосредственное влияние этой группы может проявиться гораздо быстрее и значительнее, чем это может казаться теперь.

В заключение обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство. Крайний демократизм нашей интеллигенции обусловливается в значительной мере тем гнетом, который лично ей приходится выносить под давлением абсолютизма. По всей вероятности, ее демократические симпатии явно улетучатся после падения абсолютизма, как это случилось с ней в Западной Европе. Удержать твердо значительную часть ее на почве теперешних ее социалистических тенденций возможно было бы только путем усиленной пропаганды теперь в ее среде учений научного социализма, потому что люди привилегированной среды могут в большинстве случаев серьезно предаться интересам народа только под влиянием усилий мысли и теоретических доводов. Но самая склонность ума работать в этом направлении, предрасположенность его, так сказать, к восприятию крайних демократических доктрин зависит от внешних обстоятельств. И в этом отношении теперешние обстоятельства, конечно, гораздо благоприятнее тех, какие настанут после избавления России от гнета абсолютной монархии. Вот почему я думаю, что именно теперь (а не после) следует употребить все усилия на организацию систематической пропаганды социализма в нашей интеллигентной молодежи. Упустить этот момент – значит совершить непростительную и едва ли поправимую ошибку. И это будет одна из тех ошибок в жизни общественных партий, за которые им приходится жестоко расплачиваться перед неумолимым судом истории.

Письмо к товарищам. [М., 1884]. Гектограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М.; Л., 1924. С. 88–102.
Автограф не обнаружен. Публикуется по тексту брошюры.

Примечания

[1] Сразу после образования в сентябре 1883 г. группы «Освобождение труда» ее члены предприняли попытки завоевать на свою сторону революционные кружки в России, объяснив им необходимость разрыва с народовольцами. С этой целью на родину был отправлен ряд писем. В этом ряду известно письмо Л.Г Дейча к товарищам (см. док. 1). Со схожим посланием в Россию обратился и П.Б. Аксельрод. «Письмо» Аксельрода было размножено на гектографе московским «Обществом переводчиков и издателей», а тексту было предпослано следующее предисловие:

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Публикуемое нами «Письмо к товарищам» имеет совершенно частный характер и нисколько не предназначалось автором его для опубликования. Публикуя его, мы руководствуемся следующими соображениями.

Много кружков и лиц на Руси, придерживающихся того взгляда, что нам, русским социалистам-революционерам, следует на время оставить всякую мысль о социализме, ибо история выдвинула для нас на первый план борьбу за политическую свободу. «Направляя все свои силы исключительно на борьбу с абсолютизмом, – говорят они, – лишь в этом случае нам удастся низвергнуть его и добиться таких политических условий, при которых нам возможно будет вести социалистическую борьбу». «Мы охотно, – прибавляют они, – позволили бы себе, "как роскошь", и социалистическую литературу – ведь мы по основным своим убеждениям социалисты, – но так как мы не имеем в своем распоряжении ни богатств Креза, ни армии Наполеона I, то вынуждены тратить свои силы по возможности производительней».

Мы надеемся, что публикуемое нами письмо если не убедит совершенно подобные кружки и лица в несостоятельности их взглядов, то, по крайней мере, заставит их задуматься о том, в каком именно случае мы как социалисты, хотя бы только «по основным своим убеждениям», тратили бы свои силы и средства производительнее.

К величайшей нашей радости, некоторые кружки сами сознали в последнее время всю необходимость серьезной социалистической литературы, доказательством чему может послужить появление литографированных статей Энгельса и Ланге, литографированной брошюры «Социализм и политическая борьба» Плеханова и т.п. Для этих-то кружков мы больше всего и публикуем это письмо. Оно укрепит в них зародившуюся мысль о необходимости, как для нашей революционной молодежи, так и для более интеллигентных рабочих, серьезной социально-политической подготовки, что, в свою очередь, обусловливает собою необходимость создания такой литературы, которая могла бы дать им эту подготовку. «Библиотека современного социализма» есть, по нашему мнению, именно такая литература, и мы надеемся, что вышеупомянутые кружки поспешат со своей поддержкой навстречу этому весьма и весьма полезному предприятию.

В заключение прибавим следующее: автор «Письма к товарищам» говорит в одном месте, что при некоторых условиях можно доставлять в Россию если не тысячи, то сотни экземпляров каждой брошюры. Мы со своей стороны можем прибавить, что это не предположение со стороны автора письма: усилия эти, как нам известно, уже сделаны, и есть возможность доставлять в Россию довольно часто сотни две-три брошюрок.

В конце «письма» мы помещаем список книг, имеющихся в складе группы «Освобождение труда».

Москва *Издатели.*
январь 1884 г.

«Общество переводчиков и издателей» действовало в Москве с осени 1882 по май 1884 г. Оно состояло в основном из студентов Московского университета и занималось изданием и распространением русской и зарубежной социалистической литературы. Активными его деятелями были В.Т. Распопин, П.А. Аргунов, И.Ю. Ворожейкин, П.В. Соколов и др. Они имели связи с группой «Освобождение труда», польской группой «Пролетариат», с заграничным центром «Народной воли» и с группой Д. Благоева. «Общество» издало произведения К. Маркса и

Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии»; сборники «Социалистическое знание» (Т. 1–3); работы В. Либкнехта, Г.В. Плеханова, П.Л. Лаврова, Л. Блана, Е. Дюринга, Ф. Лассаля. Литература печаталась в типографии Н.А. Янковской. В мае 1884 г. «Общество» было разгромлено полицией.

[2] См. прим. 4 к док. 1.

[3] *Напомню, что ввиду действовавшего в то время в Германии «закона против социалистов», последние были вынуждены печатать свои произведения за границей (сперва в Цюрихе, затем в Лондоне) и нелегально перевозить и распространять их в стране; центральный орган их «Social-democrat» также там печатался.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[4] Очевидно имеется в виду съезд землевольцев-политиков в июне 1879 г. в Липецке.

[5] Речь идет о переводе В.И. Засулич одного из первых произведений зрелого марксизма (1847). См.: *Маркс К.* Нищета философии: Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / С предисл. и прим. Ф. Энгельса. Женева, 1886.

[6] Смысл существования (*фр.*).

[7] В центре политической жизни Ирландии 1880-х гг. была борьба за самоуправление в рамках Британской империи. При этом часть партии гомрулеров (сторонников автономии), напуганная размахом крестьянского движения, отошла от политической деятельности и сосредоточила свои усилия на культурнической деятельности.

[8] Речь идет о еврейских погромах на Юге России весной 1881 г. и весной 1882 г. Народовольцы первоначально рассматривали погромы как начало широкого народного движения. П.Б. Аксельрод решительно выступал против такой оценки. Подробнее см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 65–68, 118–119, 131, 405–419.

[9] Якобинская диктатура – апогей Великой французской революции (июнь 1793 – июль 1794 г.). Была установлена в результате народного восстания, приведшего к власти якобинцев (крайне левая политическая группировка, члены Якобинского клуба). В борьбе с политическими противниками якобинцы установили в стране систему террора.

[10] С весны 1792 г. начались войны коалиции европейских государств против революционной Франции. В коалицию входили Австрия, Пруссия, Сардинское королевство, Англия, Нидерланды, Испания, Неаполетанское королевство и др. Первоначально французская армия в результате предательства части командного состава терпела поражения. Интервенты были остановлены революционными французскими войсками при Вальми в сентябре 1792 г. В первой половине 1793 г. французская армия вновь терпела поражения. Ее новые успехи были связаны с якобинской диктатурой.

[11] Имеются в виду якобинцы.

[12] *Как видим, несмотря на свой скептицизм, П.Б. Аксельрод все же очень оптимистически смотрел на тогдашнее политическое положение: ему, очевидно, представлялось, что в ближайшем будущем наша страна добьется политической свободы.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[13] *Обращаю внимание, что это сообщение Аксельрода показывает, насколько мы были правы, когда при основании нашей группы рассчитывали на предстоящее увеличение контингента эмигрантов, о чем я сообщил в статье «Первые шаги группы "Освобождение труда"», в сборнике № 1.* – Прим. Л.Г. Дейча.

1884

3
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1884, 28 мая (9 июня)
С.-Петербург
Дом предварительного заключения[1]

Милая, дорогая моя Саша[2]!

Только на днях получил позволение ответить тебе[3] (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «закон-

ной» женой – чего не бывает?). Я представляю себе, до чего поразило и огорчило тебя все произошедшее со мною[4]. В этом немало я сам виноват и вполне чувствую свою вину. Но дай расскажу тебе, как все произошло. После твоего отъезда, к[о]т[о]рый, помнишь, был за три дня до решения суда, я жил уже мыслью о скором возвращении к тебе, строил всякие планы и пр. В день суда, утром, меня зовут к прокурору[5], думаю: «Это он хочет раньше, чем я получу[6] формальное уведомление о моем освобождении, устно сообщить мне об этом», – такую любезность предположил с его стороны. Но, увы! Он медленно прочитывает мне одну за другой несколько бумаг, в к[о]т[о]рых говорится, что нет никакого Булыгина, что я – Дейч и т.д. (Между прочим, требуя моей выдачи, русское правительство рекомендует принять меры против возможности побега с моей стороны). Ты представляешь себе, как эти известия подействовали на меня! Думаю, совершенно неожиданный приговор к смертной казни не мог бы более поразить меня. Я тогда понял, что можно поседеть в несколько часов. Я старался, однако, не выдавать себя выражением лица, голосом. Каких это мне стоило усилий! Воображаю, как я тогда выглядел. Моим разуверениям и доказательствам неосновательности требований рус[ского] правит[ельства] выдачи прокурор, видимо, не верил, хотя и делал вид, что я могу еще доказать, ч[то] я – не Дейч. Несмотря на это, он до того испугался сообщенных обо мне сведений, что не решался оставаться со мной наедине и звал привратника, словно, если я – wichtiger Nihilist[7], то непременно должен его съесть или взорвать бомбой. Ах, до чего он трусливый и противный старикашка[8].

К дверям моей камеры приставили человека, о чем я не должен был подозревать; но я тотчас же почувствовал это и ловил то глаз его, то ухо в щелке. Почему-то особенно боялись они за печку, к[о]т[о]рая, заметь, отделяется от камеры толстейшей и густой решеткой, сквозь которую и ½ годовалому ребенку не просунуть головы. (Но немцы – народ услужливый). Сказали ему «оберегать», так он и там увидит возможность убежать, где и с крыльями не улетишь. Или уж слава о чудесах русских революционеров тому причиной? Но до чего они меня смешили потом по дороге этими опасениями и предосторожностями (впрочем, были очень вежливы и предупредительны). На следующий день приехал во Фрейбург киевский товарищ прокурора узнавать меня[9]. Он утверждал, что видел меня в Киеве, я отрицал, – я, действ[ительно], не помню его. После этого не было уже сомнения, ч[то] меня выдадут. Я, однако, продолжал не признаваться вплоть до русской границы, где меня встретили жандармы с веселыми, ликующими лицами и восклицаниями: «А вот вы, г. Дейч! Наконец-то! А похудели!». Я более не стал отпираться.

Я вскоре оправился несколько от первого впечатления, стал приучать себя к мысли о разлуке с тобою, друзьями, о разбитых планах, надеждах и начал готовиться к отъезду. Не знаю, получила ли ты тогда посланные мною тебе 2 книги и письмо, в к[о]т[о]ром просил тебя выслать мне деньги, книги и платье? Я уже думал о приговоре и долголетней жизни на каторге довольно хладнокровно. Тяжело б[ыло] как, отчасти, и теперь еще – представлять себе суд. Неприятное ощущение фигурировать по *этому* делу. Но просыпаюсь однажды с мыслью: «А не лучше ли, чем все предстоящее мне переживать, чем медленно, со всякими муками умирать, разом покончить?» Я спокойно начал разбирать все pro и contra[10]. Ты, конечно, занимала важнейшую роль в этих взвешиваниях. Я не мог остановиться пока ни на каком решении. Это б[ыло] в воскресенье. «Ну, да сегодня, думаю, все равно не придет еще ответ из Карлсруэ, – успею еще поду-

мать». Вдруг зовут к прокурору, который прочитывает решение баденского правительства выдать меня как уголовного преступника, и объявляет, что сегодня повезут меня. Укладываю свои вещи и вместе продолжаю решать прерванную мысль. «Откладывать, – думаю, – нечего, лучше это сделать здесь». Тут у меня б[ыла] целая масса соображений и, право, даже «умные», «практичные»* – как это ни странно!.. Лишь только спустил ноги, я тотчас же потерял сознание, – очень искусно устроил это... Проснулся как от продолжительного тяжелого сна, но первые несколько минут не мог говорить, двигать никаким членом; около меня суетятся, я тотчас же все припомнил. Мне жалко б[ыло], ч[то] не удалось, и вместе как бы доволен б[ыл], – здесь, впрочем, примешивалось и суеверие некоторое.

Ну, вот тебе почти полное изложение всего пережитого мною. Я опустил многие соображения, интересные более с психологической стороны.

Ты просишь не повторять этого. Даю тебе обещание, как бы мне впредь не б[ыло] тяжело. Я, впрочем, не могу ручаться, что всегда буду при полном здравом уме, – ты ведь знаешь, я склонен к умственному расстройству; но, надеюсь, и последнее не случится, особенно если пойду на Кару[11], куда должны меня, как уголовного, послать. Тебе, конечно, во Фрейбурге уже сказали, ч[то] выдали меня на том условии, ч[то] будут судить меня с присяжными. И действительно, следствие производится обыкновенным порядком, и содержусь я не в крепости, как это б[ыло] в первые две недели, а в Доме, где ты сидела в 76–77 гг.[12]. Вообще, пока со мною обходятся очень хорошо, и я вполне доволен этим. Наказание за покушение на Гориновича[13] по закону предстоит мне сравнительно небольшое, но я не знаю, надеяться ли свидеться и быть еще с тобою? У меня, признаться, нет надежды, но чем черт не шутит! Во всяком случае, надо приучать себя к мысли о долгой разлуке. Умоляю тебя, береги себя, старайся развлекаться, замени меня в издательской деятельности. Надеюсь, дела вошли уже в колею, и издания у вас продолжаются? Противное меня очень бы огорчило. Напиши мне, что у вас делается? Как ты и Вера устроились? Что она поделывает? Воображаю, как огорчены и расстроены вы обе! Это мне больнее всего. Утешить мне вас невозможно, хотя, объективно говоря, мы не вправе сетовать: ведь хуже поплатились товарищи и на много лет раньше попались, – я все же пожил, хоть мне и теперь всего 28 лет. Но знаю, что эти утешения не в утешение. Суд будет, вероятно, скоро, так как следствие уже почти закончено. Не думаю, чтобы он вышел сколько-ниб[удь] интересным: я отношусь к нему с неприязнью, если можно так выразиться, не хочется мне думать о нем – неприятно, тяжело. К тому же дело старое, всем известное.

Воображаю, как галдели иностран[ные] газеты по поводу моей выдачи. Напиши, что в них писалось. После суда вышлю некоторые вещи тебе (часы, кольцо), ты раздашь их на память и оставшиеся там, кроме некоторых книг, к[о]т[о]рые вышли мне, а именно: сочинения Фихте, Канта, Шопенгауера, Gesch[ichte] der Philosophie Schwegler'a[14] и Ueberweg'a[15] (она у Павла; также не даст ли он своей истор[ии] Греции Курциуса[16]), Gesch[ichte] der Judenthum[17], социологию Спенсера[18], и пусть Вера и Жорж выберут побольше книжек «National Bibliotheque» – франц[узские] и немецкие издания по 25 с[антимов], также франц[узско]-русс[кий] и нем[ецко]-русс[кий] словари. Все это вышли мне по след[ующему] адр[есу]: г-ну прокурору судебной палаты (для такого-то) в СПБ., и

* Прочитавши это место, Вера, думаю, скажет: «...Ох уж мне эти «умные», «практичные» соображения! Он вечно что-ниб[удь] невозможное проделывает». Не так-ли?

только. Пиши по этому же адресу; также вышли мне рублей 75 рус[скими] деньгами. Надеюсь еще тебе писать. А пока крепко-крепко обнимаю и много-много целую, тоже Веру, Аню, Павла, Жоржа, Розу, Надю, Лизу и всех, всех друзей и приятелей, – я с большой нежностью вспоминаю их всех. Пиши же подробно, что у вас делается. Пусть Лиза время от времени посылает деньги отцу Якова. Ну, будь здорова и по возможности спокойна. Еще целую. Отвечай поскорее.

Твой Лев Дейч

Посланные тобой мне на память книги я не получил, должно быть, где-ни-б[удь] застряли[19].

Всякой вещи, напоминающей мне [о] о тебе, буду, конечно, очень рад.

В Credit Lyonnais[20] остались мои 55 фр[анков] (а может, и более); пусть Жорж зайдет и попросит, чтобы ему дали бланку чека, к[о]т[о]рую ты мне вышли, я напишу на ней, чтобы выдали ему оставшуюся сумму. Не забудь сделать это. Жалко, чтобы деньги пропали зря. Пусть Вера припишет в твоем письме. Прошу тебя, Вера, напиши хоть несколько слов о себе. Не знаю, получила ли то мое последнее письмо из Фрейбурга с книгой. Вытребуй из Фрейбурга (через адвоката) оставшиеся там книги с сундуком[21].

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.1. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5.
С. 91–94. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Дом предварительного заключения (ДПЗ)* – следственная тюрьма в Петербурге (первая в России), введена в действие в 1875 г. Рассчитана на 700 заключенных (317 одиночных и 68 общих камер). В ДПЗ содержались главным образом участники революционного движения во время следствия и суда (процессы проходили в здании Петербургского окружного суда, соединенного с ДПЗ подземным коридором). Первые узники – фигуранты «процесса 193-х».

Об аресте Л.Г. Дейча и выдаче его германскими властями России известно следующее. Уехавший в Россию С.Л. Гринфест нашел там не только отдельных лиц, но и целые кружки, согласившиеся взять на себя оплату не только изданий группы «Освобождение труда», но и контрабандный провоз ее в Россию. На полученные средства он организовал путь через границу и ждал от группы «Освобождение труда» транспорта литературы. Остановка была за группой. Она не могла расплатиться с долгами и залезала в новые. Студент Городище предложил за свой счет перевезти транспорт через швейцарско-германскую границу, а оттуда отправить его по почте в указанный Гринфестом пропускной пункт на русской границе.

В конце февраля 1884 г. Дейч отправился в Берн, чтобы познакомиться с местной группой, достать денег и поехать в Цюрих для скорейшей отправки транспорта. Он получил в Берне весьма значительную сумму, существенно превышавшую требовавшуюся. В Цюрихе издавался немецкий «Социал-демократ». Дейч решил воспользоваться контрабандным путем через швейцарско-германскую границу у Ю. Мотеллера, которым эта газета ввозилась в Германию. Однако, незадолго до этого, этот путь провалился. В Базеле у Дейча имелся еще один знакомый швейцарский социал-демократ, имевший контрабандный путь через границу. П.Б. и Н.И. Аксельрод уговаривали Дейча самому границу не переходить. С Дейчем в Базель поехала Надежда Исааковна. Он имел с собой заграничный паспорт мужа Фелиции Шефтель на имя «Александра Булыгина из Москвы». Предназначавшаяся для перевозки литература была разложена в два больших сундука – сверху лежали в одном мужские, в другом женские вещи, чтобы при осмотре в таможне не возбудить подозрений.

Из Цюриха они выехали 9 марта. Втроем отправились на вокзал, находившийся уже на немецкой территории, где швейцарец отрекомендовал Дейча своему знакомому таможеннику. Осмотр прошел чисто формально. Далее нужно было доехать до ближайшего немецкого города и оттуда по почте переслать литературу в указанный Гринфестом пункт. Надежда Исааковна хотела это сделать сама, но Дейч воспротивелся, потому что решил в Германии встретиться с О.Е. Слободским, который обещал наверняка достать для группы весьма крупную сумму. Он уехал один. На вокзале во Фрейбурге Дейч отдал ящики первому попавшемуся носильщику,

который и доставил их в ближайшую гостиницу «Фрейбургское подворье». Совершенно случайно она находилась в поле зрения местной полиции. За несколько дней до приезда Дейча здесь провалился контрабандный транспорт литературы польских революционеров. Полиция провела у Дейча обыск и арестовала его, связав его приезд с недавним инцидентом. Он был заключен в местную следственную тюрьму, и началась процедура установления его личности. Вначале дело обещало благополучно разрешиться. В качестве переводчика Дейчу предоставили хорошо знакомого ему местного профессора истории А. Туна, а немецкие социал-демократы предоставили ему опытного адвоката. Тун сообщил об аресте Дейча членам группы «Освобождение труда». Во Фрейбург приехали П.Б. Аксельрод и В.И. Засулич. Товарищи Дейча приложили все усилия, чтобы его личность была идентифицирована как «Александр Булыгин». Однако в ход дела опять вмешался случай. Прибывший в то время во Фрейбург товарищ прокурора Петерургской Судебной палаты Н.М. Богданович, убитый впоследствии эсерами в качестве уфимского генерал-губернатора, опознал Дейча. В середине 1870-х гг. он был товарищем прокурора Киевского Окружного суда. В начале 1876 г. Дейч содержался как подследственный в киевском тюремном замке, но бежал оттуда. Стал активным членом кружка «южных бунтарей» и участником «Чигиринского заговора», он вместе со своими товарищами Я.В. Стефановичем и И.В. Бохановским совершил покушение на жизнь провокатора Н.Е. Гориновича, изуродовав его. В сентябре 1877 г. Дейч был вновь арестован и опять очутился в киевской тюрьме, а в мае 1878 г. опять бежал и теперь уже скрылся за границу. Богданович потребовал у баденских властей выдачи Дейча по этим давним делам. В середине мая 1884 г. соответствующее положительное решение германских властей было принято и Дейч под конвоем был доставлен в Россию. В Петербурге он сначала был помещен в Петропавловскую крепость, а затем как подследственный переведен в Дом предварительного заключения. – См.: *Аксельрод П.Б.* Группа «Освобождение труда» // Летописи марксизма. Т. III. М.; Л., 1928. С. 100–101; *Дейч Л.Г.* Первые шаги группы «Освобождение труда». (Конец 1883 – начало 1884 г.) // Группа «Освобождение труда». Сб. 1. М., 1924. С. 41–47; *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. 3-е изд. М., 1924. С. 3–5, 8–9, 12–15, 16, 25, 29–30, 34, 36–37, 39, 43, 46.

[2] *Так как жена Булыгина, с паспортом которого я был арестован во Фрейбурге, приезжала ко мне туда на свидание в качестве «моей жены», о чем я подробно сообщил в книге «16 лет в Сибири», и от ее же имени, но по содержанию принадлежавшее Вере Засулич, мне передали письмо, адресованное во фрейбургскую тюрьму, когда я уже сидел в Петропавловской крепости, то, получив дозволение ответить моей будто бы «невесте», я обращался как бы к ней, Булыгиной (в действительности являвшейся небезызвестной Фелицией Шефтель), будучи уверен, что мои друзья поймут эту мою конспирацию, как оно и оказалось потом.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[3] *Когда я летом 1884 г., будучи выдан германским правительством, находился в Петропавловской крепости, мне однажды было передано смотрителем письмо от В.И. Засулич, адресованное еще во Фрейбургскую тюрьму и пересланное оттуда в Петербург. На нем были печати и подписи разных лиц и учреждений – директора Департамента полиции, прокурора судебной палаты, коменданта крепости, – через руки которых оно прошло. По прочтении его мною у меня его, конечно, отобрали. Когда же после перевода меня в Дом предварительного заключения министр юстиции Набоков, при посещении этой тюрьмы, спросил меня, не имею ли чего заявить, я спросил, могу ли ответить на письмо «моей замужней сестры, живущей в Цюрихе», на что я получил утвердительный ответ. Написав письмо своим друзьям, я выставил на конверте улицу и номер дома, где жил Аксельрод, но, опустил его фамилию, ограничился одним его именем по-немецки – «Herrn Paul»: выходило, будто моя сестра замужем за «г-м Паулем». Ответом на мое письмо были три письма: от Веры Ивановны, Георгия Валентиновича и Павла Борисовича в одном конверте, полученные мною уже после суда надо мною в Одессе.*

Сохранив у себя эти письма, ввиду имевшихся на них штемпелей и подписей разных должностных лиц и учреждений, я затем всюду, при случае, ссылался на разрешение, данное мне самим министром юстиции, а также, мол, директором Департамента полиции и т.п. важными особами, доказательством чего служили штемпеля, печати и подписи этих лиц. Этого моего права никто нигде не оспаривал: даже подлая ищейка, карийский комендант Николин, увидев на привезенных мною письмах разрешение директора Департамента полиции и подобных лиц, – не отыскал повода придраться и разрешил иметь эти письма при себе. Поэтому все время пребывания на Каре, затем в вольной команде и на поселении вплоть до моего побега из Сибири в 1901 г. не прекращалась моя переписка с членами группы «Освобождение труда».

К сожалению, не все мои письма к друзьям сохранились в архиве Плеханова, где я их нашел в 1922 г. в Париже. В них, хотя и с большими пропусками, имелись небезынтересные сообщения и иллюстрации моей и моих друзей жизни за семнадцатилетний период нашей разлуки, но пока, к сожалению, у меня в руках находятся лишь письма за первые 9 лет, да и то, повторяю, далеко не все. Еще в большей степени досадно и огорчительно, что письма этих друзей ко мне за весь долгий период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их (также огромное количество других документов и рукописей) накануне своего побега из Благовещенска вследствие боязни взять весь этот богатый архив с собою, а также и оставить его у кого-нибудь на хранение, чтобы не дать посторонним лицам возможности рыться в частной корреспонденции. Это была преступная несообразительность с моей стороны, которой я не могу себе простить: я сам истребил драгоценнейшие материалы! Но ничего не поделаешь теперь... – Прим. Л.Г. Дейча.

Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[4] То есть арест Дейча во Фрейбурге и выдача его российским властям.

[5] Речь идет о суде, который должен был подтвердить, что он – Булыгин и принять решение: оставить ли его на свободе в Германии или выслать в одну из соседних с Германией стран, скорее всего в Швейцарию. В тот день, когда должен был состояться суд, Дейч был вызван к баденскому прокурору, который ознакомил его с документами, присланными из России, доказывавшими, что он – не Булыгин, а Дейч – уголовный преступник, разыскиваемый русскими властями по делу Гориновича. Таким образом, судебное заседание в Бадене не состоялось, и началась подготовка к выдаче Дейча российским властям.

[6] Слово «получу» приписано сверху вместо зачеркнутого «состоится».

[7] Важный нигилист (*нем.*).

[8] *Думаю, что он, как и следователь, хитрили с нами, когда уверяли, что буду скоро освобожден: тогда, вероятно, велись уже переговоры о моей выдаче.* – Примечание приписано Л.Г. Дейчем внизу страницы.

[9] Богданович Н.М.

[10] За и против (*лат.*).

[11] Кара – река, приток реки Шилка в Забайкальской области, на которой располагалось несколько каторжных тюрем.

[12] Скорее всего, ошибка. В.И. Засулич с мая 1869 по март 1871 г. содержалась в Литовском замке и Петропавловской крепости до административной высылки по нечаевскому делу. В 1875–1877 гг. была вместе с Л.Г. Дейчем членом кружка «южных бунтарей» на Украине. В Петербург вернулась в 1877 г. 24 января 1878 г. совершила покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и была арестована. Судом присяжных она была оправдана 31 марта 1878 г. и скрылась за границу. Очевидно, Дейч имеет в виду ее кратковременное заключение в ДПЗ как подследственной в конце января – марте 1878 г.

[13] Воспоминания об этом приведены в книге Л.Г. Дейча «16 лет в Сибири» (М., 1924. С. 61–65), характеристика процесса дана в книге Н.А. Троицкого «Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг.» (М., 1979. С. 100–101).

[14] Очевидно, речь идет о его руководстве по истории философии, долго считавшемся образцовым по ясности и сжатости изложения и переведенном и на русский язык («Geschichte der Philosophie im Umriss» – 1848).

[15] Вероятно, речь идет об Ибервеге (Ueberweg) Фридрихе (1826–1871) – немецком философе, логике и историке философии.

[16] Курциус (Curtius) Эрнст (1814–1896) – немецкий историк античности, археолог, руководитель раскопок в Олимпии. Речь идет о его книге «История Греции» (Т. 1–2. 2-е изд. М., 1880–1883).

[17] Очевидно, речь идет о книге немецкого историка Маркуса Иоста (Iost) «Geschichte des Judenthum und seine Sekten».

[18] Очевидно, речь идет о его трехтомном труде «Основания социологии» (The Principles of Sociology, 3 vol., 1876–1896).

[19] Эта и следующая строки написаны автором по верхнему и боковому полям последней страницы письма.

[20] Credit Lyonnais – один из трех крупнейших банков Франции, основанный в Лионе в 1863 г.

[21] Весь последний абзац приписан автором по верхнему и боковому полям внутреннего развернутого листа письма.

«Книги с сундуком» – Л.Г. Дейч привез во Фрейбург нелегальную литературу в сундуке с личными вещами.

4
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич и Г.В. Плеханову

1884, 1(13) октября
Одесса[1]

Дорогая сестра[2]!

Наконец, после долгих ожиданий, сменявшихся отчаянием (и обратно), получил[3] вчера твое письмо от 25 (13) сен[ября][4], и то только благодаря[5] прокурору Окружного суда[6]. Какое наслаждение и утешение доставили мне эти ваши письма[7] – особенно твое, – ты поймешь по прочтении моего письма. Дело в том, что недели две тому назад здесь был министр юстиции[8]; на его вопрос, не имею ли чего заявить[9] (я его видел уже летом в Петербурге, – он производит довольно приятное впечатление), я решился попросить его, чтобы меня оставили здесь до весны и не переводили на положение лишенного всех прав, ввиду того, что зимою гораздо труднее свыкнуться с условиями, связанными с этим новым званием. Он, кажется, предложил местным властям исполнить мою просьбу, п[отому] ч[то] меня вслед за тем перевели в теплую хорошую камеру, дали постель и все[10], чего я был до суда лишен[11]. Дней 10 я был на седьмом небе, – испытывал невыразимое наслаждение, ложась спать на соломенном матраце: никогда раньше[12] никакая пружинная постель не доставляла мне такого удовольствия. Я, как и местная администрация, думал, что, значит, меня согласились оставить здесь на зиму (что вообще практикуется). Но, увы! Недолго продолжалась мечта[13]: на днях мне объявили о предстоящей отправке меня на будущей неделе в Центральную (Московскую) тюрьму для ссыльно-каторжных[14]. Таким образом, «комфорт», длившийся две недели, был мне не в пользу, а скорее во вред, так как от этой сравнительно хорошей обстановки (и на две недели ближе к зиме) перейти к кандалам, бритой голове и всему прочему гораздо труднее.

Почти одновременно с этим грустным известием мне объявлено было еще и другое, а именно, что присланные вами 100 рублей, попавшие как раз в руки военного суда, он определил, – за вычетом 16 р. 40 к. судебных издержек, – остальные 82 р. вручить моим наследникам – родным. Мне, конечно, не было бы жаль этих денег, – да и гораздо большей суммы, если бы они были мною самим[15] приобретены и достались бы[16] в наследство моей семье. Но в том-то и дело, что родные[17] мои навряд ли воспользуются этой ничтожной суммой, так как получение ее, верно, будет сопряжено с массой формальностей и издержек, вероятно[18], превосходящих самое «наследство». Теперь ты поймешь, в каком настроении я был под влиянием этих двух известий и какое утешение доставило мне твое письмо, пришедшее в дни сборов в тяжелый и неприятный путь. Вы сильно ошибаетесь, милый Жорж, допуская предположение, что «каторжная жизнь окажется лучше предварительного заключения»[19]. Судя по сборам, я уже вижу, что это будет нечто невозможное, – хуже, чем в брошюре «От мертвых»[20]. На мне, не забывайте, соединяются все неудобства, связанные с положением так называемого «государственного» и «уголовного» преступника. К тому же вследствие неполучения ваших 100 рублей я не могу сделаться «эпикурейцем»[21], как вы советуете[22], в отношении пищи; наоборот, я должен сожалеть, зачем не в достаточной мере был последователем Диогена[23], – тогда, быть может, у меня больше уцелело бы на те времена, когда особенно будет[24] нужна копейка, без которой, как говорит Достоевский (в «Записках из Мертвого Дома»[25]), «каторжный не мог бы прожить и месяца». В этом отношении мое положение хуже, чем всякого другого уголовного (или государственного),

так как, не говоря о непривычке ко всяким лишениям, я к тому же лишен возможности какой-нибудь работой или ремеслом улучшать свою пищу. О занятиях высшей математикой смешно и думать: не говоря уже об отсутствии средств на покупку книг, вот так-таки станут давать мне «многотомные» учебники и необходимые принадлежности для занятий (хотя бы, например, лампу в камере, а не свет из коридора). Рад буду, если удастся приобрести учебники по низшей и смогу ею заниматься при предстоящей обстановке (не забывайте, что в Москве теперь день состоит из каких-нибудь 5–6 часов и какой холод предстоит мне выносить). До сих пор я питался довольно сносно (хотя и не так, как следовало бы, если бы слушаться ваших советов), но, к сожалению, теперь, с ухудшением всех других условий, приходится и от улучшенной пищи отказаться, чтобы[26] хватило подольше хоть на чай. От табаку я на днях отказался. Тяжело очень с ним расставаться, не потому, что это сильная потребность, а – единственное развлечение, удовольствие, единственный, можно даже сказать, друг для одиночно заключенного. Я, право, думаю, что % сумасшедших был бы значительно больше, если бы секретным арестантам было запрещено курить. Ведь, расхаживая из угла в угол с папироской, при слабом свете в длиннейшие вечера, не так замечаешь время[27], как без курения. Жалко мне было также расставаться с подарком Лизы – portecigar'ом[28] (я послал его своей сестре Соне), так как у меня его отняли бы или украли, поломали и т.п.

Ужасно жалею, что не получил вашего предыдущего письма, [посланного] в Петербург: оно, верно, где-нибудь застряло (настоящее ваше письмо прошло массу инстанций). Не знаю, почему тебе, Павел, вздумалось послать его по адресу[29] Председателя суд[ебной] пал[аты], когда я просил – на адрес[30] прокурора Окружного суда? Жаль, что вы хоть в общих чертах не повторили содержания предыдущего. Да, тебе, дорогая, не везет с большими письмами. Но я и этому ужасно рад: оно писано, очевидно, в сравнительно бодром настроении. Я не сомневаюсь, что одобрил бы твое решение насчет твоего будущего, раз ты обдумала его всесторонне. Очень бы хотел знать, в чем оно состоит? Радует меня твое известие о большой симпатии, установившейся у вас с «Лизенком» и о прелестном состоянии ее здоровья. Имеет ли она известия от матери маленького Женички, где она и что с нею? Она ведь была с моей сестрой на одном курсе, и, быть может, они в переписке, а то я пишу, пишу моей Соне и не знаю, доходят ли до нее мои письма (теперь она в Купавской волости, какой-то «Чум-Урюпинской Управы» Земли Войска Донского). Здесь я от нее не имел ни одной строчки. Между тем, Соня единственный человек в семье, с которой я мог бы поддерживать переписку, – других сестер я почти совсем не знаю, каковы они. Ей же я послал свои часы и колечко Ани. Ужасно рад, что и она выздоровела. Старайся, дорогая, не совсем забывать ее: она ведь действительно оторвана от мира. А как здоровье Тамары[31]? Ты о ней никогда не упоминаешь. Боюсь, не заболела ли и она? Меня это очень огорчило бы. Пусть она едет в теплые страны, к Фридриху Карловичу[32], а то и подальше. Зачем шутить со здоровьем? Боюсь, не поздны ли мои советы, и мне страшно подумать, что Фанни останется тоже одна-одинешенька[33].

Однако как много я разболтался о прекрасном поле.

Да, дорогой Жорж, незавидна наша участь: писать брошюру в 10 л[истов] против «настроения»[34]. Но я никогда не посоветовал бы Вам такой большой заряд выпустить против такого слабого укрепления: ведь на 10 л[истах] можно изложить полную популяриз[ацию] Маркса, что куда полезнее какой бы то ни было «войны с настроением», которое, как таковое, ведь изменчиво, и через 3–6 мес[яцев] воюющая сторона может объявить, что она снова изменила свое настроение, что

по новому ее настроению – этот фактор не столь существенен. И что же? Ваша участь будет хуже, чем Ланге, к[о]т[о]рый не успевал ответить на I том Дюринга, как выходил II, III и т.д. Хотя вы меня и уверяли в предыдущем письме, что стали практичны, но, к сожалению, вижу, что вы остались таким же идеалистом (странно, а, может быть, именно потому, что Вы ярый[35] марксист, – Вы же и идеалист!). Вы верите в могущество какой-то бесконечной, «полной истины», могущей «увлечь». Это столь же возможно, как то, чтобы Павел сделался Ротшильдом[36], какового, впрочем, намерения он клянется, что не имеет. Да, жаль, жаль, что такой большой заряд вы выпустите (и так поздно).

А ты, брат, совсем, кажется, забыл уже о своей работе или только мне не написал? Получил ли ты мое предыдущее письмо[37], в к[о]т[о]ром я извещал тебя о суде (о «немилостивости» его, назначившего мне 13 л[ет] и 4 м[есяца] катorж[ных] раб[от], т.е. самый высший размер, какой только было возможно).

Не знаю, придется ли когда еще писать вам, дорогие друзья, а потому попрощаемся теперь, если не навсегда, то на многие годы. Уцелею ли я, выживу ли 13 л[ет] 4 м[есяцев] кат[оржных] раб[от] – большой вопрос: да это и не может быть желательно. Во всяком случае печальная перспектива дожить до окончания срока, когда будешь расслабленным, одержимым всевозможными болезнями старикашкой. Страшно задумываться о 1898 годе. Сколько перемен за это время! Ваши дети будут уже взрослыми людьми; вы все тоже будете клониться к старости. Я иногда стараюсь представить [себе] вас всех в те отдаленные годы. Воображаю, какой смешной старушкой будет Лиза. Тоже и ты, дорогая, поседеешь к тому времени. От всей души, конечно, желаю, чтобы все вы дожили и пережили мой срок каторги[38]. Не надеюсь когда-нибудь кого-нибудь из вас увидеть. А как бы мне хотелось, хотя бы и много лет спустя!.. Не знаю даже, будут ли достигать до меня какие-нибудь вести о вас, о вольном мире. Старайся, дорогая, давать мне знать о себе хотя бы и изредка.

Одновременно с этим письмом посылаю тебе швейцарскую кредитную монету в 50 fr., сохранившуюся у меня еще из-за границы: ни в Петербурге, ни здесь, как справлялся смотритель в банках, не хотят ее менять, – не имеют сношений с Швейцарией. Разменяй ее и в конце этого месяца вышли руб[лей] 25–30 (не больше) по следующему адресу: Его Высокоблагородию г-ну Смотрителю Московской центральной тюрьмы для ссыльно-каторжного (такого-то). Не посылай больше, так как боюсь; чтобы и с этими деньгами не вышло чего: ведь мне не везет во всех отношениях. Напиши при этом небольшое письмецо, в котором извести только о здоровье своем и других близких мне лиц: не забудь же упомянуть о Тамаре. Право, я опасаюсь, не захворала ли она. Ну, будь же здорова и бодра.Навещай часто Лизенка: ее я часто вспоминаю, как нежно любимую дорогую сестру. Кроме удовольствия и добра, мне от нее ничего другого не приходилось получать. То же, конечно, могу сказать о всех других моих друзьях, и, право, мне никогда не приходит на память о вас ничего, кроме приятного, хорошего. Мои пожелания каждому из вас в отдельности вы знаете. Ну, простите же все всё неприятное, что я когда-нибудь причинил кому из вас. Тяжело расставаться с этим письмом. Тяжело на душе. Всех много-много и крепко целую (случилось так, что я уехал, не простившись почти ни с кем из вас). Ну, будьте же здоровы. Не забывайте меня. Ваш по гроб.

Лев

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед.хр. 669. АД 1/29.3. Л. 3 – 5 об.
Автограф с позднейшей правкой, сделанной Л.Г. Дейчем при подготовке письма к публикации.Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 228–34.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Л.Г. Дейч должен был по русским законам быть судим на месте совершения преступления – покушения на жизнь Н.Е. Гориновича. Поэтому в конце августа 1884 г. он был перевезен из Петербурга в Одессу. Следствие было завершено к середине сентября. Дело рассматривалось в Военно-окружном суде во второй половине сентября. Прокурор требовал назначения Дейчу 13 лет и 4 месяцев каторги. Последний, считая суд простой формальностью, отказался от адвоката и защищал себя сам. Судебное слушание завершилось вынесением приговора, соответствовавшего требованию прокурора. – См.: *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 61–65.

[2] Один из псевдонимов В.И. Засулич.

[3] Далее зачеркнуто слово «наконец».

[4] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[5] Вымарано более яркими черными чернилами слово «ему».

[6] Далее вымарано несколько слов более яркими черными чернилами.

[7] Речь идет еще и о не разысканных письмах Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода.

[8] Впервые Дейч с Д.Н. Набоковым встретился еще летом в Петербурге. В Одессе они встретились уже как хорошие знакомые. Посещение министром Дейча в тюрьме способствовало значительному улучшению режима содержания последнего. – См.: *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 66–67.

[9] Фрагмент, начинающийся словами: «на его вопрос…», надписан сверху яркими черными чернилами вместо вымаранного текста.

[10] Яркими черными чернилами зачеркнуто слово «такое».

[11] Фрагмент, начинающийся со слова «чего», надписан сверху яркими черными чернилами.

[12] Слово «раньше» надписано сверху яркими черными чернилами.

[13] Слово «мечта» написано яркими черными чернилами поверх слова «иллюзия».

[14] *Бутырская тюрьма* (в просторечии – Бутырки) – сооружена в конце XVIII – начале XIX века по проекту архитектора М.Ф. Казакова как Московский губернский тюремный замок близ Бутырской заставы (отсюда название). По периметру тюрьма окружена каменной стеной с четырьмя башнями: Часовой, Северной, Полицейской и Пугачевской (в последней хранилась железная клетка, в которой в Москву был привезен Е. Пугачев). В 1868 г. была преобразована в Московскую центральную пересыльную тюрьму. В ней формировались этапные партии для отправки в Сибирь. В 1878–1881 гг. создано специальное пересыльное отделение, размещавшееся в башнях.

[15] Слово «самим» надписано сверху яркими черными чернилами.

[16] «Бы» вписано черными чернилами.

[17] Сестры Л.Г. Дейча – М.Г. Афанасьева, С.Г. и К.Г. Дейч.

[18] Слово вписано яркими черными чернилами.

[19] *Впоследствии оказалось, что ошибся я, а не он, Плеханов.* – Прим. Л.Г. Дейча.
Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[20] Вероятно, имеется в виду очень популярная тогда брошюра А.В. Долгушина «Заживо погребенные» (1878). Это было письмо-протест, написанное от имени политкаторжан, нелегально переправленное на волю и тайно отпечатанное в типографии «Земли и воли».

[21] *Эпикуреец* – человек, стремящийся к комфорту и жизненным удовольствиям. По имени основателя одной из материалистических школ древнегреческого философа Эпикура (341–270 гг. до н.э.).

[22] «Как вы советуете» надписано сверху яркими черными чернилами.

[23] *Диоген Синопский* (ок. 400 – ок. 325 до н. э.) – древнегреческий философ. Проповедовал и практиковал крайний аскетизм, доходящий до эксцентрического юродства, герой многочисленных анекдотов. Называл себя гражданином мира («космополитом»). По преданию, жил в пифосе.

[24] Слово надписано сверху черными чернилами.

[25] Речь идет о произведении Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1860–1861), посвященном каторге и каторжанам. Оно было написано по личным воспоминаниям о каторге, которую писатель отбывал в 1850–1854 гг.

[26] Слово «чтобы» приписано черными яркими чернилами.
[27] Слово «время» надписано сверху черными чернилами.
[28] Мундштук (*фр.*).
[29] Одно слово вымарано.
[30] Слово вымарано.
[31] «Тамарой» Г.В. Плеханов в шутку прозвал С.М. Кравчинского.
[32] «Фридрих Карлович» – шутливое прозвище Ф. Энгельса.
[33] *Здесь я намекал на угрожавшую С. Кравчинскому опасность так же, как и я, быть выданным России. Впоследствии, из дел Деп[артамента] пол[иции] я убедился, что, действительно, делались такие попытки, но Кравчинский уже до получения этого письма переселился к «Фридриху Карловичу», т.е. в Лондон, где тогда жил Энгельс.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[34] Речь идет о книге: *Плеханов Г.В.* Наши разногласия. Женева, 1884. – См.: *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956. С. 115–370.
[35] Слово вымарано.
[36] *Ротшильды (Rothschild)* – французские банкиры, ведущие дело с XVIII в. Здесь Дейч намекал на начатое тогда П.Б. Аксельродом вместе с женою, свояченицею и дочерью приготовление кефира для продажи. Подробнее о кефирном предприятии Аксельрода см. в его неопубликованных мемуарах: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 50. Д. 103. Л. 85–105.
[37] Письмо Л.Г. Дейча П.Б. Аксельроду не разыскано.
[38] *Нужно ли объяснять, что в то время, когда я писал это письмо, у меня было ошибочное, не оправдавшееся впоследствии представление о предстоящих мне ужасах каторжной жизни.* – Прим. Л.Г. Дейча.

5
Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

1884, 15 (27) октября
Одесса

Дорогой брат!

Воображаю, как ты и другие родные беспокоитесь, не получая от меня – вот уже третий месяц – никаких известий. Вы, конечно, строите всякие предположения, быть может думаете, не заболел ли я, не случилось ли чего нехорошего со мною. На самом же деле я не писал только потому, что, с тех пор, как я в Одессе, мне не передали ни одного вашего письма. Я и сам не знаю, чем объяснить это: в Петербурге мне тотчас же вручали их, хотя я там был еще под следствием. Теперь же, казалось бы, нет никаких причин задерживать письма от близких мне людей. Около трех недель тому назад г. председатель Военно-Окружного суда сообщил мне, что у него имеется для меня 100 руб[лей] и три письма, к[о]т[о]рые он сам обещал переслать мне. Я со дня на день, в самом напряженном состоянии ждал их, но, увы! До сих пор тщетно! Ты представляешь себе, как это меня огорчает, как грустно знать, что здесь же имеются письма близких, а я не могу их прочитать! Почему[1], казалось бы, и вас подвергать напрасному беспокойству тем, что не получаете ответов на ваши письма? Присланные тобою мне в Петербург деньги приходят уже к концу, к тому же я бы хотел купить некоторые книги, учебники, а между тем, не знаю у кого те 100 руб[лей], о которых говорил мне г. председатель.

Из иностранных газет ты, конечно, знаешь уже, что меня осудили на 13 л[ет] и 4 месяца кат[оржных] раб[от] в рудниках. Основываясь на заявлении петербургских властей, я, признаться, не ожидал такого большого срока. Суд определил мне то наказание, какое требовал прокурор, т.е. самую высшую меру, какая возможна по Улож[ению] о нак[азаниях] (вечную каторгу за убийство, 20 л[ет] –

за покушение и сокращенную на 1/3 ввиду моего несовершеннолетия во время преступления). Защитника я не взял потому, что по Обвин[ительному] Акту уже видел, что он ничем не мог бы мне помочь. Не буду тебе описывать того тяжелого впечатления, какое произвела на меня судебная процедура, – ты и сам, вероятно, представляешь себе это. С моим здоровьем, я, конечно, такого срока не вынесу, а если, паче чаяния выдержу, то буду дряхлым стариком, одержимым всевозможными болезнями: вспомни, что значит у нас каторга!

Пока положение мое сносно – местные власти довольно гуманны, обходятся со мною хорошо, и я бы по гроб был бы им благодарен, если бы только вручали мне письма. Особых лишений в физическом отношении пока не испытую[2] (страдаю только катаром желудка). Хотя осень здесь еще не настала, но уже прохладно, особенно в моей камере, в которой не вставлены еще стекла. Ужасно хотел бы знать, что с вами, как вам живется, что нового? Не знаю, скоро ли получу ваши письма. Не знаю, придется ли еще писать вам, а потому прощаюсь с Вами. От всей души желаю всем вам всякого благополучия. Доживите спокойно и счастливо не только до 1898 г. – срока моей каторги, – но и до 1984 г. Всех, всех прошу простить и забыть те неприятности и огорчения, которые я вольно или невольно причинил. Я часто прощаюсь мысленно с вами, с милой Швейцарией, произнося стихи Пушкина (из «Евген[ия] Онегина»):

«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!...
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»[3]

(На эти вопросы я уже выше ответил). Ну, будьте же все, как можно дольше живы и счастливы. Дождитесь хороших времен на нашей родине. Крепко, крепко обнимаю вас всех.

Ваш навсегда Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.2. Л. 1–2.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Так в тексте.
[2] Так в тексте.
[3] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин (седьмая глава, фрагмент XXVIII строфы).

6
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1884, 16 ноября
Москва
Московская Центральная пересыльная тюрьма[2]

Дорогая,

последнее твое письмо[3] я получил в Одес[ском] тюр[емном] замке почти перед самой отправкой сюда. Оно долго странствовало из инстанции в инстанцию,

и я уже отчаивался его получить, т[ак] к[ак] оно застряло у жандармского полковника, но[4], благодаря вмешательству прокурора Одесского окр[ужного] суда, оно, наконец, было мне вручено. Я ужасно рад, что ты чувствуешь себя, очевидно, сносно и можешь заниматься чтением. Меня также очень радуют сообщенные тобою и товарищами (Жоржем и Павлом) сведения об общем положении дел и о ваших работах[5]. От всей души, конечно, желаю вам всякого успеха. Что сказать тебе о себе? На новом местс чувствую себя очень хорошо; встретил товарищей по дороге в этап (в их числе Малеванного[6], к[о]т[о]рый идет на 3 года в Восточную [Сибирь]), а затем все народ новый, неизвестный, молодой, но симпатичный, хороший. Со всеми ними я, конечно, в самых лучших отношениях. К сожалению, внутри тюрьмы, в которой нам приходится провести вместе ½ года, мы отделены и не имеем возможности видеться. Помимо этого неудобства, я здесь не имею никаких причин пока быть недовольным своим положением, так как заключение почти не оставляет ничего желать лучшего. Книги имеются, пища хороша, камеры – также, прогулки и все такое. Ты, конечно, уже знаешь об участи, постигшей посланные тобою 100 руб[лей]: будучи отправлены на адрес суда, они были им употреблены на покрытие[7] судебных издержек, а остаток был вручен моим[8] наследникам. Таким образом, у меня имеются только оставшиеся от первой твоей присылки. Пока можешь не посылать мне; но имей всегда наготове русские бумажки, руб[лей] 100–150, и когда я напишу, то вышли мне; но если ты стеснена теперь в деньгах, то как-ниб[удь] обойдусь (причем имей в виду, что без всяких сколько-нибудь значительных лишений; поэтому умоляю тебя, не посылай и не трудись доставать, если у тебя нет лишних)[9]. Не пишу на этот раз много, т[ак] к[ак] на днях только (всего 2 дня) привезен сюда и еще не успел осмотреться, ориентироваться в массе новых впечатлений. Пожалуйста, береги свое здоровье. Пиши, что особенно нового. Шлю сердечнейший привет всем друзьям.

Твой брат Лев

Адрес мой: Его сиятельству, князю Василию Васильевичу Оболенскому, Большая Кисловка, дом Базилевского для осужденного, содержащегося в Московской центральной пересыльной тюрьме – такого-то.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД. 1/29.4. Л. 6 – 7.
Автограф с позднейшими исправлениями автора, сделанными при подготовке письма к печати. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 234–35.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Письмо это смазано полуторахлористым железом, – очевидно, «цензор» предположил, что я что-нибудь написал химическими чериилами. Рукой Аксельрода в левом углу на первой странице написано: «хорошее письмо».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[2] О ней см. прим. 14 к док. 4. Из Одессы Л.Г. Дейч обритый, в кандалах и халате каторжника был этапирован в Москву в середине октября. Этап шел через Киев, где осужденных некоторое время содержали в местной тюрьме. В Москву этап прибыл по первым морозам, очевидно, в начале ноября. Осужденных на каторгу разместили в Пугачевской башне Бутырок. – См.: *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 67–68, 73–74.

[3] Письмо не разыскано.

[4] Далее зачеркнуто более яркими чернилами слово «когда».

[5] *Хотя с тех пор прошло 40 лет и писем друзей я не сохранил, но ввиду того, что я их по несколько раз перечитывал, многое из них и теперь удержалось в моей памяти. Мои опасения, что после*

моего ареста, ввиду непрактичности всех оставшихся за границей друзей моих, они не смогут раздобыть средства как на продолжение начатой деятельности, так и для собственного их существования, к счастью, не оправдались. Арест мой и сопряженные с ним хлопоты друзей об освобождении меня вызвали среди эмиграции, в особенности среди учащейся за границей молодежи, большое сочувствие к группе «Освобождение труда» (на это, между прочим, указывает последнее письмо Плеханова к Лаврову). В некоторых городах Зап[адной] Евр[опы] начали производиться сборы пожертвований на случай, если баденское правительство, как тогда предполагали, согласится выпустить меня на поруки или когда придется устроить побег, для чего проектировалось приобрести свою лошадь с экипажем. – Прим. Л.Г. Дейча.

[6] В публикации «Группа "Освобождение труда"» ошибочно вместо Малеванного напечатано «Иван Ник. Присецкий».

[7] Это слово надписано Л.Г. Дейчем позже при подготовке письма к печати.

[8] Слово «моим» надписано Л.Г. Дейчем позже при подготовке письма к печати.

[9] *Сделанное мною в этом письме описание тюремных неудобств было, конечно, чересчур прикрашено, что, вероятно, объяснялось бывшими у меня пред этим опасениями насчет ожидавших меня, в качестве каторжанина, разных скорпионов: в действительности же, в Моск[овской] Центр[альной] тюрьме пища была отвратительная, камеры в знаменитой Пугачевской башне крохотные, полутемные, прогулки – на дворике, на котором едва можно было повернуться. Все же в общем, ввиду господствовавшей свободы и хорошего отношения к нам администрации, о чем я подробно уже изложил в книге «16 лет в Сибири», зимовка в Бутырках, действительно, была одним из хороших периодов в моей подневольной жизни.* – Прим. Л.Г. Дейча.

7
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1884, 10 (22) декабря
Москва

Поздравляю тебя и всех близких с заграничным Новым годом.

Дорогая, письмо твое от 22 нояб[ря] (4 дек[ря])[2], так же, как деньги – 30 руб [лей], – я получил очень скоро, но не отвечал потому, что все ждал от тебя ответа на первое мое письмо, посланное отсюда[3] (которого ты, быть может, не получила). Также, вероятно, и ты не получила последнего моего письма из Одессы, большого (в два листа), писанного карандашом[4]. Не знаю также, получила ли ты 50 франков, высланные мною тебе из Одессы?

Я ужасно рад, что ты, как сообщаешь, «чрезвычайно бодра» и что все родные здоровы. Также приятно мне было узнать, что с Аней ты в хороших отношениях. Передай ей от меня сердечнейший привет и всевозможные пожелания. К ней – она это знает – я питал всегда самые братские чувства и навсегда сохраню о ней воспоминание как об одном из самых близких, любимых мною людей. К сожалению, даже путем самой невероятной фантазии не могу себе представить того момента, когда свяжусь с ней, так же, впрочем, как и со всеми дорогими мне. Ну, да бесполезно сокрушаться об этом.

Пока, как я уже писал тебе, я доволен здешней обстановкой. Она во многом напоминает обстановку Дома предварительного заключения в Петербурге[5], – такой же почти величины камеры, такие же койки и пр.; разница лишь та, что здесь нет при тюрьме библиотеки, зато разрешается получать книги из частных библиотек, исключая журналы и газеты. Гулять осужденные (таких пока нас трое) могут вместе до 1½ часов в день; пищу улучшать на свои деньги можем, конечно. Таким образом, как видишь, жаловаться не на что. Грустно только, что

не разрешают нам иметь свидания с административными, сидящими в этом же замке, но в отдельном здании. Я, как и Малеванный и Иван Николаевич, идущие на 5 лет в Вост[очную] Сибирь в администр[ативную] ссылку, подавали прошения ген[ерал]-губернатору о разрешении нам свиданий, но получили отказ. Но, наверное, разрешили бы видеться с кем-нибудь из родных, если бы они здесь были у меня. Вообще нравственное мое состояние куда лучше, чем было до суда. Не говоря уже о том, что теперь как бы свалилась тяжесть с плеч, – я могу заниматься чтением (что я и делаю), я не изолирован от людей вполне, – есть возможность обмениваться воспоминаниями и впечатлениями; последних, конечно, очень мало, и все они главным образом относятся к прошлому, давно минувшему. Вообще как здесь, так и по дороге сюда мне пришлось узнать (и испытать) много нового, неожиданного. Отчасти я уже сообщал тебе об удовольствии, доставленном мне совместным путешествием с Малеванным (и другими шестью административными). Разговорам и рассказам не было конца: в продолжение двух суток я буквально не смыкал глаз, и т[ак] к[ак] собеседники приставали ко мне с просьбами «рассказывать», то, подъезжая к Москве, совсем лишился голоса, – до того охрип. В Киеве все те же почти порядки, что были и в наше время[6]: в тюрьме, почти всегда переполненной нашим братом, заключенные пользуются теми же льготами, власти так же предупредительны и вежливы, молодежь большею частью так же впечатлительна и неопытна. Ты, конечно, читала в газетах о беспорядках в Киевском унив[ерситете] во время 50-летн[его] юбилея[7] и о последнем бывшем там процессе 12-ти[8], по к[о]т[о]рому 4 приговорены к каторж[ным] работам. Особенно интересного, что бы стоило описать, я, конечно, не узнал.

Что же у вас нового? Слыхал, что немцы провели 25 депутатов. Правда ли это? Вообще ужасно хотелось бы знать, что делается на Западе. Сообщи, насколько можешь. Хотелось бы также получить последние литературные новинки. Кстати, пришли мне некоторые дозволенные у нас произведения французских и немецких классиков (кроме Мольера и Шиллера, которые у меня имеются); а также я хотел бы иметь такой альбом, какой, помнишь, я послал Якову. Если не стесняешься в деньгах, то пришли мне также такую же теплую куртку (Bourgeoise), какую я ему послал, но из более дорогих. Книги и письма высылаю на адрес Его сиятельства, князя Оболенского (Большая Кисловка, дом Базилевского), а теплые вещи на адрес Г-на смотрителя Московской центральной пересыльной тюрьмы.

Пиши же, как вы все поживаете и о каждом в отдельности. Что поделывают Жорж, Роза и их дети?[9] Павел, Надя и их чадо?[10] Лизенку все собираюсь написать особо. Где тетушка Сара и как она поживает?

А ее родня, несмотря на всевозможные несчастья, постигшие их, все же сравнительно благоденствует и размножается[11]. Нельзя совсем сказать того же о Сауле, котрый, как говорят, оставил по себе очень дурную память[12], так, как будто бы все его общания остались невыполненными.

Ну, крепко и много целую тебя и всех близких.

Твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.5. Л. 7а – 8 об. Автограф с позднейшими исправлениями автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 236–38. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Это письмо также подвергалось испытанию, нет ли в нем химического текста. Но в следующих уже не видно этого эксперимента – очевидно, убедились, что я не прибегаю к химии.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[2] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[3] Очевидно, док. 5.

[4] Очевидно, док. 4.

[5] См. прим. 1 к док. 3.

[6] Л.Г. Дейч был арестован осенью 1877 г. и заключен в Киевскую тюрьму, откуда бежал с помощью М.В. Фроленко в мае 1878 г.

[7] 23 августа (4 сентября) 1884 г. был введён Университетский устав, который фактически ликвидировал автономию университетов. Первым протестом против введения этого Устава явились волнения на торжествах, связанных с празднованием 50-летнего юбилея Киевского университета 7–9 сентября 1884 г. Подробнее о событиях в Киевском университете см.: *Щетинина Г.И.* Студечество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 95–100.

[8] «Процесс 12-ти» проходил в ноябре 1884 г. в Киевском военно-окружном суде над членами киевской организации «Народная воля» (См.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1983).

[9] Л.Г., Е.Г. и М.Г. Плехановы.

[10] У Аксельродов было уже 3 детей: А.П., В.П. и С.П. Аксельрод. Скорее всего, речь идет о последней.

[11] *Под ее родней я, понятно, имел в виду ее единомышленников, – остатки «Народной воли». Под «размножением» я имел в виду оживление среди них, вызванное приездом в Россию Германа Лопатина (до его ареста).* – Прим. Л.Г. Дейч.

[12] Л.Г. Дейч говорит об итогах поездки С.Л. Гринфеста в Россию зимой 1883/84 гг. по поручению группы «Освобождение труда».

1885

8

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич, Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду

1885, 26 января (6 февраля)
Москва

Позавчера получил твое письмо[1], дорогая сестра, вчера – теплые вещи, за которые, к крайнему сожалению, пришлось заплатить в таможню 10 руб[лей] золотом, – вероятно, этого[2] сама куртка не стоит; альбома же до сих пор нет[3]. Сообщи, на какой адрес ты его выслала, справься на почте, дошел ли до русской границы? Очень буду огорчен, если он пропал: я его жду с большим нетерпением как приятное воспоминание о любимых местах.

Ты, вероятно, сама представляешь себе, какое отрадное впечатление произвели на меня твое (и Павлово) письма[4]: я читал и перечитывал их много раз. Судя по этому письму, ты не в дурном настроении, а это – главное. Жаль все же, что ты мало сообщаешь о своих занятиях и планах. Очень обрадовала меня твоя уверенность, что «никаких бед и опасностей не грозит» вам[5]. Из предыдущего же твоего письма, в котором ты сообщала, что «стеснена в деньгах», я заключил, что в этом причина медленности появления в печати работ Жоржа и Павла и, вообще, неблестящего положения ваших планов. Я не имею достаточных данных, но мне все же кажется, что мои опасения верны. Ты не сообщаешь бо-

лее, увеличивается ли ваша семья, кроме тех двух особ вашего пола?[6] Но главное же в том, что здесь нет никого из родных[7] и, по уверению тех, с кем мне здесь пришлось говорить, после неудачного дебюта Финстера, всякого встретят с предубеждением. Сообщи, как тебе кажется, верно ли это? Правда ли, что Саул не исполнил взятых им на себя поручений?[8] Я здесь беседовал с его знакомым, фармацевтом, с к[о]т[о]рым, как утверждает последний, они сошлись. Передай ему мой привет и всевозможные пожелания.

Я, конечно, очень рад сообществу Ив[ана] Ник[олаевича][9]. Мы с ним и с Малеванным, которого также на днях перевели в нашу башню, чаще всего вместе; с последним – хотя мы и не были знакомы на воле – мы успели хорошо сойтись еще по дороге сюда из Киева. Он мне очень нравится – хороший он товарищ. О теоретических разногласиях с ними, как и с другими десятью единомышленниками Павы[10], мы очень редко говорим и, вообще, со всеми живем в полном мире и согласии – парни все симпатичные, неглупые. Не могу, к сожалению, похвастать, чтобы читал много, хотя и хотелось бы, но, после долгого молчания в предварительном заключении[11] и изолированности от людей, у нашего брата[12] является сильная потребность проводить время в «беседах за чаями»,– совсем как в доброе старое время.

Теперь я и Иван Николаевич читаем «Die Entstehung der Familie u[nd] α.» Моргана[13], в изложении Фридриха Карловича[14]. Признаться, судя по заглавию и вашим с Павлом отзывам, я ожидал большего, точнее – не вижу, что в этом «Epochenmachendes»[15], как заявляет Фридрих Карлович. Впрочем, я ее сегодня лишь начал читать.

Я не знал, что ты выслала мне в Питер такую массу книг, – ужасно досадно, что их мне не отдали. Уже несколько недель тому назад я писал отсюда директору департамента, прося его распорядиться о высылке мне тех десяти, к[о]т[о]рые Павел послал в первый раз, перечислив названия; но пока ответа не получил. Если можешь припомнить, то сообщи заглавия остальных: я буду еще и еще писать. Решительно не понимаю, почему прокурор Петерб[ургской] суд[ебной] пал[аты], на адрес к[о]т[о]рого вы послали, не вручил их прямо мне. Пока не высылай мне больше. Я уже, кажется, писал тебе, что приобрел последнее издание «Das Kapital»[16], чему несказанно рад. У Ив[ана] Ник[олаевича] есть то же самое Родбертуса[17] и – «Zur Beleuchtung u[nd] α.»[18], к[о]т[о]рые я еще не успел прочитать.

Носятся слухи, что на Каре нет (или очень мало) книг. Что об этом пишет Дмитро? И вообще, что он пишет? Прошу Лизу сообщить мне все, что она знает о нем. Я ей писал (уже давно) отсюда; получила ли она то письмо? В нем я описывал ей мою поездку сюда.

Фанни передай, что может не называть меня никак в письме, если только из-за этого она «затрудняется» писать, – письму же ее я был бы очень рад. Как они устроились? Как чувствует она себя среди чопорных англичанок? Надеюсь, Кит[19] не отплясывал трепака за 80 ф[унтов] ст[ерлингов], – да, смешное предложение.

От Сашеньки получил на днях письмо с предложением оказывать мне посильную помощь. Хотя я пока решительно ни в чем не нуждаюсь, все же ужасно рад ее готовности. Сомневаюсь, чтобы ей разрешили видеться со мною, что, конечно, доставило бы мне большое наслаждение. Ты права, думая, что хорошо сделала, не передав моих «прощальных слов»[20], я тогда не сообразил, какое это неприятное для тебя поручение и, вообще, для всех *вас*. Но раз случилось бы

так, что все вы помирились бы с теми лицами, то можешь, конечно, передать и мои слова. Не потому, как видишь, я нахожу теперь это поручение неудобным, что «те не поняли бы», а – вас ставлю [эт]им в неловкое положение. Тогда же не сообразил я этого, пот[ому] что, как знаешь, был сильно расстроен и должен был торопиться с отсылкой письма, но помнил, что в последнее время на воле имел намерение, при известных обстоятельствах, помириться, какового случая, знал, уже более не представится.

Передай (через Фанни) Мих[аилу] Петр[овичу][21], что Малеванный писал ему из Киева и отсюда и удивляется, почему не получает ответа. Он и Иван Николаев[ич] шлют ему поклоны и всякие пожелания.

Они очень рады, что он «никого не трогает», и уверены, что и впредь никого не затронет.

Пиши же, дорогая, что делаешь, что читаешь, видешься ли с людьми, кроме своих? Не могу сообразить, что «случилось, вследствие чего твои отношения с семьей стали гораздо лучше»[22]; но во всяком случае, меня очень радует, что ты «не чувствуешь себя такой одинокой».

Знаешь ли все подробности о моем процессе? Не помню, получила ли ты все мои письма из Одессы? Сообщи, что об этом было в иностр[анных] газетах и вообще о моем аресте? Кто работает с Рольником? Как он поживает, – кланяйся ему от меня. Здорова ли Ванда[23] и что поделывает, а также и Андерс[24]? Где Аня? Здорова ли она, учится ли, виделись ли вы с нею? Пусть она как-нибудь напишет мне хоть немного. Надеюсь, ты передаешь ей, как и другим приятельницам, мои поклоны и пожелания.

Роза, вероятно, снимала детей; если да, пришли их карточки. О ней мы часто говорим с Иваном Никол[аевичем] и постоянно «фалим», как выражался Дмитро. Жоржа тоже, но Ив[ан] Ник[олаевич] не так усердно, как я[25]. Он просит передать всем вам, в особенности Розе и тебе, всевозможные пожелания и приветствия. То же, я уверен, не забудьте и вы, сударыня, сделать.

Ну, будь же здорова и бодра, дорогая. Не забудь же ответить на все мои вопросы и передай мои пожелания и сердечные поклоны всем приятелям и приятельницам: Розе, Лизе, Ане, Фанни, Ванде, Андерс, Вере Сем[еновне][26], Киту, Финстеру, Рольнику, Ивану[27] и др.

Жоржу и Павлу пишу особо[28].

Дорогие друзья, чувствую сильнейшую потребность, хоть письменно, побеседовать с вами, когда лишен навсегда возможности сделать это устно. Какое удовольствие доставляли мне живые беседы с вами, – вы это сами знаете. Мысленно я и теперь очень часто с вами. Мне живо представляются разные встречи, случаи и всякого рода мелочи из жизни с вами. (К сожалению, не припоминаю всех ваших удачных острот, милый Жорж, но многие и теперь помню). Предполагаю, что вам подчас бывает очень тоскливо: хочется, вероятно, домой, на родину, еще сильнее, чем в последнее время при мне? Но лучше потерпите, дорогой друг, – еще не наша полоса. Ужасно хотелось бы прочитать вашу книжку[29], но, увы, сомневаюсь, случится ли это когда-нибудь. Судя по сообщениям Веры, вы много над ней работали, изучили много отраслей русской народной жизни. (Кстати, вы, конечно, читали о частых волнениях в последнее время среди рабочих Московской и др. губерний[30]?). С кем же вы теперь спорите, «политиканствуете»? Читаете ли рефераты? Видитесь ли с Genoss'ами[31]? Неужели Фридрих Карлович не успел еще приступить к изданию II тома[32] или и он умрет, предоставив третьему старику (Папе Беккеру, напр[имер]), в наследство все рукопи-

си Маркса и свои?! Что за медлительные старички! Сообщи, Павел, что знаешь о времени выхода II т[ома]. Очень благодарен тебе за письмо. Об успехах немцев в деталях я не знал. Интересно, сколько, вообще, считается теперь за ними голосов? В скольких тысячах расходится «Soz[ial]-Dem[okrat]»? Каково теперь положение их депутатов в рейхстаге? Я слыхал, что он недавно предоставил правительству право арестовывать некоторых, кого же именно? Думаю, что процесс лейпцигских анархистов и убийство Румпфа сильно на них отзывается?

Рад я очень, что ты вылезаешь из бедственного экономического положения. Но мне как-то все не представляется, что ты, Павел, к[о]т[о]рого я привык видеть вечно нуждающимся, вдруг будешь сыт, одет, обеспечен[33]. От всей души, конечно, желаю тебе блестящих успехов, как на финансовом, так и на ученом поприще. Те же пожелания шлю и вам, Надя. Будьте же счастливы, дорогие друзья! Пишите хоть понемногу. Кланяйся, Павел, Саше[34] и др[угим] цюрихским товарищам.

Обнимаю вас крепко-крепко. Ваш Л. Дейч

Что поделывают французы? Гед и Лафарг? А где Петр Алексеич[35] и Готье[36]? Пишите впредь по след[ующему] адресу: Его Сиятельству, Московскому Вице-Губернатору, Г-ну князю Голицыну, Покровка, в собств[енном] доме, (для такого-то).

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.6. Л. 9 – 10 об.
Автограф с позднейшей правкой автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 239–44.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо не разыскано.
[2] Слово «этого» вставлено более яркими чернилами.
[3] См. док. 7.
[4] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[5] *Под «бедами и опасностями» мы понимали, с одной стороны, финансовые затруднения для ведения начатых гр[уппой] «Осв[обождение] тр[уда]» литературных предприятий, а с другой – вследствие все более надвигавшейся в России реакции, – давление со стороны нашего правительства на Швейцарию по отношению права жительства Плеханова и Веры Ивановны Засулич. Мы знали, что, нажми наше правительство, и эта крохотная демократическая республика повыгоняет нежелательных Александру III эмигрантов. Как известно, спустя 2–3 года эти мои опасения оправдались: Веру Ивановну и Георгия Валентиновича действительно изгнали из Швейцарии. Также и материальное положение моих друзей, в связи с усиливавшейся в России реакцией, становилось год от году все хуже.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[6] *То есть прибавилось ли число новых членов в основную группу «Осв[обождение] тр[уда]». Как известно, первоначально нас было пять, и только после моего ареста были включены еще: Анна Макаревич-Турати (урожд. Розенштейн) и Ванда Цезарина Войнаровская.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[7] То есть единомышленников, социал-демократов.
[8] См. прим. 12 к док. 7.
[9] И.Н. Присецкий.
[10] «*Пава*» – М.Н. Ошанина. Ее «единомышленники» – народовольцы. Зимой 1884/85 гг. происходили аресты народовольцев по делу Г.А. Лопатина, сделавшему попытку возродить организацию «Народная воля».
[11] Слова «в предварительном заключении» надписаны сверху более яркими чернилами.
[12] Слово «брата» надписано сверху более яркими чернилами, соответственно исправлено и окончание предыдущего слова.
[13] *Морган (Morgan) Льюис Генри* (1818–1881) – американский этнограф, археолог, историк первобытного общества и общественный деятель. Речь идет о его книге «Древнее общество, или Ис-

следование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (*Morgan L.H.* Ancient Society. London, 1877), послужившей Ф. Энгельсу одним из источников при написании книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Der Ursprung der Familie, des Privatigenthums und des Staats. Im Anschluss an Lewis H. Morgan's Forschungen von Friedrich Engels. Hottingen–Zürich, 1884). Книга написана Фридрихом Энгельсом с учетом замечаний, дополнений из других авторов, в том числе мыслей Карла Маркса, высказанных им в подробном конспекте книги Моргана.

[14] *«Фридрих Карлович»* – шутливое прозвище Ф. Энгельса. Речь идет о его произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

[15] Эпохальная (*нем.*).

[16] Не совсем ясно, какое издание «Капитала» приобрел Дейч. Речь может идти только о 1 томе. На немецком языке он переиздан в 1872 г., а французское издание выходило отдельными выпусками в 1872–1875 гг. Русский же перевод Г.В. Плеханова (Женева, 1882) вряд ли можно было купить в Москве, тем более заключенному Бутырской тюрьмы.

[17] Имеется в виду книга: Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Berlin, 1875. В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранится эта книга с его пометами. Статья Плеханова «Экономическая теория Родбертуса-Ягецова» была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1882 г. (№ 5 и 6).

[18] См. предыдущее прим.

[19] *Кит, Тамара* – шутливые прозвища С.М. Кравчинского.
Что касается «отплясывания трепака», дело состояло в следующем: Вера Ивановна сообщила мне, что, вскоре после переселения Кравчинского в Лондон и быстро приобретенной им там большой популярности, какой-то импрессарио предложил ему «отплясывать» национальный русский танец в одном театре за плату в 80 ф. ст. за каждое выступление, от чего Кравчинский, конечно, отказался. – Прим. Л.Г. Дейча.

[20] *Под «прощальными словами» мы понимали данное мною ей в одном из предыдущих писем поручение передать от меня поклоны на прощанье некоторым эмигрантам, с которыми у членов гр[уппы] «Осв[обождение] тр[уда]» установились враждебные отношения (Драгоманов, Ошанина, Тихомиров и др.).* – Прим. Л.Г. Дейча.

[21] М.П. Драгоманов.

[22] *Впоследствии я узнал, в чем была причина. Вера Ивановна была очень недовольна вновь принятой по предложению Георгия Валентиновича, Вандой Войнаровской. Из-за этого несколько изменились ее с ним отношения. Но спустя короткое время, этот не подходивший во многих отношениях новый член вышел из состава группы «Освоб[ождение] труда». После этого дружеские отношения между Верой Ивановной и Георгием Валентиновичем еще более усилились.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[23] Войнаровская (Wojnarowska) Цезарина Ванда.

[24] Очевидно, *Андерс Ольга Васильевна*, эмигрировавшая за границу при содействии Сергея Дегаева, о предательстве которого она ничего не знала. Хотя она разделяла взгляды народовольцев, но согласилась работать в типографии группы «Освобождение труда». Через нее группа сносилась с группой Д. Благоева.

[25] Слова «как я» приписаны позже.

[26] *Личкус Вера Григорьевна* или «рыженькая Вера», кузина Фанни Марковны Степняк-Кравчинской, вышла замуж за А.А. Хотинского; была очень симпатична. В описываемое время она овдовела, переехала из Кларана в Цюрих. Впоследствии она оказывала небольшие услуги группе «Освобождение труда».

[27] Бохановский Иван Васильевич.

[28] Далее одно предложение вымарано.

[29] *Я имел в виду книгу «Наши разногласия», которую вскоре затем мы получили в тюрьме, конечно, нелегально.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[30] *Речь идет о знаменитой Морозовской стачке 7(19)–17(30) января 1885 г. на текстильной фабрике Морозовых в с. Никольском (ныне – г. Орехово-Зуево). Стачка отличалась организованностью и упорством бастующих. Подавлена войсками. Арестовано свыше 600 рабочих.*

[31] *То есть с немецкими социал-демократами.*

[32] Второй том «Капитала» был издан Ф. Энгельсом в 1885 г.

[33] После ареста Л.Г. Дейча весной 1884 г. все члены группы «Освобождение труда», лишившейся своего главного администратора, начали испытывать жесточайшую нужду. Это касалось и П.Б. Аксельрода, на руках у которого находилось трое малолетних детей. Отчаявшись найти заработок, он тяжело заболел нервным расстройством. Его жена – Надежда Исааковна, испро-

бовала множество лекарств, в том числе и кефир – напиток в то время в Швейцарии совершенно не известный. На удивление, он, хоть и временно, но помог. Тогда родилась идея наладить производство кефира на продажу. Друзья Павла Борисовича – К. Каутский и Э. Бернштейн, помогли ему достать кредит в 500 франков, на который и было начато «кефирное предприятие», представлявшее собой домашнее производство, изнурительным трудом в котором было занято все семейство Аксельродов и прежде всего его глава. В то же время, это «предприятие» дало Аксельроду устойчивый доход, а с течением времени даже возможность поддерживать материально и своих друзей по группе «Освобождение труда». Аксельрод очень тяготился «кефирным заведением», отнимавшим у него много сил и времени, и породившим слухи о его буржуазном перерождении. Продать фирму «Аксельродкефир» ему удалось лишь в конце 1908 г.

[34] Вероятно, речь идет о сыне Аксельрода, Александре Павловиче.

[35] П.А. Кропоткин.

[36] *Готье Э. (Gautier E.)* – один из авторов декларации анархистов Лиона, напечатанной в периодических выпусках П.А. Кропоткина, вышло всего 25 номеров в 1882–1883 г. («La declaraion des anarchistes de Lyon». P. Kropotkine, E.Gautier etc. Discours de P. Kropotkine. Ibid., 20 jan. – 3 fev., № 23–24).

9

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 8 марта
Москва

Дорогая!

Уже почти два месяца, как я ответил тебе[1] на твое последнее письмо; недели 3–4 назад я послал другое[2], и все же до сих пор от тебя – ни строчки. Решительно не знаю, чем это объяснить! Прежде я приблизительно раз в месяц получал от тебя по письму. Не думаю, чтобы начальство не пропускало твоих ответов, так как в таком случае оно уведомило бы меня, чтобы я напрасно не писал. Неизвестность о тебе и других близких вызывает во мне всякие тревоги и опасения. Опасаюсь, не случилось ли чего с тобою? Но в таком случае мог бы Павел, Жорж, Лиза написать мне. Боюсь, что вдруг и до самого отъезда[3] не получу от тебя письма. С другой стороны, не допускаю, чтобы ты не постаралась так или иначе дать мне знать о себе. Полная неизвестность о тебе связывает мне руки, – не знаю, о чем писать. К тому же в жизни моей, конечно, нет ничего нового. Отвечай же поскорей, прошу тебя, – буду ужасно рад, если все мои опасения окажутся напрасными. Шлю сердечный привет всем близким. Целую тебя крепко.

Твой Лев

Ответ пришли заказным письмом.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.7. Л. 11–12. Автограф. На обороте письма рукой неустановленного лица запись: «Павел брошюру кончил, сегодня вышлет. Поклон товарищам. Крепко жму Вам руки». Подпись неразб. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 244–45. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] См. док. 8.

[2] Письмо не разыскано.

[3] То есть до отправки партии ссыльных и каторжан в Сибирь.

10
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 5 апреля
Москва

Дорогая!

Вчера получил твое письмецо[1] с 50 руб. На прошлой неделе – твое и Лизино письма[2], которые – уже не знаю по какой причине – пролежали где-то более месяца, пока мне были вручены.

Письмо твое, действительно, очень отрывочно, но я, конечно, рад, что хоть в 2–3 словах сообщаешь о вашем положении (хотя нового, собственно, почти ничего), так как я уже отчаялся получить подробное от тебя письмо. Напрасно не упоминаешь сколько-ниб[удь] подробнее о своей поездке к Ане[3]. Как она поживает? Что с нею? Почему она за все время ни слова мне не написала? Передай ей мой строжайший выговор (но вместе и поцелуй). Лизе я очень, очень благодарен за ее письмецо, которое дало мне хоть некоторые сведения о Якове. Я, кажется, уже сообщал тебе, что писал ему отсюда еще в ноябре, но ответ, быть может, не мог еще прийти. Пишу ему и на адрес отца. Напрасно Лиза ни словом не упомянула о себе, о здоровье и, вообще, о своем положении.

Вчерашний день был для меня очень радостным: пришла ко мне на свидание Ан[на] Ив[ановна] Успенская. Ей из охранного отделения дали разрешение. Рассказывала она мне о своей жизни в Сибири, на Каре и, вообще, о тамошних порядках. Впечатление она производит очень приятное, и я рад, что лично познакомился с нею. Не помню, писал ли я тебе, что она не отказывалась и раньше помогать мне и исполняла мои письменные просьбы по части присылки вещей (белья, книг), что, конечно, сослужило мне большую службу. Она – единственный человек здесь, к которому могу обращаться за чем-нибудь. Сестра моя – врач[4], все сулит приехать повидаться, но как-то все не выберется.

Я, кажется, уже писал тебе, что нам позволено было в день Св[етлого] Воскр[есения][5] собраться всем вместе для разговения, что было для нас большим праздником. Познакомился, так[им] обр[азом], со всеми сидящими здесь (46 чел.), в числе которых 10 женщин, все почти незнакомые мне, за исключением 3-х, с к[о]т[о]рыми сюда приехал. Все оне (и они) народ симпатичный. Пили, ели, болтали мы вдоволь и остались, конечно, очень довольны этим «утром».

Писала ли ты мне еще, кроме этого письма, что вместе с Лизиным? Если да, то я не получал более.

Ну, Лизе (и тебе заодно) буду писать в другой раз. А пока будь здорова, дорогая. Крепко тебя целую. Привет мой всем друзьям. Почему Жорж и Павел молчат? Всего, всего вам всем хорошего. Поторопи всех с письмами ко мне, а то носятся слухи, что скоро (в конце апреля) нас отправят[6]. Мне было бы очень грустно, если бы на прощанье не получил хоть по несколько слов от близких.

Еще раз целую тебя крепко.

Твой Лев

АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 669.АД. 1/29.8. Л. 13 – 14 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[2] Письма В.И. Засулич и Е.А. Хотинской не разысканы.

[3] *Летом 1885 г. В[ера] И[вановна] съездила в Милан к А.М. Кулешовой погостить, а также получить собранные тогда студентом Турати деньги в пользу группы «Осв[обождение] труда». –* Прим Л.Г. Дейча.

[4] Очевидно, сестра Л.Г. Дейча С.Г. Дейч.

[5] В книге «16 лет в Сибири» (М., 1924. С. 81.) Л.Г. Дейч по этому поводу вспоминал следующее: «*Особенно весело отпраздновали мы в Бутырках ночь под светлое Воскресенье. Губернатор разрешил нам провести ее сообща в башне, где помещались административно-ссылаемые. Там, под наблюдением помощника смотрителя и надзирателей, мы оставались все вместе – мужчины и женщины – с наступления вечера почти до рассвета, и предавались небывалому в тюрьме веселью: шутки и смех смешивались со звуками песни, затем появилась откуда-то гармоника и развеселившаяся молодежь пустилась танцевать*».

[6] В Сибирь.

11
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 30 апреля (12 мая)
Москва

Дорогая!

Как видишь, я еще здесь и не знаю даже приблизительно, когда двинусь в путь. Говорят, что наш отъезд состоится в середине, а, может быть, даже в конце мая. Во всяком случае я еще уведомлю тебя об этом и, вероятно, еще не раз буду писать. Твое (и Павлово) заказное письмо, а также ваше, Лиза, маленькое Жоржево[1] – получил. Получил также и деньги, и извещение о высылке книг, и письмо с перечнем их и прощальными пожеланиями. Но книг пока еще нет, а также – большого письма. Боже, как нам с тобою не везет в отношении больших писем! Я, вероятно, так и уеду, не получив ни одного обстоятельного! Чего, чего не дал бы за одно такое письмо! Злодейка-судьба, уж не знаю почему, не хочет, чтобы я знал, как провела ты этот год, что перечувствовала, передумала, что делала и пр. Пишешь, дорогая, что я «хвалил бы» тебя, был бы тобою «доволен», если бы знал, как провела ты это время. Я нимало в этом не сомневаюсь, тем более что имею очевидные доказательства твоего «похвального поведения». К тому же отзыв Жоржа о тебе до того лестен, что я просто в восторге, – горжусь тобою. Тем не менее мне ужасно хотелось бы в подробностях узнать твои подвиги. Но что поделаешь с судьбой?! Не хочет она этого, очевидно.

Я, кажется, не сообщал тебе, что приобрел довольно много книг (штук около 80-ти) и все солидные, серьезные; все те по высшей математике, к[о]т[о]рые Жорж, помнишь, советовал, и некоторые сверх того, несколько по геологии, истории и пр. В этом, отчасти, помог мне «юноша, обещавший 500 руб.»[2] и не сдержавший, помнишь, этого обещания (его, верно, помнит Финстер). Он, кроме того, вручил мне 100 руб, так что, как видишь, и в деньгах нет у меня недостатка. Сашеньку видаю и очень ею доволен, – милая, славная она, просто прелесть что за старушка, – она почти совсем уже слепая. Она много для меня сделала. Толком поговорить с нею не удалось, – все больше о мелочах, частностях. Ей, очевидно, плохо живется, – нужда донимает. Не будь этого, она охотно поехала бы к вам, о чем я ей все твержу. Приезжала сюда на неделю моя сестра-врач[3], но, говоря откровенно, не доставила мне этим удовольствия. Такого холодного, «здравомыслящего», житейски-практичного субъекта, при всем

моем желании, я переварить не могу, и мы, несмотря на непродолжительное свидание, после многих лет разлуки (а, может быть, именно поэтому) говорили с запальчивостью, колкостями и едкими шпильками друг другу. Совсем мы два крайних полюса; говорим на двух языках, чужды друг другу. Она – очень близка по воззрениям к Михаилу Никифоровичу[4], я же, ты знаешь, хотя и могу со всяким человеком найти общий, нейтральный предмет для беседы, – все же не в состоянии выслушивать беспощадные нападки на все хорошее. Зато другая сестра[5] (которая в Казани) доставляет мне некоторое утешение своими письмами. Надеюсь даже проездом повидаться с нею и уверен, что не разочаруюсь, – она всегда была лучше, добрее, искреннее Сони.

О питерских родственниках[6] носятся – говорят некоторые – хорошие слухи – как о людях дельных, солидных. Но первая их афера, как я уже писал тебе, ужасно всем – в том числе меньшим братьям[7] – не нравится. Я, конечно, несказанно рад, что вы вступили в родство с такими людьми. От всей души желаю, чтобы мои опасения насчет потери вскорости их предприятия, а, следов[ательно], и кредита – не сбылись[8]. Но, при отсутствии умелых, ловких дельцов-практиков[9], – это ведь неизбежно. Не буду, однако, каркать.

С окружающими меня товарищами живу в мире, некоторые мне очень симпатичны. Но одного – рабски преданного тетушке Саре, не выносящего никакого несогласия, напускающегося с пеной у рта, как помнишь, бывало Петр Алексеич[10], я не могу выносить, хотя всеми силами стараюсь избегать всяких столкновений[11]. Но, боже! Мне предстоит с ним – и не с ним одним, а, б[ыть] м[ожет], с массой таких же – пробыть вместе долго, долго!.. Воображаю, как бы Жорж изумился, если бы присутствовал при здешних спорах! Он бы не верил ушам своим, слыша, как речи «ораторов» пересыпаются «нежными» словечками, вроде: «дурак», «осел», «лгун». Но что всего оригинальнее, – приверженцы Сары стремятся доказать, что такие нелепости в споре вовсе не обидны, что обижаться на них можно лишь из «мелкого самолюбия», что обижающийся, значит ...не отделался еще от «буржуазных свойств(!)» Перекричать этого жалкого крикуна, разбрехавщегося, как нервная баба, – нет никакой возможности, убедить его в чем-нибудь – тем менее. Спорит он обо всем, всегда и со всеми о чем-нибудь. Но, по несчастью, он имел случай «лично быть известен» Андрею Ивановичу[12], Льву Александровичу[13] и т.п. великим людям мира сего, – поэтому многие готовы смотреть с почтением и выносить его выходки. Ведь все здешнее – ужасная зелень, хотя и хорошая, здоровая, доброкачественная, – а он считается «ветераном», «практиком», «ярым» приверженцем и защитником старины.

Но довольно о нашей среде. Когда-нибудь напишу тебе о положении Ив[ана] Николаевича здесь. Пока скажу, что почти все (или по кр[айней] м[ере] очень многие) его сильно недолюбливают. Я к нему также не совсем расположен, в чем он сам виноват. Он сильно изменился с тех пор, как обзавелся семьей (у него уже сын есть), не совсем хороший товарищ, себялюбивый, эгоистичный, несправедливый, с замашками Михаила Петровича[14]: исподтишка склонен повытягивать неблаговидные фактцы, судить и пересуживать все и всех. Но довольно и о нем. Я сегодня, совсем нехотя, занялся сплетнями.

В общем повторяю, жизнь моя здесь совсем недурная, и я благодарен судьбе. Одно меня огорчает – это слабость зрения, – глаза день ото дня становятся все хуже, и я боюсь, что скоро совсем не буду в состоянии заниматься. А без глаз на что же я годен! Советовался 2 раза со специалистом, но он мне ничем не по-

мог: наоборот, прописал очки, от к[о]т[о]рых мне еще хуже, кажется, хотя он и уверяет, что этот № мне полезнее, чем мой прежний. Вообще же я совсем здоров и даже, по уверению многих «очень толст», почему некоторые сравнивают меня с «немцем-буржуа» и «кацапом-кучером» и т.п. Здесь я, действительно, один из самых здоровых. Эх, если бы только не глаза! Мог бы еще так-сяк скоротать свой век.

Читать поэтому отчасти удается мало, – не больше 2–3 ч. днем, сидя на солнышке. Как приятно, хорошо себя чувствуешь, лежа с книгой на дворе и представляя себе, что и этого удовольствия мог бы не испытывать! А у вас, воображаю, до чего прелестно теперь! Ужасно обрадовался я письму Жоржа. Откладываю свой ответ ему до другого раза. Пока скажу только, что оно доставило мне много приятных часов, – я читал и перечитывал его много раз, – смеялся по поводу его острот, сосредоточенно задумывался над аллегориями, почти проливал слезы умиления над выражениями симпатии и любви ко мне. Серьезно, письмо его во всех отношениях доставило мне большое наслаждение. Милый Жорж! Как я рад, что именно его имею в числе лучших друзей моих! Я благодарен судьбе, что она доставила мне возможность близко сойтись со всеми вами, узнать и полюбить вас больше всех и даже больше всего, кажется, на свете. Но я готов удариться в лиризм, причиной чему – поздний час ночи, слипаются глаза. Прощайте же, дорогие! Будьте счастливы. От всей души желаю вам успеха в ваших предприятиях. Всего, всего вам хорошего. Крепко обнимаю вас всех и тебя в частности, дорогая. Лизе шлю поцелуй и выговор (мягкий) за кратенькую записочку в ответ на мое большущее письмо. Все же перед отъездом напишу вам, Лизенька, еще. Пока – благодарю за обещание писать мне на место часто. От отца Мити[15] ответа не получаю. Вообще письма через князя[16] неаккуратно доходят, – не по его, впрочем, вине.

От Ани также не получил ни строчки, что мне очень неприятно, – я был бы очень рад ее письму.

Тебе, Павел, также собираюсь отдельно написать. Пока отвечу, что со мною было, кажется, око[ло] 175 экз. брошюр. Будьте все здоровы, дорогие. Пишите через Сашу. Обнимаю вас всех и крепко и много целую.

Ваш Лев

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.9. Л. 16 – 18 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письма В.И. Засулич и П.Б. Аксельрода, Е.А. Хотинской и Г.В. Плеханова Л.Г. Дейчу не разысканы.

[2] *Кажется, это был Далевич, но я тогда ошибся, обвиняя его в том, что он не сдержал обещания: впоследствии я узнал, что он прислал моим заграничным друзьям обещанную сумму.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[3] С.Г. Дейч.

[4] М.Н. Катков.

[5] М.Г. Афанасьева.

[6] *Группа Благоева* – одна из первых социал-демократических организаций России. Создана в Петербурге в октябре 1883 г. Д. Благоевым. В нее входило около 30 человек: Н.П. Андреев, П.П. Аршаулов, В.Е. Благославов, А.А. Герасимов, В.А. Кугушев, П.А. Латышев, В.Г. Харитонов, П.П. Шатько и др. Это были главным образом студенты бывшие чернопередельцы, поддерживавшие связи с «молодыми народовольцами» (М.Н. Емельянов, П.Ф. Якубович). После

установления связи с группой «Освобождение труда» в 1884 г. благоевцы приняла название «Партия русских социал-демократов», а после установления связи с Группой «Освобождение труда» – «Петербургская группа партии русских социал-демократов». Программа группы подверглась критике Плеханова. Он же разработал общую программу русских социал-демократов. Группа создала около 15 рабочих кружков по 10 человек в каждом, кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки самообразования, имела 3 типографии и имела связи во многих городах России. Группа выпустила 2 номера газеты «Рабочий». С февраля 1885 г. последовал ряд репрессий. В марте 1887 г. группа была окончательно разгромлена. Немногие оставшиеся на свободе ее члены (Е.А. Климанов, Г.А. Мефодиев, А.С. Филимонов) вошли в группу Точисского.

[7] *То есть рабочим не понравилась неопределенная, невыдержанная программа этих quasi социал-демократов.* – Прим. Л.Г. Дейча.

Проект программы группы, посланный в Женеву, вызвал критику со стороны группы «Освобождения труда» в связи с тем, что в нем нашли отражение народнические взгляды и элементы лассальянства (См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 127–133).

П.Б. Аксельрод вспоминал относительно этого эпизода следующее: «Единственным лучом света за это время явилось для нас письмо, которое пришло к нам в Женеву в феврале 1885 г. и о котором Гринфест сообщал мне: «Сегодня мы получили на адрес типографии письмо от одного петербургского кружка, который желает войти с нами в сношения. Письмо это адресовано Рольнику, и пишущие просят его узнать у группы «Освобождение труда», подучила ли она предыдущее их письмо с их программой, которое они некоторое время тому назад послали в группу через редакцию «Вестника "Нар[одной] воли"», так как последняя обещалась доставить это группе; если редакция «Вестника» не дала этого нам, те они просят нас вытребовать это от редакции; если же не поможет, то они просят прислать адрес, тогда они пришлют в другой раз. Об их благонадежности, пишут они, можно узнать в редакции «Вестника». Они пишут, что сношения с нашей группой для них необходимы. В сегодняшнем письме они пишут адрес для переписки и шифр. Подписываются они «петербургские социал-демократы... Вы, конечно, не меньше нашего будете радоваться этому: наконец русские стали нас искать».

Это письмо было послано нам кружком, который вошел в историю социал-демократического движения в России под именем «Кружка Благоева». Вскоре мы получили из Парижа программу кружка, составленную в лассальянском духе. Кружок просил прислать статьи для газеты «Рабочий», которую он издавал». – См.: *Аксельрод П.Б.* Группа «Освобождение труда» // Летописи марксизма. Т. III. М.; Л., 1928. С. 102–103.

[8] *Полагаю, здесь ясно видно, что я писал о возникшей связи между группой «Осв[обождение] труда» и благоевцами, и что я опасался скорого провала последних, что, как известно, действительно получилось.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[9] То есть революционеры-практики.

[10] П.А. Кропоткин.

[11] *То был ныне покойный А.А. Спандони-Басманджи, судившийся по процессу Веры Фигнер.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[12] А.И. Желябов.

[13] Л.А. Тихомиров.

[14] М.П. Драгоманов.

[15] От клички Дмитро, Дмитрий – Стефанович Я.В.

[16] Очевидно, через московского вице-губернатора князя Голицына, адрес которого Дейч дал в документе № 8.

12
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1885, лето[1]
Женева

Дорогой Павел!

[Большое спасибо Вам и Надежде Исааковне за совет относительно «Al[liance] Isr[aélite]»[2] Мы и сами уже думали об этом, но, к сожалению, дело это невыполнимо. «A[lliance] Is[raélite]» внимательно следит за поведением своих

proteges[3], и от него не может укрыться тот факт, что Роза, еврейка, замужем за христианином; не говоря уже о том, что обманывать мы не захотели бы, мы даже и не смогли бы сделать это, а между тем евреи также нетерпимы по отношению к христианам, как и эти последние по отношению к ним. По законам (церковным) еврейка не может выйти замуж за христианина иначе, как под условием обращения его в еврейство. Что же мне прикажете делать? Остается отложить об этом всякое попечение[4]. Что у Вас явились конкуренты, это я знаю, но что они за люди, мне было и есть неизвестно, и Вы хорошо сделали бы, [если бы] описали нам всю эту историю поподробнее.][5] Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть, – не знаем, да и знать не можем. Плохо[6]! Ну, да унывать не нужно. Авось еще и нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно, – это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева[7]. Если так, то наша беда – еще полбеды. Пока до свиданья, мой горячий привет всем Вашим вообще и der Верочке[8] в частности. Скажите этой последней, что я собираюсь привезти к ней в гости Лидку[9]. Если увидите Грэйлиха, спросите его, не нужна ли ему книга Риттингаузена[10], и могу ли я оставить ее у себя еще на некоторое время. Кланяйтесь ему. Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству[11]. Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович[12] может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты[13]. Еще раз всем привет. Видитесь ли Вы с Ивановой?

Г. Плеханов

РНБ. АДП.Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.1. Л. 1–2.
Автограф. Опубл. с сокращением: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 21–23; Литературное наследство Г.В. Плеханова. 8. М., 1940. С. 235–236.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В предыдущих публикациях дата – «весна 1885 г.». Обоснование даты см.: прим 7.

[2] Альянс израэлит (Alliance Israélite Universelle) – основанный в 1860 г. в Париже союз, вызвавший создание таких же союзов в Англии и Австро-Венгрии и имевший своей целью содействие в уравнении прав еврейского населения и оказывавший помощь нуждающимся евреям.

[3] Пользующийся покровительством (*фр.*).

[4] Первой женой Г.В. Плеханова (с 1876 г.) была землеволка Н.А. Смирнова. Всерьез влюбленный, он обвенчался с женщиной не только на 4 года старше себя, но и сердце которой принадлежало другому – землевольцу М.А. Гриценко. Последний был в это время уже арестован и отбывал наказание, а она ждала ребенка. Благородство Плеханова ею не было оценено. Ребенок вскоре умер, а она вернулась к своему фактическому мужу. В 1879 г. Плеханов вступил в брак с Р.М. Боград. И хотя этот второй брак оказался очень удачным, оформить свои отношения супруги смогли только через 30 лет (Смирнова не давала Плеханову развод).

[5] Весь текст, заключенный в квадратные скобки, в предыдущих публикациях был опущен.

[6] В этот период жизни здоровье Г.В. Плеханова было уже сильно подорвано непрерывным трудом в течение пяти лет жизни в эмиграции в условиях сильнейшей материальной нужды и предшествовавшими четырьмя годами нелегальной работы в России.

[7] *Прибыв в Болгарию в середине марта 1885 г. Благоев немедленно связался с группой «Освобождение труда». Упоминаемое в тексте письмо Благоева не сохранилось. По-видимому,*

оно содержало рассказ о положении дел в Петербурге. Сам Благоев, запрошенный редакцией данного сборника, подробностей об этом письме вспомнить не смог. – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] Шутливое прозвище В.П. Аксельрод.

[9] Л.Г. Плеханова.

[10] *Риттингаузен М.* (1814–1890) – деятель германского социал-демократического движения, известный проповедник идеи прямого народного законодательства, некоторые следы влияния которого находятся в первых проектах программы группы «Освобождения труда». Автор книг «Die directe Gesetzgebung» (1850), «Sozialdemokratische Abhandlungen» (1869–1872) и др. О какой из этих книг идет речь в письме, установить не удалось.

[11] К Ф. Энгельсу. Познакомиться с Энгельсом Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду удалось только значительно позднее, в августе 1889 г.

[12] Шутливое прозвище Ф. Энгельса.

[13] *Плеханов здесь шутливо варьирует известную фразу Прудона «La propriété c'est le vol» [«собственность – это кража»], намекая на критику ее, данную Марксом (см. статью о Прудоне, напечатанную группой «Освобождение труда» в виде предисловия к «Нищете философии», изд. 1885 г.).* – Прим. Б.И. Николаевского.

13
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 24 июня (6 июля)
Томская губ.

Дорогая моя!

Уже две недели, как черепашьими шагами двигаемся по Томской губ[ернии]. О неудобствах нашего передвижения – ты сама знаешь, да и я уже описывал их в письме к Мане[1], которая, надеюсь, переслала его тебе. Но тебе, конечно, интересны не только внешняя сторона моей жизни, которую более или менее ты и сама знаешь, но также и внутреннее мое состояние. К сожалению, о последнем немного могу сказать, – не потому, что не имею никакого настроения, а потому, скорее, что разучился письменно излагать его, или, быть может, причиной тому обстановка. Я кажется, упоминал тебе в прежних письмах[2], что, при выезде из Москвы и особенно по Волге, меня часто одолевала острая тоска, вызывавшаяся воспоминаниями о невозвратном прошлом, на что наводила всякая мелочь окружавшей меня обстановки и попадавшихся видов, а также связанные с этим мысли о предстоящем мне будущем. Но странно: несмотря на уменьшившееся число членов нашей семьи[3], несмотря на бедность окружающей меня обстановки и впечатлений, – острых приступов тоски я не испытую[4]. Отчасти это, конечно, объясняется способом нашего передвижения, вызывающим достаточное физическое утомление и не дающим возможности долго останавливаться на одной мысли, на одном ощущении. Трясясь почти что изо дня в день, в продолжение многих недель, на одноколке, не можешь не только читать, но и думать, сообразить что-нибудь. Все как-то притупляется. Ко всему становишься равнодушным. Внешние виды не настолько хороши, чтобы можно было любоваться ими. Они скоро приедаются. Если и думаешь когда-нибудь во время езды, то преимущественно о бедности местной культуры, о русской – или вернее – сибирской отсталости. Глядя на местные дороги, способы передвижения, учреждения и пр[очее], до чего совсем почти не коснулась цивилизация, невольно пускаешься в философские размышления на тему о причинах этой от-

сталости и о способах, которые могли бы ускорить движение вперед. Меня как «Европейца», как меня величают окружающие, поистине поражает и подчас возмущает эта отсталость. Я иногда задаю себе вопрос: во сколько месяцев или лет создал бы какой-нибудь из передовых европейских народов все то из плодов «цивилизации», чем теперь Сибирь пользуется? И решаю, что в очень немногие. И в такой – а то еще много худшей – обстановке мне придется жить только чрез многие годы! И об этих «плодах цивилизации» я буду мечтать заранее в продолжении нескольких лет, считать месяцы и дни, когда смогу устроиться с теми удобствами, какие доставляет данная «культура»! А между тем я сознаю, что все это мне действительно будет желательно, что я буду рваться в такую обстановку, хотя и признаю ее не заслуживающей никакого внимания. Но до того времени до того отупеешь, до того опустишься, что самая ужасная – по сравнению с действительно культурной – обстановка, лишь бы иная, новая, вероятно покажется раем. Я и теперь уже чувствую, до чего влияет обстановка на меня. Уже и теперь замечаю в себе сильный упадок духа, энергии, какая-то апатия, индифферентизм развивается, не является живого представления о том, чего бы желал, к чему бы стремился и пр[очее], без чего, помнишь, прежде я не мог прожить сколько-ниб[удь] долго: я всегда должен был «строить» что-ниб[удь], если не стремиться, то хоть желать добиваться известной цели, обстановки. Мне понятно теперь, как люди живые, развитые, энергичные начинают «зашибать» в таких обстановках: «живительная влага», хотя и искусственно и не надолго, но все же выводит из обыденного, апатичного настроения; становится приятным возбужденное состояние, хотя бы и вызванное «очищенной». Кстати, в Томске мне сообщили, что Иоська[5] будто бы сильно зашибает, живя где-то в Якутской обл[асти]. Как мало это на него похоже, а между тем очень возможно. Не более утешительны, хотя и в других отношениях, известия о Юристе[6]. Он, говорят, опасно болен (размягчением костей), почти при смерти, так что Томский губ[ернатор] нашел нужным хлопотать, чтобы его раньше срока отпустили на родину, куда он недавно и уехал. О нравственном его состоянии сообщают также мало утешительного, что, конечно, объясняется его физическим состоянием. Говорят, что он представляет из себя крайнего скептика, вполне во всем изверившегося человека, ничем, вне личных, материальных своих обстоятельствах, не интересующегося. Приходько с женой своей Косач, говорят, обзавелись «лошадью, коровой» и пр[очим], и вообще устроились по-мещански. Евгения с Ев[гением] Козловым вернулись на родину.

Впрочем, о знакомых ты, вероятно, знаешь не меньше меня.

Ну, пора кончить письмо. Будь здорова и добра, дорогая. Пользуйся, насколько это возможно, окружающей тебя обстановкой, умней и развивайся еще более. Того же – и вообще всего хорошего – желаю всем друзьям и приятелям. Крепко целую тебя, Жоржа, Розу, Лизу, Павла и др[угих]. Будьте счастливы.

Ваш Ев[гений]

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.13. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Речь идет о письме к М.Г. Афанасьевой. Сохранилось два письма, написанных Дейчем сестре из Томской губ. Вероятно, речь идет о письме от 8 (20) июня, опубликованном в сборнике «Группа "Освобождение труда"» (Сб. 5. С. 95–97)

[2] Письма не разысканы.
[3] Имеется в виду партия ссыльных. По пути она разделялась на группы, направляемые по разным маршрутам.
[4] Так в автографе.
[5] Очевидно, О.В. Аптекман.
[6] *Юрист* – революционный псевдоним Г.Н. Преображенского.

14

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 12 (24) июля
Красноярск

С ужасным нетерпением приближался я к Красноярску, ожидая получить здесь много писем от тебя и других мне близких людей; но застал здесь только одно письмо[1] от тебя, зато стало много (конечно, сравнительно) дающее о тебе, родная, сведений, что я отчасти доволен отсутствием других писем: я всецело теперь на нем сосредоточиваю свое внимание, читаю и перечитываю его массу раз, напрягаю свое – в последнее время сделавшееся довольно тугим – соображение, желая проникнуть во внутренний его смысл, прочитать то, чего ты не досказала. Не буду скрывать – да это и было бы совсем напрасно, – что письмо это меня очень огорчило, что ты права была, думая, как мне приятно было рисовать себе твое состояние таким, каким я себе[2] его предполагал. Но я, конечно, очень, очень благодарен тебе, дорогая, за то, что ты решилась сообщить мне всю правду о себе, как она сама по себе ни тяжела, – мне приятно видеть, что чувствуешь потребность не скрывать от меня ничего, тебя касающегося. Давай, прошу тебя, и впредь тоже не останавливайся перед опасением огорчить меня неприятными и тяжелыми сообщениями: не зная от тебя самой об истинном твоем состоянии, я[3] склонен[4] рисовать себе его, быть может, более мрачными красками, чем каково оно в действительности. Грустно, ужасно грустно, что «теперешнее твое житье несколько темнее, мрачней того, какое было, когда я жил в Базеле»[5]. Я живо помню и твои рассказы о том твоем состоянии, и мои тревоги за тебя. Судя по письму, ты, пожалуй, в худшем состоянии, чем я, – а уж на что мое неказисто! Я утешаю себе тем, что наихудшее для меня прошло, что в будущем меня не ждут новые тяжелые разочарования, разбитые надежды и планы, – все, что бы ни случилось, будет неизбежным результатом уже случившегося. Я не строю никаких планов, не задаюсь никакими целями: пусть будет, что будет, буду жить, как будет житься. Но если отсутствие «цели в жизни» тяжело при моем положении, когда ее и не может быть, то я понимаю, насколько печальнее сознавать отсутствие ее, будучи на воле. Однако, как ты предполагаешь (хотя, думаю, и неверно), что тебе бы «не было тяжело» в моем положении, так и я согласился бы быть на твоем месте: ты можешь «усердно сидеть за работой, много читать» и в будущем сделаться «чрезвычайно ученой старухой». Я же, при моей обстановке, – при постоянной толкотне, шуме, при столкновении с чрезвычайно раздражительными, больными людьми, при постоянных мелочных интересах и т[ак] д[алее], – могу сделаться или чрезвычайно раздражительным, несносным, или апатичным, вполне обленившимся стариком, или тем и другим вместе, что отчасти уже и теперь начинает проявляться, к великому моему огорчению. Как видишь, дорогая, ты ошибаешься, надеясь, что

я «не потеряю бодрости, буду извлекать из жизни все то хорошее, что только возможно». Беда в том, что обстановка, внешние условия сильнее нас: незаметно, капля за каплей, изо дня в день они налагают на нас свой отпечаток, изменяют[6] нас настолько, что не только другие, но и сам себя не узнаешь, удивляешься себе. Сила воли, нежелание поддаваться внешнему влиянию имеет, мне кажется, лишь там место, когда ты можешь, если не изменить сколько-нибудь эти условия, то хоть переменять свою обстановку, искать лучшую, более соответствующую[7] твоим желаниям и привычкам. Вот ты хоть можешь «не видеть народа», уединиться, пойти или съездить к кому пожелаешь и т[ак] д[алее]. Так до чего же скверно можно себя чувствовать, будучи постоянно на людях, когда тебе никого не хочется видеть, быть насильно связанным с тем или другим субъектом, от к[о]т[о]рого ты хотел бы быть за много миль, давать посторонним и, б[ыть] мож[ет], совсем несимпатичным тебе людям возможность читать на твоем лице малейшие выражения, узнавать твое настроение и насильно влезать в твою душу! Неужели тебе «не было бы тяжело» на моем месте? Сильно сомневаюсь, дорогая. Тебе еще не приходилось живать в подобных обстановках, и ты упускаешь из виду, что вообще я общительнее тебя, скорее схожусь с людьми, следов[ательно], я должен легче тебя переносить все неудобства моей обстановки. Ты думаешь, что легче[8] доживать свой век при такой обстановке, когда внешние условия как бы санкционируют бесцельность существования. Это верно только относительно. Так, я еще допускаю, что, при некоторых благоприятных условиях, можно сносно доживать свой век на поселении, но никоим образом – на Каре. Впрочем, будем жить – увидим.

Я ужасно рад, что ты уже и теперь хорошо знаешь полит[ическую] экономию, и в этом отношении завидую тебе. Буду из всех сил стараться серьезно предаться изучению всяких наук и возлагаю на тебя надежды, что ты в отношении книг б[удешь] помогать мне. При случае, покупай книги, напр[имер] классиков полит[ической] экон[омии] (Ад[ама] Смита, Риккардо, Мальтуса) – в подлиннике: я везу с собой учебник англ[ийского] языка. Со временем, напишу тебе, чтобы ты их выслала. Лучше всего через сестру Маню: она, я уже писал тебе, намерена со временем приехать ко мне из Казани. Ты не сообщаешь, переслала ли она тебе мои письма и «Евгения Онегина»[9]? Не получив от нее письма, я теперь беспокоюсь за нее, не случилось ли с ней чего? Она славная, симпатичная и, как оказалось, привязана ко мне, что меня очень радует: теперь я особенно дорожу привязанностью дорогих людей.

Книг с собой в дорогу имею довольно много, больше по беллетристике (соч[инения] Гл[еба] Успенского, Шекспира и т[ому] п[одобное]). Но вообще читаю мало. Мы все преимущественно спим, едим и в промежутках двигаемся черепашьими шагами на восток. До чего однообразно, бессмысленно и скучно наше передвижение, – я уже писал тебе. И такой жизни нам предстоит еще 3–4 месяца! В середине сентября будем в Иркутске, где надеюсь застать от тебя, Лизы и др[угих] несколько писем; а в октябре будем в Чите, куда также напиши (тоже на адрес канцелярии Его превосходительства г[осподи]на губернатора Забайкальской обл[асти]). Два месяца скучнейшего пути без всяких вестей от тебя и др[угих]! А там и того хуже. Ты знаешь, дорогая, что я от всей души желаю, чтобы ты чувствовала себя не так, как теперь, чтобы жизнь твоя была для тебя полна интереса и цели; но одних моих желаний, советов и просьб для этого недостаточно. Сознание своего бессилия в этом отношении меня немало также огорчает. А как бы я рад был, если бы ты была довольна жизнью!

Но ничего не поделаешь! Прощай, милая, дорогая моя. Целую тебя много, много раз, а также всех близких. Какая досада, что Жорж и Павел не получили моего письма[10]: я так много сообщал им интересного по части[11] наблюдений и бесед с московскими моими знакомыми. Верно ли, что Павины разорились и что причиной тому? Сколько №№ выпустил их мастер[12]?

Лизика целую крепко, – я ей напишу особо[13].

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.14. Л. 3 – 4 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Не разыскано.
[2] Слово «себе» зачеркнуто.
[3] Далее одно слово вымарано.
[4] Далее вымарано слово.
[5] См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 151–155.
[6] В слове «изменяют» вымарано приписанное «видо».
[7] Часть слова вымарана и надписана сверху.
[8] Далее два слова вымарано.
[9] «Евгений Онегин» – роман в стихах А.С. Пушкина. Очевидно, в книге «химией» было написано конспиративное письмо.
[10] Письмо не разыскано.
[11] Последующий текст, до конца абзаца, написан по периметру последней страницы письма.
[12] «*Пава*» – псевдоним М.Н. Ошаниной. Речь идет о прекращении издания журнала «Вестник "Народной воли"». На самом деле издание было прекращено из-за дефицита финансов на № 5 в 1886 г.
[13] Это предложение приписано по верхнему полю оборота первой страницы письма.

15

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 28 июля (9 августа)
Канск Енисейской губ.

Дорогая моя!

Недели 2 тому назад я получил твое письмо в Красноярске и тогда же ответил[1]; теперь, хотя и нет никакой особенной темы для письма, пишу снова, чтобы не изменять своему правилу – писать тебе из каждого попадающегося по дороге города. Я знаю, как приятно тебе получить хотя и бессодержательное письмо мое, которое все же даст возможность сделать приблизительное заключение о моем житье-бытье. В общем из писем и рассказов ты, конечно, представляешь себе мою жизнь, обстановку, но это представление, вероятно, настолько же разнится от действительности, насколько и мое, когда я мысленно переношусь к Вам, хотя мне, собственно, должно было бы быть легче рисовать себе близкую к действительности картину твоей жизни, так как я был в Швейцарии, ты же не была здесь. Избитая истина, что никакие рассказы и описания не могут вполне живо представить обстановки и обстоятельств, в которых мы не были; мне часто приходится теперь убеждаться в этом. Несмотря на множество рассказов и описаний путешествий по Сибири, действительность всегда является мне

иной, чем я ее себе заранее рисую. Мне, напр[имер], представлялся довольно приятным процесс этапного передвижения в кругу товарищей, но, хотя внешние условия довольно благоприятны нам, – погода все время стоит прелестная, никаких материальных лишений мы не испытуем, недоразумения с властями если и случаются, то незначительные, – все же хотелось бы, чтобы поскорее уже окончилось это странствование, все же подчас бываю в сквернейшем настроении, о каковом я и не воображал, сидя в Москве, и с чем может сравниться лишь мое состояние, когда я сидел в Одессе. Конечно, кроме общих причин – предстоящее мне невеселое будущее – немаловажную роль здесь играют и условия, в которых нахожусь. Но об этом я уже писал тебе, да, собственно, и не стоит долго останавливаться, так как, кому же не известно, что в моем положении бывают разные настроения. В общем же, повторяю, не могу пожаловаться, и если в дальнейшем пути все так же будет нам благоприятствовать, то, конечно, впоследствии из памяти изгладятся неприятные мелочи и останется только одно приятное[2] воспоминание.

Ты сообщала в последнем письме, что Павины разорились[3]. Хотя и можно было ожидать, что это случится, но все же я не думал, что так скоро. Вероятно, причиной тому – внутренние несогласия, глав[ным] обр[азом], а не недостаток материальных средств, так как, хотя 3 №№, которые мне пришлось видеть, оставляют многого желать, но все же это предприятие могло рассчитывать на поддержку публики. Читал я также – уже перед самым выездом – первую половину «Разногласий»[4]. Я тогда вкратце написал Жоржу свое мнение об этой половине[5]. Теперь с трудом припоминаю, что особенно меня поразило; кажется, чересчур полемический характер этого произведения и обилие ссылок и цитат, вследствие чего непривычный читатель теряет нить изложения. Не будь этих недостатков, произведение это значительно выиграло бы, хотя и в том виде, в каком оно является, оно может многое дать читателю. Боюсь, что публика недостаточно серьезно отнесется к этому произведению и сделает, как это мне уже приходилось слышать, краткий вывод: «ругается». Сообщи, конечно, в общих чертах, как отнеслись к этой книге и вообще, что еще вышло нового. Появился ли уже перевод «Misere de la Philosophie»[6]? Напечатаны ли популярные брошюры Павла?[7]

Очень обрадовало меня твое сообщение, что «в ближайшем будущем вам не грозят кредиторы и вообще все вам удастся». Хотелось бы поподробнее узнать о вашей жизни, хотелось бы хоть одним глазком взглянуть на вас, но, увы! Последнее, вероятно, никогда не случится. Не могу, да и не хочу утешать себя приятными надеждами: мои «мечты» так часто и сильно разбивались, что поневоле стараюсь ни на что не надеяться, не заглядывать в отдаленное будущее. Но не могу сказать, чтобы я окончательно отделался от некоторой доли веры в «предчувствия», а она-то мне ничего и не говорит о возможности встречи с вами вообще и с тобой в частности.

Но будем, если нельзя часто, то хоть изредка в письмах сообщать друг другу о житье-бытье каждого. Не могу сказать, чтобы ты была очень щедра в этом отношении, хотя, правда, тебе не везло с письмами ко мне. Пиши же, дорогая, в Иркутск (к середине сентября) и в Читу – Забайк[альской] обл[асти] (к середине октября). Что поделывает Жорж и Роза? Что он читает и пишет? Кончила ли уже Роза?[8] Как двигается кефирное заведение Павла?[9] Оканчивает ли он или бросил университет?[10] Всем, всем сердечный привет и наилучшие мои пожелания.

Лизенок, от Вас я тщетно ожидал получить, так как Вы обещали, много писем в дороге. Спасибо Вере, что сообщила немного о Вас в последнем письме, – меня очень обрадовало известие, что Вы «ходите совсем как человек». Пишите, что Вам сообщает Яков. Ну, целую вас обеих крепко, крепко.

Ваш Лев

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.15. Л. 5 – 6 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

1 См. док. 14.
2 Слово «приятное» написано поверх «отрадное».
3 Речь идет о прекращении издания «Вестника "Народной воли"». См. прим. 12 к док. 14.
4 Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «Наши разногласия», написанная летом 1884 г. и вышедшая в начале 1885 г. в Женеве в типографии группы «Освобождение труда» третьим выпуском «Библиотеки современного социализма». Кроме того, в журнале «Общее дело», издвавшемся в Женеве, было опубликовано предисловие к этой книге под названием «О разногласиях: Письмо в редакцию» (1885. № 71).
5 Письмо Г.В. Плеханову не сохранилось.
6 «Misere de la Philosophie» – *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона (1847) – одно из первых произведений зрелого марксизма, направленное против идеолога мелкой буржуазии П.Ж. Прудона.. В переводе В.И. Засулич опубликовано в серии «Библиотеки современного социализма» в 1886 г.
7 В 1883 г. группой «Освобождение труда» был начат выпуск изданий в серии «Библиотека современного социализма», кроме этого с 1885 г. группа приступила к изданию серии «Рабочая библиотека». В 1885 г. в рамках этой серии в Женеве вышла брошюра П.Б. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия» с приложением объявления об издании «Рабочей библиотеки».
8 Имеется в виду обучение Р.М. Плехановой на медицинском факультете Женевского университета (1883–1885), по окончании которого она получила степень бакалавра медицины. С 1890 г. получила право заниматься врачебной практикой в Женевском кантоне.
9 См. прим. 36 к док. 4.
10 П.Б. Аксельрод много раз начиная с 1882 г. собирался поступить в Цюрихский университет. Это намерение он так и не реализовал.

16
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 17 (29) августа
Нижне-Удинск Иркутской губ.

Как видишь, дорогая, мы, несмотря на 3-х месячное уже путешествие, добрались всего до Иркутской губ[ернии], а до г[орода] Иркутска (482 вер[сты]) нам остается еще целый месяц ходьбы! Там надеюсь застать, по крайней мере, два[1] письма от тебя и столько же от Лизы, Павла и Жоржа, может быть, чему бы я был несказанно рад. Теперь, за неимением новых писем, я перечитываю твое последнее, полученное мною в Красноярске. Надеюсь, ты уже получила посланные мной, в ответ на это, два письма[2]. Мне было бы очень прискорбно, если бы ты их не получила. Жалею, что не послал их заказными, а то, говорят, сибирская почта не отличается большой аккуратностью. Хотя письма мои и не богаты содержанием, но я знаю, что они, тем не менее, доставляют тебе большое удовольствие. Да и трудно ожидать содержательных писем от меня в положении, в каком я нахожусь, не говоря уже об отсутствии материала, пропа-

дает всякая способность писать письма. Впечатлений крайне мало, если не сказать вовсе никаких, интересы – очень мелки. К тому же мне все кажется давно всем известным, сотни раз повторенным, слышанным. Ну, кому же не известно, что передвигаться шагом по 20–25 вер[ст] в день, связывать и развязывать ежедневно свои вещи, в продолжении многих месяцев – скучно, что сибирские дороги, идущие среди дикой, однообразной тайги, скверны, после дождей в особенности, что здесь попадаются деревни иногда только на расстоянии 20–25 вер[ст] одна от другой и т[ак] д[алее]. И, тем не менее, некоторые из товарищей находят возможным вести дневники. Но, Боже, что это за дневники! Гоголевская Коробочка[3], несомненно, нашла бы в них большой интерес, так как в них авторы аккуратно заносят прейскурант цен местных продуктов. Но кому, кроме Коробочки, может быть интересно, что в такой-то деревне кувшин молока стоит столько-то, а в другой больше или меньше? Авторы описывают также расположение этажных домов (и где на ночь ставятся в них «параши»), попадающиеся нам по пути виды, которые подчас действительно недурны и т[ому] п[одобное]. Но все это малоинтересно, если не сказать вовсе безынтересно. Я не хочу утверждать, что наша жизнь и обстановка не представляет абсолютно никакого материала для устной беседы или для талантливого наблюдателя. Среди массы известного, пережеванного попадается подчас кое-что пикантное, оригинальное, как по части местных нравов, так и жизни уголовных арестантов, с которыми мы идем вместе вот уже 4-й месяц. Но ни в письме, ни в дневнике не передашь этого, – оно будет там отрывочно, бесцветно. В общем, повторяю, путешествие наше все же недурно, а подчас доставляет даже некоторое удовольствие. Погода до сих пор нам продолжает благоприятствовать, дожди случаются редко и то небольшие, пища наша хороша, этапы сносны. Кстати, в последних иногда попадаются надписи предшествовавших в прошлые годы товарищей и между ними Дмитро[4], который, представь себе, не только посылает мне и вам поклон и приветствия на стенах и нарах, но однажды написал даже несколько строк мне, в которых упрекает, почему я ему не писал! И это в [18]83 г[оду], – словно он предчувствовал, что я скоро сам буду здесь же проходить и прочту это. Меня эта надпись и удивила, и обрадовала, и навела на всякого рода размышления и воспоминания… Последним занятием я вообще предаюсь редко: не такие среда, обстановка, да и разучился я уже как «размышлять» о чем-нибудь, так и «вспоминать» прошлое. Не занимаюсь я также «наблюдениями» и «изучением характеров», к чему, по твоим словам, у меня есть склонность, потому что уже все «наблюл»[5] и «изучил» что возможно было, но было-то за это время очень мало. Читаю я довольно много, хотя большей частью беллетристику, но также и серьезные книги. Газеты попадаются нам очень редко, да и то преимущественно «Правит[ельственный] вест[ник]», из которого узнаем о назначениях, повышениях, наградах, но иногда и о других выдающихся событиях в России и за границей. Судя по попадавшимся нам известиям, повсюду тишина и спокойствие. Мне случилось, между прочим, прочитать где-то, что среди немецкой социал-демократии начались раздоры и несогласия, причиной которых будто бы «диктаторские наклонности и стремления Бебеля»[6]? Хотя я и не верю корреспонденту, но допускаю, что что-нибудь и вышло у них. Сообщи, конечно, в самых общих чертах, что там у них происходит. Надеюсь, что ты не упустишь времени написать мне в Читу (на адрес канц[елярии] губ[ернатора]), где будем приблизительно в половине октября, а затем к концу ноября – в Нерчинск, на адрес Его Высокородия г[осподи]на

исправника для следующего с первым политическим этапом госуд[арственных] преступ[ников] такому-то. В Нерчинске надеюсь получить последнее твое письмо в пути.

Пиши, дорогая, о себе побольше, а также и о близких.

Не помню, писал ли я тебе, что по пути, кроме Томска, мы видались в городах с находящимися там в ссылке родственниками; положение их, в большинстве случаев, невеселое: тоска, безделье и безлюдье одолевают. Но я, признаться, с некоторой завистью смотрел и на эту жизнь их: когда-то мне еще придется хоть так, как они устроиться?! Ну, да что думать о будущем: что будет, то будет.

Всего тебе хорошего, милая, дорогая моя. Не тоскуй, не заглядывай в даль. Обнимаю и целую тебя крепко, крепко: тоже и Лизу, Жоржа, Павла, Розу и других близких, не забывающих меня. Будьте же все здоровы и счастливы.

Ваш Лев

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 670. АД 1/29.16. Л. 7 – 8 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Слово «два» надписано над зачеркнутым «три».
[2] См. док. 14 и 15.
[3] *Коробочка* Настасья Петровна, помещица, коллежская секретарша – один из персонажей поэмы-романа Гоголя «Метрвые души». Её фамилия стала нарицательной для обознгачения скупости, бережливости, мелочной жадности.
[4] Я.В. Стефанович шел этапом на каторгу в 1882–1883 гг.
[5] Так в автографе.
[6] «Диктаторские наклонности» Бебеля проявились в период действия Исключительного закона против социалистов («Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии»), действовавшего в 1878–1890 гг. Бебель боролся за восстановление разгромленных полицией партийных организаций, давая отпор как левым анархистским элементам, так и правым оппортунистам и успешно руководил как нелегальной, так и парламентской деятельностью партии.

17
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 18 (30) сентября
Иркутск

Милая, дорогая сестра!

Наконец-то по прибытии сюда получил все твои письма и деньги, а также и письма сестер, адресованные в Томск (твое)[1], Красноярск (их) и Иркутск (твое и их)[2]. Ты представляешь себе, как меня обрадовало получение твоих писем, т[ак] к[ак], не получая до Иркутска, никаких известий от тебя, я очень беспокоился. Последнее твое письмо от 25-го июня (с 30 руб[лями]); в нем ты обещаешь, что[3] вскоре еще написать, но вот уж более 2 ½ мес[яцев] с тех пор, а от тебя нет писем. Трудно предположить, чтобы ты за это время не писала, но так же невероятно, чтобы пропало письмо, т[ак] к[ак] лица, через руки которых проходят здесь наши письма, аккуратно доставляют нам всю корреспонденцию. Газеты, присланной тобой, как и вещей, я также не получил. С запросом о последних я уже обратился в Тюменский приказ о ссыльных[4], прося выслать их на Кару. Но раз у тебя сохранилась квитанция или можешь указать на время, когда их выслала, то хлопочи, дорогая, через почту.

Сестры[5] все жалуются в письмах ко мне, что ты не сообщаешь им своего адреса, т[ак] к[ак] ты будто бы написала, что меняешь квартиру и вышлешь им новый адрес. Посланные тобой им письма они получили. Сообщи им, пожалуйста, немедленно свой адрес и напиши им, пусть вышлют тебе 2-ой том «Капитала», а также вообще вновь вышедшие иностранные книги (на всех новых яз[ыках]), в том числе Thierry – L'histoire du tieres état[6], книгу Генри Джорджа – Fortschit etc.[7] (на англ[ийском] яз[ыке]), – словом, предоставляю им выбирать и, по мере приобретения, посылать тебе. Когда, по приезде на место, узнаю, каких русских книг нет там, я буду обращаться к тебе. Если у тебя есть лишние деньги, то пришли нам табаку, а также казанского мыла, конечно, все это нужно в изрядных размерах. Как сообщают, на Каре фунт сахару стоит 50 коп[еек], поэтому, если через транспортную контору можно дешево послать и если у тебя будут деньги, то не лишнее и сахар получить. Да, и вообще время от времени старайся посылать натурой те продукты и вещи, к[о]т[о]рые там втридорога, но, конечно, имея *лишние* деньги, не отказывая себе из-за меня ни в чем.

Ты просишь сообщать тебе поподробнее о нашем путешествии. Но, право же оно до того однообразно и скучно в общем, что рассказывать почти нечего. Нельзя, конечно, сказать, чтобы в продолжении 4-х месячного нашего путешествия не попадалось мне ничего интересного, ничего выходящего из ряда вон, ничего волновавшего меня, но, главным образом, все эти исключения состояли в незначительных недоразумениях с властями, которые всегда благополучно кончались и теперь представляются до того ничтожными, что упоминать о них не стоит. Но нужно сознаться, что, в общем, перекочевывание наше совершается при сравнительно очень благоприятных условиях, в числе которых играют видную роль стихии: за все 3 месяца медленного этапного передвижения (от Томска) нас вовсе почти не мочил дождь. Затем в большинстве конвоировавшие нас офицеры (всех счетом до Иркутска было более 30) и всякого рода представители администрации и юстиции бывали достаточно предупредительны и вежливы с нами, а это – главное. Скучать да и тосковать не приходилось особенно; некоторый интерес представляло путешествие, хотя и безобразно медленное, по незнакомым местам, приходилось узнавать и кое-что о нравах и особенностях местного населения; также небезынтересно непосредственное столкновение с уголовной партией (более 300 чел[овек]), с которой пришлось пройти вместе 3 мес[яца]. К тому же, приезжая на дневки (через день), я и читал довольно много. Как пойдем отсюда дальше – еще неизвестно. Если тем же этапным способом, то будем на месте в конце ноября, если же с жандармами, что иногда практикуется, то в середине октября, но вернее первое. Хотя мне, с одной стороны, хотелось бы уже скорее быть на месте, но, с другой, ничего не имею и против этапного дальнейшего передвижения, т[ак] к[ак] и оно имеет свои удобства; в последнем случае нам придется и на санях ехать, что мне очень желательно. Не надеюсь уже более от тебя получить письма в дороге. Пиши, дорогая, на Кару так:

В Жандармское Иркутское правление для передачи на Нижне-Карийскую политическую тюрьму (такому-то).

Если не будешь получать от меня извещений, то знай, что не по моей это вине, и все же продолжай писать мне и пересылать письма других сестер. Нечего и повторять, как я буду рад и благодарен тебе, если действительно со временем осуществится твое намерение приехать ко мне. Но это, дорогая, может осуществиться очень не скоро. А до тех пор не переставай писать мне сколь воз-

можно чаще. Относительно меня, без всяких обещаний, можешь быть уверена, что при малейшей возможности буду делать то же. Будь же здорова и счастлива, дорогая, хорошая сестра. Всего, всего тебе наилучшего от всей души желаю. Береги свое здоровье, не забывай меня, исполняй мои (и сестер) поручения, вот все мои просьбы к тебе. Целую тебя крепко, крепко и много, много раз, а также и сестер. Моим товарищам детства я также шлю самый сердечный привет и всевозможные пожелания, а также и просьбу являться к тебе на помощь в сколько-нибудь затруднительных случаях. Сообщи им это. Ну, еще и еще целую тебя, дорогая, а также и твою девчонку. Товарищи мои кланяются тебе.

Любящий тебя брат Лев Дейч

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.17 Л. 9 – 10 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письмо не разыскано.
[2] Письма не разысканы.
[3] «Что» вставлено сверху строки.
[4] Тюменский приказ о ссыльных – государственное учреждение, созданное в 1823 г. для регистрации ссыльных и распределения их по Сибири. Именно в Тюмени каторжных заковывали в кандалы и отсюда начинался «кандальный путь». Приказ упразднен в 1904 г. с передачей его функций Главному тюремному управлению.
[5] То есть В.И. Засулич, Е.А. Хотинская и др.
[6] Имеется в виду книга:*Thierry*. Eessai sur l'histoire de la formation et de progrès du tiers-état. Paris, 1853.
[7] Имеется в виду книга: *George H*. Progress and Poverty. N.Y., 1879. Вышла на русском языке под названием «Прогресс и бедность по Генри Джорджу» (СПб., 1884). Аксельрод написал статью с разбором этой книги. Она была напечатана в № 8 и 9 журнала «Дело» за 1883 г.

18
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 25 сентября (7 октября)
Иркутск

Милая, дорогая моя!

Ну вот я и в Иркутске и, к великому моему удовольствию, застал три письма от тебя[1] и два от Лизы, кроме трех писем от Мани. Ты представляешь себе, как они меня обрадовали; они хоть далеко не полны, но все же дали мне некоторое представление о твоей жизни и о состоянии семьи[2]. Огорчило меня известие, что Жорж[3] и Дрезденский[4] заболели, но утешаю себя мыслью, что теперь они оправились: воздух Кларана, куда ты их повезла лечиться, должен был благотворно повлиять на состояние их здоровья. Не позволяйте Жоржу чрезмерно изнурять себя занятиями: при его слабом сложении ему совсем не трудно надорвать его. Очень благодарен ему за немногие строки, которые он вывел слабой рукой. Откладываю ответ ему до другого раза, так как сегодня не совсем это мне удобно: мои воспитатели[5] придирчивы к моей переписке. По странной их логике, ученик может получать от всех близких письма, но он не должен им отвечать, пока не станет самостоятельным человеком. Это заявление их мне очень меня огорчило: уже теперь я, значит, перехожу на положение Мити[6]. Но меня

выручают здешние родственники[7], которые, конечно, не согласны с этой педагогической системой и дают мне возможность, как видишь, быть и теперь уже самостоятельным. За исключением этого стеснения, менторы, к счастью, ни в чем меня не ограничивают, и жизнь моя течет так же, как и раньше, обстановка также удобна, в выборе товарищей также свободен: живем на общей квартире[8] и пр[очее]. Я понимаю теперь, почему Лиза не получает известий от Мити, его также признают, вероятно, несамостоятельным, но думаю, что ему ее письма вручают. Впрочем, вот в декабре, верно, увижу его, тогда постараюсь дать вам знать. О его жизни я узнал более точно: здесь я виделся с одним его сослуживцем, прослужившим с ним в одном полку там два года[9]. Оказывается, что раньше сообщенные мне сведения не совсем точны: сослуживцы, хотя и недовольны им за старые его промахи, но вовсе не враждебно настроены[10], – короче, он потерял лишь «свой престиж», по удачному выражению Маруси (жены Мишки)[11], с которой, к слову сказать, я подолгу ежедневно болтаю о всякой всячине. Она все та же, что и была раньше, и мы с ней встретились, как родные, чему она ужасно рада. Положение ее далеко не завидное: опекуны всячески стесняют ее, как и трех остальных золовок, лишают их всего необходимого и делают их жизнь подчас далеко не завидной. Раз даже они побудили ее и остальных сесть на диету[12], на каковой они пробыли целых шестнадцать дней. Я представляю себе, до чего это было им неприятно, ты как помнишь, я сам в прошлом году пробыл на этой же диете три дня. Но разница между тем моим положением и их еще в том, что они все эти дни не могли наслаждаться даже и тем светом и теплотой, которыми я тогда пользовался, – эти две потребности тоже были доведены до полного отрицания. Заметь к тому же, что я был тогда на юге и то было осенью; они же здесь сидели на диете зимою. И все эти гигиенические приемы вызваны были сущими пустяками расстройства здоровья этих бедных больных. После этой системы лечения врачи убедились в крепости их организмов (когда они стояли уже на краю могилы), почему и предоставили им все удобства для[13] выздоравливающих. Впрочем, это продолжалось недолго, – весной они[14] снова принуждены[15] были сесть на 75 дней на полудиету! Просто поражаюсь, откуда у этих милых и слабых созданий берутся силы выносить такую варварскую систему лечения: вот еще наглядное доказательство, какие ужасные испытания может выносить человек при внутреннем сознании своей правоты. Она шлет тебе приветствия и поцелуи, если, как она говорит, ты «еще помнишь ее», и просит тебя передать Мише буквально следующее: «Нельзя придумать никакого объяснения его молчанию; если он вычеркивает меня из своей памяти, то следует мне сказать это, п[отому] ч[то] помню его последнее письмо за [18]82 г[од], в котором он пишет, что не забыл меня, а потом больше 2-х лет опять молчание. Это нехорошо для него и оскорбительно для меня».

Я слово в слово списал то, что она сама написала для передачи ему. Если тебе почему-нибудь не совсем удобно, неловко передавать это ее поручение, то повремени немного: с одним из следующих писем перешлю тебе письмецо от нее к нему; но если такового долго не будет, то – нечего делать, передай ему сама ее выговор.

О том, что Миша уже женат, я не счел удобным ей сообщить: это ее очень бы огорчило[16]

Ты жалуешься, что Маня тебе не пишет, а она, в свою очередь, тому же удивляется. Очевидно, вышла какая-нибудь путаница. Постарайтесь списаться, а то я не знаю, смогу ли всегда непосредственно писать тебе. Маня снова повторя-

ет о своем намерении приехать со временем ко мне, на что я, б[ыть] м[ожет], и соглашусь, когда стану на ноги. Теперь она выражает готовность помогать мне в материальном отношении. Но она, очевидно, стеснена в деньгах. Поэтому, когда у тебя будут лишние, – хотя трудно предположить это: откуда они у тебя возьмутся? – то изредка посылай ей. Но прошу тебя не отдавать последних, не стеснять себя и семью из-за меня. Раз я уже на месте, я проживу и со скудными средствами. Словом, прошу тебя никаких особенных забот о моем матер[иальном] состоянии не иметь. Вот, разве только, относительно книг.

Только что я получил твое последнее письмо, которое ты пишешь по возвращении из Кларана и в котором сообщаешь об отъезде Жоржа и Дрезд[енца] в Цюрих, о скором приезде Ани и Миши с женой, о том, как ты провела лето за окончанием работы Ник[олая] Ник[олаевича][17] и за чтением тяжеловесной книги. Огорчает меня очень твое сообщение, что ты, несмотря на чудное лето, совсем почти не наслаждалась им, не гуляла вовсе, а сидела все за работой. Ведь этак ты совсем изнуришь себя, окончательно расстроишь свое здоровье, которое и без того расшатано было. К тому же я представляю себе, что ты попрежнему скверно питаешься и вообще продолжаешь относиться к себе, как злой хозяин к ненужной ему лошади. Хотя я и предполагаю, что мои просьбы беречь себя мало помогут, но все же продолжаю просить тебя и настаивать, чтобы ты, хоть ради меня, относилась к себе внимательнее.

Я просил, уже Маню, чтобы передала тебе мою просьбу выслать мне 2-й т[ом][18], за который, как только его получу, сейчас же и возьмусь. Жалко, что он – такой тяжеловесный «кирпич», как говорит Жук[19], – он еще менее, значит, будет доступен публике. Не знаешь ли, переводится ли он уже и кто именно взялся за это[20]? Ведь теперь Герман Алекс[андрович][21] не может уже явиться конкурентом. Да, ты как-то сообщала, что старик заболел; оправился ли он уже?

Бедный Дрезденец, ты сообщаешь, расхворался серьезно! Он славный парень, насколько я его знаю, и я очень, очень рад, что он сроднился с нашей семьей. Это известие меня несказанно обрадовало. Ты права в своей характеристике его, – он, действительно, честный и добрый труженик, который, раз сроднившись, целиком будет уже предан семье своей. Полное отсутствие в нем оригинальности или «искорки», как ты выражаешься, еще не недостаток: большинство хороших, даже крупных людей не отличается часто присутствием этой «искорки»; у многих она очень поздно развивается, а основные его черты – искренность, добросовестность, преданность и трудолюбие, если последнее у него, как мне кажется, в достаточной дозе, – то с этими чертами можно при подходящей среде, обстановке многое можно преодолеть, усвоить. Вовсе не беда заимствовать у другого взгляды, теории, – вопрос лишь в том, что заимствуешь. Что толку в «оригинальничаньи» Павы с родственниками[22] или даже Миши? А в ведении практического дела, я уверен, у каждого смертного может развиться сноровка, находчивость, умение приноравливаться к обстоятельствам, раз только данное лицо полюбит, отдаться своему занятию, сосредоточить на нем свое внимание, не будет разбрасываться.

Но я незаметно увлекся и вдался в «теории», рассуждения, до которых последние дни я снова стал склонен, после очень долгого периода полнейшего равнодушия к каким бы то ни было разговорам и спорам. Господствующее мое настроение – полная апатия не только ко всему меня окружающему, но даже, когда задевается мое самолюбие; большей частью я даже не чувствую его в себе, не оскорбляюсь, когда меня лично оскорбляют, к чему, помнишь, я был так чув-

ствителен; «не все ли мне равно, как будет ко мне относиться тот или другой», подумаешь, и только. Я, наконец, стал думать, что у меня совсем нет нервов. Но подчас обнаруживаю их присутствие, особенно, когда круглый невежда – а им несть числа – с апломбом берется судить о вопросах, о которых он не имеет никакого понятия. В таких случаях у меня иногда является стремление круто оборвать его, ткнуть его носом, что он ни аза не смыслит. Я сам знаю, что это нехорошая манера, но подчас не могу сдержаться, чтобы не сорваться. Впрочем, повторяю, это редко случается, и я еще не уяснил себе, действительно ли это для меня нехорошо. Говорю «для меня», т[ак] к[ак], при однообразии нашей обстановки, развивающей апатию, б[ыть] м[ожет], небесполезно хоть изредка испытывать возбуждение, даже и не могущее быть похвальным; преследуй я какие-ниб[удь] цели, желай я добиться известного отношения публики, тогда другое дело. Но, живя изо дня в день, трудно задаваться какой-нибудь целью, а тем менее – целью сговориться, изгладить взаимные несогласия даже не по общим вопросам, а по самым частным, особенно, когда имеешь дело с людьми, с которыми ты сегодня вместе, а завтра, б[ыть] м[ожет], навсегда расстанешься. Другое дело, когда останусь на месте: там я заинтересован, как поставить себя с первого дня. Ну, спешу закончить, откладывая до другого раза. Всего, всего тебе хорошего, дорогая моя. Крепко целую тебя и всех.

Твой Женька.

Маруся[23] шлет тебе и Ане поцелуи и просит написать ей на адрес здешних Гомбах[...][24].

Ане, Лизе, Жоржу, Павлу и др[угим] родным передай мои сердечные пожелания и благодарность за память. Развеселило меня очень, как ты Жоржа обманула 1-го апр[еля] и разговоры Ани обо мне с духами[25].

Лизе (и тебе) я пишу одновременно особо. Напрасно ты не[26] даешь понять мне выдержками, намеками, какие письма ты получаешь. Имей это в виду. Ты, конечно, понимаешь и исполнишь это в следующий раз[27].

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.18. Л. 11 – 12 об. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письма не разысканы.
[2] То есть группы «Освобождение труда».
[3] См. прим. 6 к док. 12.
[4] «Дрезденский юноша» – О.Е. Слободской.
[5] То есть надзиратели.
[6] Я.В. Стефановича.
[7] То есть ссыльные.
[8] То есть общей камере Иркутского тюремного замка.
[9] То есть 2 года вместе с ним проживший в одной каторжной тюрьме.
[10] Речь идет о подозрениях народовольцев относительно Я.В. Стефановича в сотрудничестве с полицией.
[11] *Маруся* – М.П. Ковалевская. *Мишка* – В.К. Дебагорий-Мокриевич.
[12] Очевидно, речь идет о голодовке.
[13] Предлог «для» вставлен сверху другими чернилами.
[14] «Они» написано другими чернилами поверх местоимения «их».
[15] В этом слове несколько букв исправлены другими чернилами.
[16] Это предложение написано отдельно, на сгибе развернутого внутреннего листа письма.
[17] Очевидно, Н.Н. Лопатин. О какой его работе идет речь, установить не удалось.
[18] 2-й том «Капитала» К. Маркса был издан Ф. Энгельсом в 1885 г.

[19] *Жук* – Н.И. Жуковский.
[20] Этот перевод будет сделан Н.Ф. Даниельсоном в 1885 г.
[21] Имеется в виду Г.А. Лопатин, который начал перевод первого тома «Капитала», завершенный Н.Ф. Даниельсоном, который окончил работу над переводом в 1872 г. Русское издание вышло в свет в Петербурге в 1872 г. и явилось первым иностранным переводом этого труда К. Маркса. В период, к которому относится письмо Дейча, вышел второй том «Капитала», над подготовкой его русского издания также работал Даниельсон. Том готовился по свежим следам немецкого оригинала под редакцией Ф. Энгельса. Даниельсон делал перевод с корректурных и чистых листов, которыми снабжал его Энгельс. Первое русское издание второго тома вышло в январе 1886 г.
[22] Речь идет о народовольцах.
[23] См. 11 прим.
[24] Фамилию полностью разобрать не удалось.
[25] Это предложение написано отдельно, на сгибе развернутого внутреннего листа письма.
[26] Далее несколько слов вымарано более яркими чернилами.
[27] Весь последний абзац написан по верхнему полю первой страницы.

19

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 30 сентября (12 октября)
Лиственничное Иркутской губ.

Пишу тебе, дорогая сестра, в пути, в селе, живописно расположенном на берегу Байкальского озера, которое здесь почему-то называют морем. Вид из окна чудесный. Вдоль озера узкой полосой тянется село, расположенное у подножия невысокого холма, что очень напоминает мне те излюбленные места, в которых я провел столько приятных лет[1]. Завтра мы должны будем переправиться на тот берег на пароходе, который уже стоит у пристани. Переезд продлится 4 часа, т[ак] к[ак] озеро довольно широко – более 40 вер[ст]; но если поднимется буря, что здесь бывает очень часто, то нам, может, придется пробыть на пароходе 2–3 и более дней, не будучи в состоянии пристать к берегу. Но мне лично «хотелось бы бури», – из желания[2] сильных ощущений. Ничего хорошего о дальнейшем пути не сообщают. Не говоря уже о страшной дороговизне, часто даже полной невозможности достать съестные припасы (ф[унт] хлеба ржан[ого] стоит 4 ½ коп[ейки], кувшинчик молока 35–40, вместо 5, как было по Томской и Енис[ейской] губ[ерниям]), – нам предстоит натерпеться и от холода – уже снег начал падать, – и от неудобств помещений. Ну, да как-нибудь дойдем. Немного, сравнительно, осталось до прибытия на место. Если реки (за Читой) станут до нашего прихода, то будем на месте в конце ноября (или начале декабря[3]). Ну, дорогая, не взыщи, что мало пишу, Я очень спешу с отправкой тебе этого письма, зная, что тебе доставит большое удовольствие получить хоть несколько строк от меня. Из Иркутска я написал тебе и сестрам[4] сравнительно большие письма. Не знаю, получила ли ты их. Вещей, посланных тобой, не получил. Хлопочи, если имеешь квитанцию, чтобы тебе их вернули. Газеты, деньги и письма, как твои, так и сестер, получил. Ну, будь здорова и счастлива. Крепко тебя целую и других сестер целую.

Твой брат.

Сестры жалуются, что ты забыла послать им свой адрес. Пошли его им, пожалуйста, поскорее. Пиши мне, дорогая, поскорее и почаще, чтобы я, приехав-

ши на место, получил уже твои (и сестер) письма, как это было в Иркутске, что доставило мне большое удовольствие.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 670. АД 1/29.20. Л. 16 – 16 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Очевидно, Женевское озеро.
[2] Надписано сверху вместо вымаранного слова.
[3] В тексте сделана описка: написано «октября».
[4] См. док. 18.

20
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 10 октября (29 сентября)

Дорогая!

Как видишь, я не заставляю тебя долго оставаться без известий о себе: из Иркутска послал тебе, Лизе и Жоржу с Павлом по письму[1], а также и сестре Мане два; теперь собираюсь много понаписывать, т[ак] к[ак], быть может, не скоро удастся это в другой раз сделать. Хочется вдоволь наговориться, чувствуется потребность сообщить побольше, «излиться», хотя, собственно, нет ничего такого, чего бы ты сама не знала. Но такой уж стих нашел: отчасти – вообще, вследствие присущей мне потребности давать тебе сколь возможно более полное представление о своем состоянии и из сознания, что такие «излияния» тебе приятны; отчасти – под влиянием обстановки и опасения, что после этого письма, б[ыть] м[ожет], будет долгий, долгий перерыв…

Вот уже 12 дней, как я выехал из Иркутска, где пробыл две недели. Там, как я уже сообщал тебе, я получил все твои 4 письма (одно[2] посланное на Красноярск)[3]. Ты, конечно, сама представляешь себе, какое наслаждение они мне доставили, как мне приятно было читать их, переноситься мыслями к Вам и живо представлять себе вашу жизнь с ее заботами, надеждами, опасениями. Само собой разумеется, они далеко не полны, затрагивают, главн[ым] образ[ом], внешнюю сторону вашей жизни, и почти не дают намека на особенно интересующие и занимающие меня вопросы. Но я, понятно, не в претензии, зная, при каких условиях происходит наша переписка. В этом отношении, впрочем, ты в более выгодном положении, т[о] е[сть] из моих писем ты, могу сказать, узнаешь почти решительно обо всем, меня касающемся, почти ни одна мелочь из моей жизни не неизвестна тебе, и ты имеешь возможность составить себе более или менее полное и верное представление обо всем пережитом, виденном и слышанном мною за время нашей разлуки. Как сильно хотелось мне получить хоть одно большое, подробное письмо от тебя, и так-таки не удалось! Но теперь уж об этом бесполезно жалеть. Спасибо злодейке-судьбе и за те письма, которые ей угодно мне доставлять. Я и эти перечитываю много раз. Вот и вчера вечером, лежа в нашей почтовой станции, я задумался было о прошлом и закончил перечитыванием до полуночи твоих последних писем и долгими размышлениями по поводу их. Отчасти коснусь теперь этих размышлений. В одном из писем ты предполагаешь, что я, услыша о твоем сетовании на жизнь, по-

думаю: «Ах, как бы мне хотелось быть на ее месте и т[ак] д[алее]». Представь себе, дорогая, что мне ни разу ничего подобного не приходило на ум, ни сознательно, ни инстинктивно, т[о] е[сть] ощущениями, чувствами. Быть может, этому причиной сознание невозможности для меня быть на твоем месте; но также, думаю, это объясняется моим нравственным состоянием. О нем-то, кстати я и хочу написать несколько слов, в дополнение к тому, что писал уже тебе. Понятно, мне хотелось бы быть с вами, но это желание не могу сказать чтобы интенсивно, страстно жило во мне, чтобы я рвался, не только мысленно, в мечтах, но и ощущениями. То время, когда я чувствовал себя нераздельным с вами, когда я жил планами и надеждами, миновало с мая прошлого, 84-го года. После того достопамятного для меня месяца во мне что-то как бы порвалось, изменилось. Полного и ясного отчета, сколько я иногда не стараюсь, я не могу отдать себе. Но кажется мне следующее. Печальная, неожиданная неудача, постигшая меня, лишила меня той веры в себя, в планы и мечты, которые меня до нее страстно, целиком занимали, сознательно, а больше бессознательно, подсказывая мне успех во всем, за что, казалось, ни возьмусь, ни задумаю. Хотя, будучи с вами, я и старался как бы сдерживать свои мечты, надежды, но мне казалось, что я инстинктивно чувствую их осуществимость и, веря, вообще, в эти неопределенные, необъяснимые ощущения, я уверовал было и в осуществимость моих тогдашних дум. Действительность показала, насколько я сильно ошибался; и вот, после крупной, полной неудачи настала сильная реакция во мне: я чувствую себя совершенно оторванным от жизни, – она там, где то, вне меня; я как бы прижат, придавлен чем-то тяжелым-тяжелым, из-под чего мне и вырваться не хочется, т[ак] к[ак] дышать, вообще существовать могу и куда доходят до меня звуки, впечатления, которые скользят по мне, не захватывая меня, не касаясь моего нутра. Тебе, вероятно, будут вполне понятны мои ощущения, а следов[ательно], согласишься, что я не могу теперь подумать: «Будь я на ее месте, я нашел бы для себя столько дела и пр[очее]». Не утверждаю, что, снимись каким-ниб[удь] чудом тяжесть с меня, я бы со временем не отдышался[4]; но мне кажется, что я уже не был бы таким, каким ты меня знала, а, вероятно, значительно худшим в практическом, деловом отношении; впрочем, кто его знает: может быть, некоторую пользу и принесло бы мне все то новое, что пришлось теперь узнать и испытать, хотя и не было бы во мне уже той веры в себя, в свое «призвание», если можно так выразиться. Ты ошибаешься, если из слов моих выведешь заключение, что я в угнетенном, мрачном настроении, – нисколько; такие настроения бывали у меня только в Москве, с тех пор вообще острые настроения не посещали меня. Ну, да я, кажется, начинаю повторяться.

За тебя мне ужасно, ужасно грустно, дорогая. Я уверен, что ты чувствуешь себя хуже, чем я, и, вероятно, лучше чувствовала бы себя, будь ты в моем положении. Я живо представляю себе твою жизнь. «Сера»-то, сера она, но почему же «безнадежна»? Почему такой в тебе пессимизм? Нечего и говорить, как бы мне хотелось, чтобы ты нашла себе сильную зацепку, личное удовлетворение, интерес в жизни. Да я, признаться, и не теряю надежды, что это со временем случится еще. Это вовсе не неосуществимо …

Продолжаю после долгого перерыва, во время которого виделся с сослуживцем Мити – Каменским[5]. Он много рассказывает интересного об их тамошней жизни. Есть в ней кое-что приятное, но больше тяжелого, грустного. Так, по его словам, почти все «с мушкой», а некоторые совсем помешавшиеся. «Мушки» эти очень разнообразны и подчас крайне забавны. Внутренние отношения до-

вольно сносны, товарищеские. Бывают, правда, случаи неговорения друг с другом, но без этого в такой большой семье нельзя ведь обойтись. С Митей, как я уже писал тебе, не в дурных, но и не в хороших отношениях; некоторые, видимо, в приятельских. Он одно время очень сильно болел, – все своим геморроем, и сильно похудел. Болеют многие, особенно – глазами, вследствие плохого освещения и скверного питания, от которого развивается почти у всех малокровие. Материальное положение – крайне, крайне печальное: на каждого, в среднем, сверх полагающегося от опекунов, приходится лишь по 1 руб[лю] в месяц, и то не регулярно. И на этот рубль нужно улучшать пищу, покупать чай, сахар и пр[очее], при этом в тех местах страшная дороговизна (фунт сахару – 50–60 коп[еек], ф[унт] свечей – столько же и т[ому] п[одобное]). Причины этого материального бедствия – выход оттуда всех состоятельных, получавших деньги от родных; а оставшимся почти никто не посылает.

К материальным лишениям в последний год прибавилось ухудшенное отношение к ним вновь прибывшего к ним главного воспитателя, который, как страшный формалист, придирчив крайне, всячески стесняет и ограничивает их права, чем возбуждает их против себя; поэтому, хотя братия и очень миролюбива, но не избежать стычек, б[ыть] м[ожет], очень крупных.

Есть и приятные известия, – так начали выпускать в команду[6] (Маша[7] в числе таких); библиотека довольна хороша, и некоторые серьезно занимаются, – по сменам меняются: для того, чтобы все могли пользоваться скудным светом, в то время, когда одни занимаются, другие спят и наоборот. Книг вообще довольно; но нет сколько-ниб[удь] полного подбора по отделам; особенная нужда в книгах по истории и философии. Поэтому, при случае, доставай и покупай таковые, и Жоржа прошу составить список оригинальных и лучших произведений по философии, начиная с древнейших авторов (Платона, Аристотеля и т[ак] д[алее] до наиновейших).

К сожалению, должен окончить сейчас письмо. Пиши, дорогая, хоть раз в две недели на адрес сестры и раз в месяц на адрес иркутского жандармского правления. Книги можешь посылать сестре же, а ей придется пересылать прямо в Читу на адрес канцелярии военного губернатора, также и деньги, если таковые будут посылаться, то на адрес губернатора для такого-то.

Ну, будь здорова и, по возможности, бодра. На днях еще напишу. Целую тебя крепко, крепко, а также всех близких. В дополнение по книгам, – пришли сестре со временем, кроме книг по философии и истории, следующие: S-t Simon, Sa vie etc.[8], (которую, помнишь, я читал у Жоржа), La conyuraition des egeaux[9], а Tyeri[10] – пока не посылай. При случае пошли также Russia suteronea[11], – ее нам на месте выдадут, – лишь бы из России была выслана.

Ну, будь здорова, дорогая; возьми себе за правило писать регулярно, в определенные промежутки. О том же прошу Лизу, Аню, Жоржа и Павла.

Я забыл сообщить тебе, что я встретился также с Шуркой[12], которая идет теперь на поселение в Якутск. Она все такая же милая, добродушная, приятно вечно улыбающаяся; но несколько постарела. К Мите она, очевидно, тепло относится. Ну, да до другого раза. Всех, всех обнимаю. Не забывайте меня, пишите.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 670. АД 1/29.19. Л. 13 – 15 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] См. док. 18. Письмо Г.В. Плеханову, П.Б. Аксельроду и Е.А. Хотинской не разыскано.

[2] Слово «одно» написано более яркими чернилами поверх первых букв следующего слова.

[3] Письма В.И. Засулич не разысканы.

[4] Так в автографе.

[5] Возможно, А.А. Каменский. Где его жизненный путь пересекался с Я.В. Стефановичем (Митей), не установлено.

[6] Вольная команда – одна из форм содержания каторжан, зарекомендовавших себя примерным поведением в Карийской каторжной тюрьме. Попавшие в такую команду жили на поселении вне стен тюрьмы на полном самообслуживании, относительно свободно перемещались в пределах поселения, не были обременены каторжными работами и пользовались другими льготами.

[7] Вероятно, Мария Калюжная.

[8] Вероятно, имеется в виду книга: *Hubbard M.G.* S.-Simon, sa vie et sa travaux. Paris, 1857. Книга имеется в личной библиотеке Г.В. Плеханова (А 448).

[9] Заговор равных (*фр.*). Вероятно, имеется в виду книга: *Buonarroti F.* Gracchus Babeuf etet la conjuration des égaux. Paris, 1869.

[10] См. прим. 6 к док. 17.

[11] О какой книге идет речь не установлено.

[12] О ком идет речь установить не удалось.

21

Л.Г. Дейч – членам группы «Освобождение труда»

1885, 3(15) ноября
Чита

Дорогие!

Я все еще в пути, как видите, но конец уже близко: если судьба не восстанет против меня, то чрез 25 дней буду на месте. Пока она, сравнительно, довольно снисходительна ко мне. Осени, т.е. дождей совсем таки не было, но зато с середины октября начались довольно сильные морозы (без снега), так что приходится напяливать на себя всю имеющуюся у меня теплую одежу; но пока все же особенного холода мне испытывать еще не приходилось. Станции, на к[о]т[о]рых приходится останавливаться, подчас не совсем удобны: холодные и полные дыма. Дороговизна в Забайкалье ужасная: фунт ржаного хлеба стоит 5–6 коп[еек], подчас его и совсем нельзя достать; о пшеничном хлебе и говорить нечего. Ресурсы наши совсем плохи, но до места как-нибудь надеемся доехать, если только в Нерчинске нас не захватит тиф, к[о]т[о]рый, говорят, там свирепствует теперь. Пока, повторяю, нам, сравнительно, везет. Почти каждые 5–6 дней мы встречаем на станциях возвращающихся с места и проводим с ними по одному дню. Рассказам, конечно, нет конца, хотя теперь начинают они уже надоедать, т[ак] к[ак] все они сводятся к одному и тому же, повторяются. Все же эти встречи разнообразят наше путешествие и, как-никак, от каждого, среди массы повторений, удается узнать новое сообщение, новую черту из жизни тамошних обитателей. В общем, как я уже подробно писал Вам, живется там пока сносно. Заниматься умственным трудом, при некоторой сноровке, усилии над собой, возможно. Так как днем мешает говор и шум, то многие ложатся рано спать и, просыпаясь поздно ночью, занимаются. К числу [таковых][1] принадлежит и Дмитро, к[о]т[о]рый, говорят, много читает по истории. Многие занимаются языками и почти все, за очень немногими исключениями, изучили

француз[ский] яз[ык], даже и рабочие. Есть любители математики, астрономии, естественных наук, но, вообще, таких немного; большая же часть пробавляется чтением журналов и романов на иностранных яз[ыках]. Очень немногие серьезно занимаются по выработанной ими себе системе, просиживают по много часов за книгами. Общие чтения по камерам бывают очень редко, – только когда получаются новинки Гл[еба] Успенского и Щедрина. В одной камере, в к[о]т[о]рой большинство – рабочие, занимаются преподаванием элементарных наук, почему эта камера и наз[ывается] «академией». В прежние, вольные времена, когда все могли сходиться вместе, «академия», более или менее, соответствовала своему названию, т[ак] к[ак] в ней, напр[имер], Ковалик, кандидат матем[атических] наук, читал высшую математику, другие – другие науки; тогда же были в ходу всякие теоретические дебаты. Но теперь они совсем вывелись и редко-редко когда поднимается какой-нибудь общий вопрос, да и то между двумя-тремя где-нибудь, в стороне. Все вопросы, теории приелись, большинство изверилось, стало до крайности скептично. Когда возникают сколько-нибудь оживленные разговоры, то они, говорят, исключительно касаются «жгучего» вопроса – о том, как распределить скудные средства, [чтобы][2] прокармливаться. Этот вопрос, действительно, очень важен там. Большинство страдает катарами, малокровием, а, меж[ду] тем, при настоящих средствах нельзя принимать во внимание этих болезней, нельзя удовлетворять самых насущных потребностей. Жажда жизни у многих очень сильно развита. Некоторые, несмотря на большие сроки, чуть не по дням отсчитывают остающееся им количество времени. На очень немногих долгое пребывание там не положило своего специфического отпечатка, который бросается в глаза свежему человеку чуть не сразу. Вообще, тамошняя жизнь имеет совсем своеобразный характер и талантливому наблюдателю могла бы дать массу пищи. У обитателей этого «Мертвого дома»[3] существуют свои привычки, обычаи, даже свой особый жаргон, состоящий как из отдельных русских словечек и фраз, та и из массы иностранных слов. К тому, каждый в отдельности оригинален на свой манер и чуть ли ни один другого и всех вместе считает с «мухой», «матоидом»[4], по выражению Ломброзо. Эти-то оригинальности, этот жаргон и разнообразят их крайне однообразную жизнь, вносят элемент веселья, шутки, острот. Крупными событиями в тамошней жизни бывают: приезд нового лица, получение кем-нибудь письма и празднование торжественных, табельных дней. Новоприезжего первые дни засыпают вопросами, выуживают из него все, что возможно. Причем крайне иронически относятся к его рассказам, раз замечают оптимистический элемент: «слыхали, мол, о всех этих надеждах на лучшие времена; сами когда-то верили». Но попробуй не[5][воз]можности «новых веяний» в скором будущем, – тоже будут недовольны: «ишь, скажут, жил-жил там и ничего не вынес, не наблюл». Вообще, угодить, говорят, нелегко. Но я, заранее зная об этом, постараюсь в меру подпустить и жару, и холода, авось угожу.

Получающий письмо, если оно сколько-нибудь общеинтересно, должен прочитать его другим; при этом с него взимается в общую кассу одно «су», что на местном жаргоне значит кусок сахару, к[о]т[о]рый там очень дорого ценится, – по одной коп[ейке]. Таких «су» за месяц собирается сравнительно много в кассе, в виде всякого рода штрафов и проигрышей на пари и шахматы и делятся потом между всеми.

В «табельные дни» почти все забирают на причитающиеся им копейки (и часто на много вперед) всякого рода предметы «роскоши»: чай, сахар и т.п. и

задается «кутеж». Во всем этом, конечно, много комического и наивно-веселого: видишь старика, усеянного сединами, заодно с юношей веселящегося полученному куску сахару али пирогу. Ну, надеюсь, что раз Вы получили прежние мои письма к Вам и Соне с Августиной[6], – Вы сможете составить приблизительное представление о той жизни, к[о]т[о]рая, вероятно, и мне предстоит. Одна у меня к Вам просьба – пишите, пишите и пишите, все и как можно чаще. Определите себе каждый, через какой период писать мне, и держитесь этих сроков. Получать могу от всех и по много писем. Пишите и непосредственно в Иркут[ское] Жанд[армское] Правл[ение] и через Маню[7].

Вероятно, с дороги еще [одно]-два письма напишу, а пока довольно[8] Всех, всех Вас обнимаю и целую.

Ваш Ев[гений]

[9]Носится слух, что нас в Чите задержат на несколько недель, пока не замерзнет р[ека] Шилка, тогда на лыжах…[10]

[11]Письмо это Вы, вероятно, получите, когда наступит уже Новый год, а потому заранее поздравляю Вас с таковым. Если Аня[12] вздумает прислать мне какой подарок, то пусть приобретет всякого рода виды местностей Италии и Швейцарии.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 237. АД 1/29.21. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Правый нижний угол обоих листов письма оторван. Располагающееся там на первом листе слово соответственно утрачено. Восстановлено по смыслу.
[2] Утраченное слово в нижнем углу оборота первого листа.
[3] Далее несколько слов написано по зачеркнутому тексту.
[4] Этот термин в классификации преступников, предложенной итальянским психиатром и криминалистом Ч. Ломброзо (1835–1909), означает людей, обладающих всеми задатками преступности.
[5] Окончание фразы в нижнем углу второго листа утрачено.
[6] Вероятно, С.И. Каминер и А.И. Каминер, сестры жены П.Б. Аксельрода Н.И. Каминер-Аксельрод.
[7] М.Г. Афанасьева.
[8] Одно или два слова в нижнем углу оборота второго листа утрачены.
[9] Это предложение приписано по левому полю на обороте второго листа.
[10] Далее несколько слов в нижнем углу утрачено.
[11] Заключительные строки приписаны по сгибу развернутого листа.
[12] А.М. Кулишова-Турати.

22
Л.Г. Дейч – членам группы «Освобождение труда»

1885, 17 ноября
Чита

Дорогие!

Мы вместо одного дня, по собственному желанию, провели здесь две недели, чтобы отдохнуть от почти безостановочного и утомительного пятинедельного перекочевывания на двухколесках-биде[1] (от Иркутска). Будем, следовательно,

на месте в середине декабря (по-вашему – к Рождеству), если что-нибудь неожиданное нас где-нибудь не задержит еще, что, впрочем, очень сомнительно. Я надеялся получить здесь от вас письма, но, к сожалению, отсюда они пересылаются на место, и я, следовательно, не скоро еще получу их, если они уже и пришли. Я много писем послал вам за последние 2 месяца на разные адреса. Надеюсь, что вы их получили. Из них вы могли узнать подробности о моем передвижении и сведения, полученные мною от встречавшихся сослуживцев Якова. За последние 2 недели еще повстречались трое, и такие встречи будут и впредь повторяться чуть ли не каждую неделю. Нового не приходится теперь узнавать от них ничего, – мы имеем уже полную, ясную картину тамошней жизни, со всеми деталями, с более или менее верным представлением о характерах наиболее выдающихся действующих лиц. Всеобщим расположением и уважением пользуется Мошка[2], который является умиротворяющим элементом, снисходительным к человеческим слабостям, мягким, заботливым к другим. Кроме него, есть еще два-три человека с такими же редкими альтруистическими чертами характера, которым невольно поддаются и остальные. Жизнь тамошняя поэтому, по всеобщему заявлению, удивительно миролюбивая, тихая. Если бывают недоразумения, то [край]не[3] редко и незначительные. Благодаря этим подробным сведениям можно заранее составить себе представление о том, какой образ жизни будешь вести там. Конечно, не могу предвкушать, как буду себя там чувствовать, но вообще, вероятно не дурно, если только внешние условия не изменятся значительно, что очень возможно. Внешние и материальные условия с каждым годом ухудшаются, что дает себя знать, – отзывается на здоровье обитателей: за последние 2 года было несколько смертей. Попка[4], Жуков[5], на днях Лисовская и д[окто]р Веймар. Смерть последнего (он умер от бугорчатки, к которой вообще есть там предрасположение) очень чувствительная потеря для всех местных жителей. Не говоря уже о том, что он был замечательным товарищем, он незаменим как врач. Пища там, как я уже писал, очень плоха и вообще все потребности доведены до невозможного минимума. Я снова повторяю, постарайтесь, что можете, сделать для устройства правильных периодических посылок денег (на адрес г[осподина] губерн[атора]: Забайк[альская] обл[асть] в г[ород] Читу для пересылки туда – такому-то). Будь я один в этом заинтересован, я, б[ыть] м[ожет], не упоминал бы о средствах, зная о вашем затруднительном материальном положении; но дело в том, что от количества получающихся средств находится в зависимости здоровье нескольких десятков людей. Впрочем, мне нечего распространяться, – Вы сами, конечно, понимаете это и сделаете все необходимое; повторяю же я об этом потому, что не уверен, дошли ли до вас мои предыдущие письма.

От Дмитра за всю дорогу не получил ни строчки, хотя у него была возможность писать, поклоны и некоторые поручения (насчет книг, список которых привожу ниже) он мне передаст, а неписание мне объясняет тем, что – не о чем. Я уже писал ему раза 3[6], не знаю только, все ли получил (одно – наверно). Я уже не раз сообщал вам, что положение его среди товарищей лучше, чем мне раньше сообщали. С Мишкой и некоторыми другими старыми знакомыми он в хороших отношениях. Здоровье его, судя по всеобщим отзывам, далеко не завидное,– его все продолжает донимать все более и более усиливающийся геморрой, сильно истощивший его. Рассказывают, что летом прошлого года он, нечаянно объевшись каких-то сибирских ягод, чуть было не отравился насмерть, если бы не своевременная помощь врача: уже начались предсмертные судороги; но

на второй день он чувствовал только слабость и боль в желудке, а вскоре – совсем оправился. Жду теперь уже с большим нетерпением наступление дня встречи. Надеюсь, что мы с ним хорошо заживем и, насколько это будет возможно, постараюсь ободрить его, улучшить его настроение. Недолго, вероятно, придется мне пробыть с ним вместе, – не более, кажется 1½–2 лет, т[ак] к[ак] срок его тогда кончится и он вый[дет]. Мне же, после его выхода, останется лет 8–9, вероятно (считая скидки, сокращения и истекший уже год). Но, Боже, сколь далеким, далеким представляется этот срок!.. Впрочем, я стараюсь вооружиться терпением. Каким-то я буду тогда, 40-летний муж? Конечно, далеко не тот, каким вы меня знали. Хоть и стараюсь не думать о том времени, но иногда невольно рисуется отдаленное будущее и представляется далеко не отрадным. Но, кто его знает?! Будем надеяться, что не все еще потеряно, что увидимся еще когда-нибудь, на склоне лет. Много бы дал, чтобы побыть еще с вами, повидать вас всех, дорогие. Столько близких, любимых мною, я, конечно, уже не буду иметь никогда. Как часто я припоминаю теперь, что, будучи с вами, не умел ценить вашу близость, расположение ко мне. Ну, да я начинаю впадать в сентиментальный тон… Пишите же, дорогие, сколь возможно чаще, не забывайте сильно любящего и преданного вам друга и брата. Я же, вы сами знаете, не могу вас забыть: вы навсегда оставили самую сильную, неизгладимую о себе память. Будьте же счастливы, милые, дорогие мои. Всех, всех вас крепко обнимаю и много раз целую. Всего, всего вам хорошего.

Безгранично вас любящий Женька

Не помню, сообщал ли я вам, Лизе, что Дмитро получил посланную ему вами мою карточку и […[7]] вещи. Вообще пока все доставляется аккуратно.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп.1. Ед. хр. 237. АД 1/29.22. Л. 3 – 4 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Биде (*фр.* Bidet) – маленькая верховая лошадь, а также кресло с подвижными боковыми ручками.

[2] Имеется в виду Мойша – А.И. Зунделевич.

[3] Нижний угол письма с частью текста утрачен.

[4] Имеется в виду Г.А. Попко.

[5] Вероятно, В.И. Жуков.

[6] Зачеркнуто «2».

[7] Одно слово утрачено.

23
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 1(13) декабря
Нерчинск

Дорогая!

Всего полмесяца осталось, наконец, до прибытия моего на место. Боже, с каким уже нетерпением я жду этого дня! Хотя, казалось, чего бы так рваться? Но, проведши, как я, семь месяцев в дороге, при сопряженных с ней «удобствах»,

естественно развиться крайнему нетерпению. Собственно, особенных неприятностей, таких, каких при самой обыденной обстановке не случались бы иногда испытать, – мне пока не пришлось испытать, и надеюсь, что в остающийся теперь незначительный, сравнительно, период и не придется. Знаю, что там – могила, что там вдоволь успеешь насидеться, что, наверно, буду мечтать и жалеть о невозможности испытать хоть такие разнообразия, какие теперь опротивели мне. Но что станешь делать с человеческой натурой? Все мои мысли и планы, – если можно употребить это слово в моем положении, – направлены уже давно на время моего приезда на место; я чувствую себя уже как бы поселившимся, устроившимся там, я даже слышу подчас голоса, возражения, рассказы товарищей, – все это, ты поймешь, дорогая моя, не может не довести нетерпение до крайнего предела. В данном случае, я знаю, наши с тобой желания противоположны: тебе, конечно, очень тяжело будет, когда узнаешь, что я достиг до «тихой пристани», т[ак] к[ак] с этим связано для тебя прекращение столь частой получки от меня писем, к какой ты привыкла за последний год. Я чувствую, как это тяжело тебе будет многие, многие годы почти ничего не знать обо мне; но я не теряю надежды, что ты будешь терпеливо ждать того времени, когда я снова смогу возобновить переписку; до тех же пор мне нечего повторять, – ты и сама это знаешь – я все возможное сделаю, чтобы не оставлять тебя без вестей о себе. Тебя же снова и снова прошу быть, насколько возможно, бодрой, находить себе занятие, которое примирило бы тебя с «серой жизнью». Я надеюсь, что ты от себя все сделаешь, чтобы насколько возможно сохранить свое здоровье и бодрость. В этом – главная и наибольшая просьба к тебе. Предложений, советов, как ты и сама могла заметить, я не давал тебе все это время: не зная всех условий вашей жизни, я не хочу навязывать тебе, б[ыть] м[ожет], невозможные для выполнения пожелания. Но просить тебя быть внимательной к себе, крепиться и мириться с тем, что жизнь даст, – я считаю себя вправе. Я допускаю, что в некоторых отношениях моя жизнь будет, б[ыть] м[ожет], сноснее твоей, но одно уже сознание, что ты можешь, так сказать, держать ее в своих руках, что ты можешь б[олее] или м[енее] направлять ее, должно ослаблять горечь неблагоприятной, невеселой участи. В одном из своих писем ты говоришь, что «держишь себя в руках». Не знаю, как долго придется тебе быть в таком напряженном состоянии, когда перестанешь быть столь сосредоточенной на своем настроении. Но от всей души желаю, чтобы тебе как можно скорее удалось войти в колею, т[ак] к[ак] не думаю, чтобы столь строгий надзор за собою не утомил, не довел нервов до сильнейшего напряжения. Я, конечно, повторяюсь сегодня, но ведь это, вероятно, последнее, а maximum[1] – предпоследнее письмо, которое я пишу тебе в дороге. Хочется срезюмировать все наиважнейшее, все наиболее меня занимающее по отношению к тебе: не знаю, удастся ли только, чему причиной будет обстановка, при которой пишу: кругом меня говор, смех раздается; к тому же такая расслабляющая жара, как в бане. А между тем надо спешить с окончанием письма. Приняв во внимание все эти обстоятельства, ты извинишь меня, дорогая, если найдешь это письмо не таким хорошим, каким, б[ыть] м[ожет], ты хотела бы, чтобы были мои последние письма. Да и без моих заявлений, слов ты знаешь, что я должен испытывать в эти минуты. Быстро, быстро пробегают в моем уме мысли о том, чем была ты для меня в последние годы; я живо и сильно чувствую твое отсутствие, я уверен, что столь же сильно оно будет чувствоваться многие годы, и его навряд ли что сможет заменить. Несомненно для меня при каких бы там ни было

превратностях судьбы, годы пребывания с тобой будут наилучшим временем в моей жизни, что самые приятные, отрадные воспоминания будут у меня с ними связываться. Не хочу сказать, что я не допускаю уже мысли о возможности для меня сносной личной жизни, – «как бы скверно ни жилось человеку, его не покидает надежда на лучшее будущее», помню, говорила ты, с чем я теперь вполне согласен. Я допускаю, что примирюсь с жизнью, какова бы она ни была, я чувствую в себе способность жить еще; и то, чего мне недостает для этого – цель, я надеюсь, что время поможет мне создать себя. Но то будет (если будет) уже примирение, «отживание», а настоящая жизнь все же останется позади, в прошлом, воспоминания о котором, как бывает у стариков, мне будут при каждом удобном случае приходить в голову. За меня, дорогая, ты можешь быть вполне спокойна. Если бы я мог настолько же за тебя быть спокойным, – как бы я был рад этому! Можно даже, конечно, с приблизительной точностью, предсказать, как проведу я предстоящие годы пребывания «в тихой пристани». Но никакой пророк не смог бы того же сказать относительно твоего будущего. Впрочем, надеюсь, что письма, которые ты мне будешь присылать, все же будут давать хоть маленькую нить, зацепку для проникновения в твое состояние. Пиши же, родная, насколько возможно яснее и подробнее о себе, – я, конечно, понимаю, насколько это трудно при наших условиях, но волей-неволей приходится мириться с ними, лавировать и изворачиваться. Пиши, что читаешь, если возможно передавай даже, что наиболее в прочитанном интересного, понравившегося (или не понравившегося) тебе (жаль, что ты уже не сделала это со 2-м т[омом] «Капитала» подробнее). Сообщай также (в более или менее общих фразах), что вообще в данное время занимает тебя и других близких, а также – внешнюю среду. Старайся своими письмами хоть настолько знакомить меня с тем, что делается на белом свете, насколько я, помнишь, это делал в письмах к Дмитру. Я в них упоминал обо всем сколько-нибудь выдающемся в своей жизни и внешнем мире. Ты будешь, конечно, стараться также снабдить меня всеми литературными новинками: если глаза не ослабеют окончательно, я, вероятно, буду много читать и вообще серьезно заниматься. В прошлом письме я сообщил тебе список книг, присланный Дмитром. На всякий случай постараюсь еще раз его повторить. Ты, конечно, позаботишься переслать их Мане (кстати, пришли ей, переснявши, все мои карточки, – она меня просила). Ну, пока довольно. Спешу лечь спать, – завтра снова в дорогу, а там скоро, скоро и – на месте, где надеюсь застать уже твои письма: вот уже 3-й месяц, как я не получил ни одного. Как я буду им рад, ты живо, конечно, представляешь себе. Ну, будь же здорова, бодра и по возможности счастлива. Крепко, крепко обнимаю и много раз целую. Милому Жоржу передай мои наигорячии пожелания и благодарности за последнее его письмецо в Иркутск и просьбы и впредь не забывать меня. Сердечнейшие приветствия и просьбы о том же ко всем близким.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.23. Л. 17 – 18 об. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Самое большее (*лат.*).

1887

24
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1887, начало декабря
Давос[1]

Дорогой Павел,

Вас, вероятно, удивил лаконизм моей карты, посланной мною вчера[2]. Но дело в том, что я написал ее перед самым отходом почты, когда пассажиры садились уже в карету. Денег Вы прислали мне даже слишком много: я думал, что Вы пришлете франков 10–15. Ну, да все равно. Если Смирнов[3] пришлет деньги, удержите из них 50 fr[anc]. Здоровье мое недурно, лихорадок нет[4] (я взял с собой термометр и измеряю температуру утром и вечером). Напрасно Вы думаете, что я целый день сижу за книгами. Напротив, я так много гуляю, что просто начинаю стыдиться этого, совсем стал бездельником. Грота[5] я Вам вышлю на днях, наверное. За Гегеля большое спасибо, но Эстетики[6] Вы прислали только первый том и к тому же с надписью Bibliotheca Bernensis[7], что сей сон значит, как она попала в Цюрих? О событиях во Франции[8] я читал и еще больше проникся тем убеждением, что буржуазии во Франции пришел конец. Читали ли Вы прокламацию поссибилистов?[9] Она недурно написана. Брусс и комп[ания] приглашают в ней рабочих положить конец царству буржуазии и объявляют, что у них уже готово 50.000 kombattants[10]. Неужели повторится 18 марта?[11] Нельзя сказать, чтобы это было очень кстати. Относительно Клемансо Вы жестоко ошибаетесь, думая, что [он] возьмется за составление министерства: pas si bête que ça[12*], сказал бы он, я теперь, взявши в руки власть, наверное, оскандалюсь не хуже Гамбетты (оппортунистская и монархическая оппозиция теперь очень сильны), подожду уж лучше, когда события увеличат число радикальных избирателей, а это время не за горами. Между Клемансо и нашими народовольцами разница та, что первый и может взять власть, да не хочет, а вторые совсем не могут, но очень хотят. Что касается Смирнова, то Вы прекрасно делаете, медля с письмом к нему. Нам нужно беречь его, как зеницу ока, в нем вся наша надежда. От Осипа[13] пока еще ничего не получил; не знаю, что огорчительного заключало мое прошлое письмо[14]. Ведь я сам же писал Вам, что я здоров, но лучше всего гадать на худой конец, чем на хороший; этак дело будет вернее.

Ну, до свиданья, кланяюсь Надежде Исааковне, пишите, пожалуйста, почаще и побольше. Крепко жму руку.

Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093.Оп. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.2. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 23–26; ЛНП. 8. С. 241–242.
Публикуется по автографу.

---

* Не обидьтесь на это выражение, по-французски оно совсем не обидно.

.**Примечания**

[1] Davos – городок в восточной Швейцарии, в кантоне Граубюнден, на реке Ландвассер, текущей по высокогорной долине. В XIX в. медики признали микроклимат Давоса полезным для больных легочными заболеваниями. Сейчас известен как горнолыжный курорт и место проведения Всемирного экономического форума.
Датируется по содержанию письма.

[2] Почтовая карта Г.В. Плеханова, адресованная П.Б. Аксельроду не разыскана.

[3] Под фамилией «Смирнов» здесь фигурирует О.Е. Слободской, или Дрезденский юноша.

[4] В 1884–1885 гг. все члены группы «Освобождение труда» испытывали значительные материальные трудности. В 1886 г. опасно заболела жена Г.В. Плеханова, а вслед за ней и оба ребенка. Тогда глава семьи отправился в Кларан, где останавливались богатые русские туристы и можно было найти уроки. ¾ заработка он отправлял семье. Нужда еще более подорвала и без того расстроенное его здоровье. В начале апреля 1887 г. во время поездки на пароходе по Женевскому озеру из Кларана в Женеву он сильно простудился и слег. Врачи обнаружили скоротечную чахотку и предрекали летальный исход. Его перевезли в горную деревушку Морне на швейцарско-французской границе, где за ним ухаживала В.И. Засулич.Она и сама заболела туберкулезом, но сотворила чудо: Плеханов относительно поправился. Окончательно победить болезнь ему так и не удалось, время от времени случались обострения, но он вернулся к работе.

[5] О какой книге идет речь – установить не удалось.

[6] «Курс эстетики» Гегеля, 2 т.; есть русский перевод Модестова «Курс эстетики или наука изящного» (М., 1859–1860).

[7] Бернская библиотека (*фр.*).

[8] *«События во Франции» – скандальные разоблачения о торговле орденами и т.д., которой занимался некто Вильсон, зять тогдашнего президента республики Греви. Палата депутатов вынудила уйти в отставку сначала правительство Рувье, а затем и президента (последний был вынужден к отставке тем, что большинство палаты решило вотировать недоверие каждому кабинету, принявшему от него полномочия). Вокруг этой отставки и новых выборов президента (состоялись 3.XII.1887 г.) разгорелась ожесточенная борьба. Умеренные фракции Палаты депутатов выдвинули кандидатуру Ж. Ферри, чрезвычайно непопулярного среди населения из-за своей негативной роли в неудачной Тонкинской экспедиции. Городской совет Парижа заявил, что он не ручается за порядок, если будет избран «тонкинец Ферри»; кандидатуру которого рассматривали как угрозу республике. В рабочих районах Парижа создавались комитеты для руководства движением протеста, а на улицах шли демонстрации. На 4.XII.1887 г., как сообщает цюрихский «Sozial-Demokrat» (№ 51 за 1887 г.), в Париже ждали провозглашения коммуны.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] *«Поссибилисты» – умеренная фракция во французском социалистическом движении, существовавшая в 1880–1890-х годах в качестве самостоятельной организации («Fédération française des travailleurs socialistes-revolutionnaire»). Марксистская фракция, руководимая Гедом и Лафаргом, действовала под названием «Partie ouvrière».*
Прокламация поссибилистов, о которой упоминает Плеханов, напечатана в № 191 от 20.XI.1887 г. «Le Proletariat» (официальный орган поссибилистов) за подписями Брусса, Аллемана, Жоффрена и др.; призывая к защите республики, они заявляли, что «в могиле буржуазии, которая правит нами, мы похороним навсегда привилегии и нищету. Мы создадим царство справедливости и равенства». Но при всей ее революционной фразеологии прокламация не имеет того характера, который можно предположить, зная о ней лишь по одному отзыву Г.В. Плеханова. Заявления о том, что «рабочая партия собрала и дисциплинировала в своей мощной организации в Париже 50 тыс. сторонников, 50 тыс. бойцов», что из «всех рабочих городов провинции... друзья и сторонники предлагают» свою помощь, что «это – больше, чем нужно, чтобы... спасти республику», были для авторов этой прокламации лишь объяснением, почему граждане «могут быть спокойны» и не бояться реакционного переворота. Поссибилисты в этот период не хотели массовых рабочих выступлений – это особенно ясно видно из других статей, помещенных в «Le Proletariat» за те дни. Так расценивали эту прокламацию и гедисты, представитель которых, корреспондент цюрихского «Sozial-Demokrat'a», писал даже (об упомянутой прокламации поссибилистов): «Этот плакат так хорошо подходит к игре Ферри, что часто говорят, что он мог бы быть ферристами заказан и оплачен» (№ 251 за 1887 г.). – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] Бойцы, воины (*фр.*).

[11] День объявления коммуны в Париже в 1871 г.

[12] Я не так глуп (*фр.*). Прим. Г.В. Плеханова написано по левому полю оборота первой страницы письма.

[13] От О.В. Аптекмана.

Летом 1887 г., окончив ссылку в Якутской области, Аптекман. выехал в Германию для завершения своего медицинского образования. В 1887–1889 гг. он жил в Мюнхене; сохранившиеся его письма этого периода к Аксельроду (первое датировано 16.VIII.1887 г.) не позволяют установить точно, о чем идет речь в данном письме; по всей вероятности, Аптекмана взволновали вести о состоянии здоровья Г.В. Плеханова. Общее его настроение в этот период было подавленное под влиянием виденного в России за время после освобождения из ссылки и отъезда за границу: «То, что я видел, – писал он Аксельроду от 16.VIII.1887 г., – достаточно само за себя говорит: беспросветный мрак, в сфере которого оперируют лишь низменные инстинкты и подлые влечения». – Прим. Б.И. Николаевского.

[14] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

25
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1887, конец декабря[1]
Среда
Цюрих

[…[2]] Еще P. S.

Соловейчик, вероятно, на днях обратится к Григ[орьеву] с предложением устроить «загранично-русский союз соц[иал]-демокр[атов]»[3]. Предупредите Григ[орьева], чтобы он сочувственно и активно отнесся к этому проекту. Солов[ейчик], Гуковск[ий] и еще 1 или 2[*4] образуют или вместе с другими 5–6 социал-д[емократическую] секцию в Цюрихе, или самостоятельно – ядро этого союза. Себя лично они целиком предоставляют в распоряжение Группы, чтобы поехать в Россию, устраивать пути и так далее. Один собирается к лету поехать на месяца 3 в Америку, агитировать среди русско-амер[иканских] раб[очих], с которыми он имеет связи, в пользу образования секций и поручения нам издавать рабочую газету[5]. Соловейчик, напр[имер], уже летом устроил или положил основание пути через Австрию, который провалили народовольцы[6]. Эти 3–4 лица составят тайное ядро, если тут образуется общая социал-демокр[атическая] группа, а если нет, то сообща с отдельными единицами в других городах централизованный союз. Так как они все-таки народ, не прошедший рев[олюционную] школу, то нам удобнее пока утилизировать эти силы таким путем, чем приняв их формально в Группу. Образование такого или иного союза, может [быть] будет иметь и еще одно значение. Ко мне последние дни начал похаживать один из «кружка цюрихск[их] народов[ольцев]» с несмелым, но довольно ясно выраженным желанием поговорить, сблизиться и т.д. В течение последнего разговора он мне по секрету сказал, что они списываются с парижскими народов[ольцами] с целью образования тайного заграничного союза (показал мне программу-устав[7] и т.д.). Через 3–4 недели Бек[8] едет в Россию и обязательно будет в Париже. Я ему сказал, что путь для соглашения с нами таков: маленький съезд на 8–14 дней с искренним и здоровым намерением договориться до чего-нибудь определенного, которое могло бы быть обнародовано как программа заграничн[иков] и в форме обращения к россиянам.

[*] Уж сюда должен будет приехать г. Ефрон.

Именно ввиду большего давления с нашей стороны на заграничных народов[ольцев] в смысле соглашения с нами и было бы очень полезно образование соц[иал]-демокр[атического] союза в форме ли федерации секций (в Цюрихе, Берне и Женеве) или централизиров[анного] кружка 6–8 разбросанных единиц по Швейцарии. Верпуховский[9] со своей стороны будет урезонивать Бека, который, если не пользу [принести], то пакостить в России во всяком случае мог бы. Ведь нашла же Фигнер[10], что он знающий и талантливый человек.

Я попрошу Солов[ейчика] изложить Григ[орьеву] подробно все здешние планы, дабы и вы могли подробнее узнать, а то у меня последние дни прямо пропадают на разговоры и т.д.

Григ[орьеву] растолкуйте все – и предстоящий отъезд Верп[уховского] и Бека, и планы народ[овольческого] загр[аничного] союза для рев[олюционных] целей и пр.

Ваш Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 27–30. Публикуется. по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Данное письмо, несомненно, относится к самому концу 1887 г. или к самому началу 1888 г. Это видно из того, что оно написано после приезда в Швейцарию О.Н. Фигнер-Флоровской (См. прим. 10) и до отъезда в Россию Верпеховского (См. прим. 9).

[2] Начало письма не сохранилось.

[3] *История попытки создания с[оциал]-д[емократического] союза за границей в 1887–88 г. совершенно не освещена в литературе; краткое упоминание о ней имеется только в «Ответе редакции "Рабочего дела" на "Письмо П.Б. Аксельрода" и "Vademecum" Г. Плеханова» (Женева, 1900 г., стр. 70–71. Автором «Ответа» был Кричевский, в конце 1880 гг. близко стоявший к участникам попытки 1887–1888 гг.). Переговоры, которые велись зимою, закончились созывом в начале лета 1888 г. совещания в Морнэ, в котором приняли участие, кроме трех членов группы «Освобождение труда», еще следующие лица: Соловейчик, Н. Слепцова, Райчин, Хинский (студент Бернского университета), С.М. Ингерман, С. Ганелин (?), Говорухин (?), Гуковский (?). Совещание длилось 2–3 дня; обсуждали вопрос о программе и уставе Союза, о характере будущей работы и т.д. Соловейчик и главным образом Слепцова (незадолго перед тем перешедшая от народовольцев к с[оциал]-д[емократам]) подняли вопрос о необходимости предоставить организуемому «Союзу» право контроля над изданиями группы «Освобождение труда». В обоснование этого требования они указывали, с одной стороны на то, что Группа издает слишком отвлеченно-теоретическую литературу (П.Б. Аксельрод вспоминает фразу Слепцовой: «Вы еще Гегеля будете излагать и издавать»), недоступную рядовым читателям, а с другой – на то, что полемика Группы против народовольцев вредит с[оциал]-д[емократической] пропаганде, так как отпугивает многих своею резкостью. Со стороны членов группы «Освобождение труда» эта критика была встречена с большим неудовольствием, и предложения оппозиционеров Группою приняты не были. Голосования на совещании произведено не было, но оппозиционеры, насколько можно было судить по высказываниям участников, не были в большинстве. Однако сама возможность такой постановки вопроса привела к тому, что Группа отказалась от мысли организовать Союз, и единственными реальными результатами совещания было, с одной стороны, введение в группу С.М. Ингермана (состоялось через несколько дней после совещания) и, с другой, организация небольшой группы оппозиционеров в Цюрихе (Слепцова, Соловейчик), распавшейся осенью 1888 г., после отъезда Соловейчика в Россию. (Рассказ о совещании приводится со слов С.М. Ингермана).* – Прим. Б.И. Николаевского.

См. также: *Савельев П.Ю.* Г.В. Плеханов и заграничный «Союз русских социал-демократов» // Исторический архив. 2006. № 6. С. 50–60.

[4] В частности, речь шла об Ю.А. Ефроне (Эфроне).

[5] Вероятно, речь идет о С.М. Ингермане. Связи с американскими социал-демо-кратическими кружками были у группы «Освобождение труда» еще в 1885–1886 гг.

[6] Очевидно, речь идет об аресте австрийской полицией в Вене польского революционера Л.Ф. Ясевича и выдаче его австрийским правительством России. Жена Ясевича – В.И. Бородаевская близко была знакома с членами группы «Освобождение труда».

[7] Речь идет о формировавшейся тогда в Цюрихе группе молодых народовольцев, к которой принадлежали И.В. Дембо, А.И. Дембский, С.М. Гинзбург, Ю.Г. Раппопорт, Н.Н. Слепцова-Винярская и др. В течение 1887–1889 гг. группа эта проявляла значительную активность. Однако все ее предприятия заканчивались провалом – попытка организации «Социалистического литературного фонда», поездки в Россию Гинзбург и Раппопорта (в обоих случаях закончились арестами), изготовление бомб, приведшее к гибели Дембо и последовавшими затем массовыми высылками эмигрантов из Швейцарии, издание единственного номера журнала «Социалист» и т.п. Подробнее см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 88–102, 299–312.

[8] *Бек Григорий – участник народнических кружков середины 1880-х гг. в Ярославле и др. В 1886 г. эмигрировал и до начала 1890-х гг. играл некоторую роль в заграничных народовольческих кружках. Затем от революционной деятельности отошел. Ездил ли он в 1888 г. в Россию, не известно.* – Прим. Б.Н. Николаевского.

[9] Аксельрод ошибочно называет Верпуховским К.А. Верпеховского.

[10] *Фигнер Ольга Николаевна (по мужу Флоровская) – младшая сестра Веры Николаевны Фигнер. В конце 1887 г. приезжала за границу от одного московского кружка революционеров и привезла деньги и материалы для издания журнала «Самоуправление» (№ 1 датирован декабрем 1887 г.).* – Прим. Б.Н. Николаевского.

26
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1887, последние числа декабря[1]
Давос

Дорогой Павел,

начну с Haupt'a[2]. Я познакомился с ним осенью 1886 года[3]. В то время Haupt и еще один немец, фамилии которого не помню, хлопотали о том, чтобы начать пропаганду между рабочими французского языка в Женеве. Прежде всего, они обратились к Ясинскому (что работает в польской типографии) и через него хотели познакомиться с русскими. Он пригласил меня к себе и познакомил с ними. Решено было устроить группу из лиц различных национальностей для пропаганды между женевскими рабочими. Я обещал содействовать, насколько могу. Названная группа действительно была организована, и Haupt вошел в нее. Но потом мне пришлось уехать в Кларан ради уроков, так что я присутствовал лишь на одном заседании этой группы. Ясинский тоже уехал, и насколько я знаю, группа ничем дальнейшим себя не заявила. Но, конечно, Haupt мог воспользоваться ею для донесений, если он действительно шпион. Больше я его не встречал. Что касается моего приезда в Цюрих, то он несколько рискован: можно жестоко простудиться[4]. Но я рискнул бы в том случае, если бы нужно очень было для каких-нибудь литературных дел. Затем уже я не вернулся бы в Давос, а поехал бы в Лезэн, все ближе к своим. Но, вероятно, адвокат[5] говорил о русском Новом годе (ст[арый] стиль). В карте я уже писал Вам: если не хотите продолжать обработку своего письма[6], пишите, что хотите, но пишите. По-моему вот две недурные темы: или бы Вы взяли на себя продолжение моего Лассаля[7], т.е. историю немецкого движения со смерти Лассаля до настоящего

времени; или бы Вы написали брошюру «М.А. Бакунин»[8]. Вера уже отделала свой Интернационал[9], и Ваш Бакунин был бы хорошим дополнением к нему. Этой работой Вы бы доставили бы большое удовольствие. Маркс и Энгельс должны быть отомщены, наконец, и на русском языке. Беритесь-ка! Грота[10] Вы уже, наверное, получили.

Затем вот просьба. Если можно, купите мне в Цюрихе теплые фланелевые кальсоны и жилет с рукавами (здесь это дорого). Но это только в том случае, если у Вас есть знакомый торговец (sire[11] кредит). Я знаю, что к Новому году у Вас масса платежей. Пожалуйста, помните это условие[12].

Привет всем Вашим.

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.3. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 31–33; ЛНП. 8. 1940.
С. 242–243. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Игра слов: Haupt – по-немецки главное, и Christian Haupt – рабочий- литейщик, в 1880–1887 гг. состоявший агентом немецкой политической полиции в Цюрихе. Фамилия его, как полицейского агента, была опубликована в «Sozial-Demokrat» вместе с 12 другими шпионами. На допросах, которые ему устраивали немецкие социал-демократы, присутствовал и П.Б. Аксельрод. Хаупт показал, что еще в 1881 г. ему было приказано войти в доверие к живущим в Женеве русским и польским эмигрантам. В связи с этими разоблачениями Хаупт был выслан из Швейцарии. История его разоблачения рассказана Э. Бернштейном в 6 главе его воспоминаний «В годы моего скитания» (Харьков, 1923).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] В «Переписке Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода» ошибочно напечатано «1887 года».

[4] Несмотря на нежелание приехать в Цюрих, Г.В. Плеханову все же пришлось это сделать. Там он выступал на вечеринке под русский Новый год, – и действительно простудился (См. док. 27).

[5] Н.И. Кулябко-Корецкий.

[6] Более подробно об этом письме и его текст см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 475–515.

[7] Брошюра Г.В. Плеханова: «Ф. Лассаль, его жизнь и деятельность», ч. I (второй части не появилось) была издана в Женеве в 1887 г. группою «Освобождение труда» (№ 6 в серии «Библиотека современного социализма»).

[8] Мысль о составлении брошюры о М.А. Бакунине П.Б. Аксельрод лелеял еще с начала 1880-х гг. Однако этот замысел так и не был реализован. См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 60–61, 76, 84.

[9] «Очерк истории Международного общества рабочих» – книга В.И. Засулич по истории I-го Интернационала. Она писала ее в 1886–1887 гг. Вся рукопись состоит из 17 глав. Первоначально I–III главы были напечатаны в сборнике «Социал-демократ» в 1888 г. В следующем 1889 г. отдельной брошюрой вышли первые 9 глав. Они же вошли в сборник статей Засулич 1906 г. и «Избранные произведения» (М., 1983). X–XVII главы были опубликованы по рукописи только в 1973 г. в сборнике «Из истории марксизма и рабочего движения» (М., 1973. С. 427–548).

[10] См. прим. 5 к док. 24.

[11] Господин (*фр.*).

[12] Этот абзац в обеих публикациях был опущен.

1888

27
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, начало[1]

Дорогой Павел,

что же это Вы молчите, как зарезанный, по выражению Веры Ивановны? Книга, о которой Вы спрашиваете[2], называется *Landwirtschaftslehre von Krafft*[3], но я не думаю, чтобы Вы нашли там много интересного для Вас. Цитировал я ее в разговоре с Вами по поводу частного вопроса о том, уменьшается ли прибыль предприятия при интенсивной культуре. У Krafft'а был пример, показывающий, что уменьшается *уровень*, а не *масса* прибыли, как и вообще при увеличении постоянного капитала. Но этот вывод делал я, а не Krafft, который держится того мнения, что интенсивная культура уменьшает прибыль. Насчет успехов земледелия за последние 25 л[ет] ничего указать Вам не могу. Вы найдете кое-что, вероятно, в книге не помню уже какого социал-консерватива (кажется, Jäger'а)[4] о поземельном вопросе. Эта книга в 2 томах и есть у Бернстейна (Bernstein), это я знаю наверное. Вообще же об увеличении производительности земледельческого труда советовал бы Вам прочитать у Родбертуса, у Мишеля Шевалье (Cours d'Economie Politique)[5] и у Leonce de Lavergne (вероятно, а первые два наверное).

Теперь вот что. Приехал ли адвокат?[6] Если да, он поедет в Женеву. А если поедет, поезжайте и вы с ним, это безусловно необходимо. Вера одна не справится там с *болотом*[7]. А оно готовится к битве. Ввиду того, что теперь в России началось оживление[8], для нас в высшей степени важно, чтобы орган был не совсем болотного направления. Они, как видно, хотят передать редакцию в руки Эмигрантского общества[9], куда хотят пригласить и Драгоманова. Но это значило бы отдать орган этому последнему. В Эмигрантском обществе большинство не за нас. Наш ультиматум должен быть такой: или журнал отдается нам – *редакторы Вы и Вера*. Или, в крайнем случае, редакция *народовольческая* (из старых народовольцев или хотя бы и из новых, с ними мы, надеюсь, столкуемся)[10] с одним делегатом от нас и, пожалуй, от *болота.* Иначе мы будем атакованы Добровольским и Мокриевичем[11]. Начнутся междоусобия в противоправительственном лагере, что теперь нежелательно. Следовательно, в интересах миролюбия болото должно быть по возможности устранено или не должно иметь перевеса. В противном случае нам выгоднее начать войну, не дожидаясь их атаки. На всякий случай, почему бы Вам и Эфрону не записаться в Эмигрантское общество? Итак, от вашей поездки в Женеву многое зависит. Если поедете, имейте в виду возможность кандидатуры Лопатина в редакцию. Чем он хуже Мокриевича? Притом будет с нами. Пишите, а мой совет, поезжайте в Женеву с адвокатом. А то, может быть, его и совсем не будет?[12]

Посылаю письмо без марки «по не зависящим от редакции обстоятельствам». Но Вы не беспокойтесь. Разве марок пришлите. Вера просит переслать Вам ту часть ее письма, где она говорит о конституции. Исполняю ее желание. С соображениями ее я вполне согласен[13].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.4. Л. 1 – 3 об.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 33–36. Публикуется
по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[3] Речь идет об одном из главных трудов *Крафта Г.* (*Guido Krafft*) «Lehrbuch der Landwirtschaft» (7-е изд., 4 т., Б., 1899–1902).

[4] О ком идет речь, установить не удалось.

[5] Речь идет о книге *Шевалье (Chevalier) Мишеля* «Курс политической экономии» (Cours d'Economie politique. P., 1842–1850).

[6] *«Адвокат» – Н.И. Кулябко-Корецкий.*
Его первоначально скромные «литературные дела» затем разрослись в план издавать за границей орган, в котором работали бы представители всех оттенков революционной и оппозиционной мысли: с этой целью Кулябко-Корецкий ездил в Париж для переговоров с народовольцами. Из этих объединительных попыток ничего не вышло: в конце концов он от них отказался, ограничившись материальной поддержкой группе «Освобождение труда. Ей он дал, как вспоминает Аксельрод, несколько сот рублей, на которые был издан сборник «Социал-демократ» 1888 г. – Прим. Б.И. Николаевского.

[7] *«Болотом» Г.В. Плеханов называет группу Дебагория-Мокриевича, Ив. Добровольского и др., которые в это время доказывали необходимость полного отказа на время от постановки социалистических задач во имя союза с либералами для борьбы за конституцию. Позднее, в 1889 г., эта группа выступила со своим органом «Свободная Россия».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] 1887 г. был ознаменован некоторым оживлением нелегальной деятельности в России (дело 1 марта 1887 г., дело о пропаганде среди военных и т.д.), волнениями студентов в Петербурге, Москве, Казани.

[9] *Организация, преследовавшая главным образом цели товарищеской взаимопомощи и объединявшая лиц самых различных взглядов, существовала, как вспоминает Р.М. Плеханова, с конца 1870-х гг. Вначале во главе общества стояли Н.И. Жуковский и Жеманов. Позднее (в 1887 г.) председателем общества одно время была Р.М. Плеханова. В 1890-х гг., с притоком молодой эмиграции общество из замкнутого превратилось в более широкое и просуществовало до 1905 г. По-видимому, это было то самое общество, устав которого опубликован Р. Кантором в № 4 (11) «Каторги и ссылки».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *Группа старых народовольцев* – организация русских эмигрантов в Париже. Зародилась в конце 1880-х гг., оформилась около 1892 г. в Париже. Организатор и идейный руководитель – П.Л. Лавров. В нее входили: М.Н. Полонская (Ошанина), И.И. Лазаревич, А.П. Похитонова, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов, Е.А. Серебряков, К.А. Серебрякова, Г.Ф. Чернявская-Бохановская. Они видели своей задачей сплочение всех революционных сил в борьбе с самодержавием и пытались воздерживаться от полемики с другими социалистическими фракциями. В «Вольной русской типографии» печатали главным образом труды по истории социалистического движения. Однако с середины 1890-х гг. члены группы вынуждены были вступить в полемику с Группой народовольцев Петербурга и с социал-демократами. Группа прекратила свое существование в связи с болезнью и смертью Лаврова в 1900 г. Последним ее делом стал выпуск № 1 журнала «Вестник русской революции», ставшего затем теоретическим органом ПСР.
«Новые» (или « молодые») народовольцы – См. прим. 7 к док. 25.

[11] В.К. Дебагорий-Мокриевич свою программу формулировал нечетко, выдвигая расплывчатый лозунг «личных прав и самоуправления», призывал к созданию «общерусской оппозиции» без деления на «либералов» и «революционеров».

[12] Это предложение приписано по левому полю последнего листа письма.

[13] Это письмо В.И. Засулич не сохранилось. Из писем П.Б. Аксельрода к Засулич видно, что в нем шла речь о «нашем (т.е. социал-демократов) положении и тактике ввиду конституционного движения». Засулич считала, что социал-демократы должны проявлять больше готовности идти навстречу возможному конституционному движению. См., например, док 31.

28
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич[1]

1888, 16 февраля
Лейсин[2]

Дорогая Вера,

здоровье мое ничего, лихорадок нет[3]. Представьте себе, что хозяйка здешнего пансиона решила закрыть его и потому никого не принимает. Приходится устраиваться у крестьян. Я пока остановился у одного крестьянина, который меня и кормит. Посмотрю, попробую, что за еда, если будет плохо, придется спуститься в Кларан. Если же пойдет хорошо, приезжайте и вы сюда. Тогда я вам напишу.

Без вас жить тут я совсем не согласен. Адрес свой вышлю, как только устроюсь.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.24. Л. 1.
Автограф. На почтовой карте. Адресовано: «Madame Beldinsky. 123 Route Caroline, 12. Carouge pres Geneve».
Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 228.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *До указанного здесь года Георгию Валентиновичу, вообще крайне не любившему лично вести переписку, редко приходилось писать Вере Ивановне, потому что большею частью они жили вблизи. Но весной 1886 г. он сильно заболел туберкулезом в острой форме, так что женевские доктора предсказывали быструю его кончину. Близкие его – Розалия Марковна, Вера Ивановна и др., – крайне этим встревоженные, употребили все усилия для его спасения: на добытые ими с неимоверными трудностями небольшие средства удалось отправить опасно больного Г[еоргия] В[алентиновича] на разные швейцарские курорты для легочных больных, начиная от Лейзена, Давоса и кончая Клараном и Морнэ. В тех случаях, когда материальные средства позволяли, Вера Ивановна сопровождала его, так как Розалия Марковна была занята двумя маленькими дочерьми, а также подготовкой к итоговым медицинским экзаменам. Вера Ивановна ухаживала за Г[еоргием] В[алентиновичем] как самая заботливая, любящая сестра, проявляла безграничное самопожертвование. Она же хлопотала о добывании средств для его лечения. В этом отношении заслуги ее чрезвычайно велики, и семья Плеханова была ей всегда бесконечно признательна.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[2] *Leysin* – швейцарская деревушка, расположенная недалеко от Кларана в живописном месте, популярном летнем и зимнем курорте.
Датируется по почтовому штемпелю открытки. В левом верхнем углу рукой Л.Г. Дейча надписано: «Откр. почт. шт. 16–II–88»; в правом верхнем углу рукой Р.М. Плехановой приписано: «Leysin 88».

[3] См. прим. 4 к док. 26.

29
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, 28 февраля
Кларан[1]

Дорогая Вера Ивановна!

Завтра вышлю воззвание по поводу основания социал-демократического союза[2]. Написано оно не Бог знает как хорошо, ну, да поправлять не наше дело. Нужно только чтобы кто-нибудь под ним подписался, хоть Григорьев что ли,

а то безымянные воззвания как-то нехороши. Пишу статью, уже половину написал и, право, не заметил, как прошло время[3]. Когда вы написали мне[4], что я молчу уже целую неделю, то это несказанно меня удивило: мне казалось, что я только что устроился в пансионе, только что отправил вам карту[5]. Теперь чувствую даже некоторую усталость, но вообще здоров.

*РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп.3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.25. Л. 1.
Автограф. На почтовой карте. Адресовано: «Madame Beldinsky. 12, Route Caroline, 12. (Plainpalais) Geneve».
РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 1. Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М., 1925. С. 228; Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 8. М., 1940. С. 243–244. Публикуется по автографу.*

Примечания

1 *Кларан*, (Clarens) – местечко около Монтре на Женевском озере в швейцарском кантоне Ваадт, зимняя климатическая станция.
Датируется по почтовому штемпелю почтовой карты.

2 Воззвание в печати не появлялось и в архиве Г.В. Плеханова не сохранилось. О Союзе социал-демократов См. док. 25.

3 Плеханов работал в это время над первой статьей из серии «Наши беллетристы-народники» – «Г.И. Успенский», вошедшей в сборник «Социал-демократ» (Женева, 1888).

4 Письмо не разыскано.

5 См. док. 28.

30
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, 29 февраля
Кларан[1]

Вера Ивановна,

воззвание[2], посланное мне для просмотра, из рук вон плохо написано. В таком виде его печатать безусловно нельзя. Значит, нужно поправить. Попробуйте сделать это Вы или попросите Григорьева. Пусть содержание останется то же самое, но пусть кто-нибудь из вас изложит его своими, не такими надутыми и не такими вовсе нерусскими словами. Я и сам написал бы, но меня порядочно-таки утомила статья. Скажите Григорьеву, что я прошу его послать в Берн Ингерману (53, Zähringerstrasse) новую брошюру и вообще экземпл[яров] по 5 наших изданий. Это нужно сделать как можно скорее; я и без того удивляюсь его долготерпению.

Г. Плеханов

*РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А. 31.11. Л. 1.
Автограф. На почтовой карте со штемпелем отправления: «29. II. 1888. Clarens». Адресовано: «Madame Beldinsky. 12 Route Caroline, 12.(Plainpalais). РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 3. Фотокопия с подл. Опубл. под неправильной датой «29. II. 1889» в сб.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 235. Публикуется по автографу.*

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю почтовой карты.
[2] См. прим. 2 к док. 29.

31
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1888, февраль
Цюрих

Дорогая Вера!

Ваша похвала моей похвале ободряет меня на дальнейшие похвалы[1]. Шутки в сторону, я не ожидал, что мое мнение будет иметь для Вас какое-нибудь значение, и я даже опасался, что будете надо мною смеяться. И теперь даже я придумываю, как бы какой-нибудь неумеренной похвалой не испортить впечатления прежней.

Мне трудно было бы подвести Вашу манеру изложения под какую-нибудь определенную категорию. На основании присланного манускрипта[2], с одной стороны, и Ваших отрицательных отзывов о себе, с другой, я пришел к следующему заключению, вернее убеждению. Вам трудно дается форма отвлеченного, так сказать, чисто логического изложения мыслей. Я предполагаю, что Вы пытались именно в такой форме излагать свои мысли, и [что] чувство неудовлетворенности навело Вас на мысль о неспособности литературно служить нашему делу. Я не мог переварить этого мнения Вашего о себе, имея в виду, с одной стороны, дельно и мило составленное Вами предисловие к Энгельсу[3], а с другой, степень приобретенных Вами знаний (не в смысле грубо эмпирических сведений) и ума, проглядывающего даже в частных замечаниях по разным поводам. Письмо к народов[ольцам][4] характерно прежде всего способами Вашей аргументации: оно состоит в разъяснении Вашей точки зрения путем наглядных сравнений, образов, картин. Не нужно забывать, что ведь это набросок и что, кроме того, Вы не упражнялись специально в этой форме развития своих мыслей. Второе достоинство – это чрезвычайная простота и ясность Вашей аргументации, точнее говоря, каждое сравнение является действительно ясным и чрезвычайно убедительным аргументом против оспариваемого положения в пользу защищаемого Вами. Видите ли, читая Вашу статью, я припоминал Герцена, Л[уи] Блана и т[ому] п[одобных] писателей (пожалуйста, не смейтесь надо мною) с образным слогом, но их образы – это своего рода фейерверки, которые далеко не всегда служат к выяснению мысли авторов и еще менее могут заменять аргумент. Ваши же сравнения являются на самом деле целым рядом удивительных, ясных и простых аргументов. Далее, у Вас есть еще одно ценное орудие – ирония и притом, что особенно редко, крайне добродушная, не только без раздражения, злобы (что, к сожалению, я чувствую, когда пишу и, по счастью, не умею вполне выразить по пословице: бодливой корове бог рог не дает), но даже с оттенком любви к тем, против которых она направляется*. Наконец, Вы, наверное, умеете сжато излагать свои мысли. Это я вижу не только из статейки, но и из многих писем, особенно из того, которое переслано было мне Ц.К. из Давоса о наших

---

* В частных сношениях Ваша ирония имеет уже гораздо более кусающийся характер.

положении и тактике, ввиду конституц[ионного] движения[5]. Мне бы для этого, вероятно, понадобились бы три листа и все-таки так ясно не высказался бы. Да вот хотя бы теперешнюю мою характеристику Вашей литературной формы (боюсь сказать таланта) – Вы бы, наверное, яснее изложили на одной странице, чем я на целом листе. Из всего сказанного я вывожу, что Вам бы лучше всего выбирать темы исторического и описательного свойства, словом такие, где отвлеченный или логический способ развития идей и понятий совершенно не нужен, а присущие Вам литературные свойства могут найти себе полный простор. Так, напр[имер], теоретическое развитие учений научного социализма или социал-демократия и анархия Вам, быть может, далась бы с большими трудностями, но изложение характерных особ[енностей] тех же воззрений попутно в историческом очерке об Интернационале[6] и борьбе партий в нем у Вас вышло бы, наверное, очень хорошо. Затем отчего бы Вам не попробовать излагать свои мысли по разным текущим вопросам (тактика революционной борьбы, отношение к либералам) в форме письма к какому-нибудь Х? На этот раз я иду против несомненного авторитета Ж[оржа]. Я убежден, что, упражняясь, Вы выработаете в себе весьма ценную литературную форму (не умею толком выразить такие простые вещи, а ведь вот пишу, не смущаюсь). Не знаю, удалось ли мне на этот раз высказать Вам то, что мне хотелось. Если мне удастся преодолеть Вашу почти непростительную скромность, то уверен, что впоследствии получу право гордиться этим. Вашей скромностью Вы меня смущаете. Мне становится стыдно писать, особенно когда сравню свою неуклюжую манеру изложения с Вашей статьей (с Ж[оржем] я, разумеется, не пытаюсь сравнивать, на то он ведь «Жар-птица»). Но довольно, есть другое о чем писать, а кратко не умею. Впрочем, вспомнил еще одно. Если бы Вы решились на самом деле испытать свои силы специально на, если можно так выразиться, полубеллетристической манере излагать свои мысли, то полагаю, что Вы согласитесь со мною и в том, что Вам очень полезно для возбуждения и упражнения своего воображения (разумеется, не ввиду создавания поэтических образов) побольше и повнимательнее читать публицистические и исторические работы людей с беллетристическим складом ума – Герцена, Мишле, Луи Блана (хотя французская образность преимущественно фейерверочная и мне лично даже затрудняет понимание), первостатейных поэтов, беллетристов и критиков Белин[ского], Добролюб[ова], Тэна, Сен-Бэва и т.д… Мне такое чтение, как метод для литерат[урного] усовершенств[ования], теперь особенно не помогло бы, а Вам принесло бы огромную пользу.

Манускрипт ваш переписывается и при отсылке припишу свои замечания. Непременно печатать[7]. Кстати, как быть с «Самоуправл[ением]»?[8] Ужасно трудно мне совершенно обойти его, а ссориться пока все-таки не следует. Я никак не могу попасть в тон, а потому, критикуя его, я решил не называть его имени[9]. Это тем более возможно, что Вы думаете отделать свою статью в рецензию и по поводу «Самоупр[авления]». Как Вы и Ж[орж] думаете о нашем attitude[10] по отношению к нему. Ответ Ваш фонду наши «социал-д[емократы] решили показать только через неделю ввиду того обстоят[ельства], что неизбежный разрыв мог бы вредно отозваться на вечеринке, даваемой в буд[ущую] субботу ими сообща (наполовину) с читальней[11].

Уже из этого бала (из-за которого у меня не мало крови было испорчено, я Вам намекал в письмах еще до приезда Жоржа) и из того, что условлено

с чит[альней], кажется, в апреле дать еще один, Вы можете видеть, что фактически наши приверженцы составляют нечто отдельное от фонда. Некогда, да и нет необходимости описывать попытки мои по части выделения их в нечто более или менее организованное. Кроме грошей, от них ничего не получишь, фактически в этом только и будет состоять их функция, если они даже назовут себя «социал-демократ[ическим] союзом». Нет в них божественного огонька, – да и баста. Знаете кто, напр[имер], противодействует образованию такого кружка?[12] Вайнтрауб, напр[имер], и, очевидно, под влиянием Ефрона, а отчасти под влиянием собственной наклонности к «беспристрастию». На это мне жаловался (я и без него знал) юноша, писавший письмо, которое я Вам послал[13]. К сожалению, он еще очень молод и неопытен, а его товарищ страдает страшными нервными припадками[14]. Будь в Цюрихе и Берне по три таких юношей, т.е. с меньшей [...[15]], пожалуй, можно бы организовать союз, не такой, конечно, частью которого нам стоило бы объявиться, но все-таки похожий на что-нибудь путное. Теперь смешно об этом и думать. Я только и смотрю на них как[16]...

IISH. Paul Akselrod Archiv. – 63f. Автограф. Hoover Institution Archiv. B.I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Опубл.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 234–237. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо П.Б. Аксельрода и В.И. Засулич не разыскано.

[2] Очевидно, речь идет об очерке В.И. Засулич по истории 1-го Интернационала. См. прим. 9 к док. 26.

[3] Речь идет о брошюре Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшей в переводе и с предисловием В.И. Засулич под названием «Развитие научного социализма» в январе 1884 г. в Женеве в «Библиотеке современного социализма».

[4] В феврале 1882 г. группа эмигрантов, примыкавших к «Черному переделу», получила письмо от Исполнительного комитета «Народной воли» с предложением присоединиться к этой партии. Ответ был написан коллективно: по двум наброскам Г.В. Плеханова и В.И. Засулич, его составил Л.Г. Дейч (см.: *Дейч Л.* О сближении и разрыве с народовольцами // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 17–18). Об этом наброске Засулич, вероятно, и вспоминает П.Б. Аксельрод, перечисляя ее прошлые литературные опыты. См. также: Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Т. 2. М., 1965. С. 334–338; Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 111–113.

[5] Кто скрывается под инициалами Ц.К. – нам неизвестно. Возможно, что в копии описка. Зимой 1887–1888 гг. в Давосе лечился Г.В. Плеханов. В письме к П.Б. Аксельроду он писал: «Вера просит переслать Вам ту часть письма, где она говорит о конституции. Исполняю ее желание. С соображениями ее вполне согласен» (См. док. 27).

[6] См. прим. 2.

[7] Возможно, что «манускрипт» В.И. Засулич, о котором идет речь в письме, предполагалось печатать в сборнике «Социал-демократ», вышедшем в августе 1888 г.

[8] Группа «Освобождение труда» получила приглашение сотрудничать в журнале, но после выхода первого номера поняла невозможность участия в нем. См.: письмо Г.В. Плеханова редакции: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С. 155.

[9] *По-видимому, П.Б. Аксельрод критиковал «Самоуправление» в своей руководящей статье для сборника «Социал-демократ». Статья его о «Политической свободе», как указано в заявлении от редакции сборника, была уже отчасти набрана, но вследствие болезни П.Б. Аксельрода, который не мог ее кончить, в сборник не вошла и предполагалась к помещению во второй книге сборника, уже не вышедшей в свет. Статья эта в печати неизвестна.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] Позиции (*фр.*).
[11] Речь идет о «Литературном социалистическом фонде» и «русской» читальне, возникших около этого времени в Цюрихе по инициативе русских студентов, обучавшихся в местном университете, и молодых эмигрантов, по большей части настроенных народовольчески. Отношение к ним группы «Освобождение труда» было непростым. С одной стороны, группа была заинтересована в привлечении на свою сторону молодежи, получении дополнительных источников финансирования, новых транспортных путей. Да и руководители «Фонда» приглашали Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода к сотрудничеству. Но, с другой стороны, были сильны идеологические разногласия, да к тому же значительная часть молодежи, входившая в эти объединения, не отличалась искренней революционностью.
[12] См. док. 25.
[13] По-видимому, *Гуковский*.
[14] *Возможно, что речь идет о цюрихском студенте Л.М. Селитренном. По полицейской справке, он страдал падучей болезнью.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[15] Одно слово не разобрано.
[16] Конец письма не найден.

32
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, после 16 февраля
Божи над Клараном[1]

Дорогая Вера Ивановна!

Вчера перед обедом я получил Ваше письмо[2], а сегодня вечером только отвечаю. Вы, вероятно, уже и сердитесь и думаете, что я хочу отписываться и т.д. Но ничего этого нет. Просто не собрался пойти вниз в Кларан на почту за марками, а здесь в Божи нет. Секретаря мне пока не нужно, так как начерно я необходимо должен сам писать свою статью[3], а вот когда буду перебелять, то другое дело, тогда мне диктовать можно. А перебелять необходимо, и притом именно диктуя, простая переписка другим человеком не годится, так как, диктуя, я буду и переправлять. Но все-таки почему бы Вам не переехать, хотя комнаты подходящей я еще не посмотрел. Здесь есть в Божи одна комната, почти рядом с нашим пансионом, да, говорят, холодна. У Рэк, где я прежде жил, все нижние комнаты (хорошие и теплые) заняты, спрошу еще кое-где.

Пансион у нас ничего, кормят недурно, вкусно и сытно. А поездку в Лейзэн я Вам когда-нибудь опишу или расскажу при личном свидании, это положительно вроде путешествия к полинезийским дикарям.

Отчего Вы не прислали мне брошюры «Чего хотят социал-демократы» (наш новый выпуск)[4], ведь она, наверное, вышла, а если нет, то отчего? Попросите Григорьева выслать мне брошюрку Г. Девилля «Anarchisme», – он обещал. Все это можно, сложивши пополам (plier[5]), выслать sous bande[6]. Ну, пока прощайте, пишу наскоро, чтобы Вы не сердились, не огорчались и т.д., а у самого голова занята статьею, которую я уже начал писать[7]. Кто выслал мне повесть Каронина?[8] Большое за это спасибо. Итак, до скорого свидания, готовьтесь к переезду в Кларан, но пока еще не суетитесь, когда найду комнату, напишу.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.1. Л. 1–2. Автограф. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–6. Фотокопия с подл. Опубл.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 238. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по письму № 28, отправленному Г.В. Плехановым из Лейзена.

[2] Письмо не разыскано.

[3] Речь идет, вероятно, о статье «Наши беллетристы-народники. Ст. I: Г.И. Успенский», напечатанной в сборнике «Социал-демократ», вышедшем в свет осенью 1888 г.

[4] Имеется в виду работа Ж. Геда и П. Лафарга «Чего хотят социал-демократы», изданная в Женеве в 1888 г. в типографии группы «Освобождение труда» как 7-й выпуск в серии «Библиотека современного социализма». Перевод с французского, примечания и предисловие – Г.В. Плеханова.

[5] Сгибать, складывать (*фр.*).

[6] Бандеролью (*фр.*).

[7] Очевидно, речь идет о 2-й статье Г.В. Плеханова из серии «Наши беллетристы-народники», напечатанной в литературно-политическом обозрении «Социал-демократ» (Кн. 2. Женева, 1890. С. 13–49.

[8] О какой повести С. Каронина здесь идет речь, установить не удалось.

33

П.Б. Аксельрод – Р.М. Плехановой

1888, март или апрель
Цюрих

Дорогая Розалия Марковна!

Прилагаемое письмо[1], очевидно, для Ж[оржа]. Надеюсь, он в Женеве, здрав и невредим?

Окажите мне услугу и сообщите мне, прочитал ли он статейку Эфрона[2] и как он нашел ее. Я советовал Эфр[ону] лично обратиться к Ж[оржу]; может быть, Ж[орж] уже сам написал ему свое [мнение]. Тем лучше. Но все-таки очень меня обяжете, если хоть картой, в нескольких строках сообщите мне.

От Райчина ни слуху, ни духу. Должно быть, ему моего письма не передали, – а ему между тем ведь нужны были деньги…

Из всего видите, что меня пока не тревожат по части финансов, хотя уж лучше было бы, если бы потревожили.

Надеюсь на скорый ответ. Общий привет.

Жму крепко руку.

Ваш Павел

IISH. Paul Akselrod Archive – 60. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 36–37.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо не разыскано.

[2] Его статья «Министр-демагог» за подписью Ю.Е. помещена в обозрении «Социал-демократ» (Женева, 1888). Отзыв о ней Плеханова См. док. 34.

34
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, апрель[1]
Кларан

Милый Павел,

напрасно Вы думаете[2], что я молчал до сих пор, боясь, что Вы упретесь на своих редакторских правах и не признаете моего «авторитета»: я Вас слишком люблю и уважаю, чтобы, имея дело с Вами, забыть и о «правах», и об «авторитете», и иметь в виду только интересы нашего общего дела. Я просто сам не полагался на свое впечатление и хотел посоветоваться с Верой. Считая, что до поры до времени не нужно смущать Вас поправками, я молчал и думал, что Вы успеете окончить вторую главу. Поправлять *целое* мне кажется легче, чем приниматься за исправление начала. Я не ожидал, что Вы станете беспокоиться[3].

Теперь к делу. Вера пишет Вам целое возражение[4]. Я с нею *почти* согласен. *Почти* значит вот что: кое-где ее замечания преувеличены, но в общем верны. Полемический тон следует отбросить. Затем не мешает также придать статье более живой, более увлекающий характер. Следовало бы писать так. Политическая борьба с абсолютизмом необходима. Это должны сознавать все партии (либералы и другие). Им следовало бы напасть на правительство каждой со своей стороны. Спрашивается, с какой стороны могут напасть на него социалисты?

Тут прямой переход к агитации среди рабочих. Так было бы лучше, да и адвокат[5] и ему подобные были бы довольны. А между тем мы не погрешили бы против своих убеждений. Вчера вечером, получивши возражения Веры, я нацарапал кое-какие соображения, которые могли бы послужить введением в статью[6]. Прочтите их; если одобрите, то мой дальнейший план такой. *Напомнить, что конституция есть соотношение сил в стране*, и перейти к анализу общественных сил в России. Показать, что без поддержки рабочего класса усилия общества не приведут ни к чему, а затем поговорить о приемах агитации среди рабочих. Если одобряете, – будем обрабатывать статью вместе и подпишем – *редакция*. А если нет, защищайтесь и присылайте свои возражения; может быть, Вы и правы. Помните только, что передовую статью нужно писать *поживее, позабористее*. Ее будет читать *всякий* читатель, поэтому нужно пробирать его не Марксом, а так называемым здравым смыслом (припомните адвоката). Но, по-моему, всего лучше Вам сначала окончить свою статью, а затем уже взяться за поправки. Эфроновская статейка[7] мне нравится, но и в ней нужно будет кое-что изменить и кое-что дополнить. На днях напишу, что именно. Письмо народовольцев[8] так нелепо и, главное, так по-детски написано, что стыдно и помещать его. Я был бы против помещения. Пусть они печатают его отдельно, мы их проберем. А то, ей-богу, от сборника запахнет гимназистом, по выражению адвоката. Ну, пока кончаю, привет всем Вашим и Гринфесту[9].

Г.В. Плеханов. Черновой набросок передовой статьи для сборника «Социал-демократ».

Справедливо и не раз уже было замечено, что господствующая теперь в России реакция будет иметь для всего русского «общества» большое воспитательное значение. До последнего времени наши либералы были чужды всякой мысли об активной борьбе за политическую свободу. В царствование Александра II между ними преобладала наивная уверенность в том, что «освободитель» решится, наконец, «увенчать здание реформ» и осчастливить своих верных подданных

дарованием им «прав человека и гражданина». Иногда ожидание высочайшего подарка приурочивалось к какому-нибудь торжественному событию, ждали, что нас наградят конституцией к какому-нибудь празднику, как награждают чиновников деньгами или орденами. Либеральная печать не раз намекала, что если бы революционеры не смущали правительство своими «преступными деяниями», то мы уже далеко ушли бы по пути политического прогресса. Русский либерал того времени отличался наивностью крестьянина. Он с такой же доверчивостью ожидал от царя благ представительного правления, с какою крестьянин ждет «черного передела».

Теперь едва ли уже возможны такие иллюзии. Теперь для всех уже очевидно, что Александр III совсем не проникнут конституционными стремлениями, что он желает не «увенчания» пресловутого «здания», а, напротив, полного его разрушения, восстановления порядков, процветавших при Незабвенном[10]. Очевидно также и то, что царский либерализм – вещь слишком ненадежная, что пожалованные свыше реформы весьма непрочны и что «здание», увенчанное сегодня, может быть развенчано завтра, послезавтра, словом, когда только заблагорассудится коронованному архитектору. Нужно надеяться поэтому, что энергические мероприятия Александра III вылечат, если уже не вылечили, этих либералов от их застарелой болезни – политического оптимизма, и покажут им – если уже не показали, – что конституции не дарятся абсолютными монархами, – а *берутся у них с бою*.

Когда наши либералы проникнутся этим спасительным убеждением, они перестанут смотреть на революционное движение как на помеху для политического развития России. Напротив, они сами задумаются о том, чтобы выступить, наконец, на путь активной борьбы с царским самовластием. Другого выхода нет и не может быть для людей хоть сколько-нибудь искренних и цельных.

Этого пути, т.е. борьбы с абсолютизмом, не могли миновать и русские социалисты, т.е. люди, целью которых является экономическое освобождение народа. Люди эти нередко расходятся между собой по самым важным экономическим вопросам. В воззрениях некоторых из них много не только неясного и неопределенного, но и прямо противоречащего учениям западноевропейского социализма. Тем не менее, все они единодушно признают и прекрасно понимают, что для успеха их дела необходимо, прежде всего, завоевание свободных политических учреждений и что до тех пор, пока Россией распоряжается гатчинский недоросль, экономическое освобождение трудящихся классов является делом совершенно немыслимым и невозможным. Таким образом, оказывается, что в падении абсолютизма одинаково заинтересованы люди самых различных политических направлений: от умеренного либерала до социалиста в западноевропейском смысле этого слова. Конечно, на этом основании смешно было бы говорить о полной солидарности этих партий. Различие между ними настолько велико, что, разделавшись с их общим врагом, все эти партии, наверное, вступят в ожесточенную борьбу друг с другом. Но тогда для их борьбы будет, по крайней мере, открыто свободное поле, тогда успехи будут находиться в прямой зависимости от их энергии и жизнеспособности, между тем как в настоящее время абсолютизм связывает каждую из них по рукам и ногам, осуждает их на полную неподвижность и оставляет им одно печальное утешение: возможность питать совершенно бесплодную взаимную вражду и слепое недоверие друг к другу.

Давно уже пора всем нашим партиям понять невыгоду такого положения и серьезно взяться за изменение его к лучшему.

Теперь, в конце восьмидесятых годов, мы повторим то, что говорили мы в одном воззвании десять лет тому назад, после оправдания Веры Засулич.

Пусть каждая партия преследует свои особые цели, но пусть ни одна не остается равнодушной к господству над Россией тех, вся политика которых исчерпывается мрачной формулой *Слово и Дело*[11].

Этой формуле нужно противопоставить другую, под которой могли бы подписаться все, кроме сторонников реакции и рыцарей застоя.

Долой абсолютизм! *Да здравствует политическая свобода*!

Вот девиз, который должны написать на своем знамени все наши оппозиционные и революционные элементы. Каждый из них мог бы и должен был бы внести в борьбу свою особую политику и свои особые идеалы, их удары направились бы с различных сторон и имели бы неодинаковое значение, но именно это обстоятельство и приблизило бы время нашего политического освобождения. Такой натиск со всех сторон скоро сломил бы силы абсолютизма. Нужно только, чтобы он был единодушен, нужно, чтобы печать, ученое сословие, городские и земские представительства, равно как и социалистические организации заявили конституционные требования и решились поддерживать их всеми зависящими от них средствами. Раз началось бы такое движение, его не остановили бы никакие генерал-губернаторы и никакие «сведущие люди».

Ввиду желательности и, по крайней мере, логической возможности такой единодушной борьбы против абсолютизма весьма полезно было бы выяснить роль и приемы каждой из тех партий, которые могли бы принять в ней участие.

В качестве социалистов мы постараемся сделать это по отношению к социалистической партии. Само собою понятно, что политическая свобода не может быть конечною целью такой партии. С ее точки зрения, завоевание политической свободы является лишь необходимым предварительным условием организации рабочего класса для борьбы за его экономическое освобождение, или, если угодно, одним из фазисов рабочего движения. Но мы забудем пока другие цели и будем иметь в виду только политическую свободу («Что такое конституция?» *Лассаль*. «Соотношение сил и т.д.»).

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч.1. Ед. хр. 10. А 9.5. Л. 1 – 2 об.;
Ед. хр. 109. Л. 1–9. Автограф с исправлениями. Опубл.:
Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925.
С. 37–42; Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1940.
Сб. 8. С. 81–83. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. В письме речь идет о начальных стадиях подготовки сборника «Социал-демократ», который вышел в свет осенью 1888 г.

[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[3] П.Б. Аксельрод начал писать для сборника «Социал-демократ» руководящую статью «О политической свободе», но по болезни не успел окончить ее к сроку.

[4] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[5] Н.И. Кулябко-Корецкий.

[6] Эти «соображения» печатаются в виде приложения к данному письму. Этот набросок Г.В. Плехановым нигде использован не был.

[7] См. док. 33.

[8] *О каком письме идет речь, установить точно не удалось; в сборнике «Социал-демократ» оно напечатано не было. Есть основание предполагать, что речь идет о письме, появившемся позднее в Париже отдельною брошюрою под заглавием: «По поводу одного предисловия», за подписью «Группа народовольцев» (с датою 15 апреля 1888 г.). В нашем распоряжении ее не*

имеется. Разбор этого письма дан Г.В. Плехановым в сборнике «Социал-демократ» (заметка «Неизбежный поворот», стр. 106 и сл.). – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] Гринфест жил в доме Аксельрода.

[10] То есть при Николае I.

[11] *Из двух выпущенных обществом «Земля и воля» прокламаций о деле В.И. Засулич подходящее место имеется в обращении «К русскому обществу» (напечатана в «летучей типографии Земли и воли»; перепечатана в «Былом», 1906 г., № 7, стр. 181–82). Соответствующее место ее гласит: «Мы приглашаем учащуюся молодежь, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых человеческих прав. Пусть разные политические партии преследуют разные цели, но ни одна из них не позволяет господствовать над собою тем, вся политика которых исчерпывается двумя мрачными, давно всеми забытыми словами: «Слово и дело!». Это место «соображений» Г.В. Плеханова решает вопрос об авторе данной прокламации «Земли и воли»: предположения о том, что она написана Г.В. Плехановым, были и раньше высказаны в печати: Бурцевым в сборнике «За сто лет» и Аптекманом в книге «Земля и воля 1870-х гг.», изд. 1907 г., стр. 139. Так как она не перепечатана в собрании «Сочинений» Г.В. Плеханова, то мы воспроизводим ее ниже, в приложениях к настоящему тому, полностью.* – Прим. Б.И. Николаевского.

35
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 30 апреля
Амбулан[1]

Милый Павел,

не удивляйтесь, что в этом письме не будет ничего насчет статьи[2]. Я спешу, ибо боюсь опоздать к поезду почтовому. Голубчик, как хотите, откуда хотите, но достаньте мне денег, или лучше сказать не мне, а моей семье. Не могу я лечиться, когда семья <u>буквально</u> голодает. Жду со дня на день денег от Сергея, но их пока нет, а жить нужно каждый день. Вы сделали бы мне истинное благодеяние, если бы достали 100 и послали их на адрес Розы, 18, Chemin de la Cluse. Если этого нельзя, – пошлите сколько можно, но, ради бога, сделайте это.

Отвечайте.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч.1. Ед. хр. 10. А 9.6. Л. 1. Автограф на почтовой карте. Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 42–43. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю почтовой карты.

[2] См. док. 33.

36
Подполковник Масюков[1] от имени Л.Г. Дейча – В.И. Засулич[2]

1888, 13 мая[3]
Нижне-Карийск

Брат Ваш получил ваше письмо[4], в котором сообщаете, что собираетесь выслать ему: Гегеля и Лор[енца] Штейна. Если еще не выслали, то он просит вмес-

то них прислать ему Lippert'a «Kulturgesch. d. Mensch. in ihr. organ. Aufbau»[5]. Эта книга его очень интересует; о ней он читал очень лестные отзывы. Его смущает только то, что она дорого стоит, но, вероятно, не дороже 2 выше назва[нных] книг. Он, кажется, уже писал, что его особенно интересуют первобытные учреждения, в связи со всеми близкими к этому областями. Поэтому он настоятельно просит выслать ему книги преимущественно по этим областям. Его отчасти радует, отчасти – нет, что Вы, видимо, втянулись в изучение философии, но, кажется, Вы только интересуетесь Гегелем, о новейшей Вы вовсе не упоминаете. Он здоров. Кланяется всем. От Мани и Ани писем нет.

Отдельного корпуса жандармов

Подполковник Масюков

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 671. АД 1/2.17. Л. 12.
Автограф Л.Г. Дейча (кроме подписи) на почтовой карте.
Адресовано: «Швейцария. Женева. Г-же Бельдинской.
A m-e-Beldinsky». Далее зачеркнуто: «Café de Vieux Pont. Plain-palais Genèv. Suisse e» и надписано другим почерком: «Maison Vincent à Clarens.Vaud». РГАСПИ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
Негатив с автографа.Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 97. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Масюков* – жандармский подполковник, назначенный комендантом Карийской каторжной тюрьмы в конце 1887 г. Он был прежде гвардейским офицером, проигравшим свое состояние. В жандармы поступил, чтобы иметь средства к существованию. При нем режим каторги значительно смягчился. В частности, под диктовку своих подопечных он писал письма их родным, что было, конечно, нарушением существующих правил.

[2] *С Кары, как я уже сообщал в кн[иге] «16 л[ет] в Сибири», нам дозволялось в открытках, от имени коменданта, уведомлять родственников о здоровье и о получении писем или чего-нибудь другого, а также просить о присылке тех или других вещей. Из архива П.Б. Аксельрода мне, кроме печатаемых здесь закрытых писем, присланы еще следующие четыре открытки.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[3] Дата письма указана автором по старому стилю.

[4] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[5] Речь идет о книге *Липперта (Lippert) Юлиуса* «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau» (Bd 1–2, Stuttg., 1886–87; в сокращ. рус. пер. – История культуры, СПБ., 1894).

37
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, май[1]
Женева

Дорогой Павел,

Вы и представить себе не можете, как меня опечалило Ваше последнее письмо[2]. Видно, что Вы в мрачном настроении. С чего это Вы взяли, что Вы играете «жалкую[3] роль» мнимого редактора? Если Ваша роль была жалкая, то моя была, очевидно, – гнусная, потому что я мучил Вас самым жестоким образом. Теперь я не могу себе простить этого. Как это ни я, ни Вера не поняли того, что

больному человеку не до статей, что ему нужно лечиться. Свет не клином сошелся, а наша литературная деятельность не сборником, надеюсь, ограничится. Главное и первое дело – поправляйтесь. Забудьте о статье, пришлите мне то, что Вами написано, я дополню, подправлю, кое-что сокращу, кое-что сглажу – и вот Вам статья. Подпишем, как хотите, лучше всего – редакция.

А против Вашего выхода из редакции я решительно и руками и ногами. Зачем это? Вы думаете, что Вы бесполезны? Позвольте же нам знать, полезны Вы или нет. Для меня Ваше соредакторство очень полезно. Я знаю, что если Вы одобрите известную вещь, написанную мною, то она действительно хороша. Конечно, если бы Вы и не были редактором, то я не перестал бы советоваться с Вами. Но ведь Вы знаете, что всякие выходы и заявления о выходах из редакции подают поводы к сплетням и толкам.

Кроме того, нужно, чтобы к Вашему редакторству привыкла публика – ведь Вы все-таки, в конце концов, меня переживете, будет, вероятно, время, когда Вам придется редактировать без меня. А мое якобинство? Нужно же, чтобы Вы меня сдерживали, чтобы Вы имели даже право сдержать мои централистические и якобинские тенденции. Ведь, право, у меня есть на этот счет грешок. Да и мало ли еще доводов.

Итак, простите, что мучил Вас со статьей, бросайте ее, а кроме того, вот что: скоро я перееду в Морнэ (как только получу деньги от Сергея), там устроится вся моя семья. Туда и Вы должны переехать. Воздух там роскошный, это высоко, будете гулять и толстеть, пить пиво и, вследствие этого, спать.

Не печальтесь, мало ли кто не был болен[4].

Крепко обнимаю Вас, мой милый Павел[5]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.7. Л. 1 – 2 об. Автограф. IISH. Paul Akselrod Archive. – 33 а. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 43 – 44. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию письма Плеханова к П.Б.Аксельроду от 30 апреля, в котором он упоминает о статье и своем скором отъезде в Морне, и к В.И. Засулич, отправленному уже из Морне и датированному им как «весна 1888 г.».

[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано. Оно содержало в себе его отказ участвовать в редактировании сборника «Социал-демократ».

[3] В «Переписке Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода» напечатано: «громкую».

[4] Предложение написано по верхнему полю последней страницы письма.

[5] Это предложение написано по левому полю последней страницы письма.

38
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, не позднее 29 июня
Морне[1]
Пятница, 1 час пополудни

Дорогая Верочка,

только что получил вашу карту[2] и спешу в немногих словах ответить, так как Роза сейчас едет в Женеву, а отправленное оттуда письмо дойдет до вас скорее.

К великому моему стыду и огорчению, я не мог управиться здесь без денег; нужно платить за бумагу, о чем я уже писал; нужно платить Яблонскому, который набрал уже много (моя статья о народниках[3] почти-почти окончена) и просит денег. Поэтому... заключение вы сделаете сами. Дайте мне немного вздохнуть, честное слово, я вас выручу[4] так или иначе.

Деньги лучше всего послать на адрес Рольника, так как адреса Григорьева я не знаю, на имя Häyler'а[5] посылать неудобно, а Яблонский просит денег как можно скорее. Рольник человек верный. Адрес его: Rue Candolle, 4. Etablissement du Kephire.

Крепко жму руку.

Плех[анов]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.18. Л. 1–2. Автограф с примечаниями Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 229. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Приписка рукой Дейча в верхней части листа: «Без даты». Датируется по содержанию предыдущего и последующего писем к П.Б. Аксельроду.

[2] Почтовая карточка от В.И. Засулич не разыскана.

[3] «Наши народники-беллетристы» для сборника «Социал-демократ». См. прим. к док. 28 и 31.

[4] *По настоянию друзей В.И. Засулич отправилась в Божи над Клараном, чтобы полечиться, так как вследствие переутомления тоже заболела. Она задолжала там, почему Г.В. Плеханов и старался «выручить ее».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[5] Личность не установлена.

39
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 29 июня
Annemasse[1]

Дорогой Павел,

третьего дня я получил от Бринштейна письмо[2], в котором он умоляет меня содействовать соглашению между его товарищами и нами относительно фонда для изданий[3]. Письмо произвело на меня очень хорошее и искреннее впечатление. Я написал ему, чтобы он обратился к Вам. Когда приедет, столкуйтесь с ним и о результате соглашения напишите Лаврову[4], как просил он.

Ваш Г. Плеханов

Привет Гринфесту и всем Вашим[5].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.10. А 9.8. Л. 1. Автограф на почтовой карте. Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Kephiranstalt. Zürich. Suisse». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 44–45. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю почтовой карты.

[2] Возможно, речь идет о письме Я. Бринштейна к Плеханову от марта 1888 г. с предложением опубликовать его брошюру «Ф. Лассаль, его жизнь и деятельность» в серии, открытой «Социа-

листическим литературным фондом». Плеханов ответил тогда на это предложение уклончиво, оговорив редактирование изданий только членами группы «Освобождение труда» (ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 532. Л. 1). «Социалистический литературный фонд» обращался также и к Аксельроду 24 июня и 20 июля 1888 г. (Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 305–307).

[3] «Социалистический литературный фонд» образован в 1887 г. в Цюрихе группой революционной молодежи, преимущественно принадлежащей к «молодым народовольцам» (А.И. Гнатовский (Преккер), С.М. Гинзбург, И.В. Дембо и др.). Вследствие неясности задач, которые ставил себе фонд, и стремления его руководителей к полной независимости от «старых народовольцев» и желания походить на социал-демократов вопрос об издании каждой брошюры вызывал бесконечные споры. Всего группой были изданы 2 брошюры – «Введение к критике философии права Гегеля» К. Маркса с предисловием П.Л. Лаврова (октябрь 1887 г.) и «Экономическое учение К. Маркса» К. Каутского с предисловием и примечаниями Н.С. Русанова (1888).

[4] Аксельрод написал письмо Лаврову 16 августа и получил от него пространный ответ 17 сентября 1888 г. См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 88–102.

[5] Предложение приписано по левому полю почтовой карты.

40
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, 30 июня
Морнэ[1]

Дорогая Вера.

Вы, может быть, и правы, ругая меня[2], но ей-богу, у меня есть смягчающие обстоятельства. Несколько последних дней я провел в возне с корректурами. Вчера и третьего дня был в городе, где не выходил из типографии, делая разные вставки и поправки к корректуре своей статьи[3]. Приходилось стоять над душой у наборщиков, чтобы они не перепутали примечаний, не водворили вставок на неподходящих местах и т[ому] под[обное]. Моя статья уже окончена набором. Два с половиной листа уже окончательно сверстаны и частью отпечатаны, а частью печатаются. (Остальные два листа верстаются). Вы, вероятно, скажете, что на поправки и вставки не нужно много времени, но мне приходилось бегать собирать книги, нужные для выписок (у одного Элпидина должен был выслушать длиннейшую историю о шпионах)[4]. До сих пор Яблонский сравнительно мало работал у нас, потому что занят был «Свободой»[5], теперь он набирает мою статью о грехопадении Тихомирова[6] и набирает быстро.

Гегеля вышлю вам через три дня, его долго не меняли по некоторым причинам, которые долго было бы излагать здесь, поэтому я еще не успел дочитать его.

Насчет письма моего в Цюрих Бринштейну[7] скажу Вам вот что. Я написал это письмо[8] в ответ на его просьбу как-нибудь уладить ссоры, вечно продолжающиеся в фонде. Клянусь Вам Гегелем и Марксом, что в этом письме ничего не было, кроме вежливых фраз, обязательных во всяком письме к незнакомому человеку. Что касается самого дела, то я сказал Бринштейну, чтобы он шел к Павлу: на чем Вы с ним согласитесь, на том и я стану, писал я. И все-таки Павел увидел в моем письме нарушение «дисциплины» и порчу «дела». Я принужден был оправдываться и извиняться перед ним[9].

Ваш «Интернационал» должен быть напечатан во что бы то ни стало[10]. Единственный Ваш довод насчет Лассаля (моего) не выдерживает критики, потому что Лассаль еще не готов[11]; а между тем народовольцы истратят деньги на затеваемый ими Календарь Народной воли[12].

«Интернационал» написан хорошо, если не по внешности, то по содержанию, такой работы еще нет в социалистической литературе. Итак, смиритесь в этом отношении и готовьте его к печати.

Если за это время я Вам не писал, то по поводу Вашего детища («Интернационала») написал несколько писем, а вчера лично убеждал Полозова на этот счет. Он согласен и уверяет, что и другие народовольцы согласятся. Григорьев набирает крайне лениво, по его словам, у него болят глаза, но это, в сущности, предлог. Кажется мне также, что его молодая супруга боится очень за его здоровье. Когда я был в Женеве и упросил Григорьева взяться за работу, она прибежала сама и, сказавши: «Он устал, я его сменю», – стала работать за него и проработала несколько часов (а он перед этим успел набрать не более десяти строк).

Теперь, после моего пребывания в Женеве, его рвение, может быть, оживится на день, на два. К счастью, работы уже немного. Ходил также к Турскому[13] и настоятельно требовал денег за квартиру и за типографию. Он обещался ко вторнику, наверное. Я сказал, что иначе возьмем типографию в свое исключительное пользование. Надеюсь, что он сдержит слово, и тогда можно будет, пожалуй, Вас выкупить. С типографией все благополучно, за квартиру мы заплатим из своих. За бумагу частью заплачено, частью – кредит. Словом, будьте спокойны. Крепко жму Вашу руку

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.8. Л. 1 – 3 об. Автограф. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 13–16. Фотокопия с автографа. Опубл.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 8. М., 1940. С. 244–245 (с сокращением); Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 232 (начало письма); 230–231(продолжение и окончание). При публикации были перепутаны части текстов двух разных писем. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию предыдущего письма Г.В. Плеханова к П.Б.Аксельроду, отправленному из Женевы 29 июня.

[2] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[3] Речь идет о статье о Г.И. Успенском из серии «Наши беллетристы-народники», напечатанной осенью этого же года в сборнике «Социал-демократ».

[4] *Речь идет о разоблаченных в Швейцарии агентах германской полиции, из которых один с провокационной целью редактировал анархическую газету, проповедовавшую террористические акты.* – Прим. Р.М. Плехановой.

[5] «Свобода» – орган русской интеллигенции. Выходил в Женеве в 1888 г. Г.В. Плеханов написал рецензию о первых семи номерах этого органа. – См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. IV. С. 269–271.

[6] Имеется в виду рецензия Г.В. Плеханова на книгу Л.А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером» для сборника «Социал-демократ». – См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. III. С. 41– 44.

[7] См. прим. 2 к док. 39.

[8] Письмо опубликовано: Литературное наследство. М., 1935. № 19–21. С. 296.

[9] См. док. 38.

[10] Речь идет о книге В.И. Засулич «Очерк истории Международного общества рабочих». См. прим. 7 к док. 25. Плеханов настаивает на принятии предложения «Социалистического литературного фонда» о финансовой поддержке ее издания. Сохранилась расписка П.Б. Аксельрода «Фонду» (см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 308) от 30 августа о получении 214 франков на издание книги. Однако издана она была только в 1889 г. в «Библиотеке современного социализма».

[11] Речь идет о второй части брошюры Плеханова «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность», напечатать которую ему предлагал «Социалистический литературный фонд». Первая часть вы-

шла в 1887 г. в Женеве в издании «Библиотеки современного социализма». Однако вторая часть брошюры на русском языке так и не появилась.

[12] Издание осуществлено не было.

[13] *«Он взял квартиру и типографию группы «Освобождение труда», когда у нее не было работы, во временное пользование, но был неаккуратен во взносах следовавшей с него платы».* – Прим. Л.Г. Дейча.

41
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, 23 июля
Женева[1]

Вера Ивановна,

сборник[2] будет кончен, может быть, на этой неделе. Но вот в чем дело, необходимо поместить некролог Мечникова[3]. Обязательно. Идите сейчас же к Кончевской[4] и попросите ее ответить на мое письмо. В письме я просил ее сообщить данные для некролога. Идите сейчас же. Медлить нельзя. Сборник остановится. Вы видите, что я в Женеве. Спешу. Целую Вас.

Ваш Жорж

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.19. Л. 1. Автограф с поздними пометами Л.Г. Дейча. на почтовой карте. Адресовано: «Madame Beldinsky. Maison Cochard. Baugy-sur-Clarens.». РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 2. Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 231–232. Публикуется по автографу.

Примечания

[1]Датируется по почтовому штемпелю.

[2] «Социал-демократ».

[3] Л.И. Мечников умер 18 июня 1888 г. Некролог Г.В. Плеханова о нем напечатан в первой книге «Социал-демократа» (1888. С.219–222).

[4] Кончевская Надежда Владимировна – падчерица Л.И. Мечникова.

42
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, после 23 июля
Аннемас[1]

Дорогая Вера Ивановна,

вчера получил Ваше письмо[2], сегодня утром отвечаю на него, но когда Вы получите мой ответ, не знаю; вероятно, не раньше понедельника. Приезжает сюда Ингерман, и я надеюсь у него достать некую сумму для Вашего выкупа[3]. Но только надеюсь, уверенности у меня нет. Проклятый сборник[4] поглощает массу денег. Мне с ним немало возни, как Вы можете себе представить. То корректуры, то библиография, то хлопоты с Павловской статьей[5]. Она недурна, но была бы еще лучше, если бы у нас в руках было уже окончание. К сожалению, у нас только начало. Почти уверен, что он опоздает с концом, но что прикажете делать? Без летописи рабочего движения выпускать сборник обидно. Кажется, ведь было у Павла вре-

мя написать свою статейку, ведь сколько тянулся набор, нет, он все-таки ухитрился опоздать! Ну, да зато недурно написал теперь. Чем меньше он сидит за статьями, тем лучше они у него выходят. Это странно, но выгодно для него.

Насчет Интернационала[6] из Цюриха мне ничего не пишут. Ради всего святого, напишите Вы Павлу, чтобы он тормошил народовольцев и хотя бы силой взял у них деньги на издание, это необходимо. Пора напечатать Интернационал, а то Вы не возьметесь за другое раньше его выхода.

Насчет своего выкупа не беспокойтесь, дайте только мне немного оправиться, покончить со сборником, который, вопреки моей воле и моему ожиданию, поглощает теперь все мои помыслы. Сколько раз я из-за него пешком бегал в Женеву, не имея денег на конку из Аннемаса! И утомляет он меня, и время отнимает, ну, да зато выйдет, я надеюсь, «приятная скотинка»[7]. Впрочем, скотинка эта подвергнется многим нареканиям. Это уже наша судьба. Некролог Мечникова получил[8].

Ваш Плех[анов]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.26. Л 1, 2 об., 3. Автограф с карандашными пометами Л.Г. Дейча. На равернутых оборотах письма – фрагмент статьи Г.В. Плеханова «Как добиваться конституции? (Разговор конституционалиста с социал-демократом)», напечатанной в сб. «Социал-демократ» (1888. Кн. 1. С.3–27). Фрагмент представлен черновым автографом Г.В. Плеханова и копией В.И. Засулич. Опубл.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 8. М., 1940. С. 246–247; Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 229–230 (первая половина письма), 232–233 (вторая половина письма). При публикации были перепутаны части текстов двух разных писем. Публикуется по автографу.

Примечания

1 *Аннемас* – небольшой городок во Франции, на границе с Швейцарией, находившийся на расстоянии получаса езды конкой от Женевы. Плеханов жил вблизи Аннемаса, в деревушке Морнэ. Датируется по почтовой карте Г.В. Плеханова к В.И. Засулич от 23 июля 1888 г., в которой идет речь о необходимости срочно выслать сведения о Л.И. Мечникове для некролога. См. док. 41.

2 Письмо В.И. Засулич не разыскано.

3 См. прим. 5 к док. 37.

4 «Социал-демократ».

5 Имеется в виду статья П.Б. Аксельрода «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь», которая была опубликована в сборнике.

6 См. прим. 12 к док. 39.

7 Любимое выражение В.И. Засулич о нравившихся ей людях, вещах, книгах.

8 Имеются в виду биографические сведения о Л.И. Мечникове, полученные Плехановым от Н.В. Кончевской-Шишко для некролога. См. док. 41.

43
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 25 июля[1]
Аннемас

Kephir Axelrod. Zürich. Pas encor recu article[2]. Envoyez necessaire. Plekanoff[3].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.10. Л. 1.
Телеграмма на бланке. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании содержания следующего документа.
[2] Речь идет о статье П.Б. Аксельрода
[3] Кефир Аксельрод. Цюрих. Статью еще не получил. Срочно высылайте. Плеханов (*фр.*).

44
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 26 июля
Женева

Kephir Axelrod. Zürich. Votre article excellent inutile[1]. Changez nous l'imprimons. Finissez vite lettre express suite. Plechanoff[2].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.11. Л. 1.
Телеграмма рукой неустановленного лица, на телеграфном бланке. При телеграмме конверт с почтовым штемпелем «Telegraph. 26.VII.88. Zürich». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Речь идет о статье П.Б. Аксельрода.
[2] Кефир Аксельрод. Цюрих. Ваша статья превосходна. Менять ничего не нужно. Мы ее напечатаем. Заканчивайте быстро. Письмо экспресс-почтой следует. Плеханов (*фр.*).

45
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 26 или 27 июля
Морнэ[1]

Дорогой Павел,

пишу на Вашей телеграмме[2], ибо почтовой бумаги не имею. Лучшего начала для статьи о рабочем движении, чем начало Вашей статьи[3], я и придумать не могу. Если бы статья была уже окончена и рукопись находилась бы у меня в руках, то я напечатал бы ее даже против Вас. Теперь не могу употребить силы и потому прошу, кончайте эту статью. В выносках нужно будет сделать несколько фактических примечаний относительно склонения trade-union'ов[4] влево. Таких фактов немало в «Социал-демократе»[5]. Один я поставил в текст. Именно, когда Pall Mall Gazette напечатала свои разоблачения: Maiden Tribute of Modern Babylon[6] (кстати, справьтесь, так ли это все пишется: имя газеты, статьи и год события, кажется, 1885). Продолжение должно быть, по-моему, таково: 1) о прошлогоднем конгрессе социал-демократов Германии[7], 2) о скандалах со шпионами (в Цюрихе и в Рейхстаге)[8], 3) изгнание Бернштейна, как месть Бисмарка[9]. Буланжизм[10] во Франции (два слова). Посылается Вам ci-joint[11] корректура статьи Лафарга (не ахти какая статья) для сведения и руководства[12]. Хорошо бы поговорить о кандидатурах Генри Джорджа в Америке и о недавних его ссорах с ра-

бочими организациями (об этих ссорах Мак-Гахан в «Русских ведомостях»). В своей статье Вы противопоставляете отношение английских рабочих к Интернационалу с тем, что теперь «Парламентский комитет» созывает международный конгресс[13]. Но ведь и тогда именно в Англии возникла мысль о создании международного общества. Значит, противопоставление неубедительно. Я его устранил, а вместо него поставил такое место: современные английские рабочие союзы нередко делают заявления, способные привести в уныние сторонников буржуазного порядка[14]. Напомним хоть то, как высказались эти союзы несколько лет тому назад по поводу разоблачений Pall Mall Gazette (справьтесь, так ли пишется) относительно лондонской проституции. Приглашенные послать своих депутатов на созванный по этому поводу «митинг негодования», они заявили, что современный разврат исчезнет лишь с исчезновением современного общества. Это было сообщено в «Социал-демократе» тем летом, когда я жил у Грейлиха (кажется, один из августовских №№). Справьтесь, верно ли написано: Maiden Tribute of Modern Babylon. В «Социал-демократе» Вы найдете много фактов относительно отклонения tr[ade]-union'ов влево. Торопитесь, продолжение должно быть и не очень велико, и не очень мало.

Имейте в виду, что, кроме Вашей статьи, все набрано. В четверг набирают Вашу. Я теперь в Морнэ. Но письмо и телеграмму Райчин отправит из Женевы[15].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.12. Л. 1–4.
Автограф. На обороте л. 1–2 – телеграмма П.Б. Аксельрода С.Г. Райчину от [23] июля 1888 г. следующего содержания: «L' article envoyé. Dimanche je ferais un nouweau si on peut attendre jusque vendredi. J'attends reponse Plekhanoff. [Статья выслана. В воскресенье будет новая, если можно подождать до пятницы. Я жду ответа Плеханова. (фр.)]».
На оборотах л.3–4 – фрагменты рукописи статьи Г.В. Плеханова «Гл.И. Успенский», напечатанной в первой книге «Социал-демократа». Фрагменты представлены автографом Плеханова и копией, сделанной рукой В.И. Засулич. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 47–50; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2. М., 1973. С. 295.
Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по телеграмме Г.В. Плеханова П.Б. Аксельроду от 26 июля 1888 г. «Votre article excellent. Inutile changez. Nous l'imprimons. Finissez vite. Lettre express suit» [Ваша статья превосходна. Ничего не нужно менять. Мы ее напечатаем. Скорее заканчивайте. Экспресс-письмо следует»] (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.11). (На л. 3 публикуемого письма, в нижней правой четверти его, имеется черновая запись телеграммы Плеханова с подсчетом количества слов). Публикуемое письмо и является тем самым, о котором идет речь в вышеприведенной телеграмме Плеханова.

2 См. археографическую легенду.

3 Имеется в виду статья П.Б. Аксельрода «Рабочее движение в начале шестидесятых годов и теперь», опубликованная в первой книге сборника «Социал-демократ» (С.132–188).

4 Тред-юнион, профсоюз (*англ.*).

5 Речь идет о газете *«Der Social-Demokrat»*.

6 *«Дань женщинами в современном Вавилоне» (англ.). Подробное изложение этих разоблачений дано в цюрихском «Der Sozial-Demokrat» от 3.XI.1885 г. Упоминаемой Г.В. Плехановым встав-*

ки в статье П.Б. Аксельрода в сборнике «Соц[иал]-дем[ократ]» не имеется, – она была, очевидно, исключена в корректуре. Вообще статья П.Б. Аксельрода в окончательной ее редакции построена по иному плану, чем предложенный в настоящем письме Г.В. Плехановым. – Прим. Б.И. Николаевского.

[7] Конгресс в С.-Галлене (Швейцария) состоялся в октябре 1887 г.

[8] *Разоблачение 12 агентов германской полиции, из которых один, Шретер, редактировал анархистскую газету, проповедовавшую террористические акты, вызвало большой шум в прессе и рейхстаге и имело своим результатом провал внесенного правительством проекта усилений репрессий против социалистов* (См. прим. к док.). *Подробно вся эта история рассказана Бебелем в его мемуарах.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] *После разоблачения и высылки из Швейцарии упомянутых выше шпионов германское правительство добилось от швейцарского Bundesrat'а компенсации – высылки из Швейцарии четырех германских с.-д., являвшихся ответственными руководителями и организаторами издания и распространения «Der Sozial-Demokrat»: Э. Бернштейна (редактор), Моттелера, Таушера и Шлютера. Постановление об их высылке напечатано в «Der Sozial-Demokrat» от 28. IV.1888 г. В качестве главного обвинения в мотивировке этого постановления стоит «Der rothe Teufel» – сатирический с.-д. журнальчик, который «в стихах и в прозе, а также в карикатурах» жесточайшим образом высмеивал кайзера и его семью.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *«Буланжизм»* – шовинистическое движение во Франции, возглавленное генералом Ж.Э. Буланже. Возникло в конце 80-х гг. XIX в. в условиях политического и экономического кризиса Третьей республики, когда Буланже в целях установления военной диктатуры использовал недовольство народных масс и мелкой буржуазии политикой господствующей крупной буржуазии. Вначале движение пользовалось поддержкой радикалов, хотя главной опорой Буланже были монархисты, с которыми он поддерживал тайные связи, крайние националисты, мечтавшие о реваншистской войне против Германии, и клерикалы. Выступая с воинственными речами, Буланже в то же время в демагогических целях выдвигал требования пересмотра конституции и роспуска парламента. Представляя блок социально и политически разнородных оппозиционных элементов, буланжизм достиг своего апогея в конце 1888 – начале 1889 гг., когда Буланже был избран в Палату депутатов. Однако после его бегства в Бельгию (1889) движение быстро пошло на убыль. О нем П.Б. Аксельрод в своей статье совершенно не говорит.

[11] При сем (*фр.*).

[12] Статья П. Лафарга «Парламентаризм и буланжизм» напечатана в сборнике «Социал-демократ» с примечанием редакции, направленным против имевшейся в статье некоторой немарксистской критики парламентаризма.

[13] *«Парламентский комитет» – исполнительный орган Британского конгресса тред-юнионов. Состоял из депутатов Палаты общин – деятелей рабочих организаций (тогда эти депутаты не составляли еще отдельной фракции в Палате) и был образован в 1871 г. со специальной целью борьбы с законами, направленными против рабочих; по своему составу этот комитет был очень и очень умеренным и чуждым социалистических симпатий. К 1887 г. конгресс тред-юниоров (в Свансее) постановил принять меры к созыву международного съезда представителей рабочих организаций, поручив проведение этого решения «Парламентскому комитету». Съезд этот состоялся осенью 1888 г. в Лондоне; условия допущения на него были таковы, что сделали невозможным участие в нем с.-д. Германии, Австрии и т.д.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[14] *В окончательной редакции эта вставка (без идущего далее в письме примера) сохранена, но восстановлена и опущенная Г.В. Плехановым параллель между положением дел прежде и теперь с некоторым изменением; указано, что в 1864 г. «только некоторые из ремесленных союзов в Англии приняли участие в совещании инициаторов Интернационала», – «теперь же конгресс всех ее больших...союзов...взял на себя инициативу созыва международного съезда представителей пролетариата» («С.-Д.», стр. 140).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[15] Последние четыре предложения приписаны по левому и верхнему полям последнего листа письма.

46
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, конец июля[1]
Морнэ
Maison Laruaz, Morneux,Haute Savoie France

Дорогой Павел,

одновременно с письмом к Вам посылаю письмо в Женеву, с тем, чтобы Вам выслали 2 экземпляра отпечатанных листов «Очерка истории Интернационала» Веры Ивановны[2]. Я придумал следующее.

Предложим цюрихскому фонду[3] напечатать рукопись Веры (остается еще листов 8). Предмет[4] ее ручается за то, что не будет в ней никакой «полемики». Имя автора придает большой интерес произведению, так что оно, наверное, сильно будет расходиться в продаже. Лаврову можно было бы послать для просмотра отпечатанные 2 листа или даже посылать рукопись по мере ее подготовки к печати (она, собственно, готова, но Вера сделает еще кое-какие поправки)[5]. Право, я не вижу причин, по которым цюрихшане могли бы отказать в выдаче денег на напечатание этой работы, деньги же у них есть, чуть не до тысячи франков. Теперь они, кажется, хотят переиздать «Календарь Народной воли»[6]. Но ведь это уже была бы чистая пропажа денег. «Интернационал» Веры написан так хорошо, что я не знаю другой подобной работы в европейской литературе. Переговорите-ка с Бринштейном и куйте железо, пока горячо. «Интернационал» можно было бы набирать сейчас же за выходом сборника (которого у нас есть уже 8 листов). Отвечайте скорее. Напишите также, можете ли Вы приехать в Морнэ для поправки здоровья, право, это стоило бы Вам не дороже, чем жизнь в Цюрихе.

Привет всем Вашим.

Ж[орж]

P.S. Листы посылаются Вам для показа публике (власть имеющей) и отсылки Лаврову.

Адрес Лаврова: 328, Rue St. Jacques[7].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.9. Л. 1 – 2.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 45–46; ЛНП. 8. С. 246–247.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Возможно – 26 июля. См. док. 48.

[2] Первые 3 главы «Очерка», которые опубликованы в «Социал-демократе».

[3] См. прим. 3 к док. 38.

[4] Слово «предмет» надписано сверху вместо зачеркнутого слова «содержание».

[5] Корректурные листы П.Л. Лаврову были посланы, и он, формально высказавшись за издание брошюры В.И. Засулич на средства фонда (см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С.92 – 101; 308), в переписке с фондом, тормозил дело, предлагая раньше выпустить сделанный кем-то из народовольцев перевод «18 брюмера» К. Маркса. В конце концов «цюрихшане» нашли брошюру Засулич слишком социал-демократической, и план ее издания не осуществился. «Очерки» были изданы самостоятельно группой «Освобождение труда» в 1889 г. в серии «Библиотека современного социализма» (№ 8).

[6] Позднее этот план был изменен, и предполагалось издание «Русского социально-революционного календаря на 1890 г.», под редакцией П.Л. Лаврова. Объявление об этом было напечатано в № 1 журнала «Социалист».
[7] Предложение приписано по левому полю оборота первого листа.

47
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 3 августа
Аннемас[1]

Дорогой Павел,

одновременно с картой к Вам, посылаю карту Гуковскому. Относительно его предложения решительно ничего сказать теперь не могу. Надо подождать до осени. Моя январская попытка говорить в Цюрихе под русский Новый год отозвалась очень печально на моем общем состоянии[2]. Здоровье мое стало гораздо хуже. Только в Божи я оправился опять от последствий этой попытки. Но может быть, что к осени здоровье мое укрепится, и тогда я непрочь взяться за чтение. Послали ли вы конец вашей статьи Райчину? Статья мне очень нравится, но нужно торопиться с ее окончанием. Все остальное уже готово[3].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.13. Л. 1. Автограф на почтовой карте. Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Kephiranstalt. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С.50. Публикуется по автографу.

Примечания
[1] Датируется по почтовому штемпелю почтовой карты.
[2] См. док 25.
[3] Сборник «Социал-демократ».

48
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 4 августа
Женева[1]

Дорогой Павел,

что же Вы ничего не пишете о решении народовольцев (или вообще фонда[2]) относительно издания «Истории Интернационала»?[3] Для нас это издание было бы очень полезно, а потому нам нужно напрягать все усилия, чтобы добиться согласия на него фонда. Если народовольцы не согласны, то, по-моему, нашим сторонникам следовало бы выступить из фонда как из учреждения, явно враждебного всем социал-демократам и их изданиям. В самом деле, что могут иметь народовольцы против «Истории Интернационала», да еще В.И. Засулич? Пишите, пожалуйста. Отослали ли Вы конец Вашей статьи?[4]

Пишите. Привет Вашим.

Г. Плеханов

P.S. Вопрос об издании «Интернационала» необходимо решить раньше выхода сборника[4].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч.1. Ед. хр. 10. А 9.14. Л. 1.
Автограф. При письме конверт с адресом: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33 Zürich. Suisse». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 50.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте. Место: наверное, из Морнэ через Женеву.
[2] См. прим. 7 к док. 38.
[3] См. прим. 12 к док. 39; а также док. 42.
[4] См. прим. 5 к док. 41; а также док. 44.
[5] Предложение приписано по верхнему полю листа письма.

49
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, 14 августа
Морнэ[1]

Дорогая Вера Ивановна,

как Вам, вероятно, уже сообщил Николай Николаевич[2], я непременно напишу прибавление к статейке «Неизбежный поворот»[3]. Ко мне теперь некоторые народовольцы пристают, чтобы я разделал его под орех. Из Берна, может быть, даже денег пришлют для издания брошюры, в которой я должен был бы высадить Тихомирову днище (см. Успенского). Как Вы думаете, браться ли[4]? Вообще будьте покойны. Ну, чернила не пишут и уже час ночи. Весь вечер правил корректуру павловской статьи[5] (он, шельма, ужасно невнимателен к опечаткам, даже самым грубым). Пишу, чтобы завтра утром Роза могла взять письмо с собой в Женеву. Это скорее. В четверг или пятницу кончаем набор и корректуру[6]. Покойной ночи, милая Верочка, страшно устал. Крепко целую Вас.

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.9. Л. 1–2.
Автограф. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 11–12.
Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 233–234; Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 8. М., 1940. С. 247–248. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по ссылке Л.Г. Дейча на почтовый штемпель на конверте, утраченном в настоящее время. В правом верхнем углу первого листа помета Л.Г. Дейча: «[Дата на почт. штем. 14–VIII–88] и приписка Р.М. Плехановой «Из Морнэ (в Божи над Клараном)»
[2] Н.Н. Лопатин.
[3] «Неизбежный поворот. "Революция или эволюция?"» – статья Г.В. Плеханова против Л.А. Тихомирова, опубликованная в первой книге сборника «Социал-демократ».
[4] Плеханов написал третью статью против Тихомирова – «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова», которая вышла в 1889 г. в Женеве в издании «Русского социал-демократического союза».
[5] См. прим. 5 к док. 41; а также док. 44 и 46.
[6] Сборника «Социал-демократ».

50
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, не позднее 20 августа
Женева (указано место отправления – Морнэ)[1]

Дорогая Вера Ивановна,

вполне сочувствую Вашему положению в Божи, потому что нечто подобное случилось и со мной в Морнэ. Наехало пока еще немного, но кандидатов множество. Не особенно отрадно то, что эти кандидаты наведываются ко мне прежде, чем идти искать себе комнаты, так что хозяйка справедливо называет меня regisseur'ом Mornex[2]. В нашем доме есть другая квартира. Хозяйка, было, согласилась оставить ее за Ингерманом с товарищем. Но Ингерман определенного ответа относительно согласия своего взять квартиру не давал, а тем часом явился Турский и предложил ей хорошую цену. Хозяйка растаяла и отдала ему квартиру. Теперь он наш сосед. И нужно отдать ему справедливость, сосед он очень деликатный и вежливый. Даже и не думает мешать. Все сидит с своей больной дочерью. Для Ингермана я присмотрел другую комнату, жду его со дня на день. Из Женевы от наших не имею известий с самого понедельника. Каждый день жду их с корректурами[3], но их пока нет. Роза пойдет в Женеву, узнает. Надеюсь, что они уже все набрали. Пора бы уже и покончить. Что касается Ингермана, то я не понимаю, чем он может быть огорчен. Во-первых, ожидая его со дня на день (и в течение 2-х недель) в Морнэ, я очень естественно не посылал ему листов в Берн. А во-вторых, я ведь ему писал самым ласковым образом, пришлю Вам непременно листы, как только будет отпечатан конец моей статьи об Успенском[4], мне хотелось бы, чтобы Вы получили от нее цельное впечатление. Итак, обижаться ему решительно не за что. Но что он в Берне мог видеть «разговор»[5] – это, конечно, возможно: Павел раздает эти листы направо и налево, чего я очень не одобряю. Вы видите, что, по крайней мере, один из этих листов не уехал из Швейцарии, а послужил для удовлетворения праздного любопытства русско-швейцарской публики. Если будете писать ему, напишите об этом.

У меня лично теперь какой-то писательский раж, я охотно настрочил бы теперь массу статей. Недавно прочел я начало биографии Каткова в «Русском вестнике»[6]. Очень хочется мне написать о нем. Представьте, ведь он был гегельянец, правый, конечно, и еще дополненный философией Шеллинга. Ведь на почве гегельянства его и бить-то следовало бы. А у нас «Русская мысль» начинает пищать в том смысле, что, дескать, у Каткова был ум, да души не было. Ведь вот ослы, у них как раз наоборот: есть душонка, да ума нету. Ну, прощайте, пишите, скоро отвечу. Раньше приезда Ингермана о выкупе[7] ничего не знаю[8].

Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.14. Л. 1 – 2 об. Автограф с пометами Л.Г. Дейча. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 19–22. Фотокопия с автографа. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 236-237; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 3. М., 1973. С. 217–18. Публикуется по автографу.

Примечания

1 На конверте помета: 8 апреля 1889 г. Под этой датой письмо публиковалось ранее. Датируется по сообщению в письме о подготовке первой книги «Социал-демократа» (1888) и упоминанию

о предстоящем приезде С.М. Ингермана (в док. 42, датированном после 23 июля, речь идет уже о состоявшемся приезде последнего).

[2] Управляющий Морнэ (*фр.*). То есть агент по приисканию квартир.

[3] Речь идет о корректурных листах первой книги «Социал-демократа»

[4] Имеется в виду статья Г.В. Плеханова «Наши беллетристы-народники. Статья 1. Г.И. Успенский». Замысел статьи вынашивался Г.В. Плехановым несколько лет, в 1888 г. статья была написана и опубликована в первой книге «Социал-демократа», вышедшей в свет 20–23 августа 1888 г.

[5] Речь идет о статье Плеханова «Как добиваться конституции? (Разговор конституционалиста с социал-демократом)», напечатанной там же под псевдонимом Симплициссимус.

[6] Речь идет о статье: Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга, по документам и личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. № 1–4, 7, 8; 1889. № 2, 3, 8.

[7] См. док. 41 и 42.

[8] Последние два предложения приписаны по левому полю оборота второго листа письма.

51
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, после 20 августа
Морнэ[1]

Дорогая Вера Ивановна!

В субботу вечером у нас окончились работы в типографии по печатанию Сборника. [В] воскресенье утром я вернулся в Морнэ, усталый, как собака. В понедельник должны были прийти за шрифтом от Carey'я[2]. Я уже угостил наборщиков «article 4'ом»[3]. Сборник вышел в 16 листов. Статья Павла[4] страшно растянулась. Само собою разумеется, что сообразно с этим растянулись и расходы. Чистая беда, ей-богу. Сколько раз за это время я вспоминал Евгения[5], у которого мы жили, как у Христа за пазухой. Павел понятия не имеет о том, что значит издание при наших средствах. Дети перепортили у меня решительно все перья, так что писать письмо для меня чистая пытка. Возвращаюсь к делу. Павел ни корректуры своей статьи не правил, ни даже слога не исправил: это уже Жорж сделает,– рассуждает он, и мне приходилось немало возиться с его статьей. Кое-какие шероховатости и повторения все-таки остались. Это было неизбежно, так как он высылал свою статью клочками. Поправивши сегодня один клочок и отправивши его в типографию, я через неделю должен был править другой. Мог ли я помнить, в каких именно выражениях писал он в первом клочке?

Что касается до высаживания днища Тихомирову, то об этом меня просят и из Цюриха. Деньги будут, и потому я скоро (когда будут деньги) засяду опять за писание. Материал есть, так как Тихомиров дает богатый повод для всевозможных рассуждений о русских общественных вопросах. Думаю хорошенько заняться этой брошюрой. Надеюсь, что выйдет недурно. В библиографии я уже пробрал Тихомирова[6]. Крепко жму руку.

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.39. А.31.27. Л. 1 – 2 об. Автограф. Часть текста написана карандашом. В тексте пометы Л.Г. Дейча. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 7 – 10. Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 234–235; Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 8. М., 1940. С. 248. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по последним строчкам предыдущего док. 48 и первым строчкам настоящего письма. Очевидно, работы по набору сборника были окончены в субботу 18 августа. Упоминаемый в письме понедельник был 20 августа.

[2] *Carey (Карей)* – владелец французской типографии, в которой группа «Освобождение труда» печатала свои статьи, так как в собственной типографии происходил только их набор.

[3] Речь идет об угощении рабочих, обычном после окончания какой-нибудь определенной работы.

[4] Имеется в виду статья П.Б. Аксельрода «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь».

[5] Революционный псевдоним Л.Г. Дейча, который вел административные и финансовые дела группы.

[6] Плеханов имеет в виду свою рецензию на книгу Л.А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», вошедшую в отдел библиографии первой книги сборника «Социал-демократ» (Женева, 1888. С. 214–218).

52
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1888, 18 декабря
Кларан[1]

Дорогой Павел,

на днях Вера спрашивала меня, стоит ли выписывать «Историю» Вебера в переводе Андреева (т.е., Чернышевского)[2]. Вы просили ее узнать мое мнение на этот счет. Я отвечал утвердительно. Но только что прочел я в «Вестнике Европы» [и обнаружил], что переводчик Вебера как-то переделывает и поправляет его. К тому же не особенно удачно, так что «В[естник] Е[вропы]», вообще очень сочувственно относящийся к Андрееву, начинает ворчать. Довожу это до Вашего сведения и советую приобрести немецкий подлинник.

Что касается американских русских и их сборов[3], то мне очень хотелось бы, чтобы они просто напечатали «передано Аксельроду для известного ему употребления». Очень прошу Вас убедить их сделать так. «Ветеран революционного движения» мне не по сердцу. Еще раз прошу Вас исполнить эту мою просьбу, т.е. написать мне поскорее и поубедительнее[4]. Полученные же от них деньги прошу Вас выслать чеком на банк в Montreux. Я расплачусь с хозяином пансиона и хозяйкой моей комнаты, а также перешлю часть денег в Женеву своей семье. Вы, как семейный человек, прекрасно понимаете, что я был бы последним негодяем, если бы, занимаясь восстановлением своего здоровья, я предоставил бы свою семью произволу судьбы. До сих пор это почти так и было (т.е. нынешней осенью). Надежда Исааковна, вероятно, рассказала Вам о том, что Роза существовала благодаря ночным дежурствам у одной больной еврейки по 5 fr[anc] за ночь. Это всего 10 fr[anc] в неделю, да и еврейка-то скоро умрет. Кроме того, остались у меня еще некоторые долги в Морнэ. Ну, да Вы понимаете. Не замедлите, голубчик, высылкой денег, зачем заставлять людей нуждаться лишний день, когда есть возможность помочь им.

Привет Гринфесту и всем Вашим.

Еще просьба: нам с Верой очень нужен Taxil Delort «История Второй империи»[5]. Будьте отцом родным, поищите ее в вашем цюрихском Leseverein'e[6].

Адрес мой: M-r Plekhanoff.

Maison Cochard, Bàugy sür Clarens.

Чек пришлите в заказном письме[7].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.15. Л. 1 – 1 об. Автограф. При письме конверт. Адресован: «Herrn Paul Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Kephiranstalt. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 51–52 Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[2] Речь идет о «Всеобщей истории» немецкого историка Георга Вебера (Weber): «Allgemeine Weltgeschichte für die gebildeten Stande» (Leipzig, 1857–1880) в 15 томах. Русский перевод (второе издание труда) осуществило издательство К. Солдатенкова. Авторы перевода – Андреев (Н.Г. Чернышевский) и В. Неведомский. Н.Г. Чернышевский «вносил в свой перевод значительные изменения и поправки и делал сокращения, смягчая националистические и чересчур буржуазные взгляды автора» (*Рубакин Н.А.* Среди книг. Т. 2. М., 1912. С. 7).

[3] Г.В. Плеханов продолжал в это время испытывать материальную нужду. Русские рабочие в Америке и политэмигранты, с которыми у группы «Освобождение труда» были связи еще с 1886 г., организовали в его пользу денежные сборы.

[4] Сообщение об этих деньгах появилось в сборнике «Социал-демократ» в следующей форме: «В пользу ветерана через Г. 90 фр.».

[5] *Taxil Delord* (1815–1877) – французский публицист. Имеется в виду его книга «Histoire du second Empire» (1868–1875). Г.В. Плеханов использовал ее при написании статьи «Реакционные жрецы искусства и г. А.В. Стерн» (Свобода. 1888. № 15 (31 декабря (12 января 1889); 1889. № 1).

[6] Читательское общество (*нем.*) – городская библиотека.

[7] Предложение приписано по левому полю оборотной стороны листа.

53
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1888, 30 декабря
Женева[1]

Дорогая Вера Ивановна,

мне очень жаль, что Вы не поехали со мною[2]. Я издавна привык встречать Новый год в семье, а без Вас наша семья будет неполна. Во всяком случае, поздравляю Вас с Новым годом. Это письмо Вы должны получить завтра утром, значит, будет не слишком рано и не слишком поздно.

Крепко жму вашу руку.

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.10. Л. 1. Автограф. На почтовой карте со штемпелем получения: «31.XII.88.Clarens». Адресовано: «Madame Beldinsky. Maison Veuve Vincent. Baugy-sur-Clarens». РГАСПИ. Ф. 264. оп. 1. Д. 42. Л. 2. Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 235. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию и почтовому штемпелю.

[2] В.И. Засулич находилась в это время в Кларане.

1889

54
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, первая половина января
Морнэ [1]

Дорогой Павел,

от души благодарю Вас за предложение денег. Эта materia economica[2] часто бывает дозарезу необходима. Но именно поэтому с ней нужно обращаться очень бережно. Высылкой денег я прошу Вас немного повременить. Дня через 3 или 2 я попрошу Вас выслать прямо Розе франков 50–60, мне пока не нужно, а она живет почти совершенно на наличные, и потому ей такое подспорье будет очень важно. Очень часто она доходит до полнейшей крайности. Болезнь детей еще подбавила к экономической неурядице. Впрочем, теперь детям лучше. Насчет «Свободы» Вера Вам уже писала. О деньгах и речи не было. Мне просто захотелось поймать «Русский вестник»[3], а кроме «Свободы», теперь нет ни одного журнала, я и написал в «Свободу». Цюрихшане[4] всегда будут циничны в отношении к нам, и потому говорить о них излишне: пусть врут, что хотят.

О «Северном вестнике»[5] Вам также писала Вера. Я не вел переговоров. Я просто предложил редакции план одной статьи, но редакция даже и не ответила.

Перейдем к Вашей работе[6]. Насчет Бакунина я говорил еще Надежде Исааковне, когда она была здесь, что нужно прямо писать Элпидину от Вашего имени и что он, наверное, вышлет. Вы ничего не ответили мне по поводу этого совета; я думал, что молчание есть знак согласия и что Вы уже давно написали Элпидину, а, следовательно, получили и книги. Оказалось, что дело было не так. (Между прочим, когда Вы писали мне насчет Дементьева, то я думал, что главные сочинения Бакунина уже получены от Элпидина и что вы надеетесь получить от Дем[ентьева][7] какие-нибудь второстепенные, недостающие Вам брошюры). Будучи в Женеве, я говорил с Элпидиным и теперь я уверен, что Вы уже получили книги; если нет, напишите тотчас. Кроме самого Бакунина, Вам необходимо прочесть I том Герцена (Дневник его), где попадаются упоминания о Бакунине, а также «Былое и думы»[8] (Соч. T.VI и след[ующие], где вообще много данных для истории развития русской мысли тридцатых и сороковых годов. Советовал бы Вам также выписать от Элпидина статьи Анненкова: «Замечательное десятилетие» (1840–1850)[9]. Эти статьи печатались в «Вестнике Европы» семидесятых годов, точно года не помню. Советовал бы также Вам выписать из Петербурга, из магазина «Нового времени» или из Москвы «Биографию Станкевича», тоже соч[инение] Анненкова, Москва, 1858 г. Там много данных для той же эпохи, а ведь Бакунин играл в ней большую роль. Эта работа должна быть Вашим chef d'oeuvre'ом[10], не торопитесь, если не будет готова ко второй книжке, то подождем третьей или напечатаем отдельно (а Вы дадите для второй книжки статью о французском движении)[11]. Поэтому не торопитесь, не жалейте времени и труда, отделывайте эту работу как можно лучше. От Элпидина же Вы можете достать «Переписку Белинского» Пыпина[12] и «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Чернышевского[13]. Прочтите все это, статья Ваша только выиграет от этого. Повторяю, это будет или должен быть Ваш Hauptwerk[14]

(временный, конечно), поэтому не торопитесь. Очень советовал бы Вам ограничить работу одним Бакуниным, и так много будет работы, а Лаврова пока погодить бы трогать. Кстати, ведь на 2 книжку денег-то еще нет, а только они могут быть. Долевич[15] уехал в Париж, как-то там хлопотать о получении. Обещал дать, если удадутся хлопоты. Удадутся ли они? That is the question[16]. Пишите, помните, что Анненков называет Бакунина отцом русского идеализма, поэтому о русском «идеализме» Вам поговорить будет обязательно в статье. Поклон Гринфесту и всем Вашим.

Крепко жму руку.

Адрес Розы: 18, Chemin de la Cluse[17].

Пишу без марки не потому, чтобы пришел в конечное обеднение, а потому, что вот уже второй день страшная непогода, и я не могу пойти в Кларан для покупки марки, а вынужден бросить письмо в здешний почтовый ящик, здесь же марок достать нельзя. В ту минуту, как я дописываю письмо, происходит страшная снежная вьюга – вообще большая редкость в Кларане.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.16 Л. 1–4. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 52–55. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию в письме публикация Плеханова в журнале «Свобода». Это была статья «Реакционные жрецы искусства и г. А.В. Стерн», напечатанная в № 15. 31.12.1888 (12.01.1889) и № 1 за 1889 г.

[2] Экономическая материя (*лат.*).

[3] В статье «Реакционные жрецы искусства и г. А.В. Стерн» Плеханов подверг критике беллетристов «Русского вестника», в произведениях которых нигилисты являлись в «виде физических, нравственных и умственных уродов, развращавших русское общество…». – См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. X. С. 409.

[4] Русская народовольческая молодежь, жившая в Цюрихе.

[5] Какую статью Г.В. Плеханов предполагал писать для «Северного вестника», установить не удалось.

[6] Речь идет о предложении написать брошюру о М.А. Бакунине. См. прим.9 к док.25.

[7] Псевдоним *Я.И. Серпинского.*

[8] Дневник А.И Герцен начал вести с марта 1842 г., на последней странице тетради есть запись карандашом: «Перечитал в Лондоне 24 июля 1856», сделанная перед написанием соответствующих глав «Былого и дум». «Былое и думы» – эпопея и исповедь, вместившая Россию и Запад, идейно-политическую борьбу 1830–1860-х гг., философские раздумья и историю общественной мысли, картины быта и внутренний мир человека. «Дневник» и «Былое и думы» впервые опубликованы в десятитомном собрании сочинений А.И. Герцена (Geneve; Bale; Lyon. 1875–1879). Издание книги с пометами Г.В. Плеханова хранится в его личной библиотеке (РНБ АДП. Ф. 1093. Он. 7. Ед. хр. Д 6240 / 1–10).

[9] Г.В. Плеханов неточно дает ссылку на «Вестник Европы», в этом журнале «Замечательное десятилетие» П.В. Анненкова публиковалось в 1880 г. № 1–5.

[10] Шедевр, образцовое произведение (*фр.*).

[11] Статья о рабочем движении во Франции, обещанная читателям первой книги сборника «Социал-демократ» в заключительных строках статьи «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь», не была написана П.Б. Аксельродом.

[12] Точное заглавие рекомендуемой книги: «В.Г. Белинский, его жизнь и переписка» (Т. 1–2. СПб., 1876). Книга с заметками Г.В. Плеханова хранится в его личной библиотеке (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Д 6197).

[13] «Очерки гоголевского периода русской литературы» публиковались в литературном и общественно-политическом журнале «Современник» (СПб., 1855–1856). В личной библиотеке Г.В. Пле-

ханова хранится экземпляр «Очерков», вышедших 2-м изданием в Петербурге в 1893 г. с его пометами (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Д 17106).

[14] Главный труд (*нем.*).

[15] Под псевдонимом Долевич был известен Д.Е. Петров. В АДП сохранились 17 писем Д. Петрова (Долевича) к Г.В. Плеханову за 1898 – 1906 гг. (Ф. 1093. Оп. 3. Д. 590).

[16] В этом [весь] вопрос (*англ.*).

[17] Предложение приписано по левому полю оборотной стороны третьего листа.

55
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, 1 февраля
Кларан[1]

Дорогой Павел,

брошюра моя против Тихомирова уже набирается[2]. Я решил послать ее в набор прежде Вашего просмотра, потому что в рукописи была масса вставок и поправок. Конечно, Вы все-таки прочли бы ее, как прочтут ее наборщики, но мне хотелось, чтобы у Вас было цельное впечатление, а это немыслимо было при свойствах рукописи. Переписывать же не только не хотелось, но прямо физически было невозможно, писание утомляет меня чересчур сильно. Книги от Элпидина Вы, надеюсь, получили. Вы писали мне, что послали Розе деньги и спрашивали ее, не нужно ли ей еще. Откуда же у Вас деньги? Дело в том, что спрос на них, как Вы понимаете, у меня есть, но нужно знать, что, как и откуда? Во-первых, у Розы уходит служанка (она хочет жить без прислуги), которой нужно заплатить за несколько месяцев. Из присланных Вами 50 fr[anc] она, вероятно, уже заплатила ей, но в таком случае нейтрализзировалась получка. Значит, нужно послать еще сколько-нибудь для жизни (повторяю, кредита у нее нет). Притом в начале марта мне нужно будет уплатить женевскому домохозяину за квартиру порядочную-таки сумму денег. Спрашивается, откуда я возьму ее? Если к тому времени разбогатеет Долевич, то я стащу с него порядочный куш, но если нет? Начало марта – это последний срок. Напишите поэтому, какие именно средства имеются у Вас в виду (так мне показалось, но крайней мере). Шума из этого не делайте, как-нибудь справлюсь, но что можно сделать тихо, сделайте. Я теперь готовлю работу о славянофилах и западниках (собираю материал)[3] и доканчиваю понемногу статью о народниках[4]. Славянофилы очень занимают меня. Вообще о них и об их отношениях к западникам можно написать много интересного.

Адрес мой: Bangy, Pension Bangy, и все (конечно, Clarens).

РНБ. АДП. Ф.1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.22. Л. 1 – 1 об. Автограф. При письме конверт со штемпелем отправления «Clarens. 1.02.1889». Адресовано «Axelrod. 33. Mühlengasse. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 55 – 56. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[2] Речь идет о брошюре Г.В. Плеханова «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова» (предисловие датировано 3 марта 1889 г.).

[3] В период, к которому относится данное письмо, Г.В. Плеханов лишь мимоходом затронул эту тему (в статьях о Чернышевском); более обстоятельно он вернулся к ней в 1897 г., в статьях о русской критике и Белинском (в «Новом слове» за 1897 г.) и затем вновь, уже в 1900-х гг., – в статьях о Погодине и др.

[4] «Наши народники-беллетристы» – последний очерк этой серии (о С. Каронине) напечатан в обозрении «Социал-демократ» за 1890 г.

56

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, 4 марта
Кларан[1]

Дорогой Павел,

на Ваши замечания о моей брошюре я отвечу при отсылке корректуры второй части. Теперь же замечу, что нападать на революционеров, как ни заслужены эти нападки, мне не хотелось, потому что очень уж гадок сам Тихомиров[2]. Его в Париже охраняли шпионы, и он таскался каждое воскресенье в церковь (русскую). Хорош гусь? Теперь к моему спешному делу.

Вы сегодня (понедельник) утром получили мою телеграмму относительно высылки денег Розе. Послали ли Вы их? Она мне писала, что вот уже шесть дней, как у них ничего, кроме молока, не было. Денег ни сантима, молоко же давали в кредит. Ввиду этого (кстати, прошу Вас, чтобы об этом, кроме Вас и Надежды Исааковны, никто не узнал), ввиду этого всякие мои расчеты должны отойти на задний план. Завтра, 5 марта, мне необходимо заплатить женевскому домохозяину за квартиру: 250 fr[anc]. (двести пятьдесят). Все это время Розе не было решительно никакой возможности платить, она еле не умерла с детьми с голоду. Я как-нибудь сделаюсь. Сергей выручит, а нет, так уеду в Женеву, но не могу позволить, чтобы мою семью выгнали с квартиры. Поэтому прошу Вас немедленно же выслать, если это можно, телеграммой 250 fr[anc]. à Monsieur Frey, Corraterie, Genève. Напишите (это непременно надо сделать), что expediteur[3] G. Plékhanoff, Baugy, иначе он, получивши деньги, может все-таки требовать их с меня. Тотчас же по отправке дайте мне телеграмму, что дело сделано. Спешу кончить письмо, потому что почтовый поезд сейчас уходит. Обо мне не беспокойтесь. Вера теперь нездорова. Не пишите ей о моих делах. Это ее только может взволновать[4].

Ваш Жорж

P.S. За себя я заставлю платить Долевича.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.17. Л. 1–2. Автограф. В левом верхнем углу первой страницы письма надпись, сделанная рукой Л.Г. Дейча: «Дата отправления: Clarens. 1.II.89». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 57–58. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по фрагменту текста письма: «… завтра, 5 марта…».

[2] *П.Б. Аксельрод, сходясь с Плехановым в общей оценке общественного значения ренегатства Л. Тихомирова, считал его «несчастной жертвой нашего славянофильского социализма, словом народничества» (из его письма к Лаврову от 15.08.1888 г. – «Из архива П.Б. Аксельрода», стр. 34), настаивал на введении в брошюру о Тихомирове также момента оценки поведения некоторых эмигрантов-народовольцев, которые не желали видеть во всей этой истории элементов, придававших ей общественное значение, и все сводили чуть ли не к личной продажности Л. Тихомирова. П.Б. Аксельрод предлагал напомнить, что эти самые эмигранты еще недавно считали чуть ли не преступлением всякую критику проповедуемых Л. Тихомировым взглядов. Введение этого момента в брошюру, посвященную оценке тихомировского ренегатства, должно было явиться, по мысли П.Б. Аксельрода, предостережением против опасности некритического отношения к «вождям».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] Отправитель (*фр.*)

[4] *Р.М. Плеханова в этот период времени закончила свою докторскую диссертацию, но для того, чтобы приступить к врачебной практике, которая хотя бы отчасти вывела семью из материальной нужды, надо было выкупить диплом. На руках у нее было двое малолетних детей и один грудной. Отказаться от ночных дежурств не было возможности и не на кого было оставить ребятишек. Как ни скрывала Р.М. от Г.В. истинное положение вещей, но всего скрыть нельзя было, хотя в письмах к ней и во время свидания с семьей Г.В. был всегда весел и бодр; из писем видно, что он сильно переживал невзгоды дорогих ему существ.* – Прим. Б.И. Николаевского.

57

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1889, 20 марта
Женева[1]

Дорогая Вера Ивановна[2],

Ваше письмецо[3] пришло, или, вернее, получил (я дома не был) его я в то время, когда выдача книг в русской библиотеке уже прекратилась. В этом отношении придется ждать до субботы. Взять из здешней французской библиотеки на Route de Carouge, ей-богу, нет денег (но из этого не следует, чтобы Вы присылали из полученных Вами, не надо). Лучше попросите Хмельницкого[4] переменить Дон-Кихота[5] в Кларанской библиотеке или купить Вам Ариосто. Постараюсь как можно скоро приехать. Пишите о Вашем здоровье. Может быть, послезавтра выеду[6].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А. 31.12. Л. 1.
Автограф. на почтовой карте со штемпелем отправления: «20.III.1889. Geneve». Адресовано: «Madame Beldinsky. Maison Vincent. Baugy-sur-Clarens». Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 236. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[2] Находилась в это время в Кларане.

[3] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[4] О ком идет речь, установить не удалось.

[5] *Дон Кихот* – герой романа испанского писателя Сервантеса «Хитроумный рыцарь Дон Кихот Ламанчский».

[6] Последние два предложения написаны крупным размашистым почерком поперек теста почтовой карты.

58

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1889, 29 марта
Женева[1]

[2]Дорогая Вера Ивановна.

Я думал, было, что Вы решились последовать моему совету и воспользовались Кларанской библиотекой[3]. Я думал так, потому что Вы в прошлом письме ничего о книгах мне не писали. Но так [как] Вы Кларанской библиотекой воспользоваться не можете или не хотите, то я записался в Женеве. Книги сейчас будут посланы. Завтра думаю выехать, но ручаться, конечно, не могу.

Крепко жму Вашу руку[4].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А. 31.13. Л. 1. Автограф. на почтовой карте со штемпелем отправления: «29.III. 1889. Geneve». Адресовано: «Madame Beldinsky. Maison Vincent. Baugy-sur-Clarens. Cont. de Vaud». РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 3. Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 236. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[2] По верхнему полю почтовой карты рукой Л.Г. Дейча сделана отметка: «Открытка. Почт[овый]. штемп[ель]. Женева, 29.III.89 в Кларан».

[3] См. док. 53.

[4] Это предложение приписано по левому полю почтовой карты.

59

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, март[1]
Женева

Дорогой Павел,

в карте, которую Вы получили несколько дней назад[2], я писал Вам, что сообщу Вам новость, которая изгладит неприятное впечатление, произведенное на Вас «Свободной Россией»[3]. Дело вот в чем.

Начну ab ovo[4]. На меня лично «Своб[одная] Рос[сия]» произвела крайне тяжелое впечатление. Конечно, это обусловливалось не полемикой ее против нас, а больше всего воспоминаниями Бурцева. Из них я видел, что у всей той публики, которая называлась в последние годы социалистической, не только не было понятий о социализме, но даже и склонность, симпатия к нему была до крайности поверхностной. Я спрашивал себя, что же будет дальше? На кого можно рассчитывать? Что противопоставим мы либеральной пропаганде? В ответ на это я мог только сказать себе: ничего. Вы знаете, что здесь теперь множество «молодых народовольцев», приехавших из Цюриха. Я попытался объясниться с ними; мне хотелось поставить им на вид, что если они социалисты, то пора

было бы им выйти из того неопределенного положения, какое они занимали все это время. Разговор с ними затянулся до 2½ ч. ночи. Я был страшно утомлен, но опять-таки с сожалением и чуть не отчаянием видел, что столковаться с ними трудно. Они наговорили мне массу неопределенностей, из которых ясно следовало одно: что они не любят нас и, главным образом, меня[5]. Я уже, было, махнул на них рукой, но каково же было мое удивление, когда один из них, Раппопорт, пригласил меня к себе на другой день вечером и рассказал и показал ce qui suit[6].

1) У них в России возникает организация, по его словам, довольно широкая. Программа этой организации, которую он тут же прочел мне, почти целиком списана с нашей. В ней есть несколько наивностей, несколько неловкостей, но общий дух ее, несомненно, наш[7].

2) Упомянутая организация хочет завести здесь орган (пока это они держат в большом секрете) «Социалист». Прочтенная мне Раппопортом программа будет его передовой статьей[8]. Меня, Вас и Веру Ивановну приглашают работать в нем. Меня просят написать статью о политической свободе, Вас – хронику рабочего движения на Западе. Что сказать на это? (Не забудьте, что из всех других заграничных писателей будет приглашен только Лавров). Я ответил, что почти совсем согласен со статьей-программой, что статью о политической свободе дам, но требовал, чтобы Раппопорт повидался с Вами. Он обещал мне съездить в Цюрих по возвращении из Парижа, куда он поехал[9]. Как бы то ни было, мы можем сказать, что мы победили. О «Народной воле» в программе нет ни слова; правда, идет речь о терроре, но спрашивается, возможно ли нам открыто восставать против террора, когда даже «Свободная Россия» (а, следовательно, и Драгоманов) решила высказаться за террор. Все (и «либералы», и «социалисты») единогласно говорят, что молодежь даже и слушать не станет тех, кто будет говорить против террора. Ввиду этого нужно быть осторожными[10]. Я смотрю на дело так: мне кажется, что если бы «молод[ые] народовольцы», которые теперь будут называть себя социалистами-революционерами, только напечатали ту программу, какую мне показывал Раппопорт, то и это уже было бы огромным шагом вперед в смысле идейного развития нашего движения. Поэтому, повторяю, мне кажется, что нам нужно быть дипломатами. Мы переживаем теперь кризис. Молодежь может удариться в либерализм. Чтобы удержать ее, нужно быть уступчивым и мягким. С нетерпением жду результатов Вашего свидания с Раппопортом. Если Вы не сойдетесь с ним, то статьи-то все-таки можно будет дать, ведь это в наших интересах. Они говорят, что дадут им широкое распространение.

Крепко жму Вашу руку. Привет всем Вашим. Деньги Роза получила[11]. Кстати, из окончания моей брошюры[12] Вы увидите, что я несколько слов прибавил к ней по Вашему настоянию. Но прибавил немного. Лучше я все, что Вы хотели, напишу по поводу воспоминаний Бурцева[13]. Там действительно видно полнейшее падение. Ввиду переговоров с мол[одыми] нар[одовольцами] оказывается, что я хорошо сделал, не атаковавши их.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.18. Л. 1–4. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 58–62; Философско-литературное наследство Г.В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С. 156–158. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Почтовая карточка не найдена.

[3] Г.В. Плеханов называл позицию журнала «болотом». Направление журнала считал вредным для дела революции и П.Л. Лавров.

Кроме редакторов, в нем поместили свои статьи И. Добровольский, М. Драгоманов, В. Жук, Е. Серебряков; в руководящих статьях журнала проводятся мысли о невозможности «сорганизовать рабочих и крестьян вокруг революционного дела» (передовая статья № 1); единственная сила, на которую могут опереться революционные элементы в борьбе за свободу, – это общество (статья Вл. Дебагория-Мокриевича), а так как социалистические программы только отпугивают последнее, то революционерам необходимо выставлять одни политические требования; но и эти последние журналом ставятся в крайне расплывчатых или урезанных формулировках; так, например, пожелание о расширении избирательного права в городские думы сформулировано в след. виде: «желательно более разумное устройство выборов гласных от 3-го разряда городских избирателей» (по положению 1870 г.), «а также предоставление избирательных прав квартирантам» и «предоставление участия в избирательных сходах представителям от ремесленных обществ и артелей» («Опыт политической программы Свободной России», № 3). Прямая полемика против «с.-д.» в № 1 сконцентрирована вокруг выдвинутого сборником «Социал-демократ» положения о том, что «политическая свобода (в России) будет завоевана рабочим классом, либо ее совсем не будет»; кроме того, в статье Драгоманова о «Земском либерализме в России» имеется выпад об «устранении» «Чернопередельческой с.-д-тии» из «Вольного слова», совершенно неправильно освещающий эпизод с выходом П.Б. Аксельрода из этого журнала. Воспоминания Вл. Бурцева говорили о настроениях революционной молодежи в России за период идейного разброда 1883–84 гг. – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] Сначала (лат.).

[5] *О характере этих нападок «молодых народовольцев» на деятельность группы «Освобождение труда», и особенно на Г.В. Плеханова, интересное свидетельство имеется в письмах См.: Гинсбург к Лаврову («Голос минувшего» 1917 г., № 7–8; Гинсбург была очень близка именно к тем молодым народовольцам, о своем споре с которыми рассказывал Плеханов); вернувшись в конце 1887 г. за границу из поездки по России («Обвинительный акт» по делу Гинсбург устанавливает иную дату ее выезда из России – январь 1888 г. – «Социал-демократ», т. IV, стр. 56), Гинсбург писала Лаврову о настроениях в революционных кружках в России: «Изданиями группы «Освобождение труда» Россия «наводнена»; «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» «имеют свое влияние и влияние сильное, с которым нам придется считаться. Отрицание политической борьбы, борьбы, как мы ее понимаем, и обоснование своих положений якобы историей Европы, по-моему, – серьезное препятствие в нашей работе. Значение личности, значение интеллигенции в революции совершенно уничтожаются ими, и я лично видела людей, разбитые его [Г.В. Плеханова] теориями. И главное – его тон, смелый, как бы уверенный в своей правоте, его уничтожение всего прежде существующего, низведение деятельности предшественников к нулю – все это положительно влияет, тем более, что рядом является философия Толстого» (стр.231).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[6] Следующее (*фр.*).

[7] Программа «Социалиста» была изложена в передовой статье первого номера журнала. Именно о рукописи этой статьи и идет речь. См. ниже.

[8] Речь идет о документе, который напечатан в № 1 «Социалиста» в качестве передовой статьи от редакции. В нем анализировались коренные изменения в «устоях русской жизни», сводившиеся прежде всего к развитию капитализма, и доказывалась необходимость в России «создания социалистической рабочей партии со строго определенною программой», причем в своей деятельности эта партия может рассчитывать только на «городской пролетариат» «и ту часть интеллигенции, которая, отрекшись от всех своих сословных преимуществ и привилегий, станет на сторону народа», что эта партия должна «бороться только за необходимую нам демократическую конституцию, вырабатывая в то же время лишь элементы для будущей рабочей партии».

[9] Свидание П.Б. Аксельрода с Раппопортом не состоялось, так как приехавший в Цюрих в середине марта Раппопорт вынужден был, спасаясь от обысков, последовавших за взрывом бомбы (от которой погиб И.В. Дембо), немедленно уехать обратно в Женеву. Но Аксельрод с ним пе-

реписывался с 26 марта до середины мая того же года (см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 308–313).

Г.В. Плеханов и П.Б. Аксельрод приняли участие в «Социалисте». Первым для него была написана статья «Политические задачи русских социалистов» и 3 библиографические заметки; Аксельродом – «Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата. Письмо 1. (Вместо предисловия)» (впоследствии издано отдельно под названием «Задачи рабочей интеллигенции в России»). Сообщение Плеханова о том, что, кроме социал-демократов, сотрудничать в органе будет приглашен только П.Л. Лавров, оказалось неверным. Раппопорт в письмах к Аксельроду утверждал, что он такого обещания Плеханову не давал и что вышло, «очевидно, недоразумение». Кроме Плеханова и Аксельрода, в «Социалисте» были помещены статьи П.Л. Лаврова, Н.И Кашинцева, Е.А. Серебрякова и К. Тарасова (Н.С. Русанова).

[10] *Вопрос о терроре в программной статье «Социалиста» поставлен очень осторожно; о нем упоминается всего лишь один раз, в придаточном предложении: «Мы будем бороться всеми средствами, начиная с агитации и пропаганды, печатной и устной, и кончая террористическими актами, дезорганизующими самый центр правительства, смотря по тому, какое из этих средств скажется в данное время наиболее целесообразным и исполнимым». Характеристика отношения революционной молодежи конца 80-х гг. к террору, даваемая Г.В. Плехановым со слов приезжих из России, как мы теперь знаем, не отвечала действительности; на деле, наряду с группами сторонников террора, среди которых встречались и люди, считавшие себя учениками и последователями Плеханова (напр., группа Ульянова, Лукашевича и др. по делу 1 марта 1887 г.), были значительные группы воспитывавшейся на марксистской литературе молодежи, которым, наоборот, терпимое отношение группы «Освобождение труда» к террору казалось своего рода оппортунизмом.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[11] См. док. 54.

[12] Речь идет о брошюре Г.В. Плеханова «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова». См. прим. 2 к док. 52.

[13] Разбор этих воспоминаний дан Г.В. Плехановым в рецензии на «Свободную Россию», помещенной в № 1 «Социалиста» за подписью «Г.П.», а также в предисловии к «Речи П. Алексеева».

60

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, апрель – май[1]
Женева

Милый Павел,

Вы требовали от меня немедленного ответа[2]. Но, признаться, я, с одной стороны, очень утомлялся писанием статей для Раппопорта, а с другой – несколько опасался того, что письмо мое прочтет, вместо Вас, наш цюрихский экономист Ко́зак[3]. А так как этот экономист чересчур интересуется русской политикой и делится своими открытиями в ее области с русскими властями, то согласитесь, что мое опасение не могло предрасположить меня к словоохотливости. Я и теперь буду краток. Все Ваши опасения и подозрения я вполне разделяю. Что «социализм» интересующей нас группы может быть весьма поверхностен, – этого я не отрицаю. Но совершенно так же, как и Вы, я думаю, что сотрудничать у них не мешает. Ведь это ни к чему нас не обязывает. Если мы увидим, что эти господа начинают говорить вздор, то мы всегда можем выйти. Вот почему мне и хотелось бы, чтобы Вы непременно дали статью для первого №. Вместе мы будем влиятельнее. Что так названная Верой «тигра»[4] участвует в редакции, – это также возможно. Но нам-то что до этого? Пусть они [намечают свою программу. Пусть они][5] покажут, что взяли ее у нас. Это нам только выгодно.

В Париже Рап[попорта] не переубедили. Но Русанов писать будет. Я думаю, что он напишет вздор так же, как и Лавров. Но еще раз, нам до этого нет дела[6]. Постепенно мы или исправим их, или расстанемся с ними. Рап[попорт] мне обещал непременно послать Вам программу свою. Послал ли он ее? Что Вы о ней скажете? Вы пишете, что нам нужно действовать коллективно. Да, конечно же, коллективно. Без Вас я могу разве кому-нибудь дать статейку для журнала, но ни в какие прочные сношения, разумеется, не пойду.

Вера теперь еще не совсем здорова, так что едва ли она даст статейку для Рап[попорта] [7].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.19. Л. 1 – 1 об.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 62–64; Философско-
литературное наследство Г.В. Плеханова. Т. 1. М., 1973.
С. 158–159. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[3] *Козак, – доцент Цюрихского университета по кафедре статистики. Во время следствия по делу о «цюрихских бомбах», когда в Цюрихе было произведено много обысков среди русских эмигрантов и учащихся, он играл роль переводчика при следователе. Плеханов намекает, что у Аксельрода может быть обыск и его переписка попадет на просмотр к следователю, который, как было тогда установлено, делился результатами следствия с русской политической полицией.–* Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *«Тигрой» В.И. Засулич иронически называла молодую эмигрантку Н.Н. Слепцову (Винярскую). –* Прим. Б.И. Николаевского.

[5] При первой публикации заключенный в скобки текст был опущен.

[6] *Опасение, что «Париж испортит направление» журнала, было очень сильно; П.Б. Аксельрод, как видно из писем к нему Раппопорта, прямо писал последнему про это; в ответном письме (от 14 апреля 1889 г.) Раппопорт сообщал: «Ваши опасения, что орган потеряет в своей солидности и единстве направления, мне кажутся неосновательными. Со всеми заграничными эмигрантами-писателями, которые согласились принимать участие своим трудом, никаких обязательных отношений, в смысле помещения статьи во что бы то ни стало, не установлено. Всем предлагалась одна программа, с которой они в большей или меньшей степени согласились. Поскольку вопросы, затрагиваемые авторами, не будут идти вразрез с общим направлением, которое будет дано редакцией, и только постольку статьи будут помещаться. Так, например, Рус[анов-Тарасов] совершенно не согласен с нашею программою, но так как орган социалистический, то он и будет участвовать в нем, затрагивая такие вопросы, за которые ему «по шапке» (его собственное выражение) не дадут. Так что о том, что Париж испортит направление, по меньшей мере преждевременно говорить» («Из архива П.Б. Аксельрода», стр. 112–113). Забегая несколько вперед,, укажем, что оценка статей Тарасова в «Социалисте», данная Плехановым, не совсем совпала с оценкою Аксельрода; на имеющемся в нашем распоряжении экземпляре №1 «Социалиста», принадлежавшем П.Б. Аксельроду, имеется пометка,. сделанная рукою последнего: «Получил книги и прочее, статейка Тарасова недурна». –* Прим. Б.И. Николаевского.

[7] Это предложение приписано по левому полю оборотной стороны листа.

В № 1 «Социалиста» В.И. Засулич не участвовала, но она готовила статью для № 2 (см.: Группа «Освобождение труда». Сб. I. М., 1924. С. 210).

61
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, не позже мая
Женева[1]

Дорогой Павел,

по некоторым домашним делам я должен был поехать в Женеву, и потому пишу Вам уже отсюда. Статью Вашу[2] я прочел с большим вниманием и скажу Вам вот что: содержание ее мне нравится. С ним я, за исключением одного места, где Вы говорите о том, что политическая свобода не улучшила материального положения рабочих, – совершенно согласен. С этим местом я не согласен не в принципе; в принципе Вы правы. Но дело в том, что от конституции нельзя и требовать непосредственного улучшения быта рабочих. Поэтому, западные конституции нельзя и упрекать в том, что они не улучшили его. Ваши же слова (это в начале статьи) могут подать повод думать, что Вы делаете им этот упрек. Дальше Вы выясняете свою мысль, но впечатление уже сделано, и недоразумение у читателя может остаться. Но, повторяю, не в этом дело. Главное то, что в органе, предназначенном для интеллигенции, предисловие, в котором Вы обращаетесь преимущественно к рабочим, может показаться читателям неуместным, а потому и неинтересным. Правда, то, что Вы говорите, может быть поучительно и для огромного большинства так называемой интеллигенции. Но если иметь в виду ее, то нужно несколько изменить манеру изложения. Употребляемые Вами приемы популяризации опять-таки могут не понравиться интеллигентному читателю. Я лично держусь того мнения, что удобнее было бы вовсе обойтись без предисловия, касающегося русских дел. Почему не начать прямо с западноевропейского рабочего движения? В этом случае всякое предисловие, говорящее о западных делах было бы вполне уместно, но именно предисловие, говорящее о западных делах, а не о России. Если успеете, напишите другую статью для Раппопорта. Дня 3–4 или даже дней 5 он может подождать без вреда для журнала. По получении моего письма тотчас же известите меня о Вашем решении. Употребить [давление] на Раппоп[орта] в смысле помещения статьи я, пожалуй, и мог бы (хотя наверное не знаю). Но что за охота употреблять на людей давление, когда они сами должны просить у нас наших статей? Вы знаете, с каким интересом читает наша молодежь Ваши хроники рабочего движения. Отчего же не писать их? Вот все, что я имел сказать Вам о Вашей статье[3]. По-моему, она недурна, но успеха иметь не будет. А нам нужен успех, успех и успех. Ваша хроника может способствовать ему. Поэтому давайте хронику. О собственнике типографии Вам уже писала Вера. Привет всем Вашим. Здоровье Веры неопределенно, но, во всяком случае, bedenklich[4]. Больше нельзя теперь сказать[5].

P. S. Сейчас пришло мне в голову, что не написать ли Вам краткий (конечно, очень краткий) очерк истории немецкой социал-демократии со времени смерти Лассаля? Вы обратили бы особое внимание на отношение соц[иал]-дем[ократии] к правительству, с одной стороны, и буржуазии – с другой[6]?

Отвечайте тотчас в Женеву.

Посылаю без марки, ибо 10 часов вечера, лавки заперты.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.20. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и

П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 64–66. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] Имеется в виду статья П.Б. Аксельрода «Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата. Письмо 1-е», опубликованное в № 1 «Социалиста». Текст см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 515–528.
[3] Статья все же была напечатана в «Социалисте». Затем, в 1889 г., оттиск этой статьи вышел отдельной брошюрой; неудачное выражение, на которое указывает Г.В. Плеханов в начале письма, Аксельродом было соответственно изменено. С предисловием и послесловием автора статья вошла в брошюру Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России» (Женева, 1893).
[4] Наводит на размышления (*нем.*).
[5] Это предложение приписано по левому полю второго листа письма.
[6] Этот очерк П.Б. Аксельродом был написан. – См.: *Аксельрод П.Б.* Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг // Социал-демократ. Кн. 1–4. Женева, 1890–92.

62

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1889, июнь
Морнэ[1]

Дорогая Вера Ивановна,

Павел еще раньше Вашего письма[2] привез мне известие о том, что у Вас легкие не в порядке. По правде сказать, это меня не удивило, потому что я и раньше подозревал, что у Вас дело неладно. Вам приходится последовать моему примеру, т.е. примириться с фактом и стараться только бороться с болезнью (помните пыль, покрывающую всю Вашу комнату? Объявите ей войну), не ходите «на пятках»[3], потому что это не спасает от промачивания ног, и прочее, и прочее, и прочее. Скучная это материя, а делать нечего. Говорю Вам, последуйте моему примеру, я веду себя более или менее философом.

Насчет своей судьбы еще ничего не знаю, не мог добиться даже свидания с президентом полиции. Написал ему письмо, жду ответа[4]. Во всяком случае в Кларан я еще приеду, т.е., лучше сказать, вернусь. Павлу хочется послать меня на конгресс[5]. Если достанет денег, придется поехать. У меня есть некоторые финансовые расчеты для себя и для Вас (расчеты, которые могут оправдаться в Париже).

Пишите, ради бога, о себе побольше, не сердитесь на то, что я мало пишу и не смущайтесь этим. Ей-богу, мне и некогда иногда бывает, и из колеи я выбился окончательно. Вот и теперь спешу, как угорелый, нужно бежать вести переговоры с одной кредиторшей. Я страшно по Вас соскучился, и вообще мирное кларанское житье кажется мне теперь раем: здесь масса хлопот и забот. Крепко целую Вас и прошу пишите, пишите, пишите. В среду жду ответа[6].

Относительно «Социалиста» Вы, конечно, угадали: многим он нравится именно своею неопределенностью. Очень мне хотелось бы повидаться с Вами. Но когда еще увидимся? Впрочем, может быть, даже скорее, чем Вы жде-

те. Все зависит от некоторых финансовых операций. Секретарь президента сказал мне на ухо, что меня высылают за брошюры, следовательно за Тихомирова. Правду говорят, судьбы божии неисповедимы. Кто мог даже во сне увидеть это 5 лет тому назад. Моя высылка «vient de Berne»[7], хотя пока меня гонят только из Женевы.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.39. А.31.28. Л. 1 – 2 об.
Автограф. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 23 – 26.
Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда».
Сб. 3. С. 238; Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 8.
М., 1940. С. 249–250. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию письма.
[2] Письмо В.И. Засулич не разыскано.
[3] *Это выражение В.И. Засулич, означавшее ходить так, чтобы не промочить ступни, так как подошвы были у нее дырявые, а дать башмаки в починку не было возможности за отсутствием денег.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[4] Речь идет о высылке Плеханова из Швейцарии в связи с гонениями на русских эмигрантов, начавшимися в Швейцарии после взрыва бомбы во время опытов народовольца Дембо (Бринштейна) и Ясинского под Цюрихом в марте 1889 г. Плеханов хлопотал об отмене высылки, и эти хлопоты тянулись все лето. В итоге, после ряда отсрочек, Плеханов вынужден был покинуть Швейцарию. Чтобы быть ближе к Женеве, где осталась его семья, он поселился во французской пограничной деревушке Морнэ, где и прожил до 1894 г., когда его в связи с эксцессами анархистов во Франции и начавшимися там из-за этого гонениями на русских эмигрантов выселили и из Франции.
[5] Речь идет о Парижском международном социалистическом конгрессе, который работал 14–21 июля 1889 г. Приглашение на конгресс Плеханов получил через П. Лафарга.
[6] Это предложение приписано по левому полю оборота первого листа.
[7] Идет из Берна (*фр.*).

63

Подполковник Маслюков от имени Л.Г. Дейча – В.И. Засулич

1889, 17 (29)июня[1]
Карийск

Брат Ваш получил Ваше письмо[2] с извещением, что Вы выздоравливаете после длившейся несколько месяцев болезни. Его беспокоит теперешнее состояние Вашего здоровья. Он просит Вас как можно более беречь себя. Он думает, что причиной Вашего физического расстройства [является] небрежное отношение к себе. Обрадовало его известие, что Вы, наконец, получили письмо от сестры[3]. Его она до сих пор не уведомила, что Вы выздоровели, чему он очень удивляется. Его радует также сообщение, что Вы настолько поправились, что можете уже читать философию юриспруденции, но он очень удивляется, что Вы далеко не все в ней понимаете. Он просит Вас непременно постараться собрать словарь Брокгауза, так как в будущем году брат попросит Вас ему его выслать: он как-то просил Вас выслать ему Lippert'a Kultur Gesch[ichte][4]. Теперь она ему более уже не нужна, а если можете, вышлите ему другие сочин[ения] того же автора (о семье, о европейском духовенстве). Обещанных Вами ему в послед-

нем письме книг Др[а]гоманова и изданий междунар[одной] библиот[еки][5] он еще не получал. Он здоров, кланяется всем Вам и еще раз просит Вас беречь себя.

Отдельного Корпуса жандармов подполковник Масюков

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп.1. Д. 671. АД 1/29.26. Л. 1. Автограф Л.Г. Дейча (кроме подписи) на почтовой карте. Адресовано: «Швейцария. Женева. Г-же Бельдинской. A m-e- Beldinsky». Далее зачеркнуто: «Café de Vieux Pont. Plainpalais Genèv. Suisse e» и надписано другим почерком: «Maison Vincent à Clarens. Vaud». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Дата письма указана автором по старому стилю.

[2] Письмо не разыскано.

[3] Очевидно, А.И. Успенской.

[4] Наиболее значимыми сочинениями Липперта являются: Die Religionen der europäischen Kulturvölker, der Litauer, Slaven, Germanen, Griechen und Römer in ihrem geschichtlichen Ursprunge, B., 1881; Allgemeine Geschichte des Priesterthums, B., 1883; Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau, Bd 1–2, Stuttg., 1886–87 (в сокращ. рус. пер. – История культуры, СПБ., 1894).

[5] Вероятно, «Библиотеки современного социализма».

64
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1889, до 14 июля[1]
Морнэ

Дорогая Вера,

на конгресс я еду во всяком случае, хотя это мне и будет стоить очень дорого: Роза больна, денег нет, и в заключение заболела прислуга, которая была приглашена на время болезни Розы. Можете себе представить, какая масса хлопот у меня теперь. Книгу Вам по истории Англии вышлю, Ранке Geschichte Englands[2], в ней речь идет как раз о той эпохе, которая Вас интересует. Насчет естественных наук можете говорить в статье смело, хотя я и не помню, кто именно говорит так, как Вы думаете, но все натуралисты говорят и думают так, поэтому бояться преувеличения нельзя. За деньги большое спасибо, но еще не присылайте, потому что нужно же и Вам что-нибудь оставить. Письмо, которое Вы мне переслали вчера, – от Лафарга[3]. Он настаивает на том, чтобы я приехал на конгресс: ce sera une réponce à la trahison de Tikhomiroff[4], – пишет он. Если, говорит он, у Вас нехватит денег на обратный проезд, мы достанем, приезжайте только. Поэтому вот что. Получивши мое письмо, сейчас же возьмите лист хорошей бумаги и напишите на нем хорошим почерком, чтобы рука Ваша не ходила на пятках: Union des democrates socialistes russe autorise citoyen Georges Plekhanoff à les representer au congrès international socialiste de Paris.

Secretaire de l’union

Vera Zassoulitch[5].

Поставьте число. Пожалуйста, не забудьте этого сделать, иначе меня лишат голоса на конгрессе. Из Парижа я заеду на минутку в Женеву и потом к Вам.

Берегите свое здоровье и, начиная с 14-го числа, пишите мне в Париж на адрес Коневой. Я даю Вам торжественную клятву писать Вам из Парижа au fur et à mesure[6] накопления впечатлений.

Крепко жму руку

Ранке, «История Англии», не замедлит.

Кроме того, я уже писал Вам в карте, чтобы Вы выслали мне рукопись моей статьи о Каронине[7]. Ее читал Павел и, вероятно, оставил Вам, Григорьев и Райчин предлагают мне понемногу набирать эту статью для второй книжки сборника. Когда она выйдет, неизвестно, но если когда-нибудь выйдет, то набор уже будет готов. Не дадите ли Вы на таких условиях Вашу статью[8], что Вы пишете теперь, для второй книжки? Если да, ее можно расширить листов до 3-х и набирать понемногу. Итак, вышлите мне мою статью немедленно.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А. 31.15. Л. 1 – 2 об.
Автограф. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 27–30.
Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда».
Сб. 3. С. 238–239; Философско-литературное наследство
Г.В. Плеханова. Т. 2. М., 1973. С. 296. Публикуется
по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию письма, в котором речь идет о предстоящем конгрессе II Интернационала, состоявшемся 14–21 июля 1889 г. в Париже.

[2] Речь идет о труде Л. Ранке «Английская история, особенно в 16 и 17 вв.» («Englische Geschichte, vornehmlich im siebzehnten Jahrhundert»). (т. 1–7, 1859–68).

[3] В 1889 г. П. Лафарг участвовал в Комитете, образованном французскими социалистами марксистского направления и бланкистами, вместе с немецкими социал-демократами, для созыва Международного социалистического конгресса. Приглашение участвовать в этом конгрессе было послано также и группе «Освобождение труда».

[4] Это будет ответом на предательство Тихомирова (*фр.*).

[5] Союз русских социал-демократов уполномочивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на интернациональном социалистическом конгрессе в Париже. Секретарь союза Вера Засулич (*фр.*).

[6] По мере (*фр.*).

[7] Речь идет о второй статье Г.В. Плеханова из серии «Наши беллетристы-народники» – «С. Каронин» (Социал-демократ. 1890. Кн. 1). Известно также о гектографированном издании этой статьи начала 1890-х гг. (См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. М., 1971. № 1291).

[8] О какой статье идет речь, установить не удалось.

65
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1889, ранее 25 августа[1]
Морнэ

Дорогой Павел,

пишу Вам без марки, по причине, которую Вы без труда поймете. Теперь к делу.

Роза деньги получила. И я, и она от всей души благодарим Вас за их высылку. Изо всех наших долгов этот долг будет уплачен первым, в этом Вы можете быть уверены.

Что касается Раппопорта, то я Вам скажу вот что. Они с нами поступили так маккиавелистически[2], что я решительно не хочу сотрудничать у них. По крайней мере нужно их проучить и ничего не давать для второго номера. Пусть они посмотрят, как они могут обойтись без нас. Поэтому мне думается, что ответить им нужно приблизительно следующее (и в этом смысле я напишу Раппопорту): нам очень жаль, что мы не сговорились с Вами в Париже. От этого сговора для нас зависело многое. Вы нашли его излишним. Мы, не видя с Вашей стороны желания сойтись с нами ближе, решили продолжать свое собственное дело и потому теперь работаем для второй книжки «Социал-демократа»[3]. Для нас работа у Вас затруднительна, между прочим, и потому, что мы не знаем, кто и где редакция, и нет у нас никаких гарантий относительно содержания будущих номеров[4].

Этот проект ответа я посылаю Вере Ивановне, надеюсь, что она согласится. Очень мне хотелось бы, чтобы согласились и Вы. Тогда они почешут у себя за ухом. А для третьего номера при подходящих условиях можно и написать что-нибудь.

Мне дали отсрочку до 25 августа[5], а потом посмотрим. Если Розин диплом придет вовремя, то, может быть, ей и позволят остаться. Тогда вопрос решен. А не вовремя он может прийти потому, что теперь каникулы и для подписи нужно посылать его декану во Фрейбург. Самое требование диплома во время каникул было ловушкой в полном смысле слова. Кланяюсь всем Вашим.

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.21. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 66–68. Публикуется по автографу.

Примечания

[1]Датируется по содержанию. В этом, как и следующем, письме Плеханов сообщает своим корреспондентам о 25 августа 1889 г. – близкой дате, когда должна закончиться отсрочка его пребывания в Швейцарии.

[2] Макиавеллистически, макиавеллизм (по имени Никколо Макиавелли (Machiavelli) (1469–1527) – политического деятеля и писателя Флорентийской республики) – политика, не останавливающаяся ни перед какими коварными средствами борьбы для достижения своих целей.

Коварство Раппопорта, с точки зрения Плеханова, заключался в том, что после всех обещаний и сотрудничества в № 1 «Социалиста» при встрече в Париже во время Международного социалистического конгресса он уклонился от предложения группы «Освобождение труда» «сговориться» и «сойтись поближе».

[3] Вторая книга литературно-политического обозрения «Социал-демократ» вышла в феврале 1890 г.

[4] № 2 «Социалиста» не вышел вовсе. Было ли послано в редакцию «Социалиста» то письмо, про которое говорит Плеханов, неизвестно.

[5] *Об обстоятельствах этой высылки Г.В. Плеханова из Швейцарии, со слов Р.М. Плехановой, мы можем сообщить следующие подробности. В связи со взрывом в Цюрихе (Дембо, Дембский и др.) в Швейцарии начались гонения на русских эмигрантов. В числе других и Г.В. Плеханов получил от Центрального Федеративного Швейцарского Правительства приказ покинуть Швейцарию вместе с семьей. Это было весной 89-го года. Р.М. Плеханова тогда кончила медицинский факультет, но не могла взять диплома за неимением денег. Диплом давал ей право практики в Женевском кантоне, и Плехановы надеялись, что раз диплом будет у Р.М. Плехановой в руках, то она добьется отмены высылки не только для нее самой и трех детей (из которых самой младшей тогда было несколько месяцев), но и для Г.В. Плеханова. Покинуть*

Швейцарию для какой-либо страны было невозможно из-за отсутствия средств, Плехановым предлагали поехать в Америку; в материальном отношении это могло быть хорошим выходом; врачебная практика была там свободная, это обеспечивало заработок Р.М. Плехановой. Кроме того, многим из русских с.-д., проживавших в Америке и очень хорошо относившихся к Г.В. Плеханову, конечно, улыбалась мысль иметь Плеханова там, но и Г.В. и Р.М. Плехановых останавливало соображение, что они будут слишком далеко от родины и оторваны для деятельности для нее. Хлопоты об отмене высылки тянулись все лето 1889 г. Швейцарское правительство настаивало на ней, опасаясь Г.В., который и в то время уже начинал оказывать заметное влияние на местное рабочее движение. В итоге, после ряда отсрочек, Плеханов вынужден был покинуть Швейцарию; что же касается до Р.М. Плехановой, то она, при помощи знаменитого женевского адвоката Moriand и благодаря петиции профессоров, с большим лишь трудом, спустя год, добилась для себя и семьи формальной отмены высылки. Г.В. Плеханов, покинув Швейцарию, поселился недалеко от Женевы, чтобы быть ближе к семье, в пограничном французском городке Morneux в Савойе, и до конца 1894 г. не имел права въезда в Швейцарию, исключая, краткосрочных разрешений для свидания с семьей. – Прим. Б.И. Николаевского.

66

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1889, около 25 августа[1]
Морнэ

Дорогая Вера Ивановна,

приехать теперь в Кларан мне еще нельзя, потому что здесь у меня масса хлопот. Я получил отсрочку до 25 августа[2], но вот уже это число на носу, и я не знаю, что со мной будет дальше. Вообще, по правде Вам сказать, положение мое незавидное: без средств, без определенного пристанища, с детьми на руках, право, есть от чего с ума сойти. Вот от чего мне и писать Вам не хотелось, на уме главным образом эта история, так что письма состояли бы только из жалоб, а я жаловаться не люблю. Если позволят Розе остаться в Женеве, то я перееду в Кларан, поселюсь в пансионе Божи и, так как в пансионе бумаг не спрашивают, преблагополучно буду жить эту зиму, как прошлую. Но если нет? Тогда, ей-богу, не знаю, куда деться, просто хоть суму надевай, да веди за собой детей по большой дороге. Но довольно.

Раппопорту статьи не давайте ни в коем случае. Они что-то уж очень стали нос задирать, по крайней мере задирали, когда я был в Париже. Перед отъездом моим, Павла и Раппопорта в Париж было условлено, что у нас там будет нечто вроде съезда, на котором социал-демократы и «социалисты» постараются сойтись окончательно. Съезд этот был, на нем присутствовал даже Бурцев, а нас они и не подумали приглашать. Когда я напомнил Рап[попорту] о необходимости столковаться, то он ответил: «Да, да, непременно, я об этом с Вами еще переговорю», и затем не переговорил ни слова. Одному знакомому он даже прямо сказал, что соединяться с нами «вредно для партии». И после этого имеет наглость просить статью! Ради бога, ответьте ему посуше и поязвительнее: дескать, жаль, что упустили случай столковаться с Жоржем и Павлом в Париже, а без этого писать было бы затруднительно и проч. и проч. В том же смысле я напишу и Павлу[3]. Не скучайте пока, мне не скучно, потому что страшно затруднительно и скверно.

Ваш Ж[орж]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А. 31. 16. Л. 1 – 2 об. Автограф. РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 31–34. Фотокопия с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 239–241. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Мотивировку даты См. прим. 1 к док. 62.
[2] См. прим. 5 к док. 62.
[3] См. док. 62.

67
Л.Г. Дейч – членам Группы «Освобождение труда»

1889, лето?
Карийск[1]

Около года, дорогие, как я не писал вам обстоятельно, ограничиваясь лишь открытыми письмами. На этот раз, как и всегда, произошло это не по моей вине, а главным образом, по вашей: я не имел вашего адреса, так как Маня мне не писала более года, почему я и не знал, куда писать. В этом отношении ты, Маня, очевидно, неисправима. Я думал, что тебя уже нет в живых, – ничем иным нельзя было мне объяснить твоего упорного молчания, несмотря на несколько открытых моих писем к тебе. Но вдруг на днях получаю от тебя письмо с 30 руб [лями]. Я подозреваю, что у тебя обидное для меня предположение, будто мне интересно только получать от тебя денежные письма, а раз тебе нечего послать мне, то и не считаешь нужным ничего писать о себе. Если и в будущем это мое подозрение будешь поддерживать, то, право, рассержусь и буду отсылать тебе обратно деньги. Пойми ты, что мне приятнее знать, что ты жива и где ты находишься, чем получать, после продолжительных тревог, деньги. Но довольно об этом. Я надеюсь, что впредь ты хоть открытыми письмами будешь уведомлять [меня о себе][2] несколько раз в год. Неужели это так трудно. Я уже писал тебе в откр[ытом] письме, что мне не скоро быть в команде[3], что штат их ограничен 15-ю чел[овеками], а всегда имеется вдвое большее число кандидатов. На днях был у нас из Петербурга ревизор (генерал)[4], которому мы заявляли о необходимости расширить штат. Он обещал похлопотать об этом. Но навряд ли что выйдет из этого. В общем он остался доволен нами, но нашел, что материальное наше положение хуже, чем в других местах, напр[имер], в Шлиссель [бурге], где, по его словам, очень сносно. Результатов особенных мы не ждем от этой ревизии, но кое-какие облегчения, вероятно, будут. Впечатление генерал произвел на нас очень благоприятное своей простотой, прямотой и правдивостью.

О моем житье-бытье рассказывать, собственно, нечего. Нового почти ничего с прошлого года. Вот разве что начальник новый (подполковник[5]) значительно лучше своего предшественника; очень он добрый, мягкий человек, всячески готовый улучшать наше положение, не стеснять нас. Он позволил Дмитру[6] развести небольшой огородик, цветник, где мы в свободное время гуляем, лежим с книгами, что в нашем положении является большим удовольствием, почему и лето незаметно уходит. Да и вообще летом лучше, – время быстрее идет. Жаль очень, что оно у нас непродолжительное, а зима – суровая, холодная – так долго-

долго тянется. Зато усерднее читается, сидя за большим столом с лампой и попивая чай. Летом больше пробавляешься журналами и газетой («День»). С большим интересом следим мы за европейской внешней политикой, за всякими военными приготовлениями и сборами, и теперь, со вступлением на германский престол молодого Вильгельма, думаем, возможны в Европе серьезные события. Как видите, дорогие, мы вовсе уж не так отрезаны от мира, как это, вероятно, вам представляется, хотя нас и отделяет огромное пространство от вас. Многое, конечно, остается от нас скрытым, многое доходит значительно позже, но все же наиболее крупное так или иначе узнаем. Книги также получаем, и, как я уже писал, брат получил, наконец, французские романы и Родберт[уса], которые где-то завалялись. Я им очень обрадовался, хотя далеко не все мне было в них легко и понятно: не совсем правильный и ясный язык у автора[7]. Теперь мы можем получать иностранные журналы, которые, надеюсь, вы постараетесь нам присылать. Я уже писал много раз, что получил в прошлом еще году «Neue Zeit» за 1885, 1886 и 3 номера за 87 гг. и что прошу тебя, Павел, выслать дальнейшие номера, а также другие издания Дица (в г. Штутгарте). Мне, признаться, несколько неловко, что я постоянно все свои письма наполняю просьбами о высылке тех или других книг; но, думаю, вы понимаете мое положение и не ставите мне этого в упрек. Кроме «Neue Zeit», мне хотелось бы получить английский журнал «To Day» или другой какой в этом же роде (Присылать можно на адрес нашего начальн[ика]). А также «Jahrbücher für Soc.etc.» Рихтера, в которых, Павел, была когда-то твоя статья[8].

До нас дошел слух, будто с Тигричем[9] произошла метаморфоза, будто он открещивается от своих прежних убеждений. Правда ли это? В чем, собственно, он сознает теперь, что ошибался? Известие это очень взбудоражило и огорчило его поклонников, которых у него много было. Брат ждет от тебя, Марфуша, новых романов. Спасибо тебе большое, что ты единственный человек, не забывающий меня и аккуратно пишущий. Письма твои, хотя и краткие, доставляют мне большое наслаждение. Я уже писал тебе, как обрадовало меня известие, что у тебя есть литературная работа. Думаю, что твой очерк 60-х годов[10] должен выйти хорошо, – я бы многое дал, чтобы прочитать его. Тема, которую, по твоим последним письмам, выбрал Жорж – о Глебе Успенском[11] – мне чрезвычайно нравится. Но, припоминая, что, бывало, Вы, Жорж, говорили о ней, думаю, что мы с Вами не согласились бы во взгляде на Гл[еба] Успен[ского], если он у Вас остался тем же, что и был при мне: [12]по-Вашему, неполнота, нецельность его типов обусловливается тем, что он их берет в отживающей среде, а по-моему – потому, сам он Kleinburger[13]. Впрочем, об этом долго и много пришлось бы расписывать, захоти я изложить свой взгляд. Во всяком случае, я уверен, что эта работа Ваша будет очень интересна и поучительна, как, впрочем[14], и все, что Вам случалось писать. Ужасно жаль, горько, досадно, что к Вам привязалась болезнь, мешающая Вам целиком отдаться научным занятиям. Не буду расписывать, как огорчило меня известие о Вашей болезни: я и до сих пор не могу примириться с этой мыслью.

Только что узнал, что старик «Freund Peter»[15] скончался. Не ожидал я, что так скоро. Что он поделывал в последнее время? Как жил, с кем был близок? Он так, должно быть, и не успел окончить своего большого сочинения? А кому предоставил он свою библиотеку? Жаль его, все же хороший был старик. А жив ли еще Фридрих Карлович[16]? Находитесь ли Вы с ним в переписке? Когда он собирается издать 3-ий том[17] и полное собр[ание] соч[инений] своего друга[18]?

Обо всем этом и т[ому] п[одобном] напиши, Мар[фа]. Ты уже получила о «Кус[тарной] пром[ышленности]», собрание статей из «Рус[ской] м[ысли]», а также получишь «Юрид[ический] Вест[ник]». По-моему, в нем хотя и редко, но попадаются дельные статьи и заметки; я слежу за ним аккуратно[19]. Собиралось нас[20] несколько человек выписать «Вестн[ик] финан[сов], пром[ышленности] и торг[овли]», – это, кажется, единственный орган, из к[о]т[о]рого можно знакомиться с экономич[еским] бытом нашим. Очень бы хотелось получать что-нибудь подобное же на иностранном яз[ыке], напр[имер] издание Hasse und Heidmann Стюарта[21], да знаю, что Вам трудно доставать такие вещи. Ну, не взыщите, дорогие, что пишу бессодержательно, какова уж жизнь, таковы и письма. Постарайся, Мар[фа], чрез Сашеньку приобрести постоянный адрес. Кланяйся ей от меня и благодари за присланное белье. Что ты, Павел, совсем замолк? Или писал, да не дошли письма? Надеюсь, что скоро установится более аккуратная переписка с вами, и когда от всех вас буду получать письма, то и у самого больше материала найдется для ответов. Всего, всего вам всем хорошего. Прошу тебя, Маня, стать, наконец, аккуратной в переписке, не то, право, рассержусь. Я рад, что родился у тебя сынок, но напрасно ты дала ему такое имя: оно не нравится мне. Ты вот снимись с детьми и пришли мне карточку. Письмо это пошли младшей сестре. Кланяюсь всем близким и родным. Всего, всего вам всем хорошего. Целую вас крепко, крепко.

[Ваш Лев]

РНБ АДП. Ф. 1097.Оп. 1. Ед. хр. 237. АД 1/29.28. Л. 6 – 7 об.
Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда» Сб. 5.
С. 102-106. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Л.Г. Дейч при подготовке текста к публикации в сб. «Группа «Освобождение труда»» вписал в текст письма дату: «1889 (?)Кара)». В письме идет речь о летней погоде и ренегатстве Л.А. Тихомирова.

[2] Взятые в квадратные скобки слова залиты чернилами.

[3] Открытку разыскать не удалось. Речь идет о вольной команде.

[4] *То был присланный из Деп[артамента] Гос[ударственной] пол[иции]. Русинов; подробно о нем см. в «16 лет в Сибири». Л.Д.* – Прим. Л.Г. Дейча, по нижнему полю первого листа письма.

[5] *Это – Масюков, при котором, как известно, произошли ужасные трагедии на Каре из-за увоза Е.Н. Ковальской. Подробности – в «16 лет в Сибири». Л.Д.* – Прим. Л.Г. Дейча по нижнему и левому полям оборота первого листа письма.

[6] Я.В. Стефанович.

[7] *Тут намек на не вполне разобранные письма химией в этих полученных книгах.* – Прим. Л.Г. Дейча по левому полю оборота первого листа письма.

[8] «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальных наук и социальной политики») – журнал социал-демократического направления, выходил в Цюрихе в 1879–1881 гг. В 1881 г. в нем были опубликованы статьи П.Б. Аксельрода «Die Entwicklung der sozial-revolutionären Bewegung in Russland» и «Die soziale Bewegung in Rumänien». Вышло только 2 номера, на чем издание прекратило свое существование.

[9] Л.А. Тихомиров.

[10] *Т[о] е[сть] Первого интернационала.* – Прим. Л.Г. Дейча. «Очерк истории Международного товарищества рабочих» В.И. Засулич.

[11] Статья Г.В. Плеханова из серии «Наши беллетристы-народники» для сборника «Социал-демократ».

[12] Далее несколько слов вымарано Л.Г. Дейчем.

[13] Мелкий буржуа (*нем.*).

[14] Это слово вставлено Л.Г. Дейчем позже, при подготовке письма к публикации.

[15] Друг Петр (*нем.*). *Я имел ввиду П.Л. Лаврова, слух о смерти которого, очевидно, преждевременно дошел до нас.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[16] Ф. Энгельс.
[17] «Капитал».
[18] К. Маркса.
[19] Речь идет об изданиях, в которых были посланы конспиративные письма.
[20] Это слово вставлено Л.Г. Дейчем позже, при подготовке письма к публикации.
[21] Предположительно имеются в виду работы шотландского экономиста Джеймса Стюарта (Steuart, Stewart) (1712–1780). Многократно переиздавался его труд «Исследование о началах политической экономии».

68

Подполковник Масюков от имени Л.Г. Дейча – В.И. Засулич

1889, 2 сентября[1]
Карийск

Брат ваш получил две франц[узские] книги Бентама и две немецкие – Лотца[2]. Сборник[3] ему не совсем понравился благодаря полемике, статья – о рабоч[ем] движ[ении] в 60-х годах и т.д. – недурна, но бедна фактическим материалом; более всего понравилась ему История Интер[национала][4]. Он просит прислать Яни[5]: 1) «Чего хотят геноссы[6]?», 2) Введение в Гегел[евскую] филос[офию] права, 3) Брошюру о деле Германа, 4) Манифест[7], а также хоть отрывки наиболее интересные о бывшем 14 июля торжестве[8]. При отправке необходимо высылать на адрес: Восточная Сибирь, Забайкальская Область, Карийск, такому-то. Из обещанных Вами ему книг (Липперта[9] и т.п.) он пока ни одной не получил и предполагает, что Вы отправили их в одной посылке с другими, которые были задержаны в таможне, поэтому он просит впредь сомнительные в цензур[ном] отнош[ении] книги посылать отдельно и вообще аккуратнее заделывать брошюры, чем это было в последний раз, выставляя имя отправителя.

Отдельного Корпуса жандармов подполковник Масюков

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/2.18. Л. 1. Автограф Л.Г. Дейча, подпись Масюкова. С позднейшими пометами и примечаниями автора. На почтовой карте. Адресовано: «Швейцария. Цюрих. Г-ну Паулю. Herrn Paul. Mühlegasse, 33. I. Zürich. Schweiz». Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 97–98. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано по старому стилю.
[2] О каких книгах идет речь, установить не удалось.
[3] *То есть «Социал-демократ», полученный конспиративным способом, а именно – заделанным в переплет упомянутых в тексте книг.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте письма по нижнему и левому полю открытки.
Имеется в виду кн. 1 сб. «Социал-демократ». Вышла в свет в августе 1888 г. в Женеве.
[4] Речь идет о помещенных в сборнике статьях П.Б. Аксельрода «Рабочее движение в начале шестидесятых годов и теперь» и В.И. Засулич «Очерк истории Международного общества рабочих».
[5] Вероятно, Л.Г. Дейч просит прислать или адрес, или фотокарточку «Яни» (С.В. Майера).

[6] От Genosse (*нем.*) – товарищ, т.е. социал-демократы.
[7] Л.Г. Дейч просил прислать следующие книги:
1) Гед Ж., Лафарг П. Чего хотят социал-демократы? / Пер. с фр., с примеч. и предисл. Г. Плеханова. Женева: Тип. Группы «Освобождение труда», 1888. (Б-ка современного социализма. Вып. 7);
2) Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie: Einleitung // Deutsch–Franzosische Jahrbucher. Paris, 1844. (К критике гегелевской философии права: Введение // Немецко–французский ежегодник. Париж, 1844);
3) Процесс 21-го: С прил. биогр. заметки о Г.А. Лопатине, сост. П.Л. Лавровым. Женева: Изд. Кружка народовольцев, 1888;
4) к 1889 г. известно несколько изданий «Манифеста», в том числе: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / Пер. с нем. изд 1872 г. и предисл. Г. Плеханова. Женева: Вольная русская тип. 1882. (Рус. социально-рев. б-ка. Кн. 3).
[8] Имеется в виду открывшийся в Париже 14 июля 1889 г. – в столетнюю годовщину взятия Бастилии, Международный социалистический конгресс или, как его тогда часто называли, конгресс объединенных социалистов. О ходе подготовки и работе конгресса в изданиях 1889 г. были заметки в газетах «Der Sozial-Demokrat», «Justice» и отчет «Internationale Sozialisten Kongress. Organisation Kommission» (Paris, 1889).
[9] См. док.36 и 63.

69

Подполковник Масюков от имени Л.Г. Дейча – В.И. Засулич

1889, 13 октября
Карийск

Брат Ваш беспокоится, не получая долго писем. В последнем письме Вы сообщали о поездке Ваших родственников[1], с тех пор он не получал ни писем, ни книг. Ввиду измененного в России почтового тарифа он просит Вас, а также брата Павла, высылая книги, справляться на почте, не придется ли здесь, на месте, доплачивать за присланные книги, так как недавно пришлось здесь за такую посылку из-за границы (от Киперта[2]) доплатить 9 руб., что крайне неприятно, тем более что самые книги адресату не вручены, а деньги все же пришлось уплатить. Он просит Вас, если можете, узнать от Павла, почему пришлось здесь заплатить за посылку такую большую сумму, и впредь стараться так присылать, чтобы не нужно было платить. Он здоров, кланяется всем близким и просит писать почаще.

Отдельного Корпуса жандармов подполковник Масюков

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 671. АД 1/9.20. Л. 2. Автограф. На почтовой карте. Адресовано: «Швейцария. Женева. Г-же Бельдинской. A m-e- Beldinsky». Часть адреса зачеркнута и другим почерком надписано: «Mornex par Geneve». Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 98. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] О поездке П.Б. Аксельрода и Г.В. Плеханова на Международный социалистический конгресс в Париже.
[2] О какой книге идет речь, установить не удалось.

70

Подполковник Масюков от имени Л.Г. Дейча – П.Б. Аксельроду

1889, 11 ноября[1]
Карийск

Брат Ваш получил Ваше письмо[2], в котором Вы сообщаете о Вашей жизни и поездке к родственникам Геноссам[3]. Он жалеет, что занятия помешали Вам изложить подробнее о Вашем кефирном заведении, а также о том, что Вам пришлось видеть и слышать в эту поездку. Он просит Вас еще раз подробнее сообщить об этом. Липперта «Kulturgesch.»[4] он уже прочитал, и она ему понравилась. Поэтому можете не присылать этой книги, а храните ее у себя. Другие сочинения этого автора его очень интересуют, но он просит Вас не тратиться на их приобретение, если у Вас нет лишних денег. Он уже писал Вам, что сюда пришли, но не выданы книги, присланные на адрес губернатора от Киперта, и за них пришлось заплатить девять руб. Не Вы ли их выслали и что это за присылка? Не забудьте об этом сообщить и почему пришлось здесь за них так много заплатить? «Сев[ерный] вес[тник]» он не читает, – не дозволен. Он просит заботиться о сестре[5]. После выезда ее из Швейцарии он не получал еще сведений о ней и не знает, как она устроилась. Он здоров, кланяется Вам, Наде и другим близким.

Отдельного корпуса жандармов подполковник Масюков

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.27. Л. 1. Автограф Л.Г. Дейча, подпись Масюкова. С позднейшими пометами и примечаниями автора. На почтовой карте. Адресовано: «Швейцария. Цюрих. Г-ну Паулю. Herrn Paul. Mühlegasse, 33. I. Zürich. Schweiz». Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С.98–99. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано по старому стилю.
[2] Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.
[3] От Genosse (нем.) – товарищ., т.е. социал-демократы. Речь идет о поездке Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода на Парижский Международный социалистический конгресс, а затем в Лондон к Ф. Энгельсу.
[4] См. прим. 7 к док. 35.
[5] В.И. Засулич.

71

Л.Г. Дейч – членам группы «Освобождение труда»[1]

1889, конец[2]
Карийск

Дорогие мои!

Недавно, сравнительно, послал Вам большое письмо[3] и, не получив еще извещения, дошло ли оно, опять берусь за перо, хотя не о чем, собственно, писать пока. Но ты, Марфа, беспокоишься обо мне, судя по последнему твоему письму[4]. До тебя, очевидно, дошли уже известия о бывшей в наших местах эпиде-

мической болезни[5], окончившейся шестью смертными случаями (в том числе – бедная Маруся[6]), и ты опасаешься за мое здоровье? Но положительно уверяю тебя, что меня (да и всех переживших эпидемию) нисколько не коснулась болезнь; болезнь эта не внесла никаких особенно[7] дурных последствий ни в наше физическое состояние, ни во внешнюю обстановку. Вскоре после смертных случаев все вошло в обычную однообразно-монотонную колею, как будто ничего особенного не случилось. Начальство, ввиду этой болезни, хотя и не приняло никаких предупредительных мер, но зато и не проявило никакой требовательности к исполнению нами ненужных формальностей. Оно прямо не уничтожило недавно объявленной нам инструкции, но все же дало понять, что она более не будет применяться[8]. Таким образом, как видишь, снова настала серая будничная жизнь, что, конечно, лучше, чем жизнь, полная бурь и тровог. Ты упоминаешь, что какая-то барыня из наших мест сообщала своей приятельнице о нашем положении и обстановке, и это письмо заставляет тебя опасаться, что брат Евг[ений][9] (юрист) не получил ни твоих писем, ни книг. Не знаю и никак не могу догадаться, что это за барыня? Но, как видишь из вышесказанного, ты напрасно беспокоишься и смело могла и писать, и посылагь ему все, что он просит. Правда, носятся слухи, что весь наш штаб будет переведен в другое место, но слухи эти носятся уже несколько лет, и окончательно нам ничего не объявляли. К тому же, если бы и состоялся перевод, то все же ему перешлют то, что получится по старому адресу. Ты видишь, что совсем напрасно мешкала с исполнением его просьбы. Если бы ты видела, с каким нетерпением и он, и я ожидали получения от тебя известия о нашем юридическом сочинении[10], – ты, я думаю, более обстоятельно передала бы свое мнение о нем. А между тем ты, хотя и говоришь, что «трактат» очень интересен, но по существу почти совсем не касаешься его. К тому же, кажется, ты не совсем верно поняла его. Так, ты говоришь «Брат[11] не любит Гегеля и огорчается, что некоторые писатели его иной раз цитируют». Насколько я знаю, он лично вовсе не любит этого философа, а лишь находит нужным считаться со вкусами читающей публики. Раз, – основательно или неосновательно, другой вопрос, – с 60-х годов явилось враждебное отношение к этому мыслителю, то частым напоминанием о нем не рассеешь этого чувства, а, наоборот, в виде реакции против чрезмерного превозношения этого (во всяком случае, во многом ошибавшегося) философа, – вызовешь скорее упорное нежелание признать и то, что левые гегелианцы[12] проповедуют. Не знаю, поняла ли ты меня, но мне очень странно, что ты делаешь такое замечание: «Как будто не все делают и должны делать так, кто убежден в чем-нибудь?».., «и ты в старину, помнится мне, придерживался таких же мнений». Странно! Неужели из моих писем не явствует, что я не только ни на йоту не отказался от левого гегелианства, но даже еще более укрепился в нем, более, чем прежде, понимаю его. Но я все же считаю практически необходимым считаться с предубеждениями, а если хочешь уничтожить их, то – не голословными ссылками на «заслуги Гегеля», а обстоятельными разъяснениями, в чем эти заслуги. Но последнее вовсе не особенно важно и интересно теперь, – это имеет лишь историческое значение генезиса идей «левых», а кому из наших читателей это важно? Но оставим это.

Ты очень расхваливаешь новое произведение левого гегелианца[13]. Мне, конечно, чрезвычайно интересно поскорее познакомиться с ним. Но, признаться, я заранее уверен, что оно, подобно предыдущим, произведет дурное впечатление на сослуживцев, в чем, впрочем, и ты не сомневаешься. Но, по твоим словам,

у вас оно вызывает большой интерес, оживление. Это меня лишь отчасти радует. Говорю «отчасти», пот[ому] ч[то] все же не могу не видеть в этом «оживлении и интересе» лишь бурю в стакане воды. После 6–7 лет литературной деятельности нельзя особенно торжествовать, слыша, что успех ограничивается несколькими десятками единомышленников (надо к тому же знать еще каких?), а большинство читателей является противниками, всюду ищущими аргументы для возражений. Утешительного в этом мало! Впрочем, поживем – увидим. Во всяком случае не подумай, что я пессимистически смотрю на вашу литературу: я лишь жалею, [14]

РНБ АДП. Ф. 1097.Оп. 1. Ед. хр. 237. АД 1/29.30. Л. 8 – 8 об. Автограф. С поздними пометами и примечаниями автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 245–248. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Настоящее письмо было отправлено не через начальство, а – конспиративно, поэтому оно написано аллегорически, иносказательно, чтобы, в случае, если бы оно было перехвачено, невозможно было бы догадаться, кто и кому писал.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[2] Датируется по упоминаемому в письме факту массовых самоубийств, произошедших в середине ноября 1889 г. на Каре в знак пртеста против надругательства тюремщиков над Н.К. Сигидой.

[3] Может быть, док. 67.

[4] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[5] *Под этим я имел в виду – массовые самоубийства, произошедшие в мужской и в женской политических тюрьмах на Каре после совершенного телесного наказания Н. Сигиды (см. мою книгу «16 лет в Сибири»).* – Прим. Л.Г. Дейча.

Речь идет о *Карийской трагедии (драме)1889 г.* – принятое в исторической и мемуарной литературе название протеста заключенных Нижнекарийской и Усть-Карийской политических каторжных тюрем против жестокого режима и произвола тюремного начальства.

Поводом стал инцидент 05.08.1888 при посещении тюрем приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом. Каторжанка Е.Н. Ковальская демонстративно отказалась его приветствовать стоя, нарушив тем самым правила поведения заключенных. 11.08.1888 по приказу Корфа Ковальская была отправлена в Нижнеудинскую тюрьму. Перевод сопровождался избиениями и издевательствами. Узнав об этом, ее товарищи – М.П. Ковалевская, М.В. Колюжная, Н.С. Смирницкая и др., потребовали у властей отстранить от должности коменданта политических тюрем подполковника корпуса жандармов В.П. Масюкова. Вскоре к этому требованию присоединились каторжане-мужчины, содержавшиеся в Нижнекарийской тюрьме. Отказ властей сместить Масюкова вызвал ряд голодовок (август 1888, май и сентябрь 1889). К лету 1889 г. обстановка в политических тюрьмах на Каре достигла крайнего напряжения. 31.08.1889 заключенная Н.К. Сигида дала пощечину Масюкову. Это должно было повлечь за собой отзыв Масюкова, а Сигида подлежала суду. Однако Корф разрешил дело в административном порядке – Сигиде было назначено 100 ударов розгами. Дабы пресечь возможные волнения, Корф в октябре 1889 г. специальной инструкцией ввел телесные наказания для «политических». Узники предупредили Корфа, что на инструкцию ответят массовыми самоубийствами. Однако 07.11.1889 Сигида была подвергнута телесному наказанию. В знак протеста Сигида, Ковалевская, Калюжная и Смирницкая покончили с собой, приняв яд. Узнав об их гибели, 14 заключенных мужской тюрьмы предприняли попытку самоубийства. И.В. Калюжный и С.Н. Бобохов умерли, остальные выжили, т.к. яд слишком долго хранился и потерял свои свойства. События на Каре стали достоянием общественности. Развернулась протестная кампания в прессе Западной Европы и США. В связи с этим политические каторжные тюрьмы на Каре были ликвидированы, а их узники переведены в Акатуй.

[6] *Марья Павловна Ковалевская – мой, а также Веры Ивановны сочлен по киевскому бунтарскому кружку (см. мою кн. «За полвека»).* – Прим. Л.Г. Дейча.

[7] Это слово надписано Л.Г. Дейчем сверху, другими чернилами.

[8] *Как известно, перед наказанием Сигиды нам была прочитана инструкция о применении к нам телесных наказаний; после произошедших в тюрьмах массовых самоубийств нам намекнули, что впредь не будут применять их.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[9] *Ради конспирации я писал о себе в третьем лице, употребив мою революционную кличку и дав себе звание «юриста».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[10] *В книжке «Юридического вестника» я описал между печатными строками посредством химических чернил Карийские трагедии.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[11] *Под «братом» Вера Ивановна имела меня в виду, так как я писал ей и Георгию Валентиновичу, зачем он часто ссылается на Гегеля (в получившихся сборниках «Социал-демократ»).* – Прим. Л.Г. Дейча.

[12] *Левыми гегельянцами, а также «геноссами» (товарищи – по-немецки) мы ради конспирации называли социал-демократов* – Прим. Л.Г. Дейча.

[13] *Под этим В.И. Засулич, по всей вероятности, имела в виду брошюру Плеханова против Тихомирова (его ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером») «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», вышедшую в 1889 г. (См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. 3. С. 45)* – Прим. Л.Г. Дейча.

[14] *Второй половины этого письма не оказалось в архиве.*– Прим. Л.Г. Дейча в тексте письма по нижнему полю оборота листа.

72
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1889, конец[1]
Морнэ

Дорогой Павел,

нам с Жоржем обоим лучше. Он уже работает опять за десятерых. Я заболела позднее и чуть шевелюсь, но трудный период болезни прошел уже. Жорж просил, чтобы Кальмансон написал несколько слов о русских делегатах на конгрессе, он утверждает, что это обязательно для русского журнала. Перечислить их надо (не забыть тоже американских наших, потом лондонских русских) и сказать несколько слов о речи Пет[ра] Лав[ровича] и Жоржа. В Соц[иал] Дем[ократе] есть. Статейка уже набирается, но Жорж оставил в середке лист для рус[ских] делегатов[2].

Жорж придумал в избежание преследований назвать редактором нашего журнала[3] M. Grigorieff. Pario cho[…][4] J. Guesde[5].

По статьям и подписям видно будет, что наш журнал, а швейцарцам некого выслать, уже выслан редактор. Согласны?

Посланы ли деньги Дмитру? Я пришлю, не сомневайтесь. Даже 80 fr. вероятно пришлю. Это лишь болезнь помешала. Не видала буржуя все время и Жорж его не видал последнее время, т[ак] ч[то] он задолжал журналу.

Послали ли книгу Реклю? Ну досуг вам теперь о древних читать? Уже этот год грех читать что бы то ни было кроме книг для немедленного писания. Ведь это единственный в жизни случай издать несколько журнальных книжек. Да и взялись же уже мы. Я может пришлю для американцев статью о «Столетии Фр[анцузской] Рев[олюции]»[6].Она не попала вся в журнал, не потому чтобы плоха, но Жоржу всякие другие вещи об этом столетии в голову пришли. Он ее и переделал.

Ваша Вера

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44с. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по предисловию «Об издании» редактора журнала «Социал-демократ», в котором указываются даты выхода обозрения из печати.

[2] Имеется в виду статья Я. Кальмансона «Международный рабочий социалистический конгресс в Париже (14–15 июля1889 г.)», подписанная псевдонимом «Новый товарищ». В ней упоминается о 6 русских делегатах на конгрессе, четверо из которых представляли «интеллигентные кружки», и двое – русские рабочие группы в Америке и Лондоне. Фамилии русских участников Конгресса, за исключением имен эмигрантов П.Л. Лаврова и Г.В. Плеханова, не названы // Социал-демократ. 1890. №1. С.27–29.

[3] Слова «нашего журнала» вписаны автором поверх строки.

[4] Слово не разобрано.

[5] Речь идет о литературно-политическом обозрении «Социал-демократ», №1 которого вышел в 1888. Издание было возобновлено в 1890 (опубликовано 4 книжки). Предисловие к № 1 (1890) подписано редактором В.Н.Алексеевым. Статья Ж. Геда «Рабочее движение во Франции после Коммуны» опубликовано в № 3 журнала.

[6] В разделе «Современное обозрение» журнала «Социал-демократ» (1890. № 1) под заголовком «Столетие великой революции» была помещена рецензия на книгу Paul Janet «Centenaire de 1789. Histoire de la Revolution Francaise». Автор не указан. Вероятно, именно эту статью и имеет в виду В.И. Засулич.

1890

73
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1890, начало
Морнэ[2]

Дорогой брат,

после карты[3], где ты просишь прислать 30–40 руб. для Якова (они тогда же посланы, 39 р.), от тебя не приходило карт, а этому уже много больше месяца. Но, может быть, Павел получал да забыл переслать? Пиши впредь на Beldinsky[4], Mornex, Haute Savoie. France. Лучше так: пиши по очереди то Павлу, то сюда. А то я не знаю, долго ли здесь останусь, а из другого государства письма неаккуратно пересылаются. Я, знаешь ли, только теперь, после Нового, 1890 г., получила из России, от брата[5], поздравление с наступившим 1889 годом. Вот как шляются иной раз письма! Он очень жалуется в этом письме на бессодержательность моих писем. Это все жалуются и воображают, что у меня должна быть масса тем, а откуда они у меня будут? Вот сам посуди, я опишу тебе мое житье.

Живу я среди деревни. Не там, где жил Василий Игнатьевич[6], а гораздо ближе к концу Малого Салева. В деревне – ни одного русского. Нет ни одного и французского знакомого. У меня маленькая комната, точь-в-точь в том же роде, какие я обыкновенно занимала и в Женеве. Железная печка, большой беспорядок и все проч[ее]. как всегда. Встаю поздно, часов в 10, а то и в 11. Поспешно варю кофей, очень крепкий, по возможности со сливками, выпиваю и бросаюсь писать, отрываясь время от времени (при каком-ниб[удь] затруднении), чтобы сделать папироску и пройтись с ней по комнате. Так часов до 4-х, до 5-ти. Тогда или иду поблизости за провизией или, если осталось от вчерашней, жарю

бифштекс, съедаю и ложусь на час поваляться с книгой. Это если не до крайности увлечена писаньем, а то – так продолжаю писать. Не то чтобы уж сплошь писать, а обдумывать, передумывать, переправлять, переписывать. Чай стоит на печке и время от времени прихлебывается. Часов в 9 опять кофей и работа часов до 2-х. Тогда ложусь с книгой. Если надо прочесть ту или другую книгу, тогда также спешно и не отрываясь читаю, и коли читаю, то в те дни уж не пишу.

В этом и только в этом отношении я очень переменилась. Прежде, как и всякий порядочный русский интеллигент, я, как ты знаешь, могла великолепно бездельничать без конца, валять какую-нибудь книгу, читая по нескольку страниц в день, лентяйничать над бумагой, взявшись писать или переводить. Теперь этого и следа не осталось, то есть вялость нападает на меня каждый раз после того, как я почему-нибудь выбьюсь из своего напряженного состояния, но эта леность так мучительна для меня, я тогда так страшно тоскую, что все силы употребляю как можно скорее вогнать себя опять в прилежание, при котором я уже ни о чем, решительно ни о чем не думаю, кроме книги, которую читаю, или статьи, которую пишу.

По целым месяцам я не говорю (разве шепотом сама с собой) ни слова, кроме как в лавочке: «Дайте фунт того-то» и «Bon Soir, madame»[7]. Впрочем, один посетитель бывает у меня ежедневно и с ним всегда приходится сказать слова два: это большой, косматый, коричневый пес по имени Тюрк. Он отлично знает, когда я приношу мяса (встречает и обнюхивает корзинку), и упорно является потом каждые полчаса и подает лапу, пока не дашь ему кусочек.

В Женеве я бываю раз в месяц, а то и реже. Бываю больше, если нужно. Там меня привлекает Жорж, – его я всегда рада видеть, с ним всегда есть о чем говорить (о тех же статьях и книгах), он всегда, окажется, выдумал что-нибудь новое, выяснил себе какой-нибудь вопрос. Но, во-первых, говорить обыкновенно мешают и его отчаянно балованные дети и гости, а главное, за это удовольствие приходится, возвратившись домой, расплачиваться несколькими днями тоски, трудности работать, такого состояния, при котором жизнь решительно невыносима. А раз втянулась в работу, я ничуть не тоскую, мне ничего не хочется, никого и ничего не нужно!

В Кларане последние месяцы (с мая до октября) я тоже жила без Жоржа, там ко мне заходили гости, и эти гости всегда были мне в тягость, – я только и ждала, как бы они поскорее ушли. Даже с Лизой прежде могла по часам болтать и с удовольствием, а теперь уже давно решительно не нахожу, о чем говорить, да и все тут, хоть зарежь меня.

Я знаю, что это все нехорошо, дурно так всех чуждаться, что такая жизнь и ненормальна, и превратит меня в какую-то ведьму одичалую. Но, право же, я могу жить только или так, или никак.

Общество Павла и то мне надоедает. Он гостил в Кларане, и я рада была, когда уехал, а он очень добр со мною, но скучно мне и с ним. У Жоржа вот уж больше года, как болезнь не возвращалась, – не было лихорадки (по крайней мере сильной, заметной), но последние месяцы он живет дома и страшно утомляется, так что с каждым разом, как прихожу, нахожу его очень похудевшим и побледневшим против прошлого раза.

Ну, вот мое житье: никого не видаю, газет не читаю (выписывать дорого, а доставать негде), о себе не думаю, не «психичничаю»[8]. Какие же у меня темы? О книгах, о статьях? Да много ли о них в письме напишешь? К тому же я пе-

чатаю, что напишу, хоть и не все, конечно. А что напечатано, надеюсь, что ты прочтешь когда-нибудь.

У тебя в сто раз больше тем было бы, если бы мог писать. Ты живешь на людях и об них мне все очень интересно, а я в (добровольном) одиночном заключении. Но я постараюсь писать больше.

Крепко целую тебя, твоя сестра Саша

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр 335. АД. 2/127.2. Л. 3 – 6 об. Автограф. С позднейшими пометами карандашом, сделанными, вероятно, при подготовке письма к публикации. На л. 3 об. – 6 текст перечеркнут перекрестными полосами. По верхнему полю этих листов – карандашная помета Л.Г. Дейча: «Полосы – от пробы комендантом, нет ли химического письма между строк». Опубл..: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 240–243. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *В предисловии к моим письмам к В.И. Засулич из тюрьмы и Сибири я, между прочим, сообщил, что «письма моих друзей ко мне за весь период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их накануне своего побега из Благовещенска». Оказывается, что это заявление не вполне верно, так как часть писем В.И. Засулич ко мне в вольную команду на Каре и в места моего поселения в Сибири сохранилась в подлинниках или в сделанных мною точных копиях у Я.В. Стефановича, которому я их тогда посылал, а теперь, благодаря любезности брата и сестры этого моего друга, я получил их от последних в мое распоряжение.*

Излишне, полагаю, говорить, до чего обрадовала меня эта совершенно неожиданная и очень ценная находка, так как письма эти содержат много чрезвычайно интересных сведений. В конце этих писем я счел уместным привести также находившиеся в архиве Стефановича и недавно присланные мне три письма ко мне П.Б. Аксельрода от того же периода, так как они могут служить дополнением к сообщениям В.И. Засулич. – Прим. Л.Г. Дейча, предваряющее публикацию писем В.И. Засулич к нему в сб. «Группа "Освобождение труда"».

[2] Датируется началом 1890 г. по строкам письма: «…только теперь, после нового 1890 г…».

[3] Открытка Л.Г. Дейча не разыскана.

[4] Под этим именем В.И. Засулич проживала в эмиграции.

[5] *То есть от меня же: этим В.И. в своем официальном письме давала мне понять, что получила мое конспиративное письмо, отправленное с «оказией», – из вольной команды, с уходившим на поселение товарищем.* – Прим Л.Г. Дейча из сб. № 4. ГОТ. Очевидно, док. 69.

[6] *«Василием Игнатьевичем» назывался Л. Тихомиров; до своего переезда в Париж, летом 1883 г., он жил в Морнэ, вблизи Женевы.* – Прим Л.Г. Дейча.

[7] Добрый вечер, мадам (*фр.*).

[8] *Это означало: не копается в себе.* – Прим Л.Г. Дейча.

74
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1890, февраль
Цюрих[1]

Дорогой Жорж!

Прилагаю список арестованных[2], доставленный мне после многих хлопот. Из Парижа ничего не получите. Завтра или послезавтра вышлю Вам извлечение из письма о ссыльных и сидящих в Шлиссельбурге[3].

У Райчина прошу прощения. Ваши разъяснения – при теперешней напряженной работе – меня очень тронули, тем более что я хоть и знал, что не виноват, все же чувствую себя виновным перед всеми вами, на которых таким тяжелым бременем пала вся работа по сборнику[4].

Ваш отзыв о моей заметке[5] меня до чрезвычайности поразил – я никому ее дома не читал, до такой степени бледной она мне показалась. И я теперь в толк не возьму, чем она Вам так понравилась. Кажется мне, что воззвание[6] я бы теперь совсем иначе написал, – да уж поздно. Может, в корректуре удастся исправить.

Удивительно, что в Германии теперь творится[7]. Уж поистине можно сказать: «Es ist eine Lust zu leben»[8]. Жаль, что не можете теперь следить за газетами. Ведь император заявил себя сторонником фабричн[ого] законодат[ельства] и даже интернационального[9]. А собрания рабочих, тон социалист[ической] прессы внутри Германии! Но об этом, когда приедете (с Верой), – надеюсь, скоро.

Не высказывайте, Жорж, никому, даже из Genoss'ов[10] русских свое мнение о статье дядюшки[11]. Скажите об этом и Райчину. Во-первых, теперь это невыгодно для нас, а во-вторых, может при посредстве наших недругов, в виде сплетни, и до него дойти.

Ну, до свидания, которого жду с большим нетерпением. Жаль, что Вы так поздно спохватились относительно статьи о Чернышевском. Если здесь будут переводить, то под моим контролем[12]. Ефрона адрес неизвестен – пишите через мадам Цеткин: Rue Glacière, 20.

Привет Р[озалии] Марковне.

Ваш Акс[ельрод]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 304. В. 13.3. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 242–243. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Список арестованных помещен в обозрении «Социал-демократа» (Кн. 1. Ч. 2. С. 108 – 109). Этот список сохранился в архиве Г.В. Плеханова.

[3] Сведения о сидящих в Шлиссельбурге см. там же: С. 109.

[4] Речь идет о первой книге журнала «Социал-демократ», в которой П.Б. Аксельрод принял очень незначительное участие, поместив только одну рецензию.

[5] Очевидно, имеется в виду рецензия П.Б. Аксельрода в журнале «Социал-демократ» (Кн. I. Ч. 2. С. 78 – 86) на брошюру «Nach zehn Jahren. Material und Glossen zur Geschichte des Socialistengesetzes» (London, 1889) ([*Ауэр И.*] Десять лет спустя. Материалы и комментарий к истории закона против социалистов).

[6] О каком воззвании идет речь, выяснить не удалось.

[7] Речь идет об успехах социал-демократов на выборах в рейхстаг 20 февраля 1890 г., заставивших правительство позже отменить исключительный закон против социалистов.

[8] Радостно жить (*нем.*).

[9] 4 февраля 1890 г. в Германии появились императорские указы о созыве интернациональной конференции по рабочему законодательству и о рабочем дне.

[10] Товарищей (*нем.*).

[11] Дядюшка – Ф. Энгельс. В первой книге «Социал-демократа» (С. 176–184) и второй книге (С. 47–61) была напечатана его статья «Иностранная политика русского царства», неблагоприятный отзыв о которой, очевидно, заключался в несохранившемся письме Г.В. Плеханова.

[12] Речь идет о переводе статьи Г.В. Плеханова о Н.Г. Чернышевском на немецкий язык. Сначала она увидела свет на русском языке в первом номере «Социал-демократа» (февраль 1890 г.), в этом же году она была опубликована в «Die Neue Zeit» (№ 8, 9) в сокращенном переводе Ф. Атласа.

75
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1890, 29 марта[1]
Морнэ

Дорогой Павел,

посылаю письмо Женьке. В другой раз о новостях. Сергей отказался переводить свой роман. Он занят агитацией в Англии. Я начала и как назло заболела как прошлой весной (лих[орадка], грудь болит, слабость). У меня-то все благополучно пройдет, конечно, само, как и в прошлом году. Так что вовсе, Бога ради, не беспокойтесь. Но Кальмансона ужасно молю побеспокоиться о статье про выборы[2]. А то у меня из-за слабости перевод тащится по-черепашьи. Жоржева статья (эконом[ические] идеи Чернышевского) слишком серьезная чтобы он написал ее на почтовых, поэтому нечего набирать и не предвидится в скором времени. 2 недели для «выяснения результатов» уже прошли.

Я забыла у вас свой термометр. Я его носила когда-то в Женеву, забыла вытащить из мешка и завезла в Цюрих, а там 1 раз померила температуру и забыла его в ночном столике подле своей постели. В футлярчике вроде серебряного. Мне бы его надо, кабы я знала, что стойкая лихорадка, то меньше строгости, маленькая – больше. Мне пришлите его завернутым в мою парадную кофту, которую я тоже забыла. Какие бы то ни было карты от Женьки непременно присылайте. В них условные слова будут. Была одна, которой я не видала, поищите ее: не было ли там фразы «не присылайте немецких книг». Это значит нельзя посылать подпольной литературы в переплетах.

Еще раз прошу не беспокоиться обо мне. Меня и чёрт не берет. Выздоровлю скоро[3].

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44c. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[2] Имеются в виду подготовленная П.Б. Аксельродом статья «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг», опубликованная в №3 (1890) и № 4 (1892) журнала «Социал-демократ».

[3] Последний абзац написан по левому краю последнего листа.

76
Л.Г. Дейч – членам группы «Освобождение труда»

1890, не ранее апреля
Карийск[1]

Особое наслаждение доставляет здесь получение писем от близких. Спасибо Марфуше: она довольно аккуратно пишет мне. Невеселое только впечатление производят ее сообщения: скверно ей живется, да и вообще, очевидно, всем там также, безденежье, неопределенность положения, отсутствие цели в будущем! Я очень рад, что она, наконец, получила «Кустаря» – Пругавина[2]. Я также

послал ей собрание повестей из «Рус[ской] мысли»[3] через мою сестру; но она не сообщает, получила ли? Обещанных ею французских романов Дмитро еще не получил и очень удивляется. Он выучил итальянский яз[ык], но, к сожалению, здесь почти совсем нет книг на этом яз[ыке]. Почему бы Ане не присылать попадающиеся ей лучшие вещи на итальянском? То же Сергей мог бы делать с английскими книгами, а Павел – с немецкими. Жаль, что Марфуша мало пишет о том, что делается у них вообще. Только из ее письма я узнал об успехах немцев[4] и очень этому обрадовался. Читаю я теперь их журнал «Neue Zeit»[5] и в общем он мне нравится. Конечно, для меня он очень легковесен, но, принимая во внимание публику, для которой он предназначается, ведется он недурно. Некоторые статьи (напр[имер] «Россия, Германия и восточный вопрос») крайне удивили здешнюю публику: не ожидали от этого автора столь «прозаических, буржуазно-шовинистических аргументов». В статье «Об артелях» странно, что автор, заявляя в начале о незнании русской публики, сам, очевидно, не следил за литературой этого предмета и не упоминает ни о трудах Исаева, ни В.В., ни многих других, а пользуется лишь очень устаревшим материалом. (Кстати, кто – автор? Б[ыть] м[ожет], кто-ниб[удь] из знакомых?); статьи Каутского мне больше всего нравятся; особенно «О Китайской жел[езной] дор[оге]». Вообще он наиболее талантливый и обстоятельный из тамошних. Пусть Павел передаст ему мой привет и наилучшие пожелания; также и другим геноссам[6]. Хорошо было бы, если бы Павел пересылал мне книги прямо через издателя Dietz'a, поручая ему высылать лучшие (и дешевые) тамошние издания. Меня удивляет, почему Жорж там не пишет? Неужели географ[ический] энцикл[опедический] словарь[7] отнимает у него все время? По-моему, он хорошо бы сделал, если бы дополнил свои статьи о Родбертусе[8], – издатель, наверно, нашелся бы. Будь я в Москве или Питере, непременно постарался бы устроить это дело. Меня очень огорчает, что он так зря зарывает свои способности и знания, ничего не пишет, не издает, не дает о себе знать! О Ките[9] и др[угих] все же вычитываешь иногда что-ниб[удь] об их литерат[урных] произведениях, а о нем – ни слова! Тоже и ты меня удивляешь? Ну, чем ты хуже других? Так много занимаешься и не можешь пользоваться своими познаниями! Все робость твоя излишняя, несправедливая! После полученного уже тобой письма от Августины[10] я еще послал ей недавно (в июне, в их деревню). Не знаю, получила ли она его? Сообщи ее точный теперешний адрес.

Я и Дм[итро] вполне здоровы, условия наши, как я уже сообщал, в последнее время значительно улучшились, жить можно, читаем с ним по-немецки, прочли уже несколько книг(в том числе Руд[ольфа] Мейера).

С окружающими живем в ладах; но приятелей все не приобрели!

Ну, всего, всего вам всем хорошего. Живите долго, долго! Павел и Марфуша, как родственники, пусть пишут мне часто. Дмитро и я кланяемся и целуем всех.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 237. АД 1/29. 25. Л. 5 – 5 об. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Дата и место – «1887 или 1888 г., Кара» – проставлены Л.Г. Дейчем более яркими чернилами, очевидно, позже, в период обработки архива.

Если указанное место написания письма сомнений не вызывает, то время его составления – 1887 или 1888 г. – определено неверно, на что указывают сразу несколько обстоятельств.

Так, автор упоминает об успехах немцев, о которых он узнал из письма В.И.Засулич. Имеется в виду крупная победа немецких социал-демократов, одержанная в первом туре всеобщих выборов в Рейхстаг 20 февраля 1890 г. и позволившего уже спустя полгода, в октябре, отменить Исключительный закон против социалистов, действовавший с 1878 г. По результатам двух туров голосования СДПГ завоевала 35 депутатских мест в парламенте.

Статья, поразившая Дейча и товарищей по ссылке «прозаическими, буржуазно-шовинистскими аргументами», написана Ф.Энгельсом. Две первые главы работы «Внешняя политика русского царизма» опубликованы в газете «Neue Zeit» в апреле 1890 г. Содержание статьи вызвало неоднозначную реакцию не только в России, но и среди немецких единомышленников Ф.Энгельса, позволивших себе без согласия автора внести в текст первой публикации редакторские изменения. Протест Ф.Энгельса заставил издателя Дитца и редактора журнала К.Каутского уже в майском номере вторично опубликовать подвергнутые изменениям главы работы.

Шутливое замечание Дейча о работе Г.В.Плеханова над «географо-энциклопедическим словарем, отнимающим у него все время», относилось к подготовке первой книги (вышла в конце марта 1890 г.) «Социал-демократа», издававшегося группой «Освобождение труда» при сотрудничестве русских и иностранных авторов. Так, вышеупомянутая статья Энгельса была написана им по просьбе В.И. Засулич и С. Степняка-Кравчинского и в русском переводе опубликована в первом номере «Социал-демократа».

Таким образом, датой написания письма следует считать время не ранее апреля 1890 г.

[2] Имеется в виду книга В.С. Пругавина «Очерки кустарной промышленности России по последним исследованиям частных лиц, земств и комиссий» (М., 1882).

[3] Выявить сборник статей из «Русской мысли» составителям не удалось. Оба упомянутых Л.Г. Дейчем издания, очевидно, были использованы им для пересылки конспиративных писем.

[4] См. прим. 1.

[5] См. прим. 12 к док. 68.

[6] Товарищам (от нем. Genosse).

[7] Имеется ввиду «Социал-демократ».

[8] Речь идет о публикации: *Плеханов Г.В.* Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова // Отечественные записки. 1882. № 5; 1883. № 9 и 10.

[9] Кит – С.М. Кравчинский.

[10] *Каминер А.И.*

77
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1890, 6 апреля
Карийск[1]

Дорогая сестра!

На днях я получил твое письмо[2], в котором ты сравнительно довольно подробно описываешь свою морнейскую жизнь, – как целый день проводишь в занятиях, в чтении и писании, не видаясь по месяцам ни с кем, кроме Тюрки[3]. Я рад и не рад такому образу жизни. Мне приятно, что ты, по-видимому, приучилась к интенсивному, серьезному труду, что работаешь производительно и находишь, очевидно, удовольствие в таком времяпрепровождении. Но я боюсь, что такой образ жизни скверно отзовется на твоем здоровье: ты и раньше уже жаловалась на грудь, на частые лихорадки. К тому же полное отсутствие встреч с людьми, если и не превратит тебя в «ведьму одичалую», как ты пишешь, – все же может отразиться на твоем состоянии, настроении. Я не думаю, чтобы и для занятий была выгодна такая изолированная, уединенная жизнь. Даже встречи с пустыми, малоинтересными людьми, всякий обмен мыслями освежающим образом действует, благотворнее полного, хотя бы и «добровольного, одиночества». Нет, дорогая, напрасно ты думаешь, что «можешь жить только так или никак». Эта мысль меня очень

огорчает, но я надеюсь, что только пока ты так думаешь, что, быть может, ко времени получения этого письма ты уже изменишь свой образ жизни, – не будешь избегать людей, найдешь возможность соединять серьезные занятия с разнообразием от бесед с другими, кроме Жоржа. Ужасно жаль, что ты в этом письме ни словом не касаешься содержания своих занятий, тем своих произведений, – мне бы это доставило большое удовольствие. Ты знаешь, что, кроме присущего мне интереса к теоретическим вопросам, мне особенно было бы приятно знать, какие именно тебя занимают. Допустим даже, – хотя вообще это[4] очень сомнительно, – что я когда-ниб[удь] «сам прочту», как ты надеешься, все тобою написанное; но неужели ты не представляешь себе, что даже краткое изложение, самый слабый намек на то, чем ты занимаешься, мне приятно было бы узнать как можно скорее, а не чрез многие, быть может, годы?

Я согласен, что при твоем образе жизни у тебя немного тем для писем; но ты и теми не пользуешься, какие имеешь. Ты, напр[имер], вовсе не упоминаешь о старых знакомых и приятелях, даже в двух-трех словах не сообщаешь о заведении Рольника[5], – на какие средства оно существует, сколько там работает человек и пр. Даже о самых близких людях: о Жорже, Павле, Розе, Лизе ты лишь вскользь упоминаешь, и из твоих сообщений решительно нельзя составить себе никакого представления об их жизни. Но, если ты действительно разучилась не только говорить, но и переписываться, если составление письма для тебя трудная задача, для решения к[о]т[о]рой ты должна принуждать себя, то я, конечно, предпочитаю получать от тебя лишь краткие сообщения о твоей жизни и здоровье и нисколько не буду в претензии за отсутствие подробных, но высиженных писем, к тому же могущих надолго отрывать тебя[6] от твоих занятий. Ты отчасти права, говоря, что у меня, если и не «во 100 раз больше» тем для писем, то все же больше, но не потому, что я «живу на людях». Живи я даже совершенно один среди четырех стен, думаю, у меня находилось бы довольно материала для бесед с тобою и Дмитром, раз только вы интересовались бы моими сообщениями. Буду и впредь, при всяком случае, писать тебе большие послания; я и теперь готовлю такое. Не знаю только, получила ли ты недавно сравнительно посланное, – месяца три-четыре тому назад. У нас как громадные пространства кажутся небольшими, так и время считается малым, когда вам, живущим в Европе, оно показалось бы очень большим. Ты, напр[имер], удивляешься, что поздравление с Новым, 1889 г., получила очень поздно, а у нас это почти в порядке вещей. Переписываешься ли с Маней? Знает ли она твой новый адрес? Присылает ли юридич[еский]. жур[нал][7]? Мне она уже давно не пишет, хотя я посылал ей и письма, и телеграммы. На последние она всегда отвечает телеграммами же, что здорова и шлет мне письмо, а его я все же не получаю. Неисправима она. Раз ты получила мое предыдущее послание, ты уже знаешь обо всем новом, происшедшем в нашей жизни за последнее время. О новейшем периоде узнаешь из ближайшего большого послания. Пока скажу в немногих словах, что неказиста наша жизнь, много в ней безотрадного, грустного. Меж[ду] пр[очим], ты, вероятно, знаешь уже о том, что Маруся окончила жизнь самоубийством с тремя другими своими приятельницами. У нас тоже было два смертных случая и несколько попыток[8]. Теперь какая-то эпидемия на всевозможного рода смерти. Об этом ты, вероятно, знаешь уже из газет; напрасно только ты не следишь за ними аккуратно, как ты сообщаешь. Слухи о нашем перемещении становятся все упорнее и настойчивее. Может быть, когда получишь это письмо, мы будем уже на новом месте. Разбирает опасение, как бы там не было еще хуже, чем здесь[9]. Впрочем, бог милостив. Временами я бываю совершенно равнодушен к тому, что ждет нас впе-

реди, но иногда находит тревога, и тогда чувствую себя скверно. Это особенно часто случается в последние месяцы: может быть, вследствие картин смертей, а то и ввиду разлуки с Дмит[ром] и предстоящего полного одиночества при вечной жизни на людях. Хороших знакомых среди 35 чел[овек] у меня есть несколько, но ни с одним не близок сколько-ниб[удь]. Для последнего мне необходимо не только, чтобы характер данного лица был мне симпатичен, но чтобы вполне сходился и в воззрениях, а такого совпадения здесь нет. Очень может быть, как Дм[итро] говор[ил], я сам отчасти виноват в том, что отталкиваю от себя многих своей манерой спорить; но, право же, вечно приходится слышать такие странные взгляды по поводу многих[10] вопросов, что невольно потеряешь всякую способность сдерживать себя. Для иллюстрации приведу, напр[имер], следующие глубокомысленные воззрения, разделяемые многими: «Геноссы[11] собирают из «Капитала» только плевелы, пшеницу же в нем берут другие». Эти «другие» – кто бы ты думала? Сторонники Петра Алексеевича[12], Мишки[13] и вообще все те самобытники, которые вовсе не понимают «Капитала» Маркса, да и вообще все отрицают, кроме произведений В.В., Глеба Иван[овича][14], Михайловского и т.п. самобытных философов. Жорж и Павел поймут мое положение здесь, когда они представят себе, что мне приходится жить в сообществе нескольких десятков Корнфельдов, Федершеров[15] и т.п. Да и те, пожалуй, живя в ваших условиях, пообтесались, отказались, б[ыть] м[ожет], от многих ошибок и заблуждений. Но если не касаться воззрений, то многие очень симпатичны и вообще хорошие люди. А можно ли не касаться убеждений? Вот теперь, ввиду происходящих у немцев и вообще за гран[ицей] событий, почти беспрерывные разговоры, дебаты. И боже, боже, чего не услышишь! Жорж на моем месте давно со всеми перегрызся бы, хотя кое-кого, б[ыть] м[ожет], и перетянул бы на свою сторону. Но «пшепустим» (оставим) это, как говорят у нас (много у нас своих словечек; некоторые очень удачные).

Меня, Павел, ужасно интересует ход дел геноссов. Из получаемых нами источников очень мало можно почерпнуть, к тому же часто попадаются сомнительного свойства известия о них. Письма твои всегда доставляют мне большое удовольствие. Пиши, брат, и впредь (только не можешь ли поразборчивее: не для меня, конечно) как о них, так и о себе, о своем кефире[16], о своих занятиях, о семье и знакомых. Поверь, что я действительно интересуюсь всем, тебя касающимся, а не говорю только для проформы. Дмит[ро] сообщит тебе об участи присланных тобою книг («N[eue] Z[eit]», J[ahrbücher] f[ür] S[ozial]w[wissenschaft und Sozialpolitik][17] и др.), – тогда сообрази, как впредь снабжать меня аналогичными. Гегеля, по прочтении, пришли мне (его, к слову, большинство здесь, конечно, не читавши, считает чуть ли не идиотом). Думаю, после отъезда Дм[итра][18], вплотную засесть за занятия, – последнее время я сильно отбился от книг, больше пишу[19], – если только обстоятельства не изменятся к худшему. Глаза мои тоже чем дальше, тем больше слабеют, – результат, конечно, обстановки. Как бы то ни было, нахожу, что за последние годы кое-что успел, многое понимаю лучше прежнего. «Но к чему это?» – нередко приходит в голову. Может, и лучше ничего не понимать, легче себя чувствовал бы. Ну, да «пшепустим» и это.

О многом хотелось бы потолковать с вами, дорогие. Но вы понимаете, что это не всегда возможно. Особенно меня интересуют ваши литературные произведения. Я уже сообщал, почему некоторые из них мне не понравились (особенно «Нов[ый] защит[ник]»[20]), хотя не знаю, получили ли вы то письмо. Повторять снова – не хочется. По-моему, как можно меньше полемики, резкостей, даже полное игнорирование всяких Павиных, Борисовых[21] и т.п., а исключительно теоретические,

исторические и критические статьи по всевозможным вопросам, принесло бы громадную пользу и вам, как авторам, и читателям вашим. Не нравится мне также, что в «Библиогр[афическом] отд[еле]»[22] вы, вместо ознакомления с другими изданиями полемизируете, (напр[имер], о «Вальке Класс»), причем приводите вовсе нелестные для вас отзывы своих противников (напр[имер] той же Вальки и Ив[анна] Ив[ановича[23]]). Получается впечатление, что вы представляете собою травленых собак, огрызающихся на все стороны, и нельзя сказать, чтобы это впечатление было хорошим. Конечно, для верного суждения нужно знать условия, вызвавшие такой характер изданий, но не виноват и читатель, когда, не видя в данном произведении этих условий, делает заключение, что автор просто желчный человек, всем и вся недовольный, кроме себя и своих единомышленников[24]. Повторяю, по-моему, лучше всего – полное игнорирование противников и исключительно статьи, дающие теоретич[еские] и фактич[еские] сведения. Вот почему больше всего понравился «Очерк междун[ародного] Общ[ества] раб[очих]»[25]. Действительно, и содержание, и тон автора – прелестны. Здесь и комар носа не подточит.

Но, довольно о литературе.

Павел, сообщи, каковы последние успехи геноссов? Имеют ли они уже применение в сельском населении? Много ли у них органов, изданий, какие именно и где? Думает ли Фридр[их] Карл[ович][26] когда-ниб[удь] издать третий том и полное собрание сочинений Маркса? Почему бы вам не перевести «Zur Kritik»[27] или хоть бы извлечение из него? Надеюсь, что ты, Марфа, соберешься прислать мне, наконец, франц[узский] роман[28]. Я с нетерпением жду его с каждой почтой. Может быть, с выходом Дм[итра] ты вполне поймешь, как приятно было бы мне иметь книги для упражнения во франц[узском] яз[ыке]. Мне много лет еще впереди (около 6–7), и я надеюсь выучить иностр[анные] языки, к[о]т[о]рых не знаю. О материальных наших условиях могу лишь сказать, что они не блестящи, хотя жить можно и подчас даже недурно. Пишу немного о нашей обстановке, п[отому] ч[то] несколько раз уже сообщал вам об этом, к тому же от Дм[итра] можете узнать о том, что вам остается неизвестным. Я надеюсь, что вы с ним будете аккуратно переписываться.

Ну, будьте же все здоровы и, насколько это возможно, счастливы. От всей души, конечно, желаю вам, дорогие, всякого успеха в ваших занятиях. Очень, конечно, хотелось бы мне, чтобы и до меня достигал слух об этом. Буду надеяться, что судьба, наконец, будет милостива ко мне. Нам удастся когда-ниб[удь] снова свидеться и быть вместе. Как бы мне хотелось этого – вы и представить себе не можете, не поживши в моих условиях. Но что говорить об этом? Но забывайте же меня.

Ваш Л[ев]

[29]Говорят, не раньше мая двинусь в путь[30]. Как только узнаю, где водворен буду, – напишу. Предстоит дорога длинная. Туда, куда ворон костей не заносит. Полгода, если не больше, проведу в путешествии. Теперь живу верстах в двух от Ж.[31]. Часто хожу на сопку, чтобы оттуда видеть его, но ни разу его не заставал на дворе. Глаза у меня сохранились, мог бы распознать, да он все сидит, по обыкновению, в комнате. Все, что он пишет насчет твоих занятий и относит[ельно] вашей мастерской и ее изделий, сказал бы и я. Хотел бы тоже иметь эти изделия, но об этом – со временем. Ты мне сообщишь, нужен ли я для вашего производства в теперешнем моем положении[32]. Судя по тому, что мы видели, кажется, надобности не имеется. Научись, пожалуйста, вразумительно справляться с юриспруденцией[33], пригодится. Будь же здорова прежде всего. Лизе не показывай моих фотографий. Это ей за то, что она мне своей карточки

не прислала. Желал бы знать адрес Марьи Аполлосовны[34]. Жоржа целую и благодарю. Павла тоже, только не за то, за что Жор[жа], а за деньги. Сергей молодчина, если это он изобличает начальство севера[35].

Ж[енька] сейчас беседовал со мною: «Весь день, говорит, после твоего ухода как-то странно себя чувствовал…, но пока не могу сказать, чтобы разобрала уже тоска. Может, это объясняется тем, что сегодня после получения писем (от тебя[36] и Мани) – некоторое возбуждение, разговоры по поводу твоего ухода... Встречаясь со мной, тот или другой обыкновенно спрашивает: «Что, осиротели?» Ваничка со мною очень ласков. (Это мой любимец[37], но он часто ссорился с Ж[енькой]: я ему наказал жить с Ж[енькой] в мире). До свиданья, целую твою руку.

Твой старый Дмитрий

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД.1/29.31. Л. 1 – 2 об.
Автографы Л.Г. Дейча и Я.В. Стефановича. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 248–255.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Точная дата письма, (под которой оно опубликовано впервые), установлена, вероятно, по отсутствующему конверту. По верхнему полю первого листа Л.Г. Дейчем сделана поздняя приписка черными чернилами: «(Из тюрьмы. Конспир[ативное]. 1890 г. Апрель. Карийск».

[2] Речь идет о документе 73.

[3] Так звали собаку.

[4] Вставлено чрными чернилами позже, при подготовке текста к публикации.

[5] *Это означало устроенную мною типографию для группы «Освобождение труда», в которой работал т. Рольник и где печатались произведения моих друзей.* – Прим. приписано Л.Г. Дейчем черными чернилами по нижнему полю первого листа.

[6] Слово вписано Л.Г. Дейчем черными чернилами, при подготовке текста к публикации.

[7] *В журнале «Юридический вестник», как я уже сообщал, я химическими чернилами, между строк, писал огромные письма и даже статьи. Затем пересылал эти книжки в вольную команду, откуда их отправляли моей сестре Марии Григорьевне Афанасьевой в Уфу, или А.И. Успенской в Москву, а они отправляли их Вере Ивановне за границу.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[8] Речь идет о «Карийской трагедии». См. прим. 6. к док. 69.

[9] После волнений и массовых самоубийств на Каре 1888 – 1889 г., вызванных издевательствами над политическими заключенными, Карийская каторга была ликвидирована. Политические заключенные были переведены в Акатуй (Нерчинский горный округ Забайкалья), где их поместили вместе с уголовными, с которыми уровняли в условиях работы, питания и наказаниях.

[10] Фрагмент текста со слова «такие» и до слова «многих» подвергся правке Л.Г. Дейча.

[11] Genossen – товарищи (*нем.*), т.е. социал-демократы.

[12] П.А. Кропоткин.

[13] В.К. Дебагорий-Мокриевич.

[14] Г.И. Успенский.

[15] *Молодые народовольцы, околачивавшиеся в мое время за границей, малоразвитые, не блиставшие умом, но любившие спорить и возражать нам, марксистам.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[16] О кефирном «заведении» П.Б. Аксельрода.

[17] См. прим. 12 и 16 к док. 68.

[18] У Я.В. Стефановича заканчивался срок каторжных работ.

[19] *Я писал свои воспоминания в «Карийских тетрадях».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[20] Речь идет о брошюре: *Плеханов Г.В.* Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. Женева, 1889 (Библиотека современного социализма. Вып. 9).

[21] *«Борисовыми» мы называли заграничных народников, вроде Ив.Ив. Добровольского, выпустившего брошюру «Начало конца», под псевдонимом Борисов.* – Прим. Л.Г. Дейча.
Пава – псевдоним М.Н. Ошаниной.

[22] «Социал-демократа».

[23] И.И. Добровольский.

[24] *В этом письме я делился своими впечатлениями по поводу сборника «Социал-демократ», полученного мною конспиративным способом.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[25] Автором была В.И. Засулич.

[26] Ф. Энгельс.

[27] Имеется в виду работа К.Маркса «К критике политической экономии» (1859) («Zur Kritik der Politischen Oeconomie von Karrl Marx»).

[28] *Во французском романе между неразрезанными страницами я просил ее написать мне обстоятельное письмо химическими чернилами. Это она и сделала, но, помню, не все ею написанное можно было прочесть, ввиду слабого раствора, все же таким образом проникало к нам не мало интересного.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[29] Последующий текст черными чернилами приписан Я.В. Стефоановичем. Перед текстом в сборнике «Группа «Освобождение труда»» приведено следующее примечание Л.Г. Дейча: «*Приписка на этом письме принадлежит Стефановичу, находящемуся в это время в вольной команде, которому я из тюрьмы отправил это письмо, а он должен был переслать его за границу*».

[30] *То есть на поселение в Якутскую область.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[31] *Ж. означает Женя или Женька, – уменьшительное от моего революционного имени Евгений.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[32] *Этим Стефанович хотел сказать, что он не прочь сотрудничать в «Социал-демократе».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[33] *То есть научится прочитывать написанное химическими чернилами (в книжках «Юридического вестника»).* – Прим. Л.Г. Дейча.

[34] *Мария Аполлосовна Тургенева, жена Чубарова, наша старая приятельница.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[35] *Кравчинский вел в Англии агитацию против русского правительства.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[36] *То есть он получил от меня по конспиративной почте письмо.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[37] И.Ю. Старынкевич.

78
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1890, апрель
Карийск[1]

Я написал тебе, дорогая, довольно большое письмо[2], которое, б[ыть] м[ожет], ты получишь одновременно с этой припиской. Там, меж[ду] пр[очим], я выражал сожаление, зачем ни словом не упоминаешь о своих работах. Но вот сегодня я получил, вскоре после твоего предыдущего[3], письмо от тебя[4], в котором ты сообщаешь о двух своих произведениях, глав[ным] обр[азом] написанных «нервами»(о «тенденциях мон[таньяров]» и Варлен[5]). Я рад и этому сообщению, хотя оно почти ничего не дает о содержании этих работ. Особенно мне интересна первая. Я уверен заранее, что она бы мне (да и всем) понравилась, и я даже доволен, что она писана «нервами», а то весь ваш Сборн[ик][6], к[о]т[о]рый я видел, чересчур уж сух и тяжел для пищеварения многих. Также интересует меня – о «Ник[олае] Гаврилов[иче]», вероятно, Жоржа?[7] При первом удобном случае, постарайся прислать, если не все, то хоть часть, или хоть краткое изложение и перечень других статей № 1 и № 2-го[8].

От Мани и ее мужа получил, наконец, письмо после более чем годичного молчания. Но она, бедная, оказывается была больна, рожала и т.п. причины мешали ей писать. Она жалуется, что ты ей давно перестала писать; а меж т[ем] только через нее ты можешь получать мои большие послания. Вот и теперь я готовлю тебе.

Дмитро уже вышел, хотя и не уехал еще, – он до начала судоходства, к[о]т[о]рое начнется, вероятно, в конце этого месяца или в начале следующего, живет в команде. Видеться с ним мы не можем, но изредка узнавать друг о друге будет [можно], благодаря чему все же как будто не столь резкий переход, не так тяжела разлука, б[ыть] м[ожет], на многие, многие годы… Передай непременно Ане, что я не ожидал такого полного к себе забвения с ее стороны: за все годы не получил от нее ни строчки. Трудная ли вещь ей написать письмо и передать тебе для отправки мне?! Ну, да бог с ней, – если не хочет писать, пусть не пишет. Но хоть бы прислала свою и своих ребят карточки. То же сообщи и Лизе, и Фане.

Ну, будь, дорогая, здорова. Крепко, крепко обнимаю тебя.

Сотрудничает ли в вашем журн[але] Серг[ей]? По-моему, вам следовало бы привлечь его, даже если он и не вполне разделяет ваши воззр[ения], ввиду его таланта и популярности. К тому же чем больше сотрудников, тем лучше для журн[ала], а то «Сборн[ик]», к[о]т[о]р[ый] я видел, слишком уже исключительно наполнен одними (или даже почти одним) лицами, чем очень напоминает «Рус[ское] бог[атство]». Думаю, что также непрактично было объявлять о правильном, периодич[ном] выходе номеров. Следует, при <u>ваших</u> условиях, издавать непериодич[но].

[9]Пусть Сергей непременно пришлет Женьке свой роман на анг[лийском] яз[ыке],[10] и вообще он сделал бы доброе дело, присылая книги время от времени. Ане, котор[ая] забыла Женьку, не кланяюсь. Хороша! Нечего сказать, в люди вышла, так и рукой махнула. Там у них ломброзеизм[11] в социологию вторгся. Нет бы Ане же прислать Ж[еньке] изданий этого сорта. Слыхал, было, что Турати книжку написал в опровержение ломброзиотоньей социологии. Вот бы и прислала.

АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д.671. АД 1/29.62. Л. 5 – 5 об. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по сопоставлению с предыдущим док. 77.
[2] Док. 77.
[3] Док. 73.
[4] Письмо В.И. Засулич не разыскано.
[5] Имеются в виду статья В.И Засулич «Революционеры из буржуазной среды», напечатанная в обозрении «Социал-демократа» (1890. Февраль. Кн. 1), и брошюра под названием «Варлен перед судом исправительной полиции», вышедшая в свет в 1890 г. в серии «Рабочая библиотека» (№ 4).
[6] Вероятно, имеется в виду: Социал-демократ. 1890. Кн. 1
[7] Имеется в виду статья первая: *Плеханов Г.В.* Н.Г. Чернышевский // Социал-демократ. 1890. Кн. 1. С. 88 – 175.
[8] Вторая книга «Социал-демократа» вышла в свет в августе 1890 г.
[9] С этих слов и до конца текста – приписка другого лица, вероятно, Я.В. Стефановича, черными чернилами.
[10] Речь идет о первом издании романа С.М. Степняка–Кравчинского «Андрей Кожухов», вышедшем в свет на английском языке в ноябре 1889 г. в Лондоне.
[11] Направление, связанное с учением *Ломброзо Чезаре* (1835–1909) – итальянского антрополога и криминалиста, основателя антропологической школы в науке уголовного права, согласно которой существуют «прирожденные преступники», отличимые по ряду внешних признаков, свидетельствующих об их вырождении.

79
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1890, июнь[2]
Морнэ

…Среди геноссов[3] идет теперь глухое несогласие, беспрерывно прорывающееся, однако, в их прессе. С ослаблением крутого режима[4] у них опять уже образовалось внутри страны до 50 журн[алов] и газет и многие гораздо ярче их официального Лондон[ского] органа (Soc[ial]-dem[okrat]). Фракция рейхстага (т.е. депутаты), старики, в особенности (Либк[нехт] и Беб[ель]), стоят за осторожность, умеренность, – не принципов, конечно, а в поведении; большие же города, Берлин и Гамбург, – глав[ным] образом, за пользование своей силой во всем размере. Разногласия начались еще 1-го Мая. Реакционные газеты ждали этого числа с большим нетерпением, надеясь на беспорядки, которых не удалось устроить во время выборов. Масса геноссов, не желая, разумеется, беспорядков, желала, однако, всеобщего воздержания от работы (в этот день), как было решено в Париже[5], и Общество берлинских геноссов (т.е. Arbeiterverein[6]) выпустило объявление в этом смысле. Фракция же (т.е. депутаты) выпустило контробъявление, в к[о]т[о]ром советовала воздержаться от манифестации там, где можно ожидать столкновений с местн[ыми] властями. Одни послушались берлинцев, другие – фракцию. Всеобщее воздержание от работы произошло лишь в Гамбурге, где большинство всего населения – геноссы. Но почва всюду нашлась: где сотни, где тысячи манифестировали. Там, где они были в меньшинстве, их выгоняли с фабрик, не принимают ни на какие другие, а обществен[ное] мнение среди геноссов отчасти обвиняет в их бедствиях фракцию: «Если бы, мол, не она, – массы воздержались бы от работы, а их не прогнали бы». Хотя, положим, в Гамбурге фабриканты закрыли много фабрик, и там уже третий мес[яц] массы рабочих страшно бедствуют. Но еще большее поражение в умах геноссов понесла осторожность стариков на днях. Ты уже знаешь, как перед выборами берлинцы бойкотом заставили кафетьеров давать залы для собраний. Теперь, в июне рабочие пивоваренных заводов, среди к[о]т[о]рых почти нет геноссов, устроили стачку и, видя ее безуспешность, обратились с просьбой к геноссам побойкотировать их хозяев – не пить пива, пока те не уступят. Бебель говорил против этого, – не следует, мол, злоупотреблять этим средством. Тем не менее, бойкот состоялся, но не такой дружный, как во время выборов. Пивовары продолжали держаться. Тогда на большом собрании представителей всех берлинских геноссов Бебель, несмотря на сильное сопротивление очень многих, добился постановления, что воздержание от пива прекращается «ввиду безнадежности победы». И как нарочно, в этот же самый день и час хозяева пивоварен тоже собрались на митинг и постановили уступить всем требованиям своих рабочих «ввиду безнадежности сопротивления такому бойкоту». Черт, мол, их знает (рабочих): «Они, пожалуй, и совсем от пива отвыкнут, ч[то] тогда делать?» Так[им] образ[ом] оказалось, ч[то] если бы не осторожность фракции, то за берлинцами числилась бы победа, а так вышло что-то среднее. Недовольны очень многие – и, по-моему, вполне справедливо – и их предложением в рейхстаге о постепенном введении 8-часового рабочего дня: немедленно – 10 ч[асового], в [18]94 г. – 9 ч[асового], и лишь в [18]98 г. – 8 ч[асового]. Многие опасаются разрыва партии, но, наверное, он не состоится: Либкнехт и Бебель думают, ч[то] такая тактика полезна для силы и роста партии, но ни в каком случае не

только ничего личного, но и никакого изменения в их принципах за этим нельзя предполагать. 40 лет такой верной службы, какую несли они (собственно, один только Либкнехт 40 лет), слишком хорошо за это ручается. А если так, то они, конечно, скорее уступят более смелым и крайним элементам, чем допустят разделение. Фракция во главе умеренных и, главным образ[ом], мелких буржуа, от к[о]т[о]рой отделились бы рабочие именно больших городов, остающиеся при этом верными основным принципам и программе, – такая фракция была бы до того жалкой и бессмысленной, что старики никогда не захотят с нею остаться. Поэтому недовольство среди геноссов меня не огорчает, а радует (?!). Опасности я не вижу, а тактика фракции и мне очень не по душе, и ей, несомненно, будет положен скорый конец.

В «N[eue] Z[eit]» печатается перевод статьи Жор[жа] о Ник[олае] Гавр[иловиче] (Черн[ышевском])[7], – они теперь так и рвут переводы его статей. Каутский, прочтя[8] в рукописи, пришел в такой восторг, что написал переводчику[9], – не решаясь, должно быть, писать комплименты самому автору, – что «автор такой статьи, как теоретик, стоит в первом ряду, in erster Linie[10] европейских писателей», что не только «геноссам России, но и Европы есть много чему у него поучиться». Фр[идрих] Карл[ович][11] тоже ею восторгается. Русская же публика, полу-Павиного[12] оттенка говорила против нее – все то же, что она говорит против всех его статей, и что брат Евг[ений][13] писал от лица сослуживцев о сборнике левых гегельянцев: «самоуверенность!», «самомнение!», «захотел, мол, быть умнее отца!» «Что же из того, ч[то] Ник[олай] Гав[рилович][14] не знал Маркса?! Да он сам много умнее Маркса и проч[ее] и проч[ее]». Хотя тон статьи ничуть не полемический, но все же не следует «свое суждение иметь»[15].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 773. АД. 1 / 24.19. Л. 1 об. – 2. Копия рукой Л.Г. Дейча. Опубл.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. II. М., 1973. С. 319–321.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Публикуемый текст, представляющий часть письма В.И. Засулич к Л.Г. Дейчу, приведен последним в его письме к Я.В. Стефановичу от 25–28 августа (6–9 сентября) 1890 г. Тексту предшествуют следующие строки: «Вот что Марфа пишет о немцах».
[2] Датируется по содержанию.
[3] От нем. Genosse – товарищ. Имеются в виду немецкие социал-демократы.
[4] Речь идет об Исключительном законе против социалистов, действовавшем в Германии до 1890 г.
[5] На Парижском конгрессе II Интернационала 1889 г.
[6] Рабочий союз (*нем.*).
[7] Перевод статей Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский» из политического обозрения «Социал-демократ» печатался в журнале «Die Neue Zeit» в 1890 г. (№ 8, S. 353–376 и № 9, S. 404–442)
[8] Далее Л.Г. Дейч от себя пояснил в скобках: «перевод».
[9] Переводчиком статей Г.В. Плеханова о Чернышевском был студент Атлас.
[10] В первой линии, в первом ряду (*нем.*).
[11] Ф. Энгельс.
[12] Пава – революционный псевдоним народоволки Н.М. Ошаниной. В.И. Засулич имела в виду русскую интеллигенцию с народническими взглядами.
[13] Л.Г. Дейч.
[14] Н.Г. Чернышевский.
[15] На этой фразе цитата из письма В.И. Засулич обрывается.

80
С.М. Ингерман – В.И. Засулич

1890, 9 августа
Берн[1]

Дорогая Вера Ивановна!

К[а]к видите, я недурно сделал, что вовремя убрался. До сих пор денег нет к[а]к нет. Впрочем, мы получили письмо, что на днях вышлют, т[а]к что можете успокоить свою хозяйку. Заниматься или писать здесь нет возможности. Супруга нездорова, сестра оч[ень] серьезно больна, к тому мы еще почти без квартиры – нас перенесли в маленькую комнатку. Если Геор[гию] Вал[ентиновичу] может пригодиться моя заметка о книжке Лаф[арга][2], я ее быстро составлю (половина была написана еще в Mornex) и вышлю; если же нет... Что хорошего в Mornex? Когда деньги будут, мы отправимся куда-ниб[удь] в деревню, но уже поближе. Кланяйтесь Г[еоргию] Вал[ентиновичу]. Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Ингерман

РНБ. АДП. Ф. 1098. Оп. 1. Ед. хр. 199. В 186.1. Л. 1. Автограф. На почтовой карте с почтовым штемпелем «9.VIII.90». Адресовано: «France. H-te Savoie. Maison Favre. M-me Beldinsky». Опубл.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 244–45. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] В архиве Г.В. Плеханова сохранилась часть рукописи С. Ингермана (без начала), за подписью «Junior». Судя по содержанию, эта заметка написана по поводу книги П. Лафарга о происхождении и эволюции собственности. Заметка о Лафарге в печати не появлялась.

81
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1890, после 11 сентября[2]
Карийск

Дорогая сестра!

В моей жизни произошла относительно большая перемена к лучшему: 11 сентября меня и многих моих товарищей (24 чел.) выпустили в вольную команду. Ты, быть мож[ет], не знаешь, что это значит. Поэтому изложу, в чем состоит эта «вольная команда». Живем в деревне, мало напоминающей наши русские, т[а]к к[а]к большинство населения – выпущенные[3] уголовные каторжане, батальон пеших казаков, держащих караул в тюрьмах, и всякого рода начальство, как военное, так и гражданское. Деревня эта раскинута в долине на обширном пространстве вдоль по ничтожной речке Каре, летом почти вполне пересыхающей. Внешний вид этого поселения скорее напоминает плохие наши уездные города, чем села; в ней, кроме тюрьмы, казарм, есть и лавки, и почтово-телеграфная станция. Жить мы можем или в собственных хатах, которые можно купить рублей за 50–75–100 maximum каждую, или в предоставленных начальством в наше распоряжение довольно хороших домиках. Пока я вместе с Дмитром, который

на днях уходит на поселение, и одновременно со мной выпущенными Лешерн, Фоминым и Мирским нанимаем квартиру, за к[о]т[о]рую платим 6 руб[лей]. в ме[ся]ц (без отопления и освещения, конечно). Пищу готовим сами группами или компаниями и исполняем всякие хозяйственные работы, каковы рубка дров в лесу, косьба сена для наших двух лошадей, уход за коровами (6-ю) летом и пр[очее]. Работ вообще много и довольно тяжелых, зато, так сказать, живем «на лоне природы» и пользуемся, конечно, большим разнообразием, чем в тюрьме. Материальные средства почти те же, что и в тюрьме, т.е. казенный «паек» (3 ф[унта] ржан[ого] хлеба и 40 зол[отников] мяса) и присылки от родных. Но если в тюрьме эти средства были очень скудны, то на воле они еще скуднее. Но, во всяком случае[4], жить кое-как можно. Посторонние заработки очень трудно иметь: если есть здесь спрос, то только на ремесла, да и то крайне ограниченный. Заниматься всякого рода науками возможно, но много времени отнимают разные хозяйственные работы и хлопоты. Всех нас здесь вольнокомандцев 34 чел[овека], из них 4 женщ[ины] (Лешерн, Корба, Ивановская и Добрускина), не считая 4 вольных жен (Люри, Рехневской, Сухомлиной и Медведевой[5]). Как видишь, колония наша довольно большая и скучать не приходится, да и некогда почти. Газеты и журналы мы можем получать, как русские, так и иностранные, – были бы только средства на выписку их, раз родственники сами не высылают их. Я бы очень хотел получать какую-ниб[удь] немецкую или французскую газету или журнал. Прошу Павла позаботиться об этом, пусть он пересылает, напр[имер], «Neue Züricher Zeitung», «Frankfurter Zeit[ung]» или др[угую], по прочтении[6] (можете высылать под бандеролью раз в неделю несколько номеров); то же и ты делай с французскими, напр[имер], «Journal de Géneve». Вероятно, нетрудно, – если он сам не получает никакой, – доставать у кого-ниб[удь] из знакомых уже прочитанные газеты или журналы. Письма, газеты и все прочее нужно высылать по следующему адресу: Карийск (Восточ[ная] Сибирь, Забайкальская обл.), г-ну помощнику начальника Акатуевской тюрьмы (для такого-то). Теперь мы перешли из жандармского ведомства в общеуголовное, тюремное, и вообще жандармы не заведывают более государственными преступниками. Оставшиеся еще в тюрьме (13 чел[овек], в том числе Зунд[елевич]), переведены в новую тюрьму, в Акатуй[7], где они состоят на общеуголовном положении; помещаются вместе с уголовными в одних камерах, работают в рудниках и проч[ее]. Положение их незавидное, вероятно, но зато теперь, с переходом в общетюремное ведомство, будут выпускать в вольную команду тотчас по окончании срока, меж[ду] тем как до сих пор, при жандармском заведывании, некоторые по нескольку лет дожидались очереди выпуска, а иные так и уходили на поселение, все время просидев в тюрьме. Я также целый год уже имел право на выпуск и только на днях выпущен благодаря упомянутой реформе – изменению администрации жандармской общетюремной. Всего, как знаешь, со времени ареста (25 фев[раля]/9 мар[та]), я пробыл в тюрьме 6½ лет, а на Каре – без малого 5 л[ет]. Теперь, до выхода на поселение еще остается 5½ лет и, если ничего экстраординарного не случится в моей жизни, то надеюсь не без пользы провести эти годы. Я, как знаешь, и в тюрьме довольно занимался, надеюсь и здесь не терять напрасно времени. Многое пришлось пережить за эти годы, особенно за последний, но я все же вышел здоровым и бодрым из тюрьмы, хотя знакомые находят, что я сильно постарел. Впрочем, Дмитро пришлет тебе мою карточку, тогда сама увидишь, но я нахожу, что на ней я лучше, чем в действительности, красивее и моложе. Пока еще не совсем устро-

ился и осмотрелся в новых условиях, но благодаря хорошей перемене в жизни, новизне обстановки и совместной жизни с товарищами чувствую себя хорошо. Ощущения аналогичны тем, какие, бывало, испытывал по окончании экзаменов, на каникулах. Но, вероятно, скоро надоест однообразная все же жизнь, отсутствие занятий и серьезных интересов, как это бывает в провинциальной глуши, вдали от цивилизованного света. Все же, вспоминая еще большее однообразие тюремной жизни, буду находить утешение в настоящей. Об одном прошу тебя, дорогая, пиши как можно подробнее и чаще. Теперь и я могу тебе отвечать в закрытых письмах, каково настоящее (конечно, с присмотром ближайшего администратора – помощника начальника Акатуевской тюрьмы). Сообщи, как тебе живется, что поделываешь сама и близкие – Жорж, Павел, Роза, Аня, Лиза и др.? В последнем письме, полученном мною с месяц тому назад, ты сообщала, что статью Жоржа о Ник[олае] Гав[риловиче] перевели на немеций язык[8]. Это известие меня очень обрадовало, и мне ужасно интересно и самому ее прочитать поскорее, о чем, надеюсь, ты позаботишься. Пусть Павел вышлет мне (по вышеуказан[ному] адресу) одну–две книжки «Neue Zeit» за настоящий год, – я надеюсь получить теперь и раньше высланные номера вместе с «Jahrbüch[er] f[ür] S[ocial]w[issenschaft]», за которые, помнишь, мне здесь пришлось уплатить около 10 руб. Сообщение твое о геноссах, о раздорах в их среде[9], об излишней осторожности стариков – очень интересны, но не утешительны. Пиши, чем окончились разногласия? Меня, ты знаешь, ужасно интересует все, происходящее в их среде, да и вообще среди родственников. Я надеюсь, что теперь, с выходом в команду, буду получать от тебя более обстоятельные письма. Книги также высылай такие, которые могут меня интересовать. Передай мои приветы и пожелания всем нашим близким и знакомым. Павлу напишу в следующий раз, а пока перешли ему это письмо. Ну, будь же здорова и, насколько возможно, счастлива, милая, дорогая моя сестра. Не грусти, не тоскуй, надейся на лучшие времена. Теперь мы все же можем рассчитывать на изменения к лучшему, да и настоящая жизнь довольно сносна.

Ты приблизительно верно себе ее представишь, вспомнив свою жизнь в Арханг[ельской] губ[ернии], во многих отношениях, вероятно, она лучше. Пиши же, родная, отвечай поскорее на это письмо. Крепко целую тебя и всех близких.

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД.1.32. Л. 3 – 4 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 255–258. Публикуется по автографу.

Примечания

1 *Уже из «вольной команды», через цензуру начальства.* – Прим. Л.Г. Дейча более яркими чернилами в тексте письма по нижнему полю первого листа.

2 Датируется на основании упоминания в тексте времени выпуска Л.Г. Дейча в вольную команду.

3 Вместо этого слова в первой публикации напечатано: «отбывшие срок исправления».

4 Этот фрагмент Л.Г. Дейч подверг позже правке, написав поверх него более яркими чернилами: «Все же».

5 «Вольные жены» – жены революционеров, отбывающих каторгу на Каре. Предположительно это жены Н.А. Люри (Лури), Т. Рехневского, В.И. Сухомлина, Э.Б. Медведева.

6 Текст в скобках автор пометил крестиком и написал в самом низу страницы, как дополнение к слову «по прочтении».

7 *Акатуйская тюрьма* – каторжная тюрьма (в просторечии – Акатуй), одна из тюрем Нерчинской каторги. Основана в 1832 г. в с. Акатуй. Труд каторжан использовался для добычи свинцо-

во-серебрянной руды. В 1889 г. построено новое здание тюрьмы, куда переведены св. 110 узников упраздненных тюрем Карийской каторги (в их числе А.И. Зунделевич, П.И. Иванов, А.А. Спандони, П.Ф. Якубович и др).

[8] Имеется в виду сокращенный перевод очерка Плеханова «Н.Г. Чернышевский (Статья первая)», выполненный летом 1890 г. Ф. Атласом для журнала «Neue Zeit».

[9] *То есть о германских соц.-демократах, среди которых как раз в 1890 г. возникла фракция «молодых».* – Прим. Л.Г. Дейча.

82

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1890, 16 октября[1]
Карийск

Дорогая, хорошая сестра моя!

Из предыдущего моего письма[2], посланного недели три назад на адрес Павла, ты уже знаешь о важной перемене, произошедшей в моей жизни – о выпуске меня и многих моих товарищей в вольную команду в прошлом месяце. Тогда же я сообщил в кратких чертах об условиях нашей общей жизни при новых условиях. Воображаю, как тебя и других близких обрадовали эти известия! Несмотря на шестилетние пребывание в тюрьме, я – да и все другие – вышел на волю вполне здоровым и бодрым, только значительно постаревшим, в чем отчасти сможешь убедиться из прилагаемой моей карточки. Одновременно посылаю также карточки Якова и Софии[3]. Нельзя сказать, чтобы карточки эти были особенно удачны и верны, но сходство большое есть. Снимались мы здесь у заезжего фотографа, путешествующего по всей Сибири. Неверны, собственно, выражения физиономий, София, напр[имер], выглядит злою старушкой, хотя в действительности у нее вовсе не такое выражение. Как бы то ни было, думаю, ты будешь очень рада этим карточкам. Я уже много раз из тюрьмы писал и просил тебя и других близких прислать мне свои карточки, но – тщетно. Вообще не могу сказать, чтоб вы исполняли мои просьбы и поручения аккуратно. Ты, напр[имер], в письмах жалуешься, что никак не можешь подобрать подходящего для меня французского романа, меж[ду] тем это очень нетрудное, по-моему, дело, и я решительно не могу понять, почему оно тебе не удается, т[ак] к[ак] почти всякая книжка годится и будет мне интересна: французских книг у меня крайне мало. Ты также обещаешь выслать сочинения Бентама, но не определяешь, скоро ли, а я их жду с большим нетерпением. Мойше не присылай более, т[ак] к[ак] он ушел в Акатуй[4] и неизвестно, что им дозволяют получать. Посылай все книги мне, так же как и письма, на адрес: г[осподина] помощника начальника Акатуевской тюрьмы, Карийск (Восточ[ная] Сиб[ирь] такому-то).

Недели две назад получил здесь от тебя сравнительно большое письмо (в 2 л[иста]), в котором ты опровергаешь взгляды брата Жени по поводу литературы левых гегелианцев[5]. Со многим из высказываемого тобою я вполне согласен. Конечно, подделываться под взгляды Павиных и Ив[ана] Ив[ановича][6] не следует, но думаю, что ты несколько преувеличиваешь значение литературы вообще и левогегелианской – в особенности. По-моему, создать «умственного течения», как ты пишешь, она сама по себе, без соответствующих фактических условий, которых пока еще нет, не в силах, даже явись проповедником ее такой гений, как Маркс. Я высоко ценю способности и таланты Жоржа, но все же ду-

маю, что ему много вредят его приемы полемики. Впрочем, ты сообщаешь, что в последнем его произведении о Ник[олае] Гавр[иловиче][7] он очень сдержан и острожен. Меня ужасно обрадовало твое известие, что это его произведение переведено на немецкий яз[ык] и что Каутский[8] и др[угие] хвалят его. Я надеюсь и вполне допускаю, что иностранцы вернее оценят его, чем русские, и что он со временем займет одно из виднейших мест среди выдающихся литераторов, а тогда и наши «самобытники» его начнут хвалить и даже, пожалуй гордиться, что вот, мол, какие у нас таланты: «По всем Европам хвалят». От всей души желаю, чтоб мои ожидания сбылись. Хорошо было бы, если бы он вообще писал цельные самостоятельные сочинения и давал их переводить на иностр[анные] яз[ыки], а не одни лишь журнальные статьи. Прошу тебя в сотый раз сообщить, насколько возможно подробнее, о ваших литературных и материальных делах и условиях. Я имею о них очень смутное представление. Теперь, с выходом в вольные команды, когда нам дозволено посылать закрытые письма, буду, конечно, писать тебе подробнее, а потому и ты не скупись, сообщай о всем, могущем меня интересовать. Ты, напр[имер], ни словом не упомянула о процессе Мендельсона[9], и я лишь из газет узнал о нем. Но мне неясно, действительно ли все дело заварил ажан-провокатор или это только уловка со стороны подсудимых. Сведения в газетах о геноссах[10] также не очень подробны. Из них ясно только, что между ними происходят споры и несогласия и что Бебель и Либкнехт тянут в сторону умеренности и аккуратности, а Шиппель[11] – в крайности. Но в чем суть – неизвестно. Особенно интересует меня Шиппель: я читал его немец[кую] брош[юру] «Staats- Lohnregul[irung]» и вынес из нее заключение, что автор – родбертузианец[12], и вдруг – он в крайние попал! Чем объясняют эту его метаморфозу? Вообще, очевидно, на Западе теперь происходят интересные явления, и очень жаль, что Павел не делится со мною сведениями о них. Мне интересно также, как Фрид[рих] Карл[ович], Лафарг и Гед поживают, как они относятся к распре между собою немцев, чью сторону они держали в вопросе о 1-м Мае[13] и пр[очее]. В таких случаях Павел прежде бывал довольно обстоятелен, но вот уже год, как он совсем почти не пишет; последнее его письмецо было (после поездки в прошлом году в Париж и Лондон) при посылке денег для Якова. Я писал уже тебе в прошлом письме, что был бы очень рад, если бы ты и Павел присылали мне какую-ниб[удь] франц[узскую] и немецкую газету из больших и хороших. Можете присылать их по прочтении и раз в неделю под бандероль и то же, если бы вы могли насчет иностранных журналов, – было бы очень мило с вашей стороны. О себе, о своем настроении, состоянии, занятиях ты пишешь очень мало, если не сказать – ничего. А меж[ду] тем, ты знаешь, как все, касающееся тебя, меня занимает. Неужели ты не чувствуешь большой тоски, живя в одиночестве, в Морнэ, вдали от людей? Я не знаю также, каковы ваши материальные условия, откуда достаете вы средства на жизнь и издания? Пиши, дорогая сестра, подробнее обо всем, касающемся тебя, близких и старых знакомых. О последних ты вовсе не упоминаешь. Я не знаю, где и что поделывает Анка, Дрезденский юноша, Лиза и др[угие]. На Аню я немного сержусь, что за шесть лет не получил от нее ни строчки. Жоржу тоже не грешно было бы хоть изредка написать мне. Ну, да Бог с ними: если им трудно писать, пусть не пишут. Теперь надеюсь после многих лет односторонней и неправильной переписки восстановить с тобою аккуратные сношения. Твоя будет вина, если это не осуществится, т[ак] к[ак] ты знаешь, я готов много и охотно писать тебе и уверен, сколь ни бедна моя жизнь впечатлениями, всегда най-

ду достаточно интересного материала для переписки с тобою. Пока не пишу еще о своем житье-бытье, т[ак] к[ак] оно еще не определилось, не устроилось сколько-нибудь прочно. Отчасти тому причиной отсутствие заработка, приобрести который я стараюсь и надеюсь, отчасти сборы Якова на поселение, что состоится не раньше конца ноября или начала декабря, т[ак] к[ак] теперь у нас распутица и даже почта неаккуратно ходит. Большую часть дней мы теперь проводим в лесу – рубим и пилим дрова, запасаем топливо на зиму. Здесь, как я уже писал тебе, обо всем приходится позаботиться самому, что, конечно, отнимает массу времени. Но зато эти заботы сопряжены с физическими упражнениями в разных обстановках, что очень полезно для здоровья. Особенно приятны, хотя и тяжелы, работы в лесу. Здесь почти всегда стоит прекрасная погода осенью: чистое ясное небо, довольно теплый воздух днем, а кругом бесконечная тайга (лес). В этом немало даже поэзии. Но приходится целый день до сумерек быть на сухоядении при сильном интенсивном труде, что очень утомляет. Домашняя обстановка, сравнительно, довольно удобная: в одной комнате Софья, в другой, большей с диваном – мы с Яковом. Обедаем в общей нашей столовой, где сами по очереди дежурим и готовим, отчасти из отпускающихся нам казенных продуктов, отчасти – из собственных прикупок. Чаепития, как и всегда, конечно, занимают много времени. Любовь к маленькому домашнему комфорту и удобствам после многих лет сидения в тюрьме во мне теперь еще большая, чем бывала на воле. Но пока, за отсутствием средств, не успел еще ничем обзавестись. Как бы то ни было, но чувствую себя хорошо пока и, конечно, буду стараться не без пользы проводить время на воле. Пока у меня еще никаких планов занятий: читаю, да и то немного, лишь газеты и журналы. Ну, на этом и закончу письмо. Когда получу от тебя ответ на предыдущее и это письмо, надеюсь, наберется более интересный материал для письма. Целую тебя много и крепко, хорошая, милая сестра моя. Смотри же, пиши, не скупись на письма. (Пиши погуще, не так разгонисто). Обнимаю также всех близких, особенно Жоржа, Павла, Розу. Ну, будьте здоровы все.

Ваш Лев Дейч

Передай прилагаемое письмецо Галине[14].

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп.1. Ед. хр. 672. АД 1/29.33. Л. 5 – 6 об. Автограф с позднейшими пометам автора. Опубл. в «Группа "Освобождения труда"». Сб. 2. С. 258–262. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо датировано по старому стилю.

[2] Док. 81.

[3] См. *Лешерн.*

[4] См. прим. 14 к док. 81.

[5] Конспиративное обозначение марксистов.

[6] «Павины» – от «Пава» (М.Н. Ошанина), т.е. народовольцы. «Иван Иванович» – И.И. Добровольский.

[7] Имеется в виду первая статья Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский», вышедшая в первом номере журнала «Социал-демократ» в феврале 1890 г. (С. 88–175) и в сокращенном переводе на немецкий язык Ф. Атласа опубликованная в журнале «Neue Zeit» (Jg. VIII. 1890. № 8. S. 353–376, № 9. S. 404–442).

[8] В 1889 г. при подготовке материала для выпусков «Международной библиотеки» К. Каутский в письме к П.Б. Аксельроду спрашивал: работы кого «из умерших социалистических писа-

телей России» были наиболее «оригинальны и способствовали развитию социалистической теории?», и сам же отвечал на этот вопрос: «Я думаю, что это можно сказать только о Чернышевском». Далее в этом же письме он спрашивал Аксельрода: «Не знаешь ли ты кого-нибудь, у кого нашлось бы время, охота и способности дать изложение учений Чернышевского. … Конечно, я приветствовал бы не всякого сотрудника. Но сотрудничество Плеханова, например, было бы мне очень желательно. Я был бы также рад, если бы он стал работать в «Neue Zeit» (См.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 240). Плеханов согласился, и началом его сотрудничества с «Neue Zeit» явилась публикация первой статьи о Чернышевском. Полностью эта работа, состоящая из четырех статей, вышла в четырех номерах журнала «Социал-демократ» (Женева, 1890–1892) и на немецком языке в 20-м выпуске «Международной библиотеки» (Stuttgart, 1894). В письме к переводчику первой статьи Ф. Атласу Каутский писал: «Передайте ему (Плеханову – публ.) мой самый сердечный привет и поздравление с его крайне интересной статьей. Надеюсь, что мы скоро сможем опять напечатать что-нибудь принадлежащее его перу» (Там же. С. 243).

[9] О каком процессе с участием С. Мендельсона идет речь, установить не удалось.

[10] От Genosse (*нем.*)– товарищ, т.е. немецкие социал-демократы.

[11] О ситуации в СДПГ летом 1890 г. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. Прим. 367. и сл.

[12] Последователь учения Родбертуса-Ягецова.

[13] Решение о проведении международного праздника рабочих 1 мая было принято на Международном социалистическом конгрессе в Париже в июле 1889 г. Дата утверждена с учетом решения Американской федерации труда (АФТ), принятом на съезде в Сент-Луисе в декабре 1888 г. в память сражений чикагских рабочих за 8 часовой рабочий день 1 мая 1867 г. Призыв Парижского конгресса был подхвачен профсоюзами Германии, призывавшими прекратить работу 1 мая 1890 г. во всех индустриальных странах, где сильны профсоюзы. Однако А. Бебель выступил против этого, считая что во избежание возможных беспорядков необходимо отказаться от массовых выступлений. 13 апреля 1890 г. социал-демократы Германии выразили свое согласие с позицией Бебеля, основываясь, в основном, на постановлении Парижского конгресса, где было специально оговорено, что окончательное решение о прекращении работы в день 1 мая каждая страна принимает в соответствии с местными условиями.

[14] *Чернявская-Бохановская Г.Ф.*

83
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1890, 1(13) ноября
Карийск

Дорогая моя сестра!

Недели две тому назад получил твое письмо[1], но до сих пор никак не мог от-ветить. В одном из прошлых писем я сообщил тебе, что нам приходится тратить много времени на всякого рода хозяйственные работы, в особенности на заготовку дров. Вот теперь мы две недели, с раннего утра до вечера занимались рубкой и пилкой дров в лесу. Работа эта довольно тяжелая, к тому же приходилось ежедневно делать 5–6 верст туда и столько же обратно по скверной, изрытой буграми дороге. Домой приходишь до того уставшим, что ничего не хочешь и не можешь делать. Пока мы закончили заготовку дров в лесу, напилили и сложили в кучи сажен 150–200. Не знаю, хватит ли их на весь год, т[а]к к[а]к теперь впервые приходится запасать на 25 топок. Теперь предстоит возка их домой, пилка и рубка на месте, что продлится несколько недель, а то и месяцев. Кроме этой работы, еще приходится возить сено верст за 8–10 для наших рабочих лошадей (тройки), привозить с речки кадку воды раз в две недели для кухни, дежурить по кухне понедельно раз в 7–8 недель. Если к этим общехозяйственным работам присоединить свои личные, домашние – топку печи, ставле-

ние самоваров и пр[очее], то поймешь, что все время почти, особенно зимою, будет занято физическим трудом, так что о «душе» некогда и подумать. Вот уж скоро два месяца, как я вышел из тюрьмы, а до сих пор не только не прочитал ни одной интересующей меня книги, но даже журналов и газет совсем почти не читал; впрочем, от других знаю, что в них нет ничего интересного. Такой образ жизни, хотя и полезный в физическом отношении, меня не только не привлекает, но даже угнетает: не видишь смысла и цели в вечных хлопотах и заботах о заготовке пищи и тепла, что отнимает значительную часть твоего времени. А между тем, не имея стороннего заработка, нельзя освободиться от этих работ. Заработка же, как я уже писал тебе, здесь почти нельзя найти, хотя я не теряю еще окончательно надежды. Но довольно о себе и своей жизни. В своем последнем письме ты сообщаешь о выходе второго номера вашего сборника[2] и о своей статье по поводу либерального народничества[3]. Меня несказанно радует, что ты, по-видимому, стала заправским литератором и у тебя является тема за темою. С каким наслаждением прочитал бы я твои произведения, дорогая сестра! Я заранее уверен, что в общем они мне очень понравились бы: тон и манера писания у тебя крайне симпатичны, – простота и задушевность, затрагивающие, заставляющие почувствовать что-то теплое, скорбящее о других. Я сказал «в общем», потому что с отдельными мыслями я, б[ыть] м[ожет], и не согласился бы. Вот, напр[имер], в последнем письме ты сравнительно подробно касаешься часто затрагиваемого журналами вопроса о «безнравственности» деревенской молодежи, побывавшей в городе. По этому поводу ты приводишь рассуждения Гегеля об афинянах, казнивших Сократа[4], и находишь вполне подходящим эти рассуждения к данному вопросу. Мне кажется, что ты или ошибаешься, или в письме не вполне определенно и ясно выражаешься. Ты говоришь, что «Сократ проповедовал ту же бытовую нравственность, какая была у греков, но лишь очищенную, проведенную через сознание», и далее, что «для деревенской молодежи роль Сократа играют просто другие нравы, условия, к[о]торые они видели в городе». По-моему, параллель эта не вполне удачна и верна. Сократ, если верно, что он проповедовал ту же бытовую мораль, какая, вообще была у греков, а не высшую, являлся носителем, как ты выражаешься, «выясненной, проведенной через сознание нравственности». Но этой роли «очищения» и «выяснения» не играет вовсе город для являющейся туда деревенской молодежи на первых порах. Припомни, что выносят она оттуда: фабричные песни, любовь к щегольству и кутежу, «деликатное» обращение с женским полом и т.п. Вот против этого-то влияния и восстают либеральные народники. Но можно ли сказать, что в усвоении этой не нужной никому «нравственности» город играет прогрессивную роль для деревенской молодежи, что усваиваемые ею трактирные замашки, взгляды и жаргон являются лишь «очищенной, проведенной через сознание, бытовой нравственностью»? По-моему, нет. Я вполне согласен, что деревенская мораль «тверда лишь, пока люди придерживаются ее, не думая», не приходя в столкновение с внешним миром. Я о ней поэтому такого же невысокого мнения, как и ты. Но я не могу из-за этого считать высшей или более мне симпатичной трактирную мораль, усваиваемую на первых порах деревенской молодежью в городах. Ты, конечно, знаешь, что «условия», «нравы» города, не однообразны, каковы деревенские, а, наоборот, город, как все признают, представляет соединение крайних противоположностей и противоречий. Далеко не все в городе является отрадным и прогрессивным, как и вообще в цивилизации; но, само собой разумеется, ч[то] я вовсе не против того

или другой. По-моему, нельзя только считать чем-то высшим, «очищенным», «проведенным через сознание» то, что неизбежно приобретает и не может не приобресть деревенский парень, являясь в город. Здесь он заводит знакомства с трактирными завсегдатаями, с Lumpenproletariat 'ом[5], и я не думаю, чтобы эти «условия», эти новые «нравы» очищали его бытовую мораль. Я согласен, что этот шаг, этот путь пока неизбежен, как неизбежно также, что дикарь при столкновении с «цивилизацией» первым делом усваивает привычку к спиртным напиткам, ко всевозможного рода «добродетелям» и страстям. Но неужели эти новые для него «условия» и «нравы» являются лишь «выясненной, проведенной через сознание его же бытовой нравственностью»? Как дикарь, приходя в столкновение с носителями «цивилизации», на первых порах усваивает лишь худшие ее атрибуты, так и деревенская молодежь, побывавшая в городах. Поэтому правы сетующие на развращающее влияние «цивилизации» по отношению к дикарям и города – [по отношению] к деревен[ской] молодежи. Но они правы, лишь поскольку рассуждают о данном моменте, о данной среде дикарей или деревен[ской] молодежи. Пройдут годы, поколения, погибнут, развратятся сотни и тысячи, а затем, «как на Западе», выработается действительно «высшая, выясненная мораль». Но при чем тут Сократ? Он, так или иначе, проповедовал «очищенную» мораль, а для деревенской молодежи все же город является носителем сифилиса, легких нравов, трактирных замашек. Защищать так, как ты это пытаешься делать, город от нападок мне кажется неудобным: это значит во что бы то ни стало обелить черное, не видеть пятен на солнце, пускаться в софистику[6]. Город, даже и при всех его темных сторонах, имеет много преимуществ перед деревней, а потому совершенно излишне отрицать неизбежные и печальные его атрибуты. Но, довольно.

Уже 12-й час, а я привык рано ложиться, так как рано встаю, обыкновенно в 6–7 ч[асов].

В одном из предыдущих писем ты обещала мне выслать книгу Бентама[7], но я до сих пор все ее не получаю. Я уже писал тебе, чтоб ты все присылала прямо мне, на адрес: Карийск, г-ну помощ[нику] начальн[ика] Акатуев[ской] тюрьмы. Яков[8] до сих пор еще здесь. Он все оттягивал свой уход на поселение, то вследствие болезни (у него сильнейшие бывают мигрени), то – в ожидании моего выхода в вольн[ую] ком[анду]. Теперь он, наконец, собирается уйти с первой партией, отправляющейся по зимнему пути. Он тебе скоро сам напишет. От Мани я опять около года не имел известий. Зато славная твоя Сашенька не забывает меня, время от времени пишет и посылает то деньги, то вещи. Большое ей за то спасибо, особенно за последнее. Кстати, о вещах: если у тебя будут лишние деньги, то купи и пришли с оказией в Рос[сию] для пересылки мне часы, а то без них, как без очков близорукому. Здесь же купить, во-первых, не на что, вовторых, часы стоят втрое дороже, чем в России, не говоря уже о Швейц[арии]. Можешь, пожалуй, даже занять у кого для этого, не то взять у Павида[9] в долг (Иван[10] знает его) и прислать: я со временем выплачу. Вообще ты бы недурно делала, если бы пользовалась оказиями для присылки вещей Сашеньке или Мане с тем, чтобы они присылали сюда; здесь все страшно дорого и скверно, а у нас денег – черт ма. Яков и другие близкие целуют тебя. Обнимаю тебя крепко, крепко, милая сестра.

Твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29. 34. Л. 7 – 8 об. Автограф с поздними пометами автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 262–266. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

[2] Имеется в виду обозрение «Социал-демократа», второй номер которого вышел в свет в августе 1890 г.

[3] Вероятно, имеется в виду статья В.И. Засулич «Наши современные литературные противоречия», напечатанная в «Социал-демократе» (1890. Кн. 3. Декабрь).

[4] «Рассуждения» Гегеля о Сократе содержатся в его «Лекциях по философии истории». Впервые они были изданы после смерти автора в 1837 г. Источниками послужили как записи самого Гегеля, так и его слушателей, обработанные и опубликованные Э. Гансом. В 1840 г. сын философа Карл Гегель издал второе расширенное издание «Лекций». На русском языке «Лекции по философии истории» впервые были изданы в 1935 г. в восьмом томе Собрания сочинений Гегеля.

[5] *Lumpenproletriat* (*нем.*) – люмпен-пролетариат, деклассированный слой людей, порвавших связь с производством (босяки, бродяги, нищие и т.п.).

[6] Софистика (от греч. sophistike – умение хитро вести прения) – рассуждение, основанное на софизмах, формально кажущихся правильными, но ложных по существу умозаключениях, основанных на преднамеренно неправильном подборе исходных положений.

[7] *В этой книге я ожидал найти написанное ею химическими чернилами подробное письмо.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[8] *Яков Васильевич Стефанович находился в вольной команде в ожидании ухода по зимнему пути на поселение.* – Прим. Л.Г. Дейча черными чернилами в тексте письма по левому полю оборота второго листа.

[9] Личность установить не удалось.

[10] Очевидно, И.В. Бохановский.

84
Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

1890, 22 ноября (4 декабря)
Карийск

Дорогой мой брат Павел!

Из моих писем к сестре Марфуше[1] ты уже, конечно, знаешь, что меня почти неожиданно выпустили в вольную команду. Я описывал уже свою жизнь на воле, и мне не хочется здесь снова повторяться. Скажу только, что пока очень много времени уходит на всякого рода хозяйственные работы и заботы, о которых вам, живущим в культурной стране, трудно составить себе ясное представление. Впрочем, ты поймешь их, если вспомнишь начало 70-х гг. и хождения «в народ». Аналогичного с последним много в настоящей жизни с тою лишь разницей, что тогда мы были молоды, смотрели иначе на крестьянский труд, одушевлены были «идеями», теперь же исполняем всякого рода хозяйственные заботы по нужде, по необходимости. Работы эти не особенно трудны, а некоторые из нас находят в них даже своего рода поэзию; но меня они подчас угнетают тем, что из-за них не только нельзя заниматься чем-нибудь серьезным, но даже просто следить за журналами и газетами. Я также писал уже Марфуше, что стараюсь найти себе частный заработок, отчасти затем, чтобы так[им] обр[азом] освободиться от хозяйственных забот, но, к сожалению, до сих пор ничего не

приискал и в будущем не предвидится. Сидя в тюрьме, я мечтал, что, очутись я на воле, я смогу надумать и создать для себя какое-нибудь практическое, финансовое предприятие. Я воображал, как ты, вероятно, помнишь, что во мне таятся еще не успевшие найти себе применения практические способности. Но или я глубоко заблуждался относительно этих своих способностей, или местные и мои условия неблагоприятны, и я решительно не знаю, на чем остановиться, что придумать для себя. Жить изо дня в день почти на всем готовом, исполняя только физическую работу, к[о]т[о]рую при ничтожных расходах можно нанять за бесценок, мне кажется довольно тоскливо, особенно, когда вспомнишь, что мне уже 35 л[ет]. Не знаю, дорогой брат, поймешь ли мое состояние. Я не привык жаловаться, да, собственно говоря, мне и не на что, но все же скажу, подчас бывает очень грустно именно из-за отсутствия практического дела, из-за сознания, что «годы уходят, все лучшие годы». Но довольно о себе. Авось, со временем что-нибудь и надумаю, приищу себе сколько-ниб[удь] производительное занятие.

От тебя я давным-давно не имел письма. Последнее твое письмо было с деньгами для Якова в прошлом году[2]. Не думаю, чтобы пропадали твои письма, скорее всего ты сам виноват. Теперь, когда с выходом в вольную команду, я могу переписываться такими, как это, закрытыми письмами, надеюсь, что начнешь аккуратнее и чаще, чем прежде, писать мне[3]. Обо мне и говорить нечего, что я буду, насколько это возможно при наших условиях, отвечать тебе. Ты знаешь, что меня очень интересует все, касающееся тебя, твоей семьи, близких, геноссов[4], все, что происходит на белом свете выдающегося, о чем наши журналы и газеты сообщают очень кратко, а то и вовсе умалчивают. Я не знаю, каковы твои материальные условия, в каком состоянии твое кефирное предприятие, расплатился ли ты уже с долгами и пр[очее]? Марфуша обо всем этом давно уже ничего мне не сообщает. Мне также хочется знать, как идут твои занятия (литературные), что читаешь и пишешь, какие статьи поместил ты в вышедших номерах сборника «Соц[иал]-демокр[ат]»? Ты писал мне, что головные боли не позволяют тебе сколько-ниб[удь] долго заниматься и что тебе необходимо лечиться. Я не знаю, в каком состоянии теперь твое здоровье. Вообще мне хотелось бы, чтобы ты написал большое и обстоятельное письмо о себе и семье, чтобы я имел ясное представление о вашей жизни и препровождении времени. В противоположность вам, живущим среди разнообразных впечатлениями условий, почему с годами, естественно, ослабевает интерес к находящимся в другой части света близким, – у нас, наоборот, с годами все более усиливается и укрепляется интерес к родным и старым знакомым, начинаешь чувствовать к ним все большую привязанность, т[ак] к[ак] сознаешь, что снова не сможешь уже приобрести себе друзей. Ты поймешь поэтому, что мои просьбы, как можно подробнее сообщать о себе и близких, не пустые слова, а искреннее желание знать все, касающееся их. Сообщи, что поделывают Булыгины и другие знакомые. Кланяйся всем им и передай им от меня всякого рода пожелания. О геноссах я знаю сравнительно очень мало. В газетах упоминалось, что у них должен был произойти Parteitag[5] в Галле[6], но что там решили, – не знаю. Отчасти также из газет, отчасти из писем Марфуши знаю о происходивших среди них раздорах из-за празднования 1-го Мая[7], отношения к «реформам» Вильгельма II и пр[очее], причем старики – Бебель, Либкнехт и др., по-видимому, чересчур уже тянули в сторону «умеренности и аккуратности». Но ясного представления обо всем этом у меня, конечно, нет. Ты бы превосходно сделал, если бы высылал какой-

ниб[удь] еженедельный или ежемесячный немецкий журнал, из к[о]т[о]рого я мог бы почерпать сведения о ходе дел у геноссов. Высланные тобою в прошлом году номера «Neue Zeit» и, кажется, Jahrbüch. für Soc[ial] Wis[senschaft][8] до сих пор еще лежат в Областном правлении в Чите, так как туда были адресованы, но я еще надеюсь их получить. Сочинение Липперта о религиях[9] я получил. Ты сообщай всегда предварительно или одновременно, что именно высылаешь мне. Тотчас по получении этого письма вышли, для пробы, 2–3 номера за настоящий год «Neue Zeit» по следующему адресу: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы в Карийск, Забайкальской области, Вост[очная] Сибирь, для такого-то. Ужасно буду рад, если смогу следить за каким-нибудь немецким журналом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие доставили мне и другим товарищам полученные мною номера «N[eue] Z[eit]» за [18]85, [18]86, [18]87гг. Многие статьи из них были нами переведены и читались и переписывались с удовольствием. Особенно нравились статьи Каутского. Они, действительно, довольно талантливы. Статьи эти вызывали у нас продолжительные дебаты и толки и явились целым событием. Теперь, с прекращением действия исключительных законов против геноссов[10], думаю, у них будет издаваться масса интересных журналов, книг, брошюр. Прошу тебя, высылай, насколько возможно часто, все, могущее меня интересовать.

[11]Был у меня перерыв, почему не мог окончить письма: я с товарищем ездил вчера за сеном для наших коней, к[о]т[о]рых у нас четыре. Эта поездка – своего рода продолжительное путешествие, не лишенное приятных и вместе тревожных ощущений. Покос наш, к[о]т[о]рый мы же сами и косим, расположен в расстоянии 15–18 верст от нашего местожительства. Поэтому, чтобы поспеть обернуться туда и обратно с сеном, нужно выехать задолго до рассвета. Вставши в 4 ч[аса] ночи, мы в 5½ уже запрягли коней и в трескучий сибирский мороз (35° R), при лунном свете поехали. Большая часть пути лежит по тайге (лесу, расположенному по холмистой местности), по к[о]т[о]рой тянется узкая лесная дорожка. Немало для любителя поэзии во всей этой обстановке, и хотя я не особенный ценитель ее, но все же временами не мог удержаться, чтоб не поделиться с товарищем приятными ощущениями. Лишь только солнце взошло, мы уже доехали до наших скирдов, развели тотчас костер и стали накладывать на возы сено. У нас, как малоопытных в этом деле, работа двигалась медленно; наложивши два воза, уселись возле костра завтракать захваченной с собой бараниной, пропустивши предварительно немного живительной влаги из бутылки. Часам к двум п[о]полуд[ни], наложивши и увязавши все 4 воза, двинулись домой. Обратный путь довольно неприятен, тяжел: лошади еле двигаются, на частых подъемах то и дело останавливаются, приходится постоянно их понукать и постегивать. А там, смотришь, то тот, то другой воз свернулся на бок, приходится его поднимать; каждую минуту боишься, как бы чего не случилось, не свалился бы воз в яму, не рассыпалось бы сено. Ко всему этому присоединяется усталость от ходьбы по глубокому снегу, в тяжелой напяленной на себя обуви, чтобы не прозябнуть утром, когда туда едешь. Домой мы вернулись без всяких приключений часов в 6 вечера, отчаянно уставшими.

Ну, вот я описал тебе одну из наших работ. Можешь по ней отчасти составить себе представление о нашем образе жизни. Теперь я дней на 10 свободен от всяких работ и могу читать. Ну, будь здоров. Кланяюсь и целую[12] Надю, твою Верочку и всех близких. Смотри же, брат, пиши теперь чаще.

Твой Лев Дейч

[13]Сегодня только, 24 нояб[ря], Дмитро, наконец, собрался и ушел на поселение. Почти 8 мес[яцев] он, по собственному желанию, прожил здесь сверх срока. В пути он будет очень долго, если пойдет до Якутки. Он просил меня кланяться тебе и др[угим], что я и делаю. Если он будет тебе писать, то, конечно, ты будешь с ним в переписке.

РНБ.АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.35. Л. 1 – 2 об.
Автограф с позднейшими пометами и примечаниями автора.
Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 106–110.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] См. док. 77 и 78.
[2] Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.
[3] *Это ожидание совсем не оправдалось. П.Б. и В.И. все реже и реже стали писать.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте письма по нижнему полю оборота первого листа.
[4] Прямо в тексте письма Л.Г. Дейч надписал сверху: «*немец[кие] соц[иал]-демокр[аты]*».
[5] Партийный съезд (*нем.*). Перевод слова Л.Г. Дейч надписал прямо в тексте письма.
[6] Съезд СДПГ в Галле в 1887 г.
[7] См. прим. 18 к док. 78.
[8] См. прим. 12 и 16 к док. 68.
[9] См. прим. 7 к док. 35 и 5 прим. к док. 60.
[10] Исключительный закон против социалистов в Германии был отменен в октябре 1890 г.
[11] Дальнейший текст написан другими чернилами.
[12] С этого слова и до конца абзаца текст написан по левому полю оборота второго листа.
[13] Последующий текст до конца написан по левому полю оборота первого листа и сгибу развернутого письма.

85
П.Б. Аксельрод и Я.М. Кальмансон – В.И. Засулич[1]

1890, до декабря[2]
Цюрих

Дорогая Вера!

Ваша статья прелестно написана – и не только для «не мудрых людей», но и для «мудрых», за исключением, быть может, «дорогих товарищей». Фактический материал и теоретические замечания слиты в одно гармоническое целое, и статья читается с большим интересом, несмотря на обилие фактов и цитат. И иронии (т.е. «злости») рассыпано столько, что меня чуть не на каждой странице зависть забирала. И Ж[орж] успел перед самым отъездом своим просмотреть статью, – также нашел ее очень хорошей. Для немцев придется, вероятно, коечто переделать в архитектурном отношении или в предисловии объяснить, кто это В.В. и Мих[айловский], вообще о ком собственно речь идет. Но для русской публики, насколько могу судить, следовало бы резче отметить разные переходы в статье и начало как-нибудь так изменить, чтобы читатель сразу получил представление, куда и зачем вы его ведете. Со стороны архитектурной статья хотя гораздо лучше вышла, чем первоначальный текст статьи «Револ[юционеры] из бурж[уазной] среды»[3], все же требует небольших поправок. Впрочем, об этом Вам припишет Яков[4]. Если можно, оставьте у меня рукопись до тех пор, пока пришлете вторую часть.

Рука моя опять плохо действует, а потому кончаю.

Ваш Павел

[5]Дорогая и многоуважаемая Вера Ивановна, от меня Вам критической оценки Вашей статьи не дождаться. Воспитан я в страхе божьем и в правилах строгого благочестия и чинопочитания – во всем, что делает начальство, я ничего, кроме хорошего, усмотреть не в состоянии. Мое же теперешнее начальство, это – члены группы. Серьезно говоря, меня статья привела в восторг – прямо прелестная вещь, но понравится ли публике – это для меня вопрос. Причина моих сомнений заключается в чисто внешнем не то чтобы недостатке (оно скорее, может быть, и достоинство), но для нашей публики неподходящем приеме. Последняя стоит теперь на очень низкой ступени развития; Вам эту низкость даже трудно себе представить, и потому-то Вы ошибаетесь, полагая в своем письме, что Ваша статья хороша, ежели насчет того, чтобы все понимали. В этом отношении в ней есть крупные недостатки (в этом условном смысле). Укажу хотя бы на следующие два...[6]

[7]В начале статьи Вы рассуждаете о Михайловском, недостаточно цитируя, как бы предполагая, что читатель не только читал, но и хорошо помнит статью Михайловск[ого]. От этого часть Вашего остроумия пропадает задаром. И вообще статья должна быть так писана, чтобы человек, не читавший ни одного из упоминаемых в ней источников, все-таки легко понимал ее. По крайней мере так требуется для нашей публики. Второй пункт важнее, хотя тоже чисто формальный. В грубых чертах он заключается в том, что Вы предъявляете слишком много требований к силе мысли нашего интеллигента. Вы употребляете как бы индуктивный метод, не предупреждаете читателя, что вот, мол, хочу доказать такую-то мысль – тогда все приводимые дальше факты и соображения откладывались бы в его голове довольно сносно. Читатель больше всего доволен, когда он что-нибудь поймет – он тогда может считать себя умным. Этот пробел можно бы, кажется, поправить двумя-тремя предложениями, вставленными в переходных местах Вашей статьи. Вы еще не прониклись правильным взглядом на нашу интеллигенцию. Туго, ужасно туго она усваивает не то что новые, а какие бы то ни было мысли.

О достоинствах статьи мне нечего Вам рассказывать. Мне особенно нравится сближение народников с самодержавием – надо их, проклятых, пригвоздить к позорному столбу – у Вас это выходит бесподобно хорошо. Особенно мне нравится… – мне все особенно нравится, но распространяться на этот счет неудобно. Гейновское правило, что язык нам дан для того, чтобы говорить нашим ближним все приятное, на русской почве плохо прививается. С нетерпением ожидаю вторую главу. Вы ее скоро пришлете?

Еще пару слов о постороннем деле. Бурцев тут передавал, будто Вам из Лондона прислали 400 франков, но Вы их при ругательном письме препроводили обратно. Правда ли это?

Плехановские рефераты прошли блистательно[8]. Публика очарована – главным образом его добротой! Вот времена!

Ваш Яков

Ваша статья написана совсем безграмотно, запятых совсем нет, ѣ и е иногда меняются местами против всех законов грамматики. Но только что я хотел излить Павлу свое грамматическое негодование, как вдруг вижу на второй же строчке его письма к Вам «прелестна» через ѣ. У меня опустились руки.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 63f. Автографы П.Б. Аксельрода и Я.М. Кальмансона. РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 682 АД 5/350.1. Л. 1 – 2 об. Копия рукой Я.М. Кальмансона. HIA. B. I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Опубл. (частично): Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 249–250. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Публикуемый документ сохранился в виде машинописной копии, содержащей текст письма П.Б. Аксельрода и начало письма Я.М. Кальмансона к В.И. Засулич, и автографа Кальмансона, представляющего дальнейший текст его письма.

[2] Датируется по содержанию. В письме идет речь о работе В.И. Засулич над статьей «Наши современные литературные противоречия», опубликованной в декабре 1890 г. в сб. «Социал-демократ» (Кн. 3) под названием «Литературные заметки».

[3] Работа В.И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» была написана в 1889–1890 гг. и впервые опубликована в кн. 1 обозрения «Социал-демократа» (1890. Февраль. С.50–87).

[4] Я.М. Кальмансон.

[5] Публикация последующего текста в сб. «Группа "Освобождение труда"» предварена примечанием Л.Г. Дейча: «*Приписка, вероятно, Якова Кальмансона*».

[6] Этими словами с указанием «*конца письма нет*» заканчивается первая публикация письма.

[7] Последующий текст письма публикуется по автографу Я.М. Кальмансона.

[8] Имеются в виду рефераты, с которыми Плеханов выступал как перед русской аудиторией, так и швейцарской публикой.

86

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1890, 30 декабря[1]
Карийск

Дорогая сестра!

С того времени, к[а]к я послал тебе последнее письмо[2], я получил уже от тебя целых два[3]. В первом из них ты сообщаешь, ч[то] близкие выпроваживают тебя лечиться в Италию, во втором ты пишешь, ч[то] уже не едешь. К сожалению, ты не имеешь привычки выставлять на письмах чисел, а по штемпелю не всегда можно разобрать, когда приблизительно отправлено письмо, а м[ежду] тем иногда это очень важно. Вот, напр[имер], по моим расчетам, ты уже должна была получить мое первое письмо из вольной команды[4]. Я все ждал (и теперь с нетерпением продолжаю) получения твоего ответа, чтобы написать тебе большое, обстоятельное письмо. Узнав от тебя о твоих сборах в Италию и адрес Ани, я тогда же написал ей, надеясь, ч[то], раз ты поедешь, то прочтешь то письмо. Я в это время написал также обстоятельное письмо Павлу[5] и от него на днях получил обширнейшее послание[6] о геноссах[7], от хода дел к[о]т[о]рых он в восторге. (Кстати, сообщи ему, чтобы он в письмах не делал цитат на иностран[ных] яз[ыках], т[ак] к[ак] лицо, просматривающее наши письма, не знает их). Ты в своем последнем письме также сообщаешь о ходе распри и примирений «молодых» со «старыми». Эти два ваших письма довольно интересны, хотя большинство сообщаемых в них фактов нам уже давно известно из газет («Рус[ские] вед[омости]», а, особенно, много занимаются немцами польские газеты «Glos», «Prawda» и др.) Но все же сообщай и впредь, что вычитываешь из прессы ге-

носсов, а то, если тебе не лень, – приводи в переводе наиболее интересные выдержки из них, т[ак] к[ак] мы не получаем иностранных газет и журн[алов]. Я уже просил тебя и Павла в предыдущих письмах высылать мне дозволенную в России иностран[ную] еженедел[ьную] газету или журнал, из каковых я мог бы почерпать интересные сведения. Теперь на Западе, по-видимому, совершаются очень крупные исторические события, а из русских источников можно узнавать лишь в общих чертах о них и иногда в довольно сбивчивом виде. Мне же, конечно, крайне интересно иметь верное представление о совершающемся в среде геноссов процессе. Я подчас ужасно завидую вам всем, что вы, живя там, имеете полную возможность следить за интереснейшим процессом. Как мне не повезло! Все время, пока я жил за границей, не происходило ничего особенно крупного в среде увриеров[8] Европы, а теперь, когда там «кипит», я лишен даже возможности читать подробные описания этого процесса. Нечего и прибавлять, ч[то] я радуюсь успехам геноссов и желаю им полной победы в близком будущем, хотя отчасти и скептически отношусь к определяемому Павлом сроку («через 5-10 л[ет]») этого будущего. Боюсь также, чтобы они не пересолили в парламентаризме и в гоньбе за «умеренностью и аккуратностью». Я не предполагаю также, ч[то] рост их и впредь будет идти в такой же прогрессии, как до сих пор, пока они были под действием исключительного закона[9]. Ну, да посмотрим: тем интереснее будущее их.

Пока довольно о них. Не знаю, верить ли твоим заявлениям, что здоровье твое не требует лечения в Италии? Думаю, ч[то] ты умаляешь степень расстройства твоего здоровья; очень при этом опасаюсь, чтобы своим небрежным отношением к себе ты не расстроила его вконец. Правда, газеты трубят об открытии Кохом способа лечения легочных болезней, но только при начале процесса он обещает излечение. Открытие Коха доставило мне, как и всем, конечно, несказанное удовольствие и радость, не говоря уже о миллионах ежегодно умирающих. Я вспомнил при этом известии о тебе и Жорже, к[о]т[о]рые могут теперь вполне излечиться. Прошу тебя (и его) сообщить мне, применили ли вы изобретенный Кохом способ лечения и какие результаты он дал? Я не могу описать тех чувств, какие испытываю, представляя себе, что вы вдруг вполне и окончательно излечитесь! Дай, боже!

Пишу тебе во время наших рождественских праздников. Повсюду веселье, попойки. У нас, конечно, также, – то у одних, то у других вечеринка. Вот и теперь в данный час (10^{й}) происходит таковая в квартире нескольких товарищей, но я, как видишь, не пошел, т[ак] к[ак] вообще не любитель наших вечеринок, –скучно мне там: ни пить, ни петь не умею и не люблю. Большей частью сижу дома по вечерам, читаю или беседую с кем из приходящих, что, впрочем, случается очень редко, т[ак] к[ак] моя квартира сравнительно далеко, в стороне от квартир большинства товарищей. Новый год буду, конечно, встречать сообща с другими: эту ночь я очень люблю, чувствую какое-то особенное состояние, – ожидания, надежды и вместе грусть, тоска. Ты, быть может, и не вспомнишь кануна нашего Нового года и проведешь его в одиночестве, в своем поганом Морнэ. Я его не люблю, пот[ому] ч[то], по твоим словам, кроме твоей собаки, там нельзя тебе найти другого общества. К тому же, Морнэ мне неприятен по воспоминаниям: помнишь наши путешествия туда к Тигричу[10] за письмами? Кстати, сохранились ли они: они были у Лизы; прибери их к себе. Сохраняй также юрид[ические] книги[11], к[о]т[о]рые присылала тебе Маня, – они могут впоследствии пригодиться. Надеялся я, что с этой почтой уж непременно

получу от тебя ответ на мое первое письмо из вольн[ой] ком[анды}, т[ак] к[ак] прошло уже 3 ½ мес[яца]. Меня, наконец, начинает это удивлять. А жаль очень, что не получил с этой почтой: мне хотелось еще в этом году получить твой ответ. Следующая же почта придет уже в 91-м году. У нас стоят теперь сильнейшие морозы, около 40°. А, меж[ду] т[ем], несмотря на такой холод, приходится исполнять на дворе некоторые работы, – возить, пилить и колоть дрова, возить сено. Последняя работа особенно тяжела в холоде, – нет ничего легче, как отморозить себе нос, уши, пальцы. К счастью, это удовольствие выпадает на долю каждого всего по 2–3 раза за зиму. Вот мне завтра, как раз в конце нового года придется съездить, и я, признаться, не без робости подумываю об этом.

Не помню, сообщил ли я уже тебе, что Дмитро лишь в конце ноября отправился на поселение. Я получил от него с пути одно письмо, в к[о]т[о]ром он описывает путешествие по этапам, в трескучие морозы. Хорошего мало в этом путешествии. А, меж[ду] тем, ему может прийтись около года быть в пути, если его не оставят здесь, в Забайкалье, на что мало надежд. Очень скверно ему будет, раз его пошлют в Якутку. Не говоря уже про то, что при тамошнем безлюдье, его фотография не будет иметь применения, – он к тому же очень слаб стал: к давнему его геморрою, в тюрьме присоединилась сильнейшая мигрень, от к[о]т[о]рой он страшно страдает, не может найти себе места. Там он не сможет даже достать самых необходимых лекарств, раз попадет в какой-ниб[удь] улус. Но будем надеяться, что судьба будет к нему снисходительна. Мне здесь без него ужасно тоскливо, чувствую себя вполне одиноким. Жизнь как-то пуста и бесцельна, – не с кем побеседовать «по душе», поделиться мыслями, планами. Вообще посещавшая меня, помнишь, на воле хандра и теперь иногда находит на меня, но в значительно более слабой степени, чем в молодости. Ты только не выводи из этого какого-ниб[удь] особенного заключения. В общем, я все же ни на что не могу пожаловаться: я вполне здоров, бодр, ни в чем не испытую[12] нужды, могу заниматься, устроиться, как желаю, могу видеть людей и пр[очее]. Чего же лучше? Грешно даже мне сетовать после того, что было раньше и, зная как другим товарищам, попавшим в Акатуйскую тюрьму[13], скверно там живется.

Ну, пиши же, дорогая моя, о себе, побольше. Знай, что меня интересует малейшее известие о тебе. Сообщай также о жизни близких и знакомых. Жоржу, Розе, Павлу, Ане и др. мой сердечный привет и наилучшие пожелания. Крепко, крепко обнимаю и много целую тебя.

Любящий тебя брат твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 671. АД 1/29.36. Л. 6 – 7 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письмо датировано по старому стилю.
[2] Док. 79.
[3] Письма В.И. Засулич не обнаружены.
[4] Док. 77.
[5] Док. 80.
[6] Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.
[7] От Genosse (*нем.*) – товарищ, т.е. немецкие социал-демократы.
[8] От ouvrier (*фр.*) – рабочий.
[9] Исключительный закон о социалистах в Германии. См. прим. 14 к док. 80.
[10] *Тигрич, Тигрыч* – Л.А. Тихомиров. Дейч вспоминает события лета 1883 г.

[11] Присланные Л.Г. Дейчем с Кары номера «Юридического вестника» с конспиративными записями.
[12] Так в тексте.
[13] См. прим. 14 к док. 77.

1891

87
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1891, 19 января
Карийск[1]

Наконец-то, дорогая, с последней почтой получил я, спустя 4 с чем-то месяца, твой ответ[2] на первое мое письмо из вольной команды[3], которого я ждал с большим нетерпением. Признаться, оно далеко не удовлетворило меня: я мечтал, что ты в команду напишешь мне более обстоятельное, подробное письмо – о себе и близких. Ведь я, в сущности, за все эти 6 с лишком лет разлуки с тобою не получил от тебя ни одного обстоятельного письма: то нельзя было, то письма пропадали. Я надеялся, что теперь, узнавши об изменившихся условиях моей жизни, о том, что нам разрешена переписка, ты начнешь писать подробнее, т[ак] к[ак] вполне понимаю, что трудно было прежде поддерживать переписку, когда она была односторонней, когда в ответ на свои письма ты получала лаконические сообщения: «здоров, получил твое письмо» и т.п. Но, видно, у тебя хроническая или органич[еск]ая неохота писать обстоятельно. Ну, и бог с тобою.

Ты ошибаешься, думая, что зимой в вольной команде немногим лучше, чем в тюрьме. Я до выхода сюда был такого же мнения. Но теперь на личном опыте убедился, что это неверно. Несмотря на массу неудобств, хлопот и мелких забот, которых в тюрьме не было, все же здесь значительно лучше. Одно то, что можешь в квартирном отношении устроиться более или менее по своему вкусу и желанию, стоит всех забот и хлопот. А затем возможность куда хочешь пойти погулять, покататься на санях, что я ужасно люблю, достать нужную тебе вещь и пр[очее] и пр[очее] также услаждает жизнь. На днях (15 числа) я перебрался на отдельную квартиру. Живу теперь один в отдельном, вполне изолированном домике-кухоньке, при к[о]т[о]рой имеются чуланчик и сенцы. Избушка эта – казенная, и платить за нее мне не придется, что, при моем безденежьи, немаловажно. Расположена она великолепно – окнами на юг, что, несмотря на здешние жестокие и продолжительные зимние м[еся]цы, имеет большое значение: днем окна оттаивают; избушка моя – у подножия небольшой горки (сопки, как здесь назыв[ают]), рядом с здешним кладбищем. Надеюсь, что здешние мертвецы не имеют привычки навещать живых своих соседей, а то близость кладбища нельзя будет считать одним из удобств расположения моей избушки. Зато летом вид со всех сторон великолепный, – все сопки покрыты хотя и жалким, но все же лесом. Внутренностью хатки я также доволен: уютна, чиста, нехолодна. Словом, пока я доволен. Главное – я сам себе господин и хозяин, когда хочу и что хочу могу теперь делать у себя. Правда, особых каких наклонностей и стремлений

у меня нет, но все же после многих лет совместной жизни в тюрьме, когда из-за мелочей раздражался, бывало, приятно теперь сознавать, что могу у себя устроиться по своему вкусу, не буду всегда на людях и пр[очее]. Ты ведь знаешь, что я всегда любил отдельную квартиру; теперь эта склонность еще сильнее. И ради этого я охотно мирюсь с большим количеством мелких забот и хлопот (по части топки печи, носки воды, ставления самовара и пр.), чем это было бы, если бы жил с кем из товарищей. Ты по себе можешь представить, как мне теперь приятно бывает, когда остаюсь по вечерам большею частью один за книгой, при лампочке, со стоящей рядом чашкой чаю. Но, довольно о своей «обстановочке», как острят в таких случаях товарищи, а то я, пожалуй, и надоем тебе.

Одновременно с твоим получил также письмо от Сашеньки (с 50 руб[лями]), а также карточку Вити. Какой, если бы ты видела, он большой уже и красивый юноша! Очень симпатичен он на карточке. Сашенька хвалит его и как человека. По ее письму, оказывается, что и Никифоровы живут там же, в Твери.

Ты напрасно не поехала в Италию, раз деньги были уже собраны: все равно они расползутся, а меж[ду] т[ем] спустя н[е]к[о]торое время снова, вероятно, расхвораешься. Лучше бы ты полечилась, развлеклась бы, поживши в нравившейся тебе Италии. Напрасно также собираешься ты выслать мне часть собранных для тебя близкими денег: мне они «без надобности», в сущности. Если мне что нужно, так это кое-что из вещей, к[о]т[о]рых здесь достать или затруднительно, или чересчур дорого, напр[имер], часы, о чем я уже писал тебе. Да и то могу обойтись без них.

Я очень рад, что ты начала столоваться у хозяйки и так[им] обр[азом] регулярно питаешься. Но надолго ли это? Вероятно, скоро опять начнешь по-старому жить одним кофе.

Ты совсем не упоминаешь в последнее время о Жорже и о его семье. Как идут его занятия, что он пишет, чем занимается? Что поделывает Роза и дети? Каковы материальные их условия и пр.? Непременно напиши обо всем этом. Вероятно, скоро уже ты получишь от Дм[итра] «Юр[идический] в[естник]»[4], там есть много интересных статей. От тебя я давно уже не получал никаких книг. Впрочем, как я уже писал тебе, здесь не больно много читается: еле-еле новые журналы и газеты, в к[о]т[о]рых, к слову сказать, ужасная пустота. Ты расхваливаешь главный орган геноссов[5]. И мне было бы очень интересно читать его, но, конечно, сюда его не пропустят. Если бы не твоя органическая нелюбовь к писанию больших писем, я бы просил время от времени излагать или переводить небольшие интересные выдержки. Но на тебя мало надежды. Польские газеты расхваливают недавно вышедшую книгу некоего Барта «Die Gesch[ichte] d[er] Philosophie von Hegel bis Marx»[6]. Не слыхала ли ты что об этой книге? Вообще, ты бы хоть упоминала о наиболее выдающихся вновь вышедших сочинениях, – может, я когда собрался бы их выписать. Ужасно досадно, что нельзя мне следить за рабочим движением, за деятельностью геноссов! Ну, да что поделаешь. О своих делах, о заведении Рольника[7] ты также вовсе не упоминаешь. Ты лишь вскользь упомянула о выходе № 3 «Сборника»[8]. Ты бы хоть перечисляла содержание каждой книжки! Надеюсь со временем устроиться так, чтобы можно было читать побольше, пока много времени отнимают хозяйственные и общие работы. Вот, напр[имер], завтра мне предстоит возить сено. Это довольно утомительная работа: приходится встать часа в 4 утра, запрягать лошадей. При здешних жестоких морозах и днем не легко, а ночью – одно муче-

ние; затем накладка сена, увязывание возов и беготня от воза к возу на 15-верстовом обратном пути, когда лошади то отстают, то сворачивают набок воз, – далеко не приятная вещь. А там, через день – в лес верст за 6 по дрова, пилка и колка их дома. Так почти еженедельно, дня два уходит на эти общие работы. Ну, да, впрочем, скоро весна, а с ней – освобождение от хозяйственных забот и работ.

Однако пора и кончать письмо. Пиши же, дорогая, побольше. Крепко целую тебя и всех близких.

Любящий тебя брат Лев Дейч

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД. 1/29.37. Л. 9 – 10 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 266–69. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано по старому стилю.
[2] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
[3] Док. 77.
[4] *Намек на то, что в этой книге, которую «Дмитро», т.е. Стефанович, должен был переслать за границу с пути его на поселение, много написано мною химией.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[5] *То есть центральный орган германской социал-демократической партии.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[6] Речь идет о книге: Barth Paul. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und Hegelianer bis auf Hartmann. Leipzig, 1890. В личной библиотеке Г.В. Плеханова имеется экземпляр этой книги с его пометами (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Б 3023).
[7] Имеется в виду типография Группы «Освобождение труда», наборщиком которой являлся С. Левков-Рольник.
[8] Третья книга сборника «Социал-демократ» вышла в декабре 1890 г.

88

Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду[1]

1891, 10(22) февраля
Карийск

Дорогой мой брат!

Вот уж несколько недель, как получил твое обстоятельное письмо о геноссах[2] и лишь сегодня собрался тебе ответить. Причиной тому не лень, забывчивость или небрежность, а многие независящие обстоятельства; главным же образом то, что незадолго до получения твоего письма я послал тебе довольно большое письмо[3] и мне не хотелось повторяться. Письмо твое доставило мне невыразимое наслаждение, и я узнал из него много нового о немцах, об их распре[4], о Галльском конгрессе[5] и пр[очее]. Нечего и говорить, как бы я хотел, чтобы ты и впредь делился со мною сведениями о западноевропейском рабочем движении. Но ты, к сожалению, очень скуп на письма, хотя и правда, что ты пишешь мне «редко, да метко». Все же лучше было бы, если бы ты писал почаще. Много раз уже я повторял тебе и Марфуше эту просьбу, но только все не впрок. Письма ваши для меня – одна из важнейших моих потребностей, и если я долго не получаю их, то чувствую себя очень скверно. Ты знаешь, как я привязан к вам. Годы разлуки не только не ослабили моей привязанности, но, наоборот, усилили ее. Мне хотелось бы знать всякие подробности о вашей жизни, а вы в большинстве

писем только вскользь о ней упоминаете. Вот и в последнем письме ты ни словом не заикаешься о своих материальных условиях, о своей семье, о своих работах. Обо всем этом и многом другом я подробно расспрашивал тебя в предыдущем письме.

О своей жизни мне нечего рассказывать: в предыдущих письмах к вам я подробно описывал ее, а нового ничего в ней за это время не произошло. Впрочем, теперь, с приближением весны, т.е. собственно с ослаблением жестоких морозов, значительно легче исполнять всякие хозяйственные работы: возить дрова, пилить и колоть их, топить печку, приносить воду и пр[очее]. Как я уже много раз сообщал вам, эти заботы отнимают значительную часть времени и внимания. С нетерпением поэтому жду наступления весны, к[о]т[о]рая, к сожалению, начинается здесь очень поздно – в апреле, а то и в мае. Зато как хорошо чувствуешь себя с наступлением тепла! Особенно после того, как 6 с лишком лет встречал весну в тюрьме.

О систематических занятиях я, кажись, также писал тебе, что здесь и думать нечего. Еле-еле прочитываешь от почты до почты получаемые журналы и газеты. Вот уже две недели, как получились номера «Frankf[urter] Zeit[ung]», – вероятно, ты их прислал? – но я до сих пор не все еще просмотрел. Присылай их и впредь, но не такими кучами сразу, а дней за 7. В них все же больше интересного, чем даже в «Русс[ких] вед[омостях]» – лучшей нашей газете. Жаль очень, что нельзя получать «Berl[iner] Volkszeit[ung]»[6], – там, должно быть, много интересного. Постарайся достать и присылай хоть какой-ниб[удь] из демократических научно-филос[офских] журналов.

О своих занятиях и литературных ваших предприятиях ни ты, ни Марфа ничего не пишете мне. Я не знаю, имеют ли они успех; приобретаете ли вы сторонников? Я также не знаю, как обставлено это дело с материальной стороны, – обеспечено ли оно регулярными доходами или держится оно случайными, неопределенными средствами? Много писали наши газеты о всяких строгостях, начавшихся в Швейцарии по отношению к русским. Не знаю, как эти меры отразились на вашем положении? С уничтожением в Германии закона против геноссов[7] они все, вероятно, покинули Швейцарию, и в ней, должно быть, настала еще большая тишина и скука, особенно в твоем Цюрихе? Ты, правда, заявляешь словами Ул[ьриха фон-] Гутена, что теперь «весело жить на свете». Но это навряд ли относится к Швейцарии. Твоего взгляда на недалекое будущее, что лет через 5 «наступят роды», – геноссы станут руководить внутренней, а след[ательно], и внешней политикой, – я не разделяю, находя его несколько оптимистичным[8]. Хотя отсюда и трудно составить себе верное представление об истинном положении дел, но все же, думаю, что я ближе к истине, предполагая, что пройдет еще несколько 5–7-и летий, пока они станут руководящей силой. Я вовсе не отрицаю их огромного значения уже и теперь в стране, их несомненно колоссального успеха и пр[очее]. Но именно ввиду указанных тобою же причин (сельского населения, слабого развития ремесленных союзов и пр[очее]), думаю, потребуется еще немало времени для завоевания первенствующего положения. Во всяком случае ты, конечно, прав, говоря, что они ближе теперь к цели, чем геноссы других стран, и время действительно интересное. Сообщай же, брат, и впредь сведения об общем ходе и положении дел геноссов.

Вот какая у меня к тебе просьба. Один из моих товарищей – резчик по дереву по профессии; ему нужны рисунки, образчики резчичьей работы. Поэтому прошу тебя постараться прислать сборник рисунков всяких мелких вещиц, как-

то: рамок, постаментов для часов, спичечниц, альбомных крышек, табакерок и для письменных принадлежностей; словом, производящихся в Швейцарии деревянных резчичьих украшений. Этого товарища ты должен помнить по Одессе – его зовут Моисеем Поповым (рыжий). Он просит передать тебе самый «задушевный поклон».

Ну, всего, всего тебе хорошего, дорогой брат. Нижайший мой привет всем близким и друзьям. Смотри же, пиши теперь почаще; тогда и я буду иметь более верное представление о твоей жизни и жизни товарищей. Будьте же здоровы и, насколько возможно, счастливы. Крепко тебя и других обнимаю.

Твой *Лев Дейч*

P.S. Не приводи в своих письмах цитат на немецком или каком другом иностранном яз[ыке], так как лицо, просматривающее нашу корреспонденцию, не знает их.

[9]P.P.S. Уже когда совсем окончил это письмо, я получил от Марфы сравнительно довольно большое письмо (в 2 листа), от 2-го января[10], в к[о]т[о]ром она объясняет, почему мало пишет, – причиной ее болезнь. Тем же она объясняет и то, что ты мало и редко пишешь. Мне теперь досадно и жалко, зачем я приставал к тебе и к ней с требованиями часто писать, – я не знал, что причина у вас очень уважительная. Ну, простите.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп.1. Ед. хр. 197. АД 1/29.38. Л. 8 – 9 об. Автограф с позднейшими пометами автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 110–113. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Публикации письма предпослано следующее примечание Л.Г. Дейча: «*Не знаю, дошло ли данное письмо по назначению, в чем увериться, ввиду разделявшего меня обширного расстояния, можно было лишь спустя несколько месяцев, я нередко повторял об одном и том же в следующих письмах. Это случилось и с настоящим, но так как в нем имеется и кое-что новое, то привожу его*».

[2] От Genosse (*нем.*) – товарищ, т.е. немецкие социал-демократы. Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.

[3] См. док. 84.

[4] Вероятно, имеется в виду ситуация, сложившаяся в немецкой социал-демократической партии, приведшая в 1890 г. к выделению внутри партии фракции «молодых».

[5] Съезд Социал-демократической партии Германии в Галле состоялся в октябре 1890 г. Основным вопросом повестки дня съезда был вопрос о новой программе партии. С докладом выступил В. Либкнехт, который использовал положения, содержащиеся в работе К. Маркса «Критика Готской программы». В принятом решении Правлению партии поручалось представить очередному съезду проект партийной программы, предварительно представив ее на общепартийное обсуждение. Новая программа была принята в 1891 г. на съезде в Эрфурте, войдя в историю под названием – Эрфуртская программа.

[6] Вероятно, речь идет о ежедневной газете «Volkszeitung» («Народная газета»), выходившей в Берлине с 1853 г. под редакцией Аарона Бернштейна, брата Э. Бернштейна.

[7] Имеется в виду отмена исключительного закона против социалистов в 1890 г.

[8] *Под «родами» я имел в виду полную победу социал-демократов в Германии, о чем, очевидно, мне писал П.Б. Аксельрод, по-видимому, чересчур преувеличивший успехи немецких социалистов.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[9] Этот заключительный фрагмент написан другими чернилами, часть текста расположена по левому полю оборота второго листа письма.

[10] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

89
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1891, 25 февраля (2 марта)
Карийск

Недели две тому назад получил твое письмо[1], дорогая сестра, в к[о]т[о]ром ты поздравляешь с Новым годом и подробно объясняешь, вернее – оправдываешься, почему не пишешь мне больших, обстоятельных писем. Вот эти-то оправдания твои были отчасти причиной, почему я не скоро собрался тебе ответить. Мне грустно и досадно становилось на себя, зачем я все эти годы приставал к тебе с просьбами о присылке обстоятельного письма, зачем я обвинял тебя в небрежном отношении к моим просьбам, когда, как теперь оказывается, твое болезненное состояние всему причиной. Но вместе с тем в твоих оправдательных аргументах есть фразы, к[о]т[о]рые вызывают несколько иные чувства, иные соображения. Я не буду на них останавливаться, не буду «копаться». Ты спрашиваешь, «понятно ли (мне), что при таких условиях (каковы твои), мож[ет] б[ыть] в самом деле трудно написать большое письмо?» Конечно, мне это понятно, но... не буду останавливаться на этом, не то много пришлось бы сказать, б[ыть] м[ожет], невпопад. Напрасно только, приведши подробно объяснение – «оправдание», ты заявляешь, что «в глубине души все-таки чувствуешь себя виноватой». Я более был бы доволен, если бы ты заявила, что не чувствуешь себя виноватой и что по тем же причинам и впредь не будешь писать обстоятельных писем. Тогда для меня было бы определенно, и я примирился бы с мыслью, что «грустно, но что же делать»? Ну, да оставим это.

Далее, в твоем письме довольно обстоятельная полемика не со мной, хотя и по поводу моего письма, – а с русскими самобытниками. Я высказал ту мысль, что «отсутствие соответствующих фактических условий» мешает созданию у нас умственного течения новогегелианского характера. Ты же по поводу этой фразы приводишь воззрения Гейнцена, возмущавшегося «списыванием всего с Франции и Англии» и доказывавшего, ч[то] «в Германии совсем другие условия». Воззрения Гейнценов, или, как ты их наз[ываешь], «германских Павиных[2] 40-х [гг.]», мне отчасти известны с того времени, как, помнишь, я изучал историю германской молодежи. Другой твой аргумент в опровержение моей мнимой самобытности, – ссылка на русские журналы – «Р[усская] м[ысль]» и «Сев[ерный] в[естник]», в к[о]т[о]рых можно почерпать доказательства быстрого разложения деревни, – также не по адресу и также мне известен. Ты, очевидно, не совсем поняла мою мысль, хотя, кажется, я очень ясно ее изложил. Я писал – и теперь того же мнения, – что ты «преувеличиваешь значение новогегелианской[3] литературы и что умственного течения ей создать не удастся», так как, кроме многого прочего, у нас нет для этого соответствующих фактических условий. В ответ на это ты спрашиваешь: «А каковы были фактические условия Германии 40 л[ет] тому назад?» Насколько мне известно, и там 40 л[ет] т[ому] наз[ад] не удалось создать сильного умственного течения новогегелианского характера, несмотря на то, что проповедниками его являлись такие лица, как Маркс, Энгельс и др[угие]; и там литература, издававшаяся за границей, (напр[имер] «Deutsch-französ[ische] Jahrbüch[er]»), интересовала ограниченный кружок читателей, влачила жалкое существование, прекращалась с выходом двух-трех книжек и пр. Лишь спустя 20 л[ет], после изменения «фактиче-

ских условий» и появления такой гениальной личности, как Лассаль, к[о]т[о]рый, несомненно, отчасти[4] подготовил почву, в конце 60-х гг. начинают приобретать успех новогегелианские идеи. Мне кажется, что твоя ссылка на Германию 40 л[ет] т[ому] наз[ад] говорит именно за меня. Ты, сама того не подозревая, косвенным образом подтверждаешь мой скептицизм по поводу значения новогегелианского направления. Ты говоришь, что весной, с выходом 4-й кн[ижки] «Сборника»[5], остановится или даже прекратится его существование. По этому случаю я, в свою очередь, могу тоже задать вопрос: как ты думаешь, если бы это направление имело большое значение в жизни читателей (как можно заключить из твоих сообщений, что «эти произведения поднимают целую бурю споров, заставляют думать и пр.»), – неужели бы оно влачило жалкое существование, прекращалось с выходом 4–5 кн[ижки]? Мне припомнились слова Герцена, ч[то] если данное издание не окупается, значит, оно не имеет почвы. Я вовсе не сомневаюсь, что новогегел[ианское] направление заставляет думать, спорить, проверять свои взгляды, но я уверен, что только крайне ограниченный круг читателей и что «бурные споры» не более, как буря в стакане воды. Из всего того, что я высказываю, вовсе не следует, ч[то] я отрицаю всякое значение за новогегел[ианским] направлением, ч[то] я против него, а за «самобытность» и что я сомневаюсь в возможности наступления «фактических условий», при к[о]т[о]рых только это направление действительно имело бы широкое значение. Нет, я только против твоих преувеличений, против чрезмерного[6] оптимизма, к[о]т[о]рый, признаться, мне странно видеть у тебя. От всей души желаю, чтобы мой скептицизм был блистательно опровергнут и чтобы, наоборот, оправдались твои надежды. Поживем и, если не увидим, то, б[ыть] м[ожет], услышим.

Меня, как знаешь, очень интересует все, касающееся нашей семьи[7], а, меж[ду] т[ем] ты почти ничего не сообщаешь о ней. Ты, напр[имер], ничего не упоминаешь о Жорже, – как его здоровье, болеет ли он еще временами. Теперь, с открытием Коха, б[ыть] м[ожет], ему и тебе совсем удастся вылечиться? Судя по твоим сообщениям, ты исполняешь непосильную работу, чересчур утомляешься, крайне напрягаешь свои нервы. Это сообщение, меж[ду] проч[им], показывает, что вы бедны литератур[ными] силами, что предприятие ваше держится на 2–3 лицах, семья[8] не увеличивается, что, в свою очередь, подтверждает мой скептицизм. Сегодня как раз 7 л[ет] минуло со времени моего ареста и грустно слышать, что с тех пор вы все в том же числе...! Спасибо большое за высылаемую нем[ецкую] газ[ету] «Fr[ankfurter] Zeit[ung]». В ней много интересного; сравнительно с нашими рус[скими] газ[етами], много сведений о геноссах, заграничн[ых] делах, парламентской жизни. Я просматриваю их довольно аккуратно. Второй экз[емпляр] Бентама[9], кроме посланного Зунду, о высылке к[о]т[о]рого мне ты сообщаешь, я до сих пор не получил и, по-видимому, не получу, что очень печально. Решительно не везет мне с книгами. О себе, о своей жизни на этот раз нечего почти сообщать. В общем живется недурно, хотя довольно пусто, бессодержательно. К тому же с отъездом Якова чувствую одиночество: хотя и много товарищей, но нет очень близких. Я уже сообщал тебе, что живу в отдельном домике-избе и хотя в ней нет удобств и комфорта заграничных квартир, но я чувствую себя в ней словно в великолепно меблированном помещении. Я уверен, ч[то] тебе очень понравилась бы моя кухонька, да и вообще здешняя жизнь. По временам, но редко чувствуешь какое-то жизнерадостное настроение, какого, пожалуй, до пребывания в тюрьме не приходилось испы-

тывать. Тогда пробуждаются те стремления к деловитости, к предприимчивости, к[о]т[о]рые, помнишь, особенно пробудились пред арестом[10]. К сожалению, при здешних условиях сколько я ни ломаю головы, ничего не могу придумать, не за что ухватиться. Ты находишь, что я (судя по карточке) или не похож, или сильно изменился. И то, и другое. Говорят, черты лица верны на ней, но выражение иное. К тому же я и изменился очень, – постарел, оброс сильно волосами и вообще подурнел, так что теперь ваша сестра решительно не имеет склонности плакать на плече, как ты выражалась. Ну, пора и покончить. Не напрягайся, не заставляй себя насильно писать большие письма мне, раз не пишется или обстоятельства не благоприятствуют, – лучше не пиши. Всем близким мои наилучшие пожелания и приветствия. Кто из старых знакомых жив или умер, уехал куда? и пр.? Ну, крепко тебя целую.

Твой брат

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.39. Л. 11 – 12 об. Автограф с поздними пометами автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 269–73. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Письмо В.И. Засулич от 2 января 1891 г., о котором идет речь в предыдущем документе, не обнаружено.

2 *Так на нашем условном языке мы ради конспирации называли народовольцев.* – Прим Л.Г. Дейча. Пава – революционный псевдоним М.Н. Ошаниной.

3 *Под этим словом я подразумевал марксистскую литературу и, конечно, оказался плохим пророком.*– Прим Л.Г. Дейча.

4 Слово вставлено черными чернилами позже.

5 Четвертая и последняя книга литературно-политического обозрения «Социал-демократ» вышла в 1892 г.

6 Слово вставлено позже черными чернилами.

7 То есть группы «Освобождение труда».

8 *То есть число членов группы «Освобождение труда».* – Прим Л.Г. Дейча.

9 *В нем должно было иметься химическими чернилами написанное большое письмо, но вследствие того, что ради конспирации эта книга была адресована Верой Ивановной на имя Зунделевича, ушедшего в это время с Кары в Акатуй, вышло затруднение в его получении мною.* – Прим Л.Г. Дейча.

10 Л.Г. Дейч вспоминает о первых месяцах существования группы «Освобождение труда», когда он до своего ареста во Фрейбурге занимался административными делами группы.

90
Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

1891, 17 (29) марта
Карийск

Дорогой мой брат!

С предпоследней почтой получил от тебя 15 руб[лей] и открытое письмо[1]. Напрасно ты выслал эти деньги: я в них теперь вовсе не нуждаюсь, а тебе, при твоей огромной семье, они, наверно, нужны. Ты упоминаешь о присылке мне двух писем в последние месяцы. Я же получил только одно, правда, огромных

размеров, в к[о]т[о]ром ты сообщал о Галльском конгрессе и вообще о геноссах[2].

Значит, другое пропало где-ниб[удь]. Книг и, в частности, номера «N[eue] Z[eit]», о к[о]т[о]рых ты упоминаешь, также не получал пока. «Frankf[urter] Zeit[ung]» пока получил только три раза, ты же сообщаешь, что высылал 4 раза. Газета эта мне нравится: в ней относительно попадается довольно сведений об интересующих вопросах из германской жизни. Но, конечно, несравненно лучше было бы, если бы можно было получать «Volksz[eitung]» или что-ниб[удь] в этом роде. Из нами получаемых русских газет («Русс[кие] в[едомости]», «Нов[ое] вр[емя]», «Заря») только первая дает иногда кое-какие сведения о европейских вопросах. Между прочим, в одном из последних ее номеров в корреспонденции из Германии сообщается о каком-то письме Маркса, помещенном в «N[eue] Z[eit]» и относящемся к середине 70-х гг., в каковом письме, будто, Маркс разносит программу геноссов. По словам корреспондента, письмо это возбудило в Германии раздоры и разногласия в среде геноссов, из к[о]т[о]рых одни негодуют, зачем Маркс был так несправедлив к этой партии; другие, наоборот, согласны с его критикой; буржуазные же газеты, будто бы, ликуют и печатают статьи под громкими заглавиями: «Соц[иал]-дем[ократы], разбиваемые их пророком Марксом!». Сообщи, брат, подробнее, в чем дело. Трудно понять, не зная всех обстоятельств, зачем Энгельс и Элеонора Маркс-Авел[инг], являющиеся душеприказчиками Маркса, дали напечатать такое письмо, к[о]т[о]рое могло внести раздоры и споры?[3] С другой стороны, зачем редакция «N[eue] Z[eit]», конечно, солидарная с программой геноссов, напечат[ала] такое письмо? Словом, здесь что-то упущено, неверно сообщено корреспондентом. Лучше всего было бы, если бы ты привел в переводе это письмо. «Русс[кие] вед[омости]» очень добросовестная и чистоплотная газета, и ее корреспондент из Германии[4], очевидно, человек сведущий, но и ему, по-видимому, свойственно ошибаться. Я с удовольствием прочитал сравнительно довольно подробный отчет о конгрессе во Франкфурте социал-политиков – какие среди них разногласия, как окончательно дискредитируются они, до чего нагло откровенны речи представителей буржуазии! Меня интересует все, касающееся германской народной и общественной жизни. Но, к сожалению, при наших условиях трудно почерпать обстоятельные об этом сведения. В этом отношении могли бы отчасти пополнять наши источники твои и Марфушины письма. Но ты пишешь крайне редко, хотя и обстоятельно; она, наоборот, хотя сравнительно часто, но необстоятельно. Я знаю, что вам и трудно иначе писать, но все же это грустно. Я боюсь, что могу отстать от века, от заграничных интересов. Здешние условия крайне располагают к грубо-материальной жизни, к прозе. В этом отношении даже тюрьма более благоприятна: в ней, как давно известно, человек сохраняется; она располагает к идеализму, теоретизированиям, поддерживает философское отношение и интерес к общемировым вопросам; материальные же интересы крайне мало занимают. Здесь же, наоборот, человек невольно, глядя на окружающую его среду, втягивается постепенно в заботы о заработке, о более или менее удобной обстановке, и, смотришь, вскоре, кроме будничных вопросов, его мало что интересует. Положим, я отчасти застрахован от этого индифферентизма[5], как вследствие своего характера и прошлого, так и благодаря вам; все же, чем черт не шутит?! Ты, однако, не подумай, что я уже чувствую отсталость, одичание, – нисколечко. Наоборот, как я уже сказал, я живо интересуюсь всем, происходящим в среде геноссов на белом свете и вообще западноевроп[ейской]

жизнью. Но от общетеоретических занятий поневоле приходится здесь отказаться. В тюрьме я довольно сильно интересовался так наз[ываемой] этнографией, первобытными учреждениями, культурой и т.п., и сравнительно довольно много прочитал из относящегося к этим областям. А вот с тех пор, как вышел в команду, не прочитал ни одной книги из этой категории и вообще кроме журналов и газет почти ничего не успеваю прочитать. Это – в первое полугодие по выходе в команду. Что же в таком случае будет дальше?!

Но боюсь надоесть тебе беседой о себе. Что же ты теперь поделываешь? Статью для № 4 «Сборн[ика]» ты, вероятно, давно уже окончил[6], а так как, по словам Марфы, дальнейшего выпуска книжек не предвидится, то имеешь, вероятно, много времени, чтобы самому заниматься, следить за европейской жизнью и пр[очее]. Досадно крайне будет, если вы не сможете продолжить издания. Неужели вышедшие номера и возбужденный ими у читателей интерес, о чем упоминает Марфуша, не способствуют отысканию средств для продолжения издания? Чрезвычайно интересно было бы познакомиться с вышедшими номерами.

Ты спрашиваешь, получил ли я что от Ани? Решительно ничего, несмотря на то, что по[сле] выхода в команду я ей написал. Кстати, спроси ее, получила ли она мое письмо, и сообщи мне. Сообщи также, где и что поделывают Соня[7], Августина и Титыч. Я потерял их с тех пор, как они вернулись домой. Непременно подробно изложи, в каком положении твое кефирное предприятие, а также, как поживает Надя, Верочка и кто еще из твоих родных живет с вами?

Ну, вот опять пришла почта, а ни «Frankf[urter] Zeit[ung]», ни обещанных тобою книг нет. Уж не знаю, кто или что тому причиной.

Из старых твоих знакомых здесь со мною, кажется, только Яни, с которым мы сравнительно хороши. Он вполне разделяет наши воззрения относительно геноссов и всего прочего, но у него имеются все же и «мухи», как здесь выражаются, т.е. своего рода заблуждения, пристрастия. Между прочим, мы иногда спорим с ним насчет Михайловского, к[о]т[о]рому, по-моему, он приписывает лучшие воззрения, чем каковые тот имеет.

Передай Марфе, что ее письмо, в котором она отвечает насчет моих воззрений о «нравственности» крестьянской молодежи, я получил, но, признаться, не совсем понял. Ей я отвечу в следующий раз. Ну, будь здоров, дорогой мой брат. Крепко целую тебя и всех близких. Пиши, насколько можно часто. Любящий тебя

Л. Дейч

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.40. Л. 10 – 11 об. Автограф с поздними пометами автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 113–116. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Открытка П.Б. Аксельрода не обнаружена.

[2] Съезд Социал-демократической партии Германии в Галле состоялся в октябре 1890 г. «Геноссы» – от Genosse (*нем.*) – товарищ., т.е. немецкие социал-демократы. О получении письма сообщается также в док. 84. Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[3] Речь идет о публикации Ф.Энгельсом в т.1. журнала «Die Neue Zeit» (1891) письма К.Маркса от 5 мая 1875 г. в адрес В. Бракке и рукописи «Заметки на полях», содержавших критический разбор проекта программы партии айзенахцев, принятой на объединительном съезде в Готе.

В «Сочинениях» эта работа напечатана под названием «Критика Готской программы» // К.Маркс, Ф.Энгельс. Т. 19. С. 9–32. Свои критические заметки Маркс заключил замечанием «Dixi et salvavi animam meam» («Я сказал и спас свою душу»).

Публикацию «Критики Готской программы» Энгельс предварил словами: «Нам доставляет удовлетворение то, что Марксова критика [Готской программы] полностью достигла своей цели». С принятием Эрфуртской программы марксизм стал официальной теоретической основой немецкой социал-демократии.

4 Этим корреспондентом был Г.Б. Иоллос.

5 Индифферентизм (лат. indifferens – безразличный) – безразличие, равнодушие.

6 В четвертом номере сборника «Социал-демократ» было опубликовано окончание статьи П.Б. Аксельрода «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг».

7 В данном случае С.И. Каминер.

91
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1891, 31 марта[1]
Карийск

Милая, хорошая сестра моя!

С одной из предыдущих почт получил от тебя письмо[2] – ответ на мое[3] – по поводу нравственности деревенской молодежи. Я много раз перечитывал его, но, признаться, не вполне понял, что ты, собственно, хочешь сказать. Но об этом я пока распространяться не буду. Прошлая почта принесла мне целое богатство: Павел прислал 4 т[ома] «Carey»[4] и письмо[5]. Большущее ему спасибо за то и другое. Пока не собрался еще ему ответить, т[а]к к[а]к писал ему с одной из прошлых почт. Передай ему, пусть и впредь присылает подобные же произведения. Буду ждать с нетерпением продолжения. Я, конечно, не успел еще прочитать всего, но многое, наиболее интересное, уже просмотрел и составил себе понятие о характере этого издания. Не скажу, чтобы оно было восторженное, как я ожидал, судя по твоим сообщениям о «шумных дебатах». Даже статья о «Tschernischew[sky]»[6] не привела меня в восторг: я нахожу в ней много повторений, расплывчатости и излишнего нагромождения побочного материала. Местами даже слаба. Очевидно, автор не сумел справиться со столь богатой темой[7]. По замыслу и чувству, к[о]т[о]рое руководило автором, хороша статья о «Молод[ежи] из бурж[уазной] среды»[8], но слог тяжелый, немецкий, чему я очень удивляюсь, т[а]к к[а]к этот автор всегда писал легко. Но это – одно из лучших произведений: много в нем верных мыслей, не говоря уже о чувствах автора, очень симпатичных. Я уверен, что оно многих заставит подумать и задуматься. Зато произведение Tamar'ы[9] очень слабо и скорее годится на страницы какого-ниб[удь] «Petit Journal»[10]. Я даже удивляюсь, зачем оно помещено, разве для наполнения пустых страниц: ни художественности, ни верности исторической. Читая эти главы, не верится, что это – о знакомой среде; скорее это похоже на страничку из истории карбонариев. Не подумай, дорогая, что я в «разносительном», придирчивом настроении. Но, право же, произведение это очень слабо, слабее, чем я ожидал, и я не удивляюсь, почему английские издатели не соглашались, как ты сообщала, напечатать его. Слабы также статьи Marx-Aveling и Engels'а[11], произведение последнего о дипломатии к тому же не верно с фактической стороны; он подчас на свой манер подтасовывает исторические события. Кстати, о нем. В «Рус[ских] вед[омостях]» напечатано, что

в «N[eue] Z[eit]» он поместил резкий отзыв Marx'a о Лассале, частью писанный 15 л[ет] наз[ад][12], и что это письмо вызвало целый переполох к[а]к в среде рабочих, так и в буржуазной прессе, что Либкнехт разнес за этот «нелояльный» поступок Энгельса. Решительно не могу понять, зачем ему понадобилось поднимать старые дрязги? Сообщи, что ты знаешь об этой истории.

Только теперь узнал о тяжелой болезни Дрезденского юноши[13]. Я ничего из твоих писем не знал о нем и думал, что вы его совсем потеряли из виду. Сообщи, если знаешь, его адрес. Хотя я и много читал в рус[ских] и польских газ[етах] и жур[налах] о парижском рабочем конгрессе, но статья нового левого гегелиан[ца][14] очень мне понравилась, кое-что в ней мне было неизвестно, напр[имер] речи 2-х «интеллигентных» представителей. И вообще она написана хорошо. Это, пожалуй, одна из лучших статей.

Здесь произвело нек[о]т[о]рое впечатление сообщение из газет о статье Тихомирова, напечатанной в № 1 «Русс[кого] обоз[рения]», – «Нужна ли нам фабрика?», где он доказывает преимущества крупного производства, к[о]т[о]рое он считает не только желательным, но и необходимым. Товарищи шутят уже, говоря, что и он превратился в левого гегелианца, хотя, конечно, понимают, какая разница между его желанием и – первых. Но довольно все о литературе. Перейдем к более прозаичным вещам.

Ты обещаешь выслать мне часы, чему я очень рад. Но имей в виду, что, во-первых, я хочу получить очень хорошие, верно идущие и, во-вторых, не хочу, чтобы ты на них издерживала свои заработанные деньги. Если не имеешь возможности достать специально для этого от кого-ниб[удь] из приятелей или доброжелателей, то напиши, сколько рублей нужно, и я постараюсь выслать отсюда, хотя это и очень неудобно и хлопотливо.

Я, кажется, писал тебе, что с выходом в команду получил от Сашеньки несколько писем (денежных) и посылку. Но вот теперь нам опять запрещено переписываться с не родственниками, а т[а]к к[а]к мне трудно доказать родство с нею, то приходится прервать с нею переписку, что меня очень огорчает: письма ее бывали довольно интересны, хотя исключительно личного характера – о ее жизни, заработках, о Вите и т.п. К тому же она – единственное лицо в России, с к[о]т[о]рым я переписывался: сестра Маня года 1½ уже как не пишет мне. От Дмитра я также давным-давно не получал письма и даже не знаю, где он и что с ним. Если получишь какое от него известие, сообщи мне подробно, указав, откуда оно и от какого времени. Павлу передай, что «Frankf[urter] Zeit[ung]» я только три раза получил, а также 15 руб[лей] от него же. Получил ли Мойша присланные ему его родственниками книги, наверно не знаю, но, кажется, нет[15] [...]. Ну, пора кончать письмо. Надеюсь, что теперь у вас уже прошли те страшные холода, о к[о]т[о]рых ты писала в предыдущем письме; сегодня 31 марта (12 апр[еля] по-вашему), твоя годовщина[16], если не забыла. Не знаю, как ее отпраздновать, вероятно, куплю водку и выпью за твое здоровье чарку-другую. У нас пока еще холодно, хотя снег почти и оттаял. Всегда скверно чувствую себя ранней весной, то же начал было уже чувствовать на прошлой неделе, когда присланные немецкие книги развлекли меня. Ну, будь же здорова, милая, дорогая моя. Крепко, крепко обнимаю тебя. Пусть Жорж не сердится за, быть мож[ет], резкий и несправедливый отзыв о его детище: мож[ет] быть, вчитавшись серьезнее, я признаю, что ошибся в своем заключении[17]. Павлу напишу особо с одной из следующих почт. Пока целую и благодарю его очень. Мой сердечный привет и наилучшие пожелания всем вам, мои дорогие. Сообщи, какова даль-

нейшая судьба вашего предприятия. Есть ли надежда на его продолжение. Ну, еще целую всех вас. Любящий тебя безгранично брат твой

Лев

РНБ АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 672. АД. 1/29.41. Л. 13 – 14 об. Автограф с позднейшими пометами автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 116–120. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Год написания устанавливается по письму Л.Г. Дейча к П.Б. Аксельроду от 17 (29 марта) 1891 г. (док. 90), в содержании которого отражены те же самые сюжеты. Кроме того, 1891 год написания письма подтверждается строками письма Л.Г. Дейча к В.И. Засулич от 22 июня (3 июля) 1891г. (док. 93). Автор сообщает, что скоро еще напишет о впечатлении относительно немецкого сочинения Сагеу, о получении которого говорится в данном письме от 31 марта.

При подготовке письма к публикации Л.Г. Дейч вписал неверную дату «1892», под которой оно и было опубликовано.

[2] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[3] См. док. 86.

[4] Установить название книги не удалось. В переплетах этого издания были заделаны экземпляры обозрения «Социал-демократ».

[5] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[6] *Ради конспирации я написал это латинскими буквами.* – Прим. Л.Г. Дейча.
Имеется в виду статья Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский», опубликованная в сборниках «Социал-демократ» (1890–1892. Кн. 1– 4).

[7] *Нечего, полагаю, говорить, что я вынес тогда самое неверное представление об этих замечательных статьях Г.В., что могу теперь объяснить окружавшей меня сплошь народовольческой средой, разносившей Плеханова вдрызг, что отчасти передалось и мне.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[8] Л.Г. Дейч имел в виду статью В.И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» (Социал-демократ. 1890. Кн. 1. Февраль)

[9] *Tatar'ы, т.е. С. Кравчинского-Степняка, отрывок из «Андрея Кожухова».* – Прим. Л.Г. Дейча.
Четыре главы романа, представляющие начало третьей части, были напечатаны в журнале «Социал-демократ» (1890. Кн. 2. Август).

[10] *Парижская бульварная газета.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[11] Имеются в виду статьи Э. Маркс-Эвелинг. «По поводу стачки на лондонских доках» и Ф. Энгельса «Иностранная политика русского царства» (Социал-демократ. 1890. Кн.1. Февраль).

[12] Имеется в виду работа К. Маркса «Критика Готской программы», написанная в 1875 г. и впервые опубликованная Ф. Энгельсом в журнале «Ntue Zeit» в 1891 г. Предпринимая публикацию этого важнейшего документа, Энгельс стремился нейтрализовать реформистские элементы в германской социал-демократии, что было особенно важно в преддверии принятия новой программы на Эрфуртском съезде (14–21 октября 1891 г.)

[13] Имеется в виду его арест.

[14] Имеется в виду статья Я.М. Кальмансона «Международный рабочий социалистический конгресс в Париже (14–21 июля 1889)», опубликованная под псевдонимом «Новый товарищ» в «Социал-демократе» (1890. Кн. 1. Февраль)

[15] *Затем следуют десять строк, тщательно зачеркнутых, очевидно, тюремным чиновником. О чем я в них сообщал, мне, конечно, невозможно восстановить, но вероятно о чем-нибудь, относившемся к условиям нашей жизни, порядкам и т.п.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[16] *Годовщина оправдания ее судом присяжных по делу о ее покушении на ген. Трепова.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[17] Далее несколько слов вымарано.

92
С.М. Ингерман – Г.В. Плеханову, П.Б. Аксельроду и В.И. Засулич[1]

1891, 5 мая[2]
New York

Дорогие Георгий[3] Валентинович, Павел Борисович и Вера Ивановна!

Наконец-то я собрался Вам написать. Вы, вероятно, давно уж похоронили меня, решив, что если волны Атлантического океана и оставили меня целым и невредимым, то волн американской жизни я, наверное, уж не выдержал. А то чем объяснить мое упорное молчание? Спешу успокоить Вас: я не только еще жив, но я собираюсь здесь лишь начать жить; не писал же я Вам до сих пор потому, что я не надеялся, что смогу здесь остаться (в N[ew] Y[ork'e]), так как мне отказались, было, дать право практики в N[ew] Y[ork'ском] штате ввиду того, что с августа будет введен закон, запрещающий к[а]к иностранным, т[а]к и N[ew] Y[ork]-ским врачам практиковать в N[ew] Y[ork] -ском штате без государственного экзамена. Так или иначе, после долгих хлопот я наконец добился того, что могу остаться в N[ew] Y[ork'е]. Но это мне стоило всех моих денег и, главное, много здоровья. Вследствие этого и состояние душевное было настолько отвратительное, что я положительно не мог взяться за перо, чтоб Вам написать.

Об Америке вообще я Вам пока сообщить ничего не могу; N[ew] Y[ork] так же мало похож на Америку, к[а]к Бердичев на Россию, пожалуй, еще меньше, т[а]к к[а]к, кроме евреев, здесь есть масса других национальностей, к[о]т[о]рые, занимая отдельные части города, вполне сохраняют свои специфически-национальные особенности. Попадете в одну часть N[ew] Y[orka] – пред вами Китай, пройдете несколько кварталов дальше – вы в Италии и т.д. Единственно общее у всех этих национальностей лишь то, что все они до безобразия грязны. Но это уж, должно быть, влияние Америки. Вообще N[ew] Y[ork] произвел на меня самое удручающее впечатление; коммерция, чистоган заедает здесь всякого; каждый занят своим гешефтом[4], а до всего прочего ему дела нет; в гешефт же американец превращает все, решительно все, за что он берется; особенно это заметно в «политике». Слова: «политика» и «политик» сделались здесь ругательными словами. Политиками, т.е. общ[ественными] деятелями, становится самая отчаянная шваль, подонки общества. У кого есть много денег, тот может занять какое ему угодно место, не исключая президентского. Громадное большинство вашингтонского парламента составляют мошенники разных сортов, к[о]т[о]рых место в тюрьме, а не [в] парламенте. N[ew] Y[ork]-ская дума состоит из низкопробных кабатчиков и... содержателей публичных домов (это – факт!). В руках подобных господ находится Америка; неудивительно, следовательно, что продажность проникает всюду. За деньги покупаются избиратели, за деньги вы получаете всевозможные места; словом, за деньги... вы приобретаете возможность составить себе в короткий промежуток времени громадные капиталы. К крайнему сожалению, такая деморализация в буржуазном обществе не остается без влияния на рабочие союзы, или, вернее, на вождей этих союзов: даже сюда проникли «политики». Этим отчасти можно объяснить то, что социализм так туго проникает в среду американских рабочих; а что социализм здесь действительно не пустил еще никаких корней, ясно уж из того, что до сих пор здесь нет соц[иалистической] партии (американской)[5]. Если бы здесь не

было немцев и евреев, тишь да гладь господствовала бы по всей Америке, и никто, решительно никто не мешал бы буржуазии устраивать свои дикие оргии. Немцам принадлежит заслуга насаждения на здешней почве социализма: они первые подняли соц[иалистическое] знамя в Америке, к ним присоединились евреи, но увы! Как слабо, к[а]к апатично они его держат. Я этим не делаю упрека ни немцам, ни евреям (русским); и те и другие делают со своей стороны все возможное; но они здесь чуждый элемент, и сами по себе не представляют никакой силы. Сильными, даже очень сильными, они сделаются лишь тогда, когда к ним присоединятся американцы. Но когда это будет? – трудно решить; надо думать, не очень скоро, т[а]к к[а]к американцы пока спят очень крепким сном и на всякие соц[иалистические] предприятия они отвечают лишь диким храпением, ничем иным. 1-ое мая прошло здесь, против моего ожидания, очень бледно. Да иначе и не могло быть при таком индифферентизме американцев. Комитет, выбранный для организации демонстрации, состоял из представителей партий и различных союзов; в нем были представлены все национальности; конечно, американцев было ничтожное меньшинство. Немцы были за то, чтобы днем ничего не устраивать, а ограничиться вечерней демонстрацией; они мотивировали свое предложение тем, что некоторым союзам невозможно, мол, будет участвовать днем, а если устроить без них, демонстрация выйдет «лилипутская»[6]. Евреи настаивали, чтоб во что бы то ни стало устроить днем. Немцы остались при своем, евреи при своем. 1-го мая в ч[асов] 12 еврейские рабочие, в разноцветных шапках (каждый союз имеет свой цвет), с красными значками на груди, начали собираться – каждый союз у своего локала[7], а оттуда, предводительствуемые своими президентами (на лошадях) и в сопровождении целого оркестра музыки, отправились на демонстрацию, т.е. на шествие по городу. Несмотря на то, что всех участвовавших в демонстрации евреев было не более 12 000–15 000 человек, город принял какой-то особый, торжественный характер; в воздухе чувствовалось, что 1-ое мая не совсем простой день. Гуляющие по городу под звуки «Марсельезы» организованные рабочие отряды с красными знаменами, с транспарантами, носящими различные надписи, производили очень приятное, отрадное впечатление. Один из таких отрядов привел меня в восторг; это был отряд рабочих-мальчиков (от 8–15 лет), состоявший из 200–250 человек; они шли стройно, с серьезными лицами, показывавшими, что каждый из них понимает значение демонстрации, в которой они участвуют. Впереди знаменосец с красным знаменем, рядом со знаменем – транспарант с надписью: «Наше место в школе, а не в мастерской». Вечером все эти рабочие союзы собрались на главной городской площади (Юнион-сквэр), куда вскоре начали появляться различные немецкие и американские союзы. В 8 ч[асов] было с главной трибуны открыто собрание Saniel'ем, редактором английской соц[иалистической] газеты «The People»; речи произносились с 3-х трибун на английском, немецком, еврейском и польском языках; на площади перебывало за этот вечер около 25–30 000 человек; но не все оставались там все время, – одни уходили, другие приходили, т[а]к что на площади собственно было не более 15–20 000 ч[еловек]. В 10 час[ов] после громадной кучи речей собрание было закрыто тем же Saniel'ем при страшных криках «ура!», покрывших последние слова председателя: «Да здравствует интернациональная с[оциал]-дем[ократия]!»[8].

Теперь находится в N[ew] Y[ork'e] Степняк[9]. Они что-то с Кеннаном очень часто совещаются, должно быть, все насчет «Free Russia»[10]. После своей английской Agitationsreise[11], которая была очень неудачна, он вздумал просветить

здешнюю русскую публику насчет «задач русского революционного движения в России и за границей». Ну, реферат – доложу я Вам. Я был уверен, что ничего нового от С[тепняка] не услышу, но действительность превзошла все мои ожидания[12]. Прежде всего, он как будто представляет собой партию Нар[одную] в[олю], затем, если его спросят, каковы его воззрения относительно З[ападной] Европы, он должен будет ответить, что он соц[иал]-дем[ократ], хотя он думает, что соц[иал]-демократизм не охватывает собой всех сторон общественной жизни и он поэтому не бросает за борт анархизма; к[а]к дополнение к соц[иал]-дем[ократизму] анархизм вещь прекрасная. Вот широкая русская натура! Что же касается России, он думает, что, говоря о задачах рус[ского] революц[ионного] движения, нам нужно иметь в виду особенные социальные условия России. Финансовое положение может скоро привести Р[оссию] к банкротству; главное население, крестьянство, находится в ужасных условиях; недовольство в массе крестьян растет не по дням, а по часам, с каждым днем появляются в кресть[янстве] новые революционные элементы, к[о]т[о]рые выражаются... в религиозных сектах и т.д. «У нас недавно появилась группа лиц, к[о]т[о]рая думает, что задача рус[ских] рев[олюционеров] заключается исключительно в том, чтоб организовать рабочих, это – группа русс[ких] с[оциал]-дем[ократов]. (Страшные, продолжительные аплодисменты); хотя я думаю, что мои товарищи по убеждениям отнеслись к этой группе не совсем справедливо (аплодисменты), но я, рискуя встретить с вашей стороны выражение противоположных чувств, должен заметить, что эта группа несколько одностороння (гробовое молчание), хотя я думаю, что деятельность соц[иал]-дем[ократов] может принести некоторую пользу. Не следует забывать, что людям «из благородного сословия куда приятнее иметь дело с простотой крестьянина, чем... гм... гм.... с полуобразованием рабочего»; последние слова были произнесены с той презрительной миной, что...[13] Письмо уж т[а]к разрослось, а я о себе пока еще ничего не сообщил. Я уехал сюда, к[а]к помните, с самыми светлыми надеждами, думая, что я смогу сейчас же, с первых же дней, столько зарабатывать, чтоб кое-к[а]к материально поддерживать Ваши предприятия, но, увы: я очень жестоко ошибся в расчете. Пройдет, вероятно, несколько месяцев, пока я смогу столько зарабатывать, чтоб только покрывать свои скромные расходы. Что я буду делать до тех пор, я пока не решил; представьте себе, что за одну квартиру (состоящую из одной комнаты, в к[о]т[о]рой я ем, сплю и принимаю больных) я плачу 25 долларов, т.е. 125 fr[anc]; практика, конечно, кое-какая наклевывается, но за весь месяц первый я, вероятно, буду иметь не более 10 дол[ларов] = 50 fr[anc]. Но я не унываю, – пока у меня не будет своих денег, я смогу кое-что сделать в здешней публике. Первые шаги в этом отношении я уж сделал; кружок рус[ских] раб[очих] соц[иалистов] обещал свое содействие, послав уж имевшиеся тогда у них в кассе 20 дол[ларов (100 fr[anc]) на «С[оциал]-д[емократ]»[14]. Вожди здешней евр[ейской] соц[иалистической] партии, узнав, что «С[оциал]-д[емократ]», если не будет существенной поддержки из Америки, должен будет прекратить свое существование, решили, что надо найти в Америке 200–300 постоянных подписчиков, к[о]т[о]рые, платя по 50 сант[имов] (2 fr. 50 – больше невозможно) за книжку, будут оказывать значительную поддержку «С[оциал]-д[емократу]». Кроме постоянных подписчиков, найдется масса случ[айных] покупателей; здесь около 100 000 евреев, из них около 50 000 не только понимают по-русски, но многие покупают русские газеты; в киосках (соц[иал]-дем[ократических]) экземпляров 20–50 каждой книжки может, наверное, разойтись. Словом, это дело серьезное, и его надо серьезно организовать. Но для этого мне нужно знать,

к[а]к Вы смотрите на это дело: к[а]к велики шансы, чтоб наш «С[оциал]-д[емократ]» выходил дальше[15] (конечно, при здешней поддержке); к[а]к велика должна быть эта поддержка; можно ли здесь устроить склад с[оциал]-демократических изданий, т.е. можете ли Вы, по выходе журнала или книжки, высылать сюда сразу много экземпляров (и здешние газеты расходятся почти исключительно в розничной продаже)? Напишите обо всем подробно и т[а]к, чтобы я мог показать письмо здешним представителям, главное, похвалите их, что они не забывают России. Редактор здешней евр[ейской] соц[иал]-дем[ократической] газеты «Arbeiter Zeitung» обещал мне распропагандировать рус[ские] соц[иал]-дем[ократические] издания; в своей газете, пока он поместил только заметку, которую я Вам присылаю. Вам ее кто-ниб[удь] там переведет.

Вот все, что я Вам пока могу сообщить. Русских евреев, интересующихся еще Россией, здесь очень много; на русских собраниях бывает обыкновенно очень много народу (от 200–500 и больше человек); т[а]к что здесь, к[а]к видите, можно кое-что сделать. Теперь, я думаю, этому несколько помешает предполагающаяся рус[ская] газета «Прогресс»[16], от комитета которой Вы, вероятно, уж получили приглашение участвовать в ней, К счастью, затея эта не имеет будущего и дальше приготовлений и разговоров не пойдет. Во главе всего этого предприятия стоит некий И. Гурвич, русский адвокат, ничего не имеющий за душой, кроме высокой фразы; он, по Степняку, думает, что соц[иал-]демократизм хорошо, но анархизм – еще лучше, а в том и другом он смыслит столько же, сколько свинья в апельсинах[17]. Гурвич просил меня, к[а]к близкого Вашего знакомого, попросить Вас, чтоб Вы участвовали в его газете; я отказался, ответив, что все Вы слишком ясно представляете себе задачи рус[ской] революц[ии], чтоб участвовать в газете, к[о]т[о]рая «не считает себя вправе иметь свое мнение о России ввиду того, что не имеет связей ни с одной из действующих в России организаций» (см. пр[ограмму] «Прогресса»). Впрочем, я ему сказал, если ему угодно узнать Ваше мнение от Вас лично, чтоб он Вам сам написал. Он т[а]к и поступил; Вы, вероятно, уже получили от него и письмо, и программу. Тут же я должен Вам заметить, что Лаврову он уж давно написал и имеет от него уж ответ; я не знаю всего содержания этого письма, знаю лишь, что, между прочим, старик пишет, что вообще он готов был бы участвовать [в] рус[ской] рев[олюционной] газете, но... ему было бы неприятно работать вместе с плехановщиной и бурцевщиной. Каково! Бедный старик, должно быть, на чердаке не совсем уже ладно[18].

Дорогой Павел Борисович! На письмо Поляка, секретаря рус[ского] раб[очего] кружка[19], Вам следовало бы ответить, что я Вам, мол, после писал, что давать какие бы то ни было полномочия кружку для собирания подписчиков и сборов денег в пользу изданий нет необходимости ввиду того, что мы думаем расширить свое предприятие, устроив общий склад наших изданий при редакции «Arbeiter Zeitung», к[о]т[о]рая любезно предложила нам свои услуги (конечно, если Вы найдете возможным высылать сюда свои издания для склада). Выразите кружку (а не Поляку, он – большой дурак[20]) в нескольких теплых словах свою благодарность за посильную поддержку наших изданий и надежду, что они, к[а]к революционеры, будут и впредь нас поддерживать.

Этим закончу свое письмо. Надеюсь, что Вы все будете часто сюда писать; теперь же прошу Вас немедленно ответить. Как здоровье Веры Ивановны?

Сердечный привет всем товарищам.

Крепко жму всем Вам руки

Ваш С. Ингерман

Адрес мой: Dr Inger[mann], 75 Rivington Str., N[ew] York City, America.

(Прошу Вас сейчас же переслать это письмо в Mornex). Райчину на днях напишу[21].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 454. В 186.2. Л. 1–6 об. Автограф. Опубл. (с небольшими пропусками): Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 245–252. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Публикаторы письма в «Литературном наследстве Г.В. Плеханова» дали к нему следующее примечание: *«Р.М. Плеханова обратилась к С.М. Ингерману с просьбой дать комментарий к ряду его писем, сохранившихся в архиве Г.В. Плеханова. В ответ на эту просьбу он снабдил свои письма примечаниями, в числе которых был и приводимый ниже его рассказ об обстоятельствах привлечения его в группу «Освобождение труда».*

«В первые годы деятельности путь членов группы «Освобождение труда» не был усеян розами. Воспитанная в духе народнической теории и практики, наша революционная молодежь не могла сразу вникнуть в сущность нового учения и, считая его подрывающим основы старых традиций и излюбленных своих идей, отнеслась к нему крайне враждебно. И вот в такой враждебной атмосфере, без средств и солидных революционных связей нашим первоучителям пришлось разрабатывать научные основы будущего социал-демократического движения в России. Им приходилось употреблять нечеловеческие усилия, чтобы заставить себя выслушать. Туман непонимания стал постепенно рассеиваться, и к концу 80-х годов стали появляться марксисты в России, а за границей стали возникать социал-демократические организации, особенно в Швейцарии. Окрыленные новыми надеждами, молодые социал-демократы стали более деятельно заниматься пропагандой марксизма. «Тащите, тащите к нам молодежь, – бывало шутила Вера Ивановна, – она на лапках разнесет наши идеи». И молодежь действительно «разносила» идеи гр[уппы] «Осв[обождение] тр[уда]». Тогда же, т.е. в конце 80-х годов, возникла мысль о создании более широкой организации, включающей все разрозненные элементы социал-демократии. Это казалось желательным и даже необходимым для более прибыльных и успешных сношений с Россией и для более систематической работы за границей. Мысль эта, возникшая среди членов гр[уппы] «Осв[обождение] тр[уда]», была сочувственно встречена и молодыми товарищами, и было решено созвать конференцию в ближайшее время. Такая конференция состоялась потом, если не ошибаюсь, в 1888 г. в Морнэ, маленькой деревушке французской Савойи, недалеко от Женевы, где Плехановы и В.И. Засулич часто проводили свои летние каникулы. Делегатами были, кроме членов группы «Осв[обождение] тр[уда]» Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода и В.И. Засулич, представители нескольких соц[иал]-дем[ократических] групп. Это было давно прошедшее, и о нем никто нигде не упоминал, поэтому неудивительно, что очень трудно мне теперь восстановить в памяти все детали. Помню, наверное, что Женева, Цюрих и Берн были представлены. Из Цюриха приехали Ш.Ш. Соловейчик, жена его, Слепцова и Ганелин, из Берна – С. Ингерман и Г. Хинский. Среди женевских делегатов, кажется, был т. Райчин (не уверен) и др. Было там еще несколько делегатов, но кто они были и откуда приехали – не припомню.

Конференция продолжалась несколько дней, и заседания не прекращались с утра до позднего вечера. Председательствовал Г.В. Плеханов, который открыл первое заседание краткой, но хорошо продуманной и прочувствованной речью. Это создало сразу хорошее настроение, благоприятное, как казалось тогда, для удовлетворительного разрешения главной задачи конференции – организации соц[иал]-дем[ократического] Союза, Но, увы! Вышло иначе. Конференция разошлась, не только не осуществив своей задачи, но оставив довольно неприятный осадок у всех, принимавших в ней участие.

Собственно говоря, крупных принципиальных разногласий не было, кроме разве некоторых недоразумений, если можно так выразиться, вызванных недостаточным знакомством некоторых из наших молодых товарищей, не освободившихся еще совершенно от традиций старых революционных течений, с сущностью и задачами нового, марксистского течения.

Самым критическим моментом конференции, вызвавшим бурные споры и похоронившим в конце концов первую нашу попытку организовать Союз соц[иал]-дем[окра]ов, был вопрос

о взаимоотношении между группой «Освобождение труда» и предполагающимся Союзом и роли группы в литературных предприятиях Союза.

Дело в том, что, затеяв организацию Союза, члены группы «Освобождение труда» не собирались раствориться в нем как группа. Во-первых, работа по теоретической разработке основ марксизма и соц[иал]-демократического движения в России тогда, собственно говоря, еще только была начата, поэтому распустить группу означало бы выпустить из своих опытных рук принципиальное и теоретическое руководство нашим движением или, во всяком случае, в значительной мере ослабить свое влияние на него. Вероятно, были также соображения и более сентиментального характера – желание сохранить в первоначальном составе группу-основоположницу марксистского движения в России, сыгравшую такую крупную историческую роль. Об этом решении группы многие из нас знали заранее и вполне, конечно, одобряли.

Но не так отнеслись к этому некоторые делегаты конференции. Спор там возник не столько по вопросу о вступлении в Союз группы, как таковой, сколько о литературных полномочиях группы. Мы настаивали на том, чтобы ей были переданы функции редакционной коллегии, редактирующей все издания Союза, но, конечно, ответственной перед ним. Этого меньшинство не хотело. Особенно цюрихская делегация, руководимая Слетцовой, резко и решительно выступила против этого. Вопрос, конечно, не в том был, войдут ли члены группы «Освобождение труда» в Союз, как группа или отдельно, а в том, кто должен контролировать литературные работы Союза. Для нас, большинства, это был вопрос принципа, вопрос сохранения теоретической и литературной выдержанности, как и принципиальной устойчивости наших изданий. Но оппозиция этого не хотела видеть или понять. Для нее это был вопрос личных амбиций или желания доминировать над молодыми писателями. После первых двух-трех заседаний уже стало ясно для всех, что все эти горячие споры ни к чему не приведут. Если к концу заседания и удавалось силой аргументации поколебать некоторых членов оппозиции, особенно же Ганелина, то, когда открывалось следующее заседание, борьба возобновлялась с еще большей резкостью и настойчивостью. Эти споры продолжались бы до бесконечности, ибо было совершенно очевидно, что убедить оппозицию в том, что ее точка зрения абсолютно неприемлема для большинства конференции, не удастся. Тем более, что многие из нас были уверены в том, что настойчивая борьба, которую вела против нас цюрихская делегация, не результат простого ее упорства, а скорее выражение того оппозиционного настроения, которое в последнее время развилось среди некоторых товарищей цюрихской группы и духовным выразителем которого был Б. Кричевский. Чтобы прекратить эти бесконечные споры и наладить конец создавшейся нелепой ситуации, оставалось либо воспользоваться своим большинством и провести желательное ему решение, т.е. оставить руководство литературной деятельностью Союза в руках членов группы «Освобождение труда», либо разойтись, не приняв никакого решения. Наше большинство склонилось ко второму решению, потому что нам всем тогда было ясно, что не может быть прочной такая организация, которая уже при зарождении скрывает в себе такие элементы расколов и разложения.

Таким образом, после чуть ли не целой недели подчас очень бурных и в общем довольно бесплодных споров конференция была распущена. Мы, конечно, не сомневались в том, что следующая попытка организовать наши силы будет сделана в более здоровой обстановке и при более благоприятных условиях и результаты получатся тогда иные.

Для меня лично эта конференция закончилась совершенно неожиданным финалом. Несколько дней спустя после закрытия конференции, когда делегаты начали разъезжаться из Морнэ, Г.В. Плеханов просил меня зайти к нему. Там, на лужайке перед домом Плехановых, сидели Вера Ивановна, Павел Борисович и Плеханов. Когда я сел, Плеханов, обращаясь ко мне, заявил, что все они единогласно решили принять меня в группу «Освобождение труда». Это было для меня столь же неожиданно, сколько и лестно. Я не мог не чувствовать и сознавать, что мне была оказана большая честь – быть в тесной группе лиц, которых я так высоко ценил и глубоко уважал и не только как своих учителей, но и как дорогих друзей.

Тяжелые впечатления, оставленные неудачной конференцией, вскоре изгладились, и через несколько дней я вернулся в Берн».

[2] *Настоящее письмо С.М. Ингермана из Нью-Йорка, ошибочно датированное им 5.V.1890, относится к 1891 году. На посланный ему запрос С.М. Ингерман сообщил, что выехал в Америку в марте 1891 г., перед этим он провел некоторое время в Женеве, куда заехал проститься с Плехановыми.* – Прим. составителей «Литературного наследства Г.В. Плеханова».

[3] В письме ошибочно – Григорий.

[4] От нем. Geschäft (букв. подарок) – торговая операция, прибыльное дело, выгодная сделка, коммерческое дело, основанное на спекуляции или на обмане.

[5] В данном случае С.М. Ингерман показывает свою неинформированность. Социалистическая рабочая партия США (Socialist Labor Party) оформилась в 1876 г.

[6] «Лилипутская» т.е. очень малочисленная. Лилипут – человек очень маленького роста, карлик (по названию крошечных людей, населяющих вымышленную страну – Лилипутию, описанную в романе английского писателя Джонатана Свифта (1667–1745) «Путешествие Гулливера»).

[7] От лат. locus – пост, служебное место, позиция.

[8] Организаторами первомайской демонстрации в Нью-Йорке были Центральная рабочая федерация и Социалистическая рабочая партия, собравшие более 15 тысяч человек. Активное участие в демонстрации приняли каменщики, так как местный профсоюз каменщиков объявил о штрафе в 50 центов с любого члена профсоюза, кто не примет участие в манифестации. Несколько тысяч человек, включая 150 детей, работающих на предприятиях с потогонной системой, представляли Объединенные еврейские профсоюзы. Они несли лозунги: «Мы хотим, чтобы дети учились, а не работали!», «Долой потогонную систему!», «Мы печем хлеб, а не едим его!», «Мы шьем одежду, а сами раздеты!», «Мы хотим работать восемь часов, шестнадцать для нас слишком много!». На митинге, состоявшемся на Юнион-сквер, выступавшие говорили о международной солидарности рабочих для того, чтобы добиться сокращения рабочего дня, изменения системы оплаты труда. В резолюции, принятой на митинге, особо подчеркивалось, что рабочие всего мира проводят в этот день демонстрации в духе Парижского конгресса (См.: *Фонер Ф.Ш.* Первое мая: Краткая история международного праздника рабочих, 1886–1986: Пер. с англ. М., 1988. С. 85–87).

[9] По сведениям департамента полиции С.М. Кравчинский ездил в Нью-Йорк читать лекции по истории революционного движения с декабря 1890 г. по май 1891 г. О предстоящей поездке в Америку Степняк писал В.И. Засулич в письме от 6 сентября 1890 г. (См.: Группа «Освобождение труда». Сб. I. С. 237).

[10] Газета «Free Russia» («Свободная Россия») – орган Общества друзей русской свободы, созданного по инициативе С.М. Степняка-Кравчинского весной 1890 г., начала выходить летом этого же года, а в 1891 г. в США стали выходить номера, печатающиеся с английских матриц.

Переговоры с Дж. Кеннаном шли трудно, так как он, не понимая всей кощунственности происходящего, участвовал в организации лекций русских эмигрантов, где они должны были выступать в костюмах каторжан и в кандалах. В письме к Е. Лазареву, революционеру-эмигранту, Степняк писал: «Давно ли вы из России, а уже вы советуете чуть не крутиться колесом для забавы досужих янки и предлагаете превратить "Free Russia" в придворный орган Кеннана и г-жи Скот Сакстон, чтоб, извольте видеть, одному больше денег помогло собирать, а другой – каким-то ее возвышенным честолюбиям производило приятное щекотание!… курить продажные фимиамы Кеннану и Сакстон (всякие фимиамы, подносимые из-за «политики», из расчета – продажные) – делать из себя паяцев, чтобы американцев задобрить – нет, слуга покорный. Ну их ко всем чертям, успехи, приобретаемые такой ценой» (Цит. по: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 466).

[11] Агитационная поездка (*нем.*).

[12] Вся фраза в первой публикации отсутствует.

[13] Фраза со слова «последние» в первой публикации отсутствует.

[14] В 4-й книге «Социал-демократа» в отчете о суммах, поступивших в кассу русских социал-демократических изданий, с начала 1890 г. по 15 марта 1892 г. указано: «из Нью-Йорка от Русского дем[ократического] общества 126 франков 60 сантимов».

[15] Первые три книги «Социал-демократа» вышли в 1890 г. Четвертую, последнюю книгу удалось выпустить только в 1892 г.

[16] № 1 газеты «Прогресс» вышел 6 декабря 1891 г.

[17] Фраза со слова «ничего» в первой публикации отсутствует.

[18] Всей этой фразы в первой публикации нет.

[19] *В Нью-Йорке ко времени приезда С. Ингермана среди социалистически настроенных эмигрантов из России существовало несколько революционных кружков. Речь, вероятно, идет об основанной в 1888 г. русской социалистической группе «Саморазвитие», к которой П.Б. Аксельрод обращался в 1890 г. за помощью для заболевшей легочной болезнью В.И. Засулич. Секретарем кружка был прибывший в конце 80-х годов в Америку С. Поляк.* – Прим. из «Литературного наследства Г.В. Плеханова».

[20] Характеристика в первой публикации отсутствует.

[21] Приписано по левому полю оборота последнего листа письма.

93
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1891, 22 июня (3 июля)
Карийск

Хорошая сестра моя!

Наконец-то я получил от тебя, после 4-х месяцев, сразу два письма. Я уже отчаивался, получу ли когда от тебя что-ниб[удь]; уже строил всевозможные тревожные предположения... И вдруг получаю твои письма (от апреля мес[яца]), к тому же такие хорошие, интересные и сравнительно даже «большие»[2]. Я сам отчасти виноват перед тобою, – я также все эти 4 месяца не писал тебе, и ты, поди, теперь беспокоишься за меня. Но вина моя смягчается многими «независящими» обстоятельствами. Во-первых, я с недели на неделю ждал, что вот получу от тебя письмо и тогда отвечу; а во-вторых, – и это главное – неопределенность нашего положения. Дело в том, что, как ты, конечно, читала в газетах, по поводу путешествия наследника по Сибири император издал манифест, по которому все осужденные и находящиеся в Сибири получают сравнительно большие скидки со сроков[3]. В какой мере и когда к нам применят этот манифест, еще нам не объявляли. Но, судя по тому, что, как ты знаешь, нас почти во всем сравняли с уголовными, можно думать, что и нам сделают те же скидки со сроков, какие им сделают. Тогда я могу скоро выйти на поселение, maximum[4] через год. Но не подумай, дорогая, что эта перспектива особенно меня радует. Если пошлют в Якутку, куда всех наших ссылают, то, пожалуй, во многих отношениях будет хуже, чем здесь[5]. Как-никак, здесь все же живешь среди людей, можешь сравнительно скоро (через 1½–2 мес[яца]) узнавать о близких и о том, что делается на белом свете, можешь найти себе даже заработок и не испытывать нужды, не говоря уже о предметах первой необходимости, но даже некоторых предметах комфорта. Там, в Якутке, как знаешь, часто нуждаются, негде достать хлеба, не говоря уже о чае, табаке и т.п. Но было бы неправдой, если бы я сказал, что буду огорчен или даже равнодушен ввиду предстоящего ухода на поселение. Якутка, – конечно, скверная перспектива, но не век же меня там будут держать, – может, со временем, куда переведут в лучшее место, припишут в «крестьяне», дадут право «разъездов». Словом, с уходом на поселение открываются перспективы, можешь льстить себя надеждой в более или менее отдаленном будущем возвратиться в «первобытное состояние», если еще и еще будут манифесты.

Вот, пока не выяснилось наше положение, пока не знаешь, уйдешь ли на поселение и когда, – чувствуешь себя не по себе, ни за что определенное не можешь взяться, даже и за писание письма. Такое состояние длится у нас уже около двух мес[я]цев, и мы не знаем, сколь долго оно еще продлится. Ты, я уверен, поймешь это состояние и не строго меня осудишь, зачем долго не писал тебе.

Теперь к твоим письмам. В одном из них ты описываешь, очень мило, свою матоидальность и, начитавшись остолопа Ломброзо*, готова, кажется, поверить,

---

* Отметив в тексте имя Ломброзо крестиком, Л.Г. Дейч в форме примечания внизу страницы сделал следующее отступление: «Кстати, ты излагаешь его воззрения, предполагая, что я о нем ничего не слыхал. Не только читал (в перев[оде]) все почти его сочинения, но разговоры о нем в тюрьме, в течение 1 ½–2 л[ет], мне страшно надоели, и я его возненавидел как личного врага, а также немногих его последователей в Европе (и у нас (напр[имер], Дриля). Он нелепый болтун».

что и в самом деле ты – матоид[6]. Насколько я себе по письмам представляю твое положение и состояние, в нем нет ничего странного, ненормального, – конечно, с нашей, а не ломброзовской точки зрения. «Забвение о своем существовании» – неизбежное состояние у каждого, кто сильно увлечется каким-нибудь приятным ему занятием, которое он сам себе выбрал или случайно на него наткнулся и почувствовал, что не безрезультатны его усилия. Даже при вполне удавшейся личной жизни– которой у тебя нет – мне понятен «интерес к совершенно не касающимся данного лица вещам», не только к «Гегелю или к какому-ниб[удь] XVIII или XVI в.», но даже, напр[имер], к третичной формации[7], ископаемым и т.п. мертвечине. Даже когда данное лицо не видит никаких результатов от своего интереса, я вполне понимаю его состояние, тем более оно понятно, когда он видит, что он не зря занимается тем или другим предметом, что, кроме собственного выяснения, обогащения себя знаниями, – он может – и на самом деле это делает – делиться с другими. Не верю, дорогая, что ты «волнуешься совершенно бескорыстно», «ничего определенного не ищешь». Я не сомневаюсь, что ты действительно так думаешь; но, на самом деле, ввиду своих литературных работ, существует неясная для тебя, не формулированная тобою связь между твоим «волнением по поводу XVIII или XVI в.» и действительно занимающими тебя вопросами. Для иллюстрации приведу пример из собственной жизни. В тюрьме, прочитывая, напр[имер], в геологии, какое влияние на колебание почвы производят крупповские заводы[8] или что-ниб[удь] в этом роде, ничего, кажется, общего не имеющее ни с моей жизнью, ни с моими воззрениями, – я с таким увлечением начинал излагать и развивать данный факт, что Дмитро меня всегда в таких случаях наз[ывал] «матоидом». Но я себя нисколько таковым не считаю, и, если на несколько минут остановлюсь мыслью на связи интереса к этому факту с общими моими убеждениями, то, несомненно, всегда найду ее и смогу ее показать. Меня, напр[имер], очень интересуют первобытные учреждения, и я приходил часто, как ты говоришь, «в волнение», когда «связывал в уме два явления, к[о]т[о]рые прежде торчали в нем порознь». Живи я, как ты, совершенно особняком, не имей я никого, кому бы мог передать свои мысли (что, впрочем, иногда случалось), я, вероятно, мог бы также «по 2 ч[аса] проходить взад и вперед». И уж, конечно, я был бы более вправе сказать, что «ничего не ищу, волнуюсь бескорыстно», т[ак] к[ак] нигде не печатаюсь и не задаюсь никакими теоретическими вопросами[9]. Но, во-первых, естъ много общего в нашем положении, во-вторых, тем-то и хорош марксизм, что он является путеводной нитью, как бы канвой, на к[о]т[о]рой вышиваются[10] самые затейливые, если можно так выразиться, интереснейшие узоры. Чем бы ты ни занимался, чего бы ни наблюдал, все даст тебе материал для пополнения, расширения и дальнейшего разукрашивания узора.

Мне теперь пришла в голову мысль: а вдруг ты, прочитавши все это, скажешь: «Не то, не то! Ни при чем здесь марксизм и мои литерат[урные] занятия!». Ну, тогда извини, – я, значит, тебя не понял. Но сомневаюсь: мне так ясно представляется твое «волнение», твой «бескорыстный интерес», что трудно поверить, что я ошибаюсъ. Во всяком случае я рад, что ты испытываешь описанное тобою состояние, что тебе оно нравится и ч[то] ты рада ему. Боюсь только, как бы чрезмерное увлечение занятиями, при ненормальном твоем образе жизни, не отразилось на твоем здоровье. Я часто думаю о нем, и, признаться, сильно тревожат меня такие мысли: а вдруг ты разболеешься, как Лиза?!.

Обрадовало меня известие, ч[то] у тебя теперь «собственные, рассобственные» 100 fr[anc] в месяц. Откуда ты их возьмешь? А часов я все еще не получил и много терплю из-за них, много теряю зря времени. Я уже жалею, зачем надумал о них писать тебе, т[ак] к[ак] тогда сам купил бы здесь или выписал бы. Вот, не получая долго от тебя писем, уже решил выписать из Питера (магазина) и даже сдал уже письмо, когда получил твои два, в одном из к[о]т[о]рых ты опять пишешь, что поручила Вите мне выслать, и я взял назад свое письмо. Ты советуешь мне за всем мне нужным обращаться к Сашеньке: но, во-первых, нам запрещено переписываться не с родственниками, а я уже месяца 3–4 не получал ни от нее, ни от Дм[итра] ни строчки; о нем я не знаю даже, где он теперь и что с ним; не знаешь ли ты чего? Во-вторых, я давно написал Сашеньке, что мне нужны одеяло, простыни и некот[орые] др[угие] вещи; но она, вместо вещей, почему-то прислала в ответ деньги (150 руб[лей]). Деньги, конечно, пошли на жизнь, а этих вещей у меня все же нет. Но ты не вздумай, чего доброго, прислать их. А вот о чем попрошу тебя. На случай, если меня вскоре отправят на поселение, особенно в Якутскую обл[асть], недурно было бы, если бы ты имела для меня наготове руб[лей] 75, а то и 100[11]. Если сама не можешь их раздобыть, то обратись от моего имени к близким, помнящим меня (Ане, Павлу, Сергею). Когда их раздобудешь, – чем больше, тем, конечно, лучше, – то сообщи лишь мне об этом; я же со временем напишу тебе, когда и куда мне их выслать. Путь отсюда в Якутку более тяжел и утомителен, чем тот, по к[о[т[о]рому пришлось идти из России сюда. Ну, спешу закончить это письмо, чтобы оно ушло с ближайшей почтой. Скоро еще напишу о своем впечатлении относительно немецкого сочинения Carey (в 4 т[омах])[12], к[о]т[о]рое мне прислал Павел. Пока скажу, что произведение о героях из буржуазной среды[13] мне и др[угим] наиболее всего понравилось, затем – о геноссах[14], о Парижском конгрессе[15]. Произведения же о «Tschernisch[evsky]»[16] – не особенно: слишком расплывчато, много повторений, размазывания, – таково общее впечатление и мое в том числе. Павлу передай, чтобы он не присылал более «Frankf[urter] Zeit[ung]», так как нам запрещено получать газеты и журналы. Но пусть пришлет следующие томы «Сборника». Самый сердечный привет и наилучшие пожелания Жоржу, Павлу, Лизе, Ане, а тебя крепко-крепко обнимаю.

Твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.42. Л. 15 – 16 об. Автограф с позднейшими пометами автора. Опубл. (с небольшими пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 277–281. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] По верхнему полю первого листа поздняя помета Л.Г. Дейча «Из Вольн[ой] ком[анды]».

[2] Письма В.И. Засулич не обнаружены.

[3] Наследник цесаревич, будущий император Николай II, в1890–1891 гг. с целью ознакомления с различными областями России предпринял путешествие на Дальний Восток. В ходе поездки по Сибири он присутствовал при начале работ на Сибирской железной дороге, при нем во Владивостоке состоялась закладка дока и памятника адмиралу Невельскому, в Хабаровске – открытие памятника Муравьеву-Амурскому. Посещение Сибири наследником император Александр III ознаменовал изданием Именного указа от 17 апреля 1891 г., смягчившего и сократившего наказания, отбываемые в Сибири.

[4] Самое большее (*лат.*).

[5] Якутская ссылка – место принудительного поселения политических и уголовных ссыльных на территории Якутского края с центрами: Якутск, Верхоянск, Вилюйск и др. Якутская ссылка отличалась крайне тяжелыми природными условиями, суровым режимом, произволом начальства. В 1899 г. в Якутске произошло кровавое подавление выступлений политических ссыльных, вошедшее в историю как Якутская трагедия.

[6] Матоидальный, матоид (ит. Mattoide) – человек со странностями, псих.

[7] Третичная формация (период) – первый период кайнозойской группы, самой молодой группы слоев земной коры.

[8] «Акционерное общество Фридрих Крупп» – крупнейшая германская фирма по производству вооружений. Основана в 1811 г. в городе Эссене Фридрихом Круппом (Crupp) (ум. 1826) под названием «Сталелитейный завод Фридриха Круппа».

[9] Слово зачеркнуто и над ним, вероятно, позже надписано черными чернилами: «темами».

[10] Слово надписано черными чернилами вместо частично зачеркнутого «разрисовываются».

[11] *Я просил о присылке денег, имея в виду побег, если бы к этому представилась возможность в пути из Кары в Якутскую область.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[12] *Ради конспирации, ввиду незнания немецкого языка нашими цензорами, я таким способом уведомлял своих друзей о получении заделанными в переплетах издаваемых тогда в Женеве моими друзьями Сборников «Социал-Демократ».* – Прим. Л.Г. Дейча.

В тексте письма по левому полю оборота последнего листа Л.Г. Дейч сделал примечание черными чернилами: «*В переплетах этой книги находились номера жур[нала] «Соц[иал]-дем [ократ]»*

[13] Статья В.И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» (Социал-демократ. 1890. Кн. 1. Февраль).

[14] Статья П.Б. Аксельрода «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг» (Социал-демократ. 1890. Кн. 2. Август; Кн. 3. Декабрь; 1892. Кн. 4).

[15] Статья Я.М. Кальмансона «Международный рабочий социалистический конгресс в Париже (14–15 июля 1889)» (Социал-демократ. 1890. Кн. 1. Февраль. С 16–34), опубликованная под псевдонимом «Новый товарищ».

[16] Статья Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский» (Социал-демократ. 1890. Февраль. Кн. 1; Кн. 2. Август; Кн. 3. Декабрь; 1892. Кн. 4,).

94
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову[1]

1891, 24 августа
Цюрих[2]

Дорогой Жорж,

посылаем 50 f[ranc], они в Германии собраны вообще на литературу. Посланы на адрес Лифшица. Хорошо, кабы можно поскорее отпечатать ваши воспоминания[3], чтобы брошюра для рабочих была готова. Если ее к 1-му мая послать в Америку, наверняка много и быстро распродалось бы. Да и в других местах.

Здесь не получено еще ни одного экз[емпляра] нашего доклада[4], и здешняя публика этим очень огорчается. В Берне еще при мне б[ыл] 1 экз[емпляр], но я его там и оставила. Кричевскому я (Павел молчал) т[ак] ответила, что, по-моему, целый лист ответа на такую глупость много и вообще пока трудно решить окончательно о печатании этого ответа. Каков-то у них будет номер газеты, да и выйдет ли?.. Словом, уклонилась. Ладно сделала? Успокойте мою душу – напишите или попросите кого написать, посланы ли в Берн по 100 экз[емпляров] трех книжек нашего журнала?[5] Боюсь, будет поздно! Я переселяюсь завтра к Грейлиху, одна. Пока отчаянно кашляю и не сплю от этого по ночам, да и не мудрено – скоро неделя с утра до ночи на людях. Что это у вас рука болит, говорит Крич[евский]? Ревматизм?

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.26. Л. 1. Автограф на почтовой карте со штемпелем «24.VIII.91. Zürich». Адресовано: «M-re Plekhanoff. Chez Favre. Mornex. Haute Savoie. France». Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 278–279. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] К первой публикации Л.Г. Дейчем было сделано следующее примечание: «*Необходимо предварительно сказать несколько слов по поводу помещаемой нами здесь части писем В.И. к Г.В. Вместе со многими другими рукописями и документами они хранились в находящемся теперь в Париже архиве Г.В. Плеханова, откуда и были мною извлечены летом 1922 года. Письма эти относятся, главным образом, к середине и концу 90-х годов, когда В.И., изгнанная французским правительством из Савойской деревушки Морнэ, переехала в Лондон (в 1894 году), а затем, в начале 1897 г., оттуда переехала в Цюрих. Но несомненно, что она переписывалась с Г.В. также и в 80-х годах, когда временами уезжала сперва из Женевы, затем из Морнэ в другие города: на это, между прочим, указывают помещенные нами в № 3 нашего сборника письма к ней Г.В., ответов на которые не оказалось в его архиве, где также не нашлись и его письма в ответ на здесь помещаемые, равно как нет там и писем многих других ее корреспондентов, в том числе моих, Стефановича, Анны Кулешовой (Турати) и других друзей, приятелей, знакомых. Несомненно также, что В.И. не уничтожила никаких ни рукописей, ни документов, тем более получаемых писем. Ясно, что огромный ее (а также и мой, оставшийся у нее после моего ареста во Фрейбурге) архив попал в чьи-то руки после ее отъезда в конце 90-х годов в Петербург. В чьи именно, – могу лишь строить догадки. Оставляя в стороне лояльность, этичность поведения этих таинственных укрывателей чужих, очень ценных, материалов, замечу, что поневоле приходится пока печатать нижеприводимые письма, хотя мы и сознаем чрезвычайное затруднение читателя ориентироваться, понять в них многое, не имея ни предшествовавших им ее писем, ни ответных Г.В. и других лиц.*

Отчасти по этой причине, но также ввиду отсутствия на преобладающем большинстве из этих писем дат нам пришлось затратить неимоверно много времени, – в сложности, вероятно, не меньше нескольких месяцев, – чтобы расположить их сколько-нибудь последовательно, причем мы заранее уверены, что едва ли нам это удалось, – все это, повторяю, благодаря таинственному укрывателю архива В.И. и моего.

Нужно ли говорить о том, что, несмотря на все эти изъяны, помещаемые здесь письма Засулич к Плеханову представляют огромный интерес как своим содержанием, так и своеобразным языком и только Вере Ивановне присущей манерой писать. В заключение еще раз обращаюсь ко всем тем, к которым еще не дошли мои прежние просьбы, возвратить сохранившиеся у них письма В.И., а также Г.В. и мои.

P.S. Настоящая рукопись давно уже была мною сдана в печать, когда я получил от Роз. Марк. Плехановой из Берлина сообщение, что ей передана из архива П.Б. Аксельрода часть хранившихся у него моих и Я.В. Стефановича писем из Сибири к В.И. Засулич. Возможно, что со временем найдутся и другие оставшиеся у В.И. письма».

[2]Датируется по штемпелю почтовой карты.

[3] Воспоминания Г.В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении» впервые были опубликованы в сборнике «Социал-демократ» (1890. Кн. 3; 1892. Кн. 4). Отдельной брошюрой они были напечатаны в типографии «Социал-демократа» в Женеве в 1892 г. с приложением открытого письма Плеханова «Лицам, произнесшим речи на собрании петербургских рабочих, состоявшемся по поводу всемирной демонстрации 1-го мая».

[4] Имеется в виду «Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-демократ» международному рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе в августе 1891 г.». – См.: Литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. 8. С. 88–89.

[5] Имеется в виду «Социал-демократ».

95
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1891, сентябрь[1]
Карийск

Дорогая моя сестра!

Уже несколько месяцев, как не получаю от тебя писем. Последние два письма получил одновременно в июне[2], и я тотчас же ответил.

Начинаю уже беспокоиться, хотя в последний год, со времени моего выхода в вольную команду, такие частые беспокойства уже случались, и я утешаю себя мыслью, что и на этот раз твое молчание объясняется не каким-ниб[удь] несчастьем, а, в сущности, незначительным обстоятельством. Последние два твоих письма произвели на меня самое приятное впечатление, и мне очень грустно было бы, если бы вслед за ними что-ниб[удь] прискорбное помрачило бы твое состояние. Я, в свою очередь, до сих пор не писал отчасти потому, что ожидал твоего письма, а главное – вследствие всяких мелких причин, забот, хлопот, ожиданий и пр[очего]. Почта теперь отходит у нас раз в 10 дн[ей], и вот, если почему-ниб[удь] не удалось написать в данный момент, то приходится ждать следующ[ей] почты, а там, смотришь, что-ниб[удь] снова помешало; иногда приготовишь заранее письмо, а ко дню отхода почты находишь его уже не соответствующим настроению, не отсылаешь его и не можешь собраться написать новое. В настоящее, напр[имер], время пишу при самых несоответственных для писания условиях, о к[о]т[о]рых долго пришлось бы рассказывать, если бы пожелал тебя познакомить с ними. Ничего особенно неприятного, нехорошего нет в этих условиях, но и приятного мало. Главное в них – хозяйственные заботы, о к[о]т[о]рых ты, живущая в культурной стране, не можешь составить себе ясного представления. Теперь, с наступлением осени, приходится заняться ремонтированием своего жилища: мазать, белить, конопатить, поправлять заваленку, обивать дверь, вставлять двойные рамы и пр[очее]. Но самое главное и сложное – это заготовка дров на зиму. Вот уже третья неделя пошла, как мы в числе 12 челов[ек] рубим, пилим, колем и складываем дрова в лесу, отстоящем от нашего поселка на расстоянии 5–6 верст. [3]Сентябрь здесь вообще довольно сухой и сравнительно теплый месяц, что не мешает по утрам воде замерзать, а дождям иногда промачивать нас изрядно; тем не менее довольно сносно работать и жить при этих условиях, а главное – очень здорово. Поэзии также очень много[4] в работе, – в рубке леса (припомни некрасовскую Сашу: «Лес зазвенел, застонал, затрещал»)[5]. [6]Только чересчур уж долго приходится наслаждаться этой поэзией и совершенно не прикасаться к печатному материалу, а это не особенно приятно. Правда, раз в неделю мы устраиваем себе дневку – отдых и возвращаемся домой; но не до чтения в такие дни, – приходится исполнять всякие мелкие заботы и делишки. А подчас очень тоскливо без книги. Да, много неудобств в некультурных странах. Хотя, конечно, при средствах и здесь можно устроиться более или менее сносно. Но довольно о буднях нашей жизни. Бывают у нас и праздники по случаю какого-ниб[удь] торжества, «события», напр[имер] именин, крестин, приезда или отъезда кого-ниб[удь] из товарищей, свадьбы и пр[очего][7]. Отчасти наши условия и образ жизни не благоприятствуют тому, чтобы следить за процессом, происходящим в среде европейских народов, в частности в среде геноссов[8]. Тем не менее из тех отрывочных сведений, к[о]т[о]рые до нас долетают, можно заключить, что особенного там ничего не происходит, что и там «будни», разнoo-

бразящиеся незначительными торжествами. Впрочем, мож[ет] б[ыть], это лишь так издали кажется. Хотелось бы верить, что в действительности веселее, разнообразнее на Западе, чем мне представляется. Смутное у меня представление о выработанной геноссами новой программе, об интернациональном конгрессе[9] и пр. Павел совсем замолк после того, как еще в марте прислал мне письмо и 4 нем[ецкие] кн[иги] с интересными статьями, о к[о]т[о]рых я уже много раз излагал свое суждение. Он прежде имел похвальную привычку время от времени делиться со мной сведениями о жизни геноссов. Я также тщетно жду и не дождусь, должно быть, продолжения полученных мною статей. Между прочим, в последнем письме к нему я просил его прислать мне две книжки Вейзенгрина[10], о к[о]т[о]ром в «Р[усской] м[ысли]» и «Юр[идическом] в[естнике]» были интересные рецензии и отзывы как о стороннике материалистических взглядов Маркса. Прошу и тебя позаботиться о присылке этих книжек и вообще аналогичных, конечно, в том лишь случае, если твои материальные условия благоприятны, о чем ты упоминала в последних двух письмах. Но с тех пор прошло много времени, и многое могло измениться. Ты тогда писала, что можешь даже послать деньги сестре Сашеньке, чтобы она исполняла мои поручения. Но я скептически отношусь к этому благому намерению, т.е. ни у нее, ни у тебя не будет свободных для этого средств. [Вот ровно год уже я пишу и пишу о часах, а их все нет и нет, а главное – неизвестность, будут ли они в действительности, лишает меня возможности приобресть их самостоятельно. Только что я собрался выписать из магазина, как получил твое письмо с уведомлением, что сестра вышлет из Москвы. Стал ждать и месяца через три опять, было, решился здесь купить по оказии, как вдруг получаю письмо от племянника Вити, в к[о]т[о]ром он сообщает, что собирается выслать и т.п. Боже, как они мне уже надоели и вместе как они мне нужны!... Я уже не говорю о других, менее настоятельных просьбах, остающихся по годам не выполненными, напр[имер] год, как я прошу Саш[еньку] выслать мне одеяло, заготовки и пр[очее].

Знаю и понимаю, как обстоятельства складываются и препятствуют выполнению самых благих намерений][11].

От Дмитра решительно никаких известий с фев[раля] месяца. Не знаю даже, где он, доехал ли он до Якутки!

О применении к нам Манифеста[12] также ничего неизвестно, когда и что?

Ну, спешу закончить, – сегодня возвращаюсь в лес не с особенной охотой, пот[ому] ч[то] утро было очень холодное, окна сильно замерзли. Пиши же, дорогая, почаще, как о себе, так и о близких. Ты редко стала упоминать о Жорже, Розе, Сергее, Фани. Кланяйся от меня. Шлю им всем самые теплые и сердечные пожелания. [Крепко обнимаю тебя и умоляю беречь себя, насколько возможно. Пиши же поскорее и регулярнее. Павла о том же прошу. Ну, будьте же все здоровы и счастливы.

Сообщи, где и что поделывает Аня? Получила ли она в прошлом году мое письмо][13].

Твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.43. Л. 17 – 18 об. Автограф с поздними пометами автора. Часть текста вымарана. Опубл. (с пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 281–283. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию: «Сентябрь здесь вообще довольно сухой…». В правом верхнем углу первого листа письма другими чернилами Л.Г. Дейчем оставлена помета: «В[ольная] к[оманда]. 1891-й (сент.)».

[2] Письма В.И. Засулич не разысканы.

[3] Следующие три строчки вымараны.

[4] Зачеркнуто, вероятно, при подготовке Л.Г. Дейчем письма к публикации.

[5] Строка из поэмы Н.А. Некрасова (1821–1878) «Саша».

[6] Далее вымараны две строчки.

[7] Далее вымараны четыре строчки.

[8] От Genosse (*нем.*) – товарищ. Немецкие социал-демократы.

[9] Речь идет об Эрфуртской прграмме Социал-демократической партии Германии и конгрессе II Интернационала в Брюсселе. Программа была принята в октябре 1891 г. на съезде партии в Эрфурте, но уже к лету 1891 г. проект прграммы был готов и представлен на обсуждение Ф. Энгельсу, К. Каутскому, Э. Бернштейну и членам социал-демократической фракции Рейхстага. Конгресс проходил 16–22 августа 1891 г. в Большом зале Народного дома в Брюсселе.

[10] Пауль Вейзенгрюн был одним из ранних «критиков» К. Маркса. Г.В. Плеханов предполагал подвергнуть критике его взгляды, выраженные уже в первых работах 1888–1890 гг., и об этом было известно. Так, К. Каутский в своем письме к Плеханову от 10 марта 1894 г. писал: «Вы ведь хотели высечь Вейзенгрюна. Сделайте это, если не думаете, что этим окажете слишком много чести молодому человеку. Я читал несколько его статей в «Deutsche Worte» – они столь же плоски, сколько заносчивы» («Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 211). К 1894–1895 гг. относится черновой набросок статьи Г.В. Плеханова, написанный на французском языке, «Г-н Вейзенгрюн и его «социально-философские» воззрения» (Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 5. С. 10–17). В личной библиотеке Г.В. Плеханова имеется несколько книг Вейзенгрюна на немецком языке, издания 1888–1899 гг.

[11] Весь текст в квадратных скобках публикуется впервые.

[12] См. прим. 1 к док. 93.

[13] Весь текст в квадратных скобках публикуется впервые.

96
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1891, сентябрь – октябрь
Цюрих

Дорогой Жорж!

Посылаю Вам свою рукопись и приложения[1]. Я бы не желал Вас теперь прерывать в Вашей работе, но В[ера] Ив[ановна] пишет, что рукопись теперь нужна для набора. Хвостик закручу, по выраж[ению] В[еры] Ив[ановны], при корректуре, т.к. теперь голова моя наполнена письмами в Америку и Берлин[2] по поводу франков на продолжение печатания 4-й книжки, а задерживать манускрипт еще на день-другой не хочу. Содержание «хвоста» резюмировано конспективно на последних страницах, зачеркнутых и в скобках.

Смущает меня длиннота статьи (боюсь, что до 70–75 стр. будет) и в особенности вторая, статистическая глава. Я уже подумывал выбросить все первые 3 главы и сделать из них 5–10 страниц. Но не доверяю себе и предоставляю Вам решить этот вопрос[3]. Если находите, что лучше будет сократить статью по моему плану, то первые 3 главы возвратите мне, я их переработаю для легального журнала в статью под заглавием: «Соотношение политических сил в Германии на основании избирательной статистики»[4]. Конечно, если Вы найдете статью в теперешнем ее виде и объеме удовлетворительной, то еще будет приятнее.

В 4-й главе придется еще сделать пару замечаний – между прочим, по поводу положения, принятого партией относительно 1-го мая[5]. Не производит ли впечатление контраста сопоставление результатов 2-й главы с тем, что сказано об изолированном положении партии в 4-й главе?

Надеюсь, что не станете мне мстить молчанием за то, что я не писал обстоятельного отзыва по поводу статьи о Чернышевском[6]. Для Вас мой отзыв не имеет значения, как Ваш о моей работе. Да, мне нужно бы основательно прочитать статью Вашу, но для этого у меня не хватало должного спокойствия и внимания, т.к. при нормальном состоянии тела и души [я] брался за свою статью, а в противном случае я ни за что не мог толком засесть.

Брошюра о майском празднике[7] удалась очень в смысле объяснения его значения, точнее – 8-часового рабочего дня. Но не достает описательного элемента, описаний грандиозных размеров и интернац[ионального] характера праздника. Эта сторона очень важна для наших рабочих.

Ну, в ожидании Вашего приговора, крепко жму вам руку.

Читали ли Вы в «Socialist'e» письмо Энгельса к Лафаргу, в котором он ссылается на Вашу статью в «N[eue] Z[eit]»[8]?

Ваш П. Акс[ельрод]

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61 a. Автограф. По верхнему полю 1-го листа рукой неустановленного лица надпись: «к. 1892 г.». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 68–70. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Рукопись последних глав статьи «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский Рейхстаг». Эти главы были напечатаны в IV кн. обозрения «Социал-демократ»; приложения – статистические таблицы об итогах голосования на выборах за 1871–1890 гг. В печати статья появилась без этих таблиц, как слишком громоздких.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[2] *Местным группам сочувствующих. Кому – точно установить не удалось. В 1891–1892 гг. П.Б. Аксельрод вел переписку с жившим в Америке С.М. Ингерманом, Иоселевичем (Левичем), С. Поляком и др.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] *В этих главах Аксельрод детально разработал статистические данные о результатах выборов в Германии за 1871–90 гг.; предложение П.Б. Аксельрода о переработке и сокращении этих глав было одобрено редакцией, и в сборнике «С.-Д.» эта часть статьи появилась в соответственно измененном П.Б. Аксельродом виде. Отметим, что несколько позднее, в 1892–93 гг., обобщающая часть этой работы Аксельрода из «С.-Д.» была переведена Гелисом и напечатана в «Die Neue Zeit» [1892 – 93 г., №№ 16, 17): «Die politische Rolle und die Taktik der deutschen Sozialdemokratie».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] Это намерение П.Б. Аксельродом осуществлено не было.

[5] *Учитывая опыт 1890 г., когда первомайская забастовка в Гамбурге вызвала продолжительную и неудачную для рабочих борьбу с фабрикантами, съезд германской с.-д. в Галле (1890 г.) одобрил решение партийных центров о перенесении празднования 1 мая на ближайший воскресный день,– ограничившись собственно 1 мая одними лишь вечерними собраниями. П.Б. Аксельрод прямо об этом решении в своей статье не говорит, но подробно рассматривает и защищает правильность тактической линии, положенной в основу этого решения.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[6] В IV кн. обозрения «Социал-демократ» закончено печатание книги Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский».

[7] *Плеханов Г.В.* Ежегодный всемирный праздник рабочих. Женева, 1891.

[8] *«Le Socialiste» – в 1890-х гг. официальный орган Французской рабочей партии (гедистов); начал выходить (после перерыва в несколько лет) в 1890 г. Упоминаемое П.Б. Аксельродом письмо*

Ф. Энгельса к П. Лафаргу помещено с небольшим примечанием редакции в виде передовой статьи в № 51 от 12.IX.1891 г. В этом своем письме Ф. Энгельс, между прочим, касается вопроса о положении дел в России и отмечает, что Россия, т.е. ее правительство и молодая буржуазия, [за последние годы] «усиленно работала над созданием национальной промышленности»; к этому месту своего письма Ф. Энгельс сделал ссылку: «см. статью Плеханова в Neue Zeit». Эта статья Г.В. Плеханова – несомненно, его обзор: «Die sozialpolitische Zustände im Jahre 1890», который был напечатан в «Neue Zeit» за 1890–91 г. – Прим. Б.И. Николаевского.

97

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1891, 23 октября (5 ноября) – 2 (14) ноября
Карийск

Дорогая сестра!

Недели три тому назад я получил твое письмо из Цюриха[1], и, признаюсь, оно произвело на меня самое грустное впечатление. Ты сообщаешь, что приехала «отдохнуть от долгов, бед и хлопот» и лишь вскользь упоминаешь о своей болезни. Последняя меня ужасно беспокоит. Чувствую, что здоровье твое совсем расстроилось, хотя ты и заявляешь, что «прокашляешь до 100 л[ет]». К тому же и настроение у тебя скверное! Да и сообщения твои о материальных твоих условиях неутешительны; – «в заведении Рольника[2] произошел кризис», и его уже «раз описывали». Понятно, что все эти известия произвели на меня самое удручающее впечатление, а тут, спустя несколько дней, со мной случилось несколько неприятное происшествие. В предыдущем письме я сообщил тебе, что мы заготовляли дрова в лесу на зиму себе. И вот во время пилки один товарищ нечаянно топором задел мой палец так, что часть сустава (кости) отскочила и пришлось делать операцию – отрезать первый сустав указательн[ого] пальца на правой руке. Более двух недель уже прошло с тех пор, теперь уже заживает, но пока еще побаливает. Особых мучений при этом не испытывал, и все обошлось благополучно. Пишу, как видишь, по-прежнему. Неприятно только, что это как раз случилось теперь, в холодное время, когда масса работы по дому, – топить, возить воду, дрова и пр[очее]. Само собой разумеется, товарищи за мной ухаживали, когда я возился с пальцем, и теперь освобождают меня от непосильной работы. В этом отношении нельзя пожаловаться: внимания и забот проявляли мне больше, чем следовало, так что приходилось даже отказываться от услуг, просить об оставлении меня в покое. Все вместе – грустные известия, происшествие с пальцем и некоторые местные условия, о к[о]т[о]рых долго было бы распространяться, повлияли неблагоприятно на мое настроение. Быть может, под влиянием его я в последнее время испытываю сильную головную боль, а может быть, она объясняется угарами от русской печки. Но вообще я вполне здоров, крепок и силен, по крайней мере чувствую себя сильнее, чем был на воле; да и вообще живется недурно мне, и в последнее время даже читать удается больше благодаря тому, что вследствие пальца я освобожден от тяжелых работ (до полного заживления, конечно); таким образом, как видишь, «нет худа без добра»; и я действительно могу сказать, что проживу до 70–80 лет, если не случится со мною непредвиденного обстоятельства. А в моих условиях всякая неожиданность возможна. Впрочем, с кем не может случиться неожиданность?! Поэтому нечего и думать о ней. Другое дело – твое положение, со-

стояние твоего здоровья да и вообще твои условия! Ужасно тяжело и грустно становится, когда представляю себе твое положение. Сознаешь, что бессилен предпринять что-нибудь, не знаешь, каково тебе в данное время: ведь так много времени проходит с момента отправки до получения письма, и чего не может случиться в этот период?! А ты еще так редко пишешь, – частенько приходится тревожиться.

Два дня не писал тебе по причине больного пальца; разбередил его всякой мелкой работой. Хотя товарищи устраняют меня от работы, но очень скучно за всякой мелочью обращаться к ним или дожидаться, пока кто зайдет, поэтому то самовар поставишь, то печку вытопишь, то снег отгребешь кругом избы, а на пальце все это отзывается. Вот и теперь, даже при писании, он побаливает, хотя я не им держу перо. Но через неделю – maximum[3] две, надеюсь, совсем пройдет всякая боль. Тогда наступит тяжелая работа – возка дров верст за 5–6 и раз в 8–9 дней. Нехорошо жить одному, без близкого человека, [но я, как и многие, все же предпочитаю одиночную жизнь совместной с кем-ниб[удь] из товарищей, не из близких мне людей][4]. Но довольно о себе.

Ту статью в «Рус[ской] м[ысли]», о к[о]т[о]рой ты упоминаешь («Новая гипотеза» и т.д.)[5], я читал и вынес о ней такое же впечатление, какое и ты. Автор не твердо усвоил диалектический материализм и, мне кажется, главн[ым] обр[азом] потому, что он подошел к нему не с надлежащей стороны, т.е. не с политико-экономической, а с социологической, в чем, по-моему, ошибка также Михайловского, Липперта и многих других, к[о]т[о]рые, казалось бы, вполне могли бы уразуметь марксизм, а выходит, что путаются, впадают в эклектизм. Не знаю, вполне ли ясно я изложил тебе, в чем, по-моему, причина непонимания многими Маркса. Но и нек[о]т[о]рых твоих замечаний по поводу возражений противников я или не понимаю, или с ними не согласен. Ты возмущаешься тем, что «каждому историческому явлению пришпиливают какую-ниб[удь] определенную экономическую причину» и, как доказательство нелогичности такого взгляда, приводишь в числе других примеров следующий: «А какую экономическую причину видите вы в магометанстве[6]?»... Мне кажется, ч[то] такие крупные историч[еские] явления, как магометанство и «разрушение Рима»[7], имеют в своем основании экономич[еские] причины.

2-го (14) нояб[ря].

Как видишь, не писал тебе более недели – никак не мог; большую часть времени проводил у одних знакомых из местн[ых] обывателей[8], где ухаживал за больным отцом семейства, утешал мать, у которой куча детей (6 душ мал-мала меньше). Скучное и пренеприятное занятне, но обстоятельства так сложились, ч[то] нельзя было отказаться. Ты не упоминаешь, чем же теперь вы заняты, раз заведение Рольника прекратило свое существование? Пишете ли вы с Жоржем что-ниб[удь]? Неужели вы не можете прочно пристроиться в каком-ниб[удь] иностр[анном] жур[нале]? Особенно Жорж при его способностях и знаниях; право, досадно даже, что он мало известен иностр[анной] публ[ике].

Насчет денег, к[о]т[о]р[ые] я просил (руб[лей] 75–100), не хлопочи особенно, – будут – хорошо; нет – обойдемся. Но ни в каком случае не посылай их мне, пока сам не напишу; то же сообщи и Сашеньке. [Я много раз уже писал ей, чтоб она лучше выполняла мои поручения и просьбы насчет присылки вещей, а не денег. Она же почему-то, наоборот, предпочитает присылать деньги и иногда в том же письме заявляет, что выслать просимые вещи не может за отсутствием денег. Какая странная!

В последнем письме ты упоминаешь, ч[то] часы мне посланы в июне ме[ся]ц[е]. Так ли это? Я их не получил. Сообщи Сашеньке, пусть наведет справки на почте. Получаешь ли письма и известия от Дмитра? Если – да, присылай мне копии их. Я давно жду и все никак не дождусь от вас следующих двух (или сколько там вышло) номеров левогегелианского органа[9]. Умоляю тебя и Павла прислать их поскорее. От Дм[итра] получил интерес[ную] польскую книгу. Ни от Сашеньки, ни от сестры Мани давным-давно не имею известий. Весною только получил от Вити с 25 руб[лями] письмецо, в к[о]т[о]ром он обещал по возвращении с каникул написать поподробнее. Если переписываешь[ся] с Дм[итром], сообщи ему о получен[ии] книги. Наступает настоящ[ая] сибир[ская] зима. Снег давно уже выпал, морозы стоят сильные. До сих пор почта нерегулярно шла; теперь пойдет аккуратно][10]. Существующий в Рос[сии] голод[11] отзывается и на наших финансах: получки оч[ень] скудны; приходится сокращаться в расходах. Я както не умею жить в границах получаемого и всегда в долгах, хотя, конечно, ониничтожны – в несколько руб[лей]. Как на вашей жизни отзывается голод в России? Ну, всего тебе и др[угим] наилучшего.

Крепко целую тебя.

Твой брат

[12]Поклоны и поцелуи Павлу, Наде, Жоржу, Розе, Сергею, Фане, Лизе и Ане.
[13]Сообщи, по какому адресу тебе писать.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.44. Л. 19 – 20 об. Автограф. Опубл. (с пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 2832–286. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
[2] Женевская типография группы «Освобождение труда».
[3] Самое большее (*лат.*).
[4] Весь текст в квадратных скобках при первой публикации был опущен.
[5] Возможно, речь идет о статьях русского революционера и публициста П.Ф. Николаева (1844–1910), опубликованных в журнале «Русская мысль» и подписанных криптонимом П.Ф.Н. «Новая попытка органического построения истории человеческой культуры» (1888. № 5, 7), «Развитие форм собственности» (1889. № 4), «Прикладная социальная наука и теория прогресса» (1889. № 11, 12).
[6] Магометанство – устаревшее название мусульманства (ислама), одной их трех так называемых мировых религий; название образовано от старой транскрипции имени основателя ислама Мухаммеда (ок. 570–632) – Магомет.
[7] Рим Древний – город, возникший (согласно античному преданию, в 754/753 г. до н. э.) из группы поселений, к середине III в. до н. э. подчинивший себе весь Апеннинский полуостров; в дальнейшем огромная средиземноморская держава, павшая под ударами дружин германцев и вестготов к концу V в.
[8] *Это был уже описанный мною в очерке «Некрасов и семидесятники» мелкий золотопромышленник П.Чистохин, двух старших мальчиков которого я обучал в течение 5 лет.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[9] Очевидно, «Die Neue Zeit».
[10] Весь текст в квадратных скобках публикуется впервые.
[11] В XIX в. России было свыше 40 голодных лет, среди них особо голодные – 1833, 1845–46, 1851, 1855, 1872, 1891–92 гг. Голод 1891–92 г., вызванный неурожаем, провалом продовольственной кампании, несостоятельностью созданного фонда натуральных запасов, прямыми и косвенны-

ми злоупотреблениями. Голоду 1891–92 г. посвящена статья Г.В. Плеханова «Всероссийское разорение», опубликованная в четвертом сборнике «Социал-демократ» в 1892 г.

[12] Эта строчка приписана по левому полю оборота второго листа письма. При первой публикации опущено.

[13] Приписано по нижнему полю второго листа письма. При первой публикации опущено.

98
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1891, 13 октября[1]
Hartford, Conn. 21, Morgan str.

Дорогой Павел Борисович!

Заголовок этого письма Вам, я думаю, объяснит мое столь продолжительное молчание. Да, непродолжительно было мое пребывание в New-York'е. 6 месяцев самой отчаянной борьбы за существование, 6 месяцев самых невероятных усилий как-нибудь устроиться, 6 месяцев самых ужасных страданий кончились решительно ничем. Я должен был удрать, чтобы не умереть с голоду, чтобы как-нибудь устроиться материально. В New-York'е можно, конечно устроиться не хуже, чем во всяком другом городе, пожалуй, куда лучше, но… ведь Вы помните положение щедринского кабатчика, когда он получил в презент тряпку (совесть), фу, отвратительная вещь эта самая совесть, впрочем, хороша ли она или нет, а я должен был оставить превосходный город New-York. Я об этом страшно жалею. Если мои личные дела и страдали в N[ew] Y[ork], то зато в общественном отношении я был совершенно удовлетворен. Все мои надежды, которые я возлагал на Америку, еще будучи в Европе, начинают понемногу осуществляться. Надо себе отдать справедливость – я много успел в New-York'е.

Познакомлю Вас вкратце со всем тем, что делается теперь там в русской публике. «Рус[ское] рабочее общество», которое я застал в N[ew]Y[ork] соединяет в себе разнороднейшие элементы, в нем мирно уживались соц[иал-]дем[ократ] с сионистом, народоволец с либералом и т.д., все оттенки рус[ской] оппозиции имеют в нем своих представителей, но при всей своей разнородности все эти элементы одинаково мало интересовались местным движением, одинаково игнорировали его, вследствие чего рус[ское] общество оставалось изолированным среди всех местных соц[иалистических] организаций, не пользуясь ни симпатиями, ни популярностью. По отношению к России они также придерживались больше «тактики воздержания», меланхолически являясь на собрания и мрачно внося свою плату, они думали, что этим исчерпывается все, что они могут сделать для «революции»: какое употребление делается из их взносов, куда посылают, кого поддерживают, – им было все равно; они одинаково сочувствовали «…[2]» их и «Соц[иал-]дем[ократу]». Вначале я хотел было воспользоваться сонливостью этих господ, чтобы поглубже опустить руку в их карманы, но увы! – оказалось, что я затронул самую чувствительную их струнку – они завопили благим матом. Но отступить мне уже невозможно было, да и не хотелось. Надо было покончить с «беспартийностью», которая только потому «беспартийна», что враждебна к соц[иал-]демократической партии. Тем более это было необходимо, что гг. Жуки[3], Гурвичи и пр. начали свое чистое дело – удить рыбу в мутной воде. Я на собрании поднял вопрос о необходимости принять какую-

нибудь определенную программу (т.е. соц.демократическую), публика испугалась и решила прежде, чем приступить к обсуждению этого вопроса, устроить публичные дебаты между мною и Гурвичем. Об исходе дебатов я Вам, кажется, уже сообщил. Старое общество превратилось в этакую развалину, а большинство членов (лучшие деятели) основали новое общество – «Рус[ское] соц[иал-]демократическое общество в N[ew]Y[ork]» 18 чл[енов] составили новое общество, на следующем собранием было принято еще 10, теперь, через 4 недели после основания мы имеем уже 50 членов. Наша организация, таким образом, чуть ли не самая сильная из всех социалистических организаций в New-York'е. Главную цель нашей организации составляет, конечно, поддержка рус[ского] соц[иал-]дем[ократического] движения, но ввиду того, что… и т.д. «наше общество будет также принимать деятельное участие в американском соц[иалистическом] движении». У нас уже было два агитационных собрания по местным делам, третье будет скоро созвано по вопросу о предстоящих выборах. Этим мы сразу завоевали симпатии здешней социалистической публики и приобрели популярность, какой, как утверждают старожилы, здесь никогда не имела ни одна русская организация. Как далеко простирается популярность нашего общества, доказывает следующий факт: при основании нашего общества члены решили при первой возможности созвать массовый митинг для ознакомления публики с программой рус[ской] соц[иал-]дем[ократии], так как мне нужно было уехать, назначили этот митинг в сентябре с платой 10 c[ent] за вход в пользу «Соц[иал-]дем[ократа]». Когда старое общество об этом проведало, оно также созвало митинг на тот же день и час. Чтобы привлечь больше публики, они напечатали странную рекламу: у них, мол, будет говорить известный рус[ский] соц[иал-]дем[ократ], писатель, профессор философии и политической экономии, доктор Левенсон (бывший в Болгарии, который сейчас же отказался, узнав, в чем дело), известный рус[ский] писатель и общественный деятель Гордей (основатель разных библейских сект в России) и Гурвич. Итак, 2 митинга одновременно, один бесплатный, другой с платой, на одном целых три оратора, среди которых имеют профессора, писателя, ученого деятеля, на другом – один и тот… У нас было около 200 чел., а там и 30 не было. Это блестящее доказательство, что наше общество очень популярно в N[ew]Y[ork]. Я уверен, что общество это будет и без меня теперь процветать. Вероятно, Вы скоро получите 10–15 дол., собранных с митинга. Вам их пошлет некий Туров, который как секретарь будет теперь уже всегда с Вами переписываться по делам общества. Я рекомендую его Вашему вниманию – он замечательно хороший товарищ. Он же и заведует складом. Кроме «Соц[иал-]дем[ократа]» мы еще ничего не получили; когда будут получены остальные книги? Теперь у меня есть к Вам просьба: на еврейском Parteitag'e[4] решили приступить к изданию ежемес[ячного] научного журнала на жаргоне. Стоящие во главе этого дела люди очень видные […[5]] еврейск[ие] […[6]] деятели состоят также членами нашего «Общества» и помогают нам, чем могут. Они меня просили пригласить Вас и товарищей присылать им от времени до времени что-нибудь. Я и от своего имени прошу Вас исполнить эту просьбу. Это было бы для нас очень и очень полезно, во-1) потому, что еврейск[ие] деятели поддерживали бы и нас, во-2) потому, что если Ваши имена сделаются популярными в еврейской массе, мы сможем золото лопатами загребать, как некогда немцы, а в-3), мы (я тоже скорее грешный Verwaltungsralt'a[7]) решили платить сотрудникам, как в др[угих] журналах. В начале декабря выйдет первый № «Zukunft» (назв[ание] журнала). Думаю, что Вы, как и В[ера] И[вановна] и

Г[еоргий] В[алентинович], не оставите без последствий моей просьбы. Я мог бы еще многое, очень многое написать, но, право, страшно устал. Писать смогу чаще теперь – времени больше[8].

Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Ингерман

Напрасно Кричевский участвует в «Прогрессе». Материально он едва ли будет вознагражден, а морально и подавно! Впрочем, его дело![9]

Привет В[ере] Ив[ановне] и Георг[ию] Вал[ентиновичу]. Я бы им тоже написал, но я не уверен, живут ли они еще в Mornex, во всяком случае перешлите им это письмо. Привет всем Lemon'цам.[10]

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22a – I / 1. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка автора.
[2] Название разобрать не удалось.
[3] Очевидно, Н.И. Жуковский.
[4] Съезд (*нем.*).
[5] Одно слово не разобрано.
[6] Одно слово не разобрано.
[7] Администратор (*нем.*).
[8] Весь абзац написан по верхнему полю 3-го листа и на его обороте.
[9] Весь абзац написан по верхнему полю 2-го листа и выделен восклицательными знаками.
[10] Весь абзац написан по верхнему краю 1-го листа письма.

99
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1891, конец декабря
Морнэ[1]

Павел,

В[ера] И[вановна] больна, я страшно занят. Буду лаконичен. (A propos[2] и раз навсегда: до выздоровления В[ера] И[вановна] будет в Морнэ). Парня[3] для набора и разных дел сюда присылайте. Пусть заедет в типографию, оставит вещи, а затем придет в Морнэ для переговоров. От редакции «Соц[иал]-дем[ократа]» просим ответить Вас[4]. Вера Ивановна посылает Вам подписанный лист, на к[ото]ром напишите, что найдете нужным. Что можно сделать в Париже, – мы не знаем; там дела обстоят так: социал-демократы в страшной вражде с народовольцами и вдобавок между собою. Недавно там произошла страшно неприятная история по поводу обвинения Селитренного[5] в нарушении седьмой заповеди (не теперь, а в давно прошедшем – plus-que-parfait[6]). Слышали ли Вы что-либо об этом? Мы с В[ерой] И[вановной] думаем, что хотя 7-ую заповедь нарушать и не следует, но и Селитренный и Лурье[7] (его близкий человек) были до сих пор очень полезными людьми и отталкивать их и невыгодно, и негуманно, и прямо непростительно, потому что оттолкнуть человека на основании недоказанных и притом поистине страшных обвинений было бы недостойно нас. Как уладится дело в Париже – не знаю, но уладить его необходимо, иначе

произойдет масса неприятностей и очень громких скандалов. Эта история берет у меня массу времени, а я пишу о голоде, просто хоть плачь! Райчину[8] будет, наверное, 200 fr[anc], которых пока еще нет на руках, но деньги верные, собираются сочувствующими нам здесь молодыми людьми. С парижского бала, вероятно, тоже будет малая толика[9]; это также ему. Значит, если можете занять для него 200 или 300 fr[anc], то пошлите ему их немедленно, заем покроется во всяком случае очень скоро, когда именно, впрочем, еще точно неизвестно, надо спросить сборщиков, что сделать, не замедлим. Насчет посылки книг Райчину условьтесь с парнем, подлежащим отъезду в Женеву: откуда посылать книги – из Цюриха или из Женевы?

Вера Ивановна просит на болезнь ей денег не присылать, ибо деньги есть для нее, а выйдут, достанем.

Пишу брошюру[10]. Рад был бы, если бы Вы были здесь, написал бы я ее у Вас на глазах, Вы знали бы, удовлетворит она требованиям публики или нет. Списываться же о ней и переправлять по письменным замечаниям – это зарез. Вообще le temps est gros des événements[11], лучше было бы нам быть вместе, чтобы действовать сообща. Подумайте, не сможете ли Вы провести у нас в Морнэ недели две? Жду ответа. Еще одно замечание: чтобы ввести парижан в оглобли насчет «борьбы с голодом», тоже нужно было бы Ваше присутствие здесь[12]. В[ера] И[вановна], которая, по ее словам, больна с умеренностью, говорит, что напрасно Вы не сообщили Грозовскому[13] о том, что Райчин нашел ему паспорт.

Ваш Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А. 9.23. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 70–75. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по содержанию и письму П.Б. Аксельрода, написанному 31 декабря 1891 г. от имени «Социал-демократа» цюрихскому «Обществу борьбы с голодом». – См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 326.

2 Кстати (*фр.*).

3 *Как предполагает П.Б. Аксельрод, «парнем» Г.В. Плеханов называет И.С. Блюменфельда.* – Прим. Б.И. Николаевского.

4 Речь идет, несомненно, об ответе цюрихскому «Комитету Общества борьбы с голодом» от 31.XII.1891 г. и подписанном «за редакцию "Социал-демократа"» П.Б. Аксельродом. – См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 326.

5 Имеется в виду заповедь «Не прелюбодействуй» (Исх 20, 14) – 7-я заповедь из 10, данных Богом Моисею на горе Синай и затем повторенных Иисусом Христом (Мф 5,13).

6 Plus–que–parfait (*лат.*) – предпрошедшее время (*филол.*).

7 При первой публикации письма фамилии Селитренного и Лурье были опущены и заменены буквами «N» и «NN», а соответствующий фрагмент письма был снабжен следующим примечанием: «*Плеханов пишет об одной истории чисто личного характера, почему мы на ней и не останавливаемся и даже опускаем названные в подлиннике полностью фамилии*».

8 *Сем. Григ. Райчин около этого времени выехал нелегально (с паспортом на имя Франца Ляховича) сначала на границу, для постановки транспорта, затем в Россию с поручениями от группы «Освобождение труда». Эта поездка является очень важным моментом в истории группы «Освобождение труда»,– она была первой после долгого перерыва попыткой посылки специального нелегального эмиссара в Россию; так как в литературе об этой поездке Райчина почти совершенно не имеется сведений, то мы остановимся на ней более подробно. Оговорим, что, черпая часть данных из жандармских «Обзоров важнейших дознаний», мы сохраняем и специфический характер их изложения. С.Г. Райчин вез с собою письма П.Б. Аксельрода*

к русским с.-д. кружкам (отобрано позднее при аресте Бруснева, – см. сборник «От группы Благоева к Союзу борьбы», стр.85) и большую партию изданий группы (об ее размерах можно судить по тому, что в Москву он доставил несколько сотен разных брошюр, – см. «Обзор важнейших дознаний» за 1892 г., стр. 35). В России Райчин заехал прежде всего в Варшаву, где имел адреса в с.-д. кружки И. Пескина, Виткинда и др.; последние, как сообщает нам И.М. Пескин, считали Райчина не вполне подходящим для поездки по России и переговоров с российскими товарищами (недостаточно конспиративным и теоретически мало подготовленным). Но, – пишет нам И.М. Пескин, – «его категорическое заявление, что это поручение дано ему из-за границы – ему, а не кому-либо иному, – убедило нас и, снабдив его связями, мы отправили его в Москву, с тем, чтобы отсюда ему дали возможность продолжать свою миссию». Поездку в Москву Райчин совершил в конце марта – начале апреля 1892г.; адреса в Москве он имел к Егупову, тогда одному из деятельнейших членов группы Бруснева, Кашинского и др., выступившей под названием «Временного Организационного Исполнительного Комитета» и занимавшей идеологически промежуточную позицию между народовольцами и с.-д.; после ареста Егупов сделался злостным предателем и его подробные показания (они в изложении даны в «Обзоре» за 1892 г.) знакомят нас с деталями этих переговоров; по словам Егупова, Райчин имел от группы «Освобождение труда» поручение: «посетить местные кружки и указать им необходимость не только создания стройной организации в Москве, но и соединения с организациями других городов»; 6.VI.1892 г. на квартире у Бруснева состоялось свидание Райчина с «Организационным Комитетом» «брусневской» организации, на которой присутствовали Бруснев, Егупов и Кашинскнй (по воспоминаниям Бруснева, «Пролет. Револ.», т. XIV, стр. 31, при этой встрече присутствовали также Ф. Афанасьев, К. Руделев и др.); во время беседы Райчин, как передает «Обзор дознаний», «сообщил слушателям разные сведения об эмигрантах: Плеханове, Аксельроде, Засулич и др., об их деятельности и планах по изданию с.-д. литературы, и затем передал, что Плеханов предлагает русским кружковым деятелям войти с ним в непосредственные отношения, во-первых, для оказания ему, на издательское дело, периодической денежной помощи, а, во-вторых, для издания за границей нелегальных сочинений, написанных в России, и, наконец, в случае достаточности средств, и для издания периодического революционного органа. Присутствовавшие изъявили полное сочувствие этим предположениям и тут же сговорились выслать деньги и статьи к концу мая, чтобы первый номер журнала, который Кашинский предложил назвать «Пролетарий», мог выйти в течение лета. Райчин обещал в течение мая доставить второй транспорт изданий Группы, до 15 пудов; «Кашинский при этом высказал желание сосредоточить в руках «Комитета» получение от Плеханова в продажу нелегальных книг, что привело бы к знакомству и соединению с остальными организациями, действующими в России; все присутствовавшие это предложение поддержали, и Райчин обещал устроить это дело. Получив в счет уплаты за доставленные книги 100 р., Райчин 8 апреля уехал из Москвы, а 12.IV.1892 г. был арестован в Варшаве. 26.VI.1892 г. были произведены аресты в Москве и возникло «брусневское» дело, по которому Райчин получил 2 года тюрьмы и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь. – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] *Из денежного отчета группы «Освобождение труда», напечатанного в т. IV «С.-Д.», видно, что «с бала 26 декабря» 1891 г. в Париже поступило «в пользу литературы» 230 фр.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *Плеханов Г.В.* Всероссийское разорение. Женева, 1892. Предисловие датировано: 3–15 января 1892 г.

[11] Время чревато событиями (*фр.*).

[12] *Как вспоминает П.Б. Аксельрод, в ответ на свое письмо, содержавшее план кампании по борьбе с голодом в союзе с другими революционными партиями, он получил письмо В.И. Засулич, которая указывала на необходимость личного приезда его в Морнэ, где тогда жили Засулич и Плеханов, для детального обсуждения выдвинутого плана создания «Комитета борьбы с голодом»; настоящее письмо Г.В. Плеханова последовало вскоре за этим письмом В.И. Засулич. «Парижане» – П.Л. Лавров и др. из «группы старых народовольцев», занявшие в вопросе о «Комитете борьбы с голодом» неопределенную позицию и тормозившие его создание. П.Б. Аксельрод согласился с доводами В.И. Засулич и Г.В. Плеханова и приехал в Морнэ, где прожил до окончания Плехановым брошюры «Всероссийское разорение», тактические выводы которой в вопросе о борьбе с голодом являются, таким образом, формулировкой взглядов, разработанных всей Группой коллективно.* – Прим. Б.И. Николаевского.

Подробнее см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 313–337.

[13] *В 1890-х гг., приехав в Швейцарию, Грозовский познакомился с Г.В. Плехановым и П.Б. Аксельродом, стал оказывать услуги группе «Освобождение труда» и через некоторое время, в конце 1891 г., предложил себя Группе для нелегальной поездки в Россию. Он просил Группу добыть ему необходимый для поездки паспорт. Паспорт был добыт (именно о нем идет речь в письме), но Грозовский нашел его неподходящим, и его поездка все откладывалась, пока П.Б. Аксельроду (Грозовский жил в Цюрихе) не стало, наконец, ясно, что Грозовский в Россию не поедет, – по мотивам, как думал Аксельрод, личного характера. Однако, считая, что Грозовский может быть очень полезен Группе в ее работе за границей, Аксельрод предложил товарищам принять Грозовского в Группу. Остальные члены Группы с этим мнением согласились, и Грозовскому было сделано соответствующее предложение.*

Как вспоминает П.Б. Аксельрод, передавший это предложение Грозовскому, последний прежде всего потребовал точного определения своих прав в Группе. П.Б. Аксельрод разъяснил, что Группа существует на основе полного товарищеского равноправия ее членов; Грозовский, вступив в нее, будет пользоваться такими же правами в ее внутренних делах, как и все остальные; определенного же устава у Группы нет. Вместе с тем, П.Б. Аксельрод категорически обещал, что после вступления Грозовского устав будет сообща выработан. Тогда Грозовский, вообще отнесшийся к предложению настороженно, недоверчиво и, как полагает Аксельрод, боявшийся, что вступление в Группу его свяжет, начал настаивать, чтобы устав был выработан теперь же, по общему согласию. Это требование, имевшее вид договора между Группою и отдельным вновь вступающим в нее членом, Аксельрод отклонил. После этого вопрос о включении Грозовского в Группу отпал и отношения между ним и Группою сильно ухудшились. Немного спустя Грозовский сообщил Аксельроду, что он получает крупную денежную сумму – 40 тыс. рублей (Г.В. Плеханов, рассказывая в письме к Энгельсу от 16.V.1894 г. об отношениях Группы с Грозовским, называет цифру 15 тыс. рублей, но Аксельрод утверждает, что вначале речь шла о значительно большей сумме), – на нужды революционного движения. Аксельрод, полагая, что речь идет о пожертвовании, указал на необходимость создания коллективного комитета из представителей различных течений в революционной эмиграции (Лаврова и др.), который разработал бы вопрос о наиболее целесообразном использовании этого фонда. Но в дальнейших разговорах Грозовский заявил, что речь идет о деньгах, поступающих лично к нему, Грозовскому, и что распоряжаться этими деньгами он хочет единолично. В начале 1892 г. между Грозовским и Группою шли по этому поводу продолжительные переговоры, разработан был небольшой план издательской деятельности и установлены нормы, в пределах которых Грозовский покрывает соответствующие расходы Группы. На почве возникших при исполнении этого плана денежных расчетов создались недоразумения, которые крайне болезненно воспринимались членаии Группы. Результатом этих трений (о них см. ниже, в письмах Г.В. Плеханова) был полный разрыв Группы с Грозовским и выступление последнего в начале 1894 года с самостоятельным издательством – «С.-Д. библиотека». – Прим. Б.И. Николаевского.

Подробности см. в приложении к настоящему изданию – «Переписка Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода и В.И. Засулич с Л. Иогихесом (Тышкой)».

1892

100
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1892, середина января
Карийск[2]

Милая, дорогая сестра!

В последнем письме[3] ты сообщаешь, ч[то] усердно работаешь в заведении Рольника[4] и что эта работа не отражается вредно на твоем здоровье. Я, признаться, мало верю последнему сообщению. Не может быть, чтобы эта работа не отражалась вредно, и меня вовсе не радует, что ты доказала скептикам, со-

мневавшимся в возможности исполнить начатое, что твоим единичным трудом совершена задуманная работа. Что толку в том, что появится еще одна работа, могущая, при наилучших условиях, принести некоторую пользу нескольким лицам, когда вместе с этой незначительной пользой ты окончательно подорвешь свое и без того плохое здоровье?! Впрочем, мои доводы и соображения тебе заранее известны и к тому же запоздалы, т[ак] к[ак] ты теперь, конечно, уже покончила с этой работой.

Меня обрадовало твое сообщение (в этом же письме) о том, ч[то] Жорж сотрудничает в «N[eue] Z[eit]». Это было одним из наиболее горячих моих желаний, о чем, помнится, я давно тебе писал. Жаль, ужасно жаль, ч[то] я не могу прочитать его статьи о Гегеле. Но я надеюсь со временем их прочитать, конечно, при вашем старании[5]. Я много раз писал и просил тебя и Павла, чтобы ты, пользуясь оказией от вас, переслали Мане для меня коллекцию интересующих меня иностранных произведений, меж[ду] прочим «N[eue] Z[eit]». Неужели это так трудно сделать? Решительно мне не верится. Просто вы забываете или пропускаете оказии. Я понимаю, что вам часто не до того, чтобы заботиться об исполнении моих просьб, но войдите и в мое положение, ведь мне не к кому, кроме вас, обратиться с просьбами о высылке интересующих меня книг, ведь <u>только</u> об этом я прошу вас! Раньше я просил тебя еще о присылке франц[узских] романов, о писании больших писем, но вот уже более года, как я на основании твоих ответов убедился в тщетности этих просьб и примирился с этой невозможностью. Остается уже одна-единственная просьба – присылать интересующие меня иностранные произведения левых гегелианцев, и это, мне кажется, вполне выполнимо при некотором старании.

Я не буду описывать, какое громадное значение могут иметь такие произведения для меня (и н[е]к[о]торых других) при условиях нашей жизни, какой интерес возбуждают малейшие сообщения, заметки о вопросах из этой области, попадающиеся в нашей прессе. То, что вам кажется избитым, давно известным, а, следовательно, мало или вовсе неинтересным, здесь читается, комментируется и дебатируется на все лады, конечно, не всеми – многие потеряли всякий интерес к теоретич[еским] вопросам, да и к практической постановке вопроса на Западе. Но я без самохвальства могу сказать, что не чувствую никакого изменения ни в моих отношениях к теоретич[еским] вопросам левогегел[ианской] философии, ни в моем практическом настроении, если можно так выразиться. Нельзя сказать, чтобы я за все эти годы не изменился в этих отношениях. Но мне кажется, ч[то] произошедшая во мне перемена – в лучшую сторону, в сторону большего понимания, зрелости, опытности. Я не чувствую себя нисколько надломленным, разочарованным, пессимистически настроенным, что так распространено в последнее время. Между тем как многие ничего не ждут для себя впереди, ударяются в мелочи повседневной жизни, заводятся своим домком, – мне, как помнишь, в последние годы при тебе, хочется практического дела, совмещающего возможность и теоретических занятий. Невозможность осуществить это желание повергает меня иногда в тоску, от к[о]т[о]рой я подчас не нахожу себе места. Часто мне кажется при таких настроениях, что звезда моя закатилась, что скрытые и чувствуемые мною внутри себя способности так и не найдут сферы для проявления, так и останутся неразвившимися, в зачаточном состоянии. Иногда же, наоборот, я как бы явственно ощущаю, что проживу много-много лет, что дождусь-таки лучшего периода и осуществлю затаенные мечты. Последнее, т.е. бодрое настроение, конечно, объясняется в зна-

чительной мере, кроме нек[о]т[о]рого теоретического развития и понимания, физическим здоровьем и крепостью. Раньше, живя с тобою, я не обращал на это внимания, не придавал значения здоровью. Теперь благодаря годам, проведенным в здешних условиях, где часто нужна физическая сила, я оценил эту сторону своего организма. Правда, я вовсе не искусен в физич[еском] труде и не имею к нему ни малейшей склонности; я не способен ни к какому труду, кроме некоторых родов интеллигентно-практических. Но я не склонен ни к каким болезням, очень вынослив и довольно силен и в этом отношении могу благодарить судьбу. [6][В отношениях к окружающим во мне произошла значительная перемена. Припомни, когда, бывало, я резко и недипломатично выступал и нападал на нек[о]т[о]рых (напр[имер] на Балогулу – Як[ова] Эф[рона], Влад[имира] Голд[овского][7], чем сильно возбуждал против себя, создавал себе многочисленных врагов. Это объяснялось, при присущих мне чутье и наблюдательности, что ты, помнится, во мне признавала излишней горячностью, экспансивностью, если хочешь. «Чутье и наблюдательность», если эти черты во мне были; так и теперь они мне присущи; но я при этом как-то мягче чую; хоть и вижу многое, что меня прежде возмущало бы и отталкивало бы от данного субъекта, но теперь рядом с подмеченными несимпатичными сторонами замечаю или, в крайнем случае, стараюсь подыскать и хорошие черты. Словом, вообще снисходителен, нетребователен, почему со всеми не только в ладах, но с большинством даже настолько в хороших отношениях,что и на «ты». Это тебя, вероятно, удивит, зная, что за все последние годы жизни с тобою я ни с кем, даже из самых симпатичных мне людей, не перешел Bruderschaft[8]. Но, рядом с этим, я решительно не имею здесь ни одного сколько-ниб[удь] близкого мне человека, с которым я мог бы говорить как о более занимающих меня вопросах, к[о]т[о]рому я мог бы запросто рассказать о своих настроениях и пр. Мне кажется, рядом с приобретением терпимости и доброго отношения к другим, я потерял способность приобретать друзей. Не знаю, наверное, что лучше. В практическом отношении, вероятно, приобретенное свойство ценно, но лично я подчас очень скверно чувствую себя вслед[ствие] отсутствия поблизости дорогого мне человека. Однако я страшно разболтался, разоткровенничался. Все выше изложенное о себе, весь этот анализ я только тебе одной (кроме Дм[итро], конечно) могу произвести, и ты, конечно, понимаешь, что других, хотя бы и близких, я не посвятил бы целиком в свой внутренний мир].

Вчера не докончил этого письма. Сегодня днем был на похоронах сестры Ивана Николаев[ича][9], к[о]т[о]рая умерла от чахотки. Муж ее[10] – ты его, вероятно, помнишь: он приезжал вместе с Ив[аном] Ник[олаевичем] – проживал здесь около года, но застал ее уже нензлечимо больной. Теперь он вместе с сынком, 11-летним мальчиком, возвращается домой. В последнем отношении я ему очень завидую: страшно надоела мне здешняя страна, и я охотно уехал бы отсюда. К сожалению, я не вижу конца моему пребыванию здесь. Правда, при благоприятных условиях, о к[о]т[о]рых я писал тебе в одном из предыдущих писем, я могу вскоре очутиться вместе с Дмитром, но ты знаешь, что там хуже, чем у нас, почти во всех отношениях. Унывать, конечно, нечего. Но грустно, что «годы уходят, все лучшие годы...».

Впрочем, в общем, беря относительно, мне грешно жаловаться на свою судьбу и положение. Во-первых, могло быть и гораздо хуже, во-вторых, сравнительно со многими, живущими со мной, мои условия куда лучше и в материальном, и в интеллектуальном, и пр[очих] отношен[иях]. Живу я, как товарищи острят,

kleinbürger'ом[11], эпикурейцем, имею относительно сносную обстановку, имею небольшой заработок (в 15 р[ублей]), могу заниматься и пр. Но … рыба ищет, где глубже и пр. Неудовлетворенность тем сильнее во мне сказывается, чем легче мне удается улаживать мелочные улучшеньица в моей обстановке. Я охотно согласился бы жить полнейшим ригористом[12] и иметь целиком поглощающее меня дело, чем при благоприятной обстановке прозябать, жить изо дня в день без общей цели. Но я начинаю вдаваться в изображение своего «я». Довольно о себе.

Пиши, ответь мне подробно на это письмо. [Думаю, что это письмо, почти целиком вылившееся без запинок, как помнишь, бывало, я устно излагал тебе свои мечты, свои жалобы, настроения, – это письмо даст и тебе нить, возбудит желание поделиться со мною сведениями о твоем состоянии][13]. Ты меня не балуешь большими письмами.

Ну, исполни же мою просьбу об иностр[анных] книгах и напиши о себе поподробнее. От Сашеньки давно-давно не имею никаких известий; часов также не получал. Недавно, после полуторагодичного молчания, Маня, наконец, разрешилась письмом[14], в к[о]т[о]ром свое продолжительное молчание объясняет массой занятий и просит быть к ней снисходительным. От Дм[итра] также получил огромное письмо[15], чрезвычайно интересное и обстоятельное. Если переписываешься с ним, передай ему за это письмо большущее спасибо.

Напрасно не сообщаешь мне своего непосредственного адреса. Целую крепко тебя и всех близких. Хоть в нескольких словах сообщай мне постоянно о них что-нибудь. Еще и еще целую.

Твой Лев

[16]Передай Павлу мою настоятельнейшую просьбу, чтобы он снова высылал «Frank[furter] Zeit[ung] по следующему адресу: Давиду Ивановичу Чхотуа, город и губерния те же, что и прежде, без всяких передач. Он может (или ты) выслать и другую или отдельные, наиболее интересные номера и других газет.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД. 1/29.45. Л. 21 – 22 об. Автограф с поздними пометами автора. Опубл. (с пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 273–276. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] По верхнему полю первого листа – поздняя помета Л.Г. Дейча «Из Вольн[ой] ком[анды]».

[2] Датируется по упоминаемому в письме факту смерти С.Н. Присецкой-Богомолец 11 января 1892 г.

[3] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[4] Женевская типография группы «Освобождение труда».

[5] *То есть если они позаботятся о конспиративной пересылке.*– Прим. Л.Г. Дейча.
Речь идет о статье Г.В. Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», опубликованной в ноябре 1891 г. в журнале «Die Neue Zeit». Впервые на русском языке статья вышла в составе сборника «Критика наших критиков» (СПб., 1906).

[6] С этого места и до начала следующего абзаца в первой публикации текст был опущен.

[7] О каком эпизоде вспоминает Л.Г. Дейч, не совсем понятно.

[8] Братство (*нем.*).

[9] Речь идет о И.Н. Присецком и С.Н. Богомолец.

[10] А.М. Богомолец.

[11] Мелкий буржуа (*нем.*).

[12] Ригорист (лат. rigor – строгость) – человек, непреклонно соблюдающий какие-либо принципы, правила нравственности, предписания.

[13] Вся фраза в первой публикации опущена.
[14] Письмо М.Г. Афанасьевой не разыскано.
[15] Письмо Я.В. Стефановича не разыскано.
[16] Эти последние строчки приписаны по сгибу развернутого листа письма и левому полю оборота первого листа.

101
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1892, вторая половина января
Париж[1]

Дорогая Вера Ивановна (и Павел, если он в Морнэ).

Сейчас был у Лаврова. Народ[овольцы] хотят, как видно, водить нас за нос. Все, чего я добился от них до сих пор, сводится к следующему: их, изволите видеть, обижали мы уже не раз. В последний раз обидели мы их в нашем Rapport'е[2]: мы называли их бакунистами, а они не бакунисты[3]. Так вот и хотелось бы им, чтобы я и Вы сделали что-то вроде amende honorable[4]: объяснили где-нибудь, что обижать мы их не хотели, что бакунистами они были только отчасти, а вообще, мол, люди хорошие. Это очень глупо, но это так – это, кажется, condition sine qua non[5] с их стороны. Но дальше что? Дальше ничего. Дальше они посмотрят, что можно было бы сделать, постараются обдумать современное положение дел и вообще постараются сблизиться с нами. Когда именно? Неизвестно. Выходит, что определенного, кроме amende honorable, ничего нет. Я еще не прервал сношений с ними, но, кажется, прерву, разумеется, мягко, перестав ходить к Лаврову (сегодня он был еще любезнее). Когда мы соединимся со Степняком (т.е. с Free Russia), нам народовольцы будут и не страшны и не нужны. Они это понимают и стараются протянуть время, чтобы как можно дороже продать свои мертвые души. Но эти Коробочки[6] меня не обойдут. Заключив союз с фрирешенцами[7], я уже иным тоном буду говорить с ними. Признаюсь, я мало и пожалел бы, если бы эти живые мощи остались за штатом. Лавров все равно будет писать у нас, Русанов же, хотя он способный человек, только вредил бы своими – не то парадоксами, не то глупостями (вроде его статей в «Социалисте»[8]). Никого из народ[овольцев], кроме ненародовольца Лаврова, я еще не видал[9]. Гуревич хлопочет о том, чтобы устроить свидание мое с Рубановичем (муж царицы Мар[ины] Никанор[овны][10]). Когда состоится оно, не знаю, да и не тороплюсь его устроить, мне кажется, что они совсем поросли мхом. Пишите же Вы мне, от Вас еще ни одного письма не было. Напишите подробнее, что у Вас там с Грозовским. Ведь жаль было бы упустить его в настоящее время[11]. Письмо мое прошу Вас переслать Павлу в Цюрих, если он уже уехал.

Ваш Г. Плех[анов]

Напишите мне немедленно, куда Вам писать. Боюсь, что Вы оставили уже Морнэ, а мне не хочется писать Вам кое-каких вещей, не будучи уверенным, что письмо не пролежит нескольких дней у хозяйки или у почтальона: времена ныне неверные. Торопите, ради бога, Рольника с брошюрой[12], ради всего святого. Как Ваше здоровье? Меня хотят-таки заставить читать здесь реферат, а у меня кашель, чистая беда. Был у Штакельберга. Миллиона он еще не получил, но [13]вообще приветлив, миллион получить надеется. Увижу его еще раз.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.39. А.31.17. Л. 1–3. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С.75–78. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо это написано Г.В. Плехановым из Парижа, куда он приехал из Морнэ, непосредственно после окончания брошюры «Всероссийское разорение» (15.01.1892). Задачей поездки были как переговоры с П.Л. Лавровым и др. «старыми народовольцами» о создании «Лиги по борьбе с голодом», так и чтение доклада и некоторые другие дела с группой живших в Париже сочувствующих социал-демократам русских студентов. Доклад этот им был прочитан 06.02.1892. – См.: Красный архив. Т. V. С. 265.

[2] Доклад (*фр.*).

[3] Речь идет о «Докладе», представленном группой «Освобождение труда» в качестве редакции «Социал-демократа» за подписями В.И. Засулич и Г.В. Плеханова в 1891 г. на Международный социалистический конгресс в Брюсселе. Этот доклад был напечатан в «Le Socialiste», в нью-йоркском «Прогрессе» и отдельной брошюрой (см.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. IX). В этом докладе его авторы говорили об элементах самобытничества в русском революционном движении досоциал-демократического периода, указывая, что в наиболее последовательной форме это самобытничество сказалось в бакунизме. Влияние же последнего можно проследить и в дальнейшем, вплоть до народовольчества. Результатом переговоров с П.Л. Лавровым было опубликование авторами «Доклада» особого письма в редакцию «Le Socialiste» (по сообщению Р.М. Плехановой, оно было записано В.И. Засулич под диктовку Г.В. Плеханова),

[4] Вознагражденье за бесчестье (*фр.*).

[5] Непременное условие (*лат.*).

[6] Коробочка – героиня романа-поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

[7] «Фрирешенцы» – группа лиц, работавшая вокруг указанного английского «Общества друзей русской свободы» (по названию их журнала «Free Russia» – «Свободная Россия»), близкая к радикалам европейского типа, эта группа во многом расходилась с народовольцами и пока был жив Кравчинский, благодаря его личной близости с членами группы «Освобождение труда», была в дружественных отношениях с последней. К идее «Общества борьбы с голодом» Кравчинский отнесся отрицательно (См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 334).

[8] *Как вспоминает Н.С. Русанов, ему в свое время передали отзыв Плеханова об его, Русанова, статье в «Социалисте» («Политический переворот и минимальные экономические требования»), в которой Русанов пытался дать вполне конкретную программу ближайших экономических мероприятий после политического переворота: «Что же это,– программа кандидата в министры?» – иронизировал по поводу ее Г.В. Плеханов.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] *Г.В. Плеханов иронизирует над положением Лаврова, который, играя крупнейшую роль в «группе старых народовольцев», неоднократно заявлял, что он, по существу, не народоволец в узком смысле этого слова.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *Марина Никаноровна* – псевдоним, под которым была известна в эмиграции *М.Н. Ошанина.*

[11] *Именно в это время Грозовский сообщил Группе, что он получил упомянутую выше сумму на революционные дела.*– Прим. Б.И. Николаевского.

См. также: переписку с Грозовским членов группы «Освобождение труда» в приложении к настоящему изданию.

[12] *Брошюра «Всероссийское разорение» окончена печатанием была довольно скоро, так как уже в середине февраля ст. ст. 1892 г. первые экземпляры ее уже были получены в Москве («Обзор» за 1892 г., стр. 33).*– Прим. Б.И. Николаевского.

[13] Последующие слова написаны по левому полю третьего листа письма.

102
С.М. Ингерман – Г.В. Плеханову и В.И. Засулич

1892, 10 февраля[1]
Hartford Conn., 21 Morgan str.

Дорогие Георгий[2] Валентинович и Вера Ивановна!

Только что узнал, что Левенсон от имени нашего N[ew] Y[ork]-ского Общ[ества][3] написал Вам письмо; считаю нужным кое-что сообщить Вам по этому поводу, чтоб Вы знали, в каком духе ответить ему. По инициативе Пав[ла] Борисовича я предложил N[ew] Y[ork]-ским товарищам и в Америке устроить «Общ[ество] борьбы с голодом»[4], я предложил им план действий и редакц[ию] «Соц[иал]-дем[ократа]» к[а]к доверенных лиц, которым мы должны посылать все собранные деньги; в этом Общ[естве] должны участвовать все рус[ские] революц[ионные] и (нереволюц[ионные]) элементы. Общ[ество] отнеслось к этой идее очень сочувственно и немедленно приступило бы к деятельности, но… вмешался Левенсон; прежде всего об участии Левенсона в нашем обществе. Вас, может быть, удивляет, что Левенсон, который за все время пребывания в Швейцарии или вообще в Европе [по тряпичности его характера и отсутствию каких бы то ни было революционных инстинктов][5] пальцем о палец не ударил, чтоб нам чем-ниб[удь] помочь, вдруг воспылал страстью двигать вперед соц[иал]-демократию. Очень просто. Приехав в N[ew] Y[ork], он по старой привычке развалился в своей берлоге [и приступил к благодарному делу лобызания своей революционной личности;][6] я его там нашел и вытащил на свет божий, думая, что он чем-либо может нам помочь. Зная, что у него здесь заработков никаких нет, наши соц[иал]-дем[ократы] предложили ему читать лекции с платой 3-х дол[ларов] (15 fr[anc]) за лекцию; первый акт его деятельности [в интересах соц[иал]-дем[ократии] был получение 40 дол[ларов] (за 2–3 месяца) кровных, соц[иал]-дем[ократических] денег, которые, не будь его, появились бы теперь в Ваших руках;][7] 2-й акт он проявил в последнее время, когда заговорили об организации нового Общ[ества]. «Гг. Ведь частные письма для нас недостаточны, чтоб мы могли взяться за это дело». «Ингер[ман] пишет от имени Аксельрода». «А есть кавычки в письме?» O, sancta simplicitas[8]. И дернул же меня дьявол пропустить кавычки, [если б я только знал, что ценой кавычек можно купить конституцию в России. Мне хоть остается утешение, что наша конституция дешевле лекций, к[о]т[о]рые г. Левенсон читает в Соц[иал]-дем[ократическом] обществе][9]. Но дело не в этом. Я уж позаботился о том, чтоб Общ[ество] борьбы etc. было организовано и приступило к действиям до получения Вашего ответа. Это было необходимо, т[а]к к[а]к жди мы Вашего письма, другое общ[ество] воспользовалось бы нашим планом, и мы остались бы при... кавычках г. Левен[сона]. Лев[енсон], возражая против моего предложения (я его сделал письменно), между прочим, заговорил о <u>Вашей халатности</u>, приплел сюда к[а]кую-то свою статью о евр[ейском] вопросе, к[о]т[о]рой Вы не только не напечатали, но Вы даже не ответили ему по поводу нее и т.д. и т.д. Заметьте, что все это говорится перед публикой, из которой ни один не знает ни Вас, ни Вашей деятельности, стало быть, никто не может ни контролировать, ни возражать. Таким образом, систематически подпуская подобные шпильки, он может в глазах Общ[ества] подорвать авторитет нашего «Союза»[10], что равносильно смерти нашего Общ[ества] в N[ew] Y[ork]. Я все сделал, чтоб сделать его безопасным для нас, но Вы и с своей стороны должны кое-что предпринять. Я думаю, что Вам сле-

довало бы в ответе выразить свое удивление по поводу того, что они обратились к Вам, а не к Павлу Борисовичу (я думаю, что Лев[енсон] имеет зуб на П[авла] Б[орисовича]), который, собственно, предложил всю эту историю; что я (Ингер[ман]) пользуюсь полным Вашим доверием (или?) и состою не только членом «Союза», но и делегатом его в Америке; что Вы поэтому находите более удобным и рациональным в интересах самого дела, чтоб они переписывались со мной, т[а]к к[а]к я все равно постоянно переписываюсь с Вами и более, чем Вы, знаком с местными условиями. Это необходимо для того, чтоб Общ[ество] могло что-ниб[удь] для нас сделать. Мне лично было бы невыразимо больно, если б Общ[ество], к[о]т[о]рое стоило мне стольких трудов, здоровья и времени, попало в нечистые руки. Левен[сон], быть может, и очень хороший марксист, но к[а]к соц[иал]-дем[ократ] (революц[ионер]) он очень проблематичен. Я вошел в сношения с Филадельфией, Бостоном, New-Haren'ом, где имеются русские колонии; постараюсь и там организовать Соц[иал]-дем[ократическое] общ[ество], но там я с самого начала себя иначе поставлю.

Что хорошего у Вас? Я здесь страшно тоскую и, если бы не надежда двинуться скоро в нашу милую «Азию», я удрал бы отсюда. Пишите, к[а]к Вы смотрите на тепереш[нее] положение России; думаете ли Вы, что XIX-ое ст[олетие] кончится для России тем же, чем кончилось прошлое для Франции[11]? Кабы, кабы!

Крепко жму Ваши руки

Ваш Ингерман

[Адрес мой: Dr. Ingerman 21, Morgan str. Hartford Conn U.S. of America][12].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 454. В. 156.3. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 258–260. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка автора.

[2] В тексте ошибочно «Григорий».

[3] *12 августа 1891 г. в русской социалистической группе «Саморазвитие», существовавшей в Нью-Йорке с 1888 г., произошел раскол. Группа эта считала себя беспартийной, но часть ее членов настаивала на поддержке только социал-демократического движения в России. Во главе беспартийной части стояли И. Гурвич и Л. Миллер. Социал-демократы, во главе с С. Ингерманом, вышли из «Саморазвития» и организовались в «Русское социал-демократическое общество». В 1907 г. это общество, подкрепленное новыми эмигрантами из России, преобразовалось в «Группу российских социал-демократов».* – Прим. составителей «Литературного наследства Г.В. Плеханова».

[4] Об «Обществе борьбы с голодом» См. док. 100.

[5] Фраза, заключенная в квадратные скобки, при первой публикации была опущена.

[6] Фраза, заключенная в квадратные скобки, при первой публикации была опущена.

[7] Фраза, заключенная в квадратные скобки, при первой публикации была опущена.

[8] О, святая простота (*лат.*).

[9] Фразы, заключенные в квадратные скобки, при первой публикации были опущены.

[10] *Вероятно, «Русского социал-демократического союза», от имени которого группа «Освобождение труда» выпустила несколько изданий в 1889 г.* – Прим. составителей «Литературного наследства Г.В. Плеханова».

[11] Ингерман намекает на Великую французскую революцию.

[12] Адрес в первой публикации был опущен.

103
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1892, 16(28) февраля
Карийск[2]

Дорогая сестра моя!

Вот уже около месяца, как получил твое письмо, а до сих пор не собрался тебе написать. Раньше со мной этого никогда ни случалось; я всегда бывал аккуратен в переписке, всегда отвечал вскоре по получении письма. Никаких особых причин моего замедления в ответе, никаких происшествий не приключилось со мною, – просто неохота была взяться за перо, не мог собраться никак. И не то, чтобы я был особенно занят. Наоборот, когда я очень занят, тогда-то я и аккуратен, а когда тянешь лямку – не хочется писать. Отчасти, впрочем, и ты сама виновата. Ты знаешь, или, по крайней мере, можешь себе представить, как монотонно однообразна наша жизнь, как мало дает она материала для бесед, а особенно для переписки. Но тем не менее я, думаю, находил бы темы для писем, если бы в тебе встретил отклик. Много всяческих попыток делал я, и все они оставались безрезультатны[ми]. Признайся, что меня нельзя попрекнуть в отсутствии старания, усердия в этом отношении. Но ты, в конце концов, обезоруживаешь меня, у меня опускаются руки. Я не знаю, с какой стороны подступить, о чем писать, я даже не знаю, интересуют ли тебя те темы, к[о]т[о]рых я касался. А о чем мне писать, как не о том, что меня окружает, что меня занимает? И естественно, из году в год, сообщая об одном и том же, – что при однообразных условиях моей жизни неизбежно, – я поневоле должен повторяться, а следов[ательно], и надоесть. Не думай, дорогая, что это мнительство, укоры и т.п. Я только объясняю, почему мне теперь трудно подолгу взяться за перо, чтобы тебе написать, чего со мной никогда раньше не случалось: ведь я, припомни... (На этом месте меня прервали гости, а там пошли всякие мелочи, и я три дня не мог взяться за перо). Не буду перечитывать написанного, не буду продолжать.

[В своем последнем письме[3], оправдываясь в том, почему ты давно не писала мне и почему это письмо малосодержательно, ты сообщаешь, что занимаешься в заведении Рольника[4]. Решительно не могу сказать, чтобы меня радовало это известие: при твоем слабом здоровье такой труд никоим образом не может пройти бесследно. Я вполне понимаю, что тебе неприятно и тяжело, когда встречаешь апатию со стороны знакомых к своим предприятиям, но из этого вовсе еще не следует, чтобы нужно было тебе самой взяться за трудную и вредную для тебя работу с целью утереть нос скептикам, считавшим невозможным довести до конца начатую работу. Не бережешь ты своего здоровья, неиправимый ты человек!][5]

Судя по всему, твои материальные условия очень скверны. Да иначе и быть не может: свирепствующий в России голод, наверное, отражается и на ваших условиях, так же, как на наших он отразился. Но мы все же живем не хуже, чем в прошлом году. Хлеб и вообще съестные припасы не дороги, и у многих, кроме казенного пособия и небольших получек из дому, есть кое-какие, хотя и ничтожные, заработки; к тому же и потребности у нас не очень велики. Я лично живу даже лучше, чем часто случалось, когда был с тобой. В этом, т.е. в материальном отношении, мне везет, как никому пока. Но «не единым хлебом сыт будешь»[6], и я не могу похвастать, что всегда в хорошем настроении. Впрочем,

об этом ты и сама можешь догадаться, и мне нечего много расписывать о причинах полной внутренней неудовлетворенности. Достаточно, если я скажу, что часто вспоминаю слова поэта: «А годы уходят, все лучшие годы».

Читать, кроме журналов и газет, удается мало, отчасти потому, что особой охоты нет, «нет цели впереди», отчасти – обстановка, условия нашей жизни мешают, а главное – настроение: тоска, тоска! Это общераспространенное ощущение: кого ни встретишь, с кем ни разговоришься, – все на нее, злодейку, жалуются. Да оно и понятно. Тот, кто обзавелся своим очагом и поглощен весь день всякими житейскими заботами и мелочами, не имеет досуга предаваться размышлениям о своем настоящем и, вероятно, не тоскует. Остальные – холостяки, а их большинство, поневоле предаются анализу, и в результате – ощущение неудовлетворенности, бесцельности и пр. Все это избито, известно.

Теперь у нас здесь масленица, – последний день (16/28 февр[аля]); веселья, конечно, мало в этом глухом, безлюдном месте; проедет пьяный золотоискатель или офицер – и только; среди наших и того меньше, даже и ехать кататься не удается. А я ужасно люблю катанье в санях на хорошей лошади. Последнее, т.е. приобретение саней и лошади – моя мечта, к[о]т[о]рая, вероятно, ею и останется, хотя при некотором старании я мог бы ее осуществить даже теперь. Но есть более настоятельные потребности. Не говоря уже о злополучных часах, к[о]т[о]рых у меня все же-таки нет, я не имею пока приличного костюма, одеяла и т.д., но опять-таки не потому, что невозможно мне приобрести всего этого, что нет средств, негде их достать, – достать-то я мог бы, да отчасти мой безалаберный образ жизни мешает: деньги, как говорится, меж пальцев расползаются. И не то, чтобы я кутил или что другое в этом роде, а так, зря уходят. Зато живу без лишений, без забот[7].

[Ты давно ничего не сообщала о Лизе, Ане, Сергее, Мишке. Как-то они поживают? Получаешь ли известия от сестры Мани, от Алекс[андры] Ив[ановны], Дмитра? Маня мне месяца два назад прислала письмо, – первое письмо со времени моего выхода в команду. Оправдывается массой занятий, мешающих ей подолгу даже домой заглядывать; обещает тебе написать, но, конечно, надует, как всегда.

Очень меня обрадовало твое сообщение, что Жорж сотрудничает в «N[eue] Z[eit]»[8]. Жаль, что не имею возможности читать его статей. Но каковы его материальные условия? Что Роза поделывает? Сколько у них детей? Поди, Лида большая девица, учится где-ниб[удь] в школе? Боже, как ты скупа на сообщения! Неужели трудно, хоть в нескольких словах, время от времени, упомянуть о внешней жизни близких. Я уже не говорю – об их настроениях, состояниях, стремлениях и пр[очее].

Ну, да Бог с тобой: пиши, когда и сколько можешь и хочешь, хотя, конечно, я был бы более рад, если бы ты была пощедрее][9].

До сих пор еще ничего не известно о применении к нам манифеста[10]. Быть мож[ет], пройдет еще и не один год. А я уже, признаться, предполагал, что в этом году уйду на поселение, хотя разницы большой нет, но все же, может, разнообразие. [Сообщи мне, если знаешь, адрес Сашеньки. Давным-давно я от нее не имею известий. Да и твой постоянный адрес мне не известен, т.к. в одном из последних писем ты сообщала, что уезжаешь к Павлу и чтобы я на его имя посылал, а это не всегда удобно.

Ну, будь здорова. Ради всего святого береги себя, не проделывай над собой экспериментов, не мучь себя. Крепко и много целую тебя, а также Жоржа, Розу,

Павла и других близких][11]. Я никого из вас не забываю, часто вспоминаю про себя, и тяжело становится, когда подумаю, что больше не придется свидеться. Но, авось, Бог милостив, и судьба когда-нибудь сжалится.

Твой брат

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.47. Л. 23 – 24 об. Автограф с позднейшими пометами автора. Опубл. (с пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 286–288. Публикуется по автографу.

Примечания

1 «Вольная команда. Официальное.» – примечание Л.Г. Дейча.
2 Датируется по тексту письма: «Теперь у нас здесь масленица, последний день (16 (28 фев.)...». Эта дата позже приписана Л.Г. Дейчем в правом верхнем углу письма, карандашом, при подготовке письма к публикации.
3 Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
4 То есть в типографии группы «Освобождение труда».
5 Весь абзац в первой публикации опущен.
6 «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4, 4) – ответ Иисуса Христа сатане-искусителю во время 40-дневнего пребывания в пустыне.
7 Далее несколько строк вымарано.
8 К началу 1892 г. в «Neue Zeit», теоретическом органе СДПГ, были опубликованы следующие работы Г.В. Плеханова: «Н.Г. Чернышевский. Статья первая» (1890. № 8, 9), «Столетие великой революции» (1890–1891. Jg. IX. Bd. 1.№ 4, 5), рецензия на кн. Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (Там же № 14), «Внутреннее обозрение (Русская жизнь в 1890 г.)» (Там же. № 47–52), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891–1892. Jg. X. Bd. 1. № 7–9).
9 Три абзаца, заключенные в квадратные скобки, в первой публикации были опущены.
10 См. док. 93.
11 Текст, заключенный в квадратные скобки, в первой публикации отсутствует.

104
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1892, 12 марта
Цюрих[1]

Милая Вера Ивановна,

будьте покойны. В то время, когда Вы получите эту карту, типографщик, вероятно, уже будет восхвалять нас за аккуратность, выдавши нам расписку. Деньги ему посланы. Всего послано, на имя Розы, четыреста двадцать франков. Волянский или Левашов отнесут деньги типографщику. Остальные Роза передаст Вам. Попрошу Вас, если можно, уделить ей немного из остатков. Переплетчику деньги еще будут. Думаю, что следовало бы дать Рольнику. Сегодня вечером или завтра утром напишу Вам еще, теперь спешу. Ну, и человек же этот Г[2]. Кряжист!

Ваш Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.20. Л. 1. Автограф на почтовой карте со штемпелем отправления: «Zürich.12.III.92.» Адресовано: «M-me Beldinsky. Maison Favre, aubergiste. Mornex, Haute Savoie (pres Genève. France par Reignier».РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 35. Фотокопия

с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 24.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[2] *Г – это некий Гурьев, о котором необходимо сообщить здесь, так как благодаря его материальной поддержке появились в 90-х г.г. номера журнала «Соц[иал]-дем[ократ]». Врач по профессии, он в студенческие годы несколько либеральничал. Затем, получив огромное наследство, вместе с женой и детьми отправился путешествовать. Приехав в Женеву, он разыскал Вер[у] Ив[ановну], к которой, если память мне не изменяет, предъявил рекоменд[ательное] письмо, кажется, от ее сестры, Алек[сандры] Ив[ановны] Успенской. Это было после выхода сборника «Соц[иал]-дем[ократ]», средства на который дал Кулябко-Корецкий. Плеханову и его друзьям очень хотелось продолжать это издание. Узнав об этом, Гурьев согласился дать средства. Но в то время, когда он швырял деньгами, прокучивая огромные суммы на шампанское и т.п., он только после бесконечных волокит и торгуясь буквально из-за каждого франка, выдавал на «С[оциал]-д[емократ]» по рассказам Г[еоргия] В[алентиновича] и В[еры] Ив[ановны], было настоящим мучением и неимоверным унижением вытянуть у него минимальные суммы, необходимые для оплаты наборщиков, за бумагу и пр. Затем, после выпуска 3-й или 4-й книжки, он окончательно отказался от исполнения своего обещания. Кончил этот «меценат» очень скверно, – стал горьким пьяницей, которого обобрала какая-то метресса.* – Прим. Л.Г. Дейча.

105
Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

15 (29) марта 1892г.
Карийск

Дорогой мой брат!

Недели две назад получил твое письмо[1], начатое еще в конце прошлого года и оконченное в этом году, по-видимому, в Морнэ. Не могу, брат, не выразить своего неудовольствия, что ты так медлишь с ответами и вообще редко пишешь: ты ведь знаешь, какое удовольствие, – нет, больше того,– какую для меня потребность составляют твои и сестрины письма[2]. Она, правда, пишет чаще, но, как знаешь, крайне лаконична и скупа на сообщения, могущих меня интересовать известий, слухов и пр[очее]. От Дм[итра] я также не получаю писем, но не вследствие его лени или забывчивости. Так[им] обр[азом], как видишь, я остаюсь почти совершенно вне связи и общения с близкими, а это для меня большое лишение. Знаю, конечно, все, что «ты можешь сказать в свое оправдание», и, принимая это во внимание, могу быть объективным, беспристрастным. Но временами, признаюсь, сержусь и отпускаю мысленно неодобрительные эпитеты на ваш счет. Но, Бог с вами.

Последнее твое письмо, хотя и касается почти исключительно прозаического дела – кефирного твоего предприятия, – тем не менее показалось мне очень интересным благодаря его обстоятельности, за каковую я приношу тебе даже благодарность: ты ведь знаешь, что я мню себя скрытым, «потенциальным финансистом», которому лишь обстоятельства помешали применить на деле свои «способности», а то и «таланты». Меня интересует техника и организация всякого сколько-ниб[удь] крупного промышленного предприятия, даже когда оно не имеет никакого отношения ко мне или к кому из близких мне, а просто по объективному интересу. Тем сильнее этот интерес, когда данное предприятие – дело

близких мне людей. Фактическими данными ты уяснил мне общее положение твоего заведения, его размеры и отчасти – организацию. (Признаюсь, я с удовольствием читал о нек[о]т[о]рых приемах, указывающих на то, что у вас есть стремление поставить дело широко и пользоваться некоторыми улучшениями и усовершенствованиями, напоминающими крупное предприятие: телефон, газовое освещение, объявления, филиальн[ые] отд[еления]). Но я все же не могу понять, почему это предприятие, в конце концов, дает ничтожные, а то иногда и никаких доходов и даже убыток? Я не могу понять, в чем причина этого положения? Если на кефир есть у населения спрос, то оно должно в среднем оплачивать его так, чтобы покрывались все издержки с известной чистой выручкой; а если его нет, – тогда за 7–8 л[ет] твоих усилий ты должен был убедиться, что вызвать необходимого спроса ты не можешь, не в силах, а следов[ательно], при малейшей возможности нужно развязаться с этим предприятием и не тянуть канители, как ты мне описываешь ее. Ты скажешь, конечно: «Тебе легко, будучи вдали, сплеча так легко решать: – взял, мол, да бросил, раз убедился, что невыгодно; а будь ты здесь, сам бы увидел, что здесь перепутана целая масса причин и условий, мешающих так легко развязаться». Я даже отчасти и догадываюсь об этих причинах, но все же думаю, что или само это предприятие не может быть прибыльно, или в ваших приемах, средствах и условиях есть недохватки[3]. В первом случае, как я уже сказал, остается только бросить, а не льстить себя надеждой, не тянуть время, а во втором – надо сделать все от вас зависящее, что, я уверен, вы давным-давно и сделали. Но довольно пока о кефире (ты, однако, время от времени, делись со мною сведениями о ходе этого предприятия). Поговорим о другом, о заведении Рольника. Ты меня обрадовал сообщением, что оно пережило кризис и что есть надежда на улучшение дел фирмы. Я теперь не имею никакого представления о положении дел этой фирмы[4], – ты и сестра крайне лаконичны и даже пифичны[5]: какие-то у вас намеки, упоминания, высказывания надежд, а «зачем и про что», как говорит один мой знакомый, «неизвестно». Сестра, напр[имер], упоминает о поездке Жоржа в Париж на свидание с кем-то из родственников. Но какое это может иметь отношение к заведению Рольника, на что она намекает, мне, непосвященному, конечно, ни в жизнь не сообразить. Нет, брат, скверно, будучи отделенным от близких тысячами верст, сохранять живой, сильный интерес ко всему, что их касается! Тогда еще интенсивнее чувствуешь неприглядность своего положения, невозможность быть спокойным, «уравновешенным». Мне хотелось бы знать обо всем, вас занимающем, а тут – в месяц «по столовой ложке» – получаешь пифические и лаконичные намеки на ваши условия, интересы. Руки опускаются, не хочется браться за перо, чтобы писать вам, зная, что все мои просьбы, старания вызвать у вас охоту писать подробнее и чаще пропадают даром. Да и о чем могу я писать, не получая от вас импульса?! Условия моей жизни я давно и много раз описывал. О моих занятиях много не распишешься: почитываю книжки, да что толку в этом? Кстати, теперь читаю Брайса – «Американская конституция», обстоятельное и интересное с фактической стороны сочинение[6], но личные взгляды автора, его восторг перед тамошними порядками во мне, наоборот, почему-то возбуждают антипатию к этой стране. По этому поводу у меня здесь происходят часто споры с одним товарищем, большим поклонником С[еверо]-А[мериканских] Сое[диненных] Штатов[7]. Но у нас сравнительно ограниченные сведения и источники. Не можешь ли у геноссов[8] узнать и достать сочинения по этой части? Читал ли ты книжку Либкнехта[9] о его путешеств[ии] в Амери-

ку и как думаешь, можно ли мне рассчитывать на ее получение? Присланное тобою давно сочин[ение] Сарториуса фон-Вальтерсгаузена об Америк[анских] рабоч[их] союз[ах][10] мне в общем понравилось. Можешь, если есть, прислать и др[угие] в этом роде. Посланные давно родственниками Мойше немец[кие] книги (Статист[ика] Шв[ейцарии] и др[угие]) он получил, и мы прочитали их с большим интересом[11]. Можешь, и даже прошу, прислать другие сочинения в этом роде.

Ты упоминаешь о письме ко мне твоего шурина[12] (как его фамилия?), написанном в июне, но я такового не получал[13]. Ну, довольно. Посылаю наилучшие пожелания всем, всем близким. Целую тебя и других много и крепко.

Твой брат Лев

Сестре скажи, что я ей недавно писал и на прошлой неделе получил от нее письмо. Жду от сестры извещения о результатах поездки Жоржа и вообще о делах заведения Рольника[14].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.48. Л. 12 – 13 об. Автограф. Опубл. (под датой 15 (29) апреля 1892 г.): Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 120–123. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.

[2] Письма В.И. Засулич.

[3]Так в тексте.

[4] *«Заведение Рольника» – женевская типография группы «Освобождение труда». Слово «фирма» тоже употреблено из конспиративных соображений, для отвода глаз.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[5] «Пифичны» – от имени Пифии, древнегреческой жрицы-прорицательницы в храме Аполлона.

[6] Имеется в виду трехтомник *Джемса Брайса (Bryce)* «The Amtrican Commonwealth» (London, 1888), в русском переводе вышел под названием «Американская республика» (М., 1889–1890).

[7] *То был небезызвестный Фаддей Рехневский, осужденный в Варшаве на каторгу по делу «Пролетариата» в 1887 г. См. о нем в кн. «16 лет в Сибири».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[8] От «Genosse» (*нем.*) – товарищ, т.е. немецкие социал-демократы.

[9] В 1886 г. Либкнехт совершил поездку в Северную Америку, результатом которой явилась книга «Ein Blick in die Neue Welt».

[10] Вероятно, в данном случае идет речь о его книге «Der moderne Sozialismus in den Vereinigten Staaten von Amerika» (Berlin, 1890).

Экономический кризис в США 1873 г. дал толчок развитию рабочего движения, в ходе которого создавались рабочие организации: «Орден рыцарей труда» (зародился в 1869 г., стал распадаться в начале 1890-х гг.) и Американская федерация труда – АФТ (возникла в 1881 г. и окончательно оформилась в 1886 г.). Кроме того, создавались рабочие организации в отдельно взятых штатах: Рабочая партия реформ в Айове, Индустриальная рабочая партия в Балтиморе, Народная партия в Милуоки и т.д.

[11] *В переплетах этих книг также был заделан сборник « Социал-демократа».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[12] Имеется в виду Я.М. Кальмансон.

[13] *После этого десять строк тщательно зачеркнуты. Просматривавший тогда нашу переписку тюремный служащий, некий Похоруков, о котором я сообщаю в кн. «16 лет в Сибири», пропускал очень опасные, с точки зрения правительства, места и зачеркивал не имевшие никакого политического значения сообщения о мелочах, – просто по невежеству.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[14] Последние строки приписаны по левому и верхнему полям оборота последнего листа письма.

106
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1892, 22 апреля (4 мая)
Карийск

Дорогая сестра!

Недель шесть прошло, как получил твое последнее письмо[1], в котором ты сообщаешь, что Жорж уехал в Париж на свидание с кем-то из родственников[2] и что Павел у вас гостит. Ты возлагаешь какие-то особые надежды на эту поездку Жоржа для дел вашей семьи. Меня это, конечно, очень интересует. Но при чем здесь родственники Павиных и Тамары?[3] Все это для меня загадки. Впрочем, надеюсь, что в следующем письме они разъяснятся. Произведения Тамары, о к[о]т[о]рых ты вскользь упоминаешь, отчасти мне известны, т.е. нек[о]т[о]рые ее английские статьи в «Fr[ee] R[ussia]» и роман[4]. Правда, что она не прогрессирует[5], но все же, вероятно, для английской публики полезны сообщаемые ею сведения.

Очень обрадовало меня твое сообщение, что Жорж печатается в «N[eue] Z[eit]» и что его Фр[идрих] Кар[лович][6] высоко ценит. Бесспорно, он один из самых талантливых и образованных современных левогегелианцев. Ты, конечно, представляешь себе, как бы я желал сам прочитать его статьи. Напрасно, дорогая, ты не стараешь[ся] тем или другим способом прислать или в письмах познакомить меня хоть вкратце с содержанием его статей.

Я предвидел и заранее беспокоился за твое здоровье, узнав, что ты очень усиленно занимаешься работой в заведении Рольника[7]. Надеюсь, что наученная опытом, ты по крайней мере впредь не будешь производить над собою таких экспериментов. Не знаю, огорчаться ли и жалеть ли, что ты, как сообщаешь, забросила давно чтение и поглощена перепиской со многими родственниками?[8] Если результатами этой переписки ты сама довольна, то можно, конечно, на время и расстаться с чтением. Но a priori[9] сомневаюсь, чтобы ты была довольна, и тебя, вероятно, удручает это занятие при твоей нелюбви к переписке. Переписываешься ли с Дмитром? Что он тебе сообщает? Я от него получил за все время две книги, значит, знаю, что он жив, но у тебя, должно быть, есть подробные его письма[10].

О себе, по обыкновению, не могу сообщить ничего особенно нового, отрадного. Недавно нам объявили о применении к большинству из нас Манифеста по случаю проезда наследника по Сибири[11]. Я и еще человек 10 изъяты, но, по-видимому, вследствие характера наших дел. В числе изъятых из твоих знакомых также и Зунделевич и Фомин[12]. Те, к которым не был применен Манифест 1883 г. (коронационный), получили сбавку трети срока, а к которым уже тот был применен, получили скидку 1 год. Признаюсь откровенно, что я не ожидал изъятия, но и не огорчен этим обстоятельством, так как перспектива поселения в Якутской обл[асти] вовсе не заманчива. Правда, и там люди живут, и там есть свои относительно хорошие стороны, но я навряд ли удовлетворился бы ими. Здесь, по крайней мере, в смысле материальных, житейских удобств можно устроиться довольно сносно, а там мелкие лишения и нужды могут вогнать в отчаянную хандру. Терпеть не могу, когда приходится думать о мелочах жизни, о том, где бы и как бы достать того или этого. И без того жизнь довольно прозаична – «такая пустая и глупая шутка». А тут еще заботься, придумывай, что и как достать и сделать. Но из этого ты не заключи, что я занят «высшими», «ин-

теллектуальными» вопросами. И умственных интересов мало, если не сказать почти никаких. Знаю из поврем[енных] изданий, что делается на белом свете, говорю об этом с тем или другим товарищем, читаю более или менее устаревшие уже сочинения по разным социальным вопросам, – но все это так, для препровождения времени, как провинциальная барышня смотрит по целым дням в окно или зачитывается форист[ыми] роман[ами]. Цели, смысла, системы нельзя при наших условиях вкладывать в занятия, – лишь бы «день прошел – и слава Богу». Но и это будет неверно, если ты подумаешь, что дни тяготят, что они кажутся очень длинными, как это бывало, хотя со мной редко, в тюрьме. Нет, дни быстро проходят здесь, то в тех, то в других занятиях, и, объективно говоря, мне грешно на что-либо жаловаться; но, что поделаешь с присущим каждому чувством неудовлетворенности? Все же «чего-то нет, кого-то жаль», а отсюда – тоска, по временам сильная. Тебе, конечно, она знакома, если не в большей, то и не в меньшей степени, хотя ты и живешь при иных, лучших условиях.

Но я, пожалуй, нагнал на тебя грусть?

Признаюсь, я времена[ми] сержусь на тебя за то, что крайне лаконично пишешь о себе, а о близких совсем почти и не упоминаешь. Но, поразмыслив, понимаю, что ты совсем или мало в этом виновата. Я стараюсь сам мысленно дополнить картину вашей жизни. Однако еще и еще прошу тебя, пиши мне, насколько возможно, подробнее и обстоятельнее. Знай, что меня всё интересует: и прочитанная тобой интересная статья или книга, и встреча с новым человеком, и узнанный факт, и пр[очее]. Мне все же кажется, что при твоих условиях можно без особого напряжения раз в месяц насобирать факты и сведения для интересного и обстоятельного письма.

Тогда и у меня будет больше материала и охоты писать тебе, а то часто не берешься за перо просто потому, что неохота ввиду твоей лаконичности. А ведь таким образом ослабевает связь, отвыкаешь, и чем дальше, тем труднее становится браться за перо. Прости, если я, не желая того, неумышленно огорчил тебя чем-ниб[удь] в этом или в предыдущих письмах. Передай Жоржу мою радость по поводу его успеха и мои ему наилучшие пожелания на литерат[урном] поприще. Неужели Павел все не может пристроиться к литературе? Ну, всего, всего вам всем наилучшего. Крепко целую всех, а тебя в особенности много-много.

Твой брат Лев

P.S. Только что получил новое письмо[13] от Дм[итра].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.49. Л. 25 – 26 об. Автограф с позднейшими примечаниями и пометами автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 289–291. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[2] На совещание со «старыми народовольцами» о создании «Лиги борьбы с голодом». См. док. 101.

[3] Пава – М.Н. Ошанина, «родственники павиных» – народовольцы. Тамара – С.М. Кравчинский.

[4] Роман – «Андрей Кожухов», незадолго до того изданный на английском языке.

[5] *Под «она» надо понимать Тамару, т.е. Кравчинского, а говоря, что она не «прогрессирует», я, вероятно, подразумевал, что Кравчинский, несмотря на близкое знакомство с Энгельсом, все же оставался романтиком, народовольцем, утопистом.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[6] Ф. Энгельс.

[7] *Под «занятием в заведении Рольника», повторяю, я подразумевал работу в качестве наборщицы в типографии группы «Освобождение труда».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[8] *То есть, сношениями с членами возникшего тогда «Союза русских социал-демократов».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[9] До опыта (*лат.*).

[10] Далее одна строка вымарана зелеными чернилами.

[11] См. прим. 1 к док. 93.

[12] Фамилии «Зунделевич» и «Фомин» надписаны сверху над вымаранной частью строки.

[13] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

107
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1892, начало августа[1]
Морнэ

Дорогой Павел,

от Вас что-то нет известий. На всякий случай пишу Вам несколько строк. Наш Шейлок[2] требует от меня расписок в получении денег на издания (наши). Я ему ответил, что ему о расписках следовало [бы] подумать раньше и что мы со своей стороны частью уже напечатали о получении денег от него (4 кн[ига] «С[оциал]-д[емократа]» от Г.[3] 500 fr[anc]), а частью напечатаем в брошюре о Фейербахе[4]. Дал он мне вперед гонорар и теперь желает, чтобы я об этом «напечатал» (!). Я ответил ему, что этого не делалось даже в юмористической «Стрекозе», но если он чем-нибудь недоволен в наших отношениях к нему, то я предлагаю ему революционный третейский суд[5], которому небезынтересно будет узнать всю историю наших финансовых отношений. Пишу об этом, чтобы Вы знали, à quoi vous en tenir[6]. Если он придет к Вам объясняться, отсылайте его ко мне; если он заговорит об этом на собрании, предлагайте третейский суд тут же на собрании. Пишите лучше мне, а не Вере Ивановне, она совсем больна от всех этих гадостей, да и у меня нервы пошаливают. Привет всем Вашим. Ecrasons l'infame![7]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.29. Л. 1 – 1 об. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 79–80. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *На оригинале данного письма, равно как и следующего письма Г.В. Плеханова, имеется сделанная чьею-то, но не Г.В. Плеханова рукою пометка: «1893 г.». Тем не менее анализ содержания этих писем заставляет отнести их к 1892 г.; в частности, данное письмо мы относим к середине 1892 г. по следующим соображениям: т. IV «Социал-демократа» вышел в начале 1892 г.; в этом же 1892 г. вышла и брошюра Ф. Энгельса о Фейербахе (предисловие к ней Плеханова помечено июнем 1892 г.), о которой Г.В. Плеханов в данном письме говорит, как только еще имеющей выйти; далее: следующее письмо, являющееся, несомненно, продолжением начатого в данном письме обмена мнениями, говорит о свидании П.Б. Аксельрода с Грозовским; как вспоминает П.Б. Аксельрод, это не особенно приятное свидание было во время летнего от-*

дыха П.Б. Аксельрода, к которому в деревню (Affoltern) Грозовский специально с этой целью приезжал. Между тем в начале 1893 г. между Грозовским и группою «Освобождение труда» уже произошел полный разрыв, следовательно, летнее свидание, о котором вспоминает Аксельрод, могло иметь место только в 1892 г. – Прим. Б.И. Николаевского.

Уточнение датировки – «начало августа» – по письму Г.В. Плеханова к Грозовскому от начала августа 1892 г. (См. док. 309 в приложении к настоящему изданию), на содержание которого Плеханов ссылается в письме к Аксельроду.

[2] *Шейлок* – персонаж комедии В. Шекспира «Венецианский купец». Жестокий ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправимого должника.

«Шейлоком» и «Идолом» в своей переписке называли Грозовского члены группы «Освобождение труда».

[3] Грозовский.

[4] *В брошюре Ф. Энгельса о Л. Фейербахе, вышедшей в Женеве в 1892 г., напечатано в отчете о поступлениях в кассу Группы: «На издание брошюры Л. Фейербах от Городина 760 фр.».* – Прим. Б.И. Николаевского.

Речь идет о книге: *Энгельс Ф.* Л.Фейербах / Предисл. и прим. Г.В. Плеханова. Женева, 1892.

[5] Третейский – относящийся к разбору спора, конфликта третьей, незаинтересованной стороной. Третейский суд – суд, избираемый самими сторонами для разрешения спора между ними.

[6] Как Вам держаться (*фр.*).

[7] Уничтожим бесчестие! (*фр.*).

108

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1892, 20 августа[1]
Цюрих

Милый Жорж!

Одновременно посылаю на адрес Морнэ[2] другое письмо*[3] Гроз[овского], на которое жду ответа. Здесь же пишу к Вам, так сказать, конфиденциально. Прежде всего о выданном Гроз[овским] вперед гонораре. Собственно на этой почве он должен провалиться в глазах всякого порядочного человека, при том порядочного не только в политическом, революционном смысле, но и чисто житейском. Разве частные предприниматели, подрядчики и т.д. не получают часто вперед известных сумм на выполнение порученного им дела? Но боюсь, что он собирается на время улизнуть от нас и нарочно затягивает переписку, чтобы иметь тень основания взвалить вину на нас и затем прикрыть свой отказ ссылкой на обстоятельства политического характера. К сожалению, мое неведение относительно разных технических подробностей и деталей последних разговоров Ваших с идолом[4] дают ему возможность затягивать переговоры со мною. Свидеться мне с Вами? Но ведь у нас в кассе шиш, если не считать 50 франков, следуемых ей от Нади, да и эти деньги не наши, а составляют часть суммы, присланной на доставку книг в Питер[5].

Будь теперь осень, я мог бы устроить, чтобы часть колонии вызвала Вас для реферата, но публика в разъезде. Поэтому в данную минуту я не могу придумать средства, как бы съехаться нам. Вы, может быть, думаете: «Неужели Павел не в состоянии был бы на свои средства сюда приехатъ?» Увы! – самая мысль о воз-

* Только что получил письмо В[еры] и «расчет», потому посылаю Вам для сведения означенное письмо.

можности возникновения у Вас такого вопроса наполняет мое сердце горечью. Я было хотел, под непосредственным впечатлением Вашего письма, за откровенность отплатить откровенностью и попытаться облегчить перед Вами свое нравственно измученное сердце, разъяснить мое материальное положение, чтобы устранить то представление о нем, которое, – я боюсь, – как недоразумение, нравственно подрывает мою связь с самыми дорогими и близкими товарищами. Но непосредственное впечатление прошло – мне уж не удастся сделать этого[6]. Пора, однако, возвратиться к Шейлоку[7].

Последнее письмо его есть ответ на мое резюме данных, содержащихся в Вашем письме ко мне[8]. Мне теперь нужно иметь в руках подробный, так сказать, официальный счет, который я мог бы ему послать с категорическим требованием. Далее, я прошу у Вас полномочия (не офиц[иального]) без обиняков переписываться с ним и насчет ссуженного Вам гонорара. Полномочие...[9]

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 81–82. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию и первым строкам письма П.Б. Аксельрода к Грозовскому от 21 августа 1892 г. «Ваше письмо от 18 августа получил вчера утром и отправил его в Морне…». См. док. 315 в приложении к настоящему изданию.

[2] По-видимому, на адрес В.И. Засулич. Данное письмо, очевидно, было послано через Женеву, на адрес Р.М. Плехановой.

[3] См. док. 314.

[4] «Идол» – Грозовский, прозванный так за отношение, которым его окружали некоторые из его тогдашних знакомых.

[5] Вероятно, речь идет о кружке Ю.О. Мартова, который летом 1892 г. через А.Н. Потресова установил связь с группой «Освобождение труда» и начал получать от нее литературу. См.: *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 2004. С. 97–98

[6] *Некоторые враждебные с.-д. эмигранты распространяли в то время за границей слухи о «буржуазности» Аксельродов, – о том, что их маленькое предприятие (изготовление и продажа кефира) дает большие барыши и т.д. Совершенно не отвечавшие действительности слухи эти сильно нервировали П.Б. Аксельрода, так как иногда влияли на отношение окружающих.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[7] То есть Грозовскому. См. прим. 2 к док. 107.

[8] Очевидно, док. 107.

[9] Окончания письма не сохранилось.

109

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1892, до 21 августа
Аннемас[1]

Милый Павел,

получили мы сегодня Ваше послание[2]. Что Вы очень хорошо ответили Гр[озовскому][3], это само собою разумеется. Но так как у Вас, наверное, еще состоится свидание, то я и пишу Вам несколько слов.

Дело вот в чем. Я требую с Гр[озовского] недостающую сумму за Фейербаха[4]. Сколько именно, сами сочтите: печать 70 fr[anc]. лист; перевод 45; оригинал

(примечания) 100; в брошюре 8 листов; получено всего 760 fr[anc]. Кроме того, я требую с него денег на брошюру «Развитие научного социализма»[5], которая уже почти готова набором. Сколько за нее следует, – сочтите сами, она у Вас, вероятно, имеется. У Гр[озовского] может быть только один предлог не давать денег, это следующий: когда я был в Цюрихе, он мне дал вперед деньги за перевод Фейербаха. Кроме того, мы условились, как Вы помните, что я напишу брошюру о капитализме для рабочих. За эту брошюру, по расчету на 5 листов, он также мне заплатил вперед. В этом нет ничего необычного. «Отечественные записки» сами предлагали мне гонорар вперед, когда я писал в них[6]. Но Гр[озовский] – Шейлок. Он думал, что он меня свяжет по рукам и по ногам этим одолжением. Увидел, что не связал. Это его бесит. [Он, вероятно, решил отомстить за мое «надувательство», как же отомстить? Он Вам, вероятно, скажет, что денег он больше давать не хочет, а что он должен – пусть зачтут за «долг» мой ему. Но Вы на это не соглашайтесь. Я уже сделал приготовления к работе. Она может быть готова в самый короткий срок. Следовательно: 1) мой труд уже затрачен; 2) какое дело группе до того, что Гр[озовский] решился дать вперед гонорар за такую работу, которой он теперь не желает печатать? Скажите, что я уже пишу брошюру, что он должен дать деньги на ее печатание.

Вы спросите, почему я Вам не сказал об этом? Да, милый Павел, тяжело говорить о своих нуждах даже такому старому и испытанному товарищу, как Вы. Вера до сих пор не знает этого. Рассказать ей об этом – значит рассказать, в каком ужасном положении был я весной. А весело ли это? Я скрываю от друзей свои бедствия. Это нехорошо, но, право же, это извинительно; ведь я только и сделал, что, не беспокоя их, взял вперед гонорар у Шейлока.

По-моему, следовало бы Вам настоять на свидании с Шейлоком и потребовать у него деньги, грозя иначе третейским судом. Я не побоюсь судиться с ним перед кем угодно][7].

Ах, милый Павел, как бы мне хотелось видеть Вас, поговорить с Вами. До какой степени Вы бесконечно умнее, выше, чище, революционнее наших «молодых товарищей»!

[Вере мне придется тоже сказать о сделке с Шейлоком, т.е. о получении с него гонорара вперед. Но, пока что, если в Ваших письмах будет что-нибудь касающееся этого, пишите мне и адресуйте в Женеву, Розе, 5, Rue des Allemands.

Еще раз, может быть Вам странно, что я не сказал ни Вам, ни Вере о деньгах, взятых у Шейлока. Но, повторяю, ведь не укрыл же я их, я только взял их вперед, что делается решительно во всех русских редакциях.

А говорить Вам значило рассказывать очень грустную повесть][8].

Очень рад, что понравились Вам мои примечания[9]. Ваши похвалы и одобрения для меня лучшая награда за работу. Привет всем Вашим.

Ваш Г. Плеханов

[10]Посылаю без марки. Поздно, почта заперта, а в café марок нет. Как бы нам повидаться? Вы ли приедете, или мне приехать?

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А. 9.30. Л. 1 – 3 об. Автограф на бланке «Brasserie de S'–Jean. Dumont. Annemasse». Опубл. (с пропусками): Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 80–81.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по письму П.Б. Аксельрода к Грозовскому от 21 августа 1892 г. (См. док. 315 в приложении к настоящему изданию), в котором приводятся сведения, полученные Павлом Борисовичем из публикуемого письма к нему Плеханова.

[2] Очевидно, док. 108.

[3] Возможно, док. 312.

[4] Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», впервые увидевшая свет в 1886 г. в журнале «Die Neue Zeit» (№ 4–5). В 1892 г. в Женеве, в серии «Библиотека современного социализма», издававшейся группой «Освобождение труда», вышел первый русский перевод этой книги. Перевод был сделан Г.В. Плехановым, им же были написаны примечания и небольшое предисловие «От переводчика».

[5] Второе издание этой книги в переводе на русский язык В.И. Засулич вышло в конце 1892 г.

[6] В «Отечественных записках» было опубликовано две статьи Г.В. Плеханова под псевдонимом Г. Валентинов: «Новое направление в области политической экономии. Рец. на кн.: *Meyer M.* Die neuere Nationaloekonomie in ihren Hauptrichtungen; Lavleley de E. Le scialisme contemporain» (1881. № 11), «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова» (Статьи 1–4. 1882. № 5–6; 1883. № 9–10).

[7] Три абзаца, заключенные в квадратные скобки, в первой публикации были опущены.

[8] Три абзаца, заключенные в квадратные скобки, в первой публикации были опущены.

[9] К брошюре Ф. Энгельса о Л. Фейербахе. См. прим. 4.

[10] Эти заключительные строки приписаны по левому и верхнему полям оборота третьего листа письма.

110
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1892, до 24 августа[1]
Морнэ

…[2]«Развитие»[3] почти все набрано. Вам будет послан Блюменфельдом 5-й лист уже готовый к печати. Брошюра уже вышла бы, если бы мы не встречали затруднений в печати вследствие того, что приходится вести дело в долг. Тем не менее, через неделю или дней через 10 она выйдет. Жорж утверждает (да то же утверждает и просто здравый смысл), что с г. Грозовским было условлено получение денег по мере выполнения работы, но никак не по окончании того или другого издания. Вы пишете, г. Грозовский уезжает на 2 ½ м[еся]ца. Попросите его устроить так, чтобы мы получили деньги за «Развитие» тотчас же по его выходе, по крайней мере. Если же он отложит уплату до своего возвращения, он этим нарушит условие самым коренным образом, заставив нас прекратить всякую работу (ничего больше мы в долг печатать абсолютно не можем и не хотим) и тем поставит в невозможность напечатать до конца года (марта) условленные 30 листов. Брошюра о капитализме еще не отделана[4], а т[ак]к[ак] набор «Развития» в 2–3 дня будет кончен, то приступим к набору «Наемн[ого] труда»[5]. Брошюра м[ожет] б[ыть] будет опять идти параллельно, как и «Фейерб[ах]» с «Разв[итием]». Дальше намечено перепечатать Дикштейна[6]. Мы условились напечатать 30 листов до конца года[7]. Срок же выхода отдельных брошюр можно назначить лишь гадательно и изменение этих сроков мы никак не можем считать нарушением условия. Что точность здесь невозможна, говорит простой здравый смысл: автор, наборщик могут заболеть, печатник (особенно при работе в долг) может задержать листы. Лишь за продолжительный период времени можно наверстать эти остановки. В выходе же отдельных брошюр никаких точных сроков быть не может. Это скажет всякий знакомый с делом. Спроси-

те у г. Грозовского, не желает ли он получить «Фейерб[аха]» на тонкой бумаге, на к[ото]рой мы отпечатали 300 экз. для удобства пересылки. Брошюра будет, конечно, выслана. Не посылали потому, что он не требовал. Г. Грозовскому, чтобы точно выполнить условие, требуется одно: пойти в банк и взять деньги – это так легко, что о затруднениях для него не может быть и речи. Для людей же, ведущих практическое дело литературное и типографское, могут встретиться бесчисленные затруднения, и ставить в параллель эти два выполнения совершенно немыслимо. Речь о невыполнении с нашей стороны условия может быть лишь в том случае, если к концу года мы не отпечатаем 30 листов, несмотря на точное выполнение условия относительно денег. О сроках же выхода отдельных брошюр могла быть речь только приблизительно в предположении, что также понимает и г. Грозовский, что, как оказывается, было неосмотрительно со стороны его собеседников[8].

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 – 29 об. Копия, рукой не установленного лица. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.276–277. Публикуется по рукописной копии.

Примечания

[1] Документ был приложением к письму П.Б. Аксельрода Грозовскому от 24 августа 1892 г. (док. 319). На документе помета рукой Грозовского: *«Копия с письма В. Засулич к Аксельроду, присланного им мне для прочтения 24/VIII–92».*

[2] Вероятно, отсутствует начало письма.

[3] Речь идет о переиздании перевода с немецкого В.И. Засулич книги: *Энгельс Ф.* Разхвитие научного социализма. Женева, 1884. Переиздание было оговорено в «Условии», заключенном Грозовским и группой «Освобождение труда» весной 1892 г. (См. док. 307).

[4] Согласно вышеупомянутому «Условию» группа «Освобождение труда» должна была подготовить и издать брошюры о капитализме, социализме, западноевропейском рабочем движении и задачах социалистического движения в России (См. док. 307).

[5] Речь идет о переиздании перевода с немецкого Л.Г. Дейча книги: *Маркс К.* Наемный труд и капитал. Женева, 1883. Переиздание было оговорено в «Условии», заключенном Грозовским и группой «Освобождение труда» весной 1892 г. (См. док. 307).

[6] Речь идет о переиздании перевода с польского Г.В. Плеханова книги: *Дикштейн С.* Кто чем живет. Женева, 1885. Переиздание было оговорено в «Условии», заключенном Грозовским и группой «Освобождение труда» весной 1892 г. (См. док. 307).

[7] Предусмотрено «Условием», заключенным Грозовским с группой «Освобождение труда» весной 1892 г. Согласно нему объемы распределялись следующим образом: 15 листов на издания в серии «Библиотека современного социализма» и 15 – в серии «Рабочая библиотека».

[8] Вероятно, отсутствует окончание письма.

111
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1892, 23 августа (5 сентября)
Карийск

Дорогая сестра!

После длинного двухмесячного перерыва получил твое относительно большое письмо[1] (в два маленьких листика), от 1-го июня. В конце его ты спрашиваешь, понравится ли оно мне? Да, мне понравилась твоя, как ты выражаешься, «болтовня от души». Видно, что ты не «высиживала» его и на этот раз больше сообщила мне о себе, о своем настроении и состоянии, чем во многих предыдущих письмах. Но вместе с этой обстоятельностью, содержание письма вы-

зывает грусть. Ты по-прежнему стараешься уверить меня, что болезнь у тебя неважная, что с нею можешь видимо-невидимо лет прожить. Не буду касаться того, насколько верны эти заявления, одно то уже, что, по-видимому, тебе часто приходится лежать в постели, испытывая, очевидно, сильную боль, – уже это не может не вызывать грусти. К тому же я живо представляю себе, насколько тяжело и скверно, когда приходится болеть, не имея поблизости ни одного сколько-ниб[удь] дорогого лица. В этом отношении даже мое положение лучше: хоть и нет у меня очень близких, но все же, в случае болезни, товарищи не только не оставят одного, но, как это было, когда я в прошлом году возился с отрубленным пальцем, даже чересчур будут ухаживать, почти не оставляя наедине, так что мне даже приходилось просить их не особенно усердствовать. Все же, несмотря на такую заботливость со стороны окружающих, отсутствие очень близкого человека особенно сильно чувствуется именно в такие моменты, как время болезни. К сожалению, ты вовсе не упоминаешь, есть ли кто-ниб[удь] возле тебя во время болезни или обходишься лишь помощью квартирной хозяйки? Вернее всего последнее[2].

Этим отсутствием близких да болезнью я отчасти объясняю высказываемый тобой грустный взгляд твой на «цель жизни» своей. Ты пишешь, что «лично для себя ничего не ждешь», что «много ли, мало ли проживешь, разница будет лишь в количестве прочитанных интересных книг и более или менее интересной статье, тобой написанной, да еще в том, что лишний раз выручишь семью»[3]. По-моему, это перечисление, при высказанном тобой взгляде, что «теперь все будет лучше и лучше, все расти и расти», – может, наоборот, казаться очень заманчивым и утешительным для очень многих людей, способно вызывать бодрость и жажду жить. Сколь многие из среды интеллигентных людей не имеют ни такой общей уверенности относительно лучшего будущего, ни личных склонностей, возможности и способностей к интересным книгам и к писанию «небесполезных статей»! Сколь многие позавидовали бы одной уже возможности только достать интересующие их книги! Только при большой требовательности от жизни или при болезненном настроении и исключительно неблагоприятных условиях можно приходить к пессимистическому или равнодушному взгляду на жизнь! Знаю, что твой взгляд есть результат общего склада твоего характера, а отчасти и неблагоприятно сложившихся для тебя условий. Приятнее было бы, чтобы у тебя, наоборот, был жизнерадостный взгляд, бодрый, уверенный в себе, а не грустно-равнодушный. В этом отношении могу порекомендовать последнюю книгу Ренана «Feuilles détachées», о которой я только рецензию читал. Вот завидное самочувствие! Ему еще и еще хотелось бы жить, – хоть 500 л[ет], – чтобы увидеть, чем закончатся ныне намеченные социальные и научные вопросы, какие народятся новые и пр[очее]. По его мнению, «субъективный скептицизм и сомнения в своих способностях всегда происходят от бездействия ума». Он утверждает, что «кто жаждет реальных знаний, никогда не станет углубляться в себя». Думаю, что эти слова Ренана довольно правильны. Действительно, огромное наслаждение и утешение быть в состоянии наблюдать и сознавать, что впереди «будет все лучше и лучше». Но в этом отношении некоторые [находятся][4] вполне в зависимости от внешних условий; при всем их страстном и интенсивном желании знать и видеть, что происходит, они ничего не в силах наблюсти. Ты – другое дело, – у тебя и подготовка, и благоприятная окружающая среда, ты вольна выбирать, что тебя интересует, и только болезнь да дурное настроение могут явиться тебе помехой. Но возьмем меня. Положим, меня инте-

ресуют экономические условия вообще и каждой данной страны и местности, в частности. Даже такая скромная цель, как простое изучение эконом[ических] услов[ий], является почти недостижимой, более того – желание прочитать ту или другую интересующую тебя книгу, статью и пр[очее] может быть лишь платоническим[5]. Но довольно. Я вовсе не хочу сказать, что нахожу твой равнодушный взгляд на жизнь незаконным или непонятным для меня; я говорю только, что многие (и я в том числе) иначе, бодрее относились бы к вопросу о продолжительности жизни. Эта разница, конечно, обусловливается всем складом характера того или другого лица, – иной не хандрит при самых ужасных внешних условиях, другой, наоборот, при великолепных – не может найти себе места. Конечно, ни ты, ни я не подходим ни к одному из этих типов: о тебе несправедливо было бы сказать, что не находишь себе места при самых великолеп[ных] условиях. Обо мне также нельзя сказать, ч[то] я нигде не хандрю. Наоборот, в последнее время замечаю, что меня также трудно удовлетворить (конечно, относительно). Читая иногда в твоих или Павла письмах намеки на то, что, будь я с вами, то мог бы то-то и то-то сделать, – я подчас с грустью и сомнением думаю о таких занятиях, как возня с ребятишками[6], кефирным или Рольниковским заведениями[7]. Знаю, ч[то] ничего не дала бы другого, лучшего, действительность, все же мечтаешь о другом, большем. Много чрезвычайно интересного теперь у вас происходит и намечается. Я имею в виду относительную победу Гладстона, предстоящую парламентскую сессию в Англии, требования рабочих 8-ми час[ового] раб[очего] дня, борьбу Бисмарка с Вильгельмом II[8], бельгийские дела[9] и пр[очее]. Обо всем этом и многом другом мы знаем лишь вкратце, и потому тем больший интерес возбуждается в нас.

Недавно случайно прочитал рецензию на книгу дяди Пети[10] «La conquête du pain»[11] и изумлялся, до чего он наивен и смешон: очевидно, время ничему его не научило, и он несет ту же бессмыслицу, что 10–15 л[ет] тому назад! Неужели и Реклю также «сохранился»? Неужели и он считает себя солидарным с равашольевскими безобразиями?[12] Если же нет, то почему он печатно не объявит о своем несогласии?

А Мост, наконец, пристроился у Армии спасения![13] Самое подходящее для таких субъектов место. Туда бы и дядю Петю сдать и всех сумасбродов.

Почему ты замолчала о дальнейшем ходе переговоров насчет примирения с тетушкой Сарой?

Непременно сообщи, о каких ты знаешь новых хороших книгах по общественным и рабочему вопросам. Меня очень интересует задуманное Бебелем сочинение о немец[ком] движ[ении], но навряд ли удастся его получить. Также интересны, вероятно, произведения Вейзенгрина и Paul'я Bart'a «Die Philos[ophie] der Gesch[ichte] von Hegel bis Marx und Hartmann»[14]. Если будешь мне обстоятельно писать о книгах и вообще о происходящем в Европе, кроме удовольствия, ничего больше, вероятно, не доставишь мне.

Сообщи, переписываешься ли с Дмитром? Передай ему все, что узнаешь обо мне. Ну, будь же бодра и неравнодушна к дальнейшей своей жизни. Крепко целую тебя. Мой сердечный привет Жоржу, Розе и всем близким.

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.50. Л. 27 – 28 об. Автограф с позднейшими пометами, примечаниями и исправлениями. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 292–295. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[2] Это предложение зачеркнуто.

[3] *То есть, членов группы «Освобождение труда»; главным образом, если не сказать исключительно, Плехановых, для которых много сделала Вера Ивановна в эти годы.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте по левому полю оборота первого листа письма.

[4] Это слово надписано Л.Г. Дейчем в квадратных скобках в тексте письма.

[5] Платонический – относящийся к платонизму, не проявляющийся, не осуществляющийся практически. Платонизм – идеалистическое учение древнегреческого философа Платона (427–347 гг. до н. э.).

[6] *Под ребятишками я подразумевал возню с юношами, молодежью.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте по левому полю оборота второго листа.

[7] Имеются в виду «кефирное производство» П.Б. Аксельрода и типографские дела Рольника.

[8] Вильгельм II, вступив на престол в период фактически абсолютного господства «железного канцлера», начинает борьбу за освобождение от опеки Бисмарка, используя для этого провалы в его внутренней политике. Бисмарк был сторонником жесткой борьбы с растущим рабочим движением, но принятые его правительством Исключительные законы против социалистов не смогли сломить силы социал-демократии и только увеличили ее популярность среди рабочих масс. Вильгельм II, учтя неудачи политики Бисмарка, считал, что подорвать влияние социал-демократии можно реформами сверху. Он высказывается за отмену Исключительных законов и выдвигает мысль о созыве международной конференции по социально-политическим вопросам. На этой почве Вильгельм II резко разошелся с Бисмарком, это стало одной из причин, предопределивших отставку «железного канцлера».

[9] Важной проблемой во внутренней жизни Бельгии начиная с 1880-х гг. XIX в. стало осуществление выдвигаемого демократическими силами страны требования всеобщего избирательного права. Под лозунгом борьбы за него проходили забастовки и массовые манифестации трудящихся, например забастовки углекопов 1890 г.

[10] П.А. Кропоткина.

[11] Книга П.А. Кропоткина «La conquete du pain» вышла двумя изданиями в Париже в 1892 г. с предисловием Э. Реклю. На русском языке впервые книга вышла в 1902 г. в Лондоне также двумя изданиями – в издательстве «Свободная мысль» и как издание Группы русских коммунистов–анархистов под названием «Хлеб и воля». Русское издание книги под названием «Завоевание хлеба» вышло в Петербурге как второй выпуск «Социалистической библиотеки» в 1906 г., и было конфисковано. Издание Группы коммунистов–анархистов с пометами Г.В. Плеханова хранится в его личной библиотеке (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1862).

[12] *Ревашоль – известный в 90-х гг. анархист, бросавший бомбы в Париже.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте по левому полю оборота второго листа.

[13] Армия спасения – международная религиозно-филантропическая организация, сочетающая в своей деятельности проповедь Евангелия и практическую социальную работу. Основана в 1878 г. английским методистским проповедником У. Бутсом.

[14] Книга П. Барта «Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann» («Философия истории Гегеля и гегльянцев до Маркса и Гартмана») (Leipzig, 1890) с пометами и автографом Г.В. Плеханова имеется в его личной библиотеке (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Б 3023).

112
Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

1892, 19 сентября (1 октября)
Карийск

Дорогой мой брат Павел!

Последнее твое письмо, так же, как и предыдущее[1], почти целиком посвященное твоему кефирному предприятию, я давным-давно получил, но до сих пор все никак не мог собраться, чтобы тебе ответить. Отчасти тому причиной

всякие житейские мелочи, отчасти– настроения и лень. На этот раз не буду касаться твоего заведения, т[а]к к[а]к последним письмом ты выяснил кое-что, остававшееся мне непонятным. Скажу только, что вполне понимаю и искренно сочувствую твоему нравственному состоянию, обусловливающемуся, как ты пишешь, «ложным и двусмысленным положением», каковое ты занимаешь вследствие «несоответствия между кажущимся внешним видом и действительностью»[2]. Мне приятно, что ты считаешь меня способным «поставить с самого начала это предприятие так, чтоб оно давало на жизнь не одному только твоему семейству (с компаньоном)[3], а при невозможности этого зажать другим рты и тебя нравственно успокоить». Не берусь решить, насколько верны эти твои лестные обо мне представления, но одно могу сказать, что оставайся я с вами, то, конечно, употребил бы все мои способности на поддержание как твоего материального, так и морального состояний. Думаю, однако, что твое представление несколько преувеличено. Говорю это не из понятной скромности. Ну, да это не важно.

Жаль, что ты так лаконично сообщаешь о результатах поездки Жоржа в Париж, о примирительных переговорах с тетушкой Сарой; жаль, что раз начатые по вашей инициативе переговоры ничем существенным не окончились[4]. Грустно также, что вот уже 10-й год, как существует фирма Рольника и К°, а, как ты пишешь, до сих пор это предприятие «далеко от процветания, что в значительной мере зависит от недостатка деловитого директора». Вообще я должен тебе сказать, что о ходе дел этой фирмы я имею, б[ыть] м[ожет], еще менее ясное представление, чем о твоем кефир[ном] заведении, т[ак] к[ак] Марфа еще значительно лаконичнее сообщает о нем, чем ты о своем. Мне представляется крайне мизерным производство этого заведения. Я даже не знаю, увеличилось ли и насколько его производство? Продолжается ли старое производство или взялись за новые образцы? Увеличилось ли число потребителей и участников и насколько? Помогают ли вам родственники с родины и пр[очее]. Ты в последнем письме говоришь только о «моральном завоевании». Но ведь без «материального» приобретения одно моральное далеко не достаточно. Отсутствие «деловитого директора» также ведь может быть объяснено «непроцветанием», недостаточной привлекательностью этого предприятия, т.е. если бы дела шли хорошо, то не было бы недостатка в деловитых людях. Словом, это какой-то заколдованный круг, и, во всяком случае, получается далеко не отрадная картина, когда вспомнишь, что почти десять лет прошло с момента основания этого заведения. Я надеюсь, что раз ты решился посвятить меня в подробности этого предприятия, то я больше узнаю и скорее пойму причины его непроцветания, чем из писем сестры.

Очень обрадовало меня твое сообщение о питерских увриерах[5], к[о]т[о]рые 3 мая (нов[ого] ст[иля]) хорошо выдержали экзамен по предметам геноссовщины[6]. Об этом отрадном факте, как и вообще о родственниках, живущих на родине, я давным-давно решительно ничего не слыхал и чувствую себя как бы совсем оторванным от родины. Сестра Маня пишет мне раз в год-два, да и то всегда наполняет письма одними лишь самооправданиями и объяснениями своего продолжительного молчания. Я бы очень хотел, хоть изредка, получать от тебя обстоятельные письма общего характера, как, помнишь, бывало раньше, когда я сидел в тюрьме.

Ну, как твое здоровье, как идут твои занятия? Все ли продолжающиеся головные боли и бессонницы мешают тебе работать? Ты в последних письмах

ничего мне не пишешь лично о себе. Что ты читаешь, что нового в литературе? Как бы я хотел хоть знать по слуху, если не лично прочитывать, что сколько-ниб[удь] выдающегося появляется! Нет, вы с Марфушей ужасно скупые личности: не хотите со мною делиться даже такими сведениями! Отчасти поэтому и у меня пропадает охота своевременно отвечать на ваши письма. Ты должен ведь помнить, что я был аккуратен в переписке, а теперь она, ввиду моего положения, приобрела еще большее для меня значение. Но возвращусь к литературе. Мне попадались благоприятные отзывы и интересные выдержки из «Zentralbl[att] für Sozialpol[itisches]». Знакомо ли оно тебе? Думаю, ввиду наших условий, что оттуда я мог бы почерпать интересующие меня факты. Сообщи, не получает ли его кто из твоих геноссов и можешь ли мне его по прочтении пересылать? Недавно попалось мне сообщение, что Бебель пишет большую книгу об истории их увриеров[7]. Правда ли это? Думаю, что у него выйдет это очень интересным, и мне страсть как хотелось бы прочитать ее. Но что в том толку?!

О себе скажу немногое. Живу по-прежнему, ни в чем, кроме интересных книг, особенно не нуждаюсь, понемногу занимаюсь, читаю. За отсутствием более свежих материалов, невольно принялся за «Истор[ию] госуд[арства] Рос[сийского]» Соловьева[8]. Это – 29 т[омов], и даже сидя в тюрьме, при всей монотонности тамошней жизни, я не решался приниматься за это сочинение, т[ак] к[ак] были более интересные, а тут, как видишь, приходится чуть ли не за библию браться, так мало (или почти никаких для меня) более животрепещущих сочинений. Я, помнишь, писал тебе (и сестре), что был план нас переселить в другое место; теперь это намерение оставили, и мы по-прежнему будем жить здесь, чему я (и др[угие]) очень рад, так как вовсе неприятно менять насиженное место, имеющее много хороших сторон, на неизвестное новое.

Пора кончать. Пиши же, по возможности, обстоятельно, как о близких, так о геноссах, литературе и т.д. Всего вам всем наилучшего. Семье твоей и всем, помнящим меня, мои особые поклоны и пожелания. Целую тебя.

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.51. Л. 14 – 15 об. Автограф. К письму приложен лист с примечаниями Л.Г. Дейча, составленными при подготовке публикации в сб. № 5 ГОТ. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 123–126. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Письма П.Б. Аксельрода не разысканы.

2 *Как я уже когда-то сообщал, П.Б., вместе с женой и свояченицей, не покладая рук, работали в устроенном ими кефирном заведении от раннего утра до позднего вечера, тем не менее они перебивались с хлеба на квас, еле будучи в состоянии сводить концы. Несмотря на это, «добрые люди», даже знавшие обо всем этом, находили возможным распускать слухи, будто Аксельрод превратился в «буржуа», изменил своим взглядам и т.п. Все это его, понятно, крайне огорчало, что он и называл в своем письме процитированной мною фразой о «несоответствии».* – Прим. Л.Г. Дейча.

3 С.Л. Гринфест.

4 *Как теперь известно из разных печатающихся материалов, целью поездки Георг. Валент. в Париж были переговоры о сближении с тамошними народовольцами, – главным образом с Лавровым и с Мар. Ник. Ошаниной, которую ради конспирации мы и называли тетушкой Сарой (из ром. Шпильгагена «Один в поле не воин»). Переговоры эти ни к чему не привели.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[5] От ouvrier (*фр.*) – рабочий.
[6] *Кажется, ясно, что я имел здесь в виду первое празднование петербургскими рабочими первого мая. «Геноссовщина» – товарищество, международная солидарность.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[7] Речь, вероятно, могла идти о книге «Die Sozialdemocratie und das allgemeine Stimmrecht», увидевшей свет в 1895 г.
[8] Правильное название труда С.М. Соловьева – «История России с древнейших времен».

113
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1892, конец сентября[1]
Цюрих

Дорогая Вера!

Вчера я покончил счеты с Гроз[овским] по Фейербаху. Относительно Энгельса (Разв[итие научного социализма])[2], сдается, только еще «о предисловии» он сможет через несколько дней окончательно ответить, а тем временем он предлагает выработать («восстановить») договор[3]. Он пробудет тут с неделю, а потому, если хотите не давать ему предлога для новых кляуз, пусть Ж[орж] «восстановит», как он помнит, условия договора и немедленно вышлет мне; идол[4], в свою очередь, обещал мне прислать свой проект. Тогда мы съедемся, чтобы окончательно согласиться. В то же время Вы и Ж[орж] должны точно определить пределы моих полномочий, т.е. по каким спорным пунктам я могу уступать, напр[имер], относительно величины гонорара... Я ему сказал, что ввиду того, что я не помню деталей переговоров, я предложу Ж[оржу] сюда приехать, тем более что все равно нам нужно бы свидеться. Если хотите, пришлю на дорогу деньги, а то одолжите дня на два, а я затем пошлю кредитору. Нужно Вам знать, что получил ответ от Гроз[овского] на письма о третейском суде, – разумеется, в соответствующем тоне. Можете судить сами по следующей фразе: 1. «Система ведения дела была выбрана и установлена не мною, а г. Плех[ановым]. Она состояла в том, чтобы вести переговоры со мною наедине (в мае), причем г. Пл[еханов] говорил мне, что и на будущее время желает придерживаться той же системы, что он, приезжая, будет даже скрывать от знакомых свое пребывание в Цюрихе».

Я отказал ему в свидании, но затем он, под предлогом ликвидации счетов по Фейерб[аху], предложил зайти ко мне домой, и тут уже [мы] как бы пришли к вышесообщенному результату. Я ему сказал, что не пошлю Вам его письма ко мне, чтобы не вызвать в Вас нового раздражения и не помешать попытке заключения мировой. Я лично не жду добра от трет[ейского] суда или обществ[енного], – его все-таки сделаем героем, а сами втянемся в дело на целые месяцы. А между тем может случиться, что скоро у нас дела будет по горло, да и теперь, собственно, его уже достаточно.

Одна фраза в Вашем письме привела меня в большое недоумение или, точнее, негодование...[5]

IISH. Paul Akselrod Archive – 63f. Автограф. Hoover Institution Archiv. B.I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 250–51. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании письма Грозовского к П.Б. Аксельроду от 20 сентября 1892 г. (см. док. 327 в приложении к настоящему сборнику), фрагменты из которого цитирует в своем письме П.Б. Аксельрод. Письмо написано до 3 октября 1892 г., когда Плеханов приехал в Цюрих для совещания с Грозовским.

[2] См. прим. 3 к док. 110.

[3] См. док. 307.

[4] Грозовский.

[5] Остальное зачеркнуто и конца письма нет.

114
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1892, не позднее 7 октября[1]
Морнэ

Дорогой Павел, Жорж страшно занят по обыкновению, поэтому я отвечу Вам за него на некоторые пункты письма г. Грозовского[2], а также и Вашего[3]. Вы хорошо сделали, подписавши (если уже подписали) расчет по брошюре, не торговаться же без конца с г. Грозовским. Но Жорж оставляет за собой право доказать г. Грозовскому, что получил от него 760, а не 790 fr. – это уже не ради получения остальных 30 fr., а в интересах истины. Относительно платы за литературный труд (примеч[ание] и перевод, появляющихся в 1-ый раз) Жорж помнит и убежден, что и Вы это помните, было установлено, что он оплачивается как в Neue Zeit. Исключение из правила было сделано для тех работ, которые возьмете на себя Вы (Аксельрод), т.к. считаете себя достаточно обеспеченным, чтобы работать бесплатно. Но Вы ничуть не предрешали такой обеспеченности и даровой работы ни относительно меня, ни относительно других лиц, которые могут принять участие в изданиях.

Едва ли возможно будет записать и утвердить условие в том виде, в каком оно «припоминается» г. Грозовскому.

Я была убеждена, конечно, что г. Грозовский заплатит за перевод биографии Энгельса, приложенный к «Развитию»[4], но теперь думаю, что он припомнит массу пунктов, по которым платить ему не следует, и спорить нам надоест, конечно, гораздо прежде, чем ему.

Ни одного действительного нарушения условия г. Грозовский не приводит, хотя и приводит целый ряд воображаемых. Г. Грозовский пишет, что только польза дела заставляет его писать такие письма, которых не должно было бы являться, их действительно не должно было бы являться, и можем со своей стороны уверить г. Грозовского, что только та же польза дела заставляет нас продолжать издания на деньги, проходящие через его руки при тех придирках, которые он ставит.

Ваша Вера

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44 с. Автограф. На первом листе рукой неизвестного дата «1893 г.». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по двум фрагментам письма, в первом из которых говорится об утверждении условий совместной издательской работы (подписание условий состоялось 7 октября 1892 г.,

свои подписи под договором поставили Аксельрод, Плеханов и Грозовский – См. док. 331), во втором упоминается о работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (оно было опубликовано вторым изданием под заглавием «Развитие научного социализма» и вышло в серии «Библиотека современного социализма» в 1892 г.).

[2] См. док. 327.

[3] См. док. 114.

[4] Упомянутая в первом примечании работа Ф. Энгельса.

115
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1892, 18(30) ноября
Карийск

Получил, дорогая моя сестра, твое письмо от 1-го октября[1], в к[о]т[о]ром ты пишешь, ч[то] устно, или не на таком расстоянии, могла бы многое сообщить мне, поделиться волнующими тебя вопросами. Что за славное это письмо! Давно таких от тебя не получал. В сущности, ты ничего не сообщаешь в нем такого, чего бы я не знал или не мог мысленно дополнить. Но потому ли, что тон его особенно хорош, задушевен или потому, что оно получилось при соответствующем у меня настроении, но я почувствовал, что понял многое недосказанное, проник куда-то глубоко-глубоко, и так приятно, хорошо стало на душе! Боже, сколько и я интересного и даже поучительного мог бы сообщить тебе! И у меня, несмотря на однообразие жизни, есть вопросы, к[о]т[о]рые волнуют и поглощают меня целиком. Но не подумай, ч[то] эти вопросы чисто местного характера, происхождения. Нет, они общего теоретического и практического свойства и почти не имеют никакого отношения к окружающей меня монотонной и серой действительности. Писать об этих вопросах мне так же трудно, к[а]к и тебе о волнующих тебя, но, по-видимому, по другой причине: тебя останавливает сознание, что, пока твое письмо дойдет до русско-сибир[ской] границы, эти вопросы так или иначе вырешатся. Значит, они непосредственного, скоро преходящего характсра. Мне же трудно делиться с тобой пот[ому], ч[то] пришлось бы писать целые фолианты, задумай я дать тебе полное и верное представление о занимающих меня вопросах. Могу также повторить буквально твои слова: «Чего, чего я не дал бы, чтобы иметь возможиость делиться с тобою волнующими меня вопросами!». И так же, как и ты, я часто беседую с тобою (иногда глубоко за полночь) о них, так же, как и тебе, мне не с кем здесь делиться целиком, хотя имею товарищей и приятелей. Но только тебе одной я мог бы обстоятельно изложить их, т[а]к к[а]к ты одна вполне могла бы понять их, уловила бы чутьем недосказанное и сделала бы, быть мож[ет], вытекающие из них выводы и практич[еские] применения. Мысленно беседуя с тобой об этих темах, я часто представляю себе оживленные и вместе удивленные глаза твои, приятное и даже радостное настроение, в какое ты, наверное, пришла бы, слушая устное мое изложение. Забегав по своей комнатке (в к[о]т[о]рой, к слову, конечно, страшный беспорядок), ты, подумав немного, не только вполне меня одобрила бы, но и сама стала бы ими заниматься и старалась бы делать из них необходимые практические выводы и применения. Но даже и теперь я надеюсь, что ты, не зная пока сущности интересующих меня вопросов, все же поддержишь меня, одобришь такое мое настроение и постараешься, если не прямо, то

хоть косвенно помогать мне присылкой просимих мною книг и передачей известных тебе фактов. Для этого в немногих словах скажу, ч[то] теоретические вопросы, интересующие меня, относятся к первобытной культуре и философии истории, конечно, с материалистической точки зрения, но к тому же, в частности, Mutterrecht'у[2] и, как мне кажется правильным, считать вытекающим из последнего – Frauenfrage[3]. Мне очень грустно, что не могу убедиться, насколько правильны мои воззрения по этим вопросам, ввиду неимения необходимых мне многочисленных и разнообразных источников, а также отсутствия людей, интересующихся этими же вопросами. Все здесь имеющееся я почти уже перечитал или просмотрел и нигде не нахожу разъяснения. А меж[ду] тем я глубоко убежден, ч[то] вопросы эти имеют очень важное не только теоретич[еское], но и практическое значение. Пока прошу тебя не сообщать Жоржу и Павлу о моем увлечении Mutterrecht'ом и Frauenfrage: они (да и ты, вероятно), не зная, в чем дело, решат, что я стучусь в открытую дверь, т[ак] к[ак], мол, Морган, Энгельс, Липперт и др[угие] все уже разъяснили, а Бебель написал даже специально книжку о Frauenfrage[4] (Кстати, настоятельно прошу тебя, непременно постарайся мне ее прислать и вообще насколько возможно, присылай аналогич[ные] произведения: о роли женщ[ины] у геноссов, отчеты по Frauenfrage на конгрессах, митингах и ферейнах[5]. Такого рода произведения могут дать мне указания, как другие смотрят на интересующие меня вопросы). Но «при чем в Frauenfrage первобытная культура и философия истории»? – быть мож[ет], подумаешь ты. Не зная всей связи моих мыслей, действительно может показаться всем, чем угодно, – и путаницей, и преувеличением с моей стороны незначительного, в сущности, вопроса,– преувеличением, объясняющимся оторванностью от цивилизов[анного] мира, незнанием уже давно решенного и пр[очее]. Но, как мне кажется, на самом деле, это не так у меня. Ужасно хотелось бы мне знать, нет ли там у вас такого лица, к[о]т[о]рое, имея хорошую научную подготовку по первобытным учреждениям и придерживаясь материалистич[еских] воззрений, специально и сильно интересовалось бы Frauenfrage? Как бы мне хотелось с таким человеком обменяться взглядами! Но довольно об этом.

Твои объяснения относительно уступок родственникам[6] все же не убедили меня. Хотя ты и пишешь, ч[то] вы все это проделали ради меньшего, подросшего поколения, чтобы оно увидело, что не в вас корень распри, – но мне все же кажется бесполезной (а мож[ет] б[ыть], и вредной) ваша тактика. Уступки и авансы подчас можно и даже должно делать. Но вопрос: когда и как? Он[7] подсказывается практическим чутьем. Мне оно подсказывает иную, чем ваша, тактику. Конечно, я не знаю всех обстоятельств, но, насколько я себе представляю общее положение домашних условий, я поступил бы так. Не вступая ни в какие переговоры ни с дедушкой, ни с тетушками и дяденьками[8] там у вас, – т[ак] к[ак] на них можно махнуть рукой, – я отправился бы домой[9] и повел бы дело самостаятельно, независимо. Уже один факт приезда после долгой разлуки произвел бы, особенно теперь, очень благоприятное впечатление на всех родственников, в особенности же на подросших и, как ты пишешь, «симпатичных детей»[10]. Там, на месте, ведя процесс[11], я проявлял бы миролюбие и готовность к уступчивости, если бы это требовалось по обстоятельствам дела, но первый не делал бы решительного шага к примирению, зная заранее, что успех дела рассеял бы всякие сомнения и колебания. Ведя свою линию, я не был бы нисколько ни злопамятен, ни упрям и заносчив, а, наоборот, беспристрастен, объективен и умерен, а главное – деятелен. И дети, думаю, оценили бы мою тактику; они уви-

дели бы тогда, в ком и в чем корень распри. Но если бы даже этого я не достиг бы, – что мне трудно себе представить, – то беспристрастные судьи, незаинтересованные лица, адвокаты и увриеры[12] склонились бы на мою сторону, и тогда уже дети, а за ними дяденьки и тетеньки прибежали бы ко мне просить пардона; а если бы не просили, то и бог с ними: я все же выиграл бы тяжбу[13], и на нашей улице был бы праздник, от нас пошел бы перелом в семейной неурядице[14]. Ты, конечно, скажешь, ч[то] я много на себя беру, приписываю себе чересчур большое значение и влияние, но будешь неправа. По-моему, раз семейная неурядица дома дошла до известной степени, то достаточно незначительного в сущности, но неожиданного и смелого приема, чтобы все положение изменилось. В таких случаях роль отдельного лица можно сравнить с искрой, брошенной в сухое сено. И я, и каждый из вас, в особенности, мог бы явиться этой искрой в деле прекращения домашней распри и неурядицы. Конечно, я предварительно подготовил бы почву, обеспечил бы себя кой-какими связями и средствами, но за этим, думаю, остановки не было бы. Даже опасение заболеть[15] не остановило бы меня теперь, т[ак] к[ак], перенесши фрейбургскую болезнь[16], я убедился, что она не так страшна и приносит большую пользу; особенно она легко переносится, если она не неожиданна, если к ней заранее приготовляешься. Конечно, при слабых легких наш суровый климат вреден, но опять же вопрос, не преувеличивают ли врачи? Словом, дорогая, как видишь, исходя из моей точки зрения, ваш прием примирения не может мне казаться удачным, практичным, вообще ваша жизнь мне представляется крайне безотрадною, малорезультатной и производительной: десять лет почти прошло со времени возникновения заведения Рольника[17] и начала распри и неурядицы[18], а вы почти на одном и том же месте: все перебиваетесь из кулька в рогожку и тешитесь, кажется, микроскопическими успехами и улучшениями. Не подумай, ч[то] это скоропалительное мое мнение, явившееся у меня в последнее время. Нет, года два уже, к[ак] я все колеблюсь поделиться им с тобою, а эти дни оно все не выходит у меня из головы.

Ты давным-давно ничего не сообщаешь о здоровье Жоржа, о своем также редко упоминаешь. Помнишь, кажется, из Одессы (осенью 84 г.), описывая тамошний суровый режим, я утешался оптимистическими взглядами д-ра Панглоса: «Все к лучшему» и т.д. Представь себе, теперь я действительно допускаю, ч[то], оставайся я с вами и проживи я там так, как вы эти годы жили, я чувствовал бы себя, вероятно, не лучше, а то, б[ыть] м[ожет], и хуже, чем теперь, будучи здесь. Ты как думаешь? Впрочем, тебе трудно решить этот вопрос, т[ак] к[ак], во-первых, ты не знаешь, как я себя теперь чувствую, а во-вторых, не знаешь, конечно, как бы я чувствовал себя, оставшись. Но я думаю, ч[то] там, в конце концов, было бы мне хуже, конечно, при нек[о]т[о]рых условиях. Видишь, до каких странных взглядов и предположений я дошел.

Но довольно. Не забывай же моей просьбы о присылке книг. Дюруи[19] я еще не получил. Сохраняешь ли мои бумаги, письма, особенно Дмитра; часть последних была у Лизы, – прибери их все в одно место. Ну, крепко и много, много целую тебя, моя хорошая, дорогая сестра.

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.52. Л. 29 – 30 об. Автограф с позднейшими пометами Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 295–300. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[2] Материнское право (*нем.*).

[3] Женский вопрос (*нем.*).

[4] В 1883 г. в Цюрихе вышла книга А. Бебеля «Die Frau in derVergangenheit, Gegenwart und Zukunft», затем неоднократно переиздававшаяся. Так, в 1891 г. в Париже был опубликован ее перевод на французский язык (в библиотеке Г.В. Плеханова есть экземпляр издания с его пометами – РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 55). Первое русское издание книги «Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени» с примечанием на титульном листе: «Единственное автором разрешенное русское издание», вышло в Лондоне в 1895 г.

[5] От Verein (*нем.*) – союз. Партийные клубы немецких социал-демократов.

[6] *То есть соглашение с народовольцами. Такое примиренческое настроение вызвано было разразившимся в России в начале 90-х гг. знаменитым голодом.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[7] Вверху в квадратных скобках надписано «ответ».

[8] *Понятно, что я имел в виду Лаврова, Марью Николаевну, Кравчинского и др. старых народовольцев, живших за границей.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[9] *Под «отправкой домой» подразумевалось, конечно, возвращение из-за границы в Россию.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[10] *«Подросшими симпатичными детьми» мы называли вновь народившуюся революционную молодежь.*– Прим. Л.Г. Дейча.

[11] *То есть, занимаясь переговорами, в то же время организовывать, агитировать и т.д. среди рабочих и молодежи.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[12] *«Адвокаты и увриеры», т.е. интеллигенция и рабочие.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[13] *Надо, конечно, понимать, что привлек бы их на свою сторону.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[14] *То есть марксистское направление одержало бы верх.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[15] *То есть быть арестованным.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[16] *Понятно: арест во Фрейбурге.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[17] *То есть группы «Освобождение труда».* – Прим. Л.Г. Дейча.

[18] *Борьбы с народовольцами и народниками.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[19] Вероятно, имеется в виду *Дюруи (Дюрюи) (Duruy) Жан Виктор* – французский историк и государственный деятель.

1893

116
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1893, после 8 января[1]
Цюрих

Дорогая Вера!

Наконец-то получил от Вас несколько строк[2]. Но теперь еще не знаю, где Вы, собственно, обретаетесь. Комаровский, от которого я впервые узнал о клевете Л[ившиц][3], говорил мне, что Вы и Ж[орж] переселяетесь в Женеву. Рука уже начинает болеть, и приходится писать меньше, чем хотел. Сообщение Ш[муйлова] о взгляде товарища старика[4] на положение дел в России совпадает с тем, что он тут и мне говорил (30 декабря). И, к сожалению, в этом взгляде много правды. Интеллигенция революционно отжила, а рабочие только начинают еще проявлять признаки пробуждения к революционной жизни.

Геноссе[5] пробыл тут всего с 7 часов вечера (а в 8 он уже начал свою речь) до после обеда следующего дня, непрерывно окружен посетителями и притом

страшно устал, измучен. Это, конечно, сильно связывало меня. Но, кроме того, я подметил, что он как бы избегал очень пускаться в вопросы о России, точно опасаясь, что речь зайдет о щекотливом денежном вопросе. Я, разумеется, не коснулся его. Да и как было заводить речь о нем, не разъяснив предварительно, зачем, почему и т.д., когда наша единственная надежда и та заболела[6]; и об Ш[муйлове] ни слуху, ни духу.

Вообще о финансовой поддержке от геносс[ов] в данную минуту и говорить нечего[7]. Замечу, кстати, что, по словам Каутск[ого], товарищ старик в последнее время стал страшно рассеян и всецело поглощен какими-то мыслями. Я лично вынес впечатление, что он считает гораздо ближе момент решительной битвы с реакцией, чем многие думают. Говоря об освобождении России под влиянием победоносной революции в Германии, он, по-видимому, ожидает ее в близком будущем. Но довольно о геноссах. В первый раз, кажется, у меня в душе...[8]

IISH. Paul Akselrod Archive. – 63f. Автограф. Hoover Institution Archiv. B.I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 252–253. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Предположительно датируется по факту получения сообщения от Шмуйлова. В письме В.Я. Шмуйлова к В.И. Засулич и Г.В. Плеханову от 17 декабря 1892 – 8 января 1893 г. излагается содержание разговоров автора с немецким товарищем (А. Бебелем?) относительно перспектив развития русского революционного движения и возможности оказания ему финансовой поддержки со стороны немецкой социал-демократической партии. (Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 190–194).

[2] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[3] Речь идет о клевете по адресу Р.М. Плехановой, которая организовывала в декабре 1892 г. вечер, чистый доход с которого шел на революционную литературу, издававшуюся группой «Освобождение труда». Лифшиц, студентка медицинского факультета, которой в аудитории был предложен билет, заявила, что она билет не возьмет, так как не верит, что сбор пойдет действительно на литературу; скорей, заявила она, он пойдет «в утробу» организаторов. Розалия Марковна привлекла ее к суду чести. Георгий Валентинович и Вера Ивановна были очень взволнованы этой историей. На суде Лифшиц заявила, что ее не поняли: она «не говорила, что Розалия Марковна кладет себе общественные деньги в карман, но что она хлопочет о бале потому, что брошюры пишет Плеханов, следовательно, деньги, вырученные с вечера, пойдут ему в форме гонорара за работу». Страсти, вызванные этой историей, и суд проявили истинную подоплеку всего этого дела: вражду большинства эмиграции и студенчества к социал-демократам и к группе «Освобождение труда». Изложение этой неприятной истории см.: АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 197–203 об. В АДП сохранилось также письмо Г. Лифшиц к В.И. Засулич от 18 декабря 1892 г. с предложением провести третейский суд (Ф. 1098. Оп. 1. Ед. хр. 202. В 261. 1. Л. 1).

[4] «Старик» – Ф. Энгельс, статья которого о внешнеполитической деятельности царской России стала предметом споров и обсуждений русских социал-демократов на многие годы.

[5] Очевидно, *К. Каутский*.

[6] То есть оказалась неосновательной.

[7] Здесь и выше речь идет о неосуществившемся проекте объединения группы «Освобождение труда» и группы «старых народовольцев» для совместной борьбы против самодержавия на почве борьбы с голодом. Этот план поддерживался германской социал-демократией, которая, ожидая революционного взрыва в России в связи с голодом, была готова выделить необходимые средства для ведения объединенной организацией революционной агитации. Из-за изменения политической ситуации в России и в связи с ростом разногласий между марксистами и народовольцами проект не осуществился.

[8] На этом письмо обрывается.

117
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1893, начало[1]
Цюрих

Дорогой Жорж,

На днях я получил из Америки мандатом от некоего Loorof 'а 759 фр. Только сегодня я, наконец, убедился, что деньги нам присланы, а не по недоразумению попали ко мне. Этот Loorof есть, вероятно, Tuorof, от которого я прежде получал небольшие суммы[2]. Третьего дня я, однако, на свой риск взял из полученных денег заимообразно 100 фр. для Вас, т.к. без этого едва ли и 50 фр. можно было бы добыть (Шмулевич добыл всего 30 фр.). Посылаю теперь 250 фр., из которых, если можете, уделите частицу на уплату за типографскую квартиру. У меня, стало быть, теперь остается 400 фр., из которых около 250 фр. (помимо 80 рублей) разойдутся на снаряжаемый транспорт. Если бы я не воспользовался этим случаем для удовлетворения запроса из России, мне пришлось бы возвратить питерск[ому] кружку[3] 140 руб. (из которых 60 давно разошлись), да вдобавок скомпрометировать Группу. Зато у нас теперь будут два пути – обещают деньги из двух пунктов.

У меня, стало быть, останутся еще франков 150 про запас для типографии и переплетчика (если ему паче чаяния должны). Мечтал я хоть 50 фр. для В[еры] Ив[ановны] уделить, ведь в прошлом году ее денег ушло на групповые дела больше 400 фр. Мне еще нужно будет послать дополнительный тючок и «Р[азвитие] н[аучного] соц[иализма]»[4], которого у меня не оказалось. Пожалуйста, попросите Гл[ико] сейчас выслать сюда экз. 50–100 на тонкой бумаге (если на таковой имеется). Если паче чаяния мое «Письмо»[5] может скоро появиться, то оно, быть может могло бы еще поспеть к трансп[орту]. Очень настаивают на присылке раб[очих] брошюр. Просят и «Н[аши] разногл[асия]», «Соц[иализм] и пол[итическая] б[орьба]»[6], да нет. Я им пишу о новом издании (чтобы денег прислали).

Ради бога, растолкуйте Вы Аксельрод[7], что напрасно она меня пытает своими союзными проектами. Ей же богу, я всей душой за союзы, да ведь не могу же я отвечать за безжизненность и взаимные ссоры, мелочность и т.д. молодых геноссов[8]. Кальмансон до конца марта занят экзаменами, а Шмулевич созвал собрание. В оппозиции (тайной) мы подозреваем Гомберга[9].

Привет всем.

Ваш П. А[ксельрод]

P. S. Пожалуйста, сейчас сообщите о получении денег.

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 84–85. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Дата настоящего письма устанавливается имеющимся в нем указанием на скорое появление «Письма» Аксельрода, предисловие к которому (См. прим. 6) датировано февралем 1893 г.

[2] *В архиве П.Б. Аксельрода сохранилось одно письмо из Нью-Йорка за подписью «Туров» от 16 июня 1892 г.; в нем сообщается о высылке некоторой суммы денег (вошла в отчет, на-*

печатанный в брошюре о Л. Фейербахе). Несомненно, что об этом же лице идет речь и в данном письме П.Б. Аксельрода. Никакими иными сведениями о Турове мы не располагаем. – Прим. Б.И. Николаевского.

Туров – секретарь «Русского социал-демократического общества в Нью-Йорке» и заведующий его складом литературы.

[3] *Как удается установить по письмам к Аксельроду Р. Классона, данный транспорт литературы шел через Восточную Пруссию и далеко не вполне благополучно: первый раз к условленному сроку за ним из России не приехали, и транспорт был возвращен обратно в Дрезден. Пришлось списываться и отправлять вторично. Попал ли этот транспорт в конце концов в Россию, – установить не удалось.* – Прим. Б.И. Николаевского.

«Питерский кружок» – очевидно, остатки организации М.И. Бруснева, кружок «технологов».

[4] См. прим. 3 к док. 110.

[5] Работа П.Б. Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России». Первоначально была напечатана в виде статьи в журнале «Социалист» (1889 г.). Отдельное издание вышло в 1893 г. Оно озаглавлено «Письмо к русским рабочим об освободительном движении пролетариата». – Текст см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 515–528.

[6] Работа Г.В. Плеханова «Наши разногласия» вышла в серии «Библиотека современного социализма», выпуск третий, в Женеве, отпечатана в типографии группы «Освобождение труда». В части тиража на титульном листе значится 1884 г., в части – 1885 г., печатание книги было завершено в феврале 1885 г. Затем эта работа вышла только в 1905 г. в составе первого тома «Сочинений Г.В. Плеханова», изданного в Женеве в серии «Библиотека научного социализма» и отдельной книгой в России (СПб.: Новый мир, 1906).

История публикации работы Г.В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» аналогична истории публикации «Наших разногласий». Впервые она вышла в Женеве в 1883 г., затем там же в 1905 г. в сборнике «На два фронта» и первом томе «Сочинений», в России – в сборнике вместе с работой «Еще раз социализм и политическая борьба» (СПб.: Пролетариавт, 1906). Кроме того, известно издание этой работы, предпринятое в 1884 г. московским «Обществом переводчиков и издателей» – кружком студентов Московского университета в литографии Н.А. Янковской (литографировано с рукописного экземпляра). Есть сведения об издании этой работы в 1880–1890-х гг. на польском, немецком и норвежском языках.

[7] Л.И. Аксельрод (псевд. – Ортодокс).

[8] «Геноссы» – от нем. товарищи – русские студенты за рубежом и политэмигранты, сочувствующие группе «Освобождение труда». Члены группы к этому времени имели уже опыт двух неудачных попыток создания за рубежом русского социал-демократического союза. Только что закончилась крайне неприятная история с Я. Тышкой (Грозовским), провалилась затея с созданием «Лиги по борьбе с голодом» и произошел разрыв с Б.Н. Кричевским. Отсюда – скепсис П.Б. Аксельрода к новым проектам создания «Союзов». П.Б. Аксельрод и Г.В. Плеханов в это время в целом оценивали негативно революционные потенции русских политэмигрантов. Первый называл их «не революционно-подобными», а второй – «ветеранами, не видевшими поля битвы».

[9] *Гомберг – студент Цюрихского университета, сочувствовал социал-демократам. Л.И. Аксельрод, как видно из ее писем П.Б. Аксельроду, была в переписке с Гомбергом и старалась привлечь его к организации цюрихского отдела «Союза».* – Прим. Б.И. Николаевского.

Возможно, речь идет о И.Г. Гомберге.

118
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1893, январь – февраль[1]
Морнэ?

Дорогой Павел,

до сих пор мне еще не узнали адреса Алисова[2]. Надеюсь, что сегодня принесут; тогда немедленно вышлю.

А теперь у меня к Вам дело. Я написал Кауцкому, с которым у меня теперь большие литературные дела[3] (книга о Сен-Симоне, биография Сен-Симона, Луи Блана и Чернышевского, для какого-то словаря, задуманного Дицем[4], статья о Гельвеции и Гольбахе[5] и т.д.), чтобы он мне выслал Vorschuss[6] в размере 150 марок. Он это наверное сделает, как делал уже не раз. Но Диц, пожалуй, теперь в Берлине; выйдет задержка, а мне нужно к 17 числу (семнадцатому) этого месяца заплатить вексель. Опоздает Кауцкий – выйдет беда. Поэтому напишите мне сейчас же, можете ли Вы выслать мне 16-го числа 160 фр[анков] в том случае, если до утра 16-го я еще не получу денег от Кауцкого. Я тогда утром дал бы Вам телеграмму, и Вы, тоже телеграммой, выслали бы мне деньги. В таком случае я тотчас же написал бы Кауцкому, чтобы он выслал деньги прямо на Ваш адрес. Повторяю, может быть, деньги не понадобятся, но на всякий случай я хочу себя обеспечить, ибо произойдет непоправимое несчастье в случае, если Кауцкий запоздает, а я не найду другого источника для уплаты по векселю. Чтобы я был спокоен, лучше дайте мне депешу немедленно по получении моего письма. Но я очень прошу Вас постараться. Из-за какой-нибудь недели задержки в деньгах может произойти скандал.

Привет всем Вашим.

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А.9.25. Л. 1–2. Автограф. IISH. Paul Akselrod Archive. – 33 а. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 83. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Как П.Ф. Алисов нам сообщает, П.Б. Аксельрод писал по вопросу о помощи матросу Арсению Сицкому; последний в январе – марте 1893 г. был в Ницце, где стояла яхта, на которой он служил.* – Прим. Б.И. Николаевского.

Письма А.Н. Сицкого см. в кн. : Из архива П.Б. Аксельрода. 1881–1896 гг. Берлин, 1924. С. 135–214.

[3] Имеется в виду коллективная монография «Die Geschichte des Sozialismus in Einseldarstellungen von E. Bernstein, C. Hugo, K. Kautsky, P. Lafargue, Franz Mehring, G. Plechanov» (1895, 1897–1898). Второй том, для которого Плеханов готовил статью о Сен-Симоне, не был опубликован. Частично этот материал вошел в внигу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895). Готовившиеся им статьи о Гольбахе, Гельвеции и Марксе вышли отдельной книгой «Beiträge zur Geschichte des Materialismus (Holbach – Helvetius – Marx)» в 1896 г. в Штутгарте.

[4] Имеются в виду статьи, которые Плеханов должен был написать для задуманного И. Дицем и К. Каутским коллективного труда «История социализма в отдельных очерках», о котором идет речь в предыдущем примечании.

[5] См. прим. 3. В 1897 г. один из очерков – о Гольбахе под названием «Один из философов XVIII века», на русском языке был опубликован в журнале «Научное обозрение» (№ 1 и 2). Первое полное издание «Очерков по истории материализма» вышло в Харькове в 1922 г.

[6] Аванс (*нем.*).

119
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1893, до 12 марта[1]
Цюрих

Дорогая Вера!

Не знаю, где Вы теперь обретаетесь – в Морнэ или Женеве. [В] Морнэ я посылаю на адрес Ж[оржа] и в то же время пишу Раковск[ому], чтобы он Вам доставил эту книгу[2], если бы Вас уже не было в Женеве.

Я ограничился приглашением Вас сюда к нам, т[ак] ск[азать], из трусости. А теперь я расхрабрился и решаюсь просить Вас приехать сюда возможно скорее. Надя даже размечталась до того, что сочинила план водворения нас обоих в Аффолтерне. Но, помимо разных финансовых затруднений, план этот неосуществим уже и потому, что я раньше июня не могу уехать. Надя только со вчерашнего дня начала ходить в заведение на пару часов, и в течение ближайших 3–4 недель она едва ли в состоянии будет целые дни проводить в деле. Аня[3] скоро будет рожать, а у Якова[4] – лекции, клиника и т.д. Словом, мне придется часа по 4 в день тратить на кефир, да и теперь я немногим меньше трачу. Итак, теперь Вам пришлось бы удовлетвориться Цюрихбергом[5], где я бы постарался найти для Вас комнату по возможности недалеко от леса и от нас (теперь большое число улиц с очень отлогими склонами проведены на Цюрихберге). Ведь теперь Вы очень одиноки и с Ж[оржем] Вы редко видитесь. Что же Вас может удерживать там? Мне кажется, перспектива жизни здесь в течение 4-х месяцев (ну, или около того) не должна бы теперь пугать Вас. Мы все не можем Вам заменить общества Ж[оржа], но раз Вы его лишились, то Цюрих имеет некоторый плюс сравнительно с Морнэ. Так приезжайте же сюда хоть к концу апреля, а мы тем временем будем искать подходящую комнату в подходящем месте. На этот раз даю Вам слово даже не грызться с вами по всяким поводам. Буду кроток, как агнец. Прилагаю письмо Аксельрод[6], читающей мне нотацию. А я и теперь думаю, что должен был переслать Ж[оржу] письмо Гелл[иса], хотя я и представлял себе впечатление, которое оно произведет на Ж[оржа]. Передал ли он Вам письмо (я не читал его) увриера?[7]

А то обстоятельство, что в России много людей называют себя соц[иал]-демократами, даже подтверждает мое пессимистич[еское] мнение о теперешнем настроении демократ[ической] интеллигенции. В периоды реакции самые радикальные теории теряют свое революционное действие на умы. Я даже боюсь, что именно наиболее толковые и трудолюбивые элементы интеллигенции уходят теперь в легальную деятельность. И, право, гораздо плодотворнее была бы деятельность всех разговаривающих о революции, если бы они посвятили свои силы легально-просветительной деятельности среди рабочих... Рабочие в силу вещей также необходимо придут, в конце концов, к революц[ионным] выводам, как разночинцы когда-то пришли. Рабочие и низшие слои переживают теперь период, аналогичный с нашими среднедворянскими и разночинскими…[8]

Hoover Institution Archiv. B.I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Автограф П.Б. Аксельрода и машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 253–254. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по письму Г.В. Плеханова к П.Б. Аксельроду от 12 марта 1893 г. (док. 120), в первых строках которого автор сообщает о получении письма Аксельрода с приложенным к нему письмом Геллиса. О намерении переслать Плеханову письмо Геллиса Аксельрод пишет В.И. Засулич в публикуемом письме.

[2] О какой книге идет речь, установить невозможно – письмо В.И. Засулич, в котором содержалась просьба о ее посылке, не разыскано.

[3] А.И. Каминер (по мужу – Кальмансон).

[4] Я.М.Кальмансон.

[5] Гора, покрытая лесом, в предместьях Цюриха, любимое место отдыха горожан.

[6] Л.И. Аксельрод.

[7] Имелся в виду А.Н. Сицкий. См. прим. 2 к док. 118.

[8] Окончание отсутствует.

120
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1893, 12 марта
Женева[1]

Милый Павел,

только что получил Ваше письмо с приложенным к нему письмом Геллиса[2]. Чего хотят от меня парижане[3], я не знаю, но я готов ответить им решительно на все их запросы, и раз уже письмо было написано ими в Берн, я потребую объяснений. Сейчас же пишу Геллису, чтобы он разрешил мне сослаться на письмо к нему. Мне кажется, что дело может принять оборот, при котором Ваше присутствие станет необходимым. Напишите, смогли бы Вы приехать. Разумеется, без нужды беспокоить я Вас не стану, но Вы понимаете, что nécessité fait loi[4]. Я в случае нужды дам Вам телеграмму. Нечего и говорить, что Ваше присутствие здесь вообще было бы и полезно и приятно. В нынешнем году десятилетие основания нашей Группы, и я, как видите, вкушаю «благодарность потомства».

Привет всем.

Ваш [Г. Плеханов]

P.S. Если уже «отвечать», то мне хотелось бы ответить в Вашем присутствии. Что ответ мой не будет лишен некоторой поучительности для кого следует, за это я Вам ручаюсь.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.10. А. 9.26. Л. 1–2. Автограф. При письме конверт с ошибочным штемпелем отправления «Geneve.12.III.92» и почтовым штемпелем получения «Zürich.13.III.93». Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33 (Kephiranstalt)». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 88–89. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию и почтовому штемпелю получения.

[2] См. док. 119.

[3] *В данном случае «парижанами» Г.В. Плеханов называет проживающих в Париже русских с.-д. Что за письмо было написано ими в Берн (т.е. группе живших в Берне русских с.-д.), нам в точ-*

ности неизвестно; в основе же этого эпизода были нападки на группу «Освобождение труда» со стороны «оппозиции» (Кричевский, Грозовский и др.), особенно усилившиеся перед весенним 1893 г. съездом русских с.-д. в Женеве, на котором было положено основание «Союзу русских с.-д. за границей». – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] Необходимость – закон (*фр.*).

121
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1893, не позднее 21 марта[1]
Женева

Дорогой Павел,

Вы знаете, что у нас произошло. Балабанов застрелился. Я видел его за несколько часов до самоубийства. Он имел болезненный вид, но, разумеется, ничего подобного самоубийству нельзя было предвидеть. Он спрашивал у меня указаний насчет американского рабочего движения, с которым он будто бы хотел познакомиться. Это было в 1 час пополудни. В 5–6 часов (точно неизвестно – он был один) он выстрелил себе в висок. Он, по-видимому, сразу потерял сознание, но жил часов до 7 вечера. Всех нас это поразило крайне тяжело, а особенно Раковского: он просто как потерянный. Теперь они хотят устроить ему хорошие похороны. Но и в этом отношении им не везет. Они дали телеграммы в Болгарию, но денег пока нет. Спрашивали они нас, женевскую группу; у нас не оказалось. Ходил я к одному французу, думая, что он не откажется подписать вексель на 150–200 fr[anc]. Он очень легко мог бы это сделать: не захотел. Может, Бюркли раскошелится на такой случай. Они просят на 15 дней и отвечают целой болгарской общиной. Переговорите с Бюркли или с Грейлихом. Дело без обману, а ребята больно хороши, и хотелось бы им услужить. Во всяком случае постарайтесь и дайте ответ Раковскому: 6, Route Caroline, Carouge, Genève.

Ответ лучше дайте телеграммой, чтобы успели здесь кое-куда сунуться в случае неуспеха. Похороны, предполагавшиеся в четверг, были отложены до воскресенья (в 10 часов утра). Профессор Госс бальзамировал тело, к чести его надо сказать, не взявши за это ни копейки. У нас тут общая подавленность. На похоронах будут немцы с красным знаменем.

Привет всем Вашим.

Ваш Г. Плеханов

P.S. Энгельс зачем-то затребовал от меня <u>верный адрес</u>. Я послал; жду письма.

Ваш…

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А.9.28. Л. 1–2. Автограф. IISH. Paul Akselrod Archive. – 33а. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 89–90. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по сообщению о выступлении Г.В. Плеханова на похоронах Славы Балабанова, состоявшихся 21 марта 1893. Подробнее см.: Работник. № 23 от 3 апреля 1893 г.

122
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1893, 13 апреля[1]
Морнэ

Дорогой Павел,

сегодня только пришло письмо Гелиса. Если из Цюр[иха] и Берна приедут добрые люди, на съезде[2] собственно ничего произойти не может, т[ак] как парижанин[3] в Женеве еще ни в ком не найдет поддержки. Разве пойдет к Ливш[ицам] и по знакомым, но ведь то не с[оциал]-д[емократы] и к съезду не могут иметь отношения. Но я этот самый союз-то с[4] его начала ненавидела и много раз уже огорчала его инициаторшу Аксельрод[5] своим к нему отношением. Составленный из людей даже, как Вы справедливо говорите, «не революционно-подобных», «оформивши, по выражению Гелиса, свое бездействие», он в лучшем случае заснет, а в худшем должен будет заняться сплетнями и злостью. Люди в силу устава собираются потолковать о делах, а делать им по их нереволюционности будет нечего (кроме одного дела в год), народовольцев больше нету, чтобы их ругать. Остаемся мы. Но раз уж этот союз будет существовать, пусть он будет совершенно от нас независимым, никто из нас не должен идти в администрацию этого союза. Пусть сами тратят собранные ими деньги (платят за издание брошюр) и проч. (что проч., не знаю). Но и мы самостоятельны от них в делах, какие случатся помимо союза. Иначе, тесно связавшись с нереволюционным союзом, мы стали бы в страшно ложное положение с революционерами, если бы таковые появились. Аксельр[од] и Гуковский[6] даже таких, как [....[7]] или Лиза[8] не сочли бы достаточно правоверными с[оциал] д[емократами]. Ох уж мне это правоверие! [...][9], как справедливо говорил Чернышевский[10]. А в Париж (Членов оттуда приехал) масса молодого народу наехало и все считают себя с[оциал] д[емократами]. Но я думаю, что выращенные нами за 80 годы «[...][11]» должны иметь на них скверное влияние.

Петров (а премилый он человек, поклонитесь ему от меня[12]) говорил мне, что Вы хлопотали о 100 fr. для Дмитра. Разве Вы получаете от него письма? Вы мне ничего об этом не писали, и я думаю, что Вы, как и я, не имели от него известий после письма с дороги, полученного еще в то время, когда я была в Цюр[ихе]. Ради Бога напишите поскорее, что он вам пишет и когда. А то Женька об нем очень беспокоится, не получая от него известий. И меня спрашивает, я отвечала, что тоже не имею.

Вы думаете, что реакция только теперь дошла до меня? А ведь с[оциал] д[емократов] и в России теперь гораздо больше, чем народов[ольцев], и их масса даже по всяким Воронежам, Казаням и проч. (это Казаренко, бывший ссыльный, рассказывал). Бедные наши идеи. Когда начнется движение, они сделаются, пожалуй, синонимом самодовольного безделья и нереволюционности, ассоциированной в умах новых людей со своими теперешними предприятиями. За Маркса буду очень благодарна, если пришлете[13]. Я все в Морнэ. Очень буду рада приехать к Вам в июле. В тот раз я помню, что лес очень укрепил меня, а это бы мне не мешало. Очень грудь болит и большая одышка.

Крепко целую вас и Надю.

Ваша Вера

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44c. Автограф. Публикуется впервые

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
[2] Речь идет об очередном съезде российских политэмигрантов, тяготевших к социал-демократизму, в рамках длительного и болезненного процесса формирования «Союза русских социал-демократов за границей».
[3] Очевидно, Б.Н. Кричевский.
[4] «С» вставлено сверху строки.
[5] Л.И. Аксельрод.
[6] Вероятно, речь идет о И.Э. Гуковском.
[7] Сокращение фамилии – не прочитано.
[8] Очевидно Елизавета Лурье.
[9] Одно слово не разобрано.
[10] Фраза вставлена поверх строки.
[11] Одно слово не разобрано.
[12] «Поклонитесь ему от меня» написано поверх строки.
[13] О каком труде К. Маркса идет речь, установить не удалось.

123
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1893, апрель – май
Женева

Дорогой Павел,

у нас все идет прекрасно; парижанин (Г.*[1]) крайне возмущен известным Вам письмом в Берн[2] и ручается за то, что парижская группа ничего о нем не знала и вообще не причем. Автор этого письма – Бухгольц (жена Коникова); она тоже уверяет, что ее не так поняли и про[чее]. Словом, глупость. Насчет отношений редакции к Союзу речи еще не было. Сегодня будем говорить. Наш план таков: мы вступаем в договорные отношения к Союзу; исполняем взятые на себя обязательства, даем в этом отчет – и все. А затем у нас могут быть и другие отношения к другим группам, союзам или личностям[3]. Каково Ваше мнение? Мне кажется, что вышеприведенная формула необходима хотя бы как временная мера. Телеграфируйте – согласны ли Вы. А то лучше телеграфируйте, если не согласны. Тогда мы будем ждать письма. Телеграмму посылайте на адрес Раковского: 6, Route Caroline. Привет всем. Поклонитесь в особенности увриеру[4] и поблагодарите его за письмо.

Ваш Г. Плеханов

Скажите Петрову[5], что ему кланяется Héritier[6], который ужасно полюбил его; он называет его: Le grand Turc[7], принимая, кажется, совершенно искренно за турка.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А. 9.27. Л. 1 – 1 об. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 90–91. Публикуется по автографу.

---

* Конечно, не Шейлок.

Примечания

[1] Имеется в виду Э.Л. Гуревич.

[2] Письмо не разыскано.

[3] *Письмо это написано во время упомянутого выше съезда русских с.-д. за границей, где обсуждался вопрос о функциях и задачах будущего союза, о взаимоотношениях между ним и группою «Освобождение труда» – Г.В. Плеханов называет ее здесь «редакцией», имея в виду функции Группы в «Союзе русских с.-д.» и т.д. П.Б. Аксельрод не смог приехать в Женеву к началу работы съезда, – он прибыл лишь ко второму или третьему заседанию.*

Об этом и следующем съездах 1893 г. сведений в нашем распоряжении не имеется, – в литературе о них упоминает лишь Кричевский в своем «Ответе редакции "Рабочее Дело"» (стр. 72–73); по этому рассказу оппозиционеры (во главе их был сам Кричевский) требовали введения в состав редакции союзных изданий, кроме 3 членов группы «Освобождение труда», также и одного представителя оппозиции; в этом требовании Группа отказала, и оппозиционеры на втором съезде, в конце того же 1893 г. порвали с Группой. – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] «Увриер» (от фр. «рабочий») – А.Н. Сицкий.

[5] *Петров – болгарский студент-медик, социал-демократ.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[6] В АДП хранится 32 его письма к Плеханову за 1896–1897 гг. Лишь небольшая часть из них опубликована (см.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 260–266). В начале 1890-х гг. Эритье развил энергичную кампанию в защиту русских эмигрантов, подвергавшихся тогда гонениям и высылкам со стороны швейцарского правительства; его брошюра «Une honte pour norte pays» («Позор для нашей страны») имела сильное влияние на женевское общественное мнение (экземпляр этой брошюры хранится в личной библиотеке Плеханова – РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. В 4659). Особенно энергично Эритье выступал в защиту Плеханова, – в значительной мере благодаря его стараниям женевский Grand Conseil подписал в конце 1894 г. петицию в Bundesrat об отмене указа об изгнании Плеханова. Она оказалась решающей, так как отклонить ее Bundesrat не счел возможным.

[7] Огромный турок (*фр.*).

124

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1893, до мая[1]
Женева

Дорогой Павел,

деньги я получил, и великое Вам спасибо за то, что обо мне подумали. Я просто пропадал, пропадал в буквальном смысле этого слова. Теперь хоть явилась возможность работать, а то и работа на ум не идет. Только очень уж мне тяжело брать теперь у Группы деньги, после всех тех рассказов, которые позволил себе мерзавец Лившиц[2]. Ну, да что делать, ведь на что-нибудь да гожусь еще я, а без денег этих я пропал. Не хотелось бы мне, чтобы в отчете фигурировало мое имя, придумайте, как отметить эту получку[3]. Что Вы написали Глико? Я имею в виду то письмо, в котором Вы говорите ему о посылке мне денег.

Наборщика у нас пока еще нет. Дня через два я энергично примусь за розыски, а сейчас некогда: надо написать массу писем и 2 статьи для немецких и австрийских genossen[4] насчет первого мая[5]. Хорошо хоть то, что теперь могу работать, а то, право, ведь я никуда не годился. Вся эта гадость почти целиком физически отразилась на мне: я просто никогда так плохо не чувствовал себя, как это недавнее время. Привет всем Вашим. Пишите в Женеву.

Ваш Пл[еханов]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.31. Л. 1. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 86–87. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] См. прим. 4 к док. 110.
[3] В первой публикации вся фраза опущена.
[4] Товарищи (*нем.*). Т.е. немецкие и австрийские социал-демократы.
[5] *В австрийских изданиях статьи Г.В. Плеханова нам найти не удалось (в венской «Arbeiter Zeitung» от 01.05.1893 г. ее не имеется); в немецких органах статья Г.В. Плеханова под названием «Первомайский привет немецким рабочим» появилась в специальном майском листке «Mai-Feier» за 1893 г., в котором напечатаны также майские приветствия Энгельса, Лафарга, Вульшлегера, В. Адлера, Турати, Иглезиаса и Брантинга.*– Прим. Б.И. Николаевского.

125
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1893, до 6 мая[1]
Женева

Милейший Павел,

я теперь погружен в Гельвеция[2] и потому никаких новостей от меня не ждите. Я пишу Вам по делу, не терпящему отлагательств, но по чисто личному делу. 6-го числа этого месяца у меня платеж. Я послал Кауцкому статью о Гольбахе[3] и сейчас пишу ему, чтобы попросить авансу. Но дело может замедлиться, и я могу остаться на бобах. Ради Маркса и Энгельса, расстарайтесь мне 100 fr[anc], я, как только получу, отдам: будьте без сумления; я знаю теперь, что qui pays ses dettes, s'enrichit[4]. Ради всего святого не пренебрегите моей просьбой. Отвечайте на адрес Розы, я не хочу докучать В[ере] И[вановне], а лучше сказать – расстраивать ее своими злоключениями. Привет всем Вашим.

Ваш Г. Плеханов

Как Ваши работы? Что бы Вам написать-то когда! А еще считаетесь добрее меня! Voilà comment on écrit l'histoire![5]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А.9.32. Л. 1. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 88. Публикуется по авторгафу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Статья о Гольбахе, предназначавшаяся для коллективного труда «История социализма в отдельных очерках», была получена и прочитана К. Каутским 25 мая 1893 г. – См.: Философско-литературное наследство Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 148.
[2] См. прим. 3 к док. 112.
[3] См. там же.
[4] Кто платит свои долги, – тот обогащается (*фр.*).
[5] Вот как пишется история! (*фр.*).

126
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1893, не позднее мая[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Не знаю, куда и к кому обращаться за сведениями относительно Вашего третейского суда. Узнал я впервые о пущенной против Вас клевете совершенно случайно от приехавшего из Берна Комаровского и тотчас же (вечером он приехал, а на следующее утро написал) решил отправить не то протест, не то свидетельское показание, хотя и затруднялся при этом как относительно формы, так и лица или учреждения, к которым следует обращаться. Полученное от Веры письмо[2] не содержало в себе никаких указаний на этот счет. С тех пор я все жду известий о ходе дела, думал, что суд обратится ко мне с разными вопросами. И вдруг получается карта от Комар[овского], в которой сообщается, будто суд уже состоялся и решение, принятое им, очень мерзкое по отношению к Вам[3]. Решительно не могу себе представить, каким образом люди самой элементарной порядочности, хотя бы и враждебные нам (или Вам), могли состряпать такой приговор. Я питаюсь надеждой, что все это выдумано и распространяется Шидловским. Письмо Рак[овского] Петрову подкрепляет меня в этом предположении.

Ком[аровский] мне говорил, что Вам дано позволение жить в Женеве и что В[ера} И[вановна] тоже переселяется туда. Сообщите мне, пожалуйста, правда ли это, и главное о ходе или исходе суда. Вера волнуется, конечно, больше Вас, потому я к ней и не обращаюсь. Поручите Аксельрод[4] или кому-нибудь сообщить мне хоть картой, если Вам некогда.

Привет Роз[алии] Марковне.

Ваш П. Аксельрод

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61 a. Автограф. По верхнему полю 1-го листа надпись рукой не установленного лица: «1891–1892». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по опубликованному 8 февраля 1893 г. С. Балабановым сообщению о третейском суде между студенткой Лифшиц и Р.М. Плехановой. См. об этом документ № 112.

[2] Вероятно, док. 122.

[3] Третейский суд под предводительством Н.И.Жуковского состоялся весной того же года. Решение его действительно было неэтичным в отношении семьи Плехановых и особенно Розалии Марковны, услугами которой в качестве врача (без выплаты гонорара) пользовалась семья Лифшицев. Было принято решение о том, что слова г-жи Лифшиц не имели целью оскорбить Р.М. Плеханову, а лишь были превратно ею поняты.

[4] Л.И. Аксельрод.

127
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1893, весна[1]
Морнэ

Дорогой Жорж,

меня страшно мучают и мои вины, и бездействие здесь. Я действительно дурно сделала, пропустивши мимо ушей о письме к председателю[2] и поклонив-

шись Левиной[3]. В последнем виноват весь мой характер, не допускающий никаких грубостей spontanément[4]. Я могу их делать, только заранее надумавши, что такую-то грубость надо сделать, а об Левиной раньше не подумала. В этом я виновата, но не думайте, бога ради, что я теперь к этой истории отношусь как к мирной. Тогда, по-моему, не б[ыло] оскорбления, а теперь оно есть, и я чувствую его всей душой. Меня мучает теперь такое опасение. Лив[шицы] могут не заявить суду о моем письме, а Вы тоже не вызовете меня в качестве свидетельницы, – решите устранить меня за мои вины. А я непременно хочу быть на суде, я уверена, что буду более действительной обвинительницей, чем Вы сами. Это уж я надумала и буду. Не опасайтесь моего, по-Вашему, «изменнического», характера. Нельзя ли, раз Ливш[иц] меня не будет обвинять, мне явиться обвинительницей, обиженной стороной? Это удобнее, чем свидетельницей. Я каждую минуту порываюсь в Женеву. Строю планы и потом остаюсь. Я боюсь, что Вы так злы на меня, что будете недовольны моим приездом, объяснения будут затруднены, выйдет одно взаимное терзанье.

Меня мучает, что я слишком мало выступала в этом деле. Простите меня, Жорж, и помогите выступить хоть на суде или еще, как придумаете[5].

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В. 487.179. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 279. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Содержание этого письма относится к третейскому суду, на который вызвала Р.М. Плеханова некую Лифшиц за клевету (См. прим. 4 к док. 110). «Письмо к председателю» – очевидно, председателю третейского суда Н.И. Жуковскому.

[3] Возможно, Чудновская-Левина Софья Павловна, участница народнического движения в России с 1874 г. Зимой 1877 г. входила в «коммуну» вместе с С. Присецкой-Богомолец, Р. Боград-Плехановой, Теофилией Полляк и др.

[4] Внезапно (*фр.*).

[5] Третейский суд, вероятно, состоялся весной 1893 г. В АДП сохранилось заявление (без начала) С. Балабанова, написанное 8 февраля 1893 г. от имени комитета по расследованию дела г.-жи Лифшиц. По изучении обстоятельств дела комитет предложил Лифшиц либо взять свои слова обратно, либо согласиться на устройство третейского суда (Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 382).

128
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1893, между 17 мая и второй половиной июня[1]
Морнэ

Дорогой Жорж,

кричите «ура»! Прислан Вам мандат из Питера от социал-демократической группы «Освобождение труда». Уже по самому названию видно, что, значит, группа самая преданная. Много ли в ней рабочих, не видно, но все же, значит, есть, и мандат как мандат. Что сами не приехали, а Вам поручают, объясняют трудными русскими условиями. Прислали и описание состояния России – как раз по нашим изданиям, просят продолжать журнал[2]. Ну, да приедете, увидите.

Не посылаем его потому, что думают его здесь пока по-немецки перевести для конгресса. Отличный мандат, и ведь из самого Питера, со Шлиссельбургского тракта[3].

Зубастый[4] страшно беспокоится по следующему обстоятельству: он послал две недели тому назад, на Ваше имя, для передачи мне, но на Ваш женевский адрес, длинное заказное письмо и свой взнос – 10 марок. Письмо нарочно при деньгах, что так вернее дойдет, потому что письмо вредное (в восемь страниц). Когда он узнал, что я его не получила, он очень забеспокоился насчет полиции. Одна надежда, что, может быть, Розалия Марковна, по получении, забыла как-нибудь его передать мне. Расспросите ее, пожалуйста. Оно на Ваше имя, но ведь в Женеве отдают даже хозяйке заказные письма.

Американские деньги еще не пришли. Здесь хлопочут достать и послать Вам. Теперь-то уже непременно надо Вам приехать. Вы – делегат от петербургских рабочих соц[иал]-демократов!

Вижу сегодня целый день всех товарищей не из колена Гадова[5]. Они очень возбуждены против этого колена; ожидают, что конгресс будет опять скверный, и очень желают, чтобы мы вышли из Союза. Серьезные разговоры об этом, конечно, откладываются до Вашего приезда.

Крепко жму руку.

Ваша Вера

Болеть Вам никак теперь нельзя.

А Павел-то, бедный, не виноват. Ту книгу, которую Вы просили у Кальмансона, он заслал Женьке, ее у него нету. Мы еще с ним ни разу не поругались.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.109. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл. без даты в группе писем 1897 г.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 181–182. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо датируется на основании упоминания о мандате, который был прислан из Петербурга группе «Освобождения труда». 17 мая 1893 г. Ю.О. Цедербаум (Ю. Мартов) был освобожден из заключения и перед отъездом в Вильно, в связи с запрещением жить в обеих столицах и университетских городах, встретился с членами своего социал-демократического кружка. При обсуждении планов дальнейшей работы был поднят вопрос о предстоящем в конце лета конгрессе II Интернационала в Цюрихе. Было решено отправить на конгресс мандат группе «Освобождения труда» с предложением представить их кружок, «как одну из пропагандистских ячеек слагающейся русской с[оциал]-д[емократической] партии». К мандату для Группы решено было приложить адрес, в котором «приветствовали ее за 10-летнюю упорную работу по пропаганде того учения, на основе которого сможет восторжествовать русское революционное движение». Мандат и адрес были подписаны «Петербургской группой освобождения труда», переправлены через границу и отправлены письмом в Женеву. О судьбе этого мандата Мартов долгое время ничего не знал и лишь лет через десять П.Б. Аксельрод рассказал ему, «каким приятным сюрпризом был для него, Засулич и Плеханова этот мандат, – первый, который они получили из России, – перед самым конгрессом, и как он вывел их из неловкого положения, в котором они были до тех пор на конгрессах, вынужденные предъявлять мандаты одних лишь эмигрантских организаций» (*Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 2004. С. 111).

[2] Возможно, имеется в виду «Социал-демократ» – литературно-политическое обозрение, издававшееся с 1890 г.

[3] Шлиссельбург (до 1611 г. – Орешек, до 1702 г. – Нотебург, с 1944 г. – Петрокрепость) – уездный город Санкт–Петербургской губернии, расположен на левом берегу р. Невы, у истоков ее из ла-

дожского озера, в 60-ти км. От Санкт–Петербурга. Первоначальный Шлиссельбург на островке Ладожского озера, при выходе из него Невы, был построен в виде небольшой крепости новгородцами еще в 1323 г. Крепость неоднократно перестраивалась и со временем превратилась в мощное оборонительное сооружение, после взятия крепости в 1702 г. войсками Петра I и постройки в 1703 г. в Финском заливе Кронштадта, она утратила свое военное значение и была превращена в политическую тюрьму.

Тракт (нем. Trakt, от лат. traktus, букв. – волочение, течение) – в России это улучшенная грунтовая дорога, соединяющая важные населенные пункты. Таковой дороги от Шлиссельбурга не было, город был связан с Петербургом речным транспортом, действовавшим во время навигации, и узкоколейной железной дорогой, проходящей на противоположном берегу Невы.

Употребляя выражение «Шлиссельбургский тракт» и восторгаясь тем, что мандат пришел «из самого Питера», В.И. Засулич имела в виду то, что, во-первых, это был мандат от тех, кто боролся с властью за политическую свободу и кому в случае ареста была прямая дорога в тюрьму и ссылку. Во-вторых, Петербург становился центром русского социал-демократического и рабочего движения.

[4] Зубастый – личность не установлена.

[5] Колено Гадово – библейское название потомков Ветхозаветного Гада, метоним существительного евреи.

Гад (*библ.*) – один из двенадцати сыновей Иакова (Быт. 30, 11). От него произошло колено Гадово, которое, после переселения евреев в Палестину, получило в надел один из заиорданских округов, славившихся своими пастбищами. Гадово колено было передовым постом израильского народа за Иорданом, члены его отличались воинственностью и мужеством. Гадово колено раньше других сделалось предметом нападений сирийских царей и было покорено ассирийским царем Тиглатпалассаром (4 Цар. 10, 3; 15, 29).

129
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1893, до 6 августа[2]
Морнэ

Скоро поеду в Цюрих. С одной стороны, там предстоит много приятного, – там будет в авг[усте] международн[ый] конгр[есс][3]. Увижу многих выдающихся геноссов[4], увижу Аню. Свидание с нею три года тому назад доставило мне немало удовольствия. Она ведь самая старая моя знакомая, единствен[ный] человек в Евр[опе], с к[о]т[о]рым я на «ты»; с ней я могу быть и откровеннее, чем со всеми другими. Но, с другой стороны, там предстоит масса тяжелого. Решительная, вероятно, окончательная встреча с теми нашими любезными родственниками, о столкновении с которыми я уже упоминала![5] Ах, как это скверно действует! Чего не могли сделать с нами никакие противники (теперь у нас их почти совсем нет), то сделали эти. Сломили нашу энергию, упрямство. Теперь противно, не хочется работать по-прежнему. Свои противнее гораздо чужих. Жорж найдет себе больше, чем по силам, дела в немецкой литературе. Он весь теперь поглощен ею. Ряд статей, к[о]т[о]рые он теперь пишет, – [о] «Гольбах[е], Гельвеции и Марксе»[6], – переход от материализма XVIII [в.][7] к современному научному, – мне кажется, должен произвести эпоху в теории исторического материализма. Нельзя не признать, что ведь он, (истор[ический] материал[изм]), очень куцый: «открытие Америки, путь вокруг Африки»[8] и пр., – это давно оскомину набило. А дальше развивать некому. Кроме старика Фридриха[9], Каутский, да и обчелся. (Я непременно пришлю тебе эти статьи, как выйдут). Павел тоже найдет себе дело, – отчасти в литературе, отчасти в кефире и семье (ему уж пора скоро дочку замуж выдавать), ну, а я?.. А сделали мы все

же больше, чем ожидали: левое гегелианство[10] – господствующее направление, а того, что было прежде (не в теории, а на практике), видно, по ходу истории России не полагается.

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед. хр. 772. АД 1/24.28. Л. 1 – 2. об
Копия рукой Л.Г. Дейча. Опубл.: *Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 243–244. Публикуется по автографу.*

Примечания

[1] Публикуемое письмо В.И. Засулич, представленное «наиболее интересными», по словам Л.Г. Дейча, фрагментами, приведено в письме последнего к Я.В. Стефановичу от ноября 1893 г.

[2] Датируется по первым строкам, в которых сообщается о предстоящем конгрессе II Интернационала в Цюрихе.

[3] Конгресс II Интернационала, о котором пишет В.И. Засулич, проходил в Цюрихе 6–12 августа 1893 г. На нем Россию представлял Г.В. Плеханов от группы «Освобождение труда». Он также был выдвинут в качестве основного докладчика по военному вопросу. Это был первый конгресс, на котором Плеханов присутствовал с мандатом от социал-демократической группы, действовавшей в самой России – группы Ю.О. Мартова.

[4] От Genosse (*нем.*)– товарищ, т.е. социал-демократов.

[5] Речь идет об очередной неудачной попытке образования «Союза русских социал-демократов за границей».

[6] См. прим. 3 и 8 к док. 112.

[7] В письме Л.Г. Дейча ошибочно написано «19-го».

[8] Имеются в виду великие географические открытия: в 1492–1502 гг. экспедиции испанских и португальских мореплавателей Х. Колумба, А. Охеды, А. Веспуччи, которые открыли Багамские и Антильские острова (1492 г. – год открытия Америки), затем побережье Южной и Центральной Америки. В 1488 г. португальские мореплаватели обследовали все западное и южное побережье Африки, в 1497–1499 гг. Васко да Гама открыл непрерывный морской путь из Западной Европы вокруг Южной Африки в Индию и т.д. Термин «великие географические открытия» условный, принятый, главным образом, в исторической литературе для обозначения крупнейших географических открытий, сделанных в середине XV – середине XVI вв.

[9] Ф. Энгельс.

[10] То есть марксизм.

130
Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1893, лето
Женева[1]

Дорогая В[ера] И[вановна].

Я ничего предпринимать пока не думаю, и никаких событий у нас в Женеве нет. Требую у Жука протокол[2], и он обещает, да не дает. Так каждый день. А вообще чувствую себя скверно и морально, и физически. Пишите, как Ваше здоровье. Я еще останусь здесь на некоторое время. Будьте здоровы. Крепко жму руку.

Ваш Г.П.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А. 31.29. Л. 1.
Автограф. На письме примечание Л.Г Дейча карандашом.
РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 36. Фотокопия с подл.
Опубликовано: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 242.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Здесь упоминается о протоколе по делу суда чести (См. док. 109, 118), состоявшегося летом 1893 года под председательством старого эмигранта Н.И. Жуковского (Жук).

131
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич[1]

1893, 25 октября (5 ноября)
Карийск

Последнее твое письмо[2], дорогая, хорошая моя[3] сестра, очень интересно и вызывает на серьезные размышления. Хотя оно и написано тотчас по приезде из Цюриха (15 сентября) и ты не делишься в нем своими впечатлениями о тамошнем празднестве[4], но я не жалею об этом, так как избранная тобою тема – ознакомление и разъяснение мне положения дел семьи дома[5] – очень интересна. Не скажу, чтобы твои сообщения были вполне новы для меня, – кое-что уже и раньше доходило до меня, – но самый тон и характер твоих суждений делают более рельефными, живыми мои представления о домашних условиях и обстоятельствах. Раз пять я перечитывал его и несколько дней находился – отчасти и теперь еще нахожусь – под его впечатлением, хотя мои личные обстоятельства в последние две недели не особенно благоприятствуют размышлениям о посторонних, отдаленных предметах: эти недели, по независящим от меня обстоятельствам, я принужден был покинуть свою насиженную и вполне отремонтированную на зиму хатенку и переехать в новую, которую опять нужно было белить, мазать (глиной), вставлять окна, обивать двери и пр[очее] и пр[очее]. (Зато, – раз уже заговорил о квартире, – новая вполне напоминает городскую: состоит из большой, в три окна и очень высокой комнаты с сенями и кухней, с приличной, по здешним условиям, мебелью; имеется даже диван, правда некрашенный и необитый, письменный стол с мягким стулом, изящная этажерка для книг и две кадки с цветами); но квартира эта имеет и большие неудобства: во-первых, чересчур велика для одного, и приходится топить ежедневно две печки (покупными дровами, по 2 р[убля] саж[ень]), несмотря на это, все же, вероятно, будет прохладно в зимние стужи; и во-вторых, она, сравнительно вдали от всех товарищей, на выселке, т[ак] ч[то] они ко мне и я к ним не часто можем заявляться, что, впрочем, имеет и свои выгоды, ввиду занятий). Но возвращусь к твоему письму. Указав на резко изменившийся характер поведения и образа жизни родственников на родине, ты так резюмируешь свои сообщения: «Специалистов»[6] нет больше. Если бы ты вник в это одно обстоятельство, то мог бы понять, отчего, несмотря на великолепные объективные условия и огромный, превосходящий всякие ожидания успех, субъективно нам, старым специалистам, может все-таки приходиться плохо, и заведение Рольника[7] может по временам стоять».

Раньше ты опровергаешь меня, что и я «не мог бы быть «на месте», как и вы. Я вполне согласен со всеми твоими разъяснениями, сообщениями и рассуждениями. По-видимому, действительно все радикально изменилось у родных дома[8], и, будь семи даже пядей во лбу, ничего существенного, нового никто не сделал бы. Поэтому мне несколько неловко было читать твою фразу о себе, взятую из моего прежнего письма: «Будучи на месте, сделал бы то-то». От нее

несет большим самомнением, «задавательством», как тут у нас говорят. [А я, ну, право же, не таков, – ни чуточку не преувеличиваю своих сил и способностей, в особенности перед тобой и Дмитр[ом], превосходно меня знающих. Ну, посуди, какой был бы в этом смысл? Чем можно было бы объяснить такую идеализацию себя? Или незнанием себя и внешних условий, или сверх того – несообразительностью, неразвитостью и т.п. Этих причин нет налицо, и, тем не менее и, несмотря на твои последние сообщения и разъяснения, я все же опять повторю, хотя и режущую мое ухо фразу: «Будь я на месте, то и т.д.» В чем же секрет? По-видимому, ты не вполне поняла второй части периода: «то сделала бы то и то»][9]. Этими словами я вовсе не имел в виду сказать, что, несмотря ни на какие условия и обстоятельства, поехал бы домой к родным[10]. Я желал только сказать, что не остановился бы ни перед чем и, вероятно, придумал бы что-нибудь, чтобы «при огромном, превосходящем всякие ожидания, успехе субъективно не приходилось плохо старым». Как добился бы я этого,– отсюда сказать не берусь, но почти уверен, что надумал бы способ, – считай это «задавательством» или чем хочешь. Думаю, что Дм[итро] согласился бы со мной насчет этой моей самоуверенности, – ты все же не видела меня почти десять л[ет]. А за это время я ведь не стоял на одном месте. Ну, да что об этом толковать, когда мы отделены необъятными пространствами и когда мои ответы на твои сообщения приходят тогда, когда обстоятельства у вас настолько уже изменились, что уже забываются те, под влиянием к[о]т[о]рых писалось прежнее письмо. Живя здесь, мне остается только радоваться или скорбеть, когда ты в своих письмах вызываешь те или другие ощущения (хотя, признаюсь, мне иногда приходит в голову скептическая и ехидная мысль поступать (на манер героя русских сказок Иванушки-дурачка[11]) как раз наоборот, т.е. скорбеть, когда твои сообщения отрадны, и радоваться, когда они печальны, – думаю, что такие мои ощущения более соответствовали бы положению дел в то время, когда я читаю твои, а ты – мои письма.

[На этом месте я прекратил вчера писание, т[ак] к[ак] был уже 12-й ч[ас] ночи, а я привык рано просыпаться, часов в 6; но напрасно пытался заснуть часов до 2-х, до того завлек меня процесс писания письма; видишь, как мало нужно в нашей жизни, чтобы прийти в возбужденное состояние. Сегодня перечитал написанное и невольно посмеялся по поводу вышеприведенных фраз о себе: сперва я соглашаюсь, ч[то] никто, даже семи пядей во лбу ничего не сделал бы, а затем все же утверждаю, ч[то] будь я на месте и т.д. Ну, разве это не задавательство?!...][12] Какими пустяками, мелочами заполняется наша жизнь здесь! Они подчас могут донять всякого. Относительно я еще лучше многих поставлен, – занимаюсь, по возможности, интересуюсь тем, что делается на белом свете. Но все же это не может заполнить всего нутра, без живого практического дела; поэтому вместо серьезного хватаешься за суррогаты, хотя всегда, в конце концов, жалеешь о потерянном времени. Книжки все же наиболее приятное развлечение. Но именно только «развлечение», т[ак] к[ак] цели вкладывать в чтение, ставить себе какие-нибудь теоретические задачи и вопросы здесь решительно не могу. К тому же прихожу к очень неутешительному заключению относительно современных теоретических произведений: ничто в них не кажется мне новым, особенно оригинальным, а следовательно, и интересным. На это заключение навели меня недавно прочитанные три книги: Schulze-Haevernitz'a «Der Grossbetrieb»[13], Herrmann'a «Technische Fragen und Probleme»[14] и Николая-она «Очерки рус[ского] пореформ[енного] хозяйства»[15]. Кстати, о последней.

Ты, б[ыть] м[ожет], не читала ее; она вышла недавно, летом наст[оящего] г[ода] и, в целом, хуже, чем, помнишь, его первая статья под тем же заглавием, помещенная в «Слове» за 80-й г[од]. Ссылаясь на экономические теории Маркса и будучи как будто знаком с современным положением дел в России, он, однако, не умеет найти выхода из последнего и сетует по поводу того, что не поддерживают общины и «пренебрегли», мол, завещанными нам от предков «устоями» и пр[очее]. Причина этой его неспособности разобраться, его противоречия в том, что он не усвоил себе диалектического метода Маркса: «в худом он видит одно только худое», как говорил Маркс. Но все же в общем, это не лишенное интереса экономическое сочинение. […][16]. Он, по-моему, образованнее и интереснее В.В. […][17]. [Ты допускаешь, ч[то] его произведения «не волнуют», «а действуют только на ум, но не на чувство». Вот с этой фразой я не вполне согласен: всякое произведение, как бы ни был сух его предмет, раз написано хорошо, умело, непременно будет действовать и на чувство, «волновать», конечно, тех, которые интересуются этим вопросом, будь то астрономия или чистая математика (припомни отношение к произведениям Коперника, Галилея, Дарвина, Гегеля), тем паче, если тема публицистическая. А таковы ведь все произведения Ж[оржа], и они, – ты сама сознаешь – «не волнуют». Поэтому я и отрицаю, что они действуют «только на ум», т[ак] к[ак] [тебе?] они действуют и на чувства, хоть и в ограниченных размерах. Хотел бы очень увидеть его немецкие произведения, наверное, по-немецки его манера [иная?]. Нет сомнения, что он один из крупнейших русских писателей][18].

Своими впечатлениями о Цюрихе ты обещаешь поделиться в следующем письме. Отчасти жаль, что ты не сделала этого тотчас по приезде. Но я понимаю, ч[то] тебя «тамошний шум мог утомить». Из рус[ских] газет, конечно, немногое я мог почерпнуть; все же о наиболее существенном знаю (хотя, м[ожет] б[ыть], это и не все наиболее существенное: принятые резолюции, изгнание анарх[истов], шествие по городу, почетное председательство Энгельса[19] – это и все, что я вычитал). До получения ответа на это письмо ты, вероятно, поделишься уже со мною своими впечатлениями. Они-то, впечатления твои, меня особенно интересуют: ты ведь в первый раз присутствовала на таком празднестве. Сообщи, с кем ты познакомилась там, кто из говоривших или так там присутствовавших тебе особенно понравился, говорилось ли что о наших родственниках и родине? Воображаю, как мизерны кажемся мы в своих собственных глазах, когда сравниваем себя в таких случаях с геноссами! Каков старик Энгельс, – познакомилась ли ты с ним? Что поделывает Павел? Поди, он в восторге от празднества[20]? А Жорж? Говорил ли он? Были ли дедушка Петр[21] и тетушка Сара[22]? На эти и сотни подобных вопросов хотелось бы получить ответ. Но почти заранее уверен, ч[то] ты не удовлетворишь моего любопытства, будешь очень лаконична, пропустишь многое.

Припоминая содержание некоторых моих писем, мне пришло в голову, что, благодаря кажущемуся полемическому характеру их ты, может быть, делаешь ошибочное заключение о моем настроении и отношении к некоторым вопросам. Ты, б[ыть] м[ожет], представляешь себе меня придирчивым, ворчливым и вечно полемизирующим инвалидом, впадающим в старость? Но это неверно. Ни образ моих мыслей, ни окружающая действительность не располагают к придирчивости, полемике и пр[очему]. Я, наоборот, все более и более проникаюсь французской поговоркой: «Tout comprendre – tout pardonner»[23]. К этому взгляду располагает все окружающее. Здесь особенно легко наблюдать, на-

сколько взгляды, настроения и поступки людей зависят от внешних условий: последние вялы, несложны, скучно-однообразны, и люди и все живущее таковы же. Откуда же могло бы взяться страстное, нетерпимое отношение к разногласиям в воззрениях и строгое осуждение неодобрительных, с моей, напр[имер], точки зрения, поступков? Тем объективнее могу я относиться к тому, что узнаю из твоих писем о внешних, отдаленных от меня фактах. Не говоря уже про то, что, ввиду их отдаленности, они еще менее, чем вблизи происходящие, могут меня волновать, – я обязан относиться к ним как к не вполне мне неизвестным. В этом отношении окружающие меня условия и отделяющие меня от мира огромные пространства действуют, как давно прошедшие исторические периоды: чувствуешь себя не современником данных событий и происшествий, а как бы живущим много лет после их совершения и смотрящим на них как на давным-давно случившиеся.

Но я на этот раз чересчур разболтался. Пора и кончить.

Напомни Павлу, что я просил его выслать две вышедшие в Цюрихе немецкие диссертации о Марксе некоего поляка Вериго[24]. Неужели ему там трудно их достать? Он обещал написать Braun'у, чтобы тот выслал мне Socialpolitisches Centralblatt, но я все не получаю его. Думаю, что и этот журнал ему нетрудно было бы доставать у кого-нибудь из выписывающих его и высылать мне, а без иностранного журнала здесь очень тоскливо. Позаботься, дорогая, об этом.

Ну, будь бодра и по возможности счастлива. Крепко, крепко целую тебя, а также Жоржа, Павла и других близких. Виделась ли ты с Аней в Цюрихе? Что она поделывает?

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД. 1/29.54. Л. 31 – 33 об. Автограф с позднейшей правкой и примечаниями автора. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 300–304. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] *Как я уже сообщил в предисловии, остальных моих писем не оказалось в архиве Г.В. Плеханова; между тем, до самого своего побега из Сибири (весной 1901 г.) я не прекращал переписываться с Верой Ивановной и другими заграничными друзьями. Тем более досадно исчезновение позднейших моих писем, что, как известно, в середине 90-х гг. стало усиленно развиваться в России наше марксистское движение, о чем, хотя и лаконично, но все же сообщала мне В.И. Засулич и отчасти П.Б. Аксельрод, а из моих ответов им можно было бы получить некоторое представление о том, как она и другие члены группы «Освобождение труда» относились к ходу развития нашего направления за границей и в России.*

Отсутствие остальных моих писем я объясняю произошедшим переездом В.И. Засулич в Лондон (в 1894 г.), по выезде из которого она, может быть, оставила на время у кого-нибудь из тамошних своих друзей имевшиеся у нее рукописи и письма; если же она привезла все с собою в Цюрих, то, отправившись, как известно, в конце того десятилетия, – конечно, нелегально, – в Россию, передала свои документы там кому-нибудь на хранение. Есть поэтому надежда, что, – подобно тому, как случилось с выше помещенным письмом к ней Маркса, – также со временем и мои к ней письма малощепетильные редакторы какого-нибудь архива, найдя их там, опубликуют без необходимых комментариев и сокращений или со «своими» дополнениями и разъяснениями, отчего в том и в другом случае и я и читатели не много выиграем. – Прим. Л.Г. Дейча.

[2] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

[3] Слова «хорошая моя» зачеркнуты в тексте автографа Л.Г. Дейчем при подготовке письма к печати.

[4] Международный рабочий социалистический Конгресс II Интернационала проходил в Цюрихе 6–12 августа 1893 г.

[5] *Под этим я подразумевал положение группы «Освобождение труда».* – Прим. Л.Г. Дейча по левому полю первого листа письма.

[6] *То есть «нелегальных», «профессиональных» революционеров.* – Прим. Л.Г. Дейча по нижнему полю оборота первого листа письма.

[7] Типография группы «Освобождение труда».

[8] То есть у революционеров в России.

[9] Этот фрагмент, начинающийся словами: «А я, ну, право же…», зачеркнут в тексте автографа Л.Г. Дейчем при подготовке письма к печати.

[10] *Это означало: поехал бы из эмиграции нелегально работать в Россию, о чем писал в предыдущем письме.* – Прим. Л.Г. Дейча по левому полю оборота первого листа письма.

[11] Герой русских народных сказок, чисто внешне производящий впечатление простака, но, как говорится, «себе на уме» и удачливый парень.

[12] Фрагмент, начиная со слов «На этом месте…», зачеркнут в тексте автографа.

[13] Речь идет о труде Г. Шульце-Геверница (Schulze-Gaeverenitz) «Der Grossbetrieb ein wirtschaflicher und socialer Fortschritt: Eine Studie auf dem Gebiete der Baumwollindustrier» (Leipzig, 1892). Русский перевод под заглавием «Крупное производство. Его значение для экономического и социального прогресса: Этюд из области хлопчатобумажной промышленности» вышел в 1897 г. в Санкт-Петербурге под редакцией П.Б. Струве. Обе книги имеются в личной библиотеке Г.В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 990 и А 1545).

[14] Сочинение Ф. Германа, о котором идет речь, точно установить не удалось.

[15] Речь идет о книге: *Николай – он.* Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. Книга с пометами Г.В. Плеханова хранится в его личной бибьлиотеке (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1410).

[16] Далее небольшой фрагмент текста тщательно вымаран цензором.

[17] Следующий фрагмент также тщательно вымаран ценором.

[18] Фрагмент, начиная со слов «Ты допускаешь, что его произведения «не волнуют»…», зачеркнут в тексте автографа Л.Г. Дейчем при подготовке письма к печати.

[19] 26 марта 1893 г. в Брюсселе состоялась подготовительная конференция, принявшая большинством голосов текст приглашения на конгресс II Интернационала, в котором от его участников требовалось признание необходимости участия рабочих в политической борьбе. Это должно было закрыть двери конгресса перед анархистами. Одной из первых на конгрессе, открывшемся 6 августа 1893 г. в Цюрихе, была принята резолюция, в которой подтверждалось, что социалистические партии могут быть представлекны на конгрессе только при условии признания ими необходимости политической борьбы, и анархисты были исключены из состава делегатов. В результате этого разгорелась дискуссия о том, что следует понимать под политической борьбой: анархисты утверждали, что террор также является политической деятельностью. На конгрессе была оглашена резолюция, подписанная Бебелем, Адлером, Каутским, Либкнехтом и др. и принятая большинством голосов. В ней говорилось: «Под политическими действиями следует понимать использование рабочими партиями по мере сил политических прав и законодательной машины или стремление завоевать их для удовлетворения требований рабочих и для овладения политической властью» (цит. по: История Второго Интернационала. М., 1965. Т. 2. С.248). Тем самым анархисты были окончательно изгнаны с конгресса. Кроме того, на конгрессе были приняты резолюции, выработанные в ходе обсуждения вопросов повестки дня: о тактике социал-демократии, о борьбе за установление 8-часового рабочего дня, о позиции социал-демократии в случае войны, об охране труда работниц, по аграрному вопросу и др.

Энгельс выехал из Лондона в Цюрих 1 августа 1893 г. Он решил, что не будет принимать участие в конгрессе, но хотел использовать свое пребывание в Цюрихе для встреч с видными деятелями социал-демократического и рабочего движения. После непродолжительного пребывания в Цюрихе он 4 или 5 августа выехал на неделю в Тузис в Граубюндене, где в это время находился его брат Герман с семьей. Энгельс возвратился в Цюрих 12 августа, и в этот же день на последнем заседании конгресса его бюро под бурные, долго несмолкавшие овации предложило Ф. Энгельсу сказать заключитьное слово. Закрывая конгресс, Энгельс произнес пламенную речь на английском, французском и немецком языках, подводившую итоги развития рабочего и социалистического движения и явившуюся напутствием для международного рабочего движения и партий II Интернационала.

В честь открытия конгресса в Цюрихе состоялась массовая демонстрация трудящихся. Приветствовать участников конгресса на улицы города, украшенные красными полотнищами с надписями: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», вышло около 30 тысяч человек. На центральной площади города состоялся массовый митинг.

[20] П.Б. Аксельрод, конечно, был в восторге от конгресса. Ф. Энгельс несколько раз заходил к нему в гости. На этих встречах присутствовали Г.В. Плеханов и В.И. Засулич.

[21] Имеется в виду П.Л. Лавров. 2(14) июня 1893 г. в Париже состоялось его чествование по случаю 70-летней годовщины со дня рождения.

[22] М.Н. Ошанина.

[23] Все понять – все простить (*фр.*).

[24] Вериго А. – польский ученый, работавший в одном из ун-ов России в начале XX в.

132
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1893, после 17 ноября[1]
Морнэ

Дорогой Павел,

посылаю Вам для прочтения письмо Гуревича. Не пишу впечатлений, потому [что] больна. Флюс, не сплю 4 ночи и зла. Напишите Ваше впечатление[2]. Мы в ответ молчим.

Пошлите, пожалуйста, Жоржеву книгу «Крестьяне на Руси» Беляева[3] Шараповой Ел. Адрес: M-elle Charapoff. № 21. Chemin de la [….][4] Geneve. Непременно пошлите поскорее и заказным. Она пишет, что очень нужно (кажется, для реферата), а их колония всегда оказывает услуги, как может.

Ваша Вера

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44с. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письмо Э. Гуревича, копию с которого пересылала Засулич Аксельроду, датировано 17.11.1893 г.

[2] Ответ Аксельрода – док. 133.

[3] В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранится книга И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе» (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. В 4319) с пометами неустановленного лица.

[4] Одно слово не читается.

133
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1893, после 17 ноября[1]
Цюрих

Дорогая Вера.

Прилагаю ответ одного парня нашему хохлику[2] на письмо, написанное еще летом по моему внушению. Письмо дополняет сообщения Гурев[ича]. Возвратите его при случае, т[ак] к[ак] мне оно дано на время. О нотации или замечании Гурев[ича] могу сказать только, что оно довольно-таки «грубо» написано,

т.е., грешит как раз тем, в чем он упрекает Жоржа. Но, черт с ним и с его или их лаврофильством. Мораль, однако, выходит такая: пока всем заправляют геноссы с такими литературными вкусами, приходится с ними считаться. Во всяком случае избегать прямо оскорбительных замечаний или же совсем не рассчитывать на эту публику. Ввиду происходящего в России брожения приходится особенно избегать возбуждения новых раздражений.

Отзыв Гур[евича] и Эфр[она] о брошюре[3] меня не удивил – и я только по поспешности забыл Вам тогда написать, что едва ли она не пришлась бы как раз по вкусу публике, из чего, однако, не следует, что мы обязаны признать ее доброкачественность. Как исправить ее? Мне она показалась так неуклюже составленной, что очень затруднился бы указать путь к превращению ее в нечто вполне благообразное. Главное, я не видел в ней внутренней, органической связи между положением народа и ролью абсолютизма в нем, а потому и ближайшие политические задачи раб[очих] являются как бы нравоучением в плохой басне, а не неизбежным выводом. Иногда можно думать, что Россией управляет даже не самодержавный царь, а буржуазия. А все-таки очень раздражать гусей не следует... Статьи Ж[оржа] о Туне[4] я-таки не читал, хотя мне порядком прожужжали ею уши.

Беляева[5] высылаю – но решительно не понимаю, когда это он стал частною собственностью Ж[оржа].

Еще о брошюре: в ней есть одно замечание, относящееся к самодержавному правительству. Не помню уж, по какому поводу – несомненно, только, что она на страницах теперешней легальной народнич[еской] прессы была бы уместна, а в нелегальн[ом] социал-демократическом издании является какою-то несообразностью.

Вы, по-видимому, этой осенью из хворобного состояния совсем не выходите – и нужно полагать, сами немало способствуете этому. Да поможет Вам соц[иал]-дем[ократический] бог вести себя благоразумно, а я, разумеется, желаю Вам поскорее выздороветь и опять стать доброю – наперекор Гуревич[у] и К°.

Ваш Павел

IISH. Paul Akselrod Archive. – 63 f. Автограф. По верхнему полю 1-го листа рукой неустановленного лица надпись: «Цюрих, авг. 92 г.». Hoover Institution Archiv. B.I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка Б.И. Николаевского.

[2] Вероятно, имеется в виду Б.Н. Кричевский.

[3] О какой брошюре идет речь, не установлено.

[4] В мае 1893 г. в Лондоне на польском языке вышла в свет книга А. Туна «История революционных движений в России» (*Thun A.* Historja ruchu rewolucyinego w Rossij). По предложению польских издателей Г.В. Плеханов написал к книге дополнительную главу «О социальной демократии в России. (Письмо к польским издателям "Истории революционных движений в России" А. Туна)». Впервые на русском языке статья Плеханова была опубликована в 1903 г. в качестве одного из 4 приложений (их авторами были Д. Кольцов, Я. Стефанович и П. Лавров) в женевском издании книги Туна, осуществленном «Лигой русской революционной социал-демократии». Перевод на русский язык был сделан с немецкого; книгу открывало предисловие Плеханова, написанное специально для русского издания (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. П 9027).

[5] См. док. 132.

134
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1893, осень[2]
Морнэ

Прошлое письмо[3] я писала больная и совсем не в духе и мало рассказывала о Цюрихе (о празднестве там)[4]. А видела я там массу интересного народа. Начать хоть с Фридриха Карловича[5]. Он был у нас, т.е. у Павла, раза три[6]. Совсем простой, ласковый такой старик. Уж на что я трусиха на незнакомых людей, а и то с ним сразу освоилась. Впрочем, особенно интересных разговоров с ним не было: о том, как поступали голландцы (на конгрессе), как ведут себя французы, – а ведут они себя глупее глупого – и т[ому] под[обные] текущие темы. Эти две делегации были систематическими противницами немцев, все остальные – друзьями. Французы были страшно глупы, но не по одной природной глупости, а еще и пот[ому], ч[то] в то время там были выборы и все наши, вообще все путные люди, были заняты ими, а наехало человек 40 самого бездельного народа. Они, даже не слушая, не поняв, в чем дело, как потом сами признавались в частных разговорах, заглушали слова оратора криками: Vive la France, la Commune и даже l'anarchie[7], если только знали, ч[то] оратор в дружбе с немцами. Итальянцы, наобор[от], вызывали удивление своей сдержанностью, тактом, единогласием и разумностью своих вотов[8]. Все спрашивали себя, что с ними такое сделалось, т[ак] к[ак] вообще никогда они такими качествами не отличались. Только я с первого же дня знала, ч[то] своим примерным поведением они исключительно обязаны нашей Ане. По целым вечерам она их экзаменовала и муштровала, и я не раз присутствовала при этих муштровках. По манере говорить и обращаться с людьми она осталась прежней, но как поразительно переменилась в остальном, не только за тот десяток лет, ч[то] ты не видал ее, но даже за 3 г[ода], прошедшие с тех пор, как она гостила здесь у меня. Тогда она б[ыла] худая, кости да кожа, постаревшая, и всегда, чуть зайдет подходящий для этого разговор, готова была заплакать. Я тогда не могла решить, чего ей не хватает: любимый муж, обожаемая дочка, материально более чем обеспечена, живет в своей любимой Италии, к[о]т[о]рая ей гораздо милее забытой России. Кажется, она и сама тогда определенно не знала, чего ей не хватает. Должно быть, не хватало широкой общественной деятельности. Теперь делов у ней по горло: редактор журнала, кроме того, член всяких комитетов и обществ, все дни и часы у нее нарасхват. Ей хотелось побыть со мною, с русскими, и ни на один час раньше открытия съезда она не могла приехать, и совсем не пришлось за неделю (ее пребывания) поболтать без ее хвоста в 25 итальянцев; а после закрытия заседаний ни на один час она не могла остаться: уже в 10 местах ее ждали. Зато вместо прежней скелетообразной Ани с ввалившимися щеками является здоровенная женщина с двойным от толщины подбородком. Еще при тебе она б[ыла] под подозрением чахотки, то же было и 3 г[ода] тому назад, а теперь в последний день она была избрана (итальянцами – нации ежедневно чередовались) председателем собрания человек в 700 и, несмотря на порядочно шумное заседание, вела его совершенно прилично. Когда говорила, слышно было по всей зале. Хандры, конечно, след простыл. Совсем молодец стала[9].

И не одна Италия обязана своим хорошим поведением русскому. Ту же, и даже гораздо большую роль, как Аня в Италии, играет в Румынии Кац. Дмитро его знает, кажется. Очень милый человек. Из той же Румынии, но не на съезд –

он с рабочими ничего общего не имеет – приезжал тоже Ралли. Вот странное-то производит он впечатление среди этих архисовременных людей?! Точно он с того света или из-под земли выкопан. Взгляды он сохранил точь-в-точь те, с какими уехал. Павел пускался с ним спорить. Он и аргументы в спорах приводит как раз те, ч[то] были во всеобщем употреблении в те допотопные времена. Почти все эти 15 лет он состоит редактором либерального и при этом официального журнала, либерализм к[о]т[о]рого заключается в защите интересов крупных капиталистов, в руках которых власть, от землевладельцев, находящихся в оппозиции. Но над этой своей 15-летней деятельностью он насмехается, – ни разу не написал он в своей газете ни одной искренней строчки. Странная и жалкая карьера.

На обратном пути из Цюриха я видела в Божи Лизу. Она, наконец, выздоровела, и, к крайнему моему удивлению, я и ее нашла сильно поздоровевшей и потолстевшей. Слухи все ходили, ч[то] она больна. Ей и теперь самой не верится, ч[то] она здорова. Живет она у знакомой тебе Александровой[10], к[о]т[о]рая вышла замуж за оч[ень] ревнивого челов[ека][11], купившего дом в Божи, завела огород, скот, хозяйство. Теперь она овдовела и продолжает вести хозяйство, в чем ей помогает Лиза, а та ее за это содержит, т[ак] к[ак] Лиза получает оч[ень] мало из дома.

Крепко целую тебя. Твоя сестра

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 772. АД. 1/24.29. Л. 3 – 4. об. Копия рукой Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 244–245. Публикуется по копии Л.Г. Дейча.

Примечания

[1] Текст публикуемого письма В.И. Засулич приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от 19 (31 января) 1894 г.

[2] Датируется по содержанию.

[3] См. док. 121.

[4] То есть Международный социалистический конгресс 1893 г. в Цюрихе.

[5] Ф. Энгельс.

[6] Свое пребывание в Цюрихе в дни проведения конгресса Ф. Энгельс использовал для встреч с делегатами партий различных стран, в том числе с русскими социал-демократами П.Б. Аксельродом, В.И. Засулич и А.М. Кулишовой-Турати. Встречи эти прошли после 12 августа и не позднее конца месяца. Энгельс выехал из Цюриха 4 сентября, перед этим совершив 6-дневную поездку для отдыха в Бернский Оберланд.

[7] Да здравствует Франция!.. Коммуна!.. Анархия! (*фр.*).

[8] Вотум (лат. – желание) – решение, мнение, выраженное в форме голосования.

[9] С 1885 г. А.М. Кулишова-Турати жила в Милане, где вышла замуж за лидера социал-демократического движения Италии Филиппо Турати. Вместе с ним в 1890–1891 г. основала двухнедельный журнал «Critica sociale» («Социальная критика»), пропагандировавший, хотя и не всегда последовательно, идеи научного социализма. Сыграла важную роль в организации в 1892 г. Итальянской социалистической партии, в которой пользовалась значительным влиянием.

[10] Личность не удалось установить.

[11] *Это был ткачовец Лакиеро; после его смерти вдова его, получившая в наследство некоторое имущество, вновь вышла замуж за небезызвестного эсера Ег.Ег. Лазарева; она же примкнула к эсдекам.*– Прим. Л.Г. Дейча.

135
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1893, конец[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Вам напишут, а вероятно, уже написали, приглашение приехать для реферата[2]. Это теперь настолько кстати, что даже я задумал готовить реферат. Но считаю нужным предупредить Вас насчет одного обстоятельства, говорящего, как мне кажется, в пользу отсрочки Вашего приезда на дней 10–14. Тут предвидятся обыски довольно большие; почему, отчего – об этом могу только догадываться[3]. Я опасаюсь, чтобы Ваше появление здесь и чтение реферата не повлияли на Ваше положение в Женеве. Сюда теперь наехали шпионы, думаю, что на время, разве здешние анархисты их тут задержат. Само собой разумеется, если Вам в Женеве терять нечего, т.е. не имеете никаких шансов умилостивить полицию, то мои опасения лишаются всякого значения.

Ваш Павел

Получила ли Вера мой ответ по поводу предложения Лазарева[4]? Тут я веду сношения с человечком о более подходящем литературном предприятии, но об этом немного позже[5].

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 92–93. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] По-видимому, речь идет о повторении в Цюрихе реферата, прочитанного в 1893 г. Г.В. Плехановым в Берне и посвященного вопросу о судьбах капитализма в России.

[3] *В газете «Vorwärts» от 11.02.1893 г. появилось сообщение об аресте и последующей высылке из Швейцарии группы немецких анархистов (они называли себя «независимыми социалистами» и издавали в Берлине орган: «Der Sozialist»). По постановлению Bunderanwaltsschaft в Цюрихе были арестованы O. Wichers, W. Konneman, Pwigg и ряд других деятелей. Вероятно, в письме П.Б. Аксельрода идет речь о подготовке именно этих мер.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *Летом 1893 г., после встреч и переговоров с приехавшими в Америку на Чикагскую выставку русскими (в их числе были В.Г. Короленко, С. Протопопов и др.), Е.Е. Лазарев начал списываться с рядом эмигрантов, живших в Европе, по поводу организации общереволюционного заграничного органа типа «Колокола» (см. ниже, 10-е примечание к письму 40-му); в виде первого опыта совместной работы всех эмигрантов Е.Е. Лазарев предполагал организовать переработку и издание «Календаря "Народной воли"». Этот последний план несколько позднее вылился в издание составленного В.Л. Бурцевым при помощи Рублева и Маслова-Стокоза известного сборника «За сто лет»; средства на издание последнего были даны тем самым Александром Марковым-Еваленко, агентом Департамента полиции, о попытке которого проникнуть в с.-д. среду будет рассказано ниже.*

В документах Департамента полиции имеется сообщение этого агента от 04.02.1894 г., написавшего, что «Лазарев за последнее время получил письма от Ермасова, Чайковского, Плеханова, Аксельрода и Полонской» (цит. по статье Л.П. Меньщикова «Русская охрана в Северных американских соединенных штатах» (Новый Мир. – Нью-Йорк, 17.VIII.1914 г.). Очевидно, речь идет именно об этой переписке. – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] Возможно, речь идет о переговорах П.Б. Аксельрода с С.Н. Прокоповичем.

136
Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1893, 31 декабря[1]
Карийск (вольная команда)

С Новым годом поздравляю тебя, дорогая моя сестра!

Посылаю тебе и всем родным наилучшие пожелания. Живо вспоминается мне встреча последнего Нового года с вами, ровно 10 лет тому назад! Как это давно и вместе недавно было! Чего, чего за это время не переслучилось у вас, а мне почти не на чем остановиться мысленно. Хотелось бы предаться воспоминаниям, но так устно, «по душе», а не письменно, когда не знаешь, с чего начать, в каком тоне и пр[очее]. Как раз сегодня мы втроем (с Софьей и Мирским[2]) предавались (за чаем, конечно) воспоминаниям и делали параллели между 74[3] и настоящим годом. Ровно 20 л[ет] минуло, но как мало мы прогрессировали, если не признать даже обратного. Меня даже разобрала сильнейшая грусть от этих параллелей. Вспоминая свое тогдашнее настроение, свои стремления и желания и видя, как действительность жестоко разбила все наши иллюзии, можно не только взгрустнуть, но и всплакнуть, несмотря на объективное понимание всего случившегося.

Лишь на днях, после 27-месячного перерыва, получил, наконец, твое сравнительно большое и интересное письмо[4] по поводу твоего пребывания в Цюрихе. Не могу сказать, чтобы сообщения твои вполне удовлетворили меня, т[ак] к[ак] ты о предмете[5] сообщаешь немного, но спасибо и на том. Известия об Ане меня несказанно обрадовали и, признаюсь откровенно, я позавидовал ей, конечно, не за то, что она приобрела двойной подбородок, а за то, что она увлечена широкой и поглощающей ее деятельностью. Известия твои меня нисколько не удивили, т[ак] к[ак] я всегда считал Аню необыкновенно способным человеком и был уверен, что рано или поздно она проявит себя на общественной арене. Архаический Равви мне тем более живо представляется, что я за 10 л[ет] встречал много аналогичных экземпляров и думаю, что они еще долго, долго будут попадаться, особенно в захолустьях. Не знаю, может быть, это и счастливые люди, т[ак] к[ак] они могут жить иллюзиями и пребывать в отменном настроении. А мне так грустно: ниоткуда не видишь просвета, а, главное, нечем увлечься, не можешь заняться таким делом, которое бы поглотило тебя. Впрочем, на эту тему я, вероятно, уже не раз писал тебе. Был период, когда я увлекся чтением; но и здесь вышла неустойка благодаря нашим условиям. Заниматься просто из процесса чтения всего, что подвернется под руку, на манер гоголевского Петрушки[6], скучно, а предаться изучению одной какой-нибудь области невозможно ввиду ограниченности существующих материалов. Читая и думая при этом, я заинтересовался несколькими вопросами, на которых мог бы остановиться надолго, будь я где-ниб[удь] в цивилизованном центре. Некоторые из этих вопросов в высшей степени интересны, как находят и другие, которым мне приходилось сообщать о них. Периодическую нашу литературу хоть не бери в руки, до того она бессодержательна. Приелись ее бесконечные споры о нашей интеллигенции; эта злополучная интеллигенция служит темой и для наших здесь бесед и споров. Между прочим, мне недавно еще приходилось говорить с двумя товарищами (Зундом и Рехнев[ским]) о ней же. Я доказывал, что теперешняя интеллигенция, подобно людям 40-х годов, могла бы идти в уровень с передовыми учениями и взглядами на Западе, что, как тогда Белинский и

K° проводили взгляды Гегеля, так и теперь Михайловский etc[7] могли бы также придерживаться левогегельянских взглядов. Между тем передовые публицисты наши не только не идут в уровень с западноевропейской мыслью, но сделали даже шаг назад по сравнению со своими предшественниками Добролюбовым, Черныш[евским]. Собеседники мои, признавая отсталость нашей интеллиг[енции], оспаривали мой взгляд на потенциальную возможность иного ее характера, доказывая, что современные рус[ские] условия неизбежно требуют существования такой именно идеологии, какой придерживаются Михайловский и K°, и случись каким-нибудь образом, что последние стали бы проводить строго левогегелианскую философию, они не имели бы никакого успеха среди читателей. В общем, они, конечно, правы. Но все же я думаю, что, явись несколько очень талантливых публицистов л[ево]гегелиан[ского] направл[ения], они теперь могли бы уже иметь значительный успех. По крайней мере, настолько, что развенчали бы ни на чем, по-моему, не основанное самомнение русских публицистов, думающих, что, узнай западно-европейская публика об их воззрениях, она пришла бы в неописанный восторг. Что таково именно мнение наших публицистов и критиков, напр[имер] о Михайловском, можешь увидеть из следующей цитаты: «Его (Михайл[овского] статьи о Спенсере, о Дарвине и вообще по социологии[8] имеют не одно только временное публицистическое значение, а представляют ценный вклад (?!) в науку, и если б их перевести на один из иностран[ных] языков, они не замедлили бы доставить автору общеевропейскую известность» (Скабичевский, История новейшей русской литературы, стр. 102)[9]. А я думаю, что «известность» его была бы еще менее завидна, чем известность Дюринга или Нордау. И почему это, в самом деле, при такой массе поклонников до сих пор Михайловского не перевели и тем лишают науку «вклада», а его самого «общеевропейской известности»? Из курьеза, будь я за границей, позаботился бы об этом.

Помнишь ли свое обещание прислать мне статьи Ж[оржа] о переходе француз[ского] материализма в современный[10]? Я жду их с нетерпением. Дюруи, я уже писал тебе, мною давно получен и прочитан со вниманием, но я остался далеко не удовлетворенным. Почему ты ничего не пишешь мне о своих занятиях? Ведь читаешь же ты что-нибудь! Я уже не спрашиваю о занятиях Ж[оржа] и Павла, так как ты все равно не напишешь об этом. Списалась ли ты, наконец, с Вит[ольдой] Викентьевной[11] и что от нее ты узнала? Известие о том, что Лиза выздоровела, меня очень обрадовало; поклонись и поцелуй ее от меня. Ну, а как твое-то здоровье? По-видимому, ты часто хвораешь.

Сообщи, кто муж Ани[12] и что он из себя представляет, а также, если можешь, пришли карточку ее. Не знаешь ли, кто такой итальянец Лориа[13]? Из-за рецензии Гольцева на его книгу «Р[усская] м[ысль]» недавно получила второе предостережение[14]. Если можешь, пришли ее: она есть во франц[узском] перев[оде]. Возмущают меня в глубине души безобразия анархистов. Это, безусловно, вырвавшиеся на волю бешено-сумасшедшие. И неужели дядя Петя[15] и теперь оправдывает эти деяния? Я положительно не мог бы протянуть ему руки. Глазам своим не веришь, читая известия о таких происшествиях, как в театре и парламенте! И не видишь возможности прекратить эти зверства.

Ну, довольно. Будь здорова, дорогая, хорошая моя. Как бы я хотел с тобою свидеться! Боже, о сколь многом мог бы я поделиться с тобою! Суждено ли этому когда-либо сбыться? Мож[ет] быть, когда будем дряхлыми, беззубыми старцами, только. Грусть, должно быть, я нагнал на тебя этим письмом. Одна-

ко не думай, что я хандрю. В общем все же сносно. Могло бы быть куда хуже. Жить можно. К тому же я очень здоров и вполне бодрым себя чувствую. Целую тебя много.

Твой брат

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 671. АД 1/29.55. Л. 8 – 9 об.
Автограф с выполненными чернилами поздними пометами и примечаниям. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Дата и место написания письма ошибочно проставлены Л.Г. Дейчем позже, вероятно, при подготовке письма к публикации. На ошибку указывает ссылка Дейча на статьи Плеханова, которые были завершены к концу 1893 года. И фраза о праздновании Нового года вместе ровно 10 лет тому назад – это мог быть только новый 1884 год, следующий он уже встречал в тюрьме в другой компании.

[2] Имеются в виду Л.Ф. Мирский и С.А. Лешерн фон Герцфельд, находившиеся в вольной команде на Каре.

[3] Речь идет о «хождении в народ».

[4] См. док. 127.

[5] *То есть происшедшем тогда в Ц[юрихе] междунар[одном] конгрессе.* – Прим Л.Г. Дейча в тексте по нижнему полю первого листа.

[6] *Петрушка* – лакей коллежского советника Павла Ивановича Чичикова, главного героя поэмы в прозе Н.В. Гоголя «Мертвые души».

[7] И так далее (*фр.*).

[8] Имеются в виду статьи Н.К. Михайловского, опубликованные в журнале «Отечественные записки» «Что такое прогресс: (Г. Спенсер. Собрание сочинений)» (1869. № 2, 9, 11); «Теория Дарвина и общественная наука» (1870. № 1, 3; 1871. № 1); «Заметки о дарвинизме» (1871. № 12); «Что такое счастье» (1872. № 3, 4); «Борьба за индивидуальность, социологические очерки» (1875. № 10; 1876. № 1, 3, 6); «Герои и толпа» (1882. № 1, 2, 5) и др.

[9] Две книги А.М. Скабичевского, издания 1891 и 1900 есть в личной библиотеке Г.В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Д 6211 и Д 6211-а), обе содержат его многочисленные читательские и текстовые пометы. В издании 1891 г. заключена в скобки и отмечена знаком «NB» та же цитата, что приведена в письме Л.Г. Дейча.

[10] Предназначенные для «Neue Zeit», они по объему не подходили для журнальной публикации и вышли в свет отдельной книгой в начале 1896 на немецком языке. Русский вариант работы под названием «Очерки по истории материализма» был издан в Харькове в 1922 г.

[11] В.В. Рехневская.

[12] А.М. Кулишова-Турати. Ее мужем был итальянский социалист Ф. Турати.

[13] В письме к Г.В. Плеханову от 4 марта 1895 г. К. Каутский пишет: «Лориа опасный парень – большинство итальянских социалистов клянется им» (ФЛН. М., 1973. Т. 2. С. 155). Мнение о работах Лориа высказал Ф. Энгельс в предисловии к 3-му тому «Капитала» К. Маркса. В письме П. Лафаргу то 22 ноября 1894 г. он пишет: «Лориа будет еще более доволен, когда прочитает мое предисловие. Там о нем сказано так, как он того заслуживает, и без малейших признаков почтения к "первому экономисту Италии"» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд 2-е. М., 1966. Т. 39. С. 269). Г.В. Плеханов планировал написать статью о Лориа, о чем свидетельствуют письма Ф. Энгельса Г.В. Плеханову от 26 февраля 1895 г. (Там же. С. 344) и Г.В. Плеханова К. Каутскому, датируемое началом 1895 г. (ФЛН. М., 1973. Т. 2. С. 154). План этот не был осуществлен, и в его работах встречаются только несколько резко критических замечаний о трудах этого экономиста.

[14] Имеется в виду статья В. Гольцева «Социология на экономической основе» (Русская мысль. 1893. № 11. С.143–155), представляющая рецензию на книгу: Loria A. Les bases economiques de la constitution sociale. 2-e ed. Paris, 1893. Эта статья, которую правительство рассматривало как пример пропаганды вредных социалистических учений, послужила причиной издания министром внутренних дел распоряжения от 26 ноября 1893 г. (Текст его опубликован на первой странице декабрьского номера журнала). В распоряжении в связи с помещением статьи Гольцева на страницах журнала было объявлено о втором предостережении издателю-редактору.

[15] П.А. Кропоткин.

1894

137
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1894, 23 января
Женева[1]

Милый Павел,

извести, получилась ли вовремя рекомендация для X[2] и книга для него же, и не придавай значения тому, что говорил человек, выпивший две-три рюмки коньяку на слабые, истерзанные печалью нервы[3]. Твое выражение: избранник истории заставляет меня смеяться[4]. Как убедиться в том, что такой-то человек был избран историей? Это возможно только по отношению к прошедшему, а по отношению к настоящему это немыслимо, и только хвастуны да плуты могут смотреть на себя сквозь столь лестные очки. А я, вероятно, просто неудачник, годный теперь только в помойную яму (à la voirie[5]). Я болен, не знаю чем, должно быть, отчаянием и, право, таков, как я теперь, я никуда не гожусь; следовательно, о чем же толковать? Выжатый лимон надо выбросить в помойную яму и забыть его поскорее, вот и все. Твоя вера в меня делает честь твоему идеализму (надо же кого-нибудь идеализировать, т.е. это надо хорошему человеку), но если она продолжится, она будет смешна: кто идеализирует выжатые лимоны! Теперь я болен, и вообще мое положение скверно, а что дальше – неизвестно.

Фишер[6] предложил мне написать брошюру против анархистов. Я ответил – хорошо, но теперь я болен, дайте выздороветь, если это окажется для меня возможным. Брошюра должна быть в четыре листа. Он спрашивал, сколько я хочу за нее. Я ответил, не знаю, – что пожалуете. И рад бы я писать, да уж очень я не гожусь никуда теперь. Привет всем твоим. Пиши, если это тебе не скучно, мне твои письма, наверное, доставят огромное удовольствие.

Твой Г.П.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А. 9.33. Л. 1–2. Автограф. При письме конверт со штемпелем отправления: «23.I. 94. Geneve». Адресовано: « Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 94–95. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[2] *Насколько удается установить, речь здесь идет о Серг. Ник. Прокоповиче, который около этого времени был в Швейцарии и познакомился с Г.В. Плехановым и П.Б. Аксельродом; уезжая затем в Россию, Прокопович взял от Плеханова рекомендательное письмо.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] *Данное письмо написано вскоре (через 2–2½ недели) после смерти от менингита четырехлетней дочери Р.М. и Г.В. Плехановых, потерю которой родители переживали очень тяжело; П.Б. Аксельрод, приезжавший в те дни в Женеву, помнит тяжелое, подавленное настроение Плеханова; в эти дни Плеханов и Аксельрод особенно близко сошлись лично и перешли на «ты».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *В связи с этим местом письма П.Б. Аксельрод сообщает нам: «Избранником истории» я считал Плеханова гораздо раньше, но под впечатлением его состояния после болезни и смерти его*

и Р.М. любимого ребенка и беседы его со мной после похорон, я, по возвращении в Цюрих, написал ему письмо, в котором высказал ему свое мнение о нем, как об «избраннике истории». – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] На свалку (*фр.*).

[6] *В своем ответе Фишеру Плеханов писал: «Я очень польщен сделанным Вами мне предложением, – писать брошюру против анархистов, тем более, что их теперешняя деятельность приносит много зла рабочему Интернационалу. Я согласен и с предлагаемым Вами планом. К сожалению, я не могу указать точно срок, необходимый мне для работы над брошюрой. У меня несчастье: вот уже более 15 дней, как я потерял мою дочь, и я себя чувствую морально разбитым, я неспособен работать. Я понимаю, что моральное страдание для нас, пролетариев, это роскошь, – роскошь, на какую мы не имеем никакого права, но я болен и не могу wegresonnieren, как говорите Вы, немцы. Я думаю, однако, что через несколько дней моя воля возьмет верх и я снова сделаюсь работником» (цитируем по оригиналу, хранящемуся в архиве германской с.-д. партии).* – Прим. Б.И. Николаевского

Брошюра, о которой речь идет ниже, была написана и опубликована: Plekhanoff G. Anarchismus und Sozialismus. Berlin: Vorwärts, 1894. До выхода отдельным изданием она печаталась в виде отдельных статей в берлинской газете «Der Sozial-Demokrat» (№ 20–25, июнь – июль 1894 г.). Об этой работе идет речь в письме К. Каутского к Г.В. Плеханову от 10 марта 1894 г. – См.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 150.

138
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1894, 16 февраля
Нью-Йорк
Адрес: D-r Ingerman,
16, Gefferson str.,
New York,
N.Y. America

Дорогой Павел Борисович!

Наконец-то я собрался написать Вам. Не писал же я до сих пор по многим причинам, а главным образом потому, что настроения до сих пор подходящего не было и обленился страшно к тому. Теперь же я хочу Вам писать и должен писать. Вчера было собрание нашего общества (Рус[ского] соц[иал]-дем[ократического] общ[ества])[1], и там было прочитано Ваше письмо[2]. Ужасное, тяжелое, убийственно тяжелое впечатление оно произвело на меня. Нескольких слов Ваших о «нов[ом] социал-демократическом Союзе» было вполне достаточно, чтобы я понял всю прелесть ваших отношений и всю глубину того безобразия, к[о]т[о]рое естественно вытекает из такого рода отношений[3]. Стыд и позор для нашей молодежи из соц[иал]-демократов, которые на первых же порах своего существования проявили такое глубокое непонимание своих задач и установили такие странные отношения к людям, к[о]т[о]рые должны были бы занять первое, самое почетное место в их рядах. Очевидно, Слепцовых немало у нас, и если самой Слепцовой теперь нет, то ее отвратительный дух, дух слепцовства, несомненно, еще господствует над некоторыми умами наших соц[иал]-дем[ократов]. Стыд и позор! В оправдание нашей молодежи я могу сказать лишь одно. Люди, вносящие раздор в нашу среду, не выросли на здоровой почве нашего учения, а продукт разложения старых партий. Но если разлагающийся труп и представляет собой удобную почву для всяческих паразитов, то молодой, здоровый соц[иал]-демократический организм, в котором сердце сильно бьется и

здоровая кровь циркулирует, не терпит в себе таких элементов и скоро, и легко их выбрасывает. Но тем не менее мне страшно больно за Вас, дорогой Пав[ел] Бор[исович], и за наших товарищей, больно, потому что я себе легко могу представить Ваше положение ввиду тех дрязг, к[о]т[о]рые окружают Вас. К сожалению, Вы с полным правом можете сказать: избави нас бог от друзей, а с врагами мы сами справимся. Впрочем, не все друзья Ваши походят на членов «Союза», есть и иные друзья, настоящие, искренние, на которых Вы можете полагаться, как на самих себя. Наше общество относится с величайшим уважением к Вам и, кроме Вас, никого не знает и знать не хочет. Есть, понятно, и у нас «кикера»[4], но их выслушивали или, лучше сказать, терпели лишь до тех пор, пока ничего не слыхать было о Вас; до тех пор, пока секретарь наш стереотипно докладывал: «Написал, но ответа нет». Но первое письмо Ваше (вчерашнее), в к[о]т[о]ром Вы обращаетесь к нам к[а]к к товарищам своим, показало ясно настроение нашей публики. По поводу письма были приняты следующие резолюции: 1) предоставить Вам право распорядиться деньгами по своему усмотрению. 2) «Союза» не знать, знать лишь группу «Осв[обождение] труда» и представителей ее (и наших) Пл[еханова], Акс[ельрода] и В[еру] Ив[ановну]. 3) Выразить соболезнование Пл[еханову] по поводу несчастья, постигшего его[5], и в пределах нашего Общ[ества] собрать средства для оказания ему, Пл[еханову], матер[иальной] помощи. Пока одолжить для этой цели 50 дол[ларов] (250 fr[anc]) и ждать письма от Акс[ельрода]. Если потребуется больше денег, устроить целый ряд лекций, спектаклей и т.д. Словом, публика настолько увлеклась, что все наперерыв вносили предложения, резолюции и т.д.

Месяц тому назад я писал Геор[гию] В[алентиновичу] по поводу газеты[6], он, конечно, Вам писал об этом; между прочим, я его просил написать в наше Общ[ество] несколько теплых слов. Вы его предупредили, и большое Вам спасибо за это – Вы нам облегчили здесь работу. Прошу Вас только об одном: пусть Ваше первое письмо не будет последним. Пишите чаще в этом духе. Пишите теплее и подробнее (в пределах конспирации, конечно), и Вам нечего будет опасаться «Союза».

Надеюсь, что и наша (личная) переписка на этом письме не прекратится.

Привет от жены. Кланяйтесь Вашей супруге, Кальмансонам и хорошим нашим товарищам. В следующем письме подробнее.

Ваш Ингерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 4. Ед. хр. 315. В. 186.4. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Опубл.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 196–197. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] «Русское социал-демократическое общество» возникло в августе 1891 г. в результате раскола социалистической группы «Саморазвитие», существовавшей в Нью-Йорке с 1888 г. Целью общества, одним из основателей и лидеров которого был С.М. Ингерман, являлось развитие социал-демократического движения среди русских и еврейских эмигрантов в США. Через Ингермана общество оказывало материальную поддержку группе «Освобождение труда» и в столкновениях с «экономистами» выступало на стороне группы. См. док. 94.

[2] Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.

[3] Имеется в виду «Союз русских социал-демократов за границей», переговоры об основании его проходили на протяжении 1893–1894 гг. Внутри «Союза» между группой «Освобождение труда» и группой русских социал-демократов во главе с Б.Н. Кричевским уже тогда начались

разногласия. Об этом см.: письмо Г.В. Плеханова Ф. Энгельсу от 16 мая 1894 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 680–685).

[4] От лат. cicera, т.е. цицероны; здесъ – болтуны с амбицией, большим мнением о себе.

[5] 3 января 1894 г. умерла младшая дочь Плехановых Маша.

[6] Это письмо отсутствует в архиве Плеханова.

После высылки Плеханова из Франции, он оставался с семьей Швейцарии, не имея официального разрешения на проживание. Постоянная угроза высылки (см. след. письмо) заставляла Плехановых рассматривать варианты стран, куда семья могла бы переехать. Среди них была и Америка, куда Плеханова настойчиво звал Ингерман, предлагая издавать в Нью-Йорке русскую социал-демократическую газету, преподавательскую работу в университете, который специально для этих целей он готов был открыть. Дополнительные средства могло бы принести сотрудничество Плеханова с издававшимися в Нью-йорке газетами.

В фонде Плеханова сохранилось письмо С.М. Ингермана Г.В. Плеханову от 8 апреля 1894 г. (Литературное наследство Г.В. Плеханова. М., 1937. Сб. 4. С. 278–280), являющееся ответом на письмо Плеханова, написанное, судя по содержанию, в феврале-марте того же года.

139
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1894, февраль
Морнэ[2]

Мне, кажется, нельзя будет здесь остаться, а куда попаду, еще не знаю. Кажется, ч[то] некуда попасть, кроме Англии[3]. Проклятые ученики разных географов[4] такие штуки вытворяют, ч[то] скоро нигде на свете жить нельзя будет. И ведь герои при этом! Как обезьяна – совсем бы человек, только смысла ей недостает. Так и они: совсем герои, только без смысла. Впрочем, не только без смысла, а в противность всякому смыслу. Приносят огромную пользу тем, кому желают вредить (впрочем, и действуют-то они в большинстве случаев при помощи и по подстрекательству агентов тех, кому желают вредить), и страшный вред тому, чему не должны бы желать вредить – движению. Это его худшие враги. Чуть что случится в Париже, мелкие власти бросаются на иностранцев, а так как во всей Верхней Савойе, кроме нас с Жоржем, никого нет, то на нас. Такие мне пришлось сцены пережить, каких и в России никогда не случалось[5]. У нас делают, что прикажут, но от себя не прибавляют ни грубости, ни ненавистничества, а здесь именно это от себя. Ты это и сам испытал во Фрейбурге. Затруднительное предвижу я положение в Лондоне, если придется туда попасть. Я очень люблю Сергея и, вместе, очень дорожу хорошими отношениями с такими хорошими немцами, как Энгельс и его друзья, а меж[ду] тем компания Сергея в ссоре с немцами[6]. Вначале С[ергей] был с ними, в особенности с Элеонорой Маркс-Эвелинг (она премилая баба, я с ней в Цюрихе познакомилась, совсем простая и умная, деловая), в огромной дружбе. Их (т.е. Сергея и его К°) предприятием Энгельс очень увлекался и даже нас туда тащить старался: он думал, что они приобретут большое влияние на обществен[ное] мнение. Но понемногу выяснилось, ч[то] никакого влияния они не имеют и иметь не будут, что все застыло на нескольких десятках сантиментальных старушек, нескольких тоже десятках попов и двух-трех заблудших эксцентричных членов палаты. Эта почтенная, но не имеющая значения компания дает деньги на очень вялую и составленную по английским же газетам газетку[7]. Компания эта желает нам всего того, что (уже) есть в Англии, но для нее очень шокинг[8] желать чего-нибудь, чего там нет. А меж[ду] тем и среди англичан есть оч[ень] много народа, желающего многого того, чего там

нет[9], и именно с этим народом в дружбе Энгельс, Элеонора и др. А наши[10] подлаживаются к своим английским попам и до такой степени, что, когда раз на их собрание пришел и хотел заговорить, выразить сочувствие один очень видный английский рабочий, желающий лишнего, попы и старушки лишили его слова, не зная, что он скажет, просто за его известные взгляды, а наши промолчали. Компания Сергея говорит, что их с немцами поссорил Мендельсон. Я об этом спросила Элеонору. Она отвечала: «Как он мог бы нас поссорить, когда мы с Сергеем были во 100 раз ближе, чем с Менд[ельсоном]; но с тех пор, как он, Серг[ей], сжился с благочестивыми и умеренными англичанами, мне нельзя бывать у него, т[ак] к[ак] он боится англичан. Если меня заставал у него кто-ниб[удь] из его англичан, он так конфузился, так терялся, что бывало слишком обидно и за себя, и за него как «представителя русских». Если бы меня поставили в необходимость выбрать между теми и другими, я выбрала бы немцев. Ради пустейшей газетки не стоит и просто унизительно ставить себя в такое фальшивое положение, в какое поставили себя С[ергей] и К°.

У Жоржа умерла третья маленькая дочка (4 л[ет].); он очень тоскует по ней и с тех пор все хворает[11].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 772. АД. 1/24.30. Л. 6. Копия рукой Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 246–248. Публикуется по копии Л.Г. Дейча.

Примечания

[1] Текст публикуемого письма В.И. Засулич, во фрагментах, приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от 16 (28) мая 1894 г.

[2] Датируется по содержанию.

[3] Речь идет о весьма сложной ситуации, в которой оказались В.И. Засулич и Г.В. Плеханов как русские политические эмигранты. Цепь драматических событий началась еще в марте 1889 г., когда они вместе с рядом других русских эмигрантов были высланы из Швейцарии. Они поселились во Франции в Морнэ и лишь изредка, всякий раз по специальному разрешению властей на несколько дней приезжали в Женеву. После серии террористических актов во Франции в 1892–1893 гг. (См. прим. 4), а также политического сближения Франции и России, следствием которого в том числе стала более активная деятельность русской охранки на французской территории, возникла реальная угроза изгнания Плеханова и Засулич и из Франции. После убийства президента Французской республики Карно в июне 1894 г. угроза стала реальностью. В середине августа Засулич переехала в Лондон. В самом начале сентября там же оказался Плеханов.

[4] *«Учениками разных географов», т.е. Э. Реклю и П. Кропоткина, Засулич называла анархистов, которые в то время своими нелепыми покушениями вызвали в Западной Европе преследования против марксистов, в особенности против Засулич и Плеханова, которым французское правительство запретило жить в Морнэ.* – Прим. Л.Г. Дейча.

В 1892–1893 гг. французские анархисты совершили несколько террористических актов. Э. Анри устроил взрывы на улице Бонзанфан и в кафе Термикус в Париже, унесшие жизнь семи человек, а О. Вайян взорвал бомбу во французской Палате депутатов. 12 июня 1894 г. швейцарский анархист С. Казерио ударом кинжала убил в Лионе президента Французской республики М.Ф. Карно.

[5] По-видимому, В.И. Засулич имеет в виду вторжение жандармов и обыск, проведенный у нее на квартире в ночь с 30 на 31 января 1894 г. Обстоятельства этого события изложены Плехановым в письме к комиссару Аннемаса г-ну Леалю. – См.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 4. С. 271–272.

[6] *Сергей – Кравчинский-Степняк тогда жил в Лондоне. Его «компанию» составляли старые друзья его: Н. Чайковский, Ф. Волховский, Е. Лазарев, Л. Гольденберг, образовавшие группу, известную под названием «Фонд Вольной русской прессы». Группа эта преследовала чисто конституционные, либеральные цели и с ненавистью относилась к марксистам. Степняк в этом*

отношении являлся исключением. «Фондисты», главным образом при содействии очень популярного как писателя, Степняка, основали в Англии среди туземцев «Общ-во друзей русской свободы» («Free Russian Society»), стремившееся всячески содействовать борцам за свободу в России,. Кое-что это либеральное общество и сделало. – Прим. Л.Г. Дейча.

[7] Вероятно, имеется в виду небольшой журнал «Free Russia» («Свободная Россия»), издававшийся в Лондоне с 1891 г. С.М. Степняком–Кравчинским. В журнале печатались сообщения о преследованиях революционеров в России. К этому изданию сочувственно относился Ф. Энгельс.

[8] От Shocking (*англ.*) – возмутительный, ужасный, потрясающий.

[9] *Конечно, она имела в виду английских марксистов, социал-демократов.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[10] *Под «нашими» Засулич разумела «фондистов».* – Прим. Л.Г. Дейча.

«Фондисты» – члены «Фонда Вольной русской прессы», организации русских политических эмигрантов в Лондоне.

[11] Младшая дочь Плехановых Машенька умерла 3 января 1894 г.

140
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1894, 2 марта
Женева[1]

Милейший Павел,

от тебя, по обыкновению, ни слуху, ни духу. В этом отношении я, тоже по обыкновению, исправнее тебя, ибо, как видишь, сажусь тебе писать, а о чем, тому следуют пункты.

1) Насчет наших изданий. Ты, конечно, читал Nachwort[2] Энгельса к его «Soziales aus Russland»[3]. В[ера] И[вановна] переводит и «Soziales aus Russland» и Nachwort. Мы думаем, что это непременно надо издать по-русски с подходящим предисловием. Но вот мне сообщают, что Грозовский и компания также издают эту брошюру, и также с предисловием[4]. Мое мнение таково, что tant pis[5], что брошюру мы все-таки должны издать, потому что просто нерасчетливо было бы нам предоставлять им привлекать к себе читателей интересной новинкой. В предисловии я думал ответить Михайловскому, но... Если ты читал его статью в январской книжке «Русского богатства»[6], то ты видел, что она заслуживает очень длинного опровержения. Гинсбург (лозаннский) предоставляет в наше распоряжение 280 fr. (вместе с суммами, имеющимися в Берне). Этого все-таки недостаточно. Обратиться к проклятым дорогим товарищам, т.е. к Союзу?[7] Очень мне не хотелось бы этого, кажется, – ничего не поделаешь: ведь Михайловский столько наврал в своей статье, что для его опровержения надо по крайней мере 4 листа. Есть ли у Союза деньги на это, предполагая, что автору дана будет хоть малая мзда? Как ты думаешь? По сему пункту жду немедленного ответа.

Я был болен всю первую половину февраля, а во вторую засел за брошюру против анархистов. Меня Фишер просил кончить брошюру к 1 марта[8], но она еще не готова. Прошу тебя, ради всего святого, найди ты мне в Цюрихе побольше брошюр и вообще изданий независимых[9], мне обещали здесь, но не дают, а в Берлин писать долго, мне теперь каждая минута дорога.

В[еру] И[вановну] теперь не беспокоят. Я живу в Женеве без позволения и потому сижу, как в тюрьме, не выходя из дому. В Морнэ мне показываться опасно, того и гляди вышлют[10].

С жаром работаю над брошюрой, ибо очень уж туго приходится в смысле «экономического фактора», просто хоть в петлю лезь. Завтра мне надо заплатить

25 fr. одному болгарину (Маркову, 18, Petits Philosophes), который занял мне из общественных денег. Ради бога займи ты мне эту сумму до получения от Фишера в половине этого месяца. Поговори хоть с Петровым, если у тебя нет. Чтобы не опоздать, лучше выслать телеграммой, прямо ему, по данному адресу.

За брошюру я получу несколько сотен франков, но, кажется, я не доживу до этого времени, просто с ума сводят разные заботы.

Что Кальмансон? Как бы я хотел послушать его острот, здесь все какой-то унылый и редко смеющийся народ. Вообще справедливо замечено, что смех, le rire s'en va[11], т.е. le bon rire spirituel[12].

А буде ни ты, ни Петров не имеете 25 сребренников, то телеграфируй мне, я тогда пойду искать, хотя и без разрешения полиции на жительство. Да пиши, неужели тебе лень? Побольше пиши, я с великим нетерпением жду от тебя большого письма. Кланяюсь всем твоим, а также Милюкову, Лаппо-Данилевскому и прочим нашим[13]. Как они? Умные ребята?

Твой Г. Плех[анов]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А. 9.34. Л. 1–2. Автограф. При письме конверт со штемпелем отправления: «2.III. 94. Geneve». Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 95–99. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по почтовому штемпелю отправления.

2 Послесловие (*нем.*).

3 Речь идет о серии статей Ф. Энгельса «Из социальной жизни России», написанных в 1875 г. и посвященных полемике с П.Н. Ткачевым. В начале 1894 г. в несколько переработанном виде и с добавлением вновь написанного Энгельсом послесловия они вошли в сборник его статей. В том же году в переводе на русский язык они были изданы группой «Освобождение труда» под названием «Ф. Энгельс о России».

4 *Изданное в феврале 1894 г. объявление «Об издании «Социал-демократической библиотеки» (группа Иогихеса–Грозовского и Кричевского) в ряду других, предположенных к выпуску брошюр, ставило и брошюру Энгельса о России (в объявлении название этой брошюры вклеено на особой ленте бумаги – следовательно, решение о включении ее в список было принято в самый последний момент, уже после печати всего объявления). Из писем Г.В. Плеханова к Энгельсу видно, что Грозовский обращался к Энгельсу за разрешением издать перевод этой брошюры. В связи с этим Плеханов принужден был подробно объяснить Энгельсу причины и характер борьбы среди русских с.-д.* – Прим. Б.И. Николаевского.

5 Тем хуже (*фр.*).

6 *Очередная статья Н.К. Михайловского («Литература и жизнь») в № 1 «Русского богатства» за 1894 год была посвящена полемике с марксистами, – главным образом с представителями действовавших в России марксистских групп, отрывки из писем которых (Федосеева, Череванина) Михайловский цитировал. В предисловии к брошюре Энгельса о России Г.В. Плеханов этой статьи Михайловского не коснулся, – позднее он решил дать ответ на эту статью в специальной брошюре; на издание последней («для издания брошюры Плеханова в ответ на статьи Михайловского о русских марксистах») производились в эмиграции особые сборы (отчет о них напечатан в сборнике «Работник», в. I–II, стр. 111), но позднее план был изменен и по совету А.Н. Потресова брошюра против Михайловского была развита в известную книгу Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (см. заметку Потресова и предисловие к VIII т. собрания «Сочинений» Г.В. Плеханова), выпущенную легально в Петербурге.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[7] *«Союз русских с.-д.» в этот период, накануне открытого самостоятельного выступления группы Грозовского–Кричевского, переживал очередную полосу острых внутренних трений.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] Историю брошюры «Анархизм и социализм» см. в док. 137.

[9] *Группа берлинских «независимых», выросшая из с.-д. оппозиции 1890–91 гг., в последующие годы превратилась в определенную анархо-синдикалистскую группу, в органе которой («Der Sozialist», 1891–95) печатались статьи Кропоткина и др. анархистов; близко к ним стоял и журнал «Lichtstrahlen», 1890–94 гг.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *Опасения Г.В. Плеханова относительно возможности высылки его из Франции, как сообщает нам Р.М. Плеханова, были вызваны той кампанией, которую после Цюрихского конгресса 1893 г. вели против него некоторые влиятельнейшие органы французской печати во главе с «Temps». Вызвана эта кампания была выступлением Плеханова на упомянутом конгрессе против франко-русского союза; заявление Плеханова, сделанное им в заключительном слове о том, что французское правительство изменило заветам великой революции 1789 г., униженно (Плеханов, как передают присутствовавшие, выразился резче – à plat ventre) заискивая перед русским деспотом, вызвало протесты даже на конгрессе у части французской делегации (Аллеман и др.). В буржуазной же французской печати на Плеханова посыпались обвинения в оскорблении Франции и прямые требования его высылки. На Плеханова начались гонения; прежде всего, от него потребовали паспорт, а так как у него, как у эмигранта, такового не оказалось, то он был предан суду в Annemass'е. Как вспоминает Р.М. Плеханова, во время суда Плеханов произнес речь, которая вызвала большой интерес в публике, и один из присутствовавших местных крестьян, приняв его за адвоката, попросил Плеханова взять на себя защиту его дела. Плеханов был приговорен к 1 франку штрафа. Но полиция не успокоилась. Аннемасский комиссар несколько раз призывал Плеханова для объяснений; раз даже спросил его: не думает ли он, что русские революционеры предпримут что-либо против адмирала Авелана, прибывшего тогда (в конце 1893 г.) с русской эскадрой в Тулон. На это Плеханов ответил, что он этого не думает, так как почти все офицеры эскадры сочувствуют революционерам. Комиссар очень сконфузился и, оправдываясь, сказал: «Ну, что же нам делать, нужно же нам иметь союзников». Вскоре положение еще ухудшилось, так как в дело вмешался Департамент русской полиции. Эта кампания закончилась осенью 1894 г. высылкою из Франции Плеханова, В.И. Засулич и др.*

Так как из Швейцарии Плеханов был выслан еще в 1889 г. (после этого он мог приезжать к семье или по особым краткосрочным разрешениям, или тайком, скрывая приезды от полиции), то он принужден был под чужим паспортом выехать в Лондон, где и прожил до конца 1894 г., когда швейцарский Bundesrat отменил указ об его высылке и он смог вернуться в Женеву. – Прим. Б.И. Николаевского.

[11] Смех исчезает (*фр.*).

[12] Хороший, остроумный смех (*фр.*).

[13] *Под влиянием неудачи попытки с созданием единого революционного фронта на почве борьбы с голодом 1891–92 гг., П. Б. Аксельрод в период, к которому относится настоящее письмо, работал над оформлением той социологической концепции, которая несколько позднее легла в основу его тактического плана, развитого в брошюрах «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», «К вопросу о современных задачах и тактике русских с.-д.» и др.*

Впервые эти взгляды Аксельрод, как он вспоминает, развивал в беседах с Г.В. Плехановым во время Цюрихского международного социалистического конгресса 1893 г. Вскоре после этого в руки Аксельрода попали литографированные курсы лекций П.Н. Милюкова, привезенные в Цюрих кем-то из студенческой молодежи; Аксельроду казалось, что в работах других тогда молодых историков (Лаппо-Данилевского и др.) он нашел подтверждение своих взглядов на взаимоотношение «государства» и «общества» в русской истории. Очевидно, этими своими соображениями он поделился с Плехановым в одном из недошедших до нас писем, что и дало Плеханову повод говорить о Милюкове, Лаппо-Данилевском и др. как о «наших».– Прим. Б.И. Николаевского.

141
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1894, 22 марта
Рейньер вблизи Морнэ[1]

Дорогой Жорж,

хозяйка, по своему безграмотству, просит меня предупредить Вас, что на будущей неделе неукоснительно сделает на Вас нашествие. Думаю, на этот раз будет упряма и проживет у Вас хоть до мая, пока не достанете. Меня она тоже ежедневно спрашивает, не получила ли я денег. Я ей сказала, что жду, так к[а]к сестра действительно писала мне, что постарается прислать хоть рублей 20.

Павел уж недели две тому назад писал мне, что «на днях» пришлет (я его об этом просила) мне «Русск[ое] бог[атство]», где статья Михайловского[2].

Боюсь, что для экономии он послал книгу на Женеву и она валяется у Вас. Если это так, то, ради всего святого, черкните мне только одно слово: «да». Я за ней тогда нарочно приду.

Ваша Вера

Как у вас с отсрочками?[3]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч.1. Ед. хр. 437. В487.27. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 280. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю, вероятно, утерянного конверта. О том, что существовал конверт, свидетельствует надпись, сделанная Л.Г. Дейчем по верхнему полю первого листа: «*На конверте: Reigni, Mars 1894 г.*»

[2] См. прим. 6 к док. 134. Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[3] *В.И. имела в виду временное разрешение Г. В-чу со стороны правительства оставаться в Швейцарии.* – Прим. Л.Г. Дейча.
См. прим. 3 к док. 140.

142
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1894, март[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Вместо того, чтобы тотчас отвечать тебе[2], я решил предварительно раздобыть анархическую литературу. И вышло, что литературы этой не добыл и ответом запоздал. В «Volksb[ibliothek]»[3] нет, а потому пришлось обратиться ко всяким посредникам, которые обещались, разумеется. А вот до сих пор ничего от них не получил. Но ведь все, что у здешних анархистов есть, имеется и в Женеве – у Зауерборна. А специально о буржуазно-анархических Individualitäten[4] ницшеанского[5] пошиба только Vorstand[6] и мог бы тебе прислать (см. «N[eue] Z[eit]» № 22 передовицу)[7]. А хорошо бы тебе en passant[8] и неоанархистов – карикатурных бунтарей-террористов и декадентов пробрать. Большое бы тебе спасибо сказали немцы[9].

Что касается до денег на изд[ание] Энгельса[10], то, мне кажется, что можно и к «Союзу» обратиться. И вот почему: здешняя оппозиция выступила[11], а если так, то ничего не стоит нашим реорганизовать его и превратить в нечто более приличное. А пока что можно брать деньги у него и в теперешнем его виде. Но он нужного количества денег не даст, а потому придется ему удовлетвориться честью фигурировать со взносом в пользу такую-то сумму. Я надеюсь, впрочем, несколько сот фр[анков] получить от американцев. Вот что должно стоить издание брошюры.

Листов 7 набора и печати по 70 фр. .... 490 фр.
Вере за перевод по 30 фр. (!) около .... 100 фр.
тебе за 4 листа предисловия по 100 фр. ...... 400 фр.
Всего .... 900 фр.

С меньшей суммой нельзя печатать – пора приучить публику, что тебе и В[ере] нужно, как и прочим людям, кормиться.

Еще раз теперь прочитал твое письмо и вижу, как скверно откладывать ответ хотя бы из основательных мотивов. И как это угораздило тебя не обратиться уже 2 недели тому назад к Vorstand'у за материалом. Завтра еще побегаю. Беда с безденежьем и безысходной нуждою. Все жду денег от Николаева[12], у которого выторговал по 150 фр[анков] ред[акторского] жалованья тебе за каждую книгу. В пятницу или субботу вышлю тебе хоть 50 фр. в счет гонорара за проектируемое предисловие к переводу Энгельса. Но прежде ожидаю от тебя карту о получении Марковым от меня (25 фр.) и о ходе твоей работы.

Розалии Марковне низенько кланяюсь и благодарю[13]. Некоторое улучшение заметно: чаще, чем прежде, имею хорошие дни. Но должен спешить: у меня накопилась масса писем, к тому ежедневно урок франц[узского] языка с сыном[14], хождение к врачу, работа в заведении (три часа в день), а на свою настоящую работу остается немного времени.

А ты напрасно так расхвалил себя за свою корреспондентскую аккуратность или усердие. А что тебе писал Ингерм[ан] нед[ель] 5 тому назад[15]? Мне писали, что, конечно, «Плеханов Вам сообщил».

Однако довольно. Крепко жму твою руку.

Твой П. Акс[ельрод]

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 99–101. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] Ответ на док. 140.
[3] Народная библиотека (*нем.*).
[4] Личностях (*нем.*).
[5] От имени философа Ф.В. Ницше. Противоречивая и не подчиняющаяся какому-либо единству системы философия Ницше оказала влияние на различные направления общественной мысли XX в. Философы-марксисты, начиная с Ф. Меринга и Г.В. Плеханова, выступали с резкой и последовательной критикой идей ницшеанства.
[6] Правление (*нем.*) – высший руководящий орган СДПГ.
[7] *В № 22 «Die Neue Zeit» от 21.II.1894 г. помещена передовая статья «Bourgeois-Anarchistisches», содержащая разбор взглядов небольшой группы индивидуалистов-анархистов, объединявшихся вокруг журнала «Die Freie Bühne», который выходил в то время под редакцией Отто Бирбаума.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] Попутно (*фр.*).
[9] Г.В. Плеханов в своей книге их взглядов не коснулся.
[10] См. прим. 3 к док. 134.
[11] *Грозовский в то время жил в Цюрихе; в феврале – марте 1894 г. оппозиционные элементы, которых инспирировал Грозовский (он сам в союз не входил), формально вышли из союза.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[12] *Николаев – по всей вероятности, С.Н. Прокопович, который в марте 1894 г. вернулся из России за границу и, прожив недели 2–3 в Женеве, перебрался в Божи, под Клараном. Прокопович в это время оказывал поддержку группе «Освобождение труда» и был в хороших отношениях с ее членами.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[13] *За данный ею медицинский совет.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[14] А.П. Аксельрод.
[15] Письмо С.М. Ингермана не обнаружено.

143
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1894, март[1]
Цюрих

Дорогая Вера!

Те 20 фр. я послал Вам не на дорогу, а на поддержание если не тела, то хоть духа в теле. Но получили ли Вы их?

Прилагаю милое письмо Ингермана[2]. Американцам я ответил (официально, кроме послания интимного Ингерману[3]), что хотя и «подарок» дорог, но еще дороже скрывающаяся под их предложением послать Ж[оржу] деньги «любовь». Но вместе с тем я им сообщил о проекте издания Энгельса с предисловием Ж[оржа][4], причем они под видом гонорара могли бы ему оказать такую же материальную поддержку.

Я им составил такую смету:

1) 4 листа предисловия по 100 фр. гонор[ара] – 400 фр.,
2) листа 3 перевода по 30 (!) – 100 [фр.]
3) и набора печати и брошюровки приблизительно (по 80 фр.) – 560 фр.
1.060 [фр.].

280 фр. имеются, 180 фр. можно бы из присланных ими присоединить, – остальную сумму, может, они вышлют.

Хочу я Вам прислать 30 фр. – но как, на какой адрес? Беда, да и только!

А я, ввиду распоряжения америк[анцев], хотел пока что Ж[оржу] послать 50 фр. и уж написал ему об этом, а потом уже получил Ваше письмо[5]. Но все-таки пошлю, а то как бы не захворал от всяких невзгод. Впредь до ответа от американцев я ему ничего не буду писать об их резолюции и письме Ингермана.

Не говорил Вам Ж[орж] о письме Ингерм[ана] к нему с месяц тому назад?[6] Мне он ничего не писал, а Ингерм[ан] спрашивает.

«Р[усское] б[огатство]» пошлю Вам, как только получится след[ующая] книжка[7]. Тогда обещали мне дать.

А от Николаева[8] ничего еще нет, а пора бы.

Устал от утренних писем.

Ваш П. Акс[ельрод]

IISH. Paul Akselrod Archive – 63 f. Автограф. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 1. Folder 40. Машинопис-

ная копия. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 251–252. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по док. 142, на содержание которого ссылается автор.
[2] Возможно, док. 138.
[3] Письма П.Б. Аксельрода не разысканы.
[4] Речь идет о брошюре «Ф. Энгельс о России», изданной группой «Освобождение труда» в 1894 г. См. док. 134.
[5] Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
[6] Письмо С.М. Ингермана не разыскано.
[7] Очевидно, имеются в виду № 1 и 2 «Русского богатства» за 1894 г. В них были напечатаны обозрения «Литература и жизнь» Н.К. Михайловского, посвященные полемике с марксистами. См. прим. 8 к док. 134.
[8] См. прим. 7 к док. 142.

144
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1894, март[2]
Морнэ

Событий-то, собственно, и у нас немного за эти 10 лет[3]. Но сама я, как припомню себя тогдашнею (т.е. когда мы с нею виделись в последний раз в марте 1884 г.)[4], – совсем другая стала. Мне-то кажется – умнее, но в то же время, судя объективно, я знаю, что это один оптический обман. Ни в чем мой ум не проявляется, никому его, кроме меня самой, не заметно. Я просто состарилась, а всякому старику субъективно представляется, что он поумнел и стал лучше. Страсти, желанья, мечты и страхи – все пропало, ничего нету, и все это кажется глупым. В [18]74 г. интеллигенция наша, конечно, была лучше (это в ответ на мои рассуждения по поводу 20-летия нашего движения и параллелей между тогдашней и современ[ной] интеллиг[енцией])[5], и ей самой жилось полнее, чем теперешней. Теперешний, хотя бы и 20-летний юноша сравнительно тоже как будто состарился, меньше у него склонности к иллюзиям; не скажу, что он умнее, но больше знает, больше, пожалуй, учится, но такого «праздника жизни», как у того поколения, у современной [молодежи] нету. Это я, впрочем, не про здешних говорю, а про россиян, к[о]т[о]рые на время приезжают, там живут и действуют. Те умные, почти все, кого случалось видеть, те и много, и толково знают. Здесь же учатся почти исключительно из мужчин одни евреи. У них уровень развития ужасно низок, хотя, по большей части, и очень способные люди, но они совсем не знакомы с русской – да и ни с какой другой – литературой. Что выучили в гимназии, это и есть. Такой часто очень быстро усвоит по нескольким книжкам целое миросозерцание. Но это выходит так узко, так прямолинейно, и... очень с ними скучно, хотя они говорят обыкновенно несомненные истины. Михайловский с В.В. последнее время заняты исключительно искоренением левогегелианства. Ты, вероятно, читаешь «Р[усское] б[огатство]» (к сожалению, мы его не получаем)[6]. Ты издали, боюсь, пожалуй, поверишь их печатным клеветам о насаждении капитализма и стремлении обезземелить крестьян. Может, и я бы усомнилась, не зная: всякие у россиян возможны глупости. Но тех людей, с которыми они сперва словесно две зимы сражались, а теперь против них пишут, я

лично знаю и знаю, что это умные и честные люди, посвящающие все свои помыслы и силы совершенно противоположному. Прекрасный аргумент о насаждении капитализма еще Тигрич выдумал; он потом пояснял, что просто хотел «довести до абсурда» мнение противников. А теперь литературные наши вожди[7] взяли у него этот аргумент на прокат. В.В. против «левогегелианцев»[8] выпустил «Наши направления»[9]. А Михай[ловск]ий статью за статьей ваяет против них. Оба слезно жалуются, что это направление страшно распространяется. Про В.В. жаловались, что он и в спорах на собраниях беспрерывно только на том и выезжает, что приписывает противнику мнения, каких тот и не высказывал и не имеет.

С переводом Мих[айловско]го на европейские языки случилась такая оказия. Отправил он с этой целью в Берлин одного юношу, очень способного, хорошо знающего языки и находившегося под его личным влиянием. Тот раньше ничего нашего левогегелианского не читал, хотя и слыхал, но под влиянием учителя на веру относился враждебно. Но вот в Берлине он прочел эти издания, познакомился с немцами и через 3 месяца явился к нам нашим горячим, воинственным сторонником и ярым противником Михайл[овско]го, что и изложил ему в письме. Так по нашей невольной вине и лишилась Европа его «вклада», а он – «европейской известности». Но можно надеяться, что только на время; не всякий же, кого он пошлет, будет, не успевши устроить дела, приходить к убеждению, что Мих[айловск]ий пишет «ерунду», как решил наш новый приятель.

Статьи Жоржа оказались для «Neue Zeit» слишком велики и серьезны, почему теперь печатаются отдельной книгой Дицем (в Штутгарте)[10]. Витольда Викентьевна прислала мне летом твое большое письмо к Лилке[11] (воспоминания о Марусе[12]). Оно очень было мне интересно. Она прибавила к нему извинительную записку, что не прислала его раньше; думала, мол, быть в Швейцарии, да отложила. Я ответила на ее записку письмом, в котором просила рассказать мне хоть письменно о ваших краях, и спросила, не везет ли она мне альбома, которого я не получила. Она на это письмо мне не ответила: я думаю, что это происходит от того, ч[то], вероятно, попала она в компанию, которая сумела вооружить ее против нас[13]. Одну книгу Лориа[14] я кое-как прочла по-итальянски. По-моему, это злющая, хотя и неумышленная, карикатура на марксизм[15]. «Экономическое» в истории сведено некоторым образом к такой наивной простоте: коли у меня в кармане рубль, так и силы на 1 руб[ль], а 5 коп., так на 5 коп. Аня о нем приблизительно такого же мнения. Но, кажется, для французского перевода, который ты просишь выслать, он свою теорию немножко причесал и придал ей несколько более приличный вид. У Ани она есть. Я ее письмом просила прислать ее тебе, а также и ее карточку, – может, на этот раз исполнит.

Господа компаньоны (анархисты)[16] и меня возмущают до чертиков. На суде в Барселоне[17] (история в театре)[18] оказалось, что главным деятелем и инициатором был агент-подстрекатель. Он это сам заявил. Ему не поверили, он тогда сослался на свое начальство, и то должно было признать верность его показания. Он же при этом был приятелем Ривашоля. У французских анархистов при обысках нашли массу писем, где говорится о посылке им денег духовенством и буржуазией. Массу денег передала им также известная герцогиня д'Узэц, поддерживавшая и Буланже. Находили у них и множество отрезок от мандатов на получение значительных сумм. Вот на какие деньги ведут они свои пакости. Это все официально было констатировано. Но буржуазная пресса замолча-

ла. Говорила лишь рабочая пресса; их же представители сделали запрос в парламенте, почему ничего не предпринимается против этих казначеев-убийц? Рассмотрение запроса отложено на месяц: это все равно, что совсем его не принять. Да еще бы! Это у министерства теперь лучший способ борьбы с рабочими. Но какой позор!

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 772. АД 1/24.31. Л. 7–8.
Копия рукой Л.Г. Дейча. Опубл. под неправильной датой:
Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 251–254.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Текст публикуемого письма В.И. Засулич приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от 12 (24) июня 1894 г.

[2] Датируется по содержанию.

[3] Ответ на письмо Л.Г. Дейча от 31 декабря 1893 г. См. док. 136.

[4] Слова в скобках вставлены Л.Г. Дейчем при переписывании письма.

[5] Слова в скобках вставлены Л.Г. Дейчем при переписывании письма.

[6] Слова в скобках вставлены Л.Г. Дейчем при переписывании письма.

[7] Зачеркнуто «противники».

[8] *«Левогегелианцами» называли марксистов, соц.-дем.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[9] *Воронцов В.П.* Наши направления. СПб., 1893. Эта книга с пометами Г.В. Плеханова имеется в его личной библиотеке (РНБ АДП. Ф, 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1253).

[10] Имеются в виду статьи Г.В. Плеханова о Н.Г. Чернышевском, вышедшие в мае 1894 г. отдельным изданием на немецком языке: N.G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie. Stuttgart: J. Dietz, 1894. 388 s. (Internationale Bibliothek. № 20). Подготовка немецкого издания нашла отражение в переписке Плеханова с К. Каутским в марте – начале апреля 1894 г. (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2. С.150–153). А также его статьи о Гельвеции, Гольбахе и Марксе, которые предполагалось сначала печатать в немецком теоретическом журнале «Neue Zeit». В январе 1896 г. они вышли в Штутгарте в издательстве Дица под названием «Очерки по истории материализма» (Beiträge zur Geschichte des Materialismus).

[11] Вероятно, речь идет о Э.Л. *Войнич (Voynich).*

[12] Написанное в скобках является, очевидно, уточнением Л.Г. Дейча. Маруся – вероятно, М. Калюжная, погибшая на Каре.

[13] *Это предположение В.И. [Засулич] мне кажется неверным: Витольда Викентьевна была чрезвычайно беспристрастным человеком, к тому же в очень хороших со мною, вполне дружеских отношениях: по всей вероятности, вышло какое-нибудь мне неизвестное недоразумение.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[14] В письме речь идет о книге А. Лориа «La teoria economika della constituzione politica» («Экономические основы общественного строя»), вышедшей в 1886 г. Книга неоднократно переиздавалась и переводилась на другие языки. В личной библиотеке Г.В. Плеханова есть французское издание (Loria A. Les bases economiques de la constitution sociale. 2-e ed. ehtièrement refondue et considerablement auqm. Trad. De Paris, 1893) с его пометами (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 632)

[15] *По поводу этой книги была рецензия Гольцева в «Русской мысли», за что последняя получила предостережение.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[16] Уточнение в скобках, очевидно, принадлежит Л.Г. Дейчу.

[17] В первой половине 1890-х гг. преобладающее значение в рабочем движении Испании имели анархисты. Влияние Испанской социалистической рабочей партии и профсоюзов оставалось ограниченным. Анархисты, отвергавшие участие в парламентской борьбе, направляли свои усилия на организацию вооруженных выступлений против монархии, в результате чего в ноябре 1893 г. кортесы утвердили закон против анархистов. По этому закону любое выступление рабочих могло быть причислено к анархистским действиям, а его участники отданы на произвол военных трибуналов. Барселона, промышленный и торговый центр Испании, издавна проявляла оппозиционные настроения. Начиная с 1890-х гг. барселонский пролетариат, разочаро-

вавшись в борьбе за буржуазную республику, становится оплотом анархизма. Барселона делается ареной целого ряда анархических покушений, принявших в 1892, 1894 и 1896 гг. массовый характер. Возможно, имеется в виду террористический акт на банкете общества «La Plume», совершенный в марте 1894 г.

[18] Уточнение в скобках, очевидно, принадлежит Л.Г. Дейчу.

145
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1894, конец марта[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Надеюсь до обеда раздобыть некоторые сведения о польск[ом] празднике[2], но т.к. кефир и т.п. может мне помешать, то я начинаю уже теперь свое послание. Я-то вообще только случайно узнал о том, что ты едешь сюда не для русск[ой] колонии, а для польск[ого] праздника. Никаких определенных сведений о нем я не имел и не имею, а только дошли до меня слухи, что Менд[ельсон], исключенный-де из заграничн[ой] организации собственной партией, снюхался с «патриотниками» по устройству этого праздника и что вообще все это находится в руках неподходящей для нас компании. Наконец, по словам Бурцева, всем-де известно, что Костюшко завершил свою карьеру á la[3] Тихомиров. Последнее мне показалось совершенно невероятным, да и слухам я не безусловно доверил. Но почел тем не менее нужным предупредить тебя не затем, чтобы изменить твое решение, а обратить твое внимание на них, чтобы ты еще раз подумал на случай, если ты прежде этого не сделал. Твои соображения, конечно, неопровержимы, если устроители и участники в самом деле демократы. И мне кажется, фраза, привед[енная] в твоем письме[4] из их воззвания, даст тебе возможность заткнуть горло крикунам, если бы они пустили в ход свои языки[5].

Читал ли ты заметку в «V[orwärts]» о газете «Рабочий»?[6] Полинковский написал по этому поводу довольно резкое письмо в «V[orwärts]». А не мешало бы тебе растолковать старику[7], что орган его таким образом морально поддерживает наших миниатюр-Ньювенгуисов, Мостов[8] и всевозможных интриганов.

Был ли у тебя Чайковский[9] и говорил ли о готовящемся «центральном» органе заграничн[ых] групп? От Николаева получил вчера следующ[ие] строки (от 20 марта): «Письма и деньги шлем начало апр[еля], изд[ание] придется вести без обозначения издателей». И больше ничего.

Меринг еще не ответил, а Klaren Wein Ernst'y einschenken не мешает, но пробрать едва ли необходимо[10].

Только что я был у Грейлиха, т.е. у него же я пишу эти строки – он тоже приглашен на [польский] праздник, следовательно, имеется официальное прикрытие на случай каких-нибудь непредвиденностей.

Сообщи за день-два о своем выезде.

Если бы ты привез с собою книжку «Недели»[11], в которой описан был биржевой съезд в Новгороде, то я благословил бы тебя, больше того: возблагоговел бы перед тобою.

Привет Р[озалии] Марковне и детям.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 102–104. Публикуется по тексту книги «Переписка...»

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] *«Польский праздник» – празднование 100-летия восстания Костюшко 1794 г.; в русской Польше он был ознаменован рядом манифестаций 4 апреля (годовщина сражения под Рацлавицами) и 17 того же месяца (годовщина восстания Я. Килинского в Варшаве). За границей празднование состоялось 14 мая нов. ст. – в годовщину польской конституции 3 мая 1791 г., – в Цюрихе.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] Как (*фр.*).

[4] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[5] *Воззвания, про которое говорит П.Б. Аксельрод, в нашем распоряжении не имеется. Г.В. Плеханов на цюрихское торжество 14.05.1894 приезжал и выступал на нем с речью, навлекшей на него нападки со стороны польских с.-д. (Р. Люксембург, Тышко-Грозовского и др.). Об этом выступлении Плеханов говорит в письме к Энгельсу от 16.05.1894 г. По-видимому, о нем же вспоминает А.В. Луначарский («Под знаменем марксизма», № 5–6 за 1922 г., стр. 87–88).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[6] *«Русский рабочий» – газета, издававшаяся в 1894–1899 гг. (всего 11 номеров) в Лондоне группою народовольческой молодежи – А. Теплов, Х. Раппопорт, Х. Житловский, Розенбаум и др. В связи с выходом № 1 «Русского рабочего» в «Vorwärts'е» появилась сочувственная о нем заметка, содержавшая ряд фактических ошибок (см.: почтовый ящик в № 2 «Русского рабочего»).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[7] «Старик» – В. Либкнехт.

[8] П.Б. Аксельрод берет именно эти два имени, так как и с Мостом, и Ньювейгунсом В. Либкнехт вел борьбу как с дезорганизаторами рабочего движения.

[9] *Приезд Н.В. Чайковского в 1894 г. в Цюрих был связан с попыткою Е.Е. Лазарева (в марте 1894 г. приехал из Америки в Европу) «основать в Париже журнал, который служил бы центральным органом русской оппозиции, без различий партий, и отвечал бы потребностям всей революционной России» («Былое», 1918 г., № 18, стр. 200, – сведения Департамента полиции). Из попытки этой ничего не вышло.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *«Klaren Wein einschtnken» (буквально: подбавить чистого, неразбавленного вина) – внести ясность. В №№ 27 и 28 «Die Neue Zeit» от 28.03 и 04.04.1894 г. Dr. Paul Ernst напечатал статью «Mehrings «Lessing-Legende» und die materialistische Geschichtsauffassung». Аксельрод, несомненно, отвечает на замечание Плеханова об этой статье (в несохранившемся письме). Ответ Меринга («Zur historischmaterialistischen Methoden») помещен в «Neue Zeit» №№ 32–33 за 1893–94 гг.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[11] Г.В. Плеханов под псевдонимом Н. Валентинов опубликовал в этой газете статью «Об чем спор?» (1878. № 52), посвященную полемике с Г.И. Успенским.

146
С.М.Ингерман – Г.В.Плеханову[1]

1894, 8 апреля[2]
Адрес
Dr. S. Ingerman
320, E 58 th str.
New York

Дорогой Георгий Валентинович!

Наконец-то собрался Вам ответить. Я все откладывал, думая, что мне удастся ответить более основательно и положительно на Ваше письмо[3]. Дело в том, что вопрос о деликатности людей, от которых более или менее зависишь мате-

риально, затронутый Вами в письме, заставил меня несколько призадуматься. Публика наша хотя очень простая, честная, но очень мало образованная, самостоятельная и тактичная и, таковая, в каждую минуту находится под влиянием того или другого из «молодых интеллигентов», которые остаются себе верными как в Швейцарии, так и здесь в Америке. До сих пор отношение *всей* нашей публики к Вам прелестное, некоторые даже просто Вас обоготворяют. Но не известно, что будет после Вашего приезда сюда. Большинство, несомненно, и впредь будет также относиться к Вам, но среди «интеллигентов» и у нас имеются люди с самолюбьицем, которые, очень возможно, не смогут простить Вам, что Вы – Плеханов, а они – X, Y и Z. Будет ли это так или иначе, – вопрос будущего, который я не берусь предрешать, но как бы то ни было – быть Вам в какой бы то ни было зависимости от нашего общества очень не следует. Чем менее Вы будете зависимы от нашего общества, тем более полно и благотворно будет Ваше влияние на него. Я поэтому полагаю, что не только Вы своим существованием, но и газета наша должна быть поставлена вне всякой зависимости от какого бы то ни было общества. Газета русская может и должна здесь существовать, но и она будет здесь оплачиваться. Это не мое только мнение, это мнение *всех* более или менее опытных и знакомых с этим людей. Газета русская может рассчитывать на minimum 1800 подписчиков, да на объявления на долларов 20–25 в неделю (на №), конечно, в том случае, если у нас будет хороший manager[4], а такой у нас уже имеется (старый Гольденберг)[5]. Словом, план издания газеты вовсе не такой фантастический, как Вам, быть может, показалось. Я не вижу необходимости, раз газета сама оплачивает себя, колебать ее устойчивость, ставя в зависимость от открытого общества, которого состав может с каждым днем меняться.

Что же касается фонда (около 500 долл[аров]) для газеты, то его в наличности все равно нет у Общества, которому придется его создавать путем балов, лекций и т.д., а это наше Общество сделает и без того, чтобы считаться хозяином газеты. Тем более необходимо затеять все дело, если возможно, помимо Общ[ества], что «независимая» газета может иметь и других друзей, которые могут и доставлять средства и вообще во многих отношениях быть полезными газете. Впрочем, о газете толковать несколько рано. Я хочу лишь обратить Ваше внимание на то, что издание рус[ской] газеты в Америке – вовсе не фантазия; что хорошо поставленная газета может иметь блестящий успех (и в материальном отношении). Но пока это будет, на какие иные источники Вы можете рассчитывать здесь? На мой взгляд, если состоится ваше изгнание из Фр[анции], (или же если Вы должны быть вечно в ожидании[6] быть изгнанным), то у Вас не остается выбора, так как Англия ни в каком отношении для Вас не годится (ни своим климатом, ни условиями деятельности, ни возможностью устроиться). В Америке (специально в N[ew] Y[ork]) климат не может быть вреден для Вас (путешествия Вам нечего бояться), а материально Вы можете устроиться скорее, чем где бы то ни было. Не забудьте, что здесь живут десятки тысяч рус[ских] евреев, говорящих и читающих по-русски. Газета рус[ская] Вас, наверное, может прокормить, а до газеты я думаю вот что предпринять – я устрою маленький университет, в котором Вы будете единственным профессором. Две лекции в неделю – одна по философии, другая – по политической экономии могут обеспечить Вам minimum 10 долл[аров] (50fr.) в неделю. Я со многими уже говорил, и у меня уже есть для Вас около 30 слушателей – 100 нетрудно будет найти. Чтобы *обеспечить* Вам доход не менее 10 долл[аров] в неделю, мы

думаем организовать специальное общество, которое возьмет на себя хлопоты по устройству школы и т.д. На 10 долл[аров] здесь уже можно довольно сносно жить, *не делая долгов.* Около 5 долл[аров] в неделю, я рассчитываю, Вы сможете иметь за маленькие статейки в здешней Partei presse[7]. Здесь есть 4 социалистические газеты – английская «The People», «Volks Zeitung», «Vorwärts» Partei organ и «Arbeiter Zeitung» – еврейская газета. Если Вы будете помещать еженедельно статейки (маленькие) то в «Volks Zeitung», редактором состоит Шлютер (из цюрихс[ких] с[оциал]-д[емократов]), то в «Arbeiter Zeitung», редактором которой рус[ский] интеллигент Коган (который был на Цюрихс[ком] конгрессе), Вы очень легко можете иметь 5 долл[аров] в неделю (я на днях поговорю со Шлютером). Что касается того, может ли Розалия Марковна рассчитывать устроиться здесь в качестве врача, то я не берусь положительно ответить на этот вопрос. Вот я бьюсь здесь 3 года, бьюсь страшно, но до сих пор мне не удалось устроиться здесь как следует. Вместе со мной и позже приехали врачи из Европы, России, пожили здесь и все устроились, большинство даже очень хорошо. Вообще устроиться здесь очень легко, легче, чем где бы то ни было в Европе и в России, но… нужно уметь. Роз[алия] Марковна, я думаю, здесь скоро устроится. Здесь – главное реклама; а ей будет служить хорошей рекламой Ваша популярность (простите за американский язык и американскую откровенность); притом она очень представительна, добра, хороший врач… Да, я уверен, что она здесь будет иметь практику. Приезд Ваш сюда Вас нисколько не отрывает от России, разница лишь в семи днях; зато Америка – самая благоприятная почва (после России) для русской литературы. Притом, имей Вы здесь свою типографию, она бы не только Вас (и наборщика) оплачивала, она давала бы еще доход. Словом, дорогой Георгий Валентинович, как там ни верти, а Америки Вам не миновать. Я надеюсь, что здесь Вам удастся зажить иначе, не так, как в Швейцарии. Вы серьезно обдумайте план приезда в Америку – я убежден, что это – единственный исход и притом *очень хороший*. Что я от души желаю Вас здесь видеть, – об этом, конечно, излишне толковать, но поверьте, что, приглашая Вас сюда, я не только своих чувств слушаюсь, но и разума. Впрочем, это не последнее мое письмо и до окончательного Вашего решения перевалить чрез океан я успею еще не раз ответить на разные Ваши вопросы, которые возникнут у Вас по этому поводу. С Л[азаревым] Вы, вероятно, успели уже познакомиться – как он Вам понравился? Пред отъездом мы имели с ним публичную дебату. Он должен был прочесть в нашем Обществе лекцию о различ[ных] направл[ениях] в рус[ском] революц[ионном] движении. Вместо лекции он прочел статью Михайловского. Каков Михайловский! В протяжении 15 лет он ни одного нового аргумента не мог найти против марксизма – плохо же его положение! Мне очень и очень уж хотелось бы прочесть Ваш ответ ему. Надеюсь, что в Вашей обработке неказист наш великий Михайловский выйдет.

С нетерпением жду Вашего ответа. Сердечный привет от меня и жены Роз[алии] Марковне и детям.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Ингерман

Привет Вере Ивановне и Павлу Борисовичу. Как они относятся к Вашему плану?

Адрес: Dr. S. Ingerman
320, E 58 th str.
New York

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 454 В. 186.5. Л. 1–3.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Письмо является ответом на вопрос Г.В. Плеханова о возможности устроиться в Америке. Вопрос переезда в США встал в связи с гонениями, предпринятыми в 1893 г. в отношении него и В.И. Засулич властями Франции и запретом жить в Швейцарии. Переезд в США не состоялся. В течение чуть ли не трех месяцев того же года (сентябрь – декабрь) Георгий Валентинович жил в Лондоне. Засулич находилась в Англии с августа 1894 г. по март 1897 г.

[2] Датировано автором.

[3] Письмо Г.В. Плеханова не обнаружено.

[4] Управляющий (*англ.*).

[5] Вероятно, имеется в виду Л.Г. Гольденберг.

[6] Написано сверху слова «опасности».

[7] Партийная пресса (*нем.*).

147

П.Б. Аксельрод – Р.М. Плехановой

1894, ранее середины декабря[1]
Цюрих

Дорогая Розалия Марковна!

Здоров ли Жорж? Если нет, то можете прилагаемое[1] передать ему после, а пока мне хоть парой строк сообщить, что с ним. Я бы Вам очень благодарен был.

Спешу на почту.

Ваш Павел Ак[сельрод]

РНБ. АДП. Ф.1094. Оп. 2. Ед. хр. 83. В. 13.4. Л. 2. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Очевидно, письмо написано в период лондонской эмиграции Г.В. Плеханова.

[2] Что прилагалось к письму, установить не удалось.

148

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1894, вторая половина декабря
Лондон[1]
Пятница вечером

Милый Жорж,

я набросилась, наконец, на музей[2], вот 3 дня, как сижу там с 10 ч[асов] утра до 6 вечера. И домой среди дня не бегаю, а там пью кофе с чем-ниб[удь] sweet[3]. Устаю отчаянно, но на душе как-то лучше. В музее веду себя вроде Вас: столько натаскиваю книг, что относить их приходится в 2 раза, поддерживая бородой.

Если будет продолжаться моя музейная горячка, курить совсем отвыкну, потому что, не куривши целый день, я и дома еще часа 2 не могу курить: голова кружится, пока не отдохну и не наемся. Музеем только и можно увлекаться, когда читаешь для определенного писанья. Тут точно сразу 20-ю глазами читаешь сравнительно с обыкновенным чтением, при котором никак нельзя совсем забыть, что хочется курить, есть, поваляться, что колет боль.

Пойду в воскр[есенье] к Энгельсу, если только за день отсутствия музейной горячки не развезет меня, как по вечерам. Вот и теперь, мне даже писать Вам лень, хотя вообще это занятие самое приятное. Сегодня читала Oeuvres de Max[imilien] Rob[espierre][4]. Недаром его Л[уи] Бл[ан] любит, – умы у них родственные, хотя не характеры, конечно, и оба, ударяясь в красноречие, обезьянят манеру Руссо.

А с устными спорами, я думаю, Вам придется проститься. Если загоняете, как Вы надеетесь, Мих[айловского], никто с Вами спорить не станет, – будут бояться. Сам, мол, медведь не устоял – уж где же мне. Или разве уж совсем глупенький ребенок выскочит. А что же Жук? Вы как-то писали, что его хотите подкараулить?

Да, знаете Вы, что Лиза Лурье уж давным-давно вышла замуж за француза (которому я послала Вашу рукопись анархистов)[5]? Бедный Селит[реннный] уж б[ыл] в отставке, когда здесь был. Кабы я знала, б[ыла] бы с ним любезнее от жалости. Русских уж скоро месяц, как никого, кроме Берви, в музее не видала и даже начала забывать, что они есть на свете. Вы как-то советовали Кита[6] не забрасывать на том основании, что он животное честное и хорошее. Я совершенно согласна, что честное и хорошее, но о чем с ним говорить? Гинзбург сам молчит, но по крайности знаешь, что по его соц[иал]-дем[ократическому] званию он должен интересоваться всем соц[иал]-демократическим, ну и трещишь сообразно с этим. А Сергей? Не придумаешь ему темы. Ехать же такую даль, чтобы помолчать, как-то обидно. А мне вот сейчас только пришло в голову, ч[то], должно быть, бросилась я в музей под бессознательным впечатлением Вашего последнего письма[7]. Хоть Вы меня и не «в то место» похвалили, а все-таки подействовало ободрительно.

Деньги Гук[овского не приходили][8].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.127. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 280–282. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано вскоре после отъезда Плеханова из Лондона, состоявшегося в первой половине декабря 1894 г. Возможно, дата письма – 21 декабря – См. док. 149.

О переезде В.И. Засулич в Лондон см. прим. 3 к док. 132.

[2] Имеется в виду Библиотека Британского музея (The British Library) в Лондоне – одно из крупнейших книгохранилищ. В читальном зале Библиотеки Британского музея, являющейся одной из богатейших библиотек мира, работали К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин.

[3] Сладкое (*англ.*).

[4] Речь идет о книге: «Oeuvres de Maximilien Robespierre, avec une notice historique, des notes et des commentaires, par Laponneraye» (T. 1–3. Paris, 1840).

[5] «Рукопись анархистов» – имеется в виду работа Г.В. Плеханова «Анархизм и социализм» впервые опубликованная в 1894 г. на немецком языке в журнале «Der Socialdemokrat» (№ 20–25) и отдельным изданием в Берлине. На русском языке эта книга впервые появилась только в 1906 г., см.: Анархизм и социализм / Пер. с нем. Н. Н–ина. Пб.: М. Малых, 1906. 80 с. (Пролетариат).

[6] Кит – дружеское прозвище С.М. Кравчинского.
[7] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[8] Приписано по верхнему полю первого листа письма.

149

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1894, 25–26 декабря
Лондон[1]
Вторник

Милый Жорж,

получила Ваше письмо от воскресенья[2]. Мое это письмо не пойдет, должно быть, ни нынче, ни завтра, т[ак] к[ак] почта вместе со всем прочим заперта, вероятно, и из ящиков не вынимают. Но часа через 1½ я должна отправляться обедать к Фр[идриху] Кар[ловичу][3], и у меня – отчасти от этого, должно быть, а отчасти от вызванного Вашим письмом раскаяния, что я все еще пока думаю не о Руссо[4] – не читается стоящая на очереди 23 глава 5-го Abschnitt'а[5] «Капитала»: «Zins und Unternehmergewinn»[6].

«Кот»[7], несомненно, простейший кот. Мне даже кажется теперь, что Вы воображали его менее простым, чем он есть.

А знаете, я Вам готова головой поручиться, как будто бы это своими ушами подслушала, что Н–он, которому старик[8] давно посылал корректуры, рассказывал их содержание Кривенке. Оттуда он и взял свою фразу о падении прибыли вместе с уменьшением доли рабочего. Оттого-то я и думаю, что Кот представляется Вам менее простым (ангорским, что ли?), чем он есть, что Вы на Кривенку так страшно за это кричали. По «Капиталу» так оно и есть. Уровень (Rate) прибыли падает одновременно с увеличением степени эксплуатации рабочей силы, с ростом Rate Mehrw[erth][9]. Не будет никакой нелепости представить себе уменьшение – не то что уровня, а даже массы прибыли – при продолжающемся росте Rate Mehrw[erth]. Я со страхом стараюсь сообразить, не могли ли Вы в посланной уже статье[10] где-ниб[удь] лягнуть за это Крив[енко] так, что я не заметила? Слава богу, кажется, не могли, а при мне не касались этого. Вы скажете, что это маловерие и что Вы отлично бы вывернулись. Может, и вывернулись бы (сведя вопрос с меновых на потребит[ельные] стоимости – разве, да и с большим грехом пополам), а все ж Кривенко и Н–он были бы в восторге. Успокойте Вы меня насчет этого.

Написан этот том местами очень беспорядочно, с повторениями, с длиннейшими, ничего не прибавляющими объяснениями того, что сразу ясно. Иную главу положительно нельзя читать «так-таки уж без всякой мины». Но в общем Кот со своей простотой принимает по мере чтения громадные размеры (с музейного кота M-me Войнич) и возбуждает у меня в голове массу беспокойства. Если бы Вы были тут, вышел бы на меня огромный крик. А кабы еще и Павел, не жить бы мне на свете. Я, напр[имер], готова уверять, что Англия сама по себе идет ничуть не к социализму... «Ну, да уж пусть!»...В «Капитале»-то этого не сказано, это я соображаю, прибавив к «Капиталу» еще и то, что психология английского пролетариата уже успела приноровиться к капитализму. Это вам и Ф[ридрих] Кар[лович] говорил. И полнейший неуспех здесь социал[истической] пропаган-

ды говорит. В сущности, все это надо бы мне выкинуть из головы, чтобы приниматься за Руссо, да уж втянулась в «Капитал», не могу ни кончить.

Хотелось бы мне с Ф[ридрихом] Карл[овичем] поговорить, да не смею ему даже и сознаться, что читаю «Капитал». Так мне и кажется, что он удивится и начнет мне что-ниб[удь] объяснять, как малому ребенку, и я сконфужусь и замолчу. В первое воск[ресенье] после Вашего отъезда[11] я у него не б[ыла] – бок очень болел, а третьего дня была. Был чрезвычайно любезен, но «Капитала» не подарил. Снесла я ему армянский журнал. «C'est ce que je ne lirai pas! Oh non! Merci»[12]... А потом прибавил, что армяне это не более, как «matière à Atrocity»[13] в пользу России. Ну, не злая ли тварь? Он думает, что закон против с[оциал]-дем[ократов] в Германии не пройдет[14]. Что юнкера[15], забравшие Вил[ьгельма] в лапы, хотят не закона этого, а столкновения с парламентом, мечтают, быть может, управлять без парламента, который не исполняет их таможенных требований. Ну, иду к Ф[ридриху] Кар[ловичу].

Среда.

Обед у Ф[ридриха] К[арловича] б[ыл] парадный. Индейка ростом с 2-годовалого ребенка. На всяком приборе букеты и билетики, кому прибор. Посылаю мой билетик, показывающий старание старика писать по-русски. Но гостей, кроме тех, что и Вы встречали у него, были всего только Моттелеры. Скука мне была весьма основательная. Приглашена опять на такую же скуку под Новый год. Обещала быть, но уж не знаю – не заболеть ли? В действительности-то у меня нездоровье какое-то бывает только после беготни, вот сегодня, а то ничего, здорова.

Селитренного уже нету. Уехал официально в Манчестер. При таких хороших условиях, что и я должна была сказать, что отлично делает, что едет. Ему, впрочем, по пути придется еще подождать осуществления условий. Адрес у меня есть. Крыстю в Нанси, а где Рябова?

«Предисловие»[16] я уже послала Павлу с тем, что если реферат в пользу ссыльных дают путные люди, пусть отдаст, а нет – пусть бросит.

Притворяйтесь Вы с интеллигенцией, будто грустны, хандрите. Самый лучший способ гонять ее без обиды.

Крепко жму руку.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.29. Л. 1 – 4 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 282–284. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется на основании описания праздничного обеда, устроенного Ф. Энгельсом по случаю рождества, и указанию на дни недели.

2 Письмо Г.В. Плеханова от 23 декабря не разыскано.

3 Шутливое прозвище Ф. Энгельса.

4 В.И. Засулич должна была написать статью для сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Вместо статьи получилась книга под названием «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», оконченная в 1896 г.

5 Отдел (*нем.*).

6 Цена и предпринимательский доход (*нем.*).

7 Так В.И. Засулич называла III т. «Капитала».

8 Ф. Энгельс.

[9] Норма прибавочной стоимости (*нем.*).
[10] Вероятно, имеются в виду страницы, посвященные полемике с С.Н. Кривенко в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
[11] Из этого следует, что отъезд Г.В. Плеханова из Лондона состоялся до 16 декабря (воскресенье).
[12] Этого я не буду читать! О нет! Спасибо! (*фр.*). О каком печатном органе идет речь, не совсем ясно. Это могла быть газета «Гнчак» («Колокол»), издававшаяся с 1887 г. в Женеве и являвшаяся органом одноименной армянской революционной организации, или журнал «Арарат», издававшийся в Лондоне организацией «Дашнакцутюн».
[13] Материал для жестокости (*фр.*).
[14] Речь идет об обсуждении нового исключительного закона против социалистов, так называемого «закона против попыток к низвержению существующего строя» (Umsturzvorlage). Под впечатлением убийства французского президента Карно Вильгельм II произнес на парадном обеде после маневров в Кёнигсберге речь, в которой призвал к объединению против врагов порядка и религии, против партии разрушения. Канцлер Каприви, в связи с призывом императора, был готов обсуждать изменение соответствующих статей уголовного кодекса, которое имело бы шансы пройти через Рейхстаг. Президент-министр Эйленбург требовал более суровых репрессий и рекомендовал не останавливаться в случае их отклонения перед новым роспуском Рейхстага или даже перед изменением избирательного закона. Эта борьба была продолжением внутриполитической борьбы, особо обострившейся в связи с принятием 17 марта 1894 г. торгового договора с Россией, за который выступали представители промышленной буржуазии и против которого яростно выступали протекционисты-аграрии. Эта борьба привела к отставке как Каприви, так и Эйленбурга. 29 октября 1894 г. пост канцлера и пост министра-президента занял бывший наместник Эльзас-Лотарингии 75-летний князь Гогенлоэ-Шиллингфюрст. Закон против попыток к низвержению существующего порядка был отвергнут Рейхстагом 11 мая 1895 г.
[15] *Junker* (*нем.*) – молодой дворянин; в Германии насмешливое название реакционной дворянской партии, являющейся главной опорой аграриев. Юнкерство (Junkertum) стремилось к восстановлению прежних привилегий дворянства.
[16] Возможно, речь идет о предисловии Плеханова к своей так и неизданной зарубежной нелегальной брошюре против Н.К. Михайловского «Наши разногласия» (Часть II. Выпуск I). Задуманная еще весной 1894 г., она превратилась в процессе работы в легальную книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая за подписью Бельтова вышла в Петербурге в самом конце 1894 г.

150
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1894, 31 декабря – 1895, 1 января[1]
Лондон

Милейший Георгий Валентинович,

это в самом деле хорошее учреждение – писать в субботу, если когда без обману. Встаешь в понедельник и уже знаешь, что внизу лежит письмо[2]. Опять пишу Вам пред уходом к Фрид[риху] Карл[овичу][3] встречать Новый год. Положим, там, вероятно, будет шампанское. Но тем не менее меня просто страх берет перед путешествием: погода (все хвалят), но, по-моему, просто ужасная. Очень ясно, ни тени тумана, но мороз, скользко и страшный ветер. Уж пора бы идти, а я принялась писать, именно чтобы выиграть время. Я ведь и не говорила, чтобы Кот[4] был плох. И, напр[имер], последняя глава, к[ото]рую я сейчас читала, – Arbeitsrente[5], – мне очень понравилась своей историчностью. Из нее выходит, что когда (en grand[6], в истории) средства производства принадлежат производителю, то для получения с него прибавочной стоимости он, производитель, сам более или менее кому-ниб[удь] да принадлежит (не свободен), – то государству (на Востоке и у нас), то феодалам. Нет, Кот-то недурен, но Фр[идрих]

Карл[ович], из излишнего почтения, все же выпустил его в публику неумытым и непричесанным[7].

1895, [1 января]

Поздравляю с Новым годом. Проснулась я нынче совершенно несчастной. Вчера от Фрид[риха] Кар[ловича], всей компанией 2 часа [пришлось] бежать пешком. Конки уже не ходили. А ветер при морозе был такой, как в Женеве в самую страшную бизу[8]. Сегодня у меня с ½ дюжины болезней. Зубы болят, голова и полспины болят, вдобавок кашель бередит и голову, и спину. Ну, зато теперь праздники прошли, и можно будет недели две ровнехонько никуда не показываться. Вчера немцы все старались острить и рассказывать смешные анекдоты. В особенности старался немец, к[ото]рый сидел недалеко от Вас на социалистическом обеде – что-то вроде Шоу[9] называется он. Я и понимала их, и переводили-то мне, а все-таки никак не могла схватить, чем они смешны. Должно быть, как и еврейские, они смешны только на родном языке. Пришла я поздно и подле Ф[ридриха] Кар[ловича] места б[ыли] заняты, т[ак] ч[то] я села далеко. Со своей обычной любезностью он сейчас, как отсели, приволок стул и сел подле меня. Я решила заговорить о Коте и для подготовки завела разговор о безнадежности и никуда негодности здешнего социализма. Он принялся renchérir[10] на эту же тему. Здесь и всеобщее избирательное право не будет иметь никакого значения. Рабочие им не воспользуются. Для самостоятельного участия в выборах надо тратить деньги или труд, как в Германии, а английский рабочий пальцем не пошевелит и копейки не даст, раз не рассчитывает получить от этого прямой денежной выгоды. Счастье Германии, что политическая буржуазная революция в ней так запоздала, что досталась на долю уже проснувшемуся рабочему классу. Это не дает немецк[ому] рабочему классу уйти в чисто ремесленную борьбу, как английский, поддерживает в нем общественные, политич[еские] интересы. То же счастье предстоит и России. По нашим словам, в ней рабочий класс читает, просыпается, следовательно, примет сознательное участие в политич[еском] освобождении. Это как раз подвело меня к тому, что мне хочется ему изложить. Ну, мол, а без нас с Германией? Не подсказывают ли его же собственные, Энгельсовы, примечания и добавления, что анархия в производстве уменьшается, – кризисов-то с [18]67 г. нету и на прежний фасон больше не будет?

Schwindel[11] б[ыл] результатом незнания капиталистами того всемирного рынка, на который они производили. Теперь телеграфы, быстрота сообщений и проч[ее] сделали то, что рынок они знают и уж не фантазируют, что сколько ни произведи, где-то, кто-то купит. Маркс говорит, что, сосредоточившись в руках очень крупных капиталистов, производство должно задремать (einschlummern), перестать гоняться за Extraprofit[12], а, следовательно, перестать усиливать производительность труда, «уширять» производство и проч[ее]. Вот это самое и делают (и делают сознательно) картели. Сосредоточивши целую отрасль производства в своих руках, поделивши между собой рынок, картель не имеет никаких резонов впасть в Schwindel и очень мало резонов усиливать производительность труда. Конечно, картели только облегчают планомерную организацию производства захватившим власть пролетариатом, да у английского-то пролетариата нет никакой психологической возможности такого захвата и организации, и английская жизнь an sich[13] вовсе не идет к развитию этой психологической возможности. Но это я Вам излагаю, а ему-то только что собралась с духом начать, как б[ыло] заявлено, что всего 5 мин[ут] остается до Нового года и надо

готовить стаканы. Так я и не созналась в чтении Кота. Шампанского не б[ыло], а какая-то кислятина. Сегодня утром я получила Money Order[14] на 39 ш[иллингов] и опять в сомнении, от кого? Положим, Павлу даже и не суметь так послать, но от Вас это слишком много, – ведь «на комод» вы еще не могли получить (ой, как голова болит, пока писала о Коте, б[ыло] забыла о ней). А Вы не думайте, что меня эти мысли огорчают. Ни на волос, – я «саморазлагающегося» капитализма никогда не любила. А эти мысли увеличивают для меня значение идеологии). Напишите, Вы ли послали, а то я в сомнении – не осмеливаюсь идти получать. На ордере говорится не давать – кто не скажет имени. А вчера Элеонора спросила Ваш адрес, чтобы послать Вам 15 ш[иллингов], которые, она думает, получатся на этой неделе, т[ак] к[ак] начато печатание в «Викли Таймс» Ваших анархистов[15]. Я ей сказала, что Вы их мне предназначили. Она, конечно, ничего против этого не имеет. Таким образом, я становлюсь ужасно богата. Могу Вам вернуть часть, а коли не надо, так куплю себе даже стеганое пуховое одеяло, а то стало по ночам страшно холодно, и я натаскиваю на себя все платья, не исключая парадного. Непременно пришлите «Неделю»[16]. Злиться на противников для человека очень полезно. Верну Вам ее в целости вместе с Котом, на котором не найдете ни одного портрета моего пальца, я как только замечаю такой палец, сейчас его вылизываю.

Ваша Вера

[17]Гермафродит мне Струве не оставлял, я и не знала, что он у него. Он поступил на службу к торговцу мехами. Они их закупают на месте производства. Но это большой секрет[18].

РНБ. АДП. Ф. 1093. О. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.31. Л. 1 – 4 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 285–288. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Дата проставлена по верхнему полю первого листа рукой Л.Г. Дейча.
[2] Письмо Г.В. Плеханова от 29 декабря не разыскано.
[3] Ф. Энгельс.
[4] Имеется в виду III том «Капитала» К. Маркса, изданный Ф. Энгельсом в 1894 г.
[5] Рабочая рента (*нем.*).
[6] В большом масштабе (*фр.*).
[7] То есть не редактировал его из почтения к К. Марксу.
[8] Русская транскрипция фр. «bise» – зима (*поэтич*).
[9] Один из делегатов конгресса II Интернационала в Цюрихе (1893 г.), возможно, S. Schöf.
[10] Усиливать, увеличивать, распространяться (*фр.*).
[11] Обман, надувательство (*нем.*).
[12] Сверхприбыль (*нем.*).
[13] Сама по себе (*нем.*).
[14] Почтовое извещение о деньгах (*англ.*).
[15] Выдержки из книги Г.В. Плеханова «Анархизм и социализм» были напечатаны в 1895 г. в журнале «Weekly Times and Echo.». В том же году брошюра Плеханова вышла отдельным изданием в переводе и с предисловием Э. Маркс-Эвелинг (Anarchism and socialism. London, «The twentieth century press», 1895).
[16] Возможно, имеются в виду номера № 47–49 газеты «Неделя» за 20, 27 ноября и 4 декабря 1894 г., в которых опубликована статья В.П. Воронцова (В.В.) «Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм», представляющая рецензию на книгу П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».
[17] Заключительные строки приписаны по верхнему полю первого листа письма.

[18] Возможно, речь идет о книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которую некое лицо (Гермафродит) не оставило для В.И. Засулич. Такое понимание представляется вполне логичным, если предположить, что упоминаемая выше в тексте письма газета «Неделя» интересовала Засулич в связи с рецензией В.П. Воронцова на эту книгу. Прозвище Гермафродит, вероятно, было дано Селитряному (Селитренный). О нем знали только Засулич и Плеханов. В письме от 26 января 1895 г. (док. 152) Засулич не повторяет его, но спрашивает Плеханова, не забыл ли он, как прозвал Селитренного.

Приписка о мехах, очевидно, имеет иносказательный смысл.

1895

151
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1895, вторая половина января[1]
Цюрих

Милый Жорж!

Сию минуту получил твое письмо[2], и можешь себе представить мою радость и... мое горе. Я лично также предпочел бы для себя русскую тему, но не знаю, сумею ли я приспособиться, т.к. до сих пор все думал на другой манер. Гораздо легче и скорее я мог бы написать нечто вроде о задачах и видах демократич[еской] интеллигенции, но я боюсь, что ты по пути исчерпаешь эту тему[3]. Если ты думаешь противное и вообще считаешь полезным такую работу с моей стороны, то телеграфируй: «Приезжай». А коли нет денег, то напиши. В случае положительном попроси от моего имени (и сам походатайствуй) одну из барышень[4] нанять для меня где-нибудь комнату. А то, может, у Жамена имеется комната рядом с Воденом.

Если ты можешь представить себе мое нравственное состояние, то немедля отвечай. Мне только нужно немного чувствовать себя активным участником в новой жизни, чтобы воскликнуть с Гуттеном...[5].

Кальмансон из-за экзамена только отрывками читал – разумеется, в восторге, а Полинковский – на седьмом небе. Вчера мне еще раз хотелось тебе писать, т.е. собственно изливать свои восторги, но самому неловко перед собою стало[6].

Живи и побеждай врагов!

Ну, крепко жму твою руку. С величайшим нетерпением жду твоего ответа.

Твой П. А[ксельрод]

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 104–106. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] *Настоящее письмо является ответом на несохранившееся письмо Г.В. Плеханова, в котором последний сообщал о возникшем в Петербурге по инициативе А.Н. Потресова плане издания сборника статей марксистских авторов и предлагал П.Б. Аксельроду принять участие в этом сборнике. Сборник этот – знаменитые «Материалы к характеристике нашего хозяйственно-*

го развития»; как видно из сообщения А.Н. Потресова («Красный архив», т. IV, стр. 308–309), план сборника был разработан в начале января 1895 г. в Петербурге на собраниях, в которых, кроме Потресова, принимали участие Р. Классен, В.В. Смирнов, П.Б. Струве и В.И. Ульянов-Ленин; в набор первые статьи были сданы уже в конце января 1895 г., а закончен был печатанием сборник в конце апреля 1895 г. Судьба сборника известна – он был уничтожен цензурою в мае 1895 г. Эти указания определяют и дату данного письма, – оно могло быть написано только в январе, самое позднее – в феврале 1895 года.

Насколько можно судить по ответу Аксельрода, Плеханов предлагал последнему написать что-нибудь на не «русскую тему» – вероятно, о западноевропейском рабочем движении, – область, в которой Аксельрод являлся признанным специалистом. В результате переписки с Плехановым, Аксельрод остановился все же на «русской теме» и начал готовить для сборника статью под заглавием «Главнейшие запросы русской жизни», первые главы которой сохранились в архиве Аксельрода. По содержанию эта статья тесно примыкала к известной серии тактических статей Аксельрода, появившейся в зарубежной печати в течение второй половины 1890-х годов («Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России» и др.). Окончанию этой статьи в срок помешало острое заболевание маленькой племянницы Аксельрода – дочери Кальмансонов, от которой заразился и Аксельрод. Сомнения Аксельрода о том, сумеет ли он «приспособиться», относится к легальности сборника: Аксельрод отвык работать для легальной подцензурной печати. Плеханов поместил в этом сборнике две статьи, под псевдонимами: «Кузнецов» и «Утис». – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] То есть одну из дочерей.

[5] Фраза, повторить которую хочется Аксельроду, – знаменитое: «Как радостно жить в эти дни!».

[6] Речь идет о только что вышедшей книге Г.В. Плеханова (под псевдонимом Н. Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

152

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, 26 января, суббота
Лондон[1]

M-r Nicolai Alexandrowitsch Dmitrieff
Nadeschdinskaja str.[2]
Опять не мой.

Как видите, милый Жоржинька, я и не думала быть зла и тоже все старалась заслужить[3]. А вот теперь так действительно зла, хотя и не лично. Старому семидесятнику[4] одичать до такой степени! Точно Петр Лаврович![5] Вы бы к Лютри поехали![6] Забыть простое правило вычитания! А ведь только лень подумать, лень оторваться от льна-горнозаводства[7] и проч[ее]. И забыли Вы как Селитренного прозвали! Перечитали бы Вы мое письмо. Конечно, теперь Вы и без этого должны понять. Уж, кажется, ясно! Но я уж теперь такого стала скверного мнения о Ваших умственных способностях (кроме писательской области), что допускаю – опять не поймете, хотя съездовой «жид»[8] и тот бы понял. С. Кривенко бы понял, уверяю Вас! Где я возьму переплетов?[9] Неделю надо употребить на справки, а, может, и на свете такого нет переплетчика, и тащенья занятых людей к переплетчику, когда подходящий найдется. Вы спрашиваете, вместо какого каталога вышел новый? Не сказано,– просто: «вместо старого новый». Я бы решила, что вместо обоих старых один новый. Ваше письмо последнее[10], обнаружившее Вашу глупость, получено в субботу, но поздно (10 час[ов], а утром получено очень милое письмо)[11], чтобы ехать к Энг[ельсу]. А завтра

при Менд[ельсоне], всяких дамочках и проч[их] едва ли удобно говорить. Так что я завтра вечером брошу ему письмецо: спрошу, когда к нему прийти, прибавлю, что мне к спеху[12]. Вам письмо сейчас сброшу, а когда пойдет, не знаю.

Ни письма Войнича[13] (я писала, что письмо от 10 сент[ября] [18]92 года), ни письма Павлика с заказом в моих «вещах» быть не может, я это передала Глико еще в первый раз, к[а]к на меня напали жандармы. Но еще (во 100 раз) важнее этого письма никогда у меня и не бывавшие списки книг, отправленных Войничу после [18]92 года. Они всегда были у Глико*. Их физиономии я не знаю. Глико говорил, уезжая, что передал их Роз[алии] Марк[овне]. Если Глико нет в Женеве или есть, да Вы не можете попросить его самого разыскать эти записки в оставленных им бумагах, то уж лучше бросьте, – все равно не найдете, не отличите их среди бумаг. А я Решшианцам[14] так и скажу, – счеты, мол, потеряны, считайте, значит, как хотите. Павел пишет, что никогда не получал брошюры Дикштейна, но слышал от Глико, что б[ыло] сколько-то получено в Женеве. Но сколько? Хоть бы это узнать, а то еще мы им окажемся должны. Одной стороной (деловой) души я на Вас зла, но другою – наоборот. Утреннее письмо милое, – хотя и обнаруживает неспособность найти счеты.

[15]Салахонушку[16] спишу Вам. Я начала ходить в музей[17]. Но, ох! Как это утомительно и холодно!

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В. 487. 130. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 302–304. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] Петербургский адрес Н.А. Дмитриева.
[3] Ответ на несохранившееся письмо Г.В. Плеханова.
[4] В.И. Засулич напоминает Г.В. Плеханову об его участии в 1870-х гг. в народническом движении, «хождении в народ», обществе «Земля и воля» и основании, после раскола «Земли и воли» в 1879 г., организации «Черный передел».
[5] П.Л. Лавров.
[6] *Деревушка вблизи Лозанны.* – Прим. Л.Г. Дейча по нижнему полю первого листа письма.
[7] *В.Ив. [Засулич] имеет, вероятно, в виду, что Г.В. [Плеханов] в то время усиленно занимался изучением хозяйственного, экономического быта России, подготовляя книгу против В.В. (Воронцова).* – Прим. Л.Г. Дейча.
[8] Не ясно, о ком может идти речь.
[9] *Очевидно, Г.В. [Плеханов] предлагал Вер.Ив. [Засулич] переслать ему какое-нибудь конспират[ивное] письмо, заделанное в переплете.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[10] Письмо Г.В. Плеханова разыскать не удалось.
[11] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[12] См.: письмо В.И. Засулич к Ф. Энгельсу под датой: «около 30 января 1895 г.» в издании «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» (М., 1967. С.717–718). На основании текста письма Засулич к Плеханову можно установить, что письмо Ф. Энгельсу она собиралась отправить вечером в воскресенье, т.е. 27 января.
[13] М.Л. Войнич.
[14] *В.Ив. [Засулич] произвела эту кличку от «Free Russ[]», – так наз[ывалось] русско-англ[ийское] Общество, созданное, главным образом, Степняком в Англии из лиц, сочувствовавших и готовых помочь освобождению России.* – Прим. Л.Г. Дейча.

* Раковский, отправлявший массу книг летом [18]93 года (когда Войнич б[ыл] в Швец[ии]), г[ово]рил мне, что сам их все переписал и отдал список Глико. Но тот мог, конечно, снять копию своей рукой.

[15] Последние строки вписаны между строк на обороте первого листа письма.
[16] Не ясно, о каком авторе или работе идет речь.
[17] В библиотеку Британского музея.

153
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову[1]

1895, начало февраля
Лондон[2]

Милый Жорж,

как хорошо Вы писали в субботу[3] про то, что напишете в воскресенье, – даже точно обозначили, в каком часу в воск[ресенье] открыта почта. Теперь я боюсь, что Вас опять схватила инфлуэнца[4] – тем более что Вы тотчас же после нее (и даже не после, т[ак] к[а]к она только «кажется, проходит») изволили бегать по Ландольтам[5]. Утешает меня несколько лишь такое предположение: Вы находите, что надо с письмом послать счеты, но по многолетней особенности своей не решаетесь перебрать систематически вещи (вынимая их из шкапа) в том шкапу, где лежат счеты (Вы отсюда даже видели, как они лежат). Как я Вас многократно учила и даже теоретически доказывала согласно марксизму и диалектическому способу мышления. Вместо этого Вы – отсюда вижу – лишь по временам запускаете в шкап руку и все там переворачиваете и перемешиваете. Если мое предположение, что в этом заключается причина неписанья, верно, то Вы уже более никогда не напишете, так как счетов никогда не найдете. Я в прошлый раз так спешно писала, что не выразила своего удовольствия по поводу книги Бельтова[6], а между тем я б[ыла] ей ужасно рада, т[ак] к[ак] в душе начала уже ее хоронить. Она мне даже мешает, т[ак] к[ак] я нет-нет да и принимаюсь в ней рыться, искать разных милых мест, чтобы посмотреть, целы ли они и «каковы в печати», – почти все целы, хотя примечания о Кривенке мне жалко[7]. Не соблаговолите ли Вы выписать через своих козлят вышедшую книгу Максима Ковалевского «Происхождение современной демократии», издание К.Т. Солдатенкова?[8] Она, кажется, ужасно интересная. О ней в газете большая рецензия. А еще соблаговолите выслать наше издание перевода «Фейербаха» Энгельса[9].

Низко кланяюсь и поручаю себя Вашему благоволению.

Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.33. Л. 1 – 2 об. Автограф с пометками рукой Л.Г.Дейча и В.И.Засулич. Сохранилось «приложение» к письму с ремарками Дейча о кафе Ландольт (прим.3) и Р.М. Плехановой: «О Бельтове. Монизм. Отметить почти любовное отношение к разным местам этой работы, которую Г.В. ей диктовал». Первые три слова подчеркнуты простым карандашом. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 301–302; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 3. М., 1973. С. 218–219. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] По верхнему полю первого листа рукой В.И. Засулич оставлена запись: «Не мой дом № 29. Кварт. 4». Левее приписки Засулич отметка рукой Л.Г. Дейча: «Из Лондона в 189[6 г.]». Последние два знака – «6 г.» – затерты

[2] Датируется по упоминанию о книге Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая вышла из печати в начале января 1895 г., и в сопоставлении с док. 154.
[3] Письмо Г.В. Плеханова не обнаружено.
[4] Инфлуэнца (итал. Influenza, от лат. influo – вливаюсь, проникаю, распространяюсь), название гриппа, появившееся во время пандемии 1780–1782 гг.
[5] *Ландольт – ресторан, расположенный вблизи квартиры Г.В. [Плеханова], куда он в течение многих лет любил заходить, обыкновенно около полуночи, после продолжительных занятий, чтобы за кружкой пива и газетой отдохнуть или побеседовать с кем-нибудь из русских и иностранных знакомых.* – Прим. Л.Г. Дейча.

Ресторан, в котором не только в те времена, но и в последующие десятилетия собирались русские политические эмигранты.
[6] *Бельтов Н.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (СПб., 1895).
[7] Г.В. Плеханов писал книгу осенью 1894 г., когда жил в Лондоне. В.И. Засулич помогала ему, переписывая отдельные части книги.
[8] В.И. Засулич ошиблась: книга была издана в типографии А.И. Мамонтова.
В 1895 г. вышел первый том (ч. 1–4) этого значительного труда М.М. Ковалевского.
[9] Имеется в виду: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем., прим. Г. Плеханова. Женева: Тип. «Социал-демократа», 1892. 105 с. (Библиотека современного социализма; Серия 2; Вып. 1).

154
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, после 15 февраля
Лондон[1]

Милый Жорж,

болезнь у меня продолжается, но ведь это обыкновенная болезнь, которая каждую зиму разок-другой непременно бывает и без мушки или с мушкой все равно проходит. На этот раз их, положим, соединилось несколько сразу. Кроме кашля с лихорадкой, еще ревматизм и невралгия (½ носа). Благодаря Элеонориным[2] морфийным лепешкам[3] по ночам я все-таки кое-как, хоть и немного, да сплю, но зато главный кашель перебрался на утро, и в музей ходить решительно нет возможности, а чтобы кончать Руссо[4], мне необходимо натаскать всяких свидетельств о том, как именно перевирали его разные его «ученики» сообразно со своим временем, направлением (у него б[ыли] с самыми разнообразными направлениями) и положением. Поэтому Руссо стоит. Фрейбергеру Вы написали, конечно, совершенно напрасно, но я надеюсь, что он и не придет. А если не придет, то мне от Вашего письма будет одна польза – можно будет приличным образом еще одно (в последнее – вчера – не была) воскресенье не быть у Энгельса.

Элеонора мне еще раз дала 15 ш[иллингов], всего два раза. С них мне, конечно, бы не прожить: 15 ш[иллингов.] не хватает при всем старании даже на неделю (с квартирой), а она дает через две. Но у меня тянулись и теперь еще потягиваются деньги, присланные из Цюриха.

У Мендельсонов действительно, к сожалению, всего веселее. Разговор там всегда о чем-ниб[удь] интересном, не хозяйственном, по-французски. И еще у меня нет ощущения, чтобы они занесли меня в категорию «Mann (или Frau)-der That»[5], категорию в высшей степени многоуважаемую и почтенную, по которой от самого Бога полагается быть лишь слегка умнее пробки. А немцев я в этом сильно подозреваю. Русских давно не видала. Наслать Вам их, Фаничку, напр[имер], на меня не удастся: будет себе говорить, зачем не живет ближе, тогда бы

ходили. Кит[6], конечно, животное честное, но бывать там и холодно, и zwecklos[7] – скучно. Они-то сами все Männer der That[8].

[9]Павла от меня поцелуйте и поставьте ему за меня мушку[10].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.129. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. 289–291. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о предстоящем возможном визите доктора Фрейбергера. Из письма В.И. Засулич к Ф. Энгельсу от 15 февраля 1895 г. следует, что доктор Фрейбергер еще не навестил ее (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 720–721).

[2] *Э. Маркс-Эвелинг.*

[3] Морфин, алкалоид опия, препарат из группы обезболивающих средств, при длительном применении вызывает болезненное привыкание, ведущее к наркомании. В прошлом широко использовался в терапевтических целях в виде порошков, таблеток, растворов и лепешек.

[4] В.И. Засулич работала над статьей «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его идей».

[5] Человек (или женщина) дела (*нем.*).

[6] Шутливое прозвище С.М. Степняка-Кравчинского.

[7] Бесполезно (*нем.*).

[8] Люди дела (*нем.*).

[9] Эта строчка приписана по верхнему полю первого листа.

[10] На этом письмо обрывается. В первой публикации данное письмо напечатано с последним заключительным фрагментом, отсутствующим в архиве Дома Плеханова. Приводим его текст: «*... какая-то ursprunglich Stumpfheit des Gemüths [первоначально тупость чувства – нем.]. Кроме этого, я совсем уже почти здорова. Так что пока одно мне с ним горе. Ходила в музей и прочла, что Луи Блан говорит о Руссо: вот противная дрянь! Он перед ним на коленях, считает учителем и родоначальником своего социализма и при этом тщательно вычищает его от всех решительно мыслей, оставляя при самой малости sentiment.*

Послала вчера рукопись заказной. Деньги Гуков[ского] продолжают не приходить. Элеонорка ужасно пристает (карты пишет для этого) написать в ихней «Clairon» [«Clarion»] для 1 мая 3 mots. Мне бы ей просто хотелось сказать: «Отвяжись, постылая!» Но знаю, что нельзя, и, чтобы отговориться, надо длинно разговаривать, так что выгоднее написать.

Ваша Вера».

Представляется, что содержание отрывка все же не дает абсолютных оснований, чтобы считать его частью данного письма.

155
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1895, 17 февраля
Цюрих[1]

Дорогой Жорж!

Т[ак] к[ак] я хочу послать требуемую книгу chargée[2], то придется обождать до завтра, ибо почты закрыты. (Если найду открытой одну, то вышлю сегодня).

До сегодняшнего дня мне и письмо писать трудно было, да, кроме того, неприятно было бы жаловаться на свою судьбу. Дело в том, что с четверга у меня появилось накожное воспаление (Exzem) вследствие заразы от моей маленькой племянницы[3], у которой завтра делают операцию. Это воспалительное состояние мне не давало спать и лишало возможности даже сосредоточиться на чтении [вследствие почти непрерывных молниеобразных ощущений сильных уко-

лов. Спал я часа 3–3½, а днем все бегал по комнате][4]. Сегодня значительно легче, особенно после обеда.

Из сего видишь, какой злой рок меня преследует. Понед[ельник], вторник, среда работа шла так хорошо, что я мечтал в субботу или в воскресенье начать диктовать для того, чтобы тебе послать первые две главы на просмотр, а в то же время приступить к заключительной главе[5]. И вдруг – помеха с такой стороны, с какой и во сне не мерещилось.

Само собой разумеется, что из-за меня остановки не должно быть. Я же с своей стороны завтра опять примусь за нее[6], – и если моя голова будет как на прошлой неделе, то в субботу или в воскресенье, пожалуй, сумею выслать тебе две главы, набело переписанные. Если я не пишу, то не из-за докторских или вообще гигиенических соображений, а вследствие физической невозможности в буквальном смысле слова. Все равно как человек, у которого ноги с полуразмягченными костями, подвигается вперед, останавливаясь по получасу через каждые пять минут, потому что не в состоянии двигаться, хотя наружно этого и не видно. Вот почему, раз я могу работать головой, никакие докторские запреты не удержат меня.

Деньги получил. Если тебя избавила от нужды получка из надлежащего места, то я против возвращения ничего не имею[7]. Такие огорчения хоть каждые два месяца преподноси мне. Но если тебя выручил другой источник, да еще с грехом пополам, то твое возвращение посл[едней] суммы действительно огорчило бы меня, т[ак] к[ак] пока что она бы помогла тебе на время разделаться с неотложными долгами. Ведь теперь мне очень редко удастся устраивать финансовые операции. А раз хоть отчасти повезло, так уж и пользуйся.

В «Н[овом] в[ремени]» опять были заметки[8]. Одну я заполучил; если ты их прозевал, то пришлю тебе.

Привет Р[озалии] Марковне и детям.

Твой Павел

Опять начинает кусать[9].

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61a. Автограф. Опубл.:
Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925.
С. 108–109. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о ходе болезни дочери Кальмансона, Нади, которой, как следует из письма от 20 февраля (среда) (док. 157), стало лучше. Сопоставляя упоминаемые в данном письме дни недели и информацию о предполагаемой «на завтра» операции, можно заключить, что письмо написано в воскресенье, 17 февраля.

[2] Lettre chargée (*фр.*) – ценное письмо.

[3] Дочери Кальмансонов.

[4] Текст, заключенный в квадратные скобки, при первой публикации был опущен.

[5] Речь идет о статье «Главнейшие запросы русской жизни» – см. прим. 2 к док. 145.

[6] За статью.

[7] *Г.В. Плеханов около этого времени получил часть гонорара за свою книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] *П.Б. Аксельрод в это время очень интересовался процессом начинавшейся тогда европеизации русской буржуазии, старался следить за выступлениями ее представителей и т.д; именно около этого времени в своей статье «Die revolutionäre Kräfte Russlands einst und jetzt» («Neue Zeit», 1894–95) он отмечал как знаменательное для того времени явление выступление такого ученого, как Д. Менделеев, в качестве идеолога русской торг.-пром. буржуазии. Под этим*

углом зрения П.Б. Аксельрод старался следить и за «Новым временем» (ежедневная газета, выходившая в Петербурге под редакцией А.С. Суворина и бывшая в тесной связи с финансовым и крупночиновничьим миром), которое получалось в библиотеке цюрихской колонии. Так как Г.В. Плеханов, поглощенный литературной работой и общетеоретическими вопросами, не имел времени так внимательно следить за русскими газетами, то П.Б. Аксельрод делился с Плехановым своими впечатлениями от газет и время от времени пересылал ему номера газет с наиболее интересными сообщениями. – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] Фраза при первой публикации была опущена.

156
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, 19 февраля
Вторник
Лондон[1]
Regent Squar[e], № 46

Милый Жорж,

отправила утром письмо, а вечером получила Ваше[2] и книжку «Р[усского] б[огатства]»[3]. Я очень рада, что на расстоянии Вы намерены на меня не сердиться, что бы я ни наболтала. А то ведь тут такая коллизия. Мне кажется, у людей вообще (и уж, несомненно, у меня в частности) есть потребность кому-ниб[удь] иметь возможность болтать все, что угодно, с уверенностью, что настолько тебя знают, настолько близки с тобой, что обругать, конечно, могут, но всерьез рассердиться, переменить отношение не могут, что бы ты там ни наговорил. Это и есть, мне кажется, одна из существенных черт дружбы. Но, с одной стороны, я знаю, что взятый «an und für sich»[4] Вы меньше кого бы то ни б[ыло] на свете пригодны для выслушивания чужих глупостей, а с другой, – во всей Европе, по меньшей мере, – у меня нет никого, хоть бы наполовину настолько близкого, как Вы, а в Азию письма идут два мес[яца], их жандармы читают[5], при таких условиях потерялась нить болтовни, привычка свободного разговора. Отсюда и выходило, что глупость-то я написала, а затем мысленно читаю ее Вашими глазами и вижу Вас злым. Понятно, как я рада, что, по меньшей мере до теплого времени (когда у меня не будет резонов заболевать) мне не надо будет, отправив Вам письмо, читать его потом Вашими глазами.

А ведь предсказывала я, что Мих[айловский] может с видимым правом массу напищать о «героях и толпе»[6], т[ак] к[а]к употребляет слово «герой» в другом смысле. Статья не сильна, но не без ловкости написана. Очень уж «слабы», конечно, жалобы на «резкость». Это после его-то громов против того «мы», к которому, он же сам говорит, причисляет себя Бельтов…[7]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.42. Л. 1 – 1 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 300. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании письма Г.В. Плеханова к Ф. Энгельсу от 20 февраля 1895 г., в котором он сообщает об отправлении В.И. Засулич январского номера журнала «Русское богатство» (Маркс К., Энгельс Ф. и революционная Россия. М., 1967. С. 721). См. также: док. 152.

[2] Письма Г.В. Плеханова и В.И. Засулич не обнаружены.
[3] Вероятно, речь идет о первом, январском номере журнала «Русское богатство» за 1895 г., в котором Н.К. Михайловский в ежемесячном обозрении «Литература и жизнь» поместил критический разбор книги Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
[4] Сам по себе (*нем.*).
[5] *Очевидно, В.И. [Засулич] имела здесь в виду переписку со мною и со Стефановичем.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[6] В январском обозрении «Литература и жизнь» Н.К. Михайловский, возвращаясь к проблеме «героев и толпы», упоминает свою статью 1882 г. «Герои и толпа».
[7] Следующие пять строчек вымараны, и письмо обрывается.

157
П.Б. Аксельрод – Р.М. Плехановой

1895, 20 февраля
Цюрих[1]

Надя[2] уже 8 дней лежит в постели, в субботу уже вечером, особенно в воскресенье ей сделалось очень плохо, т[ак] что Кальмансоны испугались. Теперь ей значительно лучше. В субботу Кальм[ансон] кончает экзамены и вступит в кефирное рабство, чтобы меня совсем освободить. Привет от всех моих.

Ваш Павел

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л.4. Автограф карандашом на почтовой карте со штемпелем: «20.II.95. Zürich». Адресовано: «M-me Dr. Bograd. Rue de Candolle, 6. Geneve». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю.
[2] Племянница П.Б. Аксельрода, дочь Кальмансонов. См. прим. 3 к док. 155.

158
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, 21 февраля
Лондон[1]
Четверг ночью

Ловка статья Мих[айловского][2] в том смысле, что, сумев с видом большой основательности доказать целых три «недобросовестности», как он говорит, Бельтова, он мог с полным приличием умолчать о наиболее едкой у Бельтова стреле в него («фиглярстве» по поводу Жуковск[ого][3]).

А что у Н – она делает «апологию власти денег»?[4]

Фрейбергер вторично не б[ыл], конечно, как и следовало ожидать. Только Вы его, пожалуйста, не трогайте. Ну, какая ему может быть надобность, чтобы я б[ыла] здорова? Я здесь теперь в первый раз живо поняла, до какой степени человек (солидный, деловой и добычливый, каковы здесь все и немцы, и русские, кроме глупенькой, полуграмотной и полуголодной девочки Абрамовой[5]) чело-

веку волк, только не в смысле «бестии», кусающей врагов – для волка это идеализм. Да и лекарства Фрейб[ергера] мне ничуть не помогают. До какого места я себя вылечила хлоралом[6], так и остается. Кашель остается сухим и болезненным, хотя и не такой частый, как до хлорала, и слабость большая, а главное, я и часу не могу, даже после кофею, интенсивно думать и писать, – сейчас туман в голове и спать захочется, а только лег, уж расхотела; начинает мучить мысль, что можешь и могла бы кончить статью, а она ни с места. Книги, кроме «Богатства»[7], не приходят. Деньги тоже, и с ними, наверно, вышла ошибка. Но деньги у меня еще есть. Да к тому же в Сити[8] лежат 30 ш[иллингов], за к[о]т[о]рыми не иду по болезни. Нет, уж где мне сделаться хорошей «Блонда-бестия»! Хотя я, право, желала бы. Война идет настоящая. А что делать со статьей Элеон[оры][9], когда она ее представит? Какие дурацкие последние стран[ицы] их «письма» в «Богатстве» о литературе![10] Плохо даже для «одностороннего фельетона». Пишите бедному зверю, хотя он по беззубию и не годится в «бестии». Так мне тоскливо.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.437. В 487. 35. Л. 1 – 1 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 291–292. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию посещения доктора Л. Фрейбергера. Из письма Ф. Энгельса к Г.В. Плеханову от 26 февраля 1895 г. (это вторник) следует, что неделю тому назад, т.е. 18 или 19 февраля, у В.И. Засулич был доктор Фрейбергер и «еще два раза» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С.722). Учитывая, что на письме указан день недели – четверг, можно предположить, что письмо было написано 21 февраля.

[2] Речь идет об ответе Н.К. Михайловского на книгу Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», помещенном в обозрении «Литература и жизнь» в журнале «Русское богатство» (1895. № 1, январь).

[3] Речь идет о Ю.Г. Жуковском. Имеется в виду фрагмент книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», где автор обращается к ранней работе Н.К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» и сопоставляет его оценки «Капитала» К. Маркса (*Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. Т. 1. С.694–698).

[4] Имеется в виду статья Н.Ф. Даниельсона «Апология власти денег, как признак времени», напечатанная под псевдонимом «Николай-он» в журнале «Русское богатство» (1895. № 1, 2).

[5] Личность установить не удалось.

[6] Хлорал, хлораль – альдегид, при взаимодействии с водой дающий хлоральгидрат – успокаивающий, обезболивающий и снотворный препарат.

[7] Имеется в виду журнал «Русское богатство».

[8] Сити (City) – центральная часть Лондона, в которой сосредоточены конторы и правления крупнейших банков и страховых компаний.

[9] Вероятно, речь идет о статье для майского листка «Работника» (1896). Э. Маркс-Эвелинг представила статью под названием «Как живется рабочим в Англии».

[10] Под названием «Письма из Англии» за подписью «Av.» в «Русском богатстве» ежемесячно публиковались обозрения Э. Маркс-Эвелинг.

В письме идет речь о заключительных страницах обозрения Э. Маркс-Эвелинг с заметками о новых английских книгах (Русское богатство. 1895. № 1. С.73–76).

159
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, февраль[1]
Лондон

Милый Жорж,

принимаюсь отвечать на оба Ваши письма[2]. Мне не кажется, чтобы отсутствие известий означало крушение Леты при переезде Рубикона[3]. Ведь корреспондентам утонуть по этому случаю не было никакого резона, и они могли бы одинаково известить о хорошем и дурном исходе[4]. Просто затянулось дело, хотя, конечно, это не очень-то хороший признак. Присылайте поскорее счеты[5]. А Вы не ответили, правду ли мне говорил Лазарев, что вышло Soz[iales] aus Russland[6] и дали ли Вы экземпляр Энг[ельсу], если правда? К счету, что Вы у них[7] взяли книгами, прибавьте то же, что у кого-ниб[удь] из них (кроме Сергея, конечно) брали взаймы, если брали. Они тоже считают: «И деньгами брал». «Board of Trade», если только есть за целый год в продаже, Вы непременно получите. Только об Olyett Элеонора не слыхивала, а написано Eyre and Spottiswood'у. 15 шил[лингов] она мне дала. За перевод она получает отдельно, кажется, тоже по 15. У Энгельса в воскресенье была. Ничего замечательного он не говорил. Неделю тому назад, во вт[орник], была у Мендельсонов. Я могла бы к ним повадиться. У них интересно, совсем не скучно, в противоположность Бернштейнам, у к[о]т[о]рых скука смертная. «Мари» отлично умеет занимать, заботиться о том, ч[тобы] ни один гость не сидел сычом. У них англичане были, знаменитый Гайндман, его для меня заставляли говорить по-французски. Он очень умный на вид и очень живой, скоро так и горячо говорит – не по-английчански; хоть, м[ожет] б[ыть], и скотина, какою его считают все наши немцы. Но… но… из предусмотрительности едва ли следует туда очень-то поваживаться. Когда англичане ушли, мне предложили посидеть еще, а потом меня проводят, а т[ак] к[ак] б[ыло] уже за полночь, и, если читать английские газеты, то в неделю 2–3 убийства на улице или хоть покушения (на нашем Россель-сквере недавно было) непременно ночью встретишь, то я этому предложению обрадовалась. Мендельсон был под хмельком и принялся разглагольствовать против нем[ецкой] с[оциал]-д[емократии] в таком жанре, к[а]к при немцах я не слыхивала. «Верил, мол, и я когда-то их брошюркам, все одни фразы». Ересей, конечно, может наговорить самый отличный человек, но у него чувствуешь как-то, что это не просто разговоры, а[8] собирается он собаку вешать и поэтому уверяет, что она бешеная. Я, конечно, спорила, а жена его старалась смягчать смысл его речей, слегка принимала мою сторону.

Страсть писать и думать, главное, о «Капитале»[9] у меня, слава Богу, понемногу проходит. Когда мне показалось, что Вы не слушаете, я удовлетворила свою страсть к разговору о «Капитале», изложивши по пунктам все свои выводы Павлу[10] в самой страшной форме. Сегодня получила ответ[11]. Он не хочет окончательно пугаться и приводит несколько доказательств шествия капитализма к социализму и, помимо социалистического сознания рабочих (каковое шествие я отрицаю). Я его, положим, сейчас опровергну, но уж охоты особенно писать об этом у меня больше нету, слава тебе господи. Мне кажется, что «абсолютная» рента (отличная от дифференциальной) Маркса очень похожа на Родберт[уса], вытекает ее возможность, как и у того, из преобладания в земледелии переменного капитала над постоянным. Но я не так отчетливо помню Родбертуса, осо-

бенно плохо помню его отношение к дифференциальной ренте. У Маркса абсолютная рента входит в цену хлеба – будь земледелие в тех же условиях, как друг[ие] отрасли пром[ышленности], с таким же составом капиталис[тов], хлеб б[ыл] бы дешевле, а уровень прибыли в стране выше – а дифференциальная нет. Маркс в примечании делает комплимент замечательному труду Родб[ертуса] о ренте и обещает поговорить о нем в IV томе[12], но это не по поводу абсолютной ренты, а дальше, по поводу роста ренты при последовательном вкладывании капиталов в одну и ту же землю.

Здоровье ничего себе. Кашляю, положим, и бок побаливает, но умеренно. Гораздо хуже повадившаяся[13] у меня, особенная зубная боль, начнется где и зубов-то нету, разрастается потом на всю половину лица, так что болит, кроме виска и глаза, равно ½ бороды, ½ носа, ей Богу, полноса. Хорошо, хоть не очень долго длится, а то страсть сильная. Спросите у Р[озалии] Марк[овны], бывает ли такая болезнь и нет ли от нее лекарства.

Присылайте же счеты, а суббота сама по себе.

Аня не писала.

А В.В.[14] до того противен в этих статьях, ч[то] уж и спорить не хочется, а просто плюнуть в морду. Местами доходит до абсолютной пошлости, например в рассуждении о «симпатии» и «жалости». А замечательно, ч[то] и он ни слова не возражает на экономическую часть книги Струве[15].

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф.1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.128. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл. (частично): Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 296–297. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо датируется по упоминанию Засулич о визите к Ф. Энгельсу накануне его отъезда в Истборн, т.е., не позднее июня.

[2] Письма Г.В. Плеханова не обнаружены.

[3] Ссылки на мифологические сюжеты носят аллегорический характер. См. прим. 4.

Лета (от греч. lethe – забвение), в древнегреческой мифологии река, протекающая в подземном царстве. Души мертвых, отведав воду из нее, забывали о своей земной жизни. В переносном смысле образ Леты обозначает забвение. «Кануть в Лету» – быть забытым, исчезнуть без следа.

Рубикон (лат. Rubico(n)), река на Апеннинском полуострове, впадающая в Адриатическое море, к Северу от г. Римини. Служила до 42 г. до н. э. границей между Италией и римской провинцией Цизальпинская Галлия. 10 января 49 г. до н. э. Юлий Цезарь с войском, вопреки закону (как проконсул он имел право возглавлять войско только за пределами Италии), перешёл Рубикон и вторгся на территорию Италии, начав тем самым гражданскую войну. Отсюда крылатое выражение «перейти Рубикон», означающее принятие бесповоротного решения.

[4] Вероятно, речь идет о транспорте нелегальной литературы, отправленном группой «Освобождение труда» в Россию. Возможно, что о трагическом исходе этой операции говорится в письме О.М. Полинковского к Г.В. Плеханову от 21 февраля 1895 г.: «В заключение печальное известие. Наш пограничник, о коем П.Б. [Аксельрод] кое-что, вероятно, Вам передавал, погиб. Подробностей не знаю, но что он попался – вне сомнения. А виноват недостаток сноровки». – См.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Т. 4. С. 286.

[5] См. док. 145.

[6] Речь идет о брошюре под названием «Фридрих Энгельс о России», опубликованной группой «Освобождение труда» в 1894 г. Брошюра состояла из двух статей Энгельса: «О социальном вопросе в России» («Soziales aus Russland») (1875) и «Послесловие» к этой статье (1894). Перевод был сделан В.И. Засулич, а предисловие «От издателей» написано Плехановым.

[7] Имеются в виду члены «Фонда Вольной русской прессы».
[8] Далее несколько слов вымарано.
[9] О недавно вышедшем в свет третьем томе: *Marx K.* Das Kapital: Kritik der politischen Oekonomie. Dritter Band. Hrsg. Von F. Engeis. Hamburg, 1894.
[10] Письмо В.И. Засулич к П.Б. Аксельроду не обнаружено.
[11] Письмо П.Б. Аксельрода к В.И. Засулич не обнаружено.
[12] Имеется в виду примечание К. Маркса в третьем томе «Капитала» о заслуге Родбертуса в исследовании ренты (*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 340).
[13] Так в тексте.
[14] Вероятно, речь идет о книге В.В. (псевдоним В.П. Воронцова) «Очерки теоретической экономии» (СПб., 1895). Она хранится в личной библиотеке Г.В. Плеханова (А 1257) и имеет пометы Плеханова.
[15] *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894.

160
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1895, февраль – март
Лондон[2]

Уравновеситься по примеру Сергея мне никак невозможно. У него равновесками служат, кроме Фанички, 3 собаки, ангорская, очень балованная кошка, большая квартира (т.е. целый маленький домик), и все это надо поддерживать в чисто английском стиле, чтобы было совсем «honorable[3]», для приема почтенных англичан. Со всем этим, конечно, забот полон рот, – надо массу зарабатывать, и делает он это со вкусом: чувствуется, что думает он так век свековать. Вот это и есть его уравновешенность. Цельных, последовательных взглядов у него никогда не было, нет и теперь. Рядом с «Драгоманьядой» он может сказать, что надо опять приняться за старую специфическую практику павинцев[4], от чего, по мне, Боже упаси. Но все это для него так себе, и интерес жизни сосредоточен на текущих, наваленных им на себя комильфотных[5] заботах. (У моряка[6] вместо собак трое детей и очень мало заработка, а все же он менее поглощен личными делами, чем Серг[ей]. Его старое павинство занимает большой кусок в его жизни, и вообще в нем более сохранилось старых хороших черт). Я вовсе не отношусь к нему неодобрительно. Он милый, честный человек, но не об чем нам говорить, нет общих интересов. Я хоть и даю себе слово ежедневно мести свою комнатку, но даже и этого не исполняю. Утром проспишь и спешишь в музей[7], а, вернувшись, кажется, зачем ее вечером мести, пусть остается до завтра. Но, если бы я даже начала это делать каждый день аккуратно, этим все же не увлечешься и не уравновесишься.

Третий том «Капитала» я прочла. «Противоречие» разрешается именно так, как и казалось всем, кто об этом думал или писал: продукты тех отраслей промышленности, где преобладает переменный капитал, продаются ниже, а где постоянный – выше своей стоимости. Таким образом, «прибавочная стоимость» делится между капиталистами сообразно не количеству занятых ими рабочих рук, а величине вложенных в предприятия капиталов; в среднем же товары продаются по стоимости; поэтому прибыль, по мере роста капитала в стране, уменьшается относительно.

Настоящими «оппортунистами» в рабочем мире являются англичане. Ни на какие принципы они внимания не обращают, а гоняются только за матери-

альными выгодами. Немцы по сю пору ровнехонько ничего материального не получили, если не считать десятков тысяч лет отсиживания на всю компанию. А все-таки никто не усумнится, что они представляют собой бесконечно большую силу в жизни своей страны, чем англичане в своей. Политика Фольмара была бы началом постепенного стаскивания немцев на уровень англичан.

Лично я Струве не встречала, но слыхала о нем. Он хороший парень, хотя в книге[8], как выразился в письме один его приятель, «пересобачил, шельма, объективизм»[9]. Теперь вышла в Питере другая книга, Бельтова[10], которая даст настоящий тон, и сам Струве с ней, кажется, согласен.

Конечно, мне и в голову не придет сердиться за какие бы то ни было перемены, скрашивающие твою жизнь[11].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 772. АД. 1/24.32. Л. 2–3.
Копия рукой Л.Г. Дейча с его позднейшими пометами. Опубл.:
Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 250–251.
Публикуется по копии Л.Г. Дейча.

Примечания

[1] Текст публикуемого письма В.И. Засулич приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от апреля 1895 г.

[2] Датируется на основании письма Л.Г. Дейча к Я.В. Стефановичу от апреля 1895 г., в котором содержится копия письма Засулич. Учитывая, что письма из Западной Европы в Сибирь шли не менее одного месяца, иногда много дольше, можно предположить, что письмо Засулич написано в феврале или марте 1895 г.

[3] Почтенный, уважаемый (*фр.*).

[4] *«Павинцами» мы называли народовольцев; под их системою В.И. [Засулич] подразумевала террор: «Драгоманьядой» Вера Ивановна называла воззрения М. Драгоманова, шедшие вразрез с народовольческими. Кравчинский, однако, ухитрялся признавать правильными одновременно те и другие.* – Прим. Л.Г. Дейча.

[5] От comme il faut (*фр.*) – как надо, как следует, т.е. прилично, в соответствии с правилами светского этикета.

[6] Речь идет о Е(Э).А. Серебрякове.

[7] Имеется в виду Библиотека Британского музея.

[8] Имеется в виду книга П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894).

[9] Вероятно, речь идет об А.Н. Потресове, который переписывался с Г.В. Плехановым с 1892 г. и переслал в Женеву книгу Струве. – См.: Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892–1905 гг. М., 2007.

[10] *Бельтов Н.[Плеханов Г.В.].* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1895.

[11] Последняя фраза письма была ответом В.И. Засулич на сообщение Дейча о его сближении с М.А. Ананьиной.

161

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, после 3 марта
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

деньги получила. Как увидела я в Вашей карте[2], что Вы их отправили «Надежде»[3], я, б[ыло], думала, ч[то] не от этого ли и Гуковск[ого] деньги не получа-

ются? Меня Элеонора своим умом в музее[4] записала Верой Бель. Я нашла, ч[то] так и лучше. Паспорт ведь все равно в Монетье[5] остался. Я и у хозяек и на почте везде стала расписываться V. Но нет, выдали без разговору.

Была третьего дня у Энгельса. Ничего интересного. О книге Бельтова не говорил. Верно, еще не прочел[6]. Говорил только, что Вы ему прислали «письмо к царю»[7], должно быть, то, с которым «Фонд» все носится.

Пишу в музее в ожидании книг. Погода стала сравнительно теплейшая, но именно теперь почему-то свирепствует инфлуэнца. Из знакомых (Мендельсоны, Моттелеры) поболеют с неделю да и выздоравливают, а лондонцы-англичане, по газетам, мрут, должно быть, из unemployed[8].

Книги пришли[9]. Письма от Вас утром не было.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Кд. Хр. 437. В 487.30. Л. 1 – 1 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 289. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о «письме к царю», присланном Плехановым Ф. Энгельсу.
[2] Почтовая карточка Г.В. Плеханова не разыскана.
[3] Под именем Надежды Бельдинской В.И. Засулич жила в Лондоне.
[4] Библиотека Британского музея.
[5] *Деревушка над Морнэ, где одно время жила Вера [Засулич].* – Прим. Л.Г. Дейча.
[6] Книгу Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Засулич передала Энгельсу 31 января или 1 февраля 1895 г., а 8 февраля Энгельс в письме к Плеханову сообщил: «Вера вручила мне Вашу книгу, за которую благодарю, я приступил к чтению, но оно потребует известного времени» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 717–720).
[7] В письме к Ф. Энгельсу от 3 марта 1895 г. Плеханов сообщал: «Прилагаю ответ русских либералов на знаменитую речь Николая. Письмо было перепечатано в Лондоне, но оно подлинно; оно обошло всю Россию…» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 726).
[8] Безработный (*англ.*).
[9] О каких книгах идет речь, установить не удалось.

162

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову[1]

1895, после 7 марта[2]
Лондон

Дорогой Жорж,

это письмо оттуда же, откуда и все те, содержание которых я Вам передавала. Только на другой адрес, «Эдя»[3] мне его передал. Должно быть, Женичка[4] плохо поправляется, что не пишет, и Вам теперь, бедному, не до болтовни.

Ваша Вера

Прислал еще ордер на 1 фунт 19 пенсов, теперь уже на имя Nanine, должно быть Гук[овский]. Еще не ходила получать.

Приехал Селит[ренный], не доехавший до места, куда ехал.

РНБ. АДП. Ф.1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 436. В 487.1. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 300–301. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо написано на оборотной стороне следующего письма:

«Sehr geehrter Herr!

Es fängt mich an zu beunruhigen Ihr völliges Schweigen; sind Sie auch gesund? Haben Sie meine beibe Briefe erhalten? Schreiben Sie wie es Ihnen persönlich geht. Meine Briefadresse bleibt dieselbe. Mit Spannung erwarte ich Ihre Antwort.

Hochachtungsvoll, ganz der Ihre

A.v.Sch.».

Перевод: «Уважаемый г-н! Меня беспокоит Ваше молчание; здоровы ли Вы? Получили ли Вы оба мои письма? Напишите, как Вы лично поживаете. Адрес для писем мне все тот же. С нетерпением жду Вашего ответа. С глубоким уважением. Весь к Вашим услугам». (*Нем.*).

[2] Датируется на основании письма, на обороте которого писала В.И. Засулич.

[3] Э. Бернштейн.

[4] Женичка – младшая дочь Плехановых – Е.Г. Плеханова (по мужу – Batault).

163

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1895, между 11–17марта
Цюрих

Дорогой Жорж!

На прошлой неделе в «Нов[ом] вр[емени]» была маленькая рецензия[1]. Я лежал, больной инфлуэнцой, в постели до вчерашнего дня, а потому не мог сам достать газету и рассчитывал, [что] Пол[инковский] выписал заметку, послал тебе. Вчера я узнал, что он этого не сделал, да и № тот пропал. Но, может, ты сам видел и читал эту заметку.

Относительно сестры приятельницы могу только сказать, что не могу же я за ней бегать. Если она хотела познакомиться, то могла бы зайти, как все это делают[2].

Привет Р[озалии] М[арковне] и детям.

Твой П. А[ксельрод]

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 110. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Речь идет о рецензии на книгу Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», опубликованной в газете «Новое время» (1895. 20 февр. (4 марта). № 817) под псевдонимом «Г.».

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

164

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову[1]

1895, после 22 марта
Лондон[2]

Милый Жорж,

пишется Вам на Энгельсовском письме в доказательство, что я к нему хожу – иначе он бы не опасался, что приду, когда он там bouleversé[3]. Должна признаться, однако, что письму я обрадовалась. Теперь могу притаиться, пока не напишет приглашение. А к ближайшему воскресенью пригласить, надеюсь, забудет.

Меньше я стала Вам писать потому, что у меня совесть не чиста насчет работы: Теперь-то я пишу с азартом, но слишком поздно нашел азарт, слишком много остается делать. Я не думаю притворяться, что мне времени жалко, – мало ли я его зря трачу, хотя бы на грызню ногтей? А просто нет у меня этакой Freiheit des Gemüths[4], чтобы с чистой совестью болтать. Нахожусь в состоянии, когда похожа на собаку: глаза взволнованны, а молчит.

Очень рада, что вырезки еще не опоздали. Боялась я, что останутся народники за это не высеченными. В этаких делах их голос имеет значение. Нарушить «право собственности», «святость договоров» (выкупные сделки были договорами) даже и наше правительство может приличным образом лишь под видом «народного блага». Голос оппозиционной печати, специалистки по любви к народу, в данном и только в подобных случаях, для него важнее реакционной печати.

Волховский ничего мне не говорил о Вашем сотрудничестве в «Листке»[5]. Я его давно не видала, и мы с ним и Чайковским друг друга почти явно не любим. Готовы говорить мне (и я им) шпильки. Вас они считают лучше меня, добрее. Сергей тоже ничего не говорил, хотя его я недавно видала. Бедная Паша[6]! Надеюсь, Вы-то ей не прибавляли конфузу?

Ваша Вера

[7]Нет ли у Вас хоть Кареева о франц[узских] крестьянах?[8] В музее[9] нету, и я не знаю, в какое посмотреть об них сочинение. А непременно мне нужно. Всего больше мне нужно знать, насколько они еще были крепостными накануне революции. У Тэна – о беспорядках, голоде, но не об их положении[10]. А мне надо, – у меня около этого очень уж хорошо одна вещь придумана. Кабы я теперь дала себе волю, то написала бы листа 3 о «вещи» и прочем. Но я беру себя за ухо и отвожу от письма.

А Вы-то пишите! Ведь у Вас совесть чище горного хрусталя.

А хоть письмо Ваше б[ыло] без марки, но 5 пенсов с меня не взяли, – даром почему-то получила.

Если у Вас попадаются необычайные марки (немецк[ие], австр[ийские], румынские), вкладывайте их в письма: их моя хозяйка обожает, а полезно же ее подкупать. Она довольно милая.

РНБ. АДП. Ф. 1098. Оп. 1. Ед. хр. 210. Б 137.13. Л. 1–4.
Фотокопия. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4.
С. 204–205. Публикуется по фотокопии.

Примечания

[1] Начало публикуемого письма написано на листе с текстом записки Ф. Энгельса к В.И. Засулич от 22 марта 1895 г. Опубл.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 728.

[2] Датируется по письму Ф. Энгельса к В.И. Засулич от 22 марта 1895 г.

[3] Приведен в расстройство, беспорядок (*фр.*). Л.Г. Дейч сделал к этому слову следующее примечание: «*Энгельс в своей записке к В.И. [Засулич] говорит, что они в воскресенье будут без прислуги и потому не смогут принимать своих друзей*».

[4] Свобода духа (*нем.*).

[5] Имеются в виду «Летучие листки», издаваемые Фондом Вольной русской прессы в Лондоне под ред. Ф. Волховского. Известна только одна публикация Г.В. Плеханова в этом издании – его телеграмма по поводу смерти С.М. Степняка-Кравчинского (1896. № 28. 18 января).

[6] *Паша Шарапова вышла впоследствии замуж за известного толстовца Бирюкова, защищала на большом собрании женевской эмиграции и женевского студенчества философские взгляды Толстого и его положение о «непротивлении злу». На референтку посыпались по окончании чтения выражения, вопросы, принимавшие по временам очень ехидный характер. Паша Шарапова очень сконфузилась, растерялась и не закончила защиты своих взглядов. Это было в разгар увлечения толстовским учением русской молодежи и общества. Женевская политическая эмиграция вся почти без исключения относилась отрицательно к этому увлечению как мешающему ходу революционного движения. Плеханов был среди оппонентов, но, насколько мне помнится, он был очень мягок в своей критике, щадя сконфузившуюся референтку.* – Прим. Р.М. Плехановой.

[7] Последующий текст размещен автором на первом и втором листах по левому полю и на свободном пространстве между строк.

[8] Речь идет об одном из трудов Н.И. Кареева: «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (М., 1879) или «Очерк истории французских крестьян с древнейшего времени до 1789 года» (М., 1881).

[9] Библиотека Британского музея.

[10] Вероятно, имеется в виду труд И. Тэна «Происхождение современной Франции» (Les origines de la France contemporaine. Paris, 1875–1893. Т. 1–3). В.И. Засулич в этот период активно работала над статьей «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». В этой работе нет ссылок на работы Тэна, но много ссылок и замечаний на работу Н.И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века».

165
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, конец марта[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

понедельник, а письма нету! Это Вы на меня за письмо об Энгельсе рассердились? Верно, что очень глупо об этом пищать. Я и тогда же чувствовала. Разорвала одно письмо, смотрю – другое опять такое же! Ну, думаю, черт со мной. Не сердитесь – это, должно быть, от бессонницы. А мне приходится перебираться: хозяину дом понадобился, – выселяет всех жильцов. Он же мне дал адрес квартиры почти рядом, за церковью. Совсем как моя и на 1 ш[иллинг] дешевле. Адрес мой теперь тот же: Regent Square, № 46.

Не кончу я, очевидно, Руссо к сборнику, – мне это очень грустно, и стараюсь я изо всех сил, но их и так самая мелочь, а еще переборка![2]

Пишите.

Ваша Вера

Прилагаю для передачи Павлу письмо Банкира[3]. Я хотела его тогда же послать, да как-то забыла.

Автограф не обнаружен. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 298–299. Публикуется по тексту сборника «Группа "Освобождение труда"».

Примечания

[1]Датируется на основании первых строк док. 164.

[2] Речь идет о статье «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», которую В.И. Засулич готовила к сборнику, задуманному А.Н. Потресовым и Г.В. Плехановым (Курбатова И.Н. Неизвестная работа В.И. Засулич о либеральных народниках // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов: Сб. науч. тр. Л., 1980. Вып. 2. С. 12). Сборник был отпечатан и сдан в цензуру в мае 1895 г.

[3] Вероятно, имеется в виду Ф.О. Штакельберг.

166
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1895, конец марта[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Чтобы не опоздать сегодняшнюю почту, пишу только несколько слов. Кажется, в первый раз тактика наших и твоих специальных врагов производит на меня такое комическое впечатление, как теперь. Глупо, нелепо и подло! Мне кажется, что пока все это в области слухов – и предпринимать ничего не следует[2]. Пусть уж лучше предварительно оскандалят они себя. Кстати: ведь в случае обилия литер[атурной] работы, у нас может и в самом деле оказаться товарищем «кабатчик» (Кац в Плоэштах)[3]. А ведь у него ума и благородства уж, конечно, гораздо больше, чем у самого Кривенко.

Теперь о себе. Я обязан собственно исповедоваться перед тобою – но я сегодня, наконец, пришел в себя и скуплюсь временем. Ведь я до сих пор прямотаки хворал так, что буквально через 10–15 минут работы у меня голова начинала кружиться. Но, надеясь изо дня в день на окончательное выздоровление, я все откладывал писать тебе, чтобы махнул на меня рукой – и баста. Теперь, хотя я и ободрился духом и телом, все-таки не хочу брать на себя ответственности. Работать буду усердно, но не хочу остановки из-за себя. А потому действуй, как знаешь.

Теперь у меня к тебе очень настоятельная просьба – пришли мне Златовратского. Тут его нет. А между тем он мне для второй главы нужен[4].

Поклон Розалии Марковне и детям.

Твой Павел

P.S. Не смею тебя просить о письме – а очень хотелось бы знать о твоем здоровье, о ходе работы и о матер[иальном] положении, т.е. получил ли ты продолжение[5], которое дало бы тебе необходимое спокойствие от прозаических забот.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61a. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 106–108. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Речь идет, несомненно, о кампании народников против марксистов вообще, а Г.В. Плеханова лично – в особенности; эта кампания в связи с выходом книги Бельтова достигла особой остроты, доходя до указаний, что марксисты, если они желают остаться логичными, должны насаждать кабаки по деревням в целях ускорения пролетаризации деревни и т.д. О каких конкретных «слухах» писал П.Б. Аксельрод – неизвестно.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] В эти годы С. Кац жил в Румынии под фамилией Доброджану-Герея и средства для жизни зарабатывал тем, что вместе с другим эмигрантом Дическуло содержал буфет на станции в Плоешти.

[4] *Во второй главе своей неоконченной статьи «Главнейшие запросы русской жизни» П.Б. Аксельрод цитирует «Деревенские будни» (1879) Н. Златовратского.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] *«Продолжение» – гонорар за книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда», который организатором издания последней выплачивался в несколько приемов.* – Прим. Б.И. Николаевского.

167
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, март
Лондон[1]

Милый Жорж,

очень я рада, что Женичка поправляется[2]. Кричите на меня страшным голосом, буду стараться, а там, что бог даст. В первый раз в жизни я боюсь заболеть (а инфлуэнца чуть не у всех), отчасти, чтобы не перерывать своего старания, а также и из убеждения, что, наверное, никто не зайдет, как бы ни болеешь, т[ак] к[а]к Абрамова на практике, а у самого доброго из стариков, Серебрячка[3], у самого маленькая инфлуэнца Я у него была недавно, и мы по душе говорили комплименты – он Вам, а я ему, насчет сохранения старого радикальского духа. Ему тоже (он сам об этом заговорил) очень противен оппортунизм фондовцев[4]. Из Азии получила вчера большое письмо. Там всякие новости: Дмитро еще летом отправился по поручению начальства в экспедицию «для открытия кратчайшего пути от Якутска к Охотскому морю»[5]. Он уже имеет право разъезжать по Вост[очной] Сиб[ири], а по манифесту, может, и еще какие получит. На Каре результаты манифеста еще не известны, но ждут со дня на день[6]. Женька женился на Ананьевой, тоже каторжной политической. Мошка в Женькином письме заводит со мной большой спор. Я написала, что здесь народ «поумнел». Он, как Женька пишет, «с пеной у рта» доказывает, что всем следует поумнеть, и очень недоволен немцами, которые напали на Фольмара, выказавшего поумнение. Он и в теории стоимости вдруг усомнился. «Как, – спрашивает, – определите вы, сколько труда пошло на главный продукт, сколько на побочный (солома, деревянные опилки и пр[очее].), к[о]т[о]рые тоже имеют стоимость?».

Ну, из этого вопроса не видно, чтобы он поумнел, а видно только, что забыл теорию стоимости, хотя мне помнится, что Женька как-то упоминал, что «Капитал» у них в библиотеке есть.

Деньги и по «Nanine»[7] получила.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп.3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В. 487.38. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 307. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Письмо связано с текстом док. 162 (после 7 марта 1895 г.), в котором упоминается о болезни младшей дочери Плехановых и получении ордера на имя Nanin.
[2] Ответ на не сохранившееся письмо Г.В. Плеханова.
[3] Е.А. Серебряков.
[4] Сотрудники Фонда Вольной русской прессы. Далее несколько слов вымараны.
[5] Я.В. Стефанович в 1891 г. был переведен на поселение в Якутск, где в 1895 г. принял участие в исследовании Аянского тракта, пути от Аянского залива Охотского моря к Якутску.
[6] Имеется в виду Манифест от 14 ноября 1894 г., изданный по случаю бракосочетания Императора Николая II и принцессы Алисы Гессенской (в крещении Александры Федоровны).
[7] На это имя были высланы деньги для В.И. Засулич. См. док. 155.

168
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, первая половина апреля
Лондон[1]

Кто «душка» и «милка», так это не Кривенко, а Вы, Жоржик. Ну, а Павла – того и надувать не стоит: поверит и не обратит внимания! Но меня теперь страх берет: вдруг Вы написали! Я вспомнила, ч[то], хорошо надувши, Вас еще надо два часа уверять, ч[то] враки. Лизе-то еще не велика беда, но Лаврову?! И ведь я подобрала все как можно понелепее, хотя, конечно, в духе действующих лиц. Я и сверху написала мелкими буквами «1 апр[еля]». Я рассчитывала, что к Вам от Павла оно дойдет как раз к первому числу. Но он поспешил. А я настаивала так, чтобы послать письмо скоро, потому что думала – он-то поверит, а коли покажет письмо Кальм[ансону] с Надей, те, подумавши, сообразят, что это комедия. Мне уж потом и совестно стало, вот, мол, расфорсилась на старости лет! Оправдывала себя только тем, что мне ведь тут не с кем хоть т[ак] просто болтать, как с болгарами или Рябовой[2], со всеми надо быть в политике, ну и... Но теперь я не каюсь. Очевидно, вранье мое доставило Вам удовольствие и даже прибавило сил после болезни. А Селит[ренный] мне и на глаза не показывался. Встретила его раз в музее, а потом пропал, чем я, впрочем, нимало не огорчена. А с Руссо уже опоздала, как видите из вчерашнего письма. Не думайте, ч[то] мне это не стыдно, очень стыдно, да уж что пищать[3]. Поздно! Но, благо с разбегу, я все-таки не стану останавливаться, буду-таки продолжать, будто к спеху. Совершенно это невероятная вещь, а между тем сколько я ни читаю о Руссо отзывов, критик и проч[ее], все нахожу, что вот за 100 лет горы о нем люди написали и никто его не понимал. Меня вот, видите ли, дожидались.

Впрочем, реакционеры некоторые понимали: «Actes des Apôtres» Ривароля, что за прелесть! Это журнал дворян, врагов Национ[ального] собр[ания][4] в первые годы революции. Как остроумно они насмехаются! А тогда, вероятно, демократы находили, что это «свинья в ермолке» и неостроумно.

Последние адреса – для писем: этот я наизусть помню, столько б[ыло] возни: Ник[олай] Александр[ович] Дмитриев, Надеждинская, дом № 29, кв. 4.

Для посылок: Université Impérial, M-r le professeur Serge d'Oldenbourg[5].

Кабы Вы были добры, Вы бы еще до субботы написали. Во-первых, Вы больны, во-вторых,... опять-таки написали бы.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.58. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 162–163. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по сообщению о работе В.И. Засулич над статьей о Руссо и упоминанию ее апрельской шутки, связанной с распространением слухов, будто бы С.Н. Кривенко заявил об открытии марксистами в деревне кабаков и трактиров для ускорения пролетаризации крестьян. Об этом курьезе идет речь в письме П.Б. Аксельрода к Г.В. Плеханову (док. 145) и письме В.И. Засулич к Г.В. Плеханову (док. 140).

[2] Имеются в виду Х.Г. Раковский и его жена Е. Рябова.

[3] В это время В.И. Засулич работала над статьей о Руссо для легального сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». К апрелю 1895 г. сборник был отпечатан, а ее статья не была закончена. В последствие статья переросла в книгу «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей».

[4] Национальное собрание (Assemblée nationale) (1789–1791) – первое собрание представителей народа во Франции во времена Великой французской революции (1789–1794).

[5] С.Ф. Ольденбург.

169

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, апрель
Лондон[1]

Милый Жорж,

сажусь отвечать в то же мгновенье, как получила Ваше письмо[2], не из одного послушания, а еще и потому, что не буду в состоянии продолжать работы, пока не отвечу, буду думать об ответе. Какое свинство, что я после Вашего отъезда[3] читала «Капитал» вместо работы, а потом заболела. Кабы не это, кабы я так все время работала, как последние недели, я бы кончила. Отчего Вы тогда не перегрызли мне горло? Хотя «Капитал» дал мне очень капитальную мысль и для Руссо[4]. Работа идет у меня теперь отлично, часа 3–4 в музее, а остальное время пишу с азартом и наслаждением. Но я боюсь до смерти назначить скорый срок, ведь Руссо не такая работа, чтобы нужно б[ыло] непременно как ни сказать, хоть вкратце, да сказать. Не понимали его 150 лет, так отлично можно и еще 200 не понимать. Все дело, значит, в том, как вести разговор. Вкратце – боюсь, не будет интересно. Вот я попробую рассказать Вам план. Не знаю только, до какой степени Вы «начитались Руссо» и, следовательно, будет ли Вам видно, что я хочу сказать. Заглавие в таком роде: «Судьба идей Руссо» или: «Идеи Руссо и их судьба». Вначале вкратце резкими противопоставлениями (страшный пессимист, а обожали оптимисты и проч[ие]) показано, что судьба очень странная. Затем говорю, что, судя по встречающимся в нашей литературе отзывам, знают у нас не настоящего Руссо, а отделанного по своим надобностям последователями Л[уи] Бла[на]. Затем изложение идей Руссо. Вот это одно и сделано уже у меня. Изложение вперемежку, конечно, с моими замечаниями. Главн[ое], показываю, в чем ход развития, что у Руссо грешит против новых исслед[ований]. В действит[ельности] оно шло более в его духе и вкусе, чем он думал. Да и то еще надо переписывать. Но только это одно, ни на что не нужно. Дальше план.

Показываю, что французские его последователи действительно его не понимали (и Эмиля и Cont[rat] Soc[ial], так как, по совершенно верному замечанию самого Руссо, нельзя понимать без Речи о нер[авенстве], в ней суть идей, а там лишь их приложение)[5]. Далее показывается, почему они должны были, с одной стороны, зажимать уши от его идей (из самосохранения как деятелей), с другой – обожать и цитировать его вырванные из связи фразы. Он в высшей степени бесстрашно объективен, не отступает пред тем, ч[то] ему кажется верным, как бы это ни б[ыло] безнадежно, а в другом смысле, в высшей степени субъективен (всей душой сочувствует побитому Изяславу и проклинает Ярослава[6]). Последователям Руссо нужна б[ыла] его последняя сторона. И они, и Кант (с друг[ими] немцами), и реакционеры в один голос говорят, что он парадоксален, но для последователей парадоксальны его идеи, а верны, хороши выражения чувств. Кант и франц[узские] реакционеры более или менее согласны с его идеями (упрощая и извращая [их] слегка), а парадоксально для них его отношение чувствен[ное] к цивилизации. Показать, что это происходит от разницы в положении реакц[ионеров] и рев[олюционеров], с одной стороны, от разницы в моменте развития Франц[ии] и Герм[ании] – с другой. Далее. Доказываю, что Руссо не парадоксален, что, с его точки зрения (верной, несмотря на то, что многого не знал, ч[то] узнано потом, и с оговорками и ограничениями, конечно) в половине XVIII века, зная всего лучше Франц[ию], он должен б[ыл] видеть впереди для цивилизованных стран рост деспотизма, судьбу императ[орского] Рима. Вот тут интересное для меня место, но не сумею изложить в двух словах. Вся тяжесть цивилизации лежала тогда на крепостных крестьян[ах] (владельцах орудий труда). Снять с них эту честь мог лишь капитализм, и он же сделал ненужным личную несвободу производителя и потому возможным сравнительно законные и свободные современные государства (эту идею мне Маркс в III томе подал). Этого оборота дел Руссо не мог предвидеть. Вот для этого места мне необходим Мак[сим] Ков[алевский] о франц[узском] прои[схождении] рев[олюции]. «Русск[ие] вед[омости]» говорили, что из него видно, будто крестьяне не б[ыли] крепостными[7]. Мне не верится. Разные сверхштатные гадости креп[остного] права б[ыли] уничтожены, но землевладение не б[ыло] свободно, и налоги насильственны были. А Вы забыли попросить прислать его книгу? И раз уж Вы все равно выписали Кантовскую «Антроп[ологию»][8], все-таки прислали бы?

Заключение: современная Европа, с точки зрения Руссо. Выйдет, что и с нее видна возможность соврем[енного] социализма. Непочтительности к Марксу тут не будет, Руссо с другой стороны подходит, которую Маркс не трогал (способы удовлетворения потребности создают те или другие нравы, и нравственность различ[на] у различ[ных] слоев, с ними и она изменяется, известный общественный строй непосредственно зависит от нравст[венности] и лишь посредственно – от производства).

Как всегда, когда я пишу с увлечением, мне и теперь [кажется], что это все очень интересно, а, если обрезать, только часть этого изложить, потеряет всякий интерес. Я и то уж великую массу вещей обкарнала, которые сюда же просились. Мне это очень больно (пропадает уверенность, что будет напечатано), да и совестно, что не успела, но все-таки пусть лучше меня не ждут. Выкинуть можно разве что Канта, но это малость самая, а интересно.

Теперь суббота вечером. Сейчас брошу письмо, но не знаю, пойдет ли? Кажется, до 12 еще пойдет, а теперь 10½.

Поблагодарите Розалию Марк[овну] за хлопоты с посылкой денег. Еще не пришли, – пожалуй, опять введет их в соблазн новое (двойное) имя.

Я теперь слишком в азарте, чтобы обратить свои мысли на кровать. Да долго ли будет ее купить? Как напишете, что едете[9], и куплю. Вас и комната ждет, которую я не пачкаю и не трогаю.

[10]А Павел не верит, ч[то] я сама про Крив[енко] выдумала. Верно, мол, сплетни слыхала, а потом узнала, что ложны[11]. Точь-в-точь, как не верил, ч[то] Вы спрятали 50 фр.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3.Ч. 1. Ед. хр. 437.В 487. 57. Л. 1 – 5 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 304–306. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по содержанию и упоминанию апрельской шутки В.И. Засулич о распространении С.Н. Кривенко слухов об открытии марксистами в деревне кабаков и трактиров для ускорения пролетаризации крестьян. Об этом курьезе идет речь в письме П.Б. Аксельрода к Г.В. Плеханову (док. 166) и письме В.И. Засулич к Г.В. Плеханову (док. 167).

2 Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

3 Вероятно, имеется в виду отъезд Плеханова из Лондона в декабре 1894 г.

4 В.И. Засулич работала над статьей о Руссо, которая должна была войти в сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Однако к концу апреля 1895 г., когда закончилось печатание сборника, статья еще не была готова. Работа Засулич завершилась в 1896 г. книгой «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». Рукопись книги была доставлена в Россию и издана под псевдонимом Н. Карелин в 1899 г. Книга вышла в свет в уре-занном виде – без 4-й главы. Впервые полностью эта работа была опубликована в издании: *Засулич В.И.* Избранные произведения. М., 1983. С. 194–341.

5 Имеются в виду работы Руссо: трактат «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), роман-трактат «Эмиль, или О воспитании» (1762), трактат «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

6 *Ярослав Владимирович* (30-е гг. XII в. – 1187) – князь галицкий. Вел борьбу с киевскими князьями Изяславом II Мстиславичем в 1153 г. и Изяславом Давыдовичем в 1158–1161 гг., из которой вышел победителем. Имел прозвище «Осмомысл» – мудрый, имеющий восемь смыслов, умов. Его могущество отмечено в «Слове о полку Игореве».

7 Ко времени написания письма относится статья М.М. Ковалевского «Крестьянское хозяйство во Франции сто лет назад», опубликованная в журнале «Русское богатство» (1893. № 2–4).

8 Речь идет о работе И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения». Впервые на русском языке «Антропология» Канта вышла в 1900 г. в журнале «Научное обозрение» (№ 1–3) и отдельной книгой в издательстве П.П. Сойкина.

9 Предполагалось, что летом 1895 г. Г.В. Плеханов с детьми и П.Б. Аксельрод приедут в Англию на курорт Гернэй (см. док 154)

10 Заключительные строки написаны на перевернутой оборотной стороне 4-го листа сверху, между строк.

11 *Вера Ивановна 1 апреля, чтобы обмануть своих швейцарских друзей, написала им какой-то вздор (теперь уже не помню его в подробностях) про Кривенко, будто бы распространявшего слух, что члены группы «Осв[обождение] тр[уда]» решили пооткрывать трактиры и кабаки в деревнях для наиболее быстрой пролетаризации крестьян. Г.В.[Плеханов] и Пав.Бор. [Аксельрод] поверили этой мистификации.* – Прим. Л.Г. Дейча.

170
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, 20 апреля
Пятница
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

вчера я чувствовала себя несчастнее мыши, когда ее ест кошка, и вдобавок к боли еще сознание, что за неделю я написала всего стран[иц] пять и таким ужасным слогом, что волосы становились дыбом. Имела я глупость в этаком состоянии Вам отвечать, и оно отразилось на письме. Но сегодня, – не сглазить бы, – голова не болит и слабости меньше. Кажется, от того, что я себе переменила лекарство: хинин вместо антипирина, к которому голова слишком привыкла и перестала проходить, а желудок расстраивается от него[2]. Как бы то ни б[ыло], но сегодня вот уж часа два пишу приличным слогом, и только неприятно вспоминать о вчерашнем письме. Спешу поэтому его похерить, отречься от его отчаянного тона. Пишу сейчас о Гольбахе. Мне очень хочется совсем кончить до Вашего приезда[3] один отдел. Это те взгляды (или, вернее, та сторона взгляда) morales et politiques[4] современников Руссо (Вольтер[5], физиократы[6], les Holbachiens[7], Мабли, Морелли), «обаяние» которых («charmes»[8], по его выражению) он поставил своей задачей разрушить.

Добровольно, не по болезни, я не теряла времени. Ничего не «забрасывала». Его я начитала и навыписывала для этого отдела – на огромную книгу хватило бы, и даже легче бы книгу написать, чем сжать это в главу, и чтобы вышло рельефно, как я стараюсь. Огромную роль тут играют «законы природы», я чуть не месяц рылась[9] в музее и посвятила на исследование – откуда они взялись. Если кончу, то этот отдел я, кажется, осмелюсь Вам прочесть.

Ваш[а] Нан[ин][10]

[11]Первое письмо после марта я послала в прошлую пятницу, вчера второе[12].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.50. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С.160–161. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по сообщению о работе над книгой о Руссо и приписке в конце письма. Упоминание о возможном приезде Плеханова и Аксельрода в Лондон указывают на год.

[2] Хинин – препарат, применяющийся при лечении тропической лихорадки в качестве жаропонижающего; используют также как антисептическое, противопаразитарное и т.п. средство. Антипирин – болеутоляющее, жаропонижающее и противовоспалительное средство.

[3] Летом 1895 г. Г.В. Плеханов с дочерью и П.Б. Аксельродом собирался приехать в Англию на курорт Гернэй.

[4] Мораль и политика (*фр.*).

[5] В 1893 г. в серии «Жизнь замечательных людей», выпускавшейся петербургским издателем Ф.Ф. Павленковым, под псевдонимом И.М. Карелин вышла в свет книга В.И. Засулич «Вольтер. Его жизнь и литературная деятельность».

[6] Физиократы (франц. physiocrates, от греч. phŷsis – природа и krátos – сила, власть, господство) – представители одного из направлений французской классической буржуазной политической экономии, возникшего в середине XVIII в.

[7] Последователи учения французского философа-материалиста и атеиста, идеолога революционной французской буржуазии XVIII в. Поля Анри Гольбаха (1723–1789).

[8] Обаяние (*фр.*).
[9] В тексте ошибочно «рыться».
[10] Столь необычная подпись В.И. Засулич в этом письме связана, вероятно, с именем «Nanin», на которое ей пришла расписка на получение денег (см. док. 155)
[11] Последняя строка приписана на первом листе по верхнему полю.
[12] Вероятно, док. 168 и 169.

171
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, лето[1]
Лондон

Милый Жорж!

Я уж написала, почему запоздала ответом[2], была очень угнетена возней со Шмулевичем. Он и теперь у меня, и неизвестно, когда уедет, но мои нервы начали приноравливаться к этому бедствию. На все Ваши вопросы о Руссо и Мабли уже подробно отвечено в моем «труде»[3]. О Руссо Ковалевский[4] врет, как и все. Его, т.е. Руссо бедного, я вижу, что даже и Вы не поняли. Мабли и, по-моему, самый кислейший из писателей XVIII века и самый эклектический (если не считать Гольбаха, который в своих политических взглядах тоже отчаянный эклектик). Ни одной идеи Руссо Мабли не заимствовал, но много говорил о равенстве, понимая под ним такое положение, «когда бедные довольны своей бедностью, а богатые не могут тратить богатств на роскошь». Ничего, кроме слова «равенство» в противоположном смысле, общего с Руссо у него нет, и старше он Руссо лет на десять. Полит[ические] взгляды диаметрально противоположны, он даже не практик: действов[ал] открытыми письмами против агитации Руссо за восстановление законодательной власти женевской демократии[5] (называл «Письма с горы»[6] «преступными»). Но исторически, т[ак] сказать, Ковалевский прав. Робеспьер почти сплошь, помолившись на бюст Руссо, валял по Мабли о равенстве. Для деятелей фр[анцузской] рев[олюции], называвших себя учениками Руссо, авторитетом был его противник Мабли. Насчет «аристократизма»: Руссо отделяет законод[ательную] власть от исполнительной и делит государства на «демократии» и «аристокр[атии]» по исполнительной власти. Где не сам народ издает законы, там их и нету, а есть приказы, декреты, власть победителей над побежденными. Законные государства могут быть «демократией», когда весь народ на собраниях судит, решает войну и пр[очее]. Это возможно лишь при полном имущественн[ом] равенстве. Если применение законов поручено части народа, хотя бы старикам, напр[имер], это уже «аристократия», и он говорит, что это лучшая форма исполнитель[ной] власти. Во всей Европе для народа нет законов, нет и в Англии (есть для лордов, богачей, но не для народа). Но в полемике с Руссо член женевской аристократии сослался на Англию, что, мол, уж на что свободная страна, а и там поступают гак же, как в Женеве. Руссо доказывал в «Письм[ах] с горы», что неправда, что женевское правительство хуже английского.

Конечно, он тут хвалит английские законы (приказы), но с точки зрения своей «теории» законов. Свою теорию: «закон есть выражение общей воли всего народа» (в буквальном смысле слова) он противопоставлял тогдашнему ходячему представлению о законах, издаваемых «разумом» под диктовку природы. Сколько, мол, ни выдумывайте, все это будут не законы, а приказы. Законов для

Фран[ции] или Англии (страны, где сильно неравенство) и быть не могло, с его точки зрения. Но из «не законов» одни, конечно, могли быть лучше, другие хуже. Все это Вы увидите в моем «труде», а теперь, должно быть, из предыдущей[7] болтовни не поймете. Но клянусь Вам, что никаких политических советов Франции (кроме полуиронического в статье о «полит[ической] экономии»[8], ему и в голову не приходило давать. Насчет физиократов у меня тоже обстоятельно изложено, и насчет громадности их влияния Ковалевский, по-моему, прав.

Меня Ваше письмо обрадовало с той точки зрения, что я вижу, что мой «труд» будет не безынтересен даже для Вас и что мы с Вами будем о нем много кричать, когда Вы приедете, но когда? Мне, ведь, слова не с кем сказать о том, ч[то] меня поглощает. Я уж с горя пробовала Шмулевича мучить, но он думает об Америке, и мои мысли за его мозг не зацепляются[9]. Вообще в книге Ковалевского изложение взглядов писателей мне не понравилось, все очень слабо, даже и физиократы, хотя о них все же лучше, чем о других. Но его изображение фактического положения крестьянства, картина разложения старых, основанных на обычаях и не отмененных еще законодательным путем порядках, мне очень понравилось. И тут не манера излагать его мне понравилась, а сами факты понравились, т.е. подтвердили мои «гипотезы», так сказать. О бабах писать, голубчик Жоржик, ни за что не стану. «Winnot»[10]. Достала «Vorwärts», всего-то там два вершка об них, мотивированное предложение, и пять стр[ок?] одна баба сказала. Гораздо уж больше говорили на предыдущей стр[анице] по поводу литературы, что для них иллюстрированный журнал надо издавать, а то «женщинам читать нечего». Без картинок не читают. Нихочу[11]. Приедете, тогда расстреляете меня. Даже у Гоббса предел власти его Левиафана заключается в том, когда подданный предпочитает смерть повиновению. Winnot! Милый генерал![12] Вспомнила, что Вы в прошлом письме писали, что натравляли его на меня. Он в самое последнее наше свидание, перед его отъездом в деревню[13], как я закашляю, так с добрейшим видом грозил мне пальцем и говорил, что Плеханов велел ему надзирать за мной, чтобы я не кашляла. Мне теперь часто жалко бывает, зачем я не каждые воскресенья к нему ходила.

Кита видела – ничего, Кит как Кит. Вы говорите, ч[то] «XVIII век полон противоречий». Я в «труде» дала волю своей страсти стараться понять, почему человек говорит то или другое, почему ему это хочется говорить. И с этой стороны противоречия у тех писателей, в которых я, как мне кажется, хорошо всмотрелась, для меня пропадают. Ах, если бы я сумела хорошо изложить все. Ей Богу, вышло бы любопытно и поучительно, вдобавок для россиян, «субъективистов».

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439 В 487. 132; В 487. 40 Л. 1 – 4 об. Автограф. РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–5. Фотокопия с подл. Опубл. (частично): Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 172–173. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется на основании содержания.
2 Письма В.И. Засулич и Г.В. Плеханова не разысканы.
3 В работе «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей» В.И. Засулич, сопоставляя взгляды Руссо и Мабли, пишет о взаимодействии их идей, давая при этом отрицатель-

ную характеристику самобытной социальной философии и политической программе французского социалиста-утописта XVIII в.

[4] Вероятно, имеются в виду высказывания М.М. Ковалевского о Руссо, приводимые им в труде «Происхождение современной демократии» (М., 1895–1897. Т. 1–4) – работе, посвященной исследованию французской буржуазной революции XVIII в. с точки зрения социально-политических теорий и законодательства. Книгу Ковалевского В.И. Засулич запрашивала у Плеханова в феврале 1895 г. (См. док. 150).

[5] В XVII в. Женева была демократической республикой, управлявшейся «Малым советом» с 4-мя синдиками во главе, советом 60-ти и советом 200-т, или «Большим»; последнее слово принадлежало «Conseil général» – общему собранию граждан. Постепенно демократическое устройство стало переходить в аристократическое. Вся власть сосредоточилась в руках малого и большого советов, в члены которых избирались исключительно «citoyens» – потомки старинных женевских родов, занимавшие все общественные должности. Остальные граждане, «bourgeois», совсем не принимали участия в делах правления, ибо «Conseil général» впоследствии совсем не собирался; они пользовались только правом заниматься торговлей, ремеслами и искусствами. Вне гражданства стояли многочисленные «natifs» – потомки поселенцев, еще не получившие гражданства, и «habitants», платившие известную подать за право жить в Женеве. Они могли заниматься лишь мелкой торговлей. Такое неравенство было с начала XVIII в. причиной постоянных возмущений. Французская революция положила конец господству аристократии. К 1792 г. Женевой управляли революционные комитеты; Женевский национальный конвент выработал конституцию, принятую 5 февраля 1794 г. и уничтожившую все сословные различия.

[6] «Письма с горы» («Lettres écrites de la montagne») – публицистический памфлет Руссо, направленный против патрициата Женевы и антидемократического характера его правления. Опубликован в 1764 г., после осуждения Малым советом Женевы «Эмиля» и «Общественного договора» и отказа Руссо от женевского гражданства.

[7] Последующий текст публикуется впервые.

[8] Имеется в виду статья Руссо «Политическая экономия», опубликованная в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера (1755. Т.5).

[9] Данное предложение с обозначением крестика, указывающего место данного предложения в тексте, вписано между строк в верхней части перевернутого 3-го листа письма.

[10] Искаженная грамматическая форма (cockney) «Will not» (здесь – «не стану», «не буду»).

[11] Так в тексте.

[12] Ф. Энгельс.

[13] Имеется в виду отъезд Ф. Энгельса в Истборн.

172

В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1895, до 5 августа
Лондон[2]

Дорогой брат,

давно что-то от тебя нет писем. Я продолжаю поживать в Лондоне, все на той же квартире. Очень мало кого видаю, да теперь же и все на даче. Я, бедная, не попала на дачу не по безденежью, а надули меня: я все ждала, что Жорж с Павлом приедут по обещанию на Гернэй, – Жорж купать своих детей в море, а Павел – сам купаться. Но теперь оказалось, что они не приедут. А все знакомые тем временем разъехались. Просила я кое-кого письменно найти мне комнату в деревне, да это не помогает. Тебя, пожалуй, удивляет мое огорчение, ч[то] сижу в Лондоне. Тебе было бы, вероятно, приятно хоть бы и летом попасть в большой город. Но, должно быть, ненадолго. Вообрази, в жару, в духоту, десятки верст вокруг сплошные улицы с черными беспрерывными каменными домами, и небо видно только сквозь дым. А вспоминается, что везде на белом свете зе-

лень, трава, деревья. Только музей и скрашивает. Душно в нем страшно, но я по уши втянулась в книги. Выучилась просиживать несколько часов, не вставая с места и не тоскуя по папироске, чего первое время совсем не могла, не выдерживала дольше двух часов подряд.

Фридрих Карлович, бедный, очень болен. Какой-то нарыв на шее затяжной, не проходит и почти не дает ему спать второй месяц, что страшно его истощает. Едва ли выживет. Очень жаль его. Он не только Фр[идрих] Карл[ович], но и очень хороший человек. Едва ли кто заменит его и приобретет когда-ниб[удь] то общее доверие, каким он пользуется и так разумно всегда употребляет. В нем удивило меня еще то, что в 75 лет в нем, в его уме не замечается ничего окаменевшего (мне это особенно кидалось в глаза по сравнению с русскими полустариками; в Швейцарии-то я, кроме своих, только с молодежью встречалась). Обо всяком явлении он судит на основании его самого, так сказать, а не по запомненной еще в молодости мерке, а это, право, редко бывает.

Англичане в розницу – соседи, лавочники и т.п. – мне очень нравятся, симпатичнее швейцарцев и французов. Но по газетам, по рассказам, всматриваясь в Англию en grand[3], можно бы в отчаяние прийти, если бы забыть о других странах и помнить только ее. Почему? Об этом целую статью пришлось бы написать, а потому потом, да я пока и сама еще не вполне разобралась. Целую и про[чее].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 772. АД. 1/24.33. Л. 4 – 4 об.
Копия рукой Л.Г. Дейча с его позднейшими пометами. Опубл.:
Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 248–249.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Текст публикуемого письма В.И. Засулич приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от 9 декабря 1895 г. Публикуемому тексту предшествует следующее замечание Дейча: «*Вот копия последнего, полученного мною 3-го сентября, письма*».

[2] Датируется по содержанию. Письмо написано до смерти Ф. Энгельса 5 августа 1895 г.

[3] В натуральную величину (*фр.*).

173

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, после 10 августа
Лондон[1]

Дорогой Жоржик!

Г-на Очень я видела во времена похорон Энгельса[2], говорила с ним. Он помнит о письмах, выражал соболезнование, что их давно нету, просил меня не забыть сообщить ему свой адрес, если поеду в деревню, на случай прихода письма. А я, подумав, что для иностранца он очень хорош, аккуратен и может пригодиться, не сказала ему, что писем не будет, так что он ждет. Надо только будет к тому времени, когда может прийти письмо, написать ему об этом. С Руссо[3] и теоретич[еской] работой дело обстоит так, что если бы я и не была больна (в марте я писала в смысле объективной недоказанности болезни, а лично дело другое), то пока в музей ходить мне все-таки не б[ыло] бы надобности, а оче-

редь за писанием, и я отлично знаю все, что надо писать, дело лишь в форме, как расположить, что после чего, но и на это у меня не хватит сил. Вот сегодня встала в 9, а в 11 уж у меня (несмотря [на то], что час тому назад пила кофей) явилось неодолимое желание хоть чуточку вытянуть спину на кровати, и вытянула, и напала дремота; в час, наконец, опять встала, нашла Ваше письмо[4], сижу, отвечаю и уже чувствую невралгию. Я это так для разговору пишу об «эманципации»[5], а ничуть бы не «изумилась», хотя и огорчилась, кабы Вы и вовсе бросили мне писать. Убедитесь же ведь Вы со временем, что я решительно никуда уже не гожусь, что «гусь свинье не товарищ», и бросите же тогда писать. Сами видите, может ли у меня быть охота упоминать Вам в письмах «о Руссо и теорети[ческой] работе», это дергать себя за больной зуб. Ненавижу я всей душой и самое себя и весь мир. И самое лучшее – махните Вы на меня рукой – будто меня и нету. Моргана[6] поищу.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В487.131. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл. (под ошибочной датой «1897 г.»): Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 184–185. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о факте похорон Ф. Энгельса.

[2] Ф. Энгельс скончался в Лондоне 5 августа 1895 г. в 22 часа 30 минут. Траурная церемония, в которой принимала участие В.И. Засулич, состоялась 10 августа 1895 г. в зале ожидания железнодорожного вокзала Ватерлоо. Гроб с телом Ф. Энгельса специальным поездом был доставлен в крематорий в Уокинге, и 27 августа 1895 г. урна с его прахом была опущена в море в двух английских милях от побережья в Истборне.
Кого В.И. Засулич называет «г-н Очень», установить не удалось.

[3] Имеется в виду книга «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», над которой В.И. Засулич работала до конца 1896 г.

[4] Письмо Г.В. Плеханова не обнаружено.

[5] Эмансипация (от лат. emancipatio – освобождение сына из-под отцовской власти) – освобождение от какой-либо зависимости, опеки, угнетения, уравнение в правах, например эмансипация женщин.

[6] Имеются в виду книги американского общественного деятеля и историка первобытного общества Л.-Г. Моргана.

174
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, сентябрь
Лондон
Вторник[1]

Милый Жоржик,

письмо Ваше[2] какое-то смирное и производит на меня такое впечатление, будто Вы больны. Не знаю хорошенько почему, может быть, по воспоминанию, что Вам случалось быть этаким смирным во время болезни. Или и вправду нездоровы?

Получила, наконец, письмо от Женьки[3] на адрес Павла. Два его письма, посланные на мой адрес, оказывается, пропали. Но он предполагает, что переврал

адрес, т[а]к. к[а]к. потерял его и писал на память. А то и с деньгами Шмул[евича] вышло что-то подозрительное. Я от главной почты письмо получила. Сюда на главную почту деньги дошли, а перехвачен кем-то Money ordre[4]. Теперь производится следствие. Но ведь чтобы получить по ордеру, надо было знать имя и фамилию отправителя. А это мог именно разве что шпион сообразить, подслушавши наши со Шмул[евичем] разговоры.

Бельтов производит на Каре страшный фурор[5]. Все его ужасно ругают, только Зунделевич кричит всем, что она, книга, «Epochenmachendes»[6]. Женька пишет, что свое мнение высказал в двух пропавших письмах, и в этом не повторяет. Там ждут с нетерпением ответа Бельтова рецензентам. Женька подошел под амнистию, и последний год ему сбавлен, так что должен бы уехать на поселение, но он хлопочет, чтобы ему остаться на Каре в качестве мужа Ананьиной, которой остается еще 9 лет быть в «вольной команде». Ей, как и Мойше, вечная каторга помилована в 20-летнюю. И он надеется, что хлопоты увенчаются успехом, а то его еще летом должны бы отправить, а оставили пока.

Какая это статья «Кудрина» в Р[усском] б[огатстве]?[7] Не Тарасова ли? Женька пишет, что она, как будто, Кривенки, взявшего от конфузу псевдоним. Глупая она?

А я, скотина, ведь так и не ответила на письмо Селитренного. Ведь он просит такого ответа: «Я к Вам отношусь очень хорошо, пожалуйста, ходите». А я отношусь к нему как к слюнявейшему из трусов, каких когда-либо встречала, но этого ему писать не хочу. И очень не хочу, чтобы он ходил. Когда очень редко видишь людей, ведь каждый в отдельности производит неизмеримо большее впечатление. Как тут быть? Жду, когда будут деньги (Павел пишет, что пришлет 50 р[ублей], если те затянутся), и тогда пошлю ему очень добрым голосом («Вы, мол, мне тоже помогали», подразумевая тальму, которую не ношу никогда за то, что она Селитренного), но умолчу об «отношении» и визитах.

А Ваше понятие об идеальной «нравственности» смахивает на кантовское (у меня-то никакого нету)[8]. По его [мнению], законы должны вытекать из «общей воли», но не следует государю справляться с эмпирической волей населения, которое руководствуется стремлением к Glückseligkeit[9], тоже эмпирическому, а должен он справляться с волею, какая <u>должна бы быть</u> (dürfte)[10] у населения, если бы оно руководствовалось абсолютным Rechtsprincip[11]. Но как ярко видна бессознательная «хитрость разума» интеллигента в приводимых им примерах. Налогами какими угодно правительство может облагать, как бы подданным ни было от этого sauer[12], тут Rechtsprincip не нарушается, а только Glückseligkeit, а свободу печати оно должно дать, это imprescriptible Recht[13].

Насчет «хитрости» – это уж к Вашему уму не относится. Но нет ничего в мире хитрее (плутоватее – и бессознательно, и сознательно) ума, стоящего на точке зрения «интеллигенции», как чего-то самостоятельно нужного, важного или благодетельного. И наша интеллигенция плут страшный.

Вы не прочли, кажется, статью Южакова в № 8 Русского богатства[14]. Она дурацкая. Но плут все химии и проч[ие] естест[венные] науки притащил за волосы, ч[то]бы показать ужасную важность критической мысли в противность «экономическому».

Будьте здоровы.

Ваша Вера

[15]Не знаете ли (т.е., наверное, знаете), откуда взял Мих[айловский] взгляд Энг[ельса] на Руссо, который излагается у Вас в цитате, кончающейся тем, ч[то]

после равенст[ва] деспотизма опять растет неравенство и приводит к равенству «Общ[ественного] дог[овора]». Откуда он взял эту бессмыслицу? Из Дюринга Умвельц?[16] У меня нет ни одной брош[юры] Энг[ельса]. Неужели Энг[ель]с т[ак] говорит, а не Мих[айловский] наврал?[17]

[18]Ваших английских анархистов[19] получила, наконец, хорошенькие книжечки. А Эвелинги[20] дом купили в Лондоне, но далеко, в часе езды от моих центральных мест.

РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.39. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 308–310; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 3. М., 1973. С. 219–220. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию статьи С.Н. Южакова в августовском номере «Русского богатства» за 1895 г. и получения, наконец, английского издания книги Плеханова «Анархизм и социализм». Письмо можно датировать и более поздней датой, октябрем – ноябрем 1895 г., если предположение о статье Кудрина в сентябрьском номере «Русского богатства» верно.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не обнаружено.

[3] Письмо Л.Г. Дейча не обнаружено.

[4] Правильно: Money order. Извещение о денежном переводе.

[5] Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Критические отзывы на эту книгу ссыльных Карийской каторжной тюрьмы вызваны тем, что среди них преобладали народники.

[6] Эпохальная (нем.).

[7] Речь идет о статье Н.С. Русанова «На высотах объективной истины» (Русское богатство. 1895. № 5. С. 144–170), вышедшей за подписью «Н. Кудрин» и являвшейся рецензией на книгу Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Предположения Л.Г. Дейча относительно возможного авторства С.Н. Кривенко неверны по нескольким обстоятельствам: после 1893 г., вследствие идейных расхождений с Н.К. Михаловским, Кривенко вышел из состава редакции журнала «Русское богатство» и в течение 1895–1896 гг. издавал «Новое слово»; псевдоним «Н.К.» был принят Н.С. Русановым в сентябре 1895 г., когда появилась его первая из ставших в «Русском богатстве» ежемесячными публикация «Из Франции». В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранится экземпляр этого номера (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. № 720) с пометой в оглавлении около инициалов «Н.К.» – «вероятно, Кудрин».

[8] В.И. Засулич имеет в виду книгу Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой он неоднократно касается вопросов марксистской этики (см.: *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 671–672, 704–705 и др.). Вера Ивановна иронизирует над Плехановым, указывая на близость его понимания нравственности этическим идеям И. Канта, изложенным в его работе «Критика практического разума», которую она в то время читала на немецком языке.

[9] Счастье, блаженство (*нем.*).

[10] Должна бы быть (*нем*). Надписано сверху над подчеркнутым модальным глаголом.

[11] Правовой принцип (*нем.*).

[12] Кисло (*нем.*).

[13] Неотъемлемое, безусловное право (*нем.*).

[14] *Южаков С.Н.* Общежитие и обществоведение: Из социологических этюдов // Русское богатство. 1895. № 8. С. 129–174.

[15] Этот абзац приписан мелким убористым почерком на свободном пространстве первого листа письма.

[16] От Umwälzung (*нем.*) – переворот. Имеется в виду немецкое издание книги: F. Engels «Herrn Eugen Dürings Umwälzung der Wissenschaft».

[17] Имеется в виду высказывание Ф. Энгельса о Руссо в гл. XIII отдела I «Анти-Дюринга» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1961. Т. 20. С. 143–144). Плеханов полемизирует с Михай-

ловским, который в одном из своих обзоров «Литература и жизнь» (Русское богатство. 1894. № 1. С. 103–123) пытался критиковать Энгельса, искажая его мысли (*Плеханов Г.В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 583).

[18] Эти заключительные строки приписаны на обороте первого листа по верхнему полю, между строк.

[19] Имеется в виду английское издание работы Г.В. Плеханова «Анархизм и социализм» («Anarchism and Socialism»). Вышло в Лондоне в 1895 г. в переводе и с предисловием Э. Маркс-Эвелинг. Предисловие датировано августом 1895 г.

[20] Элеонора и Эдуард Эвелинги – дочь и зять К. Маркса.

175
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, до 13 ноября
Лондон[1]

Милый Жорж,

Вы, наверное, думаете, что я, наконец, приобрела хороший насморк и поэтому запоздала с ответом[2]. Но насморка у меня нет, и погода стоит хоть и туманная, но теплая, а болезнь моя совсем другая и заключается в одной моей злости. Вот уже 2-ю неделю, как у меня живет Шмулевич. Он добрый человек, знаю, что предан и Павлу, и соц[иал]-дем[ократии] и всему хорошему, но я решительно ничего дома делать не могу при нем – так, подлая тварь[3], избаловалась, – и это меня приводит в раздраженное состояние. Но зная, что было бы подлейшее свинство отравлять ему существование (денег у него немного, и он ждет здесь дарового билета в Америку), я все силы души трачу на старание быть любезной, беспрестанно его угощаю, значит, стряпаю и выливаю злобу на скребенье кастрюль. Но последние дни дозволила-таки себе уходить на целый день в музей[4], настряпавши ему на сутки. А то я последний месяц дома наслаждалась вдохновением и ходила в музей лишь изредка, когда что понадобится, а теперь, без большой надобности, изучаю «Антропологию» (т.е. философию истории) Канта. Довольно любопытно. Он массу заимствовал у Руссо, но ч[то] тот говорит с бешенством, этот – с приятностью, самым сладким голосом.

Но на себя, как я посмотрю, так что за злющая тварь! Целый год не видала никакого товарища, – надо бы радоваться, и Павел, верно, думал, что буду в восторге, а я бешусь! Правда, что он, Шмулевич, абсолютно поглощен своей «лошадью» (отъездом в Америку) и о чужих не слушает, а я рада бы отдать ему все деньги, которые есть, а сочувствие, – где я возьму? И симпатии нету – хоть ты что хошь, – одно бешенство в душе. Подписываюсь: «Злая скотина».

[5]Фанни уезжает на днях в Вену, где Эпштейн (Анка) умирает от рака. Пожалуйста, никого ко мне не напускайте.

[6]Это на Ваш вопрос. Рикардо стоит всего 4 ш[иллинга].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В. 487.136. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 293–294. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В верхней части первого листа рукой Л.Г. Дейча обозначена дата: «Лондон, 96». Однако ее следует признать ошибочной. На основании упоминания о предстоящем отъезде Ф.М. Кравчинской к больной А.М. Эпштейн в Вену письмо датируется до 13 ноября 1895 г.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[3] *Эти «нежные» эпитеты В.И. отпускает на свой счет.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[4] Библиотека Британского музея.
[5] Это и следующее предложение приписаны по верхнему полю первого листа.
[6] Последние строки письма вписаны на обороте второго листа, в скобках, над и под словами «которые есть».

176
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1895, ноябрь[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Гинсбург ответит Б[ухгольцу], что мы-де все всей душой сочувствуем проекту издания рабочего листка и готовы всячески стараться об его успехе, поскольку это от нас зависит[2]. Разумеется, если деньги и материалы будут присланы хоть на первый номер. Но насчет редактора он умолчит. Согласись сам, что довольно странно было бы отвечать на этот счет человеку, обращающемуся с этим вопросом не к коллективности – «группе» или «Союзу», а к тебе лично как к частному человеку. Ведь он сам мог бы знать, что настоящим redacteur en chef[2] – ты. А затем, – это уже внутренняя Angelegenheit[3] группы, как она в каждую данную минуту распределяет разные функции. Б[ухгольц] уже обращается к тебе как к предпринимателю, имеющему в своем распоряжении разного рода приказчиков, и спрашивает, кого ты назначишь. От такой постановки вопроса тошнит и невольно испытываешь чувство унижения вступать в прямые отношения с такими господами, столь чуждыми и морального чутья и политического сознания. Итак, насчет редакторства отвечай ты ему сам, mach ihm den Standpunkt klar[4]. Нужно приучать публику различать те случаи, когда она обращается к тебе как theoreth und literarischen Chef[5], от тех случаев, когда она обращается с поручениями и предложениями чисто практического, организационного характера, в которых мы являемся или должны бы до поры до времени выступать как целое, как коллективность, внутри которой есть люди различнейших способностей, но нет хозяев и приказчиков. Довольно, однако, о Б[ухгольце]. По существу же, я думаю, что необходимо согласиться на издание листка, раз они пришлют...[6]

Автограф не разыскан. РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч.1.
Ед. хр. 304. В 13.7. Л. 1. Машинописная копия. Опубл.:
Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925.
С. 136–137. Публикуется по машинописной копии.

Примечания

[1] Датируется на основании письма В.А. Бухгольца к Г.В. Плеханову от 24 октября 1895 г. (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 297–298), содержание которого дало П.Б. Аксельроду повод к написанию данного письма. В.А. Бухгольц, сообщая в своем письме о проекте издания «Листка "Работника"», поставил перед Плехановым вопрос о редакторстве нового органа, вызвавший неудовольствие Аксельрода.

[2] Речь идет о подготовке к изданию «Листка "Работника"». В марте 1896 г. в свет вышел № 1/2 непериодического сборника «Союза русских социал-демократов» «Работник». С 1896 по 1899 г. вышло 6 номеров в трех книгах. Редакторами «Работника» были Г.В. Плеханов, П.Б. Аксель-

род, В.И. Засулич, одним из постоянных сотрудников был Б.А. Гинсбург (псевд. Д. Кольцов). Кроме того, дополнительно вышли в 1896 г. майский сборник и в 1898 г. сборник «Майский листок». В качестве дополнения к сборнику непериодически выходил «Листок "Работника"». Всего вышло 10 номеров, первый – в ноябре 1896 г. Редакторами первых восьми номеров были Плеханов, Аксельрод и Засулич. Вследствие поворота большинства членов «Союза русских социал-демократов» к «экономизму» группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования изданий «Союза». № 9/10 был выпущен временной редакцией. На съезде «Союза» в ноябре 1898 г. было принято решение превратить «Листок» в журнал «Рабочее дело».
[3] Главным редактором (*фр.*).
[4] Дело (*нем.*).
[5] Разъясни ему точку зрения (*нем.*).
[6] Теоретическому и литературному вождю (*нем.*).
[7] Окончание письма отсутствует.

177

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1895, 28 декабря – 1896, не ранее 8 января
Лондон[1]
Woodstock Road
45 Bedford Park. 10

Милый Жорж!

Я все еще у Фаннички[2] и это письмо пишу (не получивши еще Вашего «субботнего»), главным образом, по ее делу. Главное, что ее поддерживало все это время в живых, – это ненависть к «Фонду», отравлявшему все существование Сергея[3], – к Волховскому в особенности, и желание не дать им воспользоваться его рукописями, его популярностью и проч[ее], что без нее было бы невозможно[4]. Они теперь хотели издавать роман Серг[ея] (о котором я писала летом) порусски. Нам пришло в голову, что она может издать его сама[5], «издание Фани Степняк», что собрать при таком условии можно даже больше. Эта надежда ее ужасно оживила. Печатать она хочет у нас, как думал и Сергей, только не имел денег. Вы все, конечно, согласитесь, как и тогда были согласны. Но дело в том, что надо помочь ей и в сборах. Рефераты о Сергее Вы, верно, уже прочли, а если еще нет, то можно бы сбор с реферата назначить на издание его романа. Можно, конечно, и без рефератов устроить сбор среди студенчества. Это издание – единственное спасение для Фанни, да и роман милый и вообще нужно это сделать. Начать надо бы как можно скорей. Часть денег, фр[анков] 600, будет верных, помимо всяких сборов со студенчества. Ответ[ить] надо как можно скорее: сколько будет стоить лист и сколько листов в месяц можем выпускать нашим обыкновенным шрифтом (10-й номер, кажется) в формате «Подпольной России» на русском языке[6]? Для успокоения Фанни, для выражения нашего сочувствия даже цена должна быть как можно дешевле. Бумага и печатание – величины неподвижные, дешевизна зависит от Блюменфельда, поэтому я прилагаю записку к нему, у меня здесь (на этой квартире, а уехать нельзя и на несколько часов) нет его адреса, так что Вы перешлите по городской почте. У меня тоже нет адреса Раковского, а хотелось бы попросить его устроить подписку и среди болгар. Напишите Раковскому сами или пришлите мне его адрес. Сейчас ни о чем больше не пишется, – это у нас сегодня только созрела эта спасительная идея. Я написала для «Neue Zeit» о Сергее[7]. Мне кажется, хорошо

написала, и Бернштейн расхвалил, пишет, читал «avec emportement»[8], но сомневается, будет ли напечатано, т[ак] к[а]к Вы уже написали раньше.

Ваша Вера

[9]Ответьте, Жоржик, так, чтобы я могла показать письмо Фанни.

[10]Дней через 5–6 я, должно быть, освобожусь: Фанни переедет к Назар-Бекам[11].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В. 487.133. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 152–153. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано после трагической гибели С.М. Степняка-Кравчинского 23 декабря 1895 г., но до появления статьи В.И.Засулич в «Die Neue Zeit» (См. прим. 7).

[2] После гибели С.М. Степняка-Кравчинского В.И. Засулич некоторое время неотлучно находилась с Ф.М. Кравчинской.

[3] С.М. Степняк-Кравчинский.

[4] Имеется в виду Фонд Вольной русской прессы и те распри и склоки, которые раздирали небольшую группу его сотрудников. Особую остроту принял конфликт между руководителями Фонда Ф.В. Волховским и М.Л. Войничем, который вышел из Фонда и организовал особый Союз книгонош для издания и распространения в России революционной литературы. Сергей Михайлович, оказывал поддержку Союзу, но в связи с недостатком средств Союз просуществовал недолго. Кроме того, Фонд не мог найти денег на издание романа Степняка «Андрей Кожухов». Особая неприязнь к Волховскому у Фанни Марковны могла быть вызвана еще и тем, что Сергей Михайлович погиб на железнодорожном переходе, которым он обычно пользовался для сокращения пути по дороге к Волховскому.

[5] Речь идет о романе «Андрей Кожухов». Впервые он был опубликован на английском языке в Лондоне в 1889 г. под названием «The Career of Nihilist» («Карьера нигилиста»). В.И. Засулич отозвалась на выход этого романа статьей «Литературные заметки» (Социал-демократ: Лит.-политич. обозрение. Женева, 1892. Кн. 4. С. 81–108). Сергей Михайлович мечтал увидеть роман на русском языке. При создании в 1891 г. Фонда Вольной русской прессы, одной из первых задач было издание этого романа. В 1893 г. Фонд выпустил на русском языке «Подпольную Россию», а на «Андрея Кожухова» средств не было. Только после гибели мужа Фанни Марковна договорилась с группой «Освобождение труда» об издании романа на русском языке и взялась за перевод романа на русский язык. Редактирование перевода и подготовку романа к печати выполнил П.А. Кропоткин. В 1898 г. в Женеве, в типографии «Союза русских социал-демократов» в переводе с английского и с предисловием Ф.М. Степняк и Г. Брандеса роман вышел в свет. Кроме того, Фанни Марковна взялась за подготовку к печати повести «Домик на Волге» (Женева: Изд. Ф. Степняк, 1896), драмы «Новообращенный» (Женева: Изд. Ф. Степняк, 1897) и романа «Штундист Павел Руденко» (Женева: Изд. Ф. Степняк, 1900). Для издания сочинений С.М. Степняка–Кравчинского английские друзья собрали и передали Фанни Марковне 200 ф. ст., кроме того, была объявлена подписка для сбора средств на их издание (Степняк-Кравчинский С.М. в лондонской эмиграции. М., 1968. С. 336, 435).

[6] См.: *Степняк С.* Подпольная Россия. Лондон, 1893. 205 с. (Фонд Вольной русской прессы. Вып. 6). Первое издание этой книги вышло на итальянском языке в Милане в 1882 г., затем она издавалась на английском, французском, немецком языках, и только в 1893 г. – на русском.

[7] Статья В.И. Засулич была напечатана в № 16 «Die Neue Zeit» от 8 января 1896 г. Сведений о статье Г.В. Плеханова не выявлено.

[8] С интересом (*фр.*).

[9] Предложение приписано по правому полю оборота второго листа письма.

[10] Предложение приписано по верхнему полю второго листа.

[11] Аветис Вартанович Назарбек и его супруга – армянские социал-демократы, хорошие знакомые Ф.М. Кравчинской.

1896

178
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1896, 8 января[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Вчера получил 2 пакетика «Листка»[2] и «Дичета[3]» и очень благодарен Вам за внимание. Всегда высылайте, пожалуйста, литературу тотчас же по выходе ее. Вы, вероятно, получили уже 6 дол[ларов]. за проданные брошюрки. «Работник» я продавал по 30 с. (5 экз. по 25 c[ent] – книжному магазину), а «Bericht»[4] по 10 c[ent] (последней я продал лишь несколько экземпляров). «Листки» буду продавать по 5 с., а «Дичета» по 10 с. Передайте Блюменфельду, что Пескину не нужно высылать литературу. Он лишь по недоразумению писал об этом. Я не ответил Вам сейчас же на Ваше последнее письмо[5], потому что мы были накануне нашего бала[6], а решение денежного вопроса, о котором Вы писали в последнем письме, всецело зависело от исхода этого бала. Мы все были очень заняты им и всё, решительно всё сделали, чтобы сделать его успешным. Кажется, труды наши увенчались полным успехом. Финансовый комитет не представил пока полного отчета, но, судя по массе публики, состоянию буфета и т.д., мы заработали порядочно денег. Я просил нашего секретаря из поступивших уже к нему денег пока отправить Вам сотню дол., сколько мы сможем еще выслать Вам – увидим на ближайшем собрании: может быть, 50, а может быть, и больше (75–100). В отчете относительно денег лучше писать, как Вам будет удобнее. Когда мы совсем покончим с балом, мы, вероятно, опять начнем высылать что-нибудь.

В[ере] Ив[ановне] теперь о другом деле. Есть здесь в New York'е некий господин, которого Вы уже отчасти знаете, по имени Еваленко[7] (Валенко, как Вы его назвали). Я Вам, кажется, уже о нем писал и, если помните, отзывался о нем очень дурно. Я хотя о нем того же мнения и теперь, но это не должно мешать, однако, пользоваться в известных пределах его услугами, раз он так на этом настаивает. Он уверяет, что он массу денег посылал в «Фонд»[8]. Есть несомненные доказательства, подтверждающие это. Теперь он почему-то разошелся с «Фондом». Поступил в наше «Общество» и совершенно серьезно выдает себя за соц[иал-]демократа. Но это не верно. Факт тот, что он воспылал особенными симпатиями к нашим изданиям и во что бы то ни стало хочет их поддерживать. Он не обращался к Вам сам, потому что наших он почему-то побаивается. Плеханов на пару его предложений ответил как-то уклончиво, а В[ера] Ив[ановна] встретила его в Лондоне, как он мне жаловался, как-то «странно» (чему я, собственно говоря, очень рад!) Если В[ера] Ив[ановна] не помнит его (он, вероятно, представился ей под другой фамилией), напомните ей о человеке из New York'а, большом, широкоплечим, вечно wichtig[9] [........][10], с бараньим выражением глаз, с громадной лысиной и еще более громадными ушами. Человек, на мой взгляд, крайне сомнительного свойства. Но деньги остаются деньгами, и я не вижу, почему не пользоваться, раз человек предлагает свои услуги. Дело вот в чем. У г. Еволенко имеется около 1000 дол[ларов] на издания. Откуда он их

получил – Аллах его знает, но он их хотел бы пристроить у соц[иал-]демократов. Его условия – периодическое издание (хотя бы «листок» – я с ним буду толковать об этом лишь по получении от Вас ответа), 2-ое – высылать ему известное количество экземпляров. Все дол[лары] можно будет получить от него хотя бы в феврале, остальное – через пару месяцев. Подумайте и решите, а результат сейчас же сообщите.

Вчера было очередное собрание нашего общества. Решили отправить Вам пока еще 50 дол. Судя по состоянию нашей кассы, мы, вероятно, сможем выслать Вам еще 25 дол.

О себе и своей здешней жизни я Вам ничего нового и еще менее интересного не могу сообщить. Практика наша (моя и моей жены) настолько хороша, что мы перестали делать долги и сравнительно легко сводим концы с концами. Теперь в общем время скверное. Может быть, в скором будущем наши дела настолько подвинутся, что мы сможем и из своего кармана помогать Вам. Я с нетерпением жду этого момента.

В еврейском движении здесь дела пошли очень скверно. Миллер и К° организовали оппозицию здешней Arbeiter Zeitung и во что бы то ни стало хотят ее уничтожить.

Вскоре, вероятно, они издадут свою газету. Подлые еврейчики совсем потеряли голову – все «интеллигенты» их оставили. И Каган, и Миллер, особенно Винчевский (бывший в Лондоне) положительно анархисты. Недовольные тактикой партий (в особенности ненавидят De Leon'a, самого видного представителя здешней соц[иалистической] партии), они вместо того, чтобы критиковать ее там, где она вырабатывается, т.е. в соц[иалистической] секции, стали бунтовать еврейчиков против партии. Когда Arb[eiter] Zeitung стала не допускать их работать в этом направлении, они закричали о «freie Presse»[11]. Словом, они добились того, что произошел раскол. Все это не было бы так печально, если бы «литераторы», оставшиеся при Arb[eiter] Z[eitung] не были бы так робки. Новый редактор – купец Ромбро – страшный болван, не прочитавший в жизни своей ни одной соц. книжки и т.д. Мог ли среди наших евр[ейских] Genossen[12]он найти людей, умеющих писать на жаргоне?[13]

IISH. Paul Akselrod Archive. 22a – I / 2. Автограф на бланке «Dr. S. Ingerman». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] Очевидно, «Летучий листок», издававшийся Фондом вольной русской прессы. См. прим. 5 к док. 170.
[3] О каком издании идет речь, не установлено.
[4] Вероятно, «Отчет» группы «Освобождение труда» Международному социалистическому конгрессу 1891 г.
[5] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[6] Ежегодный новогодний бал, который «Русское социал-демократическое общество в Нью-Йорке» проводило для сбора средств.
[7] Сохранилось 2 письма Г.В. Плеханова к А.М. Еваленко от августа 1895 г., в которых Георгий Валентинович излагал условия возможного сотрудничества (РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 59).
[8] «Фонд Вольной русской прессы».
[9] Важный (*нем.*).
[10] Одно слово не разобрано.
[11] Свободная пресса (*нем.*).

[12] Товарищей (*нем.*).
[13] Судя по всему, нет конца письма.

179

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, после 8 января
Цюрих[1]

Дорогой Жорж!

Как здравствуешь? Из слов Бухг[ольца] заключаю, что ты и в Лозанне страдал еще от своих кислот. При случае сообщи, как ты нашел статью В[еры] Ив[ановны][2]. Думаю, что она только напрасно волнуется. Если ты еще не сдал своей «увертюры»[3] Блюм[енфельду], не забудь как-нибудь пригласить рабочих-революционеров пользоваться страницами сборника как трибуной для обмена мыслей и высказывания своих мнений, хотя бы они и не совсем сходились с редакцией[4].

Сказал бы я: «Пиши!», если бы не знал, что у тебя и так много работы.

Привет твоим.

Твой П. А[ксельрод]

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 114–115. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания статьи В.И. Засулич о С.М. Степняке-Кравчинском.
[2] *Речь идет, несомненно, о статье В.И. Засулич «С.М. Кравчинский-Степняк»; она напечатана в № 1–2 «Работника» и в № 16 «Neue Zeit» от 8 января 1896 г. Это позволяет установить приблизительную дату письма.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[3] Имеется в виду предисловие «От издателей» к сборнику «Работник».
[4] Такое приглашение Г.В. Плеханов ввел в свою статью. – См.: «Работник». № 1–2. Женева, 1896. С. XIV.

180

П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу[1]

1896, 9 января
Цюрих[2]

Совестно как-то плакаться о себе 2 недели после того, как смерть неожиданно похитила у нас Сергея[3]. Это возмутительно со стороны судьбы: в цвете лет, полный сил и здоровья, приобрев славу и симпатии в разных кругах английского общества, он погибает от простой неосторожности, попадая под поезд желез[ной] дор[оги], который моментально убил его. Бедная Фанни совсем не знает, что с собой делать от отчаяния. Марфа мне пишет, что опасается оставлять ее одну, т[ак] к[ак] до похорон она еще крепилась, а с тех пор все толкует о смерти. Так-то, дорогой, окончился для нас старый год и начался новый[4]! Что

же и как мне писать тебе под таким впечатлением о себе? Я начинаю думать, что мне суждено еще долго тянуть канитель, б[ыть] м[ожет], до 70 лет[5].

Только что получил письмо от Марфы[6], в к[о]т[о]р[ом] опять речь идет о Сергее и особенно об издании на рус[ском] яз[ыке] его англ[ийского] романа[7]. Ссылаюсь на письмо Марфы в оправдание за то, что не продолжаю о себе. Прошу только, не воображай себе меня хилым, еле ноги волочащим. Наоборот. Но довольно о себе. А, по-видимому, Сергей сохранил больше симпатий к нам, чем к своим деловым коллегам. Не имеешь ли ты сведений о Дмитрии, старом друге Сергея[8]? Адреса Дмитро ты мне не сообщаешь и об его житье ничего не пишешь[9].

Не могу собраться с мыслями, чтобы написать тебе об Энгельсе. Конечно, если судить по количеству и толщине томов, написанных им, то любой многословный профессор за пояс заткнет его. Но европейцы известных кругов судят по качеству, да по мировому влиянию его в последние 12 лет[10]. Говорю «кругов», а не одних только увриеров[11]. За исключением полной ненависти статьи полуюнкерского журнала «Preussische Jahrbücher», все органы противников с одинаковым почтением отозвались о нем после его смерти как о замечательном мыслителе, деятеле и человеке. Для генерального штаба геноссов[12], начиная с Испании и Италии и кончая Англией, Германией и Австрией, а также Соед[иненными] Штат[ами] Амер[ики], он является духовным центром, отцом и советником. В ожидании твоего ответа крепко обнимаю тебя и шлю братский привет.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 770. АД. 1/24.38. Л. 1 – 1 об.
Копия рукой Л.Г. Дейча с его позднейшими пометами. Опубл.:
Группа «Освобождение труда». Сб. 4. М.; Л., 1926.
С. 268–269. Публикуется по копии Л.Г. Дейча.

Примечания

1 Текст публикуемого письма П.Б. Аксельрода приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от 8 марта 1896 г. Публикуемому тексту предшествует следующее замечание Дейча: «*Я получил также письмо от Павла, которого не посылаю только пот[ому], что оно написано разгонистым почерком на большом листе бумаги. Приведу все его содержание*».

2 Датируется на основании пометы Л.Г. Дейча красным карандашом над текстом письма П.Б. Аксельрода: *«Цюрих. 9 янв. 1896»* и первых строк письма.

3 С.М. Степняк-Кравчинский трагически погиб 23 декабря 1895 г.

4 После этих слов, в скобках, зачеркнутое красным карандашом пояснение Л.Г. Дейча: «*Писано 9 янв[аря] по нов[ому] ст[илю]*».

5 П.Б. Аксельрод умер в 1928 г., когда ему было 78 лет.

6 Письмо В.И. Засулич не разыскано.

7 «Андрей Кожухов».

8 Очевидно, Д.А. Клеменц.

9 После этих слов, в скобках, зачеркнутое красным карандашом пояснение Л.Г. Дейча: «*Он, Павел, просил об этом летом, когда я и сам не знал, где ты и что с тобою, а с тех пор я ему не писал*».

10 Имеется в виду период со дня смерти К. Маркса (14 марта 1883 г.) до кончины Ф. Энгельса (5 августа 1895 г.).

11 От ouvrier (*фр.*) – рабочий.

12 Речь идет об Интернационале, в который входили социал-демократы разных стран.

181
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, 11 января
Женева[1]

Милый Павел,

прежде всего, замечу тебе, что мое участие в редактировании сборника[2] было физически невозможно по той причине, что я был все это время не только завален, но почти раздавлен работой. Если ты следишь за нашей журналистикой, то ты и сам знаешь, до какой степени надо теперь работать. Об этом, впрочем, поговорим при свидании, а теперь я скажу только, повторяя известное тебе выражение: мой щит усеян неприятельскими стрелами[3]. Если бы я был свободный человек, а не изгнанник, то... ну, да ты и сам понимаешь, что было бы тогда. Что сборник вы составите и без меня, в этом я никогда не сомневался. Если вышло недоразумение с твоей статьей[4], то ведь оно могло выйти и при моем участии. Оно шло не из редакции. Мое мнение то, что статью следует напечатать, исправив те места, т.е., собственно, одно место, которое подало повод к недоразумениям. Вот эти места (это место).

На стр. 26 (корректуры) ты говоришь: «Число лиц, которым нужны эти товары или которые могут захотеть купить их, все же гораздо больше числа предпринимателей, занимающихся их выделкой» и т.д. Блюменфельд возражает на это, что дело не в количестве предпринимателей, занимающихся выделкой известного продукта, а в количестве самих продуктов, изготовляемых предпринимателями; количество же продуктов обусловливается состоянием производительных сил, составом капитала и т.д. и т.д.

По-моему, это справедливое замечание, по крайней мере с формальной стороны. То правда, что небольшое число предпринимателей может легче оказывать давление на потребителей, чем большое: им легче составить, например, синдикат, картель. Если ты это имел в виду, то надо было оговорить это, а в той форме, в которую ты облек свою мысль, она неясна. Советую тебе это место переделать[5].

Кроме того. Я не найду сейчас того места, где, – помниться мне, – ты говоришь, что большинство кустарей у нас теперь забросило земледелие. Может бытъ, я и ошибаюсь, но мне кажется, что ты говоришь это. Если говоришь, то это неправильно. Фактически большинство все-таки ковыряет землю. Но что они в огромнейшем числе случаев закабалены скупщиком, это не подлежит ни малейшему сомнению[6]. Затем мне кажется, что следовало бы избегать таких выражений, как товаровладельцы. Это без надобности делает слог тяжелым. Но поправить этого, кажется, нельзя[7]. Насчет твоего плана озаглавить статью: Чего добиваться и т.д., я со всем согласен[8]. Даже более, по-моему, именно так надо поступить. Тогда ты скоро напишешь конец, и дело снимется с мели. Я думаю, что Гинсбург и Блюменфельд стояли за откладывание статьи до 2-го номера главным образом потому, что боялись, что ты нескоро пришлешь конец. Вообще же они вовсе не так волновались, как ты это думаешь. Я с Блюменфельдом виделся два раза за это время, и он успокаивал меня насчет того, что до понедельника, дескать, ждать можно. Но вот уже и понедельник на носу. Ради бога, не задерживай корректуры. Я послал ее тебе, чтобы ты мог еще раз перечитать статью. А ты, прочитавши, немедленно высылай Блюменфельду, хоть первый лист. Увертюру, как ты говоришь, мне, вероятно, придется написать[9]. Но если

бы ты знал, как я устал, если бы ты знал, как надоело мне вечное, бесконечное писание. Я положительно осужден судьбою на вечную каторгу литературного труда! Привет тебе. С новым годом[10], а также и всем твоим.

Твой

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.35. Л. 1 – 3 об. Автограф. При письме конверт со штемпелем отправления: «11. I. 96. Адресовано: Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 111–114; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С.159–160. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по штемпелю отправления на конверте.

[2] *Речь идет о «сборниках для рабочих» – «Работник», которые выходили в 1896–99 гг. (3 томика сборников и 10 номеров «Листка «Работника») в Женеве как издание «Союза русских с.-д.» под редакцией группы «Освобождение труда». Инициатива издания этих сборников исходила от действовавших в России с.-д. кружков, остро ощущавших недостаток популярной литературы для пропаганды среди рабочих.*

История создания «Работника» выясняется в следующем виде.

Совещание случайно оказавшихся одновременно в Петербурге членов с.-д. групп различных городов России, состоявшееся зимою 1894–95 г. (в нем участвовали В.И. Ульянов-Ленин, Г.М. Кржижановский и еще один «высокий и плотный» от петербургской «центральной группы для руководства рабочим движением», Спонти – из Москвы, доктор Я.М. Ляховский – из Киева и Ц. Копельзон-Гришин – из Вильны) и обсуждавшее главным образом вопрос о переходе к агитации, между прочим, приняло решение употребить все усилия для постановки за границей дела издания популярной литературы для рабочих. Было решено, что двое участников совещания, – Ленин и Спонти, – поедут для соответствующих переговоров с группой «Освобождение труда»; первым, весною 1895 г., в Швейцарию приехал сначала Спонти, вскоре за ним – В.И. Ульянов-Ленин, несколько задержавшийся по болезни (воспаление легких). В результате переговоров Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода (В.И. Засулич в это время была в Лондоне) с Лениным и Спонти (переговоры велись с каждым из них отдельно) и было принято Группою решение об издании сборников «Работник». (В литературе сведений о петербургском совещании 1894–95 гг. не имеется, – мы пользуемся сообщением Ц. Копельзона-Гришина). – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] *В это время Г.В. Плеханов выпускал свою известную книгу «Обоснование народничества в трудах г. В. Воронцова» по-русски и «Beitrage zur Geschichte des Materialismus» по-немецки; предисловие к последней датировано «Женева, Новый год 1896».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *«Цели и средства всемирной социал-демократии». Статья была опубликована в № 1–2 «Работника».*

[5] *Это место в опубликованном тексте отсутствует.*

[6] В опубликованном тексте вместо «большинства» говорится, что «многие из тех крестьян (кустарей)... теперь совсем или почти совсем забросили земледелие» (с. 15).

[7] *Термин «товаровладельцы» Аксельрод употреблял для противопоставления пролетариев – владельцев «товара» и рабочей силы – владельцам всех прочих категорий товаров, этой рабочей силой созданных. В статье Аксельрода термин этот остался (с. 23. 24 и др.).*

[8] *Статья напечатана под другим названием – «Цели и средства всемирной демократии», очевидно, по типографскому недоразумению, ибо в конце статьи, в особом примечании говорится, что статья должна носить общее заглавие «Чего добиваться русским рабочим».*

[9] *«Увертюра» – редакционное предисловие, напечатанное за подписью Г.В. Плеханова, в № 1–2 «Работника», под заглавием «От издателей».*

[10] По старому стилю.

182
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, около 13 января[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Одновременно с письмом посылаю тебе тетради[2]. Адлер просит статью о Сергее, отказать невозможно, взваливать на тебя совестно. Придется, значит, написать[3]. Но я даже года и места рождения его не знаю. Не можешь ли ты сообщить мне? Не знаешъ ли ты названий всех его иностранных произведений? Числился ли он сотрудником или редактором «Земли и воли»?[4] Насколько я знаю, он не имел влияния на тактику и направление партии. Если знаешь что-нибудь противоположное, сообщи. Но если ты пишешь для Vorwärts, то отлично можно бы ту же статью поместить в обоих органах[5]. Я был бы рад освободиться от исполнения просьбы, в данную минуту совсем уж не подходящей для меня.

Если же ты и для Vorwärts не собираешься писать, то, ради Христа, сообщи все, что может годиться для статьи о Степняке, а если можно, то так, чтобы я мог цитировать тебя.

Сегодня должен много писем писать, а потому довольно.

С Новым годом! Привет всем твоим. Когда же и увижу тебя, наконец?

Твой Павел

P.S. Я все-таки подал Адлеру надежду на статейку от тебя.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 60. Автограф. По верхнему полю 1-го листа надпись рукой неустановленного лица: «Дек. 1895 (?) г.». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 110–111. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано после трагической гибели Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского 23 декабря 1895 г., но до публикации статьи П.Б. Аксельрода о нем 19.01.1896 г. Поскольку в письме имеется поздравление с Новым годом (очевидно, по ст. ст.), оно написано около 13 января.

[2] *О каких тетрадках идет речь – установить не удалось. П.Б. Аксельрод вспоминает, что приблизительно около этого времени Г.В. Плеханов присылал ему тетрадки с переписанными статьями Маркса из старых изданий начала 1850-х годов, эпохи полемики с Шаппером и др.; возможно, что речь идет именно об этих тетрадках.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] Статья П.Б. Аксельрода о нем была напечатана в № 18 «Arbeiter Zeitung» от 19.01.1896 г. В русском переводе она появилась в 1907 г. в сборнике статей Аксельрода «Рабочий класс и революционное движение в России».

[4] С.М.Кравчинский родился 1(13) июля 1851 г. на Украине в селе Новый Стародуб. Являлся членом организации революционного народничества 1870-х гг. «Земля и воля», названной так в память одноименной организации 1860-х гг., устраивал типографию, редактировал первый номер журнала «Земля и воля». 4 августа 1878 г. убил шефа жандармов Н.В. Мезенцова, скрылся, в конце этого же года эмигрировал за границу, с 1884 г. жил в Лондоне.

[5] Г.В. Плеханов статьи о С.М. Кравчинском не написал.

183
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову[1]

1896, после 18 января
Лондон[2]

Милый Жорж,

во-первых, как Ваше здоровье? Оно меня очень тревожит, а Вы теперь молчите. Хоть бы карты посылали.

А во-вторых, я взываю к Вашему великодушию по отношению к Сергею. Сотни бездарнейших статей было уже о нем написано, неделю целую ежедневно вся английская пресса была ими переполнена. Затем «Листок»[3]! И ни одного не было сказано живого, его рисующего, слова о нем. А ничего на свете так не отталкивало его, как бездарность. Не присоединяйте нашего Сборника[4] к этому морю бездарности, изливаемому на него. Сделайте вот что: к простому извещению о его смерти с прибавлением, что мы о нем еще расскажем – пожалуй, с 1–2 словами Бернса – «друг всех угнетенных»[5], что ли – перепечатайте в Сборнике его посмертную статейку о биографии Дрожжина[6]. Всего 4 стр[анички] и, право, хорошие вдумчивые странички. Он их приготовил к будущему номеру «Листка», который мечтал уже издавать не с Волхов[ским], а вместе с нами, – мы имеем полное право их перепечатать.

Моя статья почти совсем готова[7], – кончить ее вчера мне помешала Фанничка, которая ко мне пришла. Она подняла открытую войну с «Фондом»[8]. Послала заявление, ч[то] они налгали в «Листке» о Серг[ее] ([он] не говорил: «выступать и выступать!»). После свидания с ней мне особенно больно присоединяться к хору бездарностей (и статья моя бездарна и при этих условиях не может быть иной) о Серг[ее]. Ее терзает это общее фразерство, хотя и хвалебное, о нем, и я вижу, что ее надежды сосредоточиваются на нашей группе, на мне особенно, и Сергей, мол, говорил, что у меня есть талант и я давно его знала, и были мы с ним друзья и проч[ее]. Мечтает, ч[то] мы когда-то напишем что-то такое, что будет не фразами, а живым изображением его личности. Это, может, напрасные мечты, но мне все же кажется злым делом сразу убить их бездарной статьей. А «Фонд» к[а]к обрадуется! Фанничка некоторым образом заставила меня сказать Волховскому, что статьи «Листка» бездарны, пахнут рекламой (на первой стр[анице]), сослалась на меня.

[9]Напишите сейчас же. Меня мучает и Ваше здоровье, и страх, ч[то] статья будет напечатана.

[10]<u>На случай, если потеряли «Листок», прилагаю статью о Дрожжине.</u>

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.134. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 153–155. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Текст данного письма, опубликованный в сборнике «Группа "Освобождение труда"», содержит ошибочно включенный фрагмент другого письма.

[2] Датируется по упоминанию о последней статье С.М. Степняка-Кравчинского «Непротивление», напечатанной 18 января 1896 г. в № 28 «Летучего листка». Выпуск был посвящен памяти Кравчинского.

[3] «Летучий листок» Фонда Вольной русской прессы.

[4] Имеется в виду сборник «Работник».

[5] В.И. Засулич цитирует слова прощальной речи английского рабочего социалиста Джона Бернса, сказанные им на похоронах Кравчинского. Со ссылкой на Д. Бернса эти слова Засулич привела в статье-некрологе «Сергей Михайлович Кравчинский (Степняк)» (Работник. 1896., Женева. № 1 и 2. С.45).
[6] Статья С.М. Степняка-Кравчинского представляла собой развернутую рецензию на биографию толстовца Е.Н. Дрожжина: *Попов Е.И.* Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866–1894 / С предисл. Л.Н. Толстого. Берлин, 1895.
[7] Имеется в виду статья В.И. Засулич в сборнике «Работник» (1896, Женева. № 1 и 2. С. 45–56).
[8] Фонд Вольной русской прессы.
[9] Приписано по верхнему полю первого листа.
[10] Предложение вписано на середине первого листа, между строк.

184

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, январь[1]
Лондон

Это несколько слов о Сергее в виде вступления к его статейке о Дрожжине[2], которую в посланном сегодня утром письме я Вас, милый Жорж, заклинаю всем святым напечатать вместо той дрянной статьи[3], начало которой я послала в пон[едельник], а конец пришлю завтра.

Ваша Вера

Пишите!! Что желудок?

Я уж две ночи не спала и сегодня не буду спать, буду биться над этой статьей. Но в награду за это самое искреннее старани[е] молю об одном, чтобы это пропало даром, а не повело к оскорблению памяти Сергея бездарной статьей.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.155. Л. 1 – 2 об. Автограф. Печатается впервые.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] Имеется в виду последняя статья С.М. Степняка-Кравчинского «Непротивление», напечатанная посмертно в № 28 «Летучих листков» от 18 января 1896 г. Статья представляет рецензию на биографию толстовца Е.Н. Дрожжина (*Попов Е.И.* Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866–1894 / С предисл. Л.Н. Толстого. Берлин, 1895).
[3] Вероятно, речь идет о статье В.И. Засулич «Сергей Михайлович Кравчинский (Степняк)». (Работник. 1896. Женева. № 1 и 2. С. 45–56).

185

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, вторая половина января
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

я письменно попросила Элеонору об article[2] для майского номера[3]. Ведь к ним часа 1½ езды, и никто у них без специального приглашения не бывает. Меня,

слава богу, еще ни разу не приглашали, значит, не придумали, как приспособить к драке с Кейр-Гарди, Гайндманом, Бельфор-Баксом и проч[ими]. Это теперь их единственное занятие и в музее[4] никогда не бывают.

Не предложить ли что-нибудь написать Назар-Беку? Это мне потому пришло в голову, что привык он писать свою газету, значит, коротенькие статьи, находится в поднятом настроении (они ведь находятся в тесных сношениях с Малой Азией, с Цейтуном)[5], поэт. Все это идет для таких статей.

Руссо пишу, надеюсь скоро кончить, если ничто не оторвет[6].

Тема для статьи в 2 листа[7] (а то и в один) мелькнула вот какая: пред получением Вашего письма я читала «Кудрина»[8]. Теперь только достала. Статья, действительно, самая ловкая и[з] всех против Бельтова. Там о субъект[ивном] методе. Так как зарождение этого метода (не по рассуждениям о субъективности, а по существу) ясно и очевидно в XVIII веке, то у меня о нем накопилось мыслей, которые не знаю по каким примечаниям рассовать в Руссо. Читая Кудрина, я ему в голове пропасть навозражала: «совсем, мол, голубчик, не в этом дело...». Читая Ваше предложение написать листа два, мне и пришло в голову об этом написать. Но потом я рассудила, что Вы, вероятно, ему уже давно где-нибудь ответили; затем может уж об нем, о субъективном, довольно говорено? Затем мне для этого нужно бы «Наши напр[авления][9]» (для иллюстрации; по субъективному-интеллигентному, просветительному тож, мышлению, мысли делятся на полезные и вредные, а он г[о]в[о]рит, мы вредные, ибо без слез констатируем, ч[то] есть капитализм, а надо со слезами), а их нет в музее. Словом, коли Вам эта моя тема не очень улыбается, то я с величайшим удовольствием буду вместо этого кончать Руссо. Я опять в него очень влезла, а перерву, опять затянется, бог знает насколько, перервавши, мне потом месяц нужно, чтобы rentrer dans cet ordre d'idées[10].

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.36. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 297–298. Опубл. частично: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 2. С. 116–117. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В сборнике «Группа "Освобождение труда"» письмо ошибочно датировано 1895 г. В «Литературном наследстве Г.В. Плеханова» исправлено на апрель 1896 г.

Датируется на основании сообщения В.И. Засулич о замысле своей новой статьи. Кроме того, из текста настоящего письма следует, что В.И. Засулич в первый раз обратилась к Э. Эвелинг с просьбой о статье для «Майского листка», тогда как в последующих письмах этот сюжет звучит уже как повторный.

[2] Статья (*нем.*).

[3] Э. Маркс-Эвелинг откликнулась на эту просьбу и дала для майского листка «Работника» 1896 г. статью «Как живется рабочим в Англии».

Содержание «Майского сборника» См. прим. 7 к док.199.

[4] Британский музей и Библиотека Британского музея в Лондоне.

[5] Имеется в виду журнал «Die Neue Zeit» или что-то другое.

[6] Имеется в виду книга «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», над которой В.И. Засулич работала с 1894 по 1896 г.

[7] Речь идет о статье, которую Г.В. Плеханов предложил В.И. Засулич написать для второго легального сборника. Для усыпления бдительности цензуры его предполагалось выпустить в фор-

ме статей якобы одного и того же автора, которому Г.В. Плеханов дал имя Язвилло. О работе Засулич над этой статьей см.: *Курбатова И.Н.* Неизвестная работа В.И. Засулич о либеральных народниках // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1980. Вып. 2. С. 9–25.

[8] Речь идет о статье Н.С. Русанова (Кудрина) «На высотах объективной критики», посвященной критическому разбору книги Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», опубликованной в майском номере журнала «Русское богатство» за 1895 г.

[9] Имеется в виду: *[Воронцов В.П.] В.В.* Наши направления. СПб., 1893.

[10] Войти в круг этих идей (*фр.*).

186

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1896, вторая половина января[1]
Женева

Дорогая Верочка,

Драму Бьернсон[2] лучше уже не трогать теперь, т.е. не трогать для сборника, а вообще я Вам советую достать ее, прочитать и иметь в виду: может быть, она пригодиться для одного издания.

В.В. («Наши направления»)[3] я Вам вышлю на несколько дней; только Вы, прочитавши их и сделав выписки, пожалуйста, верните их мне, они мне именно теперь нужны. Я уже говорил о Вашей aimamble habitude[4] не возвращать мне книг, напр[имер] Гольбаха и Гельвеция. Они мне тоже нужны. Пришлите их; если Вы еще нуждаетесь в них, то я потом опять их Вам вышлю. Карышева у меня сейчас нет[5]. Книга, о которой Вы вспоминаете, принадлежала Алексею Михайловичу[6], который тоже воюет с Карышевым и потому оную книгу у меня отобрал (если б он был дома; но ведь Вы знаете, что он бродяга). Вы спрашиваете, кто еще из наших негодяев[7] наговорил о Руссо. Ей Богу, не помню, не говорил ли чего Михайловский? У меня теперь есть сочинения этого гуся, если хотите, я вышлю Вам тот том, в котором окажется нужная Вам статья. У Вас под рукой British museum[8], а Вы по старой памяти все меня вопрошаете.

Я скоро буду отвечать Вам, как Иоанн Креститель Иисусу: «Ты ли приходишь ко мне?». Да довольно с Вас и Южакова с Воронцовым. Вы как-то упоминали о той статье Южакова[9], где и химия, и прочие премудрости за волосы притащены для доказательства не только уже какой, а весьма тощей интеллигентной истины. Но если бы Вы знали, какая там чепуха во всем, что касается химии! Удивительные это люди, и плохо пришлось бы России, если бы наши жалкие «интеллигенты» сделались решителями ее судеб. К счастью, это невозможно.

Вы, может быть, хотите знать, как я живу. Работаю, никого не вижу и начинаю уже скучать, тянет меня на устные споры и даже на рефераты, «отросли зубы», как Вы говорите про меня в этих случаях. В январе, кажется, съезжу в Цюрих, куда меня давно уже зовут. На днях получил письмо от Ани (Кулишовой): она спрашивает, где теперь Вера? Из этого я заключаю, что она у Вас совсем от рук отбилась и не пишет. Летом она как-то подняла визг, пришли да пришли ей Бельтова. А.М. послал ей свой. Пишет, что еще не прочитала его экземпляр. Теперь она мне Adieu, les femmes[10].

РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 194. Л. 1 – 2 об. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Очевидно, ответ на док. 178.
[2] О каком произведении Б.-М. Бьёрнсон идет речь, не установлено.
[3] См. прим. 9 к док. 185.
[4] Милая привычка (*фр.*).
[5] Вероятно, имеется в виду докторская диссертация Н.А. Карышщева «Крестьянские вненадельные аренды» (Дерпт, 1892).
[6] А.М. Воден.
[7] Вероятно, речь идет о народнических публицистах.
[8] Библиотека Британского музея.
[9] В 1896 г. вышел сборник статей С.Н. Южакова («Социологические этюды.» СПб., 1896. Т. 1–2). О какой именно статье идет речь, установить затруднительно.
[10] Прощайте, женщины (*фр.*).

187

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, вторая половина января
Лондон[1]

Милый Жоржик,

тотчас по водворении в своей комнате я Вам написала[2], но письмо, должно быть, не застало Вас в Женеве, так как, судя по Вашему[3], Вы его не получили еще. Что же мне написать о себе? Сижу дома, втягиваю себя в работу. Азарта набрала уже довольно много, но сил не очень. Я была простужена все это время. На похоронах прозябла, да потом еще спать с непривычки пришлось в нетопленной комнате, с Фанни. Она одна боялась, а в топленой не могла спать. Урна тоже у нас в спальне б[ыла] все время. Теперь у себя топлю во все лопатки и отогреваюсь. Тема для статьи листа в два у меня очень шевелится в голове и даже мешает кончать Руссо[4]. Но боюсь назвать... Пока помолчим.

Фанничка, должно быть, уже послала рукопись и деньги на бумагу. Как я Вам, кажется, уже писала, англичане собирают деньги в память Степняка для Фанни, а она думает употребить их на издание[5]. Но, кажется, немного они соберут, да и Фанни теперь не хочет никаких денег, потому что надеется умереть, но я думаю, что она не умрет и останется без всяких средств. Поэтому, какие деньги для романа попадутся, брать все-таки следует. Но, конечно, обидно навязывать рефераты о Сергее, и Вы хорошо сделали, что не читали. Получили ли «Листок»[6] с моими примечаниями? Не знаю, куда адресовать письмо, чтобы скорее до Вас дошло, и как-то поэтому не очень пишется. А Вы, милый Жоржик, пишите, я уже давным-давно об Вас соскучилась, но не хочу об этом и думать.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В. 487.43. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 310. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано после похорон Степняка-Кравчинского, которые состоялись 28 декабря 1895 г. Из текста следует, что после похорон Вера Ивановна около месяца жила у Ф.М. Кравчинской, а потом вновь переехала к себе.
[2] Вероятно, док. 183.
[3] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[4] По-видимому, имеется в виду статья о либеральных народниках.
[5] Речь идет об издании романа С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов».
[6] «Летучий листок» Фонда Вольной русской прессы в Лондоне. В данном случае речь идет о № 28 от 18 января 1896 г., посвященном памяти С.М. Степняка-Кравчинского.

188
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец января – февраль
Лондон[1]

А какая лиса[2]! Она даже Гегеля не читала и воображает, что не придут собаки и не вытащат ее за морду! А славная книга[3], мне в первый раз случается прочесть книгу этого происхождения как читателю, а то я всегда заранее знала, что в ней будет. Я днем вчера не позволила себе читать ее и зачиталась ночью – всю прочла и сегодня готова злиться на автора за ее занимательность, т[ак] как совсем почти не спала, и, вдобавок, она и теперь вертится в голове и мешает работать. Если бы Вы меня оставили в покое с другими работами, я скоро кончила бы Руссо[4], но если не кончивши, я должна буду написать статью, – не знаю.

К какому сроку нужна эта статья?[5] Напишите непременно, я до тех пор не начну, не брошу Руссо. Я мечтаю, нельзя ли его сперва кончить, а потом ту написать.

Напишите мне адрес Водена непременно.

Ах, кабы Вы могли понять, какая мне грозит беда! Ф[анничка] уже за что-то злится на Назар-Беков[6], и я боюсь, что она предложит мне поселиться вместе. Ведь это значит взять на себя все заботы о ней, все помыслы на ней сосредоточить. Бросить все работы. Это две вещи несоединимые, – иначе буду только злиться (как во время Шмул[евича]) и портить обе. Месяц у нее я могла думать только о ней, но именно потому, что месяц[7]... Я не люблю ее достаточно, чтобы сосредоточить на ней весь смысл своей жизни, и долго все равно не выдержу. Я должна отказать. Но хватит ли у меня на это злого мужества? Она недавно одна у меня была и говорила, что не хочет жить у Н[азар]-Б[еков]: «У них, мол, столько интересов». Надеется, кажется, что у меня их нету. Я стараюсь не вспоминать об этом, а все-таки лезет в голову. Как мне быть?

Ваша Вера

150 фр[анков] из Берна я не получала. Но денег у меня немного есть. Во время пребывания у Ф[анни] сестра[8] прислала 50 р[ублей]. И через англ[ичан] от питерских[9] – 30 шилл[ингов].

[10]Коли не визжу, значит, есть. Кабы очень плохо пришлось, завизжала бы Вам или Павлу.

РНБ.АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В.487.37. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 288–289. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию и сопоставлению с текстом док. 183 и 185.

[2] Вероятно, П.Л. Лавров (См. док. 183). Вся фраза относится, по-видимому, к статье Н.С. Русанова «На высотах объективной критики» на страницах журнала «Русского богатства» (1895. № 5). Развернутая рецензия, опубликованная под псевдонимом «Кудрин», содержала критический разбор книги Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Выступление этого одного из видных идеологов народничества и явилось поводом к написанию В.И. Засулич статьи. См. также: док.185.

[3] Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», содержание которой было хорошо знакомо В.И. Засулич. Осенью 1894 г. в Лондоне она была непосредственным свидетелем и даже участником (переписывая отдельные страницы набело) создания этой книги.

[4] Имеется в виду книга «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», над которой В.И. Засулич работала до конца 1896 г.

[5] Речь идет о статье, замыслом которой В.И. Засулич поделилась в письме к Г.В. Плеханову в январе 1896 г. (см. док. 185).

[6] О намерении Ф.М. Кравчинской переехать к Назарбекам.

[7] После похорон С.М. Степняка-Кравчинского (28 декабря 1895 г.) В.И. Засулич почти месяц неотлучно находилась с Ф.М. Кравчинской, стараясь поддержать ее в постигшем ее горе.

[8] Очевидно, А.И. Успенская.

[9] От петербургских социал-демократов.

[10] Приписано между строк на перевернутом обороте второго листа.

189

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1896, начало февраля[1]
Женева
Пятница

Дорогая Верочка,

[На][2]чало Вашего письма[3] не [понятно]. Вы говорите о какой-то [лисе], которая не читала Гегеля.

[Очевидно], Вы под лисой понимаете Лаврова (а он, точно, лиса), я думаю, что Гегеля он читал, хотя по устройству головы и не мог мно[го чем] воспользоваться в нем! Почему Вы вспомнили о [лисе] (Лаврове)? Дальше Вы [кричите:] «А книга славная»! [Это] относится, вероятно, к книге, посланной Вам на днях[4]! [По пово]ду этого отзыва я тоже [его про]читаю, а то, знаете, не [чит]ая; теперь много [их при]ходит, просто вре[мени] нет читать все. По[слал] Вам «Наши направления» В.В. да еще сборник[5].

А статью (листа в два) Вы должны написать как можно скорее. И очень Вас прошу: пошевеливайтесь Вы с нею. Надо, безусловно, необходимо, чтобы была Ваша статья. Оставьте все, заложите жен и детей и пишите эту статью. Да будьте посвирепее, кусайтесь побольнее, без этого, ей Богу, нельзя по настоящему времени. Я уверен, что статейка у Вас [….][6]

Ваши работы до зарезу нужны. До […][7]. Это я не шучу, что Ваши работы нам нужны до зарезу: ей Богу, правда!

Всякая Ваша работа будет иметь важное значение [……][8].

РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 194. Л. 3 – 5 об. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Ответ на док. 188.
[2] Здесь и далее в квадратных скобках восстановленный текст, уничтоженный при обрезке листа бумаги, на которой написано письмо.
[3] Док. 188.
[4] Книга Г.В. Плеханова «К вопросу о монистическом взгляде на историю».
[5] Очевидно, «Работник».
[6] Несколько строк восстановлению не поддаются.
[7] Одно слово не разобрано.
[8] Пара завершающих строк восстановлению не поддаются.

190
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1896, 13 февраля[1]
Лондон

Дорогой Павел!

Жорж написал[2], что очень болен, и с тех пор я не имела от него ни слова. Не знаю даже где он? Напишите, пожалуйста, сейчас же, что знаете о его здоровье.

Ваша Вера

Очень я беспокоюсь.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44с. Автограф на почтовой карточке. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Дата на почтовом штемпеле в месте получения – в Цюрихе.
[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

191
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, февраль
Лондон[1]

Дорогой Жорж!

Слушаюсь, наконец, и принимаюсь за статью «листа в 2»[2]. Ах, кабы Вы знали только, как я ужасно работала все последнее время, как близок Руссо к концу (это ведь целая книга) и как я ужасно устала. То есть это «устала» чувствую сквозь нервное напряжение, при к[о]т[о]ром пишется как будто даже лучше, чем когда не устала. Только уж нельзя остановиться хоть часа на три. Раскиснешь, и дальше не пойдет.

Я поклялась, было, не останавливаться больше, пока не кончу Руссо. Теперь значит: пока не кончу не начатой еще статьи «листа в 2» и Руссо.

«Рус[ское] бог[атство]» у меня давно отняли. Я сделала маленькую выписку на всякий случай, но очень небрежно и мало. Кабы прислали – хоро[шо].

А Вы писали, что у Вас есть весь Мих[айловский][3]. Кабы Вы прислали ту книжку, где о «суб[ъективном] мет[оде]». Я не с ним думаю разговаривать, но все-таки необходимо прочесть.

Сборник присылайте. Спешить буду страшно, мне теперь «субъективно» нельзя не спешить. Коли остановлюсь, с места не сдвинешь, а Вы будете мучить.

Каждый вечер, как прислушаешься, лихорадка и температура, а ничего путем не болит или болит во всех местах, на которые обратишь внимание. Не требуйте только от меня столько злости, сколько у Вас. Ну, где же я столько возьму? А если притворяться, выйдет совсем не «к часу», как говорил бедняга Сергей. А насчет «лисы, также не читавшей Гегеля, как В.В.»[4], Вы плохо притворяетесь. Кабы я взялась, т[о] гораздо бы лучше притворилась.

Ну, прощайте.

Ваша Вера

[5]К тому времени, когда я кончу «статью листа в 2», извольте прислать мне своего «Гельвеция, Гольбаха и Маркса»[6]: Бернштейн] говорил мне, что она вышла. Элеонора статью обещала[7]. А писала я Вам, что ее из «Р[усского] б[огатства]» давно выгнали за незанимательность?[8]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.53. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 161–162. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по сообщению о предстоящей работе над статьей о либеральных народниках.

[2] Статью, посвященную критике либеральных народников, В.И. Засулич предложила написать для второго легального сборника. Замысел работы относится к январю 1896 г. (док. 185, 187).

[3] Имеется в виду собрание сочинений Н.К. Михайловского (СПб., 1879–1887. Т. 1–6), которое к 1896 г., году написания письма, уже выходило третьим изданием. В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранятся отдельные тома этого собрания сочинений Н.К. Михайловского (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Д 6291, Д 6292 / 1–2, Б 3832).

[4] См. док. 188 и 189.

[5] Заключительный фрагмент письма приписан по верхнему полю развернутого первого листа.

[6] Имеется в виду вышедшая в начале 1896 г. в Штутгарте книга Г.В. Плеханова «Beiträge zur Geschichte des Materialismus. I. Holbach. II. Helvetius. III. Marx». В 1903 г. вышло второе немецкое издание. Эти два издания на немецком языке были единственными при жизни автора.

[7] Имеется в виду статья, которую Элеонора Маркс-Эвелинг обещала написать для сборника, вышедшего как приложение к сборнику «Работник» в мае 1896 г. В майском сборнике была опубликована ее статья «Как живется рабочим в Англии».

[8] С 1895 г. журнал «Русское богатство» начинает публиковать, вместо обзоров «Хроника заграничной жизни», серии статей-репортажей из разных стран: «Из Германии», «Из Австрии» и т. д. Э. Маркс-Эвелинг писала статьи для этой серии под псевдонимом «Av.» В первом и втором номерах статьи вышли под названием «Письма из Англии», далее в номерах 4, 5, 7, 8 и 12 под названием «Из Англии». В первом номере журнала за 1895 г., хранящемся в личной библиотеке Г.В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. 716), в оглавлении у названия статьи «Письма из Англии» есть его пометы синим карандашом: «?! неужели Эвелинги!», а в конце статьи у псевдонима «Av.»: «Эвелинг ?!».

192
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, конец февраля[1]
Цюрих

Милый Жорж!

У Веля был два раза и не застал. Т[ак] как он из тех молодых божков, которые вместе с Зейделем сбросили с здешнего Олимпа прежнее начальство, то никто из моих знакомых не может без вреда для [...][2] пойти к нему. Манц и посоветовал мне самому переговорить с ним, что, надеюсь, удастся сделать сегодня еще. Я ему скажу, что, если бы не болезнь, ты зашел бы к нему и что я говорю с ним собственно по твоей просьбе. Но у меня к тебе есть другое дело, писать о котором откладывать не могу. Вчера я получил от Блюменф[ельда] статью Гинсб[урга] (8 стр[аниц] в корр[ектуре], остальные в манускрипте) под названием «Европейские раб[очие] партии в 1895 г.». Я нашел ее совсем непригодной в настоящем виде и предложил переработать ее для следующей книжки. Это тем более возможно сделать, что ведь есть еще иностранн[ая] хроника твоего больного философа[3]. Если бы у тебя было достаточно времени, чтобы посвятить 2 или около того часа на внимательное чтение (строго редакторское) статьи, то я бы тебе не писал. Если бы ты и не согласился с моим решением, я знал бы, что, по крайней мере, твое собственное составлено не под беглым впечатлением, и безропотно подчинился бы ему. Но если ты окунулся в свою работу, то едва ли тебе будет легко уделить специальное внимание статье. И вот, чтобы облегчить тебе просмотр (или совсем избавить тебя от него, если ты доверяешь моему отзыву), я резюмирую основания, по которым я нахожу статью в теперешнем виде не подходящей для рабочего сборника:

1) Она, собственно, тоже не что иное, как хроника (только под другим соусом), – только по тону и изложению ничуть не соответствующая изданию для рабочих, хотя бы и развитых. Статья испещрена иностранными словами и касается мимоходом исторических событий, требующих хоть некоторых предварительных сведений или особой статьи. Она имеет претензию касаться haute politique[4] – ex abrupto[5], совершенно не подготовляя к ней читателя. По выбору (отчасти) и группировке фактов, по всему своему характеру она представляет собою диссонанс не только с его статейкой о машине (довольно-таки популярной)[6], но и с моей[7]. Статейка об Энг[ельсе] – хоть маленькая, да и тема немножко смягчает вину автора[8], а тут хроника!

2) Явления и факты, наиболее интересные – особенно при теперешнем уровне развития наших рабочих, – только затронуты огульно, summarisch[9], напр[имер] огромные бойкоты пивных, деятельность раб[очих] депут[атов] в Рейхстаге и даже Бреславльский конгресс[10] сухо, без цвета и вкуса описан.

3) Общее впечатление: калейдоскоп, в котором тонет руководящая мысль автора. То есть для интелл[игентного] читателя статья, пожалуй, и недурна своей бойкостью, подчас обличающей свободный перевод цитат (не указываемых) из «Vorw[ärts]». Но рабочий совершенно бесполезно прочел бы ее, – и мною овладевало прямо негодование, чем больше я вчитывался – при мысли, что автор точно бил на эффект перед совершенно другой публикой.

4) Некоторые места требуют изменений или редакционных примечаний (два я ему послал) по существу. Но эти-то редакционные измен[ения] нетрудно было бы сделать, хотя Блюменф[ельд] завыл бы.

5) Т[ак] к[ак] хроника уже имеется, то помещать вторую под другим заглавием, да еще с такими крупными недостатками – des guten zu viel[11].

Таково мое мнение. Если автор будет апеллировать к тебе, можешь ниспровергнуть мой приговор, не опасаясь нанести мне обиду. Но об одном прошу тебя: прочитай прежде внимательно и прими во внимание мои замечания[12].

Теперь иду на вокзал – бросить письмо, а затем опять к Велю. Вере ты, конечно, написал. На всякий случай вот ее карта[13]. Я чертовски обрадовался, получив твое известие об улучшении твоего здоровья.

Бухг[ольц], проезжавший через Ш[туттгарт], пишет мне: «С Г.[14] я говорил. О статьях своих о кризисах и рынках он хотел Вам сам написать... Если он не ответил на письмо Гинсб[урга], то потому, что Гинсб[ург] ему не был знаком, а в письме своем не говорил, что он товарищ Ваш и Г[еоргия] В[алентинови]ча. Для газеты[15] обещается писать корреспонд[енции] о Германии...».

Привет от всех нас.

P.S. Адлеру теперь отправляю письмо[16].

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 115–119. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию: в документе идет речь о подготовке первого номера «Работника», вышедшего в свет в марте 1896 г. Дополнительным свидетельством является письмо В.А. Бухгольца к Г.В. Плеханову от 20 февраля (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 359. В 78.3), которым подтверждается информация о возможном сотрудничестве Гельфанда, П.Б. Аксельрод цитирует аналогичный фрагмент письма к нему В.А.Бухгольца.

[2] *Не разобраны первые буквы чьей-то фамилии: Ир... или Гер...*– Прим. Б.И. Николаевского.

[3] А.М. Воден.

[4] Высокая политика (*фр.*).

[5] Сразу (*лат.*).

[6] Статья Д. Кольцова [Б.А. Гинсбурга] «Машина» помещена в № 1–2 и 3–4 сборника «Работник». Она вышла также отдельным изданием.

[7] Статья П.Б. Аксельрода «Цели и средства всемирной демократии» помещена в № 1–2 «Работника».

[8] *«Статейка об Энгельсе – некролог «Фридрих Энгельс», помещенный без подписи в № 1–2 сборника «Работник». Автора ее установить не удалось, но почти с несомненностью можно предполагать, что она была прислана из России; за это говорят следующие соображения: если бы она была написана за границей, то ее писал бы кто-нибудь из членов группы «Освобождение труда», которые ставили свои подписи под всеми своими мало-мальски ответственными статьями (даже под редакционной – «От издателей» стоит подпись автора – Г.В. Плеханова). Возможность присылки статьи кем-либо из случайных сотрудников из-за границы исключена, ибо такую тему случайному сотруднику редакция не поручила бы, а тем более не напечатала бы ее без подписи, т.е. с полным принятием на себя всей ответственности за ее содержание; подобное исключение могло быть сделано лишь для статьи, присланной сотрудником, к которому редакция относилась совершенно по-особому. Таким сотрудником мог быть лишь сотрудник из России. Не исключена возможность, что автором этого некролога был В.И. Ленин-Ульянов, который написал такой некролог под тем же заглавием «Фридрих Энгельс» для № 1 «Рабочего дела» (такое название должна была носить предполагавшаяся в 1895 г. к изданию в Петербурге газета «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». – См.: Ленин В.И. Собр. Соч. Т. I. С. 560–562) и который, как мы уже отметили выше, присылал из России значительное количество материалов для «Работника».* – Прим. Б.И. Николаевского. См.: Работник. Женева, 1896. № 1-2. С. 109; *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т. 2. С. 1 – 14.

[9] Суммарно (*нем.).*

[10] Бреславльский съезд Германской социал-демократической партии 1895 г. Заключительный фрагмент письма приписан по верхнему полю развернутого первого листа.
[11] Хорошего слишком много (*нем.*).
[12] *Раскритикованная в настоящем письме статья Б.А. Гинсбурга в «Работнике» напечатана не была. Отдел обзоров заграничного рабочего движения в № 1–2 сборника «Работник» представлен лишь одною статьей «Эпизоды из жизни рабочих Западной Европы в 1895 г.», которой предпослано следующее редакционное примечание: «Болезнь нашего сотрудника помешала ему составить подробное обозрение рабочего движения на Западе. Ввиду этого мы принуждены были ограничиться настоящими "Эпизодами". Ред.». Кто был автором этих «Эпизодов»: «больной философ» А.М. Воден или Б.А. Гинсбург – точно не удалось установить: вернее последнее.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[13] Док. 181.
[14] *Г.– здесь Александр Лазаревич Гельфанд-Парвус (Г.В. Плеханов в своих письмах тех лет обычно называет его Геллъфонт), в то время начинавший играть видную роль в немецком с.-д. движении, где он занимал место на крайнем левом фланге (входил в редакцию «Sächsische Arbeiter Zeitung»). Его статьи «О кризисах и рынках» («Der Weltmarktz und die Agrarkrisis») как раз в это время – зимою 1895–96 гг. – печатались в «Neue Zeit» (в №№ с 06.11.1895 по 19.03.1896). Для «Работника» и «Листка "Работника"» Гельфанд-Парвус, насколько нам удалось установить, ничего не дал.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[15] «Газета» – будущие «Листки "Работника"» (№ 1 вышел только в ноябре 1896 г.).
[16] *В. Адлеру П.Б. Аксельрод писал по поручению редакции «Работника», прося Адлера дать статейку-приветствие для майского листка. В. Адлер статейку дать обещал, но обещания не сдержал.* – Прим. Б.И. Николаевского.

193

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, начало марта[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Прилагаемое письмо пришли мне немедленно обратно, т[ак] к[ак] я еще не ответил автору его, а ответить нужно[2]. Не пишу тебе об интересующем тебя предмете потому, что кончаю очерк железнодорожного движения, представляющего огромный интерес[3]. Я, впрочем, все-таки не взялся [бы] за него, если бы меня не подкузьмил Гинсб[ург], который уже в декабре писал мне, что хроника раб[очего] движ[ения] готова, а потом только в конце февраля прислал начало обозрения, оказавшегося решительно непригодным для нашего издания. А дней 7 тому назад Блюменф[ельд] прислал мне новую хронику Гинсб[урга], которая с грехом пополам идет[4]. А потому я и решил для пропорции хоть написать свой очерк, стр[аниц] 16–18. Удивительно! Два-два с половиной месяца тому назад [...][5] послал Г[инсбургу] присланную из России статью, я думал, что она набрана – и вдруг недели 3 тому назад Г[инсбург] присылает мне ее с вопросом, не пригодится ли она для след[ующей] книжки[6]. Просто отобьют охоту у людей присылать нам что-нибудь.

Итак, жду обратного письма.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 119–120. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о почти законченном очерке П.Б. Аксельрода, в котором идет речь о борьбе швейцарских железнодорожников в феврале 1896 г. Кроме того, в тексте письма имеются указания на конец февраля как уже прошедшее время.

[2] *О ком идет речь – установить не удалось; несомненно лишь, что это то самое «письмо Г.», о котором идет речь ниже.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] *П.Б. Аксельрод эту свою статью отложил до следующего № 3–4 «Работника», где она напечатана под заглавием «Борьба железнодорожных рабочих Швейцарии с их эксплуататорами». В примечании редакция оговаривала, что «статья написана осенью 1896 г.». В этой статье Аксельрод знакомит русских читателей с ходом борьбы швейцарских железнодорожников в феврале 1896 г. (это помогает установить приблизительную дату письма). «Огромный интерес» это движение, с точки зрения Аксельрода, как видно из его статьи, представляло по искусной тактике руководителей Союза железнодорожников, которые сумели превратить свою профессиональную борьбу в борьбу «общенародную против врагов общенародных» и, благодаря этому, привлекли к ней симпатии широких демократических слоев населения. Аксельрод находил, что эти элементы в тактике руководителей швейцарской стачки должны быть особенно поучительны для русских с.-д., которым он настойчиво рекомендовал учиться на этом примере. В этом отношении данная статья Аксельрода являлась как бы иллюстрацией к общим тактическим принципам, которые Аксельрод развил в своих дальнейших статьях.*

Отметим здесь же, что «соотечественником-товарищем», доставившим Аксельроду цитируемое последним в этой его статье описание рабочего собрания в Аару («Работник», № 3–4, стр. 38–41) был А.В. Луначарский, тогда юноша-студент в Цюрихе. – Прим. Б.И. Николаевского.

См.: *Аксельрод П.Б.* Борьба железнодорожных рабочих в Швейцарии с их эксплуататорами // Работник. Женева. 1897. № 3–4.

[4] *В № 1–2 «Работника» имеется только одна подходящая под это указание статья «Эпизоды из жизни рабочих Западной Европы в 1895 г.». Как вспоминает П.Б. Аксельрод, эта статья, по всей вероятности, принадлежала Гинсбургу-Кольцову.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] *Имя писавшего в оригинале тщательно зачеркнуто; по-видимому, там стояло: «Курн.». т.е. Курнатовский, который в это время жил в Цюрихе и входил в «Союз русских с.-д.».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[6] *Как вспоминает П.Б. Аксельрод, речь идет, по-видимому, о статье Ю.О. Мартова «Еврейские рабочие против еврейских капиталистов», которая была (без подписи) напечатана в № 1–2 «Работника». Об этой статье Аксельрод позднее писал в своей статье «Памяти Мартова»: «В 1896 г., подготовляя к печати 1-й № «Работника», я получил – не помню откуда – рукопись, без заглавия и без подписи, доставленную за границу из Вильны. Это была листовка, написанная по поводу выступления виленского магида, громившего в синагоге еврейских рабочих за стачку, устроенную ими против хозяина-еврея. Защищая рабочих-забастовщиков, объясняя новое для Западного края явление – борьбу еврейских рабочих с еврейскими капиталистами, автор сумел настолько расширить и углубить вопрос, что листовка производила впечатление чего-то – для того времени – совершенно исключительного; да и теперь еще это юношеское произведение Юлия Осиповича остается полным интереса документом в истории рабочего движения в России».* – Прим. Б.И. Николаевского.

Еврейские рабочие против еврейских капиталистов. [Без подп.] // Работник. Женева. 1896. № 1–2. С. 81–88.

194
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову[1]

1896, февраль – март
Лондон[2]

Бога ради <u>мгновенно</u> [пришлите], кроме «Суб[ъективного] мет[ода]»[3], также ту книжку Михайловск[ого], где он спорит со Слонимским[4]: я там помню очень субъективную[5] фразу для доказательства, что разделение труда уменьшается.

«Теперь всякий может как шить, так и чинить обувь, а прежде было запрещено». Мне ее ужасно нужно. Хорошо около нее придумано.

Ваша Вера

Надо-то бы мне массу всякой всячины.
И Южакова с гадами опять бы нужно[6]:
Скорей! Быстрей!

РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 25. Автограф. По верхнему полю первого листа, очевидно, рукой Л.Г. Дейча написано: «Письмо Веры Засулич к Аксельроду. Лондон, 1896» Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 165. При публикации адресатом указан Г.В. Плеханов. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В тексте письма нет обращения, но оно, безусловно, адресовано Г.В. Плеханову, продолжая переписку, начатую док. 185.

[2] Датируется на основании док. от конца января – февраля 1896 г., в которых сообщается о начале работы В.И. Засулич над уже называвшейся статьей.

[3] В первой публикации: «суб[ъективной} лит[ературы]». В подлиннике «кроме «суб. мет.»» написано над строкой. В док. 191, предшествующем данному, В.И. Засулич просит прислать ту книжку Михайловского, где речь идет о «субъективном методе».

[4] В 1889 г. на страницах журнала «Вестник Европы» (№ 3 и 5) в статьях «О теориях прогресса» Л.З. Слонимский выступил с резкой критикой социологических взглядов и «субъективного метода» Н.К. Михайловского. Михайловский ответил ему статьей «Страшен сон, да милостив Бог. (Несколько слов г. Слонимскому)» в журнале «Русская мысль» (1889. № 3, 5 и 6).

[5] Слово написано над строкой.

[6] Говоря о «гадах», В.И. Засулич имела в виду группу сотрудников журнала «Русское богатство», ставшего в 1890-х гг. органом либерального народничества, во главе с Н.К. Михайловским.

195
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, март[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Наконец собрался поделиться с тобой своим впечатлением от одной литературной новинки – впрочем, я все ждал возвращения мне письма Р.[2] Ты уже, конечно, читал Анти-Воронцова[3], произведение, недавно появившееся в печати. Я ведь принимаюсь за легальные вещи с предубеждением. Но против воли увлекся и, должен признаться, прочел с наслаждением, со сладострастьем. Уничтожающая критика! А многообещающее suum cuique[4] является зловещей угрозой всей компании. Кто бы ни был этот Волгин, хоть бы он в тайниках души своей был не более, как умным[5] либералом и апологетом «капитализма», мы можем предаваться ungetrübter Freude[6], как tertius gaudens[7]. Струве, Бельтов, Волгин, а затем опять тот же Волгин того и гляди в года два так вычистят авгиево стойло[8], что и заправскому марксисту можно будет дышать. При чтении первых глав пришлось прямо чуть не на каждой странице хохотать. Да, зубастый и когти какие, бедный Воронцов. И какая, в самом деле, путаная голова. Говорят: клин клином выбивают. Буквально применяя в данном случае, нужно бы путанице воронцовской противопоставить еще большую путаницу другого рода.

Но этот Волгин ухитрился распутать воронцовскую путаницу, т.е. убить, уничтожить ее автора последовательностью и ясностью своей точки зрения, опирающейся на дьявольскую диалектику и фактическое знание России. Словом, если ты читал Волгина, то, надеюсь, ты вынес такое же впечатление. А я бы не хотел быть на месте единомышленников Воронцова. О, это угрожащее suum cuique! Ведь это дамоклов меч[9] над их бедными головами[10].

Автограф не обнаружен. РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 304. В 13.9. Л. 1. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 121–122. Публикуется по машинописной копии.

Примечания

[1] Датируется по содержанию и сопоставлению с первыми строками предыдущего письма (док. 193).

[2] *О ком идет речь – установить не удалось; это может быть С.Г. Райчин, которому около этого времени удалось прислать о себе первые весточки с пути в Сибирь; но, возможно, что П.Б. Аксельрод из конспирации взял букву из латинского алфавита,– тогда ее следует расшифровать Petroff, т.е. В.И. Ленин.* – Прим. Б.И. Николаевкого.

[3] *Известная книга А. Волгина – Г.В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова»; вышла в начале 1896 г. (отзывы о ней помещены в «Русской мысли», 1896 г., № 4 и т.д.; по сообщению А.Н. Потресова, – «Собрание Сочинений» Плеханова, т. IX – из типографии книга была выпущена в начале 1896 г.). П.Б. Аксельрод знал, кто был автором этой книги, но согласно установившейся в переписке членов группы «Освобождение труда» традиции писал об авторе, как о совершенно неизвестном человеке. Объясняется это конспиративными соображениями, так как раскрытие псевдонимов в то время неизбежно было бы связано не только с серьезной ответственностью для тех легальных лиц, которые вступали в сношения с властями по делам издания, но и с опасностью потери на будущее время возможностей выступать в легальной печати.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] Каждому по заслугам (*лат.*). Это выражение Плеханов взял в качестве эпиграфа к своей книге «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)».

[5] В машинописной копии: «умеренным».

[6] Безмятежной радости (*нем.*).

[7] Третий радующийся (*лат.*).

[8] «Авгиево стойло», «авгиевы конюшни» – в древнегреческой мифологии огромные, много лет не чистившиеся конюшни царя Элиды Авгия. В один день были очищены Гераклом, направившим в них воды рек Алфея и Пенея (один из 12 подвигов Геракла). В переносном смысле нечто крайне загрязненное, запущенное.

[9] «Дамоклов меч» – образное выражение, означающее постоянно угрожающую опасность при видимом благополучии. По древнегреческому преданию – острый меч, подвешенный сиракузским тираном Дионисием Старшим (к. V – IV в. до н. э.) на конском волосе над головой завидовавшего ему Дамокла, которого он во время пиршества посадил на свое место.

[10] Окончания письма не сохранилось.

196
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, март
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

конечно, не пишу Вам потому, что пишу статью[2]. Но что Вы со мною сделали: [не] постараться надо прислать книгу, а прислать во что бы то ни стало.

Сами подумайте: разговариваю я с Михайл[овским], (нельзя его б[ыло] обойти) и Кудриным. Статья уж около конца (начерно), и вдруг я узнаю, что они чего-то там интересного наговорили[3]. Что я теперь буду делать, пока получу книжку? Какая тоска!

Решительно ничего не помню о пожертвовании на Мих[айловского][4]. Со времени воцарения Глико я не имела отношения к сборам и ничего не записывала, по крайней мере систематически. А как жаль, что не напечатали тогда мою статью![5] Мне понадобилась цитата из нее, и я ее невзначай перечитала совсем как посторонний читатель и неожиданно для себя нашла, что она очень хороша, неизмеримо лучше всего, что я прежде писала, кроме 2–3 страниц начала, которые плохи. Теперь-то устарели цифры, цитаты.

Во ч[то] бы то ни стало книжку «Р[усского] б[огатства]»! Ради всего святого, украдите, купите!

Я еще раз напишу Элеоноре[6]. Я ее, кроме того, видела, и она обещала его книгу.

[7]Я говорила Элеоноре, ч[то] надо спешить.

[8]Прилагаю циркуляр будущего конгресса[9].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.41. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 299. Публикуется по автографу.

Прмечания

[1] Датируется по упоминанию публикаций в февральской книжке «Русского богатства» за 1896 г. О том, что имеются в виду именно эти материалы, свидетельствует следующее письмо В.И. Засулич Г.В. Плеханову (док. 202). В первой публикации письмо датировано 1895 г.

[2] Имеется в виду статья о либеральных народниках, которую В.И. Засулич должна была написать для нового марксистского сборника. Впоследствии, вероятно, статья была переработана в четвертую главу «Несколько заключительных замечаний» книги «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей».

[3] Имеются в виду ежемесячные обозрения «Литература и жизнь» Н.К. Михайловского и «Из Франции» Н.С. Русанова (псевдоним Кудрин), помещенные в февральской книжке журнала «Русское богатство» за 1896 г. В обозрении «Литература и жизнь» Михайловский продолжил начатый в предыдущем номере критический разбор статьи М.И. Туган-Барановского «Значение экономического фактора в истории», а обозрение «Из Франции» было посвящено проблеме роли личности в истории.

Этот номер «Русского богатства» хранится в личной библиотеке Г.В. Плеханова (Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. 723). В оглавлении материалы Михайловского и Кудрина отмечены синим карандашом. Такие же пометы имеются и в тексте их статей.

[4] Имеются в виду сборы денег весной – летом 1894 г. в русских эмигрантских колониях на издание за границей брошюры Г.В. Плеханова в ответ на статьи Н.К. Михайловского о русских марксистах. Отчет по сборам помещен в сборнике «Работник» (№ 1–2), вышедшем в марте 1896 г. Брошюра осталась не напечатанной. Вместо нее появилась книга Плеханова « К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная легально в Петербурге.

[5] Не ясно, о какой статье В.И. Засулич идет речь. Возможно, о работе, подготовленной, но не опубликованной, либо для сборника «Работник» или «Листок "Работника"», редактировавшихся членами группы «Освобождение труда». Некоторые положения могли быть использованы ею при подготовке «Жана Жака Руссо…». См. прим. 2.

[6] Вероятно, речь идет о необходимости получить от Э. Маркс-Эвелинг статью для сборника «Майский листок "Работника"». Он вышел в свет в мае 1896 г. В нем была помещена ее статья «Как живется рабочим в Англии».

[7] Это предложение написано по верхнему полю первого листа письма.

[8] Заключительная фраза написана на обороте первого листа по левому полю.

[9] Имеется в виду второй циркуляр, разосланный в марте 1896 г. Организационным комитетом для проведения подготовки к Лондонскому конгрессу. В циркуляре указывалось, что в соответствии с цюрихской резолюцией право представительства имеют лишь те организации, которые признают необходимость политической борьбы (История Второго Интернационала. М., 1965. С. 261).

197
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, март[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Прилагаемое представляет собою нечто в роде Nothbehelf'a[2]. Может ты что-нибудь лучше выдумаешь.

Прислал мне Гук[овский] свой финансовый отчет, в котором чуть не франковые расходы перечислены[3]. А через некоторое время прислал он мне список доходов «Группы» с начала 1894 г., предлагая мне присоединить рубрику «Расходы Группы». Ты понимаешь, что для меня это физически невозможно. Я бы только мог summaris[4] написать: «Из этой суммы на известное нью-йоркским друзьям назначение 700 фр[анков] (приблизительно), а остальные – на типографию, печать, бумагу, брошюровку, экспедицию и т.д.»[5].

И вот я придумал такой выход из затруднения. Что я внес на наш собственный Conto[6] расход в 75 фр[анков] – для этого у меня имеютея серьезные основания – в ни с чем несообразной тенденции «Союза» к чрезвычайно одностороннему коммунизму. Потому-то я и оттенил в заявлении нашу автономию по части конспиративных сношений и связанных с ними расходов. Словом, на меня повеяло свинством, а тебя прошу поверить мне, что я не из мелочности составил таким образом этот soi disant[7] «отчет». Обращаю твое внимание на то, что нам еще могут представиться такие нужды, законность которых наши – по духу – провинциальные Genoss'ы[8] не признают, например поездки, дипломатические телеграммы, дорого стоящие... Но не стану перечислять.

Хотел было я заключить обращением к публике в пользу Союза. Но «кассир» меня разозлил – и я не в состоянии этого сделать. Если придумаешь приличный хвостик, буду очень благодарен, а если придумаешь вообще более удачное и умное заявление, чтобы и волки, и овцы, и черт, и бог удовлетворены были, закричу тебе троекратное ура.

Но ради Христа и Моисея[9], Маркса и Энгельса немедленно пришли мне все требуемое – т[ак] к[ак] теперь уже, кажется, все набрано.

Своей статьей о железнодор[ожном] движении я пожертвовал, чтобы отнять у них всякий повод винить меня в замедлении. Она пойдет в следующую книжку.

Получил ли ты мое вчерашнее письмо?[10]

Анти-Воронцов[11] читается запоем и нарасхват.

Привет всем твоим.

Пав[ел]

[12]P.S. Посылаю на сон грядущий «A[rbeiter] Z[eitung]» со статьей о Сергее[13].

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61a. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 122–123. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию финансового отчета Гуковского, охватывающего период до 1 марта 1896 г.
[2] Крайнее средство (*нем.*).
[3] *Как видно иа дальнейшего, речь идет о проекте финансового отчета группы «Освобождение труда».* – Прим. Б.И. Николаевского.
[4] Суммарно (*лат.*).
[5] *Финансовый отчет, присланный Гуковским, – кассовый отчет «Союза русских с.-д.»; он напечатан в № 1–2 «Работника» и охватывает время с 01.03.1895 г. по 01.03.1896 г.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[6] Счет (*нем.*).
[7] Так сказать (*фр.*).
[8] Товарищи (*нем.*).
[9] *Христос (*греч. Christós – помазанник) – Иисус Христос, в церковном учении основатель, названной по его имени, мировой религии – христианства.

Моисей – согласно библейским преданиям, предводитель израильских племен (XIII в. до н.э.), посредник Божий при даровании израильскому народу законодательства.
[10] Очевидно, док. 195.
[11] Речь идет о книге: *Волгин [Плеханов Г.В.].* Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.). Критический этюд. СПб., 1896.
[12] Написано по верхнему полю первого листа.
[13] *Axelrod P.* Sergei Krawtchinsky // Arbeiter Zeitung. Wien. № 18. 19.01.1896.
Перепечатано: *Аксельрод П.Б.* Рабочий класс и революционное движение в России. СПб., 1907.

198
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, март[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Прямо удручающее действие произвело на меня твое сегодняшнее письмо[2]. Какими чудесами ты вычитал из моего письма[3], что тебе нужно рыться в бухгалтерии Глико для «отчета»? Ведь я тебя ясно и определенно просил о чисто формальной, вернее, литературной помощи для составления даже не отчета, а скорее заявления[4]. Поэтому еще я прямо прибавил: «Если придумаешь что-нибудь более остроумное, провозглашу тебе троекратное ура». Если бы я имел в виду книги Глико, то мне проще всего было бы попросить тебя выслать их мне. Но тогда я бы, пожалуй, составил бы отчет comme il faut[5] и не нуждался бы в твоей редакционной помощи и не апеллировал бы к твоей находчивости. Наконец, ради какого дьявола я бы прямо не сослался на книги Глико? Я два раза перечитал твое письмо – до того странным и непонятным показалось мне все, что ты пишешь о пересмотре «книг Глико». Говоря о расходах, я имел в виду отмеченные мною за последний год, а отметил я их на наш Conto[6] вследствие двух-трех строк в письме Гуковского ко мне по поводу отчета. Я и решил удержать за нами небольшой бюджет специальных расходов. А с другой стороны, именно ввиду их[7] детального отчета, я нашел невозможным за прежний период

составить суммарный бюджет расходов, а потому и решил совсем не вносить их, а ограничиться перечислением доходов. Но неудобство этого я уже сам чувствовал. Как, однако, выпутаться из этого положения?[8]

Относительно отчета о пожертв[ованиях] для Мих[айловского][9] я im Unklaren[10]. Ты пишешь «заявление». Почему? Ведь все они стекались в руки какого-то комитета. При чем тут ты, а тем паче Группа [?]. Что касается до полученных тобою взносов, то их можно внести, пожалуй, в наш отчет. Но раз ты составляешь заявление общее – и от комитета, – то среди сумм последнего должны быть отмечены и твои получки. Ведь не требуешь же ты от них передачи тебе полученных ими пожертвований, хотя и собираешься составить и подписать за них заявление. К К.[11], разумеется, пойду. Что касается 18 франков от реферата Гр[озовского], то я их внес в примечание[12]. С ним ни я, никто здесь из мне знакомой публики не раскланивается давным-давно. Отметка, что деньги будут возвращены «жертвователю» (а не Гр[озовскому]), если он того пожелает, совершенно достаточна.

С К[урнатовским] я теперь хорош, а потому с его стороны каверз нечего бояться. 50 р[ублей] – большая сумма, и как ее вернуть, я ума не приложу, и мне приходит в голову предложить засчитать их в гонорар за будущую работу.

Уже около двух-трех недель, как меня угнетает и душит вся эта возня с этим отчетом. Но скажу тебе, что в удивительно пессимистическое, невыразимо тяжелое настроение привело меня твое письмо, с уверениями меня, что ты «из революции дойной коровы не делал» и т.п. Никогда мною до такой степени не овладевала мысль: бежать бы, куда глаза глядят, от этой вечной возни – вот уже больше 10 лет... Хотел было писать тебе большое послание, да уж и так вот 2-й день, как потерял, а прошлую [неделю] прохворал, да и расположение писать прошло. Не знаю, в состоянии ли буду собраться с мыслями для работы...

Посылаю тебе корректуру твоей статьи[13], с просьбой изменить начало так, чтобы не раздразнить тех из наших друзей, которые не порвали еще с гусями. Меня специально просил об этом Бухг[ольц]. Кроме того, я и сам боюсь, не слишком ли рано теперь уже вызывать в рабочих наших огульный антагонизм к интеллигенции вообще. В Германии это послужило орудием в устах Швейцера и К° – против марксистов, а во Франции – в руках Брусса. У нас же Никитины начинают сильно играть на этой струнке. Поэтому-то мне кажется, что нам теперь следует осторожнее, определеннее выражаться насчет противоположения рабочих «интеллигенции».

Но раз твоя статейка уже набрана, то ты мог бы, кажется мне, прибавкой слова «большинство», а кое-где заменою [слова] «интеллиг[енция]» – [словами] «образов[анная] часть высших сословий» смягчить впечатление.

Теперь еще просьба: пришли мне или письмо Р.[14] или же выпиши из него адрес, а то я не могу послать ему свой ответ.

Просил я тебя, Христа ради, прислать мне немедленно мой проект «отчета» с твоими редакционными поправками, да, кроме того, послать автору Weltmarkt'a[15] книгу, которая ему должна очень понравиться[16].

Привет Розалии Марковне.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 124–128. Публикуется. по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию. В письме идет речь о подготовке материалов для № 1–2 «Работника», вышедшего в свет в марте 1896 г.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] См. док. 197.

[4] *Речь идет о заявлении «От группы «Освобождение труда»», напечатанном в № 1–2 сборника «Работник» (отд. II, стр. 108–09). В этом заявлении Группа сообщает о переходе с марта 1895 г. дела заведования типографией и кассой в руки «основанного по нашей инициативе Союза русских с.-д.» и публикует «некоторые статьи своих доходов и расходов» за период «с января 1894 г. до последнего времени». Система публикования не полных отчетов, а лишь выдержек из них Группою практиковалась еще с 1880-х гг.; в отчете, напечатанном при брошюре Энгельса «Л. Фейербах» (1892 г.), специально оговорено, что «отчеты о пожертвованиях печатаются лишь по желанию лиц, их сделавших: поэтому просим всех, присылающих нам деньги, своевременно извещать нас, желают или не желают они, чтобы их деньги были отмечены в списке».*

Глико в последнее время, перед передачею группою «Освобождение труда» кассовых дел «Союзу русских с.-д.», вел кассовую отчетность Группы. – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] По всем правилам (*фр.*).

[6] Счет (*нем.*).

[7] То есть «Союза русских социал-демократов».

[8] *Этим кончается первая страница данного письма. Следующие сохранившиеся страницы помечены 4 и 5; двух страниц, очевидно, недостает.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] *После появления в №№ 1 и 2 «Русского богатства» за 1894 г. статей Н.К. Михайловского о русских марксистах Г.В. Плеханов предполагал написать на них ответ, который должен был появиться в виде предисловия к брошюре «Ф. Энгельс о России»; ввиду того, что этот ответ разрастался, а средств в кассе группы «Освобождения труда» было мало, брошюра Энгельса была издана лишь с кратким предисловием; ответ же Михайловскому было решено выпустить отдельною брошюрою, на издание которой группою сочувствующей молодежи производились специальные сборы за границей. Позднее, как известно, ответ Михайловскому разросся в книгу Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Отчет о пожертвованиях на издание ответа Михайловскому напечатан в № 1–2 «Работника») (отд. II. стр. 111) с примечанием, что печатание этой книги по некоторым обстоятельствам замедлилось и теперь пока еще не может быть указано время ее выхода. Поэтому администрация Союза [русских с.-д.] предлагает лицам, сделавшим взносы на ее издание и недовольным этой неожиданной отсрочкой, взять назад их пожертвования или указать для них другое назначение.* – Прим Б.И. Николаевского.

[10] В недоумении (нем.).

[11] Вероятно, В.К. Курнатовский.

[12] *В отчете Группы, напечатанном в № 1–2 «Работника», в примечании, говорится о возвращении суммы в 18 франков, которая была получена на издание брошюры Шиппеля о рабочих союзах.* – Прим Б.И. Николаевского.

[13] *Речь может идти только о статье Г.В. Плеханова, которая напечатана в № 1–2 «Работника» под заглавием «От издателей». Смягчение антиинтеллигентских нот в этой статье было достигнуто иногда заменою слов «интеллигенты» словом «народники», иногда – взятием слова «интеллигенция» в кавычки.* – Прим Б.И. Николаевского.

[14] См. прим. 2 к док. 195. Вполне возможно это С.Г. Райчин, которому примерно в это время удалось прислать о себе первые весточки с пути в Сибирь. Вероятно, П.Б. Аксельрод из конспирации взял букву латинского алфавита, тогда ее следует расшифровать как Petroff, т.е., В.И. Ленин.

[15] Мировой рынок (*нем.*).

[16] Речь идет о том, чтобы выслать А.Л. Парвусу-Гельфанду, автору статьи «Der Weltmarkt und die Agrarkrisis», которая в это время печаталась в «Die Neue Zeit», вышедшую недавно книгу Г.В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова».

199
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, конец марта
Цюрих[1]

Дорогой Жорж!

Что же ты мне не возвращаешь проект заявления от группы вместо «отчета»[2], которого я не могу составить, т[ак] к[ак] не имею понятия даже о том, как, когда, кому и сколько платилось...

Прилагаю письмо Р., как я его получил[3].

Ты, конечно, не забыл написать Либкнехту поздравительное письмо к его 70-летнему юбилею (29 марта). Если, паче чаяния, забыл, то следует телеграфировать[4]. Я бы это сделал: но, во-первых, может, совсем и не нужно, а, во-вторых, моя телеграмма никак не может заменить твою. Ведь ты его, так сказать, специальный любимец[5]. А свинья, с позволенья сказать, Меринг – не написал ничего в «N[eue] Z[eit]» к юбилейному дню[6].

Кстати. Спрашивает меня Гинсб[ург], напишу ли я что-либо для майск[ого] сборника. Но не сообщает ни слова ни об объеме его, ни о составе статей, ни о характере (т.е. популярный или для интеллигенции). Может, ты смилуешься и сообщишь[7].

Адлер все обещается, да вот еще ничего не прислал[8].

Привет Розалии Марковне.

Твой Павел

P.S. Послал ты Г.[9] то, о чем я тебе писал?

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 128–129. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию юбилея В. Либкнехта 29 марта 1896 г.

[2] См. прим. 4 к док. 198.

[3] См. прим. 14 к док. 198.

[4] *Отчет о торжественном праздновании 70-летнего юбилея «старика» – Вильг. Либкнехта (напечатан в № 70 «Vorwärts» за 1896 г.) ни полностью, ни в выдержках приветствия Г.В. Плеханова или группы «Освобождение труда» не приводит, лишь в конце он глухо сообщает, что «русские эмигранты прислали депеши».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] *Особым расположением В. Либкнехта Г.В. Плеханов начал пользоваться после Цюрихского международного конгресса. 1893 г., когда Плеханов выступал против Д. Ньювенгюйса. Зимою 1895–96 г. В. Либкнехт с женою были в гостях у Плеханова, в Морнэ; на обратном пути, в Цюрихе, в разговоре с П.Б. Аксельродом, В. Либкнехт с восторгом отзывался о Плеханове, как о блестящем собеседнике и гостеприимном хозяине.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[6] *«Neue Zeit» на юбилей В. Либкнехта откликнулось статьей А. Бебеля «Zu W. Liebknecht siebzigsten Geburtstag» (1895 / 1896. Vol. 1. № 26).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[7] *П.Б. Аксельродом для «Майского сборника» была написана статья, но ввиду ее размеров она в «сборник», который на деле готовился как «Майский листок "Работника"», не вошла. Так как в известном указателе «С.-д. изданий», составленном Н.А. Золотаревым и Л.Б. Каменевым, этот «Листок» за 1896 г. пропущен, то мы приведем здесь его содержание:*
1) Стихотворение. 2) Краткое обращение к русским рабочим (без заглавия) В. Либкнехта. 3) [Г.В. Плеханов?] Майская демонстрация. 4) Э. Маркс-Эвелинг: Как живется рабочим в Англии. 5) Д. Кольцов: 8-часовой рабочий день и 1 мая. 6) К. Каутский: Борьба русского, австрий-

ского и германского пролетариата. 7) П. Лафарг: Машина спасает, машина же и убивает. 8) Взятие Бастилии. Иллюстрация: Рабочий праздник.

Вышел в свет сборник около 1 мая нов. ст., – во всяком случае сообщение о его выходе напечатано в № 32 «Листков Фонда Вольн. рус. прессы» (от 20 мая н. ст. 1896 г.), а из писем Б.А. Гинсбурга к П.Б. Аксельроду мы узнаем, что к 1 мая ст. ст. «Листок», в количестве 800 экземпляров, был «доставлен куда следует». Всего «Листок» вышел в количестве около 1000 экз., но ввиду большого спроса, в мае 1896 г. предполагалось выпустить второе издание (было ли оно выпущено, нам неизвестно). – Прим. Б.И. Николаевского.

«Майский сборник», о котором идет речь в письме, вышел как приложение к непериодическому сборнику «Союза русских социал-демократов» «Работник», издававшемуся в Женеве в 1896–1899 гг. Вышло 6 номеров сборника «Работник» в трех книгах, первый (№ 1 / 2) – в марте 1896 г. «Майских» приложений к сборнику «Работник» вышло два: в мае 1896 г. (12 с., тир. 1000 экз.) и в 1898 г. (30 с., тир. 3000 экз). Кроме того, в качестве приложений к сборнику выходил «Листок "Работника"» (1896–1898. № 1–9/10).

[8] См. прим. 16 к док. 192.

[9] *По-видимому, речь идет о Гельфанде-Парвусе, послать которому книгу о Воронцове П.Б. Аксельрод просил Г.В. Плеханова в предыдущем письме.* – Прим. Б.И. Николаевского.
См. док. 198.

200

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, конец марта – апрель
Цюрих[1]

Дорогой Жорж!

Завтра напишу по поводу отчета – теперь уже девять часов и уже нужно идти на вокзал, чтобы письмо ушло. Кончаю статейку для майского сборника, а т.к. у меня много времени отнимает теперь кефир, да и посещения к тому, то мне приходится дорожить остающимися часами для работы.

Статью пошлю к тебе завтра, если что-нибудь не помешает.

Кстати, К[урнатовский] тебе не посылал никаких денег – исключая тех 50 р. Это для твоего успокоения.

Привет Роз[алии] Марковне.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 129–130. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию окнчания работы П.Б. Аксельрода над статьей для «Майского листка "Работника"».

201
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, апрель[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Приходится и мне к тебе обратиться с дипломатическим поручением. Вот уже 10 дней, как я получил от Гук[овского] письмо с новыми запросами все по поводу «Отчета». А в заключение пишет: «По Вашему отчету выходит, что у Вас остается в кассе около 45 фр[анков]. Т[ак] к[ак] согласно нашему уставу, Гр[уппа] О[свобождение] т[руда] своей кассы не имеет, то будьте так любезны пришлите эти деньги».

Чтобы развязаться, я бы их отослал ему, – я так и думал сделать, – но я вспомнил, что я писал о 75 фр[анках] в кассе. Если при бюрократически-кассирской строгости окажется ошибка с моей стороны, то я, пожалуй, попаду на скамью подсудимых. А потому я решил навести справку при твоей дипломатической помощи. Но мне не хотелось тебя тревожить. Кроме того, если бы мне пришлось сейчас выслать все деньги (75 фр[анков], да 208 фр[анков])[2], то я был бы в большом затруднении, так как всего-то у меня в кассе (вместе с остатком Вериных) 253 фр[анка]. Поэтому я во всех отношениях заинтересован в том, чтобы оттянуть отсылку денег. Но вдруг мне пришла в голову мысль: «А что, если сборник до сих пор не вышел вследствие ожиданий «кассира Союза» присылки денег для отпечатания «точного» итога!... Так вот ты, ради Христа, как-нибудь разузнай точно, сколько они считают союзных денег у меня и ждут ли они их присылки.

А мне Г[инсбург], должно быть, опять удружил своим лаконизмом: должно быть, статья моя оказалась слишком длинной. Ведь мне только потом уж пришло в голову, что майское изд[ание], пожалуй, будет маленьким сборником.

Твой Павел

P.S. А все же здоровее было бы для меня, если бы я тотчас узнал, что статья не годится.

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 130–131. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию статьи П.Б. Аксельрода для «Майского листка "Работника"»
[2] *Одно слово не разобрано.* – Прим. Б.И. Николаевского.

202
В.И. Засулич – Г.В. и Р.М. Плехановым

1896, 5 апреля
Лондон[1]

Спасибо, милый Жорж, за «Русск[ое] богат[ство]». Слава богу, никакого зла не приносят моей статье[2] Мих[айловский] с Кудриным.

А где писал Туган-Бар[ановский]?[3] Нет у Вас его? Можно ли о нем выразиться без почтения? Или сказать: «Мы, мол, не читали».

Упомянуть-то мне хочется только по поводу трагического положения Т[уган]-Б[арановского] на месте Смита[4] и об выписке из «Волж[ского] вест[ника]»[5].

Кабы Вы знали, как я спешу и стараюсь. Но дни как-то ужасно коротки, хотя сплю самую малость.

Беда тоже, что и не оглянешься, как уж опять не то есть хочется, не то голова кружится. Элеоноре написала самое настоятельное воззвание о статье для майского номера[6]. Я и сама это письмами не считаю. Напишу настоящее письмо, когда эту статью кончу, кажется, очень скоро. Чтобы скорее и чтобы не т[ак] я мучилась, попросите Розалию Марковну прислать хлоральн[ые] порошки[7]. Не дают тут в аптеках и нет знакомого доктора. А по рецепту женевскому также, пожалуй, не дадут.

Дорогая Розалия Марковна[8], если бы Вы могли мне прислать хloralю (порошки), величайшее Вы бы мне сделали благодеяние. У меня был, а теперь нету. Меня и Жорж очень спешит[9], и сама я не умею писать иначе скоро, как с большим азартом, а из-за этого азарта почти не сплю. Не могу засыпать. Если прерывать это время от времени сном при помощи хлорала, то силы не теряются, а иначе ужасно слабеешь. Ради бога, пришлите и побольше, если только возможно. Очень буду Вам благодарна.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В.487.32. Л. 1 – 2 об.; Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 152. В 487.182. Л. 4 – 5 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 292–293. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по упоминанию публикаций в февральской книжке журнала «Русское богатство» за 1896 г. В первой публикации данное письмо датировано 5 апреля 1895 г. Эта же дата рукой Р.М. Плехановой обозначена на архивном пояске, в который заключено письмо. Поскольку содержание письма не дает оснований для установления точной даты, остается предположить, что при письме существовал утерянный ныне конверт с почтовым штемпелем. Неверно расшифрованный на почтовом штемпеле год породил ошибочную датировку письма.

2 Имеется в виду статья о либеральных народниках. В то же время продолжалась ее работа над статьей (которая позже переросла в книгу) о Руссо. В статье Н.К. Михайловского «Литература и жизнь» есть упоминания о взглядах Руссо (Русское богатство. 1896. № 2. С. 134, 138).

3 В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранится книга М.И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (М., 1894). (См.: РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1505. В тексте пометы Плеханова.).

4 Эти строки относятся к содержанию последних страниц статьи Н.К. Михайловского, который подверг критике оценку Туган-Барановским идей А. Смита (Русское богатство. 1896. №. 2. С. 159–162).

5 Речь идет о заключительном фрагменте статьи Михайловского, где он приводит и комментирует выписку из № 14 казанской газеты «Волжский вестник» (Русское богатство. 1896. № 2. С. 162–163).

6 Имеется в виду сборник «Майский листок "Работника"», вышедший в свет в мае 1896 г. В нем была помещена статья Э. Маркс-Эвелинг «Как живется рабочим в Англии».

7 «Хлоральные порошки» – хлоральгидрат, бесцветные прозрачные кристаллы острого вкуса, растворимые в воде, спирте и эфире. Препарат, относящийся к группе снотворных средств, введен в медицинскую практику в 1869 г., назначался с большой осторожностью, т.к. имел ряд противопоказаний при применении.

[8] Эта записка к Р.М. Плехановой, опубликованная в сборнике «Группа "Освобождение труда"» вместе с письмом Засулич к Плеханову, очевидно, находилась в одном с ним конверте.
[9] В тексте описка: «смешит».

203
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, после 7 апреля
Цюрих[1]

Дорогой Жорж!

В своем дурном настроении последних недель я прозевал австрийский конгресс и не послал телеграммы. Начальство[2] также, вероятно, позабыло об этом. Теперь мне как-то неловко еще раз обращаться за статьей к Адлеру[3]. Да видно, что ему не до нее, когда, несмотря на свои обещания, он не присылает ее.

Годится моя статья? Ведь я писал, не имея понятия ни об объеме сборника майского, ни о том, кто что пишет или уже написал. Гинсб[ург] мне только категорически сообщил поручение, чтобы я написал Адлеру.

Гельф[анд], вероятно, приедет скоро ко мне на пару дней – если что dazwischen nicht kommen wird[4]. Может, удастся спровадить его к тебе, хотя навряд ли, т[ак] к[ак] он, как пишет мне, «не хозяин своего времени». Кстати, сообщи мне, говорил ли ты или Гинсб[ург] что-нибудь Бухг[ольцу] о не подлежащих его ведомству вещах[5]. Он что-то в этом роде сообщал Гельф[анду].

Еще одно слово об «отчете». Мне пришло в голову, а вдруг ты вообразишь, что я в самом деле хлопочу из-за несчастных 25 фр[анков] на твою поездку и мною израсходов[анных] 50? Если тут есть какой-нибудь изъян, то он состоит в формализме, доктринаризме – только не в одних денежных соображениях. Американцы всегда предоставляют в наше личное распоряжение пару сотен фр[анков]. Но мне претят отношения глубоко эгоистические и несправедливые не только с точки зрения партийного коммунизма, но и самой заурядно коммерческой. Их точка зрения, – по отношению к нам, – скорее заимствована из нравов эпохи первоначального накопления. Очень может быть, что тут многое просто результат аляповатости и наивности. Но все-таки я лично не могу не давать им отпора. Имел я в виду обстоятельно потолковать с тобою о будущем, т.е. дальнейшем ведении дела. Но для этого пришлось бы исписать полдюжины страниц или листков о всяких переписках и впечатлениях от этой переписки за последние 1½–2 месяца. Потому ограничусь только резюмированием результатов, к которым я пришел.

1) В сущности, при издании сборника (не майского)[6] у нас царствовала полная анархия, что для меня вполне выяснилось только в последние месяцы, уже значительно позже твоего отъезда отсюда. Необходимо положить этому конец – путем восстановления формального самодержавия.

2) Самым радикальным и рациональным средством было бы возвращение к старому порядку, когда ты редактировал все манускрипты. Если это возможно для тебя, то больше и толковать не о чем. Но если нет, то представляется двойной выход: Группа передает все литературное, т.е. и редакционное, дело в ру ки «Союза», не отказываясь, разумеется, сотрудничать в его изданиях. Или же Группа удерживает в своих руках литературное руководство. Тогда вопрос ус-

ложняется – раз тебе по разным обстоятельствам невозможно по-прежнему относиться к этому делу. Так как Вера далеко отсюда, то редакторские функции пришлось бы мне принять на себя[7]. В сущности, я эту зиму достаточно времени на нее ухлопал, но в таком неопределенном положении, что впредь считаю и для себя и для дела крайне невыгодным. Вопрос для меня стоит: считают меня товарищи (ты и Вера) способным выполнять редакторскую функцию (для раб[очих] изданий) или нет? В первом случае это нужно обставить так, чтобы и начальство и вообще более близкая, активная публика знала, с кем непосредственно имеет дело, кто ответственное лицо. Во втором случае приходится передать публично и все литерат[урное] руководство «Союзу». По крайней мере, я лично ни за что не соглашусь, чтобы Группа считалась во главе дела, которое ведется другими, в неспособности которых (пока) к нему я имел так много случаев убедиться. Я должен был бы печатно заявить, что не участвую в редакции. Петров (заболевший, как тебе известно)[8] категорически мне заявил, что он будет всячески содействовать успеху сборника только в том случае, если я беру на себя редакторство, точнее, ответственность перед революц[ионными] кружками (тебя он поставил, по известным соображениям, за скобки)[9]. Я и не желаю фиктивно носить эту ответственность.

Во избежание недоразумений прошу тебя, Жорж, иметь в виду, что я буду очень рад освободиться от редакторских обязанностей, так как мне лично очень хотелось бы заняться чем-то другим. Я руководствуюсь исключительно чувством долга – желанием снять с твоих плеч возможно больше всяких посторонних функций. Так что, ради Бога, только этим последним соображением и руководствуйся в своем отношении к моим проектам и предложениям. Что я лично никоим образом не могу испытывать удовольствия от редактирования[10] и даже сотрудничества – не под твоей редакцией, – это ты сам поверишь, когда прочтешь подчеркнутые места в письме Гинсб[урга] ко мне[11]. В нем как-то слова Блюменф[ельда] вложены тебе в уста – очевидно, вследствие описки. Как бы то ни было, при таком отношении не особенно весело занимать положение редактора; да я бы, разумеется, и отказался от этой функции, если бы она зависела от «Союза». Как бы то ни было, я лично с величайшим удовольствием готов совсем устраниться от всего, если ты (Вера теперь совсем не интересуется этой частью – и благо ей)[12] находишь, что лучше предоставить дело «Союзу». В противном случае: или бери на себя опять и фактическое редакторство – а я готов помогать тебе, поскольку и в чем ты найдешь нужным; или же, если предвидишь, что будешь очень занят, возьми на себя формальное редакторство, но заяви «администрации» в то же время, что в силу разделения труда и т.п. корресп[онденция], манускрипты и т.д. должны быть направляемы ко мне. Что я в сомнительных и важных случаях буду с тобой советоваться – это, разумеется, само собой. Но ради всех святых, помни, что я лично имею большой интерес освободиться от довольно-таки скучной и подчас требующей много времени редакторской работы.

Не пишу тебе, что и как вызвало это письмо Гинсб[урга], – мое послание и так уж очень разрослось. Кстати, кроме той пресловутой странички[13], Г[инсбург] так-таки и не сообщил мне, какие «неверные места» имеются в моей статье. Говорю «имеются» потому, что я ведь в ней ничего, по существу, не исправил, исключая замены слова «большинство» словом «значительная часть» (кустарей – по твоему указанию). И неужели они заметили, а ты нет? Думается мне, что тут одно буквоедство «проницательного читателя».

Ну, поневоле пришлось тебе хоть немного поморочить голову – не подавать же мне прошение об отставке «Союзу», когорого я не признаю своим начальством.

Твой Павел

P.S. Не написать ли 2–3 строчки о Либкнехте?[14]

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 131–135. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о состоявшемся 4–7 апреля 1896 г. конгрессе Австрийской социал-демократической партии.

[2] «Начальство» – администрация и особенно секретарь (им тогда был Б.А. Гинсбург) «Союза русских социал-демократов».

[3] См. также: прим.16 к док. 192.

[4] До тех пор ничего не случится (*нем.*).

[5] О чем идет речь – установить не удалось.

[6] № 1–2 «Работника».

[7] *Вопрос идет об единоличном редакторстве – членом редакции П.Б. Аксельрод был и раньше.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] Петров – псевдоним В.И. Ульянова-Ленина. Заболел – был арестован 09.12.1895 г.

[9] *Во время переговоров с Лениным было решено как можно меньше занимать Г.В. Плеханова организационной и редакторской работой, чтобы беречь его время и силы для работы литературно-теоретической.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *Для того, чтобы понять эти замечания, надо быть знакомым с характером работы, которую приходилось проделывать редакторам «Работника». В русском с.-д. архиве в Берлине хранится часть редакционного архива «Работника»; по имеющимся в нем рукописям можно установить, что редакторам (т.е. главным образом П.Б. Аксельроду) почти все присылаемые со стороны статьи приходилось радикально исправлять, порою даже прямо писать наново (в этом архиве имеются рукописи статей, помещенных в «Работнике», по которым видно, что от поступившего в редакцию текста иногда нетронутыми оставались буквально только заглавие и подпись автора, – все остальное переправлено и даже наново написано редактором).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[11] Это письмо-автограф Б.А. Гинзбурга к П.Б. Аксельроду (без окончания) хранится в Доме Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 4. Ед. хр. 281. В 223.6. Л. 1 – 2 об.). Сохранились карандашные отчеркивания Павла Борисовича, о которых упоминается в письме Плеханову, и две пометки Георгия Валентиновича уточняющего характера.

Письмо Гинзбург характеризовал как «самозащиту» от несправедливых, как он полагал, обвинений Аксельрода в «политиканстве». В качестве причин, не позволивших принять к публикации статью Аксельрода, Гинзбург выдвигает следующие: работа Аксельрода два месяца была у Плеханова, и в оставшееся до выхода «Листка» время, по болезни, Аксельрод уже не успевал сократить объем статьи и внести необходимые поправки, на которых настаивали Блюменфельд, Плеханов и он сам. Плеханов свои замечания высказал еще в конце января.

[12] В.И. Засулич в это время жила в Лондоне и работала над книгою о Ж.Ж. Руссо.

[13] См. док. 201.

[14] *Очевидно, по случаю его 70-летнего юбилея; в изданиях «Союза русских с.-д.» об этом юбилее упомянуто не было.* – Прим. Б.И. Николаевского.

204
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, апрель[1]
Цюрих

Милый Жорж!

Гинсб[ург] написал мне по поводу газеты «Раб[отник]»[2]. Но я не могу ему ответить, пока не получу твоего письма. А мое молчание, боюсь, будет истолковано в дурную сторону. Я сообразил, конечно, что ты очень занят. Но пригодилась или нет моя статейка для майск[ого] листка*, ты мог бы на карте в двух словах сообщить. А между тем твое молчание заставило меня немало волноваться из-за своей инвалидности или неспособности.

Вероятно, в первых числах мая тебя посетит пара человечков из того города, который прислал 100 руб. на газету, а еще раньше Никитина с деньгами на сборник[3]. Теориями не донимай их, они сообщают очень интересное о движении, но с кружком, пославшим деньги, по-видимому, не находятся в тесной связи. Я им дал рекомендацию к тебе.

Привет Р[озалии] Марковне.

Жму руку.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 135–136. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о статье П.Б. Аксельрода для «Майского листка "Работника"» и предстоящем приезде в первых числах мая пары человек.

[2] Газета «Работник» – будущие «Листки "Работника"». На ускорении их выпуска особенно настаивал В.А. Бухгольц, ссылавшийся на указания из России.

[3] *То есть, из Москвы. Насколько удается установить, это были В.Д. Бонч-Бруевич и В.М. Величкина-Бонч-Бруевич, которые в апреле 1896 г. приехали в Цюрих из Москвы. – См.: «Материалы для биографического словаря с.-д.», ч. 1, с. 134, и «Былое», загр. издание, № 11–12, стр. 140, а также воспоминания Бонч-Бруевича «Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии» (Москва, 1924 г.). В этих последних воспоминаниях Бонч-Бруевич, наоборот, утверждает, что он был делегатом московской с.-д. организации.* – Прим. Б.И. Николаевского.

205
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, апрель
Лондон[1]

Дорогой Жорж!

Сейчас получила письмо и хлорал[2]. Поблагодарите, пожалуйста, за меня, Розалию Марковну. Хватит мне больше, чем на 20 дней, – я два дня подряд принимать не стану. Я послала Вам вчера (или третьего дня?) статью Элеоноры[3] в самый момент получения и не читавши даже. Вы, вероятно, на чем свет

* Который рисовался мне в виде сборника.

стоит, ругаете, что не перевела ее. И, объективно говоря, это, конечно, свинство. А субъективно я побоялась, что затяну и перевод, и статью, и все на свете. Дело в том, что мне очень нездоровится – кашель сильнейший, постоянная лихорадка, но статья возбуждает (и мучит) меня, и я продолжаю с нею возиться. А вот вынуждена я б[ыла] дня три тому назад пойти к Назар Б[еку], т.е., Фанничке, так там без кнута (статьи) такая слабость напала, что я все время пролежала, едва отвечала на вопросы. Никто уж даже не говорил: «Ах, к[а]к поправилась», а говорили: «Ах, какие у Вас большие глаза!». Я и побоялась, что если возьмусь за перевод, который тоже не может возбуждать, то тоже нападет неодолимое оцепенение. Но Вам-то от моих рассуждений не легче и, вероятно, своих бед довольно. Так что признаю себя виновной.

Какая мне мука с началом статьи![4] Раз пять переделываю, и все гадость! Это не значит, что у меня только и есть что пять гадких начал. Почти все есть, – это я переписывать свои клочья в целое начала и сегодня весь день протерзалась с началом. [5]Боюсь, что вам статья не понравится, хоть она и очень злая, но на свой манер. Мне и самой нравятся только некоторые местечки, но архитектуры цельности в ней как-то не выходит. Можно без архитектуры? A la[6] Михайлов[ский].

[7]Я уж не буду стремиться к совершенству. Сделаю, что выйдет, и отошлю на Ваше усмотрение с правом выбросить.

[8]Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.126. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл. полностью: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 155. Опубл. частично: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 2. С.117. Публикуется. по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании сообщения об отправлении только что полученной статьи Э. Эвелинг для «Майского листка "Работника"», который вышел около 1 мая.
[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано. Хлорал – см. прим. 7 к док. 202.
[3] См. прим. 6 к док.202.
[4] См. прим. 2 к док.202.
[5] Фрагмент до конца абзаца вписан на обороте второго листа, на свободном пространстве посередине и по правому полю.
[6] Как (*фр.*).
[7] Приписано на первом листе по верхнему полю.
[8] Подпись на обороте первого листа.

206
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, май
Лондон[1]

Милый Жорж,

Вы, очевидно, злы на меня, как 100 чертей, за неперевод[2], что совсем не писали на этой неделе. А мне от хлорала полегчало, и я за[то] так переработала статью, что уж опять ее люблю и мне кажется, что и Вам понравится (зла, как гиена. Мне даже кажется, ч[то] злее Вас самих). Хотите, пришлю Вам первую

большую половину? Чтобы уж я ее не трогала. Это я сейчас перечла и осталась довольна. Но потом подумала: «Вот разболится у тебя голова или усилится лихорадка и нападет на тебя справедливость». Поэтому и принялась Вам писать, чтобы отрезать себе отступление.

Не сердитесь, – чувствую свою провинность и прошу прощения. Но я, право, тогда была совсем больна и теперь нездорова, но все же совсем иное дело. Я никого не вижу, ничего не слышу, дышу одной статьей, т[ак] что мне больше-то как об ней и писать не о чем.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.141. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 166. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию док. 205, в котором В.И. Засулич выражает готовность прислать Плеханову для прочтения уже не половину, а всю статью.

[2] Имеется в виду статья Э. Эвелинг «Как живется рабочим в Англии» для «Майского листка "Работника"» (вышел в начале мая 1896 г.). Из-за недомогания В.И. Засулич отправила статью Э. Эвелинг без перевода, о котором ее просили. См об этом док. 202.

207
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец мая
Лондон[1]

Милый Жорж,

зачем бы я стала посылать только половину статьи, если она вся сегодня готова?[2] Будет, я думаю, листа два с половиною. Я теперь только перечитаю ее в последний раз и завтра – послезавтра пошлю. Несколько дней затем буду ходить в гости. Я все и вся совершенно запустила. Никого не видала. Совершенно не знаю теперь, какова моя статья объективно, и буду дрожать в ожидании Вашего мнения. Субъективно-то я ее люблю. Некоторые места особенно. Но судить можно, если кому-ниб[удь] прочесть или хоть поговорить о предмете, а я никого не имею для этого.

Пожалуйста, чтобы расположить себя к моему детищу, начните читать с примечания к 8-й странице. Обратите, Бога ради, внимание, на мою «биологию», не наврала ли я чего? В первый раз пришлось мне пожалеть об абсолютном незнании естественных наук.

Насчет злости, надеюсь, останетесь довольны. Уж на что злее! Хоть бы она и неуклюжая была, мне все же страстно хочется, чтобы она была напечатана. Очень рада, что Вы вошли во вкус насчет Блюменфельда. Он в своем роде прелестное творенье.

А насчет первой статьи второго отдела сб[орника][3] Вы совершенно правы[4]. Сперва она бросилась мне в глаза лишь своей неимоверной болтливостью, и я, не дочитавши, решила, что она дурацкая. Но после Вашего отзыва, прочтя, увидала, что человек действительно думал и во всех замечаниях по адресу Струве вполне прав. (Этого последнего я продолжаю не любить.) Все зло этой статьи

лишь в болтливости. Не сконцентрирована. Славная вещица Потресова[5]. Трепала в своей статье волей-неволей всего больше Михайловского, а все же изо всей их компании он милый. Ненавистная тварь Кудрин (в «Из Франции»[6]). Вот фразерская скотина! А какая судьба постигла здешний «Сборник для рабочих»?[7]

Ваша Вера

[8]Еще раз прошу прощения за неперевод[9]. Действительно, свинья!

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.45. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 174–175. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по заключительной фразе данного письма, свидетельствующей, что совсем недавно была отослана статья без перевода.

[2] Имеется в виду заключительная глава книги В.И. Засулич «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», озаглавленная «Несколько заключительных замечаний». Ее включение в книгу связано с тем, что издание второго марксистского сборника, для которого она предназначалась, из-за ареста А.Н. Потресова в декабре 1896 г. не было осуществлено.

[3] Имеется в виду сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб., 1895). Сданный в цензуру еще в мае 1895 г., он был уничтожен по постановлению Комитета министров в марте 1896 г. А.Н. Потресову удалось спасти 100 экземпляров сборника, которые и ходили в публике.

[4] Имеется в виду опубликованная в этом сборнике под псевдонимом К. Тулин статья В.И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве: (По поводу книги П. Струве: Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894)»,

[5] Имеется в виду статья А.Н. Потресова «Кризис в замочном промысле Павловского района Нижегородской губернии», помещенная в этом же сборнике.

[6] Речь идет о публикации в журнале «Русское богатство» рецензии Н.С. Русанова (псевд. – Кудрин) на книгу Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» «На высотах объективной истины». С 1896 г. в «Русском богатстве» под псевдонимом Н.К. стали регулярно выходить его репортажи «Из Франции».

[7] Речь идет о непериодическом сборнике «Работник», первый сдвоенный номер которого вышел в марте 1896 г. в женевской типографии, с марта этого года начавшей называться типографией «Союза русских социал-демократов» (с 1883 г. она называлась типографией группы «Освобождение труда», с февраля 1890 г. до марта 1896 г. типографией «Социал-демократа»). Второй сдвоенный номер тиражом 2000 экз. вышел в 1897 г.

[8] Заключительная фраза приписана по верхнему полю первого листа.

[9] В.И. Засулич еще раз извиняется за посланную без перевода статью Э. Маркс-Эвелинг «Как живется рабочим в Англии» для «Майского листка "Работника"», который вышел в начале мая. По состоянию здоровья она не успела перевести полученную статью.

208
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец мая[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

я не ответила на Ваше письмо[2], потому что под кнутом требования немедленно прислать конец я принялась энергично[3]. Кончу скоро, но я еще совсем больна и от работы, хотя она и идет, физич[ески] очень мучаюсь. Но теперь мне надо у Вас спросить: мне поручают на «основании» каких-то «присланных мне

писем» получить и прислать деньги для стачечников[4]. А я никаких таких писем не получала. Спрашивают тоже: получила ли я книги Исаева[5] и Гурвича[6]. Я их тоже не получала. Не знаете ли Вы что-ниб[удь] об этом? Не зашли ли эти вещи как-нибудь к Вам?

Ваша Вера

Странная у меня теперь голова: кружится беспрестанно (а два раза за эти дни б[ыли] форменные обмороки) и все-таки, когда ее подстегнули, думает, тоже не останавливаясь (спать я совсем перестала), и, кажется (на мой вкус), даже недурно, а кружится. Дня через три, наверно, кончу. Уж начерно кончила, а это немного все-таки.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.154. Л. 1–2.
Автограф. Опубл.: Первая марксистская организация
России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 123.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о необходимости пересылки денег для стачечников.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] Вероятно, речь идет о той статье «в 2 листа» о либеральных народниках и субъективном методе, замысел которой возник у В.И. Засулич в январе 1896 г.

[4] Имеется в виду стачка петербургских текстильщиков 24 мая – 16 июня 1896 г. Поводом к выступлению был отказ фабрикантов оплатить рабочим дни вынужденного простоя в выходные дни по случаю коронации Николая II. Начало стачки совпало по времени с открывшейся в Нижнем Новгороде 28 мая Всероссийской промышленной выставкой. Туда выехали император и ключевые министры. Их безопасность обеспечивали лучшие полицейские силы, в том числе и командированные из столицы. Поэтому власти Петербурга не смогли первоначально эффективно противостоять забастовщикам. Напротив, петербургский «Союз борьбы» активно вмешался в события. На общем собрании рабочих 17 фабрик были выработаны общие требования, опубликованные в виде листовки. Всего в стачке участвовало 18,5 из 19,4 тыс. рабочих 24 текстильных фабрик Петербурга. Столица была объявлена на военном положении. На подавление стачки власти направили 2 казачьи сотни, 3 пехотных полка, 1600 человек было арестовано, 1055 привлечены к суду, из них 84 заключены в тюрьму, а 55 высланы на 1 год под гласный надзор полиции. Требования забастовщиков были удовлетворены частично, но стачка заставила правительство приступить к разработке закона о продолжительности рабочего дня.

[5] Возможно, в данном письме речь идет о книге А.А. Исаева «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства», которая вышла в Петербурге в 1896 г.

[6] Вероятно, речь в данном письме идет об основной научной работе И.А. Гурвича «The Economics of the Russian Village» (1892), в русском переводе «Экономическое положение русской деревни» (М., 1896).

209
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец мая – начало июня
Лондон[1]

Милый Жоржик,

отнеситесь ласково к этой бедной скотинке[2]. Не поддавайтесь злобе, которую будут внушать Вам запятые: Elle n’est pas si bête qu’elle en a l’air[3]. У нее есть кое-где мысли в морде.

Напишите поскорей о ее судьбе.

Цельной черновой у меня нету. Я бы не смогла переписывать, не переделывая, а, переделывая, довела бы ее помаленьку до размера книги.

РНБ. АДП. Ф. 1093. оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.156. Л. 1 – 1 об. Автограф карандашом. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 174. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании док. 208, в котором В.И. Засулич сообщает о готовности отослать только что написанную статью Г.В. Плеханову, ставшую, как указывалось выше, 4-й главой книги Засулич «Жан Жак Руссо…».
[2] Так В.И. Засулич называет свою статью.
[3] Она [статья] не так дурна, как выглядит (*фр.*).

210
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, начало июня[1]
Лондон

William'ов Thomson'ов и Thompson'ов[2] целые стада, но, как нарочно, все они физики, теологи и проч[ее]. Не убеждена, то ли я Вам представлю сочинение, о к[о]т[о]ром врет Черкезов (ни самомалейшего отношения ни к чему из того, что открыл Маркс, он не имеет), я его бросала, опять брала, но более подходящего нет.

О стоимости, ренте и проч[ее] (ни о чем из того, что Вы спрашиваете) в нем нет речи. Понять его начало, не прочтя сперва[3] конца, невозможно. (Совсем-то понять и никогда невозможно). Поэтому выписки я начну Вам делать не с начала, а из конца, а потом перейду к началу. Ни о чем, кроме утопических «естественных» денег, в нем, несмотря на пышное заглавие, нет речи. Тон зазнавшегося самоучки. Простите, что замедлила. Я, было, взбунтовалась. Вот, мол, еще возиться для опровержения такой кошки (когда имеет же Жорж львов и тигров для упражнения), как Черкезов. Потом раскаялась, вообразив Вас. Вот уж втянулся человек в битву с кошкой, хочется же кончить.

А это буржуазнейшая из негодных утопий.

Либкнехт Вам кланяется. Ганелин прислал мне 50 дол[ларов] и пишет, что хочет Вам побольше прислать в июле, если сам к тому времени не приедет[4]. Тогда у него будут 1800 дол[ларов]. Но, говорит он, «кредит у меня огромный; напишите, если Геор[гию] Вал[ентиновичу] раньше надо, я и раньше могу прислать». Написать, ч[то] надо? Или нет? Восхищается Бельтовым[5].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.34. Л. 1 – 1 об. Автограф. Опубл. (под неверной датой): Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». С. 135. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании сопоставления с текстом док. 208.
[2] Речь идет о выписках из книг У. Томсона, которые Г.В. Плеханов просил сделать В.И. Засулич. В ее архиве сохранились выписки из книги Томпсона «An Essay on Production, Money and Gov-

ernment; in which the Principle of a Natural Law is Advanced and Explained, where by credit, debt, taxation, tariffs, and interest on money will be abolished; and national debt and the current expenses of government will be paid in gold» («Это все заглавие» – прим. Засулич). Buffalo, 1863 (РНБ АДП. Ф. 1098. Ед. хр. 170. Л. 1).Выписки завершаются ее словами: «Ну и будет с Вас! Удивляюсь, как у меня и на это хватило чернил». (Там же. Л. 6 об. – 5).

[3] В тексте описка: «спрева».

[4] В архиве Г.В. Плеханова сохранилось письмо С. Ганелина от 10 июля 1896 г., в котором он сообщает Г.В. Плеханову о высылке денег для поездки в Лондон на Международный конгресс II Интернационала. (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 381. В 106.2. Л. 1).

[5] Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в начале 1895 г. легально в Петербурге под псевдонимом Н. Бельтов.

211
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, начало июня
Лондон[1]

Милый Жорж!

Вы, конечно, уже получили мое письмо[2] и поняли, что я молчала не по болезни и не по изумлению, а вследствие то пассивного сопротивления, то активной борьбы с подлым Томсоном[3]? Тот ли? Я еще за это время для Вас же два дня сделала выписки из данной мне Элеонорой рукописи-переписки Маркса с Н-оном. Я должна была возвратить ей тетрадь третьего, когда к ней ездил Либкнехт; был ласковый такой, но говорить-то с ним много не пришлось.

Собрание имело не тот характер, как я думала. Они это Либкнехта англичанам показывали. Штук 50 чел[овек] за вечер перебывало, и бедный старик весь вечер стоял, выслушивал по паре слов от представляемых ему англичан и Вайтчепельских евреев[4]. А сегодня в газетах говорят о «terrible rixe»[5] в Петербурге 15 и 16 мая[6]. Полиция была побеждена, казаки постасканы с лошадей, и с ними поступили severely[7], и лишь выстрелы обратили толпу в бегство, убито 250 чел[овек]. Что это такое? Почему? Ничего не разберешь! Известие слишком кратко. Во всяком случае это уж не студенческие беспорядки, на которые и дворников было за глаза довольно. А в Москве произошел адский бессмысленный ужас[8]. Это что-то небывалое в истории, чтобы в чистом поле передавить ногами без паники тысячи народу. В газетах – передавленных все прибавляется, теперь уж тысячи четыре.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В. 487.49.
Л. 1–2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда».
Сб. 5. С. 165. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании сообщения о произошедшей Ходынской катастрофе в Москве.

[2] Вероятно, док. 210.

[3] См. прим 2 к док. 210. В написании фамилии автора В.И. Засулич сделала ошибку, написав «Thomson», а не «Thompson». Г.В. Плеханов использовал в своих работах произведения этого автора, однако ссылок на выписки, сделанные Засулич, у него нет.

[4] Вайтчепль (White Chapel) – квартал в восточной части Лондона, на левом берегу Темзы, населенный беднейшими жителями столицы.

[5] Ужасная, страшная драка (*фр.*).

[6] Из письма видно, что В.И. Засулич в данном случае основывается на каком-то кратком сообщении из иностранной, скорее всего французской, газеты. Вероятно, речь идет о событиях, связанных с массовыми арестами рабочих, участвовавших в распространении листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» «Рабочий праздник 1 мая», и аресте 3 (15) мая 1896 г. 45 прядильщиков – инициаторов забастовки на Охтинской бумагопрядильне и их последующей высылке. Но никаких активных столкновений с полицией в это время не было. Последующие события, связанные с массовой петербургской стачкой, также не были связаны с такими столкновениями. Так, в представлении прокурора Петербургского окружного суда А.Н. Познанского прокурору Петербургской судебной палаты В.Ф. Дейтриху от 29 мая (10 июня) 1896 г.сообщается: «По сведениям, сообщенным мне словесно петербургским градоначальником, в последние дни на нескольких фабриках в г. С.-Петербурге замечалось довольно сильное брожение в среде рабочих, выразившееся, наконец, в том, что часть из них на фабриках Воронина, Кенига, Российской мануфактуре, Екатерингофской мануфактуре и Митрофаньевской мануфактуре в количестве более трех тысяч человек прекратила работу, требуя выдачи поденной платы за коронационные дни. По отношению к администрации фабрик рабочие ведут себя чрезвычайно сдержанно и никаких беспорядков до сих пор не производили» (Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961. Т. 4. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. С. 218–219). В сообщениях зарубежной печати иногда преувеличивались сведения о событиях в России: число участников петербургской стачки 1896 г. согласно этим сведениям, составляло 30 тыс. чел., тогда как по данным Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов бастовало немногим более 18 тыс. чел. (*Суслова Ф.М.* Начало организованной борьбы. Историческое значение ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1986. С. 162).

[7] Жестоко, сурово (*англ.*).

[8] Речь идет о трагедии на Ходынском поле, так называемой Ходынке. 18 (30) мая 1896 г., через полтора года после воцарения Николая II, в Москве проходила официальная коронация. Московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович (дядя Николая II) распорядился устроить на Ходынском поле народное гулянье с раздачей бесплатных подарков (в подарочном кульке были сайка, кусок колбасы, пряник и кружка). На небольшой площади были сооружены временные балаганы, театры, 150 буфетов для раздачи подарков и 20 питейных заведений. Рядом с полем находился овраг со множеством промоин и ям. С вечера 17 мая на поле стали скапливаться массы людей, привлеченные слухами о богатых подарках. Ранним утром 18 мая несколько сот тысяч человек столпились вокруг павильонов. Полиция (1800 чел.) не могла навести порядок. По официальным данным, в катастрофической давке погибли 1389 чел. и еще 1300 получили тяжелые увечья. Преступная халатность царских властей вызвала общественное возмущение в России, резко негативные отклики за рубежом и послужила катализатором стачечного движения летом 1896 г.

212
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1896, 12 июня[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

На днях получил книжки «Работника»[2] и очень, очень благодарен Вам за них. С большим жаром я набросился на него в продолжении нескольких часов, не отрываясь, прочитал его от доски до доски. Просто душа радовалась, да и не только радовалась, а прямо скакала в восторге, читая корреспонденции из России, отчеты о стачках, адресы рабочих и пр. пр. И не только в этом, – во всех статьях, во всем, начиная с первой и кончая последней строчкой сборника, – во всем просвечивается какой-то новый дух, уверенность в победе, исчезновение господства традиционных методов революц[ионной] борьбы и, главное, абсолютное, полное торжество соц[иал]-демократизма. Я хотя факты уже знаю

из немецкой газеты, что русский рабочий начинает, наконец, пробуждаться; знаю уже и о стачках[3], и об адресе, в Париж отправленном[4], но всю солидность, глубину и интенсивность начинающегося у нас рабочего движения я понял, лишь прочитавши сборник. Работа Ваша, друзья, наконец, увенчалась успехом. С гордостью Вы можете теперь смотреть на плоды Вашего труда. Крепко, крепко обнимаю Вас всех и от души поздравляю Вас! Невольно по прочтении сборника вспомнилось мне начало Вашей деятельности – с какими трудностями Вам приходилось бороться. Точно на поле брани под градом вражеских пуль, при материальной нужде и крайней несправедливости отношений к Вам рев[олюционной] публики медленно, но беспрерывно создавалась соц[иал]-дем[ократическая] литература. Я помню, какой грязью и пакостями швыряли в Вас наши противники; я помню еще их собрания, где самыми важными аргументами против Ваших идей были рассказы о том, что Плех[анов] не платит своей служанке[5], что Акс[ельрод] буржуа – продавец кефира. Я помню еще то время, когда в кругу молодежи, пожалуй, не совсем безопасно было признаться в принадлежности к числу последователей группы «О[свобождение] т[руда]».

А теперь уже очевидно не то – своей неустанной пропагандой Вам удалось разбить в прах предрассудки рев[олюционной] молодежи, приобрести массу последователей в ее среде и при их помощи проникнуть в рабочие массы. Теперь Вы лицом к лицу с русскими рабочими. Теперь для Вас, как и вообще для русских соц[иал]-демократов, открывается более широкое, даже обширное поле деятельности, более приятной и более благодарной. Читаешь и глазам не веришь. За последние 2–3 года в России настолько изменилось, настолько новые веяния пошли, что невольно начинаешь верить, что, быть может, очень скоро, скорее, чем можно было до сих пор предполагать, и в России «на нашей улице будет праздник». И как энергично заговорили о марксизме в легальной прессе. Марксизм, как видно, стал у нас злобой дня. О чем бы ни говорили и ни писали, всякий их литератор считает нужным и своевременным лягнуть соц[иал]-демократов. Но пускай лягают. Этим выясняется нам, кому верить надлежит, кто за нас и кто против нас. Бельтовы, Валентиновы[6] и др., пользуясь ляганьем противников, тем скорее позаботятся о том, чтобы сорвать маски с так наз[ываемых] друзей народа[7] и указать им их настоящее место. Да, Россия, наконец, двинулась в путь – счастливого пути!

Сборник в общем производит хорошее впечатление (зачем 1 и 2 №№ вместе?)[8] как по выбору и содержательности статей, так и по простоте и ясности изложения. Одно лишь кажется, что в них слишком заметны следы поспешности. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Публика здешняя с нетерпением ждет получения наших изданий. Я уже пару раз писал, чтобы нам выслали книги, но мои просьбы почему-то до сих пор оставлялись без внимания. Из бывшего у меня склада большая часть еще у меня лежит и не продается (разные книги «С[оциал-]д[емократа]»[9], «Вс[ероссийское] раз[орение]»[10], «Вос[поминания]» Плех[анова])[11], меньшая часть продана, за которую часть денег Вы получили, а часть еще не учтена, и Вы скоро получите. Наше Общество выбрало хороший и деятельный брошюрочный комитет, который будет заботиться о том, чтобы книжки хорошо продавались и вырученные деньги аккуратно возвращались Вам. Мне хотелось бы, чтобы наши сношения с швейц[арскими] соц[иал]-дем[ократами] пока велись только через Вас (гр[уппу] «О[свобождение] т[руда]»), так как я не желал бы поднимать в комиссии Общ[ества] вопрос о «Союзе»[12], опасаясь, что это внесет путаницу и недоразумения. Постарайтесь, чтобы

нам по возможности скорее выслали сборник, майский листок, вообще новые брошюры, если таковые вышли, каждой в 2 экземплярах, сборник «С[оциал]-д[емократ]», брошюры «Социализм и политическая борьба»[13], «Наши разногласия»[14]. Вообще, не забывайте нас и сообщайте новости о «наших победах».

Каковы виды на дальнейшее появление сборника? Да, кстати, для продажи он очень дорог, и Вы должны позволить нам продавать его дешевле. 4 фр. = 80 с. на нашем книжном рынке – страшно высокая цена. Чтобы можно было продать порядочное количество экземпляров, мы должны были бы продавать его не дороже 40 с. (2 фр.) и это не дешево! Не забудьте написать об этом. А Плех[анов] и В[ера] Ив[ановна] совсем забыли нас! Что-то они поделывают? В[ера] Ив[ановна] должна нас простить, что так долго не высылали денег. Целый ряд Meeting'ов[15] поглотил у нас массу денег, и теперь не можем оправиться.

Сердечный привет всем товарищам.

Ваш С. Ингерман

[16] P.S. Статью о здешнем еврейском движении я поручил написать Кагану, самому популярному евр[ейскому] агитатору. Он мне обещал, но не исполнил своего обещания, потому что неожид[анно] временно возникли крупные разногласия между различными еврейскими организациями и их вождями. Если же не поздно и вообще Вам интересно было бы иметь статейку о зд[ешнем] евр[ейском] движении, я сам напишу ее, как только получу от Вас письмо. С адресом[17] вышло какое-то недоразумение]. Мне поручено его составить, но благодаря бывшим Meeting'ам у нас не было даже время делать собрание, а когда оно состоялось, на мой взгляд уже поздно было отправлять его. Как быть теперь? Пишите, П[авел] Б[орисович], чаще, не оставляйте нас долго в неведении относительно происходящего в Р[оссии] и за гр[аницей] в рядах рус[ских] соц[иал]-дем[ократов]. Сердечный привет бр[атьям] и тов[арищам]. Как Ваше здоровье, дела? Как семья?

Ваш Ингерман

IISH. Paul Akselrod Archiv. – 22a – I / 3. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

1 Датировка автора письма.

2 Речь идет о сборнике «Работник».

3 По числу забастовщиков в 1895 г. среди других городов выделялся Петербург. Здесь число участников 9 стачек приблизилось к 7,7 тысяч. В Москве в 10 стачках участвовало 3 тыс. рабочих, примерно столько же – 3, 1 тыс. – в Белостоке. В целом 1895 г. знаменовал собой существенный подъем стачечного движения. Крупнейшими событиями этого года были стачки в Ярославле и в Гродненской губ. Первая произошла в конце апреля – начале мая 1895 г. на Ярославской большой мануфактуре А.А. и М.С. Корзинкиных. В ней участвовало 7,2 тыс. рабочих. В подавлении стачки участвовали 10 рот Фанагорийского полка. В результате 1 рабочий был убит, 14 – ранено. В стачке в Гродненской губ. в августе 1895 г. участвовало до 10 тыс. рабочих, причем в ее организации определенную роль сыграл местный комитет ППС.

4 Имеется в виду «Адрес петербургских рабочих французским рабочим» от 3 (15) марта 1896 г. в связи с 25-летием Парижской Коммуны. – См.: Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892–1905 гг. М., 2007. С. 64–66.

5 Такой факт действительно имел место. Семья Плехановых в 1880-х гг. испытывала постоянную нужду и далеко не всегда аккуратно платила жалованье служанке Филомене Боссети. Но она не покидала их дома, всем сердцем привязавшись к Плехановым и их детям.

6 Литературные псевдонимы Г.В. Плеханова.

[7] «Друзья народа» – легальные народнические публицисты Н.К. Михайловский, В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон и др.
[8] За недостатком средств «Работник» издавался сдвоенными номерами: № 1–2; 3–4; 5–6.
[9] Имеются в виду обозрения «Социал-демократ» (1890–1892 гг.).
[10] *Плеханов Г.В.* Всероссийское разорение. Женева, 1892.
[11] *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям). Женева, 1892 (отдельный оттиск из «Социал-демократа» с приложением «Письма к лицам, произнесшим речи на собрании петербургских рабочих, состоявшемся по поводу всемирной демонстрации 1 мая»).
[12] Речь идет о «Союзе русских социал-демократов за границей» и его непростых взаимоотношениях с группой «Освобождение труда».
[13] *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба. Женева, 1883.
[14] *Плеханов Г.В.* Наши разногласия. Женева, 1885.
[15] Митингов (*англ.*).
[16] Написано на бланке рецепта в ¼ листа.
[17] Непонятно, об адресе по какому поводу идет речь.

213
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, июнь[1]
Женева

Дорогой Павел!

Вот, наконец, сажусь писать тебе. Признаюсь, я еще долго не собрался бы писать тебе, если бы не твое предисловие к брошюре об агитации[2]. Не собрался бы вот почему. Твое последнее письмо произвело на меня самое тяжелое впечатление[3]. Я видел, что ты страдаешь, но как помочь тебе, я не знал. Утешать казалось мне и пошлым, и вовсе неутешительным. На меня, по крайней мере, всякие утешения всегда производили тяжелое впечатление. Вот в эдаком-то нерешительном положении я взялся за твое предисловие, – и оно показало мне, что я могу опровергнуть тебя, если не могу утешить. Я спрошу тебя – каким это образом человек, написавший такую умную статью, может считать себя лишним, ненужным, неспособным и т.д.? Предисловие твое еще раз показало мне тебя в том виде, в каком я тебя всегда представлял себе: в виде человека, чрезвычайно умно и тонко понимающего смысл совершающихся перед ним политических событий. В твой огромный политический смысл я всегда верил как во что-то совершенно не подлежащее сомнению. Я всегда знал, что то, что ты одобришь, наверное будет хорошо. Что я не ошибался в этом, показывает судьба твоей статьи о немцах, переведенной на немецкий язык[4]. Ты помнишь, что сами немцы удивлялись тонкости твоего понимания. И вот этакий-то человек, как ты, принадлежа к партии, которая, правда, имеет перед собою блестящее будущее, но пока все-таки состоит из неопытных и неразвитых политически людей, этот-то человек, – говорю я, – который, может быть, всех нас превосходит глубиною своего политического смысла, смеет говорить, что он никуда не годится! Что же это за вздор? Ты нужнее теперь, чем когда бы то ни было. Если не можешь писать много, не пиши; отдыхай или изучай что-нибудь подробно и специально, но ненужным себя не считай, потому что ты очень нужен, и я первый плохо себя почувствовал бы, если бы тебя не было с нами. Я нередко поступал так, как будто бы я готов был действовать на свой солтык[5]. Но если я не советовался с тобою, то потому и только тогда, когда я знал наперед, что ты одобришь мой

способ действий. Твое одобрение всегда было для меня крайне важно, потому что, повторяю, я всегда думал, что политический поступок, одобренный тобою, наверное хорош и целесообразен. Я уверен, что, напр[имер], Желябов, который имел много полит[ического] смысла, тоже чрезвычайно ценил бы твое одобрение. Ты европеец по преимуществу, а это очень важно в каждой русской партии. Ты уже более 20 лет в движении. Если ты устал, отдохни, но не падай духом и помни, что ты по-своему – большая сила. Вот мысли, на которые навело меня чтение твоего предисловия. Присылай скорее конец.

Что у тебя дело не ладится с Гинсбургом – это я вижу, хотя все еще не знаю, как помочь этому. По-моему, отложи ты решение вопроса до конгресса (Лондонского)[6]. Ты ведь там будешь, это необходимо: аграрный вопрос, который поднимется там, очень важный вопрос, и нам надо быть вместе при его решении. Так вот, в Лондоне мы все это обсудим сообща с Верой и какой-нибудь modus vivendi[7] придумаем. А пока можно временно соглашаться каждый раз по поводу отдельной статьи. Кстати, статьи его [о] машине[8] я еще не прочел: было страшно некогда. Сейчас сажусь читать и о своем впечатлении сообщу тебе картой. Предисловие твое я отнес в типографию сегодня утром.

Читал ли ты в «Рус[ской] мысли» статью Гольцева об «Экон[омическом] материализме»[9]. А в Петербурге было что-то вроде восстания. Вера пишет, что, по английским газетам, толпа избила полицию и казаков, и только солдаты выстрелами разогнали ее. Убитых 250 чел[овек][10].

Твой Г. П[леханов]

Повторяю, стыдно тебе унывать, Павел, получив от природы то, что получил ты. Пиши.

Твой Г.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.36. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 137–139; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1. С.160–161 (с сокращениями). Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Известная брошюра, составленная в 1894 г. в Вильне А.И. Кремером и проредактированная Ю.О. Мартовым. Заграничное издание этой брошюры («Об агитации») вышло в конце 1897 г. и было снабжено предисловием и послесловием П.Б. Аксельрода. Г.В. Плеханов говорит, конечно, о послесловии, так как предисловие очень кратко.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[4] *Статьи из сборников «С.-Д.», переведенные и напечатанные в «Neue Zeit» под заглавием: «Die politische Role und die Taktik der deutschen Sozialdemokratie». Отзывы об этой статье, о которых упоминает ниже Г.В. Плеханов, принадлежали К. Каутскому и В. Адлеру; первый из них в свое время писал П.Б. Аксельроду: «Я поражен тем, к какому правильному пониманию вещей ты пришел. Для иностранца это исключительный успех. Ты должен быть очень доволен. Немецкие социал-демократы многому научатся из нее».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] Солтык (ит. solo один, только один, лишь один; соло – исполнение музыкального номера одним исполнителем) – в данном случае действие в одиночку под свою ответственность.

[6] Международный социалистический конгресс заседал в Лондоне с 27 июля по 2 августа 1896 г.

[7] Образ действия (*лат.*).

[8] Имеется в виду статья Б.А. Гинсбурга «Машина», опубликованная в непериодическом сборнике «Работник» (1896. № 1–2; 1897. № 3–4) и выпущенная в виде брошюры как издание «Союза русских социал-демократов».

[9] *Статья В. Гольцева «Об экономическом материализме» была напечатана в № 4 «Русской мысли» за 1896 г.; никакого интереса эта статья в теоретическом отношении не представляла, – она была лишь симптоматична (своим относительно примирительным тоном по адресу русских марксистов) как показатель признания либералами типа В. Гольцева за с.-д. движением значения крупной нарождающейся силы. Именно эти моменты в статье Гольцева вызвали Г.В. Плеханова на ответ, который был напечатан за подписью «В. Ушаков» в № 9 «Русской мысли» за тот же 1896 г. под заглавием: «Несколько слов в защиту экономического материализма (Открытое письмо к В.А. Гольцеву)». Этот ответ беспощадную теоретическую критику гольцевского эклектизма в области теории блестяще сочетает с умелой политической постановкою политического вопроса о возможности координирования действий с.-д. и либералов в борьбе против царизма.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] См. док. 211.

Эти сведения в начале второй половины июня 1896 г. (см., напр., «Vorwärts» от 19.06.1896) обошли всю европейскую печать и были первыми вестями о начавшейся знаменитой петербургской стачке; их приводит и «Летучий листок Фонда Вольной русской прессы», № 33, от 30.06.1896. – Прим. Б.И. Николаевского.

214
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, июнь[1]
Женева

Дорогой Павел,

отчего ты не пишешь? Ты, как видно, сердишься на меня. Но если это и так, то пора бы уже перестать и написать хотя бы ругательное письмо.

Дело вот в чем. На конгрессе в Лондоне[2], как ты знаешь, будет поднят аграрный вопрос. Если конгресс примет по поводу этого вопроса какое-нибудь глупое решение, то мы пропали: народники опять поднимут голову[3]. Поэтому заклинаю тебя: написать Гельфонту, что мы просим его начать в немецкой печати кампанию против русской общины, с точки зрения исторической, экономической и политической. Это необходимо, чтобы немцы не вздумали провозгласить ее средством решения социального вопроса.

Тебя я тоже просил бы написать (напр[имер] в «Neue Zeit») по этому вопросу[4]. Поверь мне, что это дело важнее, чем может показаться на первый взгляд. Хоть на Волгина напиши рецензию и изложи главу об общине[5].

Кстати, ведь я забыл послать тебе еще один экземпляр Волгина для Кальмансона, а ты не напомнил. Отчего это?

Привет всем твоим.

Твой Г. Плех[анов]

P.S. Бухгодьц мне писал насчет делегации Гельфонта и Кольцова[6]. Я ответил ему утвердительно и даже настоятельно просил русских товарищей непременно дать мандаты этим лицам. Кроме того, я просил русских товарищей (через Бухгольца) прислать нам мандаты en blanc[7]: они могут понадобиться. Напиши и ты также на этот счет: нам мандаты очень нужны, ибо мы можем оказаться меньшинством русской делегации на Лондонском конгрессе[8].

Ради всего святого, не забудь написать Гельфонту (немедленно) насчет кампании против общины, да и сам ты действуй.

Твой

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.41. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 140–141; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2. С. 299–300. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Лондонский конгресс II Интернационала проходил с 27 июля по 1 августа 1896 г.

[3] Русская делегация, в особенности Г.В. Плеханов, придавала большое значение аграрному вопросу. Незадолго до конгресса Плеханов послал К. Каутскому экземпляр «Anhang» (Приложения) «об аграрном вопросе» с письмом, в котором просил напечатать его в «Die Neue Zeit» до начала конгресса. Плеханов писал Каутскому, что «Anhang написан совершенно в духе нашей резолюции на Бреславльском конгрессе» (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2. М., 1973. С. 160). Это приложение, автором которого был П.Б. Струве, было написано к докладу «Аграрный вопрос и социальная демократия в России». Каутскому, считавшемуся большим знатоком аграрного вопроса, этот «меморандум» русских социал-демократов очень понравился, но на письмо Плеханова он ответил телеграммой: «Печатание невозвожно до конгресса» (Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 221). Уже после конгресса он опубликовал «меморандум» в «Die Neue Zeit», снабдив публикацию примечанием, в котором выражал сожаление о том, что документ попал в редакцию лишь после конгресса и указывал, что «считает его достаточно важным, чтобы напечатать» (Die Neue Zeit. Jg. XIV. Bd. II. № 44. S. 560).

[4] *П.Б. Аксельрод был сотрудником «Neue Zeit». Его статей на укзанную тему в немецкой печати в тот период не появилось. В «Neue Zeit» за 1896 г. статьи по аграрному вопросу в России не появились, только после окончания международного социалистического конгресса был напечатан доклад по аграрному вопросу, представленный на этот конгресс русской с.-д. делегацией: «Die Argrarfrage und die Sozialdemokratie in Russland» (автором его был, как известно, П.Б. Струве).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] В феврале 1896 г. в Петербурге под псевдонимом А. Волгин вышла в свет работа Г.В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.): Критический этюд». Книга состояла из двух отделов: «Отдел I. Г. Воронцов как социолог и политико-эконом», «Отдел II. Г. Воронцов как теоретик народничества». Глава, которую просит изложить в рецензии Плеханов, является первой главой, озаглавленной «Община», относящейся ко второму разделу книги. Рецензия на эту книгу в «Die Neue Zeit» не появилась.

[6] Еще в феврале 1896 г. В.А. Бухгольц, осуществлявший посредничество между группой «Освобождение труда» и рабочими организациями России, предложил Плеханову включить в число русской делегации на Лондонский конгресс Гельфанда (Парвуса) и ходатайствовать о мандате для него (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 359. В 48.3. Л. 3 об. – 4)

[7] Не заполненными (*фр.*).

[8] *Обсуждение состава русской с.-д. делегации для участия в Лондонском международном конгрессе стало предметом оживленной переписки между Группой «Освобождение труда» и действовавшими в России с.-д. организациями. Вначале русские организации прислали именные мандаты на тех лиц, которых они желали иметь в качестве своих представителей. Наибольшее количество мандатов было отправлено членам ГОТ: П.Б. Аксельроду, В.И Засулич и Г.В. Плеханову, получившему наибольшее число мандатов. Группа «Освобождение труда» через В.А. Бухгольца, заведовавшего сношениями в Берлине, около 20.06.1896 г. обратилась к русским товарищам с предложением высылать бланки мандатов незаполненными и предоставить Группе определить персональный состав делегации. Большинством русских организаций это предложение было принято. Мандаты были присланы от следующих организаций: Киев (около 200 организованных рабочих); Сморгонь (около 200 еврейских рабочих), Минск (от 1000 еврейских рабочих), Вильна и Варшава (сведения из письма Бухгольца –Аксельроду от 21.06.1896 г.), Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск и Нижний Новгород. В делегацию вошли Плеханов (от Петербурга), Аксельрод (от Киева), Засулич (от Москвы), Р.М. Плеханова, Б.А. Гинсбург-Кольцов, Парвус-Гельфанд и Бухгольц (от Иваново-Вознесенска). В заседаниях конгресса приняли участие, однако по конспиративным соображениям в качестве делегатов не выступали А.Н. Потресов и П.Б. Струве, специально прибывшие из России.*

Средства на поездку делегатов в Лондон были присланы из России – главным образом из Петербурга; в годовом отчете петербургского «Союза борьбы» за 1896–97 г. имеется рубрика:

«На организацию и расходы на квартиры, представительство на Лондонском международном рабочем конгрессе, почтовые расходы и др. – 1021 руб.» (цитируем по «Годовому отчету», изданному на шапирографе). – Прим. Б.И. Николаевского.

215
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, июнь[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Гельф[анду] и хочется и колется. Во-первых, он ставит условием sine qua non[2] – мандат, выставленный ему (на его имя) в самой России[3]. Во-вторых, он желал бы иметь наше позволение взять одновременно мандат и от немцев (вероятно, не от большого кружка лиц). Я выразил ему на этот счет свое сомнение, – по разным соображениям. В-третьих, он предупреждает, что фактически ему придется гораздо больше работать среди немецкой делегации и заниматься немецкими делами, чем нашими. Наконец, [он] сам находит, что, по правде и совести, ему как-то и не идет представительство от России, когда всем известно, что он весь ушел в немецкие дела[4]. Признаюсь, и на меня производит впечатление, как будто он прав. Что касается до «Weltmarkt»[5], то раньше зимы он за эту статью приняться не может. Ему хотелось бы с тобою повидаться и для этого он мог бы (по своим финансовым расчетам) сделать небольшой круг. Ввиду особых расчетов и предположений я ему сказал, что это осуществимо, например в Ольтене (или в Шаффгаузене)...[6]

Т[ак] к[ак] я и сам очень im Unklaren[7] насчет мандатов и не все могу и хочу писать тебе[8], то я и окончательное решение вопроса о его[9] делегатуре предполагал бы отложить до твоего свидания с ним.

Т[ак] к[ак] киевляне первоначально послали мне мандат, то, разумеется, его и принимаю[10].

Т[ак] к[ак] я с Гельф[андом] уже вел всякие переговоры, то прошу опред[еленно] ответить насчет денег, делегатуры, свидания и т.д.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 142–143. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по содержанию. В письме обсуждается вопрос о включении А.Л. Гельфанда в состав русской делегации на Лондонский конгресс II Интернационала.

[2] Неприменным (*лат.*).

[3] *Обычно мандаты, как мы отметили выше, присылались незаполненными, – организации передавали это право группе «Освобождение труда».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *Он в это время состоял фактическим редактором «Sächsische Arbeiter Zeitung» и был одним из лидеров крайнего левого крыла в германской с.-д-ии.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] Имеется в виду книга: *Парвус А.Л.* Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис (Der Weltmarkt und die Agrar Krisis): Экон. очерки / Пер. с нем. – СПб.: О.Н. Попова, 1898. Образовательная библиотека. Серия 2. (1898. № 2).

[6] Маленькие швейцарские городки: Ольтен – на пути из Цюриха в Берн, ближе к последнему; Шаффгаузен – около Цюриха.

[7] В сомнении (*нем.*).

[8] *П.Б. Аксельрод не хотел в письме говорить о главных мотивах, побуждавших его скептически относиться к идее о целесообразности включения Парвуса в русскую с.-д. делегацию; этот скептицизм, как вспоминает теперь П.Б. Аксельрод, вызывался требованием Парвуса, настаивавшего на предоставлении ему права свободного голосования на конгрессе по польским и польско-немецким делам. Дело в том, что в тогдашней борьбе, которая шла между P. P. S. с Иодко во главе, с одной стороны, и группою польских с.-д. во главе с Розой Люксембург, с другой, Парвус стоял на стороне последней и выговаривал себе право свободного голосования в этом направлении на конгрессе. Группа же «Освобождение труда» официально выступала против Люксембург; на Цюрихском международном съезде 1893 г. Г.В. Плеханов голосовал против допущения Люксембург на конгресс в качестве члена русской секции и т.д.; мотивы, которыми руководствовалась при этом группа «Освобождение труда», были главным образом тактического свойства; по словам Аксельрода, у них были серьезные сомнения в правильности позиции P. P. S. (Аксельрод помнит, что уже тогда во время разговоров с Иодко ему резали ухо жалобы последнего на русификацию польского края евреями и т.д.), но выступать против последней, обвинять ее, представительницу угнетенной нации, в национализме, Группа считала невозможным, не желая попасть под обвинение в великорусском шовинизме. Подтверждение этого объяснения позиции Группы в польском споре можно найти в письмах Плеханова к Ф. Энгельсу; в письме от 16.05.1894 г. Г. В. Плеханов, объясняя свое поведение на Цюрихском съезде, пишет, что он не мог голосовать за введение Люксембург в русскую делегацию, ибо этим путем он «провозгласил бы новый раздел Польши». Это требование Парвуса было причиной временного прекращения разговоров Аксельрода с приехавшим в Цюрих Парвусом о привлечении последнего в состав русской делегации. Однако, вскоре Парвус, увидев настойчивость Группы в этом вопросе, заявил, что принимает ее условия (не выступать самостоятельно), после чего был включен в состав делегации. В Лондоне на совещаниях последней он был обычным председателем собраний.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[9] То есть А.Л. Гельфанда.

[10] *«Киевляне» – очевидно, так называемый «первый рабочий комитет» (Ювеналий Мельников и др.); ими с самого начала был прислан именной мандат на имя Аксельрода; позднее они согласились предоставить мандат в распоряжение Группы, но и П.Б. Аксельрод, и Группа предпочли сохранить их первоначальное избрание и на съезде Аксельрод был представителем Киева.* – Прим. Б.И. Николаевского.

216
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец июня
Лондон[1]

Дорогой Жоржик!

Пишу Вам в большом восторге, – сейчас, вернувшись с митинга делегатов всех трэд-юнионов и социал[истических] орган[изаций], где обсуждалось и решалось насчет петерб[ургской] стачки[2]. Резолюция будет в газетах, но общий смысл: рабочие Англии должны поддерживать своим сочувствием и деньгами русских рабочих в их справедливых требованиях условий труда. Принята единогласно (в зале человек 200 было – все делегаты, за ними, следовательно, сотни тысяч), с энтузиазмом (с бесконечными аплодисментами). Митинг б[ыл] собран не специально для стачки, а по поводу «Монстра»[3], на котором Вы будете говорить. Но, порешив с «Монстром» в 1/2 часа, остальное время занимались нами. Вотировать денег из касс трэд-юнионов[4] они не имели права. Вотированы сборы во всех рабоч[их] организациях. Это, собственно, превышение полномочий от Вас, но откладывать нельзя было, сегодняшний митинг б[ыл] слишком хорошим случаем, ч[то]бы позволительно б[ыло] его пропустить. Переговоры ведь начаты б[ыли] еще до Вашего письма. Ни Бернштейн, ведший их, ни я на день-

гах не настаивали, а на сочувствии. Резолюцию внес Cooper[5], делегат Trades Council[6], представитель всех лондонск[их] трэд-юн[ионов]. Кассиры этого Trades Council будут кассирами и по этим нашим сборам (1/2 Элеонориной шляпы серебра сейчас же собрали)[7]. И это – зная, что формальная отчетность невозможна и что стачка, вероятно, кончится раньше, чем сборы будут закончены! Нужда, мол, будет, наверное, большая, чем бы она ни кончилась. Я туда затесалась просто вызвать Элеонору, спросить, чем кончилось. Но пришла слишком рано, меня Элеонора позвала в Бюро[8]. Рекомендовала, встретили страшными аплодисментами и предложили сказать несколько слов. Я, не ломаясь, тотчас согласилась, говорила (по-французски) не слишком заикаясь, кажется, даже красноречиво. Элеон[ора] переводила. Ну, не следует ли погладить меня за все это? И за огромную (по-видимому) удачу? Ведь зла, ей Богу, от этого ни в каком смысле быть не может. На первом плане будет Trades Council – официальнейшее, некоторым образ[ом] государственное учреждение богоспасаемой Англии. Вот разве что мое имя в газетах замешается и придаст этому чуточку революционный оттенок. Но ломаться мне б[ыло] неприлично, испортила бы дело. Да все равно и без «речи» было известно, что это я хлопочу. Ну, словом, погладьте.

После митинга со всякими главными делегатами ходили в кафе, пили шампанское за здоровье петерб[ургских] стачечников. Меня спрашивали о заработной плате. Не очень я наврала, сказав, ч[то] в хлопчатобумажной промышл[енности] плата в среднем для мужчин руб[лей] 12–15 в месяц, для женщин 7–10?[9] Все говорят, что надо, чтобы русские рабочие были как можно лучше представлены на конгрессе. Мне приходит в голову, что, быть может, это сочувствие может принять и постоянный характер и образоваться в нечто неизмеримо важнейшее буржуазного «Free Russia»[10].

Бернштейн просил меня спросить Вас, не можете ли Вы написать брошюру о русских финансах, из которой видно б[ыло] бы, что они завтра же обанкрутятся?[11] Его какой-то немец геноссе[12] давно уже «бомбардирует» письмами на множестве стран[иц] (коли согласитесь, он Вам их пошлет) о необходимости такой брошюры. И к Бебелю он ходил, и тот ему сказал, ч[то] такая брошюра имела бы большой успех и за нее можно бы отлично заплатить... Сам-то Бернш[тейн] думает, ч[то] Рос[сия] банкротиться не собирается, но находит, ч[то], коли Вы можете написать, т.е. собираетесь, то и отлично[13].

[14]Ответьте об этом.

[15]Марка пенсовая не по бедности, а по воскресенью и нетерпенью бросить письмо сегодня же.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.48. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 163–164; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. С. 146–150; ФЛН. Т. 2. С. 300 –301. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Об этом письме В.И. Засулич говорится в первых строках письма Г.В. Плеханова к П.Б. Аксельроду от 1 июля 1896 г. (док. 220).

[2] Речь идет о стачке текстильщиков в Петербурге в мае – июне 1896 г. См. прим. 4 к док. 208. Члены группы «Освобождение труда» приложили немало усилий для того, чтобы международный пролетариат узнал и поддержал морально и материально это крупнейшее выступление российских рабочих. В письме В. Либкнехту от 24 июня 1896 г. Г.В. Плеханов писал: «Дело

становится все более и более серьезным; стачка растет, как снежный ком. Сегодняшние швейцарские газеты сообщают о количестве бастующих в 170000 (!) человек. При таких условиях хорошо было бы устроить подписку за границей в пользу русских бастующих. Тем более что, как сообщают английские газеты ("Daily News" в том числе), правительство запретило фабрикантам пойти на уступки рабочим, чтобы путем лишений заставить их сдаться.» (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 125). Забастовка петербургских текстильщиков вызвала сочувствие среди рабочих разных стран. Кампания сбора денег в помощь бастующим текстильщикам проходила во Франции, Швейцарии, Австрии, особый размах она приняла в Англии. Комитет Фонда Вольной русской прессы в Лондоне, имевший прочные и давние связи среди англичан, договорился с В.И. Засулич и Э. Маркс-Эвелинг, и они сделали сообщение о стачке на заседании подготовительного комитета по созыву Международного социалистического конгресса. Вскоре был создан Соединенный комитет по организации помощи петербургским стачечникам. По всей Англии прошли многочисленные митинги рабочих, выразивших свою поддержку русским товарищам. Лондонский совет рабочих союзов от имени Соединенного комитета направил приветственное письмо от 13(25) августа 1896 г. «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», которое было распространено в России в виде листовки (см.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961. Т. 4. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. С. 307–313).

Митинг, о котором пишет Засулич, был одним из заседаний «демонстрационного комитета» (комитета по организации манифестаций) для подготовки к Лондонскому Международному социалистическому конгрессу II Интернационала. Выступление Засулич на этом собрании привлекло к стачке внимание широких слоев английского общества.

[3] «Монстр» (*фр.* monster) – чудовище, чудовищный; огромный, многолюдный (о митинге, демонстрации). Вероятно, речь идет о митингах по случаю предстоящего Лондонского конгресса II Интернационала, на котором Плеханов должен был выступать.

[4] Трэд-юнионы (*англ.* trade – ремесло, профессия, union – объединение) – профессиональные союзы в Англии, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах, входивших в Британскую империю, объединяющие рабочих не по производственному признаку, а по профессиям, чем раскалывали силы рабочего класса. Этим объясняется замечание В.И. Засулич о том, что этот объединенный «митинг делегатов всех трэд-юнионов и социалистических организаций», не мог брать деньги из касс отдельных трэд-юнионов.

[5] *Б. Купер (Cooper).*

[6] Совет тред-юнионов (*англ.*).

[7] *Сбор в пользу русских стачечников на собрании «демонстрационного комитета», по сообщению «Летучих листков» Фонда Вольной русской прессы (№ 34), составил 2 фунта 10 шиллингов.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] Бюро – «демонстрационный комитет», на заседании которого выступала В.И. Засулич.

[9] Б.И. Николаевский в примечании к этим словам В.И. Засулич приводит данные из книги К.А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», подтверждающие ее сведения о заработной плате прядильщиков и ткачей. Но в разных отраслях она значительно различалась. Так, в 1880-е – 1890-е гг., по данным Пажитнова, фабричные рабочие, к которым относились прядильщики и ткачи, получали в месяц 15–17 руб. мужчины и 8–12 руб. женщины, неквалифицированные рабочие – 17–12 руб., мастеровые – 25–30 руб., металлисты – 30–40 руб., мастера и машинисты – до 60 руб. (*Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. С. 18, 262). Этой разницей в оплате различных категорий рабочих объясняется то, что петербургская стачка в основном охватила рабочих бумагопрядильных и ткацких фабрик, как самых низкооплачиваемых.

[10] «Free Russia» («Свободная Россия») – орган английского «Общества друзей русской свободы»; выходил в 1891 –1900 гг. под ред. С.М. Кравчинского-Степняка (до его гибели в 1895 г.) и Ф.В. Волховского. В.И. Засулич имела в виду общество, в которое входили как русские эмигранты-народники, так и сочувствующие делу русской революции англичане.

[11] Так в тексте.

[12] Товарищ (*нем.*).

[13] *В связи с крупными экономическими мероприятиями, проводимыми по инициативе министра финансов С.Ю. Витте (1849–1915), и реализуемыми русским правительством большими займами на европейской бирже, в социал-демократической прессе много внимания уделялось финансовому положению русского правительства. «Vorwärts» и «Neue Zeit» посвятили этому вопросу ряд статей. Г.В. Плеханов брошюры на эту тему не написал.*– Прим. Б.И. Николаевского.

[14] Приписано на обороте последнего листа, посередине, между строк.
[15] Заключительные строки приписаны по верхнему полю на первом листе.

217
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1896, конец июня или начало июля[1]
Лондон

Дорогой Павел!

Не знаю, слышали ли Вы, ч[то] я говорила на митинге делегатов всех Тред Унион[ов][2] и соц[иалистических] организаций о Петерб[ургской] стачке и [что] теперь здесь идут сборы. Но это к делу не относится, это я так хвастаюсь в надежде, что похвалите. Жоржа просила похвалить[3], так надо же, – молчит, змея этакая. А к делу относится, что я сегодня получила от «Daily Chronicle» просьбу написать статью о русском рабочем движении (на митинге делегатов б[ыл] ихний корреспондент). О стачке я ничего не знаю кроме как из английских же газет. Надо поэтому писать вообще. Я и бросилась за помощью. Може[4], у Вас какие данные собраны (може[5], для немцев хотели писать), что-ниб[удь] такое в голове, то напишите мгновенно. Ведь очень важно написать как можно интереснее. «Daily Chron[icle]» одна из самых больших и распространенных в мире газет. Раз они сами предложили, то как хорошо напишу и впредь можно будет что-нибудь поместить как понадобится, а у нас такое теперь положение, что нельзя поручиться, что не понадобится сказать то или другое с такой громкой трибуны.

Ваша Вера

Когда же Вас ждать? Крепко всех целую.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44с. Автограф. По верхнему полю 1-го листа рукой неустановленного лица написано «94–95». Публикуется впервые.

Примечания

[1] Написано вскоре после док. 216.
[2] Так в тексте.
[3] См. док. 216.
[4] Так в тексте.
[5] Так в тексте.

218
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец июня – не позднее 26 июля[1]
Лондон
Воскресенье вечером

Милый Жоржик,

получила Ваше письмо[2] из «царства небесного на землю», в котором Вы уже пребываете по предчувствию, что же, скажу от души, что «дай Бог всякому» (кроме Южакова, Кудрина, Волховского и Эвелинга), а Вам тем пуще за стара-

ние и труды. Посылаю Вам запрос, адресованный ко мне. Можно бы, конечно, и без Вашего спросу ответить, что «Mr. Plekhanoff himself will be so kind to speak a few words in French»[3], но уж так и быть. Извольте же либо сами ответить и написать мне, что ответили, либо написать, чтобы я ответила[4]. А на «монстре»[5]-то этом будет народа не меньше, как с ½ миллиона. В этом году не было митинга в воскресенье после 1 мая с тем, чтобы перенести его на канун конгресса.

А что Вы мне ни слова не заикнетесь о судьбе «скотинки»?[6] Вы скажете: «Вот носится со своей скотиной, как дурак с писаной торбой». Ах, Господи! У иных родителей, если имеют дюжины две детей, так путают их между собой и даже имена их забывают. С моим дедушкой так было. Ну, а у кого детей самая малость, те интересуются их судьбой.

Проявился тут Алексей Михайл[ович][7]. Я ему, конечно, была рада. Рассказал разные интересные вещи о прошлом лете[8], которое у вас было очень оживленное, оказывается. А письма Маркса[9] и не подумаю посылать. Приедете, прочтете. Не Бог уж знает, как интересны, хотя все же.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487. 44. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 183–184. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о предстоящей манифестации в Гайд-парке накануне открытия Лондонского конгресса II Интернационала. Запрос, о котором идет речь в письме, есть, вероятно, запрос о выступлении Г.В. Плеханова на конгрессе. «Монстр» – митинг, подготовка к которому шла до начала работы конгресса), его можно датировать июнем, не позднее 26 июля 1896 г. В первой публикации дата написания письма не содержит указание месяца.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] Г-н Плеханов будет настолько любезен, что произнесет несколько слов по-французски (*англ.*)

[4] Митинг, о котором пишет В.И. Засулич, состоялся в воскресенье, 26 июля, накануне открытия Лондонского конгресса II Интернационала. О том, как прошла эта грандиозная «манифестация мира» см.: «Листок "Работника"». 1896. № 2 (Декабрь). С. 9. Г.В. Плеханов на этом митинге выступил с речью (Justice. 1896. 25 Aug.)

[5] От фр. слова monstre – громадный, многолюдный. Так В.И. Засулич называла большие митинги.

[6] Так Вера Ивановна называла свою статью. Речь идет все о той же статье «листа в два», история публикации которой в вышеназванной книге изложена в предыдущих док. В.И. Засулич отправила ее в Швейцарию в конце мая – начале июня 1896 г.

[7] Имеется в виду Алексей Михайлович Воден.

[8] Летом 1895 г. в Швейцарии состоялось знакомство Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода с В.И. Лениным, в ходе которого была достигнута договоренность об установлении постоянных связей и издании за границей сборника «Работник». Летом 1895 г А.М. Воден дважды встречался с В.И. Лениным, был непосредственным свидетелем спора, разгоревшегося между Плехановым и Лениным по вопросу о феодализме в России (Летописи марксизма. 1927. № 3. С. 75. Прим. 1).

[9] Вероятно, речь идет о переписке К. Маркса с Н.Ф. Даниельсоном, предоставленной В.И. Засулич Э. Эвелинг.

219
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, конец июня – июль[1]
Женева

Дорогой Павел,

забыл написать тебе нечто очень важное. «Arbeiter Zeitung»[2] объявила, что у нее есть вполне надежный петербургский адрес (для пересылки денег стачечникам)[3]. Между тем я знаю из совершенно достоверного источника[4], петербургский «Союз борьбы»[5] и т.д. в Вену пока еще не обращался. Так вот, желательно бы знать, с кем имеет дело Адлер: как бы его не надули. Напиши ты ему эти Bedenken[6], но в дипломатической форме. У нас в Берлине есть геноссе[7], который может переслать деньги по адресу, действительно верному[8]. Но, повторяю, дело это тонкое и сделать его надо дипломатически. Что у «Союза» (петербургского) с Веной сношений нет, это я говорю не наобум, а имею для этого данные. Итак, придумай, как выведать у Адлера и как предупредить его, чтобы был осторожнее, не внося кутерьмы в дело, и не поставить в затруднительное положение человека, может быть и верного, который ведет дело с Адлером. Тут ума надо!

Твой

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.42. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 150–151. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по первым строкам письма. См. прим. 3.

2 См.: «Wiener Arbeiter Zeitung».

3 *К петербургской стачке венская «Arbeiter Zeitung» присматривалась очень внимательно; в № от 26. VI. 1896 г. помещена статья, в которой говорилось, что стачка является «событием исторического значения» и что она «открывает новый период в развитии России». «Промышленный пролетариат России, – читаем мы дальше в этой статье, – впервые выходит на арену с особыми, самостоятельными требованиями и целями, впервые планомерным сознательным образом ведет широким слоем борьбу за заработную плату. Тем самым русское социалистическое движение из области политической теории выступает на почву практической классовой борьбы, и результаты этого события для России не заставят себя ждать». От имени петербургского «Союза борьбы» эта статья обращается к рабочим Австрии с призывом о помощи, причем редакция от себя прибавляет, что она «в состоянии собранные деньги переслать в Россию по верному адресу».*

В Вене в то время жили П.Ф. Теплов, В.Д. Перазич и некоторые другие русские с.-д. Перазич как раз в это время собирался ехать в Россию для нелегальной работы (см. его воспоминания в № 2–3 «Красной летописи», с. 103). Весьма вероятно, что связи с Россией устанавливались через него. Отчет о сборах «Arbeiter Zeitung» напечатан в № 3–4 «Работника» (отдел II, с. 208).– Прим. Б.И. Николаевского.

4 *Как предполагает П.Б. Аксельрод, этим «достоверным источником», по всей вероятности, был А.Н. Потресов, который в это время уже был в Швейцарии.*– Прим. Б.И. Николаевского.

5 Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – марксистская социал-демократическая организация, созданная в Петербурге осенью 1895 г. Среди его организаторов были В.И.Ленин, Ю.О.Мартов, Г.М.Кржижановский, В.В.Старков, А.Л. Малченко, А.А. Ванеев, П.К. Запоржец, Н.К.Крупская, А.А. Якубова, З.П. Невзорова, И.Г. Смидович, И.В.Бабушкин и др. Объединив все марксистские рабочие кружки Петербурга, «Союз» стал общегородской социал-демократимческой организацией, опирающейся на рабочее движение. В 1898 г. петербургский «Союз борьбы» вместе с московским, киевским и екатеринославским «Союзами борьбы» участвовал в подготовке и работе I съезда РСДРП.

[6] Сомнения (*нем.*).
[7] Товарищ (*нем.*).
[8] *О ком идет речь – установить не удалось; но несомненно, что не о В.А. Бухгольце, тогдашнем берлинском представителе «Союза русских с.-д.»: его имя Г.В. Плеханов не стал бы конспирировать; возможно, что «в Берлине» Г.В. Плеханов вообще вставил из конспирации (недаром эти слова подчеркнуты), а в виду имел А.Н. Потресова.*– Прим. Б.И. Николаевского.

220
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, 1 июля[1]
Женева

Дорогой Павел!

Пересылаю тебе письмо Веры, из которого ты увидишь, что англичане всей душой готовы поддерживать русских рабочих[2]. Что касается немцев, то я уже писал Либкнехту на тему о помощи нашим стачечникам. В ответ получил уверение: «Сделаем все, что можем». И вот что они «смогли» сделать! Что они тут поступили не очень по-товарищески, это ясно, но теперь уже дела не поправишь[3]. Хорошо хоть, что англичане не выдали. А когда ты думаешь ехать на конгресс?[4] И как? Ведь из России теперь, ввиду стачки, денег на поездку не получишь, а между тем твое присутствие на конгрессе необходимо. Напиши об этом поскорее.

Привет всем твоим.

Твой

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.37. Л. 1 – 2.
Автограф. При письме конверт с почтовым штемпелем отправления «1.VII.96». Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 145–150; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2. С. 302.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.
[2] Речь идет о знаменитой стачке петербургских рабочих летом 1896 г. (см. док 208).
[3] *Отношение «Vorwärts'а» к стачке 1896 г. представляет большой интерес для истории отношений европейских социалистов к русскому революционному движению. Впервые «Vorwärts» о стачке высказался в № от 27.06.1896 г.; в этом номере помещена большая и интересная корреспонденция о петербургских событиях (мы едва ли ошибемся, если выскажем предположение, что она была составлена А.Н. Потресовым, как раз около этого времени приехавшим в Швейцарию); эта корреспонденция кончалась словами: «Старый «нигилизм» – мертв; мощное, действительно современное рабочее движение стоит ныне вместо него на авансцене пролетарской жизни в России».*
К этой корреспонденции редакция «Vorwärts'а» сделала от себя следующее примечание: «Предшествующий отчет доставлен нам из надежного источника. Значение происходящего в Петербурге и вообще в России бросается в глаза. Петербургское выступление (Ausstand) является первой большой стачкой фабричных рабочих в подлинной России, так как Лодзь, где стачки бывали уже и раньше, является более или менее «иностранным городом».
В то время как опубликованное нами вчера сообщение русских студентов свидетельствует, что цвет русского студенчества, на основе принципов международного социализма, выступает против царизма и шовинизма, – сегодняшний отчет из Петербурга показывает нам, что в русском рабочем классе классовое самосознание начинает прорываться наружу.
Больше нет сомнений: после долгой, полной героизма работы пионеров, после невероятных усилий и жертв наконец пробита брешь, и социализм завоевал также и «святую Русь». Петер-

бургские события свидетельствуют о победном проникновении социализма в массы; и спокойное, сознательное поведение бастующих, равно как и выставленные ими требования являются свидетельством того, что петербургские ткачи и прядильщики, как передовые борцы рабочего класса, поняли необходимость борьбе за освобождение русского народа придать формы современного рабочего движения. Главная заслуга в этом деле должна быть приписана петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» («dem Verein für den Kampf um die Befreiung der arbeiten den Klasse in St. Petersburg»), который неутомимо работает над делом распространения основ социализма в России.
Мы желаем петербургским товарищам дальнейших успехов на их полном трудностей пути и можем их уверить, что германские с.-д. с братскими симпатиями следят за проникновением социалистического учения в Россию. Организованные рабочие массы Германии чувствуют себя вместе с петербургскими рабочими, которые, вопреки кнуту царизма, гордо и мужественно, под знаменем международного социализма, подняли борьбу против угнетения».
Для понимания этого примечания очень важна ссылка на «напечатанное вчера» письмо русских студентов; это было письмо группы студентов петербургского Лесного института, которые протестовали против поступка студентов нансийской Лесной школы, приславших приветственную телеграмму по случаю коронации царя. Письмо написано с большим достоинством и само по себе интересно, но, конечно, поставить его на один уровень со стачкой 1896 г. можно только сильно недооценивая значение последней и, наоборот, очень переоценивая значение студенческих движений. Этими обоими недостатками редактор «Vorwärts'a» В. Либкнехт действительно страдал; Аксельрод вспоминает относящийся к несколько более позднему времени эпизод, когда Либкнехт так прямо и заявил, что рабочие стачки – это метод борьбы, который для России еще не подходит, что студенческие волнения для нее имеют большое значение.
И только этой недооценкой русского и международного значения стачки 1896 г. можно объяснить примечание, которое редакция «Vorwärts'a» сделала на следующий день, 28.06.1896 г., к напечатанному ею воззванию русских с.-д. о помощи петербургским стачечникам; вот это примечание полностью:
«Нужна скорая помощь. Мы сочли своим долгом опубликовать напечатанное выше воззвание, хотя мы должны себе сказать, что результаты едва ли будут соответствовать возлагаемым на него надеждам. Большие группы немецких рабочих принуждены были в течение последних месяцев вести тяжелую борьбу за улучшение их жизненного уровня и должны теперь нести тяжелые жертвы. Тяжелые жертвы предстоят им и впереди, потому что необходимо поддержать многих мужчин и женщин, которые в результате этой борьбы оказались без работы. Если же кто-нибудь, несмотря на все это, имеет свободную лепту для борющихся русских братьев, он может прислать ее в экспедицию "Vorwärts'a"».
Фактически это примечание было приглашением воздержаться от пожертвований и понятно, что оно вызвало горькую реплику Г.В. Плеханова в комментируемом нами его письме к П.Б. Аксельроду. Не удивительно также, что сборы на петербургских стачечников в Германии дали очень мало, – в цитированном отчете петербургского «Союза борьбы» значатся поступившими «от немецких рабочих» 208 руб. 50 к. и «из Берлина» – 120 руб. 40 к. (последняя сумма, по-видимому, – сборы среди русских).– Прим. Б.И. Николаевского.
[4] Международный социалистический конгресс в Лондоне.

221
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, около 21 июля[1]
Женева

Дорогой Павел,

приехать мне в Ольтен или куда бы то ни было около Цюриха невозможно: у меня на это нет ни денег, ни времени, ни, так сказать, полицейской возможности. Не забывай, что мне надо ехать особым способом; после поездки в Ольтен мне пришлось опять кружить по Швейцарии в видах полицейской дезин-

фекции. Гельфонда мне очень хотелось бы видеть, но, если он поедет от немцев в Лондон, то увидимся там. Говорю от немцев, потому что, как я думаю, у нас не сварится с ним пиво. Во-первых, как можем мы успеть теперь списаться с Россией? Это физически невозможно. Во-вторых, ведь я уже писал насчет Гельфонда в Россию; из России (из двух мест: из Нижнего Новгорода[2] и из Петербурга) получил ответ: согласны иметь Гельфонда делегатом и просим его принять мандат. Чего же больше? Имя его, действительно, еще не вписано в мандат, но именно потому и не вписано, что боялись затруднений, которые возникли бы в том случае, если бы...[3]

[4]Скажи Бончу[5], что я по горло занят разной возней. Пусть подождет ответа дня два.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.38. Л. 1.
Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 144. Публикуется
по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании примечания в «Переписке Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода», в котором указывалось: «*Данное и следующее письма сохранились оба в одном почтовом конверте с почтовым штемпелем: «Ambulant, 21.VII.1896»*».

[2] *В Нижнем Новгороде в то время вела работу с.-д. группа А.С. Розанова, М.П. Григорьева, А.А. Кузнецова и др.; связь с этой организацией у группы «Освобождение труда» была через А.А. Кузнецова, который бывал за границей и был лично знаком с членами Группы.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] На этом текст обрывается.

[4] Последнее предложение приписано по верхнему полю листа.

[5] В.Д. Бонч-Бруевич.

222
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, 21 июля
Ambulant[1]

Дорогой Павел,

я удивляюсь, что от тебя нет до сих пор ответа на мое письмо, в котором я допрашивал тебя насчет Гельфонда[2]. Что же он? Решил ли он ехать на конгресс? или нет? Я просил у тебя немедленного ответа, но ты, вместо ответа, прислал телеграмму, в которой говоришь, что выезжаешь, если я ничего против этого не имею. Или ты не получил моего письма? А если получил, то что же вы все со мною делаете? Ведь я не знаю, как распределить мандаты, не знаю, посылать ли деньги на проезд Гельфонда. Ради бога, сообщи мне телеграммой и немедленно, по получении этого письма, на чем вы порешили с Гельфондом.

Сегодня тебе посылается доклад (раньше был послан Anhang[3]). Кто прокорректирует его в Цюрихе? Кто отправит напечатанный доклад в Лондон?[4] Обо всем этом надо было написать, а ты хочешь ехать. В Лондон (на имя Бернштейна?)[5] надо будет послать экземпляров 400–500 доклада. Кто это сделает? Ради бога, сообщи. Прилагаемую же записку передай, пожалуйста, Бонч-Бруевичу.

Привет всем Вашим. До свиданья.

Твой Г. П[леханов]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.39. Л. 1–2. Автограф. При письме коверт с почтовым штемпелем отправления: «21.VII.96». Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 144–145; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2. М., 1973. С. 299. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[2] См. док. 220.

[3] Приложение (*нем.*).

[4] *Речь идет о докладе, вышедшем осенью 1896 г. и на русском языке под заглавием «Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г.». «Anhang» – напечатанная в виде приложения к этому докладу статья П.Б. Струве «Аграрный вопрос и социал-демократия в России». Средства для издания «Доклада» на немецком языке (330 фр.) были присланы петербургским «Союзом борьбы».*

[5] Адрес Э. Бернштейна, жившего тогда в Лондоне, был официальным адресом для сношений с «Союзом русских социал-демократов» и В.И. Засулич. См.: Работник. № 1–2. Отд. II. С. 108.

223
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1896, июль[1]
Лондон

[2]Перевод вотированной на митинге резолюции:

«Собравшиеся на этом митинге радостно приветствуют пробуждение классового самосознания русских рабочих масс. Вполне оценивая всю громадную тяжесть тех условий, при которых совершается прогрессивное движение в России, они тем не менее шлют рабочим этой страны настойчивый призыв[3] (сам, Павел, выберите, какое слово лучше, все 3 подходят к слову «urges»[4]) продолжить их доблестную[5] (noble[6]) борьбу за политическую свободу России и экономическое освобождение своего класса».

Присутствовало на митинге не меньше 700 чел[овек] и не больше 1000. Очень оживленный и удачный митинг. Резолюция хорошая, не правда ли? Меня несколько человек спрашивали, дойдет ли она до рабочих в Россию. Я уверяла, что дойдет. Как я Вам намедни писала, митинг б[ыл] чисто социал-дем[ократический]. Вся редакция Justi[ce] в бюро была.

Како[7] речь моя? Речь ровно никуда не годится, конечно. Я спрашивала Вас «подтвердить или опровергнуть». Все это относительно размеров движения. Мне самой они теперь только показались так велики.

В предпоследнем письме Вы писали о моем приезде на 1 ½ месяца. В последнем[8] говорите о том, чтобы «погодить». Я твердо решила бежать отсюда в Цюрих, но не годить, а жить пока не выгонит полиция. Думаете ли Вы, что она меня там скоро выгонит? Или это мысль о «сборах» заставляет Вас предполагать, что я не долго могу оставаться в Цюрихе? Я должна сознаться, хотя знаю, что можно меня отругать за это, что именно ужас пред мыслью, что я опять буду бесплодно «собирать», заставляет меня бежать из Лондона. Я буду

бесплодно здесь мучаться и ничего не подею[9]. Соц[иал]-дем[ократы] и без меня бы устраивали митинги и собирали бы, и в другой раз с них не возьмешь. Их и числом-то меньше, и бедны как русские «Союзы»[10]. Томсон[11] дал потому, что меня еще не успели тогда пред ним оклеветать, теперь бы уже не дал. Фондисты[12] борются за свое «экономическое». Ваш совет заводить личные знакомства сам по себе очень хорош, но как их заводить, тех знакомых. Я могу знакомиться только с соц[иал]-дем[ократами] да, пожалуй, парой фабианц[ев][13] (это ученое общество из рабочих, но денег у них нету). Мужчина может знакомиться в клубах, в клуб легко проскользнуть, имея хоть одного в нем знакомого, но женщин в клубах не бывает. А, впрочем, другой человек все бы сделал, может быть, но я не гожусь на это – как, впрочем, и ни на что другое. А знаете ли, что все мои работы (Руссо и 2 статьи) «сгорели»[14], не существуют больше, как будто я ничего и не писала. Больше 2-х лет работы. Не везет мне на связи.

Пока я не решила окончательно, что уеду и больше собирать не стану. Я только мучалась с утра до ночи и была больна, очевидно, от нервности (хотя градусник показывал сильно повышенную температуру). Так как только что я решила: «Пускай это подло будет, а все же собирать не стану», – так мне стало лучше. Теперь я напролет с утра до ночи в музее[15] знакомлюсь с [...][16]. Об нем только и есть, что первый материалист (журналы, газеты того времени), больше уже нигде не познакомишься. Зачем мне это, я и сама не знаю. У меня руки опустились и насчет писания. Пропало столько работы. И все мысли, что у меня только были, все туда поместила. Не чувствую энергии снова пробиваться в «писатели». Я устыдилась Вашего предположения, что мое неоконченное письмо намекает не мое беспокойство о движении. Есть и это... Но все-таки Вы лучшего мнения обо мне, чем я есть. Дальше в неоконченном письме говорила я, что, несмотря на мое больное[17] мнение о движении, я себя самое никогда еще, конечно, не чувствовала так безнадежно пропащей[18].

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44c. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Очевидно, написано по просьбе Аксельрода, ответившего на ее письмо от конца июня (док. 217).
[2] Начало письма отсутствует.
[3] Выше и ниже строки написаны слова «поощрение» и «просьба».
[4] Побуждение, толчок, подгонять (*англ.*).
[5] Выше и ниже строки написаны слова «славную» и «благородную».
[6] Три варианта перевода с англ. указаны автором письма.
[7] Так в тексте.
[8] Письма П.Б. Аксельрода не разысканы.
[9] Так в тексте.
[10] «Союзы» – Союзы борьбы за освобождение рабочего класса.
[11] Правильно – Томпсон.
[12] Деятели Фонда Вольной русской прессы.
[13] «Фабианское общество» (Fabian Society) – реформистская организация в Великобритании. Основано в 1884. В состав общества вошли преимущественно представители буржуазной интеллигенции (в их числе Д.Б. Шоу, С. и Б. Вебб, Г. Уэллс и др.). Организаторы назвали его по имени римского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлительного), известного выжидательной, медлительной тактикой в борьбе с Ганнибалом. Считая социализм неизбежным результатом экономического развития, фабианцы признавали лишь эволюционный путь развития, отрицали революцию («социальные катаклизмы»). Они выступали против классовой борьбы проле-

тариата, создания им самостоятельной политической партии. Широкое распространение в английском рабочем классе требований независимой рабочей политики привело к тому, что фабианцы поддержали создание Независимой рабочей партии (1893) и Лейбористской партии (1900, до 1906 – Комитет рабочего представительства), в которую общество вошло, сохранив свою организацию. В Лейбористской партии «Фабианское общество» вплоть до настоящего времени играет роль идеологического центра, разрабатывающего программные и тактические основы лейборизма.

[14] «Сгорели» – конфискованы при арестах в Петербурге. Сведения В.И. Засулич оказались не верными.

[15] Библиотеке Британского музея.

[16] Имя не разобрано.

[17] Так в тексте.

[18] Возможно, отсутствует конец письма, а может быть, и нет. Во всяком случае, подписи нет.

224

С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1896, 5 августа
Нью-Йорк[1]

Дорогой Павел Борисович!

Когда я пишу эти строки, Вы, вероятно, отчасти уже оправившись от сильных впечатлений конгресса и «крупных» бесед с русскими по поводу русских дел, собираетесь в дорогу[2]. Не сомневаюсь, что мое письмо застанет Вас уже в Цюрихе. Я не сомневался в том, что занятые конгрессом и собственной конференцией, Вы едва ли вспомните обо мне. Я не переставал думать все время о Вас и о том, что все Вы делаете в Лондоне. Хотя я и раньше со времени приезда в N[ew] Y[ork] чувствовал себя оторванным от России, от всех Вас и подчас эта неудовлетворенность чувства превращалась в чувство самой острой тоски. Но никогда тоска не достигала такой интенсивности, как в настоящее время. Знать, что Россия самым серьезным образом собирается зажить жизнью «цивилизованных наций», знать, что благодаря этому, Вы завалены работой все больше и больше из области «слова», должны переходить к «делу», знать все это и не быть в состоянии вместе с Вами переживать и перечувствовать этот интересный момент в истории русс[кого] соц[иалистического] движения – это, согласитесь, нелегко. Здесь у меня даже не с кем поговорить о России, поделиться впечатлениями.

Вы мне когда-то писали, что, по-видимому, еврейское движение меня всецело поглотило, умозаключая к этому, вероятно, из того, что я так мало делаю для Вас. Еврейские же Genoss'ы крайне недружелюбно относятся ко мне, видя, что я не все свое время и не все свои силы отдаю им, что я более интересуюсь нашим рус[ским] соц[иалистическим] общ[еством] и всем, что относится к России, чем здешним евр[ейским] движением. Словом, я занимаю очень сложное положение. От своих не отстал, к другим не пристал; и тем и другим очень мало полезен. Но об этом когда-ниб[удь] после.

Я читал отчет о Лондонском конгрессе и душа радовалась за Вас, представителей русского пролетариата. Пускай себе «шумят» наши Jungen genosse[3], движение в России от этого не ослабить и наши успехи очень от этого не уменьшатся. Проиграть лишь могут они, для которых мания самолюбования даже теперь ввиду такого оживления в России мешает им отделаться от глупого игра-

ния в оппозицию и якобы самостоятельность. Меня лишь удивляет, что Вы, дорогой П[авел] Бор[исович], еще иск[лючительно] близко принимаете к сердцу эту «узколобость» der Jungen[4]. Меня больше интересует вопрос, каковы Ваши отношения к «Общ[еству] борьбы за освобождение рабочего класса»[5]. Молодцы, да и только! Просто диву даешься, откуда эти люди, эта энергия, этот опыт – откуда все это? Хорошо работают и, вероятно, мало интересуются Jungen – а это главное! И Волгин молодец[6]. Наконец удалось мне достать его. Хорошо бьет, не хуже Бельтова[7]. И что только осталось от Воронцова? Разве ответ его Волгину? И какими «пылкими» словами отчитывает Бельтова в своем возражении последнему. Я чуть не расплакался, читая их. Вот, они наши богатыри! А теперь за кем очередь? Неужели Ник-он еще долго будет почивать на своем самобытно-народническом марксизме-утопизме?

Дорогой Павел Борисович! Отчего Вы нас так обижаете брошюрами? Я уже 2 раза просил выслать нам брошюры. Меня уже чуть не заели здесь. Все требуют брошюр, все требуют «Работник», а откуда мне их взять? Можно будет много здесь продать и продавать. Вышлите теперь и высылайте вообще систематически тотчас же по выходе всякой брошюры, а мы будем так же систематически и правильно высылать деньги. Мы теперь правильно организовали здесь дело, а Вы как на грех не высылаете нам литературы. Мы устроили пикник, надеясь собрать для Вас деньги, но погода нам помешала, и мы должны 50 дол. Вскоре что-ниб[удь] иное устроим и соберем деньги. По местам собрали несколько долл., которые секретарь Вам скоро вышлет. Прилагаю при сем два произведения лит[ератур]ы нашего доморощенного поэта соц[иал-]дем[ократа]: 1-ое (Рус[ским] раб[очим]), написанное как привет немцев рус[ским] рабочим, оно слабовато хотя, но в оригинале оно куда слабее; второе – пародия и, как мне кажется, довольно недурно составлено. Если редакция «Работника» имеет склонность к поэзии, поместите (оба или какое-ниб[удь] из них), если, конечно, Вы находите их достойными этой чести. Столешников – автор, старый революционер, бывший друг и, если не ошибаюсь, сотрудник Ткачева, сделавшийся уже давно адепт[ом] соц[иал]-дем[ократов], теперь член нашего Общества. Заметку об еврейском движении в Ам[ерике] начал писать, через недельку или две отправлю Вам. Может быть, еще подоспеет к выходу следующей книжки «Раб[отника]». Устал писать. В другой раз договорю, чего не успел договорить теперь. Мне очень интересно было бы знать Ваше мнение о польском движ[ении] и [...[8]] Лукс.[8] с [...[10]]. Я тут говорил с Дольским. Он хотя прикрывается авторитетом Плех[анова], но во многом я с ним не могу согласиться и думаю, что относительно Пл[еханова] он отчасти хвастун. Здесь он многое перепутал, смешал рабочих с патриотами и это – якобы тактика теперешней польской соц[иал-]дем[ократической] партии. Странно! Но об этом в другой раз.

[11]Не забудьте насчет книжек!! Пишите подробно обо всем. Не медлите ответом. Кланяйтесь всем, кому кланяться надлежит!

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22a – I / 5. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка автора письма.

[2] Речь идет о прошедшем в Лондоне Международном конгрессе и совещаниях («конференция», о которой идет речь ниже), которые шли во время него среди русской делегации.

[3] Молодые товарищи (*нем.*). Имеются в виду члены «Союза русских социал-демократов за границей».
[4] Молодежь (*нем.*). См.: прим 3.
[5] Имеется в виду «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».
[6] Речь идет о книге: *Волгин А. [Плеханов Г.В.].* Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.). Критический этюд. СПб., 1896.
[7] Речь идет о книге: *Бельтов Н. [Плеханов Г.В.].* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю: Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. СПб., 1895.
[8] Одно слово не разобрано.
[9] Фамилия полностью не восстановлена.
[10] Одно слово не разобрано.
[11] Написано по верхнему полю 1-го листа.

225
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1896, середина августа
Истборн [2]

Сейчас, как видишь по штемпелю[3], я не в Лондоне. Здесь я уж 2 недели. Перед этим в Лондоне было чрезвычайно многолюдно[4], для меня т.е., а то в нем и всегда больше 5 млн. жит[елей][5], но я-то очень мало кого видала. Я с большим нетерпением этого ждала, но, вероятно, предыдущее отшельничество и усиленная, хотя и не особенно результативная работа сделали то, что у меня явилось сильное нервное расстройство, к[о]т[о]рого я не замечала, пока находилась в привычной обстановке, а тут сразу сказалось бессонницей, чрезвычайным волнением, насилу сдерживаемым желанием плакать без всякого удобного повода, т[ак] к[ак] удобных-то нету. Наоборот, скорее масса общих поводов в восторг приходить. Мож[ет] б[ыть], удастся устроить, чтобы тебе посылать книги, о к[о]т[о]рых ты жалуешься, что поздно узнаешь о выходе[6]. Мне кажется, однако, что тебе в ложном свете представляется положение этих книг, – их вышло всего три[7]; оно более шатко, чем ты думаешь. Писать большой «вклад», как ты предлагаешь, именно теперь для Ж[оржа] не время, было – в 80-х гг., да и то не написал, хотя для его здоровья было бы, конечно, лучше, не спеша работать, – он очень надорвался.

Постараюсь не сидеть так подолгу здесь одной, вредно это и для ума, не только для нервов. А я-то думала, что совсем привыкла! Не пишется теперь о смерти Тамары. В другой раз постараюсь. Ученой я не стала. В.В. притворяется негодующим на раскрытие псевдонима: он б[ыл] раскрыт[8]. Пропажа наших писем, думаю, вовсе не случайность.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 770. АД. 1 / 24.41. Л. 2 об.
Копия рукой Л.Г. Дейча с его позднейшими пометами. Опубл.:
Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 254–255.
Публикуется по копии Л.Г. Дейча.

Примечания

[1] Текст публикуемого письма В.И. Засулич приведен Л.Г. Дейчем в его письме к Я.В. Стефановичу от 1 декабря 1896 г. Публикуемому тексту предшествует следующее замечание Дейча: «*Сравнительно недавно получил от Веры небольшое письмо. Привожу его целиком*».
[2] Датируется на основании упоминания о пребывании В.И. Засулич в течение двух недель в Истборне.

[3] Далее уточнение в скобках: (на англ. «Eastbourn») принадлежит, по-видимому, Л.Г. Дейчу. После завершения Лондонского конгресса (1 августа 1896 г.) В.И. Засулич вместе с Г.В. и Р.М. Плехановыми, П.Б. Аксельродом, А.Н. Потресовым и П.Б. Струве провела некоторое время на взморье, в Истборне.

[4] Речь идет о конгрессе II Интернационала, проходившем в Лондоне с 27 июля по 1 августа 1896 г. На него прибыли более 700 делегатов, но мандатная комиссия признала действительными мандаты 589 делегатов, представлявших 20 стран. Полномочия части делегатов, преимущественно анархистов, были признаны недействительными.

[5] В 1894 г. в Лондоне проживало около 4 млн. 350 тыс. чел.

[6] Письма Л.Г. Дейча не обнаружены.

[7] Вероятно, имеются в виду, вышедшие легально книги П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) и Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895. Под псевд. Н. Бельтов), «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.): Критический этюд» (1896. Под псевд. А. Волгин).

[8] В названии последней из указанных в предыдущем примечании книг.

226

П.Б. Аксельорд – Р.М. Плехановой

1896, 21 августа
Цюрих[1]

Дорогая Розалия Марковна!

Меня просили рекомендовать Вашему покровительству перед раввином[2] одного молодого человека, Вульфсона[3]. Если он на Вас произведет благоприятное внечатление, помогите ему добрым словом.

Получили ли Вы от Ж[оржа] письмо? При моем отъезде он чувствовал себя недурно[4]. Как Вы себя чувствуете после Лондона?[5]

Привет Вам от нас всех.

Ваш Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 152. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется, вероятно, по штемпелю почтовой карты.

[2] *Вертгеймер – женевский раввин и председатель женевского отделения «Alliance Israelit».* – Прим. Б.И. Николаевского.
Николаевский характеризует его как человека гуманного и культурного. Он был знаком со многими русскими эмигрантами, в том числе с Аксельродами и Плехановыми, по мере возможности советом и делом помогал нуждающимся, причем считался с рекомендациями старых эмигрантов.
«Альянс израэлит» (Alliance Israélite Universelle) – основанный в 1860 г. в Париже союз, вызвавший создание таких же союзов в Англии и Австро-Венгрии и имевший своей целью содействие в уравнении прав еврейского населения, помощь нуждающимся евреям.

[3] *Собрать какие-либо сведения о Вульфсоне нам не удалось.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *Это письмо написано П.Б. Аксельродом вскоре после возвращения из Лондона с международного социалистического конгресса. В период работ этого конгресса Г.В. Плеханов сильно простудился во время грандиозного митинга в Гайд-парке, который был разогнан небывалым, по словам англичан, ливнем. Эта простуда вызвала у Плеханова обострение легочного процесса, от которого он долго не мог оправиться и лечился в Нерви (французская Ривьера).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] Р.М. Боград-Плеханова участвовала в работе Лондонского конгресса в качетве делегата от Иваново-Вознесенска.

227
П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич[1]

1896, конец августа[2]
Цюрих

Дорогая Вера!

Только что получил Ваше письмо. Жаль, что Вы мне не написали в предыдущем письме[3], что Вы уезжаете в Лондон[4]. Я послал Вам на старый адрес заказное письмо[5] и отчет Кольцова о конгрессе – на внимательный пересмотр Вам и другим, т[ак] к[ак] это было условлено между нами. А К[ольцов], ссылаясь на «доверие» Ваше «ко мне», настаивал письменно на том, чтобы я не посылал, – чтобы не замедлить выхода в свет. Я лично прямо испытываю чувство обиды, что от всей делегации и будет такой отчет[6]. Но делать нечего, – если Вы, Ж[орж] и Беленький[7] одобрите, – примирюсь и с этой неприятностью. Не столь уступчив я буду в другом деле. Но прежде о Вашем горе. Что я готов mit Rat und Tat[8] Вам beistehen[9], это Вы и сами знаете. Только беда в том, что у меня не будет возможности читать Вашу переписку с Волх[овским] и К° [10]. Мне, между прочим, вот что пришло в голову. Не предложить ли Питерскому «Союзу», чтобы он прислал в «V[orwärts»], «A[rbeiter] Z[eitung]»[11], «Petite Rép[ublique]» и англ[ийские] газеты мотивированное заявление солидарности с нашим поведением? Если да, то сделайте это поскорее – ведь у Вас есть возможность к тому. А затем скажу, ей-богу, у Вас есть достаточно ехидства в запасе, чтобы справиться с ними. Вот мне пришлось бы действительно плохо[12], т[ак] к[ак] хоть злости у меня достаточно против врагов, да литературно выразить ее нет у меня.

Вы помните, как на нашей частной конференции по вопросу о редакции Ж[орж] заявил, между прочим, что рукописи Кольц[ова] о машине (окончание)[13] он не читал и предоставляет мне делать с нею, что мне угодно. Вдруг эта самая статья появилась как брошюра, как издание «Союза», редакцией которого считается «Группа». Удовлетворительна или неудовлетворительна брошюра, – это особый вопрос, но по уставу (§ 11)[14] она должна была быть проредактирована кем-нибудь из нас. Стало быть, поступок К[ольцова] и К° является своего рода coup d'état[15] или прецедентом для coup d'état. Я никоим образом не согласен играть роль d'un dupe[16] в такой интриганской игре и думаю, что Вам и Ж[оржу], хотя и менее лично непосредственно затрагиваемым подобным поведением наших птенчиков, также не следует пассивно относиться к этому. Вы и Ж[орж] должны бы К[ольцову] и К° заявить категорически свой протест и требование впредь ничего не выпускать в свет без моей санкции или кого-нибудь из нас. Что касается до меня, то я только в таком случае останусь членом «Союза» и редактором (т.е. представителем группы) его изданий.

Милая, дорогая Вера! Я умоляю Вас войти в мое положение и понять, что мне иначе нельзя поступить. Вы не можете себе представить, сколько времени отнимает у меня переписка и всякая возня по делам «Союза»*. И неужели все это мне проделывать в качестве нуля и пешки для того, чтобы господа разные поскорее...

* С тех пор, как я приехал, все время, свободное от кефира, уходит на это.

Будь теперь здесь Яков и Аня[17], я бы удрал на полгода в Лондон, чтобы только освободиться от этой нравственно и умственно убивающей меня атмосферы. Итак, я с величайшей радостью распрощаюсь с «Союзом», с редакторством и т.д. – у меня в голове и в душе несравненно более привлекательные литературные проекты, чем работы по делам «Союза». Но я не считаю себя вправе распоряжаться по своему произволу своим временем до тех пор, пока Ж[орж] или Вы будете редактировать издания – или же я, в качестве представителя группы. Спишитесь же с Ж[оржем] и сообщите мне решение. Одновременно я пишу Кольц[ову], что, пока для меня не выяснится вопрос о самовольном выпуске брошюры и отношение моих товарищей к этому, я не стану возиться с разными его литературными и администр[ативными] просьбами, поручениями и т.д.

Пожалуйста, Вера, попросите Аню[18], чтобы она поскорее выслала деньги. 125 фр[анков] Райчина истрачены (от него есть теперь[19] письмо), да типографщик требует денег.

Ну, теперь Вы сами видите, что ничего, кроме огорчений и хлопот, моя переписка не приносит. Потому-то я всю зиму и весну так Вас щадил ею. И вот уже больше ¾ года, как я варюсь в котле, порождающем такую переписку.

У меня большая надежда на исцеление от своей нравственной пришибленности и чертовски бесплодной растраты остатков своих умственных силенок, когда распрощаюсь с офиц[иальными] обязанностями по делам «Союза». Имейте это в виду при решении моей Angelegenheit[20].

Где же теперь Ж[орж]?

Не забудьте хоть карту написать Ане относительно присылки денег.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 63f. Автограф. РНБ. АДП.
Ф. 1097. Оп.1. Ед. хр. 891а. Л. 1–3. Машинописная копия
с примечаниями Р.М. Плехановой. Опубл.: Переписка
Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 152–157.
Публикуется. по автографу.

Примечания

[1] Это письмо сохранилось в архиве Г.В. Плеханова, которому оно было переслано В.И. Засулич со следующей припиской: «Посылаю Вам это письмо Павла по его просьбе. Рукопись о конг[рессе] – действительно очень плохая (и Симон [П.Б. Струве] находит это) – уже отослана Павлу обратно. Желательный ему протест против напечатания без его ведома брошюры я не [в машинописной копии вместо «не» напечатано «ему»] послала». Приписка сделана по верхнему полю и частично по началу текста первого листа.

[2] Датируется по содержанию.

[3] Письма В.И. Засулич не обнаружены.

[4] После Лондонского международного конгресса В.И. Засулич, Г.В. и Р.М. Плехановы, П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов и П.Б. Струве некоторое время провели вместе на взморье, в Истборне. Аксельрод и Потресов уехали оттуда раньше других.

[5] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[6] *Отчет, составленный Б.А. Гинсбургом-Кольцовым, был забракован группой «Освобождение труда». В.И. Засулич написала Гинсбургу, что его отчет «слишком длинен и затемнит доклад», представленный делегацией конгрессу, а потому предложила предпослать русскому изданию «Доклада» только то место отчета, где говорится о приеме русской делегации (письмо Гинсбурга к П.Б. Аксельроду); это предложение Засулич и было принято – см. русское издание «Доклада».*

Рукописи составленного Гинсбургом «Отчета» в нашем распоряжении не имеется, но в одном из писем Гинсбурга к Аксельроду имеется проект составленного первым конфиденциального «сообщения» о решениях, принятых русской с.-д. делегацией в Лондоне по русским делам. Это сообщение предполагалось разослать членам «Союза русских с.-д.»; было ли осуществлено

это предположение и если да, то был ли разослан именно тот текст, который составил Гинсбург, – нам не известно; во всяком случае проект Гинсбурга является весьма «важным документом, проливающим некоторый свет на ту сторону работы русской с.-д. делегации в Лондоне, о которой до сих пор в печати никаких сведений не появлялось; приводим поэтому этот документ полностью.

Сообщение.

Принимая во внимание:

– рост рабочего движения в России и необходимостъ его объединения в социал-демократическую партию;

– высказанное русскими товарищами пожелание, чтобы «Союз русских социал-демократов», в который входит группа «Осв[обождение] тр[уда]» и некоторые другие проживающие за границей социал-демократы, являлся единственным заграничным органом русских организованных рабочих;

– и, наконец, стремление небольших интеллигентных кружков к деятельности на свой риск и страх, ведущее к нарушению необходимого единства и развитию инстинктов, вредящих требованиям партийной дисциплины и целесообразной деятельности,

Конференция русских делегатов на Лондонском социалистическом конгрессе постановила, что:

1) русские организации, желающие получать из-за границы необходимую для их агитации и пропаганды литературу, обязуются делать регулярные периодич[еские] взносы в кассу «Союза», позаботиться об устройстве центральных пунктов для сношений с «Союзом» для доставки из-за границы литературы, для ее распределения, для сбора средств и доставки сведений за границу. (С того момента, как эти требования будут выполнены, литература высылается «Союзом» в Россию бесплатно);

2) от времени до времени следует печатать в виде летучих листков краткие отчеты и выдающиеся сведения о делах в России и о рабоч[ем] движении за границей;

3) социал-демокритич[еские] группы и кружки, стоящие вне «Союза», но желающие пользоваться постоянно его услугами, могут рассчитывать на них только в том случае, если порвут всякую связь с лицами и группами, чуждыми социал-демократич[ескому] движению или же стремящимися к обособленной от «Союза» деятельности;

4) секретарь «Союза» является его административным центром;

5) необходимо организовать в ближайшем будущем самостоятельную кассу для помощи арестованным и ссыльным и заведующим кассой избрать В.И. Засулич;

6)следует предложить русским товарищам заняться выработкой общей социал-демократич[еской] программы и оказать им в этом деле посильную помощь;

7) издать доклад делегации конгрессу вместе с кратким обзором конгресса;

8) написать брошюру о последней петербургской стачке.

В виде пояснения к этому документу добавим только, что пункт 3 «сообщения» имеет в виду группу Грозовского. Остальные решения в пояснениях не нуждаются.– Прим. Б.И. Николаевского.

[7] Беленький прозвище, данное П.Б. Струве В.И. Засулич.

[8] И словом, и делом (*нем.*).

[9] Помогать (*нем.*).

[10] *«Переписку с Волховским и К°» В.И. Засулич вела в связи с вопросами организации в Англии сборов в пользу русских стачечников; Засулич, как представительница группы «Освобождение труда», настаивала, чтобы все сборы пересылались стачечникам через петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».*– Прим. Б.И. Николаевского.

[11] См.: «Wiener Arbeiter Zeitung».

[12] В машинописной копии вместо «плохо» напечатано «писать».

[13] Имеется в виду статья Б.А. Гинзбурга «Машина», окончание которой было напечатано в непериодическом сборнике «Работник» (1897. № 3–4.).

[14] *§ 11 устава «Союза русских. с.-д.» гласил: «Все поступившие в комитет запросы, рукописи, материалы, вообще все, относящееся к литературной деятельности Союза, комитет предоставляет в распоряжение и на усмотрение группы «Освобождения труда», на которую исключительно и возлагается выполнение литературных задач и редакция изданий Союза».*– Прим. Б.И. Николаевского.

[15] Переворот (*фр.*).

[16] Одураченного (*фр.*).

[17] Я.М. Кальмансон и А.И. Каминер, которые в 1896 г. переехали из Цюриха на жительство в Болгарию.
[18] А.М. Кулишова.
[19] В машинописной копии вместо «теперь» напечатано «текст».
[20] Дело, вопрос (*нем.*).

228
В.И. Засулич – Р.М. Плехановой

1896, 1 сентября[1]
Лондон
46 Reg[ent]-squ[are]

Дорогая Розалия Марк[овна]!

Будьте так добры, напишите, приехал ли Жорж?

Если Вы приехали, Жорж, напишите, пожалуйста, о Вашем спутнике[2]. Здесь получены известия, из которых видно, что ему грозит полное разорение, предотвратить которое могла бы только остановка в том именно городе, от посещения которого мы его так сильно отговаривали. Там его ждали известия[3]. Как Ваше здоровье?

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф1094. Оп. 2. Ед. хр. 152. В 487. 142. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 174. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Данное письмо в первый раз было опубликовано под датой 1 сентября. Текст письма не дает оснований для установления такой определенной даты. Остается предположить, что при письме существовал конверт, по почтовому штемпелю которого установлена дата написания письма.
[2] Имеется в виду А.Н. Потресов. По завершении Лондонского конгресса II Интернационала (27 июля – 1 августа 1896 г.) П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, А.Н. Потресов и П.Б. Струве провели несколько дней вместе на взморье в Истборне. Некоторое время спустя в среде русской эмиграции появилось не подтвердившееся впоследствии сообщение об аресте А.Н. Потресова.
[3] «Полное разорение» – арест. О каком населенном пункте и каких известиях идет речь, установить не удалось.

229
П.Б. Аксельрод – Р.М. Плехановой

1896, 4 сентября[1]
Цюрих

Розалия Марковна!

Вера Ив[ановна] меня спрашивает[2] о Ж[орже], а я не знаю, где он. Если можно, сообщите, пожалуйста; я, ей-богу, беспокоюсь настолько, что уже заранее простил его за то, что [он] не завернул в Цюрих[3], – если только он благополучно

доехал домой и пребывает у Вас в здоровом и невредимом состоянии. И В[ера] И[вановна] уже беспокоится. Она, кажется, порядочно-таки расхворалась.

Итак, жду от Вас немедленного ответа. Привет Вам и детям от нас всех.

Ваш П. Акс[ельрод]

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61a. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 157–158. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Дата написана рукой неустановленного лица в левом верхнем углу 1-го листа.

2 Письмо В.И. Засулич не разыскано.

3 Г.В. Плеханов, возвращаясь с Международного социалистического конгресса, обещал на пути из Лондона заехать в Цюрих в гости к Аксельродам, но потом выбрал другой маршрут и миновал Цюрих.

230

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, после 4 сентября[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Из прилагаемого письма (стр. 2–3) ты поймешь мою тревогу и нетерпение получитъ от тебя весточку[2]. Одновременно посылаю тебе «Отчет» Кольцова[3], просмотренный В[ерой] Ив[ановной] и Симоном – оба они находят его невозможным. Я отослал вам (я думал, что ты и П[отресов] еще там) этот отчет потому, что так было условлено, чему я несказанно рад, т[ак] к[ак] в противном случае мне пришлось бы разводить длинную и неприятную канитель с автором. Теперь уж твое дело разъяснить автору, почему его «доклад» не есть таковой от делегации, а просто частные размышления частного обывателя.

Спешу на почту, чтобы не опоздать [до] ее [ухода].

Твой П. А[ксельрод]

Верино письмо возврати.

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 158. Публикуется по тексту книги «Переписка….».

Примечания

1 Датируется по сопоставлению с док. 229, в котором П.Б. Аксельрод спрашивает у Р.М. Плехановой, где находится Георгий Валентинович. Публикуемое письмо адресовано уже непосредственно Г.В. Плеханову, т.е. сведения о его местопребывании Аксельрод уже получил.

2 Как следует из дальнейшего, речь идет о несохранившемся письме В.И. Засулич, в котором, по-видимому, содержалось предположение об аресте в Петербурге А.Н. Потресова (см. также док. 228).

3 Имеется в виду «Отчет», составленный Б.А. Гинзбургом для Лондонского конгресса. См. док. 227.

231
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, до 18 сентября[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Наконец-то имею хоть какое-то представление о твоем бытии[2]. Пожалуйста, сообщи мне хоть картой, знаешь ли ты что-нибудь о родиче[3]. Меня предположения Веры[4] в значительной мере обескуражили, т[ак] к[ак] моя pessimistische Stimmung[5], толкающая меня на временное (год – два) увольнение от конспиративных и даже литерат[урных] дел и сношений специально «союзных» находила себе значительный противовес в надеждах, возбужденных твоим родичем. Как бы то ни было, поделись со мной своими сведениями.

А как быть с отчетом при русском докладе? Вера предлагает короткое заявление сделать, что отчет будет отдельно напечатан. Может быть, ты такой отчет сделаешь за своей подписью?[6] Мне лично было бы по душе хоть на 4–5 стр[аницах][7] резюмировать мотивы поведения делегации на конгрессе в вопросе об исключении анархистов и Раппопорте[8].

Кроме того, привести резолюцию в пользу русск[ого] раб[очего] движения и объяснить смысл и значение ее[9].

До 18-го сент[ября] я состою в кефирном рабстве (у Гринф[еста] каникулы), а все свободное время у меня до сих пор уходило на бесконечную переписку.

Твой П. Акс[ельрод]

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61a. Автограф. На верхнем поле 1 листа рукой неустановленного лица надпись: «94–95».
Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 159–160. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Указание на 18 сентября как будущее имеется в тексте. Речь в письме идет о Международном социалистическом конгрессе 1896 г.
2 Очевидно, ответ на почтовую карточку Г.В. Плеханова, которая не сохранилась.
3 Очевидно, об А.Н. Потресове.
4 Об аресте А.Н. Потресова.
5 Пессимистическое настроение (*нем.*).
6 Такого заявления сделано не было.
7 Написано вместо зачеркнутого слова «дать».
8 *Русская с.-д. делегация в Лондоне голосовала за исключение с конгресса анархистов и против допущения на конгресс Х. Раппопорта (позднее – видный деятель Французской социалистической партии, ныне – один из лидеров французских коммунистов), который представил мандат от группы «русских социалистов-революционеров», издававших тогда за границей газету «Русский рабочий». По последнему вопросу Г.В. Плеханов, от лица русской с.-д. делегации, заявил конгрессу, что группа «Русского Рабочего» является маленьким заграничным кружком «студентов-идеологов» и потому не должна быть допущена на конгресс (конгресс не признал мандата Х. Раппопорта). Отчета о своем поведении на Лондонском конгрессе русская с.-д. делегация так и не составила. В изданиях «Союза русских с.-д.» мы имеем (в № 2 «Листка "Работника"») только очень краткое сообщение о работах конгресса, «изложение решений» которого редакция откладывает до другого раза (с. 8–9). В бумагах П.Б. Аксельрода сохранилось начало рукописи «Международный рабочий конгресс в Лондоне и русская делегация на нем», свидетельствующее, что Аксельрод приступал в свое время к составлению такого отчета, но почему-то не довел работу до конца; написанная часть отчета содержит лишь объясне-*

ние поведения русской делегации в вопросе об исключении анархистов.– Прим. Б.И. Николаевского.

[9] *Резолюция Лондонского конгресса о русских делах гласит:*
«Конгресс считает нужным указать на чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от русских рабочих организаций на международном съезде. Он приветствует пробуждение русского пролетариата к самодеятельной жизни и от имени борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции».
Автором этой резолюции был П.Б. Аксельрод, который, составив проект ее, познакомил с нею члена президиума конгресса П. Зингера, указав ему на желательность вынесения такого рода резолюции; Зингер, согласившись с Аксельродом, посоветовал обратиться к швейцарцам, чтобы те внесли ее от имени всей своей делегации. Аксельрод так и поступил, и резолюция, внесенная Грейлихом с дополнением, которое содержит приветствие появлению представителей русских рабочих на конгрессе, была единогласно вотирована конгрессом.– Прим. Б.И. Николаевского.

232
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, вторая половина сентября[1]
Лондон

Как жаль, ч[то] Вы не написали, дорогой Жорж, когда (какого числа) расстались Вы со спутником[2]. Когда были посланы им Вам книги? Мы живем здесь страхом и надеждой, ч[то] он не уехал.

Об «этой истории» только то и известно, что близкий ему и Д-ру Сим[ону][3] человек, Котович[4], обанкротился, и что их обоих предупреждают не ехать, пока не выяснится дело.

Симон, следоват[ельно], не знает, когда поедет.

Осмотрели ли Вы присланные Вам книги?

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.137. Л. 1–2.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании писем А.Н. Потресова корреспондентам, отправленным из Петербурга. См.: Из Архива А.Н. Потресова. Вып. 1. М., 2007. С. 73.
[2] А.Н. Потресов.
[3] П.Б. Струве.
[4] Вероятно, имеется в виду К.К. Бауэр.

233
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1896, 20 октября[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Спасибо за книжки. Публика наша обрадовалась им. Они понемногу продаются, хотя и не по обозначенной на обороте цене. Нам необходимо иметь здесь

по несколько экземпляров каждой нововыходящей брошюры, если не прямо из-за денег (что для[2] дальнейших изданий не совсем бесполезно было бы), то чтобы публика могла видеть результаты литературной и издательской деятельности Вашей организации. Это подогревает их симпатии к нам, освежает в памяти их обязанности к нам. Тем более что я положительно убежден, что при сносной организации продажи брошюр мы могли бы продавать их здесь по столько, чтобы хорошая часть изданий окупалась. «Фонд»[3] довольно порядочно «торгует» здесь. «Работник» идет довольно шибко, около 10 экз. продал, остальные надеюсь через неделю – две, точно так же и «Bericht»[4]. Как только продам остальные книжки, вышлю Вам деньги. Я уже думал о том, как «выдумать» для Вас деньги, но едва ли теперь что-ниб[удь] удастся сделать в этом отношении. Время самое мерзопакостное – страшная безработица и безземелье, при этом выборы на носу[5]. Соц[иалистическая] партия[6] работает как никогда доселе и выжимает последние соки из своих «подданных». Вследствие этого все предприятия нашего Общества увенчались страшным… фиаско. Пикник наш дал нам больше 50 дол. дефицита вместо всегдашних 50 дол. дохода, которые он нам давал. Чтобы избавиться от дефицита, мы устроили вечеринку и увеличили свой дефицит на 15 дол. Остается одна надежда на новогодний бал. Зато мы работаем для него. Делать все возможное, чтобы сделать его интересным и привлекательным для публики. Надеемся получить с него около 200 дол. по крайней мере. Если он удастся, в чем я нисколько не сомневаюсь, Вы будете иметь деньги, но не раньше Нового года. Передайте это товарищам из «Союза»[7]. Ваша просьба о специальном назначении сумм для «Группы» отчасти произвела на меня тяжелое впечатление. Мне кажется, что Вы этим подняли угол занавеса и дали мне возможность заглянуть за кулисы. Неужели и теперь существуют еще Reibereien[8] между «С[оюзом]» и Гр[уппой]? Неужели, если Гр[уппе] нужны деньги, для этого требуется специальное назначение со стороны жертвователя? Конечно, порядок в общ[их] денежных делах необходим, но не слишком ли уже перегибают палку в направлении аккуратности наши «союзные» товарищи? Впрочем, я ведь ничего не знаю, но мне страшно больно было бы, если бы это было действительно так. Что касается нас, то мы прежде и раньше всего знаем «Группу» и в отправке денег, конечно, будем поступать согласно желанию «Гр[уппы]».

Что касается моей заметки, то во 1)-х, что касается почерка, я употребил все усилия, чтобы писать разборчиво, и если, несмотря на это, не удалось, Вы меня наверное простите, так как Вы лучше всякого другого поймете, как иногда бывает трудно совладать с этой вещью. Во 2)-х, форма и содержание… Я читал некоторым рабочим из нашего Общ[ества] свою заметку, и они не только поняли, но им она понравилась, так что на основании этого я думаю, что она сравнительно популярно написана. Что касается того, что я не описал ни одного из эпизодов рабоч[его] движения, который характеризовал бы евр[ейские] рабочие массы во время стачки, то… единственная крупная стачка евр[ейских] Cloakmaker[9], имевшая интерес для всякого, кто желал познакомиться с характером движения, была 7–8 лет тому назад, т.е. пару лет до моего приезда в Америку. Я, стало быть, не мог ее описать. С тех пор Cloakmaker Union[10] влачит жалкое существование, и если он пару раз находился опять в стачке, то стачки эти начинались и кончались так мизерно, дух, господствовавший во время них, так […][11], что если они вообще характеризуют что-ниб[удь], то во всяком случае не то рабочее движение, которое я хотел представить в своей заметке. Достаточно указать

на то, что «вождями» этой стачки были люди вроде Барондеса, Шенфельда и, многие др. [...][12] креатуры Гольперса и Вейсмана, [...][13] самой низкой пробы, Boodlers[14], самым постыдным образом торгующие голосами евр[ейских] рабочих, и вообще элементы, проституирующие евр[ейское] раб[очее] движение. К счастью, в заметке о евр[ейском] раб[очем] движении их можно игнорировать, так как их влияние на него никогда не было особенно сильно, а в последнее время оно почти уже совсем атрофировалось. Рабочие других Union за мое время не имели более или менее крупных стачек. Я все-таки просил Miller'а сказать, как Вы писали, но он по той же причине отказался. Впрочем, сделайте с заметкой, что Вам угодно, а если уж очень много надо переделывать, лучше бросьте ее в Papierkorb[15]. В другой раз по другому вопросу, может быть, лучше напишу. Теперь очень интересная избирательная кампания. Мелкая буржуазия, особенно фермерство, в своей предсмертной агонии делает последнюю попытку получить власть, чтобы задержать капиталистическое развитие, которое несет им гибель. Интересны усилия, которые употребляют все партии, чтобы привлечь рабочих на свою сторону. Вообще, это одна из самых интересных президентских изб[ирательных] кампаний.

Мне очень больно было читать известие о несчастии Кальмансона, и верьте, [я] понимаю Вашу грусть. Когда будете писать Кальм[ансонам], передайте им наши искренние глубокие соболезнования по этому поводу[16].

Пишите, дорогой П[авел] Б[орисович] подробнее о себе лично и Вашей семье. Как здоровье, дела? Привет всем Вашим и общим товарищам.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ингерман

Пришлите хоть 1 экз[емпляр] майского № «Раб[отника]». Я его даже не видел. Отчего Вы ничего не пишете о стихотворениях, которые я Вам послал[17]. Автор каждый день справляется об их судьбе. Если они почему-либо не могут быть помещены, напишите – так и так мол, не печатаем стихов.

Жму Вашу руку.

Ваш Ингерман

Что Г[еоргий] Вал[ентинович], В[ера] Ив[ановна]? Как их здоровье, дела?
Как дела Роз[алии] Марковны?
Пишите!

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22a – I–1 / 6. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка автора.
[2] «Для» ошибочно написано дважды.
[3] Фонд Вольной русской прессы.
[4] Сообщение, отчет, доклад (*нем.*). Речь идет, вероятно, об отчете Международному социалистическому конгрессу.
[5] В ноябре 1896 г. в США должны были состояться выборы президента. Республиканский конвент 1896 г., которым беззастенчиво манипулировал Марк Ханна из Огайо, выдвинул кандидатом в президенты губернатора Огайо Уильяма Маккинли и принял платформу, включавшую введение высоких тарифов и «твердых денег». В партии демократов, собравшихся на свой конвент в июле, выявились серьезные разногласия. По проекту партийной платформы, включавшему идею «свободного серебра», разгорелась жаркая дискуссия, в ходе которой Уильям Дженнингс Брайан произнес блестящую речь в защиту неограниченной чеканки серебра. Про-

ект платформы был принят, а Брайан стал партийным кандидатом в президенты. Популисты же (Народная партия) опоздали. Многие пункты их платформы были перехвачены демократами (которые, правда, не ратовали ни за национализацию железных дорог, ни за субказначейский проект). Когда собрался популистский конвент, его делегатам пришлось поддержать Брайана. В ходе выборов со значительным перевесом победил У. Маккинли.

[6] Социалистическая рабочая партия Америки была основана в 1876 г., но не представляла из себя значительной политической силы.

[7] «Союз русских социал-демократов за границей».

[8] Трения (*нем.*).

[9] Плащевики, изготовители плащей (*англ.*).

[10] Профессиональный союз плащевиков (*англ.*).

[11] Одно слово не разобрано.

[12] Одно слово не разобрано.

[13] Одно слово не разобрано.

[14] Взяточники (*англ.*).

[15] Корзина для бумаг (*нем.*).

[16] Вероятно, речь идет о смерти их ребенка, племянницы П.Б. Аксельрода, в Болгарии.

[17] См. док. 224.

234
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец октября[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

Вы что-то молчите. Я в прошлом письме «пищала» не из потребности пожаловаться, – мне подумалось, что, раз у Вас у самого «писк» на душе, Вы на минуту вообразите себя на моем месте и тогда почувствуете сравнительную прелесть всего, что есть у Вас. Сознание и общее признание своей полезности, своего таланта и лучшая в мире (я думаю, всякий хороший семьянин это думает про свою) семья. Сегодня я, впрочем, взялась писать с намерением просто рассказать Вам что-ниб[удь]. Во время болезни была у меня Фанничка Я ее, конечно, встретила, как будто ничего не бывало, расцеловались и проч[ее]. Если бы Вы видели только, какая она стала здоровая, бодрая, предприимчивая (предложила, напр[имер], свое сотрудничество «Русск[ому] бог[атству]» и получила согласие. Прежде она никогда бы на это не решилась). Кони Герн[е]т[2] давно уж мне говорила (с обидой в голосе на Сергея), что Фанничка здоровее и бодрее, чем когда бы то ни было, и все пыталась объяснить это себе какими-ниб[удь] общими свойствами русской души. Вначале, мол, русские так бурно чувствуют и выражают свое горе, что потом в виде реакции здоровеют... Что-то в этом роде сочиняла. Мне кажется, что дело тут совсем не в «русской душе», а в том, что она прожила весь век без малейшей надобности о чем-ниб[удь] думать и заботиться. Все Сергей на себя брал. Прожила она в тени его, везде они были не иначе,как вместе, и везде и для всех он б[ыл] интереснее ее. Она от этого не страдала, не соперничала с ним, но привыкла к ощущению, что она – дробь целого. Теперь она почувствовала самостоятельную силу, свои собственные способности. Стала целой единицей, и всё это доставляет ей удовольствие, хотя, наверное, и теперь, сквозь все это удовольствие с болью вспоминает Сергея. И, думается мне, не надолго хватит этого удовольствия, начнет грызть сознание одиночества. У Серебрякова девочка умерла, с Вашу Машеньку[3] была величи-

ной и такая же здоровая, добродушная, забавная была и любимица их обоих. Я его не видала с конгресса[4], но так как он здесь единственное существо, к которому у меня есть немножко нежности в душе, я ему передаю поклоны через знакомых, но он не отвечает. Вы знаете, вероятно, что Раковск[ий] с Рябовой здесь еще с месяц прожили после Истб[орна].

Очень меня огорчало наблюдение над умом Раковского. Ведь он прежде думал? Мне так казалось, по крайней мере. Теперь совсем не думает, ум его совершенно кристаллизировался. Не то, чтобы занят медициной, некогда теперь, это бы не беда: мог бы опять начать потом думать. Нет, он все на свете знает твердо, безусловно, спорит самоуверенно, он ведь почти ежедневно по газетной статье пишет. Это-то, я думаю, и загубило его мысль. Для таких статей ему нужна была маленькая, но всесторонняя машинка, на всё дающая куцанький ответ. Он ее себе отличную выработал, и теперь ему уже не требуется никакой лишней мысли, они у него от головы отскакивают. Впрочем, мне вот, грешным делом, кажется, что мое первое впечатление от статьи Тулина[5] б[ыло] верно. Я опять ее перечла, думая вдохновиться для хвоста. Он тоже не думает. Ей же Богу, он твердо знает, как «марксист должен говорить». Все, что он «должен говорить», уж готово: Маркс сказал уже. Россию он просто подгоняет под слова Маркса, для этого она у него уже совсем капиталистическая, а народники, что бы они ни говорили, все это только потому, что в их головах отражаются интересы мелкого капиталиста. Он это не показывает, а просто твердит, но называет «вскрыванием». Он, наверное, прекрасный человек, вроде Дворника[6]. Да и Крыстю[7] прелестный человек остался, а все-таки как-то жалко, что перестал думать. Но статья Тулина, говорят, делает большую пропаганду и Крыстины [статьи] делают. И дай им Бог здоровья. А мне и таких не написать (не захочу), но и с мыслями не написать (не умею).

Получаете ли газету «Самарск[ий] вестн[ик]»? Там все «фаршированные головы» заседают. Мне приходит она, газетка очень живая. Вышел по-русски третий т[ом] «Капитала» Маркса[8].

В. З[асулич]

РНБ. АДП. Ф. 1093. оп. 3. Ч.1. Ед. хр. 439. В 487.138. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 176–178. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию о выходе русского перевода третьего тома «Капитала» К. Маркса.

[2] Имеется в виду Констанция (Кони) Гарнет.

[3] Машенька – младшая дочь Плехановых, в январе 1894 г. в возрасте 4 лет умерла от менингита.

[4] Имеется в виду Лондонский конгресс II Интернационала.

[5] Имеется в виду статья В.И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Первое впечатление от этой статьи В.И. Засулич высказала в майском письме.

[6] А.Д. Михайлов.

[7] Болгарское имя Х.Г. Раковского.

[8] Русский перевод третьего тома «Капитала» К. Маркса вышел в октябре 1896 г. Предисловие переводчика, Н.Ф. Даниельсона, помечено октябрем 1896 г.

235
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, конец октября[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

я не сержусь на Вас, а также не думала ни в Истборне[2], ни после, чтобы Вы на меня сердились. Не за что Вам на меня сердиться. Я просто убедилась, что за все время Вашего пребывания в Англии в Вас ни разу не шевельнулось хоть тени такого чувства, которое дозволяло прежде дружеские или во всяком случае более личные, чем формальное товарищество, отношения между нами. В последнюю минуту Вы твердили мне, что вследствие дурного настроения Вы ко всем относитесь так же, как ко мне. Это я допускала. На вид Вы относились ко мне много хуже, чем ко всем истборнским сожителям, но я допускала, что это лишь потому, что Вы со мной меньше стеснялись. Ваше болезненное состояние сделало то, что злого чувства за Ваше подчас презрительное обращение со мною во мне не осталось, но убеждение, что с Вашей стороны нет больше прежнего отношения ко мне, а следовательно, не нужно Вам и моего, осталось. Ваши, правда редкие и короткие, но все же письма я объясняла просто следованием традиции, образовавшейся при иных условиях. Моя ненависть ко всякой форме без содержания заставила меня умышленно не ответить на Ваше последнее письмецо с поручением к Сим[ону][3], которое я ему передала. Я хотела дать Вам предлог прекратить переписку, раз Вы ведете ее лишь по традиции. Это последнее письмо Ваше не формальное, из него мне слышится, что Вам стало жаль прежней переписки. Я очень этому рада и рада буду писать по-прежнему. Только сейчас я очень устала и от этих трех стран[иц]. У меня обычная для осени болезнь (боль в боку, жар и кашель). Через неделю, верно, она, по обыкновению, пройдет. Я написала, чтобы Менд[ельсоны] прислали мне своего знакомого доктора, и он нынче придет. Я поспешила Вам ответить, думаю, ч[то] он, пожалуй, мушку поставит, тогда уж не напишешь. Ко мне заходит Воденова барышня[4] и Абрамова[5]. Словом, все в порядке.

Сим[он] в Швейцарии у своей больной приятельницы[6], которая была у Вас в Женеве.

Крепко жму руку.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 652. АД 5 / 340.1. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] См. прим. 2 к док. 228.
[3] П.Б. Струве.
[4] По-видимому, имеется в виду близкая знакомая А.М. Водэна.
[5] Абрамова – знакомая В.И. Засулич.
[6] «Приятельница» П.Б. Струве – вероятно, имеется в виду его будущая жена Н.А. Герд.

236
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, 7 ноября[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

мушки[2] мне не ставили: доктор говорит – болезнь старая, хроническая, теперь только обострилась, нужно не выходить пока из комнаты. Я и не выхожу. Лихорадка еще тянется, но убывает понемногу. Я вовсе не недоверчива, дорогой Жорж, раз я вижу с Вашей стороны доброе отношение, я ему вполне верю, – ну, на какого бы дьявола стали бы Вы притворяться? Чувствую противное, точно так же верю и ему. Мне кажется, дело в том, что Вы на приятельские, дружеские отношения переносите представление о «родственных» отношениях. Родственник есть родственник, это решено раз навсегда. Приятельские же отношения существуют, пока есть приязнь,– нет ее, и их нету. А что я обращала на присутствие или отсутствие приязни слишком много внимания, так это зависит просто от моего положения. Вы сыты на личные привязанности, – у Вас есть семья, – у меня нет иных привязанностей, кроме этого несемейного сорта, а, к великому несчастью, потребность в привязанностях почти так же неистребима, должно быть, как и потребность в пище. Мне, должно быть, мало знать, что отсутствующая в настоящий момент приязнь только aufgehoben[3] и когда-нибудь, со временем, может и опять проявиться. Теперь явилась, а в Англии ее не было. Не было и в Швейцарии, до отъезда в Италию. Вы просто не замечаете ее отсутствия. Я и не думаю упрекать Вас. В приязни, в дружбе (в противность семейным отношениям и товарищеским для определенного дела) не может быть даже и тени обязательности. Если бы Вы не возобновили переписку, я при следующей встрече, вероятно, не стала бы замечать, есть ли или нету у Вас приязни ко мне. Знала бы, что нету. Теперь, может быть, опять буду. Это не недоверчивость – это просто привязанность. Я желала бы от нее отделаться.

Финансы у меня есть.

Автограф не разыскан. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 178–179. Публикуется по тексту книги «Группа "Освобождение труда"».

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения.

[2] Имеется в виду пластырь, приготовленный из порошка шпанских мух. Он применялся при лечении хронических заболеваний нервных волокон (невралгиях), плевритах, ревматизме и др.

[3] Отсрочена (*нем.*).

237
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду

1896, до 13 ноября[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

я сегодня послала Вам в Женеву два письма[2]; Бога ради, поскорее получите их и поступите т[ак], как я Вас там умоляю.

Помогите мне, Павел! Не верьте себе, если Вам показалось, что моя статья[3] (начало, пришедшее, м[ожет] б[ыть], в Цюрих) ничего. У меня на это вкус тоньше. И притом вышло так, ч[то] нам теперь напечатать статью «ничего», а не превосходную, гораздо хуже, чем не печатать совсем ничего.

[4]Напишите, как Ваше здоровье? Предполагая, ч[то] Вы в Цюрихе, я тем самым предполагаю, ч[то] Вам очень плохо.

РНБ. АДП, Ф.1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.135. Л. 1.
Автограф на почтовой карте со штемпелем получения (штемпель отправления неразборчив): «Zürich.13.11.96».
Адресовано: «P. Axelrod. 33, Mühlegasse. Zürich. Switzerland».
Опубл. (под датой 11 ноября 1896 г.): Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 184. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию предыдущего и следующего писем.

[2] Письма не разысканы.

[3] Вероятно, речь идет о статье В.И. Засулич, посвященной критике субъективного метода в социологии. Поскольку выпуск второго марксистского сборника не состоялся, осенью 1896 г. За-сулич вновь вернулась к статье и на ее основе написала 4-ю главу книги «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей».

[4] Дальнейший текст написан между строк на перевернутой почтовой карте.

238

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1896, после 19 ноября[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

что же это с Вами опять? Если это чисто физическое недомогание, так зачем же Вы с Ривьеры уехали[2]? Там бы Вы лучше поправились. Неужели из-за денег? Я, впрочем, совсем беспредметной тоски себе представить не могу. Хотя бы она и имела чисто физические причины, она себе в сознании непременно какой-нибудь идейный костюм приискивает. Но мы с Вами так давно не говорили, что я не имею ни самомалейшего понятия о Вашем душевном хозяйстве. Не имею ни малейшего представления: чего, кроме здоровья, Вам не хватает. Нет в голове ни одной захватывающей темы? Так, наверно, не нынче-завтра попадется. Вы – ведь совсем настоящий писатель. Не то, что я. Очень бы рада я была чем-нибудь заинтересовать Вас, но, к несчастью, я сама все это время переживаю такой внутренний кризис, который отнимает для меня живой интерес у всех вопросов, кроме одного: как мне с собой распорядиться. Впрочем, русской литературы я и не видала. Пут[ман][3] никаких книг мне не присылал. Я на него не в претензии. Постоянное явление нельзя объяснять переменными причинами. Причина неприсылания, очевидно, во мне, а не в нем. Интересуюсь я, правда, Питером, но с отъезда Сим[она][4] и об нем более не слышу. До некоторой степени интересует меня фабианство[5] (ему предался Бернш[тейн] и немножко пленился Сим[он]) как политич[еская] теория. Но пока я с ним знакома слишком вкратце и ненавижу его более или менее голословно. Почитаю о нем,

как только буду иметь на это право. Теперь не имею ни на ч[то] права, т[а]к к[а]к до сих пор не написала хвост на Руссо[6]. Сам он поехал [?][7], но народники на его могиле так таки и не высечены[8], и буду я сидеть и грызть перо, пока, наконец, не окажется, что эту проклятую книгу уж выбросили или напечатали без хвоста. Текст я переделывала, но одними руками, без участия головы и, вероятно, только обесцветила. Почему мне вдруг понадобилось с собой распорядиться? Да вот, с одной стороны, неудача с этой книгой, с которой я столько возилась (Вам-то одному я бы не поверила, мне всегда казалось, ч[то] Вы слишком строги к моей литературе, но единогласие с Вами двух других умных людей меня убедило), доказала мне мою непригодность по крайней мере к таким работам (длинным и не о ближайших злобах дня). С другой, явившееся в Истб[орне][9] ощущение, что «одичала», что полное отсутствие человеч[еского] общества плохо отозвалось на моем психическом состоянии, все это говорит, что мне здесь нечего делать, не имеет смысла тут оставаться. Значит, в Цюрих. А что ждет меня в Швейцарии, это я уже знаю по чуть не ежедневным письмам, которые перед болезнью получала от Павла, Гинзб[урга], Блюм[енфельда][10]… Бесконечные распри и дрязги были всегда и помоему невоинственному, непристрастному («предательскому») характеру, всегда мне были мучительны, но прежде я хоть большое значение придавала здешней издательской деятельности. Теперешней не придаю никакого. Для Питера она не имеет интереса, и Вильна меня не интересует. И Павел тяготится своей деятельностью, но ведь для него это лишь неприятная служба, с которой он возвращается к приятной личной жизни, а мне некуда возвращаться. Словом, выбор между двумя беспросветными перспективами так тяжел, безнадежен, что я сильно обрадовалась болезни. Отличалась она от обыкновенных формальными обмороками (раз на почте сделался). Затем доктор сказал, что это катар легких, тянущийся несколько лет, и что при неосторожности может он принять опасное течение. Все перспективы потеряли б[ы] для меня свой безнадежный характер, «но недолго». Но теперь слабость прошла, и опять я не верю своему другу катару. Уж давно ведь тянется, а осторожна я никогда не была. Опять пойдет черепашьим шагом. Я-то придумала себе хороший выход, но он не от меня зависит, еще не знаю, можно ли надеяться.

Эвелинги – это одно из моих маленьких мучений. Представьте себе, что он еще в авг[усте] получил мои 3 фунта из «D[aily] Ch[ronicle]», а в октябре имел нахальство у меня спрашивать, заплатила ли мне редакция.

Мендельс[он] во время болезни убедил меня, ч[то] здесь в редакц[ии] ждут счета от писателя и тогда только платят. Я сдуру послала и получила в ответ копию с факсимиле даже расписки Эвелинга, получившего за статью В. Зас[улич] 3 фун[та] 3 шил[линга]. Я этого никому не говорю, и денег мне ничуть не жалко, я бы ему еще 6 фун[тов] подарила, лишь бы этого не было. Но они тут сборы затеяли в пользу русских заключенных, под моим именем некот[орым] образом (деньги, мол, они будут получать). Если уж они, при своем-то богатстве, при моей сравнит[ельной] бедности, при необходимости мне время от времени в глаза смотреть, стащили у меня 3 фун[та], у заключенных-то еще легче таскать. Имею ли я право прикрывать своим именем это воровство? А уличать – какая мука. Я на одно надеюсь, что им никто ничего не даст. Объявили они сбор еще до моей болезни, а пока ничего не слышно. И Вы, конечно, никому не рассказывайте. Я Вам пишу в предупреждение каких-ниб[удь] недоразумений с этими сборами и попросить совета. И что это с ними такое? Мания, что ли? Ведь

несколько тысяч фун[тов] у них в банке лежит. Ну, вот огромное, но вовсе не занимательное письмо. Что мне делать? Ничего хорошего нет у меня.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 440. В. 487.190. Л. 1 – 6 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С.157–159. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания о возвращении Плеханова из Ривьеры.
[2] После Лондонского международного конгресса II Интернационала Г.В. Плеханов заболел и в сентябре 1896 г. уехал на Французскую Ривьеру, в Нерви, где он пробыл до середины ноября.
[3] А.Н. Потресов.
[4] П.Б. Струве.
[5] См. прим.6 к док.208.
[6] Имеется в виду четвертая заключительная глава книги «Жан Жак Руссо: Опыт характеристики его общественных идей».
[7] Текст книги, за исключением последней главы, был отослан в Петербург, где А.Н. Потресов должен был подготовить ее легальное издание.
[8] Последнюю главу В.И. Засулич предполагала посвятить критическому разбору субъективного метода либеральных народников.
[9] После Лондонского конгресса (27 июля – 1 августа 1896 г.) В.И. Засулич вместе с супругами Плехановыми, П.Б. Аксельродом, П.Б. Струве и А.Н. Потресовым провела некоторое время на взморье в Истборне.
[10] Имеются в виду конфликтные ситуации, возникавшие между «молодыми» членами Союза русских социал-демократов и членами и сторонниками группы «Освобождение труда».

239
Р.М. Плеханова – П.Б. Аксельроду

1896, 23 ноября
Женева[1]

Дорогой Павел.

К сожалению, я вынуждена была приготовленные для высылки Вам 50 фр[анков] послать Жоржу на приезд сюда, и мне придется просить у Вас некоторой отсрочки. Надеюсь, что до этих пор деньги еще не понадобились, если же Вы получили требование, то известите меня сейчас же, я постараюсь выслать. Во всяком случае, скоро верну в кассу должные мною 50 fr[anc].

Относительно известного места Вашего письма[2] сознаюсь, что я его не достаточно внимательно прочитала и, вследств[ие], не поняла. Каюсь. Ваше же настроение вообще я вполне понимаю и сочувствую ему.

Жорж теперь здесь. Он вернулся дня четыре тому назад[3]. Он очень поправился, растолстел, силы прибавились, но кашляет препорядочно.

Получили ли Вы письмо от В[еры] И[вановны]?[4] Как ее здоровье?

Пишите.

Привет Вашим.

Ваша Р[озалия]

РНБ. АДП. Ф.1094. Оп.2. Ед. хр. 38. Л. 1–2. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется по карандашной записи рукой Л.Г. Дейча в левом углу первой страницы письма: «*Дата штемп. отправления «Geneve: 23.XI.96*». Вероятно, при письме существовал конверт.

[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[3] Осенью 1896 г. Г.В. Плеханов лечился в Нерви (Французская Ривьера), известном курорте для легочных больных. После Лондонского конгресса он сильно простудился, что вызвало обострение легочного процесса, от которого он долго не мог оправиться.

[4] Письмо В.И. Засулич не разыскано.

240
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1896, декабрь
Цюрих[1]

Милый Жорж!

Давно уже собираюсь напомнить тебе о своем бытии, – о твоем существовании, как видишь, я помню и без напоминаний с твоей стороны. Получил я письмо следующего содержания: Schon längere Zeit nehme ich mir vor ihnen zu schreiben und erst jetzt komme ich dazu. Wir beabsichtigen wieder ein Almanach zu veröffentlichen und bitten Sie dringendst um Ihre Mitarbeiterschaft. Als letzten Termin zu den die Arbeit geschiekt werden soll, muss ich den 27 Februar nächstes Jahres bestimen. Bitte dringend um Antwort (Via Moltkestrasse)[2].

Я полагаю, что предложение это относится к тебе, а если и ко мне, то только на малую долю. Но если ты получил специальную просьбу, то, значит, письмо ко мне одному относится. Но как же мне отвечать? Разве через моего приятеля, через Карла?[3] Впрочем, ничего другого я не могу ответить, как то, что желание у меня большое, а за исполнение нисколько не могу ручаться, а потому на меня пусть лучше не рассчитывает.

Опять спрашивают меня насчет твоего приезда. Ради Христа, сообщи мне сейчас определенно, когда ты сможешь приехать. А что если бы к русскому Новому году прикатил?

Бюркли мне поручил спросить тебя, нужен ли тебе Dezami «De la communeauté»[4]. Чудак! Книгу он мне дал, но послать ее позволил только, когда напишешь, что она тебе нужна.

Имел в виду еще кое-что написать, да и на это не хватает головы. Глаза смыкаются. Привет Р[озалии] Марковне и детям.

Твой Павел

Автограф не обнаружен. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 160–162. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется по упоминанию (законспирированному) о подготовке второго легального марксистского сборника, издание которого расстростроилось после ареста А.Н. Потресова 22 декабря (4 января 1897).

[2] *Перевод: «Уже давно я хотел Вам писать и только теперь собрался сделать это. Мы снова предполагаем выпустить альманах и самым настойчивым образом просим Вашего сотрудни-*

чества. Как последний срок, к которому работа должна быть представлена, я должен назначить 27 февраля будущего года. Убедительно прошу об ответе (через Moltkestrasse)». Установление автора цитируемого Аксельродом письма и тесно связанное с ним решение вопроса о датировке письма самого Аксельрода представляет большие трудности, так как точных данных для решения этих вопросов не имеется ни в самом тексте письма, ни в воспоминаниях Аксельрода. Moltkestrasse – улица в Штутгарте, на которой до октября 1897 г. жили Каутские. Ни в каком немецком альманахе Аксельрод и Плеханов в 1894–97 гг. не участвовали (письмо может относиться только к этому периоду, ибо оно написано после того, как Аксельрод и Плеханов перешли на «ты», т.е. после января 1894 г., и до отъезда Каутских из Штутгарта), да и вообще никаких подходящих альманахов в эти годы в Германии не появлялось (если не считать первомайских однодневок); кроме того, в сношениях с немецкимм товарищами Аксельроду не пришлось бы прибегать к той конспиративности, которая чувствуется во всем данном отрывке письма. Все это заставляет редакцию данной «Переписки» предполагать, что речь идет о письме, хотя и написанном по-немецки, но идущем из России или, во всяком случае, от русских с.-д., и альманах, о котором в нем говорится, должен был выходить в России. Тогда становятся понятными все недомолвки (путь через Moltkestrasse мог быть избран для сношений с эмигрантами, напр. тем же самым П.Б. Струве, который открыто сотрудничал в «Neue Zeit»). Из литературы («справка» А.Н. Потресова, напечатанная в IV т. «Красного Архива») нам известно, что после лондонского конгресса в конце 1896 г. Потресовым действительно готовился к выпуску новый выпуск марксистских сборников, взамен сожженного в 1895 г. «Материалов к характеристике», и что рукописи для этого сборника к нему уже начали поступать незадолго до его ареста (несомненно, о нем идет речь и в следующем письме Плеханова). Подтверждение этих догадок удалось найти в письмах Каутского к Аксельроду; 25.11.1896 г. Каутский писал из Штутгарта: «Mein lieber Pavel, при сем – любовное письмецо [ein Liebesbriefchen]. Оно вышло, правда, несколько объемистым, но это часто случается с любовными письмами. Твое письмо, которое ты мне прислал, я получил и передал, – я стал посредником в твоей любовной переписке [postillon d'amour]». – Прим. Б.И. Николаевского.

[3] К. Каутский.

[4] В библиотеке Г.В. Плеханова хранится экземпляр книги Т. Дезами (Dézamy) «Кодекс общности» (Code de la Communeauté. Paris, 1842) с его многочисленными текстовыми и читатальскими пометами (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 248). Возможно, именно об этом экземпляре, вызывавшем беспокойство Бюркли, идет речь в письме, т.к. в нем на последней странице есть владельческая или какая-то другая надпись неустановленного лица на латинице.

241

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1896, 29 декабря
Женева[1]

Дорогой Павел,

Прости, что я не писал тебе до сих пор: и нездоровилось, и вообще был выбит из колеи. Теперь, наконец, оправляюсь, хотя вполне еще не оправился. Поздравляю тебя с Новым годом. Передай мои поздравления твоим домашним.

Что касается статьи Эфрона «Письмо из Парижа», то она, по-моему, для напечатания в наших изданиях для рабочих не годится[2]. Да и вообще она очень слаба. Не знаю, зачем он взял этот тон подражания Щедрину. Подражать, – т.е. я говорю хорошо подражать, – вообще трудно, а подражать Щедрину труднее, чем кому бы то ни было.

Возвращаю тебе статейку, а ты отправь ее по принадлежности.

Я теперь пишу большую статью о русских критиках для известного тебе издания[3]. Мне нужны были бы сочинения Писарева[4]. Не мог ли бы ты одолжить

мне их на некоторое время? Если – да, то пришли, пожалуйста, поскорее, дело не терпит отлагательства.

Еще раз привет всем твоим.

Твой Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.40. Л.1 – 2. Автограф. При письме конверт со штемпелем отправления: «Geneve. 29.XII.96» Адресовано: «Herrn P. Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». IISH. Paul Akselrod Archive. – 33а. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 162–163; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С. 161.Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте.

2 *После Лондонского конгресса во главе редакции «Работника» был поставлен П.Б. Аксельрод; статья Эфрона была получена им и ему очень не понравилась, но взять на себя одного отклонение статьи Эфрона, – старого и заслуженного партийного товарища, – Аксельрод не захотел и послал статью на заключение Г.В. Плеханову. Статья эта напечатана не была. –* Прим. Б.И. Николаевского.

3 Имеется в виду первая статья Г.В. Плеханова из серии «Судьбы русской критики», представляющая рецензию на книгу А.Л. Волынского «Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896». Напечатанная в журнале «Новое слово» (1897. № 7 Апр. С.63–92), первоначально готовилась автором для второго легального марксистского сборника (Из архива А.Н. Потресова. Вып.1. Переписка 1892–1905 гг. М., 2007. С. 74). Детали проекта издания этого сборника Плеханов обсуждал с А.Н. Потресовым еще летом 1895 г.

4 Из книг Д.И. Писарева, вышедших в свет ко времени написания письма, в личной библиотеке Г.В. Плеханова имеются вырезка из журнала «Русское слово» за 1861 г. и полное собрание сочинений Писарева в шести томах, иданное в Петербурге в 1894 г. и несущее в себе следы активного чтения Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1607, Д 6305 / 1–6). В первой статье Плеханов использовал произведения Писарева.

1897

242
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, между 4 и 15 января
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

сейчас получила известие, что Путман арестован[2]. Это просто ужас что такое.

Хвост[3] я почти докончила, в понедельник решила послать. Но ведь теперь все это пропало, не так ли?[4] Напишите, Бога ради, как что узнаете обо всем этом. Непременно напишите! Известие я не от его друга[5] получила, но тот во время письма, очевидно, был здоров[6].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.46. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 173–174. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании известия об аресте А.Н. Потресова и сообщения в следующем документе о посылке окончания статьи.

[2] А.Н. Потресов был арестован 22 декабря 1896 г. (4 января 1897 г.).

[3] Имеется в виду последняя, четвертая глава «Несколько заключительных замечаний» книги «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей».

[4] А.Н. Потресов занимался подготовкой книги В.И. Засулич «Жан Жак Руссо, Опыт характеристики его общественных идей» к изданию, и из-за его ареста выход книги в свет задержался. Однако она все же была издана усилиями П.Б. Струве в 1899 г.

[5] Имеется в виду П.Б. Струве.

[6] То есть не арестован.

243
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 18 января
Лондон[1]
Понед[ельник]

Очень меня огорчило Ваше письмо, дорогой Жорж[2]. Что это опять за напасть такая с болезнью? Опять с грудью что-ниб[удь] или инфлуэнца какая? Хвост[3] я уже третьего дня послала. Я посылаю туда[4], потому что приходило не прямо, а передаточная инстанция сообщила мне, что нужно послать. Так как хвост у меня т[ак] и не вышел, а вышел колокольчик на шею, я, было, хотела послать Вам на просмотр, но, узнавши, что Вы больны, послала прямо с просьбой «Ушастому»[5] обладить как знает. Ведь он тоже прирожденный (настоящий) писатель и должен знать приличия литературы.

Клянусь на пере и чернильнице никогда больше не соваться в большие работы!

Нет ли каких оснований предполагать, что человек, которого Женька когда-то подарил Марии Ник[олаевне][6], – здесь теперь в Лондоне? Очень мне это интересно. Я боюсь, что из-за моего неузнаванья у меня случилось с ним огорченье. Уж года два я не чувствовала себя вольным человеком из-за проклятого Руссо[7]. А теперь с непривычки чувствую себя со вчерашнего дня «собакой, поднятой на воздух». Примусь за фабианцев[8]. Ненавижу я их, не читавши, но чувствую, что вместе с Брентаньистами[9] (это ведь очень сродни одно другому, хотя и независимы) прокрадутся в ближайшем будущем в марксизм. Бернштейн уж чуть жив в этом отношении.

Рассмотрели ли Вы свою монтрейскую соседку?[10] Чем она Вам кажется? Интересная? Выздоравливайте, не хворайте. Есть ли у Вас деньги? А как случилась эта беда с Пут[маном]?[11] Есть ли надежда, что кончится пустяками?

Ваша Вера

[12]Получаете ли «Самарский вестник»?

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.51. Л. 1 – 2 об. Автограф с позднейшими пометами Л.Г. Дейча

карандашом. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 175–176. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию факта ареста А.Н. Потресова и указанию в письме на понедельник 18 января.

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] Вероятно, имеется в виду последняя четвертая глава под названием «Несколько заключительных замечаний» книги «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей».

[4] Очевидно, прямо в Петербург.

[5] Так В.И. Засулич называла П.Б. Струве, который после ареста А.Н. Потресова занялся подготовкой к изданию ее книги о Руссо.

[6] *По всей вероятности, Вера Ивановна имеет в виду А. Тилло, которому я дал летом 1882 г. рекомендацию к Ошаниной.* – Прим. Л.Г. Дейча карандашом, по левому полю оборота первого листа.

[7] Книга В.И. Засулич «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей».

[8] См. прим. к док. 208.

[9] Брентаньисты – последователи немецкого экономиста Луи Брентано (Brentano).

[10] Монтрё (Montreux) – город в Швейцарии, на берегу Женевского озера.
«Монтрейская соседка» – вероятно, имеется в виду Нерви, курорт во Французской Ривьере, куда из-за обострения легочного процесса приехал Плеханов, простудившийся после Лондонского конгресса.

[11] Путман – А.Н. Потресов был арестован 22 декабря 1896 (4 января 1897 г.). Сообщение об аресте Потресова было опубликовано и прокомментировано в «Летучем листке». Вот что сообщал «Летучий листок», издаваемый Фондом Вольной русской прессы в Лондоне, об его аресте: «21 декабря [1896 г.] схвачен в своей квартире (Озерный переулок, № 9) Александр Николаевич Потресов. Причины этого ареста также совершенно непонятны (имеется в виду описание приведенных выше арестов – прим. сост.), если, конечно, оставить в стороне тот факт, что у нас каждый, серьезно занимающийся наукой человек уже тем самым становится подозрительным в глазах опричнины. Это человек одинокий, лет 28, состоятельный и серьезно занимавшийся наукой. В последнее время он, говорят, подготовлял к печати обширный труд об артелях, которые давно изучал не только книжно, но и в жизни, в разных местах России. Арест может тяжело отразиться на здоровье Потресова, так как он и теперь болен сильным общим нервным расстройством» (1897. № 38. С. 13–14). На время следствия Потресов был заключен в тюрьму (в том числе 5 месяцев провел в Петропавловской крепости). Только 14 января 1898 г. было принято решение о его высылке в Вятскую губ. на 2 года.

[12] Заключительная фраза приписана по верхнему полю первого листа.

244
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, середина января[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

не хочется мне беспокоить вас, т[ак] к[ак] Вы больны, во все же должна я Вас спросить, знаете ли вы что-ниб[удь] о получении в Петерб[урге] собранных здесь денег? Там ведь опять стачка[2]. 2 недели тому назад один господин явился ко мне с невинными письмами от «ушастого»[3] и его тетки[4] и с словесным поручением от «Союза»[5] во что бы то ни стало, на основании каких-то (не полученных мною) писем, взять у английского комитета[6] (который с начала ноября как не существует, а деньги переданы фондистам[7]) лежащие у него 100 фунтов. Из этого я заключила, что деньги в Петерб[ургском] «Союзе» не получены, и,

получив вчера известие о возобновлении стачки и приказ «собирать», я уже начала действовать в этом смысле, сказала 2 англичанам, что деньги не получены, этим устранились бы с посрамлением фондисты. Сегодня получаю от Бухгольца письмо, где говорится: «Прошу вас (т.е. г. Бухг[ольц] просит) сообщить Соедин[еному] комитету, что 1.000 руб.[8], посланные этим Комитетом, получены Союзом».

Следовательно, я вчера очень неосторожна была. Но как мне быть, кому верить? Что это значит? Страшная мука эти сборы! Ничего я не поделаю, но буду повиноваться, бегать и писать письма с утра до ночи. Но нет здесь человека, с которым бы посоветоваться. Эвелинги – одна беда, а не помощь, беда, что известно, что я к ним близка.

Войти ли мне в сношения с фондистами? Если деньги дошли, то нет резона бороться против их сборов, и мне придется или очень мало делать, или с ними делать. Но ведь это была бы повинная теперь с ними входить в сношение. Что мне делать?

Пишите о вашем здоровье, бога ради.

Автограф не разыскан. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 173. Публикуется по тексту книги «Группа "Освобождение труда"».

Примечания

[1] Датируется по сообщению о идущей в Петербурге второй (после «промышленной войны») стачке.

[2] 2–14 января 1897 г. в С.-Петербурге бастовали рабочие бумагопрядильных и ткацких фабрик Максвелла, Кенига, Штиглица, Кнопа, Бека, Российской, Петровской, Охтинской и Спасской мануфактур и др. Январская забастовка была подавлена. Размах и продолжительность забастовки были более скромными, чем летом 1896 г. Однако стачка заставила правительство ускорить разработку очередного фабричного закона, который вступил в действие 2 июня 1897 г. и ограничил продолжительность рабочего дня 11,5 часа.

[3] П.Б. Струве.

[4] А.М. Калмыкова.

[5] Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

[6] См. док. 216.

[7] Фонд Вольной русской прессы.

[8] См. док. 216.

245
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, ранее 6 февраля
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

действовать заодно с фондистами[2] не только невозможно, но... Я писала Вам, кажется, о 100 фунтах, пожертвованных Томсоном[3] в ноябре «на будущую стачку»[4], которые лежали у «Друзей свободы»[5]. Я написала секретарю «Друзей» заявление о стачке и предложение их немедленно отослать. Она (M[ies] Mallet) мне по сю пору не ответила. Но я услыхала, что деньги у Волховского. С ним пошел поговорить его знакомый и в то же время верный (кажется) соц[иал]-дем[ократ] Ротштейн. Волховский ответил, что деньги у англичанина Treen'a, но что во-

обще они будут посланы российской организации лишь после прямых переговоров с нею (не через нас) и вступления в соглашение с ними. Когда Ротштейн стал толковать, что ведь дело спешное, что есть у меня очень хороший способ отсылки (тут б[ыл] и уехал человек, не интересный, но личный знакомый тетушки Ушастого[6]). Волховский сказал, что не знает, сомневается, можно ли мне доверять деньги для отсылки, будут ли действительно посланы или пойдут на что другое. Что он так будет говорить и всем англичанам будет не советовать им мне давать. Какова ехидна! И ведь может иметь успех. Мало ли анархистов, которые хорошо стреляют и так же хорошо воруют. И близость с Эвелингами ему поможет. Без полномочий от россиян, а у меня их нет (письменных), шагу нельзя ступить. И, кроме того, обстоятельства для сборов совсем неудобные. Тредюнионам надоела масса континентальных сборов, и они в бешенстве, так что Trades council[7] не решается издать прокламации для русских. В газетах о стачке после первой телеграммы – ни слова. Но все это припишут тому, что не фондисты действовали. А мне уже два англичанина порознь в одних и тех же словах рассказывали по секрету, что фондисты ужасно настаивали в «Соедин[енном] комитете»[8], чтобы вторую часть денег не посылать петербуржцам, которые, мол, находятся под партиозным влиянием[9] (в «Соедин[енном] ком[итете]» огромное большинство б[ыло] не социалистов, а соц[иал]-дем[ократ] б[ыл] один), а в Москву, где у Волх[овского] есть друзья. Но англичане не согласились и передали им деньги лишь с условием отослать их именно тем, для кого они собирались. Кабы Вы знали (впрочем, отлично знаете), до чего я не гожусь для этакого положения, а ведь начала всякие переговоры, сборы в Вайтчепле[10]. Обещала прочесть там на митинге в пользу стачки и проч[ее] и отступить-то нельзя[11]. Так мне скверно на душе, что самое мое теперь страстное желание – заболеть. Но хотя я всю зиму не выходила из комнаты, а теперь по страшной погоде бегаю и уже скоро неделя как ничего не могу съесть, кроме чаю и кофею, но возбуждение (самое мучительное) делает то, что слабости нет, а следовательно, и формальной болезни. Хоть бы Вы ваши скарлатины ссудили на время! Вам-то они ни к чему, а мне бы хорошо. Напишу Ганелину, хотя он мне не ответил на два письма, думаю потому, что не может прислать денег. Я их не просила, но он сам обещал в декабре прислать.

[12]И ведь решительно не с кем мне даже посоветоваться. Бернштейн спит (для чужих дел то есть)[13], Мендельсон до чертиков равнодушен к революции вообще[14], Селитрен[ный] (а он уж трех жен завел) знает одних жидов.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.145. Л. 1 – 4 об. Автограф. Опубл.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 124–125. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Дата установлена на основе сопоставления с письмом В.И. Засулич Г.В. Плеханову от 6 февраля 1897 г. (док. 246).

[2] То есть с членами Фонда Вольной русской прессы в Лондоне.

[3] Правильно – Томпсон.

[4] Летом и осенью 1896 г. шел сбор средств в помощь участникам стачки петербургских текстильщиков, проходившей в мае – июне 1896 г. Эта стачка впервые вывела рабочий класс России на международную арену и вызвала волну сочувствия в странах Запада, сбор средств продолжался и после прекращения стачки, деньги откладывались «на будущие стачки».

[5] «Общество друзей русской свободы».
[6] «Ушастый» – П.Б. Струве, «его тетушка» – А.М. Калмыкова.
[7] Совет тред-юнионов (*англ.*).
[8] «Соединенный комитет по организации помощи петербургским стачечникам». См. док. 216.
[9] Январской стачкой 1897 г., как и летней стачкой 1896 г., руководил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».
[10] Один из районов Лондона.
[11] 30 января и 6 февраля 1897 г. В.И. Засулич со страниц английской рабочей газеты «Justice» («Справедливость») обратилась с призывом к «интернациональной солидарности пролетариата», а 13 февраля 1897 г. в Лондоне в Ист-Энде приняла участие в митинге сочувствия борьбе питерского пролетариата. Э. Маркс-Эвелинг прочла от имени Засулич отчет «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» о рабочем движении в России и о роли в нем социал-демократии. Участниками митинга была принята резолюция солидарности с русскими рабочими и собраны деньги в пользу стачечников.
[12] Этот последний абзац приписан по верхнему полю перевернутого первого листа письма.
[13] С середины 1890-х гг. начинается отход Э. Бернштейна от марксизма. В 1897 г. он, осуществив перевод книги социалиста Л. Эритье по истории революции 1848 г. во Франции, снабдил ее послесловием, содержавшим ревизию взглядов К. Маркса на революцию 1848 г. и основных положений его теории общественного развития. С этого времени Бернштейн начинает отстаивать идеи мирной эволюции социальной жизни, постепенной трансформации демократии буржуазной в социалистическую. В библиотеке Г.В. Плеханова хранится экземпляр книги Эритье «История французской революции от 1848 г. до Второй республики» (Geschichte der Französischen Revolution von 1848 und der Zweiten Republik. Stuttgart, 1897. РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. В 4106) с дарственной надписью автора одной из дочерей Плеханова от 8 апреля 1898 г. с читательскими пометами Плеханова.
[14] С. Мендельсон отошел от революционного движения и занялся профессиональной журналистикой в польской буржуазной прессе.

246

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 6 февраля[1]
Лондон

Дорогой Жорж,

а ведь, по правде сказать, телеграмма Бух[гольца][2] была очень человеческий поступок и ободрила меня немножко в очень тяжелые дни. Я ему, право, благодарна. Вы невнимательно прочли мое письмо[3]. Не деньги Волховский отказался только выдать (они не у него и были), а сказал при этом фразу, совершенно аналогичную фразе г-жи Лившиц о Розалии Марковне[4], и обещал (пригрозил то есть) повторять ее англичанам. И вот при такой оказии вообразите себя на минутку в громадном Лондоне абсолютно одиноким. Есть, конечно, люди, с которыми я могу советоваться, разговаривать, но всем некогда серьезно вникнуть в мое дело, положение (русских соц[иал]-дем[ократов] тут нет, кроме Сел[итренного] да Вод[ена]). Воден, конечно, визжал... А вы мне даже и не ответили. Я – «изменница», но все же не так уж.

Насчет 100 фунтов я одержала наверняка блистательную победу. Теперь не по моей инициативе затеяна несколькими англичанами дальнейшая война с Волх[овским] и компанией. Нужно, конечно, им и мое участие, содействие. А мне нужно содействие товарищей. И вот, по болезни, быть может, у меня мелькает мысль, что товарищи поленятся оказать мне его. Клянусь, впрочем, не за свое оскорбление я считаю нужным продолжать войну. Я за это время убедилась, что

фондисты[5] злейшие, деятельные враги не мои только, а соц[иал]-дем[ократов], которые не дружат с ними.

Больна я, чувствую, что очень, дышу страшно тяжело, кашляю беспрестанно. Но пока днем мне некогда чувствовать болезнь. Мучаюсь, да только по ночам.

Излагаю дело на отдельном листке, чтобы Вы могли просто послать его Блюменфельду, если Вам не до него.

Автограф не разыскан. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 186. Публикуется по тексту книги «Группа "Освобождение труда"».

Примечания

[1] Датировано в первой публикации, очевидно, по несохранившемуся конверту.
[2] См. док. 244.
[3] Вероятно, либо док. 244, либо 245. Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[4] Речь идет о клевете, пущенной по адресу Р.М. Плехановой студенткой медицинского факультета Женевского университета Лившиц (см.: РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 197–203).
[5] Члены Фонда Вольной русской прессы.

247
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 20 февраля
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

долго Вы думали... Несколько «Друзей свободы»[2] заинтересовались на несколько дней проведением меня в «Общество». Если бы я продолжала подстрекать их, они еще с неделю посуетились бы, и, м[ожет] б[ыть], ч[то]-ниб[удь] и вышло бы (а, вероятно, все-таки ничего). Но я бросила это дело, и они уж забыли. Адольфа Смита нет даже в Лондоне[3]. Не вижу, что бы я теперь могла и сделать для содействия приглашению меня в «Общество»? Но Вы сильно ошибаетесь, думая, что одно мое вступление, если бы оно состоялось, что-ниб[удь] значило бы само по себе. Чтобы что-ниб[удь] вышло, надо вложить в это все силы, все помыслы, да и того может не хватить. Ведь я одна и с совершенно неподходящим для борьбы характером и здоровьем, а врагов целая компания, которую, кроме злости, воодушевляет собственный экономический интерес. Из прилагаемого только что появившегося воззвания «Друзей р[усской] св[ободы]» Вы видите один из способов стрижки англичан, не лучше и другие (напр[имер], мнимая отправка в Сибирь 1.000 экз[емпляров] «F[ree] R[ussia]»). Все это возбуждает в них совершенно справедливые опасения моего присутствия в «Обществе». Вступить и уехать в Швейц[арию] все равно, что вовсе не вступать. Я буду, по Вашему предположению, писать «Обществу», а насчет ответов будут сопоставлять с фондистами как единственным русским племенем «Общества». А они за ложью и клеветой никогда не постоят. И не одно Ваше с Блюм[енфельдом] письмо и моя болезнь заставили меня перестать заботиться о вступлении в «Общество д[рузей] р[усской] с[вободы]», а также и сомнения насчет россиян. Ведь если придавать главное значение самим деньгам, фонди-

сты больше соберут, чем кто-ниб[удь] из нас, а если питерцы[4] войдут с ними в прямые сношения, то и посылать будут, вероятно, аккуратно. Они за это будут выставлять движение «делом всех партий», но из России это не должно казаться таким важным, а для сборов выгодно. Я просто ужасаюсь при мысли о сборах для новой стачки, если бы она была скоро. Ничего не поделаешь!. О летней стачке как о новинке кричала вся пресса[5]. Эта уже никому не интересна, кроме социал-дем[ократов], следующая – тем более[6]. На этот раз с[оциал]-дем[ократы] помогали изо всех сил; поэтому и вышло кое-что. Но ведь они – бедные крысы; раньше года или двух с них опять немного возьмешь, при всем их добром желании. Я все-таки думаю уехать в Цюрих.

Последнее, что я знаю из Питера, это, что все мои рукописи «сгорели во время бывшего у издателя пожара»[7]. Теперь ли это только выяснилось или речь идет о новом «пожаре», не знаю. Но, что их нету, это несомненно. Не судьба мне быть писателем. Кроме того, я получила краткие сведения лишь о частных работах и делах «Ушастого» и его тетушки[7], о болезни Пут[мана][8], которая все усложняется и идет хуже и хуже. Такое это горе. Я еще не поправилась, тянется лихорадка и слабость. Уж поэтому одному не гожусь я для сборов. Мне здоровья ни на волос не жалко, наоборот, как раз. Но просто неловко вести переговоры с англичанами, задыхаясь от кашля и обрывающимся голосом.

[9]Фанничке «вполне наплевать» на всякие дела и движения. Если бы фондисты ее опять лично разозлили, т[ак], быть может, «сделала бы ч[то]-ниб[удь]», а иначе она и пальцем не пошевелит. Я уже пробовала, конечно (мы давно помирились), привлечь ее к борьбе с Фондом. Ничего не вышло.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.60. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 187–188. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется, вероятно, по почтовому штемпелю отсутствующего конверта.
[2] «Общество друзей русской свободы».
[3] Фраза в первой публикации была опущена.
[4] Имеются в виду члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».
[5] Речь идет о стачке петербургских текстильщиков в мае – июне 1896 г. и тех откликах о ней, которые появились в зарубежной печати.
[6] В.И. Засулич имеет в виду январскую стачку 1897 г. (см. прим. 3 и 8 к док 216). Агитационная деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в ноябре и декабре 1896 г. способствовала подготовке январской стачки 1897 г., а массовое распространение листовок помогло рабочим одержать победу – добиться конкретного обещания сократить рабочий день с 16 апреля 1897 г. В январе от имени «Союза» был издан первый номер «С.-Петербургского рабочего листка». В редакционной статье отмечалось, что «весь предыдущий год, а равно и наступивший показали, что русский рабочий класс выступил на путь борьбы со своими врагами – капиталистами и их защитником – правительством. Всего яснее эта борьба выразилась в СПб рядом стачек, имевших по своим последствиям огромные результаты. Кроме того, что рабочие добились некоторого улучшения своего экономического [положения], кроме того, что они показали, какую силу представляет рабочий класс, как боится этой силы правительство» (Большевистская печать: Сб. материалов. М., 1959. Вып. 1: 1895–1903 гг. С. 72).
[7] Это означало, что были взяты полицией при обыске в издательстве.
[8] П.Б. Струве и А.М. Калмыкова.
[9] «Болезнь Путмана» – означает арест и заключение А.Н. Потресова в тюрьму (см. прим. 11 к док. 243).

[10] Последний абзац приписан между строк на перевернутом первом листе. В первую публикацию он не вошел.

248
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, февраль
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

господин из столицы[2] подробно и хорошо знает о моих отношениях с фондистами[3], – узнал о них в Берлине от «Кошеня»[4] и тем не менее вел с ними, тайно от меня, дружескую переписку. Подумайте только, какую же цену могут иметь в его глазах мои сообщения о фондистах? Меньше, чем Ваши, Павловы, а ведь знаю я подробнее, чем Вы, только про их отношение ко мне: 1) что они такое вообще, Вы с Павлом, конечно, знаете столько же, сколько и я. Их отношение к соц[иал]-дем[ократам] видно из их «Листка», вышедшего после конгресса[5]. (Он, верно, есть у Блюм[енфельда] и Гинзб[урга], а нет, – могу достать). К нам это отношение отрицательное, а к российским россиянам пока никакого, – просто полагают, ч[то] стачки[6] подготовлены всеми партиями. Но как только питерцы[7] завяжут с ними тесные сношения (а это для фондист[ов] по 1.000 денежных причин очень важно), они не постоят за тем, ч[тобы] и соц[иал]-дем[ократами] себя заявить. И теперь в письмах к любителю рабочих брошюр[8] они (отсюда вижу эти письма в кармане у «любителя»), наверное, изображают себя кроткими, обиженными и готовыми к услугам ангелами. Если питерцы т[ак] «беспартийны», что «Листок» о конгрессе не мешает их сношениям с фондистами, – что же можно прибавить к этому? Плохо фондисты относятся лишь к партийным (не предоставляющим им никаких выгод) с[оциал]-д[емократам], а к беспартийным – великолепно. Писать же об их отношении ко мне в данную минуту некрасиво, унизительно с моей стороны, – это значило бы ставить свои чувства выше денег для стачечников. Ведь – и это главное – я не могу собирать, во всяком случае не могу столько, сколько могут фондисты. На этот раз они не собирали[9] и мне, насколько могли, мешали, но, если россияне войдут с ними в сношения, они будут собирать изо всех сил,– это для них самих, для их прокормления около англичан необходимо, а посылать деньги будут, – прокормление само собой улучшится. Они соберут неизмеримо больше меня уже по той простой причине, что их много, и все они ничего не делают, все специалисты по всякого рода собираниям и обираниям, а у меня здесь нет ни одного помощника по сборам, кроме Селитренного. Вы скажете (к[а]к говорили осенью) – Элеонора. Она ничего не делала, кроме прочтения моей речи, и то по усиленным просьбам. Она объясняла мне это тем, что на своей попытке (еще осенью) собирать для заключенных стачечников убедилась, что ее участие, как заведомой партийной социалистки, при беспартийности англичан может быть только вредно при сборах. И она, конечно, права и не по одной этой причине, но и по этой тоже. А эта причина, после моей полемики с Волх[овским][10], относится и ко мне. Адольф Смит, не желающий мне ни малейшего зла, просит меня указать ему кого-ниб[удь], кому бы мы вполне доверяли, но кто в то же время не б[ыл] бы известен своей партийностью, с таким кандидатом в комитете Fr[ee] R[ussia], вместо меня, ему легче

б[ыло] бы там действовать. Я не могла указать здесь никого, как видите, и в его глазах выгоды моей известности перевешиваются невыгодами партийности. И вообще все представление о том, ч[то] я гожусь для сборов, основано лишь на моей известности, а здесь она не может быть полезна, скорее наоборот. Вот Вам объективное доказательство. После смерти Сергея некоторые ультраконсерваторы упомянули в газетах о том, что он политич[еский] убийца[11]. Его друзья подняли в прессе крик, ч[то] это клевета. Они отлично знали, ч[то] не клевета, но все же желали смыть с памяти Сергея это пятно. Затем англичане консервативны, они давно привыкли считать фондист[ов], – Волховского глав[ным] обр[азом] – специалистами по русским делам. Благодаря его лекциям о «his life»[12], – это известно в очень широких кругах: нужны бы годы самого упорного, безостановочного труда с моей стороны, ч[тобы] добиться такого положения. У меня не хватит времени. Для меня эти сборы равносильны самоубийству самым мучительным в мире способом, посредством нравственных неприятностей, которые, благодаря моей страшной нервности, неправильному отправлению сердца (это и здешний мой доктор констатировал) и неполному порядку легких, скорехонько переходят в формальную (с лихорадкой, обмороками и проч.) болезнь. Это Воден и его барышня могут засвидетельствовать. И Вы можете припомнить, ч[то] на мне тяжелые волнения и раньше в этом роде отзывались, но теперь только в 100 раз сильнее. Но, оставя это в стороне, я убеждена, что еще раньше окончания самоубийства питерцы вступят в сношения с фондистами, хотя бы на этот раз нам и удалось помешать им. Этого требуют экономические интересы обеих сторон, и для Англии фондисты самые естественные сборщики. Не надо забывать, что годовой оборот не то ч[то] Питерской, а Виленской с[оциал]-д[емократической организации] (это Селитр[енный] констатировал: он печатает их жаргонный орган)[13] вдвое больше, чем годовой доход и расход здешней с[оциал]-д[емократической организации], а мы с Сел[итренным] с них только и собрали. Фондистам сношения с пит[ерцами] необходимы, – они всячески будут улещать и подкупать питерц[ев], и помешать их успеху могла бы лишь отчаянная партиозность «Союза»[14], вроде как была у Пут[мана][15]. Надо бы, ч[то] бы они считали дарами Данайцев[16] все выходящее от несоц[иал]-дем[ократов]. Этого нету, а поэтому сношения будут. Если теперь нам и удалось бы вбить в них суровую партиозность, то при беспрерывной смене поколений во главе «Союза» она исчезнет через несколько месяцев. Не выгоднее ли нам при таких условиях, чтобы неизбежные и с денежной стороны полезные сношения эти начались с нашего ведома и благословения, а не против нас? В первом случае, м[ожет] б[ыть], возможно бы уберечь россиян от литературной белиберды и путаницы, которую постараются внести фондисты, подобравшись к движению, а деньги на стачки пускай бы себе собирали. Я обо всем этом (даже считая питерцев партийными) давно уже писала Павлу. Вам не писала, думая, ч[то] Вы мало этими делами интересуетесь, а теперь излагаю, ввиду Ваших разговоров с делегатом. Завести сношения без моего ведома доказывало бы, что «времена, нами переживаемые, отличаются совершенно бесполезной жестокостью», т[ак] к[а]к ясно, ч[то] фондисты должны этими сношениями воспользоваться, ч[то] бы устроить мне какую-ниб[удь] пакость, а с ведома, ей Богу, нам не следует мешать этому. Вы скажете, ч[то] все это противоречит моему письму о плане Смита насчет вытеснения из комитета «Fr[ee] Russ[ia]» фондистов? Да, виновата, Смит с Мендельсоном мечтали, а я поверила. Да, оно, быть может, и можно, но для этого нужно долгое время (комитет «F[ree] R[ussia]» собирается один раз

в месяц) и, вероятно, другой человек, а не я[17]. И сам Смит с его планами – явление исключительное. Он лично зол на фондистов, очень дружен с Мендельсонами, и вдобавок я два раза дала ему (а он корреспондент «Таймса») известия, которые лишь позднее подтвердились в газетах. Пусть бы делегат съездил к фондистам, но только хорошо, кабы после моего отъезда отсюда.

А какая сказочная судьба органа «птицы Сирены» и протопопа Аввакума! Это прямо-таки носит характер сказочного, восточного эпоса, любящего яркие законченные противоположности[18]. Но подлый Бонч-Бруевич это погубит. Он об этом написал Сел[итренному] с поручением...

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.144. Л. 1 – 5 об. Автограф. Конец письма отсутствует. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 179–183. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании иносказательного упоминания о переходе журнала «Новое слово» к марксистской редакции и воспоминаний К.М. Тахтарева о знакомстве с членами Группы в Швейцарии (*Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге 1893–1901. Л., 1924. С. 106–112). См. также: след. прим.

[2] «Господин из столицы» – скорее всего, имеется в виду К.М. Тахтарев, которому, как активному члену «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», принимавшему участие в забастовочном движении 1896–1897 гг., в связи с начавшимися в феврале 1897 г. арестами пришлось срочно покинуть Петербург. Знакомство В.И.Засулич и К.М. Тахтарева состоялось в Цюрихе, куда в марте 1897 г., получив вид на жительство, она перебралась из Лондона.

[3] То есть сотрудники Фонда Вольной русской прессы.

[4] *Кажется, кличка тов. Бухгольца.*– Прим. Л.Г. Дейча.
В АДП сохранилось письмо В.А. Бухгольца к Г.В. Плеханову от 22 февраля 1897 г., в котором он пишет: «К Вам явится с письмом от меня прибывший из С-Петербурга представитель «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». О его приезде я был предупрежден товарищами из России, описавшими мне его приметы и указавшими пароль, с которым он ко мне и явится» (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 359. В 78.8. Л. 1).

[5] Отчет о Лондонском конгрессе II Интернационала, еще до выхода в свет официального отчета, был помещен в № 35 «Летучих листков», издаваемых Фондом Вольной русской прессы, вышедшем 15 сентября 1896 г. (С. 2–7) за подписью «Н.Ч.». Автором этой публикации был Н.В. Чайковский. В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранится подшивка «Летучих листков» за 1893–1899 гг. № 1–45 (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. 1127–1132).

[6] Имеются в виду стачки в январе 1897 г. в Петербурге, охватившие около 15 тыс. рабочих разных фабрик и заводов. Они заставили правительство ускорить издание закона об 11,5-часовом рабочем дне.

[7] Имеется в виду петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

[8] Вероятно, имеется в виду Л.Б. Гольденберг, объявлявший себя социал-демократом и входивший в группу Фонда.

[9] Если летом – осенью 1896 г. Фонд Вольной русской прессы развернул большую организационную работу по сбору средств в пользу русских стачечников (см. отчеты о поступивших средствах в «Летучих листках» № 33–36), то в 1897 г. никаких шагов в поддержку русских рабочих, участвовавших в январских стачках, Фонд не предпринял. «К несчастью, сведения, полученные здесь о новой стачке, – говорилось в «Летучем листке» № 38 от 12 марта 1897 г., – были до того скудны и сбивчивы, что на них невозможно было построить никакой систематической агитации. С другой стороны, английские тред-юнионы как раз в это время напрягали все свои силы для поддержания нескольких стачек у себя дома, а также – гамбургской».

[10] Полемика В.И. Засулич с В.Ф. Волховским касалась вопросов организации в Англии сборов в пользу русских стачечников. Засулич, как представитель группы «Освобождение труда», настаивала, чтобы все сборы пересылались через петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

[11] Имеется в виду убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцова 4 августа 1878 г.

[12] По приезде из Сибири в Англию Волховский, разъезжая по этой стране, читал платные лекции «О моей жизни».
[13] Первые рабочие кружки возникли в Вильно (Вильнюсе) около 1887 г., формирование социал-демократической организации относится к 1893–1896 гг. В 1895 г. Виленская социал-демократическая группа (Русские социал-демократы) издавала в Вильно гектографическим способом листовки и газету «Рабочий день». В апреле 1896 г. на польском языке вышел в свет первый социал-демократический орган «Литовский рабочий». 1 мая 1896 г. в Вильно состоялся первый съезд Социал-демократической партии Литвы, на котором преобладающее влияние имело правое националистическое крыло. Возможно, имелась в виду издаваемая с марта 1897 г. в Вильно гектографированная газета (с иллюстрациями на злобу дня «Отголоски из жизни рабочих»). В ней рассказывалось о движении христианских рабочих, которые в силу разницы языка и других причин организованы совершенно самостоятельно от еврейского пролетариата (см.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961. Т. 4. Ч. 1. С781–782).
[14] Речь идет о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».
[15] Путман (А.Н. Потресов) в июне 1896 г. приезжал в Женеву, в соавторстве с Г.В. Плехановым и П.Б. Струве составил доклад российской социал-демократии Лондонскому конгрессу II Интернационала, был участником этого конгресса. После возвращения в Петербург, в связи с арестами, обескровившими «Союз», практически руководил его работой, был его главной литературной силой. Арестован в декабре 1896 г. Говоря об «отчаянной партиозности» «Союза» В.И. Засулич имела в виду то, что «Союз борьбы» был авторитетной социал-демократической организацией, твердо стоявшей на позициях марксизма и отстаивавшей интересы рабочего класса.
[16] Дар данайцев – согласно легенде, деревянный конь, подаренный троянцам воевавшими с ними греками (данайцами), скрытый внутри этого коня отряд греческих воинов открыл ворота города своим войскам, и Троя была взята и разрушена. В переносном значении – дар, сделанный с предательским умыслом, гибельный для того, кто его получил.
[17] Далее две строки вымараны.
[18] *«Птицей Сирин» В.И. и Г.В. называли Кривенко (см.: «Монист. взгляд»), а «протопопом Аввакумом», кажется, – В.В. (В. Воронцова). В чем «сказочный, восточный эпос» – не знаю; также не понимаю дальнейшего.* – Прим. Л.Г. Дейча.

Сирены (греч.) – полуптицы-полуженщины, согласно «Одиссее» обитающие на острове, лежащем между островами Кирки и Скиллой, своим волшебным пением увлекающие мореходов, которые становились добычей хищных Сирен. В древнерусском фольклоре образ Сирен запечатлелся в образе райской птицы Сирин, представлявшейся птицей с девичьим лицом.

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) – протопоп, один из основателей старообрядчества, писатель.

Вероятно, имеется в виду кардинальное изменение направления журнала «Новое слово», который в течение почти полутора лет, с марта 1895 г. по декабрь 1896 г., существовал под идейным руководством С.Н. Кривенко (В.П. Воронцов входил в число сотрудников) как умеренное либерально-народническое издание. Ввиду разногласий Кривенко с издательницей О.Н. Поповой, в феврале 1897 г., журнал был передан новому собственнику – М.Н. Семенову, который и передал журнал марксистской редакции во главе со П.Б. Струве (*Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 110–112). С апреля и до декабря 1897 г. журнал выходил как марксистский орган. Последняя декабрьская книжка была конфискована при выходе в свет, а журнал прекращен постановлением четырех министров.

249
В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду и Г.В. Плеханову[1]

1897, февраль
Лондон[2]

Дорогой Павел,

насколько могу припомнить, я отвечала на все в Ваших письмах[3]. 200 фр[анков] получила и заранее (авансом) послала из них 7 фун[тов] (70 руб[лей]) в Питер[4]. Вы писали, что американских денег было 189 фр[анков]. Я послала из них

175 фр[анков], да на пересылку (вместе с 1.000 руб[лей] Томсона[5]) пошло 5 фр[анков], остается, следовательно, из них не отосланными 9 фр[анков].

Оказывается, ни в Берлине, ни в Швейц[[арии] нет адреса для отсылки денег. Прислали мне сюда 21½ фунт стерл[ингов], но когда я уже отправила 1.070 рублей, а два раза подряд я не могу послать, будут валяться здесь. Вот досада-то!

Комитету английских «Друзей русской свободы»[6] несколько англичан предложили пригласить меня, т[ак] к[а]к, мол, русское движение слишком односторонне представлено в этом обществе. Перепуганные фондисты[7] устами одного близкого им англичанина[8] объявляют, что меня невозможно пригласить, так как я «дурно говорила об английском комитете общества «Др[узей] р[усской] св[ободы]». Изящно! И ложь вдобавок. Ничего я о нем не говорила.

Затем Чайковский[9]сказал длинную речь о негодности (нетерпимости, злости, приписывания современного движения деятельности с[оциал]-дем[ократов] и проч[ее]) таких соц[иал]-дем[ократов], как я и моя компания, но прибавил, что есть и хорошие соц[иал]-дем[ократы], с которыми можно иметь дело: один в Вене живет, другой – у них в Фонде работает, вот его и следует пригласить, он вдобавок и с Засулич близок «как рука с перчаткой» – английская пословица, – причем, надо заметить, что этого фондиста – соц.-демокр[ата] Ротштейна – я только вчера в первый раз увидала, уже после заседания комитета. Вы видите из этой истории, что против нас вообще, и меня в частности фондисты на все способны. Чтобы отпечатать прокламацию Тома Мэна[10] особой деятельности им не надо было, а надо было только, чтобы Том Мэн думал, что они представляют движение, но против меня они очень деятельны. Пред Томсоном, приславшим мне 1.000 руб[лей] и взявшим обратно внесенные прежде в «Общество д[рузей] р[усской] с[вободы]» деньги на стачку, они стараются теперь меня оклеветать. Их много, а я абсолютно одна. Русских с[оциал]-д[емократов] здесь только Селит[ренный] (Водена считать нечего), он старается, но беспрерывно своим безвкусием, бестактностью ставит меня в неловкое положение. При моей нервности действовать при таких условиях для меня адская мука.

[11]Перешлите мое письмо с этого места Жоржу и «Союзу»[12]. Но, с другой стороны: если можно откуда-ниб[удь] получать значительные деньги для стачек, то только из Англии (да разве из Амер[ики]), не от рабочих: трэд-юни[оны] как таковые будут вотировать помощь из своих касс (они ведь этого и летом не сделали) лишь тогда, когда стачечный комитет будет заседать открыто и его секретарь открыто переписываться с их секретарями и немедленно посылать расписки в получении каждого фунта, и в русских газетах будут ежедневные отчеты о ходе стачки. Словом, – после конституции. По подписным листам много не насбиралось. На этот раз среди социалистов и евреев сборы идут, говорят, хорошо, но вторично, если бы летом опять была стачка, тут уж ничего не возьмешь.

Но среди буржуазии есть элементы, способные увлекаться всякими чужими делами и давать деньги. Тех, чье увлечение направлено в сторону России, Сергей успел свести в «Общ[ество] друз[ей] р[усской] с[вободы]». Я думаю, что обязательно более или менее сделать, что возможно, чтобы дать этому обществу (ведь англичане не виноваты, что их надувают фондисты) возможность помогать русскому движению через нас. Если мы не захотим этого сделать, то должны бы посоветовать русской организации войти в прямые сношения с фондистами, но тем самым сделать их представителями нашего движения и пред заграницей, и пред русским обществом в своих листках, которые тогда сделаются интересными.

Я решаюсь продолжать пытаться достигнуть первого. Комитету[13] напишу заявление, что никогда и ничто дурного о нем не говорила. А наш швейцарский «Союз» прошу прислать мне протест против возможности для Ротштейна представлять соц[иал]-дем[ократов] или русское движение, словом, что бы то ни было, наше. Быть может, я таким образом все-таки попаду в комитет. Но тогда уезжать из Лондона уж и думать нечего. Или надо найти на мое место верного с[оциал]-д[емократа], говорящего хоть кое-как по-англ[ийски] или хоть по-французски.

Обратите, пожалуйста, Павел, внимание на мою следующую просьбу: напишите, правда ли, что Гранковский, столько лет бывший просто фондистом, стал шпионом, как печатают о нем фондисты?[14] Других доказательств, кроме того, что он стал против них писать, они не приводят. Бога ради, пришлите мне (ведь они в Цюрихе выходят, достать нетрудно) те номера «Russische Zustände[15]», где он на них нападает, и какие-то брошюры «Может быть, и псевдоним!»[16], произведения которого они прежде печатали и страшно его доили. Никакого неосторожного употребления я из этого не сделаю, но знать мне надо про них как можно больше. Пожалуйста, исполните эту просьбу. Обязательная работа по 15 ч[асов] в сутки над речами, статьями, письмами и, пока не слегла, беготней у меня скоро кончится, а я слишком и больна, и возбуждена, чтобы приняться за литературн[ую] работу или ходить в музей[17]. Поэтому знакомиться со всем, касающимся наших отношений и русского движения, – как раз мое теперь дело. Да оно мне и обязательно. Поэтому низко кланяюсь и покорно прошу Вас прислать Вашу переписку с Москвой. (Отчет о движении в Москве мне прислали, но никакого «извинительного письма».)

РНБ. АДП. Ф. 1098. Оп.1. Ед. хр. 189. В 487.185. Л. 1 – 5 об.
Автограф с позднейшими пометами Л.Г. Дейча. РГАСПИ.
Ф. 262. Оп. 1. Д. 26. Фотокопия с части автографа. Опубл.:
Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 168–170.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] По верхнему полю первого листа позднейшая помета Л.Г. Дейча: *«Хотя обращение к П.Б. Аксельроду, но письмо это предназначалось и Г[еоргию] В[алентиновичу Плеханову]».*

[2] Датируется по содержанию.

[3] Далее два слова вымараны. Письма П.Б. Аксельрода не разысканы.

[4] Имеются в виду январские стачки 1897.г. в Петербурге, охватившие в общей сложности около 15 тыс. рабочих разных фабрик и заводов. Организационное руководство стачкой взял на себя Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В листовках «Союза борьбы» «К рабочим петербургских бумагопрядилен и ткацких» 7 января 1897 г. были сформулированы основные требования стачечников, и прежде всего, требование сокращения рабочего дня. Январские стачки в Петербурге содействовали ускорению принятия закона об 11,5-часовом рабочем дне.

[5] См. прим. 8 к док. 244.

[6] «Общество друзей русской свободы» было организовано в 1890 г. по инициативе С.М. Степняка-Кравчинского, П.А. Кропоткина, Роберта С. Ватсона и Д. Фалька с целью привлечения общественного мнения и распространения сведений об истинном положении русского народа и о борьбе с абсолютизмом. Общество издавало свой журнал «Free Russia».

[7] Фонд Вольной русской прессы – организация русских политических эмигрантов в Лондоне, основанная в 1891 г. с целью издания и распространения революционной и запрещенной в России литературы. Основатели Фонда С.М. Степняк-Кравчинский, Ф.В. Волховский, Н.В. Чайковский и др. составили комитет, который располагал собственной типографией и складом для хранения изданий.

[8] Вероятно, имеется в виду Г.-Д. Перрис. Этот эпизод В.И. Засулич описала в письме к Ф.М. Степняк-Кравчинской (см.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». С. 161) и в письме к Г.В. Плеханову (док. 244).

[9] Н.В. Чайковский был почетным секретарем Соединенного комитета по организации помощи петербургским стачечникам, представителями от Фонда Вольной русской прессы в этом комитете были Ф.В. Волховской и Л.Б. Гольденберг.

[10] Имеется в виду прокламация Тома Манна «К нашим товарищам в России», изданная Фондом Вольной русской прессы в Лондоне 6 января 1897 г. В конце текста: Том Манн. 5 янв. (н. ст.) 1897 г. Перед текстом: «(Перевод с английского)». В прокламации звучит призыв создавать союзы, присоединяться к Международной федерации судорабочих и оказать материальную помощь бастующим портовым рабочим Гамбурга.

[11] Это предложение вписано карандашом между строк.

[12] «Союз русских социал-демократов за границей».

[13] Имеется в виду «Общество друзей русской свободы».

[14] См. прим. 13 к док. 244.

[15] В журнале время от времени печатались материалы, компрометирующие деятельность Фонда Вольной русской прессы. В 1896 г. за подписью К. Гронковского были выпущены на русском и немецком языках памфлеты под названием «Die Dekadenten» и «Финансовые подвиги Лондонского фонда», в которых автор доказывал финансовую нечистоплотность членов Фонда.

[16] Судя по ответам, помещенным руководителями Фонда Вольной русской прессы в «Летучих листках» за 1896 г. (№ 32. С. 11; № 36. С. 10–11), лицу, скрывавшемуся под псевдонимом («Может быть, и псевдоним»), последний обвинял членов Фонда в использовании пожертвований не по назначению, выдвигал требования изменить цели издания и план действий. История взаимоотношений редакции «Летучих листков» и «Может быть, и псевдонима» подробно рассмотрена в № 36 «Летучих листков» (1896 г.).

[17] Библиотека Британского музея.

250

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, февраль

Лондон[1]

[2]...Несколько англичан, членов «F[riends] of R[ussian] F[reedom]»[3], ввиду того, что русские члены (Волховской, Гольд[енберг], Чайковск[ий]) «Friends of Russian Freedom», очевидно, не имеют никаких сношений с идущим теперь в России движением[4], предложили этому Обществу просить меня, как имеющую сношения, вступить в него. На это одна английская кукла Волховского встала и заявила, что ей из верного источника известно, что я дурно говорила о «Друзьях русской свободы»[5] (ничего я никогда об англичанах-«Друзьях» не говорила), а потому, очевидно, откажусь, – незачем мне и предлагать. Этим моя кандидатура была устранена. Ничего не вотировали относительно меня. Затем Чайковский долго говорил, что соц[иал]-дем[ократы] бывают разные. Я и мои друзья нетерпимы, желают все себе приписывать; не признают террористов. Но есть хорошие соц[иал]-дем[ократы], с которыми они в сношениях. Те живут в Вене, но один есть и тут. Ротштейн, которого и Засулич хорошо знает. Его-то они и предлагают. Провотировали и решили пригласить.

Этот Ротштейн соц[иал]-дем[ократ], но работает по литературной части у фондистов[6]. Он справлялся, по моей просьбе, о 100 фун[тах], но знаю я его совсем мало, впечатление от него неудовлетворительное, а главное: «Чего враг желает, – наверное, вредно». Мои сторонники-англичане желали бы продолжать кампанию[7]. Для чего я заявлю, что дурно о «Друзьях» не говорила (обвинения

фондистов в клевете), а Ротштейн или отказывается, или будет заявлено, что через него сношения с русским движением установлены не будут. Я нахожу, что будет лучше, если последнее заявление сделаю не я, а заграничный «Союз»[8], имеющий право (это вотировано на Лондонском съезде) представлять русский союз. Пусть это будет в форме частного письма ко мне, хотя бы Вас, Жорж, но чтобы Вы говорили за «Союз» или секретаря «Союза», на мой запрос – ответ мотивировать в таком роде, что г. Ротштейн, как Вы слышали (будто даже не от меня), работает у фондистов; я Вам писала, что предложили его «Друзьям» фондисты, а между тем с фондистами социал-дем[ократы] не имеют и не будут иметь ничего общего, поэтому г. Ротштейну не следовало бы брать на себя представлять с[оциал]-дем[ократов]. Я постараюсь, ч[то]бы Ротштейн сам отказался, и надеюсь, что он (если он честный человек) это сделает. Но на всякий случай мне надо иметь такое письмо. О заявлении Либк[нехта], что я представляю с[оциал]-дем[ократов], я просила Бухг[ольца].

Ободрение студентов, к[а]к выдумал Бухг[ольц], конечно, глупости, но заявление Либкн[ехта] или нашего «Союза», ч[то] представляю с[оциал]-дем[ократов], а с «Фондом» они не имеют ничего общего, мне вначале б[ыло] бы очень полезно. Ведь начав сгоряча (по приказу из России через редакц[ию] «Vorwärts'a») агитацию, я очутилась без самомалейшей бумажонки лицом к лицу с врагами. Цель моя теперь такая, ч[тобы] «Общество друзей» распалось (или из него вышли фондисты), а на его развалинах образовался [бы] постоянный комитет для сбора в пользу стачечников, совершенно наш. Ведь стачки будут продолжаться и будут очень короткие. Всякий раз комитеты устраивать невозможно, нужен постоянный.

Все Ваши швейцарские деньги Бухг[ольц] прислал мне для пересылки. Кабы дней на пять раньше, т[ак] они уже в Питере б[ыли] бы, а теперь полежат: два раза подряд не могу посылать.

[9]Я еще ни слова сама против фондистов не говорила. Все само делается. Я постараюсь, чтобы и впредь так было. Но на всякий случай мне нужно вооружение.

[10]Правда ли, что Гранковский шпион, как говорят фондисты? Или только с ними поссорился? Постарайтесь прислать мне его произведения против них. Не бойтесь, слишком воинственной я не буду.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В487.140. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 166–168. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется в сравнении с док. 249.
[2] Начало письма отсутствует.
[3] См. прим. 6 к док. 249
[4] Имеется в виду забастовочное движение 1896–1897 гг.
[5] Вероятно, Г.-Д. Перрис.
[6] То есть члены Фонда Вольной русской прессы. См. прим. 7 к док. 249.
[7] Речь идет об организации в Англии сбора средств для оказания материальной помощи российским стачечникам. По поручению «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» этой работой занималась В.И. Засулич.
[8] Имеется в виду «Союз русских социал-демократов за границей» (1894–1903). Основан в конце 1894 г. в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда» на условиях признания всеми его членами программы группы. «Союз» издавал литературу для России. Группа «Освобож-

дение труда» входила в него и редактировала все его издания. I съезд партии признал «Союз» единственным представителем интересов партии за границей.

[9] Текст этого абзаца приписан между строк в верхней части перевернутого первого листа.

[10] Заключительный абзац написан по верхнему полю перевернутого развернутого листа.

251
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову и И.С. Блюменфельду

1897, февраль
Лондон[1]

Дорогие Жорж и Блюменфельд,

coup d'état[2], как Вы называете, мне представляется целью довольно отдаленною. Внушила мне ее оппозиция, т.е. собственно Адольф Смит. По его словам, фондистами[3] многие недовольны в Обществе «Fr[iends] of R[us[sian] Fr [eedom]»[4], но, не зная других русских, все-таки судят с их слов. Будучи в обществе, при неимоверной глупости Чайк[овского] и Гольденб[ерга] нетрудно, вероятно, б[ыло] бы уличать их время от времени во лжи, в извращениях и проч.

Газета «Free Russia» непременно будет нести буржуазный вздор даже после всяких coups d'état, если бы они и произошли. Глава общества Спенс Ватсон – один из редакторов «Daily News» и любит писать статьи в ««F[ree] R[ussia». Его с[оциал]-д[емократом] не сделаешь. Я была бы рада убедить себя, что не обязана вступать в это Общество. Мне казалось, ч[то] обязана, если важно собирать здесь деньги на стачки. С трэд-юнионов до конституции ничего не возьмешь (ведь они и летом из касс ничего не дали[5]). Теперь дают социалисты и евреи, но они бедны, в другой раз к ним скоро мудрено обращаться, а летом, вероятно, будут опять большие стачки. Здесь имеются буржуа с фантазией помогать России (другие – армянам [в] кубе даже). Через фондистов они теперь делать этого не могут. Про эту стачку[6], которую большая пресса замолчала, фондисты говорили «Друзьям р[усской] с[вободы]», что стачка плохая, потому они о ней и не заботятся. Те и поверили, конечно. Мне казалось, что должно дать этим англичанам возможность помогать стачкам, а этого нельзя сделать без близкого соглашения между Петерб[ургским] «Союзом»[7] и Фондом или без вступления путного соц[иал]-дем[ократа] в английское «Общ[ество] друзей р[усской] с[вободы]». В этом обществе англичане самых разнообразных взглядов: полтора с[оциал]-д[емократа] (не из теорет[иков], вдобавок), фабианцы, христиане, виги и тори[8]. Общее у них – лишь «дружба» к «русской свободе». Мне казалось неважно, что они врут в газете. Если бы я попала туда, то как представительница определенного дела, определенных интересов могла бы писать о своем деле в их газете за своей подписью. Если я не буду приставать к Смиту, – оппозиция расти не будет, а просто забудет об этом, а само «Общество» (без Сергея, к[ото]рого все там любили) просто умрет со скуки.

Я и не буду трогать Смита. Лично мне очень тяжело было бы вступить туда (враждебная в большинстве атмосфера и моя робость даже и с невраждебными иностранцами), да и из Англии нельзя бы уехать. Но если, паче чаяния, и при моем бездействии мне все-таки предложат вступить, надо будет принять (лучше после выйти, – болезнь не может помешать ответить на пригласительное письмо), а то поставишь в неловкое положение Смита с компанией.

Сразу Ваши листки были бы лучше моих (формальнее, основательнее), но теперь уж заменять не стоит. Выйдет одна путаница.

Вчера послала Вам, Блюменфельд, корреспонд[енцию] из Одессы с частью материала. Сегодня – 4 № «Нар[одной] вол[и]»[9] и тоже материал. Остальное пришлю на днях. Когда получите что об этой стачке (прокл[амацию], корреспонд[енцию])[10], – пришлите мне, Бога ради, хоть на два дня, чтобы успеть списать и тотчас отослать. Я ведь аккуратна на это. Мне все еще очень нездоровится.

Вера

[P.S.]. Я уже писала Вам, что Ваши 200 руб. (т.е. только 537 фр[анков] 50 с[антимов].), пришедшие от Бух[гольца] после отсылки 1.070 руб., лежат пока. Но я рассчитываю получить возможность опять послать, так ч[то], если у Вас нет возможности послать иначе остальные деньги, пришлите их через банк на адрес Мендельсона (4 Harcourt Building. Temple E. C. London).

У меня с получками часто выходит путаница и большая беготня, а я пока совсем не могу выходить.

Когда выйдет Руссо, – «неясно»[11], в другом письме – «неизвестно». Болезнь Путмана[12], произошедшая вначале лишь от злой случайности, осложнилась неудобным временем, и его состояние ухудшилось. Огромная это потеря во всех отношениях. Руссо-то – черт с ним! Без Пут[мана] легче наделать глупостей слишком быстро сменяющимися поколениями практиков. Его друг[13] влияния на них иметь не будет, а он имел.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.52. Л. 1–3.
Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5.
С. 170–172. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию и сопоставлению с текстом док. 249 и 250.
[2] Государственный переворот (*фр.*).
[3] Члены Фонда Вольной русской прессы. См. прим. 7 к док. 249.
[4] «Общество друзей русской свободы». См. прим. 5 к док 255.
[5] Имеются в ввиду летние стачки в Петербурге в 1896 г.
[6] Имеется в виду январская стачка в Петербурге в 1897 г.
[7] «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».
[8] Фабианцы – члены «Фабианского общества» («Fabian Society») – организации, основанной в Великобритании в 1884 г. (См. прим. 13 к док. 223). Христиане – последователи христианства (от греч. Christós, букв. – помазанник), главной идеей которого является вера в искупительную миссию Иисуса Христа, предстоящее второе пришествие Христа, небесное воздаяние и установление Царства небесного.

Виги – английская политическая партия XVII–XIX вв., возникшая как группировка, выражавшая интересы обуржуазившейся аристократии и крупной торговой и финансовой буржуазии, не желавших восстановления королевского абсолютизма. В середине XIX в. виги образовали Либеральную партию Великобритании, за представителями которой в неофициальном обиходе сохранилось название «виги».

Тори – английская политическая партия XVII–XIX вв., возникшая как группировка сторонников абсолютизма. В середине XIX в. на ее основе сложилась Консервативная партия Великобритании, за сторонниками которой в неофициальном обиходе сохранилось название «тори».

[9] Вероятно, речь идет о материалах, посланных В.И. Засулич для очередного сдвоенного номера непериодического сборника «Работник» (1897. № 3–4), который готовился в это время в Женеве. Так, во втором отделе этого номера имеется публикация «Работницы в модных и шляпных мастерских в Одессе» (С. 78–87), а в последнем разделе под названием «Библиография»

за подписью «Один из приверженцев» помещена рецензия на «Летучий листок "Группы народовольцев"» (№ 4), изданный в С-Петербурге 9 декабря. 1895 г. в типографии «Группы народовольцев». (С. 159–164).

«Группа народовольцев» – название двух петербургских революционных организаций, преемственно связанных между собой. Первая из них возникла в 1891 г. и разгромлена в 1894 г. Вела пропаганду среди рабочих, издала в Петербурге в летучей типографии два номера «Летучего листка» (№ 1 в сентябре 1892 г., № 2 в мае 1893 г.). Объявляя о верности основным принципам народовольчества, Группа вносила в свою практику новые черты, связанные с изменением социально-политической обстановки в России и влиянием русской социал-демократии. Вторая «Группа народовольцев» («Группа молодых народовольцев»), в которую вошли несколько членов первой Группы, избежавших арестов, эволюционировала в сторону марксизма и в практической работе сблизилась с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». В конце февраля 1895 г. была восстановлена типография Группы, так называемая Лахтинская (Лахта – дачный поселок под Петербургом), захваченная полицией 24 июня 1896 г. В этой типографии было выпущено два «Листка» – № 3 в апреле и № 4 в декабре 1895г.

[10] Имеются в виду январские стачки 1897 г. в Петербурге.

[11] Книга В.И. Засулич «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей» была закончена в начале 1897 г. и переправлена в Россию. Издана в сокращенном виде (без последней, четвертой главы, не пропущенной цензурой) в Петербурге в 1899 г. под псевдонимом Н. Карелин.

[12] Имеется в виду арест А.Н. Потресова в С-Петербурге 22 декабря 1896 г. (4 января 1897). А.Н. Потресов занимался подготовкой издания книги В.И. Засулич.

[13] Имеется в виду П.Б. Струве.

252

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1897, начало[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Вчера посетил меня Геритье[2], от которого я, между прочим, узнал, что ты опять болеешь и дети твои в скарлатине[3], больше я от него ничего добиться не мог. Я все время колебался, писать ли тебе, т.е. приставать ли к тебе с разными вопросами и т.п. «Что деньги в такой момент будут, по меньшей мере, нелишни – это ясно и без расспросов, а раз не имеешь возможности послать хоть несколько сот франков, незачем писать». И вот я все-таки пишу, так сказать, против соображений рассудка. Дело в том, что в голове зароились всякие планы или, вернее, обрывки таковых. Но я ни на чем не мог и не могу остановиться, ибо все они рассчитаны на крайность, на случай необходимости. Ты, быть может, поймешь мою психологию, если примешь во внимание, что для того, чтобы...[4]

Автограф не разыскан. РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 304. В 13.8. Л. 1. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 163–164. Публикуется по машинописной копии.

Примечания

[1] Датируется на основании факта болезни Г.В. Плеханова и его детей.

[2] Л. Эритье.

[3] *По этому поводу Р.М. Плеханова сообщает нам: Плеханов в это время заболел тяжелой ангиной, как потом выяснилось скарлатинозного характера. Некоторое время спустя, заболела*

младшая дочь, Евгения Георгиевна, очень злокачественной формой скарлатины. Так как характер болезни Г.В. был не ясен врачам, то Розалия Марковна настояла на том, чтобы его перевезти, во избежание заразы, в пансион и поставить его в хорошие условия для поправки. Экстраординарные расходы, вызванные заболеванием двух членов семьи, нарушили бюджет хозяйства. Заработка Р.М. не хватало; издатели не платили за труды Георгия Валентиновича, и материальная нужда опять вошла в дом Плехановых.

Считаю поучительным прибавить здесъ, что приблизительно в эту эпоху в семье Плехановых гостил тов. К., который позже, в 1906 г., стуча кулаком себе в грудь, уверял петербургских пролетариев, что Плеханов живет, как буржуй. «Он у них жил, он сам видел!!» – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] На этом текст обрывается

253
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1897, до 2 марта[1]
Женева

Дорогой Павел,

ты хочешь знать, в каком положении мое здоровье и мои финансы. Я должен сознаться, что в плохом. Вот уже более семи месяцев, как на меня нападают решительно все болезни, причем нападают не сразу, а по очереди, так что едва оправившись от одной, я благоприобретаю другую. Скоро ли это кончится и кончится ли когда-нибудь иначе, как с моей смертью, я не знаю. Но пока что мое физическое состояние мешает мне работать (по крайней мере, писать с прежней интенсивностью). Несколько дней тому назад я избавился от лихорадки, а теперь она, кажется, опять хочет вернуться: что-то очень плохо чувствую себя сегодня.

В довершение всего, известные тебе крахи[2] лишили меня возможности получать доход с моего российского имения, так что и с этой стороны дело – дрянь. Таково положение.

Нужны ли мне деньги? Очень нужны. До сих пор перебивались благодаря кредиту. Но кредит имеет пределы, надо платить хоть a-comptes'ы[3], но и их платить нечем (кстати, хороша редакция «Русской мысли»! До сих пор не заплатила мне за статью, напечатанную в сентябрьской книжке[4]. Знают, что эмигрант, и пользуются этим!). Если поэтому ты придумаешь какую-нибудь комбинацию, чтобы выручить меня, я буду очень благодарен тебе. Но какую? Обращаться к «дорогим товарищам» я ни в каком случае не хочу: ни к тем, которые живут в Европе, ни к тем, которые переселились в Америку. Об этом нечего и говорить. К немцам обращаться тоже нельзя: было бы очень неполитично. Стало быть, что же? Право, уж и не знаю что. Пишу тебе об этом, потому что ты желал, чтобы я написал.

Очень ко мне приставали Блюменфельд и другие насчет того, чтобы поучить народовольцев за их нападки на нас[5]. Я решил поучить. Кажется, они будут довольны этим новым уроком, а если пикнут, то я их окончательно раздавлю, при [чем] начну со старого софиста Лаврова. Блюменфельд вышлет тебе первую корректуру, когда наберет, а то рукопись неразборчива. Поклонись от меня Кальмансону и его супруге[6]. Очень хотел бы повидаться с ним. Что он теперь делает? Не может ли он взяться за перевод[7] с немецкого (для нас) одной очень хорошей книги: это очень важно[8].

РНБ. АДП. Ф.1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. А 10.43. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 164–165. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В экземпляре сборника «Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода», хранящемся в Доме Плеханова, карандашом стоит помета: «до 2 марта», проставленная неизвестной рукой. Вероятно, с этой датой следует согласиться, поскольку Плеханов пишет о серьезном нездоровье, продолжающемся более семи месяцев. Из предыдущих документов известно, что в августе 1896 г. Плеханов простудился и некоторое время вынуден был провести на курорте для легочных больных в Нерви.

[2] Имеется в виду арест А.Н. Потресова и вызванное этим крушение плана издания нового марксистского сборника.

[3] Текущие счета (*фр.*).

[4] См. прим.9 к док. 213.

[5] *После Лондонского конгресса в зарубежной народовольческой и сочувствующей народовольцам литературе появился целый ряд статей и заметок против русских с.-д. («Старого народовольца» – Левита в № 6–7 «Материалов по истории социально-революционного движения в России»; Н. Ч[айковского] в «Летучих листках» и т.д.). Ответ на эти нападения дан Г.В. Плехановым в брошюре «Новый поход против русской с.-д-ии», которая появилась в начале лета 1897 г. (отзыв о ней в № 40 «Летучих листков» от VII. 1897 г.).–* Прим. Б.И. Николаевского.

[6] В это время Я.М. и А.И. Кальмансоны приезжали ненадолго из Болгарии в Цюрих.

[7] Окончание фразы приписано по левому полю оборота второго листа.

[8] *Как видно из дальнейшего, речь идет о переводе «Эрфуртской программы»; Я. Кальмансон за эту работу не взялся.–* Прим. Б.И. Николаевского.

254
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1897, до 2 марта[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

К здешним дорогим товарищам я и не думал обращаться,– кажется, уже лет пять, как я этого не делаю. К немцам также не думал – уж слишком их рвут западные Genoss'ы[2] (на австрийские выборы они дали 10.000 марок)[3], а главное, крайне неприятен был бы отказ. А потому все планы мои вертелись вокруг Америки, где у нас настоящие преданные друзья[4]. И ты совершенно несправедливо смешиваешь их в одну кашу со здешними. За все время наших сношений с ними они ни разу не проявляли какой-нибудь неделикатности. Поэтому я лично без всякой опаски готов и могу обратиться к американским друзьям и товарищам. Ты, конечно, сам понимаешь, что я своими личными средствами решительно бессилен что-либо сделать. Заем, сделанный более полутора лет тому назад для Якова[5] при помощи Манца, Гринф[еста] и за нашим письменным ручательством*, до сих пор только наполовину выплачен. Начиная с лавочки Манца и кончая сапожником, мы должны в общей сложности чуть не 2000 фр[анков]. Словом, помочь тебе я могу только при помощи посторонних лиц. Ты можешь быть уверен, что я при этом не поставлю [тебя] в неловкое положение. Так что, если у тебя нет специальных, мне неизвестных соображений против моего об-

* Нам одним не согласились дать требуемой суммы.

ращения от моего собственного имени к америк[анцам], не связывай меня категорическим запрещением. У меня есть некоторая надежда заполучить из имеющихся у меня казенных денег фр[анков] 200 взаймы под мою личную ответственность на месяц или полтора – два. Но я могу взять ее на себя, только решившись обратиться к америк[анцам]. Ведь я теперь под строгим контролем. Признаюсь, если бы я не испытывал некоторого страха перед бламажей[6], я бы прямо запросил у Бебеля марок 500–600 специально на твое лечение. Но авось американцы выручат из беды. (А Геритье воображает, что твое экономическое положение удовлетворительно!)

Теперь строго конфиденциальное сообщение и просьба о твоем совете. Ингерм[ан] писал мне, что какой-то господин (сомнительного достоинства) предлагает 4000 фр[анков] на периодическое издание, хотя бы такое, как «Листок "Работника"»[7]. Ни Инг[ерман], ни тем менее тот господин никого знать не хочет, кроме «группы "О[свобождение] тр[уда]"». А между тем я – entre nous[8] – твердо решил по выходе след[ующей] книжки «Раб[отника]», хоть на полгода взять отпуск от конспиративной и литературной возни «Союза». Конечно, издавать такие литературные карикатуры, как «Листок», можно и без меня. Но не в этом теперь дело.

Я затрудняюсь в ответе Ингерману, так как совестно умолчать перед ним о действительном положении дела[9]. И вот мне пришла такая идея. Редактирование «Листка» (раз в месяц) у тебя отняло бы страшно мало времени. Притом же я бы тебе помогал, поскольку ты находил бы нужной мою помощь. А за редактирование (и небольшую статейку в каждом номере) можно бы по меньшей мере фр[анков] 800 из 4000 уделить тебе. Деньги лежали бы у Ингермана, и он, конечно, выдал бы вперед по меньшей мере фр[анков] 500 тебе. Устроить все это взялся бы, разумеется, я – помимо тебя. Но... как ты думаешь насчет твоего редакторского участия в деле? Я жду твоего ответа.

Может быть, К[альмансон] и переведет. Не Contre-revolution?[10]. Только об этом никто ничего не должен знать.

За присылку корректуры твоей статьи[11] я буду очень благодарен и уже заранее облизываюсъ. Не забудь, пожалуйста, и за Струве заступиться. Ведь ты читал его речи в «В[ольном] эк[ономическом] общ[естве]»[12]. Хотя он и не наш, все же нельзя допускать безнаказанно клеветать на него[13].

Поклон всем твоим.

Твой Павел

P.S. Сожги это письмо.

Автограф не разыскан. РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 304. В. 13.10. Л. 1. Машинописная копия. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 165–170. Публикуется по машинописной копии.

Примечания

[1] Датируется на основании док. 253, ответом на который является это письмо.

[2] Товарищи (*нем.*), т.е. социал-демократы.

[3] *Выборы 1897 г. в Австрии были первыми выборами после проведения так называемой «реформы Бадени», которая ввела пятую избирательную курию, построенную на основе более или менее всеобщего избирательного права. Введение этой курии дало австрийским с.-д. возможность принять участие в выборной кампании и провести своих первых депутатов в австрий-*

ский Рейхсрат (14 человек). В «Работнике» (№ 3–4) подведению итогов этих выборов посвящена большая статья (с. 104–139): «Борьба за избирательное право и последние выборы в Австрии»; автором статьи был Я. Кальмансон, подписавшийся псевдонимом «Товарищ без претензий». – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] П.Б. Аксельрод имеет в виду главным образом С.М. Ингермана.

[5] Вероятно, речь идет о Я.М. Кальмансоне.

[6] От Blamage (*нем.*) – позор, срам.

[7] См. док. 178 и 263. Речь идет о А.М. Еваленко.

[8] Между нами (*фр.*).

[9] То есть о болезни и тяжелом материальном положении Г.В. Плеханова.

[10] Возможно, имеется в виду одна из работ К. Маркса, написанная в период с ноября 1848 по июль 1849 г. в обстановке острого политического кризиса и подготовки контрреволюционного переворота в Пруссии. Это «Буржуазия и контрреволюция», речь на процессе Рейнского окружного комитета демократов и т.п., опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета») – единственной газете, которая в тогдашнем демократическом движении представляла точку зрения пролетариата.

[11] Брошюра «Новый поход против русской социал-демократии», посвященная полемике со «старыми народовольцами», была издана в Женеве «Союзом русских социал-демократов» и вышла в свет в мае 1897 г. За П.Б. Струве Г.В. Плеханов в ней не «заступается».

[12] Вольное экономическое общество (ВЭО) – одно из старейших в мире и первое в России сельскохозяйственное и экономическое общество, учрежденное в Петербурге в 1765 г. в целях «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». Вольное – формально независимое от правительственных ведомств. ВЭО проводило большую работу по внедрению в сельское хозяйство новых технических культур, усовершенствованных орудий труда, развитию животноводства, пчеловодства, свеклосахарной и полотняной промышленности и т.п. За годы своей деятельности Общество издало 280 томов своих «Трудов»; разновременно издавало 9 специализированных периодических изданий; распространяло бесплатно по всей России миллионы экземпляров книг и брошюр, в том числе 126 изданий своего Комитета грамотности; содержало или субсидировало 7 сельскохозяйственных училищ; содействовало путем организации выставок, конкурсов, рассылки семян и пр. улучшению многих отраслей сельского хозяйства и введению новых культур (например, неизвестного прежде в России картофеля). В его составе сложилось три отделения: сельского хозяйства, технических сельскохозяйственных производств и сельскохозяйственной статистики и политической экономии. На базе третьего отделения проходили заседания, посвященные жгучим общественно-экономическим вопросам о таможенных тарифах, водочной монополии, золотой валюте, преимуществах высоких и низких хлебных цен, причинах участившихся неурожаев и голодовок и средствах их устранениям и т.п. В стенах ВЭО проходили дебаты «легальных марксистов» (Струве, Туган-Барановского и др.) и «народников» (Воронцова, Анненского и др.) о судьбах капитализма в России, привлекая массу возбужденных слушателей. Эта деятельность насторожила самодержавное правительство, начались аресты и высылки наиболее активных членов, были запрещены сборы в пользу голодающих, закрыты столовые Общества в местах, пораженных голодом, и т.д. Наконец, в 1900 г. состоялось высочайшее повеление о коренном пересмотре Устава Общества, который так и не был утвержден. В 1915 г. деятельность ВЭО фактически прекратилась, в 1919 г. оно было ликвидировано. Под угрозой расхищения и уничтожения оказалась библиотека ВЭО, в которой было собрано около 200 тыс. книг и периодических изданий, не считая коллекции земских изданий (около 40 тыс. книг и брошюр). Когда В.И. Ленин узнал о бедственном положении библиотеки ВЭО, с которой он был хорошо знаком с середины 1900-х гг., со времени работы над книгой «Развитие капитализма в России», он не только одобрил передачу этой библиотеки на правах особого отделения Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека), но и потребовал от Петроградского Совета принятия самых решительных мер для обеспечения ее безопасности (Ленинский сборник. XXIV. С. 166).

[13] *Нам неизвестно, о каких речах П.Б. Струве идет речь – во всяком случае не об известных его выступлениях в диспуте по вопросу о хлебных ценах, так как этот диспут состоялся только 1–2 марта ст. ст. 1897 г., между тем как настоящее письмо, несомненно, предшествовало печатаемому ниже письму Г.В. Плеханова, которое датировано 2 марта нов. ст. (сохранилось в почтовом конверте со штемпелем). «Не нашим» П.Б. Аксельрод называет Струве из конспиративных соображений; в действительности русские с.-д. в те годы считали его вполне «нашим».*– Прим. Б.И. Николаевского.

255
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1897, 2 марта[1]
Женева

Дорогой Павел,

я долго не отвечал тебе, с одной стороны, потому, что все эти дни я работал (разносил народовольцев)[2] до тех пор, пока перо у меня вываливалось из рук и я начинал смотреть на него с ненавистью, а с другой, – потому, что колебался. Но как там ни вертись, а, пожалуй, что американцам написать придется. Напиши Ингерману. Но только предупреди его категорически, что я никаких публичных сборов для себя не желаю: пусть они обделают дело между собой, если возможно, а если нет, то пусть ничего не предпринимают, об этом я их очень-очень прошу[3]. Входить в сношения с господином, обладающим 4000[4], я тоже не нахожу возможным, ибо это испортило бы все наши отношения к «Союзу»[5] (а этого надо теперь избегать), да кроме того, мне решительно некогда редактировать газету: я буквально раздавлен всякого рода работой. Меня рвут со всех сторон, как мужика-недоимщика. Бебелю писать – избави Боже; ни в каком случае это нам теперь не пристало, будет уже нам играть роль бедных родственников, теперь мы сами с усами: посмотри-ка, что делается в Петербурге[6]. Бухгольц приехал вчера[7]. В Россию ему ехать, по-моему, нет возможности: он там моментально все провалит. Сколько я мог понять (он со мною еще не «поговорил»), ты также против его поездки. Очень рад, что мы сходимся с тобою в этом случае. Само собою понятно, что помирить его с Кольцовым надо во всяком случае: он грозит выйти из «Союза», а между тем он полезен в Берлине.

Итак, напиши Ингерману, но чтобы без шуму, вот мое последнее слово.

Очень хотел бы повидаться с тобою и с Кальмансоном. Скажи ему, что переводить нам надо «Эрфуртскую программу» Каутского[8]. Спрос на нее из России огромный, и на печатание можно найти деньги.

Привет всем твоим.

Твой страшно усталый Г. Плеханов

P.S. Если увидишь Эритье, поклонись ему от меня.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. А 10.44. Л. 1 – 2 об. Автограф. При письме конверт с почтовым штемпелем отправления: «2.III.97. Geneve». Адресовано: «Herrn Paul Axelrod. 33, Mühlegasse, 33. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 170–171; Философско-литературное наследство Г.В. Плеханова. Т. 2. М., 1973. С. 302–303. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[2] В это время Г.В. Плеханов заканчивал работу над брошюрой «Новый поход против русской социал-демократии».

[3] *Из сохранившихся в архиве П.Б. Аксельрода писем С.М. Ингермана видно, что о болезни Г.В. Плеханова Ингерману было сообщено и из Америки была выслана некоторая сумма денег, необходимых для лечения Плеханова. Настойчивость предостережения Плеханова против публичных сборов вызвана тем, что в 1888 г., во время очень тяжелого заболевания Плеханова, русско-американские с.-д., – Миллер и Шевич, – к которым Аксельрод и В.И. Засулич обрати-*

лись в тяжелую минуту за помощью, прибегли к опубликованию в нью-йоркской «Arbeiter Zeitung» (№ от 31.10.1888 г.) особого письма-воззвания. – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] Речь идет о А.М. Еваленко. См. док. 264.

[5] «Союз русских социал-демократов за границей».

[6] Г.В. Плеханов говорит о стачке января 1897 г. и волнениях, имевших место в связи с нею.

[7] *Приезд В.А. Бухгольца, насколько удается установить, был связан не столько с организационными трениями внутри «Союза русских с.-д.» (конкретные причины их в тот момент нам неизвестны), сколько с приездом в Женеву делегата петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в Женеве Бухгольц принимал участие в совещаниях, которые там состоялись по случаю приезда этого делегата (письмо Бухгольца к Аксельроду от 01.03.1897).* – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] Эрфуртская программа – программа Социал-демократической партии Германии, принятая в октябре 1891 г. на съезде партии в Эрфурте. Решение о выработке новой программы было принято в октябре 1890 г. на партийном съезде в Галле. Правлению партии поручалось представить очередному съезду проект партийной программы, опубликовав его для общепартийного обсуждения не позднее, чем за три месяца до его открытия. К лету 1891 г. проект был готов и направлен на отзыв Ф. Энгельсу,
К. Каутскому, Э. Бернштейну и членам социал-демократической фракции Рейхстага. Энгельс сделал свои замечания, опубликованные впоследствии в виде статьи «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» (*К. Маркс*, *Ф. Энгельс*. Соч. Т. 22. С. 227–243). Рукопись с критикой проекта программы и приложением, содержавшим поправки к проекту, была направлена Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 г. Правление партии пересмотрело проект, приняв значительную часть замечаний. К. Каутский написал «Комментарии к Эрфуртской программе» («Das Erfurter Programm»), изданные в Штутгарте в 1892 г., в русском переводе книга вышла только в 1959 г. В библиотеке Г.В. Плеханова есть экземпляр этой книги с его пометами и дарственной надписью автора (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 505).

256

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 10 марта
Лондон[1]

Дорогой Жорж!

Сейчас получила Ваше письмо[2]. Да, Вы правы, письмо Павла[3] говорило о совсем ином «интересном», и то, что в действительности было, совсем неинтересно. Я не буду так спешить и проеду, вероятно, прямо в Цюрих. Не могли ли бы Вы оказать мне одну услугу? Она может показаться Вам неважной, но по обстоятельствам дела для меня она, право, важна. Дело вот в чем: на последнем собрании Общества «Free Russia» Адольф Смит опять завел речь о приглашении меня в члены. Англичанин Перец[4] (тот, что и в прошлый раз против меня ораторствовал) возразил, что уж лучше пригласить Плеханова. Она (я), мол, слишком резка в полемике и нетерпима, Плеханов миролюбивый и дипломатичный. Затем русские фондисты[5] заявили, что следует подождать с приглашением кого бы то ни было из нас, заграничных социал-демократов, так как к ним, фондистам, едет делегат, уполномоченный петербургского рабочего «Союза»[6]. Адольф Смит, даже не спросив у меня, заранее подумал, что это или вранье или недоразумение, т[ак] к[а]к я бы знала об этом делегате, если бы он ехал. То же предположила и я. Но теперь, после Вашего письма, я думаю, что, если человек допускает возможность обращаться к фондистам за брошюрами (что было бы просто позорно), тем более можно обращаться к ним с просьбой собирать на стачки, представлять «Союз» пред здешней буржуазией. Последнее сделало бы невы-

носимым лично для меня пребывание в Лондоне, но «мало бы что», а по существу ничего противоестественного это в себе не имело бы. Я допускаю мысль, что этот человек списывается теперь с фондистами. Но делать это без моего ведома – значит ставить меня без всякой надобности в самое дурацкое и оскорбительное положение (а через меня и тех немногих англичан, которые доверяли мне, не обращая внимания на Фонд), даже без возможности оправдываться перед знакомыми иначе, как обвиняя «Союз», чего я не захочу делать. Моя просьба к Вам заключается в том, чтобы Вы узнали от этого человека, верно ли мое предположение о его сношениях с Фондом? Мне все-таки лучше самой же сообщить об этом своим знакомым (хотя бы тому же Смиту), чем дожидаться, чтобы фондисты уличили меня перед ними. Я боюсь просить об этом кого бы то ни б[ыло] другого, кроме Вас. Это надо сделать тактично. Повторяю, что объективно я ничего не имею против переговоров «Союза» с фондистами относительно сборов, но вести их без моего ведома, это – бесполезный для «Союза» подлый поступок со мною, а через меня и с несколькими англичанами, виноватыми лишь в том, ч[то] мне верили.

Я написала Элеоноре просьбу представить письменную характеристику фондистов, но сама я, хоть зарежьте, не в состоянии слова о них сказать, пока не выяснится вопрос о делегате от «Союза».

А я из двух источников несомненно знаю, что «Союз» получил посланные мною 107 фунтов. Знаю, что получил также мои упорные просьбы прислать квитанцию (одну напечатанную на их машинке строчку: «Получили из Лондона столько-то, через такую-то. Подпись: Союз такой-то») и не присылают ее, а ведь это и вовсе не труднее присылки каких-ниб[удь] «материалов», и далеко не все равно – раньше или позже будет получена такая квитанция. После 107 еще 15 ф[унтов] послано, но притом еще не знаю, получены ли.

Я решила все-таки (не дожидаясь приезда в Швейц[рию]) попробовать писать (по просьбе «ушастых»[7]). Мне ужасно надо бы иметь для этого те книжки «Вест[ника] Евр[опы]», где статьи Вл[адимира] Соловь[ева] о нравственности[8] и роман Бобор[ыкина][9], в котором выводятся марксисты. Я знаю, что Вам и некогда, и нездоровы и что с этой просьбой лучше обратиться к Блюменфельду. Пишу ее Вам на тот случай, что, быть может, у Вас есть эти номера или нетрудно достать, или Вам попадется на глаза Блюменфельд.

И не думала я на Вас сердиться. Если не пишу без Ваших писем, так не потому, что считаюсь, а нет охоты писать. Скверное настроение мешает просто болтать, а пищать тоже нет охоты.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.143. Л.1 – 4 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 188–190. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Сохранена датировка составителей сборника «Группа "Освобождение труда"», сделанная. вероятно, по почтовому штемпелю отсутствующего теперь конверта, в который было вложено письмо. Косвенным обоснованием может также служить ссылка на просьбу «ушастого» – члена редакции журнала «Новое слово» П.Б.Струве – о написании рецензии. См. также: след. документы

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[4] Вероятно, Г.-Д. Перрис.

[5] Члены Фонда Вольной русской прессы.

[6] Вероятно, речь идет о К.М. Тахтареве, в конце зимы 1897 г. из-за возможного ареста покинувшего Россию. Он представлял «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в сношениях с русской политической эмиграцией.

[7] «Ушастый» – П.Б. Струве. Под «ушастыми» подразумеваются супруги Струве, обратившиеся к Вере Ивановне с просьбой о рецензии на роман П.Д. Боборыкина «По другому»), печатавшемуся в журнале «Вестник Европы» (1897. №1–4).

[8] В журнале «Вестник Европы» В.С. Соловьев начинает сотрудничать с 1883 г., практически ежегодно в нескольких номерах публикуются его статьи. Поскольку во многих своих статьях он поднимал вопросы нравственности, соотношения нравственности и права, особенно это относится к публикациям 1895–1896 гг., трудно сказать, какие именно статьи имела в виду В.И. Засулич.

[9] В 1897 г. вышел в свет роман П.Д. Боборыкина «По другому», в котором он попытался отразить теоретические разногласия народников и марксистов эпохи 1890-х гг.

В.И. Засулич в статье «Плохая выдумка: (По поводу романа г. Боборыкина «По другому») подвергла этот роман критическому разбору. Впервые рецензия была опубликована в журнале «Новое слово» (1897. № 12), а затем – во втором томе сборника ее статей (СПб., 1907).

257
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1897, март[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Черт знает, что такое! Никак не могу собраться написать тебе хоть коротенькое письмо – но не вследствие лихорадочного писания статей, а просто всякой дребедени и возни с таковой. Да и теперь принимаюсь за письмо в таком состоянии, что боюсь, как бы чего не забыть или не перепутать.

Ингерм[ану] я, конечно, написал[2] – и я уверен, что он поступит как следует. Относительно предполагаемого займа я еще ничего не предпринял – от недостатка, как бы тебе сказать, храбрости или из страха нарваться на неожиданную проповедь. Я жду скоро В[еру] Ив[ановну][3] – и у меня есть большая надежда сообща с нею устроить все так, чтобы даже и косвенным образом не обращаться к посторонним лицам.

Отчего и при чем тут Вера – об этом когда-нибудь устно, если тебе это любопытно будет знать.

Получи я от тебя своевременно (в начале января) хоть намек о твоих экстренных «затруднениях», я бы легко и просто мог хоть несколько выручить тебя.

Странно, как это ты истолковал мое сообщение относительно америк[анского] господина[4] в том смысле, чтобы ты вступил в сношения с ним.

Признаюсь, чтобы свидеться тебе со мною и К[альмансоном], у меня давно был и есть проект. Но у меня язык не поворачивался писать тебе о нем – специально ввиду твоего нездоровья. Стоит мне только заявить, т.е. подать мысль о том, чтобы выписать тебя для реферата, – и деньги появились бы на поездку. Но... я не дерзал и не дерзаю предлагать тебе подобное. А если бы поездка сюда могла бы тебе послужить на пользу – как бы хорошо было...

Бухг[ольц] проектирует какой-то съезд – я боюсь, что мне совсем невозможно будет отлучиться из Цюриха, да и признаться, как-то очень скептически отношусь к этой затее[5]. Недоразум[ения] Б[ухгольца] с Г[инсбургом] можно и без меня уладить.

По выраженному в письме Райчина желанию посылаю его письмо тебе. Кстати, там есть какая-то просьба и к Роз[алии] Марк[овне]. Я отметил карандашом. Пожалуйста, пришли мне письмо обратно, т[ак] к[ак] я еще не ответил на него, да и В[ере] Ив[ановне] нужно будет показать.

Привет твоим.

Твой П. Акс[ельрод]

Автограф не разыскан. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 171–173. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется в сопоставлении с док. 253, 254 и 255.
[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[3] В.И. Засулич в Цюрих приехала в апреле 1897 г.
[4] Видимо, речь идет о А.М. Еваленко.Имеется в виду фраза из док. 255.
[5] *1 марта 1897 г. В.А. Бухгольц писал П.Б. Аксельроду из Женевы: «Мы вчетвером (Плеханов, Блюменфельд, петербургский товарищ [К. Тахтарев-Ветринский] и я) решили, что необходимо всем нам съехаться, чтобы на этот раз с полною точностью и ясностью выяснить значение «Союза русских с.-д.» и функции и права каждого из его членов. Так как самый занятой (или вернее сказать свянанный срочными занятиями) человек Кольцов (ввиду экзаменационного времени), то мы решили предоставить ему определение места и времени нашего съезда. Как только он его определит, мы сообщим Вам, когда и где надо съехаться, и просим Вас непременно приехать. Расходы на Вашу поездку, конечно, будут отнесены на общественный счет. Дела, о которых нам надо совещаться, в высшей степени важны, на этот раз мы должны их обсуждать не спешно, как в Лондоне, а самым тщательным образом, чтобы избегались новые недоразумения, поэтому еще раз самым убедительным образом прошу Вас непременно приехать».*

Благодаря отказу Аксельрода, проектируемый «съезд» на этот раз не состоялся, но вскоре, в мае – июне 1897 г., состоялось совещание в Цюрихе, на котором участвовали Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, Аксельрод и Б.А. Гинсбург-Кольцов от «заграничников», А.И. Кремер от будущего «Бунда», Тахтарев от петербургского «Союза борьбы» и Кочан (настоящая фамилия нам неизвестна) от литовцев. Об этом совещании некоторые сведения (в весьма субъективном освещении) даны В. Акимовым-Маховцем в статье о «Первом съезде Р.С.Д.Р.П.» («Минувшие годы», 1908 г., № 2, с. 133 – 135); между прочим, на совещании этом, принимавшем, по свидетельству Акимова, порою бурные формы, разработан «проект объединения петербургской, виленской, киевской групп и заграничного Союза в единую с.-д. партию». – Прим. Б.И. Николаевского.

258
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельрод

1897, март[1]
Женева

Дорогой Павел,

прошу тебя ни в каком случае не обращаться за займом к немцам[2]: это поставило бы нас в ложное положение по отношению к ним. Я к ним теперь не обратился бы даже в том случае, если бы был в самой последней крайности. Но теперь, кажется, и крайности нет. Я надеюсь выпутаться из затруднения иначе. Итак, еще раз – заклинаю тебя не просить ничего у немцев и вообще пока подождать моего письма: если я не устрою своего дела сам, я тебе напишу.

Приехать для чтения реферата[3] я решительно не могу: не в таком теперь состоянии мое здоровье. А вот весной, может, приеду в Цюрих пожить на опушке леса, ну, да это еще увидим.

Был здесь Бухг[ольц]; удовлетворился объяснениями Гинсбурга (вернее: объяснениями Блюменфельда за Гинсбурга) и уехал. Напрасно тратил казенные деньги.

Есть тут один питерский человек, о планах которого тебе напишут соборне[4]. Я стою за осуществление этих планов (ты получишь письмо дня через два). Человек этот малый хороший, но не очень умен (Вера сказала бы, что люди и вообще не очень умны, кажется, она права).

Поклонись всем твоим.

Твой

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. А 10.46. Л.1–2. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В.Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 173–174. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания о приезде К.М. Тахтарева.
[2] См. об этом проекте в письме П.Б. Аксельрода (док. 254).
[3] Об этом шла речь в письме П.Б. Аксельрода (док. 257).
[4] Речь идет о К.М. Тахтареве, который в качестве представителя петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в конце февраля – начале марта 1897 г. приезжал в Швейцарию и вел переговоры с представителями группы «Освобождение труда».
«Соборне» – сообща, общими силами, согласием (от собор (устар.) – собрание, заседание для совета и решения важных дел). Написанное письмо к П.Б. Аксельроду не сохранилось.

259
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, ранее 27 марта
Лондон[1]

Дорогой Жорж,

что я ни при каких условиях не могла бы командовать, да никогда и не командовала, это совершенно верно. Но при чем моя неспособность к команде в данном случае? Я не команду с себя складываю, а выхожу из повиновения, которое, впрочем, напустила на себя по недоразумению. Телеграмма в «Vorwärts» Бернштейну[2] с сообщением о стачке кончалась фразой: «Передайте это Вере, – пусть действует или «собирается» что ли». Вероятно, «Коше[ня]»[3] эту фразу прибавил, и я приняла ее за петербургскую, как и все сообщение.

Насчет фондистов[4] как там угодно, но что я не могу и не буду собирать – это несомненно, и это «Союзу»[5], мне кажется, знать надо.

Я вот так и дрожу, как бы меня не застала здесь новая стачка. Собирать-то я не стану, но письма о том, что я должна собирать, все же будут меня глубоко терзать.

Надо бы скорее ехать, а, с другой стороны, мне кажется, что надо прежде написать статью, и статья не пишется, и книг нет[6], и сердцебиение одолевает. Во-

обще хоть брось человека – вроде «проклятущего» теленка Ивана Ермолаевича[7]. Ну, и пущай. Но из писанья мне, чтобы я собирала, все же никаких денег и кроме простого и совершенно бесполезного живодерства не выйдет. Не думайте, милый Жорж, ч[то] это письмо выражает какую-ниб[удь], – не знаю за что, – злость на Вас. Вы – как Вы. Обыкновенный Жорж.

Но я в отчаянном настроении, и если не такое, то никакого бы письма не написала. Подождала бы недельку, другую, пока Вы бы меня как-ниб[удь] за язык дернули.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.139. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 190–191. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания о стачках в Петербурге и скором отъезде из Лондона, состоявшемся 29 марта 1897 г., и в сравнении с док. 256.

[2] Не понятно, что имеется в виду.

[3] Кличка В.А. Бухгольца.

[4] Члены Фонда Вольной русской прессы.

[5] «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

[6] Речь, вероятно, идет о первой из цикла статей о русской литературе, опубликованных в легальных периодических изданиях в 1897–1899 г., «Крепостная подкладка "прогрессивных речей"» (Новое слово, № 9 (июнь), 1897. Подпись: В. Иванов).

[7] Персонаж очерка Г.И. Успенского «Крестьянский труд».

260
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 27 марта[1]
Лондон
Четверг

Милый Жорж!

В субботу (29-го) я, наконец, окончательно еду в Цюрих. Сейчас только кончила статью[2]. Пустая, но, по болезни, она меня все же доводила до бешенства и беспрерывного сердцебиения, так что от бешенства и никому на свете не отвечала и всех перебесила против себя.

Хотелось бы прочесть статьи ваши, да боюсь опоздать, и уж мучат они меня, пока не уедете.

Итак, на той неделе я уже в Цюрихе буду.

Ваша Вера

Автограф не разыскан. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 191. Публикуется по тексту книги «Группа «Освобождение труда»».

Примечания

[1] Датируется на основании сопоставления даты отъезда из Лондона (суббота 29 марта) и указания в начале письма на четверг – как день написания письма.

[2] Речь идет о первой статье В.И.Засулич, озаглавленной «Крепостная подкладка "прогрессивных идей"». (Критический этюд)», вошедшей в цикл работ, посвященных русской литературе, и опубликованной под псевдонимом В. Иванов в № 9 (июнь) журнала «Новое слово (1897).

261
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, начало апреля
Цюрих[1]

Милый Жорж,

я, наконец, в Цюрихе. Вчера приехала в смутном еще состоянии. Вот бы хорошо, кабы Вы теперь приехали. Очень бы отлично. Павлы[2] живут почти за городом, мне тоже нанимается комната в тех же местах. Приезжайте. В голове после окончания статьи[3] пустошь, постепенно наполняемая сегодня с утра здешними (и прескверными) историями, так что и не знаю, радоваться ли, что вырвалась из Лондона. Пока все-таки рада, однако. Приезжайте.

Ваша Вера

Так как неизвестно даже, как меня назовут, то пишите (а лучше не пишите, а приезжайте, или и то, и другое) пока на адрес Павла. Axelrod 66. Hoch Str[asse] для Веры И[вановны] на внутреннем конверте.

Ваша Вера

Погода яркая, лес близко.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487. 148. Л. 1–2.
Автограф с позднейшими пометами карандашом Л.Г. Дейча.
Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 191.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании предыдущего письма.
[2] То есть семейство П.Б. Аксельрода.
[3] См. док. 260.

262
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, апрель
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

я вместо того, чтобы писать хозяйкам, написала Гинзбургу. И хорошо сделала. Он пишет, что в пансионе места нет, но есть комнаты на стороне. Я ему телеграфирую, чтобы нанять комнату. И завтра, в среду, выезжаю[2]. На риск. Уж раз собралась, досадно сидеть и ждать в этакую жару. Пишу в тех видах, чтобы и Вы посодействовали, если понадобится, моему помещению.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.151. Л. 1 – 1 об. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании док. 261.
[2] Очевидно, в Женеву.

263
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1897, 8 апреля[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Я Вам не писал так долго и ограничиваюсь теперь маленьким письмом, потому что за это время я, затем жена моя были больны, а в довершении всего моя девочка упала и сломала себе руку у самого плечевого сочленения, т.е. в самом опасном месте. Последнее обстоятельство меня настолько расстроило, что я положительно не мог взяться за перо, чтобы написать Вам. Ограничусь на этот раз самым необходимым.

По вопросу о периодическом издании я Вам ничего нового не могу сообщить. Я говорил с г. Е[валенко], и мы остановились, было, на следующих условиях: книжки выходят периодически (аккуратно) каждые 2 месяца, и он дает на каждую книжку 500 fr. Деньги он передает мне, причем не позже, чем через 6 недель, я получаю вперед сумму не меньшую, чем на 3 книжки, а затем за остальные 3 книжки он передает мне не позже, чем через месяц – полтора. С своей стороны, мы обязываемся доставлять ему 200 экземпляров каждой книжки, из которых наше Общество получает для продажи 2 дюжины, отчет за которые мы отправляем Вам. Говорил, толковал и, наконец, покончил. Несколько дней спустя г. Е[валенко] является ко мне и заявляет, что против всяких ожиданий и к крайнему его сожалению ему теперь невозможно доставить эту сумму денег и нам остается повременить еще 2–3 месяца maximum. Таков он, этот самый г. Е[валенко]! Если бы я не знал достоверно, что он громадные деньги отправлял в Лондон, Фонду, я бы всей истории не поверил, но… ничего не поделаете – надо ждать! А может, и в самом деле через 2 месяца я получу от него деньги? Во всяком случае напишите, как Вы думаете об наших условиях, на к[ото]рых я с ним сошелся.

Новость о болезни Плеханова меня точно громом поразила. Именно теперь, когда… для всех уже стало ясно, что «Россия, наконец, вступила на путь и т.д.», теперь, когда марксизм стал чуть ли господствующим направлением в прессе, а соц[иал-]демокр[аты] – в революц[ионном] движении; теперь, когда Вам, нашим «старичкам», остается лишь пожинать лавры, ему теперь превратиться в инвалида, – нет! – это было бы уже слишком. Я думаю, что теперь одна из самых настоятельных революционных задач рус[ской] соц[иал-]демокр[атии] – это поставить опять на ноги Плеханова. И Вы совершенно напрасно, дорогой Пав[ел] Борисович, не распорядились нашими деньгами по своему усмотрению. Знайте, раз навсегда, что Вы вправе пользоваться нашими деньгами для специальных целей. В таких случаях Вам лишь надо сообщить мне, в чем дело, и в такой форме, чтобы я мог прочесть Ваше письмо на собрании нашего Общества. Даже в случае каких бы то ни было недоразумений я постараюсь все уладить. Но теперь уже поздно толковать об этом. Если в «Союзе»[2] имеются еще деньги, займите у него дол[ларов] 50 на месяц, maximum 1 ½ и немедленно отправьте Плеханова в Италию или куда надо, чтобы его здоровье поправилось. Мы постараемся выслать ему отсюда в продолжение нескольких месяцев по 6–8 дол[ларов] в неделю. О том, как и что Вы решите, немедленно сообщите мне, и мы приступим к делу. Мне очень жалко и больно, что мы были вынуждены пренебрегать Верой Ивановной. Но что было делать, когда все предприятия нашего Общества – кроме новогоднего бала – без исключения провалились, как я Вам

в свое время сообщил. Как только наши дела поправятся (как мои личные, так и общественные), мы опять начнем высылать ей, как это делали раньше. А пока сообщите нам о ней подробнее. Как и чем она живет и как ее здоровье? Когда будете ей писать, низко кланяйтесь ей от меня и жены и вообще наших new-york'ских товарищей и напомните ей о нашем существовании – пускай не забывает. Райчину собираюсь скоро написать, но раньше нужно собраться[3] с кассой – пошлю уж вместе с письмом несколько руб. А пока поклонитесь ему от меня, когда будете писать. Да, кстати, чтобы не забыть! – Редакция евр[ейской] «Arbeiter Zeitung» собирается выпустить особый майский номер газеты. Они обратились за статьями для этого № ко всем генералам междунар[одной] соц[иал-]демократии. Мне же они поручили пригласить Вас, Зас[улич] и Пл[еханова] тоже и свою лепту дать. Они просили меня об этом недели 2 тому назад, но я как видите, собрался лишь теперь. Участвовать в этом № Вы уже все равно не сможете (я вообще сомневаюсь, выйдет ли он). Участвовать мне придется. [Прошу] Вас известить больного Плеханова. Предупреждаю лишь Вас на случай могущих произойти недоразумений.

Отчего Вы так мало сообщаете нам о том, что делается в России. Случайно попались мне в руки №№ «Самар[ского] вест[ника]», дошли также слухи о «Слове»[4]. Теперь уже не семимильными, а прямо стомильными шагами шествует вперед молодец Россия, право! Отчего Вы нам не пишите, в каких Вы отношениях ко всем этим делам? Что представляет собой Струве? Пишете, дорогой П[авел] Борисович, пишите почаще и побольше! Ведь мы живем лишь жалкими крупицами сообщений, которые доходят к нам от Вас.

Лично. Калмансоны вернулись из Болгарии? Думают ли они остаться в Цюрихе? Низко им кланяйтесь.

А Ваша семья как? Как здоровье Вашей жены? Как дети? В пользу стачечников мы устроили митинг. Деньги, [.....][5] Вам вышлют с деньгами по листам. Вы скоро получите. Была принята резолюция, которую на днях вышлю.

Если конференция Ваша лишь должна еще состояться, передайте всем участвующим в ней товарищам сердечный привет и пожелания крупнейших успехов. Пишите, пожалуйста, о ней!

Крепко целую Вас.

Весь Ваш Ингерман

Моя жена шлет всем вам свой привет.

[6]Мы получили из Женевы листы для сборов в пользу Пет[ербургских] стачечников. Мы получили их после стачки. Всех не собрать нам чую, но не все листы еще на руках. Скоро вышлем деньги. Также и за «Листки».

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22 a. I / 7. Автограф. Полностью публикуется впервые. Незначительный фрагмент о Еваленко был опубликован в «Переписке Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода».

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] Имеется в виду зарубежный «Союз русских социал-демократов».
[3] Так в тексте.
[4] Имеется в виду переход газеты «Самарский вестник» и журнала «Новое слово» в руки марксистских редакций.

[5] Одно слово не разобрано.
[6] Следующий текст написан по верхнему полю первого листа письма.

264
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, апрель[1]
Цюрих

Дорогой Жоржинька!

Павел посылает Вам по телеграфу деньги на приезд сюда, где вы и напишете майский листок. Никакого редактирования от вас не требуется, а именно статья, из которой и будет состоять весь не №, а именно листок[2]. Россияне именно такие майские листки и выпускали из одной статьи одного автора[3]. Такой и теперь требуется. Напишете очень маленькую, так ее наберем крупным шрифтом, на интерл[иниях][4] и с огромными полями, вот она и будет большая. Следовательно, дело в шляпе?

Революция против Гинзбурга. Он, основываясь на § 9 устава, гласящего, что «все сношения членов «Союза»[5] ведутся через секретариат, а секретарь представляет администрации «Союза» отчеты об общем ходе дела», требует, чтобы по-прежнему вся переписка (с Берлином и Россией) направлялась к нему, а он излагает Павлу желания и требования корреспондентов таким образом (перевирая), что вызывает непрерывные недоразумения. Кроме того, страшно затрудняет редактирование, держа у себя по целым полугодиям присылаемые корреспонденции и проч.[6]. Я теперь, взявшись окончательно за редактирование, написала ему, что письма мы должны получать в оригинале или в точных копиях, а корреспонденции должны немедленно доставляться сюда. Вот выдержки из его ответа: «Посылая не доклады, а выдержки из писем, я делаю больше, чем обязан по уставу». «Вы забываете затем, что на основании переговоров я состою в редакции» и далее излагает, что «как было до сих пор с редактированием, так и впредь будет». «Я не нахожу ни нужным, ни возможным отступать от приобретенных мною прав». С тех пор, как я здесь, он в редактировании совсем ничего не делает, а только мешает. А Павел показывает и доказывает, что прежде была та разница, что мешал он гораздо больше, чем теперь. А между тем всем он старается внушить (берлинцам он «сознавался»), что фактически единственный редактор он, что Павел только так – как старичок для почета существует. Вот против этого-то и революция. Пока в том, что совсем к нему ни с чем не обращаться. В этом-то Вы и можете помочь. А затем съезд и изменение устава. Своим юпитеровским[7] тоном в письмах он всем давно опротивел. Вы мне на предыдущие письма не отвечали, а не я... Ничего я не строчу (кроме подравнения слога инородческих корреспонденций) и думаю – не буду больше и топорщиться... Finis[8] со мною. Неохотно Вам пишу именно потому, что в глубине души я в отчаянном настроении (а на вид суетлива), но надоело жаловаться, ведь так ласково никто меня не пожалеет, чтобы мне от этого легче стало.

Автограф не разыскан. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 192–193; Литературное наследство

Г.В. Плеханова. Сб. 2. С. 118. Публикуется по тексту книги «Группа "Освобождение труда"».

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Вероятно, речь идет о статье для майского номера «Работника» 1897 г. В мае 1897 г. это издание в свет не вышло. Как приложение к сборнику «Работник» вышло два майских листка – в 1896 и 1898 г. В «Майском листке» 1898 г. была опубликована статья Г.В. Плеханова «Наш светлый праздник».

[3] Можно предположить, что В.И. Засулич была знакома с листовкой «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» «Рабочий праздник 1-ого Мая (по нашему 19-го апреля», отпечатанной с машинописного текста на мимиографах тиражом свыше 2000 экз. в апреле 1896 г. Листовка содержала призыв присоединиться к «Союзу» и способствовать объединению рабочих для борьбы за свои интересы. Автором текста был один из организаторов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», член его Центральной группы М.А. Сильвин.

[4] Интерлиньяж (от лат. inter – между и linea – линия, черта) – междустрочный пробел, естественный пробел между нижней и верхней линиями шрифта двух смежных строк, величина которого может варьироваться в зависимости от размера шрифта.

[5] «Союз русских социал-демократов за границей».

[6] Речь идет о работе над сборниками «Работника».

[7] Юпитер (лат. Jupiter) – в древнеримской мифологии верховный бог неба, громовержец, хранитель римского государства; в древнегреческой мифологии ему соответствовал Зевс. В разговорной речи – насмешливое название человека, страдающего самомнением, держащего себя недоступно величественно.

[8] Конец (*лат.*).

265
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, май[1]
Цюрих

Дорогой Жорж,

сейчас же, получивши Ваше письмо[2], пошла к Христе. Он в прошлом году «Vorwärts» не получал (вспомнил при этом, ч[то] Вы ему не возвратили номер, взятый в Гунтене[3], и просит прислать). Пошла к Манцу. Он говорит, что «Wissensch[aft] Beil[age]»[4] сейчас же уничтожает, даже не читая: «Это, мол, может интересовать только Плех[анова] да Берншт[ейна]». Манц предсказывает, что нет в Цюр[ихе] никого, кто бы их сохранял. Будет еще поход к Грейлиху и в Grütli Verein[5]. Затем маленький Адлер[6] (тут такой есть) будет приставлен к поискам его по Цюриху. Но пишу Вам затем, чтобы Вы не слишком надеялись и выписывали его каким-ниб[удь] еще путем. Видите, что стараюсь заслужить, а книг все это время почти не читала, а кипела в котле. Редактировала «Листок»[7] и при первом же вычеркивании отчаянно бессмысленных фраз поднялся бунт: «Это, мол, наше убеждение». А там и смысла-то нету. Вероятно, порвем. Я тверда, как скала. Но сердцебиение, конечно, отчаянное, а я и приехала с лихорадкой (по термометру). Но я воюю стоически, сжавши зубы. Приговариваю себе: «Поделом вору мука – за желание сохранить "Союз"»[8]. Я, положим, и раньше толковала, что «нам с ними надо подальше», но воображала, что я-то смогу с ними возиться по своей «справедливости». Я это Вам пишу, потому что знаю, что Вы не разжалобитесь. Будете только злорадствовать. А я себе ни облегчения, ни подмоги никакой не желаю – поделом мне. Тетке[9] напишу, что прошу прощения

за то, ч[то] говорила, ч[то] Иванч[ин] годится в редактора. Никуда не годится: может изложить ч[то]-ниб[удь], а рассуждать сунется, т[а]к волосы могут дыбом стать, и упрям, к[а]к осел.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.97. Л. 1–2.
Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6.
С. 173–174. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания В.И. Засулич о редактировании ею «Листка "Работника"». Вероятно, речь идет о выпущенном 4000-м тиражом «Майском листке», указанном в перечне выпущенной «Союзом русских социал-демократов» в 1897 г. литературы.
[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[3] Возможно, приобретенный на аукционе (распродаже) (ganten – нем., публичные торги, аукцион)?
[4] Вероятно, речь идет о приложениях к газете «Vorwärts». В библиотеке Г.В. Плеханова есть экземпляры этой газеты с приложениями «Beilage des "Vorwärts" Berliner Volksblatt», но за более поздний период – за 1900-е гг. (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. 1735–1738).
[5] Grütliverein (Грютли союз) – старейшая социалистическая организация Швейцарии (1838–1925). Основана в Женеве как просветительный союз рабочих и ремесленников. Название Грютли союз, согласно преданию, происходит от названия луга Грютли (Рютли), где в 1307 г. три швейцарских кантона заключили союз для борьбы против Габсбургов. В 1893 г. Союзом был принят новый устав, в котором предусматривалось присоединение его к швейцарской социал-демократической партии, но своей самостоятельности он не потерял и проводил линию мелкобуржуазного социализма. Окончательно Грютли союз слился со Швейцарской социал-демократической партией в 1925 г.
[6] Речь идет о Фридрихе Адлере.
[7] Вероятно, имеется в виду «Майский листок».
[8] «Союз русских социал-демократов за границей».
[9] А.М. Калмыковой.

266
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 17 мая
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

мне заказано огорчить по возможности Боборыкина и как можно скорее, и просили сопоставить с «Новью»; не знаю, подойдет ли последнее, но все ж и «Новь», «Дым», «Отцы и дети»[2] посмотреть для вдохновения мне бы хотелось. «Вестник Евр[опы]» за этот год у меня есть, но еще гораздо бы нужнее Тургенева были для меня другие романы Боборыкина – «На ущербе»[3], напр[имер]. Нет ли у Вас чего-ниб[удь] из всего этого на примете? Я на это мало надеюсь, но при случае все-таки пишу. А случай вот какой. Помните, я списывала «Heilige Familie»?[4] Тетрадь у Вас (я в этом глубоко убеждена). Пришлите мне ее, пожалуйста. Мне ее надо для одного примечания. Погода все время стояла здесь ужасная, я так зябла, как никогда в Лондоне (там я, чуть озябну, топила, а здесь не приспособилась к топливу), сегодня в первый раз прекрасная, но мне все же именно сегодня очень нездоровится. Вероятно, от Боборыкина. Он, вероятно (укорами совести за неписанье), будет отравлять мне и Вам пребывание здесь,

но все-таки приезжайте, ведь теперь такое время, что у таких увальнев, как я, всегда что-ниб[удь] да будет лежать на совести.

Повторяю адрес: Hochstrasse, 66

Ваша Вера

Вы скажете: в Цюр[ихских] читальнях есть Тургенев. Отвечаю: нужного там нету. Я вдобавок боюсь искать книг через публику – здесь страшно заняты раскрытием псевдонимов[5].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.61. Л. 1 – 2 об. Автограф с карандашной пометой Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 174–175. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по карандашной пометке Л.Г. Дейча: «17.V. 97» в верхней части первого листа. Возможно, при письме существовал конверт с соответствующим почтовым штемпелем.

[2] В романах «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867) и «Новь» (1877) И.С. Тургенев предпринимает художественное исследование «нового человека», ставит вопрос о неизбежном и непримиримом столкновении старых и новых социально-политических сил.

Обращение Засулич к этим романам Тургенева вызвано ее работой над статьей «Плохая выдумка», посвященной критическому разбору романа П.Д. Боборыкина «По другому». Просьба сопоставить этот роман, в котором автор предпринял попытку отразить теоретические разногласия народников и марксистов 1890-х гг., с романом Тургенева «Новь», была вызвана тем, что последний посвящен народническому движению в России.

В 1870-е гг., находясь в Париже, Тургенев сблизился с деятелями народнического движения П.Л. Лавровым, Г.А. Лопатиным, С.М. Степняком-Кравчинским и знакомился с материалами о «хождении в народ», которые ему доставляли друзья из России. Так, Тургеневу были предоставлены документы по так называемому «процессу 50-ти», проходившему в начале 1877 г. над участниками «Всероссийской социально-революционной организации». Глубоко убежденный в том, что революционное движение не имеет в России почвы, Тургенев тем не менее отдавал дань уважения героическому порыву молодежи, ее подвигу самопожертвования, оказывал материальную поддержку издателям народнического журнала «Вперед».

Просьба о сопоставлении названных произведений осталась невыполненной: в статье В.И.Засулич «Плохая выдумка» упоминаний о романе Тургенева «Новь» нет.

[3] В романе «На ущербе» (1887) П.Д. Боборыкин показывает, как вслед за реакцией политической нарастают реакционные настроения в интеллигенции, связанные с упадком интереса к вопросам общественного характера, как на смену идеалистам-отцам приходит беспринципная молодежь.

[4] «Die heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten» («Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании») – первое совместное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса, написанное в сентябре – ноябре 1844 г. и вышедшее в свет в феврале 1845 г. во Франкфурте-на-Майне (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 3–230).

Документ, о котором идет речь, хранится в личном архиве В.И. Засулич (РНБ АДП. Ф. 1098. Ед. хр. 98). Он представляет собой тетрадь в клеенчатом переплете, состоящую из 50 листов в клеточку, и содержит выписки из «Святого семейства», в 1893–1894 гг. выполненные В.И. Засулич и Г.В. Плехановым (л. 18 об. – 19) на немецком языке. На л. 49–50 – цитаты из книг Г. Адлера и Э. Ренана, сделанные Плехановым.

[5] В Цюрихе В.И. Засулич жила по документам болгарской подданной Велики Дмитриевны Кировой.

267
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1897, 25 мая[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Я вот уже несколько дней собираюсь писать Вам и, как видите, лишь теперь собрался. Я должен был переехать на другую квартиру, а это связано для нас с экономич[ескими] затруднениями и расходами, что долго-долго после этого расположение духа не приходит в надлежащее состояние. На днях я отправил на Ваш адрес 50 дол. Из них потрудитесь передать 25 дол. тем, которые заведуют сборами в пользу стачечников (я, собственно, не знаю, кто Вам прислал листы для сборов). Другие 25 дол. передайте Плеханову на отъезд в Италию, еще 25 дол. мне, вероятно, удастся собрать лишь через 2–3 недели. Если нужно, займите пока где-нибудь. Пока мы начали также собирать на постоянные еженедельные высылки. Сколько мы сможем высылать каждую неделю – пока не могу сказать; а начнем посылать, когда получим от Вас извещение. В еврейском движении здесь у нас произошла целая революция. Miller, Каган, [……][2] и др. организовали оппозиционную газету «Vorwärts» (ежедневную). Чем все это кончится – пока не известно. Несомненно то, что движение от этого ничего не выиграет.

А что слыхать в России? Отчего Вы так скупы, дорогой Пав[ел] Бор[исович], на подробности, сведения, которые нас здесь так интересуют? Как сборник, листок?[3] Довольны ли Вы «Новым словом»? Я его еще не видел. Теперь лишь выписал. Если у Вас есть книги Струве, ради бога пришлите. Я писал в Россию, но уже поздно было – книги разошлись. Так как начинает играть роль и Р.[4], мне хотелось бы познакомиться с ним. Он мне тем более теперь интересен, что, будучи знаком с Гурвичем (бывшим редактором «Прогресса»), он его просил сотрудничать в «Н[овом] с[лове]». А Гурвич относится к той породе марксистов, которые согласны с Марксом лишь постольку, поскольку он не противоречит некоторым известным нашим теорийкам. В 3-м т[оме][5], напр[имер], Маркс разрушил окончательно основы учения о стоимости, установленные им в I т. Историко-философские воззрения Маркса (и учеников) пока крайне туманны и не доказаны («ряд фолиантов») настолько, что самые видные представители марксизма взялись уничтожать друг друга. Бельтов противоречит Каутскому, последний Энгельсу, а Энгельс Марксу. Как видите, очень смелый человек Гурвич – зато такая же путанная голова! Но бог с ним!

Что у Вас хорошего? Как с Вашей отставкой?[6] Взялись ли Вы уже за осуществление своего лит[ературного] плана? Я хотя не знаю, в чем заключается Ваш план, но я очень хотел бы, чтобы Вам удалось осуществить его. Мне кажется, что марксизм переживает теперь очень интересный момент в России и всякий, кто призван…, должен… и т.д.

Впрочем, хватит с меня. Я недавно отправил Вам большущее письмо[7] и ответа еще не имею. Ограничусь на этот раз лишь этим. Шлю сердечный привет[8] всем Вам – семье и друзьям. Пришлите адрес Райчина, потерял Ваше письмо, в котором был его адрес.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ингерман

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22a. I / 8. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] Фамилию разобрать не удалось.
[3] Имеются ввиду сборник «Работник» и «Листки "Работника"».
[4] Вероятно, речь идет о Parvus'е (Парвус – А.Л. Гельфанд).
[5] Имеется в виду 3-й том «Капитала».
[6] П.Б. Аксельрод хотел освободиться от редактирования брошюр «Союза русских социал-демократов».
[7] Вероятно, док. 263.
[8] Слово вставлено поверх строки.

268

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1897, май – июнь[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Книги вышлю завтра – надеюсь, вместе с Добролюбовым[2]. Относительно твоего приезда сюда я уже давно про себя решил. А если ты сам надумал, тем лучше. Сообщи только заблаговременно, дабы я мог найти подходящую комнату для тебя. Ввиду того, что электрическая конка идет теперь на гору, то можно будет и повыше нанять квартиру, ввиду воздухов хороших.

Пришел К. Шмидт[3] и помешал мне вчера дописать письмо. Вчера утром отсюда уехал Сергей Николаевич[4]. Он тут пробыл меньше суток. Я вынес впечатление, что он политически вполне благонадежен. Прими его ласково – без предубеждений. Кое-что интересное можешь узнать у него – только поподробнее расспроси. У меня не было достаточно времени для этого.

Кстати, он в родстве – племянник или его знакомая[5] племянница Гольцева – не разберу.

Надеюсь, что скоро я тебя увижу здесь, и ты прочтешь мне свою статью[6].

Полагаю, что сегодня после обеда я заполучу Добролюбова и тогда вышлю тебе все книги.

Привет Р[озалии] М[арковне].

Твой П. Акс[ельрод]

P.S. Завтра только выдают книги.

Автограф не разыскан. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 174–175. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датируется на основании воспомианий К.М. Тахтарева (Перетбургское рабочее движение... С. 110–111), в которых автор ссылается на посещение С.Н. Прокоповичем Г.В. Плеханова в Женеве и работу над циклом статей «Судьбы русской критики», вторая из которых появилась в июле 1897 г. в журнале «Новое слово» (1897. Кн. 7 и 8).

[2] Вероятно, речь идет о книгах, которые необходимы были Г.В. Плеханову для работы.
[3] Конрад Шмидт в период, к которому относится данное письмо, был приват-доцентом Цюрихского университета.
[4] *С.Н. Прокопович в 1894–98 гг. жил за границей, – сначала в Брюсселе (откуда его прозвище «бельгиец», иногда фигурирующее в переписке того времени), затем в Берлине. Весною 1897 г. С.Н. и Е.Д. Прокоповичи приезжали в Цюрих к Аксельроду и Засулич, а затем ездили к Плеханову в Женеву. Те принципиальные разногласия, о которых подробно будет сказано в письмах первой половины 1898 г., в период, к которому относится данное письмо, еще не вставали; поэтому замечание Аксельрода «о благонадежности» Прокоповича, очевидно, относится к позиции последнего во внутрисоюзных организационных вопросах.* – Прим. Б.И. Николаевского.
[5] Речь идет о Е.Д. Кусковой – жене С.Н. Прокоповича.
[6] Вероятно, речь может идти о второй и третьей статьях цикла «Судьбы русской критики», опубликованных в журнале «Новое слово» под заглавием «Белинский и разумная действительность» и «Литературные взгляды В.Г. Белинского».

269
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, до июня
Цюрих[1]
66. Gloria Strasse

Милый Жорж,

не знаю, почему Вы не пишете, может, потому, что поминаете лихом. А я – потому, что ежедневно собиралась не то завтра, не то послезавтра кончить проклятого «маститого беллетриста» и только мучилась[2]. Стыдно б[ыло] писать Вам. И теперь стыдно, да как-то очень захотелось. А Вы опять, говорят, нездоровы были? Напишите!

Уж с неделю тому назад Бончева барыня[3] просила меня сообщить Вам следующую глупость: через Мюнхен проезжала из Питера одна госпожа (фамилия неизвестна), едущая в Женеву «слушать реферат Плеханова». Эта же барыня говорила живущей (или живущему) в Мюнхене Посихович[4], что теперь достоверно известно, что главой «Народ[ной] воли» состоит Воронцов. Что об этом и Плеханов говорил уже в реферате. Бончева барыня думает, что это шпионка, а мне кажется, что шпионки теперь умнее.

«Теленок»[5] пишет, что «Рязанов»[6] ему очень понравился и будет в июне. Напрасно я, значит, волновалась (Ж[орж]: «Ведь я Вам говорил»). Тот же «Теленок» пишет, что мне послан им Дюринг для «рецензии»[7], а Зайчик[8] при этом кается, что по ошибке послал его Вам. Он не знает, что это просто сущность всякой книги (Buch an sich[9] в этом состоит) – бежать к Вам от меня.

Я вчера только ужасно обрадовалась, т[ак] к[ак] одна особа (могшая слышать от верных людей) написала мне, что господин, «старающийся укусить ухо», скоро выздоровеет[10], а «Теленок» пишет, «все в том же состоянии»: Теленку лучше знать.

M-me Гинзбург[11] каждый день приходит спрашивать у меня про май[ский номер] «Нов[ого] слова»[12]. Может, пришлете вместе с Дюр[ингом]? Крепко жму руку.

Ваша Вера. Напишите.

[13]Тот же «Теленочек» просит устроить ему корреспонденции из Англии. По-моему, окромя[14] Мендельсона, некому. Подрывать он ничего не станет. Его это

не занимает, как Бернш[тейна]. Он будет прославлять парламентский строй Англии, а это и отлично. Написать ему? Я могу даже (мы настолько хороши) так и написать, чтобы без подгрызанья. Вы, может, скажете: «дочь Маркса»?[15] Но ведь она писала в «Рус[ском] бог[атстве]» просто постыднейшие по бездарности и пустоте статьи. Да и Телен[ок] на нее ни за что не согласится. Он от ее статей б[ыл] в ужасе[16].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В. 487.150. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 183–184. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В первой публикации датировано ошибочно 1 июля 1897 г. Письмо составлено, как следует из содержания, до июня 1897 г.
[2] В.И. Засулич, вероятно, имеет в виду работу над статьей «Плохая выдумка. (По поводу романа г. Боборыкина "По другому")», опубликованной под псевдонимом В. Иванов в сентябрьском номере журнала «Новое слово» за 1897 г.
[3] В.Д. Бонч-Бруевич.
[4] Личность не установлена.
[5] П.Б. Струве.
[6] *По-видимому, имеется в виду т. Перазич, тогда носивший этот псевдоним.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[7] О какой книге Е. Дюринга идет речь, сказать затруднительно, так как рецензий на его работы ни у Г.В. Плеханова, ни у В.И. Засулич нет.
[8] Вероятно, жена П.Б. Струве Н.А. Герд.
[9] Книга в себе (*нем.*).
[10] *То есть арестованный А.Н. Потресов будет скоро освобожден.* – Прим. Л.Г. Дейча.
[11] Вероятно, это жена Б.А. Гинзбурга (Д. Кольцова) Е.Г. Гинзбург.
[12] Речь идет о майском номере журнала «Новое слово». Этот номер имеется в библиотеке Г.В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. 697).
[13] Весь последующий текст письма приписан между строк на перевернутом первом листе.
[14] Так в тексте.
[15] Имеется в виду Э. Маркс-Эвелинг, с которой В.И. Засулич была в дружеских отношениях.
[16] Репортажи Э. Маркс-Эвелинг из Англии публиковались в журнале «Русское богатство» в 1895 г. под псевдонимом «Av.» (См. док. 186).

270
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, июнь[1]
Цюрих

Дорогой Жорж,

я теперь, пожалуй, и не прочь прогуляться в долину Роны[2]. Только недели через три приедут Тюлени[3] (Тюлень с Тюленицей). Можно ли их будет туда пригласить? Не набьется ли там слишком много русских? Раз Вы теперь в такой дружбе (Павел говорил) с «Союзом»[4], не переселится ли он туда во всем составе? А я по сто пяти причинам Тюленей видеть непременно желаю. А что за курьезная его статья о марксовой стоимости[5], если только положиться на цитаты Блюменфельда. Напоминает даже (помните, мы вместе читали?) схоластическое рассуждение, что б[ыло] бы, если бы Христос воплотился в виде тыквы? И оказывалось, все было бы, как было, и тыкву бы распяли. Так и у него: рабочие постепенно замещаются машинами и доводятся до нуля, а количество

производимых товаров и спрос на них остаются прежние; вывод: и уровень прибыли остается прежний, следовательно, теория стоимости неверна.

Я Тюленя прошу прислать мне эту статью.

Он пишет, что поместит Писар[ева] в «Жизнь», но можно и Вам продать, если окажетесь дельным покупщиком[6]. Это Вас Исаев[7], что ли, смущает чем-ниб[удь]?

А жара тут страшная, как в печке, но я по разным причинам очень поздоровела.

А ведь не статья, а в одной рецензии примечание в пять строчек, из которых три сомнительны «за Бернштейна»[8]. Все же тут не за что и кошку высечь. А Вы уж обрадовались! Робеспьер Вы противный...

А почему Вы Грейлиху книг не возвращаете? Я пошла у него попросить Брауна прочесть[9], а он мне жалуется, что не знает, что с Вами делать. Я посоветовала писать ежедневно по строгой карте, пока не пришлете.

Напишите же, большой ли Вы соберете там зверинец[10]? Будет ли возможность прибавить Тюленя?

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.152. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 182. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания о работе В.И. Засулич над циклом статей по истории русской литературы, частично опубликованных летом – осенью 1897 г.
Статья «Д.И. Писарев», работа над которой началась в связи с предложением представить рецензию на вышедшие в 1897 г. книги «История новейшей русской литературы» (3 изд.) А.М. Скабичевского и «История русской критики» И.И. Иванова и которую были готовы принять к публикации в журнале «Жизнь», растянулась на несколько лет. За подписью Н. Карелин она была опубликована в 1900 г., в № 3–4, 6, 7 журнала «Научное обозрение».

[2] Рона (Rhône) – река в Швейцарии и Франции, берет начало в Лепонтинских Альпах, протекает через Женевское озеро и двумя рукавами впадает в Лионский залив.
Речь идет о «съезде» социал-демократов.

[3] Речь идет о М.И. Туган–Барановском и его жене Л.К. Туган-Барановской (в девичестве Давыдовой).

[4] Имеется в виду «Союз русских социал-демократов за границей».

[5] Вероятно, речь идет о статье М.И. Туган-Барановского «Историческая роль капитализма в развитии нашей кустарной промышленности» (Научное обозрение. 1897. № 7 (апрель).

[6] В эти годы Г.В. Плеханов был соредактором сборника «Работник» (1896–1899) и газеты «Искра», выходившей с декабря 1900 г.

[7] Упоминание о том, что А.А. Исаев может чем-либо смущать Плеханова, возможно, вызвано тем, что в эти годы (1897–1902) он активно переписывался с Плехановым и сотрудничал с «Научным обозрением». Через Исаева редактор журнала М.М. Филиппов приглашал Плеханова к сотрудничеству (письмо А.А. Исаева к Г.В. Плеханову от 1 февраля 1899 г. РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 460. В 191.13. Л. 3 об.). Можно предположить, что публикация статьи Засулич в другом издании могла вызвать «ревность» Исаева.

[8] Вероятно, этот абзац следует понимать как реакцию В.И. Засулич на предложение Г.В. Плеханова ответить на публиковавшиеся в ряде журналов статьи, в которых авторы формулировали положения, близкие идеям Э.Бернштейна.

[9] Вероятно какую-то из книг деятеля Германской социал-демократической партии, автора ряда работ о коллективных договорах и профсоюзах Адольфа Брауна или немецкой социалистки и писательницы, автора работ, посвященных женскому вопросу, Лили Браун (1865–1916).

[10] См. прим. 2.

271
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, июнь[1]
Цюрих

...[2] Значит, выписываетесь, дорогой Жоржинька[3]! Значит, на днях увидимся, и да здравствует свобода?

А ведь питерские-то рабочие пытались ходить на демонстрацию. Им полиция и войска не дали войти в Петербург вовремя, и это несмотря на свое рабочемысленное начальство[4], говорившее, что им вместо забот насчет студентов[5] следует готовиться к 1 мая[6].

Теперь один приезжий из Петербурга пишет, что у петербургских рабочих вся программа в настоящую минуту: «бить полицию»! По-моему, отличная программа.

Автограф не разыскан. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 184. Публикуется по тексту книги «Группа "Освобождение труда"»

Примечания

[1] Датируется по содержанию.

[2] Нет начала.

[3] Речь идет об улучшении состояния здоровья Г.В. Плеханова, позволившее ему вернуться к литературному труду.

[4] Имеется в виду редакция газеты «Рабочая мысль».

[5] Вероятно, имеются в виду студенческие волнения в связи делом М.Ф. Ветровой. Весть о ее трагической гибели в тюрьме (покончила жизнь самосожжением в знак протеста против бесчеловечного обращения тюремного начальства) вызвала значительное брожение среди петербургского студенчества, после долгого затишья вновь выступившего с революционным протестом. В Петербурге были выпущены две гектографированные листовки по поводу ее гибели. 4 марта 1897 г. у Казанского собора в форме панихиды по Ветровой состоялась демонстрация протеста (5–6 тыс. учащейся молодежи). Демонстранты пытались отправиться по Невскому проспекту, но были окружены конной полицией и разогнаны. Так называемые ветровские демонстрации протеста состоялись также в Москве и Киеве.

[6] 1896–1897 гг. были годами подъема стачечного движения в России. Летняя стачка 1896 г. была подавлена, требования рабочих о сокращении рабочего дня, улучшении условий труда не были удовлетворены. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», руководивший стачечной борьбой, не рассчитывал поднимать рабочих на забастовку зимой, ориентируясь на первомайскую стачку. Однако вся агитационная деятельность «Союза» готовила их к забастовкам. В листовках, выпущенных в ноябре и декабре 1896 г., напоминалось о значении летней стачки, объяснялось, что без упорной борьбы требования рабочих не будут выполнены. Эта агитация была созвучна настроениям масс. Распространение листовки «Союза борьбы» от 1 января 1897 г. «К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик» с призывом добиваться изменения закона о стачках и сокращения рабочего дня совпало с тем крайним сроком, который стихийно был установлен правительству текстильщиками Петербурга.
2 января 1897 г. в Петербурге забастовали рабочие Петровской и Спасской фабрик, это было началом петербургской январской стачки 1897 г. Опасаясь расширения стачки, Министерство финансов уже 3 января 1897 г. созвало совещание фабрикантов и фабричных инспекторов. Решено было разослать на фабрики объявление о том, что Министерство выработало законопроект об уменьшении рабочего дня, который скоро поступит на рассмотрение Государственного совета, а пока нет закона, уменьшение рабочего дня зависит от воли фабрикантов. Объявления эти, вывешенные на фабриках, привели к результатам, обратным ожидаемым. Стачка расширялась. Власти начали принимать и другие меры. Началось негласное расследование деятельности членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», за ним последовали очередные

аресты. 13 февраля 1897 г. всем «декабристам» (арестованным в декабре 1895 г.) было объявлено «высочайшее повеление» о высылке их в Восточную Сибирь. На предприятиях начались массовые расчеты. Рабочим объявили, что если они захотят, могут наниматься снова, но те, кто не явится за расчетом, высылались из Петербурга. Стачка пошла на спад. Вопреки этим мерам члены «Союза борьбы», в основном студенческая молодежь и рабочие, готовились к предстоящему дню пролетарской солидарности. В Петербурге в течение первой половины апреля 1897 г. на фабриках и заводах были распространены листовки, призывающие рабочих в день 1 мая (19 апреля) к стачке. Листовка «Всемирный рабочий праздник 1 Мая» была политического содержания и звала рабочих к борьбе. Первомайские прокламации стали появляться на фабриках и заводах с 8 апреля. Но в рядах агитаторов, участников кружков и маевок было много провокаторов и осведомителей. Почти обо всем происходящем в кружках сообщалось в полицию, которая принимала меры по пресечению забастовочного движения. Департамент полиции разослал распоряжение министра внутренних дел И.Л. Горемыкина следить за подготовкой «к стачкам, забастовкам и демонстрациям и озаботиться также принятием мер к рассеянию в самом начале всяких уличных манифестаций, которых нигде и ни в каком виде не допускать» (цит. по: *Суслова Ф.М.* Начало организованной борьбы: Историческое значение ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1986. С. 211). Все эти меры привели к тому, что фактически празднование 1 Мая ограничилось распространением листовок и несколькими малочисленными сходками еврейских рабочих из городов Северо-Западного края, о чем сообщалось в «Листке "Первое мая"», выпущенном «Союзом русских социал-демократов» в Женеве в мае 1897 г. (Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов. Т. 4. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. М., 1961. С. 531–532).

272

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду[1]

1897, после 5 (17) июля[2]
Женева

Милый Павел,

отчего ты замолчал? Неужели сердишься? Так уж ты лучше выругайся в письме, а если что еще можно поправить, я поправлю.

Нет ли у тебя «Критических статей» Н. Чернышевского, изданных несколько лет тому назад его сыном отдельной книгой?[3] Мне они крайне нужны. Если есть, пришли ради бога на короткое время.

Твой Ж[орж]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. А 10.47. Л. 1.
Автограф на почтовой карте. Адресовано:
«Herrn P. Axelrod.33, Mühlegasse, 33. Zürich». Публикуется впервые.

Примечания

[1] По верхнему полю надпись неустановленного лица карандашом: «Неотправленное письмо Г.В.».

[2] Датируется на основании письма Георгия Бакалова Г.В. Плеханову от 5/17 июля 1897 г. с сообщением о том, что в конце сентября в болгарском переводе выйдут из печати четыре статьи о Чернышевском, ранее печатавшиеся в журнале «Социал-демократ», и выражалась просьба написать к готовящемуся изданию предисловие. См.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т.2. С.91.

[3] Вероятно, имеется в виду сборник статей Н.Г. Чернышевского «Эстетика и поэзия», изданный М.Н. Чернышевским в Петербурге в 1893 г.

273
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, июль – август
Цюрих[1]
66. Gloriastrasse

Дорогой Жорж,

будьте добрый и немедленно же напишите Вы мне, что знаете о Зайчике[2]. Где этот зверек и что с ним? Получила я от нее вскоре после Вашего отъезда одно письмо, потом другое и на оба не ответила, т[ак] к[а]к в них было приставание поскорее слать статью[3], а она не была готова. Когда, наконец, кончила, то послала заказным, но, не обозначивши отправителя, просила известить о получении. Прошло две недели, нет извещения. Написала опять ту же просьбу, и вот 5 дней нет ответа. Принимая во внимание любезность и аккуратность этой особы, я очень волнуюсь этим. Верно, ее уже не было в Вех[4]. Напишите, пожалуйста, коли что знаете. А статья в своем роде мне нравилась в ее последнем виде. Строчки божьей собаке (которая, бог даст, будет еще много, много кусаться и лаять во славу божию), конечно, не понравились бы, но на то она собака «доминиканец». Поблагодарите за меня Сергея Никол[аевича] за письмецо.

Крепко жму руку.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.160. Л. 1–2. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 193–194. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания имени С.Н. Прокоповича. Дружеские отношения семьи Прокоповичей с В.И. Засулич, приезжавших летом 1897 г. в Швейцарию, в частности для встречи с Плехановым, продолжались до момента, когда началось обсуждение статьи-отчета Прокоповича о Международном конгрессе по рабочему законодательству, т.е. до осени.

[2] Н.А. Струве-Герд.

[3] Вероятно, речь идет о работе Веры Ивановны над статьей «Плохая выдумка. (По поводу романа г. Боборыкина "По другому")», опубликованной в № 12 (сентябрь) журнала «Новое слово».

[4] Вех – название местечка, куда Н.А. Герд-Струве переехала 31 мая 1897 г. Свой новый адрес она сообщила Г.В. Плеханову в письме от 30 мая 1897 г. (РНБ АДП. Ф.1093. Оп. 3. Уд. Хр. 689. В 414.2).

274
Р.М. Плеханова – П.Б. Аксельроду

1897, 27 июля[1]
Женева

Дорогой Павел!

Пишу Вам для того, чтобы на случай, если к Вам обратится Вертгеймер[2] относительно двух эмигрантов-ткачей. Дело в том, что я, несмотря на все мое отвращение, все-таки сходила к Вертгеймеру, чтобы ускорить дело с билетами в Америку для рабочих[3] и, чтоб удобнее приступить к переговорам, сказала, что

получила от Вас письмо[4], в котором Вы меня просите посодействовать и т.д. Демарш был отмечен, и он даже (и думаю в пику мне) рассыпался в комплиментах Вам, просил Вам кланяться, сказал, что из русских Вы оставили в нем самое отрадное впечатление и т.д. Вначале он заявил, что больше трети стоимости билета дать не может, а через четверть часа прибежал ко мне и сказал, что будет хлопотать о полных билетах.

Хорошо было б, если бы Вы ему ответ написали о двух ткачах и между прочим поблагодарили б за хлопоты.

Я прихожу к заключению, что он добрый старик, которого свели с ума наши евр[ейские] соотечественники. Что это за рабочие? Знаете ли Вы их? Мне нужно знать их имена и чего они хотят, сейчас ли отправляются в Америку или же поживут в Швейцарии? Так как Вертгеймер отказался похлопотать о местах в Швейц[арии], если нет денег на отправку раб[очих] в Америку, ответьте мне или Вертгеймеру, хлопотать ли о билетах или же о Швейц[арии].

Вы, должно быть, знаете, что Жоржу лучше. Относительно же легких его Вы совершенно правы. Что ни к каким «дорогим товарищам» обращаться не следует, даже к С. Н[иколае]вичам[5]. Это и больно, и обидно. Вообще мы до этих пор сами выбивались из затруднительного положения и впредь будем. Пожалуйста, Павел, прошу Вас никому и никогда не говорить о нашем, или сказать Жоржевом, матер[иальном] положении. Мои дела идут на поправку и надеюсь обойтись без чьей бы то ни было помощи. Быть на устах всей этой сволочи, кот[орую] мы от души презираем, – хуже самой страшной нужды. Когда я Вам излагала наше положение (кому говорить, если не Вам), – то я совсем не имела в виду, что Вы даже частно будете говорить об этом, иначе бы не написала. Надеюсь, Вы меня понимаете и не рассердитесь за мое замечание.

Мой горячий привет Вашей семье.

Ваша Роза

IISH. Paul Akselrod Archive. – 33b. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировано в архиве 27 августа, очевидно по несохранившемуся конверту. В сравнении со следующими документом – это очевидная ошибка. Вероятно, правильная дата – 27 июля.

[2] Женевский раввин.

[3] Речь идет о двух ткачах-евреях из Белостока, членах тамошней социал-демократической организации. Спасаясь от ареста, они эмигрировали за границу. По просьбе П.Б. Аксельрода, к которому эти ткачи обратились, Р.М. Плеханова ходила к женевскому раввину и получила для них от последнего билеты на бесплатный проезд в Америку.

[4] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

[5] С.Н. Прокопович.

275
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1897, 4 августа[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Меня крайне удивляет Ваше очень продолжительное молчание. Во-первых, нас здесь очень беспокоит здоровье Пл[еханова]. Вы писали мне в последнем

письме[2], что его здоровье плохо и что его надо отправить в Италию. Я просил Вас сообщить нам, когда он должен ехать, и к тому времени мы постараемся достать денег. Неделю спустя я отправил 50 дол[ларов]: 25 д[олларов], собранных в пользу стачечников, и 25 специально для Пл[еханова] (пока!). Но Вы не сообщили мне ни о получении денег, ни о здоровье Пл[еханова], ни об его отъезде. Чем это объяснить?

Я поставлен здесь в очень неловкое положение. Когда получилось Ваше письмо, я поговорил с 2–3 нашими ближайшими товарищами, и мы решили устроить между собой маленькие еженедельные взносы, чтобы, когда Пл[еханов] будет в Италии, высылать ему каждую неделю на жизнь. Я просил обождать, пока получится от Вас письмо, из которого мы узнали, когда и куда Пл[еханов] едет. Тем не менее некоторые стали высылать каждую неделю свою часть. Пока собралось несколько дол. Каждый день меня спрашивали, как Пл[еханова] здоровье, уехал ли он и куда. Но я, к сожалению, не мог дать никакого ответа. Понятно, понемногу взносы прекратились, и теперь, я думаю, если деньги нужны будут, их будет очень трудно здесь собрать. Как быть с теми деньгами, которые уже собраны? Они находятся у нашего финанс[ового] секретаря и во всякое время могут быть Вам высланы; их хотя не очень много. Мне вообще очень жалко, что Вы так редко пишете и, когда пишете, так мало сообщаете о том, что делается у Вас, что происходит в России и т.д. По мере того, как развивается рабочее движение в России, растет и интерес к нему и здесь в Америке.

О нас, т.е. американских деятелях, могу очень мало нового сообщить. В последнее время здесь возникла новая партия Social democracy of Amerika[3] по инициативе известного рабочего [...][4] Debs'а, о котором Вы, вероятно, слышали! Я сильно побаиваюсь, что она den Wird von der Segen[5] здешней соц[иалистической] рабоч[ей].партии. Пока в программе этой новой партии очень много утопизма, но она делает очень значительные успехи в развитии к научному социализму. Это чисто американская рабочая партия, в то время когда старая S.R.P. создавалась почти исключительно под иностранцев. Посмотрим, что будет! Еврейская оппозиция (к партии), о которой я Вам когда-то писал, во главе которой стоял Коган, Миллер, [...][6] и Виневский, вышла из соц[иалистической] раб[очей] партии и поступила в соц[иал-]демократитию Debs'а. Отношение здешней соц[иалистической] партии к Debs'овскому движению крайне бессмысленное. Вообще великими тактиками в нашей здешней партии [.......][7]. Впрочем, об этом в другой раз. А теперь убедительно Вас прошу сейчас же мне ответить и, если возможно, ответить на все то, о чем я Вас просил в прошлом письме. Сообщите мне также адрес Плех[анова], Веры Ив[ановны] и Райчина.

Ваш Ингерман

[8]За те экземпляры «Работника», которые здесь были проданы, я послал Вам деньги. Листок я продал, но не все еще деньги получены ; около трех дол[ларов] у меня на руках, а около 2-х еще надо получить. Когда получу, вышлю Вам. Публика наша узнала, что вышла какая-то новая брошюра Пл[еханова]. Постарайтесь, чтобы нам ее выслали.

Ваш Ингерман

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22а. I / 9. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[3] Social democracy of Amerika – Социал-демократическая партия Америки, образованная в 1897 г. Ю. Дебсом, В.(Л.) Бергером и др.
[4] Одно слово не разобрано.
[5] Образование по благословению (*нем.*).
[6] Фамилия не разобрана.
[7] Два слова не разобраны.
[8] Следующий за сноской текст написан по верхним полям 1-го и 2-го листов автографа.

276
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, август
Цюрих[1]

Милый Жорж,

мне очень хочется сделать Вам всякое удовольствие, но пока не удается. Павел обещал, было, найти Меринга[2], а на другой день прислал Соню[3] сказать, что ему кажется, будто он эту книгу когда-то Вам отослал. Раз он решил не искать, его уж не заставить найти. Зиммеля[4], которого я купила и деньги заплатила вперед, но из магазина, на грех, принесли на его адрес, он мне так-таки и не отдал. Не ищет, да и все тут! Может, в самом деле, она, Лессинг'с legende[5], у Вас в Женеве? А то я куплю, денег у меня не гораздо, но и стоит-то книжка, вероятно, пустяки. Насчет газет совсем не имею понятия, чтобы их можно б[ыло] посылать. Журнала из читальни тоже нет возможности достать. Они лежат месяц на столе, потом посылаются в Ви[…][6] и пропадают. Но на стороне все же кое-что иногда можно достать. Напишите, какие Вы не читали? Можно прислать Вам (Надя теперь читает, но скоро кончит) генв[арь], март и апр[ель] за нынеш[ний] год «Русск[ое] бог[атство]». Хотите?

[7]Адрес Рябовой: Rue Hilaire Ricard. № 1. Montpellier. Я ей за весь год только раз и ответила: написала, что уезжаю из Лондона. Мне хочется отучить ее считать меня близкой приятельницей. В Лондоне она мне окончательно разонравилась. Прежде в ней б[ыло] ч[то]-то недоконченное, неудержимые аппетиты казались полуребячьими. Теперь это совершенно законченная дамочка с таким же неудержимым аппетитом (именно аппетит, не любовь), направленным в другую область. Не нравственность тут у меня возмущена (ни на волос я и не знаю, клялась ли она в вечной любви Раковскому), а просто эстетика своего рода, вкус, уж очень она противно кривлялась пред презрительно невозмутимым Теленочком[8]. Все это к тому, что лучше Вы сами напишите ей, что желаете ее видеть.

Напишите же скорее насчет книг, хотите ли, чтобы Меринга купить и «Русск[ое] бог[атство]» прислать? А затем, каких еще журналов не читали? Будьте здоровы.

Ваша Вера

[9]От Зайчика[10] уж получила известие: все благополучно.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 440. В 487.196. Л. 1 – 2 об. Автограф с позднейшей пометкой Л.Г. Дейча. Опубл. (частично) под датой 1897 г.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 194–195. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании содержания и упоминания о работе Ф. Меринга «Легенда о Лессинге». Она могла понадобиться Плеханову в связи с переводом на болгарский язык и публикацией его статей о Н.Г.Чернышевском в Варне (1897), впервые изданных в журнале «Социал-демократ» и содержащих многочисленные ссылки на Г.Э. Лессинга, немецкого просветителя, публициста и драматурга (1729–1781).
[2] Имеется в виду труд Ф. Меринга «Легенда о Лессинге», изданный в 1893 г.
[3] С.П. Аксельрод.
[4] Могли иметься в виду изданные к тому времени книги Зиммеля «Социальная дифференциация» (1890) и «Введение в моральную науку» (1892–1893).
[5] Так в тексте. См. прим. 2.
[6] Не разобрано.
[7] Весь абзац ранее не публиковался.
[8] П.Б. Струве.
[9] Заключительная строка приписана на перевернутом первом листе по нижнему полю.
[10] Н.А. Герд.

277
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, до 23 августа[1]
Цюрих

Дорогой Жорж,

что значит Ваша телеграмма, кою прилагаю: «Ecrivez letter don't je parle attendez Georges»[2], я, конечно, не понимаю. Но во всяком случае выходит по ней, письмо[3] послано еще до ее получения, и я жду – не знаю чего. Но пишу я Вам не по этому случаю, а по коллективному поручению (инициатива Виленца[4]). Явилось предположение, что, быть может, к причинам Вашего неприезда на конгресс[5] примешиваются финансовые резоны и что, если бы это было так, то для их устранения имеются 200 фр[анков]. На типографию из Питера (а там всего один чел[овек] остался) прислано 1000 руб[лей]. (500 р[ублей] из них конфисковал Бухгольц, но надеемся вытребовать). Виленец предлагает послать из них Вам 200 франков с тем, что они (он ручается) будут пополнены в качестве «издержек делегации». Таким образом, несомненно, что взять эти деньги можно без малейших опасений дальнейших отрыжек. Виленец производит на меня теперь впечатление человека, к[ото]рому мы можем вполне доверять, к[ото]рый относится к нам совсем хорошо. Мы думаем, что его прежнее поведение объясняется тем, что Бухгольц оклеветал нас пред ним, а теперь он сам видит и говорит, что Бух[гольцу] нельзя доверять, что он сумасшедший.

Ваша Вера

Если бы финансовые проекты оказали свое действие, то телеграфируйте «согласен». Я не уговариваю Вас. Боюсь насчет здоровья. Речь Павла сочиняем[6].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.84. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 224–225. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по упоминанию предстоящего Международного конгресса по законодательству об охране рабочих.

[2] Пишите письмо как я скажу. Ждите (*фр.*). Текст телеграммы, представляющей автограф Плеханова, наклеен на 1 листе письма.

[3] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[4] «Виленец» – А.И. Кремер.

[5] Речь идет о подготовке к Международному конгрессу по законодательству об охране рабочих, который состоялся 23–30 августа 1897 г. в Цюрихе. На конгрессе присутствовал 571 делегат от рабочих Америки, Англии, Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Германии, Дании, Италии, Испании, России, Франции, Швеции, Швейцарии, 2/3 из них составляли социал-демократы, 1/3 христианские демократы. В состав русской делегации вошли П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, А.И. Кремер, Б.А. Гинзбург, на съезде присутствовали также П.Б. Струве и С.Н. Прокопович. Конгресс обсудил следующие вопросы: воскресный отдых; работа детей и подростков; работа женщин; работа взрослых мужчин; ночной труд и труд в производствах, вредных для здоровья; способы и пути осуществления рабочего законодательства; учреждение Международной комиссии для рабочего законодательства. Отчет о конгрессе, написанный Гинзбургом за подписью Д. Кольцов, был помещен в сб. «Работник» (Женева, 1899. № 5 / 6). В этом же номере были опубликованы «Заявление русской делегации на Цюрихском международном рабочем когрессе», с которым выступил Аксельрод, и обращение «Международному когрессу для законодательной защиты труда, собирающемуся в Цюрихе в 1897 г., от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и «Еврейской рабочей социал-демократической организации одного из городов Западной России». Кроме того, в журнале «Новое слово» была опубликована статья Струве «Международный конгресс по вопросам законодательной охраны рабочих» (1892. № 12, сентябрь).

[6] Речь П.Б. Аксельрода опубликована в уже упоминавшемся сб. «Работник» (Женева, 1899. № 5 / 6) и «Ежегоднике» (Журнале Русского социал-демократического общества в Нью-Йорке) за 1898 г.

278
В.И. Засулич – Г.В. Плеханов

1897, до 23 августа
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

что-то Вы молчите насчет того, купить ли Lessing's Legende[2] и прислать ли три книжки «Русск[ого] бог[атства][3]»? Или за Рябову рассердились? Я ведь ее не трогаю, не хочу только с ней неискренно любезничать. У Вас, вероятно, есть номер сборника, который, наконец, «излазила». Прочла я в нем сегодня утром прилагаемую рецензию на «Борьбу»[4] и пришла в величайшее огорчение, пошла высказать его Павлу, ожидая, ч[то] он меня обругает, но оказалось, что он на эту рецензию (написанную Гинзбургом) не обратил внимания, а на днях прочел «Борьбу» и, хотя молчал, но чувствовал страшное раскаяние, так как она ничем такого отношения не заслужила. Он обрадовался моему протесту и предложил вырезать этот листок. Правда, придется с ней вместе вырезать и следующую хорошенькую рецензию (уж не Вы ли ее написали? Не верится, чтобы Гинзб[ург]), но все же лучше, чем оставить эту пакость. Завтра мы это вырезанное предложим Гинзбургу, а Блюм[енфельду] написано, ч[то]бы не распространял сборника. Можно ли, если они заупрямятся, сказать, что и Вы с нами согласны?

Не слышно ли чего о телячьем[5] приезде. Ведь б[ыл] же как-то слух, а теперь не слышно. Вы спрашиваете меня, познакомилась ли я с Верочкой[6]? Нет, не идет у нас с нею сближение. Она мне очень нравится: чувствуется, что есть у нее что-то (кроме ежедневных пустяков и медицины) в душе, но что именно, не раз-

берешь. Слишком скромное и застенчивое она творенье. С ней познакомиться, разве, случай какой поможет, а естественным путем это не сделается. Ее и Павел не знает, а ведь у них никаких строгостей и почтений не бывало. Как идут у вас разговоры с Серг[еем] Ник[олаевичем]?[7] Сюда опять едут «тараканьи усы»[8].

Напишите, как Ваша лихорадка, кашель. Зубы-то уж верно прошли, иначе Вы бы их уж повыдергивали.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.162. Л. 1 – 2 об. Автограф с позднейшими пометами Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 195–196. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании содержания и док. 276.
[2] См. прим. 2 к док. 276.
[3] См. док. 276.
[4] Имеется в виду рецензия Б.А. Гинзбурга на № 1 журнала «Борьба» с замечаниями В.И. Засулич:

«"Борьба", Листок свободной печати, № 1. Март 1896 г.

В первой книжке "Работника", указывая на неясность программы "Народного права", мы сочли нужным указать русским рабочим на необходимость отнестись с известной осторожностью к такого рода программам. Нет ни одного революционера теперь, который стал бы отрицать значение рабочего класса в борьбе за политическую свободу. Поэтому-то самые разнородные общественные деятели охотно объявляют себя "социалистами". "Нынче мы все социалисты", – сказал несколько лет тому назад один английский министр. Но рабочим от этих социалистов ни тепло, ни холодно. Им приходится бороться и отстаивать шаг за шагом свои интересы, свою жизнь, свое человеческое достоинство. Вот почему всякому, являющемуся к рабочим с медоточивыми речами на устах, приходится ответить: "Если вы социалист и демократ, пожалуйте в наши ряды, боритесь с нами каждый день, каждый час. Нас незачем звать на борьбу, ибо вся наша жизнь проходит в ней, и мы ее не боимся. Если же ваши симпатии на стороне другого класса, то идите к ним, попробуйте убедить их так же постоять за свои права, как мы отстаиваем свои. Во всяком случае, будьте спокойны: политическую свободу мы завоюем даже и без вас (Ложь! – *В.З.*), ибо она есть первое условие нашего окончательного освобождения". Вот почему и по отношению к партии "Народного права" мы сочли нужным указать и на возможность рабочим идти рядом с этой партией в борьбе за политическую свободу, но отнюдь не сливаться с нею, не забывать различия, существующего между рабочим движением и просто борьбой за конституцию. Такое наше заявление огорчило очень многих либеральных людей. Это, конечно, очень жаль. Будучи противниками всякой излишней жестокости, мы желали бы не огорчать никого. К сожалению, уж так наш мир устроен, что того и гляди, кого-нибудь да огорчишь! Не имея возможности угодить всем, мы решили не обращать внимания даже на очень либеральных людей и служить лишь интересам русского рабочего движения. Поэтому, не боясь огорчить более кого бы то ни было, мы советуем русским рабочим отнестись с опаской к "Листку русской свободной печати". Это не значит, что мы советуем рабочим не читать "Борьбы", как, кажется, хотели нас понять все те же либеральные господа. Нет, читай, да на ус мотай, но знай, что хотя "Борьба" и заигрывает с рабочими, но делает она это потому ("не мотивированное чтение в сердцах". – *В.З.*), что "рабочие в тот год оказались единственным классом населения, который отстаивал свои права, защищая себя от посягательств на эти права и на уделенный ему русской экономической жизнью минимум экономического благополучия" (см.: ст. "Стачки рабочих в 1895 году"). В действительности же, "Борьба" ставит себе задачей "объединение всех деятельных сил русской демократии для организации борьбы за политические права народа". Так вот мы думаем, что в этом объединении рабочим нечего делать, так как демократический костюм, который одевают на себя теперь все враги царизма, не помешает многим из них превратиться (Натансон и все народовольцы по тюрьмам и ссылкам находятся, а от превращения не гарантирует и знание марксизма. – *В.З.*) в самых ярых врагов народа, когда

царизм падет. Только организация пролетариата в особую партию с определенной программой может охранить русских рабочих от тех разочарований и тех измен, какие выпали на долю их германских, австрийских и французских братьев. История революции 1848 года представляет много поучительных страниц в этом отношении (говорящих, что одни рабочие освободиться не могут. – *В.З.*)».

[5] То есть приезде П.Б. Струве.

[6] В.П. Аксельрод.

[7] С.Н. Прокопович.

[8] Возможно, речь идет о Ц.М. Копельзоне.

279
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, до 23 августа
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

я все забывала ответить Вам на вопрос о представительстве на здешнем конгрессе[2]. Дело обстоит таким образом.

Еще давным-давно в Россию б[ыло] послано переданное[3] Грейлихом приглашение на этот конгресс и предложение прислать мандаты. До сих пор никакого ответа не б[ыло]. Теперь пришел мандат из Вильны. Из Петерб[урга] же и надежды мало получить, т[ак] к[а]к у Вильны (а, следовательно, и у Бухг[ольца]) потеряны с ним сношения. Огорченный мандатом из одной Вильны, а, кроме того, заболевши от старания продолжать писать свое добавление к брошюре «Об агитации»[4] (это страшная задача: пишет он ее полтора года, написал массу, чувствует, что никак не вылезть из поднятых вопросов, и так мучается, ч[то] Надя говорит, что он в таком состоянии не б[ыл] с тех пор, к[а]к писал для нашего «С[оциал]-дем[ократа]» о немец[ких] выборах[5]). Павел, ни с кем не посоветовавшись, предложил этот мандат Гинзбургу[6].Тогда же, не сказавши мне ни слова, он объявил Гинзбургу, что передает мне все дела и редакторство. Бедная я! Вы-то уже, конечно, не пожалеете меня. Скажете – поделом.

Узнав об этом, Надя пришла в отчаяние: немцы, мол, подумают, что Павел потерял всякое доверие товарищей, которые дают мандат никому не известному человеку, лишь бы не ему. В довершение беды Гринфест берет на время конгресса ваканцию, т[ак] к[а]к он тоже делегат (швейцарский). Т[аким] об[разом], если и отнять у Гинзбурга мандат (обязанность отнимать на мне лежит), то Павлу все же почти не будет возможности бывать на конгрессе (Надя все больна, а у детей экзамены), а перед немцами кефир – не оправдание. Словом, Павлу, как ни кинь – все клин.

Мне приходит в голову, что его спасение может прийти от Вас. Ведь Вы, хоть и молчите, а поправляетесь, и Розалия Марковна писала об этом Павлу, и Рябова рассказывает (а она не врет иначе, как с целью), что Вы всех кушаньев едите по четыре порции, что, считая обед и ужин, составит порций 30–35 в день, – это признак поправки!

Принимая все это во внимание, Вы, быть может, и могли бы без риску приехать сюда денька на три. И всех Fűrer'ов[7] бы повидали, и Вильну представили. Для Вас-то отнять у Гин[збурга] мандат ничего бы не стоило, да если и не отнимать, то Павел с Надей успокоились бы, т[ак] к[а]к Павел б[ыл] бы в одном положении с Вами. Впрочем, может быть, все это – софизмы, подсказанные мне

желанием повидать Вас, а, в сущности, Вам все же лучше не рисковать. Отвратительно вышло с конгрессом ткачей. Питерцы и шуйцы[8] прислали для него огромные доклады и ни копейки денег на их печатание. Бухг[ольц] взялся напечатать у немцев в Берлине, но там Браун сказал ему, что надо бы доклады сократить. Он послал запрос в Россию, а т[ак] к[а]к ответа не пришло, он их вовсе не отпечатал, а маленькое выражение сочувствия из Белостока[9] отпечатал и послал.

[10]Известие о своих подвигах он прислал только теперь, когда конгресс уже заседает. Вчера, когда Гинзбург рассказал мне это, мне за питерцев стало обидно (старались, какой докладище написали, и вдруг – Белосток)[11], и я (Павел сидит в Афольтенум[12]) послала конгрессу телеграмму, что, мол, «питерские и шуйские ткачи и прядильщики шлют через нас свои пожелания конгрессу; прислали также подробные доклады, которые по недостатку времени не могли быть отпечатаны».

Ваша Вера

[13]Страница вырезана, но лишь благодаря рассказу Рябовой о Вашем согласии. Пока Вы молчали, я не решалась настаивать, т[ак] к[а]к Гинз[бург] говорил, что Вы одобрили его реакцию.

[14]Напишите о мандате. Я до Вашего ответа погожу отнимать его у Гинзбурга для Павла. А может, Вы еще какой-ниб[удь] выход придумаете? Отнимать для Павла – какая-то странная задача. Он же дал, да вдруг пожалел.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.68. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 177–179. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано до начала Международного конгресса по законодательству об охране рабочих.

[2] См. прим. 5 к док. 277.

[3] В первой публикации: «подписанное».

[4] Имеется в виду работа П.Б. Аксельрода над предисловием и послесловием к брошюре А.И. Кремера «Об агитации» (Женева, Изд. Союза русских социал-демократов, 1897). Брошюра была написана Кремером при участии Ю.О. Мартова в 1894 г.

[5] Это статьи П.Б. Аксельрода «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг» (Социал-демократ. Женева, 1890. Кн. 2, 3; 1892. Кн. 4).

[6] Последующие строки до конца абзаца приписаны между строк, на этом же, но перевернутом листе с указанием крестика

[7] Вождь, руководитель (нем.).

[8] В Петербурге стачечной борьбой руководил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организованный осенью 1895 г. Известно обращение «Международному конгрессу для законодательной защиты труда, собирающемуся в Цюрихе в августе 1897 г. от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и «Еврейской рабочей социал-демократической организации одного из городов Западной России», датируемое концом июля 1897 г. и опубликованное в «Рабочей газете» в ноябре 1897 г. (№ 2) и сб. «Работник» (Женева, 1899. № 5 / 6). В сб. «Работник» к публикации обращения сделано примечание: «За недостатком времени на конгрессе не читались сочувственные адреса, присылавшиеся из разных стран. Для русского адреса бюро конгресса сделало, однако, исключение, которое президент мотивировал следующими словами: «Так как русские рабочие лишены свободы слова, печати и коалиций, то мы считаем себя обязанными прочитать здесь их адрес. Будем надеяться, что им скоро будет дана свобода, которая является лучшей основой всякой правомерной власти». Конгресс встретил это заявление одобрениями и тем показал свою с ним солидарность.» (С. 239–240).

Стачки 1895–1896 гг., проходившие на фабриках Шуи, уездного города Владимирской губернии, также проходили не без влияния социал-демократических идей, которое отмечалось в дознании «О деятельности Иваново-Вознесенского «Рабочего союза» в Иваново-Вознесеске и Шуе в 1895–1896 гг.» (Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 4. 1895–1900. Ч. 1. 1895–897. С. 443–444).

[9] Белосток, Бялысток (Białystok) – город на северо-востоке Польши на реке Бяла, в концеXIX в. уездный город Гродненской губ. В 1895 г. Белосток охватила стачка, начавшаяся 14 августа и продолжавшаяся 3 недели. Бастовали более 10 тыс. рабочих, главным образом текстильщиков. Стачка была сурово подавлена. В июле 1897 г. в Белостоке забастовали рабочие шерстопрядильных и ткацких фабрик, требовавшие повышения расценок и сокращения рабочего дня. Но в ходе стачки, как свидетельствует донесение начальника гродненского губернского жандармского управления Н.П. Малыхина, не выдвигались политические требования: «Засуживает внимания и то обстоятельство, что забастовки в течение трех последних лет происходят почти исключительно на еврейских фабриках, владельцы которых в высокой мере недобросовестно эксплуатируют рабочих, а чтобы оправдать себя, стараются придать делу политическую подкладку, объясняя каждый протест рабочих, каждую забастовку влиянием подстрекателей.

Нет сомнения, что подобное влияние прибывших из-за границы немецких и австрийских рабочих, усвоивших себе приемы борьбы против нанимателей, имеет также место, что подтверждается и произведенными до сих пор дознаниями; но следует признать, что забастовки постоянно являлись тогда, когда эксплуатация фабрикантов переходила границы; объяснять же каждую забастовку подстрекательством и влиянием политически неблагонадежных лиц, как утверждают фабриканты и со слов их фабричная инспекция, нет никакого основания» (Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 4. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. С. 803).

[10] Данный абзац в имеющемся тексте письма отсутствует.

[11] Обида В.И. Засулич, вероятно, происходила из-за того, что в ходе белостокских стачек выдвигались только экономические требования, а в ходе стачек в Петербурге и Шуе, особенно в Петербурге, рабочие переходили от экономической к политической борьбе, росло осознание того, что добиться улучшения материального благосостояния можно только путем борьбы против существующего образа правления в России. Естественно, что материалы, подготовленные ими для конгресса, точнее отражали взгляды представителей революционной социал-демократии. Так, упоминаемое выше (прим. 11) обращение к Международному конгрессу, заканчивается словами: «Долой русское самодержавие! Да здравствует международная социальная демократия!» (Там же. С. 607).

[12]Местечко недалеко от Цюриха, где располагалось кефирное предприятие П.Б. Аксельрода.

[13] Этот абзац приписан на обороте второго листа по правому полю.

[14] Заключительные строки приписаны по верхнему полю перевернутого первого листа.

280

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, конец июля – не позднее 23 августа
Цюрих[1]
Суббота ночью

Дорогой Жорж,

я вчера послала Вам длинное письмо, а сегодня получила Ваше[2]. Сегодня же еще получила два мандата из Петерб[урга] и из Киева[3]. Грейлих назначил мне на завтра свидание: что ему печатать относительно русской делегации. Я скажу, что пусть печатает: Гинзб[урга] (Вильна), Павла (Киев) и Вас (Петерб[ург]). Ну, Вы не приедете, окажетесь больны. Что же за беда, что будет напечатано? Или лучше пусть городов, откуда кто, не печатает, а просто Вас трех от России? Если не приедете, Павел Питер представит. Но без Вас премерзким будет представительство: Павел растерянный такой, Гинзб[ург], как и всегда, ходя спит. Се-

годня приехала барышня (вероятно хороша, но, пока я в ней никакого – кроме деревянного – вкуса еще не разобрала); приняла я ее любезно и целый день провела с ней и с «Тараканьими усами»[4]. «Усы» какие-то шелковые, расшелковые, всему, что ни скажу, с азартом поддакивает. Не знаю, обратили ли Вы полное внимание на то, что России предстоит голод, не меньше [18]91 г.?[5] Я стараюсь внушить, что с[оциал]-д[емократы] не должны в этом случае отделяться от тех, кто будет кормить, лечить и проч[ее], и только усиленно все подчеркивать против правительства. Что по отношению к голодающим стараться показывать, что мы, мол, слишком умны для сентиментальности (как народники), было бы, наоборот, доказательством глупости. Я действительно боюсь такого доказательства.

[6][А Рябова поехала-таки в Италию, но, кажется (из ее письма неясно), без намерения венчаться. Раковский, мол, так хочет. Да, я действительно оплошала. Заставить Рябову объясняться я не могла, но могла поговорить отдельно с Раковским.

А из Вашего последнего письма я вижу, что Рябова еще лживее, чем я думала. Разыгрывая предо мной полную искренность, она надувала меня относительно Вас. Она мне говорила, что Вы ей настойчиво советовали повенчаться с Раковск[им] и из Болгарии ездить в Россию для деятельности. (Я внутренно плечами пожимала). Притворилась очень удивленной содержанием Вашего письма. Когда я ей говорила, что не верю в возможность любви (кроме специально чувственной, без примеси и тени дружбы), при которой можно целый год скрывать от человека свои намерения по отношению к нему и, наконец, дойти до прямых интриганских обманов против него, она пыталась представить мои требования «добродетельными», говорила, что Вы назвали бы это женским «психичничаньем», словом, старалась от моих нападок, прятаться за Вас. А Вы пишете, что взяли с нее обещание объясниться с Раковским. Я ж с первого слова на этом и настаивала. Мне этого раньше и в голову не приходило, но теперь я вижу, что она отлично может налгать на нас с Вами Раковскому или уже сделала это. И ведь как ловко она за Вас от моей «добродетели» пряталась. Актриса! Страшно жаль Раковского.

[7]Не уйти Рак[овскому] от Рябовой. Он ей про запас нужен. А так к[а]к в России никто на нее не польстится, она к нему вернется. Она уж и теорию себе для этого подстроила, основанную на Герцене и Облонском[8]. Но свои «силы» в России все-таки непременно попробует].

[9]В «Н[овом] с[лове]» есть статья (и прекрасная) о Белинском[10]. Я получила июль «Н[ового] с[лова]» из Freiwald'a в Австрии. Адрес писан почерком Зайца[11]. Напишите же, пожалуйста, что Вы знаете о Теленке и его хозяйке?[12] За границей ли она тоже? Очень мне это любопытно.

[13]Я в качестве редактора[14] уже выше ушей завалена бездарнейшими рукописями.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.28. Л.1 – 2 об. Автограф. Опубл. (с купюрами): Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 197–198. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] Речь идет о мандатах для представительства на предстоящем Международном конгрессе по рабочему законодательству.
[4] На архивной обложке рукой Р.М. Плехановой отмечено: «тараканий ус – Гришин-Копельзон». См.: Ц.М. Копельзон.
[5] Голод 1891 г. и тактика социал-демократов.
[6] Следующие четыре абзаца были опущены при первой публикации письма (заключены в квадратные скобки).
[7] Этот абзац приписан на перевернутом втором листе, в нижней его части между строк.
[8] Вероятно, такое сравнение родилось у Веры Ивановны под впечатлением печатавшихся в журнале «Новое слово» (1896–1897) документов «Александр Иванович Герцен и Наталья Александровна Захарьина (их переписка)» и статьи Л.Е.Оболенского «В области европейской мысли», в которой, наряду с другими, рассматривался вопрос о положении женщины в общественной жизни.
[9] Этот абзац приписан на перевернутом первом листе, в нижней его части между строк.
[10] Имеется в виду статья Г.В. Плеханова «Белинский и разумная действительность. Статья II», опубликованная под псевдонимом Н. Каменский в журнале «Новое слово» (1897. № 10., VII; 11. VIII).
[11] Вероятно, Н.А.Герд.
[12] Струве и Герд, с которой он обвенчался 1 мая 1897 г.
[13] Заключительная фраза приписана по нижнему полю перевернутого второго листа.
[14] На архивной обложке рукой Р.М.Плехановой написано (анонсирование письма) «О редактировании рукописей союзников».

281
П.Б. Аксельрод – Р.М. Плехановой

1897, между 23 и 28 августа
Цюрих

Дорогая Розалия Марковна!

Ваше письмо[1] получилось, кажется, через день или несколько часов после моего бегства из Цюриха – бегства, в буквальном смысле, – от кефира и от всевозможных товарищей «дорогих» в кавычках, и просто от людей. К сожалению, мне дней через пять пришлось возвратиться, после довольно бесплодного кочевания.

Письмо Ваше я, однако, только дня четыре тому назад закопал[2] и только теперь, благодаря тому, что мне, «делегату», приходится заседать до обеда не на конгрессе[3], а в кефире, я имею возможность отвечать Вам, хотя разные черти и мешают.

Если бы раввин[4] нашел для ткачей (сукна) работу, они, разумеется, и остались бы здесь. Но уже из-за бумаг лучше будет их спровадить в Америку[5].

Я, собственно, только из письма Вашего узнал, что Вас погнали-таки к раввину; а я просил некоего Перельмана, чтобы он похлопотал. Но я рад, что так случилось, что Вы взяли на себя хлопоты, т[ак] к[ак] мне досконально известно, что равв[ин] относится к Вам с огромнейшим уважением. Поэтому-то я в прошлый раз решил обратиться к Вашему ходатайству.

Что касается до моей беседы с С[ергеем] Ник[олаевичем][6], то, как я Вам писал, она происходила раньше получения мною Вашего письма и вызвана была его вопросом: «Ну, что с Г[еоргием] В[алентиновичем], где он» и т.д. Она не имела характера жалобы или просьбы, а правдивого ответа на вопрос, а затем возражения на легкомысленное предположение[7].

И впредь я никогда и ни перед кем не стану молчать, когда мне будут говорить нелепости вроде тех, что я Вам сообщил. Разве когда Вы сами мне докажете, что розовые предположения о Вашем и Ж[оржа] экономическом благополучии соответствуют правде, тогда другое дело. И дай бог, чтобы настал такой момент. Я, со своей стороны, ничего унизительного для себя...

Постоянно, часто прерывают меня. Я хотел сказать, что если ближайшие товарищи мои таким же образом дадут знать моим «благожелателям», то я буду очень благодарен.

Пишу я все это в страшно сонливом состоянии, рассеянный и расстроенный, а потому не взыщите за бестолковость. Ваши сообщения о Ж[орже] и матер[иальном] положении... я так и понял, в Вашем смысле, и я Вам искренно заявляю, что благодарен Вам за это проявление доверия.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш П. Акс[ельрод]

Автограф не разыскан. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 175–176. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Вероятно, док. 274.
[2] Очевидная описка; надо читать: «раскопал» или «выкопал».
[3] П.Б Аксельрод был делегатом на Международном конгрессе по законодательству об охране рабочих, который заседал 23–30 августа 1897 г. в Цюрихе.
[4] Вертгеймер. См. док. 200.
[5] См. док 274.
[6] С.Н. Прокопович.
[7] Настоящие строки письма являются ответом на просьбу Р.М. Плехановой «никогда и никому не говорить о нашем или, скорее Жоржа, материальном положении». См. док. 274.

282
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, между 23 и 28 августа
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

тот вопрос, по поводу которого можно поговорить русским, Mittels und Wege[2] проведения законодательства, защищающего рабочих, будет разбираться только в субботу[3], все мечтают, что Вы тогда приедете на один день, и просят меня Вам об этом написать[4]. Я от себя к этому ничего не прибавляю. Теленок[5] тоже здесь и тоже мечтает, что Вы приедете, но если не приедете, поедет, должно быть, к Вам. Послезавтра приезжает и его жена[6]. Здесь вместе происходит опять и русский съезд, очень нелепый[7]. Вы ждете от меня, вероятно, описаний, но пока я, право, как-то не в состоянии описывать.

Потом, разве. Фольмар здесь, Дашинский, от Франции – одна нелепая дама[8]. Адлер, Либк[нехт], Бебель здесь, конечно. Frau Цеткин у Павла живет. Знаю, что Вы найдете, что это мало, но не пишется как-то. Нездоровится или нервы с сердцебиением, что ли. Крепко жму руку.

Ваша Вера

Пушкина получили? У Верочки[9] он оказался, и она обещала послать Вам.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.62. Л. 1–2.
Автограф. Опубл.: Первая марксистская организация
России – группа «Освобождения труда». М., 1984. С. 125.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1]Датируется по содержанию. Письмо написано во время работы Международного конгресса по законодательству об охране рабочих.
[2] Средства и пути (*нем.*).
[3] В субботу 28 августа 1897 г.
[4] Г.В. Плеханов в Цюрих на конгресс не приезжал.
[5] П.Б. Струве.
[6] Н.А. Герд.
[7] Речь идет о съезде членов «Союза русских социал-демократов», так называемых «молодых» во главе с С.Н. Прокоповичем.
[8] О ком идет речь, установить не удалось.
[9] Вера Павловна Аксельрод – дочь П.Б. Аксельрода.

283

В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу[1]

1897, сентябрь
Цюрих[2]

Главная причина, что не писала тебе так давно, в том, что об интересном, об общем писать нечего, именно потому нечего, что оно стало вдруг такое громадное из крошечных забот крошечной семейки – всемирно-исторической силой и, следовательно, совсем, совсем другое, чем было когда-то. Писать коротко – не знаешь, что сказать, что ты поймешь; подробно – не пишется. О себе тоже нечего сказать. Вожусь очень усердно с бумагой и перьями, а толку выходит очень мало из моего воженья[3], но продолжаю возиться во что бы то ни стало. Мне в этом отношении не везет на разные лады.

На днях я слышала, что Катя[4] получила разрешение вернуться в Рос[сию] и даже прожить несколько месяцев в Петербурге. Бодрая, говорят, такая, как ни в чем не бывало. Этак, можно надеяться, что и Дм[итро][5] там скоро окажется. А ты?.. Вне Кары, в других местах, думаю, не так глухо. Много щепок туда от обильных порубок залетает[6]. А они обильнее, чем были, когда бы то ни было, ну и лесу бесконечно больше.

Слышала я тоже, будто Маша[7] умерла, но говорил мне это брат величайшего лгуна[8], он каким-то недостоверным голосом говорил. Не знаешь ли ты о ней?..

Давно я тебе не писала и знаю, что это дурно с моей стороны, что при однообразии твоей жизни тебе хоть какую-нибудь болтовню получить приятнее, чем никакой. Знаю я все это и иной раз (когда не спится – особенно, – в другое-то время некогда по большей части себя мучить) грызу себя за это и все же откладываю письмо.

Но, что я не пишу, из этого не следует, что мне не интересно, как ты живешь. Всякие мелкие житейские подробности – все интересно, у меня ведь их нет.

Живем мы, вероятно, как раз противоположным образом. Я совсем не живу, а только грызу перья, читаю, думаю о перьях. Сплю не иначе, как под хлоралом, встаю усталая, пью кофе и бросаюсь к книге или перу. День промелькнет как-то мучительно и до чертиков быстро, и опять то же – уж пора принять хлоралю. Знакомых видаю только тогда, когда почему-нибудь нельзя не видеть. Живу, как во сне. Это-то нелепая по малой результатности [жизнь], но не могу иначе, спешка, вечное возбуждение усилиями работать мешает мне гораздо вернее писать тебе, чем то, что изложено выше[9]. Нечего писать именно потому, что так живу, иначе нашла бы. А ты не плати мне молчанием. Коли захочется писать, пиши.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 770 АД. 1 / 24.47 Л. 1 об. Ед. хр. 771. АД. 1 / 24.48. Л. 2 – 2 об. Копия рукой Л.Г. Дейча с его позднейшими пометами и примечаниями. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 255–256; 256–257 как два разных письма. Публикуется по копии Л.Г. Дейча.

Примечания

[1] Публикуемый текст, представляющий часть письма В.И. Засулич к Л.Г. Дейчу, приведен последним в его письме к Я.В. Стефановичу от 25 января 1898 г. Тексту предшествуют следующие строки: «От Марфы также сравнительно недавно получил письмо, из которого приведу следующие выдержки». Вторая часть письма приведена Дейчем в письме к Стефановичу от 25 февраля 1898 г. Тексту предшествуют следующие строки: «Я не привел в прошлый раз той части ее [В.И. Засулич] письма, в котором она говорит подробнее о себе… Вот остальная часть ее письма».

[2] Датируется на основании содержания.

[3] Так в тексте.

[4] Вероятно, Е.К. Брешко-Брешковская. В 1896 г. она вышла на поселение и в Тюмени сблизилась с сестрой В.И. Засулич А.И. Успенской. В сентябре 1897 г. получила разрешение вернуться в Европейскую Россию. Около месяца жила в Москве. В 1899 г. участвовала в создании «Рабочей партии политического освобождения России», влившейся в 1902 г. в партию эсеров, в которой она стала одним из организаторов и руководителей.

[5] Я.В. Сефанович с 1890 г. жил на поселении в Якутии, с 1905 г. – в Черниговской губ., от политической деятельности отошел.

[6] В.И. Засулич имела в виду попадавших в разные места Восточной Сибири, но не в Забайкалье административно высылавшихся социал-демократов, число которых все увеличивалось в связи с арестами.

[7] Очевидно, М.А. Коленкина, большой друг В.И. Засулич. Слух о ее смерти был ложным. Она умерла в Иркутске 31 октября 1926 г.

[8] Не ясно, о ком идет речь.

[9] *Что я привел в прошлой выдержке.* – Прим. Л.Г. Дейча.

284
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, июль – начало сентября
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

обе Ваши телеграммы[2] получены и даны Рябовой. [3][Она уже объяснила Вам свою затею (она говорит, что писала Вам, что мне не расскажет, но рассказала). Мне эта затея так противна, что лучше мне о ней не писать].

Очень я обрадовалась нашему с Вами согласию по вопросу о рецензии[4] против «Борьбы»[5] Тем более обрадовалась, что, по словам Рябовой, Вы не нашли ничего преступного в инкриминированой фразе «Борьбы» относительно «объединения для борьбы всех деятельных сил демократии...» Павла огорчает, главн[ым] образ[ом], несправедливость по отношению к народоправцам[6], а мне самая тактика, сказывающаяся в этой рецензии, кажется бесконечно нелепой. В качестве пролетариата, «класса, противоположного по своим интересам всем другим классам», фабрич[ные] раб[очие] могут делать стачки, но никак не «завоевать политич[ескую] свободу». Это, если может, то в качестве «партии» (а не класса), к которой попристанет много всякого народу (Янжул[7], напр[имер]), и этот народ впоследствии «изменит» там или не изменит, совершенно одинаково, будет ли называться с[оциал]-дем[ократами] или народоправцами. Поэтому учить рабочих говорить направо и налево злые глупости совершенно бесполезно, а если бы, паче чаяния, удалось сохранить фабрич[ных] рабоч[их] в чистоте от людей других классов, то тем самым мы гарантировали бы им и полнейшее бессилие в борьбе за политич[ескую] свободу. Передайте, пожалуйста, Сергею Николаевичу[8] прилагаемое письмецо. Хотя оно и пришло на мой адрес без всякой надписи о передаче, но, очевидно, относится к нему, а не ко мне.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.70. Л. 1–2.
Автограф. Опубл. (с купюрами): Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 175–176. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо датируется на основании упоминания имени С.Н. Прокоповича, который, как следует из просьбы В.И. Засулич, находился в это время в Женеве, куда приезжал специально для встречи с Г.В. Плехановым, затем участвовал в работе Цюрихского международного конгресса по трудовому законодательству 23–30 августа 1897 г. Последнее письмо Плеханову с рассказом Прокоповича о конгрессе датируется началом сентября 1897 г.

[2] Телеграммы Г.В. Плеханова не разысканы.

[3] В первой публикации текст в квадратных скобках не воспроизводился.

[4] Имеется в виду рецензия Б.А. Гинзбурга (Д. Кольцова) на № 1 газеты «Борьба», вышедший в марте 1896 г. Текст рецензии Б.А. Гинзбурга с примечаниями В.И. Засулич См. док. 278.

[5] «Борьба» – Листок свободной печати, изданный в С-Петербурге в пользу ссыльных и заключенных обществом «Народное право» в типографии «Группы народовольцев». Вышел один номер.

[6] Народоправцы – члены партии «Народного права», нелегальной организации русской демократической интеллигенции, основанной летом 1893 г. при участии бывших народовольцев О.В. Аптекмана, А.И. Богдановича, М.А. Натансона, Н.С. Тютчева и др. Народоправцы поставили своей задачей объединение всех оппозиционных сил для борьбы за политические реформы. Весной 1894 г. партия была разгромлена.

[7] Вероятно, имеется в виду И.И. Янжул.

[8] С.Н. Прокоповичу.

285
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, не ранее сентября
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

переписку с Бух[гольцем] навалил на меня не кто-ниб[удь], а судьба. В пояснение посылаю Вам письмо Виленца[2] к нам с Павлом. Не показывайте, конечно, Блюм[енфельду] и не поминайте о нем, а пришлите обратно, может понадобиться. Вилен[ец] действительно в последний свой приезд все время твердил нам, что мы дали слишком много власти Блюм[енфельду] с Гинз[бургом], что последний, говоря от имени «Союза»[3] в своих юпитерских письмах, дает о нас, вдобавок, ложное понятие, т[ак] к[а]к всё нам приписывается, а познакомившись, он увидел, ч[то] мы-то совсем не так относимся к делу. Для Гинз[бурга] действительно Россия существует для заграничного] «Союза», а «Союз», должно быть, выражает свое величие в грубых начальнических письмах. Сменить его из секретарства, к несчастью, пока нельзя. Мы изолированы от всей заграницы к[а]к никогда прежде. Даже его заменить некем, тем более Блюменфельда, который взбунтовался бы. Такие же вопросы и жалобы Бух[гольц] и сам одновременно с Вил[енцем] изложил. Гин[збург], было, решил поехать в Берл[ин] и найти там Бух[гольцу] заместителя. Но т[ак] к[а]к несомненно, ч[то] он его не найдет, я нашла лучшим постараться «человеческим» письмом обладить Бух[гольца].

Пишу Вам это в особенности потому, что Гинзб[ург] ссылается, ч[то] своими грубостями (а ч[то] в письмах он страшно груб, не только Павел, а тоже и я свидетельница) он Ваш дух т[аким] о[бразом] осуществляет. Он теперь в Женеву переезжает и, значит, еще более, чем прежде, они с Блюм[енфельдом] будут действовать вполне самовольно, заменяя согласие нас – группы «Осв[обождение] т[руда]» – подтвердительным молчанием или кивком, выманенным у Вас в разговоре. Будьте, значит, осторожны с ним. Ведь ответственность-то пред россиянами все же целиком на нас падет. Их и знать не хотят, а мы часто даже и не знаем, ч[то] они делают. Я переезжаю на другую квартиру, адрес: Zürichbergstrasse, № 11. Получила письмецо от Рябовой. Обвенчалась с Раковским и уезжает с его сестрой, едущей на курсы в Петербург. Пишет, ч[то] много говорила с Раковск[им] и что это он т[ак] пожелал.

Очень устала (переезд) и нездоровится.

Ваша Вера

Авг[устовского] «Н[ового] с[лова]»[4] я не читала. Павел получил и увез в Лугано[5], где отдыхает от попыток писать.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.146. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 125–126. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Письмо может быть датировано на основании упоминания об уже вышедшем августовском номере журнала «Новое слово».

[2] А.И. Кремер.

[3] «Союз русских социал-демократов за границей».

[4] В августовском 1897 г. номере журнала «Новое слово» (№ 11) под псевдонимом Н. Каменский было опубликовано окончание статьи Г.В. Плеханова «Белинский и разумная действительность» из серии «Судьбы русской критики».
[5] Лугано (Lugano) – озеро в Ломбардских Альпах, на территории Швейцарии и Италии.

286
С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1897, 4 сентября[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Наконец-то после бесконечно долгого ожидания я получил Ваше письмо[2]. Я-таки довольно серьезно уже начал беспокоиться и о каждом из Вас в отдельности, и об рус[ской] соц[иал-]демократии вообще. Ну, очень рад, что все в порядке. Жаль только, что жена Ваша опять начала хворать (она, кажется, уже давно страдает Ischias[3]). Я надеюсь, что пребывание ее в деревне и ванны будут иметь благотворное влияние на ее здоровье. Ваше письмо возбудило в моей голове такую массу вопросов, по поводу которых я очень хотел бы с Вами побалакать. Но, не желая похищать свободное[4] время у Вас, которого и без того у Вас мало, я это отложу на другое, более благоприятное время, а теперь займусь лишь нашим, американским делом. А дело у нас к Вам важное. Начну с Адама[5]. Наше Общество здесь занимает теперь очень сложное и, если хотите, очень интересное положение благодаря борьбе и расколам, разрывающим нашу соц[иалистическую] партию, о которых я Вам, кажется, писал. Молодые русско-еврейские социалисты, недавно лишь приставшие к партии, нетвердые еще достаточно в своих принципах и убеждениях, положительно начали терять голову, которую могли бы потерять окончательно, если бы не находили убежища в нашем Обществе. Наше Общество сумело даже в самый разгар борьбы разных фракций здешней соц[иалистической] партии сохранить строгий нейтралитет. Нам хотя досталось не мало пинков с одной и с другой стороны, но зато тем лучшие отношения к нам теперь со стороны всех фракций. Главное, у нас сохранились люди для будущей обновленной партии, бегущие от начавшейся в теперешней деморализации. Но чем больше к нам является народу, тем больше дела требуется, чтобы удовлетворить жажду их деятельности. Не говоря о наших митинговых обязанностях по отношению к России, наша деятельность ограничивается лишь сборами денег, главным образом, с одного новогоднего бала. С течением времени, однако, успешность наших балов становится все более сомнительной. Появляются разные конкурсы то в лице рус[ского] студенческого культурно-просветительного общества и др., которые выдумывают разные занятные вещи, чтобы привлечь публику. Конечно и нам приходится проделывать то же самое. В прошлом году мы издали «Сувенир», нечто вроде журнальчика с простой обложкой, в которой, кроме объявлений, почти-что ничего не было. Несмотря на это, наша публика вошла во вкус издательства и в этом году, чтобы поднять достоинство и значение нашего Общества, привлечь симпатии и уважение нашей рус[ско]-евр[ейской] публики, приучить наших членов к журнальному делу и, наконец, чтобы что-нибудь сделать для распространения соц[иалистических] идей, – решили издать ко времени нашего бала (50 л[ет] годовщины 48 г., «М[анифеста] ком[мунистической] партии»[6] и смерти Белинского[7]) «Ежегод-

ник», не превышающий своим размером 4-х листов. Теперь Вы, вероятно, понимаете, в чем моя просьба к Вам заключается. Меня уполномочили просить Вас, Георг[ия] Валентиновича и Веру Ивановну что-нибудь написать для нашего «Ежегодника». Содержание его будет, вероятно, приблизительно следующее. От нашего Общества воззвание к здешней публике (и программа Общ[ества]), календарь (более или менее крупные события рев[олюционного] дв[ижения]; время и обстоятельства, при которых они совершались), 48-ой г.; история «Ман[ифеста] Ком[мунистической] партии»; Белинский; восп[оминания] соц [……][8] в России; экономическая структура и распределение партий в Америке; стачки железно-дорож[ных] рабоч[их] в Ч[икаго] и углекопов и новая соц[иал-]демократия Ам[ерики], Debs). Отчеты о рабочем движении З[ападной] Европы, России и Америки (3 статьи), рус[ский] марксизм и фельетон (рассказ (статья) из жизни рабочих). Приблизительно таким предполагается содержание книжки. Пусть каждый из Вас напишет, что ему хочется или что он считает полезным для такого рода издания, но, если возможно, имейте в виду желательное содержание его. Я хотя стою во главе редакционной комиссии, но… статьи будут главным образом от профессиональных литераторов. Убедительно прошу Вас не отказать мне в присылке статей. Попросите от себя и от меня статей у Пл[еханова] и В[еры] Ив[ановны] и у других соц[иал-]дем[ократических] писателей. Я обратился бы лично к Пл[еханову] и В[ере] Ив[ановне], но не знаю их адресов. Впрочем, Плеханову я еще, может быть, напишу через типографию. Статьи пришлите по возможности скорее. По получении письма отвечайте немедленно. Вы понимаете, это для нас очень важно. Простите, что писал так беспорядочно и неразборчиво. Я очень устал и чувствую себя преотвратительно.

На днях Вам вышлют несколько дол[ларов] в счет одолженных 25. Не беспокойтесь – скоро расплатимся. За брошюрки уже тоже получил несколько дол[ларов]. Скоро вышлю.

Опять повторяю – мы взялись за предприятие, о котором писал выше очень серьезно. Это будет очень полезная вещь для наших американских рус[ско-]евр[ейских] товарищей. Оно, помимо этого, обеспечит нам успех нашего бала и само по себе доставит нам доход, который, вероятно, не окажется лишним для Вас. Расходы по изданию покроются доходами от объявлений. Кроме этого мы может продадим здесь несколько самих экз[емпляров] нашего «Ежегодника». Во всяком разе дело уже начато, все приготовления уже сделаны, и от Вас всех кровным образом будут зависеть судьбы нашего издания. Я убежден, что Вы отнесетесь к нашей затее сочувственно и сделаете все, зависящее от Вас, чтобы наше дело увенчалось успехом. Главное – сейчас же напишите Плех[анову] и Засулич, а затем подробно ответьте мне.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш Ингерман

P.S. Мою заметку о еврейском движении, если возможно, пришлите мне обратно; факты, собранные мной о […][9] здесь общеизвестны, теперь здесь никому не интересны, и они могут быть мне полезны. Если же не можете прислать, уничтожьте рукопись.

Ваш Ингерман

[10]3–4 №№ Работника мне очень понравились. Мне кажется, что он во многих отношениях лучше 1 №, как по подбору, выдержанности и характеру статей, так и по внешней, литературной форме. Он мне доставил большое удовольствие.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22a. I / 10. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[3] Ишиас (греч. ischiás, от ischíon – таз, бедро, множественное число ischía – седалище), пояснично-крестцовый радикулит, заболевание корешков пояснично-крестцового отдела спинного мозга и, главным образом, седалищного нерва.
[4] Слово вставлено над строкой.
[5] То есть с самого начала.
[6] «Манифест Коммунистической партии» – первый программный документ марксизма. Написан К. Марксом и Ф. Энгельсом по поручению 2-го конгресса (1847) Союза коммунистов в качестве программы этого союза. Опубликован в 1848 г.
[7] В.Г. Белинский умер в Петербурге 26.05.(07.06). 1848 г.
[8] Одно слово не разобрано.
[9] Одно слово не разобрано.
[10] Весь абзац написан по верхнему полю 1-го листа.

287
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, начало сентября
Цюрих[1]

Давно не писала я Вам, дорогой Жорж, в очень я скверном настроении была (да и есть). Не знаю, составили ли Вы из рассказа Тел[енка][2] понятие о нашем положении на конгрессе[3]? Не читали ли Вы утопию Морриса («From Nirgend's wo»[4] – это в «N[eue] Z[eit]»)? Там герой, подружившийся с людьми будущего, вдруг, войдя в залу пиршества, чувствует, что его никто не видит, что он перестал существовать для окружающих. Вот это ощущение было у меня на конгрессе. Всякий-то немец (французов не было) норовил пройти так, чтобы тебя не заметить. Ни один (даже и Адлер) не заглянул к Павлу. В публичных речах (вне конгресса – Бебеля, Перндорфа и др.), говоря о росте движения за последние годы и перечисляя разные самые негоднейшие страны, чуть не Испанию с Португалией, все упорно пропускали Россию. И на конгрессе, и вне конгресса старались т[ак] представить физиономию земного шара, будто России и на свете нету. Историю нашей резолюции Вы, вероятно, знаете, а подробности прочтете в «N[eue] Z[eit]», куда Павел послал описание[5] ее Leidensgeschichte[6]. На мои нервы («обнаженные» – это, не помню уж, у Достоевского или у кого-то говорится про очень нервного героя) это действовало самым мучительным образом. Что немцам надо было сделать этот конгресс безгранично благонамеренным и легальным, это я знаю и понимаю. Нужно для их внутренних дел, для сближения с недовольными правитель[ством] и аграриями элементами в Германии, что может повести к полит[ической] свободе у них – это все так. Но зачем же нас-то старая собака Грейлих тянула на конгресс? Зачем затесались туда мы – нелегальные, по самой сущности русского строя? Вместе с конгрессом происходили, конечно, и нелепейшие заседания русских товарищей (а, ей Богу, Ваш Сер[гей] Ник[олаевич][7].– препротивная тварь). От усталости или огорчений – уж не знаю – привязалась ко мне еще лихорадка ежедневная и кашель сверх положенного. К этому, теперь, когда шум прошел, прибавляется и чувство безгра-

ничного одиночества. Иметь своими ближайшими людьми такую сплоченную семью[8], в к[ото]рую, как Вы сами заметили, мизинца не просунешь, – хуже, чем никого. Она к[а]к-то заслоняет тебя от всего мира. Вот с Телен[ком], напр[имер], видая его каждый день все у Павла, я почти совсем не говорила. Павел и ему совсем не давал говорить, а все беспрерывно ему свое «добавление к брошюре об агитации»[9] рассказывал. Пишите мне, милый Жорж.

Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.63. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 184–185. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию письма.
[2] П.Б. Струве.
[3] Речь идет о «Международном конгрессе по законодательству об охране рабочих», проходившем 23–30 августа 1897 г. в Цюрихе.
[4] В письме В.И. Засулич пишет о переводе на немецкий язык социально-утопического романа У. Морриса «News from Nowhere» (1891), в русском переводе «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья» (М., 1906).
[5] Вероятно, имеются в виду положения, дополнявшие, по мнению П.Б. Аксельрода, позицию автора брошюры «Об агитации», сформулированные в послесловии к названной брошюре и изложенные в двух письмах «К вопросу о современных задачах русских социал-демократов» (Работник, № 5–6, 1897, С. 229–239).
[6] История страданий (*нем.*)
[7] С.Н. Прокопович.
[8] Семья П.Б. Аксельрода.
[9] См. прим. 4 к док. 279.

288
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, после 17 сентября
Цюрих[1]

Дорогой Жорж, я послала Вам сегодня Чернышевского[2]. Вот адрес Селитр[енного]:

[18, Barry Rd.
Peckam Rue
S.E.
London.

Мне нельзя теперь обратиться к нему с просьбой. Вот почему. Здесь теперь Лиза[3]. Так как мне говорили (Гинзбург), что теперь и Лиза его обвиняет, я ее спросила. Ведь, имея с ним дела, я тем самым навязывала его другим. Т[ак] ч[то] должна была спросить[4]... Не нынче, завтра он с чем-нибудь деловым обратится ко мне, и я должна буду ответить ему, что знаю о его преступлении и не могу иметь с ним никакого дела. Так, оставя даже в стороне отвращение, накануне такого письма нельзя просить об услуге][5].

От Тел[енка][6] я сегодня получила записку от 15-го; пишет, что дня через два едет на родину. Теперь, значит, уехал. «Н[овое] с[лово]» за август вышло, получено в читальне. Я еще не видала. А за Тел[енка]-таки страшно. Вся его-то

неосторожность лишь в том, ч[то] приехал на конгресс[7], но какая-то скотина показала его кому-то из студенток, и затем уже все про него кричали и друг другу его указывали.

На мое попечение и ответственность отдана одна заказная брошюра[8]. Я просила Блюм[енфельда] показать Вам рукопись. Это до того интересно, что, если заглянете, не сможете не прочитать, а, прочтя, посоветуйте, как поступить с примечаниями? Расставить ли внизу стран[иц] (это [было] бы самое лучшее, да боюсь путаницы, или надо самой переписать всю рукопись) или печатать после каждой главы относящиеся к ней примечания? Чтобы все в конце книги – это всего хуже, мне кажется. В примеч[аниях] масса курьезнейших вещей, а как их там будет читатель разыскивать? Посоветуйте. Рукопись была прислана в страшном беспорядке. Я и примечаний половину по смыслу размещала. Поэтому очевидно, ч[то] с внешней стороны с ней можно распоряжаться по усмотрению.[9] Очень бы хотелось повидаться, но ч[то]бы Вы приехали, как-то не верится. На днях получите 250 fr[anc]: Ганелин мне для Вас посылает, так и пишет: «Посылаю Вам для Геор[гия] Вал[ентиновича]». Прислал мне тоже и для меня.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 440. В 488.202. Л. 1 – 2 об. Автограф с позднейшей карандашной пометой Л.Г. Дейча «Цюрих. 18–IX–97». Опубл. (с купюрами): Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 186. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Возможно, существовал конверт, по штемпелю которого Л.Г. Дейч датировал письмо. Однако конверт отсутствует, и более точной представляется дата, указанная нами. Основанием может служить ссылка В.И. Засулич на конгресс, делегатом которого был П.Б. Струве.

[2] Речь идет об одном из изданий произведений Н.Г. Чернышевского. В это время Г.В. Плеханов работал над четвертой статьей из серии «Судьбы русской критики» – «Эстетическая теория Н.Н. Чернышевского». Первая часть статьи была опубликована в 1897 г. в декабрьском – третьем номере журнала «Новое слово». Этот номер был последним, 10 декабря 1897 г. издание журнала было запрещено (См. прим. 13 к № 251). Полностью напечатать статью удалось лишь в сборнике «За двадцать лет», первое издание которого вышло в Петербурге в 1905 г.

[3] Вероятно, Елизавета Лурье.

[4] Далее 12 строк вымараны фиолетовыми чернилами.

[5] Текст, заключенный в квадратные скобки, в первой публикации отсутствовал.

[6] П.Б. Струве.

[7] Речь идет о «Международном конгрессе по законодательству об охране рабочих», проходившем 23–30 августа 1897 г. в Цюрихе. П.Б. Струве был делегатом на этом конгрессе.

[8] Вероятно, В.И. Засулич имеет в виду свою работу над брошюрой «Десятилетие Морозовской стачки». Посвященная событиям мая 1886 г. и его участникам П.А. Моисеенко и В.С. Волкову, брошюра, издававшаяся «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», была отпечатана в 1897 г. в Женеве в типографии «Союза русских социал-демократов». Автором ее был член «Рабочего союза» Иваново-Вознесенска С.П. Шестернин, установивший связи с «Союзом борьбы» еще в 1895 г. «Рабочий союз», несмотря на периодические провалы, возглавил первое крупное, после петербургских стачек, выступление рабочего класса – всеобщую стачку иваново-вознесенских ткачей, прядильщиков и ситцепечатников конца 1897–1898 гг. Материал, написанный Шестерниным, был переправлен без обозначения имени автора. Работая над материалом, Засулич отредактировала текст и, видимо, из примечаний составила заключение, сопроводив его справкой: «По независимым от автора настоящей брошюры обстоятельствам, это заключение написано не им, а Засулич» (Десятилетие Морозовской стачки. Женева, 1897. С. 30). Второе издание этой брошюры вышло в Женеве в 1901 г.

[9] Заключительные строки приписаны по верхнему полю развернутого листа письма.

289
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, сентябрь
Цюрих[1]
66 Gloria Strasse

Дорогой Жорж,

только вчера я узнала, что все это время Вы больны обостренным образом. Так тяжело стало на сердце. Я с неделю как отослала работу, хотелось написать Вам, да удерживалась, что ж, мол, приставать к человеку с письмами, когда ему, может, не до них. А теперь, узнавши о Вашей болезни, никак не могу не написать, хотя и не знаю о чем, т.е. не знаю, в каком Вы состоянии, настроении, что может Вас интересовать, что – нет.

Знаете Вы, что покойный Бунге (кажется, не переврала – министр финансов пред прекращением дефицитов) б[ыл] большим поклонником Бельтова[2]. Это тут Янжул б[ыл], рассказывали, не нам, а одному человеку. И Бунге, и он сам находят это направление очень полезным как противовес крепостническим вожделениям. У Волгина[3] Янжул находит, однако, один недостаток, а именно тот, что Волг[ин] не воспользовался его, янжуловскими, фабричными отчетами[4]. Извиняет тем, ч[то] за границей их трудно достать. Бунге никак не хотел верить, что Бельтов семидесятник[5]: «Такой юношеский жар!». Ах, Жоржик, зачем же это Вы больны? Пожалуйста, Жорж, милый, если ответите мне (хоть бы выругали!), напишите, неужели Вы так и остались за июнь без заработка[6] за то, что работа была слишком хороша? Мне это нужно знать потому, что это, по-моему, был бы положительно дурной поступок, и мысль о нем влияет на мое мнение о Телятине[7]. Здесь брюссельский философ Сер[гей] Ник[олаевич][8]. Он порывается к Вам, но, если Вы не в бодром настроении, едва ли полезен, для споров он очень утомителен. Он массу начитал и составил себе теорию. Ее именно объявил нам в простоте литовец[9]: буржуазия права уже приобрела, и рабочие почти что; он думает, что и крестьяне приобрели. Институты (так он констит[уции] называет) не очень важны. Новый промыш[ленный] строй не может развиваться, не создавая и соответствующих прав, а т[ак] к[а]к он у нас развился, – значит, развились и права. А человек он, мне кажется, хороший. Болтаю, а не знаю, мож[ет], Вы зарычите на неинтересную Вам болтовню. Ну, хоть бы зарычали.

[Ваша Вера]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.56. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 179–180. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основания упоминания о пребывании в Цюрихе С.Н. Прокоповича, некоторое время после Международного конгресса по рабочему законодательству.

[2] Один из псевдонимов Г.В. Плеханова.
Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшая в свет в начале 1895 г. под псевдонимом «Н. Бельтов».

[3] Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)», изданная в начале 1896 г. под псевдонимом «А. Волгин».

[4] Имеются в виду работы: Янжул И.И. Фабричный быт московской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа. СПб.,

1884; *Он же*. Московский фабричный округ. Отчет за 1885 г. инспектора московского округа профессора И.И. Янжула. СПб., 1886.

[5] То есть участник народнического движения 1870-х гг. Г.В. Плеханов участвовал в петербургских революционных кружках с 1875 г., был членом «Земли и воли» до 1879 г., когда произошел раскол общества на две самостоятельные организации: «Народная воля» и «Черный передел», одними из организаторов последнего были Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч и В.И. Засулич.

[6] Вероятно, речь идет о невыплате Плеханову гонораров за напечатанные в майском и июньском номерах журнала «Новое слово» (1897 г.) работы: «Н.И. Наумов» (№ 8. V. С. 21–41), «О книге В. Быстренина «Житейские были» (№ 8. V.С. 52–56). В № 9 (июнь) журнала «Новое слово» (1897) появилась рецензия Плеханова «О книге Г. Лансона «История французской литературы XIX века», тогда же в редакцию поступали статьи цикла «Судьбы русской критики» и работа «О материалистическом понимании истории (Esais sur la conception matérialiste de l' histoire par Antonio Labriola, professeur à l'universitede Rome, avec une préface de G.Saris. 1897».

[7] П.Б. Струве. Он был одним из редакторов журнала «Новое слово».

[8] С.Н. Прокопович. В эти годы он учился в Брюссельском университете, который закончил в 1899 г.

[9] Вероятно, – это один из руководителей литовско-польской марксистской организации Моравский (Кочан).

290
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, вторая половина сентября[1]
Цюрих

Дорогой Жорж,

я сегодня послала Вам по мандату 250 fr[anc]. Следующее пишу Вам некоторым образом по обязанности. Во время конгресса[2] здесь был одновременно и русский (по обыкновению) нелепейший съезд[3]. Известный Вам нелепый Литовец[4] много толковал на нем о их литовской независимости во всех внутренних делах от россиян (тоже как и поляков) и в то же время о пользе вступления в федеративные отношения. Уже после съезда он представил проект этого федеративного договора. Выражался он в терминах взаимности: иметь общий архив, доставлять друг другу сведения, литературу и проч[ее]. Но Виленец[5], знающий их дела и положение, находил, что это проект эксплуатации нашего «Союза», т[ак] к[а]к они-то ничего доставлять не могут и не будут. Затем, при внутренней автономии, если явится какое-ниб[удь] общее дело, необходимость общего заявления и проч[ее], их представитель здесь имеет такой же голос здесь, к[а]к весь наш «Союз» вместе, а представитель их Мархлевский (если не перевираю фамилии) друг Люкс[ембург] и Грозовск[ого]. Все это аргументы против принятия их проекта. Павел теперь против принятия, но он соглашался, когда решали этот вопрос с Виленцем, а Виленец говорил, что просто прогнать их было бы очень невыгодно (там внутри) и предложил (и мы согласились) такую хитрость: в ответ на предложение поставить им условием, чтобы они печатно заявили о своем единении солидарности с Русской соц[иал]-дем[ократической] организацией («Союз борьбы» и пр[очее]). В проекте речь лишь о нашем загр[аничном] «Союзе», а решили потребовать присоединения не к нему, а к российскому «Союзу». Виленец думал, что они откажутся, а если не откажутся, придется повозиться с ними. Я за это только потому, что не хотела бы надуть Виленца. Он нам вполне верит. Гинзб[ург] откуда-то слышал, ч[то] Вы за союз

с Литвой. Если за, не напишите ли проект их печатного заявления. Во всяком случае напишите, за Вы или против? Все и вся свалили теперь на меня, даже и переписку с Бухгольц[ем]. О том, ч[тобы] писать статьи, мне и думать нечего, а я обещала и тот адрес, чтобы отказаться. Я внутренне волосы на себе рву, зачем уехала из Лондона.

Блюм[енфельд] написал, ч[то] нетрудно устроить примеч[ания] под стран[ицей], а потому рукопись[6] Вам не снес[7].

Ваша Вера

Тел[енок][8] уже в отечестве[9].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1.Ед. хр. 438. В 487. 64. Л. 1 – 2 об. Автограф. Публикуется впервые. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании сопоставления с текстом док. 296.

[2] Имеется в виду Международный конгресс по законодательству об охране рабочих, который состоялся 23–30 августа 1897 г. в Цюрихе.

[3] Имеется в виду съезд «Союза русских социал-демократов за границей».

[4] Очевидно, Кочан (Коган) Моравский – псевдоним одного из представителей литовской социал-демократии. О встречах с «литовцем», приезжавшим в это время в Швейцарию для установлении связи с группой «Освобождение труда», пишет также К.М Тахтарев в «Рабочем движении…» (С. 109).

[5] А.И. Кремер.

[6] Вероятно, имеется в виду рукопись брошюры «Десятилетие Морозовской стачки». Автором ее был член «Рабочего союза» Иваново-Вознесенска С.П. Шестернин, установивший связи с «Союзом борьбы» еще в 1895 г. Материал Шестернина был переправлен без обозначения имени автора. Работая над материалом, В.И. Засулич отредактировала текст и, видимо, из примечаний составила заключение, сопроводив его справкой: «*По независимым от автора настоящей брошюры обстоятельствам, это заключение написано не им, а Засулич*» (Десятилетие Морозовской стачки. Женева, 1897. С. 30).

[7] Приписано по сгибу развернутого листа.

[8] П.Б. Струве.

[9] Приписано по нижнему полю перевернутого первого листа.

291
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, вторая половина сентября[1]
Цюрих

Дорогой Жорж,

я тоже принимаюсь Вам писать не потому, чтобы имела что определенное написать, а просто потому, что письмецо Ваше[2] хорошее, ласковое – как же не отозваться. Я все еще чувствую себя нездоровой, как выйду – лихорадка, но мне почти не приходится выходить – Соня[3] забегает делать покупки. Верочка[4] скоро месяц как уехала в Вену и в восторге от нее. По всяким собраниям бегает. При ее чрезмерной скромности и застенчивости пожить самостоятельной единицей, а не дробью целого (семьи), как здесь, будет, наверное, очень полезно.

Я теперь в драке с собой, как бывает у меня всегда при начале писанья. Мысли мелькают, а в порядок не приходят, плана нету, один хаос… Это очень тре-

вожное состояние, но сравнительно с невозможностью даже думать о писанье – это все-таки благодать, потому что я уже по опыту знаю, что если ничего внешнего не помешает, то я из этого хаоса все-таки выберусь. Союзные дела есть-таки, но не слишком много, и от некоторых я и не хотела бы избавиться, т.е. от шифрованных писем В[илен]ца[5]. Право, он очень нужный человек. Он нелегальным стал. В его городе был большой погром, и его искали. Получила маленькую записку от Тел[енка][6]. Он ожидает, что в ближайшем будущем «в чисто литературной области предстоят серьезные сражения, к которым надлежит приготовиться. Г[оспода] противники потеряют терпение (вероятно, слухи такие до него дошли) тем более, что в окт[ябрьской] книжке[7] им предстоит получить несколько сюрпризов».

Прилагаю при этом первый лист первой из находящихся на моем попечении брошюр[8]. На них-то я не ропщу – их судьба меня интересует. Прочтите. Дальше идет все любопытнее и любопытнее.

Хорошо бы повидаться, хотя если это случится в разгар писанья, то меня опять будет совесть мучить, к[а]к летом.

РНБ. АДП. Ф. 1093. оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.67. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 226–227.Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию.
[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
[3] Младшая дочь П.Б. Аксельрода – С.П. Аксельрод.
[4] Старшая дочь П.Б. Аксельрода – В.П. Аксельрод.
[5] А.И. Кремер.
[6] П.Б. Струве.
[7] Имеется в виду октябрьская книжка журнала «Новое слово» (1897 г.), перешедшего с этого номера в руки марксистов.
[8] Не удалось установить, о какой из брошюр, издававшихся «Союзом», идет речь.

292
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, после сентября
Цюрих[1]

Мой адрес теперь: Beld[inska][2], № 11, Zürichbergstrasse.

Дорогой Жорж, пришло от нашей актрисы[3] еще письмо, написанное таким способом, что два дня на чтение ушло. Суть его в том, что телячья тетка[4] ей сообщила, что необходимо «для спешных работ» устроить в Румынии другое заведение, подобное нашему, в надежде, что вследствие близости будет дешевле доставка и скорее[5]. Тетка это, конечно, не сама выдумала. Я знаю, ч[то] она близко знакома с человеком, приставленным там к этим делам. Они (Тетка и К°) просят нашего общего мнения об этом, и к[а]к можно скорее. Рак[овский] с женой, со своей стороны, говорят, ч[то] устроить можно при главном заведении румынск[их] товарищей. Я и Павел думаем, что, конечно, было бы прекрасно, если бы устроилось; таково «мнение», можно тоже прибавить, что, давно зная

Рак[овского], убеждены, что раз он возьмется, то сделает возможно лучше. Вообще ж насчет выполнимости и прочности предприятия у нас нет данных, чтобы судить. Как думаете? Раковский должен тоже с Доброджану посоветоваться.

Гинзб[ург] поехал в Берлин. Знали Вы о его намерении? Давали согласие?

Живется мне и физич[ески], и психич[ески] к[а]к хуже не бывает. Потому и не пишу о себе.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.65. Л. 1 – 2 об. Автограф с позднейшей карандашной пометой Л.Г. Дейча. Опубл.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 126–127. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании карандашной пометы Л.Г.Дейча в верхней части первого листа: «1897.X. Цюрих». Можно добавить, что письмо могло быть написано не позднее ноября 1897, когда «другое заведение, подобное нашему» – журнал «Новое слово», в редакцию которого входили и Плеханов с Засулич, оказалось перед угрозой закрытия.

[2] Beldinska (Бельдинская) – под этой фамилией В.И. Засулич жила в Лондоне и Цюрихе.

[3] Е.П. Рябова, жена Х. Раковского.

[4] А.М. Калмыкова.

[5] В Румынии предполагалось устроить нелегальную русскую типографию по типу женевской типографии группы «Освобождение труда», а затем типографии «Союза русских социал-демократов». Однако эта задумка не была осуществлена. В аннотации на архивной обложке рукой Р.М. Плехановой указано: «Об организации второго экспедиционного пункта в Румынии».

293

С.М. Ингерман – П.Б. Аксельроду

1897, 19 октября[1]
Нью-Йорк

Дорогой Павел Борисович!

Спешу написать Вам теперь, хотя не уверен, сумею ли толково написать несколько строчек. Я очень болен и вот уже третью неделю не оставляю постели. Чувствую [себя] немного лучше, чем и пользуюсь, чтобы написать Вам о нашем «Ежегоднике»[2]. Он выйдет к Новому году (31 дек[абря], в этом вся сила!), и все статьи должны быть здесь не позже, чем в середине ноября. Мы уже вошли в сношения с типографией, сделали все необходимые приготовления и заручились обещаниями местных литераторов участвовать своими статьями в нашей книжке. Но успех ее всецело зависит от Вашего участия в ней, от того как Вы все отнесетесь к нашему предприятию, или лучше – от Вашего доброго желания помочь нам. Мы ждем непременно статеек от Вас, Засулич и Плеханова (безусловно!) и статеек от Кольцова, Кальмансона и др. По возможности. Если от Вас не будет требуемой продукции, я окончательно убит в глазах здешней публики. Нам хотелось бы иметь статейки о Белинском, «Ман[ифесте] Ком[мунистической] парт[ии]» 48 г. (50 лет[ний] юбилей), о русском движении, о еврейском движении (за последний год). Пишу письмо также Parvus'у. Итак, нам

нужны Ваши статьи к концу ноября – самое позднее. Наше общество с нетерпением ждет Вашего ответа.

Извинитесь, пожалуйста, перед В[ерой] Ив[ановной] и Г[еоргием] Вал[ентиновичем] за меня, что им лично не пишу. Мне теперь очень тяжело писать и особенно неприятно было бы для меня писать теперь им, с которыми я до сих пор не переписывался и где[3], стало быть, я не мог бы ограничиться несколькими строчками.

Сердечный привет всем друзьям! Как дети Ваши?

Как только сумею выйти из дому, отправлю для Пл[еханова] 12 дол[ларов] и 50 c[ent] (собр[анных]) и 7.50 за брошюрки (около 3 еще остается за последние брошюрки). Напишите, сколько Вы должны в кассу за Пл[еханова], как-ниб[удь] покроем. НЕ забудьте прислать адрес Райчина.

Если у Вас соберутся интересные факты из России, составьте [...][4] (или не составьте – [...][5]) и пришлите сюда.

Крепко обнимаю Вас.

Ингерман

Мы готовимся уже к балу. Кажется, будет очень удачный. Готовьте карманы!

P.S. Сегодня получил Ваше письмо[6], в котором Вы меня извещаете о приезде двух Genossen из Белостока[3]. Я Вам писал в своем последнем письме или в открытке[7], что их могут не впустить, что недостаточно сослаться на знакомых; надо иметь родных. Если еще не поздно, превратите их – одного в моего, а другого в Miller'а[8] родственников. Но предупредите нас, какие они нам родственники. Но если уже поздно – ничего не поделаешь, придется повозиться, чтобы их впустили.

Ваш.

И[герман]

[9]Ваша статья о железнодорожных стачках в Швейцарии[10] – верх совершенства! Спасибо Вам за нее. Никогда ничего подобного не читал.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 22a. I / 11. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] См. док. 286.
[3] Так в тексте.
[4] Слово не разобрано.
[5] То же.
[6] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[7] Вероятно, речь идет о тех двух ткачах из Белостока, о переезде которых из Швейцарии в Америку летом 1897 г. хлопотали П.Б. Аксельрод и Р.М. Плеханова. См. док. 274 и 281.
[8] Письмо и открытка С.М. Ингермана не разысканы.
[9] Весь абзац написан по верхнему полю 1-го листа.
[10] *Аксельрод П.Б.* Стачка в Швейцарии и Германии // Работник. 1897. № 3–4.

294
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, октябрь[1]
Цюрих
11 Zürichbergstrasse

Дорогой Жорж,

мне уж получше. При Эфроне[2] я б[ыла] простужена, на новую квартиру перебиралась в очень скверную погоду. Бронхит он, конечно, нашел, т[ак] к[а]к он (кашель) был очень сильный, а еще что-ниб[удь] нашел ли, не знаю, ведь знакомый доктор никогда не скажет, поэтому к ним и обращаться совсем не интересно. Но не в бронхите для меня б[ыло] дело. Ведь если я огорчаюсь, у меня сейчас же начинает и грудь, и сердце и все болеть, и мне-то все равно – в самой «вещи» (в моем теле) находится болезнь или только в ощущении, на мой вкус – последнее даже хуже. А я последние полтора месяца была завалена «союзной» работой[3], рассматриванием несноснейших рукописей, размышлениями о возможных в них переделках, корректурами, письмами по поводу всего этого и проч[ее]. Едва кончаю одну работу, еще уж 2–3 привалило. А Павел ходил гордый (ему Теленок[4] голову вскружил, хвалил), объявил, что намерен посвятить себя всецело литературе (не здешней) и не соглашался даже говорить о рукописях, не то что заглянуть в них (сбросивши на меня все это, не спросся моего согласия).

Мне прежде не раз случалось, когда дела шли очень плохо, набрасываться на них и целыми месяцами посвящать всякой возне все силы и помыслы. Но тогда, во-первых, наши издания мне нравились, а во-вторых, я тогда (пока на чем-ниб[удь] с Вами не разойдусь, но тогда обыкновенно и моя работа на время кончалась) была хозяйкой дела. Делала то, что находила нужным, и так именно, как находила нужным. А теперь хозяин Гинзбург, не собираются он с Блюм[енфельдом] захватывать власть, а давно захватили. Привыкли действовать, не обращая внимания на Павла, а по наследству – и на мое мнение.

[5]Когда же это Вам кажется, ч[то] Вы сюда приедете? Теперь погода стоит восхитительная, а потом нельзя будет не простудиться, если ехать.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439. В 487.147. Л. 1 – 2 об. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании содержания письма. Вероятно, имеются в виду две статьи П.Б. Аксельрода, опубликованные в № 3–4 журнала «Работник» (1897), «Борьба железнодорожных рабочих в Швейцарии с их эксплуататорами» и «Стачка в Швейцарии и Германии » и вызвавшие высокую оценку П.Б. Струве.

[2] Ю.А. Эфрон (Ефрон).

[3] В.И. Засулич занималась редактированием журнала «Работник», хотя формально редакция этого журнала была возложена на П.Б. Аксельрода.

[4] П.Б. Струве.

[5] Заключительные строки приписаны по нижнему краю перевернутого первого листа.

295
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1897, 21 октября[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Ты не можешь пожаловаться, что донимаю тебя письмами, а потому, надеюсь, без страха и трепета примешься за сии строки. Не желая навязать тебе чтение моих каракуль, я послал свое маленькое «послесловие»[2] (т.е. окончание его) прямо Блюменф[ельду], прося его только сообщить тебе об этом, но отнюдь не настаивать, вернее, не посылать тебе без твоего заявления, что имеешь время и охоту читать манускрипт. Теперь я узнаю от Гинсб[урга], что Блюменф[ельд] все-таки тебе передал, или... навязал его. Последнее мне было бы крайне неприятно, тем более что ту рукопись, содержание которой я отчасти резюмировал тебе устно и которую я решил издать отдельной брошюрой[3], тебе уже придется по моей специальной просьбе читать. Как бы то ни было, если ты уже будешь портить себе глаза над чтением посланного манускрипта, не смущайся заключительной фразой и другими lapsus'ами linguae[4]. Я просто решил в корректуре кое-какие поправки и дополнения сделать в тексте и в примечаниях. Мне пришло в голову, не потому ли Блюм[енфельд] передал тебе рукопись, что нашел в ней ереси. Надеюсь, его Bedenken[5] не введут тебя в соблазн...

Кстати, читал ли ты последнюю статью Каменского[6]. В[ера] Ив[ановна] находит ее превосходной. К стыду своему я должен сознаться, что сей автор настолько заполонил мой ум и вкус, что я уже перестал прилагать к его работам эпитет: «превосходный». Все они мне кажутся, каждая в своем роде, превосходными. Я потерял критический смысл. Для того, чтобы обресть его или убедиться в его скрытом существовании в моем мозгу, мне нужно было бы начать <u>штудировать</u> эти работы, тогда, может, с божьей помощью, и открыл бы «слабые места в одной», «превосходные» – в другой. Должно быть, под неодолимым желанием проявить свою «критическую мысль», я открыл в статье Кам[енского] нечто вроде, как бы это сказать, чтобы не попасть в лагерь народнических vulgarissines[7]. Чрезвычайно остроумно и как дважды два четыре справедливо все, что он говорит – о «факторах» in der historischen Wirklichkeit[8] и о методологическом значении поисков за ними в науке. Верно, с другой стороны то, что «производ[ительные] силы» и т.д. Но ведь и они фактор, мы, следовательно, в конце концов получаем господство одного фактора. А все-таки Каменский прав с начала до конца. Мне кажется, в изложении или развитии мыслей у Кам[енского] опущен или, вернее, недостаточно подчеркнут ein Bindeglied in den logischen Reihe von Gedanken[9]. Насколько я помню, автор говорит о приспособлении природы к эволюционизирующим челов[еческим] потребностям. Но этот пункт остается, как мне кажется, слишком in Hintergrund[10] – для массы читателей. Если я не ошибаюсь, у Бельтова, а еще раньше у тебя в «Beiträge»[11] эта монистическая подпочва der materialistische Geschichtsauffassung[12] и ее логическая связь с дальнейшим яснее и резче отмечена.

Однако контора, в которой я пишу эти строки, совсем не подходящее место для беседы о таких высоких материях.

А хорошо бы, если бы противники откликнулись да ухватились бы за «фактор». Но, с другой стороны, если они этого не сделают, то опять будут глупы – с их точки зрения.

Передай Р[озалии] Марковне, что еврейские рабочие получили билеты и уехали[13].

Мой привет Розалии Марковне и детям.

Твой Пав[ел]

P.S. Если тебе некогда читать мою рукопись, то, пожалуйста, отошли ее Блюм[енфельду] с просьбой прислать тебе корректуру. Пора уже выпустить в свет эту злосчастную брошюру «Об агитации»[14].

Автограф не разыскан. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 177–179. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

[1] Датировка первой публикации, вероятно, по несохранившемуся конверту.

[2] Речь идет о «Послесловии» П.Б. Аксельрода к брошюре А.И. Кремера «Об агитации».

[3] Вероятно, речь идет о брошюре Ю.О. Мартова «Современная Россия».

[4] Оговорка (*лат.*).

[5] Сомнения (*нем.*).

[6] Под псевдонимом Н. Каменский в 1897 г. в журнале «Новое слово» печатал свои статьи Г.В. Плеханов. Речь идет о статье «О материалистическом понимании истории», которая появилась в сентябрьской книжке «Нового слова» (см.: *Плеханов Г.В.* Сочинения. М., 1927. Т. VIII). Это была именно та статья, о которой Плеханов, в предисловии к сборнику своих статей «Критика наших критиков», писал, что в ней он прибег к своеобразному приему: увидев из статей противников, что они, «запомнив наши термины, не дали себе отчета в понятиях, соответствующих этим терминам», он решил поймать их в ловушку, и «нашу теорию изложил другими словами» (см.: *Плеханов Г.В.* Сочинения. М., 1927. Т. VII. С. 12).

[7] Вульгаризатор (*фр.*).

[8] В исторической действительности (*нем.*).

[9] Одно звено в логическом ряду мыслей (*нем.*).

[10] На заднем плане (*нем.*).

[11] Речь идет о книгах Г.В. Плеханова: изданной под псевдонимом Бельтова на русском языке «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп.» (СПб., 1895) и изданной на немецком языке с указанием авторства Плеханова «Beiträge zur Geschichte des Materialismus. (Holbach – Helvetius – Marx)» (Stuttgart, 1896). Последовательность выхода книг П.Б. Аксельрод, вероятно, путает специально в целях конспирации.

[12] Материалистическое понимание истории (*нем.*).

[13] См. док. 274.

[14] *«Злосчастной» эту брошюру П.Б. Аксельрод называет потому, что выпуск ее затянулся свыше чем на два с половиной года (рукопись брошюры была привезена еще весною 1895 г.).* – Прим. Б.И. Николаевского.

296

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, после октября
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

Вы должны были так быстро получить Брюнетьера[2], что Вам должна была прийти в голову мысль, что, когда книга у меня, найти ее легче, чем когда она в Вашем шкапу[3] на дно завалится.

С орденом, конечно, уж ничего не поделаешь. Его надпись портит эстетическую сторону книги – вроде прыща на носу, – а обижать человека из-за эстетики, по-моему, не полагается.

Раковский вернулся. Прислал письмо петербургских центральных остолопов (там теперь господствует «Раб[очая] мысль»; она официальным органом объявлена) и свое изложение разговора с тамошним главным[4] «экономическим» дураком. Я все это тотчас отправила Павлу на прочтение с тем, чтобы он, прочтя, отправил Вам, и Вы дадите прочесть Блюменфельду с Гинзб[ургом]. Я, б[ыло], принялась за работу, а сегодня опять совсем меня расстроили эти «экономические»

Рабочим они решили говорить исключительно о «копейке на рубль», интеллигенции дозволяют говорить о свободе. По-моему, это развращение рабочих. С интеллигенции-то это экономическое идиотство со временем соскочит, но что рабочий зазубрит, то останется надолго.

Да, вот мы теперь официально знаем, ч[то] «Раб[очая] мысль» у власти. В сборнике печатается (или уже отпечатана) весьма ругательная статья на нее Гинзбурга[5]. Я-то думаю, что все равно с этими «экономическими» каши нам не варить, так, по-моему, пущай. Но, может, у Вас есть какие-ниб[удь] тактические соображения? Тогда потолкуйте с другими о ее выбрасывании. Вероятно, еще не поздно. Я протестовать не буду; вероятно, и Павел будет к этому равнодушен, я его не видала.

Ваша Вера

Сколько прислать на книгу Блюм[енфельду]?

[6]Пришлите мне, пожалуйста, новый адрес Блюм[енфельда], если он еще в Женеве. Мне это нужно.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.102. Л. 1 – 2 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 180–181. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания об организации редакции газеты «Рабочая мысль».
[2] Имеется в виду книга Ф. Брюнетьера «Возрождение идеализма», изданная в русском переводе в Одессе в 1897 г.
[3] Так в тексте.
[4] Далее вымарано одно слово.
[5] Речь идет о статье Б.А. Гинзбурга «Рабочие и интеллигенция», опубликованной в сборнике «Работник» (Женева, 1899. № 5 / 6) под псевдонимом.
[6] Заключительные строки приписаны по верхнему полю первого листа письма.

297
В.И. Засулич – Г.В. Плеханов

1897, октябрь – ноябрь
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

пишу Вам это письмо не только от себя, но и по настоянию Павла. Дело вот в чем. Сер[гей] Ник[олаевич] прислал брошюру[2], которую мы с Павлом по че-

сти и совести одобрить к печатанию не можем, а, с другой стороны, несомненно, что, если отказ в одобрении выйдет от кого-ниб[удь] из нас, он не покорится, а поднимет знамя бунта, сочтет долгом это сделать. Не знаю, составили ли Вы себе понятие о всей глубине самомнения этого господина? Вероятно, нет. Вы с ним не спорили, а его приличные дворянские манеры[3] не дозволяют ему выказывать походя это самомнение. Во всяком случае он чувствует, что сделал новый шаг в разработке теории, первый шаг в которой был сделан Марксом. Распространивши свою теорию; он сделает целый переворот, свежая молодежь вполне способна воспринимать его учение (у него в Брюсселе б[ыло] с дюжину барышень, настолько же оболваненных, как тот литовец[4], который читал нам историю движения). Вся беда в том, что литература находится в руках старичков (идеалистов, субъективистов и пр[очее] и пр[очее]), которые неспособны ее понять. Вы-то способны (он думает, что у Вас с нами взгляды разные, а с ним – сходные), но не занимаетесь редакцией. Как же ему при таком положении дел уступить? Впрочем, опыт уже сделан. Это уж второе его произведение. Первая брошюра «Об агитации»[5] очень плоха в литературном отношении, но ничего особенного по содержанию не представляет. Мы ее внимательно прочли, и Павел написал ему несколько замечаний (предложений переделок). Он на его письмо ответил самым категорическим отрицанием их значения. Той брошюре он не придавал такого значения, что же будет с этой, являющейся целой энциклопедией? Ничего не остается, как прочесть эту брошюру Вам и написать ему о ней свое мнение, оно его, по всему вероятию, все же заставит задуматься (что Вы ее одобрите, не могу себе представить, а если бы... паче всякого чаяния... ну, тогда Ваш грех). Павел пошлет Вам рукопись. Не смущайтесь тем, что она обозначена «II». Решено напечатать доклад питерцев и Павлову речь на конгрессе, а С[ергей] Н[иколаевич] предложил добавить к этому изложение хода конгресса, да увлекся и написал энциклопедию, в которой о конгрессе всего меньше речи, да и то, что есть, совершенно извращено, и конгресс подогнан под его теорию. Это Вам, не бывшему на конгрессе, м[ожет] б[ыть], и не заметно, но это и неважно для суждения о прелести брошюры. Я не думаю, ч[то]бы читать ее б[ыло] Вам очень к спеху. Надо только будет известить его, ч[то] она у Вас.

А Вы что-то замолчали, а еще писали к 4-му «буду свободен»! Как живете-можете? А как Михайл[овский] Вас с Туганом-то сцепил?[6] Я так и предчувствовала, как читала у Вас это место, что он его должен применить ко многим нашим. И Вы это должны были предвидеть, а потому я думаю, приготовили какую-ниб[удь] батарею на Михайл[овского][7]. Неужели же оставите его танцевать около этого места? Само-то по себе оно (место) мне доставило удовольствие. Напишите же письмо.

Ваша Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.55. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 186–188. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании содержания.

[2] С.Н. Прокопович написал статью о цюрихском Международном конгрессе 1897 г. по законодательству об охране рабочих, вызвавшую со стороны членов группы «Освобождение труда» принципиальные возражения. В печати эта статью не появилась.

[3] С.Н. Прокопович происходил из дворянской семьи, отец его – генерал-майор, мать владела имением в Нижегородской губ.

[4] Вероятно, Моравский (Кочан).

[5] Брошюра «Об агитации», составленная С.Н. Прокоповичем, также в печати не появилась.

[6] Имеется в виду обозрение Н.К.Михайловского «О новых словах и "Новом слове"», опубликованное в октябрьском номере журнала «Русское богатство» за 1897 г. Оно стало ответом на статью Г.В. Плеханова (Н. Каменского) «О материалистическом понимании истории», напечатанное в сентябрьском номере журнала «Новое слово» тогда же.

[7] Вероятно, речь идет о статье «Об "экономическом факторе"», в свое время не увившей свет в связи с закрытием «Нового слова» и опубликованной в «Избранных философских произведениях» Г.В. Плеханова (М., 1956. Т. 2. С. 267–299), планировавшейся в качестве ответа на статью Н.К. Михайловского «О новых словах и "Новом слове"», опубликованную в октябрьском номере журнала «Русское богатство» за 1897 г.

298
В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу

1897, конец года[1]
Цюрих

Дорогой брат!

Не стану я извиняться за редкость своих писем. Пущай! Вот ведь что значит писать о себе из такой дали и по времени, и по пространству. Тебе всего хуже показалась в письме моем фраза «живу как во сне». А я, хоть и не помню, в каком контексте она помещена, но, наверно, не в виде жалобы на это именно. Жить как во сне – самое для меня приятное положение. Это значит не вспоминать о себе, да и ни о ком другом, а думать о каких-нибудь теориях (или, скромнее говоря, фантазировать о полутеориях); делаешь очень мало, но дни летят, как на почтовых[2]. Ненавижу, когда будят меня, хотя бы будили и такие вещи, за которые лет 15, даже 10 тому назад я бы охотно хваталась. Достались белке орехи, когда уж она без зубов. Впрочем, и орехи-то азбучные, узкий катехизис[3]... Знаю, что надо, и все же мучительно мне, скучно... Были орехи и интересные, но для них надо пожить как во сне.

А вот удивительно: статья «К характеристике эконом[ического] романт[изма][4]» кажется мне из самых бесталанных статей (не говорю о беллетристике – ее всю хоть выбрось, да и корреспонденции попадаются не особенные). А кажется, именно в июньской книжке есть критич[еская] статья автора, про которого ты прежде кричал (кажется, по поводу «буржуазной среды»[5]), что талантлив, мол. Вот, что значит пристрастие!

Карточку твою трудно и узнать. Франтоватый такой и совсем другой, и мою бы, наверное, не узнал, если бы сняла.

Насчет «всемирной историчности»[6], это, конечно, что понять под этим, размеры под это слово можно разные подложить. Но если бы вот сию минуту она совершенно исчезла со свету, как интеллигентная сила, она все-таки уж оставила бы после себя огромный неистребимый след, который не может не отразиться на всей дальнейшей истории, конечно, непосредственно лишь одного только государства, но через его участие во всемирной истории также и всегда. А уж там-то скоро она не исчезнет и в своей интеллигентной форме, хотя... Как я понимаю кур, огорчающихся, смотря с берега на бедных утят, особенно, которых знают. Много у них утят, но утиный век такой короткий стал. Прежде в среднем

утки, считалось, два года жили, а часто и гораздо дольше, а теперь месяца 3–4 интенсивнейшего плавания, много полгода, и утка уже варится или жарится[7]. А какие чудные бывают! Не потому они так мало живут, что глупее прежних, нет – это потому, что плавать-то им приходится в море, волны бедных птиц захлестывают. Племянник[8] давно не пишет. Он, говорят, отчаянный противник утиной породы. Крепко тебя целую.

Саша

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 335. В 484.186. Л. 35 – 36 об.
Автограф с позднейшими пометами Л.Г. Дейча. Опубл.:
Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 257–258.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по пометке Л.Г. Дейча, расположенной в верхнем углу первого листа: «*Получ. 27 янв. 98*».
[2] «Почтовые» – лошади, содержащиеся при почтовых учрежденьях для срочной доставки писем, вещей, иногда служащих, так называемая «почтовая гоньба».
[3] Вероятно, речь идет о редактировании популярной литературы, издававшейся тогда «Союзом русских социал-демократов».
[4] Имеется в виду работа В.И. Ленина «К характеристике экономического романтизма», напечатанная за подписью К. Т-н в четырех номерах журнала «Новое слово» (1897. № 7–10. Апрель–июль).
[5] В.И. Засулич имеет в виду свои статьи «Революционеры из буржуазной среды» (Социал-демократ. Кн. 1. Женева, 1890. С. 50–87) и «Плохая выдумка: (По поводу романа г. Боборыкина "По другому")» (Новое слово. 1897. № 12. Сентябрь. С. 1–19).
[6] *Речь шла о том, можно ли считать, что тогдашнее положение марксизма в России имеет и «всемирно-историческое значение», – я по этому поводу высказал в предшествовавшем письме сомнение.* – Прим. Л.Г. Дейча.
Письмо Л.Г. Дейча, о котором идет речь, не разыскано.
[7] «Куры» – очевидно, старики-эмигранты, «утята» – молодые практики социал-демократы, быстро прекращавшие активную деятельность вследствие арестов.
[8] Речь идет о В.П. Успенском – племяннике В.И. Засулич, народнике.

299
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 6 декабря
Цюрих[1]

Дорогой Жорж,

Ваше письмецо от 4-го вечером[2] я получила 5-го часов в 6 с половиной вечера. Значит, аккуратно. Это пишется 6-го вечером, а будет брошено на почту, должно быть, завтра около полудня. Я в одиннадцать часов только встаю.

Я не понимаю, что же мог бы устроить Теленок[3], и почему Вы восклицаете с упреком: «О, Теленок, Теленок!» Что же ему, бедному, делать, как не пастись?

У меня, конечно, есть идея о том, что именно было бы теперь донельзя типозно[4], но не от Тел[енка] это бы зависело. На это деньги нужны, а у него их нет и тени. Ему еще осенью приходилось жить с постороннего (редакт[ирование] переводов) заработка. Касса слишком бедна была, не хватало на необходимые расходы[5], и он из нее ничего не получал. Долги на этой кассе остались громад-

ные. Мне мечталось, что капризная барынька[6] сделает предложение, аналогичное тому, которое отец кривоносого «Саши»[7] когда-то делал. Да, жди поди!

Я Вас натравливала на литературу С[ергея] Н[иколаевича][8]. Он теперь просит прислать ему рукопись обратно[9]. У них с Павл[ом] все время шла полемическая переписка. На сообщение Павла (в объяснение неотсылки рук[описи), что мнение Плех[анова] для него, вероятно, будет интересно, он отвечает, что все мнения интересны ему лишь постольку, поскольку они помогают или вредят его деятельности, а не сами по себе. «Другое дело – аргументы», – добавляет он. Но аргументов он не видит, по его мнению. Пожалуй, что нет Вам особого резона читать его рукопись. Едва ли Вы ему «аргументов» отвалите. Ведь у него целая философия истории, с позволения сказать.

А ведь нельзя быть уверенным, пасется ли Тел[енок] или в стойле стоит[10]. Хотя это-то, конечно, скоро узналось бы, так что с каждым днем больше уверенности, что пасется. Конечно, сообщу, как только что-ниб[удь] узнаю.

Ваша Вера

[11]Говорят, что Ганелин в Европе, но молчит, – значит, обеднел. Он мне всегда пишет дружелюбнейшие письма, когда собирается богатеть, и замолкает, когда планы улетают в трубу. Теперь бы, кстати, ему разбогатеть.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 437. В 487.59. Л. 1 – 2 об. Автограф с позднейшими пометами и примечаниями Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 176–177. Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датируется на основании датировки, указанной Засулич, и упоминания вопросов, связанных с последствиями закрытия журнала «Новое слово», возможного ареста Струве, конфликтной ситуацией, возникшей в связи с отказом принять к печати рукопись С.Н. Прокоповича.
2 Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
3 П.Б. Струве.
4 Так в тексте.
5 Далее несколько слов залито чернилами.
6 Личность не установлена.
7 Сохранилась архивная обложка с пометкой рукой Р.М. Плехановой: *«Кривоносый Саша (не Слободской ли ?)».*
8 С.Н. Прокопович.
9 Речь идет о рукописи статьи, посвященной итогам Международного съезда по рабочему законодательству.
10 *По-видимому, речь идет иносказательно о том, арестован ли Струве.* – Прим. Л.Г. Дейча карандашом по нижнему полю оборота второго листа.
11 Заключительные строки приписаны по правому и верхнему полю первого листа.

300
В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 11 декабря[1]
Цюрих

Милый Жорж,

чтобы стала я злющая, это неправда. Статью я пишу по поводу книги Головина «Русский роман и общество»[2]. Тема теперь – как я втянулась в нее – слиш-

ком даже хороша. Мыслей приходят целые возы, двух сортов, общие: подставить общую ниточку в им же отмеченных фактах, указать ход развития. Это удобно именно потому, что он не шаблонный консерватор или либерал. Он старается быть справедливым, даже к шестидесят[ни]кам, которых ненавидит. А, с другой стороны, у меня страшный соблазн поправлять его оценки литературных типов, характеров и проч[ее]. Так и портит меня на каждом шагу. Критические разные «открытия» я делаю беспрестанно. А и литературы-то у меня нет. На память! Это бы в музее[3] писать, но тогда я написала бы книгу с Головина величиной. Писарева мне надо бы тот том, где вторая статья о Базарове в ответ Антоновичу[4], и надо бы мне биографию Писарева. Когда он арестован?[5] Сколько времени сидел? Головин на него клевещет.

Надо бы мне знать, что Белинский говорит об «Обыкн[овенной] истор[ии]» Гончарова?[6] Ужасно бы надо заглянуть в «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Достоевс[кого]. До чертиков бы нужно, а нету. «Войну и мир» и «Анну Кар[енину]»[7] я уж себе купила в отвратительнейшем немецк[ом] переводе. А «Обломова»[8] как бы надо! Господи, Боже мой! Пресвятая богородица! Архитектура при этом не складывается еще. Написала уж много, а не знаю, с чего начать.

Если бы Вы, на свою беду, ласково отнеслись к этому письму, я завалила бы Вас вопросами.

Ну, вот уж это скажите: я отлично помню, что где-то читала переписку Пушкина с Рылеевым о «тенденции в искусстве» некоторым образом.

А ведь говорит кто-то у Достоевского (чуть ли не Смерд[яков][9] или Шатов?[10]): «Если Бога нет, все дозволено»?[11]

Ах, ты, Господи! Не справлюсь! Опоздаю! Головин будет слишком стар, когда я кончу! Караул! Режут! Вот Вам картина моего психич[еского] состояния.

Ваша Вера

Пишите.

[12]Спасибо за карточку. Отличная. Капитан в отставке, еще не привыкший к халату.

[13]Письмо к киевлянам получено. Будет переписано.

[14]«Н[ового] с[лова]» я еще и окт[ябрьского] в глаза не видала. Не получаю. И Павел перестал получать.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.69. Л. 1 – 4 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 189–190. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Сохранена датировка первой публикации, в автографе год не указан. Косвенным подтверждением правильности датировки может служить указание В.И. Засулич на выход ноябрьского номера журнала «Новое слово».

[2] Имеется в виду книга К.Ф. Головина «Русский роман и общество» опубликованная издательством А.А.Пороховщикова в 1897 г.

[3] Библиотека Британского музея в Лондоне.

[4] Речь идет о развернувшейся между Д.И. Писаревым и М.А. Антоновичем полемике по поводу романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

В № 3 журнала «Современник» за 1862 г. была опубликована статья русского литературного критика, публициста, философа М.А. Антоновича (1835–1918) «Асмодей нашего времени», в которой роман охарактеризован как пасквиль на современное молодое поколение, сам же автор удостоился сравнения с одним из реакционных литераторов того времени Аскоченским.

Д.И. Писарев посвятил роману две статьи – «Базаров» и «Реалисты», именно вторая и явилась ответом Антоновичу.

[5] За нелегальную статью, содержавшую призыв к свержению самодержавия, с июля 1862 г. по ноябрь 1866 г. Д.И. Писарев отбывал заключение в Петропавловской крепости.

[6] Имеется в виду статья В.Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 г. Статья вторая», в которой роман назван одним из замечательных в русской литературе (Современник, 1848).

[7] Романы Л.Н. Толстого.

[8] Роман И.А. Гончарова.

[9] Герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[10] Герой романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

[11] Эти слова произносит герой романа «Братья Карамазовы» Иван Карамазов в беседе со Смердяковым, хотя само положение встречается в целом ряде произведений Достоевского.

[12] Этот абзац приписан в верхней части перевернутого л. 4, между строк.

[13] Приписано по верхнему полю перевернутого л.2.

[14] Заключительные строки приписаны по верхнему полю перевернутого л.1.

301

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1897, 18 декабря
Цюрих[1]

Дорогой Жоржик,

большое спасибо за книги. Ни «Н[ового] с[лова]», ни других новых журналов я не читаю. «Н[овое] с[лово]» – то Павел еще получал, а теперь и он перестал. А в читальне здесь нельзя на дом брать, а только на столе книги лежат месяц. Колония громаднейшая, правила строгие. Ну, да черт с ними пока.

Разве Телен[ок][2] после статьи о Чичерине[3] опять о Белинском царапал?[4]

Да, настоящей партиозности в Тел[енке] нету! Мне вот очень не понравилось, зачем он в статье о конгрессе[5] вытащил из «Neue Rhein[ische] Zeit[ung]» неосновательное, пущай, но, наверное, написанное с тактическими целями (против надежд на немецк[их] «тори») мнение Энг[ельса] о фабр[ичном] законод[ательстве][6].

Но, несмотря на все это, Тел[енок] все-таки очень хороший человек. Где по нынешним временам таких-то найдешь, чтобы уж со всех-то сторон были хороши?

Кружковой жизни он почти не испытал. По-видимому, среди своих друзей всегда был самым знающим и понимающим в области теории. Он не понимает надобности стеснять свою или чужую свободу слова. Будь он тут, его, вероятно, можно бы уговаривать (но лаской, а не строгостью), того или друг[ого] не говорить, а издали, мне кажется, надо его брать, каков есть. Чуть не всякий, [7]кого ни вообразите там вместо него, оказался бы еще неудобнее. У этого нет личных мотивов. Он несет неприятные вещи только потому, ч[то] считает истиною.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.66. Л. 1 – 2 об. Автограф. При письме конверт с почтовым штемпелем отправления «Zürich. 18. XII. 97». Адресовано: «M-r Plekhanoff. 6 Rue de Candolle. Geneve. Suisse» Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 188–189. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте.
[2] П.Б. Струве.
[3] Имеется в виду опубликованная под псевдонимом Novus статья П.Б. Струве «Г. Чичерин и его обращение к прошлому» в апрельском номере журнала «Новое слово» (1897. С. 34–62).
[4] В библиографии П.Б. Струве того периода статья о В.Г. Белинском не обнаружена. Вероятно, «опять» В.И. Засулич следует отнести к тому, что в том же журнале уже опубликована III статья Н. Каменского (Г.В. Плеханова) «Судьбы русской критики. Литературные взгляды В.Г. Белинского» // Новое слово. 1897. № 10, 11.
[5] Имеется в виду статья П.Б. Струве «Международный конгресс по вопросам охраны труда» (Новое слово. 1897. № 12 (сент.).
[6] Струве ссылается на статью Ф. Энгельса «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (Neue Rheinische Zeitung / Politisch-ökonomische Revue. 1850. № 4.)
[7] Окончание письма дописано на этом же, но перевернутом листе, по нижнему полю.

302
П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1897, конец декабря[1]
Цюрих

Дорогой Жорж!

Всякий раз, когда мне надобно писать тебе, я испытываю некоторый страх: «Ведь, поди, проклинать будет, что отвлекаю его внимание в самом разгаре работы на всякие пустяки». Такое же опасение и теперь испытываю. А между тем принимаюсь я за перо на $^{9}/_{10}$ ради того, чтобы тебе же облегчить возню, от которой тебе никак не избавиться. Итак, читай с кротостью и смирением.

У тебя лежит манускрипт С[ергея] Н[иколаевича][2], и еще один не отослан был тебе Гинсб[ургом] только по недоразумению[3]. Второй манускрипт, находящийся у меня, – «Об агитации» – тебе нетрудно будет проредактировать, если ты вообще найдешь целесообразным печатание после недавнего вторичного выхода в свет брошюры «Об агитации», мысли которой, только с большими претензиями на ученость, повторяются там С[ергеем] Н[иколаевичем]. Но что касается до статьи о Конгрессе, то не могу себе и вообразить, чтобы ты нашел возможным сделать ее годной для печати. Но ведь и для того, чтобы похерить ее, тебе придется прочитать ее – что при твоей работе не особенно приятно будет. Так вот, чтобы избавить тебя от необходимости читать от доски до доски и затем подробно мотивировать автору свой приговор, я тебе предлагаю следующее. Недели полторы тому назад С[ергей] Н[иколаевич] прислал мне письмо, в котором сделал прекурьезное предложение[4]. В своем ответе я ему, между прочим, откровенно и искренно высказал свое мнение об его литературных начинаниях. Так вот, мне и пришло в голову, что, прочитав его письмо и мой ответ, тебе достаточно будет только проверить мои впечатления от его статей, для чего, конечно, тебе понадобится гораздо меньше времени и внимания, чем в противном случае. Да и ответить тебе гораздо легче будет. Последнее (ответ) особенно меня смущает, т[ак] к[ак] тут совесть моя по отношению к тебе не совсем чиста: в письме своем я советовал С[ергею] Н[иколаевичу] попросить у тебя обстоят[ельных] замечаний на его статьи. А после я уже жалел о своей жестокости. Но с другой стороны, ей же богу, у меня выхода не было. Только ты один и можешъ радикально усмирить его. А предлагая тебе прочитать мой ответ ему,

я надеюсь, что этим облегчу тебе неприятную обязанность. Я, однако, не посылаю его тебе, чтобы не испугать тебя сразу таким большим посланием. Ответ свой я пересылаю на адрес Блюменф[ельда], не предлагая ему даже передать его тебе и вообще не сообщая ему, что ради тебя-то я и посылаю. Таким образом, ты вполне свободен: если считаешь полезным для себя прочесть его, потребуй его у Блюменф[ельда]. Блюменф[ельда] же я прошу, по прочтении присланной ему копии, возвратить ее мне сейчас. Так что, если тебя соблазняет перспектива указанным путем облегчить себе выполнение своей обязанности верховного судьи, предупреди Блюменф[ельда]...

Хотел было послать тебе и Р[озалии] Марковне карточку моей Веры[5] – очень удачную. Да решил ждать обещанной тобой присылки твоей новой карточки.

За сим поздравляю тебя и твоих с Новым годом и шлю цельную[6] корзину всяких хороших пожеланий.

Твой П. Акс[ельрод]

IISH. Paul Akselrod Archive. – 61a. Автограф. Опубл.:
Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925.
С. 179–181. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по содержанию и на основании док. 303, являющегося, как следует из его содержания, ответом на поставленные П.Б. Аксельродом вопросы.

[2] С.Н. Прокопович.

3 *Оба манускрипта, о которых идет речь, принадлежали С.Н. Прокоповичу; первым была его статья о Цюрихском международном конгрессе 1897 г. по законодательству об охране рабочих. «Союз русских с.-д.» вскоре после этого съезда предполагал издать о нем особую брошюру, которая должна была составиться из оглашенного на этом съезде П.Б. Аксельродом заявления русской делегации, доклада, представленного на этот же конгресс от петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и от «еврейской рабочей с.-д. организации одного из городов западной России» (Вильна; оба эти документа напечатаны в приложениях к статье Д. Кольцова в № 5–6 «Работника») и краткого отчета о работах конгресса; составить этот последний отчет было поручено Прокоповичу, который, однано, вместо краткого отчета написал большую обобщающую статью, вызвавшую со стороны группы «Освобождение труда» принципиальные возражения. В печати статъя эта не появлялась.*
«Второй манускрипт» – составленная Прокоповичем брошюра «Об агитации»; в печати она также неизвестна. – Прим. Б.И. Николаевского.

[4] *В архиве П.Б. Аксельрода имеется ряд писем С.Н. Прокоповича от 1897–98 гг., но ни к одному из них указания комментируемого письма Аксельрода не подходят; равным образом, не подходят они и к тому письму Прокоповича, которое напечатано Г.В. Плехановым в «Vademecum» (стр. 17–35); очевидно, упоминаемое письмо утеряно. Установить, какое именно предположение Прокоповича Аксельрод считал «курьезным», не оказалось возможным.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] В.П. Аксельрод.

[6] Так в тексте.

303
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду[1]

1897, 31 декабря[2]
Женева
9½ часов вечера

Дорогой Павел,

пишу тебе в то время, когда добрые люди начинают праздновать (встречать) Новый год, чтобы некоторым образом поздравить тебя с праздником. Рукопись С[ергея] Н[иколаевича][3] я прочту непременно. Хоть и занят я теперь здорово, но все-таки у меня в начале января найдется свободных денька два-три. Прочту, конечно, и твое письмо к нему. По-моему, нужно употребить все усилия, чтобы не оттолкнуть С[ергея] Н[иколаевича]: он может быть полезен, а в оппозиции он страшно навредит нам. Ну, мне мешают писать.

Крепко жму всем вам руки.

Ваш Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. А 10.45. Л. 1–2. Автограф. При письме конверт с почтовым штемпелем отправления: «Geneve. 31 XII. 97». Адресовано: «Herrn Paul Axelrod. 66, Hochstrasse, 66. Zürich». Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 181–182. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Ответ на док. 302.

[2] Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[3] С.Н. Прокоповича.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Переписка членов группы «Освобождение труда» с Грозовским (Лео Иогихесом). 1891–1892 гг.

304
В.И. Засулич – Грозовскому

1891, после 15 ноября[1]
Морнэ

Дорогой Грозовский,

вчера я приехала в Морнэ, переговорила с Жоржем и могу теперь обстоятельно ответить на Ваше письмо[2] также и за него. Но прежде о паспорте[3]. Мне еще летом обещан один (для Р[айчина][4]) внутренний, который, кажется, подойдет и для Вас (от 25 до 30 лет, белокурый, глаза серые, нос, рот обыкновенные). Обещали его к сентябрю, но в сентябре я спрашивала о нем стороной и ответа пока нет. Теперь я опять написала просьбу ответить окончательно, будет ли он или потеряна надежда. Если будет, я отдам его Вам. Р[айчину], во всяком случае, лучше подождать еще. Напишу и еще запросы таким людям, которым может случиться иметь на примете виды. Но все это к несчастью туманно.

Теперь о другом. Вы спрашиваете, «в каком отношении и насколько может быть полезным» Ваше вступление в группу и какие можете Вы выполнять в ней функции?[5] Павел писал нам, что – по его наблюдению или по Вашим словам (не помню наверное) – Вы желали бы стать с нами в более близкие отношения. Мы очень обрадовались этому желанию и находим очень полезным Ваше вступление в группу, потому, что, узнавши как можно ближе, изнутри, т.е. наши дела и наше положение, Вы будете лучше знать, что выполнимо для нас, что нет, можете с большей уверенностью предъявлять нам те или другие требования, и меньше будет шансов нас поставить в затруднительное положение каким-нибудь невыполнимым требованием. Между нами будет больше взаимного доверия, солидарности, меньше возможности каких-нибудь недоразумений в будущем. Вообще от такого сближения людей, одинаково заинтересованных в одном и том же деле, я не могу себе представить ничего кроме выгоды, – никаких стеснений, если только это люди толковые и не преследуют никаких других целей. Эта польза от Вашего вступления в группу ввиду поездки. Обдумывать, какие заняли бы Вы функции, если бы не удалось уехать, просто душа не может –

это должно удастся. На то, чтобы удалось, и надо направить в этом отношении все помыслы. Мы их не обдумывали, но уверены, что и оставшись здесь, Вы были бы очень полезны нашим делам. Чем именно? Может быть и администрацией и кассирством, как предполагает Павел. Умный человек и революционер, думающий об общественном деле не по праздникам только, на досуге от своих личных дел, а постоянно, не может не быть полезен всякому делу, в котором примет участие. Но администрация и кассирство имели бы смысл, если бы Вы остались здесь на постоянное жительство, а об этом опять-таки и думать не хочется. Теперь же дело в таком положении, что в ближайший месяц или два ни кассирствовать будет не над чем, ни администрировать нечего. Нам необходимо кончить 4-ю книжку[6], а как денег на нее нет и в сколько-нибудь значительном количестве не предвидится (сочувствующие будут заняты собиранием средств для рабочей литературы), то я набираю ее сама одна, ибо себе можно не платить, и отпечатываю листы на личные деньги. Покончивши с книжкой, тогда употребим все силы на рабочую литературу.

Что сказать Вам о пунктах?[7] Мы еще в России были членами одного кружка. Во всех донародовольческих русских организациях все решения принимались сообща всеми членами, находящимися в данной местности, большинством присутствующих членов. В тех же отношениях мы оставались и здесь и, хотя Павел жил постоянно не в этом городе, где велись издания (наша главная деятельность), но все сколько-нибудь важные решения принимались не иначе как с его согласия. В такие же отношения становились мы и к другим лицам, принимавшим деятельное участие в наших делах (Смирнов, Райчин, Ингерман). Вот все, что я могу сказать о нашем неписаном уставе. Формулированный в присланные Вам[и] 4 пункта, он по нашему мнению строг и вполне применим лишь к членам, живущим в одном и том же месте. Он абсолютно неприменим, например, к членам в России или даже в Америке, в первой по политическим условиям и в общем за дальностью расстояния. Все текущие дела им пришлось бы решать, не спрашивая нас, а нам их.

Относительно членов, живущих в различных городах Западной Европы, 1-ый п[ункт] (распоряжение деньгами по большинству голосов всех членов) выполним без ущерба для дела в общем, крупном. Можно через переписку согласиться с ними и принять решение по большинству голосов относительно того, следует ли и какую часть средств следует расходовать на литературу для интеллигенции и рабочих, на перевозку, на отправку людей, но подробности расходов, мне кажется, необходимо предоставить на усмотрение тех, кто практически ведет дела. 2-й п[ункт] (не расходовать помимо кассы) выполним лишь в том случае, если касса (или ее отделение) находится в том самом городе, где ведутся расходы, или если касса так богата, что всегда и немедленно выполняет всякое требование. Иначе вообразите себе, что касса пуста (это очень легко вообразить) и находится в Цюрихе, а нам здесь в Женеве необходимо во что бы то ни стало немедленно заплатить за типографскую квартиру (что и случилось 15 ноября). Я 14-го достану, положим, у кого-нибудь здесь пожертвование в 100 ф[ранков]. Неужели я пошлю их полежать в Цюрих в кассу, чтобы затем потребовать их сюда на уплату? Наверное нет, – прямо отдам хозяйке квартиры.

Относительно 3-го п[ункта] могу сказать то же, что и относительно 1-го. Всегда и все дела крупные и мелкие, спешные и неспешные можно решать сообща по большинству голосов лишь живя в одном городе. Через переписку же приходить к соглашению можно лишь относительно более важных и не слишком

спешных дел. Читать всем членам (особенно, если бы их было много) все статьи прежде их напечатания, не живя в том городе, где идет печатание, – положительно немыслимо. Всех больше пишет Плеханов, а он иначе не пишет как очень спешно и тогда уже, когда статья набирается. Начало его статьи почти всегда бывает отпечатано, когда середина еще пишется, а конец обдумывается. Никогда он конспектов не пишет и едва ли возможно взвалить на него такую двойную работу. Членам же, живущим в Женеве, хорошо бы даже вменить в обязанность непременно читать корректуры, – чище бы выходило.

Вот все, что мы можем сказать относительно пунктов. Павел тоже просил о них ответа и я и ему могла бы повторить лишь то же самое, а мне страшно некогда, поэтому покажите ему, пожалуйста, мое письмо, – все касающееся этих пунктов.

Вы спрашиваете, наконец, думаем ли мы вместе с Павлом, что факт Вашего вступления в группу приведет ее дела в больший порядок. Я не знаю хорошенько, что понимает Павел под «беспорядком». Я вижу в близком прошлом один серьезный беспорядок: это употребление (хотя и вынужденное) денег, предназначавшихся на поездку, на уплату кредиторов. Но я твердо уверена, что такой беспорядок не повторится ни в каком случае. Не должен повторяться. Но, не ожидая такой специальной пользы от Вашего вступления в группу, мы тем не менее считаем его очень желательным. Чем больше живых, деятельных людей (а они так редко встречаются) можно применить в дело, тем больше и лучше будет сделано, а это по-моему и есть наилучший порядок. Теперь вот, что я писала Аксельроду[8] и просила передать Вам о предложении Лондонского (Free Russia) «фонда для продажи революционных изданий» взять на комиссию наши книги. Они пишут при этом, что имеют прямые пути для изданий в Россию. Мы думаем, что следует попытаться войти с ними относительно этих путей в соглашение. Я по сведениям из других источников думаю, что путь этот такого рода: они дают издания служащим на судах, заходящих в Лондон, а те передают их в русских портах. Если мы просто сдадим им книги на комиссию, они будут распространять их через своих людей. Но следует так устроить, чтобы они передавали их нашим, когда они там будут. Не думаете ли Вы, что в случае благоприятного от них ответа стоило бы съездить (Вам или кому другому) для переговоров в Лондон. Ведь обыкновенные-то пути страшно дороги.

Пока я писала Вам это письмо, получилось письмо от Р[айчина]. Павел покажет Вам его. Он приготовился ехать. Добыл уже все нужное. Если бы побольше уверенности, что дело с Вашим отъездом скоро уладится, я постаралась бы уговорить его подождать еще. Не пишите на адрес Ливш[иц], а [пишите] на адрес Рольника с передачей В[ере] И[вановне] (по-русски).

Я и Плеханов крепко жмем Вам руки и горячо желаем, чтобы наш откровенный ответ не уменьшил (если оно было) Вашего желания вступить в нашу группу. Сейчас Плеханов занят срочной работой, но через неделю он может вступить с Вами в переписку относительно изданий рабочей литературы. Если только Вы не думаете, как писал Павел, приехать в Женеву? Если бы это случилось, я предложила бы Вам на усмотрение одно предприятие, – «фонд для отправки людей и книг в Россию». Он уже функционирует. Я в его комитете, но гласно он должен считаться нейтральным и в него вступил Лавров. Я думаю, что Вы сумели бы выжать из него больше пользы, чем я. Вы не известны публике за нашего, а с другой стороны, очень уж мне теперь некогда с ним возиться.

В. Засулич

РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–6. Автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 265–268. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В тексте письма 15 ноября указывается как прошедшая дата.
[2] Письмо Грозовского не разыскано.
[3] Речь идет о паспорте для поездки Грозовского в Россию с поручениями от группы «Освобождение труда».
[4] Группа «Освобождение труда» рассматривала также возможность поездки в Россию С.Г. Райчина. В конце концов в 1892 г. в Россию поехал именно он.
[5] Л. Иогихес («Грозовский», «Ян Тышка») появился в Швейцарии в мае 1890 г. и вошел в группу польских эмигрантов-социалистов, которая была создана Р. Люксембург (Ю. Мархлевский, А. Варский и др.) и отличалась левыми взглядами. В среде польской эмиграции она противостояла группе С. Мендельсона, издававшей журнал «Рувнощь» («Равенство»). У группы «Освобождение труда» были давние тесные отношения с Мендельсоном, но в начале 1890-х гг. в связи с наметившимся отходом последнего от социалистического движения их отношения начали портиться. В этих условиях деятельность группы Грозовского – Люксембург особо заинтересовала Г.В. Плеханова и его друзей. Как следует из публикуемого письма, П.Б. Аксельрод осенью 1891 г. предложил принять Грозовского в группу. Предложение было одобрено В.И. Засулич и Плехановым.
[6] Обозрения «Социал-демократ». 4-я книга вышла в свет весной 1892 г.
[7] Речь здесь и далее идет об условиях сотрудничества Грозовского с группой «Освобождение труда», изложенных им в виде 4 пунктов в несохранившемся письме, о котором говорилось выше, и в устной беседе с П.Б. Аксельродом. Обсуждение этих «4 пунктов» привело к охлаждению отношений Грозовского с группой «Освобождение труда». Вопрос о его вступлении в группу отпал.
[8] Письмо П.Б. Аксельроду не разыскано.

305
В.И. Засулич – Грозовскому

1892, начало[1]
Морнэ

Уважаемый г. Грозовский[2],

Георг[ий] Вал[ентинович] еще не возвратился из Парижа, но по возвращении он будет, конечно, очень благодарен, если Вы перешлете ему на время имеющиеся у Вас «ходат[айства] Воль[ного] экон[омического] общества»[3]. Что же касается до книги Ладыженского[4], то едва ли ее можно достать в Женеве. Ни у нас, ни в библиотеке ее наверное нету, но как раз во время получения Вашего письма[5], я писала Геор[гию] Вал[ентиновичу] и сообщила ему о Вашем желании иметь эту «Историю тамож[енного] тарифа»[6]. Она, быть может, попадется ему в Париже.

Крепко жму руку.

В. Засулич

А какую игривость проявляют гг. шпионы! Они выпустили от имени Плеханова литографированное «заявление», переполненное самыми бессмысленными ругательствами на революционеров: «негодяи, мерзавцы, вампиры» и проч. и так великолепно подписались под его руку, что он сам не смог бы отличить их подделки от своей подлинной подписи. Молодцы! Но литературного таланта ни малейшего не проявили.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4. Автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.269. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка первой публикации.

[2] Обращение «господин» указывает на произошедшее уже ухудшение отношений между Грозовским и группой «Освобождение труда».

[3] О каких изданиях идет речь, не понятно.

[4] См. прим. 6.

[5] Письмо Грозовского не разыскано.

[6] *Л. Иогихес и Р. Люксембург уже тогда работали над историей и анализом польско-российских экономических отношений. Анализ этот – хотя в то время не был еще законченным и окончательное свое выражение нашел лишь в диссертационной работе Р. Люксембург «Die Industrielle Entwicklung Polens», вышедшей в 1897 г. – лег уже в основу «Отчета о движении в Польше», написанного Розой и представленного ею и Мархлевским Цюрихскому конгрессу, – того отчета, который Плеханов в письме к Энгельсу назвал «лживым и иезуитским». Для этого анализа Р. Люксембург и Иогихес пользовались, между прочим, материалами Вольн. экон. об-ва и упомянутой книгой Ладыженского.* – Прим. А. Варского.

306
Условие Грозовского и группы «Освобождение труда» об издании литературы[1]

1892, май

Мы, нижеподписавшиеся П.Б. Аксельрод от имени группы «Освобождение труда» с одной стороны и М. Грозовский с другой, решили по предложению последнего ввиду возникновения между группой и г. Грозовским несогласий по общему, обусловленному в марте месяце с[его] г[ода] устным договором, делу изданий, изложить договор наш письменно отметив при этом те изменения, которые мы сочли нужным в него внести в промежуток от марта месяца по сие время. Договор этот был заключен гг. Плехановым, Аксельродом и Грозовским и заключал в себе нижеследующие взаимные обязательства:

1. Группа «Осв[обождение] труда» и Грозовский обязываются издать вместе пятнадцать листов «Библ[иотеки] совр[еменного] соц[иализма]»[2], которые все войдут во II серию этой Библ[иотеки], и 15 листов «Раб[очей] библиот[еки]»[3], которые точно так же составят II серию этого издания.

2. В счет обусловленных 15 листов «Библ[иотеки] совр[еменного] соц[иализма]» должны войти следующие брошюры:

a) «Ludowik Feierbach» Fr. Engels[4];

b) «Наемный труд и капитал»[5] (переиздание этой брошюры), вышедшей в первый раз как III-й вып[уск] «Социальной революционной библ[иотеки]»[6];

c) «Развитие научн[ого] социал[изма]»[7] Энгельса (переиздание II-го вып[уска] «Библ[иотеки] совр[еменного] соц[иализма]»).

3. Группа «Осв[обождение] тр[уда]» может снабжать перечисленные издания предисловиями, примечаниями и приложениями только по соглашению с г. Грозовским; увеличение объема брошюр происходит при этом в счет обусловленного количества листов.

4. Если бы перечисленные издания «Библ[иотеки] совр[еменного] соц[иализма]» заняли бы все пятнадцать листов, то соответственно с расширением их

объема должны быть сокращены общие издания «Раб[очей] библиот[еки]», так, чтобы оба издания вместе не превышали в сумме обусловленных тридцати листов.

5. Брошюры переиздающиеся перепечатываются без всяких изменений против первых русских изданий*; изменения допускаются только в том случае, если введены изменения в немецкие оригиналы этих брошюр и только в размерах, в каких они сделаны там.

6. В счет обусловленных пятнадцати листов «Раб[очей] библиот[еки]» должны войти следующие брошюры: а) «Кто чем живет» Дикштейна[8] (переиздание II-го вып[уска] «Раб[очей] библиот[еки]»; о «Капитализме», «Социализме», «Зап[адно]европ[ейском] раб[очем] движении»[9], «Задачах соц[иалистического] движ[ения] в России»[10]. Все брошюры эти должны быть обработаны по подробному плану, переданному г. Грозовским г. Плеханову и принятому последним.

7. Каждая брошюра должна быть отпечатана в 1000 (тысяче) экземпл[яров].

8. Г. Грозовскому должно быть передано тотчас после выхода 330 – триста тридцать – экземпл[яров] каждой брошюры.

9. Г. Грозовскому должны быть доставляемы брошюры, касающиеся России[11], дабы он мог заблаговременно требовать[12] тех изменений, которые сочтет нужным.

10. Г. Грозовский обязывается оплачивать все расходы по перечисленным изданиям по их выходе. Оплата должна производиться по следующему расчету: за набор, бумагу, печатание, брошюровку, употребление.

11. Отчеты о получении денег от г. Грозовского должны быть напечатаны в той форме, в которой он потребует.

12. Порядок и срок выхода отдельных брошюр должны быть установлены по взаимному соглашению, причем брошюры должны быть выпускаемы не позже недели после назначенного срока.

13. Все подробности, касающиеся изданий, не вошедших в тот договор, должны быть установлены по взаимному соглашению.

14. Половину сбора от каждой брошюры группа отдает в пользу ссыльных и заключенных, о чем на каждой брошюре должно быть объявлено.

15. Способ сбора и употребления сумм в пользу ссыльных и заключенных устанавливается согласно с указаниями г. Грозовского.

16. О нарушении договора одной из сторон.

<…>[13] типографских материалов и квартиры (типографии) по семидесяти франков с листа русского издания.

b) Брошюры переиздающиеся оплачиваются только за работу, т.е. по семидесяти francs с листа;

c) Брошюры, появившиеся в первый раз, если они написаны или переведены не г. Плехановым, а кем бы то ни было другим, оплачиваются также только за работу, т.е. по 70 francs за лист.

d) Брошюры, написанные или переведенные г. Плехановым и появляющиеся в печати в первый раз, оплачиваются, кроме 70 fr. с листа, за работу, еще гонораром ему, автору, в размере 90 (девяносто) франков за лист оригинала и 45 (сорока пяти) франков за лист перевода русского издания.

* За исключением поправок, касающихся точности перевода, – хотя бы и существенных.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 – 7 об. Автограф Грозовского (Л. Иогихеса). Публикуется впервые.

Примечания

[1] В начале 1892 г. Грозовский сообщил П.Б. Аксельроду о том, что получил крупную денежную сумму, которую хотел бы потратить на революционные цели. На протяжении весны 1892 г. между ним и группой «Освобождение труда» шли переговоры об издании на эти деньги литературы. Как следует из текста публикуемого документа, устная договоренность по этому вопросу была достигнута в марте 1892 г. Однако выполнение ее не удовлетворяло Грозовского. Он требовал точного выполнения соглашений по срокам и объемам публикуемого и строгой финансовой отчетности. Это оскорбляло членов группы «Освобождение труда», привыкших действовать на основе полного и безусловного взаимного доверия. По настоянию Грозовского его договор с группой был оформлен в мае того же года в виде публикуемого «Условия». Как следует из далее публикуемых документов, Грозовский был неудовлетворен выполнением и этого «Условия». Трения, возникшие на почве взаимных расчетов, привели к полному разрыву группы «Освобождение труда» с Грозовским.

[2] «Библиотека современного социализма» – книжная серия, основанная группой «Освобождение труда», включающая теоретическую марксистскую литературу.

[3] «Рабочая библиотека» – книжная серия, основанная группой «Освобождение труда», включающая популярную марксистскую литературу.

[4] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.

[5] *Маркс К.* Наемный труд и капитал / Пер. с нем. Л.Г. Дейча. Женева, 1883.

[6] «Социально-революционная библиотека» – книжная серия, основанная П.Л. Лавровым. В 1882 г. в ней был опубликован перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, сделанный Г.В. Плехановым.

[7] *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма / Пер. с нем. и предисл. В. Засулич. Женева, 1884.

[8] *Дикштейн С.* Кто чем живет / Пер. с польск., предисл. и послесл. Г. Плеханова. Женева, 1885.

[9] Брошюры о капитализме, социализме и западноевропейском рабочем движении не были написаны.

[10] В качестве таковой можно рассматривать переиздание П.Б. Аксельродом отредактированного текста его «Писем к русским рабочим об освободительном движении пролетариата»: *Аксельрод П.Б.* Задачи рабочей интеллигенции в России. Женева, 1893.

[11] Зачеркнуто: «в рукописи или в корректуре».

[12] Вставлено поверх текста: «чтобы то или другое место было опущено».

[13] Начало фразы в тексте отсутствует.

307
Г.В. Плеханов – Грозовскому

1892, ранее августа[1]
Морнэ

Дорогой Грозовский,

Вы, конечно, получили теперь и отпечатанные листы брошюры о Фейербахе[2] и последние посланные мною странички корректуры, которые показывают, в каком положении стоит дело. Прибавлю еще, что мои, мною давно оконченные, примечания уже набираются, но я еще не имел корректуры. Пришлю Вам ее, как только получу, т.е. когда будут готовы в набор эти примечания. Ваше письмо[3] есть как бы упрек за замедление. Упрек с формальной стороны вполне заслужен: опоздали сверх всякого чаяния. Но ведь вы же революционер, и революционер бывалый, знающий нашу среду и потому понимающий, что в ней могут происходить самые неожиданные вещи. Представьте себе, что недели 2 у нас тянулась революция, поссорились наборщики, а поссорившись, ругались,

разбирались и теряли дорогое время. Теперь порядок водворен, замедлений, надеюсь, не будет. Когда увидимся? Пишите. Ведь Вы мне ничего не написали об известном Вам деле Г[4].

Крепко жму руку.

Ваш Г. Плеханов

P.S. Пожалуйста, пришлите мне «Zur Kritik»[5] на адрес Лурье: 26, Chemin de la Roseraie, chez M-me Lübeck. Пошлите заказным.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 27. Автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.270. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании упоминания о корректурных листах брошюры «Людвиг Фейербах», которая вышла в свет в августе.

[2] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.

[3] Письмо Грозовского не разыскано.

[4] О каком деле идет речь, не выяснено.

[5] Вероятно, речь идет о книге: Marx K. Zur Kritik der politischen Ökonomie: Erster Heft. Berlin, 1859.

308
Г.В. Плеханов – Грозовскому

1892, начало августа[1]
Морнэ

Милостивый Государь г. Грозовский,

у нас, очевидно, начинается эра недоразумений: Вы «не понимаете» моего письма[2], я не понимаю (без вносных знаков) Вашего[3]. Кто виноват в этих недоразумениях и виноват ли в них кто-нибудь, не знаю, но так или иначе, надо разрешить их по мере сил и возможности. Постараюсь же сделать это.

Вы приводите свои дела в порядок и потому требуете от меня расписок в получении денег на революционные издания. Я решительно ничего не имею, да и не могу иметь против порядка в Ваших делах, – порядок вообще хорошая вещь, – но смею думать, что расписка тут не причем и что Ваше требование ни на чем не основано.

С тех пор как существует «Биб[лиотека] сов[ременного] социализма»[4], мы получили немало взносов на ее издание. «Порядок» при этом был всегда один: мы печатали (когда этого желали жертвователи) о получении взносов в тех изданиях, в пользу которых делались взносы, и в тех выражениях, которых желали жертвователи. Вам известен был этот порядок: когда Вы давали деньги, Вы желали следовать именно ему; я не вижу оснований отклоняться от нашего уговора с Вами и от порядка, практиковавшегося в течение 10 лет.

О деньгах, данных Вами в пользу «Соц[иал]-дем[ократа]»[5], было уже напечатано согласно условию в 4-ой книге. Если Вам угодно было иметь какую-нибудь другую расписку, о ней следовало подумать ранее. Что касается денег, выданных Вами на брошюру о Фейербахе[6], то о них будет напечатано в этой бро-

шюре. Если Вам угодно было иметь какую-нибудь другую расписку, об этом следовало подумать... и так далее.

Наконец, о гонораре, выданном Вами мне за брошюру о капитализме[7], будет упомянуто, в числе других расходов, в этой брошюре, согласно вышеуказанному обычаю, который был Вам очень хорошо известен. Вам хочется, чтобы я напечатал об его получении раньше выхода брошюры. На это я Вам скажу, что подобного рода печатных «расписок» я не встречал даже в журнале «Стрекоза», который, однако, лез из кожи вон, чтобы быть вполне юмористическим изданием. Выдача гонорара сотрудникам авансом есть как нельзя более распространенное явление, но укажите мне хоть один пример, чтобы о ней было напечатано.

Вы хотите также, чтобы мы напечатали о том, что скоро выйдет брошюра о капитализме (о которой только что была речь). Но мы пока можем напечатать одно: она пишется, или «готовится к печати». А если Вы хотите, чтобы мы поручились за то, что она выйдет, то положите деньги на ее печатание в банк, на имя нашего директора (Гавриила Александровича Глико), 8, Chemin des grands Philosophes; в таком случае Ваше желание будет исполнено.

Если Вы недовольны чем-нибудь в моем ответе, который есть решительный ответ, то я предлагаю Вам третейский революционный суд, которому будет не безынтересно узнать всю историю наших взаимных финансовых отношений. Одно условие при этом: суд должен быть гласный, а его решение должно быть напечатано на всех тех языках, на которых издаются социал-демократические журналы или газеты.

Жду Вашего ответа.

Насчет высылки Вам корректуры я уже навел справку в Женеве, но пока еще не получил ответа. О высылке Вам брошюры Фейербаха попрошу нашего директора, который, вероятно, не откажется исполнить Вашу просьбу.

Писать мне прошу в Морнэ.

Г. Плеханов

P.S. Посылаю Вам обертку Фейербаха, нравится ли она Вам?

P.P.S. На полтора листа примечаний выйдет не несколько десятков франков, а значительно больше.

Г.П.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 – 10 об. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.270–271.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется на основании указания на завершение брошюровки брошюры «Людвиг Фейербах».

[2] Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.

[3] Письмо Грозовского не разыскано.

[4] «Библиотека современного социализма» – книжная серия, основанная группой «Освобождение труда», включающая теоретическую марксистскую литературу.

[5] Речь идет о литературно-политическом обозрении «Социал-демократ» (Женева, 1890–1892).

[6] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.

[7] Эту брошюру Г.В. Плеханов не написал.

309
Грозовский – П.Б. Аксельроду

1892, 12 августа[1]
Цюрих

Многоув[ажаемый] П[авел] Б[орисович].

Считаю нужным сообщить Вам, что через неделю приблизительно я уеду из Цюриха и даже вероятно из Швейцарии на месяца два, м[ожет] б[ыть].

Сношения между нами будут затруднены чисто внешними условиями, потому, если Вам нужно или желательно выяснить наши взаимные отношения в деле изданий или вообще поговорить о чем-либо, имеющем отношение к этому делу, то предлагаю Вам воспользоваться временем моего пребывания здесь. Это необходимо ввиду выхода брошюры о Фейербахе[2], расчеты по изданию к[ото]рой между мной и группой Вашей, по словам Плеханова, не закончены еще. На последнее письмо Плеханова[3], касающееся фактов, которые он называет «недоразумениями», я отвечать не считаю нужным, так как бесплодные пока препирательства между нами совершенно не в интересах дела; не считаю нужным отвечать на него пока и по многим другим причинам. Если это Вам нужно уже, то при личном свидании гораздо лучше будет выяснить дальнейшие наши отношения, и это тем легче, что Вам известно заключенное между мной и Плехановым как членом и представителем группы условие[4] во всех деталях. Неделю, которую я пробуду здесь, я проведу либо в Цюрихе, либо где-нибудь поблизости от него. В последнем случае я приеду на свидание с Вами в Цюрих. Если Вы считаете такое свидание необходимым, то его нужно устроить по возможности скорее, т[ак] к[ак] наши переговоры могут, пожалуй, потребовать с Вашей стороны переписки с Morneux, а я откладывать свой отъезд навряд ли стану.

Жду ответа на это письмо. Адрес мой: Pestalozzistr. 13 II – Fluntern. Если Вы сочтете нужным свидание, то напишите, пожалуйста, точно, в какой день Вы приедете в Цюрих (я слышал, что Вы в отсутствии), а также назначьте час и место (ресторан какой-нибудь) свидания.

Жму руку. С уважением,

Грозовский

Некогда переписывать: не взыщите за помарки.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12. Черновой автограф.
Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 272.
Публикуется по автографу.

Примечания

1 Датировка автора письма.

2 *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.

3 Вероятно, док. 308.

4 См. док. 306.

310
Г.В. Плеханов – Грозовскому

1892, 13 августа[1]
Морнэ

Милостивый государь господин Грозовский,

Вы, вероятно, уже получили брошюру «Людвиг Фейербах»[2], которая была послана Вам как заказная посылка. Прошу Вас сделать расчет относительно тех денег, которые Вы должны доплатить за нее, и выслать эти деньги на имя Глико в Женеву (M-r Gabriel Gliko, 8, Chemin des grands Philosophes, Genève).

Кроме того, так как брошюра «Развитие научного социализма»[3] очень подвинулась вперед набором (готово уже более четырех (4) листов), то я прошу Вас выслать и на ее печатание по расчету (4х70=280) на четыре листа. Остальные деньги Вы можете заплатить по выходе брошюры.

Надеюсь, что Вы не замедлите выслать деньги, потому что мы теперь очень нуждаемся в них. Писать ко мне прошу Вас на мой адрес в Морнэ: M-r Plekhanoff, Morneux, Haute Savoie, Frankreich, chez Favre.

Готовый к Вашим услугам

Г. Плеханов

P.S. Прошу Вас тоже немедленно выслать мне книгу Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie»[4], она мне необходима в настоящую минуту. Мне очень жаль, что Вы не выслали ее по первому требованию.

Г.П.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–1. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 272–273.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.
[3] *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма / Пер. с нем. и предисл. В. Засулич. Женева, 1884.
[4] *Marx K.* Zur Kritik der politischen Ökonomie: Erster Heft. Berlin, 1859.

311
П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 16 августа[1]
Аффольтерн

Письмо Ваше от 12 августа[2] получил в Аффольтерне только вчера, когда я уже собирался ехать в Цюрих, потому мой ответ несколько запоздал. Вы предлагаете мне назначить Вам свидание, если я его считаю «необходимым» в интересах определения дальнейших отношений Ваших к группе по делу изданий. В ответ на это предложение, замечу прежде всего, что сам предмет предлагаемых Вами переговоров кажется мне до подозрительности странным. Ведь серия изданий и размер Вашей помощи довольно точно определены и установлены уже весной[3] и притом на год или, по крайней мере, до конца этого года. Вам так-

же очень легко сосчитать на основании выговоренных условий – сколько недостает к выданной Вами сумме на покрытие всех издержек по изданию Фейербаха[4]. Наконец, что касается до сношений между нами во время Вашего отсутствия, то Вам стоит только дать нам адрес для переписки с Вами, и они урегулированы. Поэтому я решительно не понимаю, какие могут быть еще разговоры о наших взаимных отношениях по изданиям, если не желать изменения старых условий. Вы знаете, что условия эти в основании своем Вами составлены и с самого начала считались нами противными традиционным обычаям и принципам нашего революционного движения. Мы согласились с ними, как согласились бы, в интересах социал-демократической пропаганды, на принятие материальной помощи на подобных условиях от всякого другого лица, заявляющего себя сочувствующим нашим изданиям. К сожалению, в Вашем прошлом поведении нет никаких данных, которые давали бы основание надеяться на то, что Вы желаете изменить свое отношение к нашему делу в духе исконных взглядов русских революционеров. Но только в этом случае я лично считал бы «необходимым» свидание с Вами специально для выяснения наших взаимных отношений в деле изданий. Ввиду всего этого, не мы, а Вы можете решить вопрос о том, насколько необходимо наше свидание.

Готовый к услугам

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 – 16 об. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 273–274.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] См. док. 309.
[3] См. док. 306.
[4] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.

312

Грозовский – П.Б. Аксельроду[1]

1892, 17 августа[2]
Цюрих

Первая и основная традиция русских революционеров (впрочем, чтобы признавать эту традицию, не нужно вовсе быть революционером) – это признание обязательств, взятых на себя по отношению друг к другу.

Позвольте Вам напомнить эту традицию, так как Вы ее, кажется, изволите упускать из виду, но зато помните какие-то другие традиции, мне неизвестные. Не желаю вдаваться здесь в разбор причин, заставивших Вашу группу отступить от этой «традиции», но факты налицо. Вот некоторые из них: брошюра Энгельса[3], согласно обязательству, должна была быть изданной в марте, затем во второй половине апреля, затем в конце мая, затем в конце июня и т.д. и появилась только в августе, т.е. на издание было Вами употреблено вместо 1 ½ мес. –

5 месяцев. Это, во-первых. Во-вторых, мне не были присланы корректуры примечаний Плеханова, хотя многие места их касаются России. В-третьих, отчет о пожертвовании на брошюру не напечатан в той форме, которую я потребовал на почве нашего условия[4]. Ограничусь этими фактами; они всем известны. Плеханов писал мне, что между нами стали возникать «недоразумения»[5]. Я думаю, что Вы можете считать необходимым удаление «недоразумений» для более правильной постановки на будущее наших отношений. По изданиям это тем более, что факты, которые г. Плеханов назовет, м[ожет] б[ыть], недоразумениями, я разумею как невыполнение обязательств со стороны группы. А раз одна из сторон не считает нужным исполнять договор, это eo ipso[6] развязывает другую сторону от всех обязательств.

Поэтому я считаю, что Вы, м[ожет] б[ыть], считаете нужным удалить «недоразумения» и ввиду моего близкого отъезда считаете нужным написать Ваше письмо от 12 с[его] м[есяца][7]. Но Ваше письмо есть отрицательный ответ на мой вопрос о свидании. Тема свидания Вам кажется подозрительной ввиду того, что издания, размер и срок которых установлены. Установлены, одним словом, «мои» обязательства, о ваших же по отношению ко мне нет в Вашем письме ни слова. Не вашей группе напоминать мне о моих обязательствах, т.к. до сих пор я не только выполнял их аккуратнейшим образом, но делал для вашей группы многое, к чему меня наше условие вовсе не обязывало: напр[имер], терпеливо ждал выхода брошюры, издание которой группа ваша оплачивала почему-то вопреки условию, выдавал вам деньги на издание авансом, т.е. оказывал услуги, которые не входили, да и не могли войти в наш договор. Группа же ваша, как я писал выше, игнорировала ту часть договора, которая касается ее обязательств. Как видите, для меня дело шло при свидании с Вами не об изменении договора, которому Вы изменили, а о том, чтобы определить наконец, желаете ли Вы и будете ли Вы держаться нашего условия. Принимая Ваш ответ в том смысле, что с Вашей стороны нечего выяснять и что следовательно с Вашей стороны всё обстояло благополучно, я предоставляю себе право иметь свой собственный взгляд на поведение группы в данном деле и сообразоваться в своих поступках именно с этим взглядом, как только это станет окончательно неизбежно. Считаю нужным заявить Вам на будущее, что констатирую все вышеизложенные факты как нарушение с вашей стороны нашего договора, с тем, чтобы они ни в каком случае не могли служить прецедентами поведения вашей группы в будущем. Еще раз предлагаю вам стать на почву нашего договора, и если нужно (а я считаю это нужным) [...[8]] точнейшим образом каждой стороне, не ставить мне [...[9]] до смешного требований (как это делает напр[имер] Плеханов, требуя у меня деньги авансом на другую брошюру Энгельса[10]). Я в интересах револ[юционного] дела – это его лучшая традиция – еще раз готов растянуть свое долготерпение до его максимальных размеров и попытаться продолжать начатое с вами дело. Прошу вас произвести расчет по изданию брошюры «Люд[виг] Фейербах». Для избежания ошибок и недоразумений нужно произвести расчет этот сообща. A propos[11]. От меня взято Плехановым на брошюру не 760 fr., как опубликовано, а 790 (200 в марте, 550 в мае и 40 в июне). Прошу вас при окончательном расчете по этой брошюре передать мне 330 экземпляров ее, которые приходятся мне по условию. Они мне нужны уже давно.

Прошу вас позаботиться о том, чтобы брошюра о «Капиализме»[12], 1 вып[уск] II сер[ии] «Раб[очей] библ[иотеки]», рукопись которой, согласно условию, должна была быть готова к 1 авг[уста], поступила в печать.

Прошу вас установить срок, когда ее можно выпустить, и условиться о сроке выхода остальных брошюр, а также установить еще точно взаимные обязательства во всех деталях во избежание «недоразумений» на будущее время.

Предлагаю вам выполнить всё вышеизложенное в продолжение 5 дней, которые я проведу в Цюрихе. Оставаться здесь долее я не смогу.

[Грозовский]

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 – 20 об. Черновой автограф. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Пометка рукой Грозовского: «Не отправлено».
[2] Датировано автором письма.
[3] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.
[4] См. док. 306.
[5] См. док. 310.
[6] В силу этого (*лат.*).
[7] Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.
[8] Одно слово не разобрано.
[9] Одно слово не разобрано.
[10] *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма / Пер. с нем. и предисл. В. Засулич. Женева, 1884.
[11] Между прочим (*фр.*).
[12] Эта брошюра так и не была написана.

313
Грозовский – П.Б. Аксельроду

1892, 18 августа[1]
Цюрих

К сожалению, я в настоящее время настолько занят, что не могу ответить на Ваше письмо от 16 с[его] м[есяца][2] с той полнотой, какую считаю нужной. Ограничусь немногим и самым существенным для дальнейшего ведения общего дела изданий, имея в виду в ближайшем будущем, насколько время позволит, подробно выяснить факты, которые игнорировал наш договор. Замечу, что для меня дело идет не об изменении нашего договора, а о том, чтобы вы его столь же неуклонно выполнили, как это делал я. Но пока, чтобы дело не стало, перехожу к практическим делам данной минуты. Закончить расчеты по изданию брошюры «Людвиг Фейербах»[3] я готов. Но думаю, что для избежания ошибок и недоразумений нужно сделать расчет сообща. Что такие невольные ошибки возможны, доказывает опубликование полученного от меня на брошюру аванса. Мною дано 790 фр. на брош[юру] (200 фр. в марте, 550 в мае и 40 в июне для наборщика – всего 790), а опубликовано получение 760 фр. Итак, сделайте расчет. При окончательном расчете по брошюре прошу вас передать мне 332 экземпляра ее, которые мне приходятся по нашему условию. Они мне нужны давно уже.

Затем прошу Вас условиться со мною о сроке выхода ближайших изданий и главным образом брошюры о капитализме[4], к[ото]рая должна составить I вып. II серии «Раб[очей] библ[иотеки]». Рукопись этой брошюры по условию наше-

му должна была быть готова к 1 августа, а печатание ее начаться в это же время. Кстати, ввиду письма, полученного мною от Плеханова, в котором он просит деньги вперед на другую брошюру Энгельса[5], должен заявить группе, что подобные требования произвольны до крайней степени, что выполнять их я не могу и не желаю и что еще раз предлагаю группе держаться неуклонно нашего договора. Аванс на брошюры о Фейербахе и о капитализме был исключительно личной услугой Плеханову и отчасти группе; этот характер аванса был тогда признан и установлен, а следовательно и его исключительный характер и то, что прецедентом он ни в каком случае служить не может.

Это пока все, что имею изложить Вам для удаления препятствий к ведению дела в данный момент. О других обстоятельствах, имеющих отношение к нашему делу, – в другой раз. Тогда же и о «традициях» русского революционного движения, быть хранительницей к[ото]рых группа, судя по Вашему письму, имеет претензию. Пробуду здесь еще пять дней приблизительно, поэтому прошу Вас поспешить с ответом на это письмо.

М. Г[розовский]

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 – 22 об. Черновой автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 274–275. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] См. док. 311.
[3] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах / Пер. с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, 1892.
[4] Эта брошюра так и не была написана.
[5] *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма / Пер. с нем. и предисл. В. Засулич. Женева, 1884.

314
П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 21 августа[1]
Цюрих

Ваше письмо от 18 ав[густа][2] получил вчера утром и отправил его в Морнэ, так как не помню и не знаю некоторых подробностей, необходимых для полного ответа на все Ваши вопросы. А пока я на всякий случай могу сказать следующее. Насколько помню, набор, печатание, брошюровка определены в 70 фр. за лист, гонорар за перевод – в 45, а за оригинал – 100 фр. Всего в брошюре, писали мне, 8 листов – вероятно, петит принят в расчет. Вот данные, по которым можете высчитать, сколько следует еще додать к полученной от Вас сумме на печатание Фейербаха[3]. «Развитие н[аучного] соц[иализма]» Энгельса[4] уже набрано. Впрочем, авансы даются при подрядах и в самых распрекоммерческих предприятиях. Кстати, к брошюре для рабочих о капит[алистическом] строе[5] Плех[анов] также приступил и она очень скоро будет готова. Ради скорости можете писать мне в Аффольтерн, где я отсутствую обыкновенно только по воскресеньям и понедельникам.

Адрес мой: Affoltern à Albis. Затем моя фамилия.

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24. Автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 275. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] См. док. 313.
[3] См. прим. 3 к док. 313.
[4] См. прим. 5 к док. 313.
[5] См. прим. 4 к док. 313.

315
Г.В. Плеханов – Грозовскому

1892, 22 августа[1]
Морнэ

Милостивый Государь,

в письме к П.Б. Аксельроду[2] Вы утверждаете, что на печатание брошюры о Фейербахе[3] Вами дано мне в мае текущего года 550 фр. Это ошибка, хотя, разумеется, совершенно невольная. Ввиду этой ошибки я напомню Вам следующее. Когда я спросил Вас письменно, сколько по Вашему счету Вы дали на печатание названной брошюры, Вы сначала ответили, что подобное напоминание излишне, так как я записал получение денег в нашу «деловую книгу». Но потом Вы все-таки написали мне Ваш счет, из которого явствует, что в мае, согласно тому, что опубликовано мною, я получил от Вас 520 фр. Этот счет у меня цел.

Готовый к услугам

Г. Плеханов

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 30. Автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.275. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] В первой публикации у цифры 22 поставлен вопрос. С учетом того, что это письмо является ответом на письмо Грозовского от 18 августа, которое П.Б. Аксельроду нужно было еще переслать в Морнэ, а сам Аксельрод ответил Грозовскому 21 августа, с этой датой можно согласиться.
[2] См. док. 313.
[3] См. прим. 3 к док. 313.

316
Грозовский – П.Б. Аксельроду

1892, 22 августа[1]
Цюрих

Письмо Ваше получил[2]. Так как оно не заключает в себе ответа на мои вопросы в письме от 18 с[его] м[есяца][3], то я воздерживаюсь от подробного ответа на него до тех пор, пока Вы будете в состоянии, списавшись с Morneux, ответить

мне обстоятельно. Отлагаю из-за этого мой отъезд на несколько дней, но прошу Вас в интересах дела поторопиться, так как более нескольких дней ждать не могу, а для дальнейшего ведения дела нужно было бы разрешить возникшие вопросы теперь же. Ждать Вашего ответа буду до четверга – пятницы. Чем раньше его получу, тем лучше разумеется, так как могут – чего не бывает – возникнуть осложнения, а у меня, повторяю, теперь нет времени ждать долее. Возможность осложнений с вашей стороны я вижу в том, что вы, очевидно, забыли детали нашего договора и детали весьма существенные. Это видно из того места Вашего письма, где Вы говорите об окончательном расчете по изданию брош[юры] о Фейербахе[4]. Самое важное теперь это, чтобы Вы установили точно все детали нашего договора; тогда, надеюсь, при расчете осложнения не будут иметь места, так как я имею в виду держаться буквы нашего договора.

М. Г[розовский]

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–26. Черновой автограф.
Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.275–276.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] См. док. 314.
[3] См. док. 313.
[4] См. прим. 3 к док. 313.

317

Расчет группы «Освобождение труда» по изданию литературы

1892, 23 августа[1]
Морнэ

За издание брош[юры] «Л. Фейербах» Фр. Энгельса[2] г. Грозовский должен заплатить группе «Освобождение труда»:

А. Расходы по печатанию

В брошюре 7 ½ листов (IV стр. предисловия + 105 стр. текста + 2 обертки (белая и серая), foux-titre[3] и проч.).

За лист следует 70 fr.

Значит, мы должны бы получить: 70 х 7 = 490 + 35 = 525. Но г. Грозовский может принять в соображение, что на страницах последней категории меньше набора, чем на других, хотя бумага […][4], верстание строк столько же. Поэтому он может […][5]. Величину его он обозначит по соглашению с П.Б. Аксельродом.

Итого, расходы по печатанию = 525 fr.

В. Гонорар

а) 72 стр. перевода текста и приложений + 2 стр. перевода предисловия автора = 74 стр. По расчету 3 fr. за страницу получаем: 222 fr.

Но г. Грозовский может принять в соображение, что между текстом и приложениями есть одна белая страница и сделать вычет. Тогда имеем: 219 fr. за перевод.

b) Примечания – 2 листа или, вернее, 33 стр. По расчету 6 fr. за стран[ицу], имеем: 198 fr.

c) Предисловие 2 стр. = 12 fr.

Итого гонорар = 219 + 198 + 12 = 429 fr.

Гонорар (429) + расходы по печатанию (525 – x) = 954 fr. – *x fr.*

Получено вперед от г. Грозовского:

fr.

в марте 200

в мае

по словам г. Грозовского 550

по словам г. Плеханова 520

в июне г. Грозовский

дал наборщику 40

Итого: по словам г. Грозовского 790

по словам г. Плеханова 760

(об этом см.: особое письмо)

Остается получить с г. Грозовского:

По его расчету 164 – x fr.

По нашему 194 – x fr.

Подписали: Г. Плеханов

В. Засулич

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 – 28 об. Автограф Г.В. Плеханова. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датировано составителями документа.

[2] См. прим. 3 к док. 313.

[3] Оборот титула (*фр.*).

[4] Одно слово не разобрано.

[5] Два слова не разобраны.

318

П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 24 августа[1]
Аффольтерн

В прилагаемых письмах[2] [Вы] найдете ответ на Ваши вопросы – во всяком случае, достаточно полный для того, чтобы не делать задержек в ведении дела. Если Вы находите какие-то противоречия в моем ответе с «деталями договора», то ведь Вы можете указать на них и тем самым ускорить окончание переписки по поводу «осложнения при расчете». Как бы то ни было, я, пока, более детальных данных представить Вам не могу, да повторяю: и представленных совершенно достаточно, по крайней мере, для того, чтобы Вы послали недостающую сумму и часть на бумагу и печатание «Развития научного социализма»[3]. Но, само собой разумеется, что перед отъездом на Вас лежит обязанность обеспечить издание [достаточного] количества листов во время Вашего отсутствия.

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 276.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] Вероятно, док. 317 и копия письма В.И. Засулич к П.Б. Аксельроду (док. 110).
[3] *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма / Пер. с нем. и предисл. В. Засулич. Женева, 1884.

319
Грозовский – П.Б. Аксельроду

1892, 27 августа[1]
Цюрих

Напишите пожалуйста немедленно в Женеву, чтобы Вам выслали 330 экз[емпляров] брошюры Энгельса о Фейербахе[2] (не 300, а 330 экземпляров приходится мне по условию) на обыкновенной бумаге: тонкая слишком скоро изнашивается при употреблении литературы в России. Счет по изданию этой брошюры, присланной из Morneux, заключает ошибку[3]. Денежная сторона нашего договора была следующая: за набор, печатание, бумагу и брошюровку по 70 франков с листа; брошюры, появляющиеся вторым изданием, т.е. перепечатываемые, оплачиваются по условию только за работу, т.е. по 70 фр. с листа, точно так же как оригинальные или переводные брошюры, появляющиеся в печати в первый раз, если они написаны не г. Плехановым, а кем-либо другим. Брошюры, появляющиеся в первый раз в печати, написанные или переведенные г. Плехановым, оплачиваются кроме того гонораром ему, г. Плеханову, по 90 francs за лист оригинала и по 45 francs за лист перевода. Я нарочно привел Вам эту сторону нашего условия подробно, чтобы Вы могли припомнить факт, к[ото]рый к моему удивлению г. Плеханов забывает, – именно, что за лист оригинала ему следует не 96 фр., как он считает, а 90 фр., за лист перевода не 48 фр., а 45 фр. Точно так же в счете неверно указано получение от меня в мае на брошюру 760 фр. вместо 790 фр. «Особое» письмо от меня[4], на которое г. Плеханов ссылается, подтвердит все сказанное мною, если только г. Плеханов не ошибется при расчете, к[ото]рый я предложил ему там сделать. Вообще нам слишком часто приходилось упоминать в форме вышеизложенной о денежной стороне нашего договора и всех ее деталях, чтобы теперь возможны были недоразумения на этот счет. Я думаю, что наше условие следует изложить письменно (для памяти) ввиду возникновения между нами разногласий по весьма существенным пунктам. Это могло бы гарантировать нас в будущем от повторения подобных недоразумений.

Из письма г-жи Засулич к Вам[5] я вижу, что она упускает из виду многие важные стороны нашего договора. Группа взяла на себя не только обязательство издать в определенный промежуток времени известное количество листов, но также целый ряд частных обязательств, определяющих, как должно быть выполнено дело издания. Она должна уславливаться со мною каждый раз о порядке и сроке выхода брошюры и выполнять, разумеется, условие к сроку; она должна присылать мне корректуры или рукописи, дабы я мог высказать свое несогласие на печатание того или другого места брошюры до напечатания ее мне

принять участия в издании, которое несогласимо по моему мнению с интересами дела; она должна печатать отчет, о получении от меня денег по соглашению со мною; затем следуют обязательства группы по распределению литературы, выручки с нее etc. До сих пор ни одно* из условий не было выполнено.

Оплачивать издания я, придерживаясь нашего договора, буду по выходе их. Неуместность требования от меня денег на брошюру, которая набирается, станет еще более ясной, если припомнить, что группа взяла с меня не в счет изданий, а так себе 500 фр. на уплату долгов по типографии, причем мне было заявлено, что группа, уплативши этот долг, опять будет иметь кредит на ту же сумму для наших общих изданий, хотя и так группа должна была по условию нашему позаботиться об издании брошюр и только по окончании его брать с меня деньги. Насчет легкости, с какой я могу доставлять деньги, г. Засулич ошибается. Но подробно касаться этого не стану. Пусть группа только выполняет условия, тогда ей не нужно будет указывать мне на отсутствие затруднений для доставки денег. Итак, для прекращения недоразумений прошу вытребовать 330 экземпляров брошюры, 2) установить, что в счете произошла ошибка, о которой я писал выше, 3) условиться со мною о сроке выхода ближайших изданий, что очень легко сделать, если не рассчитывать на болезнь автора или смерть наборщика, можно назначить срок и кроме того льготные 3–4 недели; 4) условиться о брошюре «Капитализм»[6], которая мне нужна более других; 5) изложить наше условие письменно. В брошюру «Разв[итие] научн[ого] соц[иализма]»[7], к[ото]рая должна составить II-ой вып. II серии «Библ[иотеки] совр[еменного] соц[иализма]», прошу Вас не вводить никаких изменений против прежнего издания без предварительного соглашения со мной. Эту брошюру я оплачу тотчас после выхода ее, если все пункты нашего условия будут соблюдены. Я не знаю, застанет ли меня Ваш ответ в Цюрихе, но, может быть, оттягивать долее мой отъезд мне невозможно будет. В этом случае придется прибегнуть к переписке, что, конечно, затянет дело, или же ждать моего возвращения не через 2 ½ месяца, а приблизительно через месяц: я тогда смогу сделать крюк в своих разъездах и заехать в Цюрих на пару дней. Если ни то, ни другое Вам нежелательно, то не сочтете ли Вы более целесообразным телеграфировать в Женеву о высылке Вам 330 экз. и затем выработать при личном свидании 28-го с[его] м[есяца] или в понедельник modus vivendi[8] до тех пор, пока я вернусь, оставляя до того времени окончательное разрешение спорных между нами вопросов.

К письму этому считаю еще нужным прибавить, что только <u>польза дела</u>, как я ее понимаю, пока заставляет меня и говорить и соглашаться на разрешение таких «недоразумений» и там, где «недоразумения» <u>не должны были бы</u> являться.

Грозовский

P.S. Отсылаю Вам при сем письмо г. Засулич[9]. Повторяю, что ее «понимание» нашего договора находится в противоречии с основными его пунктами. Порядок изданий, к[ото]рый она предлагает, будет обсужден нами после того, как мы разрешим разногласия данной минуты. Я желаю внести в него некоторые, по всей вероятности для группы безразличные, изменения.

Idem[10]

[Если бы показалось, что следует еще несколько десятков франков, то Вы все-таки бы могли опубликовать всю сумму. Но взяли же Вы от меня и не опу-

* Я говорю о тех пунктах нашего договора, которые приходилось уже применять.

бликовали не несколько десятков, а несколько сот фр[анков]. Имели бы следовательно гарантии на случай неуплаты. Оставим это. Опубликуйте: «Получено от такого-то на брошюру столько-то». Расходы сверх этого, если таковые окажутся, будут уплачены тем же лицом. Опубликуйте, если можете, выход и пожертвование в пользу брош[юры] о «Капитализме»][11].

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 – 34 об. Черновой автограф. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 277–279. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано автором письма.
[2] См. прим. 3 к док. 313.
[3] См. док. 317.
[4] См. док. 320.
[5] См. док. 110.
[6] Эту брошюру Г.В. Плеханов так и не написал.
[7] См. прим. 4 к док. 313.
[8] Предварительные соглашения (*лат.*).
[9] Док. 110.
[10] Он же (*лат.*)
[11] Весь абзац в первой публикации отсутствует.

320
Грозовский – Г.В. Плеханову

1892, около 27 августа[1]
Цюрих

М[илостивый] г[осударь]!

Сожалею, что не зависящие от меня обстоятельства помешали мне ответить на Ваше письмо[2] так скоро, как бы я этого хотел. Впрочем, замедление вышло небольшое – дня полтора. Раньше, чем ответить Вам на Ваше письмо, должен изложить Вам следующее. Мне необходимо привести все мои дела в порядок, и это немедленно. К числу дел этих принадлежали обязательства, которые Вы взяли на себя. Вами получено от меня тысяча семьсот сорок франков, что и занесено в мою записную книжку. Чтобы иметь возможность оставить дело это в полном порядке, мне нужно иметь от Вас расписку, свидетельствующую получение Вами этой суммы. Предлагаю Вам написать ее в следующей форме:

«Получено от г. Грозовского в марте – 700 fr., в мае – 1000, в начале июля – 40 fr., всего – тысяча семьсот сорок франков; из них пятьсот франков в пользу типографии (получение этих 500 fr. уже опубликовано в IV-ой книжке «С[оциал]-д[емократа]» словами: «От Г[розовского] – 500 fr.»). Остальные – в пользу издания I-го выпуска II серии «Библиотеки совр[еменного] соц[иализма]» – «Людовик Фейербах» – соч. Фр. Энгельса и издания брошюры о «Капитализме», которую я обязался напечатать и которая составит I выпуск II-ой серии «Раб[очей] библиотеки». Выписки из моей записной книжки, касающиеся наших денежных счетов, считаю излишним здесь приводить, так как нужную Вам справку можете заимствовать из своей дел[овой] книги, записной книжки, ко-

торая, как я думаю, согласуется с моею. Что же касается «разногласий хотя бы по одному франку», то пока я не имею основания их предвидеть. Впрочем, если Вы забыли записать полученные деньги и не можете теперь определить, сколько взято Вами на брошюру, то стоит только вычесть из всей суммы 500 fr., взятых в пользу типографии, затем авторский гонорар за 5 листов брошюры о «Капитализме», и Вы получите искомое. Затруднительности положения, которое заставило Вас «приостановить» печатание обложки, я не понимаю[3].

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 38 – 39. Черновой автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании указания Грозовского на это письмо в письме П.Б. Аксельроду от 27 августа (см. док. 319).

[2] См. док. 315.

[3] Далее зачеркнуто: «Во-первых, Вы знаете (т.е. можете *уже* вычислить), сколько следует за брошюру; во-вторых, Вы знаете, сколько Вами за брошюру от меня получено; в-третьих, увеличение расходов, которое Вас поставило в столь затруднительное положение и которое сводится, по всей видимости, к нескольким десяткам франков (причем сорок франков я дал за Вас Вашему наборщику в последнюю бытность в Женеве) Вы либо могли опубликовать, что Вами получена вся сумма на печатание брошюры (которую нетрудно вычислить) вперед на брошюру о Фейерб[ахе] от такого-то столько-то. Остальное будет уплачено тем же лицом. В этом случае Вы опубликовали бы также получение авторского гонорара до 5 листов брошюры о «Капитализме», которая составит I вып. II-ой серии «Раб[очей] библ[иотеки]»».

321

П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 29 августа[1]
Цюрих

Только что получил Ваше письмо от 27-го[2], в котором предлагаете, как более целесообразное средство, установить временную modus vivendi[3], устроить свидание между нами. Я с своей стороны нахожу также, что это, пожалуй, сократило бы переписку и потому предлагаю Вам сойтись около 10 часов или 10 ½ утра сегодня в Plochten в саду. Если Вам это время неудобно, назначьте другое. Жду ответа через подателя – Dienstmann'a.

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–37. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 279–280.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано автором письма.

[2] См. док. 319.

[3] Предварительные соглашения (*лат.*).

322
Расчет группы «Освобождение труда» и Грозовского по изданию брошюры «Людвиг Фейербах»[1]

1892, 1 сентября[2]
Цюрих

Мы, нижеподписавшиеся, согласно договору, заключенному между группой «Осв[обождение] труда» в лице гг. Плеханова и Аксельрода и г. Грозовским с другой, производим сей расчет по изданию брошюры «Людовик Фейербах», руководствуясь при расчете ценами за работу, перевод и авторство, установленными нами по взаимному соглашению при заключении нашего договора.

За брош[юру] «Люд[овик] Фейерб[ах]» следует с Грозовского группе «Осв[обождение] тр[уда]»:

За семьдесят четыре страницы перевода (72 текста и 2 предисл[овия]) по сорока франков с листа русского издания:

Переводчику гонорар – 208 fr.

За тридцать пять страниц оригинала (33 [страницы] примеч[аний] и 2 пред[исловия]*) по девяносто франков с листа – гонорар автору – 197 [франков].

За семь с половиною листов за работу, т.е. за печатание, набор, бумагу, типографские материалы и квартиру (типографию) по семидесяти франков с листа – 525 fr.

К сумме этой следует вычесть за набор четырех страниц – 7 fr.

Итого следует группе «Осв[обождение] тр[уда]» – 923 fr.

В счет этого получено от г. Грозовского:

В марте 200 fr.

В мае 550 fr.

В июне 40 fr.

Всего получено 790 fr.

(По ошибке в брошюре «Людовик Фейербах» опубликовано получение от г. Грозовского (Городчина) только 760 fr.).

Следует еще группе – 133 fr.

Г. Грозовскому следует получить от группы «Осв[обождение] тр[уда]» 330 экз. брош[юры] «Фейербах», при получении которых г. Грозовский должен уплатить группе следующие ей 133 fr. Получение последних группа обязана опубликовать в ближайшем своем издании в следующей форме: «Сверх полученных уже на брошюру «Люд[овик] Фейерб[ах]» 790 fr. от Городчина на покрытие остальных расходов по этой брошюре еще 133 [fr.]».

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп.1. Д.1. Л. 44 – 44 об. Автограф Грозовского. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Документ был составлен в двух экземплярах. Публикуемый экземпляр был подписан П.Б. Аксельродом и хранился у Грозовского. Второй, подписанный Грозовским, не разыскан. Название документу дано составителями данного сборника.

[2] Датировано составителями документа.

---

* Места, обозначенные звездочкой (*), г. Аксельрод в копии этого счета, подписанной г. Грозовским для него, для краткости опустил.

323
Г.В. Плеханов – Грозовскому

1892, ранее 7 сентября[1]
Морнэ

Г. Грозовский,

та путаница, которую Вы вносите в наши договорные отношения, была бы в высшей степени удивительна, если бы она не объяснялась избранным Вами способом действий: Вы вели переговоры преимущественно со мною; затем Вы изволили прекратить со мною переписку и обратиться к Аксельроду, который не присутствовал на наших переговорах во время моего последнего пребывания в Цюрихе и потому мы могли легко упустить из виду некоторые из наших прав. Хотя переписка со мною и вызвала, по-видимому, Ваше неудовольствие, но я все-таки беру на себя смелость напомнить Вам следующее:

1) Говоря, что мы не исполнили ни одного пункта договора, Вы говорите неправду. Мы обязались издать брошюру Энгельса о Фейербахе, и мы ее издали. Мы обязались издать его же брошюру о научном социализме, и мы ее издали. Исполнение или неисполнение договора зависит теперь только от Вас: заплатите деньги, остающиеся за Вами, и договор будет исполнен. Правда, вы уже говорили о том, что мы слишком замедлили с выпуском Фейербаха, но я уже объяснял Вам, в чем дело. Параллельно с Фейербахом печаталось «Развитие научного соц[иализма]», которое и вышло очень скоро после Фейербаха. Протестовать против такой […][2] Вы не имеете права уже по одному тому, что в таких случаях дело не зависит даже от нас: оно целиком обуславливается типографскими отношениями. К таким пустякам не придрался бы и сам Шейлок[3].

2) Исполнить условия договора нам нетрудно уже потому, что Вы их забыли. Вы забыли, что вопрос о плате за труд писателей решен был не в смысле положительного исключения в мою пользу, а в смысле отрицательного исключения против Аксельрода. Решено было не так, что платить будут мне и только мне, а так, что не будут платить Аксельроду, который сказал, что не считает себя вправе брать денег, не имея в них крайней нужды в настоящее время. Таким образом, если бы написала или перевела что-либо В.И. Засулич или кто-то другой из наших товарищей, то нельзя ссылаться на договор в том случае, если бы Вы не пожелали заплатить им.

3) Корректуры обязательно было высылать Вам только в том случае, когда печатались бы вещи, имеющие отношение к тактическим вопросам. Я спрашиваю Вас, какое отношение к тактическим вопросам могут иметь мои примечания к Фейербаху? Может быть, я повредил «делу», высказавшись непочтительно о кантовской Ding on sich[4]? Или о Бруно Бауэре? Или о теологической теории Штраусса? Или об отношении Белинского к Гегелю? Согласитесь, что было бы смешно сказать что-либо подобное.

4) Вы не хотите давать денег вперед (лучше сказать, по мере печатания) за наши издания. Это Ваше дело, но […][5] 200 fr., данные Вами в марте, и 40, данные Вами Рольнику, я получил 760 (семьсот шестьдесят) – сумма, которую я и напечатал в особом листке, предназначенном для опубликования пожертвований.

Теперь оказывается, что Вы считаете, что мне следует по 90 fr. за лист и что, следовательно, я получил от Вас вперед не 480, а 450 fr. за брошюру о «Капитализме». Не я стану спорить с Вами о гонораре. Платите, сколько считаете

нужным для пользы… «дела». Но не в этом случае выйдет решить легко. Ведь я Вам и в Цюрихе еще говорил, что не знаю, удастся ли мне вогнать изложение вопроса о «Капитализме» в пределы, указанные Вами (5 листов). Отнесите спорные 30 fr. на счет моего гонорара за ту же брошюру (предположив, что она займет 5 1/3 листа) или зачтите эти несчастные франки в тот долг, который еще остается за Вами по изданию Фейербаха или «Развитию научного социализма», или разрешите мне поправить приложение (о стоимости) к брошюре Дикштейна: в том виде, какой оно имеет теперь, оно, как я слышал, подает повод к недоразумениям. Раз подобная поправка будет разрешена вами, то вопрос опять-таки решается просто: за эту поправку мне придется около 30 fr. Во всяком случае, должен сознаться, что Вам пришла гениальная мысль, когда вы отказались указать мне, сколько именно Вы дали мне на Фейербаха. Теперь Вы, так сказать, поймали меня, получили возможность упрекнуть меня в недоразумениях, которых не должно было бы быть. Но всякий увидит, что это искусственно вызванное Вами недоразумение: Вам стоило написать мне точную сумму, и его не было бы. Ловко, очень ловко!

Согласитесь, что раз мы еще не получили денег, нельзя нам печатать, что мы получили их.

5) Перехожу к вопросу о спорных 30 fr. Последовав Вашему совету и перечитав Ваше письмо, я вижу, что дело об этих франках обстоит так: когда нужно было напечатать, сколько именно Вы дали на брошюру о Фейербахе, я просил Вас написать мне, сколько именно Вы нам дали на нее по Вашему расчету. Я сказал Вам, что не желаю, чтобы у нас вышли разногласия хотя бы на один франк. Вы ответили мне вот что: «Выписки, касающиеся наших денежных счетов, считаю излишним посылать Вам, так как нужную Вам справку Вы наверное можете заимствовать из Вашей деловой книги, которая на этот счет, я думаю, согласуется с моею». Что же касается «разногласий хотя бы на один франк, то пока я не имею оснований их предвидеть». Ввиду такого отказа с Вашей стороны я вынужден был изложить дело получения денег на Фейербаха так, как я его понимал. А я понимал его так. Вы дали мне в мае 1000 фр. Считая по 96 fr. за лист гонорара, я получил 480. Вычитая эту сумму из 1000, я нашел, что на Фейербаха остается 520. Прибавив […][6].

P.S. В Цюрихе Вы мне все время говорили, что даете мне 500 fr. вперед за брошюру о «Капитализме». Я по чувству самосохранения вычел из этой суммы 20 fr., приходящихся сверх того, что мне, по моему мнению, следовало за 5 листов. Но выходит, что я все-таки ошибся. Повторяю, спорить насчет размеров платы, следующей лично мне, я с Вами не стану.

Г. Плеханов

Postscriptum

Вы говорите в Вашем письме, что брошюра «Развитие научного социализма» должна быть напечатана без всяких перемен и как *второй* выпуск второй серии. Вы забыли, что об этом уже поднимался вопрос в Цюрихе, и я тогда же показал Вам, что это невозможно: брошюра входила прежде в I серию и должна в ней оставаться, если не хотят сделать эту серию щербатой. Вы, возможно, заговорите также о том, что мы опустили предисловие В.И. Засулич и напечатали вместо него биографию Энгельса. Но В[ера] И[вановна] не хотела перепечатывать свое предисловие. Мы не могли нарушить ее авторских прав. Сколько мне помнится, Вы выразили свое согласие на напечатание биографии Энгельса. Впрочем, за это не поручусь. Вы знаете, что как раз в то время, когда

мы должны были переговорить с Вами о деле, начали обнаруживаться некоторые последствия Вашей… ссоры с Селитренным; Вы знаете, что мы все боялись, как бы наша беседа, где велись переговоры, не сделалась театром военных действий. Не взыщите, если ввиду подобного смятения, не нами вызванного, кое-что было упущено из виду. К тому же я не знаю, что Вы можете не одобрить в биографии Энгельса.

Смотрите *Postscriptum.*

Готовый к услугам,

Г. Плеханов

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 – 43 об. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании указания П.Б. Аксельрода в его письме Грозовскому от 7 сентября на приложение письма Г.В. Плеханова (См. док. 325).
[2] Одно слово не разобрано.
[3] *Шейлок* – персонаж комедии В. Шекспира «Венецианский купец». Жестокий ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправимого должника. «Шейлоком» и «Идолом» в своей переписке называли Грозовского члены группы «Освобождение труда».
[4] Вещь в себе (*нем.*).
[5] Одно слово не разобрано.
[6] Часть текста утрачена из-за дефекта бумажного носителя.

324
В.И. Засулич – Грозовскому

1892, ранее 7 сентября[1]
Морнэ

Милостивый государь!

При нашем последнем разговоре Вы заявили мне, что мы можем своим влиянием направить Ваше дело с Селитренным за Вас или против Вас и что поэтому, раз дело направится не в Вашу пользу, Вы во всяком случае нам «этого не забудете», т.е. будете мстить. Теперь Вы делаете попытку привести Вашу угрозу в исполнение. Иначе невозможно объяснить Ваш отказ уплатить расходы по изданию последней брошюры под предлогом невыполнения Вашего желания (такого же несообразного, каким было бы напр[имер] желание перепечатать 1-ый № «Соц[иал]-дем[ократа]», назвав его при этом 5-м), на заявление которого Вы уже дважды получили от Плеханова категорический ответ, что брошюры 1-ой серии, выходящие 2-ым изданием, во вторую серию перенесены не будут, и оба раза Вы соглашались и умолкали. Так утверждает Плеханов, и я безусловно верю ему, как поверят, конечно, и все товарищи-социалисты всех национальностей.

Мы не можем позволить Вам подобного издевательства и предлагаем немедленно же заплатить по условию за 2-ое издание 2-го выпуска 1-ой серии Библиот[еки] науч[ного] соц[иализма].

В случае упорства с Вашей стороны мы предлагаем Вам третейский суд, которому подробно изложим всю историю Ваших сношений с нами, причем я охотно возьму на себя это изложение.

Отказавшись от третейского суда[2], мы найдем другую инстанцию, которая рассудит между нами.

В. Засулич

РГАСПИ. Ф. 270. Оп.1. Д.1. Л. 47 – 48. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

[1] Датируется на основании указания П.Б. Аксельрода в его письме Грозовскому от 7 сентября на приложение письма В.И. Засулич (см. док. 325).

[2] Очевидно, имеется в виду – «в случае отказа Грозовского от третейского суда».

325
П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 7 сентября[1]
Аффольтерн

Господин Грозовский!

Из прилагаемых писем Плеханова и В[еры] Ив[ановны][2] Вы сами увидите, какая разница между Вашими сообщениями и моих товарищей. Некоторые из их сообщений я, к сожалению, поздно припомнил, а другие я сам высказывал Вам, хотя и не в решительной форме. Полагаясь на Ваши слова, я оказался несправедливым к моим товарищам. Само собою разумеется, что до окончания спора о «Развитии»[3] нечего толковать о договоре.

Готовый к услугам,

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–46. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 280.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка автора письма.

[2] См. док. 323 и 324.

[3] *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма / Пер. с нем. и предисл. В. Засулич. Женева, 1884 (2-е изд. – Женева, 1892).

326
Грозовский – П.Б. Аксельроду

1892, 20 сентября[1]

М[илостивый] г[осударь]!

Письмо Ваше и Ваших товарищей получил[2]. Пускаться в подробный разбор всего написанного ими, в распутывание хитросплетений и выяснения им истин,

которые, по моему убеждению, очень хорошо известны пишущим, у меня нет ни времени, ни охоты. Охоты нет потому, что я считаю бесплодным толковать об истинном характере фактов там, где факты эти стараются во что бы то ни стало извратить (я имею при этом в виду письмо г. Плеханова). Но очевидно Ваши товарищи считают свои доводы очень вескими и свои рассказы настолько правдоподобными, что им поверят все товарищи-социалисты всех национальностей. На этот счет они ошибаются. Я оставил бы их в приятном заблуждении, если бы убеждение это не определяло в значительной степени их поведения. Поэтому решаюсь еще раз,– надеюсь, что это будет последний раз, – высказаться о «наших разногласиях». Я думаю, что мои объяснения, представляя только восстановление истины, будут более правдоподобны. Сделаю это по возможности в немногих словах, касаясь притом главных пунктов. Начинаю с письма г. Плеханова.

1. «Система» ведения дела была выбрана и установлена не мною, а г. Плехановым. Она состояла в том, чтобы вести переговоры со мною с глазу на глаз (в мае), причем г. Плеханов говорил мне, что и на будущее время желает придерживаться той же системы, что он, приезжая, будет скрывать свое пребывание в Цюрихе во время переговоров со мною. Тогда я на это не обратил должного внимания. Теперешнее положение дела выяснило мне, что такое поведение было расставленной мне ловушкой, в которую я и попался.

2. Г. Плеханов обращает большое внимание на то обстоятельство, что я в письме к нему не назвал точно суммы, данной мною на брошюру «Фейербах», а предоставил ему самому сделать расчет, и видит в этом скрытые соображения. Напрасно он так далеко ищет мотивов. Я думаю, что он знает те мотивы, которые могли меня заставить так писать, хотя бы я при этом никаких планов не имел, мотивы, которые должны были заставить меня писать так, а не иначе. Вот они. Наши денежные счеты и отношения были кристаллически ясны в тот момент, когда я получил от г. Плеханова ни с того ни с сего письмо. По тону это было настоящее помпадурское послание, написанное на грязном клочке бумаги, в котором он требовал, чтоб я ему немедленно назвал данную сумму. Так как недоразумений по денежным делам между нами в то время никаких не было, то подобное обращение, ничем не вызванное, могло только быть (в лучшем для г. Плеханова случае) результатом подозрений. Это вызвало с моей стороны единственно возможный ответ: я отослал письмо г. Плеханова обратно и предложил ему самому сделать расчет, руководствуясь при этом данными, нами установленными и слишком хорошо нам всем известными. О том, что г. Плеханов будет столь «своеобразно» истолковывать мое письмо, я в то время, конечно, догадываться не мог, в противном случае я устроился бы, разумеется, иначе.

3. Вопрос о франках действительно мелочный вопрос. Сожалею, что г. Плеханов заметил это только теперь, не я поднял этот вопрос, а раз он был поднят, его нужно было разрешить. Что касается прошлого, то важно отметить в нем следующий факт, имеющий тесную связь с интересующим нас вопросом. В мае месяце, когда г. Плеханов просил аванс на брошюру о капитализме и мы производили расчет, сколько приходится получить г. Плеханову гонорару, ему вдруг показалось, что он должен получить по сто франков за лист оригинала и по пятидесяти за лист перевода, но мне не пришлось даже делать ему на этот счет возражений. Он моментально сам тогда припомнил, что следует ему согласно условию по девяносто за лист оригинала и по сорока пяти за лист перевода. Это произошло во время нашего свидания в Stadtkeller'е. Что г. Плеханов непости-

жимым образом не может попасть в денежных вопросах ins klare[3], Вам докажет еще следующий факт. При расчете по изданию брошюры «Людвиг Фейербах» он требовал с меня через Вас по сто фр. и по сорока пяти фр. за лист, притом за восемь листов вместо семи с половиной, в счете, который он прислал мне, он требует уже за семь с половиной листов по девяносто шести и по сорока восьми. Вы же сами заявили, что помните размеры условленного между нами гонорара, именно: девяносто и сорок пять франков за лист. В следующие после заключения нашего договора свидания мы в этом пункте ничего не изменили. Заявление мое, будто бы г. Плеханов получил авансом на брошюру о капитализме от меня пятьсот франков (так пишет в письме ко мне г. Плеханов), не было никогда мною сделано и ссылаться на него значит ссылаться на факт, никогда не имевший места. О мелочности денежных наших расчетов не г. Плеханову говорить и не мне слушать. Я доказал рядом фактов (даже недавно в разговоре с Вами я согласился устроить, чтобы и г. Засулич получала гонорар за свои брошюры или переводы), там, где дело шло о сотнях франков, а не о франках, что я не сторонник мелочных счетов. Далее, я утверждаю, что только г. Плеханов должен был получать согласно нашему договору гонорар и никто другой. При последнем свидании нашем я согласился на Ваше предложение выплачивать также гонорар за работы г. Засулич, написанные для наших общих изданий. При такой постановке вопроса делаются очевидно два положения: 1) что спор об этом пункте теряет практическое значение (если принять в расчет, что по условию Вы должны написать брошюру листа в четыре. Останется очень немного листов, которые может написать г. Плеханов или г. Засулич); 2) что никаких расчетов иметь я не мог, утверждая, что только г. Плеханов должен по условию получать гонорар и никто другой; между тем г. Плеханов, очевидно, желает подсунуть мне какие-то расчеты.

4. Говоря, что мне не прислали корректур, я говорил не о тех местах примечаний, где говорится о категорическом императиве Канта или о Штраусе. Я говорю о местах, которые касаются русской жизни, русских писателей и т.д. Что присылка этих корректур была обязательна по условию, это доказывается письмами г. Плеханова, в которых он извещает меня об их высылке (причем они высланы не были).

5. Того факта, что группой были изданы наконец-таки брошюра о «Фейербахе» и «Развитие научного социализма» я никогда не отрицал, а следовательно, незачем приписывать мне подобную нелепость.

6. Г. Плеханов объясняет неудобствами обстановки, в которой нам приходилось беседовать, тот факт, что биография Энгельса попала в издание «Развитие научного социализма» без моего ведома и согласия. Во-первых, г. Плеханов мог обсудить со мною этот вопрос на другой день, когда я был в Морнэ и когда обстановка оказалась уж настолько благоприятной; что можно было в продолжение двух часов разводить на бобах об организации напр[имер] и других материях, с нашим делом нисколько не связанных. Во-вторых, г. Плеханов, находя удобным писать мне после моего пребывания в Морнэ и Женеве «приказы» о высылке денег Господину Директору[4], мог написать также об этом. Или неужели этот вопрос менее важен, чем вопрос о деньгах?

7. Вопрос о тридцати франках я считаю поконченным и разрешенным тем расчетом, который мы сделали после выхода брошюры о «Фейербахе». Я говорю о счете, который мы оба подписали. Зачислять эти тридцать франков в счет гонорара за изменения приложения к брошюре «Кто чем живет?» я не вижу на-

добности. Чтобы избежать новых препирательств, если дело идет только о получении тридцати франков вперед, я согласился бы дать еще тридцать франков вперед на брошюру о капитализме, но это будут другие тридцать франков. С теми же считаем дело поконченным. Таковы замечания и возражения, которые я имею сделать на письмо г. Плеханова. Разумеется, я считаю ниже своего достоинства пускаться в разбор письма, поскольку оно теряет деловой характер и переходит на почву личных «задираний»[5].

[Перехожу к письму г. Засулич. Произведению этому нельзя отказать в оригинальности. Г-жа Засулич ищет объяснения моему поведению и действительно находит объяснение, не лишенное остроумия. Жаль, что этим остроумием нельзя насладиться от души, т.к. г. Засулич пришлось многое забыть, а многое своеобразно истолковать, чтобы обосновать свои предположения.

Я, мол, предлагал, по словам г. Засулич, группе направить дело с Селитренным в мою пользу, иначе я грозился мстить группе. Чтобы заявить это, нужно было, повторяю, многое забыть.

1. Г. Засулич говорила мне, что группе нет никакого дела до г. Селитренного, что она желает остаться в стороне и вообще избавиться от этого субъекта. Она настоятельно просила меня при этом не поднимать сызнова парижской истории и не касаться суда, в котором г. Плеханов фигурировал в качестве судьи. Я заявил г. Засулич в ответ на это, что специального интереса выволакивать парижское дело и участие в нем г. Плеханова я не имею, но что если ходом дела буду вынужден, то не остановлюсь перед угрозами группы. Если это почему-либо не в интересах группы, то пусть она позаботится о том, чтобы дело можно было покончить иначе, напр[имер], пусть она выдаст Селитренному аттестацию как честному человеку. В этом смысле группа, по моим словам, могла употребить свое влияние, чтобы дать мне возможность уладить дело согласно интересам участников и, главное, предотвратить от себя неприятную для нее почему-то перспективу толков о парижском деле. Я предлагал ей, следовательно, употребить свое влияние в свою пользу, а не в мою. Точно так же я не грозил группе, что «не забуду» etc. Эти слова были сказаны, но в другой части разговора и в другой связи. Я сказал, что не забуду, как г. Плеханов держит свое слово. Речь шла о невмешательстве Плеханова. Как видите, это нечто совершенно другое, и напрасно г. Засулич ищет так далеко натянутых объяснений для наших недоразумений. Во всяком случае, письмо ее подтверждает вполне мое убеждение, именно, что группа подняла в деле с Селитренным против меня систематическую травлю за границей с тем, чтобы потом сваливать на наши личные распри коренные и существенные деловые разногласия. Могу на это только заметить, daβ Sie haben die Rechnung ohne den Wirth gemacht[6]. Г. Засулич забывает, что наши разногласия вообще значительно старее, чем дело с г. Селитренным и что возникли они на чисто деловой почве. Я принял свои меры, чтобы такое беспорядочное смешение личных и революционных дел не было возможно и во всякое время смогу доказать истинные мотивы наших «расхождений», смогу восстановить их историю и точную хронологию. Что касается «недоразумений» данной минуты, то незачем, повторяю, притягивать для их объяснения давность дела с Селитренным, чувство меры etc. (считаю ниже своего достоинства квалифицировать подобные приемы и в случае повторения их буду оставлять письма без ответа: единственно возможное и достойное в таких случаях поведение). Мотивы этих недоразумений – в том, что группа не исполняла нашего договора, и только в этом.

Далее г. Засулич говорит относительно суда[7]. Очевидно, она не понимает, насколько эта угроза недействительна, можно даже сказать – неразумна.

Если бы между нами третейский суд и состоялся, то его компетенции подлежал бы вопрос, кто из нас был прав, кто стоял в своем поведении на почве договора, кто от него отступил. Чтобы выяснить суду истинный характер наших отношений, причины и сущность наших разногласий, его необходимо нужно будет посвятить во все детали нашего знакомства. Вы помните, что наши деловые разногласия начались довольно давно, они существовали, еще когда проектировалась моя поездка в Россию, что мы тогда разошлись коренным образом по вопросу об организации кружков в России и отношении их к группе, что мы разошлись по вопросам тактическим etc. Затем мое отношение к группе еще более обострилось, когда я познакомился поближе с финансовыми операциями. При этом факты придется выложить перед судом, указать, что случай со мною не единственный, что таких и подобных разногласий с группой было много. Придется заставить продефилировать перед судом целый ряд свидетелей и т.д. Это единственно возможная, по самому существу дела, постановка. Придется втиснуть отношения внутри группы. Только при соблюдении этих всех условий суд сможет вынести сколько-нибудь толковый приговор, и я, разумеется, должен буду позаботиться, чтобы условия эти были соблюдены; разумеется также, что я постараюсь заинтересовать в нашем споре всю эмиграцию и что приму меры, чтобы в судьях были люди вполне независимые в своих убеждениях. Повторяю, только при такой постановке дела оно может быть решено удовлетворительно. Поверят ли словам группы социалисты всех национальностей, этого я не знаю. Но что они о многом должны будут задуматься, это не подлежит никакому сомнению. Если даже и поверят многие группе, то я все-таки надеюсь, что социалисты одной национальности поверят мне: это социалисты русской национальности, проживающие в России, с которой группа до сих пор имеет так мало связей. Таким образом придется поставить разбирательство нашего дела, если мы вообще станем судиться[8].

Это все, что имею сказать по поводу писем Ваших товарищей. Разбираю все эти материи в последний раз, так как считаю подобную переписку, как сказал уже в письме, совершенно бесплодною; притом же мне пришлось бы нанять секретаря, чтобы иметь возможность отвечать на такие послания своевременно].

По поводу Вашего письма могу Вам сказать только, что Ваши сожаления о несправедливости Вашей к товарищам неосновательны. Вы судили не по моим словам, а по своим собственным убеждениям, основанным на знании фактов[9]. Письма Ваших товарищей, как вообще всякие препирательства, не в состоянии вывести дела из мертвой точки, в которую оно начинает попадать, – более того, они именно делают его продолжение невозможным. Единственный исход из этого положения заключается в том, чтобы покончить с этими разногласиями, гарантируя невозможность их повторения. В последние свидания наши я выяснил Вам, что не я вызвал недоразумение, а г. Плеханов и что терпеть подобное поведение впредь я не желаю и не могу. Таким образом я отдал Вам книги в руки, т.е. поставил свое отношение к вашей группе в зависимость от отношения вашей группы к договору, заключенному между нами. Очевидно, что Вы собираетесь идти по раз избранному пути невыполнения взятых на себя обязательств: Вы обещали доставить мне 330 экз. брошюры «Фейербах» в продолжении недели от 1-го с[его] м[есяца] и до сих пор этого не сделали. Призываю Вас еще раз выполнять наше условие. Смогу ли я оплатить брошюру «Разв[итие]

научн[ого] соц[иализма]» и насколько смогу это сделать, это я узнаю на днях. (Возражения г. Засулич по этому поводу по моему мнению неосновательны). Во всяком случае, могу Вам сказать заранее, что до изложения нашего договора письменно во всех деталях не может быть и речи об оплате этого издания. Оплата его, в каком бы размере она ни произошла, будет еще одной лишней уступкой произволу группы. Итак, если желаете покончить дело, то приступите немедленно к изложению нашего условия. Оно тем более необходимо, что мне, может быть, придется посвятить в это дело и другого человека. Ввиду предстоящих мне разъездов, навряд ли я буду в состоянии продолжать лично его ведение. Как я говорил Вам, в 20-х числах с[его] м[есяца] я буду проездом в Швейцарии. Нужно воспользоваться этим временем, чтобы привести дело в порядок. В переписке это потребует в 10 раз больше времени. В Цюрихе буду три-четыре дня и предупрежу Вас о своем приезде. Вы с своей стороны приготовьте все 330 экз. брошюры «Фейербах» и условие, под которым согласятся подписаться также Ваши товарищи.

В случае отрицательного ответа я прекращаю всякие сношения по этому делу, а о третейском суде мы договорим м[еся]ца через три, когда дела позволят мне иметь постоянное местожительство. Раньше я надеюсь выяснить Вам сущность и «условия» суда.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–59. Черновой автограф.
Опубл. частично: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12.
С. 280–284. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировка автора письма.
[2] См. док. 323, 324 и 325.
[3] В точку (*нем.*).
[4] Речь идет о Глико.
[5] Весь последующий текст, заключенный в квадратные скобки, в первой публикации был опущен.
[6] Вы составили счет без хозяина заведения (*нем.*).
[7] Далее зачеркнуто: «Она употребляет этот третейский суд в виде призрака, который должен запугать мое воображение и если не смягчить мое сердце, то уж непременно сделать более доступным мой карман».
[8] Далее зачеркнут большой фрагмент письма: «Это еще очень большой вопрос, и как ни желательно было бы мне выяснить наконец, открыть сущность наших отношений и сделать их повторение по отношению к кому-нибудь другому невозможным, этот вопрос навряд ли придется разрешить утвердительно. Г. Засулич знает очень хорошо, что я не собираюсь сидеть за границей до тех пор, пока в России будет конституция, что мне может во всякое время представиться необходимость ехать в Россию. Г. Засулич знает также, что огласка моих отношений к группе и гласный процесс с нею сделает такую поездку для меня невозможною, что законспирировать наш спор нельзя будет, а привлекать на себя внимание русского правительства и его шпионов мне ввиду моих планов более чем невыгодно. Зная все это, мне предлагают либо уступить незаконным требованиям группы под угрозой затруднить или даже сделать мне невозможной поездку в Россию, т.е. лишить меня возможности работать на пользу революц[ионного] дела (угроза действительно серьезная, не особенно благовидная), либо же судиться (и таким образом группе придется избавиться от человека, который, опираясь на материальные средства и связи, может содействовать распространению в России взглядов и организационных попыток, не симпатичных и не выгодных для группы). Политика очень ясная, и всякий сумеет найти подходящее название для такого способа отделаться от противников. Но я эту попытку выволоку на суд общественного мнения. Если дело дойдет до суда, я укажу, зачем нужен был суд группе, какие скрытые цели группа при этом преследует, я сошлюсь при этом на настоящее письмо,

доказывая, что группа была мною предупреждена. Мои товарищи, здесь и в России, поверят, а там посмотрим, что скажет суд, согласие на который у меня придется вынуждать, как он мне с другой стороны ни желателен самому».

[9] Далее зачеркнуто: «Все вышеизложенные соображения, точно так же, как письма Ваших товарищей, не выводят дела из мертвой точки. Если желательно его двинуть вперед, то нужно приступить совершенно с другой стороны и оставить препирательства как бесплодные и затягивающие дело. Разумеется, прошлое не может пройти бесследно, и я должен <…>».

327

П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 25 сентября
Цюрих

Милостивый государь!

Письмо Ваше от 20 сентября[1] с припиской от 24-го[2] я получил сегодня, точнее сегодня прочел, а получил вчера в Афф[ольтерне] уже почти перед сном. По прочтении приписки, в которой Вы предлагаете новое свидание, я готов был согласиться на это предложение. Но чтение письма Вашего изменило, во всяком случае поколебало, мое намерение. Из Вашего письма я решительно не усматриваю пользы в предлагаемом Вами свидании. Мне придется только устно еще раз, а может быть и несколько раз, выслушать то, что уже содержится в Ваших письмах. Да и как и о чем мы будем толковать прежде, чем Вы исполните свои обязательства по отношению к группе, уплатив расходы по изданию «Р[азвитие] н[аучного] с[оциализма]»? Что касается до «Фейербаха», то можете получить его хоть сейчас. Я писал в Женеву, чтобы там выдали 330 экз[емпляров], но теперь оказывается, что у них не хватает экз. и они просят у меня. Люксембург может засвидетельствовать, что я в самый день Вашего отъезда поспешил к Вам для сообщения о прибытии книги. Я тут остаюсь до понедельника после обеда, так что можете сами или через кого-нибудь из знакомых реализировать[3] наше взаимное обязательство. Впрочем, если бы я уехал, то Кальм[ансон] выдаст по Вашей записке в обмен на 130 фр. условленное число экз[емпляров].

Готовый к услугам

П. Аксель[род]

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 – 61 об. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 284.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] См. док. 326.

[2] О какой приписке говорит П.Б. Аксельрод, установить не удалось.

[3] Так в тексте.

328
П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 1 октября[1]
Аффольтерн

Г-ну Грозовскому.

М[илостивый] г[осударь]! Плеханов едет по моему приглашению в Цюрих для переговоров по известному Вам делу. Я только не знаю, заедет ли прямо в Цюрих или через Люцерн, предварительно заедет в Аффольтерн. В последнем случае я бы Вам предложил приехать на денек сюда. Если мы решим последнее, то извещу Вас телеграммой. Имейте это в виду.

Готовый к услугам

П. Аксельрод

P.S. Если Вам никоим образом нельзя отлучиться из Цюриха, то хорошо сделаете, известив меня об этом телеграммой. А то может выйти чепуха и замедление в нашем свидании.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 62–63. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 284.
Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датировано автором письма.

329
П.Б. Аксельрод – Грозовскому

1892, 3 октября[1]
Цюрих

Господин Грозовский!

Плеханов здесь, но раньше 3 часов мы будем очень заняты, а на случай непредвиденных обстоятельств лучше назначить нам время свидания на 6 часов вечера. Место свидания определите Вы. А то не лучше ли будет нам всем отправиться в Аффольтерн? Поезд туда идет в 6 ½ часов вечера. Если Вы это предпочитаете, так сойдемся на вокзале к 6 часам. Словом, предоставляю Вам определить место свидания.

Жду ответа.

П. Аксельрод

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 64. Автограф. Опубл.:
Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 284.
Публикуется по автографу.

Приемчания

[1] Датировка автора письма.

330

Условие группы «Освобождение труда» и Грозовского о прекращении общих изданий[1]

1892, 7 октября[2]
Цюрих

Мы, нижеподписавшиеся П. Аксельрод, Г. Плеханов от имени группы «Освобождение труда» и М. Грозовский, заключаем нижеследующее условие.

1. Всякие дальнейшие отношения по делу общих изданий прекращаются между нами от сего 7 октября 1892 г.; таким образом мы уничтожаем все наши взаимные обязательства и разрешаем все споры, возникшие между нами по этому делу.

2. Мы сводим счеты по изданию брошюры «Развитие научного социализма» (II-ое изд.), причем Грозовский оплачивает счет при подписании сего условия.

3. Отчет о покрытии Грозовским всех расходов по изданию брошюры «Развитие научного социализма» должен быть опубликован в ближайшем издании группы «Освобождение труда» в следующей форме: «Все расходы по изданию брошюры «Развитие научного социализма» в размере пятисот пятнадцати франков покрыты Городниным».

4. В десятидневный от сего числа срок группа «Освобождение труда» должна передать Грозовскому 330 экземпляров брошюры «Развитие научного социализма».

5. Четыреста пятьдесят франков, взятые Плехановым у Грозовского авансом на издание брошюры о капитализме, поступают как взнос в пользу издания брошюры «Земля и воля»[3], причем Грозовский никаких дальнейших обязательств по изданию этих брошюр на себя не берет.

6. По выходе брошюры «Земля и воля» Грозовскому должны быть переданы сто пятьдесят экземпляров ее.

7. Получение 450 фр. на издание этой брошюры должно быть опубликовано на ее обложке.

П. Аксельрод
Г. Плеханов
М. Грозовский

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 64–64 об. Автограф П.Б. Аксельрода. Опубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С. 284–285. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Название документу дано составителями данного сборника.
[2] Датировано составителями документа.
[3] Данная брошюра опубликована не была.

Список
не разысканных писем членов группы «Освобождения труда», упоминаемых в публикуемых документах

1884, лето. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 3.

1884, 13 (25) сентября. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 4.

1884, 13 (25) сентября. Г.В. Плеханов – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 4.

1884, 13 (25) сентября. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 4.

1884, вторая половина сентября. Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду. Письмо из Одессы. См. док. 4.

1884, октябрь? В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 6.

1884, 22 ноября (4 декабря). В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 7.

1885, январь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 8.

1885, январь. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Письмо из Цюриха. См. док. 8.

1885, середина февраля. Л.Г. Дейч – В.И. Засулич. Письмо из Одессы. См. док. 9.

1885, лето. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 10.

1885, конец февраля. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 11.

1885, середина марта. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 11.

1885, конец апреля. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 12.

1885, конец апреля. Г.В. Плеханов – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 12.

1885, конец апреля. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 12.

1885, лето. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. 5 писем из Женевы. См. док. 17 и 20.

1885, сентябрь. Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду. Письмо из Иркутска. См. док. 20.

1885, сентябрь. Л.Г. Дейч – Г.В. Плеханову. Письмо из Иркутска. См. док. 20.

1887, начало декабря. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Почтовая карта из Давоса. См. док. 26.

1887, начало декабря. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 26.

1888, начало. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 27.

1888, до 16 февраля. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Женевы. См. док. 32.

1888, февраль. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Женевы. См. док. 31.

1888, март. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Женевы. См. док. 36.

1888, апрель. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 34.

1888, апрель. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Божи над Клараном. См. док. 34.

1888, май. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 37.

1888, май – июнь. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Почтовая карта из Божи над Клараном. См. док. 38.

1888, ранее 30 июня. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Божи над Клараном. См. док. 40.

1888, около 23 июля. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Божи над Клараном. См. док. 42.

1888, август. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Божи над Клараном. См. док. 50.

1889, начало января. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 54.

1889, до 4 марта. П.Б. Аксельрод - Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 56.

1889, до 20 марта. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Кларана. См. док. 57.

1889, до 29 марта. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Кларана. См. док. 58.

1889, март. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Почтовая карта из Женевы. См. док. 59.

1889, середина апреля. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Кларана. См. док. 63.

1889, апрель. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 60.

1889, не позже мая. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 61.

1889, июнь. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Кларана. См. док. 62.

1889, начало июля. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Кларана. См. док. 64.

1889, первая половина августа. П.Б. Аксельрод - Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 65.

1889, первая половина августа. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Кларана. См. док. 66.

1889, август. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Кларана. См. док. 69.

1889, сентябрь. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Письмо из Цюриха См. док. 70.

1889, октябрь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Кларана. См. док. 71.

1889, конец. Л.Г. Дейч – В.И. Засулич. Почтовая карта из Карийска. См. док. 73.

1890, февраль. Г. В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Письмо из Морнэ. См. док. 74.

1890, февраль. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 78.

1890, 29 марта. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 75.

1890, август. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 83.

1890, сентябрь - октябрь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. 2 письма из Морнэ. См. док. 86.

1890, конец ноября. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 87.

1890, декабрь. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Письмо из Цюриха. См. док. 88.

1890, декабрь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 89.

1891, середина января. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Почтовая карта из Цюриха. См. док. 90.

1891, середина января. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 91.

1891, март - апрель. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. 2 письма из Морнэ См. док. 93.

1891, август. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Цюриха. См. док. 97.

1891, сентябрь. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Морнэ. См. док. 96.

1891, ноябрь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 100.

1891, декабрь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 103.

1892, начало января. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. Письмо из Цюриха. См. док. 105.

1892, январь. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 106.

1892, весна. П.Б. Аксельрод – Л.Г. Дейчу. 2 письма из Цюриха. См. док. 112.

1892. 1 июня. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 111.

1892, 1 октября. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 115.

1893, до 8 января. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Морнэ. См. док. 116.

1893, август. В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу. Письмо из Морнэ. См. док. 131.

1894, февраль. С.М. Ингерман – Г.В. Плеханову. Письмо из Нью-Йорка. См. док. 143.

1894, конец февраля. П.Б. Аксельрод – С.М. Ингерману. Письмо из Цюриха. См. док. 143.

1894, около 8 марта. П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич. Письмо из Цюриха. См. док. 141.

1894, март. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Морнэ. См. док. 143.

1894, март. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Письмо из Женевы. См. док. 145.

1894, март. Г.В. Плеханов – С.М. Ингерману. Письмо из Женевы. См. док. 146.

1894, середина декабря. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 148.

1894, 23 декабря. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 149.

1894, 29 декабря. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 150.

1895, середина января. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Письмо из Женевы. См. док. 151.

1895, 20-е числа января. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. 2 письма из Женевы. См. док. 152.

1895, начало февраля. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 153.

1895, ранее 19 февраля. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Лондона. См. док. 156.

1895, ранее 19 февраля. Г.В. Плеханов - В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 156.

1895, февраль. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. 2 письма из Женевы. См. док. 159.

1895, февраль. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Лондона. См. док. 159.

1895, февраль. П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич. Письмо из Цюриха. См. док. 159.

1895, до 3 марта. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Почтовая карта из Женевы. См. док. 161.

1895, март. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 167.

1895, апрель. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 168.

1895, апрель. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Лондона. См. док. 169.

1895, июнь – июль. Л.Г. Дейч – В.И. Засулич. Письмо из Карийска. См. док. 174.

1895, лето. В.И. Засулич – Г.В. Плеханову. Письмо из Лондона. См. док. 171.

1895, лето. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 171.

1895, после 10 августа. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 173.

1895, сентябрь. Г. В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 174.

1895, октябрь. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 175.

1895, октябрь. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Письмо из Женевы. См. док. 176.

1895, ноябрь. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 177.

1896, до 9 января. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Лондона. См. док. 180.

1896, до 11 января. П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 181.

1896, январь. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 187.

1896, конец января – начало февраля. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 190.

1896, март. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Письмо из Женевы. См. док. 198.

1896, апрель. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 205.

1896, май. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 208.

1896, июнь. П.Б. Аксельрод - Г.В. Плеханову. Письмо из Цюриха. См. док. 213.

1896, конец июня. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 218.

1896, июнь – июль. П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич. 2 письма из Цюриха. См. док. 223.

1896, лето. Л.Г. Дейч – В.И. Засулич. Письмо из Карийска. См. док. 225.

1896, конец августа. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. 2 письма из Лондона. См. док. 227.

1896, конец августа. П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич. Заказное письмо из Цюриха. См. док. 227.

1896, до 4 сентября. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Лондона. См. док. 229.

1896, до 18 сентября. Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду. Письмо из Нерви. См. док. 231.

1896, начало ноября. В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду. Письмо из Лондона. См. док. 237.

1896, ноябрь. П.Б. Аксельрод – Р.М. Плехановой. Письмо из Цюриха. См. док. 239.

1897, ранее 18 января. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 243.

1897, ранее 6 февраля. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 246.

1897, февраль. П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич. Письма из Цюриха. См. док. 249.

1897, февраль. Г.В. Плеханов и И.С. Блюменфельд – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 251.

1897, до 10 марта. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 256.

1897, до 10 марта. П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич. Письмо из Цюриха. См. док. 256.

1897, март. П.Б. Аксельрод – С.М. Ингерману. Письмо из Цюриха. См. док. 257.

1897, май. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 265.

1897, август. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. 2 письма из Женевы. См. док. 277 и 280.

1897, лето. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. 2 телеграммы из Женевы. См. док. 284.

1897, до 4 сентября. П.Б. Аксельрод – С.М. Ингерману. Письмо из Цюриха. См. док. 286.

1897, середина сентября. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 291.

1897, 4 декабря. Г.В. Плеханов – В.И. Засулич. Письмо из Женевы. См. док. 299.

Научное издание

Из архива группы «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча.
Вып. 1: 1883–1897 гг.

Корректор *Рынькова Г.Н.*
Оригинал-макет *Хрюкин Н.Б.*
Художественное оформление *Яковлев В.Ю.*

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38-334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 14.05.2009. Формат 70×100 1/16
Уч.-изд. л. 38,5. Печ. л. 34,5
Тираж 800 экз. Заказ № 693.

Отпечатано в ОАО «Московская типография № 6».
115088, Москва, ул. Южнопортовая, 24.

Борис Иванович Николаевский, российский социал-демократ, специалист по истории русского революционного движения, архивист, публикатор документов, основатель серии **«Русский революционный архив»**

Готовятся к выходу в свет следующие издания серии:

Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 2: 1898–1903 гг.

Из архива А.Н. Потресова. Вып. 3: 1905–1914 гг.

Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 3

Из архива П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Вып. 1: 1901– июнь 1907 г.

Из архива П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Вып. 2: июль 1907– июль 1914 г.

Из архива А.Н. Потресова. Вып. 4: июль 1914–1934 гг.

Из архива П.Б. Аксельрода Вып. 2: 1913–1928 гг.

Из архива П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Вып. 3: июль 1914–1923 г.

Памятники исторической мысли